Священное Писание

в толкованиях святителя Иоанна Златоуста

Том IX

Послания ап. Павла

Ефесянам · Филиппийцам

1 и 2 Фессалоникийцам

1 и 2 Тимофею

Титу · Филимону

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Златоу́сте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.

Священное Писание
в толкованиях святителя
Иоанна Златоуста

Том IX

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том IX. Беседы на Послание к ефесянам. Беседы на Послание к филиппийцам. Толкование на Первое послание к фессалоникийцам. Толкование на Второе послание к фессалоникийцам. Толкование на Первое послание к Тимофею. Толкование на Второе послание к Тимофею. Толкование на Послание к Титу. — М.: «Ковчег», 2006. — 912 с.

ISBN 5-98317-091-0

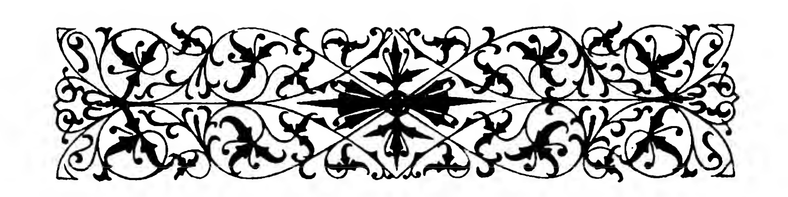
Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 57,0 п. л. Усл. печ. л. 36,76.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2583

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.



СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

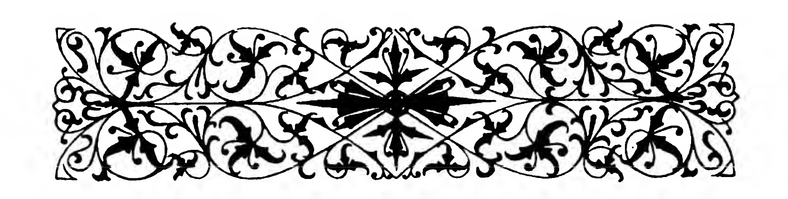
ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ



БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ефес – главный город (Малой) Азии. Он был посвящен Артемиде, где она и пользовалась особенным уважением, как высшая богиня. И благоговение перед ней ее почитателей было так велико, что они не хотели обнаружить имени того, кто сжег храм ее; а он был сожжен. Здесь долгое время жил блаженный Иоанн Евангелист, который сюда был сослан (в заточение), здесь и скончался. Апостол Павел здесь оставил после себя, Тимофея, о чем он говорит в послании к нему: *якоже умолих тя пребыти в Эфесе* (1 Тим. I, 3). Здесь были и многие философы, особенно из славившихся в Азии. Говорят, что здесь был и Пифагор, потому что Самос, откуда он происходил, был остров Ионийский. То же должно сказать о Пармениде, Зеноне и Демокрите, да и теперь еще можно найти там многих философов. Об этом мы замечаем не без цели, но чтобы показать, что много нужно было (апостолу) Павлу тщания, когда он писал к ним (ефесянам) свое послание. Говорят, что он, когда еще (изустно) оглашал их, уже доверил им глубочайшие истины (веры). По крайней мере само послание исполнено возвышенных созерцаний и догматов. Писано оно из Рима, где (Павел) находился в узах, как он и сам говорит: *молитеся о мне, да дастся ми слово во отверзение уст моих с дерзновением сказати тайну благовествования, о немже посолствую во узах* (Еф. VI, 19). Оно исполнено весьма возвышенных и необъятных созерцаний; в нем он объясня-

ет то, о чем почти нигде не говорил, например, когда говорит: *да скажется ныне началом и властем на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия* (Еф. III, 10); и в другом месте: *воскреси и спосади нас на небесных* (Еф. 11, 6); и еще: *яже во инех родех не сказася, ныне открыся святым его апостолом и пророком Духом, быти языком снаследником и стелесником и спричастником обетования Его о Христе* (Еф. III, 5, 6).

БЕСЕДА I

Павел посланник Иисус Христов волею Божиею, святым сущим во Эфесе и верным о Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Еф. I, 1, 2)

1. Вот (апостол) и к (Богу) Отцу прилагает: (через). Что ж? Назовем ли мы Его меньшим? Нисколько. *Святым,* пишет он, *сущим во Ефесе и верным о Христе Иисусе.* Вот святыми называет мужей, которые имеют и детей, и жен, и слуг. А что он их разумеет, здесь видно из конца послания, где он говорит: *жены, своим мужем повинуйтеся* (Еф. V, 22), и в другом месте: *чада, послушайте ваших родителей* (VI, 5), и еще: *раби, послушайте господий* (VI, 5). Подумаем же, какая теперь царит беспечность, как сильно ослабела ревность к добродетели и как было много добродетельных тогда, если и миряне назывались святыми и верными! *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.* Сказал о благодати и призвал Бога Отца, потому что это (призывание) есть знак (преподания) благодати. Каким образом? Послушай, что он говорит в другом месте: *понеже есте сынове, посла Бог Духа Сына своего в сердца ваша вопиюща: Авва Отче* (Гал. IV, 6). *И Господа Иисуса Христа,* — потому что для нас Христос родился и явился во плоти. *Благословен,* пишет он, *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа.* Вот, Он — Бог воплотившегося, или иначе: Отец Бога Слова. *Благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (ст. 3). (Апостол) намекает здесь на благословение иудеев, потому что и это — благословение, но не духовное. Что в самом деле было сказано им? *Благословит тя Бог. Благословит*

плод чрева твоего (Втор. VII, 13), и благословит вход твой и исход твой. Здесь же не так. Как же? *Всяцем благословением духовным.* Чего же еще тебе недостает? Ты стал бессмертным, свободным, сыном, праведным, братом, сонаследником; будешь вместе царствовать, вместе прославишься; все тебе даровано: *како убо*, говорит, *не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? Величие твое прославляется ангелами, херувимами и серафимами. Чего еще недостает? *Всяцем благословением духовным:* о телесном здесь (не говорится) ничего. Напротив, для того, чтобы отклонить от всего телесного и направить нас к духовному, (еще Спаситель) говорил: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). Как владеющие телесным не могут слышать о духовном, так точно ищущие духовного не могут его достигнуть, пока наперед не оставят телесного. Что значит: *благословение духовное в небесных*? Значит то, что не земные (обещаются им блага), как иудеям (которым обещано было), что благая земли снедят, что наследят землю, кипящую медом и млеком, и что благословит Бог землю их (Ис. I, 19; Исх. XXXIII, 3; Пс. LXXXIV, 13; Втор. XV, 4). Здесь (не обещается) ничего такого. Что же? *Любяй Мя заповеди Моя соблюдет*, и Я и Отец *приидем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). *Иже слышит словеса Моя сия и творит я*, уподобится *мужу мудру, иже созда храмину свою на камени, и возвеяша ветры, и приидоша реки, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени* (Мф. VII, 24, 25). Что другое означает этот камень, как не небесные предметы, не подлежащие никакому изменению? *Всяк иже исповесть Мя*, говорит (Спаситель), *пред человеки исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже есть на небесех;* и: *иже отвержется Мене, отвергуся его и Аз* (Мф. X, 32, 33); и в другом месте: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят;* и еще: *блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное;* и опять: *блажени изгнали правды ради, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. V, 8, 3, 10, 12). Видишь ли везде небеса и нигде ни земли, ни того, что на земле? И опять: *наше житие на небесех есть, отонуду же и Спасителя ждем Господа Иисуса* (Флп. III, 20); и еще: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 2). *О Христе Иисусе,* то есть через Христа Иисуса, а не через Моисея — это благослове-

ние; а потому не только качеством, но и посредником (благословения) мы превосходим иудеев, о чем он говорит и в послании к Евреям: *и Моисей убо верен бе во всем дому Его, якоже слуга во свидетельство глаголатися имевшим, Христос якоже Сын в дому своем, егоже дом мы есмы* (Евр. III, 5, 6). *Якоже*, говорит, *и избра нас в Нем прежде сложения мира, быти нам святым и непорочным пред Ним* (ст. 4). Слова эти значат: через кого Он благословил нас, через того и избрал. Итак Сам Он здесь дарует нам все это; Сам будет судьей и скажет: *приидите благословенни Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34); и в другом месте: *хощу, да идеже есмь Аз*, и *тии будут* (Ин. XVII, 24).

2. И во всех почти посланиях (апостол) старается показать, что не новость какая-нибудь соделанное для нас; но что издревле так было предызображено, и не по причине изменения намерения (Божия это случилось), но так именно было предустроено и предопределено. И это — дело великого попечения (Божия). Что значит: *избра в Нем*? Значит — Христос через веру в Него совершил это прежде, чем мы родились, или лучше — прежде, чем мир сложен. И прекрасно назвал (апостол сотворение мира) *сложением* (низвержение с высоты), показывая этим, что мир как бы низвержен с какой-то великой высоты. Подлинно, велика и неизреченна высота Божия, — не в отношении к месту, но в отношении к безграничности природы (божественной), — и велико расстояние между тварью и Творцом. Да посрамятся еретики, слыша это! Для чего избрал? Для того, чтобы быть нам святыми и непорочными перед Ним. А чтобы ты, услышав, что Он избрал, не подумал, что достаточно одной веры, (апостол) указывает и на жизнь: для того, говорит он, избрал нас, и на то, чтоб мы были святы и непорочны. Избрал Он некогда и иудеев. Каким образом? Народ этот, сказано, избрал Я из народов (см.: Втор. VII, 6; XIV, 2). Если же люди, при выборе, избирают лучшее, то тем более Бог.

И избрание служит свидетельством, с одной стороны, человеколюбия Божия, с другой — добродетели избранных. Без сомнения, Он избрал тех, которые заслуживают этого; Он сделал нас святыми, но нужно, чтобы и мы были достой-

ны быть святыми. Свят всякий, приобщающийся вере; непорочен же тот, кто проводит жизнь непорочно. И не простой святости, не простой непорочности Он требует, а такой, которая бы и перед Ним показалась именно такой. Есть ведь святые и непорочные, почитаемые за таковых людьми, на самом же деле уподобляющиеся гробам повапленным или (волкам) ходящим в одежде овечьей. Но не таковых Он избирает, а тех, о которых говорит пророк: *и по чистоте руку моею* (Пс. XVII, 25). Какой (святости Он ищет)? Святости *пред очима Его*, то есть такой, которую видит око Божие. Сказав о добродетелях их (избираемых), потом опять переходит к благодати и говорит: *в любви, прежде нарек нас* (ст. 5), – потому что не за добрые только дела бывает это (избрание), но по любви (к нам), и не по одной любви, но и за нашу добродетель. Если бы достаточно было одной любви, тогда все должны были бы быть спасены; если же, с другой стороны, достаточно нашей добродетели, то излишне было бы явление Его (Сына Божия) в мире и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви, и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе. *Избра нас*, говорит (апостол); избирающий же знает, что он избирает. В *любви*, говорит, *прежде нарек нас*. Не будь любви (Божией), добродетель никого бы не спасла. Скажи мне: много ли бы пользы получил Павел, много ли бы он совершил, если бы не был призван свыше и если бы Возлюбивший его не привлек его к Себе? Или другими словами: дарование столь великих благ есть плод любви (Божией к нам), а не нашей (только) добродетели. Быть добродетельным, веровать и приближаться (к Богу) – это хоть дело и Призвавшего, но, однако же, и наше. А приблизившихся удостоить стольких почестей, чтобы из состояния вражды перевести их в состояние усыновления, – это подлинно дело преизобилующей любви. *В любви*, говорит, *прежде нарек нас во усыновление Иисус Христом в Него* (ст. 5). Замечаешь ли, как ничего – без Христа и ничего – без Отца? Этот преднарек, Тот приводит. И это он утверждает, возвышая бывшее, как и в другом месте говорит: *не точию же, но и*

хвалимся Господем нашим Иисус Христом (Рим. III, 11). Великие, конечно, дарованы блага, но они становятся гораздо многоценнее вследствие того, что дарованы через Христа, потому что к нам – рабам Бог послал не кого-нибудь из рабов, но Своего Единородного. *По благоволению,* говорит, *хотения своего,* то есть потому, что имел сильное желание, или – если угодно – потому, что это составляло Его главное стремление. Благоволение везде означает главное желание (основу других желаний). Есть и другие желания, – первое, например, чтобы не погибли грешники; второе, чтобы сделавшиеся грешниками погибли, потому что мучиться будут они не по необходимости, а по воле (Божией). Это можно видеть и у Павла, например, когда он говорит: *хощу бо, да вси человецы будут, якоже и аз* (1 Кор. VII, 7); и в другом месте: *хощу юным посягати, чада раждати* (1 Тим. V, 14). Таким образом под благоволением он разумеет первое желание, сильное желание, желание с вожделением, повадку. Я не откажусь употребить даже вульгарное выражение, лишь бы уяснить это для простецов; так мы, означая непреодолимое желание, говорим – по нашей повадке. Таким образом сказанное (то есть по благоволению хотения своего) значит, что Он сильно желает, сильно хочет нашего спасения.

Для чего Он так любит нас и где источник такой любви? (Источник) – единственно Его благость, потому что благодать от благости. Потому-то Он и предопределил нас во усыновление, желая, и сильно желая, чтобы тем явить славу благодати Своей. *По благоволению,* пишет он, *хотения своего в похвалу славы благодати своея, еюже облагодати нас о возлюбленнем* (ст. 6), то есть чтобы показать славу благодати Своей, которою Он сделал нас любезными Себе в Возлюбленном.

3. Итак, если Он *облагодати в похвалу славы благодати своея,* чтобы то есть проявить благодать Свою, то и мы постараемся пребыть в ней. *В похвалу славы.* Что это значит? То ли, чтобы кто восхвалял Его? Чтобы кто прославлял? Мы, ангелы, архангелы и вся тварь? Что же это? Нет! Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он жела-

ет, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того, чтобы через это соделать теплее нашу любовь к Нему. Не требует Он от нас ни служения, ни прославления, ничего другого; Он желает одного – спасения нашего, и все делает для этого. В самом деле, славословящий и благоговеющий перед благодатью, явленною в Нем, будет внимательнее и рачительнее (к своему спасению). *Ею же облагодати нас,* – не сказал: (благодать) которую даром дал, но – которою облагодатил нас, то есть не только от грехов избавил, но и соделал любезными Себе. Представим себе: если бы кто, взявши чесоточного, покрытого язвами, удрученного болезнью, старостью, бедностью и голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, красота которого привлекала бы к себе всех людей, щеки сияли бы, взоры, при каждом мановении, бросали бы солнечные лучи; потом, если бы оставил его навсегда в этом цветущем возрасте, а сверх того облек его в багряницу, в диадему и во все царские украшения: вот так именно и преобразил (Бог) нашу душу, соделав ее и красивой, и привлекательной, и любезной, так что на такую душу желают взирать ангелы, архангелы и все другие (небесные) силы. Так Он соделал нас любезными и вожделенными Себе: *и возжелает,* сказано, *царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 12). Заметь, какие горькие (речи) мы прежде высказывали и какие благодатные теперь говорим! Мы дивимся не (земным) сокровищам, не тому, что здесь, а небесным, тому, что на небесах. О дитяти, которое, при красоте лица, умеет еще приятно говорить, не говорим ли мы: какой это милый ребенок! Таковы именно верные. Послушай, какие речи они говорят, когда приобщаются таинств. Что может быть вожделеннее тех уст, которые, произнося дивные речи, с великим блеском и дерзновением, с чистым сердцем и нескверными (губами) приобщаются таинственной трапезы? Что вожделеннее тех слов, которыми мы отрицаемся диавола и сочетаваемся Христу, того исповедания – перед купелью и после купели? Подумаем же, как многие растлили (благодать) крещения, и в покаянии вздохнем, чтобы нам опять воспринять ее. *О возлюбленнем,* говорит, *о немже имами избавление кровию Его*

(ст. 7). Не то только здесь удивительно, что предал Сына Своего, но и то, что Возлюбленный был заклан. Великое преизобилие (любви)! Предал Возлюбленного за ненавистных. Смотри, как Он ценит нас! Если же, когда мы Его ненавидели и были врагами, Он предал Возлюбленного, то чего же Он не сделает, когда мы удостоимся, через благодать, примирения с Ним? *Оставление прегрешений*, говорит (апостол). От высшего нисходит к низшему. Сказавши наперед об усыновлении, святости и непорочности, потом уже говорит о страдании, не уменьшая и не низводя речи от предметов важных к малым, а от малых восходя к великим. В самом деле, нет ничего столько великого, как пролитие за нас крови Божией; что Бог Сына Своего не пощадил, это важнее и усыновления и других даров. Великое, бесспорно, дело — отпущение грехов, но оно становится еще больше, когда совершается кровью Владычнею. А что это далеко выше всего, смотри, как сильно выражается здесь (Павел), говоря; *по богатству благодати Его, юже преумножил есть в нас*. И то богатство, но это гораздо большее. *Юже преумножил*, говорит, *в нас*. Богатство было, и Он его еще преумножил, то есть излил неизреченно (обильно). Невозможно словом представить, что сделано для нас. Нам (даровано) богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но божественное, так что слово совершенно бессильно выразить его. Желая же показать, как даровал (благодать) в преизобилии, прибавляет: *во всякой премудрости и разуме, сказав нам тайну воли своея*, то есть Он соделал нас мудрыми и разумными истинной мудростью и истинным разумом.

4. О, какая любовь! Сказал нам тайны Свои — *воли своея*, или, говоря другими словами, открыл нам то, что у Него в сердце. Такая тайна, в самом деле, исполнена всякой мудрости и разума. Что назовешь ты равным такой мудрости? Нас, ничего нестоющих, Он взыскал, чтобы возвести в богатство. Что сравнится с такой изобретательностью? Тот, кто был врагом, (существом) мерзким, вдруг возводится горé. И не в этом только премудрость, но и в том, что совершается в такое время, и в том, что через крест.

Долго нужно объяснять, сколько явлено в этом премудрости и как Он через это снова сделал нас мудрыми. *По благоволению своему,* продолжает (апостол), *еже прежде положи в Нем* (ст. 9), то есть это было сильное и сердечное желание Его – как-нибудь сказать нам тайну (воли Своей). Какую же? Ту, что Он желает человека посадить горé. Это (желание) исполнено. *В смотрение исполнения времен возглавити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли в Нем* (ст. 10). Небесное и земное были отторгнуты одно от другого и не имели одной главы. В отношении творения был один Бог, а в отношении объединения этого не было, потому что, когда разлилась языческая прелесть, люди отторглись от повиновения. *В смотрение,* пишет, *исполнения времен.* Исполнением времен он назвал самое (домостроительство). Заметь, как отчетливо он выражается. Показывая, что начало (спасения нашего), предложение, желание и первое стремление – в Отце, а исполнение его на деле – через Сына, он нигде, однако же, не называет Его (Сына) слугой. *Избрал,* говорит, нас *в Нем, прежде нарек нас в усыновление Иисус Христом в Него и в похвалу славы благодати своея, о немже имамы избавление кровию Его, еже прежде положи в Нем в смотрение исполнения времен, возглавити всяческая о Христе,* – и нигде не назвал Его слугой. Если скажешь, что частицы (в), (через) указывают на (звание) слуги, то заметь, как они здесь употребляются. В самом начале послания (апостол) сказал: *волею Отца.* Отец, говорит, восхотел, Сын (хотение) исполнил. Здесь нет того, чтобы Сын лишен был действования, потому что Отец восхотел, или чтобы Отец лишен был хотения, потому что Сын действовал; у Отца и Сына все общее. *Моя вся твоя суть и твоя моя,* говорит (Сын) (Ин. XVII, 10). Исполнением времен было Его пришествие. Итак, когда Он все сделал через ангелов, пророков и закон, и нисколько не успел, напротив, находился еще в опасности (раскаяться), что напрасно сотворил человека, что напрасно привел (к бытию) того, кто слишком (имел) преуспевать во зле; когда все без разбору погибали и погибали в большем количестве, чем при потопе, – тогда Он нашел домостроительство посредством благодати, так что (оказалось) Он не без-

рассудно и не напрасно сотворил его. Это исполнение времен он называет и премудростью. Почему? Потому, что люди тогда были спасены, когда всего больше они могли погибать. *Возглавити*, пишет. Что это значит: *возглавити*? Значит: соединить. Впрочем, постараемся быть, как можно, ближе к самой истине. У нас оглавлением обыкновенно называется представление в кратких выражениях того, о чем надобно говорить долгое время, или сокращенное изложение всего, о чем было говорено пространно. Итак, слово это может значить и следующее: устраиваемое столь долгое время домостроительство (нашего спасения) возглавил в Себе, то есть сократил, или говоря кратко, — с соблюдением, впрочем, истины, — и то обнял и новое присоединил. Вот что значит оглавление! Но есть нечто и другое, что также означается (этим словом). Что же это? В Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для ангелов и человеков, то есть одно дал (верховное) начало и ангелам и человекам, одним — (Христа) по плоти, другим — Бога Слова. Как если бы кто сказал о доме, что одно в нем гнило, другое крепко, и возобновил бы дом, то есть сделал бы крепче, подложив более крепкое основание, так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь горé, будет приведено под одну главу. Итак, сподобившись такого дара, такой чести, такого человеколюбия, не посрамим Благодетеля, не сделаем тщетной такую благодать, покажем ангельское житие, ангельскую добродетель и образец жизни. Я прошу и молю о том, чтобы все это не было нам в суд и осуждение, но в получение благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава (и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА II

В немже и наследницы сотворихомся, прежде наречени бывше по прозрению вся действующаго по совету воли своея, яко быти нам в похваление славы Его прежде уповавшим во Христа: в немже и вы, слышавше слово истины, благовествование спасения вашего, в немже и веровавше знаменастеся Духом обетования святым, иже есть обручение наследия нашего, во избавление снабдения, в похвалу славы Его (Еф. I, 11–14)

1. Павел везде, сколько мог, старался показать неизреченное человеколюбие к нам Божие. Что он не в состоянии был показать во всей полноте, об этом послушай, как сам он говорит: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его* (Рим. XI, 33)! Впрочем, сколько мог, показывает. Что же говорит он? *В немже и наследницы сотворихомся, прежде наречени бывше.* Выше сказал: *избра нас;* здесь же говорит: *наследницы сотворихомся* (получаю наследство по жребию). Но так как жребий есть дело случая, а не свободной воли или заслуг, не может быть предусмотрен и зависит от стечения обстоятельств, так что нередко не удостаиваются его и люди добродетельные, напротив, люди, не заслуживающие никакого внимания, выводятся на сцену, – то заметь, как (апостол) дополняет это: *прежде наречени бывше,* говорит, *по прозрению вся действующаго,* то есть не просто мы *наследницы сотворихомся,* как не просто и избрал Он нас. Так как избравший есть Бог, то не случаю, значит, обязаны мы избранием; так как сотворивший нас наследниками – Бог, то, значит, (не случайно) мы получили наследство, а по прозрению. И в послании к Римлянам, рассуждая об этом, он говорит: *сущим по предуведению званным. Ихже призва, сих и оправда, а ихже оправда, сих и прослави* (Рим. VIII, 29, 30). Сказавши прежде о том, что есть званые по предуведению, и между тем желая относительно других показать нечто большее, он говорит также и о наследстве по жребию, чтобы не отнять (от Бога) самовластия. Таким образом он утверждает то, что в особенности

доставляет блаженство: ведь наследство по жребию не есть (награда) за добродетель, а, так сказать, дело случая, — как если бы кто-нибудь сказал: Он избрал нас, бросивши жребий. В самом же деле здесь все сделано преднамеренно, то есть избрав преднареченных (по прозрению), Он отделил их Себе Самому, потому что Он усмотрел нас прежде, чем соделал наследниками. Изумительно божественное предвидение, усматривающее все прежде исполнения! Кроме того, обрати внимание и на то, как (апостол) везде старается объяснить, что все эти дела (устроились) не по причине раскаяния, но что так именно они были предопределены издревле и что все совершено Им согласно с этим (предопределением), так что мы, в этом случае, ничем не меньше иудеев. Но как же, скажешь, Сам Христос говорит: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. XV, 24); и еще апостолам Он говорил: *на путь язык не идите, и во град Самарянский не внидите* (Мф. X, 5); и сам Павел опять говорил: *вам бе лепо первее глаголами слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки* (Деян. XIII, 16)? Все это сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что это сделано в виде ненужной прибавки. *По прозрению*, говорит, *вся действующаго по совету воли своея*, то есть Он все предопределил искони и, кроме этого, не сделал ничего. Таким образом Он действовал до конца по совету воли Своея. И значит, Он призвал язычников вовсе не потому, что иудеи не послушались Его; Он не был к этому приведен или вынужден последними. *Быти нам*, говорит, *в похваление славы Его, прежде уповавшим во Христа: в немже*, то есть через Него, *и вы слышавшие слово истины, благовествование спасения вашего.* Заметь: везде он представляет Христа истинным виновником всего и нигде не называет Его подчиненным или слугою. Подобно этому, он и в другом месте говорит, именно в послании к Евреям: *древле глаголавый отцем нашим во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне*, то есть через Сына. *Слово истины*, — говорит — но не (слово) образа или подобия.

Благовествование спасения нашего. И хорошо называет это благовествование (благовествованием) спасения нашего,

указывая этим, с одной стороны, на закон, с другой – на будущее наказание. Что в самом деле другое означает проповедь, как не благовествование спасения, то есть что достойных погибели Он уже не погубляет? *В немже и веровавше знаменастеся Духом обетования святым, иже есть обручение наследия нашего.* Опять великое промышление показывает это запечатление, – не отделение, не наследие только, но именно – запечатление. Как если бы кто доставшихся ему по жребию отметил (известным знаком), чтобы после узнавать их, так точно и Бог отделил для принятия веры в Него и запечатлел в наследие будущих (благ).

2. Видишь ли, как (Бог) с течением времени соделывает их дивными? Доколе они были только в предведении, до тех пор никому не были известны; а когда получили запечатление, сделались известными, но не как мы, потому что они будут известны, выключая немногих. Получали запечатление и израильтяне, но через обрезание, подобно скотам и бессловесным; запечатлены и мы, но как сыны, Духом. Что значит: *Духом обетования?* Значит, что мы приняли Его по обетованию. Обетований было два: одно – через пророков, другое – от Сына. (Я сказал): через пророков; послушай, что говорит Иоиль: *излию от Духа моего на всяку плоть и прорекут сынове ваши и дщери ваши и юноши ваши видения увидят и старцы ваши сония узрят* (Иоил. II, 28). Послушай затем, что и Христос говорит: *приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли* (Деян. I, 8). Хотя следовало верить Ему, как Богу, но Он на этом очень не настаивает, а производит исследование, как бы (он говорил) о человеке. Как в послании к Евреям он говорит: *да двема вещми непреложными, в них же не возможно солгати Богу, крепкое утешение имамы,* так и здесь то, что уже было даровано, представляет в доказательство исполнения обетования о будущих (благах). Потому-то он и называет (Духа Святого) *обручением* (залогом нашего спасения). Залог бывает обеспечением для всего. Он купил нам наше спасение и пока дал только залог. Почему же не даровал всего тотчас же? Потому что мы, со своей стороны, еще не исполнили

всего. Мы уверовали это лишь начало, и Он даровал залог. А когда веру покажем в делах, и тогда представит нам и все. Он отличил нас и другим образом, даровав нам собственную кровь, и обещал еще другую честь. Как во время войны народы дают друг другу заложников, так точно Бог даровал нам Своего Сына – залог мира и примирения, и из Него Святого Духа. Приобщившиеся (благодати) Духа, без сомнения, знают, что это залог наследия нашего. Таков был Павел, который здесь еще предвкушал то, что там (то есть на небе), который стремился и желал оставить здешний мир, и воздыхал, потому что он, весь ум свой переселив туда, смотрел уже другими глазами. Ты не оправдываешь (веры) делами, – этим сам себя исключаешь из слов (обетований). Если бы мы все приобщились Духа, как следует приобщиться, то и небо узрели бы, и свое будущее там состояние. *Обручение* чего? *Избавления, снабдения.* Совершенное избавление совершится в будущей жизни, потому что теперь мы живем среди мира и много человеческого привходит в нас, и с нечестивыми обращаемся. Когда же не будет ни грехов, ни человеческих страстей, когда мы не будем в перемешку со всеми (нечестивые вместе со святыми), – тогда уже наступит совершенное избавление; а теперь (дан только) залог. Впрочем, нам и теперь должно удаляться земного, потому что наше отечество не на земле; и теперь мы должны быть свободны от того, что здесь, потому что мы еще странники. *В похвалу славы Его,* – это он постоянно повторяет; для чего же? Для того, чтобы вполне убедить слушателей. Если бы Он искупил нас для нас же, как бы так говорит (апостол), то искупление наше не было бы еще несомненно. Если же Он сделал это для Себя, то есть чтобы показать Свою благость, то это служит уже основанием, или как бы ручательством, что обещанное так и случится, как обещано. Мы видим, что и у израильтян часто встречаются подобные выражения: *сотвори со мною имене ради твоего* (Пс. CVIII, 21). В другом месте Сам Бог говорит: *Мене ради сотворю* (Ис. XLVIII, 11). И Моисей (взывает): *сотвори нам имене твоего ради,* если не ради чего другого. Итак, он самым действительным образом убеждает и обнадеживает слушателей, научая их, что (Бог)

ради Своей собственной благости исполнит все, что обещает. Но не будем из-за этого предаваться беспечности. Конечно, Он все делает ради Самого Себя; но, однако же, и от нас требует (соответствующих действий). Если Он говорит, что *прославляющия Мя прославлю, и уничижающия Мя бесчестни будут* (1 Цар. II, 30), то мы должны понять, что и с нашей стороны нечто требуется. Похвала славы Его – в том, чтобы спасти врагов, но эти враги после того, как они сделались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся в прежнее состояние вражды, то все для них будет бесполезно и тщетно.

3. Другой бани пакибытия нет; нет и вторичного приведения; но есть *страшное некое чаяние суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27). Это именно ожидает и нас, если мы, всегда враждовавшие с Ним, будучи удостоены прощения, и после этого не перестанем еще враждовать, будем продолжать предаваться похотям и делаться хуже прежнего; если останемся слепыми и по пришествии Солнца правды. Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Соделай их чистыми, здравыми и зоркими. Он показал тебе свет истинный; но если ты, убегая света, устремишься ко тьме, – какое тогда обретешь ты оправдание, какое прощение? Подлинно никакого, потому что это обнаружит в тебе невыразимую ненависть. Когда бы ты, еще не познав Бога, враждовал с Ним, тогда ты имел бы еще некоторое извинение. А теперь, когда ты вкусил благоволения и сладости (божественной) и, оставляя их, возвращаешься на свою блевотину, то этим обнаруживаешь не что иное, как только знаки великой ненависти и презрения. Не правда, – скажешь, – природа принуждает меня (ко греху); я люблю Христа, но природа поставляет меня в необходимость (грешить). Если бы в самом деле ты грешил по принуждению и против воли, – для тебя было бы еще снисхождение; если же ты падаешь от нерадения, тогда не может быть никакого.

Впрочем, рассмотрим это самое, то есть что бывает причиной грехов, нужда ли и неволя или леность и совершенная беспечность? Сказано, например: *не убий.* Какая необходимость, какое насилие делать это? Напротив, чтобы

убить, нужно употребить (над собой) насилие. Кто в самом деле из нас (без насилия над собой) решится вонзить меч в гортань ближнего и обагрить кровью свою руку? Никто. Не видишь ли, что, напротив, чтобы совершить этот грех, нужно много принуждения и насилия над собой. Бог вложил в нашу природу силу, побуждающую любить других. *Всяко животно,* сказано, *любит подобное себе и человек искренняго своего* (Сир. XIII, 19). Смотри, для добродетели сама природа дала семена; пороки же противны природе, так что если они более господствуют над нами, то это самое служит признаком большой с нашей стороны лености. А что блуд? К нему какая влечет необходимость? Конечно, скажут, тиранство похоти. Как так, скажи мне? Разве нельзя иметь собственную жену и этим уничтожить это тиранство? Но какая-то (страстная) любовь, скажет кто-нибудь, обуяла меня к жене ближнего. Это еще не есть необходимость, потому что любовь не есть дело необходимости; никто не любит по необходимости, а по своему произволению и доброй воле. Иметь совокупление — это, может быть, и необходимость; но любить ту или другую — это уже не есть дело необходимости. И (прелюбодеяние) не есть следствие стремления к совокуплению, а следствие тщеславия, чувственного раздражения и чрезмерного сладострастия. Что, скажи мне, сообразнее с разумом: иметь ли свою жену — общницу рождения детей, или искать какой-нибудь неизвестной? Разве не знаете вы, что привычка порождает дружбу? Итак, блуд не есть дело природы. Я не обвиняю вожделения, но вожделение дано нам для брака и для деторождения, а не для распутства и растления. И законы гражданские, как известно, снисходительно относятся к невольным преступлениям. Но греха собственно нет ни одного, который бы проистекал из необходимости, — все они зависят от испорченной воли. Бог не так создал природу, чтобы необходимо должно было грешить; если бы это было так, тогда не было бы и наказания. А о том, что действительно делается по необходимости и принуждению, мы не заводим и речи, и Бог не взыщет за это, потому что Он человеколюбив и благ. Что же? Уж и воровство не есть ли дело необходимости? Да, скажут, к нему

понуждает бедность. Нет, бедность скорее заставляет трудиться, а не красть. Таким образом бедность производит противное; воровство происходит от лености; а бедность порождает обыкновенно не леность, а трудолюбие. Итак, оно (воровство) есть следствие нерадения. Заметь это! Притом, скажи мне, что труднее, что неприятнее — проводить ли ночи без сна, проламывать стены, бродить во тьме, постоянно тревожиться и готовиться к убийству, дрожать и умирать со страху или ежедневно посвящать себя труду, и вместе с довольством наслаждаться безопасностью? Конечно, последнее легче. А так как оно легче, то большая часть людей и решается лучше на него, чем на первое.

4. Видишь ли, что добродетель сообразна с природой, а порок противен ей, как (противны между собою) болезнь и здоровье. Еще: какая, например, необходимость заставляет лгать и божиться. Никакой нет необходимости, никакой неволи; но мы это делаем по доброй воле. Нам не верят, — скажете вы. Не верят, потому что мы того желаем; ведь нам следовало бы приобретать доверие более своим поведением, чем клятвами. Отчего, скажи мне, одним мы не верим и тогда, когда они клянутся, а других считаем людьми, заслуживающими доверия и без клятвы? Значит, в клятвах нет никакой необходимости. Словам такого-то, говоришь, я верю и без клятв, тебе же не верю, несмотря на твои клятвы. Значит, клятвы излишни, и более свидетельствуют о недоверии, чем о доверии. Кто склонен к клятвам, тот, нельзя сказать, чтобы делал честь своему благородству. И кто решительно при всяком случае употребляет клятву, тот никогда не имеет в ней настоятельной нужды; между тем кто никогда не прибегает к клятве, тот может извлечь из нее пользу. Может быть, клятва нужна для уверения (других)? Нисколько! Мы видим, что не клянущиеся пользуются большим доверием. Еще: есть ли какая-нибудь необходимость досаждать другим? Конечно, скажешь. Внутренний жар возбуждается, воспламеняется и не дает душе покоя. Нет, человек, не от внутреннего жара происходит досада, а от малодушия. Если бы (досада происходила) от сердечной горячности, то все бы люди досаж-

дали (друг другу), и непрестанно бы досаждали. Мы имеем горячность (ревность) в сердце не для того, чтобы досаждать ближним, но чтобы обращать согрешающих, чтобы восставать самим (по падении), чтобы не быть ленивыми. Внутренний жар вложен в нас, как некоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами против диавола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы восставали друг против друга. Мы имеем оружие не для того, чтобы воевать с самими собой, а чтобы употреблять его в войне с неприятелем. Ты гневлив? Будь таков по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственных грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас. Еще: лихоимство бывает ли следствием необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждает грабить? Бедность заставляет, — скажешь ты, — и страх (не иметь) самого необходимого. Но поэтому-то тебе и не должно быть лихоимцем; такого рода богатство не прочно. Ты делаешь то же самое, как если бы кто-нибудь, будучи спрошен, для чего он на песке полагает основание дома, отвечал: (чтоб укрываться) от холода и от дождя. Но для этого-то именно и не следовало бы ставить (дома) на песке, потому что дождь, бури и ветер скоро разрушат его. Поэтому, если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй; если хочешь оставить детям богатство, приобретай (богатство) честное, — если только таковое бывает. Такое богатство твердо и прочно; иное же скоро погибает и уничтожается. Скажи мне: ты желаешь разбогатеть и для этого берешь принадлежащее другим? Но ведь это не богатство; богат тот, кто пользуется собственным, у кого же в руках чужое, тот не богат. Иначе, продающие шелковые одежды, берущие на время одежды других почитались бы богаче и изобильнее всех. Однако ж, несмотря на то, что вещи в их руках, мы не называем их богатыми. Почему? Потому что у них чужое. Если даже одежды принадлежат им, все-таки деньги, которых стоят одежды, не их, а если и деньги их, то и это не составляет еще их богатства. Итак, если полученное взаймы не делает богатыми, так как скоро может быть потребовано назад, то каким обра-

зом от лихоимства можно быть богатым? Если ты желаешь разбогатеть во что бы то ни стало (потому что это не есть дело необходимости), то чем особенно ты хотел бы пользоваться? Не более ли продолжительною жизнью? Но таковые (грабители) большей частью бывают недолговечны; они часто получают, в наказание за хищение и лихоимство, преждевременную смерть, и таким образом мало того, что не наслаждаются богатством, но отходят (от мира), чтобы воспринять геенну; нередко также они погибают, получая болезни или от сладострастия, или от трудов, или от излишних забот. Хотел бы я знать при этом, для чего люди так много заботятся о богатстве? Ведь Бог назначил природе меру и границы, чтобы мы не имели никакой необходимости искать богатства. Он повелел, например, одевать тело одною или двумя одеждами, а затем лишняя не нужна для защиты (тела). Для чего же тысячи одежд, эта молеедина? Положена также мера и в принятии пищи, и употребленное более этой меры необходимо вредит всякому живому существу: для чего же эти стада, пастбища и скопление мяса? Нам нужен только один кров: для чего же эти хоромы, эти многоценные жилища? Чтобы в них обитали коршуны и галки в то время, как бедные люди лишены всякого крова? Какой геенны не заслуживает это? Многие нередко в местах, которых никогда не видали, воздвигают из гранитных столбов и дорогого мрамора великолепные здания (чего только не выдумают?); но ни сами, ни кто другой не пользуются ими. Пустынность места не дозволяет жить в этих зданиях, которые таким образом остаются без употребления. Видишь ли, что не по необходимости они воздвигаются? Но причиной всего этого – безумие, глупость и тщеславие, которых, умоляю, будем избегать, чтобы мы смогли избегнуть и других зол, и удостоиться благ, обещанных любящим Его во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА III

Сего ради и аз, слышав вашу веру о Христе Иисусе и любовь, яже ко всем святым, не престаю благодаря о вас, поминание о вас творя в молитвах моих, да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, даст вам духа премудрости и откровения, в познание Его: просвещенна очеса сердца вашего, яко уведети вам, кое есть упование звания Его и кое богатство славы достояния Его во святых, или кое преспеющее величество силы Его в нас верующих по действу державы крепости Его, юже содея во Христе, воскресив Его от мертвых (Еф. I, 15—20)

1. Нет ничего, с чем бы можно было сравнить апостольское благорасположение, — что было бы подобно тому сочувствию и той нежной любви, которыми был исполнен блаженный Павел, во всех своих молитвах поминавший целые города и народы. *Благодарю Бога о вас, поминание о вас творя в молитвах моих,* — так он обыкновенно писал всем. Представьте же, сколь многих он имел в мыслях своих! Даже и помнить было трудно, — так много было людей, о которых он молился, благодаря Бога за всех, как будто те величайшие благодеяния (какие они получили) получил он сам. *Сего ради*, говорит, то есть ради будущих благ, которые ожидают право верующих и живущих. Впрочем, должно благодарить Бога за все, что Он сделал для рода человеческого и до этого и после этого, — должно благодарить Его и за веру верующих. *Слышав*, говорит, *веру вашу о Христе и любовь, яже ко всем святым.* Везде он соединяет и сближает веру и любовь, как некую дивную двоицу; о любви же их говорит не к туземцам только, но ко всем (христианам). *Не престаю благодаря о вас, поминание о вас творя в молитвах моих.* О чем же он просит, о чем молит? О том, *да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, даст вам духа премудрости и откровения.* Двум истинам Он хочет научить их, как следует: к чему они призваны и каким образом избавлены от исконных (зол). Между тем Сам говорит, что этих (истин) три. Каким же образом их три? Начнем с будущего. Из

уготованных благ мы узнаем неизреченное и преизбыточествующее богатство Его. А из знания о том, каковы мы и как уверовали, узнаем силу и могущество Его – обратить к Богу бывших столь долгое время в отчуждении. *Немощное Божие крепчае человек есть* (1 Кор. I, 25). Той же самой силой, которой воскресил Христа, Он и нас привлек к Себе. И сила Его выказалась не только в воскресении, но и в гораздо большем: *и посадил одесную Себе, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имене именуемаго; и вся покори под нозе Его, и того даде главу выше всех Церкви, яже есть тело Его, исполнение исполняющаго всяческая во всех* (ст. 20–23). Подлинно великих и неизреченных таинств соделал Он нас участниками – таинств, которые понимать могут только приобщившиеся Святого Духа и удостоившиеся великой благодати. Потому-то и Павел начинает свою молитву словами: *Отец славы*, то есть (Отец), даровавший нам великие блага. Он всегда называет Его сообразно предмету (о котором говорится), как например, когда говорит: *Отец щедрот и Бог всякия утехи* (2 Кор. I, 3), и как еще пророк (сказал): *Господь крепость моя и прибежище мое* (Пс. XVII, 3). *Отец славы*. (Апостол) не находит такого слова (которым бы мог вполне изобразить уготованные Богом блага) и везде называет их славою, как словом, обозначающим для нас всякого рода величие. Смотри: (Бога Отца апостол называет) Отцом славы и Богом Христа. Что же? Разве Сын имеет меньше славы? Нет, никто, даже безумный, этого не скажет. *Да даст вам* (духа премудрости), то есть возвысит и воскрылит ваш ум, потому что иначе нельзя познать этого. *Душевен бо человек не приемлет, яже духа Божия: юродство бо ему есть* (1 Кор. II, 14). Значит, чтобы понимать духовное, видеть сокровенное, – нужна и мудрость духовная. Дух открывает все и разъясняет самые тайны Божии. Знание тайн Божиих принадлежит одному Духу, который *испытует и глубины Божия* (1 Кор. II, 10), и ни ангел, ни архангел, ни иная какая сотворенная сила не подаст, то есть не доставит, вам этого дарования. Если же это есть плод откровения, в таком случае излишни все умствования, потому что углубившийся в (созерцание) Бога и познавший Его ни в чем не усомнится,

не будет говорить: вот это возможно, а это невозможно; не будет рассуждать, каким образом то или другое могло случиться. Если бы и мы познали Бога как должно, если бы познали от того, от кого следует познавать, от самого Духа, то мы уже ни в чем более не сомневались бы. Потому-то (апостол) и говорит: *в познание Его просвещенна очеса сердца вашего.* Наученный, что есть Бог ни в обетованиях, не усомнится, ни обнаружит неверия в то, что уже было. Вот почему он и молится о даровании им духа премудрости и откровения. Впрочем, сам (апостол), что можно, доказывает и посредством умозаключений, (заимствуя основания для них) от того, что уже совершено. Так как он намерен говорить, с одной стороны, уже о совершившемся, а с другой – еще о не совершившемся, то тем, что совершено, он утверждает веру в то, что еще не совершено, как это видно из следующего: *яко уведети*, говорит, *вам, кое есть упование звания Его, – (упование)* пока еще неизвестное, говорит, но не для верных, – *и кое богатство славы достояния Его во святых,* – тоже пока еще неизвестное. Что же известно? То, что мы веруем, что Он *Своей силою* воскресил Христа. Возбудить веру в душах гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого. Как так? Постараюсь сделать это ясным. Послушай, в самом деле: Христос сказал мертвому: *Лазаре, гряди вон* (Ин. XI, 43), и (мертвец) тотчас повиновался. Сказал Петр Тавифе: *Тавифо, восстани* (Деян. IX, 40), и та не противоречила. Скажет Господь в последний день – и все восстанут, притом с такой быстротой, что остающиеся еще в живых не предупредят умерших, и все это совершится и окончится в самое краткое время – в одно мгновение ока.

2. Но не так бывает в деле обращения к вере. А как же? Послушай опять, что говорит (Господь): *коль краты восхотех собрати чада твоя и не восхотесте* (Лк. XIII, 24). Теперь понимаешь, что труднее? Потому-то (апостол верой) и доказывает все. В самом деле гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу. Причина же заключается в том, что Бог желает, чтобы мы сами добровольно делались добрыми. Таким образом (апостол) совершенно справедливо видит *преспеющее ве-*

личество силы Его в нас верующих. Когда пророки ничего не помогли, когда (не помогли) ангелы и архангелы, вся видимая и невидимая тварь, — видимая, будучи выведена на сцену, не смогла руководить, а невидимая во многом успела, — тогда благоволил явиться Сам (Бог), показывая этим, что в деле (обращения к вере) нужна сила божественная. *Богатство славы,* то есть славу неизреченную. В самом деле, чье слово в состоянии представить ту славу, которой сподобятся некогда святые? Конечно, ничье. Чтобы уразуметь это, поистине нужна благодать, — нужно воспринять хоть малый луч (духовного света). Было известно нечто (из божественных истин) и прежде; но ныне Он восхотел научить большему и совершеннейшему ведению. Видишь ли, что Он совершил? Воскресил Христа; и это уже немаловажное дело; но смотри, что и еще (Он сделал): посадил Его одесную Себя. Какое слово может изобразить это? Сущего от земли, того, кто был безгласнее рыб, кто был игрушкой (подвергался искушениям) демонов, — вдруг возвел на высоту. Поистине преизобильно величие силы Его!

И смотри, куда Он возвел Его. Посадил Его *на небесных* превыше всякого сотворенного естества, превыше всякого начальства и власти. *Превыше,* говорит, *всякаго начальства.* Потому, поистине, нужен Дух (благодати), нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, — словом, для этого нужно откровение. Представь, как велико расстояние между человеческой и божественной природой; между тем Он от этого (человеческого) ничтожества возвел Его в ту (божественную) честь. Не одну, не две, не три степени нужно перейти для этого. Потому-то и (апостол) не просто сказал: выше, но — превыше. Превыше вышних сил — один Бог. И туда-то Он возвел сущего от нас — от крайнего уничижения Он возвел на крайнюю степень власти, за которою уже нет другого (высшего) достоинства. *Всякаго начальства,* говорит, то есть (превыше) не того или другого, но всякого *начальства и власти и силы и господства, и всякаго имене именуемаго;* что бы ни было на небе, Он сделался превыше всего. Все это (говорил апостол) о Воскресшем из мертвых, и все это достойно удивления, а никак не о Боге-

Слове. Ведь что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди перед Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (см.: Ис. XL, 15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы. Итак, не о Боге-Слове говорил так (апостол), а о Том, Кто от нас. Это подлинно велико и чудно, – что Он из преисподних земли возвел Его. Если все народы (перед Богом) как капля, то один человек лишь малейшая частичка капли. И между тем Бог соделал Его выше всех *не точию в веце сем, на и в грядущем,* – значит, имена некоторых сил (небесных) нам не объявлены еще и неизвестны, – и вся *покори под нозе Его.* Не просто сказал: сделал *превыше* (всех), чтобы предпочесть им, – не в смысле сравнения употребил это слово; но поставил его как бы господином над рабами. О, подлинно дивные дела! Через то, что Бог-Слово вселился (в наше естество), человеку вся сотворенная сила сделалась рабыней. Но, может быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого хотя нет подчиненных, но кто обладает большим достоинством? Здесь и это неприложимо: *вся покори под нозе Его,* не просто покорил, но покорил до совершенного подчинения, так что большего подчинения быть не может. Потому-то (апостол) и сказал: *под нозе Его. И того даде главу выше всех Церкви.* О, и Церковь куда Он возвел! Как бы некоторой машиной поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую, и посадил ее на том же престоле, потому что где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главой и телом, и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тела, ни главы. *Выше всех,* говорит. Что значит – *выше всех?* Или – что Христос выше всего видимого и созерцаемого умом, или – что высшее из всех благодеяний, оказанных Им, то, что Сына Своего соделал главой, не оставив при этом никого выше – ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем (преимуществом Бог) почтил нас, что сущего от нас возвел горé, но еще и тем, что предуготовал то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел то же, что Он и наследовал Его (славу). *Яже есть тело Его.* Чтобы ты, услышав слово «главу», не принял его в

значении только власти, но в смысле собственном, не счел Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: *исполнение исполняющаго всяческая во всех.* Он считает как бы недостаточным (название главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говорит? Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головою. Видишь, каким оружием пользуется апостол, как он не останавливается ни перед каким оборотом речи, чтобы представить Божию славу. *Исполнение,* говорит, то есть как глава пополняется телом, потому что тело составляется из всех (своих) членов, и каждый член необходим для другого. Видишь, как (апостол) представляет, что (для Христа как главы) нужны все вообще члены, потому что если бы многие из нас не были – один рукой, другой ногой, третий иным каким-либо членом, то тело Его было бы не полно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значит: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом.

3. Видишь ли *богатство славы достояния?* Видишь ли *преспеющее величество силы в верующих?* Видишь ли *упование звания?* Почтим же нашу Главу; подумаем о том, какой Главы мы тело, – которой все покорено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих ангелов и выше архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они. *Не от ангел* Бог принял естество, как говорит (апостол) в послании к Евреям, но *от Семене Авраамова* (Евр. II, 16). Не власти, не начала, не господства, не другой какой силы, а наше принял Он естество и посадил горé. И что я говорю: посадил? Соделал Своею одеждою, и не это только, но и все покорил под ноги его. Сколько бы раз сам ты ни умирал, сколько бы, – хотя бы тысячи и более, – раз ты ни полагал душу свою, но ты не скажешь, чтобы сделал хотя что-нибудь равное (тому, что Христос сделал). Он совершил два великих дела: сам снизошел до последней степени уничижения и человека возвел на великую высоту. (Апостол) прежде сказал о Его уничижении; здесь же говорит о

деле еще высшем, истинно великом и главном. Если бы мы и не были превознесены (через Его уничижение), было бы довольно (того, что Он сделал для нас); или если бы и были удостоены (столь высокой чести), но без Его жертвы (то этого тоже было бы довольно). Но когда Он совершил и то и другое, то, для изображения всего этого, самое богатое слово остается недостаточным и бессильным. Самое воскресение представляется уже не столь великим, когда подумаю об этом. Не о Боге-Слове, а о Нем (Христе уничиженном) говорит: *Бог Господа нашего Иисуса Христа.* Почтим же близость родства; убоимся, чтобы не отсекся кто от этого тела, чтобы не ниспал кто и не явился недостойным. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадему, золотой венец, — скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадема покрывает нашу голову, а Сам Христос сделался нашею Главою, что гораздо выше, — а между тем мы не придаем этому никакой цены. Ангелы, архангелы и все (небесные) силы благоговеют перед нашею Главою, а мы — тело Ее ужели не почтим Ее ни за Ее уничижение, ни за наше возвышение? Какая же после этого останется у нас надежда на спасение?

Напечатлей в уме своем этот царский трон, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Если бы и не было геенны, то для нас — удостоенных столь великой чести и потом оказавшихся недостойными ее и злыми, — (лишение этой чести) какое было бы наказание, какое мучение? Представь, близ кого восседит твоя Глава, — одного этого совершенно довольно для всего, — одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого начальства, и власти, и силы: а тело Ее и бесы попирают? Но да не будет! Если бы было так, то не было бы уже и тела. От Главы твоей в благоговении отступают самые почетнейшие из рабов: неужели же тело ты отдашь на поругание? Какого наказания не будешь ты достоин в таком случае? Если бы кто ноги царя заковал в цепи и надел на них кандалы, разве такой не был бы повинен самому жестокому наказанию? А ты все Тело Его отдаешь лютым зверям и не содрогаешься? Но так как у нас зашла речь о

Теле Господнем, то вот вспомним и то тело, которое было распято, пригвождено и приносится в жертву. Если ты – Тело Христово, то неси крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздьми; таково было Его Тело, хотя оно было безгрешно: *греха не сотвори*, сказано, *ниже обретеся лесть во устех Его* (Ис. LIII, 9). Руки Его действовали только для облагодетельствования нуждающихся. Уста Его не произнесли ничего неприличного; *беса имаши*, говорили Ему, а Он и здесь не сказал ничего вопреки (Ин. VII, 20). И так как мы говорим о Теле Его, то приобщающиеся Тела и пьющие Кровь Его – помните, что мы приобщаемся Тела, нисколько не различного от того Тела, которое восседит горé, которому поклоняются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, – это именно (Тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим Телом, дал нам Свое Тело, – и все это не отвлекает нас от зла. О, омрачение! О, великое унижение! О, бесстыдство! *Горняя*, сказано, *мудрствуйте, идеже есть Христос, одесную Бога седя* (Кол. III, 2); а между тем одни заботятся о богатстве, другие пленяются страстями.

4. Разве вы не видите, что если у нас на теле появляются лишние и ненужные наросты, то мы их срезаем и отнимаем прочь. В особенности бесполезны для тела наросты безобразные, омертвевшие, или сгнившие, от которых между тем может заразиться и все тело. Но мы не решимся утверждать, чтобы существо наше состояло из одного тела. Если же тело, несмотря на то что оно вещественно, подвергается, однако ж, отсечению, то какие ужасы должно будет испытать нам, если духовная наша сторона не пребудет здравою? Когда тело наше не принимает пищи, когда проходы закрыты, – оно умирает; когда засорены каналы – оно повреждается. Так точно бывает и с душой: когда мы закрываем уши (к слушанию слова Божия) – она повреждается. Когда мы не воспринимаем духовной пищи, когда некоторые худые наклонности, подобно испорченным жидкостям, наполняют нас и начинают вредить нам – тогда все это производит болезнь, болезнь жестокую, оканчивающуюся совершенным изнурением. В этом случае

для спасения нужно прибегнуть или к прижиганию, или же к отсечению, потому что Христос никому с таким (испорченным) телом не дозволит войти в чертог Свой. Если Он вывел и изгнал вон одевшихся в нечистые одежды, то чего Он не сделает, каких мер не употребит против того, кто допустит нечистоту в теле?

Замечаю, что многие просто, как случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чем с рассуждением и сознательно, приобщаются Тела Христова. Настало, говорят они, время святой Четыредесятницы, или день Богоявления, всем, — каков бы кто ни был (по внутреннему расположению), — должно приобщиться тайн. Но время не дает права приступать (к таинству), потому что не праздник Богоявления и не Четыредесятница делают приступающих достойными, но светлость и чистота души. С этими качествами приступай всегда; без них — никогда. *Елиждъ бо*, говорит (апостол), *сие творите, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. XI, 26), то есть совершаете воспоминание о своем спасении и о Моем благодеянии. Припомни, с каким страхом приступали к участию в древних жертвоприношениях. Чего не делали, чего не совершали предварительно? Они всегда наперед очищались; ты же, приступая к жертве, которой ангелы трепещут, определяешь совершение этого дела известным временем? Как предстанешь ты после того перед судилище Христово, ты, который нечистыми устами и руками осмеливаешься принимать Тело Его? Ты и царя не осмелишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запах: как же ты с зловонной душой дерзаешь лобызать Царя небесного? Такой поступок — оскорбление для Него. Скажи мне, дерзнул ли бы ты с неомытыми руками приступить к жертве? Не думаю. Напротив, ты скорее решишься вовсе не приступать, чем (приступить) с нечистыми руками. А между тем, в малом показывая такую осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имея нечистую душу? Ведь в руках она бывает только временно, а душу совершенно проникает. Притом, разве ты не видишь, как чисто вымыты и как ярко блистают (священные) сосуды? Души же наши должны быть еще чище, святее и светлее.

Почему так? Потому, что сосуды так (вымываются и очищаются) для нас; они не впитывают в себя, не чувствуют того, что в них; мы же — напротив. Как же после этого ты, который наверно не захотел бы (при богослужении) употребить неочищенный сосуд, приступаешь (к таинству) с неочищенного душою? Великую вижу здесь несообразность. В другие времена, бывая (в душе) чище, вы, однако же, не приобщаетесь; в Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О, обычай! О, предрассудок! Напрасно приносится ежедневная жертва, напрасно предстоим мы перед олтарем Господним, — никто не приобщается! Впрочем, это я говорю не с тем, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготовляли себя самих к достойному приобщению. Если ты недостоин приобщения, то недостоин и участия (в литургии верных), и значит — в молитвах. Ты слышишь, как диакон возглашает: елицы в покаянии, изыдите все. Которые не приобщаются, те в покаянии; если и ты в покаянии, то ты не должен приобщаться, потому что не приобщающийся бывает из числа кающихся. Для чего после этого (диакон) говорит: изыдите немогущие молиться, а ты продолжаешь бесстыдно стоять? Но ты ведь из числа не их (кающихся), а могущих приобщаться? И, однако, ж не обращаешь на это никакого внимания и как бы считаешь это дело ничтожным?

5. Посмотри, умоляю тебя: вот стоит царская трапеза; ангелы служат трапезе; сам Царь здесь присутствует. А ты стоишь небрежно, нет у тебя никакой мысли, и к тому же — в нечистых одеждах. Но одежды твои чисты? В таком случае приступи и приобщись. Сам (Царь) каждый раз приходит видеть присутствующих здесь; со всеми беседует; вот и теперь в вашей совести говорит вам: други, как вы здесь стоите, не имея брачного одеяния? Не сказал (Господь не имевшему брачной одежды) (см.: Мф. XXII, 12): для чего ты возлег? — но сказал, что он недостоин был приглашения и (значит) входа; не сказал же: для *чего тебя* пригласили, но — для чего ты вошел? То же самое *говорит* Он теперь, обращаясь и ко всем нам, бесстыдно и дерзко стоящим. Всякий, кто не приобщается святых таин, стоит бесстыдно и

дерзко; потому-то прежде всего изгоняются те, которые — во грехах (кающиеся). Как во время трапезы в присутствии господина низшим слугам не позволяется участвовать в ней и они высылаются вон, так должно быть и здесь. Когда износится жертва и в жертву предлагается Христос — это Владычнее овча; когда слышишь: помолимся все вместе; когда видишь, что поднимается завеса, — то представляй себе, что разверзаются небеса, и свыше нисходят ангелы. Как никому из непросвещенных нельзя бывает присутствовать, так равно нельзя присутствовать и нечистым, хотя бы и просвещенным. Если бы кто, будучи позван на пир, изъявил на это согласие, явился и уже приступил бы к трапезе, но потом не стал бы участвовать в ней, то — скажи мне — не оскорбил ли бы он этим звавшего его? И не лучше ли было бы таковому вовсе не приходить? Точно так и ты пришел, пел песнь, как бы признавая себя вместе со всеми достойным (святых тайн), потому что не вышел с недостойными. Почему же ты остался, а между тем не участвуешь в трапезе? Я недостоин, говоришь ты. Значит: ты недостоин общения и в молитвах, потому что Дух нисходит не только тогда, когда предложены (дары), но и когда поются (священные) песни. Разве ты не видел, как наши слуги сначала обмывают губкою стол, очищают дом, и потом уже ставят блюда? (В храмах) это самое совершается молитвами, возносимыми диаконом, которыми, как губкой, мы омываем церковь, чтобы совершить предложение в чистой церкви, чтобы не было здесь ни одного пятна, ни одной пылинки. А действительно бывают в церкви такие, которых глаза недостойны видеть (то, что здесь представляется взорам), которых уши недостойны слышать (то, что здесь возглашается). Если скот прикоснется к горе, сказал (некогда Господь), будет побит каменьями (см.: Исх. XIX, 13). И (израильтяне) не удостоены были и восхода (на гору), хотя после они восходили и видели, где стоял Господь; им можно было после приходить и видеть. Удались и ты, когда (Бог) здесь присутствует; тебе еще более непозволительно быть здесь, чем оглашаемому. Ведь не все равно — никогда не приобщаться тайн, и — после того, как удостоился их, пре-

небрегать ими, оскорблять их и делать себя недостойным их. Можно было бы сказать и еще большее и страшнейшее; но, чтобы не отяготить вашего ума, довольно и этого. Если это не образумит вас, то и большее (не будет иметь успеха). Итак, чтобы не постигло вас большее осуждение, умоляю вас не о том, чтобы вы не приходили сюда, – нет, – но о том, чтобы вы вели себя так, чтобы быть достойными входить сюда и присутствовать здесь. Если бы какой-нибудь царь приказал следующее: кто сделает то или другое, тот не будет удостоен моей трапезы, то, – скажи мне, – ради этого не сделали ли бы вы тогда всего? (Бог же) призвал нас на небеса, к трапезе Царя великого и дивного, – а мы отказываемся, медлим, не спешим воспользоваться этим призывом? Какая после этого у нас надежда на спасение? Нельзя в этом обвинять немощь – нельзя обвинять природу. Беспечность – вот что делает нас недостойными, как это и было сказано нами. Умиляющий сердца и подающий дух умиления пусть умилит и ваши сердца и насадит в них глубоко семена (благочестия), чтобы вам принять их в душу свою со страхом, возродить в себе дух спасения и иметь дерзновение приступать (к таинству причащения). *Сынове твои*, сказано, *яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея* (Пс. CXXVII, 4). Пусть не будет в нас ничего ветхого, ничего дикого и грубого, ничего недозрелого! Такие только новонасаждения способны дать плод, плод дивный, разумею – масличный, и могут присутствовать окрест трапезы, и притом не просто и не как попало собираться сюда, но со страхом и трепетом. Тогда и там мы будем взирать на Самого Христа с дерзновением, и удостоимся небесного царствия, которое и да получим все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И вас сущих прегрешении мертвых и грехи, в нихже иногда ходисте по веку мира сего, по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления, в нихже и мы вси жихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии (Еф. II, 1—3)

1. Есть смерть телесная, есть и духовная. Подвергнуться первой — не грешно и не страшно, потому что это — дело природы, а не доброй воли; явившись вследствие первого грехопадения, смерть телесная потом сделалась необходимою для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть — духовная, — так как происходит от доброй воли, подвергает ответственности и не имеет никакого извинения. Но посмотри, как Павел, показав прежде самым ясным и убедительным образом, что исцелить умерщвленную (грехами) душу гораздо труднее, чем воскресить мертвого, теперь опять говорит об этом великом (деле человеколюбия Божия) и излагает его следующим образом. *И вас*, говорит он, *сущих прегрешенми мертвых и грехи, в нихже иногда ходисте по веку мира сего, по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления*. Замечаешь ли ты кротость Павла, с какою он увещевает слушателя, нисколько не устрашая его? Сказавши, что вы дошли до крайней степени зла (а быть мертвым это именно и значит), он затем, чтобы не слишком опечалить их (так как люди обыкновенно смущаются, если им выставляют на вид их прежние преступления, будь это преступления гибельные или не заключающие в себе ничего особенно опасного), указывает им на помощника, который содействовал им дойти до такой степени зла, и на помощника сильного; и это делает с той целью, чтобы они не подумали, будто они одни во всем виноваты. Кто же этот помощник? Диавол. Подобным же образом (апостол) поступает и в Послании к Коринфянам. Сказав: *не льстите себе: не блудницы, ни идолослужители* и затем, перечислив и других грешников и прибавив: *царствия Божия не наследят*, потом говорит: *и сими нецыи бе-*

сте. Не сказал просто: *бесте,* но *нецыи бесте,* то есть такими когда-то и вы были.

Тут сильно восстают на нас еретики, которые утверждают, что все это должно быть приписано Богу, и, не удерживая необузданного своего языка, усвояют Богу то, что составляет дело одного диавола. Чем же мы заградим их уста? Их же словами. Вы признаете же (скажем мы), что Бог правосуден; если же Он это сделал, то это не только не свидетельствует о Его правосудии, а, напротив, показывает крайнюю несправедливость и беззаконие. А беззаконным, без сомнения, Бог никогда не мог быть. Почему (апостол) называет диавола князем этого века? Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему и все служат ему добровольно и намеренно. Христу, хотя Он обещает бесчисленные блага, никто ее внимает; а ему, – хотя он ничего подобного не обещает, а, напротив, препровождает в геенну, – повинуются все. Он властвует в этом веке, у него слуг больше, нежели у Бога, и ему, за исключением немногих, охотнее повинуются, чем Богу; и все это происходит от нашей беспечности. *По (князю),* говорит, *власти воздушныя духа.* Это говорит (апостол) с тем, чтобы показать, что (диавол) обитает в поднебесной, что духи воздушные суть бестелесные силы, которые и помогают ему в его действиях. А что власть его (диавола) есть власть временная, то есть что она прекратится вместе с настоящим веком, послушай, что говорит об этом (апостол) в конце послания. *Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, ко властем, к миродержителем тмы века сего* (Еф. VI, 12). Для того же, чтобы, услыхав, как (апостол) именует (диаволов) миродержителями, ты не почел их несотворенными, он прибавляет: *тмы века.* Также и в другом месте, где вовсе нет и речи о творениях, он называет развращенное время *лукавым веком* (Гал. I, 4). Мне кажется, что, будучи начальником в поднебесной (прежде, до падения), диавол не лишился этого начальства и по падении. *Иже,* говорит, *ныне действует в сынех противления.* Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но через убеждение он привлекает к себе. Указывая на *противление,* (апостол) как

бы хочет сказать, что (диавол) увлекает всех лестью и убеждением. И не этим только (апостол) ободряет, что указывает на сообщника их, но и тем, что самого себя поставляет вместе с ними. *В них же*, говорит, *и мы вси жихом иногда; вси*, потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлял исключение. *В похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии*, то есть не помышляя ни о чем духовном. Но чтобы кто-нибудь не стал подозревать, что это говорится с намерением клеветать на плоть и чтобы не подумал, что вина ее в этом слишком уж велика, смотри, как (апостол) предупреждает: *творяще*, говорит, *волю плоти и помышлений*, то есть увлекаясь похотями и удовольствиями. Раздражили, говорит затем (апостол), мы Бога, прогневали Его, стали только предметом гнева (Божия) и ничем другим. Как дитя человеческое, уже по своей природе бывает человеком, точно так же и мы были чадами гнева. *Якоже и прочии*. Значит, никто не был свободен (от гнева), но все мы, по делам своим, были достойны гнева. *Бог же богат сый в милости* (ст. 4); не просто говорит: милостив, но: *богат сый;* подобным образом и в другом месте говорится: *во множестве милости Твоея* (Пс. LXVIII, 17), и еще: *помилуй мя по велицей милости Твоей* (Пс. L, 1). *За премногую любовь свою, еюже возлюби нас* (ст. 4). Здесь указывает (апостол) на источник любви (Божией) к нам. Все наши дела были достойны не любви, а гнева и жесточайшего наказания; значит, (если Он возлюбил нас, то единственно) по великой Своей милости. *И сущих нас мертвых прегрешенми, сооживи Христом* (ст. 5); опять посредник – Христос, и следовательно, дело это вполне верно. Если начаток жив – и мы (будем живы); если Бог Его оживотворил, (оживотворит) и нас.

2. Видишь ли, что все это (апостол) говорил о Христе во плоти? Видишь ли преизбыточествующее *величие силы Его в нас верующих?* Он оживил тех, которые были мертвы, которые были чадами гнева. Видишь ли *упование звания? С Ним воскреси и спосади нас* (ст. 6). Видишь ли славу достояния Его? Да, скажешь ты, что Он совоскресил нас, это ясно, а чем доказывает (апостол) то, что Он спосадил *нас на не-*

бесных во Христе Иисусе (ст. 6)? Тем же, чем (доказывает то, что Он) совоскресил. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла Глава; а когда Глава наша воскресла, воскрешены и мы, подобно тому, как, когда кланялся Иосифу Иаков, кланялась и жена. Точно таким же образом Он нас и спосадил. Когда Глава сидит, сидит вместе и тело. Потому-то (апостол) и прибавил: *во Христе Иисусе.* Или, если посмотреть на это с другой стороны, Он воскресил нас через купель крещения; как же после этого Он спосадил. *Аще терпим,* говорит (апостол), *с Ним и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Если вместе умерли, вместе и оживем. Подлинно, нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину этих тайн! Потом, чтобы ты не остался неверующим, смотри, что он присоединяет: *да явит в вецех грядущих презельное богатство благодати своея благостынею на нас о Христе Иисусе* (ст. 7). Так как прежде он говорил все о Христе, и во всем сказанном прямо относящегося к нам не было ничего, что, скажешь ты, в самом деле нам от того, что Христос воскрес, то, показав предварительно, что это должно относиться и к нам, потому что Спаситель соединен с нами, теперь Он говорит о том, что собственно к нам относится: *и сущих нас мертвых прегрешенми воскреси и спосади.* Итак, как я говорил, веруй (что Он спосадил нас с Собою), убеждаясь в этой истине тем, что сказано было прежде, тем, что сказано о Главе, и тем еще, что Он хочет проявить к нам свою благость. Как, в самом деле, Он проявит ее, если этого нет (то есть если Он не спосадил нас с Собою)? И *явит в вецех грядущих.* Что же явит? Что блага, уготованные Им, и велики, и совершенно достойны веры. Теперь эти блага кажутся для неверных несбыточными; а тогда все их узнают. Если желаешь узнать и то, как Он спосадил нас, послушай, что Сам Христос говорит ученикам: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома Израилевома* (Мф. XIX, 28), и в другом месте: *еже сести одесную Мене и ошуюю несть Мое дати, но имже уготовася от Отца* (Мф. XX, 23). Итак, это уже уготовано. И хорошо сказал (апостол): *благостынею на нас о Христе Иисусе.* Воссесть одесную — это честь высшая всякой чести, за которой нет уже другой. Говоря это (то есть *благостынею на*

нас), (апостол) показывает, что и мы воссядем. Сидеть со Христом – это поистине невыразимое богатство, это подлинно преизобилующее величие силы Его! Если бы ты имел тысячи душ, неужели ты не положил бы их за это? Если бы потребовалось идти в огонь, не следовало ли бы быть совершенно готовым и на это испытание? Сам (Христос) говорит: *хощу, да идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. XVII, 24; сн. XII, 26). За такую честь если бы каждый день приходилось быть рассекаему, то не должно ли было бы и это переносить с радостью? Подумай, где восседает Он? *Превыше всякаго начальства и власти.* А с кем вместе ты воссядешь? С Ним. Но кто же ты? Мертвый, по естеству чадо гнева. Что ты соделал правого? Ничего. Теперь поистине благовременно воскликнуть: о *глубина богатства и премудрости и разума Божия* (Рим. XI, 33)! *Благодатию,* говорит (апостол), *есте спасени* (ст. 8). Чтобы величие благодеяний не надмило тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: *благодатию есте спасени.* Но чтобы не уничтожить и твоего участия, он прибавляет и то, что требуется от нас *(чрез веру).* Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: *и сие не от вас.* И вера, говорит он, не от нас, если бы (Христос) не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы мы могли уверовать? *Како уверуют,* – сказано, – *аще не услышат* (Рим. XIV, 10)? Таким образом и вера – не наше достояние: *дар,* говорит, *Божий. Не от дел* (ст. 9). Вера, говорит (апостол), недостаточна для спасения, но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует ее от нас. Сказал, что вера спасает, но (не сама собою, а) через Бога, Бог хочет, и вера спасает. Скажи мне: как спасет тебя вера без дел? Она сама – дар Божий, *да никтоже похвалится* (ст. 9), а всякий, напротив, соделается благодарным к благодати. Итак, спросишь ты, (апостол) сам запретил снискивать оправдание делами? Вовсе нет! Он говорит только, что дела никого не оправдают, и говорит это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божие. Имеющих за собою дела (Бог) не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатью, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться.

3. Затем, чтобы, услышав, что *не от дел*, но верой совершается (наше спасение), ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорит (апостол): *Того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* (ст. 10). Заметь, что сам он проповедует, он намекает здесь на воссоздание. Действительно, (наше спасение есть) второе творение: (через искупление) мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком мы были прежде, то есть в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, это дело есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же соделаны способными к жизни доброй. *На дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим,* то есть от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то такое путешествие не принесло бы нам никакой пользы. Точно так же *и упование звания* не может доставить нам, участвующим в этом уповании, какой-либо пользы, если мы не станем ходить достойно Призвавшего. Мы, призванные на дела благие, должны и пребыть в них, доколе не совершим всех их. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы (совершить) все. Подобно тому как у нас есть пять чувств и всеми ими мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего, для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не даст нам права с дерзновением предстать престолу Христову, для этого нужны многие, разнообразные и разнородные добродетели, или, вернее, все добродетели. Послушай, что Христос сказал ученикам Своим: *шедше научите вся языки, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. XXVIII, 19); и в другом месте: *иже аще разорит едину заповедей сих малых, мний наречется в*

царствии небеснем (Мф. V, 19), то есть в воскресении. Значит, такой не войдет в царство, — потому что Он обыкновенно время воскресения называет царством. *Аще,* говорит, *едину разорит, мний наречется.* Следовательно, нам нужно соблюдать все (заповеди).

Смотри, без милосердия нельзя войти (в царствие небесное), и мы отойдем в огонь, если у нас не будет доставать хоть одной этой добродетели. *Идите от Мене,* скажет (Спаситель), *проклятии в огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. XXV, 41). Почему же и за что это? *Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене* (ст. 42). Видишь ли, Он ни в чем другом не обвиняет их, и за одно только это (отсутствие милосердия) они погибают? И (юродивые) девы за одно только это были изгнаны из чертога; хотя они имели целомудрие, но так как у них недоставало милосердия, то они и не были допущены в чертог. *Мир имейте,* заповедуется, *и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14). Итак, помни же, что без целомудрия нельзя узреть Господа, хотя не всегда это можно и при целомудрии, потому что другое что-нибудь может воспрепятствовать. Но (вы скажете): мы все исполнили, только не оказывали помощи ближнему, неужели же за одно это мы не войдем в царствие? Откуда это видно? (Из притчи) о рабах, которым вверены были таланты. Они выполняли все добродетели, не опускали ни одной, но так как (один) был ленив и не заботился о приумножении, то за это справедливо был изгнан. Есть указание и на то, что за одно только злословие будут ввергнуты в геенну. *Иже речет,* сказано, *брату своему: уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). Пусть иной сохранил все заповеди, но был только досадителем, и такой не войдет (в царствие Божие). И пусть никто не обвиняет Бога в строгости за то, что Он так согрешающих лишает небесного царствия. Ведь и у людей, если кто совершит что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается, хотя бы он преступил одно какое-нибудь постановление, например, если произнесет несправедливый приговор на кого-либо в суде, он теряет власть свою, если соблудит и будет взят на месте преступления, он уже

обесчещен и, хотя бы совершил тысячу дел законных, погибает, если совершит убийство и будет уличен в этом, и этого одного вполне достаточно, чтобы подвергнуть его строгому наказанию. Если же человеческие законы охраняются так строго, то не гораздо ли больше (должны охраняться) законы Божии? Но Бог благ, скажешь ты. О, до каких пор мы будем произносить эти безрассудные слова? Безрассудным я называю здесь не то, что мы веруем в благость Божию, но то, что мы дозволяем себе злоупотреблять этою верою, несмотря на то что мы уже тысячи раз говорили против этого. Послушай, что говорится в Писании: *не рцы, щедрота Его многа есть, множество грехов моих очистит* (Сир. V, 6). (Писание) не запрещает нам говорить, что *щедрота Его многа есть,* – вовсе нет, – не к этому оно побуждает, напротив, оно советует нам постоянно говорить об этом, – к этому и Павел направляет все свои речи; но, как видно из последующего, (Писание) порицает, когда удивляются человеколюбию Божию для того, чтобы грешить и говорить при этом: *щедрота Его множество грехов моих очистит.*

4. И мы так часто и много беседуем о благости не для того, чтобы, надеясь на нее, делать (что угодно), – потому что в таком случае благость будет причиною утраты нашего спасения, – а для того, чтобы мы не отчаивались во грехах и приносили покаяние. *Благость Божия на покаяние тя ведет* (Рим. II, 4), а не на большее закоснение во зле. Если ты пребудешь злым ради благости, то через это ты оклевещешь ее перед людьми, а многих я вижу подобным образом клевещущих на Божие долготерпение! И дашь ответ за то, что воспользовался (благодатью) ненадлежащим образом. Бог человеколюбив, но Он и правосуден, прощает грехи, но воздает каждому по делам его, превосходит неправды, отъемлет беззакония, но творит и суд. Не противоречит ли это одно другому? Нисколько, если только мы будем обращать внимание на времена. Он отъемлет беззакония здесь и через купель крещения и через покаяние и накажет за все беззакония там огнем и муками. Итак, может быть, ты скажешь после этого: если и за малое зло, если даже за один грех я буду извержен и лишен царствия, то почему же

мне не делать в таком случае зол всякого рода? Речи эти — речи неблагоразумного раба! Но, впрочем, рассмотрим их. Не твори зла, если хочешь спасти себя. Все мы (если сотворим зло) одинаково лишимся царствия, но наказание в геенне потерпим не все одно и то же, а одни — большее, другие — меньшее. Если ты или кто-нибудь другой презирали заповеди Божии, и один презрел больше заповедей, другой меньше, оба вы равно не войдете в царствие. Но если не одинаково презирали, а один больше, другой меньше, то и в геенне ощутите различие. Что это значит, — спросишь ты, — за что такие прещения на не оказавших милосердия, — за что они отсылаются в огонь, и притом не просто в огонь, но в *огнь, уготованный диаволу и ангелом его?* За что это и почему? Потому что ничто столько не оскорбляет Бога, как обида, делаемая друзьям. Мы должны любить и врагов, поэтому отвращающийся любящих его и являющийся таким образом хуже самих язычников какого не будет достоин наказания? Итак, по важности греха, такой справедливо должен отойти (в геенну) с диаволом. Горе, сказано, не творящему милостыни. Если в Ветхом Завете так было, то тем более (так должно быть) в Новом; если там, где позволено было приобретать, наслаждаться, заботиться (о земном), так много обращали внимания на помощь бедным, то не тем ли более (должно поступать так) здесь, где заповедуется оставлять все? В самом деле, чего не делали израильтяне? Отдавали десятины; потом предоставляли еще другие десятины на вспомоществование сиротам, вдовам и прозелитам. Мне некто с удивлением говорил: такой-то дает десятины. Как нам не стыдно! Мы, христиане, удивляемся тому, что не было удивительным у иудеев? Тогда опасно было не раздавать десятины: представь же, каково это (то есть не гораздо ли опаснее) теперь! Пьянство также не наследит царствия. Но при этом, что, обыкновенно, говорит большая часть людей? (Они говорят): что же, если и я и он вместе будем терпеть одно и то же, то в этом уже немалое утешение. Что нам сказать на это? Прежде всего должно сказать, что ты и он понесете наказание не одно и то же, а кроме того (должно прибавить, что) здесь ровно никакого

нет утешения, потому что одинаковость страданий в том только случае может быть утешением, когда беды еще не превосходят меры, но когда они превосходят ее, когда повергают нас в ужас, тогда уже (никакое сравнение своих бед с бедами других) не доставит утешения. В самом деле, скажи осужденному на сожжение, в то время, когда он стоит уже в огне, что вот и такой-то терпит то же – ты этим не доставишь ему ровно никакого утешения. Не все ли вместе погибали израильтяне? Однако же какое утешение принесло им это? Напротив, не более ли это печалило их? Потому-то они и восклицали: погибли, убиты, умерщвлены мы. Итак, есть ли в этом какое-нибудь утешение? Напрасно же мы утешаем себя подобными надеждами. Одно только и есть утешение, это чтобы не впасть в этот неугасимый огонь, а впавшему уже нельзя получить никакого утешения там, где скрежет зубов, где плач, где неусыпающий червь, где неугасающий огонь. Притом, находясь в такой скорби и тесноте, способен ли ты будешь понять какое-нибудь утешение? Останется ли в тебе хоть сколько-нибудь присутствия духа? Прошу и умоляю, не будем обольщать себя понапрасну, не будем утешать себя подобного рода рассуждениями, но будем делать то, что сможет спасти нас. Тебе предлежит воссесть со Христом, а ты между тем предаешься подобному любопрению. Если бы не было никакого другого греха, то за одни эти речи какому наказанию следует подвергнуть нас? Мы так нерадивы, так ленивы, так беспечны, что говорим подобные речи тогда, когда нам предлагается столь великая честь. О, как горько восстенаешь ты, когда услышишь, что жившие благочестиво будут с честью призываться в царствие Божие, когда увидишь, что в царстве славы будут возлежать и рабы, и люди низкого происхождения, люди, которые здесь о малом заботились, а там между тем будут участвовать в царском престоле! Подобное (зрелище) не хуже ли будет всякого наказания? Если и теперь, когда видишь, что кто-нибудь блаженствует, хотя сам и не терпишь ничего худого, считаешь это хуже всякого наказания и от этого одного приходишь в расстройство, страдаешь, плачешь, и думаешь, что это стоит

тысячи смертей, то, скажи, что ты тогда должен будешь вытерпеть? Пусть не будет геенны: одна мысль о царстве (которого ты лишился и которым другие наслаждаются) разве не может поразить тебя и расстроить окончательно? А что действительно будет так, в этом могут достаточно убедить тебя жизнь и опыт. Итак, перестанем же попусту утешать себя подобными рассуждениями; будем лучше внимательны и усердны к нашему спасению, поревнуем о добродетели и возбудим себя к соделанию добрых дел, чтобы удостоиться столь высокой чести во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА V

Темже поминайте, яко вы, иже иногда языцы во плоти, глаголемии необрезание от рекомаго обрезания во плоти рукотвореннаго: яко бесте во время оно без Христа, отчуждени жития Израилева, и чужди от завет обтования, упования неимуще, и безбожни в мире (Еф. II, 11, 12)

1. Много есть доказательств человеколюбия Божия к нам: во-первых, Он сам Собою спас нас, и спас столь дивным образом; во-вторых, Он спас нас, когда мы были в таком состоянии (уже мертвы и чада гнева по естеству); в-третьих, Он возвел нас (на необыкновенную высоту). Все это заключает в себе величайшее доказательство человеколюбия Божия, и все это Павел изображает в настоящем послании. Выше он сказал, что нас, *сущих мертвых прегрешенми и чад гнева,* (Бог) спас; теперь показывает, кому равными Он соделал нас. *Темже,* говорит, *поминайте.* Когда от великой бедности мы переходим в противоположное состояние или сподобляемся какой-нибудь еще большей чести, то, наслаждаясь славой своего нового положения, о прежнем обыкновенно все мы и не вспоминаем. Имея это в виду, (апостол) и говорит: *темже поминайте.* Что же должно помнить? Что мы созданы на дела благая. Этого достаточно для того, чтобы побудить нас заботиться о добродетели. *Поминайте,* — потому что такое памятование может

соделать нас благодарными к Благодетелю. *Яко вы, иже иногда языцы.* Заметь, как (апостол) низлагает те преимущества, которыми гордились иудеи, и удивляется недостаткам язычников, которые, однако же, не были недостатками (делающими для них невозможным спасение во Христе), и для тех и других извлекает увещания из образа их поведения и жизни. *Глаголемии необрезание.* Честь была только на словах, и преимущество (от обрезания) относилось только к плоти, потому что ни необрезание, ни обрезание ничего не значат. *От рекомаго,* продолжает (апостол), *обрезания во плоти рукотвореннаго: яко бесте во время оно без Христа, отчуждени жития Израилева, и чужди от завет обетования, упования не имуще, и безбожни в мире.* Вас так – необрезанием – называют только иудеи. Но почему же, намереваясь показать, что в приобщении язычников к иудеям первым оказано благодеяние, (апостол) не унижает достоинства последних, а, напротив, возвышает его? Те качества (иудеев), которые остались необходимы (для них и для христиан из язычников), возвышает, а те, которых (язычники, обратившиеся в христианство) могли не иметь, унижает. Потому-то он далее говорит: *сожителие святым есте и присний Богу* (II, 19). Смотри, как не унижает. Это, говорит, безразлично. Не думайте, говорит, что есть какая-нибудь разница в том, что вы не получили обрезания и находитесь в необрезании; страшно (не это, а) вот что: быть без Христа, быть отчужденными от жития израилева, а первое к житию не относится, быть вне завета обетования, не иметь надежды на будущее и быть в этом мире безбожными, каковы именно и были язычники. (Прежде апостол) говорил о вещах небесных; (теперь) говорит о земных, так как иудеи очень высоко ценили их. Так и Христос, утешая учеников, после того как сказал: *блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное* (Мф. V, 10), присоединяет меньшее (утешение) и говорит: *тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас* (ст. 12). Последнее ободрение в сущности менее велико, но в отношении приведения (ко спасению), в отношении веры оно и достаточно, и велико, и заключает в себе большую силу, так как взято из жизни и опыта. Не сказал (апостол): отлученные, но отчужденные

жития, не сказал также: не держащиеся обетований, но не имеющие и чуждые. Великое различие в значении этих слов, указывающее и на великое расстояние (язычников от иудеев). И израильтяне не вели жизни истинно доброй, но не потому, что были отчуждены (то есть неспособны), а потому, что были беспечны, и от обетований они ниспали, но не как чуждые им. Какие же были заветы обетования? *Тебе,* сказано, *и семени твоему дам землю сию* (Быт. XII, 7), а также и нечто другое было им обещано. *Упования не имуще,* говорит (апостол), *и безбожни.* Хотя язычники и покланялись богам, но были, однако же, безбожни, потому что идолы ничего не значат. *Ныне же о Христе Иисусе вы, бывшии иногда далече, близ бысте кровию Христовою. Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, средостение ограды разоривый, вражду плотию своею* (ст. 13, 14). Важно уже и то, говорит (апостол), что мы пришли к иудейскому житию. Как это? Он возглавил все на небе и на земле, а ты еще говоришь о израильтянах? Но, говорит, подлинно так! То нужно принимать верой, а это оправдывать делами. *Ныне же о Христе Иисусе вы, бывшии иногда далече,* говорит, *близ бысте* по жизни, потому что быть далеко или близко зависит единственно от свободы. *Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино.*

2. Что значит: *обоя едино?* (Апостол) этим показывает не то, что Бог даровал нам с иудеями одинаковое благородство; но то, что и нас и их Он возвел в лучшее (состояние). Впрочем, благодеяния (Божии) к нам даже выше; тем (иудеям) дарованы были обетования, и они были к Богу ближе нас, нам же не дано было никаких обетований и мы отстояли дальше. Потому-то и сказано; *язычники за милость прославити Бога* (Рим. XV, 9). Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с ними не было, и Он соединил нас воедино, не так, впрочем, чтобы нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Представим пример: вообразим две статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти две статуи расплавлены, и из них образовались две золотых: вот эти две стали одинаковы. Или возьмем иной пример: пусть

один будет раб, другой – усыновленный, оба они долженствовали служить Ему (то есть Богу), но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь и не знал Отца, а потом оба сделаны наследниками и законными детьми. Они удостоились одинаковой чести, два сделались едино, с тем только различием, что один пришел издалека, другой из близка, и что ближайший прежде прибыл к Отцу. *Средостение*, говорит, *ограды разорив*. Что должно разуметь под *средостением*, он сам объясняет это, когда говорит: *вражду плотию своею. Закон заповедей ученми упразднив*. Некоторые говорят, что средостением был закон, который не дозволял иудеям смешиваться с язычниками. А я думаю, что он разумел под средостением (не закон, но) вражду плоти, которая была как бы промежуточной стеной, отделявшей нас от Бога, как и пророк говорит: *не греси ли ваши, разлучают между вами и мною* (Ис. LIX, 2)? И справедливо. Такая преграда, как вражда плоти, была преградой к Богу, как для язычников, так равно и для иудеев, потому что закон не только не уничтожал, а, напротив, увеличивал (вражду): *закон бо*, говорит (апостол), *гнев соделовает* (Рим. IV, 15). И как в словах *закон гнев соделовает* апостол не закон собственно поставляет причиной (гнева), но наше неповиновение ему и преступление его, так и здесь называет закон средостением, потому что преступающий его вступает во вражду (с Богом). Закон был и оградой, оградой для утверждения (в добре), оградой же он назван потому, что мог ограждать (от зла). Послушай, что говорит пророк: *ограждением оградих его* (Исх. V, 2); и еще: *низложил еси оплот его и обымают и вси мимоходящии путем* (Пс. LXXIX, 13), – здесь говорит об утверждении; и еще: *отыму ограждение его и будет в разграбление* (Ис. V, 5); и еще: *закон в помощь даде* (Ис. VIII, 20); и в другом месте: *творяй милостыню и суд Господь сказа оправдания своя Израилеви* (Пс. CII, 6, 7). А средостение существовало не для того, чтобы охранять, а для того, чтобы отделять их от Бога. Таково различие средостения от ограды. Показывая же, каково оно, и прибавляет: *вражду плотию своею. Закон заповедей упразднив* (ст. 15). Каким образом? (Упразднил), прекратив и разрушив вражду (с Богом). И не

этим только образом Он упразднил (закон), но и тем, что сам сохранил его. Что же, спросишь ты, лишь только мы избавились от первого преступления, как снова принуждены сохранять закон? Это, конечно, и было бы опять, (но дело в том, что Он) и самый закон уничтожил. *Закон заповедей*, говорит, *ученми упразднив*. О, человеколюбие! Он дал нам закон, чтобы мы сохранили его, потом, когда мы не сохранили его и за это должны были быть наказаны, Он и закон упразднил. (Это походит на то), как если бы кто, вверив своего ребенка воспитателю и потом заметив, что он не слушается, освободил и увел его от воспитателя. О, какое великое человеколюбие! Что значит: *ученми упразднив?* (Апостол) полагает большое различие между заповедию и ученми. Учением он называет здесь или веру, потому что мы спасаемся только верой, или определения (Божии), подобные тому, о которых Христос изрек: *Аз же глаголю вам:* не гневайтесь совершенно (Мф. V, 12). Значит, если веруешь, что Бог воздвиг его из мертвых, — спасешься. И еще: *близ ти глагол есть в устех твоих и в сердцы твоем* (Рим. X, 8).

3. *Да не речеши: кто взыдет на небо, или кто снидет в бездну, или кто возвел Его от мертвых* (Рим. X, 6, 7). Вместо жизни Он ввел веру, чтобы не пропало даром дело спасения, сам принял наказание, а от них требует веры в догматы. *Да оба созиждет собою во единаго новаго человека* (ст. 15). Видишь, язычник не сделался иудеем, но тот и другой пришли в новое состояние. Не для того Он упразднил закон, чтобы одного преобразовать в другого, а для того, чтобы воссоздать обоих. И хорошо (апостол) употребляет слово — *созиждет;* он не сказал: переменит, чтобы показать особенную силу этого действия, и то, что хотя это созидание совершалось видимым образом, но все же оно не меньше первого творения, и наконец то, что нам не должно уклоняться от предметов естественных. *Да оба*, говорит, *созиждет собою,* то есть через Себя. Не поручил кому-нибудь иному; но Сам Собою, предварительно как бы расплавив того и другого (то есть эллина и иудея), создал одного дивного (то есть христианина), сам соделавшись и первым творением этого рода, которое гораздо выше прежнего творения.

Собою может значить также и то, что Он первый представил нам образец и пример (новой твари). При этом занимая сам средину, Он одною рукою привлекает иудея, другою – эллина и, смешав их и уничтожив все, что отчуждало их между собой, преобразил свыше огнем и водой, не водой и землей, но водой и огнем. Преобразил и иудея, который был обрезан и находился под проклятием, и эллина, который находился вне закона, во *единаго новаго человека,* высшего обоих – и иудея, и эллина. *Творя мир им* (ст. 15) и в отношении к Богу, и в отношении друг к другу. Оставаясь иудеи иудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою, не оставляя своего собственного положения. Как каждый из них мог бы прийти в лучшее состояние? Иудей тогда лишь сближается с эллином, когда делается верным. (Это походит на то), как если двое занимают внизу два отдельных помещения и вверху имеют одно общее, прекрасное и обширное: они до тех пор не могут видеться между собой, пока не поднимутся наверх. *Творя мир* – преимущественно с Богом, как это видно из последующего. Что именно он говорит далее? *И примирит обоих во едином теле Богови крестом* (ст. 16). Не сказал: умирит, но – *примирит,* то есть снова примирит, показывая через это, что и прежде человеческое естество было способно к примирению (с Богом), как у святых еще до закона. Во *едином теле,* говорит, Своем *Богови.* Каким образом Он совершил это? Сам, говорит, понесши на кресте должное наказание. *Убив вражду на нем* (ст. 16); внушительнее и точнее этих выражений быть не может. Смерть Его, говорит (апостол), убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому Он поручил это дело, и не только Сам действовал, но и страдал. Не сказал: разрешив, не сказал также: отняв, но употребил самое сильное выражение – *убив,* так что (вражда) никогда уже не восстанет. Да и как бы она могла восстать? Разве благодаря великой нашей злобе. А доколе мы пребудем в Теле Христовом, доколе будем находиться в соединении с Ним, она не восстанет, но будет лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не восстанет, и мы можем лишь произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю,

которая убита и умерщвлена. И значит, ты уже породишь эту другую (вражду). *Мудрование плотское,* сказано, *вражда на Бога есть.* Если мы не будем мудрствовать ничего плотского, то этой новой (вражды) никогда не родится, а всегда будет *мир* (сн. ст. 15).

4. Подумай только, как ужасно снова вступить нам во вражду с Богом после того, как Он так много сделал для нашего примирения, и действительно примирил нас! Эту (вражду) ожидает уже не купель крещения, но геенна, не прощение, но наказание. *Мудрование плотское,* это — невоздержание, объядение; *мудрование плотское,* это — лихоимство и всякий вообще грех. Почему называется плотским мудрованием? Ведь тело ничего не может сделать без души? (Апостол) не клевещет на плоть, как он не клевещет и на душу, когда говорит: *душевен человек,* но (он показывает этим), что ни тело, ни душа сами по себе, — если не получат помощи свыше, не в состоянии совершить ничего великого и доблестного. Потому он называет душевным то, что душа сама собой делает; и плотским называет то, что тело само собой делает, не потому, впрочем, что все это — по природе, но потому, что, не получив охраны свыше, погибает. Так и хорошие глаза, но без света, причиняют много бед; зависит же это не от природы их, а от слабости. Если бы все естественное было злом, тогда мы не должны бы были употреблять его даже на должное. Напротив, нет зла естественного. Что же именно называется мудрованиями плоти? Грехи. Когда она (плоть), возомнив о себе, захватывает власть над возницей, тогда производит бесчисленное множество зол. Добродетель плоти — повиноваться душе, напротив, порок — властвовать над душой. Как хороший и крепконогий конь не обнаруживает достоинства, когда не повинуется вознице, так и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываем ее порывы. Впрочем, и возница должен обладать знанием своего дела; а без знания и он наделает много бед. Знание везде необходимо. Дух, научающий этому, соделывая возницу сильнее, тем и душу и тело украшает. Как душа, доколе она в теле, придает ему красоту, а когда душа перестает животворить тело и

отлетает, тогда (происходит зрелище) подобное тому, какое бывает, когда какой-либо живописец перемешивает свои краски – именно является великое безобразие, каждый член стремится к тлению и разрушению, – точно такое же или еще худшее и большее бывает безобразие, когда дух оставляет впусте душу и тело. Итак, если тело ниже души, – ты не порочь его за это. Ведь и я берегусь, чтобы не порочить душу за то только, что она без духа ничего не может. Но если что нужно сказать, так это то, что душа достойна еще большего обвинения. Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать. Она многое делает и тогда, когда тело бывает истощено и кровь в нем уже не кипит. Это видим мы на чародеях, волхвах, на составителях зелий и на завистниках, у которых тело большею частию бывает истощено. Даже и объядение бывает не по нужде тела, а вследствие невнимательности души: для тела нужна пища, а не объядение. Если я хочу крепче править лошадью, то взнуздываю ее: тело же не может принудить душу вдаться в пороки. Почему же (апостол) называет (грех) мудрованием плоти? Потому что он всецело принадлежит плоти. Когда она берет себе власть, когда пренебрегает внушениями ума и властию души, тогда грешит. И значит, добродетель тела заключается именно в повиновении его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-нибудь само собою? По связи (доводов), тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому, и к другому, может склониться и на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда, или прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а питья. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (то есть извергает назад), когда ты преступаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе; особенно когда она делается плотскою, и так сказать, одебелевает. Правда, и хорошее тело все же зна-

чительно ниже души; но, с другой стороны, как олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для спайки (последнего), так точно и для души нужно тело. Или как дитя самое благородное нуждается, однако же, в воспитателе, так и душа нуждается в теле. Не удивляйся, что мы приводим такие примеры, говорим детские вещи, не применяясь к возрасту (слушателей): так именно о теле и должно говорить. Но можно, если захотим, и не быть в теле, как можно не быть и на земле, а пребывать на небе и в духе. «Быть где» — это выражение может быть употребляемо для означения не одного местопребывания, а также и состояния (душевного). О многих людях, бывших в известном месте, мы говорим, что они не были, выражаясь: такой-то не сюда приходил. И что я говорю это? Часто мы выражаемся: ты вне себя, или: я вне себя. Что для каждого может быть ближе и нераздельнее его самого? Между тем мы говорим, что он вне себя. Будем же в себе самих, в небе, в духе, пребудем в мире и в благодати Божией, чтобы, оставив все плотское, мы смогли достигнуть обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

И пришед благовести мир вам, дальним и ближним: зане тем имамы приведение обои во едином Дусе ко Отцу. Темже убо ктому несте странни и пришелцы, но сожителе святым и приснии Богу, наздани бывше на основании апостол и пророк, сущу краеугольну камени Самому Христу. О Немже всяко создание составляемо растет в Церковь святую о Господе, о Немже и вы созидаетеся в жилище Божие Духом (Еф. II, 17—22)

Не через другого кого-либо, говорит (апостол), Бог возвестил нам это, но собственно Сам. Не послал для этого ни ангела, ни архангела, потому что исправить столько зол и возвестить о соделанном мог только Он Сам, явившись на земле, и никто другой. Владыка принял на Себя должность слуги и почти раба, пришел и возвестил, говорит (апос-

тол), *мир вам дальним и ближним*, то есть иудеям, которые сравнительно с нами были ближе (к Богу), и язычникам, которых, как чуждых заветов обетования, он называет дальними. *Зане тем имамы приведение обои во едином Дусе ко Отцу. Мир к Богу*, говорит, потому что (Христос) примирил нас (с Богом). Об этом Сам Он говорил: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. XIV, 27); и в другом месте: *дерзайте, Аз победих мир* (Ин. XVI, 33); и еще: *аще что просите во имя Мое, восприимете* (Ин. XIV, 14); также: *зане Отец любит вы* (Ин. XVI, 27). Все это признаки мира и для тех и для этих. Откуда же видно, что и для этих? *Зане Тем имамы, приведение обои*, сказано, во *едином Дусе*, не так, чтобы вы меньше, а они больше, но одной и той же благодати (удостоены). Вражду разрушил Он смертью, а любезными нас соделал Отцу через Духа. Вот, смотри, опять частицы: (в), (через). Через Себя Самого и через Духа Он привел нас к Богу. *Темже убо ктому несте странни и пришельцы, но сожителе святым.* Видишь ли, что мы приписаны к городу не просто иудеев, но мужей великих своей святостью, каковы Авраам, Моисей и Илия, и в этом городе некогда явимся? *Таковая глаголющии* (то есть называвшие себя странниками и пришельцами), сказано, *являют, яко отечествия взыскуют* (Евр. XI, 14); а вы уже сограждане святых, а не странники и не пришельцы. Пришельцы — те, которые не имеют получить небесных благ. *Сын же*, сказано, *пребывает во веки* (Ин. VIII, 35). *И приснии Богу*, говорит (апостол). Что древние приобретали за столько трудов, то вам дарует благодать Божия. *Наздани на основании апостол и пророк:* вот на чем утверждается упование (нашего) звания! Смотри, как (апостол) смешивает всех вместе: язычников, иудеев, апостолов, пророков, Христа, и чтобы показать тесную связь между всеми ими, представляет их всех то телом, то зданием. *Наздани*, говорит, *на основании апостол и пророк*, то есть апостолы и пророки служат основанием здания. Апостолов же ставит прежде, хотя они были после пророков, чтобы показать этим, что и те и другие одинаково служат основанием, что все составляет одно здание и имеет один корень. Но помни, что и язычники своим основанием имели патриархов. Представляя

это под образом здания, апостол гораздо определеннее выражает (мысль о соединении язычников и иудеев), чем если бы представил это под образом привития. Затем (апостол) присовокупляет: *сущу краеугольну Иисусу Христу*, показывая, что Христос все содержит, так как краеугольным камнем называется то, что поддерживает и стены и основания. О *немже всяко создание*. Заметь, как апостол соединяет это: иногда представляет Его свыше содержащим и властвующим над всем телом, иногда же снизу носящим на Себе все здание, главным основанием. (Апостол) для того и сказал выше: *созиждет во единаго новаго человека* (Еф. II, 15), чтобы показать, что Он Собою собственно соединил обе стены здания и, с другой стороны, что в Нем все воссозданы. *Перворожден*, сказано (о Нем), *всея твари* (Кол. I, 15), то есть Он все носит. О *немже всяко создание составляемо:* таким образом, на что бы ты ни указал: на кровлю ли, на стены ли, или на что другое — Он все носит. В другом месте он называет (Христа) основанием: *основания*, говорит, *инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. III, 11). *О немже*, говорит, *всяко создание составляемо*. Здесь еще яснее оттеняет и показывает, что не иначе можно соделаться (храмом Божиим), как проводя жизнь со всем вниманием. *Растет*, говорит, *в церковь святую, о немже и вы созидаетеся*. Очень часто (апостол) говорит о созидании: *в церковь святую, в жилище Божие в Духе*. Для чего же происходило это созидание? Для того, чтобы в этом храме обитал Сам Бог. Каждый из вас, и все вы вместе, есть храм, и обитает как в Теле Христовом, обитает как в храме духовном. Поэтому (апостол) не сказал: вход, но: *приведение* (ст. 18), то есть не сами собой мы пришли, но приведены Им. *Никтоже*, сказал (Спаситель), *приидет ко Отцу, токмо Мною;* и в другом месте: *Аз есмь путь, и истина, и живот* (Ин. XIV, 6). *В церковь святую созидаетеся*.

(Апостол) опять возвращается к прежде приведенному им примеру и соединяет их с (ветхозаветными) святыми, и (самих святых в свою очередь) не допускает разъединяться со Христом. Значит, домостроительство спасения нашего началось еще до пришествия (Христа); значит, имея это

в виду, Павел и сказал: *яко премудр архитектон основание положих* (1 Кор. III, 10), и в другом месте: *основания инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Христос.* Видишь ли, что примеры нужно понимать не просто, но должно отыскивать в них подразумеваемое? (Апостол) говорит здесь при помощи примеров, как и Христос, когда представлял Отца земледельцем, а Себя – корнем. *Сего ради аз Павел юзник Иисус Христов о вас языцех* (III, 1). Прежде (апостол) говорил о великом промышлении Христовом, теперь же говорит о своем усердии, малом и ничтожном в сравнении с Его (промышлением), которое само по себе достаточно для приведения (ко спасению). *Сего ради и аз*, говорит, нахожусь в узах, потому что если Владыка мой претерпел за вас распятие, то тем более я должен потерпеть узы. Не только Сам Он был связан, но благоизволил, чтобы и рабы Его потерпели за вас – язычников – узы. Великий смысл (заключается в этих словах): не только мы не отвращаемся вас, говорит он, а еще терпим за вас узы, и я между прочим удостоился такой милости. *Аще убо слышасте смотрение благодати Божия, данныя мне в вас* (ст. 2). Здесь (апостол) намекает на предсказание, возвещенное о нем Анании в Дамаске, когда (Господь) сказал: *иди, яко сосуд избран Ми есть сей пронести имя Мое пред языки и царьми* (Деян. IX, 15). Смотрением благодати Он называет именно это откровение. Смысл следующий: не от человека я узнал; Он удостоил меня, когда я был один, откровения относительно вас, потому что Сам Он сказал мне: *иди, яко Аз во языцы далече послю тя* (Деян. XXII, 21). И справедливо (апостол) назвал это смотрением; подлинно, великое было смотрение, когда тот, кого нельзя было убедить никаким образом, призывается свыше, словами: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Деян. IX, 4), и при этом теряет зрение от неизреченного света. *Аще*, говорит, *слышасте смотрение благодати Божия, данныя мне в вас, яко по откровению сказася мне тайна, якоже преднаписах вмале* (ст. 3). Может быть, он объявил им об этом через кого-нибудь, а может быть, немного прежде и сам писал им. Здесь показывает он, что все от Бога, что мы от себя ничего не привносим. В самом деле, скажи мне, сам Павел, –

великий и дивный Павел, сведущий в законе, воспитанный со тщанием при ногах Гамалиила, — разве не благодатью спасен? Справедливо (апостол) называет это и тайной; подлинно тайна, каким образом язычники вдруг приведены в большее благородство, чем каково было благородство иудеев. *Якоже*, говорит, *преднаписах вмале*, то есть кратко, *о немже чтуще можете разумети* (ст. 4); итак — увы — он не обо всем писал и не обо всем том даже, о чем нужно было писать. Впрочем, здесь это зависело от свойства обстоятельств, тогда как в других случаях, как, например, в отношении к евреям, к коринфянам, это зависело от их пороков. О *немже*, говорит, *можете чтуще разумети разум мой в тайне Христове* (ст. 4), то есть (можете узнать) как я понял и как уразумел или вообще откровение Божие, или собственно ту истину, что Он (Сын) седит одесную (Отца). Потом (апостол) указывает на особое преимущество, говоря, что не со всяким народом Бог так поступал. Какой же это народ, для которого Бог сделал так много? (Апостол) показывает это, говоря: *якоже в инех родех не сказася сыном человеческим, якоже ныне открыся святым его апостолам и пророкам Духом* (ст. 5). Итак, скажи мне, неужели чего-нибудь не знали пророки? Каким же образом после этого Христос сказал, что Моисей и пророки писали это о Мне? И в другом месте: *аще бо бысте веровали Моисеови, веровали убо Мне* (Ин. V, 46). И еще: *испытайте писаний, яко в них вы мните имети живот вечный, и та суть свидетельствующая о Мне* (Ин. V, 39). (Апостол) говоря это, указывает или на то, что не всем людям было открыто, потому что прибавляет: *яже в инех родех не сказася сыном человеческим, якоже ныне открыся*, или на то, что это не так обнаружилось в их делах и поступках: *якоже ныне открыся святым его апостолам и пророкам Духом Святым*. Подумай в самом деле: Петр не пошел бы к язычникам, если бы не услышал указания от Духа. Вот послушай, что он говорит: *убо даде им Бог* Духа Святого, *якоже и нам* (Деян. XI, 17). Слова (апостола Павла) *Духом Святым* значат то, что Бог через Святого Духа удостоил их участия в благодати. Говорили об этом и пророки, но (люди) никогда бы с такой ясностью не узнали этого, как узнали, услышав апостолов, которые пре-

взошли всякий человеческий ум и общие ожидания. *Быти языком снаследником и стелесником и спричастником* (ст. 6).

Что значит быть сонаследниками, сопричастниками обетования и стелесниками? Значение этих слов высоко: они означают то, что (язычники и иудеи) соединены в одно тело, в тесный союз. Что (язычники) будут призваны, это известно было и прежде; но что к этому именно они будут призваны, никто не знал. Потому-то (апостол) и называет это *тайною обетования*. Израильтяне и прежде были причастниками обетования Божия; теперь сопричастниками сделаны и язычники. О *Христе благовествованием* (ст. 6), то есть (язычники сделались сопричастниками обетования) через то, что к ним посланы были (благовестники), и они им поверили. Итак, не просто (сделались сопричастниками обетования), но через благовествование. Впрочем, это еще не велико и не важно; (апостол) открывает нам большее и важнейшее, именно, что не только люди, но ни ангелы, ни архангелы, ни иная какая сотворенная сила не знали этого. Это было вполне тайной, никому не известной. *Разумети*, говорит, *разум мой* (ст. 4). Быть может, этими словами (апостол) намекает на то, о чем сказал им в Деяниях, на некоторое его убеждение в том, что и язычники должны быть призваны; такое разумение тайны он выразил выше, сказав, что (Христос) *оба созиждет во единаго новаго человека* (II, 15). И он, и Петр через откровение были научены, что не должно отвращаться язычников; (об откровении же) он говорит с целью защитить себя. *Емуже бых служитель по дару благодати Божия, данныя мне по действу силы Его* (ст. 7). Сказав, что он (за язычников) терпит узы, (апостол) снова относит все к Богу, говоря: *по дару благодати* его, – так как по силе этого дара он удостоен этой чести. Но дар был бы недостаточен, если бы вместе с ним не влагалась и сила (Божия).

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила. (Апостол) внес в дело своего благовестия следующие три качества: пылкую и неустрашимую ревность, душу, готовую претерпеть решительно все, разум и мудрость. Но недостаточно было бы отваги, недостаточно было бы безукоризненной

жизни, если бы он не получил силы Духа. Для этого посмотри на него самого, или, лучше, послушай, что он пишет: *да служение* наше *безпорочно пребудет* (2 Кор. VI, 3); еще: *утешение бо наше не от прелести, ни от нечистоты, ни в словеси ласкания, ниже в вине лихоимания* (1 Сол. II, 3, 5). Видишь ли, как беспорочно (служение апостольское)? И еще: *промышляюще добрая пред всеми человеки,* а не перед лицом только Господа (Рим. XII, 17). Затем обрати внимание на следующие слова: *по вся дни умираю, тако ми ваша похвала, братие, юже имам о Христе Иисусе* (1 Кор. XV, 31); и еще: *кто ны разлучит от любве* Христовы? *Скорбь ли, или теснота, или гонение* (Рим. VIII, 35)? еще: *в терпении мнозе, в скорбех, бедах,* в гонениях, *в теснотах, в ранах, в темницах* (2 Кор. VI, 4). Потом касательно своего благоразумия он говорит: *бых иудеем яко иудей, беззаконным яко беззаконен, подзаконным яко подзаконен* (1 Кор. IX, 20, 21). Подвергает себя опасностям и творит бесчисленные (подвиги). Но что самое главное, в нем всегда действовала сила Святого Духа. *Не смею бо,* говорит он, *глаголати что, ихже не содея Христос мною* (Рим. XV, 18); еще: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей* (2 Кор. XII, 13); еще: *ничимже бо лишихся первейших апостол, аще и ничтоже есмь* (2 Кор. XII, 11). Без этих качеств он не мог бы (иметь успеха). Итак, не через знамения он обращал к вере, не чудеса его были причиной того и не ими он хвалился, а другими (своими качествами). (Благовестник) должен быть безукоризненным по жизни, и мудрым, и готовым на все опасности, и учительным; эти качества преимущественно и отличали его действия. Если бы и у нас были они, то не нужно было бы и чудес. Вот мы видим, что он прежде, чем совершил какое-либо знамение, уже сделал бесчисленные подвиги этого рода. А мы теперь, не имея ни одного из этих качеств, хотим между тем, чтобы все нам повиновалось. Впрочем, если бы даже и были в нас эти качества, но не все, то нам они не принесли бы пользы. Что, в самом деле, пользы в твоей готовности терпеть опасности, если жизнь твоя подает повод к нареканиям? *Аще свет, иже в тебе, тма есть,* сказал (Спаситель), *то тма колькми* (Мф. VI, 23)? Какую пользу принесет жизнь самая безукоризненная, если ты беспечен и сонлив?

Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, говорит (Спаситель), *несть Мене достоин* (Мф. X, 38). (Тот не добрый пастырь), кто не положит душу свою за овцы (см.: Ин. X, 11). Какая будет польза от обоих этих качеств, если не будет при них мудрости, чтобы знать, как ответить каждому? Если знамений и нет в наше время, то эти качества должны быть. Впрочем (апостол), показавши эти свои качества, все приписывает благодати: это признак благодарного раба. И мы никогда бы не узнали о его подвигах, если бы обстоятельства не поставили его в необходимость (говорить о них). После этого достойны ли мы хоть воспоминать Павла? Он, имея благодать, споспешествовавшую ему, не думал, однако же, что этого уже и достаточно, но сам себя подвергал тысячам опасностей; мы же, не имеющие такого дерзновения, из какого, скажи мне, источника почерпнем надежды, что сохраним души, вверенные нашему попечению, и что привлечем не вошедших еще (в Церковь)? (Каким образом можем надеяться на это мы), люди, которые заботимся только об удовольствиях, ищем всегда одного только — покоя, не можем, или, лучше, не хотим подвергаться опасностям даже во сне, которые по мудрости так же далеко отстоим (от Павла), как небо от земли? Потому-то и пасомые нами так много ниже тогдашних. Тогдашние ученики были лучше теперешних учителей: среди народа и тиранов им грозили, у них везде были враги, и, однако, ничто не могло преклонить и поколебать их хотя бы на короткое время.

Послушай, что говорит (апостол) в послании к Филиппийцам: *яко вам даровася еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (I, 29). И еще в послании к Фессалоникийцам: *вы бо подобницы бысте церквам Божиим, сущим во Иудеи* (II, 15, 16). И в послании к Евреям он пишет: *и разграбление имений ваших с радостию приясте* (X, 34). О колоссянах в послании к ним свидетельствует следующее: *умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (III, 3); и о других многих опасностях, которым они подвергались, он оставил свидетельство. К галатам писал он: *толика пострадасте туне, аще точию и туне* (III, 3). Видишь ли, тогда все о том только и думали, чтобы совершать доброе. Потому-

то тогда и благодать действовала с такой силой; потому-то тогда и жизнь проводили в подвигах. Но послушай, что он пишет к коринфянам, которых он обвинял в бесчисленных преступлениях. Не с похвалой ли он отзывается и о них, говоря о их *тщании и вожделении* (2 Кор. VII, 11)? Между тем и того, что он хвалит в коринфянах, никто не заметит даже в учителях настоящего времени. Итак, все погибло и пропало. Причина же этого в том, что охладела любовь и что согрешающие не несут должного наказания. Послушай, что он писал к Тимофею: *согрешающих пред всеми обличай* (1 Тим. I, 20), а ныне (грехами) страдают начальники. А когда голова нездорова, может ли быть здоровым остальное тело? Притом посмотри, какой теперь неестественный порядок дел. Правильно живущие и как-нибудь сохранившие еще дерзновение (к Богу) занимают вершины гор, они удалились из среды нас, как общества чуждого им и враждебного, а не родственного. Беззаконники же, обремененные тысячей преступлений, вторглись в Церковь, откупщики сделались настоятелями. Отсюда происходят тысячи зол, и нет никого, кто бы исправил, кто бы вразумил. Напротив, это бесчиние получило некоторый законный вид и свободно распространяется. Согрешил ли кто и обвиняется? Таковой не о том старается, чтобы доказать свою невинность, а о том, как бы найти сообщников для своих преступлений. О, с каким ужасом представляю себе, что угрожает нам геенна! Поверьте мне, если бы Бог не готовил нам наказания там, мы видели бы каждый день страшные зрелища, ужаснее бед, перенесенных иудейским народом. Что в самом деле творится у нас? Впрочем, никто не сердись: я никого не назову по имени. Если бы кто-нибудь, придя в церковь и став посреди вас, находящихся теперь с нами, произвел испытание, или даже не теперь это сделал, а в день Святой Пасхи, — захотел бы тщательно испытать всех, пришедших сюда и приготовившихся приступить к тайнам, захотел, говорю, испытать для того, чтобы узнать подробно все, содеянное ими, то сколько бы он нашел зол, гораздо более тяжких, чем беззакония иудеев? Он нашел бы гадающих по полету и крику птиц, прибегаю-

щих к чарам, к наговорам и припевам, нашел бы блудников, прелюбодеев, пьяниц и хулителей. Я не хочу уже упоминать о любостяжателях, чтобы не коснуться кого-либо из здесь стоящих. Что же после этого, если бы кто-нибудь исследовал всех, приходящих в храмы целой вселенной, – какого преступления он не встретил бы? Он увидел бы начальников, жадных до денег, увидел бы, что должности приобретены ими через куплю, увидел бы между ними много завистливых, склонных к клевете, тщеславных, преданных ненасытному корыстолюбию, раболепствующих деньгам. При столь великом нечестии можно ожидать всякого зла. И чтобы вам узнать, какого наказания заслуживают преданные этим грехам, припомните древние события. Один воин украл часть священных сокровищ – и стали погибать все. Вы знаете, без сомнения, эту историю? Я говорю о Хармии, укравшем часть военной добычи, посвященную Богу (см.: Нав. VII, XXII). Некогда пророк говорил, что страна их исполнена волхвований, как будто страна чужеземная (см.: Ис. II, 6). Теперь же все и везде исполнено зла и никто не страшится! Между тем следовало бы страшиться: Бог наказывает и праведных вместе с нечестивыми, как это было с Даниилом, с тремя отроками, как это было со многими другими, как наконец случается и ныне на войнах. Праведные через эти бедствия, ниспосылаемы на них свыше, свергают с себя ту тяжесть грехов, какую они имеют; нечестивые же нет. Вследствие всего этого будем внимательны к самим себе. Не видите разве браней? Не слышите разве о бедствиях? Или вас ничто это уже не вразумляет? Народы и целые города погибли и разрушены; тысячи попались в рабство к варварам. Если геенна не вразумляет вас, вразумитесь хоть этими бедствиями. Может быть, вы думаете, что это не прещения (Божии), что это просто обыкновенные события? Погибшие понесли великое наказание; но мы понесем еще большее, если не образумимся при виде стольких бедствий. Знаю, жестоки мои слова; но если вы вникнете в них, они принесут пользу. Хотя сказанное, конечно, не преподает вам благодати, этого никогда и ждать нельзя, но оно всегда в состоянии смирить и вразумить душу. А это послужит за-

логом будущих благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Мне меншему всех святых дана бысть благодать сия, во языцех благовестити неизследованное богатство Христово, и просветити всех, что есть смотрение тайны, сокровенныя от веков в Бозе, создавшем всяческая Иисус Христом: да скажется ныне началом и властем на небесных церковию многоразличная премудрость Божия, по предложению веков, еже сотвори о Христе Иисусе Господе нашем (Еф. III, 8—11)

Кто посещает лечебницу, посещает ее не просто, но с тем намерением, чтобы научиться врачеванию и употреблению лекарств. Так и мы, собравшись здесь, не просто собрались, но чтобы познать обилие смиренномудрия Павла. Что именно? Намереваясь сказать о величии благодати Божией, послушай, что он говорит: *мне меншему всех святых дана бысть благодать сия.* Выказал он смиренномудрие и тем, что оплакивал прежние грехи, уже исправленные, помнил о них, и был скромен до того, что называл себя хульником, гонителем и обидчиком; но с тем (что он говорит теперь) ничего и сравнить нельзя. Прежде, говорит, я был таким-то и называет себя извергом; но когда теперь совершенно исправившись, все еще уничижает себя и называет себя меньшим всех, это подлинно великая и необыкновенная скромность. *Мне меншему всех святых.* Не сказал: (меньшему) апостолов, так что употребил выражение, уничиженнее этого последнего. В ином месте он сказал: *несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. XV, 9), здесь же называет себя даже меньшим всех святых: *мне,* говорит, *меншему всех святых дана бысть благодать сия.* Какая? *Во языцех благовестити неисследованное богатство Христово, и просветити всех, что есть смотрение тайны, сокровенныя от веков в Бозе, создавшем всяческая Иисус Христом: да скажется ныне началом и властем на не-*

бесных церковию многоразличная премудрость Божия. Пусть это не было открыто людям, но неужели ты просвещаешь и ангелов, и архангелов, и начала, и власти? Просвещаю, говорит, потому что в Боге было это сокрыто, в Боге, *создавшем всяческая Иисусом.* И ты дерзаешь это сказать? Да, дерзаю, — говорит. Но как же это сделалось известным ангелам? Через Церковь. И притом не просто сказал: да (скажется) различная премудрость Божия, но — *многоразличная.* Итак, что же? В самом деле ангелы не знали ее? Вовсе не знали: если начала не знали, то тем более ангелы не знали. Что же, не знали и архангелы? Не знали и они: откуда они могли узнать? Кто мог им открыть? Когда узнали мы, тогда узнали и они через нас. Послушай, что ангел говорит Иосифу: *наречеши имя ему Иисус: той бо спасет люди своя от грех их* (Мф. I, 21). Он (Павел) был послан к язычникам, а те (другие апостолы) — к обрезанным. Потому-то особенно удивительны и поразительны его слова: *мне дана бысть меншему.* Но и это было делом благодати, что меньшему были поручены истины величайшие, что он был их благовестником, ведь сделавшийся благовестником величайшего через это становится велик и сам. *Во языцех благовестити неисследованное богатство Христово.* Если богатство (Христа) остается неисследованным даже и после Его явления, то тем более неисследованно существо Его. Если и теперь еще есть здесь тайна, то тем более была она прежде, нежели узнали ее. Тайной же называет это (богатство любви Христовой) потому, что оно не было известно ни ангелам, никому другому. *И просветити всех,* говорит, *что есть смотрение тайны, сокровенныя от веков в Бозе, создавшем всяческая Иисус Христом.* Ангелы знали только то, что *бысть часть Господня людие его* (Втор. XXXII, 9). Притом же в другом месте сказано: *князь же царства Персскаго стояше противу мне* (Дан. X, 13). Потому неудивительно, если они не знали этого. Если не знали того, что касалось возвращения (израильтян), то тем более они не могли знать этого (богатства любви Христовой), так как оно открылось через Евангелие. *Сей,* говорит, *спасет людей своих Израиля.* Здесь ничего не говорится о язычниках; но о них открывает Дух. О призвании их было

известно, но что при этом они воссядут и на престоле Божием, этого кто мог ожидать, кто мог этому поверить? *Сокровенныя*, говорит, *в Бозе*. Впрочем, это *смотрение* (о спасении язычников) яснее раскрывает в послании к Римлянам. *В Бозе*, говорит, *создавшем всяческая Иисус Христом*. Хорошо он сделал, что, воспоминая о творении, сказал: *Иисус Христом*. Ведь сотворивший все через Него и это открывает через Него: *без Него*, сказано, *ничтоже бысть* (Ин. I, 3). Сказавши о началах и о властях, сказал и о горнем, и о дольнем. *По предложению веков*. Ныне, говорит, совершилось, но не ныне определено, а предначертано издревле. *По предложению веков, еже сотвори о Христе Иисусе Господе нашем*, то есть по предведению веков, наперед зная будущее, грядущие века, потому что он знал, что будет, и согласно с тем определил. *По предложению веков*, конечно тех, которые сотворил Иисусом Христом, потому что через Христа *вся быша* (Ин. I, 3). *О Немже имамы*, говорит, *дерзновение и приведение в надеяние верою Его* (ст. 12). Не как пленники, говорит, мы приведены, не как удостоенные прощения; не как согрешившие: *имамы*, говорит, *и дерзновение в надеяние*, то есть со смелостью (надеемся). Почему же так? По вере в Него. *Темже молю вы не стужати си в скорбех моих о вас, яже есть слава ваша* (ст. 13). Почему же о них? И почему (скорби его) составляют их славу? Потому что Бог так возлюбил их, что отдал за них Сына и поедал на страдания Своих рабов (апостолов). В самом деле, и Павел был в узах для того, чтобы они получили такие блага. Так велика к ним любовь Божия! То же говорит Бог и о пророках: *убих я словесем уст моих* (Ос. VI, 5). Как же они *стужали си*, когда другой скорбел? Это значит, что они приходили в страх, смущались. Об этом он пишет и фессалоникийцам, говоря: *яко ни единому смущатися в скорбех сих* (Сол. III, 3). Должно не только не скорбеть, но и радоваться. Впрочем, если вас может утешить предсказание, то предсказываем вам, что мы здесь испытаем скорби. Почему же? Потому что так повелел Владыка. *Сего ради преклоняю колена моя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (ст. 14–15). Здесь (апостол) показывает отличительную черту своей мо-

литвы за них. Не сказал просто: *молю,* но сказал: *преклоняю колена моя,* и тем выразил свое усиленное моление о них. *Из Негоже всяко отечество.* Уже не говорит (об отечестве, которое было разделено) *по числу ангел Божиих* (Втор. XXXII, 8), но о Том, Кто сотворил и горния, и дольния колена, – не такие, каковы иудейские. *Да даст вам, по богатству славы своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша* (ст. 16–17). Смотри, с какой ненасытностью просит им благ для того, чтобы они не колебались. А каким образом это совершается? *Духом Святым во внутреннем* вашем *человеце вселитися Христу верою в сердца.* Как именно? *В любви вкоренени и основани, да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову.*

О чем молился (апостол) вначале, о том и теперь. О чем же он говорил вначале? *Да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, даст вам Духа премудрости и откровения в познание Его, просвещенна очеса сердца вашего, яко уведети нам, кое есть упование звания Его и кое богатство славы достояния Его во святых, и кое преспеющее величество силы Его в нас верующих* (Еф. I, 17–19). И теперь говорит то же самое: *да возможете разумети со вами святыми, что широта и долгота и глубина и высота,* то есть (да возможете) с точностью познать тайну домостроительства нашего спасения. Широтой и долготой и глубиной и высотой он называет познание богатства любви Божией, того, как она повсюду распространилась. Описывает же ее телесными чертами, приспособляясь к понятиям человеческим; (для того и говорит), что она обняла и верхнее и нижнее и находящееся по сторонам. Мы сказали, говорит, что этому может научить не наше слово, а Святой Дух. Его *силою,* говорит, *утвердитися* против искушений и обольщений, потому что не иначе можно утвердиться в добре, как через испытания и при помощи благодати Божией. А о том, каким образом Христос обитает в сердцах, послушай, что говорит Он Сам: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). Обитает же не просто, но в сердцах верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему. *Да возможете,* говорит, то есть нужно

много силы. А для чего нужна эта сила, объясняя это, прибавляет: *разумети со всеми святыми, что глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову. Да исполнимся во всяко исполнение Божие* (ст. 18—19). Это значит: хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы познаете ее, если в вас будет обитать Христос, и не только познаете, но *исполнитеся во всяко исполнение Божие.* Под исполнением же Божиим он или разумеет познание того, как во Отце и Сыне и Святом Духе воздается поклонение Богу, или побуждает к тем подвигам, через которые можно было бы исполниться таких добродетелей, какими исполнен Бог. *Могущему же паче вся творити по преизбыточествию, ихже просим или разумеем, по силе действуемей в нас* (ст. 20). Хорошо сказал: *по силе,* потому что силе свойственно получать то, чего мы никогда и не ожидали. А что (Бог) делает для нас более, чем мы *просим и разумеем,* это видно из написанного самим (апостолом). Я, говорит он, молюсь: а Он и без моей молитвы сделает больше наших прошений, и не просто только больше или обильнее, но *по преизбыточествию,* выражение, которое показывает особенную великость дара. Откуда же это видно? Из силы, говорит, действуемой в нас, потому что мы никогда этого не просили и не ожидали. *Тому слава в церкви о Христе Иисусе во вся роды века веков. Аминь* (ст. 21). Хорошо сделал (апостол), что заключил свое слово молитвой и славословием: должно прославлять и благословлять даровавшего нам такие блага. Достойно удивления также и то, что за дары, полученные нами от Бога, славит (Его) о Христе Иисусе. Хорошо сказано и это: *слава Его в церкви,* потому что известно, что Церковь будет существовать всегда. А так как она всегда пребывает, то (апостол) хочет, чтобы и мы прославляли Бога до скончания мира, что и объяснил он, сказавши: *во вся роды века.* Необходимо сказать еще, что такое — отечествия? Здесь (на земле) под словом «отечествия» (поколения) разумеются роды; но каким образом будут роды на небе, где никто не родится один от другого? Вероятно, (апостол) называет здесь отечествиями небесные сонмы, так как и в Писании поколение Мерарино называется сонмом

(см.: Чис. IV, 33). Не всего (апостол) просит от Бога, но требует и от них веры и любви, и не просто любви, но любви, вкоренившейся в нас и твердой, такой любви, которой бы и ветры не поколебали, и иное что не разрушило. (Апостол) сказал, что скорби составляют славу; если же таковы мои скорби, тем более таковы ваши собственные.

Итак, скорби еще не служат признаком того, будто мы оставлены (Богом): явивший к нам такую благость, конечно, не оставит нас. Если же (апостолу) Павлу нужна была молитва и помощь Духа для того, чтобы он мог узнать любовь Божию, то кто после этого познает существо Христово, руководясь одними умствованиями? А разве, в самом деле, так трудно познать, что Бог любит нас? Очень трудно, возлюбленный! Одни не знают даже и этого – отчего, как говорят, и случаются в мире тысячи зол, а другие не знают меры (этой любви). Павел не отыскивает этой меры и не хочет измерять ее (любовь), да и как бы он мог это сделать. Но говорит, что превосходное и великое дело познать (богатство любви), и что он это самое может доказать познанием, которого мы удостоились. Что выше того, чтобы *утвердитися* и *по силе* иметь в себе Христа? Многого, говорит, мы и просим (у Бога); но Он может сделать для нас гораздо больше, нежели сколько мы просим, чтобы мы не только любили Его, но и сильно любили. Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Божию. Это важно для нас: ничто другое не приносит нам столько пользы, ничто столько не возвышает нас. Познание этой любви может действовать на души более, чем страх геенны. Откуда же мы ее узнаем? И из сказанного, и из того, что каждодневно совершается. Для чего в самом деле сотворено все это? Для какой нужды? Ни для какой. Причина бытия и горних и дольних существ – одна любовь (Божия). Но особенно эта любовь видна из того, что Он благотворит людям, сам наперед ничего не получив от них. Потому, в подражание Ему, будем и мы благотворить врагам, не отвергнем тех, кто ненавидит нас и отвращается от нас. Это уподобляет нас Богу. Если, сказано, ты любишь любящего, какая польза. Это и язычники делают (см.: Мф. V, 46, 47). Но что служит призна-

ком истинной любви? Любовь к ненавидящему. Я хочу привести пример, и, простите мне, не находя его в области предметов духовных, заимствую его из плотской жизни. Не видите ли вы любовников? Сколько они терпят от любовниц обид, сколько коварства, сколько вреда, как бывают мучимы и иссушаемы ими, и тем не менее они любят их более своей души, проводя ночи у дверей их. Научимся этим примером, конечно, не тому, чтобы любить этих распутных женщин, но чтобы так любить врагов. В самом деле, скажи мне, не хуже ли всех врагов поступают (любовницы с пристрастившимися к ним). Не расточают ли они их имущества, не наносят ли им личных оскорблений и не повелевают ли ими с большею властью, чем своими рабами? Однако (любовники) не отстают от них. И никто не имеет такого врага, какого имеет любовник в своей любовнице, потому что любовница и гордится им, и бесчестит его, и часто злоупотребляет им, и поступает с ним тем презрительнее, чем более бывает любима им. Что звероподобнее души с таким настроением? Однако любят (любовники своих любовниц). Впрочем, сейчас найдем такую любовь и у духовных (людей), не нынешних, потому что ныне она охладела, а у древних, великих и дивных мужей.

Блаженный Моисей превзошел и тех, которые имеют страстную любовь. Как и каким образом? Во-первых, покинув царский двор с его роскошью, почести и славу, он предпочел лучше быть с израильтянами. А этого другой не только не сделал бы, напротив, покраснел бы, если бы кто уличил его в родстве не только с рабами, но и с людьми, которых считают за преступников. Он же не только не устыдился родства, но и показал себя самым ревностным защитником (израильтян) и за них сам подвергся опасности. Как? Видя, сказано, что один обижает другого, он защитил обижаемого и убил обидчика. Но это еще он сделал не для врагов. Правда, велик и этот поступок, но не так, как то, что после случилось. На другой день он увидел то же самое, и видя, что обижает тот, за которого он отомстил (вчера), убеждал его не делать обиды. А этот человек, по своей крайней непризнательности, и говорит (ему): *кто тя постави*

князя и судию над нами (Исх. II, 13)? Кого не раздражили бы такие слова? Если бы прежнее дело было совершено под влиянием гнева и безрассудной раздражительности, то и этого человека (Моисей) убил бы. Тот, для которого это было бы сделано, не донес бы на него. Но он, – говорит (Писание), – сказал так потому, что они были в родстве между собою; напротив, будучи сам обижаем, не говорит ничего такого; *кто тя постави князя и судию над нами?* Почему же ты не говорил так вчера? Обида, нанесенная тобой, и твоя жестокость и поставили меня князем и судьей. Но, заметь, ныне некоторые говорят это и Богу. Они желают, чтобы (Бог) был жесток к тем, которые их обижают, и обвиняют Его в долготерпении к ним, – хотя сами, обижая других, этого не делают. Что оскорбительнее таких слов? Однако и после этого, когда был посылаем к непризнательным и неблагодарным, (Моисей) пошел и не отказался. Мало того, когда после знамений и чудес, совершенных им, намеревались побить его камнями, и он избегал рук их, оставаясь, однако же, предметом постоянного их ропота, (пророк) любил их такой любовью, что, после совершения народом известного тяжкого греха, говорил Богу: *аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги, в нюже вписал еси* (Исх. XXXII, 32). Лучше желаю, говорит, с ними погибнуть, чем без них спастись. Вот поистине – не рассуждающая, какая-то страстная любовь! И что ты говоришь? Ты не дорожишь небом? Не дорожу, говорит, потому что люблю согрешивших. Хочешь быть изглажденным? Как же и быть иначе? Я люблю, говорит. Между тем, что последовало далее? Послушай, что говорит Писание в другом месте: *и озлоблен бысть Моисей их ради* (Пс. CV, 32). Сколько раз они оскорбляли его! Сколько раз оставляли и его, и его брата! Сколько раз хотели возвратиться в Египет! И после всего этого он горел и пламенел (любовью), и готов был пострадать за них. Так должно любить врагов! Подвергаясь их нападениям, мучениям, терпя от них лишения, должно желать им спасения. Да и Павел, скажи мне, не желал ли быть ввергнутым в геенну, вместо них (израильтян)? Но нельзя при этом не привести в пример и Самого Владыку, как

Он поступил, когда сказал: *солнце свое сияет на злыя и благия* (Мф. V, 45). Он (Спаситель наш) приводит в пример Отца; а мы приведем Его – Христа. Он пришел к нам, – разумею Его домостроительство, соделался рабом ради нас, смирил Себя, истощил, принял зрак раба; придя (на землю), хотя Сам не пошел на путь языков, но повелел это ученикам, и не только это сделал, но и обходил (различные места), врачуя всякую болезнь и всякую немощь.

Что же? Все дивились и в недоумении говорили: *откуду Ему сия* (Мф. XIII, 56)? А те, которые получили от Него благодеяния, говорили: *беса имать* (Ин. X, 20), Он хульник, безумец и обманщик (см.: Мф. IX, 3; XXVII, 63). Что же, отогнал ли Он их от Себя? Нет; напротив, слыша это, благотворил еще более, шел к тем, которые намерены были распять Его, как будто им-то Он и должен был послужить во спасение. И, будучи распят, что Он говорил? *Отче, отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. XXIII, 24). И прежде, и после того, терпя зло, Он до последнего издыхания все делал для них и молился за них. И после распятия чего не совершил для них? Не послал ли апостолов? Не явил ли знамений? Не поколебал ли и земли для них? Так должно любить врагов из подражания Христу! Так поступал и Павел: побиваемый камнями, претерпевая тысячи страданий, все делал для них (врагов своих). Послушай, что он говорит: *благоволение моего сердца, и молитва, яже к Богу по них есть во спасение;* и еще: *свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут* (Рим. X, 2); и опять: *аще ты, дивия маслина сый, прицепился еси, кольми паче сии прицепятся своей маслине* (Рим. XI, 17). С какой нежной любовью говорит он эти слова, с каким благорасположением? Этого невозможно и высказать, поистине невозможно! Так должно любить врагов. Любовь ко врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благодеяния врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинуешься Богу. Итак, зная это, утвердимся во взаимной любви, чтобы, в точности выполнив ее, получить обетованные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Молю убо вас аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиренномудрием и кротостию (Еф. IV, 1)

Достоинство учителей состоит не в том, чтобы стараться о приобретении чести и славы у своих учеников, но в том, чтобы вести их ко спасению, и все свои действия направлять к этой цели. Если бы какой учитель заботился только о первом (своей чести и славе), он был бы не учителем, а тираном. И Бог поставил тебя над ними не для того, чтобы ты наслаждался большим почетом, но для того, чтобы, забывая себя, помышлял только о том, что относится к ним. Таков долг учителя. Таким был блаженный Павел; он был чужд всякой гордости и вел себя наравне с другими, даже так, как будто он был меньше других: называл себя их рабом и очень много наставлений преподавал в виде просьбы. Вот, смотри, и теперь пишет не повелительным, не властным тоном, а кротко и смиренно: *молю убо вас*, говорит, *аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте.* Скажи мне, для чего ты просишь? Для того ли, чтобы тебе самому получить что-нибудь? Нет, говорит, а для того, чтобы спасти других. Но кто просит, тот просит о полезном для него самого? И мне это полезно, говорит, как я и написал об этом в другом месте: *мы ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8). Так всегда сильно желал спасения ученикам своим! *Аз, юзник о Господе.* Подлинно, великая и важная честь (быть в узах ради Господа), – она выше и царского, и консульского, и всякого другого достоинства.

Об этом же (узах своих) говорит и в послании к Филимону: *якоже Павел старец, ныне же и узник Христа* (Флм. 9). В самом деле нет ничего так славного, как узы ради Христа, как оковы, возложенные на эти священные руки. Быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником. Кто любит Христа, тот понимает эти слова. Кто неудержимо стремится к Владыке и горит любовью к Нему, тот знает силу уз. Павел предпочел бы уз-

ничество ради Христа жизни на небесах. Его (скованные) руки для них (учеников его) казались светлее всякого золота, всякого царского венца. Не столько блестит на голове повязка с драгоценными камнями, сколько железные оковы ради Христа. Тогда темница бывает светлее царских чертогов. Что говорю — царских? Светлее и самого неба, потому что содержит в себе узника Христова. Кто любит Христа, тот знает это достоинство, знает эту добродетель, знает, сколько благ принесло роду человеческому узничество ради Него. Быть может, узы ради Него славнее сидения одесную Его, досточтимее восседания на двенадцати престолах. И что сказать мне (после этого) о человеческих (благах)? Стыжусь сравнивать богатство и золотое украшение с узами. Но, переставши говорить о величии уз, (скажу), что если бы узы ради Христа ничем не награждались, то все же велика была бы награда, достаточно воздаяние уже в том одном, что эти страдания претерпеваются ради любимого. Слова эти понятны любящим, если не Бога, то людей, — тем, которые более радуются, терпя страдания ради своих возлюбленных, чем получая от них почести. Понятны они были и священному сонму апостольскому. В самом деле, послушай, что говорит блаженный Лука: *они идяху радующеся от лица собора, яко за имя* Христово *сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). Иным кажется смешно бесчестие считать достоинством и обращать в предмет радости. Но знающие Христову любовь считают это (бесчестие) выше всякого блаженства. Если бы кто давал мне или все небо, или эти оковы, я предпочел бы их. Если бы кто хотел поместить меня или в горних с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я избрал бы темницу. Если бы кто делал меня одной из тех сил, которые окружают небо и престол (Божий), или таким узником, я предпочел бы сделаться этим узником. И справедливо. Нет ничего блаженнее этих оков. Я желал бы теперь быть в тех местах, где, говорят, еще хранятся эти узы, посмотреть их и подивиться людям, имевшим столь сильную любовь ко Христу. Я желал бы видеть оковы, которых ужасаются и трепещут демоны, которые почитаются ангелами. Нет ничего лучше злострадания ради Христа.

Я не столько ублажаю Павла за то, что он был восхищен в рай, сколько за то, что был ввергнут в темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышал неизреченные глаголы, сколько за то, что был в узах. Не столько ублажаю его за то, что восхищен был на третье небо, сколько – за узы. А что узы больше всего этого, он знал это и сам. Вот послушай: он не сказал: молю вас аз, слышавший неизреченные глаголы. А что? *Молю вас аз, юзник о Господе.*

Неудивительно, если он не употребляет этих слов во всех посланиях, ведь он был в узах не всегда, а по временам. Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это – великая честь, это – слава, выше которой нет ничего. Если Он, сделавшись для меня рабом и ни во что вменивши славу, ничего не считал для Себя столько славным, как распинаться за меня, то чего не должен я претерпеть? Послушай, что говорит Он Сам: *прослави Мя Ты, Отче* (Ин. XVII, 1). Что говоришь? Тебя вместе с разбойниками и грабителями ведут на крест, чтобы подвергнуть позорной смерти; Ты терпишь заушения и заплевания, и Ты это называешь славой? Называю, говорит. Так как Я страдаю за любимых Мной, то и считаю (эти страдания) славой. Если же Он, возлюбивши достойных сожаления и несчастных, называет страдания славой, если для Него слава состояла не в том, чтобы быть на престоле Отчем, не в славе, а в бесчестии, и последнее Он предпочитал первому, то тем более я должен считать это славой. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные этими узами! Не столько были почтенны Павловы руки, когда они поставили на ноги и даровали способность ходить хромому в Листре (см.: Деян. XIV), сколько тогда, когда находились в узах. Если бы я жил в те времена, то по преимуществу лобзал бы их и прилагал бы их к своим зеницам. Я непрестанно лобзал бы руки, удостоившиеся быть в узах ради моего Владыки. Ты дивишься Павлу, что ехидна, коснувшись его руки, ничего ему не сделала. Не дивись: она устрашилась оков; их страшилось и целое море, потому что тогда он был в оковах. Если бы кто давал мне силу воскрешать мертвых, я избрал бы не ее, а оковы. Если бы я не имел забот

по церкви и мои телесные силы были крепки, то не отказался бы совершить столь дальнее путешествие для того, чтобы только видеть Павловы оковы и темницу, в которой он был заключен. Хотя везде встречаются памятники его чудес, но они не производят такого впечатления, как памятники его язв. И в Писаниях он не столько радует меня, когда совершает чудеса, сколько тогда, когда злостраждет, когда его бьют, влачат. Справедливо пользуются почитанием платки и полотенца, от которых совершались чудесные действия, они тоже достойны удивления, но не такого, как те (апостольские страдания). Сказано: бивше его, и *многи давше раны, всадиша в темницу* (Деян. XVI, 23); еще: *узники, пояху Бога* (Деян. XVI, 25); еще: *камением побивше* его, *извлекоша вне града, мняще его умерша* (Деян. XIV, 19).

Если хотите узнать, как много значат оковы, ради Христа налагаемые на тело (Его) раба, послушайте, что Сам Христос говорит: *блажени есте.* Когда? Когда будете воскрешать мертвых? Нет. Когда же? Когда будете врачевать слепых? И не в этом случае. А когда? *Егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради* (Мф. V, 11). Если же одно поношение доставляет столько блаженства, то чего не сделает злострадание? Послушай, что говорит сам блаженный (Павел) в другом месте: *прочее соблюдается мне венец правды* (2 Тим. IV, 8). Но узы славнее этого венца. Только бы их мне удостоиться, о другом же я и не рассуждаю. Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне дана будет возможность сказать, что я исполняю *лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. I, 24), и мне ничего более не нужно. И Петр удостоился таких оков. Он, сказано, был *связан,* и *предан воинам, и бе спя* (Деян. XII, 4– 6). Он так был спокоен в узах и так мало скорбел об этом, что мог уснуть, не овладел бы им глубокий сон, если бы он находился в большом беспокойстве. Он спал между воинами, — *и ангел Господень предста, толкнув же в ребра* его, *воздвиже его* (ст. 7). Если бы кто мне сказал: чем хочешь ты быть — ангелом ли, толкнувшим Петра, или спасенным Петром. Я предпочел бы быть Петром, для которого приходил и ангел. Мне были бы сладостны

эти узы. А зачем же, скажет кто-нибудь, он молится (по освобождении из темницы), как будто он освободился от величайшей беды? Не дивись этому. Он молится потому, что боялся умереть. Умереть же боялся потому, что хотел еще жить для страданий. Послушай, что говорит об этом и сам блаженный Павел: *разрешитися и* со *Христом быти, много паче лучше, а еже пребывати во плоти нужнейше есть вас ради* (Флп. I, 23, 24). Это же далее он назвал и даром: *яко вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но еже по Нем страдати* (ст. 29). Таким образом, последнее больше первого, потому что *даровася*. Поистине это величайший дар, и больший всех (других даров), и дара остановить солнце и луну, и дара подвигнуть мир. Это больше власти над демонами или силы изгонять демонов. Они не столько страдают, когда мы изгоняем их верой, сколько тогда, когда видят, что мы ради Христа терпим бедствия и бываем в узах. Это дает нам большее дерзновение (ко Христу). Хорошо быть в узах ради Христа не потому, что они доставляют нам царство, а потому, что это бывает ради Христа. Не потому я ублажаю узы, что они (как бы) наперед открывают путь к небу, а потому, что они претерпеваются ради Владыки неба.

Знать (апостолу), что он претерпевал узы ради Христа, сколько в этом утешения для него! Сколько радости! Сколько чести! Сколько славы! Я сам желал бы всегда говорить об этом, желал бы хотя прикоснуться к этим оковам; но как я лишен этого счастья на деле, то по крайней мере мысленно, через искреннее желание заключаю в них свою душу. Вследствие землетрясения, сказано, поколебалась темница с связанным Павлом, *и всем юзы ослабеша* (Деян. XIV, 26). Видишь ли свойство уз разрешать узы? Как смерть Господа умертвила смерть, так и Павловы узы разрешили узников, поколебали темницу, отворили двери. Впрочем, естественная сила уз не такая, а (совершенно) противоположная: крепко содержать узника и не расторгать перед ним стен (темницы). А то свойство, (о котором мы говорим), принадлежит не простым узам, но узам ради Христа. *Темничный страж прыпаде к Павлу и Силе* (ст. 29). Этого не делают обыкновенные узы, связавших не приводят к ногам связанных,

а, напротив, подчиняют последних первым. А теперь свободный был у ног узника, связавший просил связанного, чтобы этот освободил его от страха. Скажи мне, не ты ли связал его? Не ты ли заключил его во внутреннюю темницу? Не ты ли наложил на ноги его колодку? Что же трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем обнажил меч? Никогда, говорит, не случалось мне вязать таких (людей); я не знал, что такова сила узников Христовых. Что говоришь ты? Они получили власть отверзать небеса, ужели они не отворят темницы? Они разрешали связанных демонами, ужели железо будет сильнее их? Ты не знал этих мужей, потому и достоин извинения. Связанный — Павел, которого чтут все ангелы, Павел, платки и убрусы которого прогоняли демонов и исцеляли болезни. А демонские узы много крепче и неразрывнее железных, потому что первыми оковывается душа, а последними — тело. Итак, освобождающий связанные души неужели не мог освободить своего тела? Расторгавший узы демонов ужели не расторг бы железных уз? Разрешавший тех узников и освобождавший от власти демонов посредством своих одежд разве не освободился бы сам собой? Он был прежде связан, потом разрешил связанных, чтобы показать тебе, что рабы Христовы связанные имеют гораздо более силы, чем свободные от уз. Не было бы так удивительно, если бы он это сделал, будучи свободным от уз. Значит, узы были причиной не слабости, а большей силы. Так, сила святого блистательнее открывается тогда, когда, и связанный, он повелевает свободными от уз, когда сам узник, он освобождает не только себя, но и других узников. Какая польза от стен? Какая (польза) от того, что он был ввергнут во внутреннюю темницу, когда отворил и наружную? Но почему это совершилось ночью и с землетрясением? Впрочем, я уклонился от апостольских слов и слишком много занялся апостольскими делами, но будьте несколько снисходительны ко мне и позвольте мне усладиться Павловыми узами, позвольте еще долее остановиться на них. Я взялся за узы, и никто меня не оторвет от них. Я теперь крепче связан любовью, чем он тогда оковами. Этих уз никто не разорвет, потому

что они от любви Христовой. Их не могут разрешить ни ангелы, ни царство небесное. Послушаем, что говорит об этом сам Павел: *ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина возможет нас разлучити от любве* Христовы (Рим. VIII, 38, 39).

Для чего же это совершилось среди ночи, для чего с землетрясением? Внимайте Божию домостроительству и дивитесь. Узы ослабли у всех и отворились двери. Но это было сделано только для темничного стража, не для того, чтобы показать (ему силу уз), а для его спасения. Узники не знали, что они разрешены, как это видно из Павлова восклицания. Что именно говорится? *Возгласи же гласом велиим глаголя: ничтоже сотвори себе зла, вси бо есмы зде* (Деян. XVI, 28). Не были бы все (в темнице); если бы знали, что двери отворены, и сами они освобождены от уз. Те, которые разламывают стены, проникают через кровли и заборы, и решаются на все, будучи в оковах, не остались бы, когда и узы были разрешены, и двери отворены, и сам темничный страж спал. Но вместо уз железных на них были узы сна. Так устроено было для того, чтобы и дело совершилось, и от чуда не произошло никакого вреда для темничного стража, который должен был спастись. Притом узники особенно крепко связываются ночью, а не днем. Поэтому можно было их видеть опять связанными с большим старанием и погруженными в сон. Если же бы это совершилось днем, то произошло бы большое смятение. Для чего же было потрясено здание? Для того, чтобы темничный страж пробудился и увидел совершившееся, так как он один был достоин спасения.

Здесь, прошу тебя, посмотри на обилие благодати Христовой. Говоря о Павловых узах, благовременно вспомнить о благодати Христовой, тем более что самые узы составляют дело благодати Божией. Некоторые осуждают за то, что спасен был темничный страж, тогда как в этом случае и должно бы подивиться человеколюбию Божию. И неудивительно. Таково свойство (людей) немощных, что они порицают даже питательность пищи, которую следовало бы хвалить, и мед называют горьким. (Людей) больных глазами ослепляет свет, который должен бы был светить им,

хотя это зависит не от естественного свойства света, но от немощи тех, которые неспособны пользоваться им как должно. Что же они говорят? Тогда как следовало бы удивляться, что он (апостол) спас человека, впавшего в крайнее бедствие, и сделал его лучшим, они говорят, каким образом (страж) не счел этого делом волшебства и чародейства, и еще более не стерег их, и не закричал на них. Но он при этом многое сообразил: во-первых, то, что слышал, как они воспевали Бога, чародеи не стали бы петь таких песнопений, а он, сказано, слышал их, воспевающих Бога (см.: Деян. XVI, 25); во-вторых, то, что они не только не убежали, но и не допустили его убить себя. Если бы они для самих себя сделали это, то не оставались бы в темнице, но первые освободились бы сами. Велико и человеколюбие их: они воспрепятствовали умертвить себя тому, кто связал их, как бы так говоря ему: ты весьма крепко стерег нас, заключивши во внутреннюю темницу и связавши тяжкими оковами для того, чтобы самому тебе освободиться от тягчайших уз. Каждый (человек) связан узами своих грехов. Эти последние узы достойны проклятий, а те (узы) блаженные и заслуживающие того, чтобы их испрашивать великими молитвами. Апостол чувственным образом показал, как последние (вещественные) узы освобождают от первых (уз духовных). Ты видел, как они освободились от железных уз, которыми были связаны? Увидишь, что и ты сам разрешен от других тяжких уз. Эти узы, — разумею не Павловы, а узников, — происходят от греховных уз. В темнице были двоякого рода узники, и сам страж был узником. Те были связаны железом и грехами, а он — только грехами. Павел освободил их в удостоверение его, так как узы были видимы. И Христос поступил также, или, лучше, наоборот. Там было двоякое расслабление. Какое именно? Греховное и телесное. Что же он делает? *Дерзай*, говорит, *чадо, отпущаются тебе греси* (Мф. IX, 2). Сначала исцелил от расслабления душу, потом переходит и к телу. А именно, когда *нецыи от книжник реша в себе: сей хулит, видев Иисус помышления их, рече: вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих? Что бо есть удобие рещи: отпущаются ти греси, или рещи: востани и ходи? Но да*

увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи, глагола разслабленному: восстав, *возми твой одр, и иди в дом твой* (Мф. IX, 4– 6). Он подтвердил умственное чувственным телесным, доказал то, что относилось к душе. Для чего Он поступил так? Чтобы исполнилось сказанное: *рабе лукавый, от уст твоих сужду ти* (Лк. XIX, 22). Что же (говорят) они? *Никтоже может отпущати грехи, токмо един Бог,* то есть ни ангел, ни архангел, ни другая сотворенная сила. Вы сами признали это. Что же Ему должно было сказать? Если будет показано, что Я отпускаю грехи, то ясно, что Я – Бог. Но он не сказал этого, а что? *Да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи, тогда глагола разслабленному:* восстав, *возми твой одр, и иди в дом твой.* Итак, когда Я, говорит, сделаю более трудное, тогда, очевидно, уже не должно оставаться никакого неверия и спора о том, что гораздо легче. Потому-то и совершил Он прежде духовное исцеление, что много было противоречивших. А здесь (апостол) к чувственному пришел от умственного. Итак, вера (темничного стража) была не легкомысленна. Он видел узников и ничего не видел и не слышал худого от них. Он видел, что дело было совершено не посредством волшебства, так как они воспевали Бога, видел в происходившем дело их великого человеколюбия, так как они не мстили ему, хотя и могли. Они могли бы уйти (из темницы), освободив как самих себя, так и других узников, и если не узников, то по крайней мере самих себя; но не сделали этого. Итак, он почувствовал уважение (к апостолу) не за чудо только, но и за самое его поведение. Как он (Павел) воскликнул? *Велиим гласом, глаголя: ничтоже сотвори себе зла, вси бо есмы зде.* Видишь ли, как он, в самом деле, чужд тщеславия и гордости и какой исполнен любовью. Не сказал, что это случилось для нас, но точно один из узников говорит: *еси бо есмы зде.* Между тем, если бы они (Павел и Сила) не прежде этого и не посредством чуда освободились, им надлежало бы молчать и освободить всех узников. А если бы они молчали и не остановили его рук громким воззванием, то (страж) пересек бы себе горло мечом. (Апостол) и потому сделал это воззвание, что был

заключен в самое дальнее отделение темницы. Ты, говорит, поступил во вред себе, ввергнув во внутреннюю темницу тех, которые освободят тебя от опасности. Но они не подражали тому, что он делал. И если бы он умертвил себя, то все узники разбежались бы.

Ты видишь, что (апостолы) лучше захотели оставаться в узах, чем видеть погибель темничного стража. Потому он и размышлял сам с собой: если бы они были чародеи, то выпустили бы всех (других узников), и сами бы освободились от уз. Вероятно, многие и из таких (людей) бывали ввергаемы в темницу. А удивился он потому, что хотя и часто принимал (к себе) чародеев, но не видел ничего подобного. Чародей не потряс бы оснований (темницы): этим можно разбудить стража и более затруднить для себя бегство. Но обратим, наконец, внимание на веру темничного стража. *Просив же,* сказано, *свещи, вскочи, и трепетен быв, припаде к Павлу и Силе и извед их вон, рече: господие, что ми подобает творити, да спасуся* (Деян. XVI, 29, 30)? Он имел в руках огонь и меч и говорил: *господие, что ми подобает творити, да спасуся? Она же рекоста: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешися ты, и весь дом твой* (ст. 31). Чародеям несвойственно, говорит он, преподавать такое учение; в их словах нет и помину о демоне. Видишь ли, как был он достоин спасения? Увидевши чудо и освободившись от страха, он не забыл самого важного и при такой опасности заботился о спасении души и приступил к учителям так, как должно было приступить, — припал к их ногам. *И глаголаста ему слово Господне и всем, иже в дому его. И поемъ я в той же час нощи, измы от ран, и крестися сам и свои ему вси абие* (ст. 32, 33). Видишь ли пламенное рвение этого человека? Не отложил дела до времени, не сказал: «Вот придет день, тогда увидим, подумаем», но с истинным усердием крестился сам и весь дом его. Он поступил не так, как поступают многие ныне, не обращая внимания на то, что и рабы, и жены, и дети их еще не освящены (крещением). Подражайте, молю вас, темничному стражу. Говорю это, не приказывая, а выражая свое желание. Что пользы в приказании, когда и желание не имеет силы? Да, человек грубый, жестокий,

живший вместе с тысячами злодеев, всегда имевший их перед глазами, вдруг сделался так сострадателен, так попечителен! *Измы* их, сказано, *от ран*. Обрати опять внимание и на пламенную ревность Павла: после уз и бичевания он благовествует. О, блаженные оковы! Какие порождения породили они в эту ночь! Каких чад родили! И о них можно сказать: их *родих во узах моих* (Флм. 10). Видишь ли, как он (апостол) радуется и как хочет этими (узами) придать больше достоинства рожденным чадам. Видишь ли, как велика слава уз, когда она озаряет своим сиянием не только узника, но и рожденных им в это время. Рожденные Павлом в узах имеют нечто большее, не в отношении, говорю, к благодати, — благодать одна и та же, и не в отношении к отпущению грехов, и отпущение для всех одно и то же, но в том отношении, что с самого начала научаются радоваться и увеселяться такими подвигами. *И поемъ я,* сказано, *в той же час нощи, измы от ран, и крестися.* Обрати внимание наконец и на плод. Он тотчас воздал им (за духовные блага) видимыми. *Введ я в дом,* абие *постави трапезу,* и *возрадовася со всем домом, веровав Богу* (ст. 34). И чего бы ни сделал он, когда отворенные двери темницы отверзли ему небо. Он обмыл учителя, предложил ему трапезу и радовался сам. Оковы Павловы вошли в темницу и все находящееся здесь превратили в церковь, всех соделали Телом Христовым, предложили духовную трапезу и родили чад, которым радуются ангелы. Итак, не правду ли я говорил, называя темницу светлее неба? Она ведь была причиной радости и для неба. Если о едином кающемся грешнике бывает радость на небесах, если, где собраны двое во имя Христа, там и Он посреде их, то тем более все это было здесь, где были и Павел, и Сила, и темничный страж, и весь его дом, и такая вера. Посмотри, в самом деле, какая твердость веры! Но эта темница напомнила мне другую темницу. Какую же? Ту, в которой был Петр. Но здесь не было ничего такого, он был *предан четырем четверицам воинов стрещи его* (Деян. XII, 3), и не пел, не бодрствовал, но спал, и хотя не терпел ударов, однако опасность была более. Там уже все было сделано, — они уже потерпели наказание, — а здесь еще нет. Потому

здесь хотя удары не причиняли боли, зато устрашало ожидание будущего. Но посмотри на чудо и здесь. *И се,* сказано, *ангел Господень предста, и свет возсия в храмине: толкнув же в ребро Петра, воздвиже его, глаголя: возстани вскоре. И абие спадоша ему ужя с руку* (Деян. XII, 7). Чтобы Петр не подумал, что совершившееся есть только действие света, (ангел) толкнул его. Никто не видел света, а только он, и считал это привидением. Так спящие не чувствуют благодеяний Божиих! *Рече же,* сказано, *ангел к нему: препояшися и вступи в плесницы твоя. Сотвори же тако. И глагола ему: облецыся в ризу твою, и последствуй ми. И изшед вслед его идяше, и не ведаше, яко истина есть бывшее от ангела: мняше же видение зрети. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоста ко вратом железным, вводящим во град, яже о себе отверзошася има. И изшедше преидоша стогну едину, и абие отступи ангел от него* (Деян. XII, 8, 9, 10).

Почему же здесь не было того, что было с Павлом и Силою? Потому что их намеревались разрешить от уз, поэтому Бог и не восхотел освободить их так же, как Петра. Что же касается блаженного Петра, то ему назначена была смертная казнь. Что же, говорят, не большее ли было бы чудо, если бы он, взятый из темницы и преданный в руки царя, здесь без всякого вреда был избавлен от великих опасностей? В таком случае не погибли бы и воины. Здесь много непонятного. Каким образом, говорят, Бог спас Своего раба с наказанием и погибелью других? Что же нам отвечать на это? Во-первых, что (Бог) не желал погибели других; во-вторых, что это (гибель их) произошло не от того, что так было предопределено, а от жестокости судьи. Как? Бог расположил обстоятельства так, чтобы не только не погибли стражи, но и Петр спасся, — что видим мы и здесь в отношении к темничному стражу, но судья не воспользовался обстоятельствами как следует. *Бывшу же,* сказано, *дню, бе молва не мала в воинех, что убо Петру бысть* (Деян. XII, 18). Что же потом? Ирод делает исследование о случившемся и, допросивши стражей, *повеле отвести* (ст. 19). Если бы он не допросил их, то имел бы некоторое извинение. Теперь же он потребовал их к суду, допросил, узнал, что (Петр) был в узах, что темница была крепка,

что стражи стояли у дверей, стена не проломлена, дверь не отворена, и нет никакого другого признака злодеяния. После этого ему ничего более не оставалось, как удивляться силе Божией, которая похитила (Петра) из среды этих опасностей, и поклоняться Тому, Кто мог совершить такое дело. Он же *повеле их отвести.* Как же после этого винить Бога? Если бы Он расторг стены и таким образом освободил (апостола), то можно было бы почесть это делом их небрежности. Если же, по устроению (Божию), в случившемся было видно не человеческое злодеяние, а божественное чудотворение, то для чего он (судья) поступил так? Если бы (Петр) хотел убежать, то убежал бы, как был, в оковах. Если бы хотел бежать от страха, то не показал бы такой предусмотрительности, не взял бы сандалий, а оставил их. В настоящем же случае и ангел говорит ему: *вступи в плесницы твоя,* чтобы было известно, что не как задумавший убежать, а очень спокойно он поступил здесь. Находясь в узах и между двумя воинами, он не имел бы столько досуга, чтобы разрешить узы, и будучи притом во внутреннем отделении темницы. Таким образом стражи наказаны по несправедливости судьи. Почему этого не сделали иудеи? Здесь я припоминаю другую темницу — первую в Риме, вторую в Кесарии, настоящая же была в Иерусалиме. Почему архиереи и фарисеи, когда услышали от посланных ими в темницу, чтобы вывести из нее Петра, что *внутрь ни единаго обретохом,* но что двери заперты, и стражи стоят перед дверьми — не умертвили стражей, *а недоумевахуся о них, что убо будет сие* (Деян. V)? Если они, при всем желании умертвить их, не додумались ни до чего такого, то тем более должен был бы так поступить ты, ты, который все делаешь в угоду им (фарисеям и книжникам). За это скоро и постигло его (судью) наказание. Если ты после того порицаешь (Бога), то порицай Его и за убийства на дорогах, за тысячи других несправедливых лишений жизни, и даже за детей, избитых ради Христа. Ведь и в их избиении, по твоим словам, должен быть виновен Христос. Но, на самом деле, (виной их смерти был) не Христос, а скорее безумие и жестокость Иродова отца. Если ты скажешь: почему же

(Бог) не исхитил его из рук Ирода, то и это Он мог сделать, но не было бы от того никакой пользы. Сколько раз и Христос уходил от их рук? Но принесло ли это какую-нибудь пользу неблагодарным? А здесь от совершившегося происходит большая польза верным. Когда, при существовании памятников о каком-нибудь событии, оно подтверждается и врагами, тогда свидетельство не подлежит никакому сомнению. И вот как там, так и здесь уста врагов заграждены не чем иным, как рассказом пришельцев о случившемся. Почему же темничный страж не сделал ничего такого, между тем как виденное им ничем не меньше того, что видел Ирод? Если обращать внимание на поразительность случившегося, то узнать, что узник вышел, когда двери были заперты, нисколько не меньше, чем видеть отворенные двери. Последнее скорее может показаться видением, а первое – нет, если о нем точно будет рассказано. Поэтому и он (страж), если бы был злой, убил бы Павла, как Ирод – воинов. Но он не был таков. Если бы мы захотели опровергнуть и тех, которые говорят: зачем Бог дозволил избить детей, то наше к вам слово вышло бы из пределов, назначенных ему сначала.

Теперь, воздавши великую благодарность узам Павловым за то, что они были для нас причиной стольких благ, в заключение нашего слова, просим вас не только не скорбеть, если кому придется потерпеть за Христа, но и радоваться, подобно апостолам, и хвалиться, подобно Павлу: *сладце*, говорил он, *похвалюся в немощех моих* (2 Кор. XII, 9). За это и сказано было ему: *довлеет ти благодать моя*. Павел хвалится узами, а ты превозносишься своим богатством? Апостолы радовались тому, что сподобились принять раны, а ты ищешь неги и роскоши? Как же ты хочешь получить одинаковые с ними (блага), когда идешь совсем иным с ними путем? *И ныне*, говорит (апостол), *се аз связан духом, гряду во Иерусалим, яже в нем хотящая приключитися мне не ведый, точию яко Дух* мне *по вся грады свидетельствует, глаголя, яко узы мене и скорби ждут* (Деян. XX, 22, 23). Для чего же идешь, если тебя ожидают узы и скорби? Именно для того, говорит, чтобы быть связанным за Христа, чтобы умереть

за Него. Я готов принять не только узы, но и смерть за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Нет ничего блаженнее этой души! Чем он хвалится? Узами, скорбями, цепями, ранами. *Аз*, говорит, *язвы Господа Иисуса* Христа (Гал. VI, 17), как какой великий трофей, *на теле моем ношу;* и еще: *надежды бо ради Израилевы*, говорит, *веригами сими обложен есмь* (Деян. XXVIII, 20); еще: *о немже посольствую во узах* (Еф. VI, 20). Что же это значит? Как тебе не стыдно? Как ты не боялся после того, как претерпел узы, обходить вселенную? Как не боялся того, что кто-нибудь назовет бессильным твоего Бога? Что поэтому иные не захотят иметь с тобой общения? Не таковы, отвечает он, мои узы. Они могут блистать даже в царских чертогах. *Яко узы мои*, говорит, *явленны о Христе быша во всем судищи, и множайшии братия о Господе надеявшиися о узах моих паче дерзают без страха слово глаголати* (Флп. I, 13, 14). Видишь ли, что узы имеют более силы, чем воскресение мертвых? Они видели (апостола) в узах и получили еще более дерзновения. Ведь где узы, там должно совершиться нечто великое. Где скорбь, там непременно и спасение, там непременно успокоение, там, наверное, и великие дела. Так, диавол, когда хочет нанести удар, сам бывает поражен, когда связывает рабов Божиих, тогда еще более распространяется слово (Божие). И смотри, это везде так бывает. Он был в узах и вот что сделал в темнице, *в* самых *узах*, говорит, *моих* (Флп. I, 7). Был скован в Риме, и там весьма многих обратил к вере. Это оттого, что не только сам он имел дерзновение, но и многие другие получали дерзновение через него. Он был в узах в Иерусалиме, и проповедь узника изумила царя и привела в страх начальника. Устрашившись же, сказано, отпустил его, и связавший не устыдился принять от связанного учение о грядущем. В узах он совершал плавание, не погиб во время кораблекрушения и укротил бурю. Когда он был в узах, его коснулось ядовитое животное и, не причинив ему никакого вреда, отстало от него. Он был узником в Риме и, проповедуя в узах, привлек к себе тысячи, вместо всего предлагая (своим слушателям) это самое, то есть узы.

Ныне нет случаев быть заключенным в оковы, но есть другого рода оковы, если того желаем. Какие же? Это – сдерживать руки, чтобы не быть склонным к любостяжанию. Свяжем себя этими оковами. Вместо железа пусть послужит нам страх Божий. Разрешим связанных бедностью и скорбью. Не одно и то же отворить двери темницы и дать свободу душе человека, стесненного нуждой. Не одно и то же разрешить оковы узников и *отпустити сокрушенныя во отраду* (Лк. IV, 18). Последнее больше первого, потому что за то нет награды, а за это – бесчисленные. Длинны были Павловы оковы и долго задержали нас. И на самом деле они длинны и прекраснее всякой золотой цепи. Эти оковы наподобие какой-то машины влекут узников своих на небо, и как бы какая золотая цепь, простирающаяся (до неба), увлекают на небо. И удивительно то, что, связывая узников долу, они влекут их горé. Не таково, впрочем, их естественное свойство. Потому, если Бог устраивает так, (как мы видели теперь), то здесь не на естественное свойство и порядок вещей обращай внимание, а на то, что выше и того и другого. Научимся же отсюда в скорбях не упадать духом и не печалиться. Посмотри в самом деле на этого блаженного. Он потерпел удары, и удары сильные: *многи же,* сказано, *давше им раны* (Деян. XVI, 23). Он был заключен в узы, и в узы крепкие: (страж) *всади* его *во внутреннюю темницу* (ст. 24), и в темницу весьма прочную. Однако и в таких обстоятельствах, в полночь, когда под влиянием сна этих сильнейших уз спят даже те, которых усиленно будят, они (Павел и Сила) пели и хвалили Господа. Что может быть тверже этих душ? Они знали, что и отроки пели в огне и в пещи. Быть может, они (Павел и Сила) думали: мы еще не потерпели ничего такого. Но слово, правильно развиваясь, привело нас еще и к другим узам, в другую темницу.

Что же делать? И хотелось бы умолкнуть, но не могу. Я нашел другую темницу, которая более удивляет и изумляет, чем эта. А вы воспряньте, как бы теперь только начиналось слово, и приникните к нему с оживленным вниманием. Хочу прервать слово, но не удается. Как пьющий человек не отрывается от чаши, что бы ему ни говорили, так и я, взяв-

шись за чудную темничную чашу узников Христовых, не могу перестать, не могу умолкнуть. Если в самом деле он и в темнице, и ночью, и в ранах не молчал, умолкну ли я, сидя днем, пользуясь для собеседования полным спокойствием, умолкну ли, когда не дозволили себе молчать находившиеся в узах, битые палками, в полночь?

Отроки не молчали в пещи и в огне: не стыдно ли будет нам молчать? Итак, посмотрим и эту темницу. И здесь были заключены в узы, но тотчас в самом начале оказалось, что они должны не сгореть, а как бы войти в темницу. Для чего (иначе) ты и связываешь тех, которые должны быть сожжены? Они были связаны как Павел и по рукам и по ногам, связаны с такой же жестокостью; и он (Навуходоносор) вверг их во внутреннюю темницу и потом повелел сильно разжечь печь. Но посмотрим на последовавшее затем. Когда пели те (Павел и Сила), поколебалась темница и отворились двери. Когда пели и эти (отроки), оковы спали с их рук и ног, отворилась темница и открылись отверстия печи, потому что шумно врывалась роса духа (см.: Дан. III, 8). Но мне представляется такое множество предметов, что я не знаю, о чем говорить прежде, о чем – после, потому прошу не требовать от меня порядка. И в том и другом событии много сродного между собой. Те, которые были вместе с ними (Павлом и Силой) в узах, освободились от уз и, однако, спали. Здесь же вместо этого было нечто другое: сгорели ввергнувшие их в печь. Но я хотел сказать, что царь увидел их свободными от уз и поклонился им (см.: Дан. III, 95); услышал их пение, увидел четырех ходящих и позвал их. Итак, подобно Павлу, который мог, но не вышел из темницы, пока не позвал и не вывел его тот, кто заключил в нее, и три отрока не вышли, пока царь не повелел им выйти. Чему же мы научаемся отсюда? Не спешить на страдания, не торопиться принимать скорби и не оставаться в них, когда нас освобождают от них. Царь поклонился им, мог бы и войти туда, где были святые, но, подошедши к отверстию, остановился, он не осмелился войти внутрь темницы, в которой приготовил для них сожжение. И замечай слова. Тот сказал: *господие, что ми подобает творити, да спасу-*

ся? Этот, хотя не с таким смиренномудрием, однако сказал не менее приятные слова: *Седрах, Мисах, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и приидите* (Дан. III, 93). Великая честь! *Раби Бога вышняго, изыдите и приидите.* Как они выйдут, царь, когда ты бросил их связанными в огонь, когда они уже столько времени находятся в огне? Даже если бы они были адамантовыми, если бы состояли из металла, и тогда не погибли ли бы в продолжение того времени, как пели весь свой гимн? Но потому они и спаслись, что пели. Огонь убоялся их радости, убоялся и их удивительной песни, их гимна. Как же ты зовешь их? «Я предварительно сказал: *раби Бога вышняго,* потому что рабам Божиим все возможно. Если бывают и у людей такие слуги, которые в делах своих господ не меньше имеют силы и власти, не меньше распоряжаются, чем сами господа, – то тем более это возможно для рабов Божиих». Это – приятнейшие для них слова. Царь знал, что этими словами он доставит им особенное удовольствие. В самом деле, если они пошли в огонь для того, чтобы остаться рабами Божиими, то для них никакие другие слова не были приятнее этих. Если бы он назвал их царями, владыками вселенной, то не обрадовал бы так, как обрадовал, сказавши: *раби Бога вышняго.* И что удивительного? Павел, когда писал к великому городу, владевшему вселенной и гордившемуся своими достоинствами, противопоставил это (достоинство раба Божия), как равное его достоинству, даже как много, несравненно большее и консульства, и царства, и владычества над вселенной: он написал: *Павел, раб Иисус Христов* (Рим. I, 1). *Раби Бога вышняго.* Если они, говорит (царь), столько стараются о том, чтобы быть рабами, то убедим их в этом вполне. Теперь посмотри на благодушие отроков. Они не вознегодовали, не прогневались, не противоречили, а вышли. Если бы они считали обидой то, что были брошены в печь, то негодовали бы на бросившего. Здесь же мы не видим ничего такого: они вышли (из печи) так, как бы сходили с самого неба. Не погрешит тот, кто сказал бы о них то же, что сказал пророк о солнце: *яко жених исходяй от чертога своего* (Пс. XVIII, 5). Почему? Потому, что они исходили тогда с большей славой, чем исходит

солнце. Солнце является для озарения земли чувственным светом, а они освещают ее иначе, то есть духовно. Ради них царь тотчас послал предписание в таких словах: *знамения и чудеса, яже сотвори со мною Бог, угодно бысть предо мною возвестити вам, коль великая и крепкая* (Дан. III, 99). Таким образом, они вышли (из огня), распространяя от себя самые светлые лучи, которыми озарились и самые страны и которые должны были посредством царских указов распространиться везде и рассеять повсюдный мрак. *Изыдите и приидите.* Не повелел он погасить пещи, и такой уверенностью, что они могут не только ходить внутри ее, но и выйти из нее, несмотря на ее жгучий пламень, он сделал им особенную честь.

Но посмотрим, если угодно, и на слова темничного стража. *Господие, что ми подобает творити, да спасуся?* Что приятнее этих слов? Они заставляют ликовать самих ангелов. Для того, чтобы услышать такие слова, соделался рабом Единородный (Сын) Божий. Эти же слова говорили Петру первые верующие: что нам делать, чтобы спастись? Что же он сказал? *Уверуйте и креститесь* (Деян. II, 33). Из-за желания спасения и послушания иудеев Павел охотно низринулся бы и в геенну, чтобы услышать от них такие слова. И смотри: ничего не требует себе, а все предоставляет им. Но посмотрим на последующее. Царь не говорит: да спасуся; но сильнее всяких слов то, что он учит (других). Он тотчас же делается проповедником. Не нуждается в оглашении как темничный страж. Но что? Прославляет Бога и исповедует Его силу. «Я вполне вижу, что Бог ваш есть Бог богов и Господь господей, что Он послал ангела Своего и извлек вас из пещи». И что далее? Не один страж, но многие оглашаются царским посланием, зная совершившееся. Что царь не мог обманывать, это, конечно, очевидно для всякого. Он не захотел бы засвидетельствовать этого о пленниках и тем унизить образ своих действий. Он не захотел бы принять на себя бесславия за такое безумие, так что если бы истина не была весьма очевидна, он не написал бы такого указа, тем более что тут так много было свидетелей. Видите ли, какова сила уз? Какова сила песнопения во время скорби? Они от гонения не предались уны-

нию, не упали духом, но тогда-то особенно и были бодры, тогда-то особенно и благодушествовали. И справедливо так поступали они. Остается еще одно: почему в темнице узники были освобождены, а в печи сожжены служители казни, тогда как надлежало бы потерпеть это царю. Ведь не столько согрешили те, которые их заключали в оковы и ввергали в пещь, сколько тот, кто приказывал это сделать. Итак, почему же они погибли? Здесь нет надобности говорить много (чтобы объяснить дело). (Погибли) потому, что были нечестивы. Для того это так было устроено, чтобы очевидна была сила огня и большее было чудо. Если в самом деле огонь пожрал с такой силой тех, которые были вне печи, то как он оставил невредимыми тех, которые находились в самой печи? (Это произошло так для того) чтобы очевиднее была сила Божия. И пусть никто не удивляется, что я сопоставил царя с темничным стражем, он поступил одинаково с последним. Царь не был славнее стража: оба одинаково получили пользу. Но праведники, как я говорил, тогда-то особенно и бывают бодры духом, когда находятся в скорби, когда бывают в оковах, потому что страдать за Христа – приятнее всякого удовольствия. Хотите ли, я напомню вам еще о другой темнице? Нам необходимо от этих уз перейти к другой темнице. К какой же вы хотите? К той ли, в которую заключен был Иеремия? Или к темнице Иосифа? Или – Иоанна? Благодарение узам Павловым как много они указали нам темниц! Хотите ли слышать о темнице, в которую был заключен Иоанн? И он был некогда в узах за Христа и за божественный закон. Что же он? Оставался ли в заключении праздным? Не отсюда ли, из этого заключения, он послал учеников своих, сказав им: подите, скажите Христу: *Ты ли еси грядый, или иного чаем* (Мф. XI, 3)? И находясь там, он поучал других, не был нерадив. А Иеремия, исполняя свой долг, не предрек ли (в темнице) о вавилонском пленении? А Иосиф? Не был ли в заключении тринадцать лет? Однако же и тут (в темнице) не забыл о добродетели. Скажем еще об одних узах и окончим наше слово. Был в узах и Владыка наш, разрешивший вселенную от грехов, были связаны руки, сделавшие бесчисленное множество

добра, связавше, сказано, *ведоша Его к Каиафе* (Мф. XXVI, 57). Был в узах Тот, Кто совершил столько чудес. Размышляя об этом, не будем никогда скорбеть, но и в узах будем радоваться. Мы, и без оков, все же как бы связаны. Видишь ли, какое благо — узы? Зная все это, вознесем за все благодарение Богу, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА IX

Молю убо вас аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиренномудрием и кротостию, с долготерпением, терпяще друг другу любовию, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира (Еф. IV, 1—4)

1. В этих словах открыта для нас великая и более (всяких) отличий блистательная сила Павловых уз. И (Павел) не напрасно, как кажется, и не без цели показывает эту силу, но чтобы ею более пристыдить их. Что он говорит? *Молю убо вас аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте.* Как (ходить)? *Со всяким смиренномудрием,* с *кротостию* и *долготерпением, терпяще друг другу любовию.* Значит, хорошо быть узником, но не просто, а ради Христа; потому он и сказал: *юзник о Господе,* то есть ради Христа. С этим ничто не может сравниться! Но узы (Павла), отвлекая нас от настоящего предмета речи, привлекают (к себе), и, будучи не в силах противиться этому влечению, мы говорим о них как бы невольно, а вернее — и с охотой и с молитвой. О, если бы всегда можно было беседовать об этих узах! Но будьте терпеливы: я хочу сказать еще о том, что бывает предметом внимания у многих, и о чем говорят так: если скорби — благое дело, то как же он, защищаясь перед Агриппою, сказал: *молил убо бых Бога, и в мале и во мнозе, не токмо тебе, но и всех слышащих мя днесь быти им тацем, яков и аз есмь, кроме уз сих* (Деян. XXVI, 29)? Он так говорил не потому, что считал скорби унизительным для себя делом, нет, если бы это было так, если бы в самом деле они были унизительны, то он не похвалился бы ни узами, ни заключением под стражу, ни другими бедствиями и не сказал бы:

сладце в немощех моих похвалюся (2 Кор. XII, 9). Что же это значит? То, что он считал великим делом узничество. Но как к Коринфянам писал: *млеком вы напоих, не брашном, ибо не у можасте* (1 Кор. III, 2), так и здесь (случилось, что) не могли слушать его учения о красоте, величии и пользе узничества, потому он и сказал: *кроме уз сих*. Напротив, к Евреям он писал не так, а советовал им разделять узы с узниками. Поэтому и сам радовался за узы, отдавался в оковы и с узниками был отводим под стражу. Велика сила Павловых уз! Вместо всех зрелищ довольно одного этого — видеть Павла связанным и ведомым из темницы. Что может быть выше удовольствия видеть его в узах и сидящим в темнице? Как оценить мне это удовольствие?

Не видите ли вы царей и консулов, едущих на колесницах, убранных в золото, и их телохранителей, также имеющих на себе все золотое: золотые копья, золотые щиты, золотом убранную одежду, в золотых попонах коней? Но сколько первое зрелище приятнее последнего! Я бы желал лучше однажды взглянуть на Павла, с узниками выходящего из темницы, нежели тысячи раз видеть этих людей в сопровождении их копьеносцев. Сколько ангелов, думаете вы, предшествовало (Павлу), когда таким образом выводили его? Что я не лгу, это может подтвердить вам пример из древней истории. Елисей пророк, которого вы, быть может, знаете, во время войны сирийского царя с израильским, сидя дома, открывал придворные совещания царя сирийского со своими советниками и делал безуспешными его действия, наперед высказывая его тайные намерения, и таким образом не допускал (израильтян) впадать в те сети, которые расставлял им этот царь. Это беспокоило и устрашало последнего, и он был в большом недоумении от того, что не знал, кто обнаруживает все его мысли, следит за ним и делает безуспешными его замыслы. Но когда царь находился в этом неведении и старался узнать причину (неуспешности своих предприятий), один из телохранителей сказал ему, что в Самарии живет пророк, по имени Елисей, и что он-то и разрушает планы царя тем, что открывает их. Царь думал, что он все узнал, но на самом деле ничто

не могло быть печальнее его положения. Смотри в самом деле: вместо того, чтобы почтить этого человека, удивляться ему и устрашиться той силы, по которой он, находясь на таком большом расстоянии, знает без чьей бы то ни было передачи все тайные планы царя, вместо этого он приходит в раздражение и, увлекаясь только гневом, собирает всадников и воинов и посылает их схватить пророка. У Елисея был ученик, который находился еще, так сказать, в преддверии пророчества и не удостоился таких откровений (какие получал его учитель). Явились воины царя, чтобы связать пророка. Опять встречаемся с узами! Что мне делать? Отовсюду они вплетаются в нашу речь. Увидев множество войска, ученик испугался и, дрожа от страха, прибежал к учителю с известием об этом, по его мнению, несчастии и говорил, что им угрожает неизбежная опасность. Пророк усмехнулся тому, что (ученик его) устрашился того, что не было страшно, и советовал ему ободриться, но последний, как еще несовершенный, не убедился его словами и, пораженный тем, что видел, все еще трепетал. Что же пророк? *Господи*, говорит он, *отверзи очи отрока* сего, *да узрит*, что на нашей стороне больше, чем на их. И вдруг видит он: вся гора, на которой жил пророк, наполнена огненными конями и колесницами (см.: 4 Цар. VI, 17). А это было не что иное, как воинство ангельское.

2. Если Елисея для такого только случая окружало воинство ангельское, то что сказать о Павле? Пророк Давид говорит: *ополчится ангел Господень окрест боящихся его* (Пс. XXXIII, 8), и еще: *на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. XC, 12). Но что я говорю об ангелах? Сам Владыка был с ним, когда он выходил (из темницы). Его не видал и Авраам. Он не был и с Авраамом, но (теперь) Он Сам дал обетование: *Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20). Явившись Павлу, сказал: не *бойся, но глаголи, зане Аз есмь с тобою, и никтоже приложит озлобити тя* (Деян. XVIII, 9, 10). И во сне Он явился ему и сказал: *дерзай: якоже бо свидетельствовал еси, яже о Мне во Иерусалиме, сице ти подобает и в Риме свидетельствовати* (Деян. XXII, 11). Так дивные святые и всегда исполнены

великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками (за Него). Как на доблестного воина приятно смотреть и во всякое время, а особенно, когда он стоит и сражается подле самого царя, так представляй себе и Павла, которого можно было видеть учащим и в узах. Здесь расскажу то, что между прочим пришло теперь мне на мысль. И блаженный мученик Вавила был в узах за то же, за что и Иоанн, — за обличение царя в беззаконии и умирая приказал положить эти узы вместе с своим телом, похоронить себя в узах, и теперь оковы лежат вместе с прахом: такова была любовь его к узам ради Христа! *Железо пройде душа его* (Пс. CIV, 18), сказал пророк об Иосифе. Да и женщинам случалось испытать узничество. А мы не хотим связать самих себя! Я советую принять не это (узничество Павлово), так как теперь не такое время, но ты, не связывая рук, свяжи свой ум. Есть и еще узы, и кто не носит одних, понесет другие. Слушай, что говорит Христос: *свяжите ему руце и нозе* (Мф. XXII, 13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложим на себя те узы. Потому (Павел) и сказал: *молю вас аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте.* И опять: глава у нас Христос. Он совоскресил и спосадил нас на небесных, несмотря на то что мы так враждебны Ему и сделали столько зла. Велико это звание и к великому (направлено оно)! Велико не потому только, что (Он призвал нас) из такого состояния, но и потому, что призвал на такие дела и таким образом.

Как же достойно ходить (этого звания)? *Со всяким смиренномудрием.* Кто таков, тот достойно проходит (это звание); смиренномудрие есть основание всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служит для тебя побуждением к добродетели. Ты не станешь гордиться ни узами, ни даже тем, что я сказал; но зная, что все у тебя есть дар благодати, будешь смиряться. Смиренный человек может быть слугою, помнящим благодеяния и признательным за них. *Что имаши*, говорит, *егоже неси приял* (1 Кор. IV, 7)? Послушай и еще, что он говорит: *паче всех их потрудихся, не аз же, но бла-*

годать Божия, яже со мною (1 Кор. XV, 10). Со всяким, говорит, *смиренномудрием*, то есть не в словах и не в делах только, но и в наружных приемах и в тоне речи. Не обращайся с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли он твой или враг, знатный или ничтожный человек: в этом состоит смирение. Также и в других делах наблюдай смирение, потому что Христос говорит: *блажени нищий духом*, – и это (блаженство) ставит прежде других. Потому-то (апостол) и сказал: *со всяким смиренномудрием и кротостию* и *долготерпением*. В ином есть смирение, но он горяч и раздражителен, тогда смирение не приносит ему пользы, часто, под влиянием гнева, он все теряет. *Терпяще*, говорит, *друг другу любовию*. Как можно терпеть тому, кто раздражителен и клеветник? (Апостол) указал способ: *любовию*, – говорит он. Если у тебя нет терпения по отношению к твоему ближнему, то как будет терпеть тебя Бог? Если ты нетерпелив перед своим сорабом, то как потерпит тебя Владыка? Где есть любовь, там все можно перенесть. *Тщащеся*, говорит, *блюсти единение духа в союзе мира*. Свяжи свои руки узами кротости. Так светлое слово «узы» опять нас озарило: мы оставили его, а оно опять пришло к нам. Хороши и те узы, хороши и эти: но первые – плод последних. Соедини себя с братом: все легко для людей, связанных между собой узами любви. Привяжи себя к нему и его к себе, тогда ты будешь господином не над собой только, но и над другим, сможешь сделать другом своим всякого, кого захочешь. Благодушно *тщащеся:* дает разуметь, что это дело не простое и не случайное. *Тщащеся*, говорит, *блюсти единение духа*.

3. Что такое единение духа? Как в теле душа все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять людей, неодинаковых между собой по происхождению и по образу жизни. Старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена и всякое существо, одаренное душою, есть что-то единое, и это единство более единства телесного. Первое сродство выше последнего, (духовное) единство совершеннее. Союз духовный тем совершеннее, чем про-

ще и однообразнее. А как он сохраняется? *В союзе мира*. Его нет там, где вражда и разделение. *Идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте, и по человеку ходите* (1 Кор. III, 3)? Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в один горящий костер, а над влажными не оказывает никакого действия и не соединяет их между собою, так бывает и здесь: холодность душевная не способствует к соединению, а большей частью теплота. Отсюда происходит и теплота любви. (Апостол) хочет соединить всех нас узами любви. Подобно тому, говорит он, как, желая привязать самого себя к другому человеку, ты не иначе можешь сделать это, как привязавши его к себе самому, и если желаешь сделать этот союз взаимным, нужна его привязанность к тебе, так и здесь он хочет того, чтобы мы связаны были между собой не одним миром, не одной любовью, но чтобы у всех была одна душа. Это — прекрасные узы: этими узами мы соединяемся и между собой и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив, дают им большую свободу, открывают им большее пространство для деятельности и делают узников веселее, чем бывают не связанные. Сильный, находясь в союзе со слабым, укрепляет его и не допускает до погибели, а беззаботного он возбуждает к деятельности. *Брат от брата помогаем*, говорит (Премудрый), *яко град тверд*. Этого союза не может нарушить ни расстояние, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; он выше и сильнее всего. Проистекая из единства души, он в одно и то же время может обнимать многих. Слушай, что говорит Павел: *не тесно вмещаетеся (в нас, утесняетеся) же во утробах ваших. Распространитеся и вы* (2 Кор. VI, 12, 13). Что разрушает этот союз? Сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое ослабляет и разделяет членов этого союза. Как же устранить этот разрыв? Если не будет этих (страстей), не будет и препятствий для любви. Вот что говорит Христос: егда умножится беззаконие, *изсякнет любы многих* (Мф. XXIV, 12). Ничто столько не противодействует любви, как грех, я разумею не только любовь к Богу, но и к ближнему. Как же, спросят, разбойники живут между собой мирно? Но скажи мне

когда? Во всяком случае, когда они не ведут разбойнической жизни. Но если они не соблюдают справедливости в разделе добычи и не отдают каждому законной части, то и их видишь во вражде и войне между собой. Так нельзя найти мира там, где злодеяние, но всегда можно найти его там, где живут справедливо и добродетельно. Что еще? Соперники живут ли между собой мирно? Вовсе нет! На кого же прикажешь указать мне? Скупой со скупым никогда не могут иметь мирных отношений. Если бы они были справедливы и уступчивы и не оказывали несправедливости друг другу, то и не было бы этого рода людей. Как два диких голодных зверя за недостатком добычи пожирают друг друга, так бывает в обществе (людей) скупых и злых. Таким образом, без добродетели не может быть мира. Составим, если угодно, целое общество из людей любостяжательных, пусть будут все они пользоваться равенством чести, никто не будет их обижать, а они сами будут несправедливы друг к другу: может ли существовать такое общество. Совсем нет! Живут ли мирно любодейцы? Не найдешь и двух согласных между собой. И причина опять та же – охлаждение любви, а охлаждение любви – следствие умножения беззакония. Оно ведет к себялюбию, оно разрывает и рассекает тело, ослабляет и разрушает его. Напротив, от добродетели происходят совершенно противные действия. Добродетельный человек выше денег. Если бы бесчисленное множество (людей) жило в бедности, они могли бы оставаться в мире между собой. А скупцов, хотя бы сошлось только двое, они никогда не могут сохранять мирных отношений друг к другу.

4. Итак, если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель – от любви – а любовь от добродетели. Объясню – каким образом. Добродетельный человек не предпочитает денег дружбе, он не помнит зла, не оказывает несправедливости ближнему, не наносит ему обид и сам все переносит великодушно. Из этого состоит любовь. Опять, кто любит, тот имеет все эти (качества). Таким образом одно созидается другим. Отсюда видно, что любовь – от добродетели, – на что и указывал (Господь), когда говорил: егда умножится беззаконие, *изсякнет любы*

многих. А что добродетель – от любви, об этом говорит (апостол): *любяй друга закон исполни* (Рим. XIII, 8). Потому необходимо быть одному из двух: или сильно любить и быть любимым, или быть в высшей степени добродетельным. Кто имеет одно, у того необходимо есть и другое, и наоборот, не имеющий любви делает зло, и делающий зло не знает любви. Будем же стремиться приобрести любовь: она предохранит нас от зла. Свяжем себя (узами любви). Пусть не будет у нас ни обмана, ни лукавства. Ничего этого нет там, где есть дружба. Об этом так сказал некий мудрец: *на друга аще извлечеши меч, не отчаявайся: есть бо возврат. На друга аще отверзеши уста, не бойся, есть бо примирение, кроме поношения, и откровения тайны, и язвы лестныя* (Сир. XXII, 23–25). Раскрытие тайны, говорит, удаляет его. Впрочем, если все мы будем дружно жить между собой, то не будет нужды и в тайнах. Как никто не имеет тайны от себя и ничего не может скрывать от самого себя, так – и от друзей. А когда не будет тайн, не возможен будет и разрыв из-за них. Тайны у нас – следствие того, что мы не можем положиться на верность каждого, тайны – плод охлаждения любви. В самом деле, какая может быть у тебя тайна? Хочешь несправедливо поступить со своим ближним? Или – воспрепятствовать ему в получении какого-нибудь блага и потому скрываешься от него? Или этого ничего нет, но ты стыдишься (высказаться)? А это не признак ли того, что ты не доверяешь ему? При любви не будет ни измены тайне, ни порицания ее. В самом деле, скажи мне, кто и когда поносит сам себя? А если это и бывает, то для пользы. Мы делаем выговоры и детям для того, чтоб исправить их. И когда Христос укорял города (Хоразин и Вифсаиду), говоря: *горе тебе Хоразине, горе тебе Вифсаидо,* то (делал это для того), чтоб избавить их от бесславия. Ничто ведь не имеет такого влияния на душу, ничто столько не способно восстановить ее и исправить ее непостоянство (как обличение). И мы не без намерения обличаем друг друга. В самом деде, за что ты станешь укорять ближнего? За деньги? Не станешь, если свое собственное считаешь общим достоянием. За грехи? Но это не укор, а скорее исправление. *И язвы лестныя,* сказано.

Что же, станет ли кто губить и уязвлять себя самого? Никто. Итак, будем стремиться к любви. Не просто сказано: возлюбим, но — будем гнаться (за любовью), то есть должно употребить большие усилия. (Любовь) скоро исчезает, быстро уходит от нас: так много препятствий встречает она для себя в этой жизни. Если мы гонимся за ней, то она не будет так поспешно оставлять нас, и мы скоро ее привлечем. Любовь Божия соединила небо с землей, любовь Божия посадила человека на царский престол, любовь Божия явила Бога на земле, любовь Божия сделала Владыку рабом; любовь Божия предала Возлюбленного за врагов, Сына за ненавистников. Владыку за рабов, Бога за людей, Свободного за невольников. Но и этим она не ограничилась, а призвала нас еще к большему. Не только освободила нас от прежнего зла, но и обетовала нам даровать гораздо большее благо. Возблагодарив за все это Бога, постараемся стяжать всякую добродетель, а более всего будем преуспевать в любви, чтоб удостоиться обетованных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Едино тело и един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего (Еф. IV, 4)

1. Когда блаженный Павел желает расположить (христиан) к чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполнен мудрости и духовности, он побуждает к этому предметами небесными — примером Самого Господа. Так, в одном месте он говорит: *ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны* (Еф. V, 2), и еще: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп. II, 5, 6). Точно так же поступает и здесь. Когда бывают указаны великие примеры, у человека рождается сильная ревность и желание (подражать им). Итак, что же он говорит, побуждая нас к единению? *Едино тело* и *един дух, якоже и звани бысте во*

едином уповании звания вашего: един Господь, едина вера, едино крещение (ст. 4, 5). Что же такое *едино тело?* Верные всех мест вселенной, живущие, жившие и имеющие жить. Угодившие (Богу) до пришествия Христова тоже составляют одно тело. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? *Авраам отец ваш,* сказано, *рад бы был, дабы, видел день мой, и виде и возрадовася* (Ин. VIII, 56); еще: *аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа и пророки* (V, 46). Действительно, не стали бы писать о том, о ком не знали, что сказать. Если же знали, то, без сомнения, и почитали. Потому-то и они составляют одно тело. Тело не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом, потому что у нас о предметах, соединяемых между собой и имеющих большую связь, обыкновенно говорится — одно тело. Так точно и сами мы в соединении составляем одно тело, при одной главе. При единстве же того и другого, тело хотя состоит и из разных членов, важных и неважных, однако ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается зависти со стороны последнего. И хотя не все (члены) имеют одинаковое отправление, а каждый подчиняется определенному требованию необходимости, однако по этому самому, что все совершается ими по необходимости или по требованию различных нужд, все они равно достойны уважения. Впрочем, есть между ними одни высшие, а другие низшие, как, например, голова господствует над всем телом, в ней заключаются все чувства и самое господство души, вследствие чего без головы никому нельзя жить, тогда как по отсечении ног многие надолго еще остаются в живых. Таким образом, голова лучше прочих (членов) не только по своему положению, но и по своей деятельности и значению. Но для чего я говорю об этом? И в Церкви много есть таких, которые достигли такой же высоты, как и голова, созерцают небесное, как глаза в голове, весьма удалены от земли и не имеют ничего общего с ней. Иные же занимают место ног, попирая землю, ног, впрочем, здоровых. Ведь ногам вменяется в преступление не то, что они попирают землю, а то, что они уклоняются на путь нече-

стия, что *нозе,* – как сказано, – *на зло текут* (Ис. LIX, 7). Итак, ни глаза не должны презирать ног, ни ноги завидовать глазам. В противном случае каждый член теряет собственное достоинство, и надлежащее употребление его бывает затруднительно. И справедливо: злоумышляющий на ближнего своего тем самым прежде всего злоумышляет на себя самого. Так если ноги не захотят носить головы, когда нужно бывает передвижение с одного места на другое, то своей недеятельностью и неподвижностью они вредят и себе самим. Равным образом, если бы и голова не захотела иметь никакого попечения о ногах, то этим она прежде всего повредила бы себе самой. Но они (то есть голова и ноги), как и следует, не враждебны друг другу, потому что так устроены природой. Каким же образом человеку можно не восставать против человека? Никто (скажешь) не восстает против ангелов, так как и они не восстают против архангелов; животные также не могут одержать верх надо мной, а где природа одинакового достоинства, где одинаковые дарования и никто не имеет более другого, – почему же нельзя восставать одному против другого? Но это-то самое и не дает тебе права восставать против ближнего. Если все общее, и ни один против другого не имеет ничего большего, то на каком основании можно превозноситься одному перед другим? Мы наделены одинаковой природой, сходны по душе и по телу, дышим одним и тем же воздухом и употребляем одинаковую пищу, почему же будем восставать (друг против друга)? Правда, возможность через добродетельную жизнь стать выше бесплотных сил может вести к высокому мнению о себе, но это еще не было бы высокомерием. Ведь я по праву ставлю себя высоко и очень высоко в сравнении с демоном. Смотри, каким образом и Павел ставил себя выше демона. Когда много удивительного говорил о нем демон, то он заставлял его молчать, не поддаваясь обольстителю. Так когда отроковица, имевшая дух пытлив, говорила: *сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения* (Деян. XVI, 17), он после строгого воспрещения связал ему его бесстыдный язык. И еще в другом месте он же пишет следующие слова: *да сокрушит*

Бог сатану под ноги ваша вскоре (Рим. XVI, 19). Не следствие ли это различия природы?

2. Разве ты не видишь, что значение имеет не различие природы, а свободная воля? Следовательно, по свободной воле они (демоны) хуже всех. Но против ангела, ты говоришь, я не восстаю, потому что между мной и им большое расстояние. Но также ты не должен восставать и против человека, как и против ангела. Как ангел отличен от тебя по природе, что, впрочем, не должно служить для него ни похвалой, ни охуждением, так и человек отличается от другого человека не по природе, но по внутреннему настроению и делается между людьми ангелом. Поэтому, если не вооружаешься против ангелов, то тем более ты не должен вооружаться против людей, которые в человеческой природе делаются ангелами. Притом человек так же добродетельный, как ангел, для тебя гораздо лучше ангела. Почему? Потому, что он собственной волей исправил свою природу, и еще потому, что ангел удален от тебя местом и обитает на небе, а тот живет с тобой и возбуждает в тебе соревнование. Впрочем, и он далек от тебя – даже более, чем тот: *наше житие*, говорит, *на небесех есть* (Флп. III, 20). А (чтобы убедиться тебе, что он действительно далек от тебя выслушай, где обитает его глава) на троне царственном, говорит он. Но чем дальше от нас этот трон, тем далее и он от нас. Но ты говоришь: я вижу, что он пользуется честью и это производит во мне зависть. Зависть-то и была причиной бесчисленных беспорядков во всем творении, и горнем и дольнем, и не только на земле, но и в самой Церкви. Как бурный и противный ветер, устремляясь к спокойной пристани, делает ее опаснее всякой скалы и всякого плавания на море, так точно и любовь к славе, овладевая (человеком), все разрушает и приводит в беспорядок. Вы часто бывали при пожаре больших домов. Видали, как дым поднимается к небу и как огонь мало-помалу истребляет все, потому что никто не заботится о том, как бы прекратить несчастье, а каждый думает только о себе. Нередко сходится целый город, собирается множество народа посмотреть на бедствие, но защиты и помощи нет

ни от кого. Можно при этом видеть, как собравшиеся ничего не делают; каждый из них только протягивает руку, чтобы указать вновь туда пришедшему или на то, как пламя постоянно исторгается из окон, или как обваливаются потолки, и целые стены падают со своих оснований на землю. Бывает, впрочем, много людей смелых и не боящихся опасности, которые не страшатся ближе подходить к горящим зданиям, но не для того, чтобы содействовать прекращению бедствия, а чтобы более насладиться зрелищем и вблизи рассмотреть все, чего издали часто не видно. Если же это бедствие постигло дом знаменитый и великолепный, то, кажется, зрелище достойно особенного сожаления и больших слез. В самом деле, печальное зрелище – видеть, как главы колонн превращаются в пепел, как многие из них разбиваются вдребезги, иные – от действия огня, а другие – собственными руками своих строителей (делающих это для того), чтобы не дать большей пищи огню; (печальное зрелище) – видеть статуи, служившие, под защитой кровли, украшением здания, после падения кровли, без защиты, стоящими под открытым небом, в крайне безобразном виде. Еще что? Кто исчислит богатство, заключавшееся в этих зданиях, золотые одежды и серебряные сосуды? И куда входил только один господин со своей супругой, где была кладовая для многочисленных одежд и ароматов, где было хранилище драгоценных камней, всюду, как скоро начался пожар, проникают баньщики, мусорщики, бродяги и все другие им подобные. И вот все, что ни находилось внутри, превратилось в воду, огонь, грязь, пыль и обожженные бревна. Но зачем я так широко раскинул перед вами эту картину? Не просто пожар дома хочу я описывать, что мне за нужда в этом, а хочу представить вашему взору, насколько возможно, бедствия Церкви. В самом деле, точно пожар какой или молния, несясь с высоты, ринулась на самый кров Церкви, и между тем это никого не трогает! Когда горит отцовский дом, мы спим глубоким и непробудным сном. Кого не коснулся этот пламень? Каких изображений, стоявших в Церкви, не тронул он? И подлинно, Церковь есть не что иное, как дом, вы-

строенный для наших душ. Впрочем, не все, что вошло в состав этого здания, одинаково по своему достоинству: из составных его камней иные блестящи и великолепны, иные же хуже и темнее, хотя все-таки гораздо лучше остальных. Можно видеть здесь много из них и таких, которые занимают место золота, золота, украшающего кровлю: иные, как видно, служат таким же украшением, как статуи в домах, а многие стоят наподобие колонн. Принято ведь и людей называть колоннами не только за их силу, но и потому, что, имея золотой головной убор, они своим красивым видом украшают (свое место). А в многочисленности народа можно видеть как бы большое и пространное протяжение стен: множество народа занимает место камней, из которых сооружаются стены.

3. Но нужно перейти к более блестящей картине. Эта Церковь сооружается не из (простых) камней, но из золота, серебра, драгоценных камней, оправленных в золото. Но, увы, какая жалость! Все это сожжено господством тщеславия, этим всепожирающим пламенем, и никто не пересилил его действия. Мы стоим и удивляемся пожару, но не имеем сил потушить зло. Да хотя бы и потушили его на короткое время, пройдет два, три дня, и тлящаяся в золе искра низвращает все, чего прежде и не касалась. Так и здесь делается то же самое, что случается, обыкновенно, на пожаре. Причина этого заключается в том, что когда у нас не стало опор для самых церковных колонн, то огонь объял (эти колонны), поддерживавшие кров и сообщавшие крепость всему зданию, а через это ему открылся удобный доступ и к стенам. Если пламень истребит в здании деревянные части, то он устремляется на каменные. Но когда им разрушены и низвергнуты колонны, тогда он не имеет нужды истреблять остальное, потому что как скоро ниспадают столпы и подпоры верхних частей (здания), остальное само собою, без всякого препятствия, подвергается той же участи. Так точно ныне случилось и с Церковью: огонь объял всех. Ищем почестей у людей, воспламеняемся славолюбием и не слушаем слов Иова: *аще и согрешая неволею, не посрамихся народнаго множества* (Иов. XXXI, 34). Ви-

дишь ли добродетельную душу? Я не устыдился, говорит, перед множеством народа рассказать невольные грехи. Если же он не устыдился, то тем более нам следовало поступать так. *Глаголи ты,* говорит (пророк), *беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Велика была сила этого зла: все она низвратила и истребила. Мы сделались рабами почести, оставив Бога. Мы не можем воспрещать этого своим подчиненным, будучи сами одержимы той же горячкой. Мы сами нуждаемся во врачевстве, хотя и поставлены Богом для врачевания других. Какая же остается надежда на спасение, когда и сами врачи имеют нужду в помощи других? Это я сказал не без причины и не напрасно выражаю сетование, но для того, чтобы все мы вместе с женами и детьми, посыпавшись пеплом и облекшись во вретище, наложили на себя пост и просили Бога явить нам помощь и удалить от нас опасность. Подлинно наша помощь в Его великой и дивной деснице. От нас требуется больше, чем от ниневитян. *Еще три дня,* сказано, *и Ниневия превратится* (Ин. III, 4). Страшное и весьма грозное объявление! И как было не (устрашиться ниневитянам) в ожидании того, что по прошествии трех дней их город для них же сделается гробом и они все погибнут от одинакового наказания? Если когда случалось в одно время и в одном доме погибнуть двум детям, то это было бедствием невыносимым. И если Иову казалась самым невыносимым бедствием – погибель всех (его детей) вследствие того, что над ними обрушилась кровля, то каково же было бы видеть не один дом, не двух детей, но целый народ, в количестве ста двадцати тысяч, погребенным под обрушившимися кровлями? Видите, какое бедствие! Подобная же угроза недавно была направлена и против нас не голосом пророка, мы не достойны слышать такой голос, но некоторым горним вещанием, огласившим нас громче всякой трубы. Опять повторяю сказанное: *еще три дня, и Ниневия превратится.* Поистине страшная угроза! Но ныне – совсем не то. Уже не три дня прошло и не погибель Ниневии угрожает нам, а много дней протекло с того времени, как на земле Церковь разрушена и повержена долу, как все одинаково раб-

ствуют греху, а особенно те, на которых лежит ответственность управления. Чем сильнее зло, тем больше настоит нужда. Поэтому не удивляйтесь, если я убеждаю вас сделать в некотором отношении больше, чем сделали ниневитяне. Я проповедую вам не только пост, но и показываю то врачевство, которое предохранило от падения этот город. Почему так? Потому, что когда Господь увидел (дела ниневитян), *яко обратися* кийждо *от путей своих лукавых, и раскаяся о зле, еже глаголаше сотворити им* (Ион. III, 10). Сделаем это и мы с вами. Будем удаляться от корыстолюбия и славолюбия, прося Бога явить нам Свою помощь и восстановить падших наших братий. Мы не того должны страшиться (что угрожало Ниневии). Тогда имели ниспадать камни и бревна, и погибать тела; ныне нет ничего такого, но зато души имеют быть преданы огню геенскому. Призовем же (Бога), прославим Его; за прошедшее испросим у Него прощение, а на будущее будем молить Его, чтобы, освободившись от этого лютого и сильного врага (греха), нам быть достойными воссылать хвалу человеколюбивому Богу и Отцу, с Которым Сыну со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Едино тело и един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего: един Господь, едина вера, едино крещение: един Бог Отец всех, иже над всеми, и чрез всех, и во всех. Единому же комуждо нас дадеся благодать по мере дарования Христова (Еф. IV, 4—7)

1. Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собой, делая неразлучными друг от друга, и — такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро. Словами *едино тело* он требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: *и един дух*, научая, чтобы при одном теле был у нас один дух, так как может

быть одно тело, но не один дух, когда, например, кто-нибудь будет другом еретиков. Или этими словами *(един дух)* он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Или, может быть, под словом – «дух» – он разумеет здесь расположение. Далее говорит (апостол): *якоже звани бысте во едином уповании звания вашего.* То есть Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого; всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех соделался общей главой, всех совоскресил и спосадил. Итак, имея такое равночестие в духовном, для чего высокомудрствуете? Потому ли, что такой-то из вас богат, а такой-то силен? Но не смешно ли это? Скажи мне, в самом деле, если бы царь, избрав десять человек, облек их всех в порфиру, посадил на царском престоле и всем им даровал одну и ту же честь, посмел ли бы кто-нибудь из них поносить другого потому, что был бы богаче его и знаменитее? Отнюдь нет! Но этим сравнением я еще не все высказал, так как расстояние здесь не так еще велико. Итак, ужели мы, будучи равны на небе, будем превозноситься друг перед другом земными (отличиями)? *Един Господь, едина вера, едино крещение.* Вот упование (нашего) звания. *Един Бог и Отец всех, иже над всеми, и чрез всех, и во всех* – один и тот же. Или Он для тебя наименовался большим, а для того – меньшим? Ты спасся от веры, а тот – от дел? Тебе отпущены (грехи) в крещении, а тому – нет? Прочь (с такими мыслями)! *Един Бог и Отец всех, иже над всеми, и чрез всех, и во всех нас. Иже над всеми,* то есть выше всего; *и чрез всех,* то есть о всем промышляет, всем управляет; *и во всех,* то есть во всех обитает. Это же приписывается (в Писании) и Сыну, следовательно, это не означает меньшинства Сына, иначе того же не было бы сказано и об Отце. *Единому же комуждо нас дадеся благодать.* Для чего же, говорят, и почему дарования различны? Это именно всегда приводило, как их самих (ефесян), так и коринфян и многих других, то к гордости, то к малодушию и зависти. Потому-то (апостол) и указыва-

ет нам везде на пример тела. Потому и теперь он предложил этот (пример), что хотел говорить о различных дарованиях. Впрочем, подробнее он исследует это в послании к Коринфянам, так как там особенно господствовал этот недуг. А здесь он теперь сделал на это только намек, смотри, что он говорит. Не сказал по вере каждого, чтобы не повергнуть в печаль тех, которые не получили великих (даров), но что? *По мере дарования Христова.* Что, говорит, всего главнее, то общо всем, как то: крещение, спасение через веру, (право) иметь Бога Отцом и всем иметь причастие в том же Духе. Если же иной имеет нечто большее в (своем) даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него больше; помни и то, что с получившего пять талантов пять и взыскано было, а тот, кто получил два, два и принес, и отнюдь не получил за то воздаяния меньше первого. Потому и здесь от того же доказательства он заимствует утешение для слушателя: *к совершению,* говорит, *святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф. IV, 12). Потому и сам он говорил: *горе мне,* как и всякому, кто получил дар апостольства, *аще не благовествую* (1 Кор. IX, 16). Но потому и горе ему, что он получил; а ты свободен от подобной опасности. *По мере.* Что такое *по мере?* То есть не за наши заслуги, так как (за заслуги) никто не получил бы того, что получил, но все мы (что получили, то) получили как дар.

2. Для чего же один (получил) больше, а другой – меньше? Это, говорит он, не имеет никакого значения, но дело безразличное: каждый (из получивших) способствует к созиданию. И потому показывает, что не ради собственного достоинства один получил больше, а другой меньше, но – для других, сколько кому Сам (Христос) распределил. Так и в другом месте он говорит: *положи уды единаго коегождо их, якоже сам изволи* (1 Кор. XII, 18). И не говорит о причине (такого распределения), чтобы не смутить мысли слушателей. *Темже глаголет: возшед на высоту пленил еси плен, и даде даяния человеком* (ст. 8). Как бы так говорил он: что ты высокомудрствуешь? Все было делом Божиим. Пророк говорит в псалме: *приял еси даяния в человецех* (Пс. LXVII, 19); а он говорит: *даде даяния в человецех.* Последнее тождественно с

первым. Таково же и следующее затем: а *еже взыде, что есть точию яко и сниде прежде в дольнейшия страны земли? Сшедый, той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая* (ст. 9, 10). Когда слышишь это, то не разумей (под этим) перехождения. Здесь он делает то же самое, что и в послании к Филиппийцам. Как там, убеждая к смиренномудрию, он указывает на пример Христа (см.: Флп. II, 5– 9), так точно и здесь, говоря: *сниде в дольнейшия страны земли.* Иначе излишни были бы слова его: *послушлив быв даже до смерти* (ст. 8). От понятия о восхождении приводит к мысли о нисхождении. А дальнейшими странами земли он называет смерть согласно с понятиями человеческими, как и Иаков говорил: *сведете старость мою с печалию во ад* (Быт. XLIV, 29); как еще в псалме сказано: *уподоблюся низходящим в ров* (Пс. CXLII, 7), то есть умершим. Для чего упоминается здесь об этой (дольней) стране? И о каком он говорит плене? О плене диавола. Господь пленил этого тирана, разумею диавола, и смерть, и клятву, и грех. Видишь ли добычу и корысти? А *еже взыде, что есть точию яко и сниде?* Это направлено против последователей Павла Самосатского. *Сшедый, той есть и возшедый превыше небес, да исполнит всяческая.* Нисшел, говорит, в самые дальние отделения земли, за которыми уже нет других. И восшел превыше всего, далее чего уже нет ничего другого. Это означает Его силу и власть, потому что и прежде все Им наполнялось. *И той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учители, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (ст. 11, 12). Что говорит он в другом месте: *темже и Бог Его превознесе* (Флп. II, 9), то же высказывает и здесь словами: *сшедый, той есть и возшедый.* Нимало не повредило Ему нисшествие в дальние страны земли и отнюдь не воспрепятствовало Ему быть превыше небес. Таким образом, чем более кто смиряется, тем более тот возвышается. Как на воде – чем кто глубже погрузится в нее, тем сильнее она поднимает его наверх, и чем с (ближнего) расстояния будет пущена стрела, тем вернее попадает в цель, так бывает и в смирении. Впрочем, когда мы говорим о восхождении Бога, необходимо прежде представлять Его нисшествие;

а по отношению к человеку этого не нужно. Далее (апостол) указывает нам на (божественное) промышление и премудрость и говорит: Тот, Кто сделал столь многое, и показал такую силу, и не отказался низойти ради нас даже в дольнейшия страны, не сделал бы без причины такого разделения дарований. В другом месте он говорит, что это сделал Дух, именно: *в немже вас Дух Святый*, говорит он, *постави епископы пасти Церковь Господа* (Деян. XX, 28). И тогда как здесь он говорит, что (сделал это) Сын, в другом месте говорит, что – Бог. И опять: *той дал есть Церкви овы убо апостолы, овы же пророки*, а в послании к Коринфянам говорит: *аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (1 Кор. III, 6). И опять: *насаждаяй, же и напаяяй едино суть: кийждо же свою мзду приимет по своему труду* (ст. 8). Так и здесь: что в том, что ты меньше приносишь (плодов)? Столько получил ты (и даров). Первое (поставил Бог) апостолов, так как они имели все. Второе – пророков, так как некоторые не были апостолами, но были пророками, например Агав. Третье – благовестников: это – те, которые не обходили всех стран, а только проповедовали, как Прискилла и Акила. Потом – пастырей и учителей, которым был вверен весь народ. Что же? Ужели пастыри и учители меньше прочих? Конечно так: по сравнению с теми, которые обходили землю и проповедовали, те были меньше, которые сидели (дома) и имели занятие в одном месте, как Тимофей, Тит. Впрочем, из этого места нельзя вывести такого подчинения и предпочтения (одних по отношению к другим), но (это видно) из другого послания (см.: 1 Кор. XII, 28). *Той*, говорит, *дал есть*: не противоречь же. А может быть, благовестниками он называет и написавших Евангелие. *К совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова.*

3. Видишь ли достоинство (каждого)? Каждый созидает, каждый устраивает, каждый служит. *Дондеже*, говорит, *достигнем вси в соединение веры, и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (ст. 13). Возрастом он называет здесь совершенное познание. Как человек в зрелом возрасте бывает тверд и постоянен в мыслях, а дети непостоянны, так точно и между верующими. *В со-*

единение, говорит, *веры*, то есть пока окажемся все имеющими одну веру. Единение веры то и означает, когда мы все будем одно, когда все одинаково будем понимать этот союз. До тех пор должно тебе трудиться, если ты получил дар назидать других. Смотри, не совратись сам, завидуя другому. Бог почтил тебя и поставил на то, чтобы ты руководил к совершенству другого. Для этого был поставлен и апостол, для этого и пророк, который пророчествует и увещевает, для этого и благовестник, который проповедует, для этого и пастырь и учитель: всем поручено было одно дело. Не говори же мне о различии дарований: все они имели одно дело. Когда мы все веруем одинаково, это и есть единение (веры). Ясно, что он это называет (возрастом) совершенного мужа. Впрочем, в другом месте он называет нас детьми и в том случае, если бы мы были совершенны; но там он имеет в виду иное. Там он назвал нас детьми по отношению к будущему нашему знанию. Сказав именно, что мы *отчасти разумеваем*, присовокупил: *якоже в гадании* (1 Кор. XIII, 12), и тому подобное. А здесь он говорит не об этом, а о постоянстве. Вот и в другом месте он говорит: *совершенных же есть твердая пища* (Евр. V, 14). Видишь ли, как и там назвал он совершенных? Посмотри и здесь, как он назвал их прикровенно, говоря: *да не бываем ктому младенцы* (ст. 14). Он говорит о той небольшой мере (дарования), которую мы получили, чтобы мы сохраняли ее со всем усердием, твердостью и постоянством. *Да не бываем ктому*. Этим выражением указывает на то, что некогда они были такими, и даже самого себя подчиняет условию исправления, исправляя других. Для того, говорит, и было столько строителей, чтобы здание было непоколебимо и защищено отовсюду, чтобы камни были сложены плотно. Волноваться, увлекаться и колебаться свойственно детям. *Да не бываем*, говорит, *ктому младенцы, влающеся и скитающеся всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней лщения* (ст. 14). *Скитающеся*, говорит, *всяким ветром*. Он употребил это подобие, желая показать, в какой опасности находится всякая душа, преданная сомнению. *Всяким*, говорит, *ветром, во лжи человечестей, в коварстве козней лще-*

ния. Κυβευταί — так называются занимающиеся шахматной игрой. Это бывают люди хитрые, так как они обыкновенно выбирают для себя людей простых. И они-то все передвигают и переставляют. (Апостол) коснулся здесь мирских обычаев. *Истинствующе же в любви да возрастим в него всяческая, иже есть глава Христос, из Негоже,* то есть Христа, *все тело составляемо и счиневаемо приличне всяцем осязанием подаяния, по действу в мере единъя коеяждо части, возращение тела творит в создание самаго себе любовию* (ст. 15, 16). Довольно неясно он изложил свои мысли, оттого, что хотел высказать все вдруг. Вот что означают слова его: как дух, выходя из головного мозга, не просто сообщает, посредством нервов, чувствительность всем членам, но — сообразно с каждым из них — тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены (от духа), то Его промышление и раздаяние даров, сообразно с мерой того или другого члена, производят возращение каждого. Но что такое — *осязанием подаяния?* То есть посредством ощущения. Этот дух, распределяющийся по членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие (духа) соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая соразмерное себе воздействие (духа), так возрастают. Или и еще: дух, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возращает. Но почему он прибавил слово — *в любви?* Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью.

4. Все это сказано им для того, чтобы внушить смирение. Что, говорит, в том, что такой-то получил больше? Он

получил того же самого духа, ниспосылаемого от той же самой главы, одинаково действующего, одинаково прикасающегося, *составляющагося и счиневающагося* (со всем телом), то есть имеющего о нем великое попечение. Не как-нибудь, но очень искусно должно быть расположено тело, так что, если в нем что-нибудь не на своем месте, то оно уже расположено не так. Таким образом, должно не только быть соединенным с телом, но и занимать там свое место, иначе, если ты нарушишь это, то не будешь соединен с ним и не получишь духа. Не видишь ли ты, что бывает при перемещении костей, происходящем от какого-нибудь несчастного случая, когда (одна кость) оставит свое место и займет другое, как это вредит всему телу и часто бывает причиною смерти. А бывает и так, что (кость) называется негодною, чтобы еще удерживать ее (в теле): в таких случаях многие вырезывают ее и оставляют ее место пустым, потому что излишество во всем есть зло. И элементы (тела), когда они, потерявши свою пропорциональность, делаются изобильными до излишества, вредят целому. Вот что значит: *составляемо и счиневаемо приличне*, то есть чтобы все (в теле) занимало свое место и не вторгалось в другое, ему несвойственное. Размысли об этом, сколько возможно. Ты соединяешь члены, а Он свыше всем распоряжается. И как в теле есть известные воспринимающие органы, так и у духа, который всецело есть небесный корень (жизни). Именно сердце (есть корень) духа, печень – крови, селезенка – желчи, и другие органы – других элементов; но все они зависимы от головного мозга. Согласно с этим и Бог поступил, удостаивая человека особенной почести: не желая покинуть его, Сам Он сделался для него (конечной) виной всего, учредив в то же время сотрудников для Себя и одним из них поручив то, другим – иное. Так, апостол есть самый удобный сосуд тела (то есть Церкви Христовой), принимающий от него все. Как бы посредством жил и артерий, он посредством слова способствует к сообщению всем жизни вечной. Пророк предсказывает будущее: и он (апостол) делает то же самое. Тот соединяет кости, а этот сообщает им жизнь – *к совершению святых в дело служения.*

Любовь воссозидает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собой. Итак, если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охладеваем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и другом случае мы отделяемся от целого. Если же еще нам поручено созидать и других и мы не созидаем, но сами первые производим разделения, то чего не придется потерпеть за это? Ничто не может столько производить разделений в Церкви, как любоначалие; ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали Тело Его, если будем расторгать целость Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив, составляет великий вред. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным. Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорять Церковь, за которую положил душу Христос? Послушай, что говорит о себе Павел: *несмь достоин нарещися апостол, зане гоних церковъ Божию* (1 Кор. XV, 9). Вред (от разделений) не меньше того, какой причиняют враги, а гораздо больше. Там доставляется (Церкви) еще больший блеск, между тем как тут она сама себя роняет в глазах врагов, когда против нее воюют ее собственные дети. А это потому, что у них (врагов) считается за сильное доказательство обмана, когда те, которые родились в Церкви, в ней воспитаны, хорошо узнали ее тайны, вдруг, изменившись, восстают против нее, как враги.

5. Сказанное мной направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви. Если эти последние содержат противные (нам) догматы,

то по тому самому не должно с ними иметь общения; если же они мыслят одинаково с нами, то еще больше (должно избегать их). Почему так? Потому что это недуг любоначалия. Не знаете разве, что случилось с Кореем, Дафаном и Авироном? Но одни ли они потерпели? Не вместе ли с ними (погибли) и их сообщники? «Что говоришь ты? У них та же самая вера, и они также православны». Если так, отчего же они не с нами? *Един Господь, едина вера, едино крещение.* Если у них хорошо, то у нас худо; а если у нас хорошо, то у них худо. *Младенцы*, говорит, *влающеся и скитающеся всяким ветром.* Скажи мне: ужели вы считаете достаточным то, что их называют православными, тогда как у них оскудела и погибла благодать рукоположения? Что же пользы во всем прочем, если у них не соблюдена эта последняя? Надобно одинаково стоять как за веру, так и за нее (благодать священства). А если всякому позволительно, по древней пословице, наполнять свои руки, быть священником, то пусть приступят все, и напрасно устроен этот жертвенник, напрасно (установлен) церковный чин, напрасно лик иереев: ниспровергнем и уничтожим это. Этого, говорят, не должно быть. Но не вы ли делаете это, а потом говорите: так не должно быть? Что еще говоришь ты: не должно быть, когда так на самом деле? Я говорю это и свидетельствую, имея в виду не свою выгоду, но ваше спасение. Если кто смотрит на это дело безразлично, такой пусть бы (внимательнее) взглянул. Если же ему нет об этом заботы, то нам она есть. *Аз насадих*, говорит (апостол), *Аполлос напои, Бог же возрасти.* Как перенесем мы насмешки язычников? Если они укоряют нас за ереси, то чего не скажут по поводу их (расколов)? Если, говорят, одни у них догматы, одни таинства, то ради чего у них один предстоятель (церкви) нападает на другую церковь? Смотрите, говорят, у христиан все исполнено тщеславия. У них и любоначалие, у них и обман. Отнимите у них народ, пресеките болезнь, то есть развращение народа, и они останутся ничем. Хотите ли, я скажу вам, что говорят они о нашем городе, как они укоряют нас в легкомыслии? У них, говорят, всякому, кто только пожелает, можно найти людей без твердых правил,

и никогда у них в таких людях не было недостатка. Какое посмеяние! Какой стыд! Но вот и еще – достойное посмеяния и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят наложить какую-нибудь епитимию, то все весьма беспокоятся и боятся, как бы, говорят, он не отделился от нас и не пристал к другим. Пусть отделяется хоть тысячу раз и пусть пристает к ним, я говорю не о согрешивших только, но хотя бы кто и вовсе был безгрешен, если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь в таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы опасение всего этого могло принудить меня сделать что-нибудь недолжное.

Мы не повелеваем, возлюбленные, вашей вере, не деспотически приказываем вам это. Мы поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами, наше дело – советовать вам и увещевать. Советник говорит, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу принять или не принять совет. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто нам этого не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак, я говорю и свидетельствую, что производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и впадать в ереси. Скажи мне: если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя к другому царю и не передаваясь во власть другого, взял в свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю от застежки, разорвал на несколько частей, меньше ли бы он был наказан, чем и тот, кто передался бы другому (царю)? Но что, если бы после этого он схватил за горло своего царя, заколол его и разрубил на части его тело, какому бы наказанию следовало подвергнуть его, чтобы отплатить по достоинству? Если же тот, кто так поступит с царем, таким же рабом (по отношению к Богу), как и он сам, совершит преступление, превосходящее всякое наказание, то какой геенны заслуживает тот, кто закалает Самого Христа и рассекает на

части? Ужели этой, какой грозят нам? Мне кажется, что какой-нибудь другой, еще более ужасной. Расскажите же вы (женщины), какие находитесь здесь, — ведь этот порок большей частью замечается в женщинах, — расскажите этот пример отсутствующим и возбудите в них страх. Если же кто думает огорчить нас и мстить нам таким образом, то такой пусть знает, что он напрасно делает это. Если тебе хочется мстить нам, то я покажу тебе способ, как ты можешь мстить без вреда для себя, или, лучше, не без вреда, а с меньшим, по крайней мере, вредом: ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мне раны.

6. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься, и между тем ты терзаешь своего Владыку без содрогания. Разрываешь Владычни члены и не трепещешь? Церковь — это отчий дом: *едино тело, и един дух.* Но если ты хочешь мстить мне, то против меня и восставай. Зачем же вместо меня мстишь Христу? Или, лучше, зачем ты наносишь удары по гвоздям? И вообще мстить ни в каком случае неодобрительно, но вместо виновного, нанесть обиду другому — гораздо хуже. Ты потерпел от нас обиду? Для чего же в таком случае огорчаешь того, кто тебе не сделал никакого зла? Это крайне безрассудно. Вот что я скажу на этот счет, и не шутя, не просто, но как думаю и как чувствую. Именно я желал бы, чтобы всякий из тех, кто вместе с вами питает к нам неприязнь и ради этого вредит себе самому, удаляясь от нас к другим, нанес нам удар в самое лицо и, обнажив нас, стал бичевать без жалости, справедливо ли бы или несправедливо мы были обвинены, и лучше на нас выместил свой гнев, чем решался на то, на что решается теперь. Если бы это случилось, то не было бы в том никакой важности, потому что пострадал бы в этом случае ничтожный человек, не стоящий никакой цены. С другой стороны, потерпев от вас обиду и бесчестие, я помолился бы за вас Богу, и Он простил бы вам ваши грехи, не потому, что я имею такое дерзновение, но потому, что, когда человек, которому сделана обида, молится за обидевшего, то получает великое дерзновение. *Аще кто согрешит* человеку, сказано, *помолятся о нем* (1 Цар. II, 25).

Если же бы я сам не мог (этого сделать), то поискал бы других святых мужей и упросил бы их, и они сделали бы это. А теперь кого и просить нам, когда мы оскорбили Бога? Посмотри, какая у них (производящих расколы) несообразность. Из тех, которые так поступают по отношению к Церкви, одни вовсе никогда не приходят сюда или же однажды в год и то без порядка и как случится, другие приходят чаще, но также беспорядочно для пустых разговоров и ничтожной болтовни. Иные представляются усердными, это – те, которые производят такие бедствия (в Церкви). Итак, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердие, то лучше бы вам быть в числе нерадивых; а еще гораздо лучше, если бы те не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о вас, находящихся здесь, но о тех отступниках. Такое дело есть как бы прелюбодеяние. Если же тебе не хочется слышать этого о них, то (не слушай и того, что они говорят) о нас, так как здесь что-нибудь одно из двух должно быть противозаконно. Если вы нас подозреваете в этом, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите, только пусть будет Церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убедите низложить тех, которые противозаконно заняли кафедру. Говорю это, не приказывая вам, но предохраняя и предостерегая вас. Так как каждый из вас имеет возраст и даст отчет в своих поступках, то я прошу вас о том, чтобы вы, все слагая на нас, не считали невинными самих себя и таким образом в обольщении не повредили напрасно самим себе. Мы дадим ответ за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будет опущено с нашей стороны, когда мы не будем упрашивать вас, не будем увещевать, не будем свидетельствовать против вас. После этого, позвольте и мне сказать: *чист аз от крове всех* (Деян. XX, 26) и *избавит* Бог душу мою (2 Тим. IV, 18). Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду оправдываться. Но вы не говорите. Поэтому я прошу вас и самим твердо основаться здесь, и отложившихся привести, чтобы нам воспослать единодушную благодарность Богу, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА XII

Сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят, в суете ума их, помрачени смыслом (Еф. IV, 17)

1. Учитель должен назидать и исправлять души учеников не только советом и вразумлением, но и страхом и напоминанием о Боге. Ведь когда слова человека, как такого же раба, не в состоянии подействовать на душу, тогда уже необходимо напомнить и о Самом Господе. Так делает и Павел. Сказавши о смиренномудрии и единении, равно как и о том, что не должно восставать одному против другого, послушай, что (потом) он говорит: *сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят.* Не сказал: *ктому не ходити вам, якоже* вы ходите, так как это могло бы уязвить их, но указал на других, хотя выразил то же самое. Также поступает он и в послании к Фессалоникийцам, когда говорит: *не в страсти похотней, якоже* и прочии *языцы* (1 Сол. IV, 5). Вы оставили, говорит он, их (языческие) верования; но это всецело зависело от Бога; а я требую того, что зависит от вас, именно жизни и хождения по Богу. Это ваш долг; а я призываю Господа в свидетели своих слов, что я не умолчал, но сказал, как вам должно вести себя. *В суете,* говорит, *ума их.* Что такое суета ума? Занятие суетными предметами. А что суетно, как не все настоящее, о чем говорит Екклесиаст: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. I, 2)? Но скажет кто-нибудь: если (то или другое) суетно и ведет к суете, то для чего же оно существует? Если при том это — дело Божье, то как же оно может быть суетно? И много возражений касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дела Божии назвал (Екклесиаст) суетными, нет, не небо суетно, не земля суетна, нет, не солнце, не луна, не звезды, не тело наше. Все это — *добро зело.* Что же суетно? Послушаем, что говорит сам Екклесиаст: *сотворих ми вертограды, сотворих ми поющих и поющия, сотворих ми купели водныя, стяжание скота и стад ми бысть, собрах злато и сребро: и видех, яко вся суета* (Еккл. II, 6–11); опять: *суета сует, всяческая суета.* Послушай, что говорит и

пророк: *сокровищствует* (человек), *и не весть, кому соберет я* (Пс. XXXVIII, 7). Поэтому суета сует — великолепные здания, обилие и избыток золота, толпы слуг, шумно бегущих по площади, гордость и тщеславие, высокомерие и надменность. Все это — суета, потому что произошло не от Бога, но произведено людьми. Почему, однако же, это суетно? Потому, что не имеет никакой доброй цели.

Суетны деньги, когда их расточают на удовольствия, но не суетны они, когда их употребляют на вспомоществования бедным. Когда ты тратишь их на удовольствия, посмотрим, какое отсюда происходит следствие. Тучность тела, отрыжки, ветры, обилие кала, головная боль, телесное расслабление, жар и изнеможение. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд. Еще суетными называют несбыточные честолюбивые замыслы: они действительно суетны, ненадежны, тщетны, вообще суетным называют то, что ни к чему не пригодно. Посмотрим же, не таковы ли (дела) человеческие? *Да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. XV, 32). Какое же отсюда последствие, скажи мне? Тление. Мы облекаемся в дорогие одежды и наряды, а что пользы от этого? Никакой. Так умствовали и некоторые из эллинов, но вотще. Они вели строгую жизнь, но по-пустому, не имея в виду никакой полезной цели, поступая так из тщеславия, для снискания почета от толпы. Но что такое честь, которую нам оказывает толпа? Ничто. Если и сами, воздающие нам честь, погибают, то тем более — эта честь. Кто воздает честь другому, должен наперед приобресть ее сам. Если же он не приобрел ее для себя, то как же доставит ее другому? А между тем мы домогаемся чести от бесславных и презренных людей, бесчестных и позорных: что же это за честь?

2. Видишь ли, что все суета сует? Поэтому и сказал (апостол об язычниках): *в суете ума их*. Но не такова ли у них и вера? В самом деле, не кланяются ли они деревьям и камням? (Бог) создал солнце, чтобы оно служило нам вместо светильника. Кто же поклоняется своему светильнику? Солнце дает от себя свет, когда же оно не может светить, тог-

да светит светильник. Итак, почему же ты не поклоняешься светильнику? Да, скажет иной, я поклоняюсь огню. Нельзя удержаться от смеха, слыша о таком бесчестии, и ты не стыдишься? Опять же: для чего ты гасишь то, чему поклоняешься? Для чего губишь, для чего умерщвляешь своего бога? Почему ты не даешь ему наполнить собой всего твоего дома? Если огонь – бог, то поднеси к нему свое тело, а не подкладывай бога подо дно горшка или котла. Внеси его в твою кладовую, внеси туда, где твои шелковые одежды. Но ты не только не вносишь его, напротив, если он куда-нибудь случайно проникнет, ты гонишь его отовсюду, созываешь всех, плачешь, стенаешь, как будто зашел к тебе какой-нибудь зверь, и когда таким образом твой бог посетит тебя, ты называешь это величайшим несчастьем. Я имею Бога, и делаю все для того, чтобы воспринять Его на свою грудь, и считаю блаженством для себя не только то, когда Он посетит мой дом, но и то, когда я привлеку Его в свое сердце. Вовлеки же и ты огонь в свое сердце. Смешно это и суетно! Огонь хорош для употребления, а не для поклонения, для служения и рабского повиновения мне, а не для господства надо мной. Он создан для меня, а не я для него. Если ты поклоняешься огню, для чего же сам почиваешь на ложе, а своего повара заставляешь предстоять перед твоим богом? Сам займись поварством, сделайся пекарем или, если угодно, кузнецом, для тебя ничего не должно быть почетнее этих занятий, так как за ними наблюдает сам твой бог. Почему ты почитаешь бесчестным то занятие, где так много твоего бога? Для чего поручаешь его рабам и не оставляешь за собой этой чести? Огонь – хорошая вещь, так как сотворен благим Творцом, но он – не бог. Он называется делом Божиим, но не богом. Разве ты не видишь, как он неукротим, как он, охвативши дом, не останавливается нигде? Если ему попадает непрерывный ряд каких-нибудь предметов, он уничтожает все, пока руки плотников или других людей не уймут его неистовства, он не знает ни друзей, ни врагов, но одинаково поступает со всеми. Итак, таков-то твой бог, и ты не стыдишься? Подлинно, хорошо сказал (апостол): *в суете ума их*. Но, говорят,

наш бог — солнце. А скажи мне, почему это и из-за чего? Что оно много дает от себя свету? Но разве ты не видишь, как его побеждают облака, как оно подчинено закону естественной необходимости, подвержено затмениям, закрывается луной и облаками? Хотя облако бессильнее его, однако же, часто берет перевес, и это также дело премудрости Божией. Бог должен быть вседоволен, солнце же имеет нужду во многом, а это несвойственно Богу. Так (солнце) нуждается в воздухе для того, чтобы светить, и притом в тонком воздухе, потому что слишком густой воздух не пропускает лучей сквозь себя. Нуждается и в воде или в чем-нибудь другом, что ограничивало бы его действие, чтобы ему не произвесть пожара. Если бы не было источников, ни озер, ни рек, ни морей, которые посредством испарений, выходящих из них, производят некоторую влажность, то солнце могло бы все попалить. Итак, видишь ли, что это за бог? Какое безумие! Какой смех! Так как, говорят, оно может вредить, то оно — бог. Напротив, потому-то оно и не бог, что для того, чтобы произвести вред, не нуждается ни в чьем содействии, а чтобы быть полезным, имеет нужду во многом другом. Богу несвойственно производить вред, отнюдь, Ему свойственно благотворить. Если же о солнце надобно сказать противное, то как же оно будет богом? Не видишь ли, что ядовитые лекарства производят вред, и (для этого) им не нужно больше ничего; но для того, чтобы доставить пользу, им нужно многое (другое)? Для тебя солнце создано и прекрасным и вместе бессильным: прекрасным, чтобы (по нему) ты познал Владыку, бессильным, чтобы ты не называл его своим владыкой. Но оно, говорят, питает растения и семена. Что же: ужели поэтому и навоз — бог? Ведь и он также питает растения. Для чего же уж не присоединить к этому серпа и рук земледельца? Укажи мне, где бы солнце одно произрастило (растения), не нуждаясь для этого ни в земле, ни в воде, ни в трудах земледельца, пусть оно само посеет семена и, согрев их лучом своим, произведет нам колосья. Если же это зависит не от него одного, а и от дождя, то почему же вода — не бог? Но пока не об этом речь. Почему земля — не бог? Почему навоз и заступ — не

боги? Ужели ж, скажи мне, всему этому должно поклоняться? Какое безумие! А между тем колос скорее вырастет без солнца, чем без земли и воды, равно как и деревья и все другое. Без земли не может быть ни одного (растения). Если же кто-нибудь, всыпав земли в глиняный сосуд, как это делают дети и женщины, и прибавив туда нужное количество навоза, ставит этот сосуд под кровлей, то вырастают растения, хотя и слабые. Таким образом, существенное значение имеют земля и навоз, и их надобно почитать больше, чем солнце. Для того чтобы солнце не производило вреда, нужно небо, нужен воздух, нужно столько вод, которые бы обуздывали его дикую силу и не позволяли лучу его, точно какому неукротимому коню, проникать всюду. Но, скажи мне еще, где бывает солнце ночью? Куда скрывается этот твой бог? Богу не свойственно подлежать стеснению и ограничению, это именно свойственно только телам. Но, говорят, в нем есть какая-то сила и оно движется. Что же, скажи мне, эта сила – бог? Отчего же она является недостаточной и не сдерживает огня? Я опять повторяю прежнее. Что это за сила? Есть ли это сила светящая, или она светит посредством солнца, сама не принимая в этом никакого участия? В таком случае солнце превосходнее ее. Впрочем, довольно нам вращаться в этом лабиринте.

3. А вода, говорят, ужели и она не бог? Вот и еще спор, подлинно достойный смеха! Как же не бог, говорят, вода, когда мы имеем в ней нужду в столь многих случаях? То же самое говорят и о земле. Вот уж именно говорящие это – *в суете ума их, помрачени смыслом*. Впрочем, здесь (апостол) так выразился о их жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодеянию. И понятно: изобретая себе таких богов, они согласно с этим поступают и во всем. Если только они могут скрыть (свои поступки) от взоров людей, то нет уже ничего, что могло бы удерживать их (от худых дел). Может ли, в самом деле, иметь для них какую-нибудь силу учение о воскресении, когда они считают его басней? А о мучениях в аду? Для них и это – басни, и заметь здесь внушение сатанинское. Когда им рассказывают о распутстве их богов, они не называют это баснями, но верят. А когда им гово-

рят о наказаниях, то они возражают: все это поэты выдумывают для того, чтобы повсюду расстроить счастливый порядок жизни.

Но философы, говорят они, изобрели нечто, вполне заслуживающее внимания и лучшее этих (басней). Какие же это философы? Ужели те, которые выдумали судьбу и утверждают, что все существует без Провидения, нет зиждительного промысла, все сложилось из атомов? Но, говорят, другие признали Бога действительным бытием. Какие же это, скажи мне? Те, которые производят души человеческие от душ собак и уверяют людей, что в известное время тот или другой из них был собакой, львом, рыбой? Доколе не перестанете пустословить, *помрачени смыслом?* И подлинно они, как в рассуждении догматов, так и касательно жизни, все говорят и делают так, как бы находились в темноте, человек, окруженный мраком, не видит ничего перед собой, он веревку принимает за ползущего змея, или, зашедши в тесное место, думает, что его схватил человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства! Подобных же вещей боятся (и язычники). *Убоятся страха,* сказано, *идеже не бе страх* (Пс. XIII, 5), а чего бы следовало страшиться, того они не страшатся. Подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей шерсти, так и эти эллины — настоящие младенцы, как и сказал о них некто: «эллины — всегда дети». Того, что не составляет греха, они боятся, как то: телесной неопрятности, похорон, катафалков, тяжелых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как-то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния, блуда — они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть, как (язычник) обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег и в то же время думает, что одно пение петуха может разрешить всякое (недоумение). Так они *помрачени смыслом.* Душа их преисполнена множества примет. Например, такой-то, — говорят, — первый встретился со мной, когда я выходил из

дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левой ногой: и это предвещает несчастья. Это – домашние неудачи. Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам. Равным образом и женщины, – когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадут звук, или сами они оцарапают себя гребнем, принимают это за худое предзнаменование, опять, когда они заденут основой о гребень и очень сильно, потом верхние прутья, ударившись о древко, от напряженного удара издадут звук, то и это считают за предвестие несчастья, и тысячи других у них достойных смеха (суеверий). Закричит ли осел или петух, чихнет ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все их тревожит, так что они, как я сказал, точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше порабощены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими, напротив, осмеявши все такие (суеверия), как живущие в свете, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого – диаволом. Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры. Возблагодарим Бога за все и будем умолять Его, чтобы нам не оказаться недостойными врученного нам дара, с тем вместе позаботимся и о том, что от нас зависит именно, чтобы нам поучать других не только словами, но и делами. От этого мы сможем получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят, в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество сущее в них, за окаменение сердца их, иже в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию в делание всякия нечистоты в лихоимании (Еф. IV, 17–19)

1. Это сказано не ефесянам только, но теперь говорится также вам, и не нами, но Павлом, или, лучше, ни нами, ни Павлом, но благодатью Духа. Итак, нам должно внимать словам этим, как словам Духа. Что же сказано? Послушай: *сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят, в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество сущее в них, за окаменение сердца их.* Итак, если (такое их состояние было следствием) невежества и окаменения, то за что же обвинять их? Несведущего должно научить тому, чего он не знает, но несправедливо подвергать его упреку и взысканию. Но смотри, как (апостол) тотчас же лишает их такого извинения: *иже*, говорит, *в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию* и *в делание всякия нечистоты в лихоимании. Вы же не тако познаете Христа* (ст. 20). Здесь он показывает, что причиной их окаменения была их жизнь; жизнь же их была такой по их собственной беспечности и небрежению. *Иже*, говорит, *вложшеся предаша себе.* Итак, когда ты услы-шишь, что *предаде их Бог в неискусен ум* (Рим. I, 28), то припомни и настоящее изречение, что они сами *предаша себе.* Как же предал их Бог, когда они сами предали себя? Если же предал их Бог, то как они сами себя предали? Тебе кажется, что здесь есть противоречие? Но слово *предаде* значит здесь – *попустил.* Видишь ли, что где нечистая жизнь, там такого же рода придумываются и догматы. *Всяк бо делаяй злая*, сказано, *ненавидит света и не приходит к свету* (Ин. III, 20). В самом деле, каким бы образом человек нечистый, валяющийся среди тел всяких женщин, гораздо больше, чем сколько свиньи валяются в грязи, жадный до денег и ни-

сколько не любящий целомудрия, мог решиться на такую (добродетельную) жизнь? У них, говорит (апостол), такой образ действий обратился как бы в правило. От этого-то (и происходит) их окаменение, от этого — помрачение ума. И при сиянии света для нас может быть темно, если наши глаза больны, больными же они бывают от прилива дурных соков и излишнего накопления мокрот. Так и здесь: когда многочисленное стечение житейских дел помрачает ясность нашего ума, мы находимся в темноте. И подобно тому, как, погрузившись глубоко в воду, мы не можем видеть солнца оттого, что над нами изобильная вода составляет как бы какую стену, так и в мысленных очах происходит окаменение сердца, когда никакой страх не тревожит души. *Несть*, говорит, *страха Божия пред очима его* (Пс. XXXV, 2). И еще: *рече безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс. XIII, 1). Окаменение происходит не от иного чего, как от бесчувственности; при этом заграждаются поры. Так, когда сгустившиеся мокроты сосредоточатся в одном месте, тот член мертвеет и делается бесчувственным, хотя бы ты стал его жечь или резать, что бы ни делал с ним, он (ничего) не чувствует. Так и они (язычники) после того, как раз навсегда впали в беспечность, что им ни говори, грози им хотя бы огнем или мечом, на них ничто не подействует, ничто не убедит их. У них раз навсегда омертвел член (сердце). И пока ты не уничтожишь в нем этого бесчувствия, пока твое прикосновение к нему не будет так же ощутительно, как к здоровым членам, до тех пор все твои усилия будут тщетны. *В лихоимании*, говорит: этим словом (апостол) преимущественно устраняет от них возможность оправдания. Ведь им можно было бы, если бы они захотели, не предаваться корыстолюбию, не быть беспечными, не служить чреву и не вести изнеженной жизни, можно было бы пользоваться умеренно и деньгами, и удовольствиями, и отдохновением. Но так как они не соблюдали в этом умеренности, то и испортили все. *В делание*, говорит, *нечистоты*. Видишь ли, как (апостол) лишает их извинения, сказавши о делании нечистоты? Не по случайному, говорит, увлечению они грешили, но совершали все

эти преступные действия, сами заботясь о них. Во *всякой нечистоте.*

Нечистота всякая – это любодеяние, блуд, сладострастная любовь к отрокам, зависть, всякая страсть и невоздержание. *Вы же не тако познасте Христа: аще убо слышасте его, и о нем научистеся, якоже есть истина о Иисусе* (ст. 20–21). Выражение: *аще убо слышасте его* – не означает, будто он говорит с сомнением, напротив, показывает полную его уверенность, подобным образом он и в другом месте выражается: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющими вас* (2 Еф. I, 6). То есть вы не для таких дел познали Христа. *Аще убо слышасте его, и о нем научистеся, якоже есть истина о Христе Иисусе, отложити вам по первому житию ветхаго человека* (ст. 22). Познание Христа в том и состоит, чтобы вести праведную жизнь. Кто ведет дурную жизнь, тот не знает Бога, и Бог его не знает. Послушай, как об этом (апостол) говорит в другом месте: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся его* (Тит. I, 16). *Якоже есть истина о Иисусе, отложити вам по первому житию ветхаго человека,* – то есть вы не на таких условиях заключили договор, (чтоб оставаться при прежней жизни). То, что мы имеем, не есть суета, но истина, как наши догматы, так и наша жизнь – истинны. Суета – грех и заблуждения, а праведная жизнь – истина. Она и цель имеет высокую, беспорядочная же жизнь приводит к ничтожному концу. *Тлеющаго,* говорит, *в похотех* обольщения его. Как пожелания его истлевают, так и сам он.

2. Каким же образом истлевают его пожелания? Смерть все разрушает. Так пророк говорит: *в день той погибнут вся помышления его* (Пс. CXLV, 5). Впрочем, не одна только смерть, много есть и других причин (этого изменения). Так, красота изменяется, увядает и пропадает от болезни и с наступлением старости. От тех же (причин) погибает и сила телесная. Чувственные удовольствия в старости уже не так привлекательны. На это мы имеем указание и в примере Верзеллия, – без сомнения, вы знаете эту историю (см.: 2 Цар. XIX, 32–35). А с другой стороны, похоть растлевает и губит самое существо человека. Как шерсть от чего рождается, от того же и погибает, так точно и ветхий че-

ловек. Пагубно для него славолюбие, многих погубили удовольствия, обманула похоть. Впрочем, все это не составляет удовольствия в собственном смысле, но есть горечь, обман, подлог и тень. Наружная сторона этих предметов приманчива, но сами по себе они – не что иное, как тяжелое бремя, влекущее за собой великую нищету, пустоту и бедность. И если ты снимешь с них эту личину, откроешь их настоящее лицо, то увидишь обман. В том ведь и состоит обман, когда что-нибудь показывается нам не тем, что оно есть, но представляется тем, чего в нем нет. Отсюда проистекают и ложные суждения (о том или другом предмете). (Апостол) изображает нам четырех человек, и, если хотите, я вам представлю это изображение. В настоящем послании (он изображает) двух, когда говорит: отложившись *ветхаго человека,* обновитесь *духом ума вашего и* облекитесь *в новаго человека* (ст. 23, 24); а в Послании к Римлянам – других двух, когда говорит: *вижду же ин закон во удех моих, противувоюющ закону ума моего, пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих* (Рим. VII, 28). Эти последние имеют сродство с теми первыми, именно с внутренним – новый человек, а с внешним – ветхий; но трое из них растлились. Или, лучше, и теперь их трое: новый, ветхий и этот существенный или естественный. *Обновлятися же,* говорит, *духом ума вашего* (ст. 23). Чтобы кто не подумал, будто он измышляет иного человека, когда говорит о ветхом и новом человеке, смотри, что он говорит: *обновлятися.* Обновление происходит тогда, когда обветшавшее молодеет, принимает другой вид, так что предмет остается один и тот же, но происходит перемена в его случайных свойствах. Как тело остается тем же, хотя происходит перемена в случайных его свойствах, так и здесь. Как же должно произойти это обновление? *Духом,* говорит, *ума вашего.* Поэтому, кто станет совершать что-либо ветхое, тот не сделает ничего: дух не потерпит ветхих деяний. *Духом,* говорит, *ума вашего,* то есть духом, который в вашем уме. *И облецыся в новаго человека.* Видишь ли, что предмет один, а одежды две: одна, которая совлекается, и другая, в которую облекаются. *В новаго,* говорит, *человека, созданнаго по Богу в правде и преподобии*

истины (ст. 24). Почему он представляет человека под именем добродетели и почему под именем порока? Потому что нельзя определить (свойство) человека, не указав на его деятельность. Таким образом, действия человека не меньше, чем естественные его свойства, показывают, добр он или не добр. Как легко раздеть человека, так же легко по добродетели или пороку видеть свойства его. Человек новый, то есть молодой, силен. Будем же и мы сильны в делании добрых дел. Он не имеет морщин, не будем иметь их и мы. Он не подвержен и нелегко поддается болезням, не будем и мы. *Созданнаго.* Смотри, как он называет здесь осуществление добродетели созданием, то есть приведением из небытия в бытие. Что же? А тот (порок) не есть создание по Богу? Никак, но по диаволу, который есть виновник греха. Почему? Потому что новый человек создан не из воды, не из земли, но в правде и преподобии истины. Что значит это? То, говорит, что Бог тотчас же во время крещения, которое существенно необходимо для нашего возрождения, соделал его Своим сыном. Хорошо сказал апостол: *в правде и преподобии истины.* Была некогда правда, было и преподобие у иудеев, но – не истины; то была праведность преобразовательная. Так, телесная чистота была образом чистоты, а не истинной чистотой, был образ праведности, а не истинная праведность. *В преподобии,* говорит, *и правде истины.* Может быть, это сказано и касательно ложной праведности, потому что многие у неверующих считают себя праведными, но они обманываются.

Праведностью называется добродетель всеобъемлющая. Послушай, что говорит Христос: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20); и в другом месте праведным назван тот, кто греха не творит (см.: 1 Ин. III, 9). Так и в судах мы называем правым того, кто терпит обиды, а сам не обижает. О, если бы и нам на страшном суде показаться правыми и получить некоторое снисхождение! Ведь перед Богом невозможно оказаться совершенно праведным, какие бы мы ни представили оправдания: перед Ним всякая праведность несостоятельна, как и пророк говорил: *и победиши, внегда судити ти*

(Пс. L, 6). Но если мы не будем нарушать взаимных прав, то будем правы, если сможем доказать, что нам была сделана несправедливость, и в таком случае мы будем правы. Что это значит, что апостол говорит им: *облекитесь*, когда они уже облеклись. Здесь он говорит о жизни и делах. Тогда они облеклись в крещении, а теперь апостол повелевает им облещись в своей жизни и делах, чтобы уже не жить им больше по влечению обольстительных похотей, но по заповедям Божиим. Но что такое *преподобие?* Что чисто и согласно с требованием долга. Потому-то мы и употребляем это выражение о тех, которые освободились от суда, то есть говорим: я уже больше ничего им не должен, я уже ничему не повинен. Так у нас в обычае говорить: я отделался, и тому подобное, то есть я больше уже ничего не должен.

3. Итак, наш долг не совлекать с себя этой одежды оправдания, которую пророк называет одеждой спасения (см.: Ис. LXI, 10), чтобы нам сделаться подобными Богу, Который облекся в правду. Облечемся же в эту одежду. А облечься значит не что иное, как то, чтобы уже не совлекаться. Послушай, что говорит пророк: *облечеся в клятву, яко в ризу, и вниде* в него (Пс. CVIII, 18). И еще: *одеяйся светом, яко ризою* (Пс. CIII, 21). И у нас в обычае говорить о людях: такой-то надел на себя (личину) такого-то. Таким образом (апостол) хочет, чтобы мы не один день, не два, не три, но всегда пребыли в добродетели и никогда не снимали с себя этой одежды. Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной наготе его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там — это видит Владыка и ангелы. Скажи мне, если бы ты увидел кого-нибудь идущего нагим по площади, не оскорбило ли бы это тебя? Что же сказать о тебе, когда ты ходишь без этой одежды? Не видал ли ты тех нищих, которых мы обыкновенно называем флейтщиками, как они расхаживают и возбуждают в нас жалость к себе? Однако же и они не заслуживают никакого извинения. Мы не прощаем им того, что они проигрывают в кости свои одежды. Как же простит нас Бог, если мы погубим эту одежду? Когда диавол видит кого-нибудь обнаженным

от добродетели, тотчас марает и чернит его лицо, наносит ему раны, делает и еще большие насилия. Обнажим себя от денег, чтобы не обнажиться от праведности. Облачение, состоящее в деньгах, повреждает эту одежду (оправдания): это – облачение из терний, и эти терния таковы, что чем больше мы покрываемся ими, тем более совлекаемся (истинной одежды). Чувственные наклонности также лишают нас этой одежды, они огонь, а такой огонь сожигает эту одежду. Богатство также есть моль, как моль поедает все и не щадит даже шелковых одежд, так и богатство. Итак, оставим все это, чтобы нам быть праведными, чтобы облечься в нового человека. Не оставим у себя ничего ветхого, ничего преходящего, ничего тленного. Добродетель не тяжела, не неудобоисполнима.

Не видишь ли тех, которые проводят жизнь в горах? Они оставляют и свои дома, и жен, и детей, и все свои служебные занятия и, удалившись из мира, облекаются во вретище, посыпаются пеплом, возлагают на шею вериги, заключают себя в тесной келье и, на этом не останавливаясь, изнуряют себя постом и постоянным голодом. Если бы теперь я вам предложил все это, не отказались ли бы все вы? Не назвали ли бы такого дела трудным? Но я не говорю, что вы непременно обязаны это делать. Я только желаю этого, но не узаконяю. Даже что скажу еще? Пользуйся и банями, имей попечение и о теле, ходи и на площадь, имей у себя дом, имей и слуг, употребляй и яства, и напитки, изгони только отовсюду корыстолюбие, потому что оно составляет грех, когда выходит из надлежащих границ законного приобретения. Итак, корыстолюбие – не что иное, как грех. И смотри, когда наш дух возмутится больше надлежащего, тогда, выйдя из себя, мы начинаем злословить, тогда во всем поступаем несправедливо. То же бывает и с любовью к телу, к деньгам, к славе и ко всему другому. И не говори мне, что те отшельники имели особенные силы к такой строгой жизни, многие гораздо тебя слабее и богаче и изнеженнее вступили в эту суровую и скорбную жизнь. И что говорю я о мужах? Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все

время в своих покоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мазями, нежные по природе и еще более сделавшиеся изнеженными от этих усердных о них попечений, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться неге, не делавшие ничего даже сами для себя, но имевшие у себя множество приставленных к ним прислужниц, носившие на себе одежды еще более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, эти девы, будучи внезапно объяты огнем Христовым, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, о своем возрасте, расстались со всеми этими удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. И быть может покажется невероятным, что я скажу, однако же это истинно. Именно я слышал, будто эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы, что ноги их оставались босыми, и они имели своим ложем тростниковые прутья, преимущественно же большую часть ночи они проводили без сна и уже не думали ни о благовонных мазях, ни о чем-либо другом из прежних прихотей и даже оставляли в небрежении свою голову, обыкновенно составляющую особенный предмет их попечений, так что волоса заплетали просто и как-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у них бывает только вечером, и на этой трапезе нет ни овощей, ни хлеба, а только мука, бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно они заняты прядением шерсти и имеют еще занятия, гораздо труднейшие, чем какие имеют дома у них служанки. Именно оне взяли на себя труд лечить тела больных, носить их постель, умывать им ноги. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов! Так благое изволение превышает самую природу! Однако же ничего такого я не требую от вас, потому что вы сами хотите, чтобы женщины опередили вас на поприще благочестивой жизни.

4. По крайней мере делайте то, что нетрудно: удержите свою руку от недозволенного и глаза от бесстыдных взглядов. Что в этом трудного, скажи мне, что тяжелого? Будьте справедливы, никому не делайте обиды, никто, ни бедный, ни богатый, ни продавец, ни наемник. Ведь и между бедными могут происходить взаимные обиды. Разве не видите, какие они производят между собой раздоры и все разрушают. Вступай в брак, имей детей, сам Павел давал наставления таковым, ведущим брачную жизнь, и писал к ним. Велик тот подвиг, высока та скала, так что высота ее близка к небу, и ты не в состоянии подняться до нее. Имей же хотя меньшее и достигни нижайшего. Ты не можешь раздать своих денег? Не похищай же хотя чужих и не обижай. Ты не можешь поститься? Не предавайся же по крайней мере излишеству. Ты не можешь лежать на тростниковом ложе? Не устраивай же, по крайней мере, себе постели, отделанной серебром, но употребляй постель простую и ложе, сделанное не напоказ, а для отдохновения, равно не устраивай постели и из слоновой кости: ограничивай себя. Для чего наполняешь корабль своим несчетным имуществом? Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего, ни зависти, ни воров, ни козней. Ты ведь богат не столько деньгами, сколько заботами, изобилуешь не столько стяжаниями, сколько беспокойствами и опасностями. *Хотящии богатитися,* сказано, *впадают в напасти и в похоти вреждающия* (1 Тим. VI, 9). Вот что терпят те, которые желают обладать многим. Я не говорю тебе: прислуживай больному; прикажи, по крайней мере, это своему слуге. Видишь ли, как это не тяжело? Иначе как могли бы так далеко превзойти нас в этом слабые девы? Устыдимся, прошу вас, того, что в мирских делах мы нигде им не уступаем, ни в войне, ни в боях, а в духовных подвигах они успевают больше нас, первые похищают награду и воспаряют на большую высоту, подобно орлам, мы же, подобно галкам, постоянно находимся внизу около дыму и чадных паров. Подлинно это свойственно галкам и жадным до лакомств псам – постоянно думать о поварах и приготовлении кушаний. Послушай о древних женах, то были великие жены,

великие и достойные удивления, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Деввора, Анна и те, которые жили при Христе. Но они никогда не превосходили своих мужей, а занимали второе место за ними. А теперь, напротив, жены превосходят и затмевают нас. Какой смех! Какой стыд! Мы занимаем место главы, и ужели над нами должно одержать верх тело? Мы поставлены начальствовать над ними не для того только, чтобы пользоваться правами начальствования, но чтобы первенствовать и в добродетели. Начальствующий должен главным образом показывать свое преимущество в том, чтобы превосходить добродетелью. А если его самого превосходят, то он уже не начальник.

Видите ли, какова сила пришествия Христова? Как оно уничтожило клятву? Теперь между женщинами больше девственниц, больше у них целомудрия, больше вдовствующих между ними. Ныне женщина не скоро произнесет какое-нибудь непристойное слово. Для чего же, скажи мне, срамословишь ты? Женщины любят наряды, и это их слабость. Но вы, мужья, и в этом их превосходите, надмеваясь как их нарядом, так и своим. Мне кажется, что не столько жена тщеславится своими золотыми украшениями, сколько муж нарядом своей жены, не столько гордится он своим золотым поясом, сколько тем, что жена носит золотые уборы. Таким образом, вы виновны и в этом, так как вы воспламеняете эту искру, вы разжигаете этот пламень. С другой стороны, такая страсть не столько грешна в женщине, сколько в мужчине. Ты поставлен распоряжаться ею, ты везде хочешь иметь перед ней первенство. Покажи же и здесь своими действиями, что ты выше страсти к роскоши. Женщине более извинительно заниматься нарядами, чем мужчине. Итак, когда ты сам не избегаешь этой страсти, то как же будет избегать ее она? Правда, у женщин есть некоторое тщеславие, но то же и у мужчин. Те склонны к гневливости, и эти также. А в чем женщины имеют преимущество, то уже не общее у них с мужчинами: я разумею скромность, теплоту (души), стыдливость, любовь ко Христу. Почему же говорят: апостол возбранил им учительскую кафедру? И это знак того, что существует большое расстояние меж-

ду ними и мужами и что жены были тогда велики. Следовало ли бы, скажи мне, приступать женам к этому делу в то время, как учили Павел и Петр и те святые мужи. А ныне мы дошли до такого зла, что оказывается естественным вопрос, почему жены не занимаются учительством? Таким образом мы снизошли на степень их слабой природы. Я сказал это не потому, чтобы желал возвысить их, но чтобы возбудить стыд в нас и нас научить, нас побудить к тому, чтобы мы снова приняли принадлежащее нам начальство, не в смысле преобладания, но в смысле попечения и руководства, в смысле преуспевания в добродетели. Таким образом, и тело будет иметь приличное благоустройство, когда будет иметь лучшего правителя над собой. Пусть же будет дано всем, как женам, так и мужам, пожить согласно с волею Божиею, чтобы всем нам сподобиться в тот страшный день милосердия Владыки и получить обетованные блага во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА XIV

Темже отложше лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему, зане есмы друг другу удове. Гневайтеся и не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем: не дадите места диаволу (Еф. IV, 25–27)

1. Представив общее учение о ветхом человеке, апостол потом изображает его подробно, потому что учение о каком-либо предмете, изложенное в подробностях, бывает удобопонятнее. Что же говорит он? *Темже отложше лжу.* Какую ложь? Не разумеет ли он идолов? Нет. Хотя и идолы – ложь, но здесь речь не о них, так как ефесяне не имели никакого общения с идолами. Он говорит им о лжи по отношению друг к другу, то есть о лукавстве и обманах: *глаголите истину кийждо ко искреннему своему,* и представляет сильное побуждение к этому: *зане есмы друг другу удове,* поэтому никто пусть не обманывает своего ближнего. Об этом и Псалмопевец повсюду говорит: *устне лстивыя в сердце, и во сердце глаголаша злая* (Пс. XI, 3). Ничто, решительно ничто столько не производит вражды, как ложь и обман! Заметь

же, как везде апостол пристыжает их, указывая на взаимную верность членов тела. Глаз, говорит он, не обманывает ноги, ни нога – глаза. Если бы, например, случился глубокий ров, а поверх его положены были на земле прутья и закрыты землей, так что глазам обманчиво представлялась бы здесь твердая земля, не воспользуется ли глаз ногой, чтобы узнать, пустое ли пространство внизу, или же место твердое, на котором можно удержаться? Солжет ли при этом нога, не откроет ли того, что есть? А если глаз увидит змия или зверя, обманет ли он ногу? Не даст ли тотчас знать ей об этом, чтобы она, узнавши это от него, шла осторожно? Точно так же, когда ни глаз, ни нога не имеют средств узнать вредного яда, но все будет зависеть от обоняния, ужели обоняние солжет устам. Никак. А почему? Потому что в таком случае оно погубит и себя. Напротив, как ему (обонянию) представится, так оно и говорит. А язык разве обманывает желудок? Не выбрасывает ли он того, что находит противным, и не глотает ли приятного? Вот каков взаимный обмен услуг между членами тела. Замечай же, как верно и притом, так сказать, чистосердечно производится это взаимное предостережение. Так и мы не будем лгать, если мы члены одного тела. Это будет знаком нашего дружества, а противное этому – вражды. Но как же быть, говорят, когда такой-то строит против меня ковы? Познавай истину, если он строит тебе ковы, то он уже не член тела. А апостол сказал: не обманывайте член члена. *Гневайтеся и не согрешайте.* Заметь мудрость: он говорит о том, как нам не согрешать, потом не оставляет и не послушавших этого наставления: так он дорожит своим духовным порождением. Как врач, давши наставления больному касательно того, как ему должно вести себя, не оставляет его своим попечением и тогда, когда больной не исполнит его наставлений, но, убедивши его пользоваться данным наставлением, снова врачует его, так точно поступает и Павел. Врач, заботящийся только о собственной славе, оскорбляется, когда больные пренебрегают его наставлениями, но кто всегда заботится о здоровье больного, тот имеет в виду одно только то, как бы поднять его с постели.

Таков именно и Павел. Он сказал: не лгите. Если же случится, что ложь подвигнет кого-нибудь на гнев, то он и против этого предлагает врачевство. Что же говорит он? *Гневайтеся и не согрешайте.* Хорошо не гневаться, но если кто впадет в эту страсть, то по крайней мере не на долгое время: *солнце,* говорит, *да не зайдет во гневе вашем.* Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три, но да не зайдет солнце, оставив нас врагами. Оно по благости Господа взошло, да не зайдет же, сиявши на недостойных. Если Владыка послал его по многой своей благости и сам оставил тебе согрешения, а ты не оставляешь их своему ближнему, то подумай, какое это большое зло. Притом от него может происходить и другое зло. Блаженный Павел опасается, чтобы ночь, захвативши в уединении человека, потерпевшего обиду и еще пламенеющего гневом, не разожгла огня еще более. Днем, пока еще многое раздражает тебя, тебе позволительно дать в себе место гневу; но когда наступает вечер, примирись и погаси возникшее зло. Если ночь застанет тебя во гневе, то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся огню. Как солнце, если дневной теплоты его не довольно бывает для осушения и очищения воздуха, наполнившегося облаками и испарениями в продолжение ночи, дает этим повод быть грозе, когда ночь, захвативши остаток этих паров, прибавляет к ним еще новые испарения, так точно бывает и в гневе. *Ниже дадите места диаволу.* Итак, враждовать друг против друга значит давать место диаволу. Тогда как должно нам соединиться вместе и восстать против него, мы, оставивши вражду против него, позволяем себе обратиться друг на друга. Подлинно, ничто так не способствует диаволу находить место среди нас, как вражда.

2. Тысячи зол рождаются отсюда. Как камни до тех пор, пока они сплочены и не имеют пустоты, трудно раскалываются, а как скоро окажется в них скважина, хотя бы такая малая, как острие иглы, или сделается трещина, в которую

можно лишь продеть один волос, распадаются и разрушаются, так и при нападениях диавола. Пока мы будем тесно соединены и сближены между собой, до тех пор он не сможет ввести в среду нас ни одного из своих злых наветов. Но когда хотя немного он разделит нас, тогда вторгается подобно бурному потоку. Везде ему нужно только начало, это для него самое трудное, когда же начало сделано, тогда он уже сам собой все подвигает вперед. Так лишь только он открыл твой слух для клевет, и лжецы уже приобретают твое доверие, потому что враждующие руководствуются своею ненавистью, все осуждающей, а не истиной, правосудящей. Как при дружбе даже справедливым нехорошим слухам не хочется верить, так при вражде, напротив, и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бывает у нас ум, другое судилище, выслушивающее не со спокойствием, но с большим пристрастием и предубеждением. Как положенный на весы свинец все перетягивает, так и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Потому, прошу вас, будем всячески стараться о том, чтобы нам до захождения солнца погашать свою вражду. Когда ты не обуздаешь своей вражды в первый и в следующий день, то часто продолжишь ее и на целый год, и наконец она сама собой усилится до того, что уже не будет нуждаться ни в чьем возбуждении. Она заставляет и слова, которые говорятся в одном смысле, принимать в другом, заставляет заподозривать движения и все что ни есть, перетолковывать в худую сторону, и тем ожесточает и раздражает человека, делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но произносит против него всякие бранные слова. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны перед Богом, если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что враждой мы доставляем радость диаволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему собрату. Ты желаешь злопамятствовать, враждовать? Будь врагом, но против диавола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не соб-

ственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали все его острие в грудь диавола. Вонзи туда свой меч по самую рукоять, если хочешь, вонзи и рукоять, и не извлекай его никогда оттоле, напротив, присоедини еще и другой меч. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь: мой член всего для меня дороже. Так будем говорить друг другу, не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы. *Крадый*, говорит, *ктому да не крадет* (ст. 28). Видишь, какие члены у ветхого человека? Ложь, памятозлобие, воровство. Почему он не сказал: крадый да будет наказан, да подвергнется пытке и истязанию, но да не крадет. *Но паче да труждается, делая рукама благое, да имать подаяти требующему* (ст. 28). Где те, которые называют себя чистыми, которые, будучи исполнены всякой нечистоты, дерзают называть себя так? Ведь для того, чтобы снять с себя обвинение, нужно не отстать только от греха, но и сделать что-либо доброе. Смотри, как должно заглаждать грехи: они крали — это значит совершить грех, не крали — это не значит загладить грех, но как могли бы это сделать. Если бы они трудились и помогали другим, то этим они загладили бы грех. Апостол хочет, чтобы мы не просто делали, но чтобы трудились, чтобы отдавали другим. И тот, кто крадет, так же делает, но делает зло. *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших* (ст. 29). Какое это слово — *гнило?* То, которое в другом месте он называет словом праздным, злословием, срамословием, суесловием, буесловием. Видишь ли, как он посекает самые корни гнева: ложь, воровство, необдуманные речи? Слова *да не крадет* он сказал не столько для того, чтобы оказать снисхождение тем кравшим, сколько для того, чтобы потерпевшим от этого внушить кротость и убедить их удовольствоваться тем, что они уже больше не подвергнутся этому. Кстати, учит он и относительно слов, потому что не только за дела, но и за слова мы дадим ответ. *Но точию*, говорит, *еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащим* (ст. 29). То есть говори только то, что назидает ближнего, и ничего излишнего.

3. Бог дал тебе уста и язык для того, чтобы ты благодарил Его и назидал ближнего. Если же ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. И руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навыкшие разрушать их, справедливо было бы отсечь. Так и псалмопевец говорит: *потребит Господь вся устны лстивыя* (Пс. I, 4). Язык – причина всех зол, или, лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, любодеяние, воровство, все рождается отсюда. Каким же образом, говорят, отсюда – убийства? От оскорбительного слова ты придешь в гнев, разгневанный начнешь драться, от драки недалеко до убийства. Каким образом любодеяние? Тебе скажут, что такая-то особенно расположена к тебе, она отзывается о тебе с отличной стороны, эти слова поколеблют твою твердость, а затем в тебе возникнут и нечистые пожелания. Потому-то и сказал Павел: *еже есть благо.* Так как слов великое множество, то он справедливо выразился неопределенно, повелевая касательно их употребления и давая правило, как вести речь. Какое же правило? *Еже есть к созданию,* сказал он. Иначе сказать: говори так, чтобы слушающий тебя был благодарен тебе. Например, твой брат соблудил, не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим нимало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его своими словами. Если же ты будешь увещевать его, как он должен поступать, то этим заслужишь от него великую благодарность. Если ты научишь его иметь доброречивые уста, научишь не злословить, то этим ты многому его обучишь и заслужишь его благодарность. Если будешь говорить с ним о раскаянии, о стыдливости, о милостыне, все это будет смягчать его душу. За все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь смех, произнесешь непристойное слово, а тем более, если похвалишь порок, то ты все расстроишь и погубишь. Так можно понимать слова апостола. Или же слова эти значат, чтобы их, слушающих, сделать облагодатствованными. Ведь подобно тому, как миро подает благодать помазующимся им, так и доброе слово. Пото-

му и сказал некто: *миро излиянное имя твое* (Песн. I, 2). Оно, доброе слово, наполняет слушающих своим благовонием. Видишь ли: о чем внушает он везде, о том говорит и теперь, когда повелевает каждому назидать ближнего по мере своих сил. Итак, увещевая других поступать таким образом, тем более располагай к этому себя самого. *И не оскорбляйте*, говорит, *Духа Святаго.* Это – слова, приводящие в страх и ужас, которые апостол повторяет и в послании к Фессалоникийцам. И там он выразил нечто подобное, сказав: *темже, убо отметаяй не человека отметает, но Бога* (1 Сол. IV, 4, 8). Так и здесь, если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этом апостол указывает еще и на благодеяние, полученное от Святого Духа, чтобы тем сильнее было обвинение: *и не оскорбляйте*, говорит, *Духа Святаго, имже знаменастеся в день избавления* (ст. 30). Он Святой Дух, соделал нас пажитию царевою, освободил нас от всех прежних зол, не оставил нас в числе тех, которые подлежат гневу Божию, и ты оскорбляешь Его? Смотри, какой там внушается страх: *темже убо отметаяй*, говорит, *не человека отметает, но Бога;* а здесь он пристыжает словами *не оскорбляйте Духа Святаго, имже знаменастеся.* Пусть эти слова, как печать, лежат на твоих устах, не уничтожай этих знаков. Уста, запечатленные Духом, ничего такого непристойного не изрекают. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожным. Зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом? Вспомни, какое слово произнес ты сейчас, по своем рождении, вспомни о достоинстве твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? Помысли о том, почему ты называешь Бога своим Отцом. Потому ли, что Он отец по природе? Но поэтому ты не мог бы называть Его так. За добродетель? Нет, и не за то. Почему же? По одному человеколюбию Божию, по Его благосердию, по Его великой милости. Итак, когда

ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что, оскорбляя своего брата, ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благости (Божией). Не срами же своего благородства, которое сам ты получил по милости, жестоким обращением со своими братьями. Называешь Бога своим Отцом и оскорбляешь своего ближнего? Это не свойственно Сыну Божию! Дело Сына Божия прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно Сына Божия: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных – сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять, точно каких невольников.

4. Подумай, какие слова произносили уста твои, какой они удостаиваются трапезы, подумай, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты полагаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же, в таком случае, ты называешь его братом? А если он тебе не брат, то как же ты говоришь: *Отче наш?* Ведь слово *наш* указывает на множественность лиц. Подумай, с кем ты стоишь во время тайнодействий: с херувимами, с серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют одно только занятие славословить и прославлять Бога. Как же ты будешь вместе с ними говорить: *свят, свят, свят,* после того, как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употребляющимися при царском столе, сосудами и этот, наполненный нечистотами? Отнюдь нет. Таково же и злословие, таково и оскорбление ближнего! *Отче наш.* И то ли одно ты произносишь? Вникни и в следующие слова: *иже еси на небесех.* Сейчас ты сказал: *Отче наш, иже еси на небесех,* и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имеешь Отца на небесах. Не делай же ничего, не говори ничего земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься

долу? Предстоишь перед престолом Царским и произносишь злословия! Ужели ты не боишься, что Царь почтет твой поступок за оскорбление Себе? Когда раб, перед нашими глазами, наносит удары другому рабу и поносит его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы тотчас взыскиваем, принимая такой поступок за обиду себе, а ты, поставленный вместе с херувимами перед престолом Царя, поносишь своего брата? Видишь ли эти святые сосуды? Они имеют одно назначение: кто же осмелится употребить их на другое. А ты святее их и гораздо святее, зачем же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах и предаешься злословию? Живешь с ангелами и злословишь? Удостоился лобзания Владычнего и произносишь злословие? Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их брашна не ангельского, но свыше ангельского – Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословию? Оставь это, прошу тебя. Такое поведение производит великие бедствия и не свойственно душе христианской. Ужели мы не убедили тебя своими словами, не пристыдили? В таком случае необходимо устрашить тебя. Послушай же, что говорит Христос: *иже речет брату своему, уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). Итак, если он угрожает геенной тому, кто скажет самое легкое (из обидных слов), то чего заслуживает тот, кто произносит более дерзкие укоризны? Научим свои уста доброречию. Отсюда происходит великая польза, а от злоречия – великий вред. Здесь не нужно тратить денег, – приставим только к устам дверь и запор, будем угрызать самих себя, как только с нашего языка сорвется оскорбительное слово, будем умолять Бога, будем упрашивать оскорбленного нами, чтобы нам не страдать безвинно, ведь мы огорчили себя, а не его, обратимся к лекарству, к молитве и к примирению с обиженным. Если мы должны наблюдать такую осторожность в словах, то тем более – в делах будем к себе строги. Будут ли это твои друзья, будет ли другой кто, кого ты злословил и поносил, извинись перед ними и испроси у них себе наказания. Будем знать, по крайней мере, что злословие есть грех. Если будем это знать, то скорее отстанем от него. Бог

же мира да сохранит ваш ум и язык и да оградит твердой стеной Своим страхом, во Христе Иисусе и Господе нашем, с Которым слава Отцу и Святому Духу.

БЕСЕДА XV

Всяка горесть и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас со всякою злобою (Еф. IV, 31)

1. Как рои пчел никогда не садятся в нечистый сосуд, и потому люди, опытные в этом, приготовляют для них место, окуривая его курениями, мастиками и всякого рода благовониями, обрызгивают ароматными винами и всякими другими составами корзины, в которые они должны садиться, отроившись из ульев, и делают все это для того, чтобы неприятный запах, противный пчелам, не заставил их лететь прочь, — так все это применимо и к Святому Духу. Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований, но, если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь. Поэтому-то этот блаженный и мудрый домохозяин тщательно очищает наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого железного орудия. Он призывает нас в этот духовный улей и, устраивая его, очищает его молитвами, трудами и всякими другими средствами. Посмотри, как он очищает наше сердце: отгоните, говорит, ложь, отгоните гнев, и при этом показывает, как можно истребить зло с корнем: да не будем, говорит, гневливы духом. С нашею желчью обыкновенно бывает, что если ее немного, то и движение ее не сильно, когда расторгнется вместилище; но когда ее едкость и острота доведены до слишком сильной степени, то заключавшее ее доселе вместилище, будучи уже не в состоянии долее задерживать ее в себе и лопая как бы от сильного огня, действительно больше не удерживает ее в надлежащих границах, треснув от чрезмерного напряжения, он извергает ее из себя и она расходится по всему телу. И дикий, и лютый зверь, приведенный в город, пока находится в огражденном месте, никому не может сделать вреда, сколько бы

ни бесновался и ни кричал, но если разъярившись он перескакивает ограду, то производит страх и тревогу в целом городе и заставляет всех бежать от себя: таково же и естественное свойство желчи. Пока она находится в своих границах, то не производит в нас никакого важного вреда, но когда лопнет ее оболочка и ей уже ничто не мешает разлиться по всему телу, тогда-то она, несмотря на свое крайне незначительное количество, по причине своей качественной силы проникает собой все элементы тела и портит их своей дурной примесью. Так, касаясь крови, к которой она близка и по месту и по качеству, разгорячает ее и все, что ни есть вблизи нее, делает излишне влажным и обращает в желчь, затем производит беспорядок и в других частях тела и, таким образом все перепортив собой, лишает человека употребления языка и доводит его до смерти, изгоняя из тела душу. Но для чего мы говорим обо всем этом с такой подробностью? Для того, чтобы нам через сравнение с чувственной желчью лучше понять весь нестерпимый вред желчи духовной, как она, производя совершенное расстройство в нашей душе, от которой рождается, причиняет ей совершенную погибель, и, чтобы зная это, мы береглись, как бы не испытать на себе ее вредного действия. Как та желчь вещественная производит воспаление в телесном составе, так эта (духовная) разжигает наши мысли и низводит того, кем овладевает, в гееннскую пропасть. Итак, чтобы нам после того как мы все это тщательно рассмотрели, избежать этого зла, обуздать этого зверя, а лучше, чтобы с корнем вырвать, для этого послушаем слов Павла: *всяка горесть да возмется* — не сказал: да очистится *от вас*. В самом деле, какая мне надобность удерживать ее при себе? Для чего мне держать у себя зверя, которого можно удалить из души и прогнать далеко прочь? Послушаем же слов Павла: *всяка горесть да возмется от вас*. Но, к сожалению, вот какое у нас замешательство. Тогда как следовало бы всячески стараться об этом, некоторые так неразумны, что считают за счастье для себя такое зло, гордятся им, тщеславятся и возбуждают зависть в других. Такой-то, говорят, человек желчный, настоящий скорпион, змей, ехидна: его

страшно боятся! Что боишься ты, возлюбленный, желчного человека? Боюсь, говорит, чтобы он не сделал мне вреда, не оскорбил меня. Я неопытен в коварстве, как он, и потому боюсь, чтобы он не завлек меня в свои сети, как человека простого и неспособного проникать в его замыслы, и не опутал нас своими ковами, приготовленными для нашего обмана. Смешно! Почему? Потому что такие слова приличны детям, которые боятся того, что нисколько не страшно. В самом деле никто столько не заслуживает презрения, никто столько недостоин посмеяния, как желчный и злой человек. Ведь ничего нет бессильнее злобы: она делает человека бессмысленным и безумным.

2. Разве вы не видите, что злоба слепа? Разве вы не слышали, что копающий яму ближнему роет ее для себя? Но как же, скажут, не бояться человека, предавшегося гневу? Если должно бояться демонов и сумасшедших, то должно бояться и гневливых людей, как безумцев, все делающих без рассуждения. Соглашаюсь и я с этим, но отнюдь не согласен с тем, будто в делах надобно прибегать к помощи таких людей. Для успешного ведения дел всего больше необходимо благоразумие, коварство же, злоба и лукавство более всего препятствуют нам сохранять благоразумие. Не видите ли, каковы бывают тела, в которых разливается желчь, как они бывают невзрачны, совершенно потеряв естественный свой цвет? Как они бывают слабы, немощны и ни к чему не способны. Таковы же и души, одержимые этой болезнью. Коварство – это не что иное, как желчная болезнь души. Итак, коварство нимало не сильно, отнюдь нет. Хотите ли я опять уясню для вас свои слова примером, представив вам образец (человека) коварного и простого? Авессалом был коварен и всех привлек на свою сторону. Смотри же, каково было это коварство. Он ходил, как сказано, близ врат и всякому говорил: *несть ти суда* (2 Цар. XV, 3), желая привлечь этим на свою сторону. А Давид был прост. Что же? Смотри, каков был успех того и другого, смотри, как тот оказался безрассудным. Так как он имел в виду только то, как бы вредить своему отцу, то и был слеп относительно всего остального. Но Давид не так,

потому что *иже ходит просто, ходит надеяся* (Притч. X, 9), то есть кто ничего не замышляет на других, не готовит никому зла. Итак, послушаемся блаженного Павла и пожалеем о злонравных людях, будем оплакивать их и всячески стараться употреблять все меры к тому, чтобы освободить их душу от этого зла. И не безрассудно ли это, что мы стараемся ослаблять силу желчи, хотя она и необходимый элемент в теле, так как без нее человек не может жить — я разумею желчь стихийную, — не безрассудно ли, говорю, что мы стараемся ослаблять ее силу, несмотря на то что она весьма полезна для нас, и между тем нисколько не заботимся и не стараемся о том, чтобы подавлять в себе желчь душевную, которая ни к чему не полезна, напротив, производит столько зла? *Аще кто мнится мудр быти в вас,* сказано, *буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. III, 18); или как еще говорит святой Лука: *приимаху* (верующие) *пищу в радости и в простоте сердца, хваляще Бога, и имуще благодать у всех людей* (Деян. II, 46). Не видим ли мы и теперь, что люди простые и performanceнековарные пользуются от всех общим уважением? Никто таким людям не завидует в счастье, никто не нападает на них в несчастье; но все радуются их благополучию и сожалеют о них, если их постигает несчастье. Напротив, когда благоденствует человек злонравный, то все скорбят об этом, как бы о каком несчастье; а если он впадает в несчастье, то все этому радуются. Пожалеем же о таких людях, потому что они везде, на каждом шагу, имеют у себя врагов. Иаков был простосердечен, но победил злонравного Исава, потому что *в злохудожну душу не внидет премудрость* (Прем. I, 3). *Всяка горесть да возмется от вас* так, чтобы ее уже нисколько не оставалось. Иначе этот остаток, если будет возбужден, то, подобно искре, произведет внутри целый пламень. Итак, тщательнее рассмотрим, что такое эта горесть: ей подвержен человек коварный, хитрый, злокозненный, подозрительный, от нее всегда рождается гнев и ярость, потому что невозможно такой душе оставаться в спокойствии. Горесть — корень гнева и ярости. Такой человек угрюм, никогда не отдыхает душой, всегда задумчив, всегда мрачен, потому что, как я сказал, эти люди

первые испытывают на себе дурные последствия своего злого нрава. *И клич.* Что это? И почему апостол запрещает *клич?* Потому что таков должен быть человек кроткий. Крик – это конь, имеющий своим всадником гнев. Смири коня и победишь всадника. Пусть выслушают это с особенным вниманием женщины, потому что они особенно любят кричать и шуметь во всяком деле. В одном только случае полезно говорить громко, это – в проповедовании и учении, а более нигде, ни даже в молитве. Если ты хочешь проверить наши слова на деле, то воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! И как невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика, так невозможно не прийти в гнев тому, кто кричит. Не говори мне здесь о людях враждующих, злопамятных, злобных и раздражительных: у нас теперь идет речь о немедленном погашении этой страсти.

3. Итак, если мы приучим себя воздерживаться от крика и брани, то это немало может способствовать нам к укрощению души. Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца. И как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, – он не в состоянии будет этого делать; точно так же не может и гнев. Крик же возбуждает гнев даже и тогда, когда его нет. Особенно скоро в подобном случае гнев овладевает женщинами. Когда женщина прогневается на своих служанок, то весь дом наполняет своим криком. И как часто случается, что дом бывает выстроен на тесной улице, то все мимоходящие слышат ее брань и вопли служанки. Что может быть постыднее, как слышать чьи-либо вопли? Все тогда начинают подслушивать и спрашивать: что такое там случилось? Такая-то, говорят, бьет свою служанку. Как это безобразно, какой стыд! Но что же скажут, ужели вовсе не нужно прибегать к наказаниям? Я этого не говорю: нужно, но только не беспрестанно, не без меры, не из желания выместить на других свою досаду, даже и не за неисправность, как я постоянно говорю, но лишь тогда, когда она вредит своей душе. Если ты по

этому побуждению взыскиваешь с нее, то все будут хвалить тебя и никто не осудит. Если же (ты бьешь ее) по своей прихоти, то все признают твою горячность и жестокость. И что всего постыднее, некоторые так бывают жестоки и безжалостны, до того бичуют (своих служанок), что раны не сходят с них целый день. Они обнажают девиц и при содействии мужа часто привязывают их к стульям. Увы, скажи мне, ужели в это время тебе не приходит на память геенна? Но ты обнажаешь девушку и показываешь мужу: ты не стыдишься того, что он тебя осудит? Напротив, ты, как можно сильнее, побуждаешь его к жестокости, настаиваешь связать ее, и прежде всего осыпаешь бедную и несчастную тысячей бранных слов, называя ее фессалинкою*, беглянкой, проституткой. Гнев не щадит твоих уст, имея в виду одно, как бы досадить виновной, хотя бы с позором для себя. После всего этого прогневанная садится на своем месте, подобно тирану, призывает отроков и, давши приказ глупому мужу, употребляет его вместо палача. Должно ли это происходить в христианских домах? Но, говорят, так поступают с людьми лукавыми, бессовестными, бесстыдными и неисправимыми. Знаю это и я. Но их можно бы исправлять иным образом, например страхом, угрозами, словами, и притом такими, которые бы могли подействовать на них и в то же время не унижали тебя. Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдные слова и этим ты не столько ли же бесчестишь и себя, сколько ее. Потом если ей понадобится пойти в баню, то раны на ее обнаженной спине не будут ли свидетельствовать о твоей жестокости. Но, говорят, рабы делаются негодными, если их предоставить самим себе. Я и это знаю, но исправляй их, как я уже говорил, иначе, не бичами только, не страхом, но и лаской, и добрым обращением. Она стала твоей сестрой, если она верующая. Помни, что ты ее госпожа, она тебе служит. Если она склонна к пьянству, отними у

* Фессалинки в древности слыли за чародеек, как это можно видеть у Аристофана и его комментаторов, также у Свиды и других. У латинских поэтов и писателей это было общим местом.

нее возможность пьянствовать, призови мужа, увещевай. Ужели ты не понимаешь, как тебе неприлично бить женщину? Законодатели, установившие много наказаний для мужчин, и костры и пытки, редко приговаривают к этому женщину, но простирают строгость только до сечения розгами. Они так снисходительны к их полу, что в необходимых случаях даже освобождают их от тяжелых наказаний, особенно когда они бывают беременными. Неприлично мужчине бить женщину; если же неприлично это мужчине, то тем более той, которая с ней одного пола. Это делает и жен ненавистными для своих мужей. Но что делать, говорят, если она предается распутству? Выдай ее замуж, пресеки повод к распутству, не позволяй развратничать. Но что если она ворует? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензии? Мне быть сторожем? Какое безумие! Отчего же, скажи, и не быть тебе ее сторожем? Разве у тебя не такая же душа, как и у нее? Разве она не удостоена тех же даров от Бога? Не к одной ли она приступает с тобой трапезе? Не разделяет ли она и твоего духовного благородства? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна к пьянству? А сколько есть таких и между свободными женами? Господь повелел мужам переносить все недостатки жен. Пусть только, говорит, твоя жена не будет прелюбодейницей, и ты сноси все другие ее недостатки. Если она склонна к пьянству, если бранчива и сварлива, если завистлива, если расточительна, если любит пышные наряды, тебе необходимо исправлять ее. Для того ты ее глава. Исправляй же, делай для этого то, что от тебя зависит. Если она остается неисправимой, если ворует, храни свое имущество, но не наказывай ее так жестоко. Если она сварлива, загради ее уста. Это правило высшего любомудрия. А между тем некоторые доходят до такого бесстыдства, что срывают у служанок покрывала с головы и таскают их за волосы.

4. Что вы все покраснели? У нас речь не о всех, но только о тех, которые предаются такой зверской жестокости. Жена да не будет непокровенна (см.: 1 Кор. XI, 6), говорит Павел; а ты совершенно лишаешь ее покрывала? Видишь ли, как ты оскорбляешь саму себя? Если она явится к тебе с

непокрытой головой, ты называешь это оскорблением, а между тем сама, обнажая ее, ты не считаешь своего поступка непристойным. Потом ты говоришь: что мне делать, если она не исправляется? Вразуми ее розгой и ударами. Притом подумай, сколько и у тебя самой недостатков и ты не исправляешь их? Говорится теперь это не в защиту их (служанок), а для вашей пользы, свободные женщины, чтобы вы не делали ничего неприличного и унизительного, чтобы не вредили себе. Если ты дома приучишь себя к тихому и кроткому обращению со служанкой, то тем более такой будешь по отношению к своему мужу. Если ты даже там, где ты свободна в своих поступках, не будешь делать ничего подобного, то тем более не будешь делать этого там, где есть к тому препятствие. Таким образом благоразумное обращение со служанками весьма много может вам способствовать к приобретению благосклонности у своих мужей. *Еюже бо мерою мерите*, сказано, *возмерится вам* (Мф. VII, 2). Обуздай свои уста. И если ты научишься твердо переносить строптивость служанки, то ты не будешь огорчаться и тогда, когда потерпишь обиду от равной себе, когда же ты не будешь огорчаться этим, то ты достигнешь высокого любомудрия. Но иные во гневе употребляют даже проклятия: ничего не может быть хуже, как выражать свой гнев таким образом. Что же мне, скажешь ты, делать, если она (служанка) любит украшать свою наружность? Удержи ее от этого, и я одобрю, но удержи, начавши с себя самой, не столько страхом, сколько своим примером. Будь ей во всем первым образцом. *И хула*, говорит апостол, *да возмется от вас*. Замечай, как происходит зло: горесть рождает гнев, гнев – ярость, ярость – крик, крик – хулу, то есть бранные слова, затем хула – удары, удары – раны, раны – смерть. Но ничего подобного Павел не хотел сказать, а сказал только: *да возмется со всякою злобою*. Что такое *со всякою злобою*? Всякая злоба ведет к этому концу. Есть люди, которые подобны тем хитрым собакам, что не лают и не нападают прямо на проходящих, но, притворяясь смирными и кроткими, схватывают неосторожных и вонзают в них свои зубы. Такие гораздо

хуже нападающих прямо. Так как и между людьми есть собаки, которые, не прибегая к крику, к гневу, к оскорблениям и угрозам, строят тайные ковы и приготовляют другим тысячу зол, мстя им делами, то апостол указал и на таких. *Да возмется*, говорит, *от вас со всякою злобою.* Не мсти и делами, если щадишь слова. Для того я удержал твой язык, остановил крик, чтобы в тебе не возгорелся сильнейший пламень. Если же ты и без крика делаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы в твоем молчании? Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не также ли и раны, которые не выходят наружу, а производят воспаление внутри? Так и тот (скрытый) гнев, хуже и вреднее для души. Но и он, говорит апостол, *да возмется от вас со всякою злобою,* как малой, так и великой. Будем же послушны ему и изгоним из себя всякую горесть, всякую злобу, чтобы нам не оскорбить Святого Духа. Истребим горесть с корнем, отсечем ее от себя. Ничего доброго не может быть душе, наполненной горечью, ничего полезного, но от нее все несчастья, все слезы, все вопли и стенания. Не видите ли, как мы отвращаемся от тех зверей, которые кричат, именно от львов, от медведей, но не от овцы, так как у нее нет крикливости, а тихий голос. Равным образом из музыкальных инструментов те, которые издают крикливые звуки, неприятны для слуха, как, например, тимпаны, трубы, а те, которые обладают тихими звуками, приятны, каковы: флейта, цитра и свирели. Итак, настроим свою душу удерживаться от крика, и этим мы сможем подавить в себе гнев. А когда мы отгоним от себя гнев, то сами первые насладимся спокойствием и приплывем в тихую пристань, куда да будет дано всем нам достигнуть во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Всяка горесть и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог простил есть вам (Еф. IV, 31, 32)

1. Если нужно получить царство небесное, то недостаточно освободиться от греха, но нужно еще много упражняться и в добродетелях. От порочных действий нужно удерживаться для того, чтобы освободиться от геенны, а чтобы наследовать царство небесное, необходимо стяжать добродетель. Разве вы не знаете, что так бывает и в светских судилищах, когда происходит исследование какого-либо дела и в собрание стекается весь город? И там был древний обычай увенчивать золотым венцом не того, кто не сделал зла городу, потому что за это он только не подвергается наказанию, но того, кто оказал много благодеяний. Таков путь к этой почести! Но я не знаю, как случилось, что едва не ускользнуло от меня то, что преимущественно необходимо было сказать вам; я восстановляю первую часть этого отдела, сделав в нем небольшую поправку. Когда я говорил, что для того, чтобы не впасть в геенну, достаточно нам воздерживаться от худого, то, пока я говорил, мне пришла на мысль некоторая страшная угроза, обещающая наказание не тем, кто дерзнул сделать какое-либо зло, но тем, которые опустили сделать что-либо доброе. Что же это за угроза? Когда наступит, сказано, и придет страшный Господний день, то Судия, воссевши на седалище и поставивши овец с правой стороны, а козлищ с левой, скажет овцам: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира; взалкахся бо, и дасте ми, ясти* (Мф. XXV, 34, 35). Это прекрасно, потому что следовало им за такое великое милосердие получить такое воздаяние. Но когда те, которые не уделяют нуждающимся из того, что имеют сами, наказываются не только лишением благ, но и посылаются в огонь геенский, какой в этом смысл? Конечно, и здесь не менее благоприличный смысл, чем в предыдущем. Через это именно

мы научаемся, что творящие благое насладятся благами на небесах, а те, которых нельзя обличить ни в чем худом, но которые опустили сделать что-либо доброе, повержены будут в огонь гееннский вместе с творившими злое. Можно сказать, что не делать добра есть уже отчасти зло, потому что показывает леность, а леность есть составная часть зла, или, вернее, не часть, а повод к злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность. После этого не безрассудно ли задаем мы вопросы вроде того: какое займет место ничего не сделавший худого и ничего доброго? Не делать добра – значит делать зло. Скажи мне, в самом деле, если есть у тебя какой-нибудь слуга, не вор, не наглец, не грубиян, к тому же воздерживающийся от пьянства и от всего прочего, но который постоянно сидит праздным и ничего не делает такого, что слуга обязан исполнять для господина, разве ты его не подвергнешь бичеванию и истязаниям. Конечно, скажешь ты. А между тем он ничего не сделал дурного. Значит, это-то самое и худо, что он ничего не делал доброго. Но, если угодно, поведем речь и о другом образе жизни. Возьмем в пример земледельца: пусть он нисколько не причиняет ущерба нашему имуществу, не клевещет, не ворует, а только, сложа руки, сидит дома: не сеет, не проводит борозд, не запрягает волов, не ухаживает за виноградником, вообще не прилагает никакого попечения о земле. Разве мы не накажем такого? И однако он не сделал никакой неправды, и нам не в чем обвинить его. Но этим самым бездействием он и совершил неправду, потому что по общему понятию неправедно поступает тот, кто не принимает с своей стороны участия в общем деле. Что, скажи мне, если бы каждый из художников и ремесленников нисколько не делал вреда ни тому, кто занимается отличным от него ремеслом, ни тому, кто – одинаковым, а только находился бы в бездействии, не была ли бы для вас погублена и утрачена таким образом целая жизнь его? Если угодно, мы распространим свою речь и на тело: так, пусть рука не бьет головы, не вырывает языка, не выкалывает глаза и вообще не делает никакого подобного зла, а только остается праздной и не исполняет своей службы всему телу: разве несправедли-

во будет отсечь ее, вместо того чтобы носить ее праздной и вредной для всего тела? Или, если рот не съедает рук, не кусает груди, а только не делает ничего, что ему следовало бы делать, не гораздо ли лучше зажать его. Итак, если и по отношению к рабочим, и по отношению к художникам, и по отношению ко всему телу большая несправедливость не только совершение какого-либо зла, но даже и бездействие в добре, то тем более это бывает (несправедливо) со стороны членов Тела Христова.

2. Потому-то и блаженный Павел, отвлекая нас от неправды, ведет к добродетели. Да и что пользы, скажи мне, в том, если будут вырваны все терния, но не будут посеяны полезные семена? Труд опять послужит нам к такому же вреду, если останется недовершенным. Потому-то и Павел, усильно заботясь о нас, дает нам заповеди не только об отсечении и удалении злых дел, по и побуждает в скором времени показать насаждение дел добрых. Сказавши: *всяка горесть и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас со всякою злобою,* он присовокупил: *бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу,* потому что это навыки и расположения, и недостаточно удалиться от одного навыка, чтобы вместо него приобрести другой противоположный, но нужно снова некоторое движение и стремление, не меньшее, чем при удалении от злых дел, для того, чтобы стяжать дела добрые. И в отношении к телу, черный, освободившись от этого качества, еще не вдруг делается белым. Впрочем, не станем говорить о предметах физических, но приведем пример из мира нравственного. Тот, кто не враг, не есть и полный друг: есть нечто среднее между враждой и дружбой, в каковых отношениях к нам большая часть людей преимущественно и находится. Тот, кто не плачет, еще не всегда смеется, но есть состояние среднее. Так и здесь, кто не досадителен, тот еще не совершенно добр, и кто не гневлив, тот не совсем участлив. Но нужно еще особое старание, чтобы стяжать такое благо.

И смотри, как по требованиям лучшего земледелия блаженный Павел очищает и возделывает землю, вверенную ему Земледельцем: он выбросил гнилые семена, потом уве-

щевает приобрести надлежащие растения. *Будите блази*, говорит он. Если после того, как терния будут вырваны, земля будет оставаться праздной, то снова возрастит бесполезные травы. Поэтому нужно наперед отдых и праздное состояние ее сменить посевом добрых семян и растений. Апостол уничтожил гнев, положил доброту; уничтожил досаду, положил сострадательность; вырвал злобу и злоречие, насадил помилование. Слова: *прощающе друг другу* – это именно и означают. Будьте, говорит он, склонны к прощению обид, потому что такая милость больше той, какая оказывается в делах денежных. Тот, кто прощает деньги сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело, но такая милость касается тела, хотя он и приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе и своей собственной, и того, кто получил прощение, потому что таким образом действий он сделал более кротким не только себя, но и его. Мы не столько, преследуя обидевших нас, уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд. Между тем поступая мстительно, мы не приносим пользы ни самим себе, ни им, а напротив, и им, и себе вредим, *гоня воздаяние* (Ис. I, 21) подобно начальникам иудейским, и возжигая гнев во врагах. Если же за несправедливость мы заплатим кротостью, то, утоливши весь гнев его (врага), мы через это при нем самом как бы воссели на судилище, решающее дело в нашу пользу и сильнее осуждающее его, чем нас. Он сам обвинит себя и осудит и будет искать всякого случая, чтобы отплатить за оказанную ему долю великодушия еще большей мерой, зная, что если он отплатит равной, то окажется ниже, потому что не первый начал, но получил пример от нас и потом принес меньше (нас). Итак, он будет стараться превысить меру, чтобы недостаток, какой потерпел он оттого, что вторым пришел к отплате уничтожить чрезмерностью отплаты; и чтобы ущерб, который от времени потерпел тот, кто прежде подвергся страданиям от обиды, сделать общим посредством чрезвычайной кротости. Люди, если они благодарны, не столько сетуют о зле, сколько о добре,

которое получают от обиженных ими, потому что и нечестиво, позорно и смешно, получая благодеяния, не воздавать тем же. Когда потерпевший зло не воздает тем же, это привлекает ему похвалы, рукоплескания и одобрение от всех, потому-то в особенности получающие такие благодеяния и уязвляются этим. Итак, если хочешь мстить, мсти этим способом, воздавай добром за зло, чтобы сделать его (врага) должником и одержать дивную победу. Потерпел ты зло? Делай добро и таким образом мсти врагу. Если ты его преследуешь, то все порицают равно и тебя, и его, если же ты перенесешь обиду, то, наоборот, тебе будут рукоплескать и удивляться, а его обвинять.

3. Что может быть неприятнее для врага, как видеть, что сопернику его все удивляются и рукоплещут? Что горче для врага, как видеть, что его все осуждают в глазах его неприятеля? Если ты ему отмстишь и, может быть, обвинишь его, ты отмстишь один, а если простишь ему, то все отмстят ему за тебя, а это (то есть) иметь врагу стольких мстителей тягостнее, чем терпеть зло. Если ты откроешь уста, замолчат они, если же замолчишь ты, то поразишь его не одними устами, но тысячами других, и так отмстишь гораздо более. Когда ты станешь порицать врага, то многие тебя осудят, именно скажут, что это слова страсти, а когда ничем не обиженный станет осыпать его порицаниями, тогда мщение совершенно чисто от всякого подозрения. И действительно, когда те, которые не потерпели ничего неприятного, по причине чрезмерной твоей кротости, вместе с тобой скорбят как обиженные, то это мщение свободно от всякого подозрения. Что же, скажут, неужели никто не мстит? Быть не может, чтобы люди были каменные, так что не удивились бы, при виде такого любомудрия. И хотя бы в то время они и не отмстили, но впоследствии, будучи в состоянии это сделать, сделают: насмеются над ним и охулят его. Да если и никто другой не удивится тебе, он сам вполне удивится, хотя и не скажет этого. Ведь понятие о добре, хотя бы мы впали в самую бездну зла, остается у нас невредимым и несокрушимым. Почему, думаешь ты, Господь наш Христос говорит: *аще тя кто*

ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мф. V, 39)? Не потому ли, что чем более кто будет великодушен, тем более и себе и ему принесет великой пользы? Для того повелел Он обратить и другую (ланиту), чтобы исполнить пожелание разъяренного. Кто такой зверь, чтобы не пришел наконец в себя? Говорят, что и собаки так поступают: когда они залают и нападут на кого-нибудь, то стоит тому упасть навзничь, и они ничего не сделают, и это потушает всю их ярость. Итак, если и они стыдятся того, кто выказывает готовность потерпеть от них зло, то тем более — род человеческий, который разумнее. Но стоит упомянуть о том, что пришло на память не много прежде и приведено было в доказательство. Что же это? Мы говорили о иудеях и их начальниках, что они обвиняются (Богом), как гонящие *воздаяние* (Ис. I, 23). Хотя им и дозволял это закон: *око за око, и зуб за зуб* (Лев. XXIV, 20), но не для того, чтобы они выкалывали друг другу глаза, а чтобы по страху потерпеть (тоже взаимно) удерживали дерзость, не делали ничего худого другим, и сами не терпели того же от других. (Слова) *око за око* сказаны для того, чтобы связать руки его, а не для того, чтобы направить против него твои, и не для того, чтобы обезопасить от вреда только твои глаза, но и для того, чтобы сохранить целыми и его глаза. Но, как я уже спрашивал, для чего, если мщение было позволено, те, которые употребляли его на деле, подвергались обвинению. Что это значит? Это направлено против злопамятства. Потерпевшему зло позволялось тотчас действовать (сообразно с ним), для того, как я сказал, чтобы удержать обидчика, но отнюдь не позволялось помнить зла. Злопамятство есть дело не гнева и не пылкого увлечения, но обдуманной злобы. Бог снисходит тем, кто внезапно подвергся оскорблению и устремился на мщение, потому и говорится: *око за око.* А в другом месте: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. XII, 28). Если же несмотря на то, что дозволено вырвать око за око, полагается такое наказание злопамятным, то не тем ли большее (потерпят) те, которым повелено быть готовыми к перенесению зла? Итак, не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога. *В нюже бо меру*

мерите, говорит Он, *возмерится вам, и имже судом судите, судят вам* (Мф. XII, 2). Будем же человеколюбивы и сострадательны к сорабам, чтобы и в настоящей жизни избежать сетей, и в день будущий получить от Него прощение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам. Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная, и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания (Еф. IV, 32; V, 1—2)

1. То, что прошло, имеет большую силу и представляется более дивным и вероятным, чем то, что имеет случиться. Потому-то и Павел делает увещание на основании того, что было, так как оно имеет большую силу по причине Христа. Сказать: отпусти, и отпустится тебе, и если не отпущаете, не отпустится и вам, — такие слова много могут значить для людей любомудрых и верующих в будущее. Но Павел усовещивает не только этим (будущим), но и тем, что уже случилось, потому что (убеждаться) тем значит бегать наказания, а этим — быть причастником какого-либо блага. Подражай, говорит, Христу: этого одного достаточно для увещания к добродетели, то есть для того, чтобы подражать Богу. Это убедительнее тех слов: *сияет солнце на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя* (Мф. V, 45). Он не просто сказал, чтобы мы подражали Богу, но выражает желание, чтобы в отношении к тому, чем мы наслаждаемся, мы выказывали друг к другу отеческое расположение. Расположением же этим называется милосердие и соболезнование. И так как людям невозможно не огорчать и не огорчаться, то он нашел другое лекарство — чтобы мы прощали друг другу: *прощающе*, говорит, *друг другу*. Но в этом нет ничего похожего (на прощение Божие), потому что если

ты кому простишь, то и он тебе простит, а Богу ты ничего простить не можешь. Притом ты (прощаешь) сорабу, а Бог – рабу и врагу и ненавидящему Его. *Якоже и Бог*, говорит, *во Христе простил есть нам.* И эти слова весьма загадочны; впрочем, вот что он говорит. Не просто, говорит, без всякой опасности простил, но – с опасностью для Сына, потому что, для помилования тебя, принес в жертву Сына. А ты, хотя тебе и часто представляется безопасное и ничего нестоющее помилование, не делаешь его. *Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная, и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания.* Чтобы ты не подумал, что это было делом необходимости, послушай, что не просто он сказал, но: *предаде себе*, как бы говоря: Владыка возлюбил тебя, когда ты был врагом; люби же ты друга; а если ты не можешь этого, делай, по крайней мере, что можешь. О, что может быть благостнее этих слов? Назовешь ли ты царство, или другое что-либо, – ничто не будет равняться с ними. Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда вместе с Ним прощаешь. Грехи нужно прощать скорее, чем долги денежные, потому что если ты простишь деньги, ты этим не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грехи, ты будешь подражать Богу. Во всяком случае, как ты можешь говорить: я беден и не могу простить, – когда не прощаешь и того, что можешь? Если же и прощение грехов ты будешь почитать для себя делом убыточным, то что же произойдет, когда дело коснется твоего богатства, имущества, пожитков? *Бывайте убо подражатели Богу.* А вот и еще прекраснейшее увещание: *якоже*, говорит, *чада возлюбленная.* У вас есть и другая необходимость подражать Ему, – не только потому, что вы Им облагодетельствованы, но и потому, что соделались чадами. *Якоже чада возлюбленная.* Так как не все сыновья подражают отцам, но только возлюбленные, то и говорит: *якоже чада возлюбленная. Ходите в любви.* Вот и основание всего: если будет любовь, то не будет ни ярости, ни гнева, ни крика, ни брани, – все это будет уничтожено. Потому он и поставляет главнейшее на конце. Почему ты соделался чадом? Потому, что тебе

прощено. На том же основании, на каком удостоен ты столь высокой чести, и сам ты прощай ближнему. Скажи мне: если бы кто-нибудь тебя, узника и виновного в бесчисленных злодеяниях, возвел на царство... А лучше, оставим это. Если бы кто тебе, когда ты был в горячке и боролся со смертью, помог каким-нибудь лекарством, — не превознес ли бы ты выше всего этого человека и даже самое название лекарства? Если к временам и местам, с которыми связано получение пользы, мы тяготеем как к собственной душе, — то тем более — к самым действиям. Будь привержен к любви, потому что через нее ты спасен, через нее соделался сыном (Божиим); и если в состоянии будешь спасти другого, то ужели ты не воспользуешься тем же лекарством и не станешь всех увещевать: отпустите, чтобы отпущено было вам (см.: Лк. VI, 37)? Так поступать — дело душ признательных, свободных и благородных. *Якоже и Христос*, говорит, *возлюбил есть нас.* Ты милуешь друзей, а Он — врагов; следовательно, то, что сделал Владыка, гораздо важнее. Да и как иначе слово *якоже* удержит свой смысл? Не ясно ли, что (в таком только случае), если мы будем благотворить врагам? *И предаде себе приношение и жертву Богу в воню благоухания.* Видишь ли, что страдание за врагов есть благоухание приятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умер, и тогда будет жертва: вот что значит подражать Богу. *Блуд же и всяка нечистота, или лихоимство, ниже да именуется в вас, якоже подобает святым* (ст. 3).

Сказав о грубой страсти — о гневе, (апостол) переходит к меньшему злу. А что сладострастие есть меньшее зло, послушай, как и Моисей в законе говорит сначала: *не убий,* — что относится к гневу, — а потом: *не прелюбы сотвори,* — что относится к сладострастию. Как горечь, и крик, и всякое зло, и злоречие и все подобное происходит от гневливости, так блуд, нечистота, любостяжание — от (сладострастного) пожелания, потому что и любовь к деньгам, и любовь плотская — одна и та же страсть. И как там он уничтожил крик, эту колесницу гнева, так теперь отсекает сквернословие и шутки, колесницу распутства. *И сквернословие*, говорит, *и буесловие, или кощуны, яже неподобная, но паче благодарение* (ст. 4). Не произноси слов ни шутливых, ни постыдных

и не приводи их в действие, и ты угасишь пламя. *Ниже именуется*, говорит, *в вас*, то есть чтобы отнюдь даже не казалось (будто это есть у вас). То же говорил он, и пиша к Коринфянам: *отнюдъ слышится в вас блужение* (1 Кор. V, 1), то есть будьте все чисты, потому что слова ведут к делам. Потом, чтобы не показаться тяжелым и суровым, и пресекая наклонность к шуткам, присовокупил и причину, говоря: *яже неподобная*, то есть они нисколько (неприличны) для нас, *но паче благодарение*.

2. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь (ненадлежащий) инструмент? Никак, – потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному (разговору). Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя диавол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, – а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли же ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит Павел: *три лета нощъ и денъ не престаях уча со слезами единаго когождо вас* (Деян. XX, 31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, – не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, – то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорит и к Коринфянам: *от печали многия и туги сердца написах вам многими слезами* (2 Кор. II, 4); и еще: *кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (XI, 29)? Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: *ибо и мы, сущии* в храмине, *воздыхаем* (V, 4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, – а ты занимаешься тем, что

свойственно плясунам? Не видишь ли ты лиц людей воюющих, как они суровы, как строги, как брови их страшны и полны ужаса? У них ты видишь лицо суровое, сердце бодрое, ум отважный, быстрый, сдержанный, осторожный и беспокойный, большое благочиние, большую стройность и великое молчание в рядах; не говорю уже, что они не произносят постыдного слова; они вовсе ничего не говорят. Если же они, сражаясь с врагами чувственными и не будучи в опасности потерпеть какой-либо вред от слов, наблюдают столь великое молчание, то ты, который должен вести войну и за слова, и даже большую часть войны, — как ты допускаешь этой твоей части оставаться обнаженной? Разве ты не знаешь, что мы здесь подвергаемся многим наветам? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех и нисколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако послушай, — (апостол) изгоняет всякие шутки. Ныне время войны и битвы, бдения и бодрствования, вооружения и приготовления к борьбе. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это — время мира. Послушай, что говорит Христос: *мир возрадуется, вы же печальни будете* (Ин. XVI, 20). Христос распялся на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличным и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело диавола — нерадеть о безразличных (поступках). И во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеянием. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда (этот порок) происходит. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, и такой,

будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на сцене. Где гнусность, там и шутки; где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорит пророк: *работайте Господеви со страхом, и радуйтеся ему с трепетом* (Пс. II, 11). Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой; она возбуждает часто ссоры и порождает войны.

3. Что же? Разве ты принадлежишь не к числу мужей? Оставь же то, что свойственно детям. Тебе не нравится, если твой раб говорит на площади что-либо бесполезное; а ты, называя себя рабом Бога, произносишь на площади шутки? Прекрасно, если душа трезвенна, – ее нельзя увлечь; а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собой, и не нужно ей будет козней и нападений диавола. А чтобы тебе лучше узнать (дело), обрати внимание на самое название. Шутником называется человек непостоянный, на все готовый, нетвердый, изменчивый, бывающий всем. Но это – несвойственно тем, которые служат Камню. Такой человек легко изворачивается и переменяется, потому что он должен подражать и изменению лица, и словам, и смеху, и походке (других) и всему; притом ему нужно выдумывать остроты, потому что для него и это необходимо. Но играть комедии несвойственно христианину. Притом охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом или услышат со стороны. Если это дело хорошее, то зачем оно предоставляется мимическим актерам? Ты делаешься таким актером и не стыдишься? Для чего вы не позволяете этого свободным вашим (женщинам)? Разве этим вы не свидетельствуете, что это нечестный обычай и неблагопристойное дело? Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога. Разве ты не видишь так называемых смехотворов, клоунов? Вот они – шутники. Изгоните, умоляю вас, из душ своих это непривлекательное удовольствие: это дело паразитов, мимических актеров, плясунов и публичных женщин. Пусть бу-

дет оно далеко от души свободной и благородной, даже и от рабов. Если кто бесчестен, если кто мерзок, тот и охотник шутить. Многим это дело кажется даже добродетелью, и это достойно слез. Как похоть мало-помалу доводит до любодеяния, так и наклонность к шуткам кажется привлекательной, а между тем менее всего привлекательна. Послушай, что говорит Писание: *прежде грома предваряет молния, и прежде стыдливаго предваряет благодать* (Сир. XXXII, 12). Но ничего нет бесстыднее шутника, потому уста его исполнены не приятности, а горечи. Изгоним этот обычай из-за трапез. Есть некоторые, которые учат этому даже бедняков. О, нелепость! Шутами делают тех, которые окружены горестями! Где нет этой болезни? Она вошла и в Церковь, она уже коснулась и Писаний. Сказать ли нечто, чтобы показать чрезмерность зла? Стыжусь, а все-таки скажу. Я хочу показать, до чего дошло зло, чтобы не подумали, что я занимаюсь мелочами и рассуждаю с вами о чем-нибудь маловажном, чтобы хотя этим способом мне можно было отвлечь вас от заблуждения. Пусть никто не полагает, что я выдумываю: я скажу то, что слышал. Случилось кому-то быть у одного из тех, которые тщеславятся ученостью, — я знаю, что возбужу смех, а все же скажу; поставивши стол, этот сказал: «хватайте, дети, чтобы не распалился желудок». Равным образом иные говорят: «горе тебе, мамона, и тому, у кого нет тебя». И много таких нелепостей привнесла шутливость, как, например, когда говорят: «теперь нет рождения». Я говорю это, показывая нелепость постыдного обычая, потому что подобные выражения (происходят из) души, чуждой благочестия. Не достойны ли такие (слова) молний? Можно бы найти много и других подобных выражений. Потому, умоляю, изгнавши отовсюду этот обычай, будем говорить то, что нам прилично, и пусть святые уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. *Кое бо причастие правде к беззаконию, или кое общение свету ко тме* (2 Кор. VI, 14)? Лучше, если мы, удалившись от всего неприличного, в состоянии будем воспользоваться обещанными благами, чем если, занимаясь этим, погубим через то трезвенность ума. Человек шутливый ско-

ро делается злоречивым; а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков. Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними возницей ум, чтобы получить награду вышнего звания, которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Сие бо да весте, яко всяк блудник, или нечист, или лихоимец, иже есть идолослужитель, не имать достояния в царствии Христа и Бога. Никтоже вас да лстит суетными словесы: сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокоривыя (Еф. V, 5, 6)

1. Были, как кажется, и у наших предков такие, которые дозволяли народу своевольствовать, приводили в исполнение дела, упомянутые у Иезекииля, даже делали то, что свойственно лжепророкам, – которые *горсти ради ячмене осквернавляху* Бога *у людей* Его (Иез. XIII, 19). То же, я думаю, и теперь иные делают. Так, когда мы говорим, что назвавший брата уродом подлежит геенне, некоторые спрашивают: ужели назвавший брата уродом подлежит геенне? Нет! – отвечают. И когда говорим, что лихоимец есть идолослужитель, – и над этим опять смеются, говоря, что это выражение преувеличено; и все заповеди унижают подобным образом. Их-то имея в виду, и писал тогда к Ефесянам блаженный Павел, говоря: *сие бо да весте, яко всяк блудник, или нечист, или лихоимец, иже есть идолослужитель, не имать достояния, в царствии Христа и Бога.* Потом присовокупляет: *никтоже вас да лстит суетными словесы.* Суетные слова те, которые имеют временную прелесть, но никогда не выказываются в делах, потому что дело их – обман. *Сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокоривыя.* За прелюбодеяние, говорит, за любостяжание, за нечистоту, или и за это и за обман, так как они недобросовестны. Непокоривыми сынами называет весьма упорных, которые не слушают

(Бога). *Не бывайте убо сопричастницы сим. Бесте бо иногда тма, ныне же свет о Господе* (ст. 7, 8). Смотри, как мудро сделал увещание, сперва Христом, то есть любите друг друга, и никого не обижайте; потом опять – наказанием и геенною. *Бесте бо иногда тма,* говорит, *ныне же свет о Господе.* Это же говорит и в послании к Римлянам: *кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитеся* (VI, 21)? И напоминает им прежние пороки, – то есть: размыслите, говорит, что некогда вы были, и что теперь; не обращайтесь к прежнему нечестью и не пренебрегайте Божиею благодатью. *Бесте иногда тма, ныне же свет о Господе.* Не за вашу, говорит, добродетель, но по благодати Божией это с вами произошло, то есть и вы некогда были того достойны, но более уже нет. Потому *яко чада света ходите* (ст. 8). А что значит: *чада света,* – он объясняет, непосредственно за этим прибавляя: *плод* бо *духовный есть во всякой благостыни и правде и истине. Искушающе, что есть благоугодно* Господеви (ст. 9, 10). *Во всякой,* говорит, *благостыни:* это против гневливых и жестоких. *И правде:* это против любостяжательных. *И истине:* это против ложного удовольствия. Не о том, говорит, заботьтесь, о чем я сказал, но о противоположном. *Во всякой,* то есть плод духовный должен обнаруживаться во всем. *Искушающе, что есть благоугодно* Господу. Следовательно, то свойственно детскому и несовершенному разумению. *И не приобщайтеся,* говорит, *к делом неплодным тмы, паче же и обличайте: бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся же, обличаемая от света, являются* (ст. 11, 12, 13). Сказал, что вы – свет; свет же открывает все то, что бывает во тьме, так что если вы, говорит, будете добродетельны и достойны удивления, нечестивые не будут иметь возможности таиться. Подобно тому, как в то время, когда стоит светильник, освещаются все, и разбойник не может приблизиться, так, при сиянии света от вас, обличаемые нечестивцы будут поражены. Следовательно, должно изобличать. Но каким же образом говорит (Христос): *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1)? Обличать, сказал (апостол), то есть вразумлять, а не осуждать. И кроме того: *не судите, да не судими будете* – сказано о самых незначительных грехах. Сообразно

с этим и присовокупил (Христос): *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши* (ст. 3)? А слова (апостола) означают следующее: как рана телесная до того времени, пока таится, будучи прикрыта снаружи, и пока углубляется далее, не пользуется никаким лечением, так и грех, доколе скрывается как бы во мраке, до тех пор продолжает действовать весьма смело; но как скоро будет обнаружен, делается светом, не самый грех, как это возможно, но тот, кто соделал его. Если он будет выведен на средину (собрания), если будет вразумлен, если покается, если получит отпущение, то не разогнал ли ты тьмы его? Не исцелил ли тогда его раны? Не вызвал ли плод вместо бесплодия? Или это он говорит, или то, что ваша жизнь, будучи открытой, есть свет, — потому что никто не скрывает безукоризненной жизни; все же то, что скрывается, скрывается потому, что помрачено. *Сего ради глаголет: востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (ст. 14). О спящем и мертвом говорит таком, который во грехах, потому что и он издает дурной запах, как мертвец, и он неподвижен, как спящий, и он, подобно спящему, ничего не видит, но бредит и мечтает. Иные читают: и *прикоснешься Христу;* другие: *осветит тя Христос.* Но это последнее лучше. Восстань от греха и сможешь увидеть Христа. *Всяк бо делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету* (1 Ин. III, 20). Итак, кто не делает (зла), тот приходит (к свету).

2. Но не о неверных только он это говорит, потому что многие и из верных нисколько не менее неверующих привязаны к нечестию; есть даже такие, которые и гораздо более. Потому-то и к ним необходимо сказать: *востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос.* Прилично сказать к ним и это: *Бог несть мертвых, но живых* (Мф. XXII, 32). Итак, если не мертвых, то будем жить. Некоторые говорят, что выражение: лихоимец есть идолослужитель — преувеличено. Но оно не преувеличено, напротив — совершенно верно. Как и каким образом? Таким, что лихоимец отдаляется от Бога, подобно тому, как идолослужитель. А чтобы ты не подумал, что это сказано неосновательно, — вот Христово изречение, которое гласит: *не можете Богу работати и мамо-*

не (Мф. VI, 24). Те, которые работают мамоне, удалили себя от служения Богу; те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному золоту, явно идолослужители. Но я не делал, говорит (любостяжатель), идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, – я ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божию, и в таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Итак, каким образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то самое и удивительно, что ты, испытавши и вкусивши Божия человеколюбия и увидевши, что Господь благ, – оставил Благого и принял на себя (владычество) жестокого тирана; говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Ты мне не сказал о каком-либо своем добром деле, но только – о дарах Владыки. Скажи мне, спрашиваю я, на основании чего судим о воине? На основании того ли, что он служит телохранителем царя, от него получает содержание и украшается его именем, – или того, что он не думает о делах его, но показывает только вид, что держит его сторону и заботится о его делах, сам же способствует успеху его неприятелей? Явно – того, что он телохранитель царя. Поэтому и достоин он более жестокого наказания, нежели в том случае, если бы отвергся явно служения царю и передался врагам. Потому и ты дерзко восстаешь против Бога, как идолослужитель, не одними твоими устами, но обидою бесчисленного множества людей. Но (лихоимец) не есть, говорят, идолослужитель. А когда эллины говорят: христианин – лихоимец, тогда уже не один он себя посрамляет делами, но и обиженных заставляет часто это говорить. Если же не говорят, так это должно считать следствием их осторожности. Разве не видим мы, что дело бывает именно таким образом? Что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям, вместо того чтобы владеть страстью? Например, когда мы говорим, что такой-то поклоняется идолам, он говорит: нет – не им, но Афродите и Аресу. И если мы скажем: кто сама Афродита? – более знающие из них говорят: удовольствие. А кто Арес? Гнев.

Так и ты (отвечаешь) о мамоне. Если скажем: что такое мамона? Любостяжание, – и ты ему поклоняешься. Не поклоняюсь, говоришь. Почему? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения делами и поступками, потому что такое поклонение важнее. И чтобы ты убедился в этом, смотри, по отношению к Богу, кто достойнее Ему поклоняется, те ли, которые просто стоят на молитве, или те, которые исполняют Его волю? Явно, что последние. Так и по отношению к мамоне, те, которые творят его волю, более поклоняются ему. При том же, поклоняющиеся страстям (олицетворенным) часто бывают свободны от (собственных) страстей. Так, посмотри на почитателя Ареса, он часто владеет гневом. В тебе же не то, ты сам себя делаешь невольником страсти. Но ты не закалаешь овец? За то – людей и души разумные, иные – голодом, другие – клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы! Кто видел, чтобы когда-нибудь души закалались? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, почувствуешь от него запах крови козьей и крови быков, если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не заметишь сожигаемых крыльев птиц, ни запаха от того и поднимающегося дыма, но – умерщвленные человеческие тела. Иные бросились с крутизны, другие накинули на себя петлю, иные перерезали ножом горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные? Хочешь ли посмотреть еще на более жестокие, сравнительно с этими? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и души человеческие, которые там закалаются. Ведь и душу закалать можно закланием, соответствующим душе, потому что как для тела есть смерть, так и для души. *Душа бо, яже согрешит*, говорит (Писание), *та умрет* (Иез. XVIII, 4). Смерть души не такова, какова смерть тела, но гораздо тяжелее. Та смерть – телесная, разлучивши душу и тело друг от друга, одно избавляет от многих забот и трудов, другую же препровождает в известное место; а потом (тело), разлученное на время и удаленное, опять соединяется с нетлением и снова получает свою душу.

3. Такова эта смерть; смерть же души страшна и ужасна. Она не переводит души (в известное место), как бывает с телом, по разлучении ее с ним, но связанную опять нетленным телом ввергает в огонь неугасимый. Такова-то смерть души! Итак, подобно тому, как есть смерть души, есть и заклание души. В чем состоит заклание тела? В умерщвлении и в отнятии силы душевной. В чем – заклание души? И это – тоже умерщвление. В чем же умерщвление души? Как тело тогда умирает, когда душа оставляет его лишенным своей силы, так и душа тогда умерщвляется, когда Дух Святой оставляет ее без Своей силы. Эти заклания особенно и совершаются на жертвеннике любостяжания. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человеческой, но если вы не принесете самой души, жертвенник любостяжания не насыщается, если не примет душ обоих, души приносящего жертву и приносимого. Ведь необходимо прежде быть принесенным в жертву тому, кто ее приносит, и таким образом он совершает жертвоприношение и, будучи мертвым, приносит в жертву живого. Если ты клевещешь, поносишь и негодуешь, не есть ли это раны души неисцелимые? Видишь, что выражение не преувеличено?

Хочешь и еще послушать и узнать, каким образом любостяжание есть идолослужение и тяжелее идолослужения? Идолослужители кланяются творению Божию. *И почтоша*, говорит (апостол), *и послужиша твари паче Творца* (Рим. I, 25); ты же поклоняешься своему собственному творению. Бог не сотворил любостяжания, но изобрела его твоя безмерная ненасытность. И смотри, как это безумно и достойно смеха. Те, которые поклоняются идолам, чтут тех, которым кланяются, и если кто скажет об этих идолах худо, если будет над ними смеяться, они защищают их. Ты же, как бы в каком опьянении, поклоняешься предмету, который не только не свободен от порицания, но и полон нечестия. Итак, ты гораздо хуже их, потому что не можешь сказать в свою защиту, что это не зло. Если и те весьма неизвинительны, то ты еще более, как несчетное число раз порицающий любостяжание и осмеивающий тех, которые служат ему, раболепствуют перед ним, предаются ему.

Но не угодно ли, мы исследуем, откуда явилось идолослужение? Один мудрый муж говорит (см.: Прем. XIV, 15), что некто богатый человек, снедаемый преждевременной потерей сына и не имея никакого утешения в скорби, хотел утолить страдание тем, что, сделав бездушное изображение умершего и затем смотря на него, думал изображение принимать за самого умершего. Некоторые же льстивые люди, которым бог чрево, служа в его честь перед изображением, ввели обычай идолослужения. Итак, оно введено слабостью души, неразумным обычаем, невоздержанием. Любостяжание же не так. И оно от слабой души, но только от худшей. Не потерял кто-либо сына, не ищет утешения в скорби, не понуждается льстецами. Но как? Я вам скажу. Каин обманул Бога, потому что то, что следовало дать Ему, удержал у себя, а то, что следовало оставить себе, принес Ему и начал зло с Бога. Если сами мы Божии, то тем более первые плоды наших стяжаний. От любостяжания, в свою очередь, родилось стремление к женщинам. Увидели дщерей человеческих и предались похотению (см.: Быт. VI, 3). От них – опять к деньгам, так как желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела. Желание иметь больше бывает не от чего другого, а только от безумия, человеконенавистничества и высокомерия. Разве не видишь, как велика земля? Как несравненно больше, чем нужно, воздуха, неба? Бог устроил творение в таком объеме для того, чтобы погасить твое любостяжание. Но ты и при всем том грабишь и, слыша, что любостяжание есть идолослужение, не ужасаешься даже перед этим? Хочешь овладеть землей? Но разве нет на небе наследства, которого ты себя через то лишаешь?

4. Скажи мне, если бы кто предоставил тебе право взять все, – разве ты не захотел бы? А можно, если хочешь. Некоторые говорят, что они скорбят, если наследство переводят на других, хотели бы лучше истребить его, нежели видеть других его владетелями. Я тебя не извиняю и в этой слабости, потому что и это свойственно немощной душе. Но пусть будет так. Поставь же в завещании наследником Христа. Ведь (наследнику) должно быть живому,

это будет свидетельствовать и о прекрасно направленной воле, к тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрее. Христос повелел давать нищим для того, чтобы нас живых сделать любомудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не в этом состоит презрение денег, что, умирая и не будучи господином, ты предоставляешь их то тому, то другому. Не добровольно даешь остаток, но по крайней необходимости. Смерти – благодарность, не тебе! Это не есть дело нежной любви, но – нужды. Впрочем, пусть будет и так, но освободись же хоть тогда от страсти. Подумай, сколько ты похитил, сколько приобрел обманом? Все возврати четверицей, и таким образом оправдаешь себя перед Богом. Но некоторые дошли до такого безумия и испорченности, что даже и тогда (перед смертью) не понимают должного, а поступают так, как будто бы старались сделать тяжелее для себя суд Божий. Потому-то блаженный тот (Павел) говорит в послании: *яко чада света ходите.* Любостяжатель же преимущественно живет во тьме и на всех распространяет великий мрак. *Не приобщайтеся*, говорит, *делом неплоднъм тмы, паче же и обличайте: бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся* же, *обличаемая от света, являются.*

Послушайте, увещеваю всех, кто не хочет напрасно негодовать. Он похищает, и ты не обличаешь? Ты опасаешься гнева? Хотя не напрасно негодование, хотя ты обличаешь справедливо, а все же боишься гнева? Обличи брата, выкажи вражду, по любви ко Христу, по любви к нему самому, останови его, если он идет в пропасть. Общение в трапезе, в добрых речах, приветливость и нежность – небольшое дело любви. Мы даем друзьям такие дары, которые избавили бы душу их от гнева Божия. Восставим их, видя повергнутыми в пещь нечестия. Но, говоришь, он не исправляется? А ты сделай свое и будешь прав перед Богом. Не скрывай таланта. Для того ты имеешь разум, для того – язык и уста, чтобы исправлять ближнего. Одни бессловесные не заботятся о ближнем и не имеют никакого понятия о других. Ты же, называя Бога Отцом, и ближнего – братом, видя его совершающим множество зол, пред-

почитаешь расположенность к нему его пользе? Да не будет этого, умоляю вас. Нет больше доказательств любви, как не презирать заблуждающих братьев. Увидел враждующих? Помири. Увидел обманом приобретающих имущества? Помешай. Увидел обижаемых? Защити. Этим ты к себе первому выкажешь любовь, а не к ним. Для того мы и друзья, чтобы друг другу приносили пользу. Друг иначе слушает друга, иначе кого-нибудь постороннего. Постороннему он, быть может, не будет и доверять, равно как и учителю, а другу не так. *Бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся же, обличаемая от света, являются.* Что он хочет этим сказать? Говорит это потому, что одни из грехов совершаются здесь тайно, а другие явно. Там же будет не так, потому что нет никого, кто бы не сознавал за собою греха. Потому говорит: *вся, обличаемая от света, являются.* Что же, не о идолослужении ли, скажешь, говорится и здесь? Нет; речь здесь о жизни и грехах. Все являемое, говорит, свет есть. Потому, умоляю, не отказывайтесь ни других обличать, ни сами досадуйте, будучи обличаемы. Доколе что совершается во мраке, совершается с большей смелостью, но как скоро имеет многих свидетелей происходящего, тогда освещается. Потому будем делать все наиболее для того, чтобы удалить мертвость от братьев своих, чтобы рассеять мрак, чтобы приблизить Солнце правды. Если много будет светочей, то и для нас будет удобен путь добродетели, да и те, которые во мраке, лучше будут обличены, так как свет, распространяясь, прогоняет и мрак. А если не будем так поступать, то можно опасаться, что они угаснут от преобладания над светом мрачной и греховной тьмы, которая отгоняет блеск света. Итак, будем стараться и о других, как о самих себе, чтобы всеми (делами своими) воссылать славу человеколюбивому Богу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Господня (Еф. V, 15, 17)

1. Снова (апостол) искореняет горечь, снова отсекает повод к гневу. Что в самом деле говорит он? *Блюдите, како опасно ходите.* Он знал Учителя своего, что Он, посылая учеников, как овец среди волков, заповедовал им еще быть подобными голубям. *И цели*, говорит, *будите, яко голубие* (Мф. X, 16). Так как, с одной стороны, (христиане) были среди волков, а с другой — были наставлены не мстить за себя, но переносить обиды, то поэтому они и нуждались в подобном наставлении. И прежнего уже достаточно было к тому, чтобы сделать их мужественнее, а когда к двум сделано прибавление, то пойми, что (наставление дано) уже чрезмерное. Смотри же, с каким тщанием он их предостерегает, говоря: *блюдите, како ходите.* Целые города вели войну против них (апостолов), эта война перешла и в домы. Отец вооружался на сына, сын, — на отца, мать — на дочь, дочь — на мать. Что же? Откуда эти разделения? Они слышали, что Христос говорил: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. X, 37). Итак, чтобы не подумали, что Он напрасно вводит войны и распри, так как могла произойти великая вражда, если бы они и сами вздумали вооружаться, для этого (апостол) и говорит: *блюдите, како опасно ходите,* то есть исключая проповеди, ничем другим не давайте себе повода к вражде против вас, одна она пусть будет основанием вражды. Пусть никто не обвиняет вас в чем-нибудь другом, оказывайте почтение и всякое повиновение, если ничто не вредит проповеди, если ничто не препятствует благочестию, потому что *воздадите*, сказано, *всем должная, емуже урок, урок, емуже дань, дань* (Рим. XIII, 7). А когда увидят вас покорными другим, то сами устыдятся. *Не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время.* Увещевает так, желая не того, чтобы мы были изворотливыми и ловкими, но слова его означают следующее: время не ваше, ныне вы

странники и пришельцы, чужеземцы и посторонние, не ищите почестей, не ищите славы, не ищите могущества, не будьте и мстительны, все переносите и этим искупайте время, много платите, все, чего бы от вас ни захотели. Это сказано темно: попытаюсь уяснить примером. Представим, что кто-нибудь имеет великолепный дом, потом, что некоторые приходят, чтоб его разорить, и он много им раздает и тем избавляет себя: тогда говорим, что он искупил себя. Подобным образом и у тебя великий дом и истинная вера, приходят, чтобы взять все, отдай же все, кто бы что от тебя ни потребовал, только, главное, спаси, то есть веру. *Дние бо*, говорит, *лукави суть*.

Что такое лукавство дня? Порочность дня должна быть свойственна дню. Если ты узнаешь, что такое порочность в окружающем нас, узнаешь и то, что такое порочность дня. Что такое порочность тела? Болезнь. А что — порочность души? Злоба. Что — порочность воды? Горечь. И всякого рода порочность есть неустройство в природе того предмета, которому порочность приписывается. Итак, если и день может иметь порочность, то она заключается в самом дне, в часах, в свете. Так и Христос говорит: *довлеет дневи злоба его* (Мф. VI, 34). Через это мы можем понять и то. Итак, в каком же смысле он называет дни лукавыми? В каком — время лукавым? Не сущность, не создание (так называет он), а то, что в продолжение их делается. Подобно тому и у нас есть обычай говорить: «Тяжелый день провел я, дурной». Между тем каким бы образом он мог быть тяжелым, как не в зависимости от того, что случилось в течение его? А то, что в течение его случается, — доброе — от Бога, злое же — от порочных людей. Следовательно, люди — творцы того, что бывает порочного во времени, и потому говорят: «Злые времена». Так и мы называем времена порочными. *Сего ради*, говорит, *не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля* Господня. *И не упивайтеся вином, в немже есть блуд* (ст. 17, 18), — так как невоздержание и в этом делает нас вспыльчивыми и дерзкими и стремительными, раздражительными и несносными. Вино дано для веселья, а не для пьянства. А ныне не напиваться — считается делом

женоподобным и смешным. Какая же надежда на спасение? «Смешно, – говоришь ты, – не напиваться», тогда как пьянство более всего должно быть осмеяно. Весьма хорошо и частному человеку быть чуждым пьянства, а гораздо более – воину, который имеет дело с оружием, с кровью, со смертоубийствами, гораздо более – военачальнику, когда и без того гнев его воспламеняется от власти, от управления, от того, что он постоянно живет среди засад и битв. Хочешь знать, где вино хорошо? Послушай слова Писания: *дадите сикера сущим в печалех, и вино сущим в болезнех* (Притч. XXXI, 6). И справедливо: оно ведь имеет силу смягчать огорчение и тоску и удалять печаль. *Вино веселит сердце человека* (Пс. CIII, 15). Как же от вина происходит пьянство? Ничто не может производить противоположных действий. Значит, пьянство не от вина, но от неумеренности. Вино дано нам не для чего-нибудь другого, как для здоровья тела, но и этому препятствует невоздержание. Послушай же и того блаженного, который пишет и говорит Тимофею: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23).

2. Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Он и хотел даровать нам сначала, но так как мы сами сделались недостойными ее, то Он отсрочил ее и во время отсрочки не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для наполнения желудка человеческого. Владыку всех бессловесных (Бог) создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними и дал небольшое тело, указывая этим не иное что, как то, чтобы мы стремились к другой жизни. *Не упивайтеся*, говорит, *вином, в немже есть блуд*. Оно не спасает, а губит не только тело, но и душу. *Но паче исполняйтеся Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердце вашем Господеви: благодаряще всегда о всех о имени Господа нашего Иисуса Христа Богу и Отцу, повинующеся друг другу в страсе* Христове (ст. 18–21). Хочешь, говорит, веселиться? Хочешь провести день? Я даю тебе питье духовное. Пьянство уничтожает благозвучие речи,

заставляя наш язык заикаться; равным образом извращает и глаза, и все. Учись петь псалмы и увидишь сладость этого дела, потому что поющие псалмы исполняются Духа Святого, а поющие сатанинские песни — духа нечистого. Что означают слова: *в сердцах ваших Господеви?* Это значит — со вниманием приступай к этому делу, потому что невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте. *Благодаряще всегда о всех о имени Господа нашего Иисуса Христа Богу и Отцу, повинующеся друг другу в страсе* Христове. То есть: пусть восходят к Богу прошения ваши с благодарением; ничто так не радует Бога, как то, когда кто-нибудь благодарит Его. Преимущественно же мы можем выражать свою благодарность удалением нашей души от вышесказанного, очищением ее от того, о чем сказал (апостол). *Но исполняйтеся*, говорит, *Духом*. В нашей ли это власти? Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любостяжания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства, когда сделаем себя достойными, тогда что воспретит Святому Духу приблизиться и прилететь к нам? И Он не просто приблизится, но наполнит сердце наше. Когда же внутри нас будет такой свет, то после того добродетель не будет уже нам трудна, но легка и приятна. *Всегда*, говорит, *благодаряще о всех*. Как же? Должно благодарить за все, что ни случится? Подлинно так, хотя бы то была болезнь, хотя бы бедность. Если и в Ветхом Завете некоторый мудрец советовал, говоря: *все, елико аще нанесено ти будет, приими* радостно, *и во изменении смирения твоего долготерпи* (Сир. II, 4), то тем более это должно быть в Новом. Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари: в том-то и заключается благодарность. Ничего нет важного, ни удивительного в том, если ты благодаришь, когда облагодетельствован, здоров, все тебе удается и ты счастлив. Нужно, чтобы ты благодарил в несчастьях и скорбях. Не говори ничего, кроме слов: благодарю Тебя, Владыко! Но что я говорю о бедствиях, которые случаются здесь (на земле)? За самую геенну, за наказания, за муки, которые будут там (за гробом),

должно благодарить Бога. Если мы будем внимательны, это дело принесет нам великую пользу, когда именно страх геенны будет налагать узду на сердца наши. И не только за явные благодеяния, но и за тайные, посылаемые против желания, мы должны благодарить. (Бог) много благодетельствует нам, когда мы не хотим или не видим этого. Если не верите, я вам разъясню это дело. Подумай, не все ли приписывают солнцу и идолам своим беззаконные и безбожные эллины. Что ж? Разве Он не посылает благодеяний и им? Не Его ли промыслу обязаны они жизнью, здоровьем, детьми и другим подобным? А так называемые маркиониты? А манихеи? Разве не хулят Его? Что же? Разве не благодетельствует Он и им каждый день? Если же тем, без их ведома, благодетельствует, то тем более нам. И что другое свойственно Богу, как не благодетельствовать человеческому роду и в наказаниях, и в благодеяниях?

Итак, не в счастье только мы должны благодарить, потому что тут нет ничего важного. Это знал и диавол; потому и говорил: *еда туне чтит Иов Господа? Не Ты ли оградил еси внешняя его, и внутренняя? Но коснися всех, яже имать, аще не в лице Тя благословит* (Иов. I, 9, 11). Но злодею этому (диаволу) не было от того никакой пользы, и пусть не случится, чтобы и относительно нас было ему что-нибудь большее. Когда постигают нас бедность, болезни, несчастья, тогда-то и должно сильнее благодарить. Я разумею благодарность не на словах, не на языке, а в поступках, делах, мысли и сердце. Всею душою будем благодарить Его. Ведь Он любит нас более, нежели наши родители, и любовь Божия настолько различна от любви родительской, насколько благость отстоит от лукавства.

3. Это не мои слова, но любящего нас Христа. Послушай, что говорит Он: *кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Аще убо вы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст блага просящим у Него* (Мф. VII, 9, 10, 11)? И опять послушай, что говорит Он в другом месте: *еда забудет жена, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь* (Ис. XLIX, 15). Если

он не любит нас, то для чего сотворил? Разве это Ему было необходимо? Разве мы делаем что-нибудь Ему полезное и нужное? Разве Он нуждается в ком-либо из нас? Послушай слова пророка: *рех Господеви: Господь мой еси Ты, яко благих моих не требуеши* (Пс. XV, 2). Но не понимающие и не чувствующие этого говорят: при благости Божией должно быть равенство для всех. Но скажи мне, неблагодарный человек, в чем ты видишь отсутствие благости Божией и что называешь равенством? Один, говорят, с детства калека, другой безумствует и одержим демоном, иной всю жизнь до глубокой старости провел в бедности, иной в жестоких болезнях. Таковы ли дела промысла? Один глух, другой нем, третий беден, иной же зол и беззаконен, исполнен бесчисленных пороков, а имеет деньги, содержит блудниц и нахлебников, приобрел великолепный дом, ведет беззаботную жизнь. И много говорят подобного, сплетая длинное слово осуждения на промысл божественный. Что же? Нет, стало быть, промысла? Что нам сказать против них? Если бы это были эллины и сказали нам: кем управляется мир? — мы спросили бы их в свою очередь: что же? Нет промысла? Зачем же вы почитаете богов, поклоняетесь демонам и героям? Ведь если есть промысл, то он бодрствует над всеми. Если между христианами и эллинами найдутся отчаивающиеся и сомневающиеся, — что им сказать? Скажи мне, ужели от случая произошло столько благ: ежедневный свет, благоустройство в существующем, хор звезд, равномерное течение дней и ночей, последовательность природы в растениях, животных и людях? Кто, скажи мне, управляет этим? Если нет никого пекущегося, а все поддерживается случайно, то кто над землей и водами, опрокинувши, распростер такой прекрасный, такой величественный шатер, — я разумею небо? Кто дал плодоносящие времена? Кто вложил такую силу в семена и растения? Все случайное бывает совершенно беспорядочно, между тем как все благоустроенное художественно. Что у нас из случайного, скажи мне, бывает свободно от великой неурядицы, великого замешательства, беспорядка? Я уже не говорю о том, что происходит без причины, но даже о том, кто делает, но

берется за дело без уменья. Пусть, например, будет дерево, камни и известь, пусть возьмет их человек, не знающий домоустройства, и начнет строить и трудиться. Не все ли он погубит и испортит? Опять же, пусть будет корабль без кормчего со всем, что нужно иметь кораблю, кроме кормчего, не говорю – не оснащенный, но даже оснащенный: он не в состоянии будет плыть. Эта земля, стоящая на воде, могла ли бы, скажи мне, простоять столько времени без поддерживающей силы? И есть в этом смысл? И мнение такого рода не стоит осмеять тысячи раз? Если при этом (вода) носит и небо – вот другая тяжесть. Но на воде ли держится небо – другой вопрос. Все это – дело промысла. Все, носящееся на воде, не должно быть вогнутым, но выпуклым. Почему? Потому что тело выпуклое, как, например, в корабле, остается наружу и стремится вверх, а тело вогнутое все погружается в воду. Итак, для него (неба) нужно тело упругое, твердое, способное выдержать напор и вынести наложенную тяжесть. Не воздух ли поддерживает небо? Но он гораздо жиже, рыхлее воды и вещам даже самым легким не может противопоставлять достаточного сопротивления, а тем более такой громаде. Целого века нам недостаточно было бы, если бы мы стали рассматривать все дела промысла, как в общем, так и в частностях. Спрошу настоящего совопросника: от промысла все это произошло или случайно? – и, если бы он сказал: нет промысла, опять спрошу, как же это произошло? И не найдется он указать ни на одну причину. Отсюда уже тем более ты не должен разузнавать и усиливаться разгадывать вопросы, касающиеся жизни человека. Почему? Потому что человек превосходнее всего этого, и все это произошло для человека, а не человек – для этого.

4. Итак, если ты не понимаешь премудрости и порядка, заключающихся в промышлении о нем (человеке), как можешь постигнуть причины, заключающиеся (в Боге)? Да, скажи мне, почему (человек) сотворен столь малым, до того удаленным от высот небесных, что сомневается в являющемся свыше? Почему северные и южные страны необитаемы? Почему, скажи мне, зимою ночь бывает больше, летом – меньше? К чему стужа, жар, почему тело смертно?

Я предложу тебе бездну и других вопросов, даже, если хочешь, не перестану спрашивать, и во всем ты будешь безответен предо мной. В том-то главным образом и состоит промысл, что причины для нас непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумения, то, пожалуй, кто-нибудь и в самом деле счел бы человека причиной всего. Такой-то, говорят, беден, а бедность есть зло. Что такое также болезнь или слепота? Все это – ничто, человек! Одно только несчастье – грешить, и об этом одном нам и должно рассуждать. Оставивши исследования относительно причин действительных бедствий, мы слишком много хлопочем о постороннем. Отчего никто из нас никогда не старается узнать, почему он грешил? В моей ли власти грешить или не в моей? Нет нужды тут много говорить, поищу ответа в самом себе. Не победил ли я когда-нибудь страстных влечений, не восторжествовал ли над гневом из стыда или из страха перед людьми? Когда найду такие случаи, то заключу отсюда, что грешить в моей власти. Никто об этом не любопытствует, никто не берет на себя труда это узнать; но без размышления, по словам Иова, смертный *инако обилует словесы* (Иов. XI, 12). Что тебе за нужда до того, что один – слеп, другой – беден? Не об этом Бог повелевает рассуждать тебе, а о том, что сам ты делаешь. Если ты сомневаешься, промышляет ли какая-нибудь сила о мире, ты самый безрассудный человек; если же ты убежден в этом, то зачем сомневаешься, что должно угождать Богу? *Всегда о всех*, говорит, *благодаряще Богу* (ст. 20). Войди в лечебницу и, когда там бывает раненый, посмотри, как врач режет и жжет его. Впрочем, я говорю это не по отношению к тебе, ты войди в мастерскую плотника. И не добьешься ты смысла, ничего почти не поймешь из того, что там делается, многое покажется тебе бестолковым, когда, например, он сверлит или стругает дерево. Если я приведу тебя к другому, более простому искусству, например к живописи, то и здесь ты растеряешься. Скажи мне, не напрасным ли тебе покажется делать то, что делает (живописец)? К чему для него служат начертания и переплетения линий? Когда же он положит краски, тогда бросится тебе

в глаза красота искусства, и все-таки, и после этого, ты не в состоянии будешь ничего понять в точности. Но зачем я говорю о плотниках, живописцах, таких же рабах, как и мы? Расскажи мне, как пчела делает соты, и тогда говори о Боге. Изучи искусство муравьев, паука, ласточки и после этого говори о Боге. Объясни мне это, если ты умен, но ты не в состоянии. Итак, ужели не перестанешь ты, человек, искать излишнего, а это поистине излишне, не перестанешь безрассудно любопытствовать? Нет ничего мудрее такого незнания, и признающиеся в полном незнании в этом случае оказываются умнее всех, а суемудрствующие — неразумнее всех. Таким образом, заявление о своем знании не всегда показывает мудрость, а иногда и глупость. Скажи мне, если бы из двух человек один объявил, что измерит протянутыми веревками воздух, простирающийся от земли до неба, а другой, осмеивая первого, признавался бы, что он этого не знает, кого мы, скажи, осмеяли бы, называющего себя знающим или незнающего? Очевидно, именуемого знатока. Итак, незнающий мудрее того, кто выдает себя за знающего. Еще если бы кто объявил, что знает, сколько стаканов (воды) содержит в себе море, а другой — что не знает, здесь опять незнание не мудрее ли знания? Конечно. А почему? Потому что это незнание шире (чем знание). Признающийся в незнании знает кое-что. Именно что? То, что нечто сокрыто от человека; а это немаловажно. Тот же, кто говорит, что знает, в особенности не понимает того, о чем говорит, будто знает; потому-то он и заслуживает осмеяния. Увы, сколько мы имеем побуждений обуздывать неуместную пытливость и любопытство, и все же не удерживаемся, но мешаемся в жизнь других (и спрашиваем): почему тот беден, почему этот слеп. С такими вопросами мы впадем и в другие бредни, — почему, например, это женщина, почему не все мужчины, почему это осел, почему бык, почему собака, почему волк, почему камень, почему дерево, и вопросы продлятся в бесконечность. Поэтому-то Бог и положил меру нашему знанию и (положил основание ей) в нашей природе. Посмотри со мной на весьма любопытное явление. Когда мы смотрим с

земли на небо, на такую высоту, то ничего тяжелого не чувствуем, а когда взойдем на какую-нибудь высокую башню и захотим, несколько наклонясь, посмотреть вниз, то вдруг ощущаем кружение и помрачение головы. Скажи мне причину этого; но ты не найдешь, почему глаз имеет большую силу (чем другие чувства) и перестает действовать на значительнейших расстояниях.

5. И в отношении слуха можно видеть подобное. Никто не сможет наполнить криком весь воздух, окидываемый глазом, или слышать на таком расстоянии. Почему не все члены имеют одинаковую честь, не отправляют одинакового назначения и не занимают одного места? И Павел любопытствовал об этом, или, лучше, не любопытствовал, потому что он был мудр, но, пришедши к этому вопросу, сказал: *(положи) единаго коегождо их, якоже изволи* (1 Кор. XII, 18). Все он приписал воле Божией. Прекративши изыскания, будем же и мы только благодарить за все. Потому, говорит, *благодарите о всех*. Это свойственно рабу мудрому, благоразумному и рачительному, а то (пустое любопытство) — болтливому, ленивому, мешающемуся не в свое дело. Не знаешь ли, что между слугами самые пустые и ни к чему негодные бывают говорливы, болтливы и стараются разузнать тайны, скрываемые господами, а благоразумные, усердные только и смотрят, как бы выполнить свою службу? Кто много говорит, тот ничего не делает; кто много делает, тот ничего не говорит неуместного. Поэтому и Павел говорил, пиша о вдовах; *не точию же праздны учатся, но и болтливы* (1 Тим. V, 13).

Скажи мне, где больше различия: между возрастом нашим и детским или между Богом и людьми? Между нами и комарами или между нами и Богом? Очевидно, между нами и Богом. Итак, зачем же ты такой любопытный? Благодари за все. Но скажешь: что я буду отвечать, если меня спросит эллин и захочет от меня узнать, есть ли промысл, а сам он говорит, что нет никого промышляющего? Спроси и ты его в свою очередь. Но он говорит, что нет никого промышляющего? Что промысл есть, это ясно из сказанного; относительно же непостижимого (укажи на то), что мы не понимаем его значения. Если в делах человеческих мы

многого не понимаем, как что делается, и хотя многое нам кажется неуместным, однако уступаем, то тем более (должно так поступать) по отношению к Богу. В Боге для верующих и не кажется и нет ничего неуместного. Поэтому будем благодарить за все, за все будем прославлять Его. *Повинующеся*, говорит, *друг другу в страсе Божии.* Если ты повинуешься из-за подчинения, из-за денег или из-за стыда, то тем более (повинуйся) из-за страха Божия. Пусть будет взаимное воздаяние за рабство и подчинение; тогда уже не будет рабства. Пусть не занимает исключительно один место свободного, другой – раба, но лучше, если господа и слуги взаимно служат друг другу. Гораздо лучше так быть рабом, нежели иным образом быть свободным. Вот доказательство: пусть кто-нибудь имеет сто слуг и никто из них ему не служит, пусть, с другой стороны, будет сто друзей, взаимно служащих друг другу. Кто из них будет лучше жить, у кого будет больше радости, больше веселья? Там нет ни гнева, ни досады, ни раздражения и ничего подобного, здесь страх и рабство, здесь все по необходимости, там все по свободному избранию, здесь служат по принуждению, там по любви друг к другу. Так восхотел и Бог, поэтому омыл ноги учеников. Еще более: и господа, если хочешь рассудить тщательно, обязаны вознаграждать друг друга взаимным служением. Что произошло бы, если бы гордость не допустила оказывать взаимных воздаяний? Когда кто отправляет плотское служение, ты питаешь его тело, заботишься о пище, одежде, обуви, и это есть один из видов служения. Если ты не выполняешь своего служения, то он не будет выполнять и своего, никакой закон не заставит его служить, если ты не кормишь его. Если так бывает по отношению к рабам, то что неуместного, если также случится и с свободными? *В страсе* Христове, говорит, *повинующеся.* Что же это за милость, когда (за службу) имеем и воздаяние? Но он не хочет тебе подчиняться? Подчиняйся ты ему, и не просто повинуйся, но подчиняйся. Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами, порабощенными властью, сильнейшей власти суровейшего тирана. Еще более ты приобретешь их, если, не получая от

них ничего, будешь отдавать им свое. *Повинующеся друг другу в страсе* Христове – значит, чтобы мы обуздывали все страсти, служили Богу, питали любовь друг к другу, и тогда мы сможем удостоиться человеколюбия Божия, благодатью и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу, зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава церкве, и той есть Спаситель тела. Но якоже церковь повинуется Господу, такожде и жены своим мужем во всем (Еф. V, 22–24)

1. Некоторый мудрый муж, перечислив многие блага, поставил в числе их и согласие (между мужем и женой); *и муж и жена,* сказал он, *между собою согласни* (Сир. XXV, 2). Подобным образом, и в другом месте, в числе же благ он поставляет единомыслие между мужем и женой (XXV, 11). Притом известно, что и изначала Бог прилагал особенное попечение об этом союзе, и, говоря об обоих, Он выражается как об одном: *мужа и жену сотворил я есть* (Мк. X, 6); и еще: *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. III, 28). В самом деле, не может быть такой близости у мужа с мужем, какая у жены с мужем, если только кто законно сочетался с нею. Потому-то один блаженный муж, выражая чрезмерную любовь и оплакивая одного из любимых им и сердечно ему преданных, берет для этого в пример любовь не отца или матери, ни дитяти или брата, ни друга, – но чью? Паде *любовь твоя* на мя, говорил он, яко *любовь женская* (2 Цар. I, 26). Поистине, любовь эта насильственнее всякой тирании. Сильны и другие (страсти); на эта страсть имеет такую силу, которая никогда не ослабевает. В самой природе нашей есть какое-то страстное влечение, непонятное для нас, которое соединяет эти тела (мужа и жены). Вот и вначале жена произошла от мужа, а после от жены и мужа муж и жена. Замечаешь ли союз и единство? Почему (Бог) не

попустил привзойти сюда другой сущности отвне? И смотри, как Он устроил: Он дозволил человеку иметь женой сестру, еще более – не только сестру, но и дочь, и не только дочь, но нечто ближе дочери – собственную плоть. Все же это Он устроил изначала, соединяя их в одно, как бы на каменном основании. Не отвне Он жену сотворил, для того, чтобы муж не смотрел на нее, как на чуждую; а с другой стороны, не ограничил брачного сожития только ею, чтобы он, стесняя и принуждая себя, не отделился вовсе от других. И как между растениями те особенно красивы, которые имеют один ствол, разветвляющийся на многие ветви, а те, которых ветви разветвляются беспорядочно, каждая вырастая от особенного корня, не представляются красивыми, так и здесь, Бог из одного Адама произрастил весь род (человеческий), поставивши его через то в совершенную невозможность разъединиться или разделиться. Потом, для большего также единения, запретил вступать в брак с сестрами и дочерьми, чтобы через это мы не сосредоточивали всей любви своей на одном (роде) и тем не отделялись от других. Потому и сказал (Христос): *сотворивый искони, мужеский и женский пол сотворил я есть* (Мф. XIX, 4). Много от этого бывает зла, много и добра и для семейств, и для обществ. Ничто так не укрепляет нашу жизнь, как любовь мужа и жены. Ради нее многие берутся за оружие, а иные не щадят и своей жизни. Итак, не просто и не напрасно Павел выказал великую заботливость об этом деле, когда сказал: *жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу*. Почему? Потому что, если они единомысленны, то и дети их воспитываются хорошо, и слуги благоустроены, и соседи, и друзья, и сродники, как бы наслаждаются их благовонием. Если же где бывает напротив, то там во всем беспорядок и замешательство. И как, если военачальники в мире друг с другом, то все идет, как следует, а если между ними возникнет распря, то там уже не бывает порядка, так и здесь. Потому и говорит: *жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу*. Увы! А как же в другом месте сказано: если кто не оставит жены или мужа, не может следовать за Мной (см.: Лк. XIX, 26; сн. Мф. X, 36, 37)? Если (жена) должна по-

виноваться (мужу), как Господу, то как же говорится, что ей должно оставить его ради Господа? И подлинно, должно. Впрочем, слово *якоже* не везде означает совершенное равенство. (Апостол) или разумеет следующее: *якоже* знающие, что служите Господу, как и в другом месте говорит, что (они должны повиноваться) если не ради мужа, то, в особенности, ради *Господа* (Кол. III, 18); или: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, как работающая Господу. Если противящийся даже внешним общественным властям противится *повелению Божию* (Рим. XIII, 2), то тем более — не повинующаяся мужу. Этого Бог требовал от начала. Итак, поставим мужа в качестве главы, а жену — в качестве тела. Потом, доказывая умозаключениями, что муж есть глава жены, (апостол) говорит: *якоже и Христос церкве, и той есть Спаситель тела. Но якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем.* Сказав, что муж есть глава жены, *якоже и Христос церкве,* он затем присовокупил: *и той есть Спаситель тела,* — потому что от головы зависит благосостояние тела. Таким образом он предложил мужу и жене, как основание их счастья, взаимную любовь и заботливость, указав каждому подобающую область, — ему — начальство и попечение, а ей — повиновение.

2. Итак, как Церковь, составляемая из мужей и жен, повинуется Христу, так и жены должны повиноваться мужьям, как Богу. *Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби церковь* (ст. 25). Ты слышал о великом послушании, ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя: тот же самый пример он приводит и далее. *Мужие,* говорит он, *любите своя жены, якоже и Христос возлюби церковь.* Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся, но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому,

что сделал Христос. Ты терпишь это, будучи уже в союзе с женой; а Он (страдал за Церковь), отвращавшуюся от Него и ненавидевшую Его. Как Он, когда она отвращалась, ненавидела, презирала Его и была развратна, по великому своему снисхождению покорил ее под ноги Свои, не прибегая ни к угрозам, ни к порицаниям, ни к устрашениям и ни к чему подобному, так и ты поступай в отношении к своей жене: хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобой, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим о ней попечением, любовью и дружбою. Нет уз крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, а скорее и его этим не свяжешь, он отскочит и сбежит, но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей, нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовью и расположенностью. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может насладиться муж, который сожительствует с женою как с рабой, а не как с свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи: Христос этого не делал. *И себе*, говорит, *предаде за ню, да освятит ю, очистив* (ст. 25, 26). Значит, она была нечиста; значит, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста была не такова, какою Христос обрел Церковь; она не так отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ей и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? Послушай, что говорит Павел: *бесте бо иногда тма* (Еф. V, 8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Но посмотри и дерзость ее: *в злобе*, говорит, *и зависти живуще* (Тит. III, 3). Посмотри и нечистоту: *несмыслени и непокорниви*. Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. Недоумевая перед этим, Павел и говорил: *едва бо за праведника кто умрет* (Рим. V, 7); и еще: *яко еще грешником сущим нам, Христос за ны умре* (ст. 8). И принявши ее такой, Он украшает ее и

омывает и не отказывается от этого. *Да освятит ю*, говорит (апостол), *очистив банею водною в глаголе. Да представит ю себе славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна* (ст. 26, 27). Банею омывает ее нечистоту. *В глаголе*, говорит. Каком? Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И не только украсил ее, но и сделал славною, не имеющею *скверны, или порока, или нечто от таковых*. Итак, будем и мы искать этой красоты, и мы сможем стать ее творцами. Не требуй от жены того, чего у нее нет. Видишь, что Церковь все получила от Владыки? Через Него она соделалась славной, через Него беспорочной. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Послушай, что говорит Писание: *мала в пернатых пчела, и начаток сладостей плод ея* (Сир. XI, 3). Она Божие создание: не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее. Чем виновата жена? Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного, она возбуждает ревность и нередко заставляет подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этой (красотой), ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянной, как любовь к красоте душевной, а не телесной.

3. Скажи мне, что прекраснее неба? Что прекраснее звезд? Скажешь: тело, – но оно не так бело; укажешь на глаза, – но они не так блестящи. Когда созданы были небеса, им удивились ангелы, и мы ныне удивляемся им, хотя и не так, как сначала. Это от привычки, что мы ныне уже не так поражаемся ими. Не тем ли более (можно сказать это) по отношению к жене? А если приключится болезнь, то тотчас все улетает. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки (истинной) кра-

соты, а телесной красоты не будем искать и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит или, лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь, напротив, сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости. Истребим внутреннюю скверну, исторгнем внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасною для Бога, а не для себя самих. Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть через жену: постыдно и позорно такое богатство, и вообще пусть никто не ищет здесь богатства, потому что *хотящии богатитися*, сказано, *впадают в напасти и в похоти несмысленны и враждающия, и в сети и всегубительство и погибель* (1 Тим. VI, 9). Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое. Кто, скажи мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтоб был благонравен, а о том, чтоб был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобретать больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью. *Тако должни суть мужие*, говорит (апостол), *любити своя жены, яко своя телеса* (ст. 28). Что это значит? Значит, что он переходит к убедительнейшему и к сильнейшему примеру, и мало того, к примеру более близкому и ясному и к новой причине. То не казалось весьма необходимым и чтобы не сказал кто-нибудь: Он был Христос, был Бог, и Сам Себя предал, — (апостол) иным способом доказывает то же, говоря: *тако должни суть*, итак, это — не милость, а долг. Сказавши: *яко своя телеса*, он присовокупил: *никтоже бо когда плоть свою возненавиде, но питает и греет ю* (ст. 29), то есть заботится о ней с великим тщанием. Но каким образом (жена) — плоть

мужа? Послушай: *се ныне*, говорил (Адам), *кость от костей моих, и плоть от плоти моея* (Быт. II, 23). И не только это, но сказано еще: *и будут в плоть едину. Якоже и Христос возлюби церковь:* обращается к прежнему примеру. *Зане уди, есмы тела его, от плоти его, и от костей его* (ст. 30). Каким образом? Он произошел от нашего естества, как и Ева есть плоть от плоти Адама. Он, кстати, упомянул о костях и о плоти, потому что это в нас главнейшее – плоть и кости. Одно как бы основание, а другое как бы здание. То, впрочем, очевидно; а это каким образом? Как там существует великая близость, так, говорит, и здесь. Что значит: *от плоти его?* Значит – истинно от Него. Но как через это мы бываем членами Христовыми? Так, что мы родились подобно Ему. Каким образом от плоти? Это знаете вы, которые приобщаетесь тайнам: ведь через это мы тотчас преобразуемся. Но как? Снова послушай, что говорит блаженный (Павел): *понеже убо дети приобщишася плоти и крови, и той приискренне приобщися техже* (Евр. II, 14). Но здесь Он нам приобщился, а не мы – Ему: каким же образом мы – *от плоти его и от костей его?* Некоторые говорят в этом случае о крови и о воде, но это неверно; Он, впрочем, благоволил показать это, именно – как Он, без соития, родился от Святого Духа, так и мы рождаемся в купели. Смотри, сколько примеров побуждают верить тому рождению! О, безумие еретиков! Что рождено от воды, это они признают истинным рождением, то, что рождается; а что мы становимся Его телом, этого не принимают. Но если мы не делаемся им, то как согласить с этим слова: *от плоти его и от костей его?* И заметь: Адам создан, Христос родился; из ребра Адамова произошло тление, из ребра Христова проистекла жизнь; в раю прозябла смерть, на кресте она уничтожена.

4. Итак, подобно тому как Сын Божий – нашего естества, так и мы – Его сущности: и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе. *Сего ради оставит человек отца своего и матерь свою, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (ст. 31). Вот и третья причина. Он показывает, что, когда кто-либо, оставивши родителей, от которых произошел, совокупляется с женой, то после того отец,

мать и дитя их – одна плоть, составленная из взаимного соединения, потому что вследствие смешения семени рождается дитя, так что трое они – одна плоть. Таким же образом и мы делаемся со Христом одна плоть, по причастию, и мы гораздо более, чем дитя (в отношении к родителям). Почему это? Потому, что так было изначала. Не говори же мне, что (жена твоя) такая-то и такая-то. Разве не видишь, что и в плоти много бывает недостатков? Один хром, у другого кривые ноги, у третьего сухие руки, у четвертого страдает иной какой-либо член. И однако (такой человек) не скорбит, не отсекает его и часто заботится о нем более, чем о других. И справедливо, – так как он его член. Итак, какую каждый из нас питает любовь к себе, такую же хочет (апостол), чтоб мы питали и к жене. И это не потому, что мы с ней одной природы, но у нас в отношении к жене гораздо более важная причина, именно – что (муж и жена) не два тела, а одно: он – глава, а она – тело. Но как же в другом месте говорит он: *глава же Христу Бог* (1 Кор. XI, 3)? Это говорю и я, то есть что как мы – одно тело, так и Христос и Отец – одно. Оказывается таким образом, что и Отец – глава наш. (Апостол) выставляет два сравнения, то есть с телом и со Христом. Потому и присовокупляет: *тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во церковь* (ст. 32). Что это значит? Называет (брак) великой тайной, потому что на нее указывал, как на нечто великое и дивное, и блаженный Моисей, или лучше – Бог. Притом, *аз глаголю*, говорит, *во Христа*, так как и Он, оставивши Отца, сошел и пришел к невесте и сделался *един дух с* ней: *прилепляяйся Господеви, един дух есть* (1 Кор. VI, 17). Хорошо сказал: *тайна велика есть*, – как бы указывая на то, что иносказательное доказательство не уничтожает необходимости любви. *Обаче и вы по единому, кийждо свою жену сице да любит, якоже и себе: а жена да боится мужа* (ст. 33). Подлинно, это – таинство, и великое таинство, потому что человек, оставив произведшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, в болезнях родила, (оставивши) тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, – сочетается с той, которой прежде не видал,

которая ничего не имеет с ним общего и предпочитает ее всему. Подлинно, это – таинство. И родители не печалятся, когда так делается, но, напротив, печалятся, когда этого не бывает, и, в знак радости, не жалеют денежных издержек и расходов. Поистине, это – великое таинство, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость. Это показал и древний пророк Моисей; об этом и ныне вопиет Павел, говоря: *во Христа и во церковь.* Впрочем, так сказано не по отношению только к мужу, но и к жене, чтобы он согревал ее, как плоть свою, как и Христос Церковь, а жена, чтобы боялась мужа. Говорит не только о любви, – но что? *Да боится мужа.* Жена – вторичная власть; значит, не должна требовать равенства (с мужем), так как стоит под главою, и он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она – тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама, взамен послушания она должна привносить любовь. Как глава, так и тело: тело отдает в услужение главе руки, ноги и все прочие члены, а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества. Но какая, скажут, может быть любовь там, где страх? Там-то собственно она и будет. Которая боится, та и любит: любя, она боится, как главы, и любит, как член, потому что и голова есть член всего тела. Для того он и подчиняет ее, а мужа возносит над ней, чтобы был мир. Где равенство, там не может быть мира, народное ли то будет управление или все будут повелевать, необходимо, чтобы было одно начальство. Так всегда бывает с существами телесными, если бы люди были духовные, тогда был бы мир. Было некогда пять тысяч душ, и *ни един же что от имений глаголаше свое быти,* но всем делились друг с другом (Деян. IV, 32). Вот – знак мудрости и страха Божия. Таким образом, (апостол) показал образ любви, но образ страха – нет.

5. Замечаешь ли, как он распространяется о любви, приводит в пример Христа, упоминает о собственной плоти, говорит: *сего ради оставит человек матерь свою и отца,* а о страхе не распространяется? Почему это? Потому что хочет, чтобы преобладала любовь. Если будет она, то за нею

последует все остальное, а если будет страх, то – не вполне. Кто любит свою жену, тот, хотя бы она была и не очень послушна, все перенесет; но если (супруги) не связаны силою любви, то единомыслие между ними – дело неудобное и трудное. Страх же совсем не производит такого действия. Потому (апостол) и останавливается преимущественно на том, что сильнее. И жена, хотя ей, по-видимому, наносится ущерб тем, что предписывается страх, ничего не теряет, потому что мужу предписывается то, что особенно важно – любовь. Но, скажут, что, если жена не будет бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долг, пусть другие не исполняют того, что следует, мы должны исполнять. Укажу пример: *повинующеся,* сказано, *друг другу в страсе* Христове (Еф. V, 21). Что же? Пусть иные не повинуются, ты покоряйся закону Божию. Так и здесь: хотя бы муж и не любил своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей в долгу у него, равным образом и наоборот, если бы жена и не боялась мужа, он должен любить ее, чтобы ему не быть в долгу у нее. Каждый имеет свои обязанности. Таков брак о Христе, брак духовный и рождение духовное, не от кровей, не от болезней рождения. Таково и рождение Исаака. Послушай, что говорит Писание: *и престаша Сарре бывати женская ея* (Быт. XVIII, 11). И брак не вследствие страсти или телесного влечения, но всецело духовный, в котором душа соединяется с Богом неизреченным союзом, как Он один знает. Потому и сказано: *прилепляяйся Господеви, един дух есть* (1 Кор. VI, 17). Видишь, с каким тщанием он говорит и о плотском соединении, и о единении духовном? Где (после того) еретики? Если бы брак был делом нечистым, то он не назвал бы (брачущихся) женихом и невестой, не привел бы для увещания слов: *оставит человек отца и матерь,* и не присовокупил бы, что это сказано *во Христа и во церковь.* О ней говорит и псалмопевец: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего и возжелает царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12). Потому и Христос говорил: *изыдох от Отца, и иду* (Ин. XVI, 28). Но когда я говорю, что Он оставил Отца, ты не представляй при этом, по-человечески, перемены места: говорится, что Он исшел,

не потому, что Он вышел, но потому, что воплотился: так точно (понимай) и слова: оставил Отца. Отчего не сказано и о жене: прилепится к мужу своему? Почему это? Потому, что о любви уже было говорено, и говорено мужу. Жене же (апостол) внушает страх и при этом говорит: *муж есть глава жены,* и еще: *и Христос глава церкве.* С мужем он рассуждает о любви и вручает ему то, что (имеет отношение) к ней; говорит ему о любви, соединяя и сочетая его (с женой). В самом деле, оставивший отца для жены и потом оставляющий ее и отпускающий от себя может ли быть достоин какого-нибудь снисхождения? Видишь, какою, по воле Божией, она должна пользоваться честью, когда Бог, отвлекая тебя от отца, соединяет с ней? Но что же, скажут, если мы исполняем все, что следует, а она нет? *Аще же неверный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15). В этих делах брат или сестра не подчинены рабству. А когда ты слышишь о страхе, то требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: ведь она – твое тело. А если будешь поступать не так, то опозоришь себя самого, бесчестя свое тело. Что же это за страх? Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь, как тебе указано, то достигнешь гораздо большего, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовью. (Женский) пол весьма слаб; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение. Что же скажут те, которые соединяются вторым браком? Не в осуждение говорю, – да не будет, – и апостол дозволяет это. Но снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все ради нее делай и терпи: это необходимо тебе. В этом случае (апостол) не благоволит давать совета на основании внешних примеров, как это он часто делает. Достаточно было великого и сильного примера Христова, в особенности для доказательства (необходимости) повиновения. *Оставит,* говорит, *отца и матерь.* Вот, это указание внешнее. Однако же не сказал: и будет жить вместе (с женой), но: *прилепится,* означая этим теснейшее единение, сильнейшую любовь. Не удовольствовался и этим, но через наведение так изъяс-

нил подчиненность (жены), что двое уже не представляются двумя. Не сказал: в дух; не сказал: в душу, — так как это очевидно и вполне возможно, но (сказал, что они соединяются) так, что бывают *в плоть едину.*

6. Хотя жене принадлежит также власть в доме, именно — вторая, хотя она имеет начальство и равночестна мужу, но при всем том, муж имеет нечто большее, именно — преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить (свою жену), как должно, но и благоустраивать (жизнь ее). *Да будет,* говорит, *свята и непорочна.* Когда говорится *в плоть,* разумеется любовь; равным образом, когда говорится *прилепится,* также разумеется любовь. Если ты сделаешь ее святой и непорочной, то за этим последует все. Ищи того, что Божие, а человеческое последует весьма легко. Управляй женой, и дом твой будет благоустроен. Послушай, что говорит Павел: *аще ли чесому научитися хотят, в дому своих мужей да вопрошают* (1 Кор. XIV, 35). Если мы так будем управлять своими домами, то будем способны и к управлению церковью, потому что дом есть малая церковь. Таким образом, если хороши будут мужья и жены, то все будет превосходно. Вспомни об Аврааме, о Сарре, об Исааке, о трехстах восемнадцати домочадцах: как благоустроен был весь дом их, как он весь был полон благочестия! (Сарра) исполняла апостольскую заповедь и боялась мужа. Послушай, что она говорила: *не у было ми убо доселе, господин же мой стар* (Быт. XVIII, 12). И (Авраам) так любил ее, что слушал ее во всем, что она ни приказывала. И сын их был добродетелен, и самые домочадцы достойны удивления, так что не усумнились пойти и на опасность с господином своим, не колебались и не требовали объяснения. А один из них, начальствовавший над другими, был настолько дивный муж, что ему вверен был брак единородного сына и отлучка в чужую землю. Как если военачальник хорошо устроил войско, то ниоткуда не ворвется враг, так и здесь: когда муж, жена, дети и слуги заботятся об одном и том же, в таком доме бывает великое единомыслие. Если же, напротив, бывает не так, то часто от одного дурного слуги все низвращается и разоряет-

ся, часто один все губит и портит. Итак, будем прилагать особенное попечение о женах, детях и рабах, зная, что этим мы себе сделаем удобным начальство над ними, и снисходительный и благосклонный потребуется от нас отчет (в этом начальстве), мы скажем: *се аз и дети, яже ми даде Бог* (Ис. VIII, 18). Если муж хорош и глава добрая, то и во всем теле не будет никакого беспорядка.

А каковы должны быть добрые отношения между женой и мужем, это (апостол) выразил точным образом, сделав увещание ей – бояться мужа, как главы, а ему – любить ее, как жену. Но каким образом, скажешь, это может быть? Что это должно быть, он показал; а как это может быть, я вам скажу. Именно, если будем презирать деньги, если будем смотреть только на одно – на душевную добродетель, если будем иметь перед очами страх Божий. Что сказал он, рассуждая о рабах: *кийждо яже содела или блага, или зла,* сие *приимет* от Господа (2 Кор. V, 10), то же и здесь. Не столько ради нее самой должно любить ее, сколько ради Христа. Имея это в виду, (апостол) и сказал: *якоже Господу.* Итак, делай все из повиновения Господу и как бы ты все делал ради Него. Этого достаточно для побуждения и убеждения и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или беспорядка. Ни один верный не должен клеветать жене на мужа; но и муж не должен верить наветам на свою жену, точно так, как и жена не должна по-пустому следить за входами и выходами (своего мужа). Впрочем, и муж отнюдь не должен подавать повод к какому-либо подозрению на себя. Для чего, скажи мне, весь день ты проводишь с друзьями, а с женою только вечер, и через это ни ее не можешь удовлетворить, ни отдалить подозрение? Если жена укоряет тебя, не печалься: это – по дружбе, а не по дерзости. Упреки – плод горячей любви, страстного расположения и опасения. Она боится, чтобы кто не похитил у нее ее ложе, чтобы кто не повредил ей в важнейшем благе, чтобы кто не отнял у нее главы, чтобы кто не разорил (брачного) ложа. Есть и еще повод к несогласию. Никто сверх меры не должен привязываться к слугам, ни муж к служанке, ни жена к служителю, так как этого достаточно, чтобы родились по-

дозрения. Припомним еще о тех праведниках. Сама Сарра повелела патриарху взять Агарь; сама приказала, никто не принуждал; не настаивал и муж. Но хотя и много времени прожил он бездетным, однако лучше согласился вовсе не быть отцом, чем опечалить жену. И после всего этого, что говорит Сарра? *Суди Бог между мною и тобою* (Быт. XVI, 5). Если бы кто был другой (на месте Авраама), разве не пришел бы в гнев? Разве не поднял бы он рук и не сказал бы, например, так: что ты говоришь? Я не хотел иметь связи с этой женщиной, все произошло от тебя самой, — и ты еще упрекаешь меня? Но Авраам не сказал ничего подобного, — а что? *Се раба в руку твоею: твори ей, якоже ти есть угодно* (ст. 6). Выдал общницу ложа, чтобы не опечалить Сарры. А ничто не может быть столь сильной причиной расположенности. В самом деле, если общение в трапезе производит то, что разбойники бывают расположены к своим врагам (и псалмопевец говорит: *иже купно наслаждался еси со мною брашен* — Пс. LIV, 15), то тем более способно привязать единение плоти, — а это и есть общение ложа. Но ничто подобное не могло поколебать праведника: он выдал ее жене, показывая, что все случилось не по его вине, и, что особенно важно, отпустил ее беременной. Кто не сжалился бы над тою, которая зачала от него ребенка? Но праведник не поколебался, потому что любовь к жене предпочитал всему.

7. Будем и мы подражать ему. Пусть никто не упрекает ближнего в бедности, пусть никто не будет привязан к деньгам, и — все будет решено. Пусть не говорит жена мужу: о, ты малодушный и робкий, неповоротливый, трус и сонливый! Вот такой-то и незначительный человек, низкого происхождения, но он презирал опасности, предпринимал странствования, и за то приобрел большое имение, теперь жена его ходит в золоте, выезжает в повозке, запряженной белыми мулами, везде принимается, имеет толпы слуг и множество евнухов; а ты прячешься от страха и живешь понапрасну. Пусть жена не говорит этого и ничего подобного, потому что она — тело, долг ее — не управлять главою, но слушаться и повиноваться. Но как можно, скажут, перенести бедность? Откуда почерпнуть утешение?

Пусть в таком случае она представит себе тех, которые гораздо беднее ее; пусть вспомнит, сколько почтенных и благородных девиц не только ничего не получили от своих мужей, но передали им и израсходовали на них все свое имущество; пусть подумает о беспокойствах, происходящих от таких богатств, и довольствуется жизнью безмятежной. Вообще, если она искренно расположена к мужу, то ничего такого не скажет и, лучше, будет желать иметь его при себе, хотя бы он ничего не приобретал, чем, если бы он приобрел тысячи талантов золота, но жить вдали от него с печалью и заботой, которые всегда бывают у женщин вследствие долгой разлуки. Но и муж, который слышит это, как имеющий власть, пусть не прибегает к брани и ударам, но пусть увещевает, уговаривает, убеждает ее, как менее основательную в суждениях, но отнюдь не налагает рук, – это неприлично душе свободной, – не употребляет ни брани, ни упреков, ни поношения, но пусть руководит ею, как менее разумною. Но как это может быть? Когда узнает истинное богатство и ознакомится с высшим любомудрием, то ни в чем таком не провинится. Пусть он научит ее, что бедность вовсе не есть зло, пусть научит не словами только, но и образом действий, пусть научит ее пренебрегать славой, и жена ничего подобного не скажет и не пожелает. Как получивший драгоценное сокровище, он с самого того вечера как введет ее в спальню, должен учить ее целомудрию, кротости, чтобы она жила честно и с самого начала и при первом входе в его дом покинула любовь к деньгам; пусть наставляет ее в любомудрии и увещевает, чтобы не было у нее золотых подвесок в ушах, над щеками и на шее, чтобы не было их в ее комнате, чтобы не лежали там золотые и многоценные одежды, – чтобы были на ней украшения изящные, однако ж не такие, которых изящество предосудительно. Оставивши то, что свойственно играющим на сцене, укрась дом с большим благоприличием, чтобы он был полон лучше целомудрия, чем какого-либо благовония. От этого произойдут два или три блага. Первое – не будет печалиться невеста оттого, что, растворивши брачный чертог, каждому станут показывать одежды и

золотые и серебряные сосуды. Второе – жених не будет беспокоиться о покраже и о сохранении того, что там собрано. А еще третье, главное благо – то, что во всем этом он покажет свое настроение, именно, что он не восхищается ничем этим, что он уничтожит и все прочее, и что никогда не дозволит быть у себя пляскам и бесстыдным песням. Знаю, что, предписывая такие правила, я кажусь, может быть, кому-нибудь смешным. Но если поверите мне, то, по прошествии времени, когда сами увидите от этого пользу, вы поймете выгоду, и смех кончится: вы станете смеяться уже над нынешними обычаями, увидите, что нынешние обычаи свойственны только неразумным детям и людям пьяным; а то, к чему убеждаю я, исполнено целомудрия и любомудрия и свойственно высшему образу жизни. Что же, говорю я, нужно? Изгони с брака все постыдные сатанинские песни, неблагопристойные припевы, сходбища бесстыдных юношей, и это будет весьма назидательно для невесты. Тотчас она скажет сама себе: о, какой это муж! Он человек любомудрый, эту жизнь он считает за ничто; он ввел меня в дом свой для рождения и воспитания детей, для ухода за домом. Но это будет неприятно невесте? Может быть, один или два дня, но никак не далее; она почувствует величайшее удовольствие оттого, что ей не будет никакого повода к подозрению. Ведь тот, кто даже во время брака не допустил ни музыки, ни танцев, ни безобразных песен, тем более в другое время не позволит себе сделать или сказать что-либо постыдное. После же того, когда все это ты удалишь с брака, в отношении к самой невесте веди себя благопристойно, будь скромен в течение долгого времени и не скоро переставай быть таким. Хотя бы девица была и не так застенчива, но она сумеет себя сдерживать до времени, из уважения к мужу и по новости дела. Итак, не вскоре теряй эту скромность, как это делают люди бесстыдные, но храни ее долго. Это тебе принесет большую пользу; да и невеста твоя не обвинит тебя за это, не станет жаловаться на такое твое поведение.

8. Итак, во все то время, пока стыд, как некая узда, наложенная на душу, не допускает никакого укора или упрека

за твое поведение, во все это время предлагай своей жене правила жизни. Если же (вместо этого стыда) будет дерзость, тогда не будет никакого опасения, и во всем может произойти беспорядок и замешательство. Поистине нет столь удобного времени для образования жены, как то, когда она еще осторожна с мужем, боится его и стыдится. Тогда-то и должно излагать ей все правила, и она, волей или неволей, всему будет покорна. Но каким образом, спросят, сохранить эту стыдливость? Если ты будешь казаться стыдливым не менее ее, мало будешь говорить с ней, и то с большою важностью и рассудительностью. Тогда ты предлагай ей слова любомудрия, потому что тогда их принимает душа; тогда приводи и ее в наилучшее состояние, то есть в состояние скромности. Если хотите, то я для примера скажу, о чем нужно с ней разговаривать. Ведь если Павел не усомнился сказать: *не лишайте себе друг друга* (1 Кор. VII, 5), и высказал слова, произносимые обыкновенно женщиной, приставленной к невесте, или, лучше, не ее слова, но духовной души, – то тем более не усомнимся сказать мы. Итак, что же нужно говорить ей? С великой любовью нужно говорить ей: мы взяли тебя, детушка, в спутницы жизни и сделали тебя своей общницей в том, что всего честнее и необходимее, в деторождении и управлении домом. О чем же нам просить тебя? Впрочем, лучше, если прежде этого ты поговоришь с ней о любви, потому что ничто так не способствует к убеждению слушателя в том, чтобы он принял слова наши, как уверенность его, что они говорятся с великой любовью. Как же тебе выразить свою любовь? Если скажешь: многих можно было мне взять, и богаче тебя, и знатного рода, но я не взял их, а полюбил тебя, твой образ жизни, твою кротость, скромность, целомудрие. Потом от этого тотчас старайся повести речь о любомудрии и нападай на богатство, но с некоторой осторожностью, потому что, если поведешь речь прямо против богатства, то покажешься слишком суровым. Но если воспользуешься поводом, то покончишь все, потому что будет казаться, что ты делаешь это в виде защиты, а не как какой-нибудь человек жестокий, неприятный и придир-

чивый; а если она подаст тебе повод и ты им воспользуешься, то она даже порадуется. Итак, говори (необходимо опять повторить сказанное), что, хотя бы я мог взять за себя с состоянием и богатую, но я не захотел этого. Почему? Не просто и не без рассуждения, но потому, что я хорошо научен, что богатство не есть какое-либо приобретение, но вещь, достойная презрения, которая есть и у разбойников, и у блудниц, и у гробокопателей.

Поэтому, оставив его, я пошел к твоей душевной добродетели, которую предпочитаю всему золоту. Благоразумная и благородная молодая девушка, ревнующая притом о благочестии, (в моих глазах) стоит целой вселенной. Потому-то я и привязался к тебе и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Настоящая жизнь ничего не значит, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться нам так устроить настоящую свою жизнь, чтобы можно было и там, в будущем веке, совершенно безбоязненно встретиться друг с другом. Настоящее время коротко и ненадежно; если же сподобимся перейти эту жизнь, благоугодив Богу, то будем пребывать вечно и со Христом и друг с другом в великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не может быть для меня так тяжело, как когда-нибудь разлучиться с тобою. Хотя бы мне предстояло все потерять, сделаться беднее Ира, подвергнуться величайшим несчастьям, словом – потерпеть что бы то ни было, я ничего не устрашусь, все перенесу, пока будет продолжаться твоя расположенность ко мне; и дети для меня лишь тогда будут вожделенны, когда ты будешь искренно расположена к нам. Так тебе будет нужно сделать. Потом вставь и апостольские слова о том, какого тесного единения и благомыслия требует от нас Бог. Скажи ей: послушай, что говорит Писание: *сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей*. Пусть же не будет у нас никакого повода к неудовольствию. Пусть и деньги, и множество слуг, и внешние почести имеют свое значение; но для меня это (семейное согласие) всего дороже. Не будут ли такие слова убедительнее для жены, чем изобилие золота или сокровищ? Не бойся, что возлюбленная твоя когда-нибудь изменит тебе, сме-

ло признайся, что ты ее любишь. Публичные женщины, которые сегодня выражают страсть к одним, а завтра – к другим, справедливо восстают на своих любовников, когда слышат от них такие речи. Но свободная женщина и благородная девушка никогда не разгневается по поводу таких слов, а скорее – будет убеждена ими. Показывай, что ты дорого ценишь ее общество и предпочитаешь быть для нее дома, а не на площади; предпочитай также ее всем друзьям и детям, родившимся от нее: и их люби из-за нее. Если она сделает что-нибудь хорошо, хвали и удивляйся; если же – что-нибудь неуместное и свойственное молодости, убеждай и увещевай. Всячески нападай на богатство и расточительность, указывай ей украшение в скромности и честности и постоянно учи тому, что нужно.

9. Молитвы у вас пусть будут общие; каждый пусть ходит в церковь, и муж пусть спрашивает на дому у жены отчет в том, что там говорилось и читалось, а она – у мужа. Когда постигнет бедность, припомни святых мужей – Павла, Петра, которые прославились более всех царей и богачей, а жили как – в голоде и жажде. Учи свою жену, что ничто так не страшно в жизни, как оскорбить Бога. Если кто женится так и для этой цели, то он не многим меньше монахов, и женившийся – не женившихся. Если же хочешь сделать обед или устроить пиршество, то не зови никого бесчестного, никого неприличного, но если найдешь какого-нибудь святого бедняка, который может благословить дом ваш, может, ступая к вам ногой, принести всякое благословение Божие, призови его. Скажу еще нечто другое. Никто из вас пусть не старается жениться на такой, которая богаче вас, но лучше на такой, которая беднее. Вошедши с деньгами, она принесет не столько удовольствия, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованиями, своею бранью, расточительностью, грубостью. Она, может быть, будет говорить: ты еще ничего не истратил на меня; я одеваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одеваешься еще в свое? Что несмысленнее таких слов? Не имеешь своего тела, а имеешь свои деньги? После брака вы уже не две пло-

ти, но сделались *в плоть едину;* а имений два, а не одно? О, сребролюбие! Оба вы сделались одним человеком, одним живым существом, а ты все говоришь: это мое? От диавола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимее этого, Бог сотворил общим для нас, а это — не общее? Нельзя сказать: мой свет, мое солнце, моя вода — все важнейшее у нас общее, а деньги — не общие? Тысячекратно пусть погибнут деньги, или лучше — не деньги, а душевные расположения, которые мешают разумно пользоваться деньгами и побуждают предпочитать их всему. Между прочим учи свою жену и этому, только с великой любовью. Так как увещание к добродетели само по себе заключает много тягостного, особенно для нежной и молодой девицы, то, когда будут разговоры о любомудрии, придумывай больше ласковых выражений, и в особенности исторгни из души ее понятия: *мое, твое.* Если она скажет: мое, то скажи ей: что ты называешь своим? Я не знаю, я не имею ничего своего. Как ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы так поступаем в отношении к детям? Когда дитя схватит что-нибудь, что мы держим, и захочет еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаем и говорим: да, это и то твое. Также станем поступать с женой, так как разум ее скорее детский, и когда скажет: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова — слова не лести, но великого благоразумия. Этим ты можешь угасить гнев ее и потушить досаду. Лесть состоит в том, когда кто поступает неблагородно по злому расположению; а это — величайшее любомудрие. Итак, говори: и я твой, детушка. В этом меня убедил Павел, который сказал: *муж своим телом не владеет, но жена* (1 Кор. VII, 4). Если же я не имею власти над собственным телом, но — ты, то тем более — над деньгами. Говоря так, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь диавола, сделаешь ее рабой, покорной более, чем купленная за деньги; этими словами свяжешь ее. Таким образом посредством того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорить: мое, твое. И не просто зови ее, но с лаской, с честью, с большой любовью. Уважай ее, и она не будет нуждаться в уважении от других,

не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим (уважением и одобрением). Предпочитай ее всем, во всех отношениях, и в отношении красоты, и благоразумия, хвали ее. Таким образом ты убедишь ее не внимать никому постороннему, но пренебрегать всеми чужими. Учи ее страху Божию, и все потечет к тебе, как из источника, и Дом твой будет исполнен многочисленных благ. Если станем искать нетленного, то придет и это тленное: *ищите*, сказано, *прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Каковы будут дети от таких родителей? Каковы слуги у таких господ? Каковы все приближенные к ним? Не будут ли и они исполнены бесчисленных благ? Ведь и слуги, по большей части, воспринимают обычаи своих господ и подражают их стремлениям: то же любят, что и они; говорят о том, что узнали от них, тем же и занимаются. Итак, если подобным образом будем направлять самих себя и внимать Писанию, то многому от него научимся, и через это сможем угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести в добродетели, и получить блага, обещанные любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Чада, послушайте своих родителей о Господе: сие бо есть праведно. Чти отца твоего и матерь, яже есть заповедь первая во обетовании, да благо ти будет и будеши долголетен на земли (Еф. XVII, 1—3)

1. Как художники, изображая тела, начинают с головы, потом переходят к шее, и наконец к ногам, — точно так поступает блаженный Павел в своих речах. Сказав прежде о муже, потом о жене, второй власти, наконец последовательно приступает к третьей, говорит о детях, потому что над женой господствует муж, а над детьми — муж и жена. Итак, слушай, что он говорит: *чада, послушайте своих родителей о Господе: сия бо есть заповедь первая во обетовании.* Здесь не

беседует ни о Христе, ни о (других) возвышенных предметах, потому что умы, к которым обращает свою речь, еще нежны, поэтому же и увещание делает краткое, так как дети не могут следить за длинным словом. По этой же причине и о царствии (Божием) не говорит, не такому возрасту слушать об этом, но чего больше всего и особенно желает слышать младенческая душа, о том и говорит, именно, что она будет долголетна. Если же кто станет доискиваться, отчего (апостол) не говорит детям о царствии, а предлагает заповедь из закона (Моисеева), тем мы скажем, что (он поступил так с ними потому, что) они еще очень молоды и потому еще, что весьма хорошо понимал, что если муж и жена верны будут тому закону, который он им изложил, то для них не будет стоить большого труда подчинить и детей тому же закону. Когда дело получает доброе начало и имеет верное и прочное основание, тогда оно идет и направляется весьма легко. Но положить основание и поставить опору – в этом-то и заключается немаловажная трудность. *Чада*, говорит он, *послушайте своих родителей о Господе,* то есть по воле Господа, – Бог, говорит, повелел так. Но как поступать, если бы приказания были непристойные? Правда, едва ли какой-нибудь отец, даже самый бесчестный, станет приказывать своим детям что-либо непристойное. Однако же и для подобного случая (апостол) дает наставление, сказав: *о Господе,* то есть так, чтобы (исполнением воли родителей) тебе не оскорбить Бога. Например, если отец будет язычник или еретик, то уже не следует слушаться его, потому что это не *о Господе.* Но в каком смысле сказано: *яже есть заповедь первая?* Первыми следовало бы назвать: *не убиеши, не прелюбы сотвориши.* (Апостол) называет эту заповедь первой не в отношении к порядку, а в отношении к обетованию. Одни заповеди, как направленные против зла и в отвращение зла, не соединены с наградой, а к другим, как руководящим к совершению добра, прилагается и обетование. Заметь, какое удивительное основание для добродетели полагает (апостол), и справедливо, в почитании и уважении родителей! Запретив худые поступки и намереваясь приступить (к учению) о добрых делах, он заповедует

прежде всего почтение к родителям, так как они для нас после Бога главные виновники жизни, поэтому справедливо они же первые имеют право вкусить от нас добрых (плодов), а потом и все прочие люди. Если же кто непочтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношение к сторонним лицам? Сделав увещание, какое нужно было детям, (апостол) переходит к отцам, говоря: *и отцы, не раздражайте чад своих, но воспитовайте их в наказании и учении Господни* (ст. 4). Не сказал: любите их, к этому влечет их, хотя бы они этого не хотели, самая природа, а потому излишне было полагать закон касательно этого предмета. Но что говорит? *Не раздражайте чад своих,* как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами, а не как с свободными. Поэтому говорит: *не раздражайте чад своих.* Затем, что самое главное, указывает, как сделать их послушными, и говорит, что это всецело зависит от главы и начальника. Как причину послушания жены он указал в ее муже, с которым потому и говорит о многом, умоляя его, между прочим, привлекать к себе жену силой любви, так и в настоящем случае в нем же полагает причину (послушания детей), когда говорит: *но воспитовайте их в наказании и учении Господни.* Видишь ли, что, когда есть духовное (добро), за ним явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его *в наказании и учении Господни.* Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: *чти отца твоего и матерь твою* – слова, направленные к твоей пользе. Не говори: это (слушание Писаний) дело монахов; ужели мне сделать его монахом нет надобности быть ему монахом! Что это в тебе за страх, – боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином. И мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся здесь (в Писании), а особенно детям. Дети в этом возрасте многого не знают, к незнанию же присоединяется еще то, что они узнают нечто из сочинений языческих, изучая в них жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти, каков,

например, Ахиллес, безутешный и умирающий за наложницу, или другой, предающийся пьянству, и прочее в этом роде. Итак, он (сын твой) нуждается в этих лекарствах.

2. Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их для этого в училище, ничего не жалеть для этого, а о воспитании их в *наказании и учении Господни* не заботиться? Сами же мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного (Павла): станем воспитывать их *в наказании и учении Господни*, подадим им пример, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Увы! Я постоянно говорю это, только, мне думается, понапрасну. Но, при всем том, я не перестану исполнять свой долг. Отчего, скажите мне, вы не подражаете древним? Особенно вы, женщины, должны бы ревновать дивным древним женам. Родилось у тебя дитя — подражай Анне. Послушай, как поступила она: она тотчас привела его в храм. Кто из вас не пожелал бы, чтобы его сын лучше был однажды Самуилом, чем тысячу раз царем всей вселенной? Скажете: как это можно? А почему же невозможно? Потому только невозможно, что ты не желаешь и не поручаешь его тому, кто может сделать его таковым. Кто же, спросите, может это сделать? Бог. Потому она (Анна) Ему и поручила (своего сына). Сам Илий не очень был способен к тому, чтобы образовать его, да и как он мог это сделать, когда не в силах был (управиться) со своими собственными детьми. Но вера женщины и ее усердие всего достигли. Родив первенца, одного, и еще не зная, будут ли у нее другие дети, она не говорила: подожду, вот вырастет ребенок; пусть насладится жизнью; позволю ему у себя провести отроческие годы. Нисколько не думая об этом, она помышляет об одном, как бы посвятить от начатков этот образ духовный Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрия женщины: она представила его Богу и там его оставила. Это прославило и супружеский союз ее, потому что, принесши первый плод (Богу, она этим показала, что) искала прежде всего духовного, поэтому-то и чре-

во ее сделалось благоплодным, и она имела потом других детей, поэтому же она видела, каким почетом в мире пользовался (сын ее). Если и люди за почтение платят почтением, то не гораздо ли более Бог, Который, впрочем, нередко делает это, и не будучи Сам почитаем? Доколе же мы будем оставаться плотскими? Доколе будем пресмыкаться по земле? Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их *в наказании и учении Господни*. Кто прежде всего научится быть любомудрым, тот через это приобретет богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как – научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто нуждается в большом имуществе и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; в этом – величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому и бедному; этому научаются не от учителей и не при пособии наук, а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой. Давай ему великое, а не малое. Внимай словам Павла: *воспитовайте их в наказании и учении Господни*. Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрствовать. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет еще никакого вреда; а при отсутствии любомудрия, самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Нужно благоповедение, а не остроумие, – нравственность, а не сила речи, – дела, а не слова: вот что доставляет царство, дарует действительные блага. Не язык изощряй, но душу очищай. Говорю это не с тем, чтобы запретить образование, но – чтобы не привязывались к нему исключительно. Не думай, будто одним монахам нужны наставления от Писаний; весьма многие из

этих наставлений потребны и для тех детей, которые должны вступить в эту (мирскую) жизнь. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не тому, кто всегда стоит на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же (должно сказать) и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь на необуреваемой пристани, проводит жизнь беззаботную и огражденную от всякого волнения; а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь со множеством треволнений. Хотя бы он сам (мирской человек) и не имел нужды (в наставлении), но ему оно может быть нужно, чтобы, если случится, он был в состоянии заградить уста других.

3. Поэтому, кто чем большим пользуется почетом в настоящей жизни, тем более нужно для него такое образование. Вращается ли кто в царском дворце, там много эллинов, философов, людей, надутых временной славой, здесь точно место, наполненное страдающими водянкой. Таков именно царский двор. Там все напыщенны и надуты, а кто нет, те стараются сделаться такими. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входит, как самый лучший врач, с инструментами, которые в состоянии укротить надменность каждого, подходит к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикладывает лекарство из Писаний, расточает любомудрые речи. Инок с кем будет говорить? Со стеной (своей кельи) или с кровлей? С пустыней или дебрями? С горами или деревьями? Итак, для него не очень необходимо подобное учение; несмотря на то, он старается усовершить себя в нем, не с тем, чтобы других наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущих в этой (мирской) жизни, то им весьма нужно такое учение, потому что мирскому человеку более представляется соблазнов ко греху, нежели монаху. И, если тебе угодно, знай, что он (с таким образованием) и в свете будет самым приятным человеком. Все станут уважать его за такие речи, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти, впрочем, он получит власть и не домогаясь ее и у царя будет в большом почете. Ведь такому нельзя укрыть-

ся: здоровый среди множества здоровых может остаться незамеченным, но если между множеством больных найдется один здоровый, то слух о нем скоро достигнет ушей царских и ему будет поручено начальство над многими народами. Зная это, *воспитовайте детей своих в наказании и учении Господни.* А если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Что он не будет находиться при дворе, этим он нисколько не будет ниже того, кто служит при дворе, напротив, может сделаться предметом удивления и скоро получит власть, какую ему угодно, а не ту, какая достается по назначению. Если эллины, люди, стоющие не более трех оболов, циники (собаки), принявши такую же, стоющую не более трех оболов, философию (подлинно такова эллинская философия), или вернее – не самую философию, а только ее имя, облекшись в мантию и отрастивши волосы, посрамляют многих, то не к большему ли способен истинный философ. Если ложная личина, только кажущаяся тень философии так возвышает, то что, когда мы полюбим истинную светлую философию. Не все ли станут уважать ее? Не поручат ли таким (философам), без всякого опасения, и дома, и жен, и детей? Но нет, нет ныне таких философов! А потому нельзя найти и примера. Есть, впрочем, между монахами, между мирянами же нет. Что между монахами находятся такие примеры, в доказательство можно привести многих, но я укажу на одного из многих.

Вероятно, вы знаете, слыхали, а некоторые, конечно, и видали человека, о котором я намерен говорить теперь: я разумею дивного Юлиана. Это был человек простого звания, смиренный; родился он в незнатном месте и вовсе несведущ был в светской мудрости, но преисполнен истинного любомудрия. Когда он являлся в городе, что случалось редко, то около него столько стекалось народа, что ни около риторов, ни около софистов, ни около другого кого не бывало подобного стечения. Что же сказать об этом? Не более ли всех царей прославляется имя его и поныне? Итак, если столько (возвышены истинные любомудры) в этом мире, где Владыка не обещал нам никакого блага, в мире, в котором, по Его словам, мы чужие, то размыслим,

какие блага уготованы для них на небесах. Если здесь, где они пришельцы, такая им честь, то какою славою они будут наслаждаться там, где они — граждане? Если здесь, где обещана скорбь, таков им почет, то каково будет успокоение их там, где обещаются действительные почести? Хотите ли, чтобы мы указали и на (любомудрствующих) мирян? Но теперь их нет у нас. Правда, и между мирянами есть люди благоговейные, но они не восходят на высоту любомудрия. А потому представлю вам примеры из древних и святых. Сколь многие из тех, которые имели жен и воспитывали детей, были ничуть не хуже, повторяю, ничуть не хуже упомянутых нами! Но теперь их уже нет, вследствие наступившей нужды, как говорит этот блаженный. О ком же хотите, чтобы я вам сказал? О Ное или об Аврааме? О сыне последнего или о сыне первого? Или об Иосифе? Или вы хотите послушать о пророках Моисее или Исаии?

4. Но, если угодно, остановим слово на Аврааме, на которого особенно все указывают нам постоянно. Не имел ли он жены? Не было ли у него детей? Скажу вам и сам то же самое, что вы говорите нам. Он имел жену, но не это сделало его знаменитым, что у него была жена. Имел богатство, но не через богатство сделался угодным Богу. Родил детей, но и не за то был ублажаем, что имел детей. Приобрел триста восемнадцать домочадцев, но и не поэтому сделался предметом удивления. Хочешь ли знать, что (его прославило)? То, что он любил странников, презирал богатство, был скромен. Скажи мне, какое свойство философа? Не презирать ли богатство и славу? Не стоять ли выше зависти и всякой страсти? Теперь поставим на средину Авраама, разоблачим его и посмотрим, каков он был философ? Во-первых, он не дорожил отечеством: *изыди*, сказал ему (Господь), *от земли твоея и от рода твоего* (Быт. XII, 1), — и он тотчас вышел. Его не удержал в этом случае ни родительский дом, ни узы дружбы, и ничто другое, — иначе он бы не вышел. Потом, он нисколько не дорожил ни славой, ни богатством; так, когда на войне он обратил в бегство неприятелей и ему предлагали взять добычу, он с презрением отверг ее. Равным образом и сын его не через богат-

ство свое сделался достойным удивления, но за страннолюбие, не потому, что имел детей, но потому, что был послушен, и не потому, что имел жену, а потому, что жена его была неплодна. (Оба они, Авраам и Исаак) считали за ничто настоящую жизнь, не искали богатства и всем пренебрегали. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами в себе содержат силу, и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но стоя открыто и не имея нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы все презирают? Таков истинный философ, таково его богатство! Он ничего не имеет, и все имеет, все имеет, и ничего у него нет. Стена не внутри, а извне, и ограда не от природы, а отвне воздвигается. Еще, скажи мне также, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносит голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, – или то, которое неспособно переносить всего этого, и, кроме того, для своего здоровья нуждается в поварах, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный философ, который не нуждается ни в чем подобном, есть богач. Поэтому-то блаженный (Павел) и говорил: *воспитовайте их в наказании и учении Господни*. Итак, не во внешних благах ищите ограждения (для детей своих): в этом богатство, в этом слава. Когда (временная слава и богатство) пройдут, – а они непостоянны, – то (люди, обладавшие ими), бывают подобны беспомощному, поврежденному растению, которое не только не приносило никакой прибыли в прошедшем, но еще производило убыток. Так, защита, которая должна была ограждать от стремления ветров, теперь вдруг произвела падение.

Значит, богатство скорее вредит, если делает нас неподготовленными к перенесению превратностей жизни. Итак, образуем детей так, чтобы они могли переносить все и знали, как должно поступать среди несчастий, воспитаем их *в наказании и учении Господни*, – и нам воздастся великая награда. В самом деле, если люди, делающие изваяния царей и пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя небесного

(потому что человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстановляем Божие подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставим их не дорожить земными благами. Итак, образовать и упорядочить себя и их — вот наша обязанность! Иначе, как мы дерзнем предстать престолу Христову? Ежели тот, у кого дети необузданны, недостоин епископства, то тем более (он недостоин) царства небесного. Но что ты говоришь? Ужели, если наши жены и дети будут беспорядочны, то мы будем подлежать за них ответу? Да, если (это случится) от непринятия нами строгих мер, потому что для спасения недостаточно нам собственной добродетели. Если не употребивший в дело одного таланта не только не получил никакой награды, но еще наказывается известным образом, то ясно, что собственной добродетели недостаточно для спасения, а требуется еще (добродетель) другого. Итак, позаботимся о женах, будем особенно предусмотрительны в отношении к детям, домашним и к себе самим; когда же начнем приводить в порядок и себя и их, то станем молить Бога, чтобы Он помог нам в трудах наших. И Он поможет, когда увидит, что мы об этом стараемся, к этому прилагаем свои заботы; если же мы ничем не заняты, то и Он не подаст нам своей помощи. Ведь не тогда Бог дарует нам помощь, когда мы спим, но когда и сами мы трудимся. Помощник помогает не праздному, а тому, кто и сам работает. Впрочем, благий Бог силен сам Собою совершить дело, чтобы все мы сподобились наследовать обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Раби, послушайте господий по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, якоже и Христа: не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души, со благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком: ведяще, яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа, аще раб, аще свободь (Еф. VI, 5—8)

1. Итак, не муж только, не жена, не дети, но и слуги со своими добродетелями входят в состав дома и обуславливают его благоустройство. Поэтому блаженный Павел и этой части не оставил без внимания, но напоследок приступает к ней, так как и по достоинству она занимает последнее место. И с ними (рабами) много рассуждает он, и уже не как с детьми, но гораздо возвышеннее. Он не дает им здесь обетования, а указывает на последствия: *ведяще*, говорит он, *яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа*. Учит даже любомудрствовать, потому что хотя они по достоинству ниже детей, но смысла имеют больше их. *Раби*, говорит он, *послушайте господий по плоти*. Тотчас ободрил опечаленную душу, тотчас утешил ее. Не скорби, как бы так он говорит, что твоя доля ниже положения жены и детей: это рабство только по имени, и господство по плоти, следовательно, господство временное и непродолжительное, потому что все плотское скоропреходяще. *Со страхом*, говорит, *и трепетом*. Видишь ли, что неодинакового страха требует от жены и от рабов. Там просто сказал: *жена да боится своего мужа*, а здесь, усиливая речь, говорит: *со страхом и трепетом. В простоте сердца вашего, якоже и Христа*. Часто он повторяет это. Но что говоришь ты, блаженный Павел? Он (раб) – брат (своему господину), он получил одинаковые с ним блага, одинаковое тело, а что всего важнее – соделался братом не только своего господина, но Самого Сына Божия, наслаждается равными с Ним благами, – и ты говоришь: *послушайте господий по плоти со страхом и трепетом?* Но поэтому-то я и говорю так, от-

вечает (апостол). Если свободным повелеваю подчиняться друг другу ради страха Божия, как выше сказано: *повинующеся друг другу в страсе Божии,* если жене приказываю бояться своего мужа, хотя она имеет равную с ним честь, то тем более слуге. В этом нет бесчестия, напротив, это высокое благородство – уметь уничижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободным с большим страхом и трепетом. *В простоте сердца,* говорит. Хорошо сказано, так как можно служить со страхом и трепетом, однако же не с добрым расположением, но кое-как. Есть много таких, которые втайне весьма много делают зла господам своим. Такое-то худое поведение (апостол) и старается устранить, говоря: *в простоте сердца вашего, якоже и Христа: не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души, со благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком.* Видишь ли, как много требовал (Павел), когда внушал добро словами: *со благоразумием и от души.* Мы видим, что многие служат своим господам *со страхом и трепетом,* и к этому много побуждает строгость господина. Но покажи, говорит он, что ты служишь как раб Христов, а не как раб человека; сделай так, чтобы (твои служебные занятия) были у тебя добродетелью, а не следствием необходимости. Как того, кто терпит обиды от другого, (Христос) убеждает и научает, как увидим ниже, принимать обиду, как благо для себя, и терпеть ее по собственному изволению, точно так же и рабов (учит апостол). Ударивший в ланиту решился на такой поступок не по мыслям того, кого он ударил, а по собственной злобе, – и однако же что сказано? *Обрати ему и другую* (Мф. V, 39), чтобы ты мог показать, что и первая не против воли тобой подставлена. Решившийся потерпеть лишний раз удар обратил и то, что было не его делом, в свое дело, когда дал поразить и другую ланиту, а не ограничился одним перенесением обиды: последнее, пожалуй, можно счесть за следствие страха, но в первом много любомудрия. Итак, ты показал бы (тогда), что перенес это ради любомудрия. Так и теперь ты покажи в свою очередь, что несешь это рабство добровольно, а не как человекоугодник.

Человекоугодник – не раб Христов, и раб Христов – не человекоугодник. Кто в самом деле, будучи рабом Божиим, захочет угождать человекам? Напротив, кто, угождая человекам, может быть рабом Божиим? *От души*, говорит, *со благоразумием служаще*. Хорошо это сказано, так как можно служить в простоте и без злобы, однако же не всеми силами, а только выполняя долг. Поэтому говорит: по усердию, а не по необходимости, по доброй воле, а не по принуждению. Если будешь служить таким образом, именно: по доброй воле, с благоразумием, от души, ради Христа, – то ты не раб. Такое рабство несет и Павел, человек свободный, когда, взывая, говорит: *не себе проповедуем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради* (2 Кор. IV, 5).

2. Видишь ли, как у твоего рабства отнимается бесчестие? Подобно тому, как если бы какой-нибудь человек после того, как у него отняты деньги, прибавил бы еще от себя своему похитителю, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может быть причислен к потерпевшим зло, но к делающим добро, и таким благодеянием он покрыл бы (своего грабителя) еще большим позором, нежели какой он навлек на себя своим грабительством, – так точно и в настоящем случае: если раб в самых изнурительных трудах ведет себя великодушно, показывая, что он не чувствует насилия, то от этого больший стыд для его господина. Итак, будем служить господам ради Христа. *Ведяще*, говорит (апостол), *яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа, аще раб, аще свобод*. Так как, вероятно, между господами было много неверующих, которым этот стыд был неизвестен и которые потому не воздавали своим слугам за послушание, то вот (апостол) утешает рабов, чтобы они не отчаивались в воздаянии, но ободряли себя (ожиданием высшей) награды. Как люди облагодетельствованные и не воздающие благодарности своим благодетелям, тем самым обязывают воздавать им за себя самого Бога, так точно и господа, пользующиеся твоими услугами, если не награждают тебя, то тем самым доставляют тебе большую награду, делая должником твоим Бога. *И господие*, говорит, *таяжде творите к ним* (ст. 9). Что такое – *таяжде?*

Благосклонно служите. Хотя (апостол) не сказал: «служите», но словом *таяжде* он выразил эту мысль, потому что и господин служит. *Не яко человекоугодницы*, говорит, *со страхом и трепетом,* то есть со страхом Божиим, опасаясь, как бы когда-нибудь Он не осудил нас за нерадение о рабах. *Послабляюще им прещения.* Не будьте, говорит, жестокими и строптивыми. *Ведуще, яко и вам самем и тем Господь есть* на *небесех.* Увы! Какой намек! Как сильно устрашил! То есть: *еюже мерою мериши, возмерится тебе.* Чтобы тебе не услышать: *рабе лукавый, весь долг* оный *отпустих тебе* (Мф. XVIII, 32). *И лицеприятия несть у Него.* Не подумай, говорит, что за обиду, причиняемую рабу, (Бог) простит потому, что она причинена рабу. Внешние законы, как законы человеческие, допускают еще различие по происхождению, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же.

А если кто станет спрашивать: откуда же рабство, и зачем оно явилось в жизни человеческой, — как многие, я знаю, с любопытством спрашивают об этом, и желают знать это, — то я вам скажу: от любостяжания произошло рабство, а также от зависти, от ненасытной алчности. Ной не имел рабов, ни Авель, ни Сиф, ни другие после них. Это состояние произвел грех, состоящий в неуважении к родителям. Пусть знают дети, что они достойны быть рабами за непочтение к родителям! (Кто не почитает своих родителей), тот лишается своего благородства, потому что презирающий отца своего более уже не сын его. Если же презирающий (земного) родителя уже перестает быть его сыном, то как останется сыном Отца нашего (небесного) тот, кто Его презирает? Он исключен из благородного сословия, он оскорбил свою природу. Потом (к появлению рабского состояния) способствовали войны, сражения, где стали брать пленных. Но, скажут, и Авраам имел рабов? Да, имел; но известно, что он обращался с ними не так, как с рабами. Так (апостол) все направляет к главе: жену, чтобы муж, как сказано, любил ее, — детей, чтобы воспитывал их *в наказании и учении Господни,* — рабов, *ведуще, яко и вам самем и тем Господь есть на небесех.* Этим как бы так говорит:

так как и сами вы тоже рабы, то будьте человеколюбивы и снисходительны. Далее, если вам угодно будет выслушать, мы и о слугах скажем то же самое, что прежде сказали о детях: учите их быть благоговейными, и они сделаются такими. Но ныне иной, отправляясь в театр или идя в баню, тащит с собою туда же и всех детей, а в церковь не берет их, – не заставляет их ходить туда, чтобы слушать христианское учение. Как же раб услышит, когда ты, господин, прислушиваешься совсем к другому? Ты приобрел, купил раба? Приказывай ему прежде всего жить по воле Божией, чтобы он был кроток в отношении к своим товарищам, чтобы особенно заботился о добродетели. Дом каждого есть как бы город, и каждый хозяин есть начальник над собственным домом. Что действительно так, это хорошо видно при взгляде на дом людей богатых, где есть и поля, и управители, и начальники над начальниками. Впрочем, и дом бедного я уподобляю также городу. И здесь есть власти, именно: муж управляет женой, жена – слугами, слуги – своими женами, а мужья и жены – своими детьми. Итак, не представляется ли тебе, что (глава семейства) есть как бы некий царь, у которого находится в подчинении столько начальников? И не следует ли ему быть всех искуснее и опытнее в управлении домом? Кто отлично сведущ в этом деле, тот сумеет выбрать для себя способных начальников, и точно – выберет блистательных. А жена все-таки останется другим царем в доме, хотя без диадемы, и кто умеет избирать этого царя, тот и остальное все хорошо устроит. *Прочее же, братие моя, возмогайте о Господе* (ст. 10). (Апостол) когда намеревается окончить речь, всегда употребляет это выражение.

3. Не хорошо ли я сказал вначале, что дом каждого есть целое войско? Кто поставил всех начальников, тот же, в свою очередь, вооружает их и ведет на войну. Если никто не похищает власти у другого, а каждый остается на своем месте, тогда все будет в хорошем состоянии. *Возмогайте,* говорит, *о Господе, и в державе крепости его,* то есть в надежде на Него, через Его помощь. Так как он повелел многое, и притом должное, то и говорит: не бойтесь, возложите надежду на Господа, и Он все облегчит для вас. *Облецытеся*

во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диаволским (ст. 11). Не сказал: против сражений, против войн, но: *противу козней.* Враг наш не просто и не открыто воюет с нами, но с коварством. Что такое – козни? Строить козни – значит обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: (враг) никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предлогами, выставляет уважительную причину. Итак, (апостол) уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом, опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великою хитростью. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу (диаволу), но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвенности. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности. *Яко несть,* говорит, *брань наша к плоти и крови, но к началом, ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (ст. 12). Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Чего же? Борьба происходит в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримою. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда они происходят из-за предметов важных. В поднебесной – это то же, что за небесное. (Враги наши воюют с нами) не для того, чтобы, после победы, чем-нибудь воспользоваться, но

для того, чтобы нас лишить (неба). Так, если бы кто-нибудь сказал: (договор заключается в чем-нибудь), то здесь: (в) соответствовало бы: (за) или (для). Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага и какая трезвенность происходит оттого, что мы узнаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, — потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет (Павел) *началами, властями и миродержителями тмы века сего?* И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, — греховной. Мы были, говорит он, некогда тьмою, — называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержителями же называет (диаволов) не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: *вы несте от мира сего, якоже Аз несмь от мира* (Ин. XVII, 14). Разве, в самом деле, (апостолы) были не от мира? Не были ли они облечены плотью? Не принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: *мир Мене ненавидит, вас же не может ненавидети.* И здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он разумеет самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою. *К началом,* говорит, *ко властем, к духовом злобы поднебесным. Началами* и *властями* называет их по подобию того, как и между небесными (духами) есть престолы, господства, начала, власти. *Сего ради восприимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати* (ст. 13). Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. *И вся,* говорит, *содеявше,* — то есть победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Не просто употребил: делать, но: содеевать, совершенно сделать, покончить, так чтобы не только одолеть, но и одолевши, стоять; а то случалось, что многие, одержавши победу, тотчас падали. *Вся,* говорит, *содеявше,* а не так, чтобы одно что-нибудь

исполнить, а другого – нет. Притом после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Когда же мы стоим, то оно не поднимается от падения. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает. *Облечемся во вся оружия Божия.*

4. Видишь ли, как (апостол) отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро, по окончании борьбы, и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. *Да возможете*, говорит, *противитися в день лют*, – напоминанием о времени побуждает (к бодрствованию). Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы. В самом деле, если у нас идет война; если против нас составляются такие ополчения; если они состоят из бесплотных начал и миродержителей и духов злобы, – то, скажи мне, как можно предаваться неге? Как можно быть рассеянным? Можно ли победить, не будучи вооруженным? Пусть каждый размышляет об этом всякий день, когда им овладевает гнев, одолевает похоть, когда он пожелает этой изнеженной и беспорядочной жизни. Пусть каждый внимает словам блаженного Павла: *несть наша брань к крови и плоти, но к началам, ко властем.* Эта война тяжелее войны с врагами видимыми; это борьба чрезвычайно сильная. Подумай, сколько времени он (диавол) ведет свою борьбу, из-за чего он бьется, – и веди себя осторожнее. Так, говорят, но надобно бы было изгнать диавола из среды себя, и тогда бы все спасались. Это говорят, конечно, какие-нибудь нерадивые, старающиеся отыскать извинение своему нерадению. Тебе, человек, следует быть благодарным за то, что можешь, если захочешь, одолеть такого врага; а ты, напротив, еще досадуешь и говоришь слова, свойственные какому-нибудь беспечному и сонливому воину. Ты, впрочем, если захочешь, можешь понять и причины, почему ты так поступаешь. Но будь осторожен, ограждай себя со всех

сторон: не с одним диаволом у нас брань, но и с его силами. Как же, говорят еще, мы будем бороться со тьмою, — мы, которые соделались светом? Как нам сражаться с злыми духами, когда мы соделались благими? Злоба противоположна добру, и свет отгоняет тьму; если же мы сами стали тьмою, то мы совершенно будем побеждены. Итак, каким же образом мы победим их? Если мы постараемся быть по произволению тем, что они — по природе, то есть если мы постараемся стать выше плоти и крови; таким образом мы одолеем их. Так как они (ефесяне), вероятно, гонимы были многими, то не думайте, как бы так говорил (Павел), чтобы те сами по себе воевали против нас. В них действуют демоны: они-то ведут войну, и с ними у нас брань. Всем сказанным производит двоякое действие: и делает их более смелыми в отношении к воюющим на них, и ободряет их дух против врагов. И почему у нас происходит брань с ними? Потому, что мы имеем непобедимого союзника — благодать Духа, потому, что мы научены такому искусству, что можем ратоборствовать не с людьми только, но и с демонами. Впрочем, если мы захотим, то можем и не бороться: брань постольку брань, поскольку мы ее хотим. Такова именно сила живущего в нас (Святого Духа), согласно словам: *се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию* (Лк. X, 19). Он дал нам всякую власть и бороться и не бороться. Но так как мы ленивы, то и боремся с ними. А что Павел не боролся, об этом послушай его собственных слов: *кто ны разлучит от любве Христовы, скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение, или нагота, или беда, или меч* (Рим. VIII, 35)? И в другом месте, слушай, что он говорит: *Бог сокрушит сатану под ноги ваши скоро* (Рим. XVI, 10; Деян. XVI, 18). Он имел власть (над сатаной), потому и сказал: *запрещаю ти именем Господа Иисуса, изыди от нея* (Деян. XVI, 18). Но это уже не значит бороться; кто борется, тот еще не одержал победы, и кто победил врага, тот уже не ведет борьбы, потому что такой подчинил его себе, пленил. Равным образом и Петр не боролся с диаволом; но его дела были таковы, что превышали борьбу. Из числа верующих, слушающих, оглашенных,

многие с преизбытком одерживали победу над ним (диаволом). Потому и блаженный Павел сказал: *не разумеваем бо умышлений его* (2 Кор. II, 11), – вследствие чего в особенности и брал над ним верх. И в другом месте, послушай, что он говорит: *не велие убо, аще и служителие его преобразуются, яко служителие правды* (2 Кор. XI, 14). Так он вполне знал борьбу, и ничто не укрывалось от него. И: *тайна бо уже,* говорит, *деется беззакония* (2 Сол. II, 7). Но в отношении к нам дело требует борьбы. Затем, слушай, что говорит он в другом месте: *известихся, яко ни ангелы, ни начала, ни силы, ни власти, ни настоящая, ни грядущая, ни ина тварь коя возможет нас разлучити от любве Христовы* (Рим. VIII, 38–39). Не сказал просто: от Христа, но: *от любве Христовы.* Многие ведь, хотя присоединены ко Христу, но не любят Его. Не только, как бы так говорит (Павел), не убедишь меня отречься Его, но и не уменьшишь во мне любви к Нему. Если и вышние силы не могли бы этого сделать, то кто другой был бы в состоянии сделать это? Говорит же это не потому, будто бы в самом деле вышние силы решились на подобное, но по предположению. Потому и сказал: *известихся.* Итак, он не боролся (с диаволом): несмотря на то, боится его лукавства. Выслушай собственные слова его: *боюся, да не како якоже змий Еву прелсти лукавством своим, тако истлеют и разумы ваша от простоты, яже о Христе* (2 Кор. XI, 3). Мало того, и о самом себе так выражается: *боюся бо, да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27). Как же ты можешь быть уверен, что тебя никто не отлучит (от любви Божией)?

5. Видишь ли, что (апостол) говорил так по смиренномудрию и скромности? Он обитал уже на небе, почему и сам он говорил: *ничесоже в себе свем* (1 Кор. IV, 4); и в другом месте: *течение скончах* (2 Тим. IV, 7). Итак, диавол не ему собственно полагал претыкание, а его ученикам. Почему же так? Потому, что они руководствовались не его наставлениями только, но вместе и собственным намерением. В этом отношении (диавол) одерживал верх; но и здесь он одерживал верх собственно не над ним, а над беспечностью невнимательных (людей). Когда они не исполняли приказаний (апостола), по лености или по чему другому, то он (ди-

авол) одерживал над ними победу. Если же апостол со своей стороны все делал, но те не слушались, то, значит, (диавол) побеждал не его, но их непослушание. Так болезнь имеет силу не над врачом, а над невоздержностью больного. Когда тот с своей стороны представляет все нужное для излечения, а этот все расстраивает, то последний терпит поражение, а не первый. Итак, над Павлом (диавол) не одержал ни малейшей победы. Впрочем, к нашему благу служит то, что нам предоставляется возможность борьбы. Что касается римлян, то им не этого желает, — а чего? *Сокрушит сатану под ноги ваша скоро* (Рим. XVI, 20). Но этим (ефесянам) желает вот чего: *могущему вся по преизбыточествию творити, ихже просим или разумеем* (ст. 3). Кто борется, тот еще встречает препятствия; за то как он счастлив, если не падет! Победа бывает блистательнее тогда, когда была борьба. Например: если тобой овладело какое-нибудь злое пожелание, то весьма славное дело ты сделаешь, если не поддашься, а погасишь его. Но хотя бы этого совершенно нельзя было сделать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падем во время этой борьбы, то мы будем победителями. Здесь не так, как у атлетов. Там до тех пор не сделаешься победителем, пока не повергнешь на землю другого; а здесь только сам не будь повергнут, и ты победитель, ты уже одолел, если тебя не опрокинули. И это правильно! Там оба бьются о победе, и если один упадет, другой получает венец. Здесь же не так: здесь диавол старается поразить нас. Итак, если я лишу его того, о чем он заботится, то я победил. Он усиливается не низринуть только, но низринуть вместе с собою; стало быть, он уже побежден, так как он уже свергнут и находится в состоянии погибели: он заботится о победе не с тем, чтобы потом получить венец, но с тою целью, чтобы погубить меня. Итак, я победитель в том случае, когда не буду опрокинут (диаволом), хотя бы сам я не опрокинул его. В чем же состоит блистательная победа? В том, чтобы с крайним презрением попирать его, как поступал Павел, считая за ничто блага настоящей жизни. Будем и мы подражать (апостолу), постараемся возвыситься над земными благами, не

будем ни с какой стороны доставлять ему (врагу своему) случаев к торжеству над нами.

Богатство дает ему к этому случай, а также – деньги, почести. Все это нередко восстановляло его и делало свирепым. Но что за надобность в борьбе? Какая нужда в сражении? Сражающийся не знает, когда конец сражения, и может думать еще – не быть бы самому побеждену и ранену. А кто уже попирает врага своего, тот, очевидно, одержал победу. Итак, будем попирать силу диавола, будем попирать грехи, все житейское, как то: гнев, похоть, высокомерие и все страсти, чтобы, по отшествии нашем туда, не оказалось, что мы отказались от власти, какую получили от Бога. За это удостоимся наследовать и будущие блага. Если же в этом окажемся худыми, то кто доверит нам большее? Если того, кто оскорбил (Бога), кто сам обесчещен, презрен, повержен к ногам, мы не сможем попрать, то как Отец даст нам свое достояние? Если не победим столько униженного, то как будем иметь дерзновение войти в дом отчий? Скажи мне: если бы ты имел какого-нибудь сына, и он, оставивши честных слуг своих, вошел в сношение с теми, которые за оскорбление тебя изгнаны из дома и делают против тебя разные ухищрения, и если бы он до конца упорствовал в таком поведении, не был ли бы он лишен за это наследства. Очевидно, что так. Подобно тому и мы, если, оставивши послушных (Богу) ангелов, которые начальствуют над нами, станем жить согласно с желаниями диавола, то совершенно будем лишены наследства. Но да не постигнет это никого из нас; лучше же, решившись воевать против него и победивши его, при помощи Божией, да соделаемся наследниками царства небесного. Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу диавола. В этом случае гнев будет делом добрым, негодование – полезно, злопамятство – похвально. Как в сношениях с посторонними злопамятство составляет зло, так здесь оно есть благо. Итак, если у тебя есть недостатки, исправь их здесь; если же не можешь сам этого сделать, то делай с сочленами твоими. Тебя ударил кто-нибудь, – имей зло против диавола и никогда не

прекращай вражды с ним. Если и не ударил, и в таком случае злобствуй против диавола за то, что он восстал против твоего Владыки, оскорбил Его, а также за то, что вредит братьям твоим и воюет на них. Всегда будь врагом, всегда гневным, всегда непримиримым с ним. От этого он сделается смиренным, неопасным, таким, что его можно будет одолеть. Если мы сильно разъяримся против него, он не будет нам страшен. А когда станем благосклонны, тогда он сделается жестоким, — не так (мы должны обращаться с ним), как с нашими братьями. Он враг и гонитель жизни и спасения нашего и своего собственного. Если он не любит самого себя, то как может любить нас? Итак, ополчимся и повергнем его, имея союзником великого Господа Иисуса Христа, Который возможет соделать и нас неуловимыми для его сетей и удостоить вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Станите убо препоясани чресла ваша истиною (Еф. VI, 14)

1. Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух (а нужно было и то и другое, то есть — не только воины, но и воинственный дух в них) и ободрив его, (а это также было нужно), наконец (Павел) и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И (апостол) пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке и затем вооружает их. Но смотри, как облекает их в самое оружие. *Станите убо,* говорит он. Первое

дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому (и апостол) нередко беседует о том, что должно стоять. Так и в другом месте он говорит: *стойте, бодрствуйте* (1 Кор. XVI, 13); и опять: *тако стойте о Господе* (Флп. IV, 1); или еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12); а также: *да возможете вся содеявше стати.* И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значит умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоит, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Итак, действительно прямые стоят. А кто не стоит, те не сохраняют прямого положения, развлекаются и предаются рассеянности. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в наклонном положении, равным образом и человек сладострастный, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким. *Станите убо,* говорит, *препоясани чресла ваша истиною.* Не о чувственном препоясании говорит (апостол); в этом месте он выражается иносказательно. И заметь, как он поступает: сначала облекает воина поясом. Что это значит? Человека рассеянного и преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания, не допуская его таким образом терпеть препятствие от одежд, покрывающих его голени, и давая ногам его полную свободу бежать. *Станите убо,* говорит, *препоясани чресла ваша.* Говорит здесь о чреслах, потому что как для кораблей киль, так для нас чресла: они – опора всего тела. По словам врачей, они составляют основание, и на этом-то основании строится все (тело). Когда же он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу душу, потому что он разумеет не телесные чресла, но чресла в смысле духовном. И как (телесные) чресла служат основанием для нижних и верхних частей тела, так точно и духовные чресла. Часто больные, опуская на них, как на какую подпору, свои руки, тем самым

подкрепляют себя. Равно и пояс для того и употребляется на войне, чтобы сберечь и охранить наше основание. Чтобы нам было удобнее бежать, мы опоясываем себя: это обеспечивает нашу силу. Пусть то же, говорит (апостол), наблюдается и в отношении к душе, и тогда во всех делах своих мы будем иметь более силы. Особенно это прилично воинам. Да, скажут, но телесные чресла мы опоясываем кожаным поясом; а здесь чем опояшемся? Главою наших помыслов, то есть истиною. *Препоясани,* говорит, *чресла ваша истиною.* Итак, оставим всякую ложь, будем поступать во всем по истине, не будем обманывать друг друга. Славы ли станем искать, — славы истинной, жизни ли желать, — жизни истинной. Если мы оградим себя этим, если опояшемся истиной, то никто нас не одолеет. Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное — от земли. Это видно из того, что все внешние (язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиям. А потому, если мы будем трезвиться, то не будем нуждаться в учении, заключающемся в сочинениях эллинов. Видишь ли, как они были слабы и бессильны, как не могли принять ни одного здравого и превышающего ум человеческий понятия о Боге? Они не были препоясаны истиной. Потому-то и ослабли их чресла — этот приемник родотворных семян, это укрепление помыслов. Нет ничего бессильнее их.

2. Не видишь ли, с другой стороны, как манихеи дерзко говорят обо всем по своим собственным мудрованиям? Невозможно было, говорят они, чтобы Бог без материи сотворил мир. Откуда это видно? Так говорят они, пресмыкаясь долу, от земли заимствуя это и от того, что нам (людям) свойственно. Ведь человек, говорят они, не может иначе делать. Затем послушай, что еще говорит Маркион: Бог, восприявши плоть, не мог остаться чистым. Из чего это видно? Из того, что не бывает этого у людей. Валентин, в свою очередь, имея обращенные к земле помыслы, тоже рассуждает по-земному; подобным же образом учат и Павел Самосатский и Арий. Что, например, говорит (последний)? Рождающийся Бог не мог родиться бесстрастно. Почему ты осмелился сказать это, Арий? Потому, что

(о Боге стал рассуждать) по-человечески. Итак, замечаешь, что у всех помыслы обращены долу, что у всех они ослаблены и дышат землей? Таковы (еретики) в отношении к учению веры. Что же касается деятельности, то они любодеи, сребролюбцы, они привязаны к земле – к славе и всему прочему. У них нет крепких чресл, таких, чтобы, в случае болезни, можно было в них найти опору. Когда же они сделаются больными, они не кладут на них рук своих и не стоят прямо, а ослабевают. Напротив, препоясанный истиною, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, все же получит подкрепление в той же истине. В самом деле, скажи мне, заставит ли страдать его бедность? Нисколько. Мысль об истинном богатстве успокоит его, а бедность напомнит ему об истинной нищете (духовной). Не покажется ли ему тяжким рабство? Нимало, потому что он знает истинное рабство. Быть может, болезнь? И она – нет. *Да будут чресла ваша,* говорит Христос, *препоясана и светильницы горящии* (Лк. XII, 36), чтобы иметь вам свет неугасимый. Это заповедано было делать и при исходе из Египта, – препоясанные ели тогда пасху. Для чего, спрашивают, так было? Хотите знать основание этому из истории или из соображений? Я скажу и то и другое, а вы запомните. Я не просто делаю это, чтобы только ответить на вопрос, но имея в виду, чтобы слова наши обратились у вас в дело. Были, повествуется, препоясаны, имея жезлы в руках своих и сапоги на ногах, и так ели пасху (см.: Исх. XII, 11). Страшное и ужасное таинство, и к тому же заключающее в себе много глубины. Если же в прообразе таинство так страшно, то тем более в самой истине. Выходят из Египта и едят пасху. Внимай: это образ странников. Иметь сапоги на ногах и жезлы в руках и есть стоя – не что другое значит, как именно это. Что вы хотите прежде выслушать – историю или соображения? Лучше историю. Итак, что говорит история? Иудеи были неблагодарны и постоянно забывали благодеяния Божии. Потому, желая хоть насильно приводить им на память (благодеяния), (Бог) узаконивает такой способ вкушения пасхи. Для чего? Для того, чтобы каждый год, по необходимости, со-

блюдая это узаконение, также необходимо воспоминали изведшего их Бога. Не одним временем (пасхи) Бог хотел напоминать им свои благодеяния, но и самым образом вкушения ее. Для того и едят они опоясанные и обутые, чтобы, когда спросят их об этом, отвечали, что мы готовы были к путешествию и намеревались выйти из Египта в землю обетованную. Таково значение образа согласно истории; но вот истина: и мы также вкушаем пасху, то есть Христа, *пасха бо наша*, как сказано, *пожрен бысть Христос* (1 Кор. V, 7). Стало быть, и мы вкушаем пасху, которая гораздо превосходнее пасхи законной. Поэтому и мы должны вкушать ее также обутые и препоясанные. Для чего? Для того, чтобы и нам быть готовыми к путешествию, к исходу отсюда. Никто из вкушающих эту пасху не должен помышлять о Египте, напротив, должен стремиться к небу, к вышнему Иерусалиму. Для того ты и вкушаешь опоясанный и обутый, чтобы ты помнил, что, начиная вкушать пасху, ты обязываешься идти в дорогу, путешествовать. Это обозначает две обязанности: во-первых, обязанность – оставить Египет и (на земле) жить так, как бы это была для нас чуждая страна, потому что сказано: *наше житие* на *небесех есть* (Флп. III, 20); во-вторых, обязанность – всегда, во всю жизнь быть готовыми к тому, чтобы, когда станут звать нас, немедленно сказать: *готово сердце* наше (Пс. CVII, 2). Впрочем, так мог говорить Павел, которого совесть ничем не была запятнана. Что же касается до меня, то я не могу сказать так, потому что мне много нужно времени для покаяния. А что быть препоясанным – значит иметь бодрствующую душу, об этом послушай, как говорит Бог одному праведнику: *ни, но препояши, яко муж, чресла твои: вопрошу же тя, ты же ми отвещай* (Иов. XXXVIII, 3). То же говорит Он ко всем святым, то же и к Моисею. Даже Сам является препоясанным у Иезекииля. Ангелы также являются нам опоясанными, как бы они были настоящие воины. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Но, с другой стороны, опоясать себя можно не иначе, как стоя. Препояшем же и мы себя. И нам также предстоит выйти, и много потом придется нам испытать трудностей. Когда мы проходим через эту область, тотчас являет-

ся диавол, начинает хитрить, употреблять все меры к тому, чтобы людей, которые избавились от Египта, перешли Чермное море, освободились от демонов и неисчислимых бед, – взять и погубить. Но, если будем бодрствовать, то и у нас будет столп огненный, – благодать Духа, который освещает нас и осеняет, – будет манна, или, лучше сказать, не манна, а то, что превосходнее манны, – будет духовное питие, а не вода, истекающая из камня, будет и стан для нас живущих и теперь в пустыне. Да! Земля, в настоящее время – совершенная пустыня, по недостатку добродетели, даже более пустыня, чем та. По какой причине бегали той пустыни? Не по той ли, что она имела и до сих пор имеет скорпионов? По ней, говорят, не проходил человек. При всем том пустыня та все же не так была бесплодна, как человеческая природа.

3. Ныне в этой пустыне сколько скорпионов, сколько змей, сколько порождений ехидниных, – о чем мы уже говорили! Впрочем, это не должно устрашать нас. Нашим исходом (из Египта) предводительствует не Моисей, а Иисус. Но опять под каким условием мы этого избегнем? Под тем, чтоб мы не делали того же – тогда и не подвергнемся той же участи. Те роптали, были неблагодарны. Поэтому нам этого дозволять себе не следует. За что те все пали? За то, что вознерадели о земле, которой так сильно желали. Отчего вознерадели? Ведь они перед ней благоговели? Оттого, что вышли изнеженными и не хотели ради нее переносить неудобств (странствования). Поэтому не будем пренебрегать небом, это и есть пренебрежение. С неба нам принесен плод – не такой плод, как виноградная кисть, которую носят в корзинах, но – обручение Духа, правило небесной жизни, которому учили Павел и весь лик апостольский, эти чудные земледельцы. Не Халев, сын Иефонии, и не Иисус, сын Навина, принес эти плоды; но Иисус, Сын Отца щедрот, Сын истинного Бога, принес с Собой всякое благополучие и ниспослал нам свыше все плоды, – разумею небесные песни. То самое, что херувимы вещают горе, и нам заповедано говорить: *свят, свят, свят*. Он принес нам житие ангельское. Ангелы ни женятся, ни посягают: то же благо насаждено и здесь. Ангелы не любят денег и

ничего подобного: и это посеяно у нас. Ангелы не умирают: и это нам даровано; смерть ныне перестала быть смертью, но сделалась сном. Послушай, что говорит (Господь): *Лазарь друг наш успе* (Ин. XI, 11). Видишь ли плоды горнего Иерусалима? И что особенно удивительно — даровал нам (Господь) все это до обетования, прежде окончания войны. Израильтянам, по вступлении в обетованную землю, предстояли воинские труды, хотя, впрочем, они могли бы и не трудиться; им стоило только повиноваться Богу, — и они без оружия и полков взяли бы все города; например, Иерихон они завоевали, имея вид более праздничный, нежели воинский. А когда мы вступим в землю обетования, то есть на небо, то нам не нужно будет вести войны. Она продолжается только до тех пор, пока находимся в пустыне, то есть в настоящей жизни. *Вшедый бо в покой его, почи от дел своих, якоже от своих Бог* (Евр. IV, 10). *Доброе же творяще, да не стужаем си* (Гал. VI, 9). И мы пожнем в свое время, если не ослабнем. Видишь ли, что каким путем вел Господь их (израильтян), тем же ведет и нас. О манне в пустыне сказано: *иже многое не преумножил есть: и иже малое не умалил* (Исх. XVI, 18). А нам заповедано — не собирать сокровищ на земле.

Если же собираем, то уже не чувственный червь будет истреблять их, как это было с манною, а совечный огню. Итак, употребим все меры к тому, чтобы не приготовить пищи червям. *Иже многое не преумножил есть*, сказано. Это явление может повторяться и между нами каждый день. Все мы, конечно, обязаны наблюдать одну, определенную меру, при насыщении желудка, а излишнее будет только прибавлением безумных хлопот. Это именно (и Господь) хотел внушить словами: *довлеет дневи злоба его* (Мф. VI, 34). Тому же учил Он выше. И, однако же, Его правило не усвоено (людьми). Но мы не будем ненасытны, неблагодарны, не станем сооружать великолепных домов. У нас нет здесь постоянного жилища, мы находимся в пути. И кто помнит, что настоящая жизнь есть как бы странствование и воинская служба, что это — как некоторые выражаются — яма, тот не станет наживать себе великолепных палат. Да и в самом деле, кто, скажи мне, решится строить блестящие дома в яме, хотя бы он был страшный богач? Никто. Это

было бы смешно, значило бы строить для врагов и тем больше привлекать их к себе. Если у нас есть рассудок, то и нам нужно поступать таким образом. Настоящая жизнь ничем не отлична от воинской службы и похожа на яму. Итак, умоляю вас, употребим все меры к тому, чтобы не собирать здесь сокровищ. Тогда, если и вор придет, нам легче будет уйти. *Бдите,* говорит (Господь), *яко не весте, в кий час* тать *приидет* (Мф. XXIV, 42), — татем Он называет смерть. Поэтому лучше до ее прихода отправить нам все (свои пожитки) в наше отечество. Здесь же будем ходить хорошо препоясанные, чтобы одолеть врагов и за это сподобиться в тот день венцов нетленной славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира, над всеми восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити, и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. VI, 14—17)

1. *Препоясани,* говорит (Павел), *чресла ваша истиною.* Какое значение этих слов, об этом сказано в предыдущей беседе. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. *Оболкшеся в броня правды.* Как броня хранит от ранений, так и правда (спасает нас). Правдою же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам диавол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: *блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся* (Мф. V, 6). Кто оградил свое сердце правдою, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. *И обувше нозе во уготование благовествования мира.* Вы-

ражение, не совсем понятное. Что оно значит? Приготовлением благовествования он обувает нас как бы в прекрасные сандалии. Разумеет же здесь или готовность к благовестию, так что этому делу должны служить ноги, равно как предустроение и ограждение евангельского пути, или, если это объяснение неверно, то он хочет сказать, чтобы они (ефесяне) готовились к исходу. Как бы то ни было, но под *уготованием благовествования* разумеется не что иное, как самый лучший образ жизни. Об этом еще пророк сказал: *уготованию сердца их внят ухо твое* (Пс. IX, 38), то есть сердца, которое было хорошо настроено. *Благовествования мира*, сказано. И правильно. Выше он упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовествование и делается благовествованием мира. Война с диаволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с диаволом: это значит – находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся (этой войны); благовествование мира уже показывает победу. *Над всеми восприимше щит веры.* Говорит здесь о вере, а не о знании. Да если бы и не упомянул о вере, все-таки не преминул бы сказать о благодати, силою которой совершаются знамения. И справедливо называет веру щитом. Подобно тому, как щит заслоняет собой все тело, делаясь как бы стеной, так точно и вера, потому что все ей уступает. *В немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити.* Ничто не в силах рассечь этого щита. Послушай, что говорит Христос Своим ученикам: *аще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: прейди отсюда тамо, и прейдет* (Мф. XVII, 20). Но каким образом мы можем приобресть такую веру? Если будем выполнять это (угашать разжженные стрелы лукавого). Стрелами же лукавого он называет как искушения, так и непристойные пожелания. Кстати, прибавил он еще: *разжженныя.* Таково именно свойство страстей; но если вера повелевает и демонами, то тем легче ей управиться с душевными страстями. *И шлем спасения восприимите.* То есть: вашего спасения. Предохраняет их, как бы ведя на войну. *И меч духовный, иже есть глагол Божий.* Или он говорит здесь о Духе, или же разумеет меч, понимаемый в духовном смысле, меч, которым, действи-

тельно, все посекается, все раздробляется, которым можем отсечь даже голову дракона. *Всякою молитвою и молением молящеся на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве о всех святых, и о мне, да дастся ми слово во отверзение уст моих, с дерзновением сказати тайну благовествования, о немже посольствую во узах, да в нем дерзаю, якоже подобает ми глаголати* (ст. 18–20). Имеющий духовное дарование, то есть глагол Божий, так же силен, как самый этот глагол, о котором сказано: *живо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12). Но заметь мудрость блаженного (Павла). Он вооружал их (ефесян) со всякой предосторожностью; в заключение же всего, научает, как нужно обращаться к Царю и просить, чтобы Он простер им руку (помощи), – говоря: *всякою молитвою и молением молящеся на всяко время духом.* Можно молиться и не духом, например, когда кто молится о суетном. *И в сие истое бдяще.* Иначе: трезвясь. Именно таким, то есть неусыпным и трезвенным, должно быть тому, кто вооружен и стоит при Царе. *Во всяком терпении и молитве о всех святых, и о мне, да дастся ми слово во отверзение уст моих.* Что говоришь ты, блаженный Павел? Ужели ты имеешь нужду в учениках? И хорошо сказано: *во отверзение уст моих.* Без всякого сомнения, он не учился долго тому, что ему говорить; но как сказал Христос: *егда предают вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вам в той час, что возглаголете* (Мф. X, 18), – так он и совершал все, по вере и при содействии благодати. *С дерзновением сказати тайну благовествования,* то есть чтобы, как следует, защитить мне ее. Ты окован узами: не потому ли и нуждаешься в других? Да, отвечает он. Но и когда Петр заключен был в оковы, о нем также была, и притом непрестанная, молитва. *О немже посольствую во узах, да в нем дерзаю, якоже подобает ми глаголати* (ст. 20). Другими словами: чтобы я мог отвечать смело, мужественно и с большим благоразумием. *Да увесте же и вы, яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель о Господе* (ст. 21).

2. (Апостол сам только) упомянул о том, что он в узах, в подробности же рассказать о своем положении поручает Тихику. Он изъяснил в своем послании все, что относится к догматам и утешению, что же касается собственно изве-

стий — это предоставил тому, кто доставит послание. Потому и прибавил: *да увесте,* то есть чтоб осведомились вы, *яже о мне.* А через это и показал к ним свою любовь и дал случай обнаружиться их любви к нему. *Егоже послах к вам на сие истое, да увесте, яже о нас, и да утешит сердца ваша* (ст. 22). И это не просто говорит, но сказавши наперед: *оболкшеся,* и: *препоясани,* что именно служит знаком всегдашней и непрерывной готовности к выходу (на бой). Послушай, что говорит пророк: *да будет ему яко риза, в нижe облачится, и яко пояс, имже выну опоясуется* (Пс. CVIII, 19). Пророк говорит, что Сам Бог облекался в броню правды, и тем дает понять, что нам уже не на короткое время, а навсегда должно облечь себя в нее, так как и потребность войны у нас всегдашняя. И другой в ином месте говорит: *праведный, яко лев, уповая* (Притч. XXVIII, 1). Кто облечен в такую броню, тому нечего бояться вражеских полчищ. Напротив, он смело может идти в самую средину неприятелей. А Исаия говорит: *красны ноги благовествующих мир* (Ис. LII, 7). Кто же после этого не решится, кто не поспешит послужить такому делу, каково благовестие мира, притом мира Божия с людьми, мира, который дарован нам без всяких усилий со стороны человека, а по милости содеявшего Бога? Чтобы понять, какое значение имеют слова: *уготование благовествования,* послушаем еще слова Иоанна: *уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Мф. III, 3). Правда, он говорил это (приготовляя людей) к крещению; но ведь и после крещения требуется другое приготовление. На последнее указывает (Павел), когда говорит: *во уготование благовествования мира,* и тем внушает, что нам вовсе не следует делать ничего такого, что не согласно с условиями мира. Так как именем ног нередко обозначается образ жизни, то (Павел), часто говоря о жизни и делая увещание, употребляет выражения, вроде следующего: *блюдите, како опасно ходите* (Еф. V, 15). Итак, будем вести себя достойно Евангелия, будем поступать так, чтобы жизнь и дела наши были чисты в течение всего нашего земного поприща. В Евангелии возвещен мир: идите же путем, устроенным по этому благовестию. Если же вы опять сделаетесь врагами, в таком случае не будет *уготование мира.* Будьте же готовы и не отступайте от

мира. И какую готовность вы показали относительно мира и веры, с такою же и пребывайте в них. Вера есть щит, а щит первый принимает вражеские удары и сохраняет в целости оружие. Значит, если будет вера правая и жизнь добродетельная, то оружие останется неприкосновенным. О вере, равно как и о надежде, много рассуждает (Павел) и в других местах, особенно в послании к Евреям. Веруйте, говорит он там, в грядущие блага, и ни одного из благ настоящей жизни вы не потеряете. И действительно: руководись в несчастьях и трудных обстоятельствах верой и надеждой, и ты удержишь за собой (означенные блага) целыми, неприкосновенными. *Веровати подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает.* Вера есть щит, покрывающий тех, которые веруют, не испытывая. Когда же кто станет вдаваться в мудрования, начнет обо всем умствовать и судить по-своему, для такого вера не составляет собой щита. Напротив, тогда мы о нее только претыкаемся. Вера все укрывает и осеняет: таково должно быть ее свойство. А потому нельзя ее укоротить, в противном случае ноги или другая какая-нибудь часть тела останутся открытыми. Нет, щит должен быть соразмерной величины. *Разженныя.* Много помыслов, волнующих душу, много сомнений и неразрешимых вопросов; но истинная вера на все дает успокоительный ответ. Много внушений, которыми диавол, воспламеняя нашу душу, повергает ее в разного рода недоумения. Например, некоторые говорят: есть ли воскресение. Есть ли суд? Есть ли воздаяние? Имей только щит веры, и ты угасишь им стрелы диавола. Возникло ли в тебе какое-нибудь неистовое желание, запылали ль внутри тебя огнем лукавые помыслы, покажи ему веру в грядущие блага, и он более не явится, мало того — погибнет. *Вся стрелы,* а не так, чтобы одни — угасить, а другие — нет. Послушай, что говорит Павел: *непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII, 18).

Видишь ли, сколько стрел угасили некогда праведники. Или ты думаешь, что это не разжженная стрела, когда патриарх, сгорая внутренним огнем, приносит в жертву сына? И другие праведники тоже могли угасить все стрелы (лу-

кавого). Воюют ли в нас помыслы — двинем вперед веру. Обуревают ли нас неистовые пожелания, призовем на помощь веру; находимся ли мы в трудных обстоятельствах и несчастье, будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие; если ее нет, то и оружие тотчас сокрушится. *Над всеми*, сказано, *восприимше щит веры*. Что значит *над всеми?* И над истиной, и над правдой, и над *уготованием благовествования*. Иначе сказать, все это нуждается в вере. Поэтому он прибавил: *и шлем спасения восприимите*, то есть вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избежать всякой беды, как посредством веры. Как шлем охраняет голову от всякой опасности, потому что укрывает ее тщательно со всех сторон, так и вера, кроме того, что служит вместо щита, заменяет еще собой шлем спасения. А когда стрелы (лукавого) будут угашены, то сейчас же мы получим помыслы, которые станут охранять владычествующее в нас начало (ум) и не допустят, чтоб оно пострадало в чем-либо. В самом деле, когда угасают противные помыслы, то взамен их возникают в нас другие, которые, не так, как те, охраняют нас и внушают надежду. И как шлем голову, так они будут укрывать владычествующее в нас начало.

3. И не это только (щит и шлем) нам нужно взять, но также и меч Духа, чтобы не только обезопасить себя от (стрел) бросаемых в нас диаволом, но поразить и его самого. Действительно, владея этим мечом, душа, будучи при этом еще ограждена от разжженных стрел, может с полной смелостью стать против врага; она в силах будет этим мечом сокрушить броню неприятеля, убить дракона и отсечь ему голову. И сам Павел тем же (мечом) разрушил и пленил умыслы диавола. *Иже есть глагол Божий*. Глаголом Божиим он называет здесь заповедь или учение, которое завещал Иисус Христос апостолам и которое они повсюду проповедовали, совершая во имя Его чудеса. Будем же и мы наблюдать одно — как бы сохранить во всем заповеди Божии. Исполнение их поведет нас к тому, что таким образом мы низложим и умертвим дракона — этого хитрого змия. И заметь при этом благоразумие Павла. Выше он сказал: *возможете стрелы лукаваго разжженныя угасити;* теперь же, чтобы не сде-

лать их надменными, указывает на то, что в этом деле они более всего имеют нужду в помощи Божией. Что именно он говорит? *Всякою молитвою и молением.* Как бы так сказал: вы этого достигнете и все можете совершить, если станете молиться, а того никогда не будет, чтобы ты, во время молитвы, имея в виду одного себя, таким образом привлек к себе милость Божию. *Всякою,* говорит, *молитвою и молением молящеся на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве о всех святых.* Не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь что говорит? Во *всяко время* приступай к молитве. Беспрестанно, говорит, молитесь. Не слышал ли ты о вдовице, как она победила (судью), благодаря своей настойчивости? Не слышал ли, как один друг в самую полночь крепко молил и умолил (своего друга)? Не слышал ли и о хананеянке, как она своей неотступной просьбой возбудила к себе участие Владыки? Эти люди достигли цели настойчивостью. *Молящеся на всяко время духом.* Это значит, что мы должны просить себе отнюдь не мирских или житейских вещей, а того, что угодно Богу. Нужно молиться непрестанно, мало того – с бодростью духа: *и в сие истое бдяще,* сказано. Что бы ни разумел здесь (Павел) – всенощные ли бдения или трезвость души, – я принимаю то и другое. Видишь ли, как бодрствовала хананеянка, когда, несмотря на невнимание Господа, Который не только отверг ее (сначала), но еще назвал псом, говорила: *ей, Господи, и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (Мф. XV, 28)? И не отступала от Него до тех пор, пока не получила просимого. Как поступила вдовица, не перестававшая умолять судию, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, пока усовестила его. Как хлопотал друг, который, в глухую полночь, пришел (к своему другу) и настаивал, пока не разбудил его и своей неотступной просьбой не пристыдил? Таковы плоды бодрствования! Хочешь ли и ты приучить свою душу к бодрствованию? Ступай к Анне и слушай, что она говорит: *Адонаи, Елои Саваоф* (1 Цар. I, 11). Особенно послушай, что происходило, прежде чем произнесены были эти слова. И встали, сказано, все из-за трапезы, и она тотчас пошла не ко сну и не на покой. Поэтому мне думается, что и за трапезой она

ничего не вкушала и не обременяла себя какими-либо яствами. Иначе не пролила бы столько слез. Если мы и во время поста едва ли, или, лучше сказать, никогда не молимся так, как молилась Анна, то ей после трапезы вовсе не совершить бы подобной молитвы, если бы она за трапезой не подражала обычаю постников. Устыдимся мы, мужчины, этой женщины! Она молилась о даровании ей сына и плакала, а мы просим о царстве (небесном) и делаем это с небрежностью. *И ста,* сказано, *пред Господем.* Что же говорит она? *Адонаи Господи, Елои Саваоф* – слова, которые в объяснении значат: «Господи, Боже сил». Но слезы лились, прежде чем она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надеялась преклонить к себе милость Божию. Где слезы, там полное сокрушение, а где сокрушение, там много любомудрия и осмотрительности. *Аще призирая призриши на смирение рабы твоея, и даси* ми сына, *то дам* его *в дар* Господу на все время (ст. 11). Не сказала: на один год или на два, как делаем мы, и не говорила так: «Если дашь мне ребенка, я дам денег», но: «Когда родится у меня первенец, сын молитвы, я всецело отдам его вместо дара». Это поистине была дочь Авраама. У того потребовал (Бог сына), и он отдал; эта же отдает еще прежде, чем исполнилась ее просьба. Затем смотри, какое благоговение и в том, что *устне ея,* как сказано, *двизастеся, и глас ея не слышашеся* (ст. 13). С таким расположением приступает к Богу человек, искренно желающий получить просимое, у которого леность, невнимательность, рассеянность, пренебрежение, беспечность не имеют места. А без молитвы (скажет кто-нибудь) разве Бог не мог даровать (Анне сына)? Ужели в самом деле Он не знал о желании этой женщины еще прежде, чем она стала молиться? Но если бы Он даровал (ей сына) без прошения, то не открылось бы усердие жены, не сделалась бы явною добродетель ее, и она не получила бы такой награды. Таким образом не зависть или ненависть была причиной долгого неплодия, а (божественная) благопопечительность.

4. Итак, когда услышишь слова Писания, что (Бог) заключил ее утробу и что она терпела досаду от своей соперницы, то знай, что этим (Бог) хотел показать любомудрие жены. Смотри в самом деле: (у Анны) был муж, совершен-

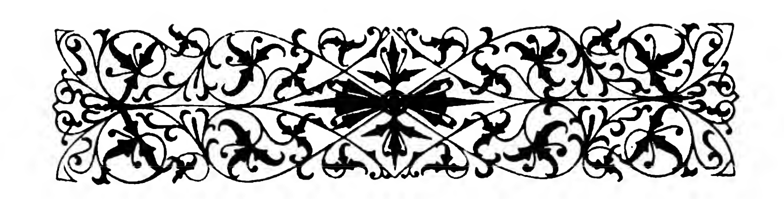
но ей покорный, говоривший ей: *несмь ли аз тебе добрее паче десяти чад* (ст. 8). Между тем ее соперница выводила ее из терпения своими упреками и нападками. И однако же (Анна) не грозила ей, не ругалась с нею, не говорила (мужу): «Так как моя соперница обижает меня, то взыщи с нее за это». У той были дети. Но ведь и эта пользовалась любовью мужа. Потому-то он и утешал ее, говоря: *несмь ли аз тебе добрее паче десяти чад?* Но обратимся опять к любомудрию жены. *И мняше ю*, сказано, *Илий пияну сущу* (ст. 13). Смотри же, что говорит она ему: *не даждь рабы твоея во дщерь погибели, яко от множества глумления моего истаях даже доселе* (ст. 16). Оставить гнев и не досадовать на людей, которые укоряют нас, не огорчаться, даже не оправдывать себя перед ними — так поступать может только человек с истинно сокрушенным сердцем. Ничто столько не располагает души к любомудрию, как сокрушение. Нет ничего сладостнее, как плач по Боге. *От множества глумления моего истаях даже доселе.* Будем подражать ей все. Внимайте, неплодные! Внимайте, нежно любящие детей своих! Внимайте, мужья и жены! Ведь и мужья нередко помогали в этом случае. Послушай, что говорит Писание: *и моляшеся Исаак о Ревекце, жене своей, яко неплоды бяше* (Быт. XXV, 21). И в самом деле, вера может производить великие дела. *Во всяком терпении и молитве о всех святых и о мне*, — себя ставит напоследок. Чего же ты хочешь, блаженный Павел, в заключение ставя себя самого? Вот чего, отвечает он: *да дастся ми слово во отверзение уст моих, с дерзновением сказати тайну благовествования, о немже посольствую во узах.* К кому ты посольствуешь? К людям, отвечает. Какое человеколюбие со стороны Бога! Он послал с небес посланников с вестью о Себе и о мире. А люди между тем взяли их и связали, не уважив даже всеобщего закона, по которому посланник во всяком случае освобождается от какой бы то ни было неприятности. Но и в узах посольствую. Узы угрожают мне лишением свободы говорить; за то молитва ваша отверзает мои уста, *да в нем дерзаю, якоже подобает ми глаголати*, то есть чтобы сказать все, что я послан возвестить. *Да увесте же и вы, яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель о Господе.* Верен, значит — ни в чем не солжет, напротив, все расскажет поистине. *Егоже послах*

к вам на сие истое, да увесте, яже о нас, и да утешит сердца ваша. О, сколько тут любви! Чтобы не было, говорит, повода, кому только и чем вздумается, устрашать вас. По всей вероятности, они находились в каком-нибудь несчастье, так как и выражение: *да утешит сердца ваша* — значит: чтобы он (Тихик) не допустил вас до падения. *Мир братии и любовъ с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа* (ст. 23). (Павел) желает им (ефесянам) мира и любви с верою. И не без цели так выразился. Он хочет, чтоб они не просто содержали слово любви, (но разумно), и не смешивались с иноверцами. Или это он имеет в виду, или то, чтобы они содержали веру, чтобы ободряли себя надеждой на будущее. *Мир* с Богом и *любовъ.* Если есть мир, то будет и любовь. И наоборот, где любовь, там явится и мир. С *верою.* Никакой нет пользы от любви без веры или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может. *И благодать* со *всеми любящими Господа нашего Иисуса Христа в неистлении. Аминъ* (ст. 24). Здесь он допустил разделение, мир поместив особо, и благодать тоже. Сказано: *в неистлении. Аминъ.* Что значит: *в неистлении?* Или: прилично, как следует, или же: с нетленными, то есть такими, которые живут не для славы и богатства, а для благ нетленных. В стоит вместо: посредством. Итак — посредством нетления; все равно, как сказать: посредством добродетели, — потому что тлением называются все вообще грехи. Как о девах употребляем выражение: «такая-то подверглась растлению», так говорится и относительно души. Потому и Павел сказал: *да не истлеют разумы ваши* (2 Кор. XI, 3). И в другом месте говорит: *во учении нетление* (Тит. II, 7).

5. В самом деле, скажи мне, в чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадается на части? Так бывает и с душой, когда в ней воцарится грех. Целомудрие и правда — вот красота души, а мужество и благоразумие — это здоровье для нее. Итак, тому угрожает опасность, кто гнусен и безобразен, кто предан корыстолюбию и лукавству, кто обнаруживает малодушие, боязливость и слабость. Что грехи производят тление — это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными и причиняют недуги. Когда говорим, что девство подверглось растлению, то имеем в виду не одно

растление тела, но главным образом то, что подобное дело соединено бывает с нарушением закона. Самый поступок при этом состоит в совокуплении. Но если бы совокупление называлось растлением, то и брак был бы тем же. Значит, не в совокуплении растление, а в грехе – в нарушении закона; он-то и делает первое постыдным. Возьмем другой пример. Тление какого-нибудь дома в чем другом состояло бы, как не в гниении (составляющих его частей). Да и везде тление есть та или другая перемена, но перемена к худшему; везде оно разрушает прежнее состояние вещей и повергает их в иное. Слушай, что говорит Писание: *растли всяка плоть путь свой* (Быт. VI, 12); и в другом месте: *в тлении невыносимом;* еще: *человецы растлени умом* (2 Тим. III, 8). Тело у нас тленно, а душа нетленна. Как бы нам и ее не подвергнуть тлению? Первородный грех сделал это (возможным). Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычей неумирающих червей. Но, с другой стороны, (черви) не могут и прикоснуться к душе, когда найдут ее нетленной. Адаманта, например, червь не грызет; да если бы и стал грызть, ничего бы не сделал. Смотри же, не растлевай души твоей, ведь что тлеет, то полно зловония. Послушай, что говорит пророк: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. XXXVII, 6). Впрочем, само тление облечется в нетление, а не нетление (в тление), потому что где нетление, там нет тления. Таким образом возможны тление нетленное, без конца, и смерть бессмертная. Это именно и будет, когда тела сделаются бессмертными. Потому, если отойдем туда с тлением в душе, то оно сделается для нас нетленным и не будет иметь конца. Постоянно гореть и быть всегдашнею пищею червей, это, конечно, есть тление нетленное. Подобное случилось с блаженным Иовом. Он истлевал, однако же не разрушался, и так продолжалось много времени. Только и знал, что постоянно обливал *грудие земли, гной стружа* (Иов. VII, 5). Нечто похожее на это испытывает душа в то время, когда обступят ее черви и станут пожирать, не два года, не три, десять или сто, даже не тысячи лет, а бесконечно, так как сказано: *червь их не умирает* (Мк. IX, 44). Устрашимся же, умоляю вас, убоимся этих слов, чтобы не испытать нам того на самом деле. Корысто-

любие есть тление – и такое тление, которое ужаснее всех видов тления: оно ведет к идолослужению. Бросим же это тление и изберем то, что нетленно. Нажил ли ты богатство на счет кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбие останется при тебе. Опять тление служит поводом к нетлению. Удовольствие проходит, грех же остается, потому что он не тлеет. Крайняя беда, если еще в настоящей жизни не совлечемся всего этого, и кто отойдет туда, обремененный тяжестью грехов, тот подвергнется великому несчастью. Во *аде*, сказано, *кто исповестся тебе* (Пс. VI, 6)? Там место суда, и каяться тогда уже будет не время. Как рыдал тогда богач? И все напрасно. Как оправдывали себя не питавшие Христа? Но и те пошли в огонь вечный. Как тогда говорили те, которые провели жизнь свою в беззаконии? *Господи, не в твое ли имя пророчествовахом, и твоим именем бесы изгонихом* (Мф. VII, 22)? Но их даже не признал (Господь Своими). Правда, все это будет по смерти; но ведь тогда и помощь не в помощь, если не поможем себе в настоящее время. Убоимся же, чтоб и нам не сказать тогда этих слов: *Господи, когда тя видехом алчуща и не напитахом* (Мф. XXV, 37)? Станем теперь питать Его – и не один день, не два или три. Ведь сказано: *милостыни и вера да не оскудевают тебе* (Притч. II, 3), а не говорится: «Сделай (какое-либо добро) один раз или два». Девы имели елей, но его не достало. Поэтому нужно запасаться большим количеством елея, и для этого надобно самим сделаться как бы плодоносными маслинами в дому Божием. Подумаем, сколько каждый из нас имеет у себя греховной тяжести, и в соответствие с тем, сколько мы сделали грехов, столько же, а еще лучше – гораздо больше постараемся совершить подвигов человеколюбия. Тогда не только изгладятся грехи, но еще явятся праведные дела, которые послужат к нашему оправданию. В противном случае, то есть если наши добродетели не в состоянии будут, с одной стороны, загладить преступлений, а с другой – сделаться для нас оправданием за опущенное, то никто не исхитит нас от мучений, от которых и да избавимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Филиппийцы были жители македонского города *Филиппы,* так названного по имени основателя города — колонии (римской), по словам Луки (см.: Деян. XVI, 12). Здесь обратилась *порфиропродальница,* женщина весьма богобоязненная и внимательная (ст. 14); здесь уверовал начальник синагоги; здесь Павла вместе с Силою били палками (ст. 23); здесь начальники испугавшись просили их удалиться из города (ст. 38 и 39). Блистательно было здесь начало проповеди! В похвалу филиппийцев сам (Павел) говорит много великого, называя их своим венцем и много пострадавшими: *вам,* говорит он, *даровася от Бога не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Флп. I, 29). Писал же он к ним тогда, как был в узах, — потому и говорит: *яко узы мои явлены о Христе быша во всем судищи* (ст. 13), называя судищем дворец Нерона. Впрочем от этих уз он был освобожден, что и объяснил в послании к Тимофею, говоря: *в первый мой ответ никтоже бысть со мною, но вси мя оставиша: да не вменится им: Господь же мне предста, и укрепи мя* (2 Тим. IV, 16, 17). Следовательно, он указывает на те узы, в которых находился прежде этого ответа. А что тогда не было с ним Тимофея, ясно из слов: *в первый мой ответ никтоже бысть со мною.* Это именно он и объясняет в послании. Если бы (Тимофей) знал это обстоятельство, то (апостол) и не написал бы ему. Когда же он писал настоящее послание (к филиппийцам), тогда Тимофей был при нем, что показывают следующие

слова: *уповаю же о Господе Иисусе Тимофея вскоре послати к вам* (Флп. II, 19); и еще: *сего убо уповаю послати абие, повнегда увем, яже о мне* (ст. 23). Он освобожден был от уз и опять заключен был после того, как приходил к ним. А слова: *аще и жрен бываю о жертве и службе веры вашея* (ст. 17) – не то значат, будто бы это уже случилось, но то, что хотя бы это и случилось, я *радуюся,* говорит он, утешая их через это в скорби об узах его. И что тогда надеялся остаться в живых, это видно из слов его: *надеюся же о Господе, яко и сам скоро прииду к вам* (Флп. II, 24); и еще: *и сие известне вем, яко буду и спребуду всем вам* (I, 25). Филиппийцы между тем посылали к нему Епафродита, чтобы он отнес ему деньги и узнал о его обстоятельствах, потому что они весьма любили его. А что действительно посылали, об этом послушай, что он сам говорит: *приях вся, и избыточествую, исполнихся, прием от Епафродита посланная от вас* (IV, 18). Итак, они посылали для того, чтобы и утешить его и узнать. А что они посылали с намерением и узнать о его обстоятельствах, это он показывает в самом начале послания, где пишет о себе так: *разумети же хощу вам, яко, яже о мне, паче во успех благовествования приидоша* (I, 12); и еще: *уповаю Тимофея вскоре послати к вам, да и аз благодушествую, уведев, яже о вас* (II, 19). Слова *да и аз* явно означают следующее: как вы для совершенного удостоверения послали узнать о моих обстоятельствах, так и я (пошлю), *да благодушествую, уведев, яже о вас.* А так как они долгое время не посылали к нему, но (послали только) тогда, – это именно он выражает словами: *яко уже когда воспомянусте пещися о мне* (IV, 10), и тогда только услышали, что он в узах, – ведь если они услышали о болезни Епафродита, человека не столь знаменитого, как Павел, то тем более (услышали бы) о Павле, и так как им естественно было беспокоиться, то он в начале послания много распространяется в утешении относительно уз, показывая, что не только не надобно беспокоиться, но надобно еще радоваться. Потом дает совет касательно единомыслия и смиренномудрия, внушая им, что это составляет величайшую их крепость и что таким образом они удобно могут побеждать врагов. Для учителей ваших не то прискорбно, что они в узах, но то, что учени-

ки не единодушны. Первое служит даже к распространению Евангелия, а последнее – к расстройству.

2. Преподав таким образом увещание к единодушию и показав, что единодушие происходит от смиренномудрия, он затем сильно нападает на иудеев, которые под предлогом христианства всюду вредили учению, называет их псами и злыми делателями и увещевает беречься их; показывает, к кому должно быть внимательными, много рассуждает о нравственных предметах, настраивает и ободряет их словами: *Господь близ;* вспоминает со свойственным ему благоразумием и о присланном от них и таким образом много утешает их. Видно, что он пишет к ним с особенным почтением и нигде не употребляет ничего укорительного, а это было знаком их добродетели, то именно, что они подали учителю повод написать к ним все послание не в тоне порицания, а в тоне увещания. И как я вначале сказал, так и теперь повторю, что город этот проявил великую готовность к вере. Например, темничный страж, – а вы знаете, что эта должность сопряжена со всяким нечестьем, – от одного чуда тотчас прибегнул (к Павлу) и крестился со всем домом своим. Совершившееся чудо видел он один, а пользу получил не один, но с женой и со всем домом. Да и сами начальники, бившие Павла, сделали это более вследствие общего смятения, нежели по злобе, как видно из того, что тотчас послали и отпустили его, и после испугались. Впрочем, он свидетельствует не только о вере их и опасностях, но и о благотворительности, когда говорит: *и в начале благовествования и единою и дващи в требование мое посласте ми* (IV, 15 и 16), тогда как никто другой этого не сделал: *ни едина ми,* говорит, *церковь общевася в слово даяния и приятия.* Опущение же он приписывает более неблагоприятным обстоятельствам, нежели преднамерению: не то, чтобы вы не заботились о мне, говорит он, *но непогодным временем обдержастеся* (ст. 10). Этим он выражает великую свою к ним любовь. А что он весьма любил их, это ясно: *ни единаго бо,* говорит, *имам равнодушна, иже приснее о вас печется* (II, 20); и еще: *за еже имети ми, в сердце вас, во узах моих* (I, 7).

3. Зная это и имея такие образцы любви, покажем и мы себя достойными таковых примеров готовностью пострадать за Христа. Но ныне нет гонения. Будем в таком случае подражать им, если не в другом чем, то по крайней мере в усерднейшей их благотворительности, и не будем думать, что все сделано нами, как скоро дадим раз или два. Делать это надобно во всю жизнь – не однажды надобно угождать (Богу), а непрестанно. Состязающийся в беге, если, пробежав десять кругов, отстал на последнем, все потерял: и мы, если начав добрые дела, впоследствии ослабеем, то все погубим, все испортим. Выслушай следующее, весьма полезное увещание: *милостыни,* сказано, *и вера да не оскудевают тебе* (Притч. III, 3). Не сказано: сделай однажды, дважды, трижды, десять, сто раз, – но постоянно: *да не оскудевают тебе,* сказано. И не сказано: ты не оставляй, но – они пусть не оставляют тебя, чем показывается, что мы имеем в них нужду, а не они в нас, и внушается, что мы все должны делать, чтобы удержать их при себе. *Обложи же я,* сказано, *на твоей выи* (Притч. III, 3). Как дети богачей имеют на шее золотое украшение и никогда не снимают его, в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтобы показать, что мы дети Милосердого, Который *солнце Свое сияет на злыя и благия* (Мф. V, 45). Но неверные не верят этому? Вот именно, если мы будем поступать так, то через это они уверятся. Если они увидят, что мы ко всем милосерды, и наставником (в этой добродетели) признаем Его, то будут заключать, что мы это делаем из подражания Ему. И не кое-как должно это делать, но со вниманием и неукоризненно, потому что сказано: милостыня и вера *истинная* да будет в тебе. Хорошо сказано: истинная, – не от хищения, не от воровства хочет (ее Бог). Это уже не вера, не истинная милостыня. Вору необходимо лгать и божиться, а ты, сказано, не так, но с милостыней имей и веру. Возложим на себя это украшение. Сделаем душе золотое ожерелье, то есть милостыню, доколе мы здесь. Ведь когда пройдет этот век, тогда уже не придется нам ею пользоваться. Почему? (Потому что) там нет бедных, там нет денег, там нет нищеты. Пока мы, дети, не лишим себя

этого украшения, потому что как с детей, достигших возмужалости, снимают прежний наряд и надевают другой, так и с нами. Там милостыня будет уже не из денег, а какая-то другая, гораздо большая. Поэтому, чтобы нам не остаться без нее, постараемся украсить ею душу. Милостыня — это великая красота и драгоценность, великий дар, или лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходит отсюда: подающий милостыню, как должно давать, научается презирать деньги; научившийся презирать деньги исторг корень зол. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе; не только потому, что милостыне предлежит воздаяние и награда, но и потому, что душа делается любомудрой, высокой и богатой. Дающий милостыню приучается не дорожить ни деньгами, ни золотом, а приучившийся к этому сделал весьма великий шаг к небу и уничтожил бесчисленные предлоги к вражде, ссоре, зависти и печали. Вы знаете, сами вы знаете, что все зло от денег и что из-за денег бесчисленные брани. А кто научился презирать их, тот поставил себя в тихом пристанище и уже не боится лишений: этому научила его милостыня. Он уже не желает принадлежащего ближнему: как в самом деле (может поступать так) тот, кто отказывается от своего и отдает? Он уже не завидует богатому: как в самом деле (может завидовать) тот, кто желает быть бедным? Он очищает око души своей. И это здесь; а скольких благ он сподобится там, и сказать нельзя. Он не останется вне (чертога) с юродивыми девами, но, имея горящие светильники, войдет с мудрыми и с женихом. Через милостыню станет даже выше потрудившихся в девстве тот, кто не испытал трудов этого рода. Такова сила милостыни! Она с великим дерзновением ведет своих питомцев. Она знакома небесным привратникам, охраняющим двери брачного чертога, и не только знакома, но и в чести у них; тех, кого она признает своими почитателями, введет с большой смелостью, и никто не будет противоречить, но все уступят. Если она и Бога низвела на землю и преклонила сделаться человеком, то тем более человека сможет возвести на небо. Велика ее

сила! Итак, если по милосердию и человеколюбию Бог стал человеком и благоволил сделаться рабом, то тем более Он введет рабов в дом Свой. Возлюбим эту добродетель, возжелаем ее не на один день и не на два, но навсегда, чтобы она признала нас. Если она признает нас, то и Господь признает; а если она не признает, то и Господь не признает и скажет: *не вем вас* (Лк. XIII, 25). Но да не услышим мы этот голос, а услышим следующий блаженный: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34), — каковаго царствия и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА I

Павел и Тимофей, раби Иисус Христовы, всем святым о Христе Иисусе сущим в Филиппех, со епископы и диаконы, благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Флп. I, 1, 2)

1. Здесь (апостол) пишет как бы к равночестным себе и выставляет не учительское свое достоинство, но другое, и притом великое. Какое же именно? Называет себя рабом, а не апостолом, потому что быть рабом Христовым, быть, а не называться только, действительно великое достоинство и высшее благо. Кто раб Христов, тот без сомнения свободен от греха, а раб истинный не согласится быть рабом ни у кого другого. Иначе он был бы рабом Христовым только наполовину. Так и Римлянам он писал: *Павел раб Иисус Христов* (Рим. I, 1); а в послании к Коринфянам и к Тимофею называет себя апостолом. Почему же он это делает? Не потому, чтобы они были лучше Тимофея, нет, но потому, что он почитал и уважал их более всех, к кому писал. Этим свидетельствует о великой их добродетели. Сверх того, в других (посланиях) он имел намерение сделать многие постановления, почему и ставил на вид свое апостольское достоинство; а здесь он повелевает им толь-

ко то, что они и сами по себе знали. *Святым о Христе Иисусе сущим в Филиппех.* Так как прилично было и иудеям называть себя *святыми* на основании древнего пророчества, в котором они назывались народом *святым, избранным,* то он присовокупил: *святым о Христе Иисусе* (Втор. VII, 6; XIV, 2). Они одни святые, а те уже сделались нечистыми.

Со епископы и диаконы. Что это? Ужели в одном городе было много епископов? Нет; (апостол) так назвал пресвитеров. Тогда названия эти были еще общие; епископ назывался даже диаконом. Потому в послании к Тимофею и пишет: *служение твое известно сотвори* (2 Тим. IV, 5), хотя он был епископ. И так как он был епископ, то говорит ему: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. V, 22); и в другом месте: (дарование) *еже дано тебе бысть с возложением рук священничества* (IV, 14). А пресвитеры не могли рукополагать епископа. Также и в послании к Титу говорит: *сего ради оставих тя в Крите, да устроиши по градом пресвитеры, якоже тебе аз повелех: аще кто есть непорочен, единыя жены муж* (Тит. I, 5, 6). Это говорит о епископе. И сказав это, тотчас присовокупил: *подобает бо епископу без порока быти, якоже Божию строителю, не себе угождающу* (Тит. I, 7). Итак, в древнее время, как я сказал, и пресвитеры назывались епископами и диаконами Христовыми, и епископы – пресвитерами. Потому-то и ныне многие епископы пишут: сопресвитеру и содиакону. А впоследствии каждому присвоено особенное имя: епископа или пресвитера. *Со епископы и диаконы,* говорит, *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.* Здесь, может быть, иной спросит: почему он ни в каком другом послании ни в Рим, ни в Коринф, ни в Эфес не пишет клиру, но вообще всем святым, или верным, или возлюбленным, а здесь пишет клиру? Потому что (клир) писал, благотворил и посылал к нему Епафродита. *Благодарю Бога моего о всей,* говорит, *памяти вашей всегда.* В другом послании говорил: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще, да с радостию сие творят, а не воздыхающе* (Евр. XIII, 17). Если же неисправность учеников производит (в учителе) воздыхание, то успех их – радость. Потому слова (апостола) имеют такой

смысл: когда только вспоминаю о вас, (всегда) хвалю Бога. А это делает потому, что знал в них многие добродетели. И хвалю, говорит, и молюсь, потому что вы успели в добродетели; я не перестаю молиться, но постоянно молюсь о вас. *Благодарю,* говорит, *Бога о всей памяти вашей. Всегда во всякой молитве моей за всех вас с радостию молитву мою творя* (ст. 4). Всегда, а не только тогда, когда молюсь. Хорошо прибавил: *с радостию,* потому что можно делать это и с печалью, как он в другом месте говорит: *от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами. О общении вашем в благовествование, от перваго дне даже и доныне* (2 Кор. II, 4, 5).

2. Здесь (апостол) говорит в похвалу их (филиппийцев) много, даже весьма много, сколько иной сказал бы об апостолах и евангелистах. Вы, говорит, не об одном вверенном вам городе имеете попечение, но все делаете, чтобы разделять со мною мои труды, везде присутствуете и содействуете и соучаствуете в моей проповеди. И в течение не одного, или двух, или трех лет, но всегда с того времени, как вы приняли веру, даже доныне сохраняете ревность апостольскую. Посмотри, как римляне оставили его; послушай, что он говорит: *веси ли сие, яко отвратишася от мене вси, иже от Асии* (2 Тим. I, 15). И еще: *Димас мене остави* (IV, 10). И опять: в *первый мой ответ никтоже бысть со мною* (IV, 16). А они (филиппийцы) и в отдалении от него участвовали в его скорбях, посылали к нему мужей, служили ему по силам и вообще ни в чем не оставляли его. И делаете вы это, говорит, не только ныне, но и всегда, всяким способом помогая мне. Помогать же (апостолу) – значит участвовать в благовествовании. Когда он проповедует, а ты служишь проповедующему, то участвуешь и в его венцах. И во внешних состязаниях венец принадлежит не одному борцу, но и его наставнику, и прислуживающему, и всем вообще заботящимся о борце, потому что те, которые укрепляют его и ободряют, по справедливости могут быть участниками и в победе. И в сражениях не один отличившийся, но и все служащие ему по праву могут присвоять себе трофеи и разделять славу, насколько своими услугами участвовали в его подвиге. Оказывать услуги святым – дело не маловажное, а великое: это делает нас

общниками уготованных им наград. Например, иной оставил для Бога великие стяжания, всегда полагается на Бога, много подвизается в добродетели, наблюдая великую строгость во всем, даже в словах и мыслях; а ты и без такой строгости можешь участвовать в наградах, уготованных ему за таковые подвиги. Каким образом? Если послужишь ему и словом и делом; если утешишь его доставлением нужного для него и услугой всякого рода. Ведь этим ты трудный путь сделаешь для него легче. Потому, если вы удивляетесь живущим в пустынях, избравшим жизнь ангельскую и подвизающимся в церквах подобно им, если удивляетесь и жалеете, что вы очень отстаете от них, то вам можно сделаться их участниками другим образом – через услуги, через усердие. И это дело человеколюбия Божия, что Он даже тех, кто менее ревностен и не в состоянии проводить жизнь суровую, трудную и строгую, иным путем возводит на ту же степень. Вот что Павел называет общением! Они, говорит, сообщают нам плотское, а мы сообщаем им духовное (см.: Рим. XV, 27). И если Бог за малое и ничтожное дарует царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздают духовное; или, лучше, через них Сам (Бог) дает и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на земле, проводить в бдении целые ночи? Но тебе возможно получить за все это награду иным образом, если будешь усердствовать подвизающемуся в этом, если постоянно будешь успокаивать и ободрять его, если будешь облегчать труд его. Он стоит на сражении, он и раны получает; а ты послужи ему, когда он возвратится с поля битвы, прими его с распростертыми объятиями, осуши пот его, успокой, утешь, обласкай, ободри утружденную душу. Если мы с таким усердием послужим святым, то будем участниками наград их. Об этом и Христос говорит: *сотворите себе други от мамоны неправды, да приимут вы в вечныя их кровы* (Лк. XVI, 9). Видишь ли, как они сделались участниками? *От перваго дне,* говорит, *даже доныне.* Поэтому я *радуюсь,* говорит, *о общении вашем,* и радуюсь не о прошедшем только, но и о будущем, потому что по прошедшему я заключаю и о будущем. *Надеяся на сие истое, яко начный дело благо в вас совершит е, даже до дне Иисус Христова* (ст. 6).

3. Смотри, как он учит их и смирению. Так как он засвидетельствовал о великой их заслуге, то, чтобы они не потерпели чего-нибудь свойственного человеку, тотчас наставляет их относить ко Христу и прошедшее и будущее. Каким образом? Не сказал: будучи уверен в том, что как начали вы, так и закончите; но что. *Начный дело благо в вас, совершит е.* Впрочем, не отнимает у них подвига, а говорит: *радуюсь о общении вашем,* конечно потому, что они подвизались; и не им только приписывает их добродетели, но особенно Богу. Надеюсь, говорит, *яко начный,* то есть Бог, *дело благо в вас, совершит е, даже до дне Иисус Христова.* Так я думаю, говорит, не только о вас, но и о потомках ваших. И это не малая похвала, что Бог действует в ком-либо. Если Он нелицеприятен, каков и действительно, а помогает нам в добрых делах по расположению нашему, значит, причина того, что Он преклоняется к нам, заключается в нас. Следовательно, и таким образом (апостол) не отнимает у них похвалы, ведь если бы Бог действовал безусловно, если бы Он двигал нас, как дерева и камни, и не требовал нашего участия, то ничто не препятствовало бы Ему действовать и в язычниках, и во всех людях. Потому в словах *Бог совершит* опять для них похвала, за то, что они привлекли к себе благодать Божию, которая помогла им возвыситься над природой человеческой. А с другой стороны, и то похвала, что вы имеете такие добродетели, которые не есть дело человеческое, но требуют божественного содействия. Если же Бог *совершит,* то с нашей стороны немного потребуется труда, а должно надеяться, что при Его помощи мы все легко выполним. *Якоже есть праведно мне сие мудрствовати о всех вас, за еже имети ми в сердце вас, во узах моих и во ответе моем и извещении благовестия, сообщников мне благодати всех вас сущих* (ст. 7). Здесь (апостол) выражает великую свою любовь к филиппийцам, которых он имел в сердце и о которых помнил даже в самой темнице, находясь в оковах. Немалая для людей похвала быть в памяти у этого святого. Любовь этого святого происходит не от предрассудка, но от здравого суждения и верных понятий. И потому быть любимым от Павла так сильно, есть верный признак чело-

века великого и достойного удивления. *И во ответе,* говорит, *и извещении благовестил.* И что удивительного, если он в темнице имел их (в сердце)? Даже, говорит, и в то время, как я введен был в судилище для ответа, вы не выходили из моей памяти. Любовь духовная так сильна, что не побеждается никакими обстоятельствами, но всегда владеет душой любящего и никакой скорби, никакой болезни не допускает одолеть. Как в пещи вавилонской, при столь сильном пламени, для тех блаженных отроков была роса, так и любовь, объявшая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу. *И извещении благовестия,* говорит; следовательно, узы послужили к утверждению Евангелия, к защищению. И совершенно правильно. Ведь если бы он уклонился от уз, то показал бы себя обманщиком. Теперь же, перенося все: и узы и скорби – он ясно показывает, что терпит это не за вину какую-либо, свойственную человеку, но ради Бога – мздовоздаятеля. Никто не решился бы умереть и подвергнуть себя стольким опасностям, никто не решился бы оскорбить такого царя, разумею Нерона, если бы взор его не был обращен на другого Царя, несравненно высшего. Итак, узы были утверждением Евангелия. Смотри, с каким избытком он обратил все в противную сторону! Что почитали слабостью и укоризною, то он называет утверждением, так что, если бы этого не случилось, он был бы немощным. Потом (апостол) показывает, что его любовь не есть плод предрассудка, но (здравого) суждения. Как? Я имею, говорит, вас в сердце во узах моих и при защищении, потому что вы – соучастники благодати. Что это значит? Ужели для апостола было благодатью то, что он был заключен в узы, был гоним и терпел бесчисленные бедствия? Подлинно так, потому что сказано: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). *Тем же,* говорит, *благоволю в немощех, в досаждениих* (ст. 10). Так как я вижу, что вы делами доказываете эту добродетель, участвуете в этой благодати, и притом с усердием, то я не без основания так сужу о вас. Я испытал и более всех знаю вас и ваши добродетели, то, что вы и при таком от нас расстоянии старается

не расстаться с нами в скорбях, но участвовать в искушениях ради Евангелия, и я по справедливости должен свидетельствовать, что вы, будучи далеко от меня, подвизаетесь ничем не менее меня, вступившего в эти подвиги. Для чего же он не сказал: общников, но: *сообщников?* Я и сам, говорит, состою общником другого, чтобы быть сообщником благовествования, то есть чтобы иметь участие в благах, уготованных за благовествование. И то достойно удивления, что все они были так расположены, что могли назваться сообщниками Павловыми: *сообщников,* говорит, *мне благодати всех вас сущих.* Эти начатки производят во мне уверенность, что вы пребудете таковыми и до конца. Не может же быть, чтобы такое блистательное начало погасло и уничтожилось; напротив, оно будет иметь славный конец.

4. И вот, так как можно участвовать в благодати, опасностях и скорбях и иным образом, то, прошу вас, постараемся и мы быть участниками. О, как многие из стоящих здесь, или, лучше, все вы хотели бы быть соучастниками Павлу в уготованных благах! А это возможно, если захотите содействовать и помогать тем, которые приняли его служение, которые терпят ради Христа какое-либо несчастье. Ты видишь брата в искушении? Протяни руку (помощи). Видишь учителя в борьбе? Помоги. Но, скажешь, нет никого, равного Павлу? Это и гордость и вместе осуждение. Согласен и я, что нет никого, равного Павлу; но *приемляй пророка во имя пророче,* сказано, *мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41). И они (филиппийцы) тем ли заслужили похвалу, что содействовали Павлу? Нет, – но тем, что (содействовали) принявшему на себя проповедь. Павел потому достоин был чести, что он столько терпел за Христа. Нет никого, равного Павлу. Что я говорю – равного Павлу? Даже и сколько-нибудь близкого к этому блаженному. А проповедь (и ныне) та же, какая и тогда была. И соучастниками ему были (филиппийцы) не только тогда, как он находился в узах, но и с самого начала (проповеди). Послушай в самом деле, что он сам говорит: *весте же и вы, филипписиане, яко в начале благовествования ни едина ми церковь общевася в слово даяния и приятия, точию вы едини* (Флп. IV, 15). И кроме искушений, учителю предсто-

ит много труда, бодрствования, подвига в слове, учения, неудовольствий, упреков, порицания, зависти. Легко ли терпеть это от тысячи языков, когда нужно заботиться о своих делах? О, что мне делать! Я поставлен между двумя трудностями: и хочу побуждать вас и умолять о содействии и помощи святым Божиим, и боюсь, чтобы кто не предположил другого, будто я говорю это не для вас, а для них. Знайте же, что я не для них это говорю, но для вас самих; и если хотите внимать, то я для убеждения вас представляю и самые доказательства. Неодинаковая польза (от милостыни) для вас и для них. Если вы даете, даете то, что немного спустя волей и неволей оставите и уступите другим; а что принимаете, то гораздо важнее и больше. Или вы не уверены, что через даяние получите? Если не уверены, то и не хочу, чтобы вы давали. Таким образом я говорю не для них. Если кто наперед не убежден в том, что он получает более, нежели дает, что он получает величайшую пользу, что бывает облагодетельствован более, нежели благодетельствует, — тот не давай; если кто думает, что он оказывает милость принимающему, — тот не давай. Не о пропитании святых я так сильно забочусь: не дашь ты, даст другой. Если я чего хочу, так именно того, чтобы вы получили облегчение ваших грехов; а кто дает не с таким расположением, тот не получит облегчения. Творить милостыню — значит не просто давать, но с усердием, с радостью и с чувством благодарности к принимающему: *не от скорби*, сказано, *ни от нужды: доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. IX, 7). Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата. Поэтому если вы знаете, что отсюда происходит польза для вас, а не для них, то знайте, что для вас выгоднее. У них питается тело, а у вас душа делается приятною Богу. Им, когда принимают, не отпускается ни один грех, а вам прощаются многие прегрешения. Итак, будем принимать участие в их подвигах, чтобы участвовать с ними и в великих наградах. Усыновляющие себе царей не думают о том, что дают больше, нежели получают. Усынови и ты себе Христа и будешь весьма обеспечен. Хочешь ли ты быть соучастником Пав-

ловым? Но что я говорю – Павловым, когда Сам Христос принимает (твою милостыню).

5. Знайте же, что я все и говорю и делаю для вас, а не об успокоении других забочусь. Если кто из предстоятелей Церкви живет в изобилии и ни в чем не нуждается, то, хотя бы он и святой был, не давай, но предпочти ему бедного, хотя и не так почтенного. Почему же? Потому, что и Христос этого хочет, когда говорит: *егда сотвориши обед или вечерю, не зови другое твоих, ни сродник, но нищия, хромыя, слепыя, иже не имущ ти что воздати* (Лк. XIV, 12–14). Да, не без разбора должно приглашать, но алчущих, жаждущих, нагих, странных, впавших после богатства в бедность. (Христос) не просто сказал: вы напитали Меня, но – алчущего: видели меня алчущего, говорит, и напитали (см.: Мф. XXV, 35). (Здесь) двойная заповедь: если должно напитать всякого алчущего, то тем более алчущего святого. Если же кто и свят, но не нуждается, – не давай ему, потому что это бесполезно и этого Христос не заповедал; да тот и не свят, кто находится в довольстве и принимает. Видишь, что это сказано не для нашего постыдного прибытка, но для вашей пользы? Питай алчущего, чтобы тебе не питать (собою) огня геенского, – алчущий съедает часть твоего имущества, а остальное освящает. Подумай, как вдова питала Илию. Она не столько питала, сколько питалась; не столько отдала, сколько получила. И теперь бывает то же, даже гораздо большее: наградою таковым служит не мука и не сосуд елея, – но что? Сто раз большее – вечная жизнь. Будет милость Божия, и ты будешь пищей духовной, закваской чистой. Она была вдова, свирепствовал голод, и ничто ее не остановило; были у нее дети, но и это не послужило препятствием. Она была подобна положившей две лепты. Она не сказала самой себе: что я получу от него? Он просит у меня (пищи). Если бы он имел какую-либо силу, то не терпел бы голода, прекратил бы засуху и не подпал бы тем же (бедствиям). Может быть, и он оскорбил Бога? Ничего такого она не подумала. Видишь ли, как хорошо благотворить с простотой и не быть слишком разборчивым относительно принимающего благодеяние? Если бы она захотела много любопытствовать, то при-

шла бы в недоумение и не поверила бы. Так и Авраам, если бы захотел много любопытствовать, то не принял бы ангелов, потому что не бывает, никогда не бывает, чтобы слишком разборчивый в таковых случаях принял святого, чаще всего он попадает на обманщиков. Как это происходит, я объясню. Благочестивый не хочет казаться благочестивым и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого презрению; а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благочестивым, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям, по-видимому, неблагочестивым, попадает на благочестивых; а кто ищет почитаемых благочестивыми, часто попадает на неблагочестивых. Итак, умоляю вас, будем делать все в простоте. Положим, что перед тобой и обманщик; но тебе не велено испытывать этого. *Всякому,* сказано, *просящему у тебе, дай* (Лк. VI, 30); и еще: *искупи убиваемых, не щади* (Притч. XXIV, 11). Хотя многие из подвергаемых смерти подвергаются ей потому, что пойманы в преступлениях, но ты не жалей (подать), сказано. Через это мы уподобимся Богу, через это прославимся и получим нетленные блага, которых и да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Свидетель бо ми есть Бог, яко люблю всех вас по милости Иисус Христове. И о сем молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествует в разуме и во всяком чувствии. Во еже искушати вам лучшая, да будете чисти и непреткновенни в день Христов, исполнени плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу Божию (Флп. I, 8—11)

1. Павел призывает Бога в свидетели не потому, будто не имели к нему доверия, но делает это по великому расположению, а также для большего убеждения и ободрения. Так как он сказал, что они (филиппийцы) были соучастни-

ками ему (через милостыню), то чтобы не подумали, что он за это любит их, а не просто ради их самих, — прибавил: *по милости Христове.* Что это значит? То же, что — по Христе: за то, что вы верны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христе. Даже не сказал — по любви, но гораздо сильнее — *по милости Христове,* как бы так говоря: люблю вас, как отец ваш, по родству во Христе. Оно и дает нам сердце, сердце горячее, пламенное; такое сердце дается только истинным рабам Его. Таким-то сердцем, говорит, (я люблю вас); как бы так сказал: люблю вас сердцем не плотским, но пламеннейшим, Христовым. *Яко люблю всех вас,* говорит. Люблю всех, потому что и вы все любите меня; а как сильно люблю, нельзя и выразить, словами не могу изобразить любви моей, предоставляю видеть ее Богу, проникающему сердца. (Апостол) не призвал бы Бога в свидетели, если бы льстил им, потому что это небезопасно. Я о *сем,* говорит, *молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествует.* Хорошо сказано, потому что любовь — ненасытное благо. Смотри, как он, будучи любим, хочет еще более быть любимым. Кто так любит любимого, тот не хочет, чтобы любовь последнего имела когда-либо предел. Нет меры этому благу. Потому Павел хочет, чтобы этим благом они всегда были обязаны: *ни единому же ничимже должни бывайте,* говорит он, *точию еже любити друг друга* (Рим. XIII, 8). Мера любви есть бесконечность. *Да любовь ваша,* говорит, *еще паче и паче избыточествует.* Заметь сочетание слов. Сказано: *да еще паче и паче избыточествует в разуме и во всяком чувствии.* Высоко ценит не просто дружбу, не просто любовь, но любовь, происходящую от *разума,* то есть не ко всем одинаковую любовь, потому что такая любовь будет не любовь, а равнодушие. Что такое — *в разуме?* То есть с рассуждением, с размышлением, с чувством. Есть ведь и такие, которые любят безрассудно, зря, как случится, отчего и дружба их не бывает крепка. *В разуме,* говорит, *и во всяком чувствии, во еже искушати вам лучшая,* то есть полезное. Я это говорю не для себя, но для вас, говорит (апостол), потому что опасно, как бы кто, любя еретиков, не заразился от них. На все это намекает он, когда говорит таким об-

разом. И заметь, как он располагает слова: не для себя это говорю я, но *да вы будете чисти,* то есть чтобы вы под личиной любви не приняли ложного учения. Как же он в другом месте говорит: *аще возможно, со всеми человеки мир имейте* (Рим. XII, 18)? Выражение: *мир имейте,* не значит: любите так, чтобы от дружбы терпеть вам вред: *аще бо,* сказано, *око твое десное соблажняет тя, изми е, и верзи от себе* (Мф. V, 29), – но: *да будете чисти то есть* перед Богом, *и непреткновенни,* то есть перед людьми. Дружба часто многим вредит; если тебе самому и не вредит нисколько, зато другой соблазняется. В *день Христов,* то есть чтобы вам тогда явиться чистыми, никого не соблазнившими. *Исполнени плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу* Божию, то есть при правом учении и живя праведно. Следует быть не просто праведным, но исполненным плодов правды, потому что есть правда и не по Христе, как, например, обыкновенная честная жизнь, – *плодов Иисус Христом,* говорит, *в славу и похвалу Божию.* Видишь ли, что я говорю не о своей славе, но о правде Божией? Во многих же местах (апостол) правдою называет и милостыню. Пусть не препятствует вам любовь, говорит, познавать полезное, и пусть не падешь по любви к кому-либо. Я желаю, чтобы ваша любовь возрастала, однако же не так, чтобы вы терпели вред; и желаю, чтобы вы не просто согласились со мною, но чтобы испытали, справедливо ли мы говорим. Он не сказал: примите мои наставления, но – искушайте, и не сказал прямо: не сближайтесь с таким-то, но – я хочу, чтобы любовь служила к вашей пользе, чтобы ваше расположение не было безрассудно. Ведь неразумно, если вы совершаете правду не для Христа и не через Него. Вот еще выражение: через Него! Ужели он пользовался Богом, как слугой? Вовсе нет: не для того я так сказал, говорит (апостол), чтобы меня хвалили, но чтобы прославлялся Бог. *Разумети же хощу вам, братие, яко, яже о мне, паче во успех благовествования приидоша. Яко узы мои явленны о Христе быша во всем судищи и в прочих всех* (ст. 12, 13).

2. Вероятно, (филиппийцы) услышав, что (апостол) в узах, скорбели и думали, что проповедь прекратилась. Что же он делает? Тотчас уничтожает это предположение и

говорит: *яже о мне, паче во успех благовествования приидоша.* И это свойство любящего – объяснить свои обстоятельства, потому что о них беспокоились. Что ты говоришь? Ты в узах, тебе препятствуют, как же преуспевает Евангелие? *Яко узы мои,* говорит, *явленны о Христе быша во всем судищи.* Это не только не заградило уст другим и не сделало их боязливыми, но, напротив, еще сделало их больше дерзновенными. Итак, если те, которые находились близ опасностей, не потерпели никакого вреда, напротив, еще больше получили дерзновения, то тем более вы должны быть дерзновенны. Если бы связанный носил узы с прискорбием и молчал, то естественно было бы и им находиться в таком же состоянии; а как связанный действовал еще смелее, то придавал им смелости более, нежели если бы не был связан. Как же узы послужили к успеху Евангелия? Бог так устроил, говорит (апостол), что узы мои во Христе и для Христа не оставались неизвестными *во всем судищи,* – каковым именем называли тогда дворец. И не только *в судищи,* но и во всем городе. *И множайшии братия о Господе, надеявшиися о узах моих, паче дерзают без страха слово глаголати* (ст. 14). Этим показывает, что и прежде они поступали смело и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более. Итак, если другие, говорит, по причине моих уз становятся дерзновенными, то гораздо более я (сам), если я других сделал дерзновенными, то тем более сам должен быть таковым. *И множайшии братия о Господе.* Так как много значило сказать, что мои узы произвели в них дерзновение, то наперед сказал: *о Господе.* Видишь ли, как (апостол), и при необходимости похвалиться, не оставляет скромности? *Паче дерзают,* говорит, *без страха слово Божие глаголати.* Словом *паче* показывает, что они уже начали. *Нецыи убо по зависти и ревности, друзии же и за благоволение Христа проповедают* (ст. 15). Значение этих слов достойно исследования. Так как Павел был в узах, то многие из неверных, желая возбудить царя к жестокому гонению, и сами проповедовали Христа, чтобы распространением проповеди увеличить гнев царя и чтобы всю ярость обратить на главу Павлову. Итак, узы произвели двоякое действие: в одних возбудили великое дерзнове-

ние, а других, ободренных надеждой моей погибели, расположили проповедовать Христа. *Нецыи убо по зависти,* то есть: завидующие моей славе и (хорошему) началу, желающие моей погибели, и состязающиеся со мною, содействуют мне, или же: думающие уменьшить сколько-нибудь мою славу для того, чтобы и самим быть в чести. *Друзии же и за благоволение,* то есть без лицемерия, со всем усердием. *Ови убо от рвения Христа возвещают нечисте* (ст. 16), то есть не без примеси (лжи) и не для самого дела, – но для чего. *Мняще печаль нанести узам моим,* думая таким образом ввергнуть меня в большую беду, они скорбь прилагают к скорби. О, жестокость! О, диавольское действование! Видели, что он в узах и заключен в темнице, – и еще злоумышляли, хотели увеличить его несчастия и подвергнуть большему гневу. Хорошо сказал (апостол): *мняще,* – потому что случилось не так. Они думали через это опечалить меня; а я радовался успеху проповеди. Так-то возможно и доброе дело делать не с добрым намерением, – за что не только не будет награды, но еще наказание. Если проповедовали Христа с тою целью, чтобы проповедника Христова ввергнуть в большие беды, то не только не получат награды, но будут подлежать наказанию и мучению. *Ови же от любве, ведяще, яко во ответе благовествования лежу* (ст. 17). Что значит: *яко во ответе благовествования лежу?* Это значит: они облегчают мою ответственность перед Богом и некоторым образом помогают мне в ответе. Как бы так говорит (апостол): мне заповедано проповедовать, и я должен буду дать отчет и отвечать за дело, которое мне заповедано, потому они мне помогают так, что отвечать мне стало легче, если найдется много наученных и уверовавших, то отвечать будет мне легко. *Что убо? Обаче всяцем образом, аще виною, аще истиною, Христос проповедаемь есть* (ст. 18). Заметь благоразумие мужа: он не сильно их обвинил, а высказал то, что было. Что мне до того, говорит, так или иначе? *Обаче всяцем образом, аще виною, аще истиною, Христос проповедаемь есть.* Не сказал повелительно: пусть проповедуется; но, во-первых, высказал случившееся, а во-вторых, если и повелительно сказал, то и таким образом не ввел ересей.

3. Исследуем дело, если угодно, и мы найдем, что хотя он и приказывал проповедовать так, как они проповедовали, однако же от этого не произошло ереси. Почему? Потому что они проповедовали здраво, только цель и намерение, с которыми так поступали, были извращены, а самая проповедь не изменена. И весьма необходимо было им так проповедовать. Почему? Потому, что если бы они проповедовали иначе, нежели Павел, если бы учили иначе, нежели он, то не усилили бы гнева царского. А теперь тем, что распространяли его проповедь и учили подобно ему, и таких же учеников ему приобретали, они могли вооружить царя, так как появилось великое множество учеников. Но какой-нибудь нечестивец и глупец, привязавшись к этому месту, скажет: если бы они хотели огорчить Павла, то, конечно, действовали бы наоборот: разогнали бы и уверовавших уже, а не стали бы умножать верных. Что же мы скажем на это? То, что они имели в виду одно – подвергнуть Павла настоящим опасностям, не допустить избежать их, и этим они думали более, нежели тем, опечалить его и прекратить проповедь. А иначе они укротили бы гнев царя, и дали бы (апостолу) выйти из заключения, и опять проповедовать; умертвив же его, они думали таким образом все с ним уничтожить. Но это постигали не многие, а некоторые жестокие и самые дурные. Потом (апостол) говорит: *и о сем радуюся, но и возрадуюся.* Что значит: *но и возрадуюся?* Значит: если бы больше и больше (так) делали, – потому что они против воли содействуют мне и за труды свои потерпят наказание, а я, нисколько не помогая (им), получу награду. Что может быть злее диавола, который додумался до того, чтобы самую проповедь обратить в причину наказания для тех, кому внушил принять эту проповедь? Видишь ли, в какую беду ввергает он своих (слуг)? За проповедь и труды придумывает им наказание и мучение. И какой бы другой неприятель и враг спасения их все так устроил? Видишь ли, что враг истины нисколько не силен, а больше уязвляет себя самого, подобно идущему противу рожна? *Вем бо, яко сие сбудется ми во спасение вашею молитвою и поданием Духа Иисус Христова* (ст. 19). Нет ничего злее диавола. Так он повсюду обременяет и

развлекает своих бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умеет еще сделать их достойными наказания. Он предписывает им не только проповедь, но и такой пост и девство, которые не только лишат их награды, но и причинят великое зло соблюдающим их. О них-то и говорит (апостол) в другом месте: *сожженные своею совестию* (1 Тим. IV, 2). Потому, прошу вас, будем за все благодарить Бога, — что Он и труды облегчил для нас, и награды умножил. Наград, какие получают у нас живущие целомудренно в браке, не получают те, которые у них соблюдают девство; соблюдающие девство у еретиков подлежат тому же наказанию, какому и блудники. Почему? Потому что они ничего не делают с доброй целью, но с целью клеветы на Божье творение и Его неизреченную премудрость. Итак, не будем беспечны; Бог назначил нам подвиги умеренные, никакого труда не требующие. Впрочем, не будем из-за этого пренебрегать ими. Ведь если еретики напрягают силы свои на труды бесполезные, то чем мы будем извиняться в том, что не хотим понести трудов и меньших, между тем сопровождающихся большей наградой? Какая в самом деле из заповедей Христовых тяжка и трудна? Ты не можешь оставаться в девстве? Можешь жениться. Не можешь оставить всего своего имения? Можешь из того, что у тебя есть, уделять: *ваше избыточествие,* говорит, *во онех лишение* (2 Кор. VIII, 14). Трудным представляется презирать деньги и побеждать плотскую похоть, а все другое не требует никаких издержек, никакого усилия. Нужно ли, скажи мне, какое усилие, чтобы без причины не злословить и не клеветать? Нужно ли какое усилие, чтобы не завидовать благам других? Нужно ли какое усилие, чтобы не пленяться славою? Подвергаться мучениям и переносить их — это дело терпения; упражняться в любомудрии — дело терпения; переносить бедность — дело терпения; бороться с голодом и жаждой — дело терпения. Но хотя бы и ничего такого не было, все же можно, наслаждаясь тем, что имеешь, как прилично христианину, не завидовать чужому: какое (тут) усилие? Зависть рождается не отчего другого, как от привязанности к настоящему, или лучше (отсюда) и всякое

зло. Если бы ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают.

4. Но так как ты смотришь на них с изумлением, высоко ценишь и боишься за них, то и тревожит тебя зависть и тщеславие. Все происходит оттого, что высоко ценят (блага) настоящей жизни. Ты завидуешь, что такой-то богат? Между тем он-то и достоин сожаления и слез. Но ты скажешь тотчас с усмешкой: я достоин слез, а не он. И ты достоин слез, не потому, что беден, но потому, что считаешь себя жалким. Тех, которые горюют, не имея никакого горя, мы оплакиваем не потому, что их постигло какое-либо несчастье, но потому, что они без несчастья считают себя несчастными. Если бы кто, освободясь от горячки и совершенно выздоровевши, продолжал стонать и ворочаться, лежа на постели, – такой, скажи мне, не достоин ли был бы слез более, нежели те, которые страдают горячкой, не потому, что он в горячке (ведь он уже не в горячке), но потому, что он, будучи вне всякой опасности, думает, что еще в опасности? И ты достоин слез потому, что считаешь себя жалким, а не по бедности; ради бедности ты даже очень благополучен. Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что он подвергает себя большим беспокойствам и тягчайшему рабству? Что он своими стяжаниями связан, как бы какой пес бесчисленными цепями? Пришел вечер, настала ночь; но для него и это время покоя есть время смятения, неудовольствия, печали и заботы. Послышался шум? Он тотчас вскочил. Кого-нибудь ограбили? Он, не лишившись ничего, беспокоится более того, кто лишился; тот однажды потерял и поскорбевши перестал беспокоиться; а он озабочен непрестанно, (даже когда) настает ночь, предел наших бед, облегчение наших несчастий, врачевство ран. И одержимые сильной какой-либо болезнью, будучи утешаемы друзьями, родственниками и домашними, а часто и родителями, не внимали и не склонялись, но даже негодовали на их слова, потому что жестокая болезнь более всякого жара мучит наши души; но когда сон заставлял успокоиться, то не в силах были и поднять век. И как тело разгоряченное и изнуренное от борьбы с знойными лучами находит успокоение в каком-нибудь

месте, орошаемом многими источниками, и прохлаждаемом легким ветерком, так ночь успокаивает во сне нашу душу, а лучше сказать – не ночь и не сон делает это, но Бог, предвидя бедственность рода (человеческого), все это устроил.

Однако же мы не жалеем сами себя, а, как враги самим себе, выдумали мучение, которое сильнее естественной необходимости и покоя – бессонницу от богатства. *Попечение богатства,* сказано, *отгоняет сон* (Сир. XXXI, 1). Смотри, как велико попечение Божие! Он не оставил отдыха на волю и пользования сном на наш произвол, но подчинил естественной необходимости, чтобы мы и против воли получали благодеяние: ведь спать – дело естественное. А мы, как бы сильно ненавидя самих себя, как бы против других (а не против себя) враждуя и других угнетая, из-за денег выдумываем мучение, которое сильнее этой естественной необходимости. Настал день? (Богач) боится доносчиков. Настала ночь? Трепещет разбойников. Угрожает смерть? Он более смерти поражается тем, что его (стяжания) достанутся другим. Имеет дитя? Хочет быть богаче, и все-то ему кажется, что он беден. Не имеет (детей)? Еще больше скорбит. Ужели же ты почитаешь счастливым того, кого ничто не может порадовать? Тому ли, кого обуревают волны, завидуешь ты, находящийся в тихой пристани – в бедности? Подлинно и это слабость человеческой природы, что не надлежащим образом пользуются благами, но, находясь в счастьи удручаются. И это здесь. А когда перейдем туда, то послушай, что говорит богач, обладатель бесчисленных благ, как ты говоришь, хотя я не назвал бы их благами, а вещью безразличной. Итак, послушай, что говорит этот обладатель бесчисленных благ и в чем имеет нужду: *отче Аврааме,* говорит, *посли Лазаря, да концом перста устудит язык мой, яко стражду* (Лк. XVI, 24). Если этот богач не терпел ничего такого, о чем я говорил, если всю жизнь провел спокойно и без забот, – впрочем, что я говорю всю жизнь одно мгновение, потому что (жизнь) мгновение: как бы одно мгновение, говорится, весь наш век перед веком бесконечным, итак, если все шло по его желанию, то не жалок ли он по тем словам своим, а более по своим делам. Не вино ли лилось

на твоем столе? А теперь и капля воды не в твоей власти, — и в этом ты весьма нуждаешься. Не презирал ли ты бедного, покрытого ранами? А теперь желал бы увидеть его, но никто не допускает. Он был у твоих ворот, а теперь в недрах Авраамовых; ты же возлежал под пространными кровлями, а теперь в огне гееннском.

5. Пусть выслушают это богатые, или, лучше, не богатые, а немилосердые. Он не за то наказан, что был богат, но за то, что был немилостив, богатый же и вместе милостивый может получить всякое благо. Богач не видит никого другого, кроме того нищего (Лазаря) для того, чтобы, вспомнив дела свои, узнал, что праведно терпит это. Не великое ли множество было бедных праведников? Но ему является тот самый, который лежал перед его воротами, научая его и нас, как хорошо не надеяться на богатство. Ему бедность нисколько не попрепятствовала получить царство, а тому богатство нисколько не помогло избежать геенны. Кто же бедные? Кто нищие? Не тот, истинно не тот беден, кто ничего не имеет, но кто желает многого; и не тот богат, кто приобрел много, но кто ни в чем не нуждается. Какая польза приобресть всю вселенную, а жить печальнее ничего не имеющего? Свободная воля делает богатыми и бедными, а не изобилие стяжаний и не скудость. Ты, бедный, хочешь быть богатым? Можешь, если хочешь, и никто не препятствует: пренебреги богатством мира, почитай его за ничто, как бы его и не было, отринь желание богатства, и ты богат. Тот богат, кто не хочет быть богатым, и тот беден, кто не хочет быть бедным. Как болен тот, кто и при здоровье стонет, а не тот, для кого болезни легче всякого здоровья, так и здесь: беден тот, кто не может сносить бедности, и при богатстве считает себя беднее бедных, а не тот, кто лучше богатых сносит бедность, последний гораздо богаче. Скажи мне: отчего ты боишься бедности? Отчего ты дрожишь? От голода ли, или жажды, или стужи, или не от этого? Но нет, нет человека, который бы терпел когда-либо такие недостатки. *Воззрите на древния роды, и видите: кто верова Господеви, и оставися, или кто упова на Него, и постыдеся* (Сир. II, 10)? И еще: *воззрите на птицы небесныя,*

яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их (Мф. VI, 26). Никто не может указать нам ни одного такого, кто вдруг погиб бы от голода и стужи. Почему же ты трепещешь бедности? Нечего тебе (на это) сказать. Если у тебя есть необходимое, то почему боишься (бедности)? Потому ли, что нет у тебя множества рабов? Это избавление от господства, это постоянное счастье, это свобода от забот. Или потому, что не имеешь сосудов, кроватей, утвари, сделанных из серебра? Но что более тебя имеет для наслаждения тот, кто приобрел все это? Ничего. Польза (от вещей) одинакова, из того или из другого вещества они будут. Или потому, что для многих ты нестрашен? Но и не будь (таковым) никогда. Какое удовольствие в том, что некоторые дрожат и боятся тебя? Или потому, что ты боишься других? Но можно не бояться. *Хощеши ли не боятися власти? Благое твори, и имети будеши похвалу от нея* (Рим. XIII, 3). Но, говорят, мы в пренебрежении, и нас легко обидеть? Но не бедность, а порок наиболее производит это. В то время, как многие бедняки проводят всю жизнь без забот, начальникам, богатым и сильным труднее избавиться от всех злодеев, разбойников и гробокопателей. Что тебе причиняет бедность, то богатому — богатство. Желающие делать зло делают его как тебе из презрения, так богатому по ненависти и зависти, и в последнем случае зла больше, чем в первом, потому что побудительная причина к злу здесь сильнее. Ненавистник делает все со всевозможным напряжением и силой, а презритель часто и щадит презираемого. Для бедного уже то самое, что он беден, что не может иметь силы, служит ко спасению. Когда мы скажем обидчику нищего: великое ли дело ты сделаешь, если истребишь такого-то, если убьешь одного бедняка, велика ли будет твоя награда, то этими словами укротим его гнев. А когда против богачей восстает зависть, то не прежде она утихает, как совершивши то, что хочет, и изливши яд свой. Видишь ли, что добро не в бедности и не в богатстве, но в нашем намерении. Итак, направим его к добру и сделаем благоразумным. Если ему будет дано хорошее направление, то ни богатство не сможет нас лишить царства, ни бед-

ность причинить нам вреда; мы будем с кротостью сносить бедность, не имея (в ней) препятствия к получению будущих благ, даже и настоящих, но и настоящими благами насладимся, и небесных достигнем, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

И о сем радуюся, но и возрадуюся. Вем бо, яко сие сбудется ми во спасение вашею молитвою, и подаянием Духа Иисус Христова, по чаянию и упованию моему, яко ни о едином же постыжуся, но во всяком дерзновении, якоже всегда, и ныне возвеличится Христос в теле моем, аще животом, аще ли смертию (Флп. I, 18—20)

1. Никакая скорбь из случающихся в настоящей жизни, ни вражда, ни порицания, ни клеветы, ни беды, ни козни не могут возмутить великую и любомудрую душу, потому что она как бы убежала на вершину некоторой высокой горы, где стала безопасна от всех стрел, пускаемых снизу, с земли. Такова была душа Павлова, нашедшая себе высшее всякой вершины место – место любомудрия духовного, истинной философии. То, чем заняты люди внешние (язычники), это – только слова и детские забавы. Но теперь речь не о них, пока мы говорим о делах Павловых. Этот блаженный, будучи преследуем царем, имел еще и других врагов, которые причиняли ему различные огорчения и жестоко клеветали на него. И однако, что он говорит? Не только не скорблю об этом и не унываю, но даже *радуюся, и возрадуюся,* то есть не теперь только, но всегда буду этому радоваться. *Вем бо, яко сие сбудется, ми во спасение* будущее. И может ли не сбыться, когда и вражда против меня и зависть содействуют моей проповеди? *Вашею молитвою,* говорит, *и подаянием Духа Иисус Христова, по чаянию и упованию моему.* Заметь смиренномудрие этого блаженного. Он подвизался на трудном поприще, совершил бесчисленное множество дел, находился уже у самого венца, – ведь это был Павел, а

что еще больше можно сказать? – и, однако же, он, бесчисленными добродетелями стяжавший спасение, пишет филиппийцам, что могу спастись *вашею молитвою. И подаением,* говорит, *Духа Иисус Христова.* Что значит — *подаением?* Значит: чтобы за ваши молитвы удостоиться благодати. Выражение *подаением* равносильно следующему: чтобы прибавлено было, чтобы более дано было мне Духа. *Во спасение,* то есть для освобождения, для того, чтобы мне и настоящей беды избегнуть так же, как и первой. О первой он сказал: *в первый мой ответ никтоже бысть со мною: да не вменится им: но Господь мне предста, и укрепи мя* (2 Тим. IV, 16). То же и теперь уже предсказывает, говоря: *вашею молитвою, и подаением Духа Иисус Христова, по чаянию и упованию моему.* На этом, говорит, основывается моя надежда. Чтобы мы, полагаясь во всем на молитвы других, сами не оставались без всякого участия, для этого смотри, как (апостол) указывает и на свою долю – на надежду, причину всех благ, по слову пророка: *буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя* (Пс. XXXII, 22); и в другом месте: *воззрите на древния роды, и видите: кто упова на Господа, и постыдеся* (Сир. II, 10), и еще блаженный (Павел) сказал: *упование же не посрамит* (Рим. V, 5). *По чаянию,* говорит, *и упованию моему, яко ни о едином же постыжуся.* Такова надежда Павлова: надеюсь, что никогда не буду посрамлен. Видишь ли, каково надеяться на Бога? Что бы ни случилось, говорит (апостол), *не постыжуся,* то есть (враги) не одолеют меня. *Но во всяком дерзновении, якоже всегда, и ныне возвеличится Христос в теле моем.* (Враги) надеялись своей сетью уловить Павла, проповеданное им учение истребить, как будто коварство их могло это сделать. Потому он говорит, что этого не будет, я умру не теперь: *но якоже всегда, и ныне возвеличится Христос в теле моем.* Как? Часто я находился в таких бедах, в которых не только все отчаивались о нас, но и мы сами о себе, – *сами бо в себе осуждение смерти имехом* (2 Кор. I, 9); но Господь избавил нас от всего. Так *и ныне возвеличится в теле моем.* А чтобы кто не подумал и не сказал: если ты умрешь, то неужели возвеличится? – говорит: да, я уверен, потому-то я и не сказал, что жизнью только возвеличится, но и смертью.

Сперва, впрочем, сказал: *жизнию* не умертвят меня, но если и умертвят, то и через это возвеличится Христос. Как? Жизнью, потому что Он спас меня, смертью, потому что и смерть не принудила меня отречься от Него, потому что Он даровал мне столько ревности и сделал меня сильнее смерти. В первом случае Он избавил меня от бед, а в последнем не допустил меня убояться насильственной смерти. Вот как (Господь) возвеличится жизнью и смертью.

2. Говорит же это не потому, будто уже предстояла ему смерть, но чтобы они и в случае смерти его не сокрушались по-человечески. А что он сказал это не потому, будто предстояло ему умереть, чем весьма огорчил бы их, то смотри, как он утешает, как бы так говоря: я говорю это не как имеющий умереть. Потому и присовокупляет далее: *и сие известне вем, яко буду и спребуду вам всем*. А слова *ни о едином же постыжуся* значат: умереть мне нестыдно, напротив, весьма полезно. Почему? Потому, что я не бессмертен, — впрочем, буду в большей славе, нежели в какой был бы, оставаясь бессмертным на земле, так как не одно и то же презирать смерть, будучи бессмертным и будучи смертным. Поэтому нимало непостыдно умереть и теперь, хотя я и не умру. *Ни о едином же постыжуся*, то есть буду ли жив или умру: то и другое приму благодушно — жить ли мне или умереть. Хорошо сказано: таково именно (свойство) христианской души. *Но во всяком*, говорит, *дерзновении*. Видишь ли, как не посрамляюсь? Если бы страх смерти отнял у меня дерзновение, то умереть было бы постыдно. Когда же и приближающаяся смерть нимало не страшит, то непостыдно. Живу ли я, мне нестыдно жить, потому что проповедую благовестие, умру ли, нестыдно умереть, потому что не страшусь. (В том и другом случае) я показываю равное дерзновение. Не почтите постыдным делом того, что я сказал об узах. Они были причиной столь великих благ для меня, что и другим придали дерзновения. Стыдно не то, чтобы быть в узах за Христа, но (стыдно) в чем-нибудь изменить Христу, убоявшись уз, так что, пока этого нет, узы производят во мне дерзновение. Я часто не избегал опасностей и этим могу похвалиться перед неверными, а если со мной

случится что-нибудь противное, тогда считайте меня посрамленным, потому что и последнее не меньше первого и дает вам дерзновение. Смотри, как (апостол) сводит это к своему лицу; это же делает он и во многих других местах, например в послании к Римлянам говорит: *не стыжуся бо благовествованием* (Рим. I, 16), и к Коринфянам: *сия же преобразих на себе и Аполлоса* (1 Кор. IV, 6). *Аще животом, аще ли смертию.* Говорит он это не потому, чтобы не знал, он знал, что не тогда, а после умрет, но заблаговременно подготавливает к этому их душу. *Мне бо,* говорит, *еже жити Христос, и еже умрети приобретение* (ст. 21): и умерши, говорит, я не умру, так как имею жизнь в себе самом. Только тогда (враги) умертвили бы меня, когда бы могли страхом исторгнуть веру из моей души, доколе Христос со мной, я жив, хотя бы и смерть случилась. Даже и в настоящем веке не то составляет жизнь мою, что живу, но — Христос. Если и в этом веке не в том состоит жизнь, *а еже ныне живу во плоти, верою живу,* то и о будущем веке я говорю, что *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20). Таков должен быть христианин. Не живу, говорит, обыкновенной жизнью. Как же ты живешь, блаженный Павел? Ужели не смотришь на солнце? Ужели не дышишь общим воздухом? Ужели не питаешься общею всем пищею? Ужели не ходишь по земле, как мы, не имеешь нужды во сне, в одежде, в обуви? Что ты говоришь: не живу? Как не живешь? Что ты хвалишься? (Нет), это не тщеславие. Если бы об этом не свидетельствовали дела, то, конечно, можно бы назвать тщеславием. А так как дела свидетельствуют, то какое тщеславие? Исследуем же, каким образом он не живет. В другом месте он говорит: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. VI, 14). Итак, послушайте, в каком смысле он говорит: *живу не ктому аз* (п. 20), и еще: *мне еже жити, Христос.*

Имя жизни, возлюбленные, многозначительно, то есть имеет много значений, так же как и имя смерти. Есть жизнь телесная, и есть жизнь греховная, как (апостол) говорит в другом месте: *иже бо умрохом греху, како паки оживем о нем* (Рим. VI, 2)? Следовательно, можно жить жизнью греховной. Прошу вас, обратите строгое внимание, чтобы

наш труд не был напрасен. Есть жизнь вечная и бессмертная, а вместе и небесная: *наше бо житие,* говорит, *на небесех есть* (Флп. III, 20). Есть также жизнь телесная, о которой сказано: *о Нем бо живем и движемся и есмы* (Деян. XVII, 28). Итак, он говорит не о естественной жизни, что не живет; но о жизни греховной, какой живут все люди. И справедливо (говорит). Кто не привязан к настоящей жизни, тот как живет ею? Как живет ею тот, кто стремится к другой? Как живет ею тот, кто презирает смерть? Как живет ею тот, кто не желает ничего здешнего? Как составленный из адаманта, хотя бы наносили ему тысячу ударов, никогда не поворотится, так (тверд) и Павел: *живу же,* говорит он, *не ктому аз,* то есть ветхий человек: и в другом месте: *окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. VII, 24)? Таким образом, кто не делает ничего для пищи, ничего для одежды, ничего для настоящего, как тот живет? Он не живет естественной жизнью. Кто не печется ни о чем житейском, тот не живет. Мы живем этой жизнью, так как для нее все делаем; а он не жил, так как не занимался ничем здешним. Как же он жил? Так, как и мы говорим о некоторых: такой-то не существует для меня, когда он не делает ничего до меня относящегося; или что то же опять: такой-то для меня не живет. А что он не пренебрегал и жизнью естественной, видно из другого места: *а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. II, 20), то есть живу некоторой новой, отличной (от обыкновенной), жизнью.

3. Все же это говорит для утешения филиппийцев. Не думайте, говорит, о том, что меня лишат этой жизни, потому что я, и живя, не этой жизнью жил, но той, какой хотел Христос. Скажи мне в самом деле: этой ли жизнью живет, кто презирает и деньги, и удовольствия, и голод, и жажду, и беды, и здоровье, и счастье? Этой ли жизнью живет, кто ничего здесь не имеет, кто часто решается оставить ее, когда нужно, и не заботится о ней? Вовсе не этой. Это нужно пояснить вам примером. Так, представь, что какой-либо великий богач имеет рабов и золото и ничем из этого не пользуется: богат ли он от такого богатства.

Нисколько. Представь еще, что он видит, как дети его расточают имение, и живут рассеянно в праздности, и нисколько не печется о них, а если угодно, представь, что и побои переносит он без скорби: назовем ли его богатым? Никак, хотя богатство и принадлежит ему. Так и Павел говорит: *мне еже жити Христос.* Если хочешь исследовать жизнь мою, то Христос – жизнь моя. *А еже умрети приобретение.* Почему? Потому что (по смерти) гораздо яснее познаю Его, так что умереть – значит начать истинную жизнь. Никакой беды не причинят мне те, которые умертвят меня, потому что они препроводят меня к моей жизни и избавят меня от этой мне несвойственной. Что же? Находясь здесь, разве ты не Христов? И очень. *Аще же, еже жити ми телом, сие мне плод дела, и что изволю, не вем* (ст. 22). Чтобы кто-нибудь не сказал: если же в том состоит жизнь, то для чего Христос оставил тебя здесь – он объясняет, что это – *плод дела.* Значит, и настоящей жизнью можно пользоваться, проводя ее как должно, а не так, как многие (проводят). Это сказано им для того, чтобы ты не подумал, что он взвел клевету на жизнь и не сказал: если мы здесь не приобретаем себе никакой пользы, то для чего не умерщвляем себя, не убиваем? Нет, говорит, можно получить пользу и здесь, если мы живем не этой жизнью, а иной. Но, может быть, кто-нибудь скажет: так это-то и приносит тебе плод? Подлинно, говорит. Где после этого еретики? Вот теперь – *еже, жити во плоти* (апостол) называет *плодом дела,* и именно *дела.* Как плод дела? *А еже ныне живу во плоти, верою живу.* Вот почему плод дела. *И что изволю, не вем.*

О, какое любомудрие! Как он и отринул любовь к настоящей жизни, и не оклеветал ее! Именно словами *еже умрети приобретение* он отринул любовь к ней, а словами: *еже жити ми телом, плод дела,* показал, что и настоящая жизнь нужна. Каким образом? Если пользуемся ею, как должно, если приносим плод. Если же она бесплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящие плода, равно и сухие, мы бросаем и предаем огню. Жить – это нечто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо – в нашей воле. Потому не должно нам ненавидеть жизни, так как можно жить и

хорошо; если же будем злоупотреблять жизнью, то и в таком случае не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиной, но воля злоупотребляющих ею. Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него; а ты, по наклонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине. Что ты говоришь, Павел, скажи мне? Не знаешь, что избрать? Здесь он открывает великую тайну, что в его власти было умереть, так как, когда есть выбор, то, значит, мы властны. *Что изволю,* говорит, *не вем.* Значит (это) в твоей воле? Да, говорит, если захочу испросить у Бога эту благодать. *Обдержим бо есмь от обою, желание имый* (ст. 23). Заметь нежную любовь этого блаженного: он и тем утешает их, что видят, как он сам властен в выборе, как это зависит не от злобы человеческой, но от устроения Божия. Итак, для чего вы, говорит, печалитесь о смерти? Гораздо лучше было бы давно умереть. *Разрешитися,* говорит, *и со Христом быти, много паче лучше. А еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради* (ст. 24). Этим (апостол) подготовляет (филиппийцев) к тому, чтобы они приближающуюся кончину его перенесли мужественно, этим научает их любомудрию. Хорошо говорит: *разрешитися, и со Христом быти,* потому что смерть — вещь безразличная, не смерть — зло, но зло — после смерти мучиться. Равно смерть и не добро, но добро — по смерти быть со Христом; что бывает по смерти, то добро или зло. Итак, мы должны скорбеть не просто об умирающих и радоваться не просто о живущих. Как же? Мы должны плакать о грешниках не умирающих только, но и живущих, а радоваться о праведниках не только живых, но и скончавшихся. Первые и при жизни умерли, а последние и по смерти живут; первые и в этой жизни жалки для всех, так как оскорбляют Бога, а последние, и туда переселясь, блаженны, так как отошли ко Христу. Грешники, где бы ни были, далеки от Царя, — потому достойны слез; а праведные, здесь ли, там ли, вместе с Царем, и там они еще гораздо ближе к Нему, не созерцанием, не верой, но, как сказано, *лицем к лицу.*

4. Итак, будем оплакивать не просто умерших, но умерших во грехах. Они-то достойны плача, рыдания и слез. Какая, скажи мне, надежда отойти во грехах туда, где уже

нельзя сложить с себя грехов? Доколе они были здесь, то очень можно было ожидать, что они переменятся, что будут лучше; а когда пошли во ад, то там нельзя получить пользы от покаяния: *во аде же,* сказано, *кто исповестся тебе* (Пс. XVII, 6)? Как же они недостойны слез? Будем плакать о тех, которые так умирают, я не препятствую; будем плакать, но без нарушения благопристойности, как то: не будем рвать (на себе) волос, обнажать рук, терзать лицо, надевать черные одежды, а только в душе будем тихо проливать горькие слезы. И без этого обряда можно горько плакать, а не шутить только: в самом деле, нисколько не отличается от шуток то, что некоторые делают. Эти публичные терзания бывают не от сострадания, но на показ, из честолюбия и тщеславия; многие (женщины) делают это по ремеслу. Плачь горько и стенай долго, где никто не видит; это будет делом сострадания, это и тебе принесет пользу. Кто плачет так о другом, тот тем более сам будет стараться, чтоб не подвергнуться тому же, после того и грех тебе будет страшен. Плачь о неверных, плачь о тех, которые нисколько не отличаются от них, которые умирают без крещения и миропомазания; подлинно такие достойны слез и сетования, они вне царского чертога с обвиненными и осужденными: *аминь глаголю вам, аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие небесное* (Ин. III, 5). Плачь о тех, которые умерли в богатстве и из своего богатства не придумали сделать ничего к утешению душ своих, которые имели возможность очистить грехи свои, и не хотели. О них будем плакать все и порознь и вместе, только с благопристойностью, не теряя степенности, так, чтобы не выставить себя на позорище. Будем плакать о них не один, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы — следствие не безрассудной страсти, но нежной любви; а те происходят от безумной страсти и потому скоро осушаются. Лишь то, что происходит из страха Божия, бывает постоянно. Итак, будем оплакивать их, будем помогать им по силам, придумаем для них какое-либо пособие, хотя небольшое, однако же, могущее помочь. Как и каким образом? Сами молясь и других убеждая молиться за них,

всегда подавая за них бедным. Это доставит некоторое облегчение. В самом деле, послушай, что говорит Бог: *защищу град сей Мене ради, и Давида ради раба Моего* (4 Цар. XX, 6). Если память только праведника была столько сильна, то как не сильны будут дела, творимые за усопшего? Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных тайн поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы. Когда весь народ и священный лик стоит с воздеянием рук и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это (говорим) о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостаиваются этого утешения, но лишены всякой такой помощи, кроме одной. Какой же именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу. Иначе для чего бы Он повелел молиться о мире и благосостоянии мира? Для чего бы – о всех людях? Хотя здесь между всеми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные бесчисленных пороков, однако же, мы молимся за всех: быть может, это послужит сколько-нибудь к их обращению. Потому как мы молимся за живых, которые нисколько не отличаются от мертвых, так можно молиться и за умерших. Иов приносил жертвы о детях и очищал их от грехов: *негли*, говорил он, *когда и в сердце своем помыслиша* (Иов. I, 5). Так-то пекутся о детях. Не сказал, как теперь многие люди говорят: я оставлю им имение; не сказал: передам им славу; не сказал: приобрету власть; не сказал: куплю поля. Но что? *Негли когда и в сердце своем помыслиша.* Какая в самом деле польза от всего того, что остается здесь? Никакой. Умилостивлю, говорит, Царя всех для них, и тогда они ни в чем не будут иметь недостатка. *Господь пасет мя*, говорит (пророк), *и ничтоже мя лишит* (Пс. XXII, 1). Вот великое богатство, вот сокровище! Если мы имеем страх Божий, то ни в чем у нас нет нужды; а если не имеем его, то хотя бы владели самым царством, мы всех беднее. Нет равного боящемуся Господа: *страх бо Господень*, сказано, *паче всего предуспе* (Сир. XXV, 14). Приобретем его, будем делать все ради него; хотя бы надобно было положить душу и пре-

дать на смерть тело, не пощадим себя; будем делать все, чтобы приобрести этот страх. Таким образом мы будем богаче всех и получим будущие блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И что изволю, не вем. Обдержим же есмь от обою, желание имый разрешитися, и со Христом быти: много бо паче лучше. А еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради. И сие известие вем, яко буду и спребуду вам всем в ваш успех и радость веры: яко да похвала ваша избыточествует о Христе Иисусе во мне, моим пришествием паки к вам (Флп. I, 22–26)

1. Не было ничего блаженнее души Павловой, так как не было ничего мужественнее ее. А ныне о всех прилично сказать напротив: нет ничего злосчастнее, нет ничего слабее. Потому-то все мы боимся смерти: одни, из числа которых и я сам, по причине множества грехов; другие по привязанности к жизни и по трудности умирать, в числе которых не дай Бог мне быть никогда, потому что боящиеся смерти суть люди *душевные*. Итак, чего все мы боимся, того Павел желал, к тому стремился: *разрешитися*, говорит он, *много паче лучше, и что изволю, не вем*. Что ты говоришь? Ты преставишься отсюда на небо и будешь со Христом, а не знаешь, что избрать? Нет, это не свойственно душе Павловой. И кто не избрал бы этого (быть со Христом), если бы кто-нибудь сказал ему о том и твердо в том его уверил? Конечно – никто. Но не в нашей власти ни то, чтобы разрешиться и быть со Христом, ни то, чтобы оставаться еще здесь, когда придет время. Для Павла же и души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и уверен, что будешь со Христом, а недоумеваешь, говоришь: *не вем, что изволю?* Мало того, ты даже решаешься остаться здесь, то есть пребыть во плоти. Почему бы это? Не горькую ли проводил ты жизнь? *Не во бдениих ли*, в кораблекрушениях, *в алчбе и жажде, в наготе*, в заботах и беспокойствах?

С немощными и ты немоществовал, о соблазнявшихся сгорал. *В терпении мнозе,* говорит, *в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениих, в пощениих, во очищении: пять краты четыредесять разве единыя приях, трищи палицами биен бых, единою каменьми наметан бых, нощь и день во глубине сотворих: беды в реках, беды от разбойник, беды во градех, беды в пустыни, беды во лжебратии* (2 Кор. VI, 4–6; XI, 24–26). Когда весь народ галатийский обратился к соблюдению закона, не взывал ли ты: *иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (Гал. V, 4)? Сколько слез тогда ты пролил, и еще к тому же желаешь этой преходящей жизни? Да если бы и ничего такого с тобой не случилось, но все дела ты совершил бы безопасно и с удовольствием, и тогда не надлежало ли бы тебе, убоявшись неизвестности будущего, спешить к какому-нибудь пристанищу. Какой купец, скажи мне, имея корабль, наполненный бесчисленными сокровищами, захочет еще оставаться на море, когда он у пристани, в которую может взойти и успокоиться? Какой борец захочет продолжать борьбу, когда он уже заслужил венец победный? Какой боец захочет снова вступить в бой и сломить себе голову, когда возлагают на него венец? Какой военачальник станет утруждать себя и сражаться, когда можно освободиться от войны с честью и трофеями и вкусить покой с царем в его чертогах? Как же ты, проводя столь горькую жизнь, желаешь еще остаться здесь? Не ты ли говорил: *боюся, да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27). Если уже не по другой какой причине, то по этой одной следовало бы тебе желать освобождения. Даже если бы настоящая (жизнь) исполнена была бесчисленных благ, и в таком случае надлежало бы желать отрешения от них для возлюбленного Христа. О, душа Павлова! Не было ей равной и не будет. Ты бесчисленными окружен бедами, и боишься будущего, и не желаешь быть у Христа? Нет, говорит он: и это для Христа, чтобы тех, которых я сделал рабами Его, еще более утвердить в добром расположении, чтобы ниву, мною насажденную, сделать плодоносного. Разве ты не слышал, что я ищу не своей пользы, но (пользы) ближних? Разве не слышал, что я желал бы быть отлученным от Христа, только бы многие обрати-

лись к Нему? Если я на это решался, то не с большим ли удовольствием решусь пожертвовать своим замедлением и пребыванием здесь, только бы это сколько-нибудь послужило к их спасению?

Кто возглаголет силы Твоя, Господи (Пс. CV, 2), что Ты не сокрыл от нас Павла, что явил вселенной такого мужа? Восхвалили Тебя единодушно все ангелы, когда Ты сотворил звезды и солнце, однако же не столько, как в то время, когда нам и всей вселенной явил Ты Павла. От этого земля стала блистательнее неба: он, будучи светлее солнечного света, испускал блистательнейшие молнии и разливал светлые лучи. И какой великий произвел он для нас плод? Он не растение утучнял, не древа питал, но и порождал и приводил в зрелость плод благочестия, а упадающий беспрестанно поднимал. И в самом деле, солнце никак не может исправить однажды загнившее плодоносное дерево, а Павел отвратил от грехов (людей), покрытых бесчисленными струпьями. Солнце уступает ночи, а Павел победил и диавола. Ничто его не сокрушило, ничто не одолело. Солнце, держась на высоте, простирает вниз лучи свои; а Павел, снизу восходя, не пространство между небом и землею наполнил светом, но едва отверз уста свои, как и ангелов исполнил великой радости. Каким образом? Если *радость бывает на небесех о единем грешнице кающемся* (Лк. XV, 10), то когда он первой проповедью уловил многих, как не исполнил радости горния силы?

2. И что я говорю? Павлу довольно было заговорить только, и небеса от этого скачут и веселятся. Если *во исходе, Израилеве от Египта, горы взыграшася яко овни* (Пс. CXIII, 1, 4), то когда люди переводимы были от земли на небо, какая, думаешь ты, была радость? Вот почему *еже пребывати во плоти нужнейше есть вас ради*. После этого чем мы будем оправдываться? Часто человек, владея малым и небогатым имением, не решается перейти в другое место, дорожа своим спокойствием. А Павел мог отойти ко Христу, и не хотел ко Христу, – ко Христу, Которого он столько любил, что для Него готов был даже в геенну, а остался подвизаться еще для людей. Чем же мы будем оправдываться? Но мож-

но ли говорить просто, в общих чертах, о Павле? Смотри, что он сделал. (Сперва) он сказал, что отойти ему лучше, убеждая их не скорбеть; (потом) говорит, что если он останется, то остается единственно для них, что этого нельзя производить от злонамеренности людей коварных. А чтобы убедить их, он присовокупил и причину. Если это нужно, то я подлинно пребуду, и не просто пребуду, но с вами. Таково именно значение слова: *спребуду*, то есть увижусь с вами. Для чего? *В ваш успех и радость веры.* Этими словами он побуждает их быть внимательными к себе, как бы так говоря: если я для вас останусь, то смотрите, не посрамите моего пребывания. Имея возможность узреть Христа, я решился остаться для вашего успеха. Так как мое присутствие споспешествует и вере и радости вашей, то я и решился остаться. Что же? Для одних ли только филиппийцев он остался? Нет, не для них только он остался, а говорит это для того, чтобы утешить их. Как же это служило к успеху их в вере? Так, чтобы вы больше укрепились, подобно птенцам, имеющим нужду в матери, доколе они не оперятся. Это – доказательство великой любви. Подобным образом и мы возбуждаем иных, когда говорим: я остался для тебя, чтобы тебя сделать добрым. *Да похвала ваша,* говорит, *избыточествует о Христе Иисусе во мне, моим пришествием паки к вам.* Видишь ли, что значение слова: *спребуду* – именно таково? Но заметь смиренномудрие (апостола). Сказавши – *в ваш успех,* он показывает, что вместе и в свою пользу. То же делает он и в Послании к Римлянам, когда говорит: *сие же есть соутешитися в вас* (Рим. I, 12), сказав прежде: *да некое подам вам дарование духовное.* Что же значит: *да похвала ваша избыточествует?* То, чтобы изобиловало служащее к похвале, именно – утверждение в вере (это и есть похвала во Христе) и праведная жизнь. Итак, во мне ли *похвала ваша, моим пришествием паки к вам?* Да, говорит он: *кто бо нам упование или венец похваления? Не и вы ли?* (1 Фес. II, 19). *Яко похваление* нам вы есте, якоже и мы вам (2 Кор. I, 14), то есть чтобы мне побольше было чем похвалиться в вас. Каким образом? *Да избыточествует похвала ваша.* Я более могу хвалиться тогда, когда вы преуспеваете.

Моим пришествием паки к вам. Что же? Пришел ли он к ним? Сами доищитесь, пришел ли. *Точию достойне,* говорит, *благовествованию Христову жительствуйте.* Видишь ли, что он все говорил для того, чтобы этим побудить их к преспеянию в добродетели? *Точию достойне благовествованию Христову жительствуйте.* Что значит — *точию?* Значит: это одно составляет предмет стремлений, и ничто другое; если это будет, то с вами не случится ничего прискорбного. *Да аще пришед и видев вас, аще и не сый у вас, услышу, яже о вас.* Говорит так не потому, будто бы он переменил намерение и не хотел уже прийти к ним, но на случай, если бы это произошло, прибавляет, что *и не сый у вас* могу радоваться. *Аще услышу, яко стоите во едином дусе и единодушне.*

3. Это в особенности и соединяет верных, и поддерживает любовь. Потому Христос сказал: *да будут едино* (Ин. XVII, 11), так как *царство раздельшееся на ся, не станет* (Мф. XII, 25). Потому и Павел повсюду сильно убеждает к согласию. Потому же и Христос говорит: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35). Итак, ожидая моего прихода, не будьте беспечны, как обыкновенно бывает с ожидающими, а если не дождетесь меня, не унывайте, потому что и весть о вас может меня столько же радовать. Что значит: *во едином дусе?* Значит — в одном и том же даровании единомыслия и ревности. Дух один; это доказывается многими местами, где говорится об этом. Равным образом и *стоять единодушне* значит то же, что всем иметь один дух. Словом *единодушне* выражается единомыслие: многие души называются одной. Так было в древности: *всем бе,* сказано, *сердце и душа едина* (Деян. IV, 32). *Сподвизающеся по вере благовествования.* Разве вера была сама с собой в борьбе, что он говорит: *сподвизающеся* друг другу? Какая же у него мысль? У них не было междоусобия; следовательно, его слова значат: вспомоществуйте друг другу, подвизаясь за веру евангельскую. *И не колеблющеся ни о едином же от сопротивных, еже тем убо есть явление погибели, вам же спасения* (ст. 28). Хорошо сказано: *не колеблющеся* (не устрашаясь), потому что действия врагов таковы, что только устрашают. Говорит: *ни о едином же:* что бы ни

случилось, опасности ли, козни ли. Таково свойство людей мужественных. Враги ничего не могут сделать (им), разве только устрашить. Так как, вероятно, (филиппийцев) приводили в смущение бесчисленные страдания Павла, то он не говорит: не беспокойтесь, но – не устрашайтесь, и даже совершенно пренебрегайте (врагами). И если вы будете в таком расположении духа, то это будет явным признаком их погибели, а вашего спасения. Когда они увидят, что бесчисленные их козни не могут даже устрашить вас, то убедятся в своей собственной погибели. Когда гонители не преодолевают гонимых, строящие козни – тех, кому строят эти козни, властители – подвластных, то не ясно ли для них бывает, что они сами гибнут, что они не имеют никакой силы, что (надежды) их тщетны, (усилия) их слабы? *И сие от Бога: яко вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (ст. 29). Здесь, все приписывая Богу и страдание за Христа называя благодатью, дарованием и даром, он поучает их не думать о себе высоко. Итак, не стыдитесь дарования; оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса, потому что в последнем случае должник я, а в первом должником имею Христа. Потому вы, как имеющие дарование, не только не должны стыдиться, а, напротив, должны радоваться. Добродетели (апостол) называет дарованиями; впрочем, не в таком смысле, как другие (дары): последние всецело от Бога, а первые и от нас. Но так как и здесь более действует Бог, то (апостол) говорит, что все – Его, не отвергая этим свободной воли, а располагая к смиренномудрию и благодарности. *Той же подвиг имуще, якоже во мне видесте* (ст. 30), – то есть вы имеете и пример. Здесь теперь хвалит их. Именно – показывает, что они везде подвизаются в том же (в чем и он), и в одинаковой борьбе, хотя отдельно и сами по себе, потому что переносят вместе с ним искушения. Не сказал: слышасте, но – *видесте*, потому что он подвизался и в Филиппах. Подлинно это великая добродетель. Потому он и в послании к Галатам говорил: *толика пострадасте туне, аще точию и туне* (Гал. III, 4); и в Послании к Евреям писал: *воспоминайте же первыя дни, в них же просветившеся, мног подвиг подъясте страданий, ово убо*

поношенми и скорбми позор бывше, ово же общницы бывше живущим тако (Евр. X, 32); и к македонянам, то есть к Фессалоникийцам, писал: *тии бо о нас возвещают, каков вход имехом к вам* (1 Фес. I, 9); и еще: *сами бо весте, братие, вход наш иже к вам, яко не вотще бысть* (II, 1). И для всех равно одобряет одно и то же – подвиги и страдания. А теперь у нас не найдете этого, – теперь и то хорошо, если кто переносит какой-нибудь убыток в имуществе. (Современникам же своим апостол) и по отношению к имуществу приписывает великую похвалу. Одним говорит: *разграбление имений ваших с радостью приясте* (Евр. X, 34); другим пишет: *благоволиша Македония и Ахаия общение некое сотворити к нищим* (Рим. XV, 26); а третьим: *яже от вас ревность раздражи множайших* (2 Кор. IX, 2).

4. Видишь ли, как (апостол) хвалит мужей того времени? А мы не терпим ни заушений, ни удара какого-нибудь; даже не переносим ни оскорбления, ни лишения в имуществе. Они сверх того были ревнители, и все подвизались до мученичества; а в нас охладела любовь ко Христу. Опять вынужден я обличать настоящие дела. Что делать? Не хотел бы, но вынужден. Если бы возможно было умолчать и, не сказав ничего о прежде бывшем, молчанием устранить настоящее, то следовало бы смолчать. Но так как, напротив, бывает, – при нашем молчании не только не устраняется, но делается еще тягостнее, то необходимо говорить. Обличающий грешников, если и ничего другого не делает, по крайней мере не попускает им идти далее. Ведь нет ни одной души настолько бесстыдной и ожесточенной, чтобы, будучи непрестанно обличаема, она не устыдилась и не отстала бы от великого нечестия: есть, подлинно есть и в бесстыдных людях немножко стыда, потому что стыдливость Бог вложил в природу нашу. Так как не довольно было одного страха для того, чтобы удержать нас в порядке, то (Бог) уготовал и другие средства для отклонения нас от грехов, как то: обличение со стороны людей, страх постановленных законов, любовь к славе, воздействие дружбы. Все это – средства для отклонения от грехов. Часто бывает, что чего не делают для Бога, то самое делают от стыда; чего не делают для Бога, то делают по страху человеческому. Сперва

надобно научиться не грешить, а потом достигнем наконец и того, что не будем грешить для Бога. И действительно, почему Павел к торжеству над врагами побуждает не страхом Божиим, а ожиданием отмщения: *сие бо творя,* говорит, *углие огненно собираеши на главу его* (Рим. XII, 20)? Между прочим и потому, что желает преспеяния в добродетели. Итак, есть в нас, как я сказал, некоторая стыдливость. Впрочем, много мы имеем и естественных расположений к добродетели, например, все мы, люди, природой побуждаемся к милосердию, и нет в природе нашей другого настолько доброго свойства, как это. После этого иной, может быть, спросит: для чего особенно вложено в природу нашу трогаться, разумею, при виде слез, преклоняться и быть готовыми к милости? Никто по природе не ленив, никто по природе не тщеславен, никто по природе чужд зависти. Но милосердие вложено природой во всех, даже в грубых и жестоких. И что удивительного, если мы оказываем (милосердие) людям? Мы и зверей милуем. В таком избытке вложено в нас милосердие! И если при виде львенка мы несколько трогаемся, то гораздо более при виде однородного (с нами). Посмотри, какие калеки! – так часто мы говорим, зная, что и этого довольно для возбуждения в нас милосердия.

Ничто столько не приятно Богу, как милостыня. Вот почему и священники, и цари, и пророки были помазываемы елеем: елей принимали они, как символ человеколюбия Божия. Сверх того (таким помазанием) давалось им разуметь, что в начальнике должно быть более милосердия; это показывало, что и Дух нисходит на человека для милосердия же, так как Бог милует людей и поступает человеколюбиво: *милуеши бо всех,* сказано, *яко вся можеши* (Сол. XI, 24). Вот для чего они помазывались елеем! Ведь и священство учреждено по милосердию, и цари помазывались елеем. И если бы кто вздумал похвалить начальника, то всего лучше похвалит, когда скажет, что он милостив: милость есть существенное свойство власти. Припомни, что и мир сотворен по милости, и подражай Владыке. *Милость человеча на искренняго своего, милость же Господня на всяку плоть*

(Сир. XVIII, 12). Как – *на всяку плоть?* О грешниках ли станешь говорить, о праведниках ли, – все нуждаемся в милости Божией, все пользуемся ею, даже сам Павел, и Петр, и Иоанн. Послушай, что они сами говорят, и наши слова будут излишни. Что же говорит блаженный (Павел)? *Но помилован бых, яко не ведый сотворих* (1 Тим. I, 13). Итак, что же? После того разве не имел он нужды в милости? Выслушай, что он говорит в другом месте: *паче всех их потрудихся, не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. XV, 10); и об Епафродите говорит: *ибо и боле близ смерти, но Бог помилова его, не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь приму* (Флп. II, 27); и еще: *паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, иже от толикия смерти избавил ны есть, и избавляет* (2 Кор. I, 8–10); и еще: *избавлен бых от уст львов, и избавит мя Господь* (2 Тим. IV, 17). И везде найдем – хвалится тем, что спасен по милости.

5. И Петр был таковым потому, что был помилован. Послушай, что говорит ему Христос: *Петр, Петр, се сатана просит вас, дабы сеял яко пшеницу, и Аз молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 31). И Иоанн таков был по милости; и вообще все апостолы. Послушай, как Христос намекает на это, говоря: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас* (Ин. XV, 16). Так, мы все имеем нужду в милости Божией: *милость бо Божия,* сказано, *на всяку плоть.* Но если эти (мужи) имели нужду в милости Божией, то что сказать о прочих? Почему, скажи мне, *(Бог) солнце сияет на злыя и благия* (Мф. V, 45)? Что, если бы Он в продолжение только года удержал дождь, – не погубил ли бы всех? Что, если бы произвел наводнение? Что, если бы одождил огнь? Что, если бы послал мух? Но что я говорю? Если бы Он произвел мглу, как некогда, – не погубил ли бы всех? Если бы потряс землю, не все ли бы погибли? Теперь прилично сказать: что есть *человек, яко помниши его* (Пс. VIII, 5)? Если Бог только погрозит земле, то все сделаются одним гробом. *Яко капля воды от кади,* говорит (Исаия), *тако языцы пред Ним: яко плюновение вменятся, яко претяжение веса* (Ис. XL, 15). Как для нас легко наклонить весы, так для Него погубить все и

вновь сотворить. Потому Тот, Кто имеет такую власть над нами, видит, что мы ежедневно грешим, и не наказывает — не по милости ли терпит? И скоты существуют и сохраняются по милости же: *человеки,* сказано, *и скоты спасеши, Господи* (Пс. XXXV, 7). Он призрел на землю и наполнил ее животными. Для чего? Для тебя. А тебя для чего сотворил? Не для благотворения ли? Ничего нет превосходнее милости. Она есть виновница света и там (на небе), и здесь (на земле). *И возсияет,* говорит пророк, *рано свет твой, аще сотвориши милость* ко *искреннему* (Ис. LVIII, 10). И в самом деле. Как елей дает свет плавающим по морю, так милостыня дает нам великий и чудный свет там. Об этом елее много сказано у Павла. Послушай, как он в одном месте говорит: *точию нищих да помним* (Гал. II, 10); в другом: *аще достойно будет и мне ити* (1 Кор. XVI, 4). И везде, так или иначе, увидишь его заботливость об этом. Так он говорит: *да учатся и наши добрым делом прилежати* (Тит. III, 14); еще: *сия бо суть полезна и добра человеком* (ст. 8). Послушай, как и еще некто говорит: *милостыня от смерти избавляет* (Тов. IV, 11). Другой говорит: если милость отнимешь и если внидешь *в суд с рабом Твоим, Господи, Господи, кто постоит* (Пс. CXLII, 2; CXXIX, 3)? Еще иной говорит: *велика вещь человек, и драгая муж творяй милость* (Притч. XX, 6). Милостивый-то и есть человек; или, лучше — миловать, значит быть Богом. Видишь, какая сила милости Божией? Она произвела все, она создала мир, она сотворила ангелов, единственно по благости. И геенной угрожает Бог для того, чтобы нам получить царство (небесное); а царство получаем мы по милости. Для чего, скажи, Бог, будучи един, сотворил так много (существ)? Не по благости ли? Не по человеколюбию ли? Если ты будешь спрашивать, почему то, почему другое, — везде найдешь (что причина) благость. Итак, будем милостивы к ближним, чтобы нам и самим быть помилованными. Не столько для них, сколько для самих себя мы собираем этот елей на будущий день. Когда будет сильный пламень огненный, то этот елей угасит огонь и будет для нас виной света. Таким образом через нее (милость) мы избавимся от огня гееннского. В противном случае за что

умилосердится и помилует нас (Бог)? Милосердие происходит от любви. И ничто так не раздражает Бога, как немилость. Приведен был к Нему некто должный тысячами талантов, и Он, умилосердившись, отпустил (ему долг). Но когда он начал душить подобного себе раба, который должен был ему сто динариев, то за это Господь *предаде его мучителем* (Мф. XVIII), пока не отдаст долга. Слыша это, будем милостивы к тем, которые должны нам деньгами, грехами; никто не будь злопамятен, если не хочешь обидеть себя самого. Не прощая другому, ты не столько его огорчаешь, сколько себя обижаешь. Когда ты мстишь ему, то не мстит ему Бог. Когда же ты прощаешь, то Бог или мстит ему, или твои грехи прощает. А не прощая ближнему, как ты ищешь царствия? Итак, чтобы нам не пострадать, будем прощать всем; через это и сами получим прощение; будем прощать, чтобы и Бог простил нам грехи наши, и, таким образом, чтобы мы достигли будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Аще убо кое утешение о Христе, или аще кая утеха любве, аще кое общение духа, аще кое милосердие и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единодушни, единомудренни: ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще, не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте (Флп. II, 1—4)

1. Нет ничего добрее, ничего любвеобильнее духовного учителя: в благожелании он превосходит всякого естественного отца. Посмотри, например, как этот блаженный умоляет филиппийцев о полезном для них. Что именно говорит он, убеждая их к единомыслию, причине всех благ? Вот, как внушительно, как убедительно, с каким сильным чувством говорит он: *аще убо кое утешение о Христе,* то есть если вы имеете какое-либо утешение во Христе. Как бы так сказал: если ты сколько-нибудь внимателен ко мне,

если ты заботишься обо мне, если ты когда-либо получил от меня какое-нибудь благодеяние, то сделай это. Такой образ речи мы употребляем тогда, когда просим о таком предмете, который предпочитаем всему. Если чего не предпочитаем всему, того не захотим получить взамен всего, и не скажем, что через то все сделано. Мы (в подобном случае) приводим на память плотские права. Например, отец сказал бы сыну: если ты имеешь какое-либо уважение к отцу, если сколько-нибудь помнишь воспитание, если сколько-нибудь любишь меня, если сколько-нибудь дорожишь честью, полученной от меня, если сколько-нибудь расположен ко мне, то не будь врагом брату, то есть в воздаяние за все прошу только этого. А Павел говорит иначе: он не упоминает ни о чем плотском, но все о духовном. Смысл его слов такой: если хотите доставить мне какую-либо отраду в искушениях и ободрение во Христе, какое-либо утешение любви, показать какое-либо общение в духе, если имеете какое-либо милосердие и сострадательность в сердце, – то *исполните мою радость. Аще кое милосердие и щедроты.* Щедротами Павел называет единомыслие своих учеников, показывая этим крайнюю опасность в том случае, когда они не будут единомысленны. Если мне, говорит, можно получить от вас утешение, если можно получить какую-нибудь отраду от вашей любви, если можно иметь общение с вами в духе и общение с вами в Господе, если можно надеяться от вас на милосердие и сострадание, то воздайте за все это любовью. Все это я получил, если вы любите друг друга. *Исполните мою радость.* Смотри: чтобы не показалось, что он убеждает их, как не исполняющих своего долга, для этого не говорит: сделайте для меня, но – *исполните,* то есть вы начали насаждать во мне, уже успокоили меня, но я желаю достигнуть конца. Чего же ты желаешь, скажи мне? Того ли, чтобы мы избавили тебя от опасностей, чтобы снабдили тебя чем-нибудь? Ничего такого, говорит он, но *да тожде мудрствуете, тужe любовь имуще, с* какой вы начали, *единодушни, единомудренни.* О, как часто от великого расположения повторяет (Павел) одно и то же! *Да тожде мудрствуете,* говорит, или лучше – да одно и то же мыслите. Это он и

объясняет далее словом — *единомудренни,* которое сильнее слова *тожде (мудрствуете). Туже любовъ имуще,* то есть не просто в вере только, но и во всем прочем, потому что можно мыслить одно и то же и не иметь любви. *Туже любовъ имуще,* то есть любите столько же, сколько вас любят. Когда пользуешься от других великой любовью, то и сам оказывай другим не меньшую, чтобы и в этом не быть тебе своекорыстным. Пусть некоторые допускают это, а ты не допускай. *Единодушни,* говорит, то есть пусть во всех телах будет одна душа, не в отношении существа, это невозможно, но в отношении желания и мысли: пусть все происходит как бы от одной души. Что значит *единодушни?* (Апостол) изъясняет это словом — *единомудренни:* пусть будет (у всех) одна мысль, как у одной души. *Ничтоже по рвению.* Апостол внушает затем и излагает способ, как этого достигнуть. *Ничтоже по рвению или тщеславию.* Вот что, как я всегда говорю, составляет причину всех зол; вот откуда брани и ссоры, откуда клеветы и препирательства, откуда охлаждение любви, когда мы пристрастимся к славе человеческой, когда сделаемся рабами чести, воздаваемой толпой. Раб славы не может быть истинным рабом Божиим. Итак, скажут, как же можем мы избегнуть тщеславия? Ты еще нам не показал пути. Слушай следующее: *но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще.* О, какое предложил он правило, исполненное всякого любомудрия, и какое руководство для нашего спасения! Если ты предполагаешь, говорит, что другой лучше тебя, и уверишься в том, а еще более, если не на словах только, но и совершенно убежден в том и честь ему воздаешь, то не будешь чувствовать неудовольствия, видя, что другой почитает того, кому ты воздаешь честь. Итак, почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим, что означает великое превосходство, и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым; даже, если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет, снесешь; зло ли какое причинит, стерпишь молча. Когда ты однажды в душе своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневать-

ся, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем, которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит.

2. Здесь (апостол) поучает держаться такого расположения духа. Если же, говорит он, и другой, получивший от тебя такую честь, будет в подобном же расположении к тебе, то представь, какая это будет двойная стена благодушия. Пока ты считаешь другого достойным почтения, равно и он тебя, до тех пор не произойдет ничего неприятного. Если такое поведение со стороны одного достаточно, чтобы уничтожить всякую раздражительность, то при взаимном кто разрушит такую твердыню? Ни сам даже диавол, потому что составится тройное укрепление, четверное, и больше. Смиренномудрие есть причина всего доброго. А чтобы понять это, выслушай слова пророка: *яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 18, 19). Бог требует не просто смиренномудрия, но стремления к смиренномудрию. Как в телах разбитое никогда не может противостоять твердому, но при всяком сотрясении само разрушается прежде, нежели столкнется с другим, так и в душе: угнетаемая постоянно несчастьем, она решится лучше умереть, нежели нападать и защищаться. Доколе мы будем надмеваться гордостью, достойной посмеяния? Мы смеемся, когда видим, что дети вытягиваются и поступают величаво; смеемся, когда они то берут камень, то опять бросают. Так и глупая гордость человеческая есть плод детского размышления и несовершенного ума. *Почто гордится земля и пепел* (Сир. X, 9)? Человек, ты высокоумствуешь? Для чего? Какая прибыль тебе, скажи мне? Отчего ты высокоумствуешь перед теми, которые одного с тобой рода? Разве ты не того же естества? Разве в тебе не такая же душа? Разве не в равной мере ты почтен от Бога? Но ты мудр? Следовательно, должен благодарить, а не надмеваться. Первая черта неблагодарности — это гордость, потому что благодеяния она не почитает за дар. Надменный потому и надмевается, что почитает себя совершенным. А почитающий себя совершенным,

неблагодарен к Даровавшему честь. Имеешь ли ты что доброе? Благодари Давшего. Послушай, что говорит Иосиф и что Даниил. Когда царь египетский призвал (Иосифа) из темницы и перед всем собранием спрашивал его о деле, от которого отступились все египтяне, наиболее в нем искусные, тогда он мог бы всячески вознестись и выказать себя мудрее звездочетов, прорицателей, чародеев, волхвов и всех философов того времени, хотя был невольником, в плену и рабстве (и в этом случае слава его была бы еще больше, потому что не все равно — прославиться ли будучи уже известным, или неожиданно, — неожиданность сделала бы его более достойным удивления). Однако же что он сказал, представши перед фараоном? Да, я это знаю? Нет, не то, а что же? Не будучи никем обличаем, по великой кротости, что говорит он? *Еда не Богом изъявление их есть* (Быт. XL, 8)? Смотри: сначала он прославил Владыку; за то и сам был прославлен. А это немаловажно в отношении к славе: гораздо важнее, когда Бог ее обнаружит, нежели когда сам себе ее усвоишь. С другой стороны, через это и слова его приобрели достоверность, и получено весьма сильное доказательство его близости к Богу. А нет ничего лучше, как быть близким к Богу. *Аще бо от дел оправдася,* сказано, *имать похвалу, но не у Бога* (Рим. IV, 2). Кто удостоился благодати, тот имеет похвалу у Бога, потому что (Бог) любит его и прощает ему (грехи); а кто заслужил делами, тот тоже имеет похвалу, но не у Бога, как первый. Это — доказательство великой немощи нашей. И тот, кто получил мудрость от Бога, насколько большего достоин удивления! Он прославил Бога, и сам прославлен от Него: *зане прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. II, 30), говорит (Бог). Также поступил потомок (Иосифа), мудрее которого никого не было, так как сказано: *еда премудрее ты еси Даниила* (Иез. XXVIII, 3)? Этот-то Даниил, когда все мудрецы вавилонские, самые даже здездочеты, прорицатели, волхвы, чародеи, все философы были не только посрамлены, но и истреблены (а истребление их указывало на то, что и прежде они обманывали), представши (перед царем) для разрешения вопроса, не хвалится, но наперед все приписывает Богу и го-

ворит: *царю! мне же не премудростию, сущею во мне паче всех человек, открыся* (Дан. II, 30). *И поклонися ему царь, и рече манаа (дары и благовония) возлияти ему* (ст. 46). Видишь ли смирение? Видишь ли признательность? Видишь ли нрав, чуждый гордости? Послушай еще апостолов. В одно время они говорят: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. II, 12)? В другое время: *мы подобострастни есмы вам человецы* (XIV, 15). Если же они так отвергали воздаваемые им почести, они – люди, которые смиренномудрием во Христе и Его силою сотворили большие дела, нежели Христос, как Он Сам говорит: *веруяй в Мя, больша сих сотворит, яже Аз творю* (Ин. XIV, 12), – то как не бедны, как не несчастны те, которые не могут прогнать и комаров, не только демонов, – те, которые не в силах принести пользы и одному человеку, не только целой вселенной, и при этом столько мечтают, сколько не мечтает и сам диавол?

3. Ничего нет более несвойственного христианской душе, как гордость, – говорю – гордость, а не дерзновение, не мужество, которые хотя близки между собой, однако же не одно и то же, так что иное – смиренномудрие, а иное – низость, лесть и пресмыкательство. И если хотите, то я представлю вам на все примеры. Известно, что противоположные вещи существуют каким-то образом вместе, как то: плевелы с пшеницей, терны с розами. Но легко обмануться могут дети; а мужи совершенные, опытные в духовном делании, умеют отличать истинно доброе от худого. Пожалуй, мы представим вам примеры того из Писаний. Что такое лесть, низость и пресмыкательство? Сива безвременно льстил Давиду и оклеветал господина своего; еще более Ахитофел льстил Авессалому (см.: 2 Цар. XVI). Но Давид был не таков, а смиренномудр. Льстецы бывают лукавы. Так, например, волхвы некогда говорили: *царю, во веки живи* (Дан. II, 4). О Павле же в Деяниях апостольских найдем много такого, когда он, беседуя с иудеями, не льстил, но смиренномудрствовал, потому что умел говорить и с дерзновением. Так, он говорил: *мужие братие, аз ничтоже противно сотворив людем или обычаем отеческим, узник*

от Иерусалимлян предан бых (Деян. XXVIII, 17). А что слова эти происходили от смиренномудрия, то слушай, как он упрекает их далее, говоря: *добре Дух Святый глагола: слухом услышите, и не имате разумети, и видяще узрите, и не имате видети* (ст. 26). Видишь ли мужество? Посмотри и на мужество Иоанна Крестителя, какое он показал перед Иродом, говоря: *не достоит тебе имети жену Филиппа брата твоего* (Мк. VI, 18). Вот дерзновение, вот мужество! А слова Семея: *изыди мужу кровей* (2 Цар. XVI, 7) – не то выражают, хотя и он говорит дерзновенно. Это не мужество, а дерзость, наглость и необузданность языка. Иезавель обругала Ииуя, назвав его *убийцею господина своего* (4 Цар. IX, 31); но это дерзость, а не дерзновение. Укоризненно говорил и Илия, но то было дерзновение и мужество: *не развращаю аз людей, но разве ты и дом отца твоего* (3 Цар. XVIII, 18). Еще и перед целым народом Илия говорил дерзновенно: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши* (ст. 21)? Порицать таким образом, как делали пророки, есть дерзновение и мужество; а то была дерзость. Хочешь ли слышать и слова смиренномудрия и благородства? Послушай Павла, который говорит: *мню же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне: но ни сам себе востязую. Ничесоже бо в себе свем: но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. IV, 3, 4). Вот суждение, приличествующее христианину! И опять (апостол говорит): *смеет ли кто от вас, вещь имея ко иному, судитися от неправедных, а не от святых* (VI, 1)? Хочешь ли видеть лесть безрассудных иудеев? Слушай, как говорят они: *не имамы царя, токмо Кесаря* (Ин. XIX, 15). Хочешь ли видеть смиренномудрие? Послушай еще Павла, который говорит: *не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради* (2 Кор. IV, 5). Желаешь ли видеть лесть и дерзость: дерзость Навала, а лесть Зифеев? Как тот поносил Давида, а эти умышленно предали его? Желаешь ли видеть любомудрие Давида, а не льстивость? Как он захватил Саула и пощадил его? Желаешь ли видеть лесть убийц Мемфивосфея, которых Давид предал смерти? Просто, вообще и кратко сказать, дерзость – это когда кто-нибудь гневается и ругает другого без всякой причины, или мстя за себя, или чрезмерно

раздражаясь; дерзновение же и мужество, когда кто отваживается на опасности и смерть, презирает и дружбу и вражду для угождения Богу. Лесть и низость — это когда кто служит другим не ради необходимого чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское; а смиренномудрие, когда кто делает это для угождения Богу и уничижается, чтобы совершить что-либо великое и достойное похвалы. Блаженны мы, если знаем это и если делаем, потому что не достаточно знать: *не слышателие бо закона*, сказано, *но творцы закона оправдятся* (Рим. II, 13); даже более того, знание без деятельности и добродетелей подвергает осуждению. Итак, будем деятельны, чтобы избежать осуждения и получить обещанные блага, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. II, 5—8)

1. Господь наш Иисус Христос, побуждая учеников Своих к великим подвигам, представляет в пример то Себя Самого, то Отца Своего, то пророков. Так Он говорит: *тако бо сотвориша пророкам, иже быша прежде вас* (Мф. V, 12); и опять: *аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. XV, 20); и еще: *научитеся от Мене, яко кроток есмь* (Мф. XI, 29); и еще: *будите милосерди, якоже Отец ваш небесный* (Лк. VI, 36). То же делает и блаженный Павел. Побуждая (филиппийцев) к смиренномудрию, он представляет в пример Христа, и не здесь только, но и когда беседует о нищелюбии. Так Он говорит: *весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богат сый* (2 Кор. VIII, 9). Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как сознание, что она через это уподобляется Богу. И что может быть

равносильно этому для побуждения? Ничто. Зная это, Павел, при убеждении (филиппийцев) к смиренномудрию, сперва просил их и умолял, потом сказал внушительно: *яко стоите во едином духе,* сказал также: *яко тем убо есть явление погибели, вам же спасения,* наконец присовокупил: *сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим.* Внемлите, прошу вас, и воспрянете. Как меч, отточенный с обеих сторон, куда бы ни был направлен, хотя бы на многочисленные ряды войска, легко посекает и истребляет их, потому что отовсюду остр, и ничто не может устоять против острия его, точно таковы и изречения Духа. Этими изречениями Он низложил последователей Ария александрийского, и Павла самосатского, и Маркелла галатийского, и Савеллия ливийского, и Маркиона понтийского, и Валентина, и Манеса, и Аполлинария лаодикийского, и Фотина, и Софрония, и вообще все ереси. Итак, ожидая видеть такое зрелище, и столько рядов, падающих от одного удара, воспряните, чтобы вам не лишиться удовольствия от этого зрелища. Если во время состязания колесниц на конских ристалищах всего приятнее видеть, когда кто, ударивши, опрокинет совсем колесницы с возницами и, опрокинув многие четвероконные колесницы с стоящими на них возницами, один промчится от исходного столба до конечного, многочисленные отовсюду рукоплескания и клики поднимаются к небу, а он, как бы окрыленный этой радостью и рукоплесканиями, стремится на конях через все поприще, то не гораздо ли больше будет удовольствия здесь, когда мы, при благодати Божией, опровергнем вдруг и одним разом все еретические системы и диавольские ухищрения вместе с их возницами? И если угодно, сначала представим самые ереси по порядку.

В каком порядке хотите — по нечестию или по времени. Но порядок по времени мы знаем, а порядок по нечестию понять трудно. Итак, пусть первый предстанет Савеллий ливийский. Что же он говорит? Что Отец, Сын и Святой Дух только имена, принадлежащие одному лицу. А Маркион понтийский говорит, что Бог, устроивший все, не благ; что

не Он Отец благого Христа, но другой некто праведный, и что Сын не принял плоти ради нас. Маркелл же, Фотин и Софроний говорят, что Слово не есть существо ипостасное, а сила, и что эта сила обитала в одном из потомков Давидовых. Арий признает Сыном (Иисуса Христа), но только по имени, — говорит, что Он есть творение, и гораздо ниже Отца. Иные говорят, что Он (Иисус Христос) не имеет души. Видишь ли наставленные колесницы? Смотри же и падение их, — как поражающий ниспровергает все вместе, одним ударом, вдруг. Как же ниспровергает? *Сие да мудрствуется в вас*, говорит, *еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу*. От этого пали и Павел самосатский, и Маркелл, и Савеллий. *Во образе Божии сый*, говорит (апостол). Если во образе, то как ты, нечестивец, говоришь, что Он получил начало от Марии, а до того времени не существовал. Опять, как ты говоришь, что Он был сила? Сказано: *во образе Божии сый, зрак раба приим*. Скажи мне: образ раба — сила ли раба, или естество раба? Конечно, скажешь, естество раба. Следовательно, и образ Бога есть естество Божие, а не сила. Вот и Маркелл галатийский, и Софроний, и Фотин пали!

2. Вот и Савеллий (опровергнут). Сказано: *не восхищением непщева быти равен Богу*. А об одном и том же лице не говорится, что оно равно самому себе: равное бывает равно чему-нибудь. Видишь ли ипостась двух лиц, а не имена только без предметов? Ты слышал о предвечном существовании Единородного? И это против них. Что же теперь скажем против Ария, который говорит, что Сын имеет другую сущность? Скажи мне, что значат слова: *зрак раба приим?* Они значат, отвечаешь, что Он сделался человеком. Следовательно, слова *во образе Божии сый* значат: был Бог. И там и здесь стоит одно и то же слово: *образ*. Если истинно первое, то и последнее. Быть в образе раба — значит быть человеком по естеству, и быть в образе Божием — значит быть Богом по естеству. И не только это доказывается (сказанным), но и равенство (с Богом), подобно тому, как и у Иоанна, и то, что Сын ничем не менее Отца: *не восхищением*, говорит, *непщева быти равен Богу*. Но каково мудрование еретиков?

Они говорят, что (слова эти) выражают противное. Как бы так сказал (апостол): Он (Иисус Христос), будучи в образе Божием, не восхитил того, чтобы быть равным Богу. Но если Он действительно был Бог, то как мог восхитить? И как можно было бы это понять? Кто скажет, что такой-то, будучи человеком, не восхитил того, чтобы быть человеком? Как похитить кому-нибудь то, чем он есть? Не то, говорят они. Но будучи меньшим Богом, Он не восхитил того, чтобы равняться Богу великому, большему. Значит, есть малый и великий Бог? Так вы привносите к церковным догматам языческие? У язычников действительно есть великий и малый бог, у вас есть ли, не знаю. Но в Писаниях нигде не найдешь, великого найдешь везде, а малого нигде. И в самом деле, если он малый, то что он за Бог? Если нет человека малого и человека великого, но одно естество, а что не одного и того же естества, то и не человек, — то как можно почесть Богом малым и великим того, кто не имеет божеского естества? Кто мал, тот не Бог, потому что в Писании Бог везде называется великим: *велий Господь*, говорит (Давид), и *хвален зело* (Пс. XLVII, 1). То же и о Сыне, — везде называет Его Господом. Еще: *велий еси ты, и творяй чудеса: ты еси Бог един* (Пс. CXLVI, 5). И еще: *велий Господь наш, и велия крепость Его, и величию Его несть конца* (CXLIV, 3). Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Это ты так говоришь, а Писание напротив: оно говорит и о Сыне так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: *ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога* (Тит. II, 13). Неужели об Отце сказал он: *(ждуще) явления?* А чтоб еще более обличить вас, он прибавил: *явления великаго Бога.* Об Отце ли сказано это? Никак. Этого не допускают прибавленные (апостолом) слова: *и явления великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.* Вот и Сын велик. Итак, почему ты говоришь о малом и великом? Знай, что и пророк называет Его *Ангелом великаго совета.* Ангел великого совета ужели не велик? *Бог крепкий* — ужели не велик, а мал? Как же после этого говорят бесстыдные и дерзкие, что Он малый Бог? Я часто повторяю слова их, чтобы вы более удалялись от них. Будучи малым Богом, говорят, Он не восхитил того, чтоб быть (на

равной степени) с великим. Что это, скажи мне? (Не думайте, впрочем, что это наши слова.) Если Сын, по их мнению, мал, и по силе гораздо ниже Отца, то как Он мог восхитить то, чтоб быть равным Богу? Будучи меньшим по естеству, Он не мог бы похитить великого естества. Например, человек не может похитить того, чтоб быть по природе равным ангелу; конь, хотя бы и захотел, не может похитить того, чтобы быть по природе равным человеку. Кроме этого, и то еще скажу: чему Павел хочет научить этим примером? Без сомнения, скажешь, он хочет побудить филиппийцев к смиренномудрию. Итак, к чему бы он привел этот пример, скажи мне? Никто ведь, желая побудить к смирению, не говорит так: будь смирен и почитай себя меньшим против своих равночестных, потому что такой-то раб не противился господину своему. Итак, подражай ему. Да это же, сказал бы иной, не смирение, а гордость! Вы, имеющие диавольскую гордость, научитесь, что такое смиренномудрие. Что же такое смиренномудрие? Смиренно думать о себе, а смиренно думает не тот, кто по необходимости уничижен, но кто сам себя уничижает. Я укажу пример, а вы послушайте. Когда кто-нибудь, имея возможность думать о себе высоко, думает смиренно, то он смиренномудр. Если же кто, не имея такой возможности, думает смиренно, тот еще не смиренномудр. Например, если царь подчиняется эпарху, он смиренномудр, потому что нисходит с высоты, но когда эпарх это делает, он еще не смиренномудр. Почему? Потому что не сам себя низвел с высоты. Смиренномудрствовать может только имеющий власть. Если необходимость заставляет смириться против воли, то это – дело не ума и воли, а необходимости; смиренномудрие же потому так и называется, что оно есть усмирение мысли.

3. Скажи мне: если кто, не имея возможности разбогатеть (на счет других), остается при том, что приобрел, – похвалим ли его за справедливость. Никак. Почему же? Потому что необходимость отняла похвалу у его доброй воли. Скажи еще: если кто, не имея возможности владычествовать и царствовать, остается частным человеком, похвалим ли его, как неискательного. Никак. Так точно и в этом слу-

чае. О, вы несмысленнейшие из всех! Хвалят не за воздержание только от этого, но за совершение добрых дел. Первое, хотя не заслуживает порицания, но не стоит и похвалы, а последнее достойно похвалы. Смотри, как и Христос в этом смысле хвалит, когда говорит: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя* (Мф. XXV, 34). Не сказал: за то, что вы не присваивали чужого, за то, что не похищали (это неважно), но за то, что увидели Меня алчущим и напитали. И кто стал бы хвалить таким образом друзей или врагов? Никто – даже Павла. Но что я говорю – Павла? Даже и никакого другого человека не стал бы хвалить так, как ты хвалишь Христа, то есть что Он не присвоил Себе ненадлежащей власти. Удивляться этому – значит обнаруживать в себе большую порочность. Почему? Потому что такая похвала прилична порочным, например – вору, за то, что он уже не крадет. А в отношении к добрым не так, того еще не хвалят, кто не похитил не принадлежащей ему власти и чести. И как безумно это! Да и кто, будьте, прошу вас, внимательны, хотя и длинно слово, кто мог бы таким образом побудить к смирению? Примеры должны быть гораздо выше того предмета, к которому убеждаем, и едва ли кто убедится (примерами) отдаленными. Так, Христос, убеждая благотворить врагам, представил великий пример в Отце Своем: *яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45). А убеждая к долготерпению, представил в пример Самого Себя: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. XI, 20); и еще: *аще Аз умых вам нозе Господь и учитель, кольми паче вы.* Видишь ли, как примеры не бывают ниже? И они нисколько не должны быть ниже; так и мы делаем. А иначе пример здесь не был бы близок. Почему? Потому что если раб, то он и меньше и подчинен большему. А это – не смиренномудрие. Нужно было, напротив, представить кого-либо большего повинующимся меньшему. Но так как (апостол) в Боге не нашел этого, то есть большего и меньшего, то и представил равного. Если же Сын меньше (Отца), то побуждение к смиренномудрию недостаточно.

Почему? Потому что это не смиренномудрие, когда меньший не восстает против большего, не восхищает власти, послушлив даже до смерти. Впрочем, смотри, что говорит (апостол) и кроме примера: *смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще* (ст. 3). Говорит: *творяще* (считая). Так как вы одно по существу и по чести, от Бога полученной, то это дело предоставляется вашему рассуждению. А касательно отношения низших к высшим, он не говорит — *творяще;* но: почитайте высших себя, как и в другом месте: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17). Там покорность — в природе вещей, а здесь она должна зависеть от нашего рассуждения. *Смиренномудрием,* говорит, *друг друга честию больша себе творяще,* как поступил и Христос. Таким образом (мудрования еретиков) ниспровергнуты. Высказавши сначала кратко их мнения, остается затем сказать нам и свое, именно: почему (Павел), убеждая к смиренномудрию, не представил меньшего покоряющимся большему. Если бы он убеждал рабов повиноваться господам, то это было бы кстати; а так как он убеждал свободных покоряться свободным, то к чему было представлять покорность раба господину, меньшего большему? Он не сказал: меньшие покоряйтесь большим, но, будучи равночестны между собой, покоряйтесь, *друг друга честию больша себе творяще.* Почему же он не привел в пример отношения жены (к мужу, не сказал): как жена покоряется мужу, так и вы покоряйтесь? Если же равного и свободного не привел он в пример, потому что здесь есть некоторая, хотя малая, подчиненность, то не тем ли более он не мог представить в пример отношений раба? Прежде я сказал, что никто таким образом не хвалит никого за воздержание от пороков, даже не упоминает о таком. Например, желающий похвалить целомудренного не скажет, что он не любодействовал, а скажет, что он воздерживался от собственной жены. И никогда мы не ставим (в похвалу) одного воздержания от пороков: это было бы смешно. Я сказал также, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Потому (апостол) не сказал: *в образе Божии* бывший, но — *сый.* Это выражение равносильно сло-

вам: *Аз есмь сый* (Исх. III, 14). Образ, как образ, показывает совершенное сходство. Не может быть, чтобы кто-нибудь имел сущность одного, а образ другого. Например, ни один человек не имеет образа ангела, никакое бессловесное не имеет образа человека. Как же Сын?

4. Далее: так как мы сложны, то образ в нас относится к телу; в простом же и совершенно несложном он относится к сущности. Если же ты скажешь, что слово (Θεός) без члена не означает Бога Отца, то можно указать много мест, где это слово употребляется без члена. И что я говорю — много мест? В этом же самом месте, где сказано: *не восхищением непщева быти равен Богу,* (апостол) сказал без члена, а между тем говорит о Боге Отце. Хотел бы я прибавить и свое; но боюсь обременить ваши умы. Помните хотя доселе вам сказанное в опровержение еретиков. Сперва исторгнем терние, а по искоренении терния, когда земля несколько отдохнет, посеем и доброе семя, чтобы она, очистившись таким образом от всего худого, была более способна к принятию божественных семян. Возблагодарим Бога за сказанное; будем просить Его, чтобы Он помог нам соблюсти и сохранить это, чтобы и вы и мы возрадовались, а еретики постыдились. Будем молить Его, чтобы Он отверз нам уста и на последующее, чтобы нам с таким же тщанием предложить и свое. Будем умолять Его, чтобы Он даровал нам жизнь, достойную веры, чтобы мы жили во славу Его и чтобы не хулилось через нас имя Его. *Горе бо вам,* сказано, *имиже имя Божие хулится* (Ис. LII, 5)! Если мы, имея сына, а что для нас ближе сына, итак, если, имея сына, мы отрицаемся от него, отвращаемся и не принимаем, когда подвергаемся поношению за него, то не более ли Бог отвратится и возненавидит безрассудных рабов, хулящих и оскорбляющих его? А кого Бог возненавидит и отринет, кто того примет? Никто, разве диавол и демоны. А кого возьмут демоны, какую тот будет иметь надежду на спасение? Какое утешение в жизни? Доколе находимся в руке Божией, никто не может похитить нас, потому что она крепка. Когда же ниспадем из руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всем на расхищение, всем на попрание, *яко стена прекло-*

нена и оплот возриновен (Пс. LXI, 4). Когда стена слаба, тогда легко всякому разрушить ее. Не думайте, что об Иерусалиме только говорится то, что я намерен сказать; но и о всяком человеке. Что же сказано об Иерусалиме? *Воспою ныне возлюбленному песнь возлюбленнаго моего, винограду моему. Виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне. И ограждением оградих, и окопах, и насадих лозу Сорик, и создах столп посреде его, и предточилие ископах в нем, и ждах да сотворит гроздие: сотвори же терние. И ныне, живущии во Иерусалиме, и человеки Иудины, судите между мною и виноградом моим. Что сотворю еще винограду моему, и не сотворих ему: занеже ждах, да сотворит гроздие, сотвори же терние? Ныне убо возвещу вам, что аз сотворю винограду моему: отыму ограждение его, и будет в разграбление, и разорю стену его, и будет в попрание: и оставлю виноград мой, и ктому не обрежется, ниже покопается: и взыдет на нем, якоже на лядине, терние: и облаком заповем, еже не одождити на него дождя. Виноград бо Господа Саваофа дом Исраилев есть, и человек Иудин, новый сад возлюбленный. Ждах, да сотворит суд: сотвори же беззаконие, и не правду, но вопль* (Ис. V, 1–7). Это относится и к каждой душе. Когда человеколюбивый Бог сделает все нужное, а она вместо винограда произведет терние, то Он отнимает ограду и разрушает стену, и мы предаемся на расхищение. Послушай, как еще другой пророк с плачем говорил: *вскую низложил еси оплот его, и обымают и вси мимоходящии путем? Озоба и вепрь от дубравы и уединенный дивий пояде и* (Пс. LXXIX, 13, 14). Там говорится о мидянах и вавилонянах, а здесь сказанного нельзя отнести к ним: вепрь и уединенный – это диавол и вся его сила. (Пророк) назвал его уединенным, чтобы изобразить его лютость и нечистоту. А выражая его хищность, Писание говорит: *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. V, 8). Когда же показывает его ядовитость, смертоносность и губительность, то называет его змием и скорпионом: *наступайте*, говорит, *на змию и на скорпию, и на всю силу вражию*. Наконец, когда выражает силу и вместе ядовитость, то называет его драконом, говоря: *змий* (дракон) *сей, егоже создал еси ругатися ему* (Пс. CIII, 26). И драконом, змием извивающимся, и аспидом называет его (Писание) везде, – потому что зверь этот хитер, разноцветен и имеет большую

силу; он все приводит в движение, все возмущает, все извращает. Впрочем, не бойтесь и не ужасайтесь, бодрствуйте только, и он будет как воробей: *наступайте,* сказано, на *змию и скорпию.* Бог сделает его попранием ног наших, только бы мы захотели.

5. Итак, смотри, как смешно, как тягостно видеть, что тот, кто дан нам на попрание, становится выше головы нашей. Как же бывает это? От нас самих (зависит): если мы хотим, то он бывает велик, и если хотим, бывает мал. Если мы внимательны к себе и находимся вместе с Царем нашим, то он умаляется и в борьбе с нами бывает не сильнее малого дитяти, а когда мы отдаляемся (от Царя своего), тогда (диавол) весьма надмевается, рыкает и скрежещет зубами, заметив, что мы лишились великой помощи, так как он не приближается, доколе не допустит Бог. Если диавол не осмелился без позволения Божия войти в стадо свиное, то тем более в души человеческие. Попускает же Бог или для вразумления, или для наказания, или для большого испытания, как было с Иовом. Помнишь ли ты, что диавол не приступал к нему, даже не смел приблизиться, но боялся и трепетал его? Но что я говорю об Иове? И к Иуде приступая, диавол не смел совершенно овладеть им и войти в него, доколе Христос не отлучил его от священного лика. До того времени он подходил к нему отвне, а внутрь войти не смел. Когда же увидел, что он отлучен от священного стада, то напал на него лютее всякого волка и до тех пор не отстал, пока не умертвил его сугубой смертью. Это написано для нашего назидания. Какая, однако же, прибыль знать, что один из двенадцати был предатель? Какая польза? Какая выгода? Великая. Узнав, отчего он пошел на такой пагубный совет, мы будем беречься этого, чтобы и с нами не случилось того же. Отчего же он пошел на это? От сребролюбия. Он был тать, и так упоен был этой страстью, что за тридцать сребреников продал Владыку вселенной. Что хуже такого безумия? Кому нет ничего равноценного, ничего равного, перед Кем *вси языцы в ничтоже вменишася* (Ис. XL, 17), Того продал он за тридцать сребреников. Тяжко господство сребролюбия: оно может довести душу до исступления. Не столько

делается иной безумным от пьянства, сколько от сребролюбия; не столько от бешенства и сумасшествия, сколько от сребролюбия. За что ты продал, скажи мне. Незнатного и неизвестного – тебя Он призвал, и сделал одним из двенадцати, преподал тебе учение, обещал бесчисленные блага, дал силу творить чудеса, сделал общником Своей трапезы, путешествий, бесед, сожительства и всего, наравне с прочими (апостолами). Или это не могло удержать тебя? По какой же причине ты продал? Нечестивец, на что мог ты пожаловаться? Чем ты не был облагодетельствован? Он знал твою душу, однако же не переставал сообщать тебе Свое. Многократно говорил: *един от вас предаст Мя* (Мф. XXVI, 21); многократно намекал, щадил тебя и, зная тебя таковым, не отлучал от лика; еще сносил, и как близкого и как одного из двенадцати, столько почитал, столько любил. Наконец, взяв полотенце Своими пречистыми руками, умыл скверные ноги твои; но, – о, нечестие! – и это тебя не удержало. Ты утаивал доли нищих, и это Он сносил, чтобы ты не впал в большее зло, но тебя ничто не убедило. Если бы ты был зверь, если бы камень, и тогда от таких благодеяний, от чудес, от учения не должно ли было тебе перемениться? Но тебя, сделавшегося таким зверем и ставшего бесчувственнее камня, Он все же призывал и утверждал чудесами. А ты и при всем том не сделался лучше. Конечно, вы удивляетесь такому безумию предателя. Страшитесь же в таком случае и его язвы: от сребролюбия, от пристрастия к деньгам он сделался таковым. Отсеки эту страсть: она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния. Отсеки, прошу; (эта страсть) немаловажна: она способна произвести тысячи гибельных смертей. Мы видели страсть (Иуды); убоимся, чтобы и нам самим не впасть в подобную же. Для того и написано об этом, чтобы мы не подверглись тому же. Для того все евангелисты повествуют об этом, чтобы сделать нас осторожными. Беги подальше; сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно – великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего три-

дцать сребреников, за тридцать сребреников он продал Владыку. Помните ли сказанное мною перед этим, что корыстолюбие проявляется не только в принятии многого, но гораздо более в принятии малого? Вот какое беззаконие учинил Иуда за малое количество золота, даже не за золото, а за сребреники! Нельзя, подлинно нельзя человеку сребролюбивому видеть когда-либо лицо Христово; это одна из невозможностей. Сребролюбие есть корень зол. И если имеющий один порок лишается славы, то куда станет носящий в себе этот корень? Раб денег не может быть истинным рабом Христовым. Сам Христос открыл, что это – дело невозможное: *не можете,* сказал Он, *Богу работати и мамоне;* и еще: *никтоже может двема господинома работати* (Мф. VI, 24). Они повелевают противное: Христос говорит: щади бедных, а мамона внушает: отнимай и то, что они имеют; Христос говорит: истощай свое имение, а мамона внушает: бери и то, что у них есть.

6. Видишь ли ты противоположность? Видишь ли борьбу? Хотите ли, покажем, как нельзя повиноваться обоим, но одного должно презреть? Или не нужно говорить? Как? Не видим ли на деле, что Христа презирают, а мамону почитают? Замечаете ли вы, как даже слова эти противны? Не тем ли более дела? Но в действительности это не кажется нисколько противным, потому что нами обладает страсть. Душа, хотя немного освободившаяся от страсти, пока находится в таком состоянии, может судить правильно. Но, поддавшись опять страсти, будучи одержима горячкой, и услаждаясь предметом страсти, не может судить здраво, не может судить беспристрастно. Христос говорит: аще кто *не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. XIV, 33); а мамона говорит: возьми хлеб у алчущего. Христос говорит: *нага одей* (Ис. LVIII, 7); а мамона говорит: раздень нагого. Христос говорит: *от свойственных семене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7); а мамона говорит: не жалей кровных своих, пренебреги даже матерью и отцом. И что я говорю – отцом и матерью? Самую душу твою и ту погуби. И однако же (люди) повинуются. Увы, того, чьи повеления столь жестоки, грубы и зверски, слушают более,

нежели Того, чьи заповеди человеколюбивы и спасительны для нас. За то и геенна, за то огонь, за то река огненная, за то червь неумирающий. Знаю, что многие с неудовольствием слушают наши слова. Я и сам неохотно говорю это. Да и какая надобность говорить об этом? Я желал бы всегда беседовать с вами о царствии, о покое, о воде упокоения, о месте злачном: *на месте бо злачне,* говорит (Давид), *тамо всели мя, на воде покойне воспита мя* (Пс. XXII, 2). Я желал бы беседовать о том месте, где нет болезни, ни печали, ни воздыхания; желал бы поведать сладость общения со Христом. Хотя это превыше всякого слова и всякого ума, а все же, по силе возможности, я желал бы говорить об этом. Но что делать? Неприлично говорить о царстве с тем, кто страдает горячкою, и находится в худом состоянии. С ним прежде надобно поговорить о здоровье. Не кстати беседовать о чести с осужденным на казнь. Прежде нужно найти средство освободиться от суда, наказания и мучения. Если последнего не будет, как приступать к первому? Потому я и говорю непрестанно о последнем, чтобы скорее достигнуть первого. И Бог для того угрожает геенной, чтобы никто не попал в геенну, чтобы все взошли в царство. И мы для того непрестанно напоминаем о геенне, чтобы подвигнуть вас к царству, чтобы, умягчивши страхом сердце ваше, расположить к делам, достойным царства. Итак, не досадуйте на тяжесть слов; тяжесть слов облегчает души наши от грехов. И железо тяжело, и молот тяжел, но он выделывает полезные сосуды золотые и серебряные, а испорченные поправляет. Как (молот), если бы не был тяжел, не мог бы исправить испорченной вещи, так и наше тяжкое слово имеет силу устраивать душу. Итак, не будем бегать от тяжести слов и от наносимых ими ударов. Не для того наносится удар, чтобы поразить и сокрушить душу, но чтобы исправить. По благодати Божией мы знаем, как поражать, как наносить удар, чтобы не раздробить сосуда, но выгладить, выправить и сделать благопотребным для Владыки, — чтобы сообщить ему с блеском крепость и прекрасный вид в тот день, когда явится река огненная, — чтобы представить его не имеющим нужды в том огне. А если мы не будем жечь вас здесь, то, конечно, необходимо будут жечь

вас там, иначе и быть не может: *день бо Господень огнем открывается* (1 Кор. III, 13). Для вас лучше в продолжение краткого времени потерпеть жжение от наших слов, нежели вечно (страдать) от того пламени. А что так непременно будет, это ясно, и я многократно приводил вам на это неоспоримые доказательства. Надлежало бы только из Писания представить убеждения; но так как некоторые любят спорить, то мы многое опровергали умозаключениями. И теперь ничто не препятствует сказать в этом роде. Как же? Вот как: Бог правосуден; все это исповедуем — и эллины, и иудеи, и еретики, и христиане. Между тем многие грешники отходят отсюда, не будучи наказаны; и напротив, — многие добродетельные отходят, претерпевши бесчисленные бедствия. Итак, если Бог правосуден, то где Он воздаст последним награды, а первым наказания, если нет геенны и воскресения? Это доказательство всегда повторяйте и другим и себе самим, и оно не допустит вас усомниться в воскресении. А кто верит воскресению, тот постарается жить с великим вниманием, чтобы получить вечные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек: смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Флп. II, 5—11)

1. Нами изложены мнения еретиков; теперь время уже изложить и наше учение. Они говорят, что выражение *не восхищением непщева* значит — восхитил. А мы показали, что

это совершенно нелепо и неуместно, что таким образом никто не доказывает смиренномудрия и не хвалит не только Бога, но и человека. Итак, что же оно значит, возлюбленные? Внимайте настоящим словам. Так как многие люди полагают, что они, сделавшись смиренными, лишились бы собственного достоинства, умалились бы и унизились, то (апостол), устраняя этот страх и показывая, что не должно так думать, говорит о Боге, что Бог, единородный Сын Отца, *во образе Божии сый,* имеющий нисколько не менее, чем Отец, равный Ему, *не восхищением непщева быти равен Богу.* А что это значит, послушай: если кто-либо восхитит что и присвоит себе не по праву, то не решается оставить этого, боясь, чтобы не утратилось и не погибло, но удерживает это постоянно. Напротив, кто имеет естественное какое-либо достоинство, тот не боится стать и ниже этого достоинства, зная, что он ничего подобного не потерпит. Укажу пример: Авессалом восхитил власть и потом не решился сложить ее с себя. Приведем и другой пример. А если примеры несильны объяснить всего, — вы не досадуйте на меня: таково уже свойство примеров, что большая часть оставляется уму для размышления. Восстал на царя и восхитил царство; он уже не решается оставить и скрыть этого дела, и если бы он хоть однажды скрыл его, тотчас бы погубил. Обратимся еще к другому какому-либо примеру. Предположим, кто-нибудь похитил что-либо, он уже удерживает это постоянно, и как только выпустил из рук, тотчас и потерял. И вообще, завладевшие чем-либо через хищение, боятся оставить это и скрыть, боятся и на минуту расстаться с тем, чем завладели. Но не то бывает с теми, которые не через хищение чем-либо владеют. Например, человек имеет достоинство, состоящее в том, что он разумен. (Впрочем и) примера не нахожу, потому что у нас нет природной власти, ни одно из благ не зависит от природы нашей, а все они принадлежат естеству Божию. Итак, что же скажем? То, что Сын Божий не убоялся стать ниже своего достоинства. Он не почитал божество хищением и не боялся, чтобы кто-нибудь отнял у Него естество или достоинство Его. Потому и отложил его, будучи твердо уверен, что

опять примет его; скрыл его, не думая нисколько умалиться через это. Потому-то (апостол) не сказал: не восхитил, но: *не восхищением непщева* — то есть имел власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Потому не отказывается принять вид даже телохранителя. Тиран боится на войне сложить порфиру, а царь делает это без всякого опасения. Почему? Потому что имеет власть не похищенную. Итак, Он не сложил ее, потому что не похитил; но скрыл, потому что имел ее как естественную и навсегда неотъемлемую. (Достоинство) быть равным Богу у Него было не похищенное, но естественное; а потому и *умалил себе.* Где говорящие, что Он покорился, что Он подчинился необходимости? (Апостол) говорит: *Себе умалил, смирил себе, послушлив быв даже до смерти.* Как умалил? *Зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся, якоже человек.* Здесь слова *себе умалил* сказаны (апостолом) в соответствие словам: *друг друга честию больша себе творяще* (Флп. II, 3), — потому что если бы Он был подчинен, если бы не по собственному побуждению, и не сам по Себе решился умалить Себя, то это не было бы и делом смирения. Если Он не знал, что это должно было совершиться, то Он несовершен; если, не зная, ожидал времени повеления, то Он не знал времени; если же Он знал и то, что это должно было совершиться, и то, когда должно совершиться, то для чего стал в подчинении? Для того, скажут, чтобы показать превосходство Отца. Но это значит показать не превосходство Отца, а собственную ничтожность. И одно имя Отца не довольно ли показывает первенство Отца? А кроме этого, все (что у Отца) то же есть и у Сына. Иначе говоря, одна эта честь не может перейти от Отца к Сыну; а кроме нее все у Отца с Сыном общее.

2. Здесь маркиониты, привязываясь к словам, говорят: Он не был человек, но *в подобии человечестем быв.* Как же можно быть в подобии человеческом? Облекшись тенью? Но это призрак, а не подобие человека. Подобием человека может быть другой человек. А что скажешь на слова Иоанна: *Слово плоть бысть* (Ин. I, 14)? Да и этот самый блаженный в другом месте говорит: *в подобии плоти греха*

(Рим. VIII, 3). *И образом обретеся якоже человек.* Вот, говорят: и образом, и: *якоже человек;* а быть как человек, и в образе человека, еще не значит быть в самом деле человеком, потому что быть человеком по образу не значит быть человеком по естеству. Видите ли, с какой добросовестностью я передаю слова врагов? Ведь блистательная и совершенная победа бывает та, когда мы не скрываем их мнений кажущихся сильными; скрывать — значит более обманывать, нежели побеждать. Итак, что они говорят? Повторим опять то же: по образу не значит по естеству, и быть *якоже человек,* и в *подобии человечестем* не значит быть человеком. Следовательно, и зрак раба принять — не значит естество раба принять. Здесь возражение против тебя, и почему бы не тебе первому разрешить его? Как то считаешь ты противоречием у нас, так и мы называем это противоречием у тебя. (Апостол) не сказал: как зрак раба, ни — в подобии зрака раба, ни — в образе зрака раба, но — *зрак раба приим.* Что же это значит? И это противоречие, скажут. Противоречия нет никакого, а какое-то пустое и смешное с их стороны умствование. Говорят: Он принял образ раба, потому что, препоясавшись полотенцем, умыл ноги учеников. Это ли образ раба? Это не образ раба, а дело раба. Иное — заниматься делом раба, а иное — принять образ раба. Иначе почему не сказано, что Он совершил дело раба, что было бы яснее? Да и нигде в Писании не употребляется (слово) *образ* вместо дела, потому что между ними большое различие: одно — принадлежность естества, а другое деятельности. И в обыкновенном разговоре мы никогда не употребляем образ вместо дела. Иначе говоря, Он, по их мнению, и дела не сделал, и не препоясывался. Если дело было мечта, то не было истиной; если Он не имел рук, то как умыл? Если не имел бедр, то как препоясался полотенцем? Да и какие ризы взял? А ведь сказано: *прият ризы своя* (Ин. VIII, 12). Допустив, что здесь представляется не то, что на самом деле было, а призрак только, надобно допустить, что Он не умыл и ног ученикам. Если бесплотное естество не сделалось видимым, значит, оно не было и в теле. Итак, кто же умыл учеников? Что еще скажем против Павла самосатского? А что, спро-

сите, он говорит? Он говорит то же: имеющему естество человеческое и настоящему человеку умыть подобных себе рабов — не есть умаление. То же самое, что мы сказали против ариан, нужно сказать и против них. Все различие между ними состоит только в небольшом промежутке времени: и те и другие называют Сына Божия творением. Итак, что же скажем против них? Если человек умыл человеков, то Он не умалил и не унизил Себя; если, будучи человеком, Он не восхитил равенства с Богом, то в этом еще нет похвалы. Богу сделаться человеком — это великое, неизреченное и неизъяснимое смирение; а человеку совершать дела человеческие что за смирение? И где образ Божий называется делом Божиим? Если Он был простой человек и называется образом Божиим за Свои дела, то почему не говорим того же и о Петре, который сделал больше Его? Почему и о Павле не говоришь, что Он имел образ Божий? Почему Павел не представил в пример себя самого, хотя исполнял множество рабских дел, и ни от чего не отказывался, как сам говорит: *не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради* (2 Кор. IV, 5)? Смешно это и нелепо. *Себе умалил.* Скажи, как Он *умалил,* и что это за умаление, и что за смирение? Тем ли (умалил), что творил чудеса? Но это делали и Павел и Петр, так что это не есть особенность Сына. Что же значат слова: *в подобии человечестем быв?* То, что Он имел много нашего, а многого и не имел, например: Он родился не от соития, Он греха не сотворил. А вот что имел Он, чего из людей никто не имеет. Он был не тем только, чем являлся, но и Богом. Он являлся человеком, но во многом не был подобен (нам), хотя по плоти и был подобен. Следовательно, Он не был простым человеком. Потому-то и сказано: *в подобии человечестем.* Мы — душа и тело; Он же — Бог, душа и тело. Поэтому сказано: *в подобии.* И чтобы ты, услышавши, что Он *Себе умалил,* не представил изменения, превращения и какого-либо уничтожения, для этого (Писание) говорит, что Он, пребывая тем, чем был, принял то, чем не был, и сделавшись плотью, пребыл Богом Словом.

3. Так как в этом отношении Он подобен человеку, то (апостол) и говорит: *и образом,* — чем выражает не то, будто

природа изменилась или произошло какое-либо смешение, но что Он по *образу* стал (человеком). Сказавши: *зрак раба прием,* он смело потом сказал и эти слова: *образом обретеся,* потому что они заграждают уста всем. Равно и словами *в подобии плоти греха* (Рим. VIII, 3) не то выражает, будто Он не имел плоти, но что плоть эта не грешила, между тем была подобна плоти греховной. Почему подобна? По естеству, а не по греховности, потому и подобна душе грешника. Как там сказано – *в подобии,* потому что не во всем равенство, так и здесь сказано – *в подобии,* потому что не во всем равенство, как то: Он родился не от соития, был без греха, не простой человек. И хорошо сказал (апостол): *якоже человек,* потому что Он был не один из многих, но как бы один из многих, – потому что Бог Слово не превратился в человека, и существо Его не изменилось, но Он явился как человек, не призрак нам представляя, но поучая смиренно. Вот что выражает апостол словами – *якоже человек,* хотя в другом месте и называет Его (прямо) человеком, говоря: *един Бог, и един ходатай, человек Христос Иисус* (1 Тим. II, 5). Вот мы сказали и против этих (еретиков), теперь нужно сказать также против тех, которые не признают, что (Христос) принял душу. Если образ Бога есть совершенный Бог, то и образ раба есть совершенный раб. Опять речь против ариан. *Во образе Божии сый,* говорит (апостол), *не восхищением непщева быти равен Богу.* Здесь, говоря о божестве, не употребляет слов: стал, и: принял. *Себе умалил, зрак раба прием, в подобии человечестем быв.* Здесь же, говоря о человечестве, употребляет слова: принял и стал. В последнем случае – *быв, прием,* в первом – *сый.* Итак, не будем ни смешивать, ни разделять (этих понятий). Един Бог, един Христос Сын Божий. А когда я говорю – един, то выражаю соединение, а не смешение, так как одно естество не превратилось в другое, но только соединилось с ним. *Смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя.* Вот, говорят, был послушен, – значит не равен Тому, Кому послушен. О, несмысленные и неразумные! Это нисколько не делает Его меньше. И мы часто слушаемся своих друзей, но это нисколько не делает нас меньшими. Он, как Сын, поко-

рясь Отцу добровольно, не ниспал в состояние раба, но этим самым – великим почтением к Отцу – особенно сохранил дивное сродство с Ним. Он почтил Отца не для того, чтобы ты Его бесчестил, но чтобы более изумлялся, и из этого, из того именно, что более всех почтил Отца, познал, что Он есть истинный Сын. Никто таким образом не чтил Бога. Насколько Он был высок, настолько же смирил Себя. Так как Он больше всех, и нет никого Ему равного, то и почтением к Отцу превзошел всех, не по принуждению и не по неволе. И это есть дело Его доблести, или уж и не знаю, как сказать. О, и рабом стать – дело великое и весьма неизреченное, а подвергнуться смерти – еще гораздо большее! Но есть и другое нечто большее и удивительнейшее. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна (Его смерти), так как Его смерть считалась поноснейшей из всех, постыднейшей и проклятой: *проклят,* сказано, *всяк висяй на древе* (Втор. XXI, 23). Для того-то иудеи и постарались умертвить Его такой смертью и через то сделать презренным, чтобы самый род смерти отвратил всякого от Него, если бы (просто) смерть не отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты с Ним, чтобы Он разделял с ними их бесчестие и чтобы исполнилось сказанное: *и со беззаконными вменися* (Ис. LIII, 12). Но истина тем более просиявает, тем блистательнее становится. Когда столько было от врагов злоумышлении против Его славы, она тем не менее сияет, и блеск ее даже гораздо больше проявляется. Не простым умерщвлением, но умерщвлением именно такого рода, они думали сделать Его отвратительным, представить Его отвратительнее всех, но нимало не успели. Даже оба разбойника были настолько нечестивы (один из них обратился уже после), что и находясь на кресте, поносили Его. Ни сознание собственных преступлений, ни казнь, ни то, что они сами терпят то же, не удержали их неистовства. Это один из них даже высказал другому, заградив уста его словами: *ни ли ты боишися Бога, яко в том же осужден еси* (Лк. XXIII, 40). Таково было их нечестие! Впрочем, это нисколько не повредило Его славе, – почему и говорит (апостол): *темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене.*

4. Блаженный Павел когда коснулся плоти, то все уничижительное говорит уже безбоязненно. А доколе не сказал, что Он принял зрак раба, но говорил только о божестве, смотри, как возвышенно (говорил)! Возвышенно, разумею — по силе: достоинства Его не выражает, потому что не может: *во образе Божии сый,* говорит, *не восхищением непщева быти равен Богу.* Когда же сказал, что Он вочеловечился, то безбоязненно уже говорит об уничижении, зная верно, что уничижительные выражения нимало не унижают божества, так как относятся к Его плоти. *Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Иисусове всяко колено поклонится, небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.* Скажем против еретиков. Если это говорится не о воплотившемся, если о Боге Слове, то как *превознесе Его?* Ужели давши что-либо большее? В таком случае Он был бы несовершен и через нас сделался бы совершенным, а если бы Он не благодетельствовал нам, то не получил бы чести. *И дарова,* говорит, *Ему имя.* Вот, по-вашему, Он не имел даже и имени. Если же принял должное, то как признавать Его принявшим по благодати и дару даже *имя, еже паче всякаго имене?* Какое же имя, посмотрим. *Да о имени* Иисуса Христа, говорит, *всяко колено поклонится.* Под именем сами они разумеют славу. Следовательно, эта слава выше всякой славы: слава же состоит в поклонении Ему. Далеки от величия Божия вы, думающие знать Бога, как Он знает Сам Себя. И из этого уже видно, сколько далеки вы от (правого) понятия о Боге, видно также и из следующего. Если (в поклонении) состоит слава Его, то скажи мне: прежде чем произошли люди, ангелы, архангелы, Он не был в славе? Если эта слава выше всякой славы, а таково значение слов: *паче всякаго имене,* если Он (до сотворения мира) хотя и был в славе, но в меньшей, нежели теперь, то, значит, все существующее Он сотворил для того, чтобы быть в славе, (сотворил) не по благости, но имея нужду в славе от нас. Видите ли неразумие? Видите ли нечестие? А когда (апостол) сказал это о воплотившемся, он имел для этого основание. Слово Божие позволяет говорить так о плоти, потому что

все это не касается естества (Божия), но имеет отношение к домостроительству (воплощению). После того не остается никакого прощения тем, которые злоумствуют, будто слова эти относятся к божеству. Потому, когда говорим: Бог сотворил человека бессмертным, я, хотя и о целом говорю, знаю, что говорю. Что же значит: *небесных, и земных, и преисподних?* То есть весь мир, и ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грешники. *И всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца,* то есть чтобы все говорили это; а в этом состоит слава Отца. Видишь ли, что везде славится Отец, когда славится Сын? Так равно, когда Сын бесчестится, бесчестится и Отец. Если так бывает у нас, где между отцами и сыновьями много различия, то тем более у Бога, где нет никакого различия, честь и бесчестие переходят (от Сына на Отца). Если вселенная покорена Сыну, как сказано, то это слава Отца, – следовательно, и в том слава Отца, когда мы говорим, что (Сын) совершен, ни в чем не имеет недостатка, что Он не меньше Отца. Это служит важным свидетельством и силы (Отца), и Его благости и премудрости, что Он родил такого Сына, Который нисколько не меньше ни по благости, ни по премудрости. Когда я говорю, что (Сын) премудр, как Отец, и ничем не меньше Его, то в этом свидетельство о великой премудрости Отца. Когда говорю, что Он всемогущ, как Отец, то в этом свидетельство о могуществе Отца. Когда говорю, что Он благ, как Отец, то в этом величайшее доказательство благости Отца, что Он родил такого Сына, Который ничем не меньше Его и ни в чем не имеет недостатка. Когда говорю, что (родил Сына) не меньшего по сущности, но равного, и не другой сущности, то и этим также восхваляю Бога и Его силу, и благость, и премудрость, что Он явил нам из Себя другого такого же, кроме того только, что Он не Отец. Таким образом все, что говорю великого о Сыне, переходит на Отца. И если это малое и ничтожное (а подлинно мало для славы Божией, что Ему поклоняется вселенная) служит во славу Божию, то не гораздо ли более – все прочее?

5. Итак, будем веровать во славу Его и жить во славу Его. Одно без другого бесполезно, так что, если прослав-

ляем хорошо, а живем нехорошо, то весьма оскорбляем Его, потому что, признавая Его Владыкою и Учителем, презираем Его и не боимся страшного суда Его. Нечистая жизнь эллинов (язычников) нимало неудивительна и не заслуживает большого осуждения; но подобная нечистая жизнь христиан, участвующих в таковых таинствах, наслаждающихся такой славой, всего хуже и несноснее. Скажи мне: (Христос) был послушлив до крайней степени повиновения и за это получил высокую честь; Он сделался рабом, и за это Он Владыка всего, и ангелов и всех прочих. Потому и мы не должны думать, что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Тогда-то по всей справедливости мы и выше; тогда-то особенно и достойны почтения. А что высокий низок, смиренный же высок, — (в доказательство этого) достаточно и слов Христовых, выражающих это. Впрочем, исследуем самое дело. Что значит быть смиренным? Не то ли, что терпеть унижение, порицание и клеветы? А что значит быть высоким? Не то ли, что быть в почтении, в похвале, в славе? Хорошо. Посмотрим же, как это бывает. Сатана был ангел и превознесся. Что же, не более ли всех унижен? Не землю ли имеет он своим жилищем? Не все ли порицают и хулят его? Павел, будучи человеком, уничижил себя. Что же, не почитают ли его? Не хвалят ли его? Не прославляют ли его? Не друг ли он Христов? Не совершил ли он дел больше тех, которые Христос сотворил? Не повелевал ли он часто диаволу, как невольнику? Не оглашал ли его, как палача? Не смеялся ли над ним? Не попирал ли головы его своими ногами? Не молился ли об этом с великим дерзновением и для других? Что об этом говорить? Вознесся Авессалом, смирился Давид: кто же из них стал высок, кто славен? Что, в самом деле, могло быть смиреннее слов, которые блаженный этот пророк произнес касательно Семея: *оставите его проклинати мя: яко Господь рече ему* (2 Цар. XVI, 11)? Если угодно, исследуем также и самые дела. Смирился мытарь; хотя поступок этот и не был смиренномудрием, но как-то кротки сказанные им слова. Вознесся фарисей. Но, пожалуй, оставим лица, исследуем дела. Пусть предстанут двое какие-нибудь, оба и бога-

тые, и имеющие великую честь, и гордящиеся мудростью, властью и другими мирскими преимуществами. И пусть один из них ищет от всех почестей и, не получая их, гневается, требует сверх должного и возносится. А другой пусть пренебрегает этим, ни на кого не досадует за то, даже и воздаваемую честь отвергает. Кто же из них больше — не получающий и ищущий, или же пренебрегающий и тем, что дают? Ясно, что последний. И справедливо. Ведь не иначе можно получить славу, как избегая славы: доколе мы гоняемся за нею, она убегает от нас; а когда бегаем от нее, она преследует нас. Если хочешь быть славен, не желай славы; если хочешь быть высок, не будь высок. Но есть и другая причина, почему чуждающегося чести все почитают, а ищущего ее презирают, — именно та, что род человеческий по природе как-то любит спорить и противодействовать. Итак, будем пренебрегать славой: таким образом сможем сделаться смиренными, или, лучше, высокими. Чтобы быть вознесенным от другого, не возноси сам себя. Кто сам себя возносит, того не возносят другие; а кто уничижает сам себя, того другие не уничижают. Гордость — великое зло. Лучше быть глупым, нежели гордым; у первого обнаруживается лишь глупость, как недостаток ума, а у последнего хуже — глупость вместе с неистовством. Глупый — зло для самого себя; а гордый и для других язва. Гордость рождается от глупости; нельзя быть высокоумным, не будучи глупым; кто слишком глуп, тот и горд. Послушай, что говорит один мудрец: *видех мужа непщевавша себе мудра быти: упование же иматъ безумный паче его* (Притч. XXVI, 12). Видишь ли, не напрасно я сказал, что это зло хуже глупости? *Упование*, сказано, *иматъ безумный паче его*. Потому и Павел говорит: *не бывайте мудри о себе* (Рим. XII, 16). В телах, скажи мне, какие (части) мы называем здоровыми? Те ли, которые слишком вздулись и очень наполнены воздухом и водою или ровные и имеющие умеренную величину? Очевидно, что последние. Так и душа надменная имеет болезнь хуже водянки, а смиренная свободна от всякого недуга. А сколько доброго рождает в нась смиренномудрие? Чего хочешь? Терпения ли в напастях? Незлобия ли? Человеколюбия ли?

Трезвенности ли? Внимательности ли? Все эти добродетели (происходят) от смиренномудрия; а от гордости противное. Гордый необходимо бывает и обидчик, и драчун, и гневлив, и жесток, и угрюм, и более зверь, нежели человек. Ты силен и высокоумствуешь? Но поэтому тебе следует более смиряться. Для чего ты много думаешь о ничтожной вещи? Ведь и лев смелее тебя, и вепрь сильнее; а ты в сравнении с ними ничтожнее даже комара. И разбойники, и гробокопатели, и единоборцы, и собственные твои рабы, в том числе, быть может, самые глупые, сильнее тебя. Итак, стоит ли хвалиться этим, и не унижаешь ли ты сам себя, гордясь этим? Ты благообразен и красив? Это хвастовство свойственно воронам. Ты не красивее павлина, ни по цвету, ни по перьям; в этом птица имеет преимущество; она много превосходит тебя перьями, цветом. И лебедь весьма красив, и многие другие птицы, с которыми если ты сравнишь себя, то сам себе покажешься ничтожным. Притом часто и дети низкого состояния, и девицы незамужние, и блудные жены, и мужи женоподобные хвалятся этим. Итак, стоит ли этим гордиться?

6. Но ты богат? Чем? Что ты приобрел? Золото, серебро, драгоценные камни? Этим могут хвалиться и разбойники, и человекоубийцы, и работающие в рудниках. Значит, труд осужденных для тебя похвала. Но ты украшаешься и наряжаешься? И коней можно видеть в нарядной упряжи; у персов можно видеть и верблюдов красиво убранных; а между людьми – и всех появляющихся на сцене. Итак, не стыдно ли тебе много думать о том, что у тебя общее с бессловесными животными, и рабами, и человекоубийцами, и женоподобными, и разбойниками, и гробокопателями? Но ты строишь великолепные палаты? Что же такое? Многие галки живут еще в более великолепных, привитают даже в священных (местах). Разве не видишь, что дома сумасбродных богачей, построенные на полях и пустых местах, служат пристанищем для галок? Ты гордишься голосом? Однако же ты никогда не можешь петь приятнее лебедя и соловья. Гордишься разносторонностью в искусстве? Но кто в этом отношении мудрее пчелы? Какой

искусник, какой живописец, какой геометр сможет подражать работам ее? Гордишься тонкостью одежды? Но в этом превосходят тебя пауки. Гордишься быстротой ног? И в этом преимущество принадлежит бессловесным, зайцу и серне, да и многие из домашнего скота не уступят тебе в быстроте ног. Ты путешествуешь? Но не больше птиц; они гораздо удобнее совершают путешествие, не имеют нужды ни в путевом запасе, ни во вьючном скоте, довольствуются для всего крыльями; крылья у них и корабль, и вьючный скот, и повозка, и ветер, и вообще все, что угодно. Ты имеешь острое зрение? Но не как серна и не как орел. Ты имеешь тонкий слух? Но у осла еще тоньше. Ты имеешь обоняние? Но собака не даст тебе превзойти себя в этом. Ты способен приготовлять запасы? Но уступаешь в этом муравью. Ты носишь золотую одежду? Но не такую, как индийские муравьи. Ты здоров? Но бессловесные много превосходят нас и здоровьем и средствами; они не боятся нищеты. *Воззрите*, сказано, *на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы* (Мф. VI, 26). Итак, скажут, Бог сотворил бессловесных лучшими, нежели нас. Видишь ли, какое безрассудство? Видишь ли, какая необдуманность? Видишь ли, сколько предметов открывает нам исследование? Почитающий себя выше всех людей оказался ниже и бессловесных. Но пощадим его, подражать же ему не будем, и низведши его на степень бессловесных за то, что он возмечтал о себе выше нашего естества, не оставим его, но возведем отсюда, не ради него, – он заслужил такое состояние, – но ради того, чтобы проявилось человеколюбие Божие и та честь, которой мы удостоены. Есть, подлинно есть у нас нечто такое, к чему бессловесные вовсе непричастны. Что же это такое? Благочестие и добродетельная жизнь. Здесь не может быть речи ни о блудниках, ни о женоподобных, ни о человекоубийцах: мы далеки от них. Что же это такое? Мы знаем Бога, признаем Его промысл, любомудрствуем о бессмертии: в этом отношении бессловесные уступают. Мы судим об этом здраво, не сомневаясь: в этом отношении бессловесные не имеют ничего общего с нами. Мы, будучи слабее всех жи-

вотных, обладаем ими. В том и состоит превосходство власти, что мы, при всех недостатках в сравнении с животными, царствуем над ними, а это для того, чтобы ты понял, что не ты виновник этого, но Бог, сотворивший тебя и даровавший тебе разум. Мы ставим для них сети и тенета, загоняем их и овладеваем ими. У нас целомудрие, скромность, кротость, презрение к деньгам. Но так как ты, принадлежащий к числу гордых, не имеешь ни одной из этих добродетелей, то, конечно, ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и бессловесных. Такова-то гордость и дерзость: она или слишком возносится, или слишком унижается, ни в чем не соблюдая меры. Мы (своими добродетелями) равняемся ангелам, нам обещано царство и торжество со Христом. Человек терпит удары и не падает, он презирает смерть, не трепещет, не боится ее и не желает большего. Потому все, которые не таковы, хуже бессловесных. Действительно, если ты имеешь много телесных преимуществ, а душевных не имеешь, то как же ты не хуже бессловесных? Представь себе кого-либо самого порочного, живущего в неге и изобилии: конь способнее его к войне, вепрь крепче, заяц быстрее, павлин красивее, лебедь благозвучнее, слон больше, орел зорче, все птицы богаче. Почему же ты достоин чести обладать бессловесными? По разуму? Но нет. Если ты употребляешь его не надлежащим образом, то опять ты хуже их, потому что когда ты, имея разум, бываешь глупее бессловесных, то лучше было бы, если бы ты сначала не был разумным. Не одно и то же – принявши власть, потерять ее, и не принимать в самом начале. Для царя, который хуже оруженосцев, было бы лучше, если бы он не облекался в порфиру. Так точно и здесь. Итак, зная, что без добродетели мы хуже бессловесных, будем подвизаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше – ангелами, и наслаждаться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Темже, возлюбленнии мои, якоже всегда послушасте, не якоже в пришествии моем точию, но и ныне много паче во отшествии моем, со страхом и трепетом свое спасение содевайте. Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти о благоволении. Вся творите без роптания и размышления, да будете неповинни и цели, чада Божия непорочна посреде рода строптива и развращена, в нихже являетеся якоже светила в мире, слово животно придержаще, в похвалу мне в день Христов (Флп. II, 12–16)

1. Увещания должно соединять с похвалой. Тогда они и удобоприемлемы бывают, когда увещеваемым указываем на их собственную ревность, как и Павел здесь делает. И смотри, как благоразумно: *темже, возлюбленнии мои,* говорит. Не сказал просто: послушайте, но сперва похвалил и сказал: *якоже всегда послушаете,* то есть прошу вас подражать не другим, а себе самим. *Не якоже в пришествии моем точию, но много паче во отшествии моем.* Почему *много паче во отшествии моем!* Тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне и из стыда, а теперь нет. Потому, если окажется, что вы теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога. Чего ты хочешь (Павел), скажи? Того (говорит), чтобы вы не слушали только меня, но и со страхом и трепетом соделывали свое спасение, так как, живя без страха, нельзя совершить ничего благородного и удивительного. И не просто сказал: *со страхом,* но присовокупил: *и трепетом,* – что составляет высшую степень страха, – желая сделать (филиппийцев) более внимательными. Такой страх имел Павел. Потому он и говорил: боюся, *да не како иным проповедуя, сам неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Действительно, если житейских дел нельзя совершать без страха, то не тем ли более духовных? Скажи мне: кто выучился грамоте без страха? Кто сделался опытным в искусстве без страха? Если же там, где не подстерегает диавол, а только леность тяготит, нужен нам такой страх, чтобы отвратить естественное только нерадение,

то при такой борьбе, при таких препятствиях, как можно спастись когда-либо без страха? Как же может родиться этот страх? Если мы будем помышлять, что Бог везде присутствует, все слышит, все видит, не только дела и слова, но и все происходящее в сердце, и в глубине души: *судителен бо есть помышлением и мыслем сердечным* (Евр. IV, 12). Если так настроим себя, то и не сделаем, и не скажем, и не помыслим ничего худого. Вот, скажи мне, если бы ты всегда стоял близ твоего начальника, то не со страхом ли бы стоял? Как же, предстоя перед Богом, смеешься, прислоняешься (к стене), не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением, с которым Он ведет тебя к покаянию, что бы ты ни делал, делай с мыслью о вездеприсутствии Божием. Он действительно везде присутствует, а потому принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гневаешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствиям, или что другое делаешь, — вспомни о присутствии Божием, и никогда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом. Если такую мысль будешь иметь постоянно, то постоянно будешь в страхе и трепете, как бы стоял близ самого царя. Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, все же стоит со страхом и трепетом, боясь упасть с здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взошел на высоту: держи же себя крепко, стой со страхом и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда. Много ведь духов злобы, хотящих низвергнуть тебя. *Работайте,* сказано, *Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. II, 11). Как же может быть радость с трепетом? Она-то одна и есть радость. Мы тогда только и радуемся, когда сделаем что-либо доброе, и такое, что свойственно делающим с трепетом. *Со страхом и трепетом свое спасение содевайте.* (Апостол) не сказал: делайте, но: *содевайте,* то есть с великим старанием, с великим усердием. А так как словами *со страхом и трепетом* сделал их боязливыми, то смотри, как он смягчает боязливость. Что именно говорит? *Бог есть действуяй в вас.* Не бойся, что я сказал: *со страхом и трепетом.* Я сказал не для того, чтобы ты отказался, чтобы почитал добродетель чем-то недоступным, но чтобы ты был внимателен, чтобы не рассеивался. Если это будет, то Бог все

сделает, а ты дерзай: *Бог бо есть действуяй в вас*. Потому, если Он Сам действует, то мы должны (со своей стороны) показывать намерение постоянно твердое, сосредоточенное, не рассеянное. *Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти*. Если Он действует в нас *еже хотети*, то как же ты побуждаешь нас? Если Бог действует в нас *еже хотети*, то напрасно говоришь нам: *послушаете*, – мы не (сами по себе) слушаемся. Напрасно говоришь: *со страхом и трепетом*, потому что все есть дело Божие. Не для того я сказал: *Бог бо есть действуяй, и еже хотети и еже деяти*, но для того, чтобы ослабить вашу боязливость. Когда ты захочешь, тогда и Он будет действовать *еже хотети*. Не бойся и не изнемогай, Он дает нам и усердие и самую деятельность. Когда мы захотим, то Он еще усилит наше хотение. Например, я хочу сделать что-либо доброе, Он совершает это доброе, Он же производит и хотение. Или (так нужно понимать слова апостола, или он) говорит это по особенной предусмотрительности, подобно тому, как и добродетели наши называет дарами (Божиими).

2. Потому, как, называя добродетели дарами (Божиими), не отнимает у нас самодеятельности, но оставляет ее в нас, так и словами *Бог есть действуяй* в нас *еже хотети* не лишает нас самодеятельности, но показывает, что через доброе действование мы приобретаем большую расположенность (к хотению). Как от делания рождается охота делать, так от неделания происходит нежелание делать. Подал ты милостыню? Более расположил себя к даянию. А не подал? Меньше стал расположен к даянию. Провел воздержно один день? Имеешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность *нечестивый*, сказано, *егда приидет во глубину зол, нерадит* (Притч. XVIII, 3) Следовательно, как пришедший во глубину зол нерадит, так пришедший во глубину благ тщится. Как тот, отчаявшись, делается более нерадивым, так этот, помышляя о множестве добрых дел, делается рачительнее, боясь, чтобы не потерять всего. *О благоволении*, говорит, то есть по любви (к Богу), для угождения Ему, чтобы совершалось приятное Ему и по Его воле. Здесь (апостол) показывает и уверяет, что точно (Бог) действует, так как Он желает, чтобы мы жили по Его воле. А если

Он желает этого, и притом сам действует, то, конечно, и это сделает, потому что Он хочет, чтобы мы жили праведно. Видишь ли, как не отнимается самодеятельность? *Сия вся творите,* говорит, *без роптания и размышления.* Диавол, когда не в силах отвлечь нас от делания добра, тогда иным образом старается лишить нас награды: он внушает или тщеславие, или гордость, а если не это, то ропот, если же ничего такого, то сомнение. Итак, смотри, как Павел очищает это. Он сказал о смиренномудрии, что вы уже слышали, чтобы истребить гордость, сказал о тщеславии, чтобы низложить надменность. Выше говорил: *не якоже в пришествии моем точию;* а здесь говорит о ропоте и сомнении. Почему же он, истребляя эту страсть в коринфянах, упомянул и об израильтянах, а здесь не сказал ничего такого, но просто повелел. Потому что там (страсть) эта уже была, вследствие того нужно было нанести и удар сильнее и сделать больший выговор; а здесь он увещевает, чтобы не было ее. Не согрешивших еще было бы излишне предостерегать укоризнами. Потому и побуждая к смиренномудрию, не предложил примера евангельского, где гордые унижены, но для убеждения представил в пример Бога, и беседует с ними, как с свободными, как с родными детьми, а не как с рабами. Ведь благоразумный и благородный побуждается к добрым делам примером добродетельных, а безрассудный – не их примером, но наказываемых; тот – честью, а этот – наказанием. Потому и в послании к Евреям вывел на сцену Исава, который за одну снедь продал первородство; и еще: *аще обинется, не благоволит душа моя о нем* (Авв. II, 4; Евр. X, 38). И между коринфянами много было любодействовавших, почему (апостол) и сказал: *да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте и блужении и студоложствии, яже содеяша* (2 Кор. XII, 21). *Да будете,* говорит, *неповинни и цели,* то есть беспорочны и чисты, так как ропот налагает немалое пятно. Что же значит: *без размышления?* Хорошо ли это или нехорошо? Не рассуждайте, говорит, хотя бы труд предстоял, хотя бы скорбь, хотя бы что другое. Не сказал: да не будете наказаны, потому что наказание полагается за дело, в послании к Коринфя-

нам он и на это указал, здесь же ничего такого не сказал, но: *да будете неповинни и цели, чада Божия непорочна посреде рода строптива и развращенна, в них* же *являетеся, яко же светила в мире, слово животно придержаще, в похвалу мне в день Христов.* Видишь ли, что (апостол) научает (филиппийцев) не роптать? Ропот свойствен рабам непризнательным и бесчувственным. В самом деле, скажи мне, какой сын ропщет, трудясь на пользу отца и трудясь для самого себя? Подумай, говорит он, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себе самому. Роптать – дело тех, которые трудятся для других, работают на других; а тому, кто собирает для себя самого, из-за чего роптать. Из-за того ли, что не увеличивается его богатство? Но это не причина. Зачем роптать тому, кто трудится добровольно, без принуждения? Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену. Или не видишь, что и в домах наших мы всегда говорим так: лучше бы этого не делать, нежели делать с ропотом? И часто решаемся лучше лишиться своей прислуги, нежели терпеть ропщущего. Тяжел, несносен ропот; он близок к хуле. Иначе за что бы те (роптавшие) были так наказаны? Ропот – это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульник. И что особенно важно – тогда были непрерывные искушения, и частые опасности, не было никакого покоя, никакой отрады, тысячи бед лились отовсюду, а ныне глубокий мир, ныне спокойствие.

3. Отчего же ты ропщешь? Оттого ли, что беден? Но подумай об Иове. Оттого ли что болен? Что же было бы, если бы ты и одержим был болезнью, и вместе сознавал в себе столько совершенств и добродетелей, сколько тот святой? Представь еще и то, что он долго был весь в червях, сидел на гноищи и непрестанно соскабливал гной: *времени же,* сказано, *многу минувшу, рече к нему жена: доколе терпиши глаголющи, се пожду время еще мало? Рцы глагол некий ко Господу, и умри* (Иов. II, 9). Но у тебя умер сын? Что ж, если бы ты, подобно ему, лишился всех, и притом лютой смертью? Вы знаете, хорошо знаете, что (для родителей) много утешения, – сидеть при больном, сомкнуть уста, закрыть гла-

за, прикоснуться к щекам, услышать последние слова. Но этот праведник ничего такого не сподобился; все (его дети) вместе были засыпаны. И что я говорю это? Если бы тебе, как блаженному тому патриарху, повелено было самому заклать своего сына, принести в жертву и видеть его сожженным, что бы ты сделал? А каков он был, когда созидал жертвенник, возлагал дрова и вязал отрока? Тебя некоторые поносят? Что же было бы с тобою, когда бы ты услышал это от друзей, пришедших для утешения? Ныне мы имеем много грехов, и справедливо поносят нас; а тогда *истинен, праведен, благочестив, удаляяйся от всяния лукавыя вещи* (Иов. I, 1) от друзей слышал противное (этим его качествам). Что же, скажи мне, если бы ты от жены услышал укоризны: *аз скитающися и служащи, место от места преходящи, и дом от дому, ожидающи солнца, когда зайдет, и почию от болезней, яже мя обдержат* (Иов. II, 9)? Для чего ты говоришь это, безумная? Ужели муж – виновник этого для тебя? Не он, а диавол. *Рцы*, говорит, *глагол некий ко Господу, и умри*. Разве легче было бы тебе, когда бы лежащий (муж твой) сказал и умер? Нет болезни, которая была бы тяжелее этой, хотя бы ты указал тысячи. Она (болезнь Иова) такова была, что он не мог даже оставаться в доме и под кровом, такова, что все отступились (от него). Если б он не страдал неизлечимо, то не сидел бы вне города, будучи в худшем состоянии, нежели одержимые проказой. Эти и в дома входят, и собираются друг с другом; а он, проводя ночи под открытым небом на гноищи нагой, не мог надеть на себя и одежды. Почему? Потому, вероятно, что приложилась бы болезнь к болезням. *Обливаю*, говорит, *грудие земли гной стружа* (Иов. VIII, 5). Плоть его производила гной и червей, и это непрестанно. Видишь ли, как каждый из нас цепенеет, слыша это? Если же несносно слышать это, то сносно ли видеть? А если несносно видеть, то тем более терпеть. Однако же праведник терпел, и притом не два или три дня, но долгое время, и не согрешил даже и устами своими. Какую ты можешь назвать мне болезнь, которая была бы соединена с столь многими страданиями? Не хуже ли слепоты это было? *Смрад бо зрю*, говорит, *брашна моя* (Иов. VI, 7). И мало того, даже ночь и

сон, доставляющие другим покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелее всякой пытки. Послушай, что он говорит: для чего *устрашавеши мя сониями, и видениями ужасаеши мя* (VII, 14)? При наступлении утра, я говорю: когда-то вечер? И в таких страданиях он не роптал. И не в них только было горе, но и в худом мнении многих: на него наконец стали смотреть, как на виновного в бесчисленных пороках, за которые он страдал. Даже друзья говорили ему: ты наказан по мере твоих грехов (см.: Иов. XI, 6). Поэтому и он говорил: *и учат мя малейшии, ихже не вменях достойными псов моих стад* (XXX, 1). Скольких смертей это не тяжелее? Однако же, несмотря на то, что был отовсюду обуреваем такими волнами, что отовсюду поднималась страшная непогода, тучи, буря, гром, водовороты, вихри, – он во время этих великих и страшных волн пребыл непоколебим, как бы в тихую погоду, и не роптал. И это было прежде благодати, прежде чем сказано было что-либо о воскресении, или о геенне, наказании и мучении. А мы, слыша и пророков, и апостолов, и евангелистов, видя бесчисленные примеры и узнавши учение о воскресении, все еще негодуем, хотя никто не может сказать, что его постигли столь многие бедствия. В самом деле, если кто и лишился имущества, то не лишился еще стольких сыновей и дочерей, если же и лишился, то, быть может, за грехи. А он (лишился) внезапно, во время жертвоприношения, во время служения Богу. Если даже кто лишился и детей и вместе такого богатства, – что, впрочем, невозможно, – то не был весь в ранах и не соскабливал гноя; а если и случилось так, то не имел нападающих и поносящих, что обыкновенно уязвляет нас более всего, более самых бедствий. Действительно, если мы во время бед, имея утешающих и ободряющих и возбуждающих благую надежду, так сетуем, то подумай, что было бы, когда бы мы имели еще поносящих? Если тяжело и несносно (выраженное в словах): *ждах соскорбящаго, и не бе, и утешающих, и не обретох* (Пс. LXVIII, 21), то каково – вместо утешающих найти поносящих? *Утешителие зол вси,* говорит (Иов) (XVI, 2).

4. Если бы мы всегда имели это перед глазами, если бы размышляли об этом, то никакие обстоятельства не огор-

чали бы нас при виде этого подвижника, этой адамантовой души, этого крепкого — медного сердца. Он как будто обложен был медным или каменным телом, — все переносил мужественно и терпеливо. Помышляя об этом, будем все делать без ропота и сомнения. Делаешь ты что-либо доброе и ропщешь? Почему? Разве настоит тебе необходимость? Знаю, говорит (Павел), что многие из ближних ставят вас в необходимость — роптать (на это он намекает словами: *посреде рода строптива и развращена)*, но это-то и удивительно быть раздражаемым и нисколько того не чувствовать. Звезды блистают ночью, видятся во тьме и нисколько не теряют своей красоты, являются даже блистательнее, а при свете являются не в таком виде: так и ты сияешь более, когда остаешься правым среди развратных. Удивительное дело быть непорочным. А чтобы этого не говорили, (апостол) предварительно сам сказал это. Что значит: *слово животно придержаще?* Значит: имея жить (в будущем веке), принадлежа к числу спасаемых. Смотри, как скоро он полагает награды. Светила, говорит, заключают причину света, а вы — причину жизни. Что значит: *слово животно?* Значит: имея семя жизни, то есть имея залог жизни, содержа самую жизнь, то есть имея семя жизни в вас. Вот что называет словом жизни. Следовательно, прочие все мертвы: на это именно указал он, сказав таким образом, а иначе, и прочие заключали бы слово жизни. *В похвалу мне,* говорит. Это что значит? И я, говорит, участвую в ваших благах. Добродетель ваша такова, что не только вас спасает, но и меня прославляет. Что же за похвала тебе, блаженный Павел? За нас тебя мучат, гонят, обижают. Потому-то и говорит: *в день Христов, яко не вотще текох, не вотще трудихся;* но всегда имею хвалиться, говорит, *яко не вотще текох. Но аще и жрен бываю* (ст. 17). Не сказал: но если и умираю, подобно как и в послании к Тимофею, где употребил то же слово, говоря: *аз бо уже жрен бываю* (2 Тим. IV, 6). И утешает их относительно своей смерти, и научает охотно переносить смерть за Христа. Я делаюсь, говорит, как бы возлиянием и жертвой. О, блаженная душа! Жертвой называет приведение их. Подлинно, принести в жертву душу гораздо лучше, не-

жели принести волов. Итак, если к этому приношению и сам себя присоединю, как возлияние, то радуюсь, говорит, о смерти моей. На это он и намекает, говоря: о *жертве и службе веры радушен, и сорадуюся всем вам: тако же и вы радуйтеся, и сорадуйтеся мне* (ст. 18). Почему сорадуешься? Видишь ли, как показывает, что и они должны радоваться? Радуюсь, говорит, потому что делаюсь возлиянием, а сорадуюсь, как приносящий жертву. Об этом же и вы радуйтесь, и сорадуйтесь, что я приношусь в жертву. Сорадуйтесь, говорит, мне, радующемуся о своей смерти. Подлинно, кончина праведников достойна не слез, но радости. Если они радуются, то должно сорадоваться им. И неприлично нам плакать, когда они радуются. Но мы, говорят, желаем сожительства с ними! Это предлог, отговорка. Смотри, что завещевает он филиппийцам: *радуйтеся мне и сорадуйтеся.* И ты желаешь сожительства с ними? Если бы ты сам здесь оставался, то справедливо бы так говорил; если же немного спустя будешь там, где отшедший, то какого сожительства желаешь? Сожительства желает тот, кто навсегда разлучен, а если и он идет с тобой по одному пути, то какого сожительства желаешь. Отчего мы не оплакиваем отправляющихся в путешествие, или, немного поплакавши, спустя день, два, перестаем? Если желаешь сожительства, то плачь лишь столько, сколько нужно для обнаружения в себе природы (человеческой), а потом радуйся, как и Павел, который говорил: не чувствую ни малейшей скорби, и даже радуюсь, отходя ко Христу: *и вы радуйтеся,* говорит, *и сорадуйтеся мне.* Будем же радоваться и мы, когда видим умирающим праведника, а более, когда видим умирающим коголибо из отчаянных. Тот отходит с надеждой получить награду за труды свои, а этот пресекает грехи свои. Но, может быть, скажут: оставаясь в живых, он переменился бы. Не взял бы его Бог, если бы он намерен был перемениться. Все устраивающий для нашего спасения почему бы не оставил (в живых) того, кто намерен благоугождать Ему? Если Он оставляет не исправляющихся, то тем более исправляющихся. Итак, вовсе перестанем печалиться, вовсе перестанем плакать, будем благодарить Бога за все, будем

делать все без ропота, будем радоваться и благоугождать Ему во всем, чтобы получить и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Уповаю же о Господе Иисусе Тимофеа вскоре послати к вам, да и аз благодушествую, уведев, яже о вас. Ни единаго бо имам равнодушна, иже приснее о вас попечется. Вси бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса (Флп. II, 19—21)

1. (Апостол) сказал: *яко, яже о мне, паче во успех благовествования приидоша: яко узы мои явленны быша во всем судищи;* и еще: *аще и жрен бываю о жертве и службе веры вашея* (Флп. I, 12, 13). Этим утверждал их (филиппийцев). Быть может, они подумали бы, что прежнее сказано для утешения. Что ж он делает и как отклоняет такую мысль? Говорит: Тимофея посылаю к вам, так как они сильно желали слышать обо всем касательно его. Почему же он не сказал: чтобы вы узнали о моих обстоятельствах, но чтобы я узнал о ваших? (Потому что) о его обстоятельствах, прежде Тимофея, мог возвестить Епафродит. Поэтому далее и говорит: *потребнее же возмнех Епафродита брата послати к вам* (ст. 25). Желаю знать, говорит, о ваших обстоятельствах. Вероятно, (Епафродит) по телесной болезни долго пробыл при Павле, потому и говорит, что непременно хочу знать о ваших обстоятельствах. Смотри, как все относит ко Христу, даже отправление Тимофея, говоря: *уповаю же о Господе Иисусе,* то есть я уверен, что Бог мне поможет в этом, *да и аз благодушествую, уведев, яже о вас.* Как вас, говорит, ободрил я известием о том, о чем вы молились касательно меня, что евангелие преуспевает, что (враги) посрамлены, что они доставили (мне) радость тем самым, чем думали вредить, так и я желаю знать о ваших обстоятельствах, *да и аз благодушествую, уведев, яже о вас.* Здесь показывает, что они должны радо-

ваться о его узах и последовать ему в этом: а действительно (узы) доставили ему великое утешение. Слова *да и аз благодушествую* значат: как и вы (благодушествуете). О, какую нежную любовь имел он к Македонии! И фессалоникийцам то же изъявляет, когда говорит: *мы же осиротевше от вас ко времени часа* (1 Фес. II, 17). И здесь говорит: *уповаю послати Тимофеа,* чтобы мне знать о ваших обстоятельствах. Это знак величайшего попечения. Когда сам не мог прийти, то посылал учеников своих, не вынося даже и на короткое время оставаться в неведении о происходящем у них: ведь не от духа же он все узнавал. Этому и надлежало быть. Если бы ученики были уверены в том, то сделались бы бесстыдными; а теперь, в чаянии укрыться, они удобнее исправлялись. Словами же *да и аз благодушествую* делал их более внимательными к себе и более рачительными, так что если бы Тимофей не пришел, то он нашел бы и другого, который бы известил его. (Однажды) и сам (апостол) употребил этот способ, отложив свое пришествие для того, чтобы исправились коринфяне. Потому и писал: *щадя вас ктому не приидох в Коринф* (2 Кор. I, 23). Любовь обнаруживается не через извещение только о своих обстоятельствах, но и через старание узнать о их обстоятельствах. Таково свойство души попечительной, души заботливой и всегда беспокоющейся. А вместе и честь им делает, посылая Тимофея. Что ты говоришь? Посылаешь Тимофея? Почему? Да, говорит: *ни единаго бо имам равнодушна,* то есть подобно мне заботливого, *иже приснее о вас попечется.* Итак, он не имел при себе никого равноусердного? Никого. Что ж это значит? То же, что – подобно мне заботящегося и пекущегося о вас. Иной не так легко, говорит, решился бы по этой причине совершить столь дальний путь. А Тимофей любит вас, как я. Можно бы послать и других, но такого никого нет. Следовательно, быть равноусердным – значит любить учеников, подобно ему. *Иже,* говорит, *приснее о вас попечется,* то есть отечески. *Вси бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса,* то есть своего собственного покоя и безопасности. То же говорит он и в послании к Тимофею. Для чего он скорбит об этом? В намерении научить слушающих – не быть таковыми, научить

слушающих – не искать праздности. Ищущий праздности ищет *не яже Христа,* но *своих си;* а мы должны быть готовы на всякий труд, на все тягостное. *Искусство же его,* говорит, *знаете, зане якоже отцу чадо, со мною поработал в благовестии* (ст. 22). Не без причины говорю это; вы сами знаете, что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании. Здесь справедливо похваляет Тимофея, чтобы они приняли его с великой честью. Это делает и в послании к Коринфянам, говоря: *да никтоже его уничижит: дело бо Господне делает, якоже и аз* (1 Кор. XVI, 10, 11), – заботится не о нем, но о принимающих его, чтобы они получили за то великую награду. *Сего же убо,* говорит, *уповаю послати абие, повнегда увем, яже о мне* (ст. 23), то есть когда увижу, в каком состоянии буду, и какой конец будут иметь мои дела. *Надеюся же о Господе, яко и сам скоро прииду к вам* (ст. 24). Не потому посылаю его (Тимофея), будто сам не приду, но чтобы мне ободриться, узнав о ваших обстоятельствах, и чтобы в этот промежуток времени не находиться в неведении. *Надеюся же о Господе,* говорит, то есть ежели Богу будет угодно.

2. Смотри, как все приписывает Богу и ничего не говорит от своего ума. *Потребнее же возмнех Епафродита брата и споспешника и своинника моего* (ст. 25). И его посылает опять с такими же похвалами, с какими и Тимофея. В этом последнем он указывает следующие два качества: что он любит их, словами: *иже приснее о вас попечется,* и – что он заслужил похвалу в благовестии. И Епафродита похвалил за то же, и для той же цели, для какой и Тимофея. Как? Сказать: *брата и споспешника,* и не остановиться на этом, но прибавить еще: *и своинника,* значит показать его великое участие в бедах и засвидетельствовать о нем то же, что и о себе самом. *Своинника* же больше значит, нежели *споспешника.* Иной мог быть сотрудником в делах легких, но не в брани и бедах; а словом *своинника* (апостол) показал и это последнее. *Вашего же,* говорит, *посланника, и служителя потребе моей, послати к вам,* то есть ваше вам дарю. Или иначе: вашего или учащего вас, к вам посылаю. Потом многое присовокупляет о любви его, говоря: *понеже желанием желаше видети всех вас, и тужаше, зане слышасте, яко боле. Ибо и боле близ смерти: но Бог поми-*

лова его, не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь приму (ст. 26 и 27). Здесь (апостол) внушает и другое, то есть что и он (Епафродит) очень знает, что вы его любите. А это немалое побуждение к любви. Каким образом? Он болен был, говорит, и вы болезновали, он выздоровел, и вас избавил от печали, которую вы имели по причине его болезни. Сам, однако же, был не без печали, но скорбел о том, что, выздоровевши, не видал вас. Здесь и другое внушает, оправдывается в том, что посылает к ним спустя довольно времени: не по беспечности, говорит, но потому удерживал Тимофея, что никого не имел *(ни единаго бо имам,* говорит, *равнодушна),* Епафродита же – по болезни. Потом, показывая, что болезнь его была продолжительна и долго изнуряла (его), говорит: *ибо и более близ смерти.* Видишь ли, сколько Павел заботится о том, чтобы отклонить от души учеников всякую мысль о беспечности и небрежении, и чтобы они не подумали, будто он пренебрегает ими, и потому не пришел. Ничто не способно так привлечь ученика, как убеждение, что учитель и печется, и скорбит о нем. Это знак чрезвычайной любви. *Слышасте,* говорит, *яко боле. Ибо и боле близ смерти.* И что я говорю не притворяясь, то послушайте: но *Бог помилова его.* Что скажешь ты, еретик? Здесь (апостол) называет милостью Божиею то, что Он сохранил человека, близкого к смерти, и возвратил его к жизни. Но если мир зло, то оставлять во зле не есть милость. Впрочем, с еретиком легко говорить; а что скажем христианину. Ведь и он, может быть, усомнится и скажет: если *много паче лучше разрешитися и со Христом быти* (Флп. I, 23), то для чего говорит, что (Бог) помиловал его. А я спрошу: почему он говорит: *еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради* (Флп. I, 24)? Это нужно было сколько апостолу, столько же и Епафродиту, имевшему отойти к Богу с большим богатством и с большим дерзновением. И хотя этого теперь не случилось, но имело быть потом, а приобрести души, отошедши туда, уже невозможно. Павел говорит также многое и применительно к обычному понятию слушающих и не везде любомудрствует, так как слово его было к людям мирским, которые боялись еще смерти. Потом показыва-

ет, каким у него мнением пользуется Епафродит, и через то делает его достопочтенным, называя именно его спасение настолько полезным для себя, что сам через него помилован. Впрочем, и кроме того, настоящая жизнь есть добро, а если не добро, то для чего (апостол) преждевременную смерть поставляет в числе наказаний. Например, он говорит: *сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и спят доволни* (1 Кор. XI, 30). Будущая жизнь для человека злого не лучше, потому что она не добра, а для доброго лучше. *Да не скорбь*, говорит, *на скорбь приму*, скорбь о смерти на скорбь о болезни. Этим показывает, насколько он почитает Епафродита. *Скорее убо послах его* (ст. 28). Что значит *скорее?* Значит – без отлагательства, без замедления, с большой поспешностью, приказавши все оставить и идти к вам, чтобы освободить от печали. Мы радуемся не столько тогда, когда слышим, что любимые (нами) здоровы, сколько в то время, когда видим (их таковыми), и особенно если это случится сверх чаяния, как случилось тогда с Епафродитом. *Скорее убо*, говорит, *послах его, да видевше его возрадуетеся, и аз безпечальнейший пребуду*. Как *безпечальнейший?* Так, что если вы радуетесь, то и я радуюсь, и он радуется такой же радостью. *И аз безпечальнейший пребуду*. Не сказал: беспечален, но – *безпечальнейший*, показывая, что душа его никогда не была без печали. Когда в самом деле был без печали говорящий: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Как бы так сказал: эту печаль отлагаю. *Приимите убо его о Господе со всякою радостию* (ст. 29). О *Господе* – то же, что духовно, то есть с великим тщанием; а лучше, о *Господе*, – значит по воле Божией. Примите, как следует святым и как надлежит принимать святых: *со всякою*, говорит, *радостию*.

3. Все это делает для них самих, а не для посылаемых, потому что больше пользы делающему добро, нежели кому его делают. *И таковыя честны, имейте*, то есть примите его, как следует принимать святых. *Зане за дело Христово даже до смерти приближися, понудив себе вседушно, да исполнит ваше лишение службы, яже ко мне* (ст. 30). Епафродит был послан филиппийцами от лица всего города, чтобы послужить Павлу,

или, может быть, пришел к нему и для доставления чего-нибудь. А что он принес и деньги, на это указывает (апостол) в конце послания, говоря: *прием от Епафродита посланная от вас* (Флп. IV, 18). Вероятно, он, пришедши в город Рим, нашел Павла в такой большой и тяжкой беде, что даже приближенным невозможно было приходить к нему безопасно, но и они приходили с опаской. Это обыкновенно бывает, особенно в больших бедах и в случае чрезвычайного царского гнева. Когда кто, оскорбивши царя, бывает заключен в темницу и находится под крепкой стражей, тогда воспрещается к нему приходить даже домашним, что, вероятно, было тогда и с Павлом; а Епафродит, как муж неустрашимый, пренебрег всей опасностью, только бы прийти и послужить (Павлу), и сделать все, что нужно было. Итак, (апостол) по двум причинам представляет его достойным почтения: во-первых, говорит, он подвергался для меня смертной опасности, а во-вторых, он потерпел это, будучи представителем города, так что награда за его опасность вменялась пославшим его, потому что город отправил его в виде посланника. Поэтому принять его с почтением и благодарить за услуги – значит сделаться особенным участником в том, на что он отваживался. И не сказал: для меня, но, с целью большего удостоверения, говорит: *за дело* Божие. Не для меня, но для Бога он был *близ смерти*. Что же? Хотя он и не умер, по Божию устроению, однако же подвергался опасности и предавал себя самого так, что не отрекся бы от служения мне, что бы ни привелось потерпеть. Если же он для служения Павлу предавал себя на смерть, то тем более сделал бы это для проповеди; или лучше – умереть для Павла было то же, что и для проповеди. Не только за отказ принести жертву (идолам) можно получить венец мученический, но и таковые случаи делают мучеником, и если что следует назвать удивительным, то скорее последние случаи, нежели первые. Кто за меньшее дело решается на смерть, тот тем более (решится) за большее. Потому и мы, когда увидим святых в бедах, то не будем щадить себя. Нерешительный никогда не может сделать ничего благородного, кто заботится о безопасности здесь, тот необхо-

димо лишается ее в будущем. *Да исполнит,* говорит, *ваше лишение службы, яже ко мне.* Что это значит? Город не был со мной, но оказал мне всякую услугу через него, прислав его. Следовательно, недостаток вашего служения он восполнил. И потому он имеет право получить великую честь, так как он один сделал за вас то, что следовало сделать всем. (Апостол) указывает и на первую услугу, которую оказали бедствующим находящиеся в безопасности. Слова *лишение служения* указывают именно на нее. Видишь ли высокое чувство апостола? Оно происходит не от гордости, но от великой заботливости о них. Дело их он называет служением и лишением, чтобы они не возносились, но были скромны, чтобы не думали, что сделали нечто великое, но смирялись. Потому не будем и мы высокоумствовать, когда что-либо даем святым и не будем думать, что в этом случае мы им дарим. Мы обязаны делать это святым и ничего им не дарим. Как состоящим в войске и ведущим войну остающиеся на мирном положении и не участвующие в войне обязаны доставлять содержание, потому что те стоят за них, так и здесь. Если бы Павел не учил, то кто бы его ввергнул тогда в темницу? Следовательно, должно служить святым. Если ополчающемуся за царя земного следует доставлять все, и одежду и пищу, не в меру надобности только, но и с избытком, то как не доставлять самого даже необходимого воинствующему за Царя небесного и борющемуся с врагами более страшными, о которых сказано: *несть брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12)? Какая непризнательность! Какая неблагодарность! Какая скупость!

4. Но, как видно, на нас действует больше страх человеческий, нежели (страх) геенны и будущих мучений. Потому-то все извратилось — гражданские дела отправляются ежедневно с великим рачением и опущения не бывает, а о духовных нигде и мысли никакой нет. Чего требуют с принуждением и вымогательством, как от рабов и невольников, то выполняется с великою готовностью, а предоставляемое доброй нашей воле и свободе — все оставляется. Говорю не против всех, но против тех, которые отказывают в подаянии. Ужели Бог не может поставить этого в

необходимую обязанность? Но Он не хочет: Он щадит вас более, нежели питаемых вами. Потому Он хочет, чтобы вы делали это не по принуждению, так как за то нет награды. Однако же многие из находящихся здесь ниже иудеев. Подумай, сколько иудеи давали десятин, начатков, еще десятин, и еще других десятин, да еще иных тридесятин и сикль, и никто не говорил, что (священники) много съедают. Чем больше они получили бы, тем больше награды (дающим). (Иудеи) не говорили: много берут, объедаются, что ныне, слышу, говорят некоторые. И строящие дома, и покупающие поля представляют себя ничего не имеющими, а если кто из иереев наденет одежду посветлее, или обладает в достаточном количестве потребной пищей, или же имеет прислугу, чтобы не быть вынужденным самому делать непристойное (сану), то это считается богатством. Подлинно, и тем мы богаты, сами они против воли это признают, мы, хотя имеем мало, богаты; а они, хотя и всем владеют, бедны. Доколе будем поступать неразумно? Или не довольно для вас наказания за то, что вы ничего не делаете, нужно еще прилагать наказание и за злоречие? Если бы ты даже сам дал ему то, что он имеет, то потерял бы награду, когда бы упрекнул его тем, что ты дал: вообще, если ты дал, то за что упрекаешь. Говоря, что ты дал ему то, что он имеет, этим прежде всего ты свидетельствуешь о его нищете: для чего же упрекаешь. Не нужно было давать, когда ты намерен был упрекать. Но ты говоришь так, когда другой дает? Грех еще более тяжкий, потому что, сам ничего не давши, упрекаешь тем, что другой благотворит. Какая, полагаешь ты, награда тем, которые слушают эти упреки? Та, что они терпят это для Бога. Как и почему? Они могли бы, если бы захотели, заниматься мелочной торговлей, хотя и не наследовали (этого) от предков. Еще, когда мы говорим, что такой-то беден, то слышу, многие бесстыдно говорят: если бы захотел, то мог бы быть богатым; потом язвительно прибавляют: дед его и прадед его и такой-то были таковы-то; а он вот в какую нарядился одежду. Что ж? Скажи мне, ужели ему надлежало ходить нагим? Ты что-то очень старательно рассказываешь об этом: смотри, как бы слова твои не обратились

против тебя самого. Слушай увещание Христово: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1). Он мог бы, если бы захотел, заниматься торговым и купеческим делом, и конечно, не терпел бы недостатка, но не захотел. Какая же отсюда для него польза, скажи мне? Носить шелковые одежды? В сопровождении толпы, гордо расхаживает по рынку? Несется на коне? Или строит дома, имея, где прожить? Если он делает это, то и я осуждаю и не щажу его, даже признаю его недостойным священства. Как в самом деле он может убеждать других, чтобы не занимались этими излишествами, когда сам себя не может убедить? Если же грешит он тем, что имеет в изобилии необходимую пищу, то неужели следовало ему ходить по миру и просить подаяния? И не стыдно ли было бы тебе, ученику (его), скажи мне? Если бы и отец плотский это делал, ты почел бы бесчестием; а если (отец) духовный принужден это делать, ужели тебе не стыдно? Ужели не почтешь за лучшее скрыться? *Отчее безчестие,* сказано, *поношение чадом* (Сир. III, 11). Что же? Или умереть ему с голоду? Но и это несвойственно человеку благочестивому, потому что неугодно Богу. Впрочем, когда мы говорим им это, они тотчас предлагают свои умствования. Написано, говорят: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу, ни меди при поясех ваших, ни жезла* (Мф. X, 9, 10); а они имеют по три и по четыре одежды и убранные постели. Пришлось мне горько вздохнуть теперь, а если бы не было неприлично, то и заплакал бы. Отчего? Оттого, что мы так тщательно замечаем сучцы у других, а сами, имея в глазах бревна, и не чувствуем того. Скажи мне, почему ты не говоришь этого о себе самом? Потому, говорят, что это заповедано только учителям. Следовательно, когда Павел говорит: *имеюще пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8), говорит одним учителям? Нет, всем людям. Это ясно будет, если прочтем это место, начав повыше. Апостол, сказавши: *есть же снискание велие благочестие с довольством* (ст. 6), потом: *ничтоже внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем* (ст. 7), тотчас присовокупил: *имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем. А хотящии богатитися, впадают напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия* (ст. 9).

5. Видишь ли, что речь относится ко всем? Что же, когда говорит опять: *плотоугодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14), не ко всем ли вообще говорит? Что же, когда говорит: *брашна чреву, и чрево брашном: Бог же и сие и сия упразднит* (1 Кор. VI, 13)? Что же, когда, беседуя о вдовице, говорит: *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. V, 6)? Ужели и вдовица – учитель? Не сам ли он сказал: *жене учити не повелеваю, ниже владети мужем* (II, 12)? Если же и вдовице, которая по преклонным летам (а старость требует великого попечения), и по самой природе (а женский пол, как слабый, требует большего успокоения), если той, которая и по возрасту и по природе заслуживает снисхождения, (апостол) не позволяет питаться пространно, но говорит, что таковая *жива умерла* (ведь не просто сказал: не питаться пространно, но – *питающаяся пространно, жива умерла,* и таким образом исключил ее из среды живых, потому что умершая уже исключена), то как можно простить мужу то, за что наказывается престарелая жена. Но об этом никто и не думает, никто об этом не рассуждает. А я вынужден теперь сказать это, не с намерением избавить священников от упреков, но радея о вас. Они от вас не терпят никакого вреда, хотя заслуженно и по справедливости слышат упреки, как собиратели богатства, но говорите ли вы или не говорите, они дадут ответ Судии там, а потому ваши слова нимало не вредят им. Если же ваши слова еще и ложны, то они, будучи оклеветаны вами напрасно, получают от того пользу, а вы вредите самим себе. В отношении же к вам не так: правду ли говорите о них или ложь, все вредите себе тем самым, что говорите о них худо. Почему? Если говорите правду, то и в этом случае вредите себе, потому что осуждаете учителей и извращаете порядок, так как и брата не должно судить, тем более учителя; если же (говорите) ложь, то (вас постигнет) невыносимое наказание и мука, так как за всякое праздное слово дадите ответ. Итак, мы все делаем и трудимся для вас. Но как я сказал, никто об этом не рассуждает, никто этим не занимается, никто не говорит себе ничего такого. Хотите ли, я прибавлю и другое? *Иже не отречется* (Лк. XIV, 33), говорит Хрис-

тос, *всего своего имения, несть Мене достоин* (Мф. X, 37). Что же, когда говорит: *не удобь богатый внидет в царствие небесное* (XIX, 23)? Что же, когда говорит: горе *вам богатым, яко отстоите утешения, вашего* (Лк. VI, 24)? Никто не вникает в это, никто об этом не помышляет, никто не рассуждает сам с собою, а дела других все очень строго обсуживают. Но это значит делаться участником в делах осуждаемых. А чтобы освободить для вас священников и от нарекания в том, в чем вы почитаете их виновными, — послушайте: ведь уверенность в том, что они преступают закон Божий, много преклоняет (вас) ко злу. Так вот исследуем и это. Христос сказал: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу, ни сапог, ни пояса, ни жезла* (Мф. X, 9, 10). Что же, скажи мне? Петр преступал эту заповедь? Как же иначе, когда он имел и пояс, и одежду, и обувь? А что он имел их, — послушай слов ангела, обращенных к нему: *препояшися, и вступи в плесницы твоя* (Деян. XII, 8); хотя и не очень нужна была такая обувь, в ту пору можно было быть и необутым, а обувь особенно нужна в зимнее время, — однако же он имел ее. А что Павел? Он в послании к Тимофею говорит: *потщися прежде зимы приити* (2 Тим. IV, 21); потом повелевает и говорит: *фелонь, егоже оставих в Троаде* у *Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя* (ст. 13). Вот о фелони сказал; а нельзя сказать, чтобы он не имел и другого, который носил. Если бы он вовсе не носил его, то излишне было бы приказывать принести тот; а если нельзя было не носить одежды, то, очевидно, он имел другой (фелонь). А что из того, что он целые *два лета* (Деян. XXVIII, 30) пребыл на собственном иждивении? Ужели он преслушал Христа, он — этот избранный сосуд, который говорит: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20), о котором засвидетельствовал Христос, говоря: *яко сосуд избран Ми есть сей* (Деян. IX, 15). Такое недоумение надлежало бы оставить при вас и не давать никакого решения на вопрос, подвергнув вас этому наказанию за невнимание к Писаниям. Действительно, отсюда все это происходит. Потому мы и бываем строгими судьями чужих грехов, а на свои не обращаем никакого внимания, что не знаем Писаний, что не изучаем законов божественных.

Итак, следовало бы вас подвергнуть этому наказанию. Но что мне делать? Я отец. А отцы много и сверх должного угождают детям, потому что родительское их сердце пламенеет к ним любовью, если они видят дитя печальным и унылым, сами больше его болезнуют и не успокаиваются, пока не уничтожат причину скорби. Впрочем, пусть бы это и случилось, пусть бы вы и поскорбели о том, что не понимали (прежде), – только бы (теперь) хорошо поняли.

6. Что же должно сказать? Нет, (апостолы) не противились, но с точностью последовали заповедям Христовым, а заповеди те были даны на время, а не навсегда. И это говорю я не по догадке, но согласно Божественному Писанию. Как? Лука повествует, что Христос сказал ученикам: *егда послах вы без влагалища и без меха и без пояса и без сапог, еда чесого лишени бысте? Они же реша: ничесоже* (Лк. XXII, 35). Итак, теперь уже приобретайте. Но что следовало (делать), скажи мне? Иметь один хитон? Что же? Если нужно было вымыть его, то ужели надобно было сидеть дома нагому? Или, в случае нужды, ходить нагому и нарушать благопристойность? Подумай, каково бы было Павлу, для столь важных дел обходившему вселенную, сидеть дома за неимением одежды и при столь многих делах встречать препятствие? Что же, если бы настала сильная стужа, и пошел сильный дождь, или заморозило, то как бы можно было обсушиться? Опять нужно было сидеть нагому? Что же, если бы холод расстроил тело, пришлось бы чахнуть, и не проповедовать? А что им даны были не адамантовые тела, – послушай, что сказано Тимофею: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23); и еще касательно другого: *потребнее возмнех послати к вам посланника вашего, и служителя потребе моей. Ибо боле близ смерти, но Бог помилова его: не егоже токмо, но и мене* (Флп. II, 25– 27). Следовательно, и они подвержены были всяким болезням. Что же? Нужно было гибнуть? Никак. Для чего же тогда (Христос) заповедал так? Для того, чтобы показать Свою силу, что и после Он мог сделать так, но не сделал? Почему же не сделал? Апостолы были гораздо важнее израильтян, у которых не истерлась ни обувь, ни одежда, хотя они и про-

ходили по такой пустыне, где солнечные лучи настолько жарки, что могли разрушать и самые камни. Почему же сделал это? Для тебя. Так как ты не (всегда) мог быть здоровым, но мог быть больным, то (Бог) дал тебе способ врачеваться. И это очевидно из следующего. Скажи мне, ужели Он сам не мог их пропитать? Если Он (все нужное) дал тебе, оскорбителю, то не тем ли более дал бы Павлу? Кто дал израильтянам – ропотникам, блудникам, идолослужителям, Тот не тем ли более дал бы Петру, который все для Него оставил? Кто попустил иметь (нужное) беззаконникам, Тот не тем ли более даровал бы Иоанну, который для Него оставил и отца? Но Он не захотел; а питает их через тебя, чтобы ты освятился. И заметь избыток человеколюбия. Он благоволил быть ученикам Своим уничиженными, чтобы ты сколько-нибудь воодушевился. Но если бы Он дал им все нужное, скажут, то они были бы гораздо почтеннее, гораздо славнее. Но в таком случае был бы ущерб твоему спасению. Потому Он восхотел, чтобы они были не славными, но более уничиженными, чтобы тебе спастись; и попустил им быть уничиженными, чтобы ты мог спастись. Не столько достопочтенен бывает учитель берущий, сколько не берущий; но ученик не получает пользы, а лишается плода. Видишь ли премудрость человеколюбивого Бога? Как Он Сам не искал Своей славы и не имел в виду Своего, но, будучи в славе, восхотел быть в бесславии для тебя, – так и в отношении к учителям. Имея силу сделать их славными, благоволил, чтобы они были презираемы для тебя, чтобы ты мог получить пользу, чтобы ты мог обогатиться. У него недостаток в житейском для того, чтобы ты имел изобилие в духовном. А что Он мог дать им все нужное, на это много доказательств; равным образом доказывается и то, что Он попустил им быть в скудости для тебя. Итак, зная это, обратимся не к осуждению, но к благотворению; будем не чужие грехи разбирать, но свои обсуживать; будем в других замечать добродетели, а в себе находить грехи, – и таким образом будем благодарить Бога. Кто смотрит и на чужие грехи, и на свои добродетели, тот вдвойне вредит себе: от этих (добродетелей) надмевается гордостью, а от тех (грехов) впа-

дает в нерадение. Когда он представит, что такой-то согрешил, то и сам легко впадет в грех, а когда представит, что сам совершил доброе, то легко возгордится. А кто, предавая забвению свои добродетели, смотрит на одни (свои) грехи, и замечает в других не грехи, но добродетели, тот получает много пользы. Как, – слушай. Когда видит, что такой-то поступает добродетельно, то возбуждается к равной ревности; а когда видит, что сам согрешил, то проникается смиренномудрием и скромностью. Если будем так поступать и так устраивать дела свои, то сможем достигнуть обещанных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Прочее же, братие моя, радуйтеся о Господе: таяжде бо писати вам, мне убо неленостно, вам же твердо. Блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей, блюдитеся от сечения. Мы бо есмы обрезание, иже духом Богу служим, и хвалимся о Христе Иисусе, а не в плоти надеемся (Флп. III, 1–3)

1. Когда печали и заботы чрезмерно угнетают душу, то отнимают у нее силу. Потому-то Павел и ободряет филиппийцев, которые находились в великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы; печалились потому, что почитали его умершим, (печалились) о проповеди, о Епафродите. Итак, сообщая им обо всем этом удовлетворительное известие, он и присовокупляет: *прочее, братие моя, радуйтеся*. Теперь, говорит он, вы не имеете причины печалиться: Епафродит, о котором скорбели, с вами, с вами же и Тимофей, и я иду, Евангелие преуспевает. Чего же недостает вам? *Радуйтеся*. Галатов (апостол) называет чадами (см.: Гал. IV, 19), а этих – братьями. Когда он хочет или исправить что-либо, или показать особенную любовь, то называет чадами; а когда беседует с большим почтением, то называет братьями. *Прочее, братие моя,* говорит он, *радуйтеся о Господе* (Флп. III, 1).

Хорошо сказал: *о Господе,* а не мирскою (радостью), потому что последнее не значит радоваться. Самые скорби за Христа, говорит (апостол), заключают в себе радость. *Таяжде писати вам, мне убо неленостно, вам же твердо. Блюдитеся от псов* (ст. 2). Видишь ли, как он предлагает совет не в начале, а тогда, когда много похвалил их, когда почтил их, – тогда это делает и опять хвалит. Так как его речь кажется жестокой, то он отовсюду и прикрывает ее. Кого же он называет псами? (В Филиппах) были некоторые, на кого он намекает во всех посланиях, – иудеи мерзкие и гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, которые, желая отторгнуть многих из верующих, проповедовали и христианство и иудейство, искажая Евангелие. Так как трудно было распознать их, то (апостол) и говорит: *блюдитеся от псов.* Иудеи уже не чада. Некогда назывались (псами) язычники, а теперь они; почему? Потому, что как язычники были отчуждены от Бога и Христа, так и они отчуждены ныне. Этим показывает их бесстыдство, и наглость, и великое удаление от чад. А что язычники некогда назывались псами, – послушай, как говорит хананеянка: *ей, Господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (Мф. XV, 27). А так как и псы бывают при столе, то чтобы они (иудеи) лишены были и этого, (апостол) присовокупляет причину, по которой и отчуждает их, говоря: *блюдитеся от злых делателей* (Флп. III, 2). Достойны удивления слова: *блюдитеся от злых делателей:* они действуют, говорит, на зло, и действование их гораздо хуже самого бездействия – они расстраивают благоустроенное. *Блюдитеся,* говорит, *от сечения.* Обрезание у иудеев считалось важным, ему уступал и закон, и суббота была ниже его; для совершения обрезания нарушалась и суббота, а для соблюдения субботы никогда не нарушался (закон) обрезания. Обрати внимание на домостроительство Божие: обрезание ставится выше субботы; оно не оставлялось ни в какое время. Итак, если обрезание отменено, то тем более суббота. Потому-то Павел не употребляет имени (обрезания) и говорит: *блюдитеся от сечения.* Не сказал, что обрезание худо, обрезание излишне, чтобы не поразить этих людей; но поступает благоразумнее: от пред-

мета отводит, и выражение употребляет приятное, заботясь преимущественно о деле. К галатам же не так (пишет). Так как у них была великая болезнь, то (апостол) открыто и полновластно употребляет сечение: филиппийцам же, которые ничего такого не делали, угождает выражением. И тех и других опровергают, говоря: *блюдитеся от сечения. Мы бо есмы обрезание* (Флп. III, 3). Каким образом? *Иже духом Богу служим, а не в плоти надеемся.* Не сказал: исследуем то и другое обрезание, которое лучше, но даже первого не назвал по имени; что же говорит? Обрезание, то есть сечение. Почему? Потому, что совершающие его не что иное делают, как только отсекают плоть. Когда это действие перестало быть законным, то оно – уже не что иное, как сечение и отсечение плоти. Следовательно, (обрезание) он так называет или по этой причине, или потому, что покушались рассечь Церковь. И мы употребляем слово: сечение, говоря о тех, которые делают это ненамеренно, неосторожно и неискусно. Если же должно искать истинного обрезания, говорит (апостол), то найдете его у нас, иже *духом Богу служим,* то есть служим духовно.

2. В самом деле, скажи мне, что лучше, душа или тело? Очевидно, душа. Потому и то (плотское) обрезание не лучше, но это одно (духовное) и есть обрезание. Пока оставался прообраз, до тех пор справедливо применялось сравнение: *обрежите жестокосердие ваше* (Иер. IV, 4). Так и в послании к Римлянам (апостол) отвергает обрезание, говоря: *не бо иже яве, Иудей есть, ни еже яве во плоти, обрезание, но иже в тайне Иудей, и обрезание сердца духом, не писанием* (Рим. II, 28, 29). Здесь же лишает его даже имени: не есть и обрезание, говорит. Прообраз называется так до тех пор, пока не пришла истина; когда же пришла истина, то уже не называется. Подобное бывает в живописи: если кто-нибудь набросал эскиз царя, то пока еще не наложены краски, не называют царем; когда же наложатся, то прообраз закрывается истиной и невиден, – мы тогда говорим: вот царь. Притом (апостол) не сказал: обрезание есть в нас, но – *мы есмы (обрезание),* – и справедливо: это обрезание, состоящее в добродетели, и есть человек, оно-то есть

истинно человек. О них же (иудеях) сказал не так, но — *блюдитеся от сечения,* — потому что они погибали и были нечестивы. Потом, показывая, что обрезание совершается не в теле, а в сердце, говорит: *а не во плоти надеемся, ибо и аз имею надеяние такожде во плоти* (Флп. III, 4). Что он выражает здесь словами: *надеяние,* и — *во плоти?* Похвалу себе, дерзновение, важность. И хорошо присовокупил это. Если бы он, будучи из язычников, осуждал обрезание, и не обрезание только, но и тех, которые уже не во время принимают его, то показалось бы, что он нападает на него потому, что лишен благородного происхождения иудейского, не знал великих его преимуществ и не имел в них участия; но когда он имеет участие и охуждает, то охуждает не потому, что не имеет участия, но потому, что не признает, — не по неведению, но вследствие совершенного знания. Смотри, что он говорит и в послании Галатам, будучи поставлен в необходимость высказать свои достоинства, (смотри) как вместе с тем показывает и смиренномудрие: *слышасте бо,* говорит, *мое житие иногда в жидовстве* (Гал. I, 13); и еще здесь: *аще кто ин мнит надеятися во плоти, аз паче* (Флп. III, 4), и тотчас присовокупляет: *Евреин от Еврей.* Не сказал этого прежде, но лишь после слов: *аще кто ин,* показывая этим необходимость, показывая, что он для них сказал. Если и вы надеетесь, говорит он, то *аз паче.* Говорю это теперь; иначе бы умолчал. Заметь легкость обличений: тем, что обличает безлично, дает им возможность уклониться от обличения. *Аще кто мнит надеятися.* Хорошо сказал: *мнит,* — или потому, что они не имели такого надеяния, или потому, что надеяние их не было истинное надеяние, так как все было делом необходимости, а не свободной воли. *Обрезан осмодневно* (ст. 5). Сперва выставляет то, чем особенно хвалились они — обрезание; потом — *от рода Исраилева.* То и другое показывало, что он ни пришелец, ни от пришельцев; из слов *обрезан осмодневно* видно, что он не пришелец, а из слов *от рода Исраилева* видно, что он и от родителей не пришельцев. Но чтобы ты не подумал, что — *от рода Исраилева* значит от десяти колен, то говорит: *колена Вениаминова:* следовательно, из почетнейшего, потому что в уделе этого колена

были участки священников. *Евреин от Еврей.* Этим он показывает, что он не пришелец, но издревле от почтенных иудеев. Можно было быть и от Израиля, но не евреем от евреев, так как многие уже привели в упадок свой род и забыли свой язык, смешавшись с другими народами. Таким образом он показывает здесь или это самое (чистоту), или особенное благородство своего происхождения. *По закону Фарисей.* Далее переходит к тому, что было делом его свободной воли. Все вышесказанное было непроизвольно, не от него зависело быть обрезанным, быть от рода Израилева и от колена Вениаминова. Впрочем, и в этом отношении он имел больше преимуществ, хотя в них участвовали многие. В чем же *паче?* Конечно, и в том, что он не пришелец, что он из почетнейшего колена, и издревле от таких предков, каких не многие имели. Но так как все это было непроизвольно, то он переходит к делам произволения, в чем видно это *паче: по закону Фарисей, по ревности гоних церковъ Божию* (ст. 6). Последние слова говорит он потому, что раньше сказанные недостаточно объясняют слово: *паче.* Можно быть и фарисеем, однако же не великим ревнителем *по правде;* можно отваживаться на опасности и делать это по властолюбию, а не по ревности о законе, как и делали первосвященники; но он был не таков, *по правде законней быв непорочен.* Итак, если я, говорит он, превосходил всех и благородным происхождением, и ревностью, и нравом, и жизнью, то для чего я оставил эти высокие преимущества, как не для того, чтобы приобресть Христовы большие, и гораздо большие? Вот почему он присовокупляет: *но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету* (ст. 7).

3. Павел отвергнул образ жизни, который так тщательно проходил, начавши с первого возраста, – столь благородное происхождение, столько опасностей, столько козней, труды, ревность, – и то, что прежде было выгодно, почел убытком, чтобы приобресть Христа, а мы для приобретения Христа не презираем и денег, но готовы лучше лишиться будущей жизни, нежели вещей настоящих, хотя они не что иное, как убыток. Действительно, если порознь исследовать все предметы богатства, то, скажи, не убыток

ли они, требующий чрезвычайного труда и не приносящий никакой пользы? Скажи мне, какая польза от многих и дорогих одежд? Какую получаем прибыль, когда надеваем их? Никакой, кроме только убытка. Почему? Потому, что и нищий в бедной и изношенной одежде, находясь на жару, ничем не труднее тебя переносит зной, даже гораздо легче, так как изношенная, и притом одна, одежда дает телу более свободы, нежели вновь сшитая, хотя бы она была тоньше паутины. К тому же по чрезмерному тщеславию ты носишь по две и по три одежды, часто еще и плащ, и пояс, и нижнее платье; а его и в одной одежде никто не осуждает, между тем он легче переносит зной. От этого-то, как мы видим, богачи потеют, а нищие ничего такого не терпят. Итак, если и бедная и ничего не стоящая одежда доставляет нищему ту же или еще большую пользу, а те при большей трате денег достигают того же, то не убыток ли это великое излишество? По отношению к пользе и употреблению тебе не прибавилось от них ничего, а денег истрачено больше, употребляются же и служат они также. Ты, богач, купил (одежды), может быть, за сто золотых, либо и дороже, а бедняк – за малую серебряную монету. Видишь ли убыток? Но тщеславие не позволяет тебе видеть его. Хочешь ли, поговорим и о золотых уборах, которыми украшают коней и жен? Сверх других, богатство производит в людях и эту глупость. Одной и той же чести удостаивают и жен и коней, у тех и других украшение одно; и жены хотят блистать тем же, чем и упряжь, и кожаные занавесы, за которыми возят их.

Скажи, какая прибыль украшать мула или коня золотом? И что особенного получает твоя жена, обремененная такой тяжестью золота и камней? Но, говорят, золотые вещи не портятся. Напротив, и это случается весьма часто, как утверждают знатоки в этих вещах, потому что в банях и во многих местах и камни, и золотые вещи много теряют цены. Но пусть будеть и так, пусть они нисколько не повреждаются: какая же прибыль от них, скажи мне. Что ж, если они выпадут и потеряются, не убыток ли это? Что ж, если они возбудят зависть и злоумышление, не убыток ли? Не убыток ли, когда они для нарядившейся не при-

носят никакой пользы, а между тем воспламеняют глаза завистников, и даже возбуждают грабителей? Скажи, не убыток ли, когда муж, имея право употребить их на дело, приносящее прибыль, не может (этого сделать) вследствие больших издержек своей жены и бывает принужден терпеть голод и крайнюю нужду, а ее видеть в золоте? Деньги для того и называются вещами употребительными, чтобы мы употребляли их не как вывески золотых дел мастеров, но чтобы делали из них что-нибудь доброе. Итак, если тебе не позволяет этого пристрастие к золоту, то не убыток ли все. Кто не смеет пользоваться ими, как бы чужими, тот и не пользуется, и вовсе нет от них пользы. Что пользы и тогда, когда мы строим светлые и огромные дома, украшаем их колоннами, мрамором, галереями и балконами и ставим всюду истуканы и статуи? Многие вызывают из этих истуканов и демонов, но мы не будем этого касаться. К чему и золотая кровля? Не такую же ли пользу доставляет она, как и тому, у кого скромный дом? Но, скажут, зато большое удовольствие. Да, но только на день или на два, не больше. Если и солнце не поражает нас, по привычке к нему, то тем более произведения искусства: мы занимаемся ими столько же, сколько и глиной. Что, скажи мне, придает изяществу дома множество колонн, красота статуй и позолота стен? Ничего; это – дело только глупости, гордости, чрезмерного тщеславия и безумия. Из всего даже полезного нам должно иметь необходимое, а не излишнее.

4. Видишь ли, что это (украшение) убыток? Видишь ли, что оно излишне и бесполезно? Если оно не доставляет ни большей пользы, ни удовольствия, так как со временем производит пресыщение, то не что иное, как убыток. Но тщеславие препятствует, не дает нам видеть этого. Так Павел оставил и то, что почитал выгодой, а мы не оставим и убытка для Христа? До каких пор еще будем привязываться к земле? До каких пор не будем устремлять взора на небо? Не видите ли, что старики вовсе не чувствуют прошедшего? Не видите ли, что умирают и в старости и в юности? Не видите ли, что еще при жизни лишаются имения? Зачем же прилепляемся к непостоянному? Зачем привязываемся к

непрочному? До каких пор не будем заботиться о вечном? Чего бы не дали старики, если бы им можно было избавиться от старости? Потому не крайнее ли безумие, что мы желаем возвратить прошедшую молодость и готовы отдать все, чтоб сделаться моложе, а когда можно получить юность никогда не стареющуюся, притом юность с великим богатством, духовнейшую, не хотим пожертвовать и малого, но жалеем и того, что и в настоящее время вовсе бесполезно? Богатство не может избавить тебя от смерти, не сильно прогнать болезни, воспрепятствовать старости и всему тому, что необходимо и совершается по закону природы, – и ты еще привязан к нему. Что за выгода, скажи мне? Не отсюда ли пьянство, объядение, неприличные и разнообразные удовольствия, изнуряющие нас более, нежели жестокие господа? Вот какую только выгоду можно получить от богатства, а другой никакой, – оттого никакой, что не хотим; а если бы мы захотели, то через богатство наследовали бы и самое небо. Поэтому богатство – хорошая вещь, скажут мне. Не от богатства это зависит, а от свободной воли владеющего им. А что это зависит от воли, ты увидишь вот из чего: небо можно наследовать и бедному. Бог, как я часто говорил, смотрит не на меру подаваемого, но на намерение подающих. И будучи бедным и подавая мало, можно получить все, потому что Бог требует того, что по силам; и ни богатство не ведет к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведет добрая или злая воля. Итак, исправим ее, восстановим ее, устроим ее, и все для нас будет удобно. Как плотник, железная ли у него будет секира или золотая, одинаково обделывает бревна, и даже лучше железною, так и здесь: добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. Ведь о богатстве говорит Христос: *удобее есть велбуду сквозе иглины уши проити, неже богату в царствие небесное* (Мф. XIX, 24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: *елика имаши, продаждь, и даждь нищим, и ходи вслед Мене* (Мк. X, 21), так как от свободной воли зависит последование за Ним.

5. Итак, не будем убегать бедности, как бы зла, потому что она есть залог царствия; не будем также гоняться и за

богатством, как бы за благом, потому что неблагоразумных оно губит; но во всяком состоянии, возводя взор свой к Богу, будем, как должно, употреблять блага, дарованные нам от Него, и телесную силу, и богатство, и все прочее. Неприлично нам, созданным Богом, употреблять эти блага на другое, а не для Создателя нашего. Он дал тебе глаза? Для Него и употребляй их, а не для диавола. Как же употреблять для Него? Рассматривай Его творения, и прославляй Его, и не обращай взоров на женщин. Он дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для диавола; не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и на благотворения; простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падшим. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а не для слушания шумных песен и срамных рассказов: *вся бо повесть твоя,* сказано, *в законе Вышняго* да будет (Сир. IX, 20); и еще: *во множестве старейшин ставай, и аще кто премудр, тому прилепися* (VI, 35). Он дал тебе уста? Пусть же не произносят они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни: *да дадут благодать слышащим* (Еф. IV, 29), в созидание, а не на разорение, на славословие, а не на злоречие, не на клеветы, но на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе желудок не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтобы жил воздержно. Он вложил вожделение для деторождения, а не для блуда и прелюбодейства. Дал тебе ум не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы прославлял. Дал и деньги, чтобы мы употребляли их как должно; дал силу, чтобы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтоб изучали искусства не пустые, но необходимые; для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтоб он защищал только от дождя, а не для того, чтоб был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились; не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы нагой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в

нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделивши себе большую часть ее, тратил блага Божии на блудниц, плясунов, актеров, флейтщиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и тому подобное, не для того, чтобы ты занимался этим. Итак, для чего же, скажешь, камни? Скажи мне лучше ты, для чего камни, и почему они столь драгоценны? По внутреннему ли достоинству или пользе? Но более полезны недрагоценные. Они по крайней мере годны для строения, а те ни к чему не годны; притом же они и крепче. Но, скажешь, драгоценные составляют украшение. Как? Это предрассудок. Белее ли они? Нет, не белее самого белого мрамора, даже и не равняются ему. Крепче ли? Едва ли кто-нибудь это скажет. Быть может, полезнее, больше? И этого нет. Почему же ими восхищаются? Не почему другому, как по предрассудку. Если они не красивее, – так как найдем светлее и белее их, – если не полезнее, не крепче, то почему же так восхищаются? Не по одному ли предрассудку? Для чего же Бог дал их? Не Он дал, а ты почел их за нечто великое. А почему, скажешь, Писание представляет их важными? Оно говорит уже сообразно твоему понятию, подобно тому, как и учитель, разговаривая с дитятей, часто представляет важным то, к чему хочет склонить его и привлечь. Что ты ищешь красоты в одежде? Надевай на себя одежду и обувь, этим украшайся, этим довольствуйся. *Вожделенны,* говорит Давид, *паче злата и камене честна многа судьбы Божия* (Пс. XVIII, 11); а о красивых одеждах сказал ли где-нибудь. Не полезны они, возлюбленные! Если бы они были полезны, то Бог не повелел бы пренебрегать ими. А Божественное Писание говорит приспособительно к нашему понятию, – и это дело человеколюбия Божия. Для чего же, скажешь, Бог дал порфиру, и тому подобное? Это – дело величия Божия. Он благоволил явить богатство Свое и в других вещах: так, Он дал тебе одну пшеницу, а ты приготовляешь многое – пироги, разнородные и разновидные пирожки, весьма вкусные. Впрочем, все это изобрело и

тщеславие: тебе показалось, что это будет всего превосходнее. А если бы какой-нибудь чужестранец или сельчанин, не употреблявший их, видя, что ты ими восхищаешься, спросил тебя, почему ты восхищаешься, что бы ты ответил. Что хороши на взгляд? Нет. Итак, оставим такой предрассудок и возлюбим непреложно истинное, а не то, что не существует, а лишь проходит подобно протекающей реке. Поэтому, прошу, поставим себя на камне, чтобы и избежать удобопревратного, и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо и вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, егоже ради всех оттщетихся, и вменяю уметы быти, да Христа приобрящу, и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере, яко разумети Его, и силу воскресения Его (Флп. III, 7—10)

1. В спорах с еретиками надобно препираться мыслями сильными, и непрестанно. Не давая им нисколько времени отдохнуть, можно таким образом привести их полчище в смятение и совершенно преодолеть. Потому, желая от Писаний приготовить вас к таким спорам, чтобы вы могли и этим способом заграждать уста возражателей, я начинаю настоящую беседу свою концом прежней. Какой же, скажут, был конец той? Апостол, перечисливши все отличия иудейские, как от природы, так и от свободной воли, присовокупил: *но яже ми бяху приобретения, сия вмених вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, егоже ради всех оттщетихся, и вменяю уметы быти, да Христа приобрящу*. На эти слова нападают еретики. Вот и то — дело премудрости Духа, что Он допустил им надеяться на победу, чтобы они предприняли борьбу. Если бы (апостол) ска-

зал ясно, то они поступили бы с этими словами так же, как поступали с другими: бросили бы книги, отреклись бы от Писания, будучи совершенно не в силах смотреть на него. Но как поступают при ловле рыбы: именно то, чем можно поймать ее, не открыто ставят, а скрывают, почему она сама и набегает, так точно случилось и здесь, когда Павел назвал закон тщетою. Закон у него назван уметами, назван тщетою: невозможно, говорит он, приобрести Христа, если бы я не почел закона тщетою. Это все заманило еретиков принять это место, как благоприятствующее им. Когда же они приняли, то со всех сторон окружены были сетями. Что говорят эти нападающие? Вот закон назван тщетою, вот назван уметами: как же вы говорите, что он Божий? Но и это самое служит в пользу закона, а как, увидим из следующего. Вникнем тщательнее в сказанное. (Апостол) не сказал, что закон тщета, но *вмених* его *тщету;* говоря о приобретении, не сказал — вмених, но: *бяху приобретения,* а говоря о тщете, сказал: *вмених,* — и справедливо: первое по природе таково, а последнее только по нашему мнению. Итак, что же? По словам апостола, закон не тщета? Тщета, но *Христа ради.* Но теперь он стал приобретением. Закон, говорит, не считался только, но был приобретением, как бы так сказал: подумай, чего стоило людей, сделавшихся по природе зверями, преобразить в людей! Если бы не было закона, не была бы дана и благодать. Почему? Потому что он был (к ней) как бы мостом. Когда нельзя с весьма низкого места взойти на возвышенное, то ставится лестница; а кто взошел, тот хотя более и не имеет нужды в лестнице, однако же поэтому не пренебрегает ею, но остается еще благодарным к ней. Она поставила его в такое состояние, что он более не имеет нужды в ней; и за это-то самое, что не имеет нужды в ней, он считает справедливым изъявить ей благодарность, потому что (без нее) не взошел бы. То же (должно сказать) и о законе. Он возвел нас на высоту, потому был приобретением, но теперь мы почитаем его убытком, почему? Не потому, что он убыток, но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бедняк, доколе имеет серебро, избавляется от голода,

а когда найдет золото, между тем не может обладать тем и другим вместе, то обладание первым считает убытком и, бросив его, берет золото, бросает же серебро не потому, что оно убыток, — оно неубыточно, но потому, что ему нельзя взять и то и другое вместе, а необходимо одно оставить. Так и здесь. Следовательно, убыточен не закон, а отступление от Христа по привязанности к закону, потому когда он отводит нас от Христа, тогда бывает убытком, а когда приводит к Нему, то не бывает таковым. Вот почему (апостол) говорит: *Христа ради тщету.* Если же *Христа ради,* то (закон) не по природе тщета. Почему же закон не допускает прийти ко Христу? Он для того, скажешь, и дан, и исполнение закона Христос, и *кончина закона Христос* (Рим. X, 4). Допускает, если мы будем верить ему. Значит, кто верит закону, тот оставляет самый закон? Оставляет, если мы внимательны, а если невнимательны, то не оставляет. *Но убо и вменяю вся тщету быти* (Флп. III, 8). Что я отношу это к закону только, говорит (апостол)? Мир разве не благо? Настоящая жизнь разве не благо? Но если они удаляют меня от Христа, то я считаю и их убытком. Почему? *За превосходящее разумение Христа Иисуса, Господа моего.* При солнечном освещении сидеть за свечей убыток, так что убытком становится (что-нибудь) от сравнения с предметом превосходнейшим. Видишь ли, что (у апостола) сравнение? *За превосходящее,* говорит он, а не за что-нибудь разнородное, так как преимущество имеет место между предметами однородными. Таким образом, выводя по сравнению превосходство одного разумения перед другим, (апостол) вместе показывает и однородность их. *Егоже ради всех оттщетихся, и вменяю уметы быти, да Христа приобрящу. Уметы:* называет ли (апостол) закон отбросом, еще не видно; вероятно, он называет так предметы мира. Сказавши: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету,* говорит: *но убо и вменяю вся тщету.* Сказал — вся, то есть и древнее и настоящее. Впрочем, если ты хочешь относить это и к закону, то через это он не будет поруган. Отброс есть у пшеницы, и именно грубое у пшеницы есть отброс, то есть мякина. Поэтому прежде пшеницы нужен отброс, и мы собираем его вместе с

пшеницей, и если бы не было отброса, то не было бы и пшеницы. Это же надобно сказать и о законе.

2. Видишь, как (апостол) везде называет убытком вещь не саму в себе, но Христа ради? *Но убо и вменяю вся тщету.* Почему? *За превосходящее,* говорит, *разумение* Того, *егоже ради всех оттщетихся.* Далее присовокупляет: потому и *вменяю вся тщету быти, да Христа приобрящу.* Видишь, как он везде опирается на Христа и нигде не позволяет бесчестить и поносить закон, но отовсюду ограждает его. *И обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона* (ст. 9). Если имеющий правду (от закона) прибегнул к правде (Христовой), потому что та ничего не значит, то не гораздо ли более должны прибегать (ко Христу) те, которые не имеют ее? И хорошо он сказал: *не имый моея правды,* то есть не той, которую стяжал я потом и трудами, говорит он, но той, которую приобрел по благодати. Итак, если и добродетельный спасается по благодати, то тем более вы. Вероятно, (филиппийцы) говорили, что правда, приобретаемая трудами, важнее, поэтому (апостол) и показывает, что эта правда перед тою — отброс. Если бы я когда-либо совершил ее, то не отверг бы ее и не прибегнул бы к той. Какая же это правда? Та, которая бывает от веры Божией, то есть которая дана от Бога: вот правда Божия, она всецело дар Божий. Дар же Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим старанием. А что такое вера? *В вере,* говорит, *еже разумети Ею* (ст. 10). Итак, верою приобретается познание (о Боге), и без веры невозможно познать Его. Каким образом? Верою должно познавать силу воскресения Его. Какое в самом деле умствование убедит нас в воскресении? Никакое, а только одна вера. Если же воскресение Христово по плоти познается верою, то какими умствованиями может быть постигнуто рождение Бога Слова? Ведь воскресение менее рождения. Почему? Потому что примеров воскресения было много, а примера такого рождения ни одного; прежде Христа многие умершие воскресали, хотя воскресши и умирали, но от девы не родился никто никогда. Итак, если и то, что менее важно рождения по плоти, должно быть постигаемо верою, то как может быть постигнуто

умствованием то, что гораздо важнее, бесконечно, несравненно важнее? Вот что составляет правду. Надобно верить, что это могло быть, а как могло быть, этого невозможно представить. От веры зависит и общение в страданиях. Каким образом? Если бы мы не веровали, то и не страдали бы, если бы не веровали, что спострадавши (Христу) мы будем и соцарствовать (Ему), то не терпели бы страданий. Итак, и рождение и воскресение постигается верою. Видишь ли, что нужна вера не просто, но вера, соединенная с делами. Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с воскресшим, с живущим. Потому-то и сказал (апостол): *и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Христовою, сущую от Бога правду в вере, еже разумети Его и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуяся смерти Его, аще како достигну в воскресение мертвых* (ст. 10 и 11). *Сообразуяся,* говорит, *смерти Его,* то есть участвуя в ней, потому что как Он пострадал от людей, так и я. Вот почему (апостол) сказал, *сообразуяся;* и в другом месте: *исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. I, 24), то есть гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти, потому что (апостол) не своей пользы искал, но (пользы) многих. Потому и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как через них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать – изображаем (Его в себе), как и говорит (апостол) в другом месте: *мертвость Господа Иисуса во теле носяще* (2 Кор. IV, 10). Но и это происходит от великой веры, так как мы веруем не только тому, что Христос воскрес, но и тому, что по воскресении Он имеет великую силу, почему и идем тем же путем, которым Он шел, то есть делаемся и поэтому братиями Ему, так сказать, делаемся и поэтому христами. О, как велико достоинство страданий! Мы веруем, что через страдания мы сообразуемся смерти Его, как в крещении мы *спогребохомся подобию смерти Его,* так здесь сообразуемся смерти Его. Правильно там сказал (апостол): *подобию смерти Его* (Рим. VI, 5), так как мы не всецело умерли, умерли не телом по плоти,

но греху. Так как и то и другое называется смертью, Христос умер телом, а мы для греха, там умер человек, которого Он восприял, человек в теле нашем, а здесь человек греха, то в одном случае (апостол) и сказал: *подобию смерти Его,* а в другом – не подобию смерти, но самой смерти.

3. Так, Павел среди гонений умер не для греха, но самым телом: а потому претерпел такую же смерть. *Аще како достигну,* говорит, *в воскресение мертвых* (Флп. III, 11). Что ты говоришь? Без сомнения и все достигнут его: *вси бо не успнем,* сказал (ты сам), *вси же изменимся* (1 Кор. XV, 51), и не только воскресения, но и нетления (достигнут) все, одни к чести, а другие для наказания. Если же все достигнут воскресения, и не только воскресения, но и нетления, то для чего ты, как будто желая получить что-то особенное, сказал: *аще како достигну* (Флп. III, 11)? Я, говорит, для того и терплю это: *аще како достигну в воскресение мертвых;* а если не умрешь, то и не воскреснешь. Что это значит? Кажется, он делает намек здесь на что-то важное. Действительно, это было настолько важно, что он даже не решился сказать о том прямо, но говорит только: *аще како.* Я уверовал (как бы так говорит он) во Христа и в Его воскресение, и даже страдаю за Него; но еще не могу быть совершенно уверен в своем воскресении. О каком воскресении говорит он здесь? О том, которое ведет к самому Христу. Я, сказал (апостол), уверовал в Него и, в силу воскресения, участвую в Его страданиях и сообразуюсь смерти Его; но за всем тем я еще не совершенно уверен, что говорит и в другом месте: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12); и еще: *боюсь, да не како иным проповедуя, сам неключимъ буду* (IX, 27). *Не зане уже достигох, или уже совершихся, гоню же, аще и постигну, о нем же и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. III, 12). *Не зане уже достигох.* Что такое: *уже достигох?* То есть награды. Если же столько пострадавший, если гонимый, если носящий мертвость еще не совсем был уверен в том воскресении, то что скажем мы? Что значат слова: *аще постигну?* То же, что и вышесказанные – *аще достигну в воскресение мертвых.* Если я, говорит он, достигну Его воскресения, то есть если я смогу столько же пострадать, если смогу уподобиться Ему, если

смогу сделаться сообразным Ему. Так, Христос много пострадал, был оплеван, заушаем, бичеван, наконец умер. И вот поприще: через все это должны достигать Его воскресения и все подвижники (Его). Таким образом, или это (апостол) выражает здесь, или следующее, если я удостоюсь достигнуть славного воскресения, соединенного с упованием, то достигну воскресения Христова; если я совершу все подвиги, то и воскресения Его достигну, и восстану со славою. Теперь, говорит, я еще недостоин: *гоню же, аще и постигну*. Жизнь моя еще в подвигах, я еще далек от цели, еще не близок к наградам, еще бегу, еще гоню. Не сказал: бегу, но – *гоню*, и справедливо. Вы знаете, с каким напряжением стремится гонящий: он не смотрит ни на кого, с великим усилием отталкивает всех препятствующих, и ум, и взоры, и силу, и душу, и тело устремляет к одному, не имея в виду ничего другого, кроме награды. Если же и Павел, так гонящий, столько пострадавший, говорит еще: *аще и постигну*, то что скажем мы, лежащие на боку? Далее, желая показать, что это составляет обязанность, (апостол) говорит: о *немже и постижен бых от Христа Иисуса*. Я был, говорит, из числа погибающих, утопал, был близок к погибели; но Бог спас меня, так как Он гонится за нами – убегающими от Него с великой стремительностью. Все это (апостол) и выражает, именно словами *постыжен бых* указал и на ревность Бога, желающего настигнуть нас, и на наше великое отвращение от Него и заблуждение, и на то, что мы убежали от Него.

4. Потому достойно слез, что все мы пришли опять в прежнее состояние и сделались великими должниками, а между тем никто из нас не печалится (о том), никто не плачет, никто не стенает. Не подумайте, что я говорю это притворно. Как до пришествия Христова мы удалялись от Бога, так удаляемся от Него и ныне, а удаляться можно от Бога не местом, так как Он вездесущ, но делами. Что местом нельзя удалиться от Него, об этом послушай, как говорит пророк: *камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу* (Пс. CXXXVIII, 7)? Итак, как же можно убежать от Бога? Так же, как можно быть далеко от Него, так же, как можно удалиться от Него: *удаляющии себе от Тебе, говорится,*

погибнут (LXXII, 27); и еще: *не греси ли ваши разлучают между Мною и вами* (Ис. LIX, 2)? Как же бывает это удаление (от Бога)? Как же бывает это отлучение? Произволением и душою, а местом невозможно: кто же может убежать от Вездесущего? Только грешник убегает от Него. Об этом говорит и Писание: *бегает нечестивый, ни единому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1). Мы стремительно убегаем от Бога, хотя Он всегда гонится за нами. Апостол стремился приблизиться к Нему, а мы стремимся удалиться от Него. Не достойно ли это плача? Не достойно ли это слез? Куда бежишь ты, бедный и несчастный? Куда бежишь ты от жизни и спасения своего? Если убежишь от Бога, то у кого будешь иметь прибежище? Если убежишь от света, то как будешь видеть? Если убежишь от жизни, то как после того жить будешь? Будем лучше убегать от врага спасения нашего. Когда мы грешим, то мы убегаем от Бога, уходим, удаляемся от Него в чужую землю, подобно тому расточителю отцовского имущества, который, отшедши в чужую страну и растратив все отцовское имение, терпел голод. И у нас есть отцовское имение. Какое? (Бог) освободил нас от грехов, даровал нам силу и крепость для совершения добродетели, даровал нам ревность и терпение, в крещении даровал нам Духа Святого. Если мы расточим это, то после будем терпеть голод. И как больные, доколе страждут от горячки и повреждения соков, ни встать, ни заняться ничем, ни действовать не могут; а если и по освобождении их кем-либо от болезни, и по возвращении им здоровья ничем не занимаются, то это зависит уже от их собственного нерадения, так точно бывает с нами. Мы одержимы были жестокою болезнью, сильной горячкой, и лежали не на одре, но в самом зле, погрязши в нечестии, как в навозе, покрытые ранами, смердящие, скверные, изможденные, и более статуи, нежели люди; нас окружали злые демоны, князь этого мира издевающийся и нападающий. Пришел к нам Единородный (Сын) Божий, простер лучи Своего присутствия и тотчас прогнал тьму; пришел к нам Царь, сый на престоле Отчем, оставив Отчий престол (а когда я говорю: оставив, ты не представляй перемены места, потому что и небо и землю наполняет

Он, — я говорю это только по отношению к домостроительству); пришел к врагу, который ненавидит Его, отвращается от Него, не может видеть Его, каждодневно хулит Его. Увидел, что (враг) лежит в навозе, источен червями, одержим горячкою и голодом, подвержен всякого рода болезни. И горячка мучила его, — это похоть злая, — и от воспаления страдал он, — это гордость, — и так называемый волчий голод мучил его, — это любостяжание, — были и гнилые раны у него, — это блуд, — и слепота очей, — это идолослужение, — и глухота и помешательство ума, — это поклонение камням и деревьям и беседы с ними, — и великое безобразие, — это нечестие, нечто отвратительное и болезнь тягчайшая. Увидел, что мы говорим еще хуже беснующихся, и дерево и камень называем Богом; увидел нас в таком нечестии и — не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидел. Так как Он Владыка, то и не возненавидел Своего творения. Но что делает? Как наилучший врач, Он приготовляет многоценные лекарства и сам первый вкушает их: Он первый совершил добродетель и таким образом нам преподал. И первое лекарство, как бы некоторое противоядие, Он дал нам купель, которой мы освободились от всякого зла — и все вдруг прошло: воспаление кончилось, горячка прекратилась, и гнилые раны подсохли. Все, что происходит и от любостяжания, и от ярости, и всякое другое зло истреблено Духом; отверзлись очи, отверзся слух, язык начал говорить хорошо, душа получила силу, тело получило красоту и цвет такой, какой прилично иметь Сыну Божию, рожденному от благодати Духа, такую славу, какую прилично иметь новорожденному и воспитываемому в порфире царскому сыну. О, какое благородство даровано нам, а мы остаемся неблагодарными к так возлюбившему нас! Мы рождены, воспитаны, облагодетельствованы: зачем же мы опять удаляемся от Благодетеля? Кто все это сделал, Тот, конечно, даст и силу; иначе мы, будучи подвержены болезни, не могли бы переносить ее, когда бы Он не дал нам силы. Он даровал нам оставление грехов, а мы отвергли этот дар; Он даровал нам богатство, а мы растратили его, промотали все; даровал нам крепость, а мы истощили

ее; даровал нам благодать, а мы погасили ее. Каким образом? Расточили ее вовсе не на должное, употребили вовсе на бесполезное. Это-то и погубило нас, и всего хуже то, что, находясь в стране чужой и питаясь рожцами, мы не говорим: возвратимся к Отцу и скажем: согрешили на небо и перед Тобою (см.: Лк. XV, 18)! – между тем как имеем Отца, Который столь нежно любит нас и сильно желает нашего возвращения. Только бы мы отстали от нечестия, только бы мы возвратились к Нему, Он не станет потом упрекать нас за прежние грехи. Отстанем только – возвращение – уже достаточное оправдание. Что я говорю: Он не станет упрекать? Он не только сам не упрекает, но если и другой упрекает, то Он заграждает уста, хотя бы упрекающий был и благонамеренный. Итак, возвратимся: доколе будем в удалении от Него. Восчувствуем свое бесчестие, восчувствуем свою бедность: нечестие делает нас свиньями, нечестие мучит душу голодом. Войдем опять в самих себя, образумимся и возвратимся к прежнему благородству, чтобы сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, гоню к цели, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисус (Флп. III, 13 и 14)

1. Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о соделанном нами добре. Оно производит двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Потому-то Павел, знавший, что природа наша очень наклонна к беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости, сверх многих других предложенных выше, особенно настоящими словами. Что он говорит? *Братие, аз себе не у помышляю достигша.* А если и Павел еще не достиг и не имеет полной уверенности в своем воскресении и в будущем, то едва

ли (возможно, это) для тех, которые не совершили и малейшей части его добродетелей. (Апостол) выражает своими словами следующее: я еще не считаю себя достигшим полного совершенства, — говоря так, как сказал бы кто о скороходе: он еще не достиг. Я еще не все, говорит, совершил. Правда, в другом месте он говорит: *подвигом добрым подвизахся* (2 Тим. IV, 7), а здесь: *не у помышляю достигша;* но кто прочитает оба эти места, тот поймет причину тех и других слов. Не всегда же надобно повторять одно и то же, не всегда же внушать нам все, даже и то, что эти слова им сказаны гораздо прежде, а те перед кончиной. *Не у помышляю,* говорит, *достигша,* но об одном только думаю, чтобы простираться вперед; это и значат его слова: *едино, задняя убо забывая, в предняя же простирался, гоню к цели, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. III, 13, 14). Смотри, как он ясно показал этими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего; напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней. Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много доброго. Если Павел после бесчисленных смертей, после стольких бед помышлял об этом, то тем более мы. Я не упал (духом), говорит (апостол), и не пришел в отчаяние от того, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвизаюсь. Я имею в виду только то, как бы успеть действительно. Так надобно поступать и нам — забывать добрые дела и оставлять их позади себя. Скороход думает не о том, сколько он пробежал поприща, но о том, сколько ему остается еще. И мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам (совершить). Что пользы от того, что мы сделали, когда еще остается что-либо не доделанным? И (апостол) не сказал: не помышляю, не помню, но: *забывая,* чтобы сделать нас внимательнее, так как мы тогда делаемся ревностнейшими, когда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забве-

нию. *Простирался,* говорит, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тот старается предупредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела, протягиваясь вперед и вытягивая свои руки, чтобы как-нибудь выгадать в беге. Но это происходит от великого усердия, от сильного желания. Так-то надлежит стремиться тому, кто стремится, с таким-то тщанием, с таким-то усердием, а не на боку лежа; но сколько различается лежащий на боку от стремящегося сказанным образом, столько различаемся и мы от Павла. Он каждодневно умирал, каждодневно приобретал славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремление не увеличивалось; он хотел восхитить, а не получить награду, потому что таким образом можно и получить ее. На небе пребывает Тот, Кто дает награду: на небе уготована награда.

2. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлететь на крыльях духа, а иначе нельзя пролететь на эту высоту. Туда должно перейти с телом, и это возможно: *наше бо житие на небесех есть* (ст. 20). Там наша награда. Видишь ли, как правильно живут те, которые состязаются в беге? Как они не позволяют себе ничего, что ослабляет их силы? Как они каждодневно упражняются в палестре под руководством учителя и с соблюдением правил? Подражай им и ты, а лучше — покажи усердие еще большее, так как награда неодинакова и много препятствующих; живи по закону, так как есть много такого, что ослабляет силы; укрепи голени ног твоих, так как это возможно и зависит не от природы, но от свободной воли. Облегчим движение, чтобы остальной груз не препятствовал быстроте ног. Приучи ноги твои ступать твердо: много ведь мест скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочем, если и упадешь, вставай, потому что и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и ты не упадешь; беги по местам твердым, головой к небу, глазами к небу, как советуют и наставники упражняющимся в беганиии: таким образом укрепляется сила. Если же наклонишься, то упадешь, ослабеешь. Вверх гляди,— туда, где находится награда: самый

вид награды усиливает решимость, боязнь поражения не дает чувствовать усталости и делает то, что долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство небесное, вечный покой, слава со Христом, наследие, братство, бесчисленные блага, каких невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой награды: постигает ее только тот, кто получил ее, и тот, кто имеет получить ее. Она не из золота, не из драгоценных камней, но гораздо драгоценнее их: золото перед этой наградой – грязь, драгоценные камни перед красотой награды – кирпичи. Если ты, удостоившись ее, отойдешь на небо, то великой честью будешь пользоваться там; с такой наградой будут почитать тебя и ангелы, с великим дерзновением ты будешь обращаться со всеми. О *Христе Иисусе* (ст. 14). Смотри, как хорошо рассуждает (апостол). *О Христе Иисусе,* говорит, я делаю это (то есть стремлюсь к почести). Без Его содействия нельзя пройти такого пространства: для этого потребна великая помощь, великое содействие. Богу угодно, чтобы ты подвизался на земле, а венец получил на небе, не так, как здесь: земной венец дается на месте подвига, а тот венец дается в месте светлом. Да не видите ли, что и здесь тех борцов и наездников, которых особенно отличают, не увенчивают на зрелище, внизу; но наверх призвав, там царь венчает их. Подобным образом и ты получишь награду на небе. *Елицы убо совершенни,* продолжает (апостол), *сие да мудрствуим: и еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет* (ст. 15). Что такое – *сие?* То, что заднее должно забывать, почему свойство совершенного – не считать себя совершенным. Как же ты говоришь: *елицы совершенни?* Так ли мы рассуждаем, как ты рассуждаешь, скажи мне? Если ты не достиг и не усовершился, то почему же совершенным повелеваешь мудрствовать то же, что сам мудрствуешь, не будучи еще сам совершенным? Потому, говорит, что это и составляет совершенство. *И еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет,* то есть если кто думает (и иначе), что он совершил все добродетели. (Апостол) предостерегает (филиппийцев), но сказал не так, – а что? *И еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет.* Смотри, как

он скромно сказал это. Бог вас научит, то есть Бог вас уверит, а не просто научит, потому что учил Павел, но вразумлял Бог; впрочем, (апостол) не сказал – вразумить, но: *открыет,* чтобы показать, что дело происходит преимущественно от неведения. Это сказано не о догматах, но о совершенстве жизни, и о том, чтобы не считали себя совершенными, так как кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего. *Обаче в неже достигохом, тоже да мудрствуем, темже правилом жительствуем* (ст. 16). *Обаче в неже достигохом:* что это значит? Это значит: а между тем будем держаться того, что мы совершили, то есть любви, единомыслия, мира. Это мы совершили. *В неже достигохом, тоже да мудрствуем, темже правилом жительствуем. В неже достигохом,* то есть это мы уже совершили. Видишь ли, что он свое учение хочет поставить правилом? Правило не терпит ни прибавления, ни убавления: иначе оно перестает быть правилом. *Темже правилом,* то есть той же верой, тем же наставлением. *Подобны ми бывайте, братие, и смотряйте тако ходящия, якоже имате образ нас* (ст. 17). Вышесказанными словами: *блюдитеся от псов,* (апостол) отклонял (филиппийцев от злых людей), а теперь обращается к тем, кому они должны подражать. Если кто хочет, говорит, подражать нам, если кто (хочет) идти тем же путем, то помните следующее: хотя я и не с вами, но вы знаете образ моего хождения, то есть препровождения жизни. Он учил не словами только, но и делами, – подобно тому, как в хоре и в войске все должны последовать правящему хором или войском, и таким образом действовать стройно; а стройность может нарушиться и от остановки.

3. Итак, апостолы были образцом, заключая в себе черты, служащие как бы некоторым первообразом. Подумайте, как строга была жизнь их, когда они поставлены первообразом и примером и одушевленными законами! То самое, что говорило Писание, они показывали всем своими делами. Вот наилучший способ учения: таким образом учитель может наставить своего ученика. Но если он говорит и рассуждает хорошо, а делает худо, то он еще не учитель: рассуждать на словах легко может и ученик, потребно же

наставление и руководство делами. Это и учителя делает почтенным, и ученика располагает к послушанию. Каким образом? Когда (ученик) заметит, что (учитель) только рассуждает на словах, то скажет, что он требует невозможного, а что (требует) невозможного, сам же учитель первый доказывает своим неисполнением; но если ученик увидит, что добродетель совершается на деле, то уже не может этого сказать. Впрочем, хотя бы жизнь учителя была и небрежна, нам должно быть внимательными к себе и слушать пророка, который говорит, что будут все *научены Богом* (Ис. LIV, 13); и: *не научит кийждо брата своего, глаголя: познай Господа, яко вси познают Мя от мала даже и до великаго их* (Иер. XXXI, 34). Ты не имеешь добродетельного учителя? Но имеешь учителя истинного, Кого одного и должно называть учителем. От Него учитесь. Он сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь* (Мф. XI, 29). Так не тому учителю внимай, но этому и Его наставлениям. С Него бери пример, – вот тебе прекрасный образец, – с Ним сообразжайся. В Писании есть множество образцов добродетельной жизни, перейди, если угодно, от учителя и к ученикам: иной прославился нищетой, другой – богатством, – нищетой, например, Илия, богатством – Авраам. Какая жизнь тебе кажется легче и удобнее, той и следуй. Еще, иной прославился супружеством, другой – девством, – Авраам, например, супружеством, а тот (Илия) девством. Иди каким угодно путем: тот и другой ведет к небу. Иной прославился постом, например Иоанн, другой и без поста, как Иов. Сверх того последний заботился и о жене, и о сыновьях, и о дочерях, и о доме, и имел великое богатство, а первый не имел ничего, кроме волосяной одежды. И что я говорю о доме, о богатстве и деньгах, когда, и будучи царем, можно стяжать добродетель. В царском дворце дел гораздо более, нежели во всяком частном доме; однако же Давид прославился и будучи царем, порфира и диадема нисколько не расстроили его. Другой прославился и управляя целым народом – я разумею Моисея, что еще труднее, так как здесь было больше власти, а потому больше и трудности. Ты видел, что прославлялись и при богатстве и в бедности, и в су-

пружестве и в девстве; теперь посмотри и на противоположную сторону, на погибавших и в супружестве и в девстве, и в богатстве и в бедности. Так, в супружестве погибли многие люди, например Сампсон, не от супружества впрочем, но от своей воли; в девстве — пять дев; в богатстве — тот богач, который презирал Лазаря; в бедности и ныне погибают весьма многие нищие. Могу показать многих, которые погибли в царском достоинстве и управляя народом. Но ты хочешь видеть, спасаются ли и в воинском звании? Посмотри на Корнилия. Спасаются ли домоправители? Посмотри на евнуха ефиопянки. Таким образом из всех примеров видно, что когда мы пользуемся богатством, как должно, то оно нас не погубит, а если иначе, то все будет служить к погибели: и царское достоинство, и бедность, и богатство. Кто осторожен, тому ничто не может сделать вреда. Скажи мне, в самом деле, сделал ли какой вред плен? Нет. Припомни, что Иосиф, и находясь в рабстве, сохранил добродетель; припомни, что Даниил и три отрока были в плену, и между тем прославились еще более. Добродетель во всяком состоянии славна и бывает непобедима, и ничто не может быть для нее препятствием. Что я говорю о бедности, плене и рабстве? Добродетели не могут причинить вреда ни голод, ни язва, ни болезнь, а болезнь тяжелее и рабства. Таков был Лазарь, таков Иов, таков Тимофей, который был одержим частыми недугами.

Видишь ли, что ничто не может победить добродетели: ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управление делами, ни болезнь, ни бесславие, ни ссылка, что она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо. Только имей благородную душу, и не будет препятствия быть добродетельным, когда действующий силен, то ничто внешнее не препятствует ему. И в искусствах, когда художник опытен, терпелив и совершенно знает искусство, то хотя бы постигла его болезнь, искусство при нем, хотя бы он впал в бедность, искусство при нем, хотя бы он имел в руках инструмент, хотя бы не имел, хотя бы работал, хотя бы не работал, оно нисколь-

ко не умаляется, потому что знание находится в нем самом. Так и добродетельный и преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь и в богатстве и в бедности, и в болезни и в здравии, и в славе и в бесславии.

4. Не через все ли это прошли апостолы? *Славою,* сказано, *и бесчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. VI, 8). Готовность на все – вот что делает подвижником. Таково и свойство добродетели. Если же ты скажешь, что не могу управлять многими, что я должен жить в одиночестве, то ты оскорбил добродетель. Она может все употреблять в свою пользу, и во всяком случае обнаружиться, только пусть она будет в твоей душе. Случается ли голод, случается ли обилие, – она равно оказывает свою силу, как говорит Павел: *вем и избыточествовати и лишатися* (Флп. IV, 12). Нужно ли было трудиться? Он не стыдился, но два года трудился. Нужно ли было терпеть голод? Он не ослабел, не колебался. Надлежало ли умереть? Не унывал, во всех обстоятельствах показывал благоразумие, благородство и искусство. Будем же подражать ему и мы, и для нас не будет причины печалиться. Да и что, скажи мне, может опечалить такого человека? Ничто. Доколе никто не отнял у нас добродетели, мы будем блаженнее всех людей и здесь, не только там. Кто добродетелен, тот хотя имеет и жену, и детей, и деньги, и великую славу, при всем этом равно остается добродетельным; отними у него это, он также пребудет добродетельным, от несчастия не упадет, и от счастия не возгордится; как скала и во время морского волнения и во время тишины одинаково стоит непоколебимой, ни волнами не сокрушается, ни от тишины ничего не терпит, – так и душа твердая остается непоколебимой и во время тишины и во время волнения. И хотя дети, плывя в лодке, и пугаются, но кормчий сидит улыбаясь и спокойно, смотрит и забавляется их страхом: так и душа любомудрая, при благоразумии, как бы на корме и у руля, пребывает непоколебимой, тогда как все остальные мятутся, или же, при перемене обстоятельств, не кстати смеются. Что, скажи мне, может возмутить благоразумную душу?

Смерть? Но (такая душа) знает, что смерть есть начало лучшей жизни. Бедность? Но бедность помогает ей в добродетели. Болезнь? Но она считает ее за ничто. И что я говорю о болезни? Тоже – и расслабление, и скорбь: ведь еще прежде она сама себя подвергла скорби. Бесславие? Но для нее распялся весь мир. Потеря детей? Но (такая душа) чужда страха: если она уверена в воскресении, то что может сокрушить ее? Ничто совершенно. Быть может, богатство надмевает? Нет: она знает, что деньги – ничто. Так слава? Но ей внушено, что *всяка слава человеча аки цвет травный* (Ис. XL, 6). Так удовольствия? Но она слышала слова Павла, что *питающаясяространно жива умерла* (1 Тим. V, 6). Когда же она ни возносится, ни унижается, то что может сравниться с ее благосостоянием? Другие души, однако же, не таковы, но меняются чаще моря и хамелеона. Потому-то и бывает весьма смешно, когда видишь, что один и тот же то смеется, то плачет, то через меру занят, то рассеян. И когда Павел говорит: *не сообразуйтеся веку сему* (Рим. XII, 2), то не по другой какой-нибудь причине, а по той, что наше жительство на небе, где нет изменения (см.: Флп. III, 20). Нам обещаны неизменяемые награды: будем же проводить такую жизнь, за которую бы получить нам вечные блага. Зачем нам бросаться в эту пучину, в эти волны, в бурю и вихрь? Пребудем в тишине. Это вовсе не зависит ни от богатства, ни от бедности, ни от славы, ни от бесславия, ни от болезни, ни от здоровья, ни от немощи, но (зависит) от души нашей. Если она тверда и хорошо наставлена в науке добродетели, то для нее все будет легко. Она и здесь уже увидит покой и тихое пристанище, а перешедши туда, получит бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков Аминь.

БЕСЕДА XIII

Мнози бо ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова: имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют. Наше бо житие на небесех есть, отонуду же и Спасителя ждем, Господа Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти ему сообразну телу славы Его, по действу еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая (Флп. III, 18—21)

1. Всего неприличнее и несвойственнее христианину – искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? Потому и Павел говорит: *мнози ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова.* Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге, – что противно кресту, – поэтому (апостол) и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть и вовсе не ищущей покоя, а они живут совсем напротив. Итак, хотя они называют себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крест, то старались бы проводить и жизнь, свойственную Распятому. Не распят ли был твой Владыка? Если ты не можешь так же (распяться), можешь другим образом подражать ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распинал тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя, – отнюдь нет, это и беззаконно, – а по слову Павлову: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. VI, 14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертью: познай, как велика сила креста, какие благотворные производил он и производит действия, какое он прибежище в жизни. Им совершается все: крещение – крестом (так как должно принять печать), рукоположение – крестом, и вообще бываем ли на пути, или дома, или в другом каком месте, –

крест – великое благо, спасительное оружие, непреодолимый щит, неприязненный диаволу. Итак, когда ты ратуешь против него, то уже несешь крест, не просто напечатлевая (на себе знамение креста), не претерпевая страдания креста. Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: *иже не приимет креста своего, и вслед Мене грядет* (Мф. XVI, 24), то есть если кто не готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста, которым Павел хвалится, который объемлет и с которым он старается тесно соединиться, как это видно из слов его: *мне мир распяся, и аз миру. Ныне же,* говорит, *и плача глаголю.* Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые (люди) достойны слез. В самом деле достойны слез те, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, то есть тело, утучняют, а вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни. Вот ты живешь в удовольствии, вот упиваешься сегодня и завтра, и десять, и двадцать, и тридцать, и пятьдесят, и сто лет, – это невозможно, однако же допустим, если угодно. Какой же конец? Какая польза? Никакой. А потому не достойна ли слез и плача такая жизнь? Бог поставил нас на это поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного. Итак, Павел плачет о том, чему другие смеются, чем другие услаждаются: столько-то он сострадателен, так-то он заботится о всех людях! *Имже,* говорит, *бог чрево.* Потому бог у них – *да ямы и пием* (1 Кор. XV, 22). Видишь ли, как худо удовольствие? У одних бог – деньги, а у других – чрево. Таковые не идолопоклонники ли, даже не хуже ли их? *И слава,* говорит, *в студе их.* Некоторые говорят, что этими словами указывается на обрезание; а я говорю совсем другое, именно вот что значат эти слова: они величаются тем, чего бы надлежало им стыдиться. То же говорит (апостол) в другом месте: *кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитеся* (Рим. VI, 21)? Делать постыдное – тяжкий грех; грех вполовину уменьшается, если делающий стыдится; а когда кто еще хвалится постыдным, то это верх бесчувствия. Но о них ли одних

сказано это? Не подлежит ли кто из присутствующих здесь с нами тому же обвинению? Или никто из вас не заслуживает его? Никто не почитает чрева богом? Не поставляет славы своей в студ? Желаю, сильно желаю, чтобы подобного ничего нельзя было приложить к нам, желал бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить в упрек, но боюсь, не к нам ли более, нежели к своим современникам, говорит (апостол). Ведь если кто всю жизнь тратит на то, чтобы пить и есть, нищим уделяет мало, а больше издерживает на чрево, — то не прилично ли и к такому отнести сказанное.

2. Ничто не может более возбудить стыд и быть укорительнее этого изречения: *имже бог чрево, и слава в студе их.* Кто это такие? Те, которые *земная мудрствуют,* которые говорят: мы построим домо. Где? На земле. Говорят: купим поля, опять на земле; получим власть, опять на земле; достигнем славы, тоже на земле; разбогатеем, все на земле. Вот те, *имже бог чрево!* Те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землею, поистине имеют богом чрево, говоря: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. XV, 32). И после того ты еще сетуешь, что тело твое из земли, хотя это нисколько не вредит тебе по отношению к добродетели; между тем, скажи мне, ты смеешься и забавляешься, низводя удовольствиями душу до праха и вовсе не думая об этом? Какое же прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? И это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его: чтобы управлять им, а не подчиняться ему, чтобы оно тебе служило для питания и прочих частей, а не ты ему служил, не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько зол причиняет выступившее из берегов море, сколько желудок вредит телу нашему и вместе душе. Море потопляет всю землю, а желудок (обременяет) все тело. Положи ему пределом довольство, как Бог оградил море песком. И если он волнуется, если свирепствует, — запрети ему властью, тебе данною. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, чтобы ты подражал Ему; а ты

не хочешь, но, видя желудок переполненным и расстраивающим всю твою природу и обращающимся в болото, не смеешь сдержать и сделать умеренным. *Имже,* говорит, *бог чрево.* Посмотрим, как Павел служил Богу; посмотрим, как и чревоугодники (служат) чреву. Не подвергаются ли они бесчисленным смертям? Не боятся ли отказать ему в каком бы то ни было требовании? Не раболепствуют ли ему даже в невозможном? Не хуже ли они невольников? Но Павел не таков, потому он и сказал: *наше житие на небесех есть.* Не будем же и мы искать покоя здесь (на земле); пожелаем сделаться славными там, где и житие наше. *Отонуду же,* говорит, *и Спасителя ждем, Господа Иисуса, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его.* Постепенно возводит нас: с неба, говорит, Спаситель наш, доказывая величие местом и лицом. *Иже преобразит тело,* говорит, *смирения нашего.* Тело наше ныне много терпит; его вяжут, бьют, оно претерпевает бесчисленные беды. Но и тело Христово столько же терпело. На это он намекает, говоря: *яко быти сему сообразну телу славы Его.* Потому, хотя тело то же самое, но облекается в бессмертие. *Преобразит,* говорит. Следовательно, (оно будет иметь) и другой образ; или же он так назвал изменение в несобственном смысле. Сказал же — *тело смирения нашего* потому, что оно ныне уничижено, подвержено тлению, болезни; ныне оно кажется ничтожным и ничем не лучше прочих (тел). *Яко быти сему,* говорит, *сообразну телу славы Его.* Увы! Это тело будет сообразно тому телу, которое сидит одесную Отца, которому поклоняются ангелы, которому предстоят бесплотные силы, которое превыше всякого начальства, власти и силы, — вот какому оно сообразно будет. Итак, если вся вселенная будет слезно оплакивать (людей), потерявших эту надежду, то оплачет ли она достойно, что и при данном нам обещании — *быти сему сообразну* тело наше отходит вместе с демонами? Я не упоминаю уже о геенне; что бы ты ни сказал — все почитаю за ничто в сравнении с такою потерею. Что ты говоришь, Павел? Тому ли сообразно будет? Да, говорит. А для удостоверения приводит и доказательство: *по действу,* говорит, *еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая.*

Христос имеет силу, говорит (апостол), покорить Себе все, следовательно, и тление и смерть, и преимущественно тою же самою силою Он сделает и это. И для чего, скажи мне, потребно больше силы: покорить ли ангелов, и архангелов, и херувимов, и серафимов, и демонов, или сделать тело нетленным и бессмертным? Без сомнения, гораздо более для первого, нежели для последнего. Он показал большие дела Своей силы, чтобы ты и последнему поверил. Итак, хотя вы видите (миролюбцев) в радости, хотя видите в славе, — стойте, не соблазняйтесь их примером и не страшитесь. Надежда (на прославление тела) сильна возбудить самого ленивого и сонливого. *Тамже, братие моя возлюбленная и вожделенная, радосте и венче мой, тако стойте о Господе, возлюбленнии* (IV, 1). *Тако,* — каким образом? Как вы стояли непреклонными. Смотри, как он после увещания присовокупляет похвалы; *радосте и венче мой.* Не только радость, но и слава; не только слава, но и венец. Той славе ничего нет равного, — когда они составляют венец Павла. *Тако стойте о Господе, возлюбленнии,* то есть в надежде на Бога. *Еводию молю, и Синтихию молю, тожде мудрствовати о Господе. И молю и тебе, супружниче присный, споспешествуй им* (ст. 2, 3).

3. Некоторые говорят, что (апостол) этими словами — *супружниче присный* просит жену свою; но это несправедливо: он просит какую-то жену, или мужа одной из них. *Споспешествуй им,* говорит, *яже во благовествовании сподвизашася со мною, с Климентом и с прочими споспешники моими, ихже имена в книзе животней.* Видишь ли, как он свидетельствует об их добродетели? Что Христос сказал (апостолам): *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана в книзе животней* (Лк. X, 20), то же свидетельство он дает им (филиппийцам) словами: *ихже имена в книзе животней.* Мне кажется, что эти жены были важны в церкви (филиппийской), и он препоручает их мужу, конечно — достойному удивления, которого и называет сотрудником, — которому, быть может, он обыкновенно поручал как споспешнику, сподвижнику, соучастнику и брату. Это он делает и в послании к Римлянам, говоря: *вручаю вам Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве, яже в Кегхреех* (Рим. XVI, 1). *Супружниче.* Так он называ-

ет или какого-нибудь брата их, или мужа одной из них; как бы так сказал: ныне ты искренний брат, ныне ты истинный муж, потому что сделался членом. *Яже во благовествовании сподвизашася со мною.* Твоя честь в тебе, не в дружбе, но в добрых делах. *Сподвизашася со мною.* Что ты говоришь? Жены подвизались вместе с тобою? Да, говорит; немало и они помогали. Хотя у него и много было сотрудников, но в числе многих содействовали и жены. Следовательно, церкви тогда возрастали немало, и то, что такой честью от других пользовались почтенные мужи и жены, производило много добра, во-первых, потому, что и прочие возбуждались к равной ревности, во-вторых, через почтение они получали пользу, в-третьих, и сами они делались ревностнее и усерднее. Потому ты видишь, что (Павел) везде старается об этом и поставляет таковых на вид; об этом он говорит и в послании к Коринфянам: *яко есмь начаток Ахаии* (1 Кор. XVI, 15). А некоторые говорят, что имя *супружниче* есть собственное. Но какое бы это имя ни было, нет нужды со всей точностью изыскивать; а должно удивляться, что он повелевает воздавать им великое почтение.

4. Все для нас на небесах, и Спаситель, и град, и – что ни сказал бы кто. *Отонудуже,* говорит, *и Спасителя ждем Господа Иисуса Христа.* И это – дело Его человеколюбия. Сам опять грядет к нам, а не нас туда влечет, и таким образом, взявши нас, отходит: и это великая честь для нас. Если Он пришел к нам, когда мы были Его врагами, то тем более (придет), когда мы соделались (Его) друзьями. Не поручает этого ни ангелам, ни рабам; но сам грядет на облаках, чтобы призвать нас в царство Свое. А может быть, и те, которые Его почитают, восхищены будут на облаках: и *мы,* сказано, почитающие Его, *восхищени будем на облацех, и тако всегда с Господем будем* (1 Фес. IV, 17). Кто же окажется верным и мудрым рабом? Кто те, которые удостоятся таких благ? Как жалки отпадшие! Если бы мы и всегда оплакивали потерявших царство, оплачем ли достойно (участь их)? Если бы ты насказал и тысячи геенн, то не скажешь ничего равного тому мучению, какое будет терпеть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучат трубы, – ког-

да будут предходить ангелы первого чина, потом второго, затем третьего, после того бесчисленные сонмы сойдут на землю, потом херувимы, которые также многочисленны и бесконечны, далее серафимы, когда наконец придет Сам (Христос) в той неизреченной славе, когда пришедшие вперед будут поспешно выводить избранных на средину, когда потом Павел и все прославившиеся подобно ему, перед лицом всего небесного воинства, будут увенчаны от Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было одним получить честь, а другим – бесчестие? Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишение царства нестерпимее ее. Скажи мне, если бы какой царь или сын царя, отправившись, окончивши множество войн и заслужив себе удивление, в сопровождении всего войска вошел в какой-нибудь город на колеснице с трофеями, с бесчисленными полками (воинов) покрытых золотом, с телохранителями, имеющими золотые щиты, и весь город был бы украшен, и при нем находились бы все властители вселенной, а за ним следовали бы всякого возраста чужеземцы, заключенные в оковы, с эпархами, сатрапами, ипатами, тиранами и архонтами, – если бы при всей этой славе он одних из встречающих его граждан и принимал, и приветствовал, и подавал им руку, и позволял им говорить с полною откровенностью, или даже со всеми стоящими разговаривал как с друзьями, говорил, что весь этот путь он совершил для них, но затем одних ввел в свои царские чертоги, а других оставил, то какому бы наказанию ни было это равносильно, хотя бы (оставленные) и не были наказываемы? Если же столь горько лишиться такой славы от человека, то тем более от Бога, когда все горние силы будут с Царем, а демоны связаны и унижены, и когда сам диавол и вся сила вражья поведется в узах, когда силы небесные, когда Сам (Христос) придет на облаках. Поверьте мне, что от скорби, угнетающей мою душу при этом повествовании, я не могу докончить слова. Подумаем, какой великой славы мы лишаемся, тогда как можно бы не лишиться. Мучительно то, что мы, при всей возможности с нашей стороны не терпеть этого, терпим.

Когда (Христос) одних примет и поведет к Отцу на небеса, а других оставит, и когда этих последних против их воли, плачущих и поникших долу, некоторые ангелы взявши повлекут в огонь гееннский, наперед обличив перед целой вселенной, какая тогда, полагаешь ты, будет скорбь. Итак, постараемся, пока есть время, и с великой ревностью позаботимся о своем спасении. Сколько можем мы сказать такого, что говорил богатый? Если бы кто теперь позволил нам, то мы надавали бы полезных советов, но никто не позволяет. А что мы (много) наговорили бы, это известно не от одного (богача) того, но и от многих других. Или ты не знаешь, сколько было таких, которые находились в горячке и говорили: если бы нам выздороветь, то уже не подвергнемся таким (мучениям)? Много такого наговорим мы тогда, но подобно тому богачу услышим, что есть пропасть, что мы здесь *восприяли благая* (Лк. XVI, 26). Итак, умоляю вас, будем горько воздыхать, или, лучше, не воздыхать только, но и жить добродетельно. Будем теперь плакать для спасения, чтобы не плакать тогда тщетно, рыдать теперь и не рыдать тогда о нечестии. Нынешний плач (происходит) от добродетели, а будущий – от бесполезного раскаяния, – будем же скорбеть ныне, чтобы не скорбеть тогда. Не все равно скорбеть здесь или там: здесь ты скорбишь кратковременно, или, лучше, вовсе не чувствуешь скорби, зная, что скорбишь о благе, а там скорбь ужаснейшая, так как безнадежна, беспрерывна, бесконечна и вечна. О, если бы все мы, избегши такой скорби, получили успокоение! Но так как для того, чтобы не лишиться этого, потребно усильное старание и непрестанные молитвы, то прошу вас, будем стараться. Если мы стараемся и молимся, то достигаем, если будем прилежно молиться, то Бог подаст. Если же не просим Его и не делаем чего-либо такого, и вовсе остаемся в бездействии, то как можно спящим сделать доброе когда-либо. Никак. Довольно, что текущие, стремящиеся и сообразующиеся смерти Его, как сказал Павел, могут получать, а спящие отнюдь не могут. *Аще*, говорит, *како достигну* (Флп. III, 11). Если же Павел говорил: *аще како достигну*, то что скажем мы? Спящие вовсе не могут совершать и мирских дел, тем более духов-

ных; спящие никогда ничего не могут получить и от друзей, не могут и от Бога; спящих и отцы не почитают, также и Бог. Потрудимся немного, чтобы всегда наслаждаться покоем. Скорбеть совершенно необходимо, и если не поскорбим здесь, то будем скорбеть там. Для чего не решаемся скорбеть здесь, чтобы там успокоиться? О, если бы всем нам, поживших достойно Христа и сообразовавшимся смерти Его, сподобиться неизреченных благ во Христе Иисусе, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Радуйтеся всегда о Господе: паки реку, радуйтеся. Кротость ваша разумна да будет всем человеком. Господь близ: ни о чемже пецытеся, но во всем молитвой и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу, и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Флп. IV, 4—7)

1. *Блажени плачущии,* и: *горе смеющимся* (Мф. V, 4; Лк. VI, 25), говорит Христос. Почему же Павел говорит: *радуйтеся всегда о Господе?* (Апостол) не противоречит Христу, нисколько. Христос сказал: *горе смеющимся,* разумея смех этого мира в отношении к делам настоящим, а блаженными назвал не тех плачущих, которые оплакивают только потерю собственности, но тех, которые скорбят и плачут о своих неправдах, размышляя о грехах своих или о чужих. Этому плачу непротивна та радость; даже более – от этого плача она и происходит, потому что оплакивающий и исповедующий свои неправды радуется. Иначе (сказать), можно плакать о грехах своих, а радоваться о Христе. И вот, так как (филиппийцы) томились под бременем страданий, *яко вам даровася,* сказано, *не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати,* – то он и говорит: *радуйтеся о Господе.* Слова эти значат не иное что, как – ведите такую жизнь, чтобы радоваться. Поэтому, когда дела для Бога совершаются у вас беспрепятственно, радуйтесь. Итак, или это говорит

(апостол), или предлог *о* употреблен вместо *с;* как бы так сказал: *радуйтеся всегда с Господом. Паки реку, радуйтеся.* Так говорить свойственно крепко уверенному и показывающему, что пребывающий в Боге всегда радуется. Скорбит ли такой, терпит ли что, всегда он радуется. Послушай, что повествует Лука об апостолах: *идяху радующеся от лица собора, яко за имя Его сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). Если бичи и узы, которые, по-видимому, всего тягостнее, производят радость, то что другое может причинить нам печаль? *Паки реку, радуйтеся.* Кстати, он повторил слово. Так как обстоятельства были таковы, что рождали печаль, то через повторение слова показывает, что точно должно радоваться. *Кротость ваша разумна да будет всем человеком.* Выше он сказал: *имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют.* А так как представлялось вероятным, что (филиппийцы) отнесутся недружелюбно к злым (людям), то (апостол) и увещевает, чтобы они, не имея ничего общего с таковыми, в то же время с великой кротостью обходились бы не только с братиями, но даже с врагами и неприятелями. *Господь близ, ни о чемже пецытеся.* Отчего, скажите мне, вы унываете? Оттого, что восстают против вас? Оттого, что вы видите их веселую жизнь? *Ни о чемже пецытеся.* Уже настал суд; скоро они дадут ответ в делах своих. Но вы в скорби, а они в веселии? Это скоро кончится. Но они коварствуют и угрожают? И это не надолго будет им попущено; уже близок суд, когда все будет напротив. *Ни о чемже пецытеся:* уже настало (время) возмездия. Будете ли обходиться кротко с теми, которые готовят вам бедствия, постигает ли вас нищета, смерть или другое какое-либо зло, – все прекратится. *Ни о чемже пецытеся: но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу.* Итак, первое утешение – в том, что *Господь близ,* и в обетовании: *буду с вами во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20). Вот и другое утешение, которое и в скорби, и в несчастии, и во всех горестных случаях служит облегчительным лекарством. Какое же это? Молитва и благодарение за все. Потому он желает, чтобы в молитвах мы не только просили, но и благодарили за то, что имеем. Да и как станет просить о будущем тот, кто не

умеет благодарить за прошедшее? Но *во всем,* говорит, то есть во всякой вещи, *молитвою и молением.* Итак, должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбным: это – свойство истинно благодарного. Первого (благодарения за все) требует самое существо вещей, а последнее (благодарение за прискорбное) происходит от души благодарной и сильно преданной Богу. Таковые молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет. Потому молитесь о том, что угодно Ему. Он все устрояет к нашей пользе, хотя мы и не понимаем. Даже то самое, что мы не понимаем, весьма полезно. *И мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе.* Что это значит? *Мир Божий,* то есть мир, который устроил Бог с человеками, превосходит всякий ум. Кто в самом деле мог ожидать, кто мог надеяться на такие блага? Они выше не только всякого слова, но и всякого ума человеческого: за врагов своих, за тех, которые ненавидят Его, отвращаются от Него, – за них Он не пощадил предать Единородного Сына, чтобы примириться с нами. Этот-то мир, то есть примирение и любовь Божия, *да соблюдет сердца ваша и разумения ваша.*

2. Дело учителя не только увещевать, но и молиться и молитвой помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений и не были обмануты; как бы так сказал он: кто избавил вас таким непостижимым для ума образом, Тот да сохранит и утвердит вас, чтобы вы ничего не потерпели. Итак, или это объясняет (апостол), или разумеет тот мир, о котором сказал Христос: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. XIV, 27), – он да сохранит вас. Этот именно мир превосходит всякий ум человеческий. Если же ты спросишь: каким образом? – то слушай. Когда Господь заповедует иметь мир с врагами, которые обижают, вооружаются против нас и ненавидят нас, не выше ли это ума человеческого. Но обратим особенное внимание на первые слова: *мир превосходяй всяк ум.* Если мир (превосходит всякий ум), то тем более Сам Бог, податель мира, превосходит всякий ум, не только наш, но даже ум ангелов и горних сил. А что значит – о *Христе Иисусе?* В Нем да сохранит, говорит, чтобы вы были непоколебимы и не отпали от веры в Него.

Прочее же, братия, елика суть истинна, елика честна, елика праведна (ст. 8). Что значит: *прочее же?* То есть все уже нам сказано. Это выражение свойственно тому, кто поспешает и нисколько не останавливает внимания на настоящем. *Прочее же, братия, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте: имже и научистеся, и приясте, и слышасте, и видесте во мне* (ст. 9). Что значит – *елика прелюбезна?* Любезное верующим, любезное Богу. *Елика суть истинна.* Совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок, так как и удовольствие порока ложь, и слава его ложь, и все, что в мире, ложь. *Елика пречиста* – сказано в противоположность выражению: *иже земная мудрствуют. Елика честна* – в противоположность: *имже бог чрево. Елика праведна, елика достохвальна* – вот о чем, говорит, *(помышляйте). Аще кая добродетель, и аще кая похвала.* Здесь он внушает им попечение и в отношении к людям. *Сия,* говорит, *помышляйте.* Видишь ли, что он хочет изгнать из душ наших всякое злое помышление? Ведь от (злых) помыслов происходят злые дела. *Имже и научистеся, и приясте.* Вот прекрасное учение – при всех увещаниях (апостол) представляет в образец самого себя, как и в другом месте говорит: *якоже имате образ нас* (Флп. III, 17); и здесь опять: *имже научистеся и приясте,* то есть наставлены, *и слышасте и видесте во мне* – и из слов, и из действий, и из образа жизни. Видишь ли, что заповедь эта касается всего? Так как невозможно было подробно говорить о всем, и о входах, и об исходах, и о словах, и о наружном виде, и о дружестве, – а христианину о всем этом следует заботиться, то он кратко и вообще сказал: *во мне слышасте и видесте,* то есть в присутствии моем, как бы так сказал: я руководствовал вас и делами и словами. *Сия творите,* – не только говорите, но и делайте, – *и Бог мира будет с вами,* то есть если вы так это соблюдете и будете иметь мир между собой, то пребудете в спокойствии и великой безопасности, не испытаете ничего неприятного и ничего противного вашим желаниям. Если мы имеем мир с Богом, а имеем его через посредство добродетели, то тем более Он пребудет

с нами. Тот, Кто столько возлюбил нас, что пришел и к не желавшим (пришествия Его), не гораздо ли более покажет Свою любовь, если увидит обращающихся к Нему? Нет ничего настолько враждебного нашей природе, как порок. А каким образом порок враждебен, а добродетель дружественна, это видно из всего. Если угодно, рассмотрим это сперва относительно одного порока – блуда. Блуд делает людей бесчестными, нищими, смешными и презренными у всех, – делает то, что свойственно делать врагам, а часто он ввергал в болезни и опасности; многие же и погибли от блудниц и получили раны. Если же блуд производит это, то тем более прелюбодеяние. Ужели таковы следствия и милостыни? Никак; напротив, она, как чадолюбивая мать, делает свое детище весьма скромным, благонравным, истинно славным, побуждает заниматься необходимым, не оставляет нас, не отвлекает от нужных дел и соделывает душу разумнейшей. Ничего нет безрассуднее блудников. Впрочем, не угодно ли тебе видеть любостяжание? И оно производит то же, что сделал бы для нас враг. Каким образом? И оно делает нас ненавистными для всех; оно производит то, что все нас проклинают – и обиженные и не обиженные, – последние о первых соболезнуют, а за самих себя боятся, все смотрят на них (любостяжателей) как на всеобщих врагов, как на диких зверей, как на демонов; везде бесчисленные упреки, коварства, зависть, – все, что свойственно врагам. Правда же, напротив, всех делает нам друзьями, всех приятелями и доброжелателями; все молятся за нас, вследствие того положение наше становится совершенно безопасным, вовсе не бывает беды, подозрения, мы засыпаем безбоязненно, спокойно, ни о чем не тревожимся, ничем не терзаемся.

3. Видишь ли, что она гораздо лучше? Что ж, скажи мне, лучше завидовать или сорадоваться другому? Исследуем все это и найдем, что добродетель, как истинно чадолюбивая мать, делает безопасными, а порок, ввергая в опасности, есть вещь ненадежная и опасная. Послушай, что говорит пророк: *держава Господь боящихся Его, и завет Его явит им* (Пс. XXIV, 14). Тот никого не боится, кто не сознает в себе никакого зла, а порочно живущий ни на кого не надеет-

ся, но трепещет даже перед рабами и смотрит на них подозрительно. Что я говорю перед рабами? Он не может сносить суда совести. Не только внешние, но и внутренние помыслы тревожат его и не позволяют ему быть спокойным. Итак, что же скажешь? Для похвал должно жить? (Павел) не сказал: взирай на похвалу, но – делай и похвальное, впрочем не для похвалы. *Елика истинна:* а похвалы – ложь. *Елика честна, елика пречиста:* честным означается внешнее, а пречистым душевное достоинство. Не полагайте, говорит, претыкания и не давайте повода (см.: 2 Кор. VI, 3). Так как он сказал: *елика доброхвальна,* то чтобы ты не подумал, что говорит просто об отношении к людям, присовокупил: *аще кая добродетель, и аще кая похвала, сия помышляйте, сия творите.* Желает, чтобы непрестанно в этом пребывали, об этом старались, об этом помышляли. Если мы будем иметь мир между собой, то и Бог будет с нами, а если поднимем войну, то Бог мира не будет с нами. Ничто так не враждебно для души, как порок; и наоборот, ничто столько не делает ее безопасной, как мир и добродетель. Потому должно начать с того, что до нас касается, и тогда привлечем Бога к себе. Бог не есть Бог вражды и войны. Потому оставь вражду и войну и с Богом и с ближним живи мирно со всеми. Подумай, кого спасает Бог: *блажени,* говорит Он, *миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. V, 9). Таковые непрестанно подражают Сыну Божию, и ты подражай Ему: живи мирно. Чем более враждует против тебя брат, тем большая ожидает тебя награда. Послушай, что говорит пророк: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. CXIX, 6). Вот это добродетель, это выше ума человеческого, это приближает к Богу.

Нет ничего так приятного Богу, как непамятозлобие. Оно освобождает тебя от грехов, изглаждает твои вины; а когда бранимся и деремся, то удаляемся от Бога. От препирательства происходит вражда, а от вражды – памятозлобие. Подсеки корень, и не будет плода, таким образом научимся презирать житейское. Не бывает, истинно не бывает борьбы из-за предметов духовных; но все, что – ты видишь – ни случается, борьба ли, зависть ли, и что бы кто ни назвал, случается из-за предметов житейских: всякая

борьба имеет свое начало или в любостяжании, или в зависти, или в тщеславии. Потому, если мы будем жить мирно, то научимся и презирать земное. Похитил ли кто-нибудь твое имение? Он нисколько не обидел тебя, лишь бы не похитил богатства горнего. Попрепятствовал ли твоей славе? Лишь бы не славе у Бога, а славе ничтожной, которая собственно и не слава, а только имя славы, или лучше — бесславие. Похитил ли честь у тебя? Не у тебя (похитил), а у себя. Как обидчик обижает не другого, а себя, так и коварствующий против ближнего прежде всего губит себя, потому что кто копает яму для ближнего, тот сам падает в нее. Итак, не будем коварствовать против других, чтобы не причинить вреда себе. Когда станем ниспровергать славу других, припомним, что вредим себе, что коварствуем более против себя. И действительно, хотя преодолевши (врага) повредим ему перед людьми, за то самих себя обидим перед Богом, раздражив Его. Итак, не будем вредить себе. И как, обижая ближних, мы обижаем себя, так, благодетельствуя им, благотворим себе. Потому, когда враг причинил тебе вред, в таком случае, размысливши, что он оказал тебе благодеяние, ты, если благоразумен, не только не плати ему равным злом, но еще благотвори. Но ты скажешь: удар весьма ощутителен. Подумай же о том, что ты не только не делаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себе благодетельствуешь, — и ты тотчас начнешь благодетельствовать. Что ж? Ужели, скажешь, с таким намерением должно делать (добро)? Не с таким намерением должно делать; но когда сердце твое не может перенести (обиды), то хотя таким образом преклони его, и ты скоро решишься оставить вражду; после же того будешь благотворить врагу, как другу, — и таким образом получишь будущие блага, которых все мы и да сподобимся достигнуть во Христе Иисусе Господе нашем, Которому с Отцом и Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Возрадовахся же о Господе вельми, яко уже когда воспомянусте пещися о мне: понеже и печастеся, но непогодным временем обдержастеся. Не яко по скудости глаголю: аз бо навыкох, в нихже есмь, доволен быти. Вем и смиритися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыкох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися. Вся могу о укрепляющем мя Христе. Обаче добре сотвористе, сприобщившеся печали моей (Флп. IV, 10—14)

1. Часто я говорил, что милостыня введена не для принимающих, а для подающих, так как последние приобретают наибольшую пользу. Это самое и здесь показывает Павел. Каким образом? Филиппийцы, спустя много времени, послали ему нечто, поручив это Епафродиту. Потому (апостол), намереваясь отправить его обратно с этим посланием, смотри, как и хвалит их, и показывает, что присланное принесло пользу не принимающим, но дающим. Делает же это для того, чтобы благодетельствующие не надмевались, и были ревностнее в благотворении, так как через это они приносят более пользы самим себе, а принимающие (благодеяния) не без страха бы спешили принимать, чтобы не подвергнуться осуждению, так как сказано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35). Итак, что показывает он словами: *возрадовахся же о Господе вельми?* Я возрадовался, говорит он, не тому, чему радуются в мире и в настоящей жизни, но *о Господе;* (возрадовался) не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспели, а в этом и состоит мое спокойствие. Поэтому также сказал: *вельми,* – потому что радость его была не плотская, и не о покое своем радовался он, а о их преспеянии. И смотри, как он, упрекнувши их немного за прошедшее время, тотчас это прикрыл, поучая непрестанно и всегда пребывать в благотворении. *Яко уже когда,* говорит. Выражением *уже когда* он показывает продолжительное время. *Воспомянусте* (процвели) – говорит как бы о деревьях, которые дали ростки, потом засохли и опять дали ростки. А этим показывает,

что они прежде, процветши, увяли, потом, увядши, опять дали побеги; потому в слове *воспомянусте* заключается и укоризна и похвала, так как немаловажное дело процвести увядшему. Этим он показывает, что все случилось с ними от нерадения. *Пещися о мне, понеже и печастеся.* Здесь разъясняет, что они и прежде в подобных случаях обыкновенно отличались щедростью, почему и присовокупил: *пещися о мне, понеже и печастеся.* И чтобы ты не подумал, что их прежняя великая ревность и в других отношениях увяла, но лишь в одном этом (в отношении благотворения), для этого смотри, как он предостерегает, говоря: *уже когда воспомянусте пещися о мне;* как бы так сказал: я говорю *уже когда* относительно к этому только, потому что в других отношениях вы не таковы. Может быть, здесь спросит кто-нибудь: каким образом тот, который говорит: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35), и: *яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои* (ст. 34), и который опять к Коринфянам написал: *добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. IX, 15), (каким образом он) теперь не видит, что уничтожает похвалу свою? Как? Принявши (посланное). Ведь если похвала состояла в том, чтобы ничего не принимать, то как теперь он принимает? Что же должно сказать? Там справедливо он не принимал по причине лжеапостолов. *Да о немже хвалятся,* говорит, *обрящутся якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Апостол не сказал – суть (бескорыстны), но – *хвалятся,* показывая через это, что они брали только тайно. Вот почему сказал: *о немже хвалятся.* И он принимал, хотя не там. Потому он же говорил: *похваление сие не заградится о мне* (2 Кор. XI, 10). И не просто сказал: *не заградится,* – но что *в странах Ахайстех;* и еще: *от иных церквей уях, приим оброк к вашему служению* (ст. 8). Из этого видно, что он принимал. Впрочем, Павел, если где и принимал, правильно принимал, имея столь важное дело, а как могут брать те, которые ничего не делают. Но я, скажешь, молюсь. Это еще не дело: можно и молиться и дело делать. Но я пощусь. И это не дело. Смотри, как этот блаженный во многих местах и проповедует, и работает. *Непогодным,* говорит, *временем обдержастеся.* Что значит: *непогод-*

ным временем обдержастеся? Это зависело, говорит, не от вашего нерадения, но от необходимости; вы не имели в руках, сами были небогаты. Вот что значат слова: *непогодным временем обдержастеся.* Это заимствовано от общего обыкновения; так говорит большая часть людей, когда житейские потребности текут к ним не обильно, а скудно. *Не яко по скудости глаголю,* то есть я сказал: *уже когда,* и этим укорил (вас) не по желанию собственной пользы, и не жалуясь на скудость, будто я беден, – так как не этого искал. Откуда видно, Павел, что ты не тщеславишься? *Не иная бо,* говорит он к коринфянам, *пишем вам, но яже чтете и разумеваете* (2 Кор. I, 13). И к филиппийцам не сказал бы так, чтобы не быть обличенным (во лжи). Не сказал бы этого, если бы тщеславился, потому что говорил знающим (его), и от них было бы стыднее слышать обличение (во лжи). *Аз бо,* говорит, *навыкох, в нихже есмь, доволен быти.* Значит, это – дело научения, упражнения и старания; это не легко, напротив, весьма трудно и весьма утомительно. В *нихже есмь,* говорит, *доволен быти. Вем и смиритися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыкох,* то есть я умею и малым пользоваться, и сносить голод и бедность. *И избыточествовати и лишатися.* Да, скажут; но *избыточествовати* не есть искусство, равно как и не добродетель. И очень даже добродетель, так же как *и лишатися.* Каким образом? Таким, что как скудость располагает делать много зла, так и изобилие.

2. Многие, разбогатевши, часто делались нерадивее, и не умели быть счастливыми. Для многих богатство послужило поводом к праздности. Но Павел поступал иначе: принимая, он употреблял на других, издерживал на других. А в этом и состоит умение – хорошо пользоваться имуществом. Он не веселился и не радовался о своем изобилии, но был одинаков и в скудости и в изобилии, – и первой не стеснялся, и последним не надмевался. *И насыщатися,* говорит, *вем и алкати, и избыточествовати и лишатися.* Многие не умеют *насыщатися,* как израильтяне, которые *ядоша и отвергошася* (Втор. XXXII, 15). Но я, (говорит апостол), всегда остаюсь в том же расположении духа. Этим показыва-

ет, что он и теперь не веселился и прежде не печалился, если же и скорбел, то не о себе, а о них, сам он всегда был одинаков. *Во всем,* говорит, *и во всех навыкох,* то есть в течение столь долгого времени я испытал все и во всем этом усовершился. Но так как речь (апостола) могла показаться преувеличенной, то смотри, как он тотчас делает поправку и говорит: *вся могу о укрепляющем мя Христе.* Это, говорит, не мое совершенство, но Давшего крепость. Но с другой стороны, так как благотворители, видя в принимающем не доброе расположение, а пренебрежение к подаянию, делаются нерадивее (так как они тогда щедро дают, когда вызывают благодарность и доставляют успокоение), то чтобы этого не случилось и чтобы кто-нибудь не сказал, Павел пренебрегает успокоением, поэтому они по необходимости сделались нерадивее, смотри, как он и это предотвращает. Предыдущими словами разрушил их мечтание, а следующими возбуждает их усердие, говоря: *обаче добре сотвористе, сприобщившеся печали моей.* Видишь ли, как он и отделил себя и опять соединил? Это знак искренней, духовной дружбы. Не подумайте, говорит, будто я не имею нужды в вашем пособии потому, что не терплю нужды, я терплю нужду ради вас. Как же они были участниками его скорбей? Так, что он, будучи даже узником, говорил: *сообщников мне благодати всех вас сущих* (Флп. I, 7), потому что пострадать за Христа есть благодать, как и сам говорит в другом месте: *яко вам даровася от Бога, не токмо еже в Него веровати, но и еже по нем страдати* (ст. 29). Слова эти, отдельно сказанные, могли опечалить (филиппийцев), поэтому (апостол) утешает, принимает их и опять хвалит, впрочем, умеренно. Именно не сказал — давши, но — *сприобщившеся,* чтобы показать, что и они получили пользу, потому что сделались участниками в наградах. Не сказал — облегчая скорби мои, но — *сприобщившеся печали моей,* что важнее.

Видишь ли смирение Павлово? Видишь ли его благородство? Он, после того как показал, что для себя не имеет нужды в их подаянии, уже безбоязненно произносит и слова уничиженные, какие употребляются и бедными: как ты обыкновенно подаешь. Он ни от чего не отказывается, ни

от дел, ни от слов, только бы совершить желаемое. Что ж это значит? Не думайте, говорит, будто мой упрек и слова *уже когда воспомянусте* происходят от бесстыдства и от моей нужды. Нет, я говорю это не от нужды, – но почему. По особенной надежде на вас, и вы сами виновники этой надежды. Видишь ли, как он заботится о них, и как говорит им: вы виновники, вы прежде других приступившие к этому делу, и подавшие нам смелость напомнить вам об этом? Заметь и важность (апостола): (филиппийцы) не посылают, он не укоряет их, чтобы не показалось, что он заботится о самом себе; а когда послали, тогда он укорил за прошедшее время, и они перенесли (укоризну), так как нельзя уже было думать, что он заботится о себе. *Весте*, говорит, *и вы, Филипписиане, яко в начале благовествования, егда изыдох от Македонии, ни едина ми церковь общевася в слово даяния и приятия, точию вы едини* (ст. 15). О, какая похвала! Коринфяне и римляне побуждаются тем, что слышат об этом от него; а филиппийцы, прежде чем началась какая-нибудь церковь (потому что говорит – *в начале благовествования*), показали столько усердия к этому святому, что, не имея вовсе примера, сами первые начали такое плодоношение. И нельзя сказать, будто они так делали потому, что Павел пребывал у них, или потому, что получили от него какое-нибудь благодеяние. *Егда изыдох*, говорит, *от Македонии, ни едина ми церковь общевася в слово даяния и приятия, точию вы едини*. Что значит – *приятия?* И что значит – *общевася?* Почему не сказал, что ни одна церковь мне не подавала, но – *общевася в слово даяния и приятия?* Потому что в том именно и состоит общение. *Аще бо мы духовная сеяхом вам, велико ли*, говорит, *аще мы телесная ваша пожнем* (1 Кор. IX, 11)? И еще: *ваше избыточествие да будет в онех лишение* (2 Кор. VIII, 14). Видишь ли, как они имели общение – подавая телесное, а принимая духовное? Как продавцы и покупатели имеют взаимное общение, друг от друга получая и друг другу отдавая, – это и есть общение, – так точно и здесь. И нет, ничего нет полезнее этой купли и этого торга; он производится на земле, а оканчивается на небе. Покупающие находятся на земле, а покупают и заключают условие о небесном, полагая цену земную.

3. Впрочем, ты не смущайся: не за деньги продаются блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостыней. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая две лепты, немного получила бы; но так как не серебро, а доброе намерение имело силу, то она, показавши всю готовность, получила все. Итак, мы не должны говорить, что царство (небесное) покупается за деньги: не за деньги, но за свободное решение, обнаруживаемое через деньги. Деньги, однако же, нужны, скажешь? Не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо, а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты. Почему? Потому что, когда ты от многого дал меньшее, то хотя сотворил милостыню, но не такую, какую вдова; ты подал не с таким усердием, с каким она; она сама себя лишила всего, или лучше – не лишила, а все себе даровала. Бог обещал царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердие, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намерение. Что в самом деле значит отдать одну душу? Отдается один человек; а один человек не равноценен (царству). *Яко и в Солунъ и единою и дващи в требование мое посласте ми* (ст. 16). Опять великая похвала, – потому что он, находясь в главном городе, получал содержание от города малого. И смотри: чтобы, всегда представляя себя вполне довольным, не сделать их, как я прежде сказал, беззаботными, он многократно показал, что не терпит нужды, а здесь выразил одним только словом: *в требование*, не прибавив даже – в мое, но просто (в требование), сохраняя свою важность; и не только здесь, но и в следующих словах. Так как (апостол) находил это выражение весьма унизительным, то и делает после поправку, говоря: *не яко ищу даяния* (ст. 17). Этими словами он выражает то же самое, что и вышесказанными: *не яко по скудости глаголю* – хотя первое (выражение) сильнее последнего. Иное ведь дело – при бедности не искать, и иное – находясь в нищете, даже и не считать себя бедным. *Не яко ищу даяния*, гово-

рит, *но ищу плода множащагося в слово ваше,* не в мое. Видишь ли, что плод произрастает для них? Не для себя, говорит, я это сказываю, но для вас, для вашего спасения. Принимая от вас, я ничего не приобретаю; благодать принадлежит дающим; дающим сохраняется там награда, а принимающим расточается здесь даяние. Опять, говоря и о нужде, хвалит их и выражает свое сочувствие. Так как сказал – *не ищу,* то, чтобы опять не сделать их беззаботными, говорит: *приях же вся, и избыточествую* (ст. 18), то есть через это даяние вы восполнили и прежние опущения, – что особенно возбуждало в них ревность. Ведь известно, что благотворящие чем добрее бывают, тем более желают благодарности от облагодетельствованных. *Приях вся, и избыточествую,* то есть вы не только восполнили то, что было опущено в прошедшее время, но еще сделали более. Потом, чтобы это не показалось обличением, смотри, как он подтверждает (прежние слова). Так как сказал: *не яко ищу даяния,* и: *уже когда,* и показал, что это была обязанность (это и значит *приях*), то опять показывает, что они сделали более, нежели сколько обязаны были, и говорит: *приях вся, и избыточествую, исполнихся.* Говорю это не просто и не по пристрастию, – но что? *Прием от Епафродита посланная от вас, воню благоухания, жертву приятну, благоугодну Богу.* О, как он превознес их дар! Не я, говорит, принял, – не я, но через меня Бог. Потому, хотя я не терплю нужды, вы однако же, на это не смотрите; и Бог не имел нужды, однако же принял, так что Божественное Писание не уклонилось сказать: *обоня Бог воню благоухания* (Быт. VIII, 21), а это значит, что Ему приятно было. Вы знаете, хорошо знаете, в какое расположение приводится наша душа, сколько радуется и сколько услаждается благоуханиями. Итак, Писание не уклонилось сказать о Боге по-человечески и столь уничижительно, чтобы показать людям, что их дары приятны были; делали же их приятными не запах и не дым, но намерение приносивших. Иначе и дары Каина были бы приятны. Потому (апостол) сказал, что Бог услаждается и как услаждается; без этого люди не поняли бы. Итак, Он, не имеющий нужды, говорит, что столько услаждает-

ся (дарами), чтобы люди не сделались нерадивыми, узнав, что Он не имеет нужды. Когда же они впоследствии вознерадели о другой добродетели, понадеявшись только на жертвы, то смотри, как Он опять исправляет их, говоря: *еда ям мяса юта, или кровъ козлов пию* (Пс. XLIX, 13)? Подобно и Павел говорит: *не ищу даяния. Бог же мой да исполнит всякое требование ваше по богатству Своему в славе, о Христе Иисусе* (ст. 19).

4. Смотри, как он и молится подобно нищим. Если же Павел молится о дающих, то тем более мы, принимая (благодеяния), не должны стыдиться поступать таким образом. Мы не должны принимать, как будто сами имеем нужду, не должны и радоваться о самих себе, но о дающих. Таким образом, если мы радуемся о них, нам будет награда и тогда как принимаем. Равным образом не будем негодовать, когда не дают, но лучше будем скорбеть о них. Таким образом сделаем и их усерднее, вразумив, что мы делаем это не для себя. *Бог же мой*, говорит, *да исполнит всякое требование ваше* или всякую благодать, или всякую радость. Но если разумеет всякую благодать, то говорит не об этой только земной милостыне, но о всяком добром деле, если же разумеет всякое требование (а об этом более, по моему мнению, и говорится), то он хочет объяснить следующее: так как прежде он сказал: *непогодным временем обдержастеся*, то здесь присовокупляет то же, что и в послании к Коринфянам, говоря: *даяй семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды вашея* (2 Кор. IX, 10). Он молится о них, чтобы им быть в изобилии и иметь что сеять, и молится не просто о том, чтобы быть в изобилии, но — *по богатству* Божию. Следовательно, и это сделал применительно (к их состоянию). Если бы они были подобны (Павлу), столько же любомудры и столько распяты (миру), то он не сделал бы этого. Но так как они были люди ремесленные, бедные, имели жен, воспитывали детей, управляли домами и из малого давали ему, и притом еще имели некоторую привязанность и к вещам настоящим, то он молится, снисходя (к их состоянию). Нет ничего неприличного молиться о том, чтобы люди, так пользо-

вавшиеся (богатством), имели довольство и обилие. Итак, смотри же, о чем он молится: не сказал — (Бог) да соделает вас богатыми и пребогатыми, но что? *Да исполнит всякое требование ваше,* так чтобы вам не быть в нужде, но иметь все потребное. Просить об этом заповедал и Христос в данной Им молитве, научая нас говорить: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. VI, 11). *По богатству своему.* Что это значит? По щедродательности, то есть поскольку для Него удобно и возможно сделать, и притом в скором времени. И так как сказал — *требование,* то чтобы не подумали, что он намерен ограничить их, присоединил: *по богатству своему в славе, о Христе Иисусе.* Вы будете, говорит, столько изобиловать во всем, сколько употребляете во славу Его. Итак, он говорит или то, что вы не будете иметь нужды ни в чем *(и благодать,* сказано, *бе велия на всех их: не бяше бо нищ ни един в них)* (Деян. IV, 33 и 34), или побуждает их — все делать во славу Его, — как бы так сказав: пользуйтесь вашим достатком во славу Его. *Богу же и Отцу нашему слава во веки веков. Аминь* (ст. 20). А эта слава принадлежит не Сыну только, но и Отцу. Когда славится Сын, то славится и Отец. И так как он сказал, что это бывает во славу Христа, то, чтобы кто-нибудь не представлял (славы) Его одного, прибавил: *Богу же и Отцу нашему слава,* то есть та самая, которая воздается Сыну. *Целуйте всякаго свята о Христе Иисусе* (ст. 21). Немаловажно и это: и через послания приветствовать их есть знак великой любви. *Целуют вы сущая со мною братия.* Но ты говорил: *ни единаго имам равнодушна, иже приснее о вас попечется:* как же теперь говоришь: *сущая со мною братия?* Он или говорит о находившихся с ним братьях, показывая, что из них ни одного нет единомысленного, не касаясь тех, которые находились в городе (да и какая им была нужда брать на себя дела апостольские?), или же он не отказывается называть и их братьями. *Целуют вы святии вси, паче же иже от Кесарева дому. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами.* Ободрил и одушевил их, показав, что проповедь дошла и до царского дома. Если находившиеся в царском дворце все презрели для Царя небесного, то гораздо более надлежало сделать это им. И то

было доказательством любви Павловой, что он рассказывал и говорил о них многое и важное, чем и в царедворцах возбудил желание приветствовать их, хотя никогда их не видали. Велика была любовь между верующими в особенности вследствие того, что они тогда находились в угнетении. Каким образом? Так, что жившие в отдалении друг от друга были взаимно соединены, и, находясь вдали точно близ живущие, приветствовали друг друга и каждый был расположен к другим, как членам своим. Бедный был расположен к богатому, так же как и богатый к бедному, и никакого не было преимущества, потому что все равно были ненавидимы и гонимы за одно и то же. Подобно тому, как какие-либо пленники, вышедшие из различных городов, собравшись в один город, тесно между собой сдружаются, потому что общее бедствие соединяет их, так точно и (верующие) в то время, когда их соединяли общие страдания и скорби, имели великую друг к другу любовь.

5. Скорбь есть какая-то неразрывная связь, усиление любви, условие сокрушения (сердечного) и благомыслия. Послушай, что говорит Давид: *благо мне, Господи, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. CXVIII, 71); и еще другой пророк говорит: *благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей* (Иер. III, 27); и еще: *блажен человек, егоже аще накажеши Господи* (Пс. XLIII, 12); и некто иной говорит: *не пренебрегай наказания Господня* (Притч. III, 11); и в другом месте: *аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение* (Сир. II, 1). Также и Христос говорил ученикам Своим: *в мире скорбни будете, но дерзайте* (Ин. XVI, 33); и еще: *восплачетеся и возрыдаете вы, а мир возрадуется* (ст. 20); и еще: *узкий и тесный путь* (Мф. VII, 14). Видишь ли, что скорбь повсюду восхваляется, повсюду представляется необходимой для нас? Действительно, если и при внешних подвигах без нее никто не получает венца, — без того, чтобы укрепить себя трудами, отречением от пищи, правилами воздержания, бдениями и бесчисленными другими средствами, то тем более здесь. Кого желаешь ты (представить)? Царя ли? Но и он ведет жизнь не беззаботную, напротив, полную многих скорбей и забот. Ты смотри не

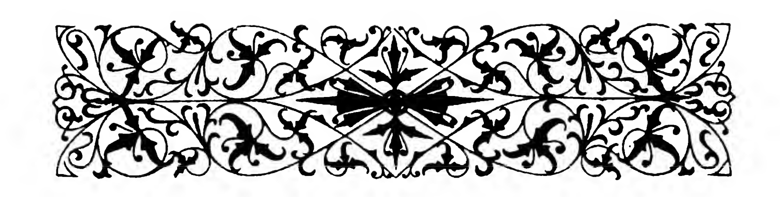
на диадему, а на бурю беспокойств, от которой рождается для него смятение, не на порфиру, а на душу его, затуманившуюся более этой порфиры. Не столько венец охватывает голову, сколько беспокойство – душу. Смотри не на множество телохранителей, но на множество печалей, – нельзя ведь найти ни одного частного дома, который был бы исполнен таких забот, каких (исполнены) царские чертоги. Различные роды смерти каждодневно там ожидаются от своих же, и кровь видится и перед трапезой, и перед напитками. А в ночное время, как они часто вскакивают и вспрыгивают тревожимые мечтаниями, – этого и сказать нельзя! И это бывает в мирное время; а если настает война, то заботы еще более увеличиваются. Итак, что может быть жалостнее этой жизни? А сколько беспокойства от своих – разумею подчиненных. Верно также и то, что царский помост всегда напитан бывает родственной кровью. Если угодно, я кое-что расскажу, – и вы тотчас узнаете, что это (действительно) так бывает. В особенности я скажу о (событиях) древних, впрочем хорошо сохранившихся в памяти, и о некоторых, случившихся в наши времена. Некто, говорят, подозревая жену в прелюбодеянии, привязал ее нагую к горам и предал зверям, тогда как она была уже у него матерью многих царей. Какую же, вы думаете, он вел жизнь? Если бы он не истаивал от сильной страсти, то не употребил бы такого наказания. Он же самый умертвил и сына своего; к тому же брат его умертвил сам себя с детьми своими. А говорят, что он умертвил и брата своего. Еще – один сам себя лишил жизни, будучи схвачен тираном, а другой умертвил своего племянника, имевшего с ним участие в царстве, которое сам ему предоставил. Иной видел жену свою погибшей от лекарств: она не рождала, и какая-то несчастная и бедная женщина (подлинно несчастная и бедная, потому что своим искусством надеялась доставить дар Божий), давши лекарства, и царицу погубила, и сама вместе погибла. Другой опять после того умерщвлен ядовитыми лекарствами, и чаша была уже для него не питьем, но смертью. Сыну же его, не сделавшему никакого преступления, по страху будущего, был выколот глаз. Иной – нехо-

рошо и сказать, насколько жалостно кончил жизнь! А из бывших после, один, как бы какой бедный и несчастный, сожжен был с лошадьми, домами и всеми другими вещами, жена же осталась вдовой. Невозможно и высказать, какие жизненные огорчения он принужден был претерпеть в то время, когда поднял оружие. И этот ныне царствующий не с того ли времени, как украшен диадемой, находится в трудах, опасностях, скорбях, печалях, напастях и среди козней. Но царство небесное не таково: с приобретением его – мир, жизнь, радость и веселие. А (здешняя) жизнь, как я сказал, не может быть безбедной. Если состояние царское, в отношениях житейских блаженнейшее, исполнено таких несчастий, то что же сказать о состояниях частных? А сколько других зол, – и пересказать нельзя. Сколько и басен из этого составилось? Все почти трагедии, представляемые на сцене, взяты от царей, равно и мифы, в которых тоже большая часть заимствована из того, что в действительности было, почему они и доставляют удовольствие, каковы, например, Фиестовы пиршества, и (миф о том) как весь этот дом погиб от несчастий.

6. Но это мы знаем из сочинений светских. Если же хотите, то мы скажем и от Писания. Саул первый царствовал, но вы знаете, как и он погиб, испытавши бесчисленные бедствия. После него Давид, Соломон, Авия, Езекия, Осия – также, потому что невозможно пройти настоящую жизнь без скорби, без трудов и без печали. Но мы скорбим не о том, о чем цари, а о том, от чего получаем великую пользу. *Печаль бо по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII, 10). Об этом надлежит печалиться, об этом скорбеть, об этом сокрушаться. Так, Павел сокрушался о согрешающих, о них он плакал: *от печали бо многия,* говорит он, *и туги сердца писах вам многими слезами* (2 Кор. II, 4). Так как он не имел причины скорбеть о своих грехах, то скорбел о чужих, и так скорбел, что считал их собственными. Другие соблазнялись, и он воспламенялся; другие были немощны, и он сочувствовал немощам (см.: 2 Кор. XI, 29). Такая печаль – благо, она лучше всякой мирской радости. Кто сетует таким образом, того я предпочитаю всем людям; даже

и Сам Господь ублажает этих плачущих, сострадательных. Не столько я удивляюсь Павлу, подвергавшемуся опасностям, или, лучше, не менее удивляюсь ему по причине бедствий, от которых он умирал ежедневно, чем сколько это меня восхищает (то есть что он скорбел за других). Это происходило от души боголюбивой и любвеобильной, от любви, какой Сам Христос желал, от сострадания братского и отеческого, или даже гораздо большего, чем то и другое (сострадание). В таком, должно быть, расположении так должно плакать; такие слезы преисполнены великого веселия; такое рыдание есть условие радости. И не говори мне: какая польза от моих слез тем, о которых я плачу. Хотя мы нимало не поможем оплакиваемым, но самим себе без сомнения принесем пользу. Кто столько скорбит о (грехах) чужих, тот тем более будет скорбеть о собственных; кто так оплакивает чужие, тот и своих согрешений не оставит без слез, а вернее – даже не скоро и согрешит. Но, что всего ужаснее, мы, которым заповедано плакать таким образом о согрешающих, не показываем никакого раскаяния и в собственных (грехах); напротив, погибая (в беззакониях), не обнаруживаем ни малейшей скорби и о всем заботимся более, о всем помышляем более, чем о своих согрешениях. Потому-то мы радуемся бесполезной мирской радостью, которая скоро исчезает и рождает бесчисленные горести. Итак, будем скорбеть скорбью, рождающей радость; не станем услаждаться радостью, рождающей скорбь. Прольем слезы, посеевающие великое удовольствие, и не станем смеяться смехом, рождающим для нас скрежет зубов. Будем печалиться печалью, от которой происходит отрада, и не будем искать увеселений, от которых рождается великая скорбь и болезнь. Потрудимся на земле мало, чтобы вкушать непрерывное веселие на небесах. Будем подвергать себя скорби в этой тленной жизни, чтобы в вечности получить покой. Не будем веселиться в этом кратком веке, чтобы не воздыхать в вечности. Или не видите, как многие скорбят здесь о вещах житейских? Подумай, что и ты один из таковых, и переноси скорбь и болезнь, укрепляясь надеждой на будущие

(блага). Ты не лучше Павла, не лучше Петра, которые никогда не имели покоя, но провели всю жизнь в голоде, жажде и наготе. Если ты хочешь получить то же, что и они, то для чего идешь противоположным путем? Если хочешь достигнуть того града, которого удостоены они, то иди путем, ведущим туда. А ведет туда путь не отрады, но скорби; первый пространен, последний тесен. Пойдем же этим последним, чтобы нам получить вечную жизнь во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ*

БЕСЕДА I

Павел и Силуан и Тимофей, церкви Солунстей о Бозе Отце и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благодарим Бога всегда о вас, поминание о вас творяще в молитвах наших, непрестанно поминающе ваше дело веры, и труд любве, и терпение упования Господа нашего Иисуса Христа, перед Богом и Отцем нашим (1 Сол. I, 1—3)

1. Почему (апостол), когда писал послание к ефесянам**, хотя имел при себе Тимофея, не упомянул о нем вместе с собой, несмотря на то что он был известен им и пользовался их уважением (*искусство его знаете,* говорит, *зане якоже отцу чадо, со мною поработал* – Флп. II, 22, – и еще: *ни единаго имам равнодушна, иже приснее о вас печется* – Флп. II, 20), а здесь ставит его наряду с собой? Мне кажется, потому, что он имел намерение немедленно послать его (Тимофея); поэтому излишним было писать от

---

* Эти беседы произнесены святителем в Константинополе в 399 году.

** Следовало сказать «к филиппийцам», судя по приводимым ниже местам из послания к филиппийцам. Между тем в послании к филиппийцам имя Тимофея поставлено наряду с именем апостола Павла, а в послании к ефесянам этого, действительно, нет. Это могло произойти от того, что святитель, приводя тексты из послания к филиппийцам на память, почел их принадлежащими посланию к ефесянам.

лица того, кто вскоре должен был получить самое послание для отнесения: *сего же,* говорит, *уповаю послати абие* (Флп. II, 23). А теперь не то: (Тимофей) недавно возвратился от фессалоникийцев, следовательно, прилично было и ему писать: *ныне же,* говорит, *пришедшу Тимофею к нам от вас* (1 Сол. III, 6). Но почему он ставит Силуана прежде его (Тимофея), хотя сам свидетельствует о бесчисленных достохвальных свойствах его и предпочитает его всем? Вероятно, (Тимофей), по своему глубокому смирению, сам хотел того и просил об этом Павла; когда видел в своем учителе столь великое смиренномудрие, что он ставит наряду с собой ученика, то тем более мог пожелать явить в себе подобное свойство. Итак, говорит (апостол): *Павел и Силуан и Тимофей, церкви Солунстей.* Здесь он ничего не ставит перед своим именем, ни – апостол, ни – раб. Не выставляет своего достоинства, мне кажется, потому, что они (фессалоникийцы) были новооглашенные, еще не узнали его коротко; может быть даже, только еще начиналась проповедь его к ним. *Церкви,* говорит, *Солунстей.* Прекрасно сказано. Так как, вероятно, общество (солунян) было немногочисленно и еще неустроено, то названием Церкви он утешает их. Там, где Церковь существовала давно и состав ее был значителен, он не употребляет этого слова. Между тем он дает это название (фессалоникийцам) потому, что слово Церковь обыкновенно имеет значение множества и собрания людей, уже тесно с собой соединившихся. О *Бозе,* говорит, *Отце и Господе Иисусе Христе.* Церкви фессалоникской, говорит, которая есть о *Бозе.* Вот опять слово Бог перед именами Отца и Сына. О *Бозе* же говорит потому, что много было церквей и иудейских, и эллинских. Велико и ни с чем несравнимо достоинство Церкви, если она о *Бозе.* О, если бы и эта Церковь могла быть так названа! Но я боюсь, чтобы она не сделалась недостойной этого названия. Если кто раб греха, то о нем нельзя сказать, что он о *Бозе. Благодать вам и мир.* Видишь ли, что послание начинается прямо похвалами? *Благодарим Бога всегда о всех вас, поминание о вас творяще в молитвах наших.* Благодарением за них Бога (апостол) свидетельствует о великом их преспеянии, когда не толь-

ко хвалит их, но и благодарит Бога, как совершителя всего их преспеяния. Но вместе с тем он научает их и смирению, как бы говоря, что все это есть дело силы Божией. Итак, он говорит о благодарении по причине их добрых дел, а о воспоминании их в молитвах — по своей любви к ним. Потом, желая показать, что он вспоминает о них не только в молитвах, но и помимо молитвы, говорит, подобно как и во многих других местах: *непрестанно поминающе ваше дело веры и труд любве, и терпение упования Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцем нашим.* Что значит — *непрестанно поминающе?* Или то, что памятуя перед Богом и Отцом, или — памятуя труд любви, сущий перед Богом и Отцом нашим. Не сказал просто: *непрестанно поминающе (дело веры),* но — *ваше.* И опять, чтобы ты не подумал, что самое это: *ваше* сказано без цели, прибавил — *пред Богом и Отцем нашим.* Так как никто из людей не прославлял их подвигов, никто не воздавал им награды, то он и присовокупил это, как бы говоря: дерзайте — вы подвизаетесь перед Богом. Что же такое — *дело веры?* Это значит: ничто не поколебало вашего постоянства. Вот что есть дело веры! Если веруешь, все терпи; а если не терпишь, то и не веруешь. Разве не таковы (данные нам) обетования, что они могут склонить верующего к перенесению тысячи смертей? Нам обещаны небесное царство, бессмертие, вечная жизнь. Итак, кто верует, тот все перенесет, потому что вера показывается делами. Справедливо поэтому так сказал (апостол), желая выразить: вы не только показали веру, но оправдали ее делами, постоянством, усердием. *И труд любве.* Что за труд кое-как любить? Нет никакого. Но любить в собственном смысле — труд великий. В самом деле, когда восстают бесчисленные искушения, чтобы отвлечь нас от любви, между тем мы твердо противостоим всему, — не труд ли это, скажи мне? А чего не потерпели (фессалоникийцы), чтобы не изменить любви? Не приступили ли враги проповеди к принявшему в дом свой Павла, и, не нашедши (апостола), не повлекли ли самого Иасона к городским начальникам (см.: Деян. XVII, 5, 6)? Малый ли это труд, скажи мне, перенести такую бурю, такие искушения, когда семена пропове-

ди еще не успели укорениться? И требовали от него удостоверения. И когда, говорится, было дано удостоверение, он отослал Павла (см.: Деян. XVII, 9). Малый ли это подвиг, — скажи мне? Не подвергал ли он даже себя самого опасности для него (апостола)? Вот это и называет (апостол) трудом любви, — до такой степени простиралась преданность (к нему фессалоникийцев).

2. Заметь притом: прежде он говорит об их подвигах, а потом уже о своих, чтобы не показалось, что он превозносится и что не полюбил их прежде обнаружения их любви. *И терпение,* говорит, — потому что упомянутое преследование было не однократное, но непрерывное, и гонители враждовали не только против учителя, Павла, но и против научаемых. Если они были так враждебны к тем, кто творил чудеса, к людям, внушавшим благоговение, то как, ты думаешь, смотрели они на тех, кто жил вместе с ними, принадлежал к их обществу и вдруг потом отделился от них. Именно на это и указывает (апостол), говоря: *подобницы бысте церквам Божиим сущим во Иудеи* (1 Сол. II, 14). *И упования,* продолжает далее, *Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцем нашим.* Справедливо сказал он так. Все это произошло от веры и упования, так что в случившемся выразилось не только мужество их, но и то, что они с полным убеждением уверовали в обетованные награды. А Бог попустил немедленно быть гонениям на них для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась случайно или через обман, — чтобы обнаружилась теплота их веры, и явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенести даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповедь вскоре же не укоренилась глубоко и не соделалась непоколебимой. *Ведяще, братие возлюбленная, от Бога избрание ваше, яко благовествование наше не бысть к вам в слове точию, но и в силе, и в Дусе Святе, и во извещении мнозе, якоже и весте, какови быхом в вас ради вас* (ст. 4 и 5). Что такое говорит он: *весте, какови быхом в вас?* Здесь он и своих касается подвигов, но прикровенно; главным же образом хочет их похвалить. Смысл его слов такой: мы

знаем, что вы принадлежите к числу благородных и великих, к числу избранных; поэтому-то и мы терпим все ради вас; слова *какови быхом в вас* и означают то, что мы с великим усердием и великим мужеством готовы были положить за вас и души свои, и однако же, за это благодарность не нам, а вам, так как вы избранные. Потому он и в другом месте говорит: *и* это *терплю избранных ради* (2 Тим. II, 10). Подлинно, за возлюбленных Божиих чего бы кто не согласился потерпеть? И, упоминая о себе, он говорит как бы так: если вы и возлюбленные, и избранные, то нам и должно терпеть все. Таким образом служили ободрением для них не только похвала, но и напоминание о том, что и сами (апостолы) являли мужество, соответствующее их ревности. Далее говорит: *и вы подобницы бысте нам и Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго* (ст. 6). Смотри, какая похвала! Ученики вдруг сделались учителями. Они не только вняли учению, но и достигли высоты одинаковой с Павлом. Но это ничто в сравнении с тем, что следует далее. В самом деле, посмотри, куда он возводит их, говоря: *подобницы бысте Господу*. Каким же образом? *Приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго.* Не просто — со скорбью, но — со многой. И это можно видеть в Деяниях Апостольских, — какое гонение воздвигли против них. Встревожили, говорится там, всех градоначальников, и весь город подвигли против них (см.: Деян. XVII, 8). Не довольно было сказать: вы скорбели и среди бедствий не переставали веровать; но: вы веровали с великой радостью. Так поступили и апостолы: *радующеся,* говорится о них, *яко за имя Христово сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). Это именно и удивительно. Если уже и то немало, чтобы переносить скорби как-нибудь, то переносить их с радостью свойственно тем, кто выше человеческой природы, кто имеет тело как бы бесстрастное. Чем же они соделались *подобницы Господу?* Тем, что и Он Сам претерпевал великие страдания и не предавался скорби, но радовался. Он для того и пришел добровольно, для того и истощил Себя за нас, чтобы претерпеть заплевание, заушение и распятие; и претерпевая все это, так радовался, что говорил Отцу Своему: *прослави*

Мя (Ин. XVII, 5). *С радостию,* говорит, *Духа Святаго.* Чтобы кто не сказал: как ты говоришь о скорби и вместе о радости, — как та и другая могут быть совместны? — он прибавил: *с радостию Духа Святаго.* Скорбь в них, как в телесных, а радость, как в духовных. Как же это? Обстоятельства скорбны, а то, что они производят, не таково, так как Дух не попускает этого. Оттого можно не радоваться среди страданий, когда кто страдает за грехи, но можно и веселиться среди бичевания, когда кто страдает за Христа.

3. Такова-то радость Духа! Вместо кажущихся печалей Дух Божий производит радость. Вас, говорит, огорчали и преследовали; но Дух не оставлял вас и тогда, и как три отрока орошаемы были в огне, так и вы — в скорбях. Но как там орошение было действием не естества огня, но Духа прохлаждающего, так и здесь не естество скорби производит радость, но страдание за Христа и Дух, орошающий и через печь искушений приводящий к прохладе и покою. Не просто говорит: *с радостию,* но: великой, так как это именно означают слова: *Духа Святаго. Яко быти вам образ всем верующим в Македонии и Ахаии* (ст. 7). Хотя он приходил к ним проповедовать позже, нежели к другим, но говорит: вы так просияли, что сделались учителями, принявшими веру прежде вас. И это — апостольское достоинство. В самом деле, он не сказал: так что стали образцом для имеющих уверовать, но — стали образцом уже *верующим,* то есть вы, вступив с самого начала в борьбу, научили этим, как должно веровать в Бога. *И в Ахаии,* говорит, то есть в Элладе. Видишь ли, как много значит усердие? При усердии не нужно ни времени, ни промедления, ни отлагательства; достаточно только приняться за дело, и все будет приведено в исполнение. Оттого-то и они, приняв проповедь после других, сделались учителями, принявшими ее прежде. Итак, пусть никто не отчаивается, хотя бы, и много потратив времени, ничего не сделал. И в короткое время он имеет возможность сделать столько, сколько не сделал бы во всю прежнюю жизнь. Если неверовавший прежде так просиял в самом начале, то тем более (могут достигнуть этого) уже уверовавшие.

Впрочем, имея это в мысли, – что в короткое время можно вознаградить все, – пусть никто не остается беспечным. Будущее неизвестно, и день Господень, как тать, внезапно застигнет нас спящих. Если же мы не будем спать, то он не застигнет нас, как тать, и не представит (на суд) неприготовленными. Если мы будем бодрствовать и трезвиться, то он придет к нам не как тать, а как царский вестник, призывающий нас к уготованным для нас благам. Если же будем спать, то он предстанет как тать. Итак, пусть никто не спит, пусть никто не будет ленивым в добродетели; а это и есть сон. Ужели не знаете, как небезопасно наше имущество, когда мы спим, – как легко бывает тогда делать покушения на него? Когда бодрствуем, тогда нам нет надобности в особенных предосторожностях. Напротив, когда спим, то и при всех предосторожностях часто погибаем. Есть и двери, и запоры, и стражи, и караульные; между тем вор успевает войти. Но к чему я говорю это? К тому, что если мы будем бодрствовать, то не будем нуждаться в помощи других, а если будем спать, то помощь других не принесет нам никакой пользы, но и при ней можем погибнуть. Хорошо уповать на молитву святых, но – тогда, когда мы и сами трудимся. Для чего же нужна мне, скажет кто-нибудь, молитва других, когда я сам буду деятелен и таким образом не доведу себя до нужды в ней? И я не желаю вам того; но если судить здраво, то мы всегда испытываем эту нужду. Павел не говорил: что мне за нужда в молитве других, хотя молившиеся за него не были достойнее его, и даже не были равны ему; а ты говоришь: какая мне нужда в молитве других? Петр не говорил: что мне за нужда в молитве? – *молитва,* сказано, *бе прилежна бываемая от церкве к Богу о нем* (Деян. XII, 5); а ты говоришь: зачем мне нужна молитва других? Затем тебе нужна, что ты считаешь ее для себя ненужной. Хотя бы ты был равен Павлу, ты имеешь нужду в молитве. Не возносись, чтобы не унизиться. Но, как я уже сказал, только тогда приносят нам пользу молитвы за нас, когда мы и сами трудимся. Послушай, что говорит Павел. *Вем бо,* говорит, *яко сие сбудется ми во спасение вашею молитвою и подаянием*

Духа Иисус Христова (Флп. I, 19), – и еще: *да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о нас* (2 Кор. I, 11). А ты говоришь: какая мне нужда в молитве? Конечно, если мы сами будем беспечны, никто не в состоянии будет помочь нам своими молитвами. Какую пользу принес иудеям Иеремия? Не троекратно ли он приступал к Богу и не троекратно ли слышал: *не молися о людех сих и не проси, яко не услышу тя* (Иер. VII, 16)? Какую пользу оказал Саулу Самуил? Не до последнего ли дня он плакал о нем, а не просто молился только? Какую пользу принес он израильтянам? Не говорил ли он: *да никакоже ми согрешити – оставити еже молитися о вас* (1 Цар. XII, 23)? И не погибли ли они все? Итак, скажут, молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и большую, но – когда и мы делаем что-нибудь; молитвы (других) содействуют и помогают, а содействовать кто-либо и помогать может только тому, кто уже сам действует; если же сам останешься в бездействии, то не получишь большой пользы.

4. Действительно, если бы молитвы (других), при бездействии с нашей стороны, имели силу вводить нас в царствие, то почему не все эллины – христиане? Не за весь ли мир мы молимся? Не делал ли того же и Павел? Не молимся ли мы, чтобы все обратились ко спасению? Почему же, скажи, нечестивые не делаются благочестивыми? Не оттого ли, очевидно, что они ничего не хотят привнести со своей стороны? Итак, молитвы (других) доставляют великую пользу, когда и сами мы привносим к ним то, что требуется от нас. Хочешь ли знать, как бывали полезны молитвы? Вспомни о Корнилие (см.: Деян. X, 4), о Тавифе (см.: Деян. IX, 36). Послушай также, что говорил Иаков Лавану: *аще не бы страх отца моего был мне, ныне тща отпустил бы мя еси* (Быт. XXXI, 42). Послушай еще, что говорит Сам Бог: *защищу град сей мене ради, и Давида ради раба моего* (4 Цар. XIX, 34). Но когда это? При Езекии, который был праведен. Между тем если бы молитвы имели силу и для великих нечестивцев, то почему, и во время нашествия Навуходоносора, Бог не сказал того же, а предал город? Потому, что тогда более усилилось нечестие. Опять, тот же са-

мый Самуил молился об израильтянах и имел успех. Но когда? Когда и сами они благоугождали перед Богом, тогда Бог прогонял врагов их. Какая же мне нужда, скажет кто-нибудь, в молитве другого, когда я живу богоугодно? Никогда не говори этого, человек! Есть нужда, и нужда во многих молитвах. Послушай, что говорит Бог о друзьях Иова. Он *помолится*, говорит, *о вас*, и отпустится вам согрешение (Иов. XLII, 8), потому что, хотя они и согрешили, но не велик был их грех. А этот же самый праведник, спасший тогда молитвой друзей своих, во время иудейского царства не мог спасти иудеев от погибели. И чтобы тебе это понятно было, послушай, что говорит Бог через пророка: *аще станет Ное, и Иов, и Даниил, не избавят сынов и дщерей* (Иез. XIV, 14–18), потому что превозмогло нечестие. И опять: *аще станут Моисей и Самуил* (Иер. XV, 1). И заметь, как это говорится двум пророкам, потому что оба они предстательствовали за иудеев, но не имели успеха. Так как Иезекииль говорил: *горе мне, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Иез. IX, 8), то Бог, давая знать, что делает это праведно и не по небрежению к нему не принимает его ходатайства за них, указывает ему на их грехи, как бы говоря: и эти уже грехи достаточно могут уверить тебя, что Я не по небрежению к тебе не принимаю твоего предстательства, но по множеству их грехов, – при всем том прибавляет и эти слова: *аще станет Ное, и Иов, и Даниил.* И в особенности нужно было сказать к нему эти слова, потому что он сам много пострадал для израильтян. Ты сказал мне, Господи, говорит он, чтобы я ел в нечистотах, и я ел; Ты сказал мне, и я обрился; Ты сказал мне, и я лежал на одном боку; Ты сказал мне с ношей пройти сквозь стенное отверстие, и я прошел; Ты взял у меня жену и запретил мне плакать, и я не плакал, но претерпел благодушно. Я сделал тысячи и других самопожертвований ради их, и вот я умоляю Тебя о них, – а Ты не внимаешь! Итак, Бог, показывая, что делает это не по небрежению к нему, говорит: хотя бы был Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил, и стали умолять о сынах и дщерях, Я не послушаю. И опять, что говорит Бог Иеремии, менее

страдавшему вследствие повелений Божиих, но гораздо более от нечестия иудеев? *Еда не видиши, что сии творят* (Иер. VII, 17)? Правда, говорит пророк, они творят; но Ты сделай ради меня. На это Бог говорит ему: *аще станет Моисей и Самуил.* Моисей – первый законодатель, много раз избавлявший их от опасностей, сказавший: *аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, и мя изглади* (Исх. XXXII, 32), – если бы даже он был теперь и говорил это, то и он не успел бы, равно как и Самуил, также избавлявший их и с самых малых лет заслуживший у них великое уважение. О первом Я сказал, что беседовал с ним, как друг с другом, а не в притчах, а о последнем, что Я в отрочестве его явился ему и, преклонившись на просьбу его, отверз заключенный дар пророчества: *и глагол Господень,* сказано, *бе честен, и не бе видение посылаемо* (1 Цар. III, 1). Итак, если бы оба они предстали, не имели бы никакого успеха. Равным образом говорится и о Ное: *праведен, совершен в роде своем* был Ной (Быт. VI, 9), – и об Иове, что он *непорочен, праведен, истинен, богочестив* (Иов. I, 1). Но если бы и они предстали, и Даниил, которого халдеи почитали даже как Бога, то не могли бы, говорит Бог, избавить сынов и дщерей их. Итак, зная это, не будем ни пренебрегать молитвами святых, ни полагаться на них всецело. Соблюдем последнее для того, чтобы не облениться и не проводить жизни в праздности, а первое для того, чтобы не лишиться великой пользы. Напротив, будем и их просить, чтобы они молились о нас и помогали нам, и сами – пребывать в добродетели, чтобы быть в состоянии достигнуть благ, обещанных любящим Бога, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

От вас бо промчеся слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде, яко не требовати нам глаголати что. Тии бо о нас возвещают, каков вход имехом к вам, и како обратистеся к Богу от идол, работати Богу живу и истинну, и ждати Сына его с небес, егоже воскреси из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от гнева грядущего (1 Сол. I, 8—10)

1. Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувства близстоящих, так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но через распространяющуюся о них славу многим приносят пользу, делая их лучшими. То же самое совершилось и тогда (с фессалоникийцами). Поэтому (апостол) и сказал: *яко быти вам образ всем верующим в Ахаии и Македонии. От вас бо,* говорит, *промчеся слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде.* Вы, говорит, представили собой поучительный пример для всех живущих близ вас и исполнили удивления всю вселенную: слова *во всяко место* такой именно имеют смысл. И не сказал он: распространилась вера ваша, но *промчеся,* внушая тем, что подобно тому, как глас звучащей трубы наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, громкая, точно звук трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всех достигла с равной силой. Великие деяния там, где они совершаются, громогласно бывают прославлены, а в отдалении, хотя и прославляются, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковой силой разнеслась по всей земле. И пусть никто не думает, что в этих словах есть преувеличение. Народ этот, народ македонский, был знаменит еще до пришествия Христова и повсюду славился более римлян. Сами римляне тем знамениты, что покорили его.

То, что совершил царь македонский, выше всякого слова: выступив в поход из незначительного государства, он овладел всей вселенной. Вот почему пророк видит его под

образом летучего барса, изображая этим скорость, силу, пылкость и ту быстроту, с которой он промчался через всю вселенную со своими трофеями и победой. Говорят, что он, услышав от некоего философа о существовании бесчисленного множества миров, горько жалел, что несмотря на их бесчисленность он не завоевал даже и одного. Так он был предприимчив и велик душой и так был славен по всей земле! Но со славой царя соединялась и слава народа: ведь Александра называли македонянином. Поэтому вместе со славой о нем самом, естественно, распространялась повсюду слава и о событиях его царства, так как ничто знаменитое не может оставаться в неизвестности. Итак, деяния македонян были не менее славны, как и деяния римлян. *Вера ваша яже к Богу*, говорит, *изыде*. Смотри, что он говорит как бы о чем-то одушевленном, употребляя слово: *изыде*. И этот образ выражения внушен, конечно, силой их (веры). Потом, желая показать, что они точно обнаружили веру крепкую и действенную, прибавляет далее: *яко не требовати нам глаголати что: тии бо о нас возвещают, каков вход имехом к вам*. То есть нигде не ждут услышать наше повествование о вас, но люди, не посещавшие вас и не видевшие ничего, предваряют своими рассказами о вас тех, которые у вас были и видели ваши подвиги. Так всюду по слухам сделалась известной ваша вера! Итак, нам нет надобности рассказывать о ваших делах, для возбуждения в других подобного же соревнования, – потому что о чем надлежало бы им слышать от нас, о том они, предупреждая нас, рассказывают сами. Хотя при таких случаях в людях часто действует зависть, но ваше превосходство победило и ее, и они сделались провозвестниками ваших подвигов. Несмотря на то, что они и отстали от вас, они все-таки не молчат, но даже прежде других рассказывают о вас. Если же так поступают они, то нельзя не доверять нашим словам. Что значит: *каков вход имехом к вам?* То, что он был соединен с опасностями, с тысячей смертей, и однако ничто вас не возмутило, напротив – вы обращались с нами так, как будто бы ничего не случилось, вы приняли нас после этого так, как будто не претерпели никакого зла, а насладились бесчисленными благами. Упоминаемый здесь

вход был вторичный. Именно, (апостол и его спутники) отправились (из Фессалоники) в Веррию, будучи преследуемы, и впоследствии, пришедши опять (к фессалоникийцам), так были приняты ими, что и сами (фессалоникийцы) были почтены (апостолами), так что эти последние готовы были положить за них свою душу. Следовательно, значение выражения: *каков вход имехом к вам* – обоюдно: оно содержит в себе похвалу и апостолу с его спутниками, и фессалоникийцам; но апостол обратил его в похвалу фессалоникийцев. *И како,* говорит он, *обратистеся к Богу от идол, работати Богу живу и истинну,* то есть вы обратились весьма легко, с большой готовностью, и не чувствовали нужды в особенном усилии для того, чтобы решиться служить Богу живому и истинному. К этому (апостол) присоединил и увещание, делая через это свою речь менее тяжелой. *И ждати,* говорит, *Сына его с небес, егоже воскреси из мертвых, Иисуса, избавляющаго нас от гнева грядущаго. И ждати Сына его с небес* – Того, Который был распят, Который был погребен; поэтому, поясняя сказанное, он прибавляет: *егоже воскреси из мертвых.* Видишь все вместе: и воскресение, и вознесение, и второе пришествие, суд, воздаяние праведным и наказание злых? *Иисуса,* говорит, *избавляющаго нас от гнева грядущаго.* Здесь и ободрение, и утешение, и наставление для них. Если (Бог) воскресил Его из мертвых, если Он на небесах и придет оттуда (а вы уверовали, что это действительно так, потому что, не уверовав, вы не перенесли бы таких страданий), то в этом заключается уже достаточное ободрение. А если еще и гонители непременно будут наказаны, о чем говорит (апостол) и во втором послании (см.: 2 Сол. I, 8–9), то вы имеете и другое, также немалое, ободрение. С другой стороны, он сказал об ожидании Сына Его с небес и для того, чтобы показать, что бедствия налицо, а блага в будущем, когда Христос придет с небес. Смотри же, сколько надобно иметь надежды, – надейся, что Распятый воскрес, что Он вознесся на небеса, что придет судить живых и мертвых. *Сами бо весте, братие, вход наш иже к вам, яко не вотще бысть, но предпострадавше и досаждени бывше, якоже весте, в Филиппех, дерзнухом о Бозе нашем глаголати к вам благовествование Божие со многим подвигом* (II, 1–2).

2. Велики и ваши подвиги; но и мы не человеческое проповедовали слово. Здесь (апостол) хочет выразить то, что и выше говорил, именно, что свойства проповеди обнаруживаются с обеих сторон – как со стороны чудес и решимости проповедников, так и со стороны ревности и усердия принимающих. *Сами бо весте,* говорит, *вход наш иже к вам, яко не вотще бысть,* то есть не обыкновенный, не случайный. Едва избавившись от великих опасностей, от смертей, от поражений, мы тотчас же впали в новые опасности. *Но предпострадавше,* говорит, *и досаждени бывше, якоже весте, в Филиппех, дерзнухом о Бозе нашем.* Видишь ли, как опять все приписывает Богу? *Глаголати к вам благовествование Божие со многим подвигом.* Нельзя, говорит, сказать, чтобы там мы подвергались опасностям, а здесь – нет. Знаете и вы, какова эта опасность и каков нужен был подвиг – быть у вас. (Апостол) говорит это и коринфянам в послании к ним: *в немощи и труде и страсе и трепете мнози бых в вас* (1 Кор. II, 3). *Утешение бо наше не от прелести, ни от нечистоты, ни лестию: но якоже искусихомся от Бога верни быти прияти благовествование, тако глаголем, не аки человеком угождающе, но Богу, искушающему сердца наша* (ст. 3–4). Видишь ли, что, как я уже сказал, от твердости проповедников заимствуется доказательство божественности их проповеди. Если бы, значит, проповедь наша была не такова, если бы она была обманом, то мы не подвергли бы себя таким бедствиям, которые не дают нам и вздохнуть свободно. Что же из этого следует? Если бы нас не одушевляло нечто, ожидаемое в будущем, если бы мы не уверены были, что надежда наша несомненна, то мы не оставались бы столь бодрыми среди страданий. В самом деле, кто решился бы ради здешних благ потерпеть столько бедствий и проводить жизнь страдальческую и полную опасностей? Да и кого бы убедил такой проповедник? Не достаточно ли было бы для устрашения учеников одного того, что они видели бы учителей своих постоянно в опасностях? Но с вами не случилось этого. *Утешение бо наше,* то есть учение, *не от прелести.* Дело наше, говорит, не обман, не обольщение, в которое бы мы вдались, не из рода дел темных, каковы дела чародеев и

волшебников, — это выражается словом: *от нечистоты,* — не злонамеренное, не мятежническое какое-нибудь, как дело Февды: *но якоже искусихомся от Бога верни быти прияти благовествование, тако глаголем, не аки человеком угождающе, но Богу.* Видишь ли, что это не тщеславие? *Но Богу,* говорит, *искушающему сердца наша.* Мы ничего, говорит, не делаем из угождения людям; да и для чего мы стали бы делать что-нибудь такое? Похвалив таким образом самих себя, в словах: не потому, чтобы мы хотели угождать людям или домогались от людей чести, — апостол продолжает: *но якоже искусихомся от Бога верни быти прияти благовествование.* Если бы Бог не знал, как бы так говорит он, что мы совершенно отреклись от всего житейского, то не избрал бы нас. Как Он искусил нас, такими мы и остаемся. *Искусихомся,* говорит, *от Бога,* то есть *и* (Бог) искусил нас и вверил нам благовествование. Итак, как оказались мы перед Богом безукоризненными, такими и остаемся. Доказательством подобного достоинства нашего служит то, что нам вверено благовествование. Если бы в нас было что-нибудь дурное, то Бог не искусил бы нас. Слово же «искусил» употреблено здесь в смысле — нашел стоющими доверия и вверил, а не в смысле — испробовал, потому что мы только действуем вследствие испытания, а Бог не имеет нужды в испытывании. Таким образом мы говорим так, как свойственно искушенным от Бога и признанным достойными благовествования. И *глаголем, не аки человеком угождающе,* то есть не ради вас все это деем. Так как он перед этим похвалил их, то, чтобы не навлечь на свои слова подозрения, продолжает: *никогда же бо в словеси ласкания быхом, якоже весте, ниже в вине лихоимания, Бог свидетель, ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от иных, могуще в тяготе быти, якоже Христовы апостоли* (ст. 5—7). *Никогда же бо,* говорит, *в словеси ласкания быхом,* — то есть мы не льстили, как это делают обманщики, люди, ищущие корысти или власти. Нельзя сказать, что мы льстили, чтобы достигнуть власти, или что мы решились на это для денег. В свидетели этого, хотя это было очевидно, он призывает наконец их самих. Льстили ли мы, говорит, вы знаете. Во свидетели же того, что было неочевидно, то есть пропо-

ведовал ли он ради любостяжания, призывает Самого Бога. *Ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от инех, могуще в тяготе быти, якоже Христовы апостоли,* то есть не требуя почестей, не тщеславясь и не окружая себя копьеносцами, хотя, если бы мы и делали это, не сделали бы ничего странного. Если посланники царей пользуются честью, тем более можно нам. И не сказал: мы терпели бесчестие, или: не пользовались честью, что значило бы упрекать (фессалоникийцев), но: мы не искали. Итак, если мы не искали славы, хотя и можно было искать, и самая проповедь того требовала, то каким образом мы делаем что-нибудь для славы? Между тем, если бы мы и искали, то и того нельзя было бы поставить нам в вину, потому что тем, которые посланы к людям от Бога, по всей справедливости надлежит, как явившимся ныне с неба вестникам, пользоваться большой честью. И, несмотря на все это, мы не делаем ничего подобного, чтобы заградить уста противников.

3. И нельзя сказать, будто мы с вами поступали так, а с другими иначе. В самом деле, (апостол) то же говорил и в послании коринфянам: *приемлете бо, аще кто вас порабощает, аще кто поядает, аще кто отъемлет, аще кто величается, аще кто по лицу биет вы* (2 Кор. XI, 20). И еще: *пришествие тела немощно, и слово уничиженно* (2 Кор. X, 10). И еще: *дадите ми неправду сию* (2 Кор. XII, 13). Таким образом и там показывает, что он был весьма смиренным, потому что перенес много (бедствий). А здесь говорит и о деньгах: *могуще в тяготе быти, якоже Христовы апостоли. Но быхом тиси посреде вас: якоже доилица греет своя чада, како желающе вас, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя, занеже возлюблени бысте нам* (ст. 7—8). *Но быхом,* говорит, *тиси,* то есть мы не обнаружили ни грубости, ни притеснения, ни высокомерия, ни хвастовства; а слова *посреде вас* означают то же, как если бы кто сказал: мы такие же, как и вы, и не получили никакого высшего жребия.

Якоже доилица, говорит, *греет своя чада.* Таким должно быть учителю. Льстит ли кормилица дитяти, чтобы заслужить у него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли высокомерна с ними и сурова? Напротив, не бывает ли

она нежнее самих матерей? Здесь (апостол) обнаруживает в себе нежную любовь. *Тако*, говорит, *желающе вас*, то есть усердствуя к вам; мы, говорит, преданы вам до такой степени, что не только ничего не берем от вас, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вам и свои души. Итак, человеческий ли это расчет, скажи мне? Но кто будет столько безрассуден, чтобы сказать это? *Благоволихом*, говорит, *подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя.* Последнее, следовательно, труднее первого. А что больше приносит пользы? От благовествования действительная польза для них; но предать душу – подвиг больший по своей трудности. В самом деле, не все равно – проповедовать только, и – отдать душу. Первое само по себе досточтимее, последнее гораздо труднее. Мы готовы были, говорит, если бы это было нужно, и души свои истощить для вас. Так как (апостол) и прежде хвалил и теперь хвалит (фессалоникийцев), то и говорит поэтому: мы делаем это не для выпрашивания денег, не из лести, не для снискания у вас славы. Обрати, однако, внимание! Так как (фессалоникийцы) оказали много подвигов и их следовало безмерно хвалить и им удивляться, чтобы они явили себя еще более непреклонными, то похвала такого рода могла показаться подозрительной. Поэтому, устраняя всякое подозрение, он говорит о своих бедствиях. С другой стороны, опасаясь, чтобы не подумали, что он говорит о бедствиях с целью показать, как он трудился для них и какой, следовательно, честью должен у них пользоваться, он, сказав о бедствиях, прибавил: *занеже возлюблени бысте нам*, показывая таким образом, что мы даже охотно отдали бы вам свои души, потому что были вам совершенно преданы. Итак, благовествование мы возвещаем вам потому, что Бог повелел нам это; но со своей стороны мы вас столько любим, что, если бы нужно было, отдали бы вам даже свои души. Так-то должен любить истинно любящий. Он не откажет даже в своей душе, если бы у него потребовали ее и если бы это было возможно. Но что я говорю: потребовали? Он сам вызовется на такое пожертвование. Ничего, подлинно ничего не может быть сладостнее такой любви. Для нее ничто не представляется прискорб-

ным. Верный друг поистине – услада жизни. Верный друг поистине – твердый покров.

Чего, в самом деле, не сделал бы искренний друг? Какого не доставил бы он удовольствия? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на бесчисленные сокровища, и все это – ничто в сравнении с искренним другом. Но скажем прежде, сколько удовольствия заключает дружба в себе самой. Взирающий на друга просветляется от радости, тает от удовольствия и соединяется с ним по душе каким-то особенным союзом, заключающим в себе неизъяснимое наслаждение. Он оживает духом и окрыляется даже при одном только воспоминании о нем. Я говорю о друзьях искренних, единодушных, готовых умереть друг за друга, горячо любящих друг друга. Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себе обыкновенных приятелей, сообщников застольных, друзей по одному имени. Кто имеет такого друга, о каком говорю я, тот поймет мои слова. Хотя бы он видел его каждый день, он не пресытится; он желает ему того же, чего и себе самому. Я знал одного человека, который, призывая в молитве за друга святых Божиих мужей, молил их предстательствовать прежде за него, а потом уже за себя. Друг так мил, что даже места и времена становятся любезны от него. Как светлые тела разливают свет на окружающие предметы, так и друзья самым местам, в которых случалось им бывать, сообщают свою приятность. И часто бывает, что, посетив эти места без друзей, мы плачем, вспоминая о тех днях, в которые были здесь вместе, и рыдаем. Невозможно, однако, словами выразить, сколько удовольствия доставляет присутствие друзей; это понимают только те, которые испытали. От друга можно без зазрения и просить услуги, и принимать услугу. Когда они приказывают нам, мы им благодарны, и скорбим, когда они стесняются. У нас нет ничего, что не принадлежало бы им. Часто, презирая все здешнее, мы, однако, не хотим расстаться с здешней жизнью только для них. Они вожделеннее нам самого света.

4. И действительно, друг вожделеннее самого света. Я говорю о друге искреннем. И не дивись этому. В самом

деле, лучше для нас, чтобы солнце померкло, чем лишиться друзей; лучше проводить жизнь во тьме, нежели жить без друзей. И я скажу, почему это. Многие, взирающие на солнце, находятся во тьме, а богатые друзьями никогда не бывают скорбны. Я говорю о друзьях духовных, ничего не предпочитающих дружбе. Таков был Павел, который, охотно отдавая (друзьям) свою душу, хотя они и не просили его о том, охотно бросился бы за них в геенну. Так надобно любить пламенной любовью! Я хочу представить пример дружбы. Друзья дороже отцов и сыновей, – друзья о Христе. Не говори мне о друзьях нынешних, потому что вместе со многим другим утрачено ныне и это благо; но вспомни, что при апостолах, – не говорю о первостоятелях, а о самих даже веровавших, – у всех, как сказано, *бе сердце и душа едина, и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти: и даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Деян. IV, 32, 35). Тогда не было моего и твоего. Вот дружба, когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждой для себя, – когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением. Но где же, скажут, можно теперь отыскать такого друга? Именно, нигде нельзя, потому что мы не хотим быть такими, а если бы захотели, было бы даже очень можно. Если бы это было в самом деле невозможно, то Христос не заповедал бы этого и не говорил бы так много о любви. Великое дело – дружба, и в какой мере великое, этого никто не может понять, этого не выразит даже никакое слово, разве кто узнает по своему опыту. Непонимание ее произвело ереси: оно заставляет эллинов доселе еще оставаться эллинами. Любящий не желает ни повелевать, ни начальствовать; но рад лучше сам находиться под начальством и принимать приказания. Он желает лучше благодетельствовать, нежели принимать благодеяния, потому что он любит и, следовательно, всегда находится в состоянии человека, как бы не удовлетворившего своему желанию. Он не столько радуется, принимая благодеяние, сколько делая благодеяние, потому что желает лучше обязать другого, нежели быть обязанным

ему, лучше же сказать – хочет и быть обязанным ему и его иметь своим должником. Он и хочет благодетельствовать и не хочет показать, что благодетельствует, но представляет себя как бы должником другого. Думаю, что многие из вас, может быть, не понимают сказанного; поэтому считаю необходимым опять повторить то же. Он хочет и начать благодеяние и не казаться начинающим, а только как бы платящим за одолжение. Так и Бог поступил с людьми. Он восхотел даровать за нас Сына Своего: однако, чтобы не показать, что (единственно по благодати) дарует Его, но – как бы отдает нам долг, Он повелел Аврааму дать (Себе) Своего сына, чтобы казалось, что Он, делая нечто великое, ничего не делает великого. Когда нет дружбы, то мы ставим в укор другим наши благодеяния, превозносим их даже при всей их незначительности. А когда есть дружба, мы скрываем их, и великие хотим выдать за малые, чтобы не показать, что друг у нас в долгу, но – что мы сами одолжены ему тем, что он позволил нам одолжить его. Знаю, что многие не понимают того, о чем я говорю; причина этого в том, что я говорю о такой вещи, которая имеет место теперь только на небе. Если бы я стал говорить о каком-нибудь растении, прозябающем в Индии, которого никто здесь не знает по опыту, то сколько бы я ни говорил, слово было бы не в состоянии вполне изобразить его: так и в настоящем случае, сколько я ни стану говорить, буду говорить напрасно, потому что никто не в состоянии будет понять. На небе насаждено это растение; ветви его отягчены не жемчугами, но плодом гораздо приятнейшим – жизнью добродетельной. Какое хочешь, представь себе удовольствие – низкое ли, благородное ли – сладость дружбы будет выше всех их. Укажи даже на сладость меда, но и мед делается приторным: а друг никогда, пока остается другом, напротив – любовь к нему более и более возрастает, между тем проистекающее из нее удовольствие никогда не производит пресыщения. Друг милее этой временной жизни. Потому-то многие по кончине друзей не желали более жить. С другом иной с удовольствием может жить и в ссылке; а без друга и дома жить не захотел бы. С другом и бедность не тяжела, а без него в тягость и

здоровье и богатство. Имеющий друга имеет другого себя. Жалею, что не могу объяснить этого примером, так как сознаю, что все сказанное будет гораздо менее того, что следовало бы сказать. Вот что значит дружба для этой жизни. А у Бога уготована ей такая великая награда, что и выразить нельзя. Он дает нам награду для того, чтобы мы любили друг друга. Люби, говорит, и прими за это награду, – между тем как мы за это должны бы воздавать награду. Молись, говорит, и получи за это награду, – тогда как мы должны бы принести воздаяние, потому что мы просим у Него благ. За то, что просишь, говорит, получи награду. Постись, и получи награду. Будь добродетелен, и получи награду, хотя ты сам должен бы вознаградить. Истинно, как отцы, когда сделают своих детей благонравными, дают им тогда награды, потому что считают себя должниками за то, что (дети) доставили им удовольствие, так и Бог. Получи, говорит, награду, если ты добродетелен, потому что ты радуешь Отца, и Я должен тебя за это наградить. А если ты зол, нет тебе ничего, потому что ты оскорбляешь Родившего тебя. Не будем же оскорблять Бога, но постараемся радовать Его, чтобы сподобиться царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Помните бо братие труд наш и подвиг: нощь бо и день делающе, да не отяготим же единого от вас, проповедахом вам благовествование Божие. Вы свидетели и Бог, яко преподобно и непорочно и праведно вам верующим быхом, якоже весте, зане единого когождо вас, якоже отец чада своя, моляще и утешающе вас и свидетельствующе ходити вам достойно Богу, призвавшему вы в свое царство и славу (1 Сол. II, 9–12)

1. Учитель ничего не должен считать для себя обременительным, что клонится ко спасению учеников. Если блаженный Иаков днем и ночью до изнурения трудился на страже овец, то тем более должен делать все тот, кому

вверены души, (хотя бы) занятия его были изнурительны или унизительны, имея в виду только одно – спасение поучаемых и проистекающую отсюда славу Божию. Смотри поэтому, как и Павел, будучи проповедником и апостолом вселенной и удостоившись столь высокой чести, работал собственными руками, чтобы не отяготить поучаемых. *Помните бо,* говорит, *братие, труд наш и подвиг.* Выше сказал он: *могуще в тяготе быти, якоже Христовы апостоли* (ст. 7). То же говорит и в послании к коринфянам: *не весте ли, яко делающии священная, от святилища ядят? Тако и Господь повеле проповедающим благовестие от благовестия жити* (1 Кор. IX, 13–14). Но я, говорит, не хотел этого, а трудился сам. И не просто трудился, но с великим старанием. И смотри, что говорит: *помните бо,* – не сказал: благодеяния мои, но: *труд наш и подвиг: нощь бо и день делающе, да не отяготим ни единаго от вас, проповедахом вам благовествование Божие.* Но коринфянам говорит иное: *от иных церквей уях, приим оброк к вашему служению* (2 Кор. XI, 8). Там он тоже работал, но не упомянул об этом, а употребил другое (выражение), более язвительное, как бы говоря: вам служа, я питался от других. Но здесь (говорит) не то, – а что же? – *ночь и день делающе.* Хотя и там он говорит: *и пришед к вам, и в скудости быв, не стужих ни единому,* и: *приим оброк к вашему служению* (2 Кор. XI, 8), но здесь показывает, что люди (которым он пишет) находятся в бедности, а там нет. Поэтому-то он постоянно призывает их самих в свидетели: *вы бо,* говорит, *свидетели и Бог,* доставляя через это словам своим большую степень достоверности и присовокупляя (доказательство), которое особенно могло их убедить, так как первое для несведущих может показаться неверным, а последнее не оставляет никакого сомнения. И ты не удивляйся этому, потому что (апостол) не обращал внимания на то, что он, Павел, говорит это, а на то, что он очень желал убедить их. Поэтому говорит: *вы свидетели и Бог, яко преподобно и праведно и непорочно вам верующим быхом.* Нужно было опять похвалить их: поэтому он предпосылает то, что достаточно могло уверить их (в его бескорыстии). Он рассуждает так: если я, находясь в нужде там, ничем не пользовался, то тем более –

теперь. *Яко преподобно и праведно и непорочно вам верующим быхом, якоже весте, зане единого когождо вас, якоже отец чада своя, моляще и утешающе вас.* Сказав выше о своем обращении с ними, здесь говорит о своей любви к ним, и в этом выражалось более, нежели одно покровительство. И сказанное им чуждо надменности: *яко отец чада своя, моляще и утешающе вас, и свидетельствующе ходити вам достойно Богу, призвавшему вы во свое царство и славу.* Сказав: *и свидетельствующе,* он упомянул об отцах, показывая тем, что хотя мы *и свидетельствовали,* однако не употребляли при этом насилия, а (поступали) как отцы. *Единаго когождо вас.* Удивительно! При таком множестве не пропустить никого – ни малого, ни великого, ни богатого, ни бедного! *Моляще,* сказал он, о чем? О перенесении всего. *И утешающе и свидетельствующе. Моляще:* следовательно, (апостолы) не искали славы; *и свидетельствующе:* следовательно, не льстили. *Ходити вам достойно Богу, призвавшему вы в свое царство и славу.* Смотри опять, как (апостол), повествуя (о прежде случившемся), и учит и убеждает: если (Бог) призвал в царство, то должно переносить все. Мы молим не о том, чтобы вы дали нам что-нибудь, но о том, чтобы вы получили царство небесное. *Сего ради и мы благодарим Бога непрестанно, яко приемше слово слышания Божия от нас, приясте не аки слово человеческо, но якоже есть воистину слово Божие, еже и действуется в вас, верующих* (ст. 13). Нельзя сказать, говорит он, что мы одни поступали во всем безукоризненно, а вы делали нечто несообразное с тем, как мы с вами обращались, потому что вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто наставлял (вас) Сам Бог. Откуда это видно? Подобно тому, как он, (ссылаясь) на свои искушения, свидетельства фессалоникийцев и совершенные им дела, доказывает то, что проповедовал не из лести и не ради пустой славы, так и то, что они приняли слово его надлежащим образом, он доказывает искушениями (которым они подвергались). Как бы вы, говорит, стали переносить такие опасности, если бы не внимали словам нашим, как словам Самого Бога? Впрочем, посмотри и на доказательство. *Вы бо,* говорит, *подобницы бысте, братие, Церквам Божиим сущим*

во Иудеи о Христе Иисусе, зане таяжде и вы пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей, убивших и Господа Иисуса и своя пророки, и нас изгнавших, и Богу не угодивших, и всем человеком противящихся, возбраняющих нам глаголати языком, да спасутся, во еже исполнити им грехи своя всегда. Постиже же на них гнев до конца (ст. 14—16).

2. *Вы,* говорит, *подобницы бысте Церквам Божиим сущим во Иудеи.* Утешение великое! Нет ничего удивительного, говорит, если (ваши единоплеменники) с вами так же поступают, как те (иудеи) со своими единоплеменниками. Но если и иудеи решились с терпением перенести все, то это служит немаловажным доказательством того, что проповедь истинна. *Зане таяжде,* говорит, *и вы пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей.* Говоря: и те во Иудеи, он хочет сказать нечто особенное, именно указывает на то, что (иудеи) повсюду радовались тому, что подвизались. Поэтому-то и говорит: *зане и вы таяжде пострадасте.* И опять, что удивительного, если они с вами (так поступали), когда дерзнули восстать против Самого Господа? Видишь, как (апостол) ввел то, что содержит в себе великое утешение? И к этой мысли он постоянно возвращается, так что, при внимательном исследовании, во всех почти посланиях найдешь, как он, говоря об искушениях, всегда, каким бы то ни было образом, упоминает о Христе. Вот и здесь, обвиняя иудеев, приводит им на память Господа и страдания Господни. До такой степени уверен был он, что в этом заключается величайшее утешение! *Убивших и Господа,* говорит он. Но, может быть, иудеи не познали Его? Напротив, они знали Его очень хорошо. Да что? Не они ли убили и камнями побили своих пророков, которых писания повсюду носят с собой? Конечно, они поступали так не из любви к истине. Итак, он не только предлагает утешение в искушениях, но и убеждает не думать, будто иудеи так поступают из любви к истине, и не смущаться этим. *И нас,* говорит, *изгнавших,* то есть и мы претерпели от них бесчисленные напасти. *И Богу не угодивших и всем человеком противящихся, возбраняющих нам глаголати языком, да спасутся. Всем человеком,* говорит, *противящихся.* Каким образом? Таким, что если

должно проповедовать всей вселенной, а они препятствуют, то они общие враги вселенной. Они убили Христа и пророков, оскорбляют Бога; они – общие враги вселенной, они и нас, пришедших на дело спасения, гонят, что же удивительного, если они поступили и с вами так же, как и в Иудеи. *Возбраняющих нам*, говорит, *глаголати языком, да спасутся.* Подлинно, (одной) зависти свойственно препятствовать спасению всех. *Во еже исполнити грехи своя всегда. Постиже же на них гнев до конца.* Не будет уже более того, что было прежде, не будет возврата, не будет предела, – наступает гнев неизбежный. Из чего же это видно? Из предсказания Христова. Ведь утешительно не только иметь соучастников в скорбях, но и слышать о казни своих притеснителей. Если же опечаливает их замедление (грядущего гнева), то да послужит утешением то, что притеснители уже более не восстанут. Притом, сказав слово: *гнев,* (апостол) сократил даже самое замедление, снова показывая, что он (гнев) должен последовать, так как предназначен и предсказан. *Мы же, братие, осиротевше от вас ко времени часа, лицем, не сердцем, лишше тщахомся лице ваше видети многим желанием* (ст. 17). Не сказал: разлучившись, но: *(осиротевше),* что гораздо сильнее. Выше говорил о лести, доказывая, что не льстит, что не ищет славы; здесь говорит о любви. Так как выше сказал: *якоже отец чада, якоже доилица,* то здесь говорит и другое: *осиротевше,* что свойственно детям, ищущим родителей. Да притом, они ли осиротели? Не они, говорит, а мы. В самом деле, кто исследовал это чувство, (тот знает), что подобно тому, как малые дети, беззащитные, подвергшиеся безвременному сиротству, сильно тоскуют о своих родителях, не в силу самой природы только, но и вследствие одиночества, так точно и мы. Этим он показывает и печаль свою, в которой находился по причине разлуки. И того, говорит, нельзя сказать, чтобы мы разлучены были на продолжительное время, но – ко времени, и притом только *лицем, не сердцем:* ведь мы всегда имеем вас в мысли. Смотри, какая любовь! Хотя всегда имел их в сердце, но желал и личного их присутствия. Не говори мне, что это излишнее мудрствование. Воистину, таково свойство пламенной любви,

что она желает и видеть, и слушать любимых, и говорить с ними; и это много содействовало (появлению такого желания). *Лишше,* говорит, *тщахомся.* Что же значит — *лишше?* Полагать можно — или то, что мы весьма дорого ценим вас, или, как вероятно, то, что мы, разлучившись на короткое время, старались опять видеть ваше лицо. Смотри, как блаженный Павел, не имея возможности сам лично исполнить свое желание, исполняет его через других; так, посылая Тимофея к филиппийцам и опять его же к коринфянам, он пребывает с ними при посредстве других, когда не может быть лично. Он любил как бы до исступления и в чувствах дружества был неудержим и неукротим. *Темже хотехом приити к вам.* Таково свойство любви! Впрочем, говорит, я не нахожу никакого к тому другого побуждения, кроме того, чтобы видеть вас. *Аз убо Павел, и единою и дважды: и возбрани сатана* (ст. 18).

3. Что ты говоришь? *Сатана возбрани?* Так точно, потому что это не было дело Божие. В послании к римлянам он говорит, что Бог воспрепятствовал (см.: Рим. XV, 22); и Лука в одном месте говорит, что не допустил их Дух идти в Асию (см.: Деян. XVI, 6); и к коринфянам говорит, что это было дело Духа, и только здесь, что это дело сатаны. Какое же он разумеет препятствие от сатаны? Какие-нибудь внезапные и сильные искушения. *Когда против него,* говорится, *произведено было иудеями возмущение,* он удерживаем был в Элладе три месяца (Деян. XX, 3). Но иное дело — медлить ради устроения чего-нибудь, и притом добровольно, и иное — вследствие препятствий. Там именно (апостол) говорит: *ктому места не имый в странах сих* (Рим. XV, 23), и: *щадя вас ктому не приидох в Коринф* (2 Кор. I, 23). Здесь же он не говорит ничего такого, а что. *Сатана возбрани. Аз убо Павел,* говорит, *и единою и дважды.* Смотри, какое он обнаруживает честолюбие, как хвалит себя, когда хочет показать, что он любил их больше всех. Говорит: *аз убо Павел,* вместо того, чтобы сказать: я не как другие; другие только желали прийти к вам, а я и решался. *Кто бо нам упование или радость или венец похваления? Не и вы ли пред Господем нашим Иисусом Христом во пришествии его* (ст. 19)? Одни ли македоняне — упова-

ние твое, скажи мне, блаженный Павел? Не одни они, отвечает. Поэтому-то он присовокупил: *не и вы ли? Кто бо нам,* говорит, *упование или радость и венец похваления?* Не узнаете ли (здесь) языка женщин, пламенеющих нежнейшей любовью и разговаривающих с малыми детьми? *И венец,* говорит, *похваления.* Одного слова *венец* ему недостаточно было, чтобы показать блеск (своего украшения), но еще присовокупил и — *похваления.* Какая пламенность! Мать и отец, сойдясь вместе и слив свою любовь, никогда не могли бы выразить любви своей наравне с Павлом. *Радость,* говорит, *и венец,* то есть я более, говорит, радуюсь о вас, нежели о венце. И подлинно, представь, насколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павлом: кто бы не возрадовался о таком ее многочадии и благочадии. Итак, и это не лесть; он не просто сказал: *вы,* но: *и вы* вместе с другими. *Вы бо есте слава наша и радость* (ст. 20). *Темже уже не терпяще, благоволихом остатися в Афинех едини,* — это сказал он вместо: мы решились. *И послахом Тимофея, брата нашего и служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христове* (III, 1–2). И это говорит, не Тимофея возвышая, а им воздавая честь тем, что послал к ним сотрудника и служителя благовествования, говоря как бы так: отвлекши от дел, мы послали к вам служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христовом. Потом показывает и причину: *утвердити вас и утешити о вере вашей, яко ни единому смущатися в скорбех сих* (ст. 3). Что здесь говорит (апостол)? Так как искушения учителей смущают учеников, а он тогда находился среди многих искушений, как и сам говорит: *возбрани нам сатана,* то говорит это для их ободрения. Смысл его слов такой: и раз и два хотел я идти к вам, но не мог, потому что встречалось много препятствий. И это, вероятно, смущало их, так как ученики смущаются не столько от собственных искушений, сколько от искушений учителей, подобно тому, как воин не столько приходит в смущение от своих собственных искушений, сколько тогда, когда увидит раненым своего вождя. *Утвердити вас,* говорит. Следовательно, посылал Тимофея для того, чтобы они не смущались, а не потому, что будто заметил какой-либо недостаток в вере

их, или нужду научить их чему-либо. *И утешити о вере вашей, яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте, яко на сие лежим. Ибо егда у вас бехом, предрекохом вам, яко имамы скорбети, якоже и бысть, и весте* (ст. 3–4). Не должно, говорит, смущаться, потому что ничего необыкновенного и неожиданного не случается с нами. И этого довольно было для ободрения их. Видишь ли, что и Христос для того же предсказывал ученикам Своим? Послушай, в самом деле, что говорит Он: *и ныне рех вам, прежде даже не будет, да егда будет, веру имете* (Ин. XIV, 29). Много, поистине много (служит) к утешению учеников, когда они слышат от наставников о том, что с ними случится. Как больной, если наперед услышит от врача, что с ним будеть то и то, не слишком смущается; а если случится с ним что-нибудь неожиданно, так что и сам врач приходит в недоумение, и болезнь превышает его искусство, то больно тоскует и смущается, так и здесь. Павел, предвидя это, предсказал им: *яко имамы скорбети. Якоже,* говорит, *и бысть, и весте.* Не о том только говорит (апостол), что случилось, но и о том, что он предсказывал многое другое, что также сбылось. *На сие лежим.* Следовательно, не только прошедшими искушениями не должно тревожиться и беспокоиться, а это и значит: смущаться, но и будущими, если бы таковые случались. *На сие бо лежим.*

4. У кого из нас есть уши слышать, пусть слышит: на это предназначен христианин. *На сие лежим* – (апостол) говорит о всех верующих. *На сие лежим,* а мы, точно предназначенные к неге, избегаем страданий. Почему же, однако ж, мы избегаем страданий? В самом деле, нас не постигло ни время скорби, ни искушение, кроме как *человеческое* (1 Кор. X, 13). Благовременно и к вам сказать: *не у до крове стасте, противу греха подвизающеся* (Евр. XII, 4); или, лучше, не это благовременно к вам сказать, а что? То, что вы еще не отрешились от привязанности к имуществу. Тем (евреям), которые лишились всего своего достояния, действительно, уместно было сказать это; но тем, которых имение цело, скажу следующее: у кого из вас разграблено имущество за Христа? Кто бит был палицами? Кто обижен, даже словами? Чем ты можешь похвалиться? На что можешь на-

деяться? Христос столько претерпел за нас *врагов сущих* (Кол. I, 21); а мы на какие можем указать страдания, которые претерпели за Него. Страданий за Него мы не переносили никаких, между тем блага, которые получаем от Него, бесчисленны. Откуда у нас возьмется дерзновение *в день он* (2 Тим. I, 18)? Ужели вы не знаете, что и воин тогда только может заслужить внимание царя, когда покажет ему множество ран и язв? Если же не может показать ни одного отличного подвига, то, хотя бы не нанес никакого оскорбления, будет считаться в ряду последних. Но теперь, скажут, не время брани. А если бы оно было, то, скажи мне, кто бы стал сражаться? Кто бы напал (на врагов)? Кто бы разогнал полчище? Вероятно, никто. В самом деле, когда я вижу, что ты не презираешь имущества для Христа, то как я поверю тебе, что ты ни во что вменишь язвы? Скажи, благодушны ли вы к оскорбляющим вас и благословляете ли их? Ты этого не делаешь и не повинуешься. Ты не делаешь того, что не соединено с опасностью: будешь ли переносить, скажи мне, удары, причиняющие столь великую боль и скорбь? Ужели вы не знаете, что во время мира надобно упражняться в военном искусстве? Не видите ли, как эти воины и тогда, когда вовсе не угрожает война, а царствует глубокий мир, вычистивши оружие, вместе со своими вождями, обучающими их военному искусству, почти каждый день выходят на открытые и широкие поля, и с величайшим тщанием упражняются в военном деле? Делал это кто из воинов духовных? Ни один. Вот почему на войне мы робки и нерадивы, и всякий удобно может нас захватить в плен. И какое безрассудство не считать настоящего времени временем войны, когда Павел взывает: *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. III, 12), и когда Сам Христос говорит: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33), и когда тот же блаженный Павел громогласно взывает: *несть наша брань к крови и плоти,* и еще: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. VI, 12, 14)? И никто из них не сказал тогда: зачем ты нас вооружаешь, когда нет войны? Зачем понапрасну налагаешь на нас труды – облекаешь воинов в броню, когда можно покоиться и отдыхать? А если бы кто

сказал так, то получил бы в ответ: тогда-то особенно и нужно заботиться о войне, когда ее еще нет. В самом деле, кто заботится о войне во время мира, тот страшен будет и во время войны; а кто неопытен в военном деле, тот и во время мира больше будет тревожиться. Почему? Потому что он станет плакать над своим имуществом и жалеть, что не в состоянии защитить его, так как имущество человека робкого, неопытного и непривыкшего к сражениям принадлежит всякому храброму и умеющему воевать. Итак, во-первых, я вооружаю вас по этой причине, а потом – потому, что все время нашей жизни есть время борьбы. Как и каким образом? Диавол нападает всегда. Послушай, что о нем сказано: он ходит, рыкая как лев, желая поглотить (см.: 1 Пет. V, 8). На нас устремляется бесчисленное множество плотских страстей, которые нам необходимо указать (здесь), чтобы напрасно не обольщаться. Скажи мне: что не ведет войны с нами? Богатство, красота, удовольствие, сила, власть, зависть, слава, высокомерие? Против нас воюет не только наша собственная слава, препятствуя нам нисходить до смиренномудрия, но и слава других, возбуждая в нас зависть и ненависть. А что сказать про противоположные (состояния): бедность, незнатность, бесславие, уничижение, совершенное бессилие? Но это (зарождается) в нас; а со стороны других людей (восстают против нас) злоба, коварство, козни, клеветы, бесчисленные обманы. То же и со стороны демонов: начальства, власти, миродержители тьмы века сего, духи злобы. Иными бываем в радости, иными – в печали; то и другое может отклонять от прямого пути, равно как и здоровье и болезнь. Откуда не дается повода ко греху? Если хотите, я, начав и от Адама, расскажу вам сначала? Что погубило первозданного? Удовольствие, яства и страсть любоначалия. Что – следующего за ним сына его? Зависть и ненависть. Что современников Ноя? Плотские удовольствия и происходящие от них пороки. Что – сына его? Наглость и дерзость. Что – содомлян? Наглость, распутство и *сытость хлеба* (Иез. XVI, 49). А часто и бедность производит это. Вот почему один мудрец сказал: *богатства и нищеты не даждь ми* (Притч. XXX, 8). Вернее сказать – не

богатство и не бедность, а наша воля, которая не умеет пользоваться ни тем, ни другим. *Познавай,* говорит (мудрый), *яко посреде сетей ходиши* (Сир. IX, 18).

5. Чудно сказал блаженный Павел: *на сие лежим.* Не сказал просто: мы терпим искушения, но: *на сие лежим,* вместо: мы на это родились. Это наш долг, это наша жизнь, и ты ищешь покоя. Перед тобой нет палача, терзающего ребра твои и принуждающего принести жертву; но стоит перед тобой сильное желание богатства и корыстолюбие, исторгающее у нас глаза. Никакой воин не возжег для нас костра и не положил нас на (раскаленную) решетку; но разжжение плотское сильнее того воспаляет душу. Не предстоит царь, обещая бесчисленные блага и угрожая муками; но предстоит неистовая страсть к славе, которая сильнее его прельщает нас. Подлинно (нам предстоит) великая, и очень великая, борьба, если мы захотим бодрствовать: и настоящее время имеет венцы. Послушай, что говорит Павел: *прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми праведный Судия: не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление его* (2 Тим. IV, 8). Если ты лишился сына любимого, единородного, воспитанного в великом богатстве, подававшего о себе добрые надежды и единственного твоего наследника, то не сокрушайся, но благодари Бога, и прославляй взявшего (его), и в этом отношении ты будешь ничем не ниже Авраама: как тот отдал сына Богу, когда Он повелел, так и ты не сокрушался, когда Он взял у тебя.

Ты впал в тяжкую болезнь, и многие приходят к тебе и убеждают унять боль: одни заговорами, другие привязками, третьи иным чем-либо. Но ты, ради страха Божия, перенес (болезнь) мужественно и непоколебимо и решился лучше претерпеть все, нежели позволить сделать что-нибудь идольское? Это доставляет тебе мученический венец и не сомневайся в этом. Как это и каким образом? Я скажу тебе. Как тот мужественно переносит боль, причиняемую пытками, чтобы не поклониться кумиру, так и ты переносишь страдания, причиняемые болезнью, чтобы только не нуждаться ни в чем таком, что она предлагает, и не исполнять ее повелений. Но первые (страдания) сильнее? Зато послед-

ние продолжительнее; следовательно, равносильны. А часто даже последние бывают сильнее. В самом деле, скажи мне, когда внутренний жар мучит и палит, и ты, несмотря на убеждения других, отверг нашептывания, то не мученический ли венец возложил на себя? Еще: лишился кто-нибудь денег? Многие советуют идти к гадателям; но ты, по страху Божию, так как это запрещено, решился лучше не получить денег, нежели преступить заповедь Божию? Ты имеешь равную награду с тем, кто раздал деньги бедным. Если, лишившись (денег), ты будешь благодарить (Бога) и, имея возможность идти к гадателям, решишься лучше не получить их, нежели получить таким образом, то равную будешь иметь прибыль с тем, кто расточил их для Бога. Ведь как этот, по страху Божию, раздал их нуждающимся, так и ты, по страху же Божию, не получил их обратно от похитивших. В нашей власти и обижать себя самих и не обижать; а другой никто не властен. И если хотите, мы объясним это самым (случаем с) воровством. Вор проломал стену, вломился в сокровищницу, унес многоценные золотые (сосуды) и дорогие камни, словом: все сокровище похитил и не был пойман. Случай неприятный, по-видимому наносящий вред, но на самом деле нет, и от тебя зависит обратить это или во вред, или в прибыль. Но каким образом, скажут, это может быть прибылью? Попытаюсь показать, каким образом. Если ты хочешь, будет великой прибылью, а если не хочешь, будет вредом, тягчайшим прежнего. Подобно тому как между художниками опытный в искусстве употребляет данное вещество как должно, а неопытный только портит и делает себе убыток, так бывает и в (подобного рода) обстоятельствах. Итак, каким образом будет прибылью? Если ты будешь благодарить Бога, если не будешь горько плакать, если будешь говорить словами Иова: *Господь даде, Господь и отъя: наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду* (Иов. I, 21). Что ты говоришь: *Господь отъя?* Вор *отъя:* и как же, говоришь, ты можешь сказать: *Господь отъя?* Не удивляйся. И Иов о том, что отнял диавол, говорил: *Господь отъя.* Если же он дерзнул так сказать, то как же не сказать тебе, что *Господь отъя* то, что взял вор? Скажи мне, кому ты (более) удивляешься? Тому ли, кто

истощил свое имение на бедных, или Иову – за эти слова. Ужели он, не подавая тогда (то есть среди страданий) милостыни, заслуживает менее в сравнении с тем, кто подавал? Не говори: я не заслуживаю милости, это случилось не по моей воле; вор взял, когда я и не знал, и не хотел того, какая будет мне награда. И у Иова взял, когда он не знал и не хотел. Тем не менее он совершил подвиг. И тебе можно получить такую же награду, какую получил бы ты, раздав свое имущество добровольно. И мы по справедливости более удивляемся тому, кто переносит обиды с благодарением, нежели тому, кто добровольно раздает (имение). Почему? Потому что один находит утешение в похвалах и (в свидетельстве своей) совести и имеет благие надежды, и, когда уже наперед мужественно решился на то, чтобы лишиться денег, тогда жертвует ими, а другой, будучи еще привязан к деньгам, насильно лишен был их. А не все равно, наперед решившись оставить деньги, потом расточить их и лишиться, еще владея ими. Если ты будешь говорить те же слова, какие Иов, то получишь блага, гораздо большие и важнейшие, нежели он. Он получил вдвое здесь, а тебе Христос обещал воздать сторицей. Ты, по страху Божию, не богохульствовал, не прибегал к гадателям, воздавал благодарение (Богу), претерпевая обиды? Ты уподобился тому, кто презирает (свое богатство), так как этого не было бы с тобой, когда бы ты наперед не презрел его. Притом не одно и то же презирать деньги по долговременном размышлении и перенести лишение, внезапно случившееся. Так потеря обращается в прибыль, и диавол не только не повредит тебе, но еще послужит к пользе.

6. Но когда происходит тяжкий вред? Тогда, когда ты причиняешь вред (своей) душе. В самом деле, скажи мне, вор лишил тебя денег? Но для чего ты сам себя лишаешь спасения? Для чего, жалуясь на обиды, которые терпишь от других, сам себя ввергаешь в большие напасти? Вор, может быть, поверг тебя в бедность; а ты, как злодей, вредишь себе в деле, особенно важном для тебя. Он лишил тебя внешних благ, которые впоследствии и против твоей воли оставили бы тебя, а ты отнимаешь у себя вечное богатство.

Опечалил ли тебя диавол, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздав (Богу) благодарение, и не дай ему порадоваться. Если ты ходил к гадателям, то возвеселил его; если возблагодарил Бога, то нанес ему смертельный удар. И гляди, что происходит: несмотря на то, что ты сходишь к гадателям, ты не найдешь денег, потому что не их дело знать (где твои деньги), а если бы случайно и сказали – где, то ты и свою душу погубишь, и подвергнешься осмеянию своих братий, и снова дурным образом их (деньги) потеряешь. Демон, зная, что ты неравнодушно переносишь потерю (денег), из-за них отрицаешься и Бога, возвращает тебе их опять для того, чтобы вновь иметь повод обольстить тебя. Но не удивляйтесь, если бы и сказали гадатели (где деньги). Демон бестелесен, он всюду обходит, сам он вооружает грабителей, – такие дела происходят не без демона. Следовательно, если он вооружает их, то знает, где прячут (деньги), – ему нельзя не знать своих слуг. Это и неудивительно. Если увидит, что ты скорбишь о потере, то причиняет тебе и другую. Если же увидит, что ты посмеиваешься и презираешь, то уступит с этого пути. Подобно тому как мы стараемся врагам своим сделать то, что причиняет печаль, и, если увидим, что они не опечаливаются, то, не имея возможности уязвить их, отступаем от них, так и диавол.

Да что говорить? Разве ты не знаешь, как плывущие по морю не только не заботятся о деньгах во время бури, но даже и бросают, что имеют. И никто не скажет: что ты делаешь, человек? Ты помогаешь буре и кораблекрушению? Прежде нежели волна отняла у тебя богатство, ты сам делаешь это собственными руками? Зачем ты прежде кораблекрушения подвергаешь себя кораблекрушению? Пожалуй, и сказал бы это какой-нибудь простец, вовсе незнакомый с морскими опасностями; но мореплаватель, хорошо знающий, что производит тишину и что возбуждает бурю, посмеется над тем, кто говорит такие слова. Я, скажет он, для того-то и бросаю, чтобы не погрузиться в волнах. Так точно и человек, искушенный опасностями и напастями жизни, когда видит наступающую бурю и духов злобы, желающих произвести кораблекрушение, бросает и остальные деньги.

У тебя случилась покража? Подавай милостыню, и этим ты облегчишь корабль. Тебя ограбили разбойники? Отдай остальное Христу. Таким образом утешишься и в прежней потере. Облегчи корабль, не удерживай оставшегося, чтобы судно не потонуло. Те (мореплаватели), для спасения тел, выбрасывают груз и не дожидаются, пока набежавшая волна опрокинет судно; а ты, для спасения душ, ужели не остановишь кораблекрушения? Сделайте опыт, если не верите, умоляю вас, сделайте опыт и узрите славу Божию. Когда постигнет тебя что-либо прискорбное, подай тотчас милостыню, возблагодари (Бога) за то, что случилось, и ты увидишь, какая радость наполнит душу. Польза духовная, хотя бы и малая, такова, что может покрыть всякий вещественный ущерб. Пока ты имеешь (что-либо) подать Христу, ты богат. Скажи мне, если бы к тебе ограбленному подошел царь и протянул руку, желая что-нибудь принять от тебя: ужели ты не почел бы себя богаче всех, когда и при такой бедности царь не стыдится тебя? Чтобы не быть ограбленным, победи только самого себя и победишь козни диавола. Ты можешь получить великую прибыль. Презрим богатство, чтобы не презреть души. А как можно презреть его? Разве вы не знаете, что бывает с прекрасными телами и с теми, которые пленяются ими? Пока они находятся перед глазами, то (в душе) воспламеняется огонь и возгорается яркий пламень; но как скоро кто удалит их от глаз, все погаснет и успокоится. То же бывает и с богатством. Пусть никто не приобретает ни золота, ни дорогих камней, ни ожерельев: находясь перед глазами, они обольщают взор. А если хочешь быть богатым, то подобно древним собирай не золото, а необходимые вещи, чтобы от готового уделять и другим. Не будь пристрастен к украшениям. Такое богатство привлекает козни разбойников и нам причиняет заботы. Не приобретай золотых и серебряных сосудов; но пусть будут у тебя житницы, наполненные хлебом, вином и елеем, не для того, чтобы через продажу получить серебро, а для того, чтобы раздавать нуждающимся. Если мы будем удаляться от этих излишеств, то приобретем небесные блага, которые да получим все мы во Христе Иисусе Господе на-

шем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Сего ради и аз ктому нетерпя, послах разумети веру вашу, да не како искусил вы искушаяй и вотще будет труд наш. Нынеже пришедшу Тимофею к нам от вас, и благовестившу нам веру вашу и любовь, и яко имате память о нас всегда благу, желающе нас видети, якоже и мы вас: сего ради утешихомся, братие, о вас во всякой скорби и нужде нашей, вашею верою: яко ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе (1 Сол. III, 5—8)

1. Сегодня предстоит нам вопрос, задаваемый многими и выводимый из многих мест (Писания). Какой же это вопрос? *Сего ради,* говорит, *и аз ктому нетерпя, послах Тимофея разумети веру вашу.* Что ты говоришь? Ужели тот, кто так много знал, кто слышал неизреченные глаголы, кто восходил до третьего неба, не знал, даже находясь в Афинах, когда и небольшое было расстояние и недавно с ними разлучился, как сам говорит: *осиротевше от вас ко времени часа?* Следовательно, и он не знал, что происходило с фессалоникийцами, и был вынужден послать Тимофея, чтобы узнать о вере их: *да не како,* говорит, *искусил вы искушаяй и вотще будет труд наш?* Что ж, если бы кто и сказал, что и святые не все знали? Что действительно они не все знали, в этом каждый может удостовериться из многих примеров, как древних, так и позднейших. Так, Елисей не знал о жене (см.: 4 Цар. IV); так, Илия говорил Богу: *остах аз един и ищут души моея* (3 Цар. XIX, 10), и потому услышал от Бога: *оставих себе седмь тысяч мужей* (3 Цар. XIX, 18); так, опять Самуил, посланный помазать Давида, говорит: *рече Господь к нему: не зри на лице его, ниже на возраст величества его, яко уничижих его: понеже не яко человек зрит Бог: понеже человек зрит на лице, Бог же на сердце* (1 Цар. XVI, 7). И это бывает по особенному попечению Божию. Для чего и каким образом? И для самих святых и для верующих в них. Подобно тому как Бог попускает, чтобы были гонения, так и не дает им (святым)

знать о многом, чтобы они смирялись. Потому-то и Павел говорил: *дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся* (2 Кор. XII, 7). Опять же для того, чтоб и другие не слишком много о них воображали. В самом деле, если их считали богами из-за чудес, то тем более (так думали бы о них), если бы они всегда все знали. И об этом сам же (Павел) опять говорит: *да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя, или слышит что от мене* (2 Кор. XII, 6). Еще послушай, что говорит Петр, когда он исцелил хромого: *что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Если же, несмотря на то, что они так говорили и действовали, и притом в то время, когда они совершали немногие и маловажные чудеса, рождались о них неправые толки, то тем более (это могло случиться) при великих чудесах. Это было допускаемо и по другой причине. Именно, чтобы кто-нибудь не сказал, что они, как будто перестав быть людьми, совершали те подвиги, которые совершали, и чтобы оттого не предались все беспечности, – Бог являет, что и они немощны, чтобы через это у желающих оставаться в заблуждении отнять всякий предлог к бесстыдству. Вот почему (Павел) не знает; вот почему, и после многократных обещаний (прийти), не приходит, чтобы узнали, что и он многого не знал. От этого немалая была польза. Ведь были еще и такие, которые утверждали, что он – великая сила Божия, другие же говорили, что он такой-то и такой. Если бы этого не было (в Павле), то чего бы еще не подумали? Таким образом, хотя это и кажется в них (святых) недостатком, но если кто тщательно вникнет, для того ясно откроется и дивная сила их, и чрезмерность искушений. Каким же образом? Внимай. Если ты (Павел) выше сказал им: *на сие лежим*, и: *яко ни единому смущатися*, – то для чего после этого посылаешь Тимофея, как бы опасаясь, чтобы чего не случилось вопреки твоему желанию? Но он делает это от преизбытка любви: любящие от пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно, а это (происходит) от множества искушений. Правда, я сказал: *на сие лежим;* но чрезмерное множество зол устрашило меня. Потому-то он не сказал, что, заметив

в вас нечто худое, посылаю, но — *ктому не терпя,* что собственно происходило от любви. Что значит: *да не како искусил вы искушаяй?* Видишь ли, что смущение в скорби есть действие диавола и его коварства? Когда он не может (поколебать) нас самих, то через нас колеблет слабейших, что и служит признаком их крайнего и ничем неизвиняемого бессилия. Так поступил он с Иовом, возбудив (против него) жену. *Рцы,* сказала она, *глагол некий ко Господу и умри* (Иов. II, 9). Смотри, в какое искушение ввел ее. Но почему (апостол) не сказал: поколебал, а: *искусил?* Потому, говорит, что я опасался только, не подвергались ли вы искушению. Искушения от диавола он не называет колебанием, потому что тот только поколебался, кто уже принял обаяние его. О, как велика сердобольность Павлова! Он не заботился о скорбях и наветах (которым сам подвергался). А я думаю, что в это время он там находился (среди искушений), так как Лука говорит, что в Элладе он пробыл *месяца три, бывшу нань навету от Иудей* (Деян. XX, 3).

2. Итак, он заботился не об опасностях, ему (угрожавших), но об учениках. Видишь ли, что он превзошел всякого отца по плоти? Мы в скорбях и опасностях перестаем помнить обо всех, а он так боялся и трепетал за детей, что даже того, кто был единственным для него утешением — Тимофея, сообщника и споспешника своего, послал к ним, (находясь сам) посреди опасностей. *И вотще,* говорит, *будет труд наш.* Почему? Ведь если бы они и совратились, то не по твоей вине, не по твоему нерадению. Но все же и в этом случае, по причине сильной братской любви, я считал бы труд мой потерянным. *Да не како искусил вы искушаяй.* Он искушает, не зная, одолеет ли. Но хотя бы он наступал и не зная, а мы знали бы, что мужественно преодолеем, ужели мы не должны трезвиться? А что нападает на нас, не зная (одолеет ли), это показал на Иове. Злой тот дух говорил Богу: *не ты ли еси оградил внешняя его, и внутренняя дому его? Коснися яже имать: аще не в лице тя благословит* (Иов. I, 10, 11). Искушает и, если видит нечто слабое, нападает, а если — сильное, отступает. *И вотще,* говорит, *будет труд наш.* Послушаем все, как трудился

Павел. Не сказал: дело, но: *труд;* не сказал: и вы погибнете, но: *труд наш.* Поэтому, если бы что-нибудь и случилось, то (случилось бы) то, что было вероятным; но так как не случилось ничего, то большое диво. Мы, говорит, ожидали того, а случилось противное. Мы не только не получили от вас никакого усиления печали, но даже утешение. *Ныне же,* говорит, *пришедшу Тимофею к нам от вас, и благовестившу нам веру вашу и любовь. И благовестившу,* говорит. Видишь ли великую радость Павла? Не сказал: возвестившу, но: *благовестившу,* столь великим благом он считает их твердость в вере и любовь! И необходимо, чтобы усиливалась последняя, когда пребывает непоколебимой первая. Потому он и радовался о любви их, что она была признаком их веры. *И яко,* говорит, *имате память о нас благу, всегда желающе нас видети, якоже и мы вас,* то есть с похвалами. Не только когда мы находились у вас и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы пребываем вдали от вас, терпим побои и переносим бесчисленные бедствия, вы имеете о нас добрую память. Послушайте, как восхваляют и как ублажают учеников, сохраняющих добрую память о своих наставниках. Будем подражать им: (через это) мы доставим пользу себе самим, а не тем, которых любим. *Желающе,* говорит, *нас видети, якоже и мы вас.* И это их радовало. Для любящего ведь весьма приятно и утешительно, если любимый знает, что он любим. *Сего ради утешихомся, братие, о вас, во всякой скорби и нужде нашей вашею верою: яко ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе.* Что может сравниться с Павлом, который спасение ближних считал за свое собственное, имея такое же отношение ко всем, какое тело к членам? Кто бы мог ныне говорить таким языком? Или лучше: кто бы мог когдалибо помыслить так? Он не хотел, чтобы они изъявляли благодарность ему за перенесенные им ради них искушения; но им изъявляет благодарность за то, что не поколебались по причине искушений, с ним случившихся, говоря как бы так: вам предстояло более опасности от искушений, чем нам; вы более подвергались искушениям, нежели мы, хотя вы и не страдали во время страданий наших. С тех пор, говорит далее, как Тимофей принес нам радостную весть, мы не чувству-

ем никакой горести, но *утешихомся во всякой скорби,* и не в скорби только, но и в *нужде нашей,* говорит. И подлинно, доброго учителя ничто не может смутить до тех пор, пока дела учеников текут по желанию его. *О вас утешихомся,* то есть вы нас подкрепили. Между тем, было наоборот, так как то, что они не изнемогли от страданий, а мужественно перенесли их, содействовало укреплению учеников. Но Павел представляет все с противоположной стороны и обращает это в похвалу им: вы, говорит, нас умастили, вы нам дали вздохнуть, вы не допустили нас до того, чтобы мы чувствовали искушения. И не сказал: мы воодушевились, не сказал также: мы утешились, – а что же. Мы *ныне живи есмы,* показывая этим, что и искушением и смертью для себя считает не иное что, как их преткновение, почему и жизнью (считает для себя) их преспеяние. Каким образом кто-либо иной высказал бы (так) и печаль о немощи учеников, и радость? Не сказал: радуемся, но: *живи есмы,* разумея жизнь будущую.

3. Итак, без этого жизнь не считаем жизнью. Таковы должны быть расположения наставников и учеников, – и тогда не будет ничего неуместного. Потом, распространяя эту мысль, смотри, что он говорит: *кое бо благодарение Богу можем воздати о вас, о всякой радости, еюже радуемся вас ради пред Богом нашим? Нощь и день преизлиха молящеся видети лице ваше, и совершити лишение веры вашея* (ст. 9–10). Вы, говорит, были для нас виновниками не только жизни, но и великой радости, – столь великой, что мы не в силах и возблагодарить достойно Бога. Успех ваш мы считаем, говорит, даром Божиим. Вы столько облагодетельствовали нас, что мы считаем это (делом совершившимся) по внушению Божию, или лучше – делом Самого Бога, так как столь возвышенные чувствования несвойственны человеческой душе и заботливости. *Нощь и день преизлиха молящеся.* И это признак радости. Как земледелец, слыша о своем поле, которое он возделал, что оно изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть сам то, что ему доставляет такое удовольствие, так и Павел – Македонию. *Преизлиха молящеся.* Заметь гиперболу! *Видети лице ваше и совершити лишение веры вашея.* Здесь возникает важный вопрос. Если ты теперь жив, потому что (фессало-

никийцы) устояли, и Тимофей благовестил тебе их веру и любовь, и ты исполнен столь великой радости, что не можешь достойно возблагодарить Бога, то как здесь говоришь ты о недостатке в их вере? Те слова не составляют ли лести? Никак, – да не будет! Выше он свидетельствовал, что они оказали великие подвиги и не менее перенесли, чем и церкви, находящиеся в Иудеи. Что же это значит? То, что они еще не всем учением воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться; и это он поясняет к концу (послания). А быть может, между ними были и состязания о воскресении, и много было таких, которые смущали их уже не искушениями и опасностями, но тем, что выдавали себя за учителей. Это-то он и называет: *лишение веры* и потому-то и выразился таким образом; не сказал: утвердити, но: *совершити*. Когда он страшился за самую веру, то *послах*, говорит, *Тимофея утвердити вас;* а здесь говорит: *совершити лишение*, что более относится к научению, нежели к утверждению, подобно тому, как и в другом месте говорит: *да будете совершенны во всяком деле блазе* (Евр. XIII, 21). Совершенное же – то, чему недостает немногого, и оно восполняется. *Сам же Бог и Отец наш, и Господь наш Иисус Христос да исправит путь наш к вам. Вас же Господь да умножит, и да избыточествит любовию друг ко другу и ко всем, якоже и мы к вам* (ст. 11, 12). Молиться не только внутренно, но и излагать молитву в послании, это – свойство чрезвычайной любви, свойство души пламенной и поистине непреоборимой, а также свидетельство о том, что молитвы приносились за них и там (в Элладе), и вместе оправдание в том, что они не пришли не по собственному произволу или нерадению. Он говорит как бы так: Сам же Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам иметь прямой к вам путь. *Вас же Господь да умножит и да избыточествит.* Видишь ли неудержимый порыв любви, выражающийся в этих словах? *Да умножит*, говорит он, *и да избыточествит*, – вместо: да возрастит. Как бы с преизбытком, так можно сказать, он желает быть любимым от них. *Якоже*, говорит, *и мы к вам*, то есть с нашей стороны уже есть (любовь к вам); желаем, чтобы была и с вашей. Видишь, куда хочет распространить эту любовь? Не

только друг к другу, но и ко всем. В том поистине обнаруживается любовь по Богу, что (она стремится) обнять собой всех. Если же ты одного любишь, а другого – нет, то твоя любовь – человеческая. Но наша не такова. *Якоже и мы к вам. Во еже утвердити сердца ваша непорочна во святыни пред Богом и Отцем нашим, в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его* (ст. 13). Показывает, что эта любовь приносит пользу им самим, а не тем, которых любят. Хочу, говорит, чтобы эта любовь преизбыточествовала настолько, чтобы не было никакого порока. Не сказал: утвердить вас, но: *сердца ваша, – от сердца бо исходят помышления злая* (Мф. XV, 19). Можно быть злым, не делая никакого зла, как то: иметь ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастиям, быть недружелюбным, держаться превратного учения: все это – дело сердца. Быть чистым от всего этого составляет святость. Правда, святостью главным образом и по преимуществу называется целомудрие, так же как и нечистотой – блуд и прелюбодеяние; но, вообще, всякий грех есть нечистота, и всякая добродетель – чистота: *блажени,* говорит (Спаситель), *чистии сердцем* (Мф. V, 8), разумея под чистыми чистых по всему.

4. Знаю, что и другие пороки не менее оскверняют душу. Что (вообще) порок оскверняет душу, послушай, что говорит пророк: *омый от лукавства сердце твое, Иерусалиме* (Иер. IV, 14), и еще: *измыйтеся, чисти будите, отъимите лукавства от душ ваших* (Ис. I, 16). Не сказал – *(отъимите)* блудодеяния, потому что не один блуд, но и прочие пороки оскверняют душу. *Утвердити сердца ваша непорочна во святыни пред Богом и Отцем нашим, в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его.* Судией тогда будет Христос; но мы не перед Ним, а и перед Отцом будем предстоять во время суда. Или здесь (апостол) разумеет то, что нам должно быть непорочными перед Богом, о чем и я всегда говорю, что именно – не перед лицом людей, а перед лицом Божиим, – в этом и состоит истинная добродетель. Итак, любовь делает непорочными, и притом воистину непорочными делает она. И когда я некоторому человеку однажды изъяснял это и говорил, что любовь делает нас непороч-

ными и что любовь к ближнему заграждает всякий вход греху, равно и о многом другом подробно рассуждал и говорил, тогда один мой знакомый, подойдя ко мне, сказал: «а что же блуд? Разве нельзя и любить и блудодействовать? Ведь и это происходит от любви. Любостяжание, прелюбодеяние, зависть, коварство и прочее тому подобное может удалить нас от любви к ближним; но блуд каким же, говорит, образом». Я сказал, что любовь может отсечь и это. Кто полюбит распутную женщину, тот будет стараться удалять ее и от других мужчин и сам не предаться греху с ней. Поэтому только тому, кто весьма ненавидит блудницу, свойственно творить с ней блуд, а истинно любящему ее – отклонять ее от этого постыдного дела. И нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви. Возрастим же эту любовь в душах своих, чтобы стать со всеми святыми. Ведь и они все благоудили (Богу) любовью к ближнему. Отчего Авель убит, а не убил? Конечно оттого, что, сильно любя брата, не мог и помыслить об этом. Откуда Каин воспринял яд зависти? Впрочем, я не хотел бы называть его и братом Авеля, так как не утвердились в нем незыблемо основания любви. Чем заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тем ли, что сильно любили отца и не могли видеть наготы его? А за что один подпал проклятию? Не за то ли, что не любил? Чем также Авраам прославился? Не любовью ли, с какой он заботился о племяннике, и тем, что ходатайствовал о содомлянах? Святые были весьма любвеобильны и сострадательны. Представь, как размягчается от любви Павел, даже огонь ни во что вменявший, адамантовый, твердый, непоколебимый, всегда сильный, проникнутый страхом Божиим, непреклонный! *Кто ны,* говорит он, *разлучит от любве* Христовой, *скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч* (Рим. VIII, 35)? Но и он, который так дерзает против всего этого и на суше и на море, который посмеивается и адамантовым вратам ада, которого решительно ничто не останавливало, – этот адамант, когда увидел слезы некоторых возлюбленных, до того был

сокрушен и растроган, что не мог скрыть сильного душевного волнения и тотчас сказал: *что творите плачуще и сокрушающе ми сердце* (Деян. XXI, 13)? Что ты говоришь, скажи мне? Эту адамантову душу могла сокрушить слеза? Да, отвечает, против всего могу устоять, кроме любви. Она одолевает меня и порабощает. Так угодно Богу. Бездна вод не сокрушила его, а немногие слезы сокрушили: *что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце?* Подлинно, велика сила любви! Хочешь ли видеть его опять плачущим? Послушай, что говорит он в другом месте: *три лета нощь и день не престаях уча со слезами единого когождо* (Деян. XX, 31). От великой любви он боялся, чтобы не приключилось какого-либо вреда. И еще: *от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами* (2 Кор. II, 4). Что же Иосиф, скажи мне, этот твердый, устоявший против такого насилия, проявивший столько доблести против такого пламени любви, так славно подвизавшийся и преодолевший такое неистовство госпожи? Что тогда не соблазняло его? И красивое лицо, важность сана, многоценность и великолепие одежд, благовоние ароматов, — ведь и это может разнеживать душу, слова самые нежные.

5. Вы знаете, что (женщина) любящая, и притом так сильно, не откажется ни от чего унизительного, приняв вид умоляющей (рабыни). До того поражена была страстью эта жена, носящая златотканые одежды и имевшая почти царское достоинство, что припадала, может быть, к коленам пленного раба, а может быть, и с плачем умоляла его, обнимая колена; и делала это не однажды, не дважды, а много раз. Тогда можно было видеть и ее весьма блестящий взор. Конечно, и украшалась она не кое-как, а с величайшей изысканностью, потому что старалась разными сетями уловить агнца Христова. Прибавь к этому и многие волхвования. И однако этот непреклонный, крепкий, твердый как камень, когда увидел братьев, которые его продали, ввергли в ров, предали, хотели убить, были виновниками его заключения в темницу и возвышения, когда от них услышал слова, опечалившие отца, — скажем, говорится, что он был пожран зверями (см.: Быт. XXXVII, 20), — поколебался, размягчился, смутился и заплакал, и, будучи

не в силах преодолеть душевного волнения, выходя (к братьям), *удержася* (Быт. XLIII, 31), то есть обтер слезы. Что это? Ты плачешь, Иосиф? Но предстоящее не слез достойно, а гнева и ярости, негодования и строгого наказания и отмщения. У тебя в руках враги, братоубийцы; ты можешь вполне удовлетворить своему гневу. Притом, это не будет несправедливостью, потому что не ты начнешь наносить обиды, а (только) отмстишь обидевшим. Не обращай внимания на свой сан: это случилось не по их намерению, а по воле Бога, изливающего на тебя милость Свою. Почему плачешь? Но он сказал бы: не дай Бог, чтобы я, приобрев у всех добрую славу, потерял все это через такое памятозлобие. Подлинно, (теперь) время слез. Я не лютее зверей: и те поступают согласно своей природе, какое бы зло ни потерпели. Я плачу, говорит, потому что меня это совершенно растрогало. Будем и мы подражать ему и станем оплакивать обидевших нас, а не гневаться на них, — они подлинно достойны слез, потому что соделывают себя повинными осуждению и наказанию. Я вижу, как вы теперь плачете, как радуетесь, удивляясь Павлу и изумляясь Иосифу, и ублажая (того и другого). Но если кто имеет врага, тот пусть его теперь приведет себе на память, пусть представит его в уме, чтобы сердце, пока еще оно согревается воспоминанием об этих святых, могло отложить ярость гнева и смягчить свою суровость и жестокость. Знаю, что по выходе отсюда, после того, как я перестану говорить, хотя и останется (в вас) некоторый жар и рвение, но уже не столь сильный, как теперь во время слушания. Итак, если кто покрылся инеем, то пусть отряхнет его. А памятозлобие действительно — иней и лед. Но воззовем к Солнцу правды, будем умолять Его, да ниспошлет лучи свои и не будет более жестокого инея, а будет вода, утоляющая жажду. Если огонь Солнца правды коснется нашей души, то ничего не останется в ней затверделого, ничего жестокого, ничего жгучего, ничего бесплодного. Все явится зрелым, все сладким, все исполненным великой приятности. Если будем любить друг друга, то этот луч низойдет (на нас). Дайте мне (возможность), умоляю, говорить об этом с усердием; пусть я услы-

шу, что вы от этих слов получили некоторую пользу, что кто-нибудь из вас, выйдя отсюда, тотчас простер обе руки своему врагу, обнял его, прижал, облобызал, заплакал! Если бы он был даже зверь, если бы камень, если бы что-нибудь другое, то и тогда он смягчился бы от такого дружелюбия. Отчего в самом деле он твой враг? Поносил тебя? Но не причинил никакой обиды. Не из-за денег ли ты презираешь враждующего брата? Прости его, – прошу; прекратим все. Время в нашем распоряжении, будем пользоваться им, как должно; разорвем греховные узы; прежде нежели предстанем на суд, сами рассудим друг друга. *Солнце,* сказано, *да не зайдет во гневе вашем* (Евр. IV, 26). Пусть никто не медлит. Замедление производит закоснение. Если промедлишь сегодня, будет больше стыда; еще больше, если отложишь до завтра; несравненно больше, если до послезавтра. Не будем же срамить самих себя, но отпустим, чтобы отпустилось нам. А если отпустится, то мы наследуем все блага небесные во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Темже, братие, просим вы и молим о Христе Иисусе, якоже приясте от нас, како подобает вам ходити и угождати Богови, да избыточествуете паче. Весте бо, какова повеления дахом вам Господем нашим Иисусом Христом. Сия бо есть воля Божия, святость ваша (1 Сол. IV, 1–3)

1. Довольно побеседовав о том, что не терпело отлагательства и было как бы под руками, и затем намереваясь уже приступить к тому, что постоянно (заслуживает внимания) и о чем всегда нужно слушать, (апостол) предпосылает такое слово: *темже убо,* то есть всегда и непрестанно, *просим вы и молим о Господе.* Смотри! Он не признает себя даже достойным умолять от своего имени, между тем как кто был в такой мере достоин этого? Он представляет Христа: Богом умоляем вас, говорит, – это именно и значит слово: *о Госпо-*

де. То же говорил и коринфянам: Бог вас молит через нас (см.: 2 Кор. V, 20). *Якоже приясте от нас.* Выражение *приясте* относится не к словам только, но и к делам. *Како подобает вам ходити.* Этим указывает на весь образ жизни. *И угождати Богови, да избыточествуете паче,* то есть чтобы вы, при умножении усердия, не останавливались на исполнении заповедей, но восходили бы и выше. Это и значит слово: *да избыточествуете.* В предыдущей беседе он выхваляет твердость их веры, а здесь научает преуспевать в жизни. Преспеяние же состоит в том, чтобы превосходить заповеди и постановления: тогда уже все совершается не по понуждению от наставника, а по собственной воле. Подобно тому, как земля должна производить не то только, что в нее брошено, так и душа должна не останавливаться на заповедях, ей предложенных, но восходить выше. Видишь ли, как справедливо сказал он — превосходить? Ведь добродетель совмещает в себе две стороны: уклонение от зла и делание добра. Поэтому, чтобы быть добродетельным, не довольно только уклоняться от зла, — в этом состоит начало (совершенства) и как бы путь, ведущий к добродетели; кроме того, еще нужно много усилий. Поэтому, правила касательно того, чего должно избегать, предлагает им в виде повеления. И справедливо, потому что делание того, чего должно избегать, влечет за собой наказание, а неделание не заслуживает вовсе похвалы. Между тем дела добродетели, как, например, раздаяние имущества и тому подобные, предлагает уже не в виде повеления, а как? *Могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 12). Вероятно, в этом послании (апостол) напоминает им о том же, о чем говорил уже со многим опасением и страхом, — о святости. Поэтому не излагает самых повелений, а только напоминает им о них. *Весте бо,* говорит, *какова повеления дахом вам Господем нашим Иисусом Христом. Сия бо есть воля Божия, святость ваша.* Заметь, что он никогда ни на что иное так часто не намекает, как на это. И в другом месте пиша, заповедует: *мир гоните и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14). И что удивляться, если он везде пишет об этом ученикам, когда даже в послании Тимофею сказал: *себе чиста соблюдай* (1 Тим. V, 22)? И во вто-

ром послании к коринфянам говорил: *в терпении мнозе, в пощениих во очищении* (2 Кор. VI, 4, 5, 6). И во многих местах можно найти это: и в послании к римлянам, и во всех других посланиях. И подлинно, это зло для всех пагубно. Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все наполняет зловонием и поражает чувство отвратительным запахом, так и блуд; зло это омывается с трудом. Когда же делают это и имеющие жен, то какое это крайнее безумие? *Сия бо есть,* говорит, *воля Божия, святость ваша, храните себе самех от* всякого *блуда.* Много видав бесчиния, многообразны и многоразличны любострастные наслаждения, о которых и говорить несносно. Сказав же: *от* всякого *блуда,* оставляет (перечисление видов) знающим. *Ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести. Не в страсти похотней, якоже и языцы неведящии Бога* (ст. 4, 5). *Ведети,* говорит, *комуждо от вас свой сосуд стяжавати.* Следовательно, надобно учиться, и много, чтобы не предаваться нечистоте. Следовательно, когда сосуд чист и пребывает в святости, мы владеем им; когда же нечист, тогда владеет им грех. И действительно, потому что он делает тогда не то, чего мы хотим, но то, что повелевает грех. *Не в страсти похотней,* говорит. Здесь показывает и способ, как должно уцеломудряться, то есть отсекая страсти похотения. Действительно, и роскошь, и богатство, и леность, и нерадение, и праздность, – все это приводит нас к гнусной похоти. *Якоже,* говорит, *и языцы неведящии Бога;* язычники же таковы потому, что не ожидают будущего наказания. *Еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата* (ст. 6).

2. Хорошо сказал: *не преступати.* Бог каждому дал жену и положил пределы природе, именно совокупление с одной. Поэтому совокупление с другой есть уже преступление, и разбой, и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя, потому что мы не столько скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом и причиняешь обиду в том, в чем (преимущественно) не должно? Здесь (апостол) говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Так как он намеревался сказать о том, чтобы не поступать с братом проти-

возаконно и корыстолюбиво, то, предупреждая (ложное толкование), он говорит: не подумай, что я говорю это только о братьях; нет, любодействовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними, и (вообще) не должно иметь жен общих; должно хранить себя от всякого блуда, – почему и прибавляет: *зане мститель есть Господь о всех сих.* Сперва он умолял, заставлял краснеть, говоря: *якоже и языцы;* потом посредством доводов показал гнусность дела, употребив выражение: *лихоимствовати брата:* наконец присовокупляет главное: *мститель есть Господь о всех сих, якоже и прежде рекохом к вам и засвидетельствовахом.* Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. *Не призва бо* нас *Бог на нечистоту, но во святость* (ст. 7). Так как он сказал: *(лихоимствовати в вещи) брата,* и присовокупил, что *Господь отмщает,* то этими словами внушает, что нанесший обиду не останется без наказания и тогда, когда претерпевший ее будет неверный. Смысл его слов такой: Бог накажет тебя не с целью отомстить за него, но потому, что ты в нем оскорбил Самого Бога; Он тебя призвал, а ты Призвавшего оскорбил. Поэтому (апостол) присовокупил: *темже убо отметаяй, не человека отметает, но Бога, давшаго Духа своего святаго в нас* (ст. 8). Таким образом, говорит, одинаковое совершишь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что (Бог) мстит не за лица, тобой оскорбленные, но за Себя; а ты одинаково осквернил себя, одинаково оскорбил Бога. Ведь и то и другое есть прелюбодеяние, так как и то и другое – брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмщает, так как Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу; это видно из того, что от мужа по крайней мере скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какой-либо женщиной, – кого бы он оскорбил: женщину или царя, удостоившего его награды. Оскорблена

была бы, конечно, и она, но не столько. Поэтому, умоляю, будем хранить себя от этого греха. Подобно тому, как мы наказываем жен, когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога, потому что и это есть прелюбодеяние. Прелюбодеяние ведь бывает не только тогда, когда прелюбодействует (женщина), связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женатый. Внимательно слушай, о чем я говорю. Хотя для многих и тяжко, что я говорю, но сказать об этом необходимо, чтобы впоследствии исправиться. Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также прелюбодеяние, когда, сами будучи женаты, (совершаем блуд) с отпущенной и свободной. Что из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. За что, в самом деле, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд с свободным и не имеющим жены мужчиной? За прелюбодеяние (скажешь), так как хотя соблудивший с ней не имеет жены, но она замужняя. Следовательно, если и ты женат, то и твой поступок одинаково прелюбодеяние. *Отпущаяй жену свою,* говорится, *разве словесе любодейнаго, творит ю прелюбодействовати, и иже пущеницу поимет, прелюбодействует* (Мф. V, 32). Если женящийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли более виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с ней, имея свою жену? Конечно, это для всякого очевидно. Но для вас, мужья, довольно будет того, что сказано; а о таковых и Христос говорит: *червь их не умирает, и огнь не угасает* (Мк. IX, 44). Однако надобно говорить к вам ради юношей, или, лучше, не столько ради них, сколько ради вас; не к ним это идет, а к вам. Как именно — сейчас скажу. Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодейства; а осквернившийся с блудницами, скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными.

3. Итак, какое преподам вам наставление? Чтобы отсечь самые корни (зла), пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака.

Так как еще в юности возмущают их страстные пожелания, то до времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами; а когда наступит пора брака, пусть никто не медлит связывать детей своих брачными узами. Не правда ли, что я говорю, точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павел не стыдился, когда говорил: *не лишайте себе друг друга* (1 Кор. VII, 5). Этого, по-видимому, более надлежало стыдиться, однако он не стыдился, потому что обращал внимание не на слова, а на поступки, которые (хотел) исправить при помощи слов.

Итак, когда сын возрастет, то прежде, чем вступит в воинское звание, или в другой род жизни, позаботься о его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламень (страсти). Если же он узнает, что ты нерадишь об этом, и медлишь, и выжидаешь, когда он будет получать большие доходы, чтобы тогда женить его, то, придя в отчаяние от долгого ожидания, легко устремится к блуду. Но, – увы, – и здесь корень зла составляет сребролюбие! И так как никто не заботится о том, чтобы сделать сына целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения (о целомудрии), то умоляю вас прежде всего заботиться о их душах. В самом деле, если он вступит в брак с невестой непорочной, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и страха Божия будет больше, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и не скверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения; и будут угождать друг другу – жених и невеста, так как, будучи оба незнакомы с привычками других людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своей женой, а затем скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному смеху, – будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой дру-

гой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустит этого и не позволит осквернять себя. Она вышла замуж для сожительства и для деторождения, а не для распутства и смеха, для того, чтобы беречь дом, чтобы научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие. Но тебе приятными являются телодвижения блудницы? Знаю. И Писание говорит об этом: *мед каплет от уст жены блудницы* (Притч. V, 3). Для того я и говорю все это, чтобы ты не отведывал этого меда, так как он тотчас обращается в желчь. То же самое говорит и Писание: *яже на время наслаждает твою гортань, последи же горчае желчи обрящеши, и изощренну паче меча обоюду остра* (ст. 3, 4).

Что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по доброй воле делаю это, а вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Много подобного мы видим и в Писании. Так Иезекииль, укоряя Иерусалим, много говорит подобного, – и не стыдится. И справедливо. Ведь не по собственному желанию говорил он это, но из благопопечительности. Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но цель не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души. Действительно, если не услышит таких слов бесстыдная душа, то не устрашится. Как врач, желая пресечь гниение, сперва влагает персты в раны и, если прежде не осквернит целебных рук, то не сможет уврачевать, так и я. Если сперва не оскверню уст, исцеляющих ваши страсти, то не смогу вас исцелить. Лучше же сказать, здесь уста точно так же не оскверняются, как там руки. Почему именно? Потому, что это не есть нечистота естественная, и не от нашего тела происходит она, подобно как и там – не от рук врача, но от чужих (ран). Если же там он не отказывается вкладывать свои руки в чужое тело, то здесь, где наше тело, скажи мне, откажемся ли мы? А вы – наше тело, хотя больное и нечистое, но все же наше.

4. Итак, что же значит то, что я говорю, и для чего я сделал такое наставление? Одежды, которую носит раб,

конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели пользоваться ею; а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю о всем остальном, о развращении и нечистоте нравов, и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же (ходишь) и ты, и раб твой? И о, если бы только раб, – но ведь и палач! Ты не решился бы взять палача за руку; между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить; впрочем, и вы не изъяты от наказания. Если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Те, которые могли (преодолеть), будут вашими обвинителями, потому что они одной с вами природы. Послушайте, что говорит Павел: *мир гоните и святыню,* без которой *никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14). Ужели эта угроза не может устрашить вас? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте; а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно препобеждали похоть; а ты и однажды не устоял? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиной, потому что тогда все юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаем на костер. В самом деле, когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь женщин, являющихся как бы в образе (обнаженного) тела; когда и зрелище, и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорят, полюбила такого-то, и не имела успеха и удавилась; когда предаются даже преступной любви к матерям; когда

все это принимаешь в себя и через слух, и через женщин, и через образы, и даже через стариков-мужчин (ведь и из них многие, надев на себя маски, представляют нам женщин), — то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу и потом уступят место таким же сновидениям, потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает? Итак, если там и дела видишь срамные, и речи слышишь еще срамнейшие, если раны получаешь, а лекарства не принимаешь, — то как, в самом деле, не увеличиться гнилости? Как не усилиться болезни, и притом в гораздо большем размере, нежели это бывает в телах наших? Воля, если только захотим, легче принимает исправление, нежели тело. Там нужны и лекарства, и врачи, и время; а здесь довольно захотеть, чтобы быть или добрым или злым. Поэтому в тебе усилилась болезнь. Итак, если мы собираем только то, что вредит нам, а о том, что приносит пользу, нимало не помышляем, то как можем мы быть здоровыми? Потому-то Павел и сказал: *якоже языцы неведящии Бога.* Если язычники, не ведущие Бога, часто бывают целомудренны, то какой стыд и страх должен овладеть нами? Мы хуже их, и потому должны стыдиться. Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда не легко избегнуть. Что легче, как ходить на площадь? Но, по причине великой изнеженности, и это сделалось трудным, не для женщин только, но даже и для мужчин. Что легче сна? Но и это сделали мы трудным. Много богачей всю ночь ворочаются с боку на бок, потому что ложатся спать, не дожидаясь, когда появится потребность сна. И вообще ничто нетрудно при нашем желании, равно как ничто нелегко при нашем нежелании. Мы над всем властны. Потому-то и (говорит) Писание: *аще хощете, и послушаете мене;* и еще: *аще не хощете, ниже послушаете мене* (Ис. I, 19, 20), — так что все зависит от желания или нежелания, и в зависимости от этого мы и заслуживаем наказания или похвалы. О, если бы мы, находясь в числе заслуживших похвалу, сподобились получить обещанные блага,

благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

О братолюбии же не имамы потребы, да пишется к вам. Сами бо вы Богом учени есте, еже любити друг друга. Ибо и творите то ко всей братии сущей во всей Македонии (1 Сол. IV, 9—10)

1. Что это значит, что (апостол), много побеседовав с ними о целомудрии и намереваясь столь же пространно говорить о том, что должно трудиться и не скорбеть об умерших, главу всех благ – любовь как бы отлагает в сторону, говоря: не имеем нужды, *да пишется к вам?* Это тоже проистекает из великого благоразумия и духовной его мудрости. Он через это достигает двух целей: во-первых, показывает, что эта добродетель до того необходима, что не нужно и учиться ей, так как всякому известно то, что имеет особенную важность для всех; во-вторых, выражаясь таким образом, он больше вразумляет их, чем в том случае, если бы обратился к ним прямо с назиданием. Предполагая, что они ведут жизнь праведную, – хотя бы они и не жили так, – и потому не побуждая их к этому, он скорее приводит их (к такой жизни). И заметь, не говорит о любви ко всем, но о любви к братии. Не имеем нужды, *да пишется к вам.* Конечно, если не было нужды, то надлежало молчать и не говорить ничего. Но теперь, говоря, что нет нужды, он сделал более, нежели когда бы сказал (то есть о любви). *Сами бо вы Богом учени есте.* Смотри, какую воздает им честь, говоря, что Сам Бог учит их этому! Вам не нужно, говорит, учиться у человека. Об этом и пророк говорит: *и будут вси научени Богом* (Ис. LIV, 13; ср. Ин. VI, 45). *Сами бо вы Богом учени есте, еже любити друг друга. Ибо и творите то ко всей братии, сущей во всей Македонии:* и ко всем другим, говорит. Это служит сильным побуждением исполнять (долг любви). И не без основания говорю, что *вы Богом учени есте,* но знаю это из дел ваших. Так и об этом он многое сказал им. *Молим же вы,*

братие, избыточествовати паче, то есть более преуспевать, *и любезно прилежати, еже безмолвствовати, и деяти своя, и делами своими руками, якоже повелехом вам, да ходите благообразно ко внешним, и ничесоже требуете* (ст. 11–12). Здесь дает разуметь, скольких зол причиной бывает праздность, и, напротив, скольких благ – трудолюбие, и объясняет это, ссылаясь на то, что бывает между нами. Он часто поступает так и делает очень благоразумно, потому что таким образом легче вразумляются люди, нежели при помощи умозрений. Долг любви к ближним состоит в том, чтобы не от них принимать, но им давать. Заметь его благоразумие: намереваясь наставлять и увещевать их, он начинает говорить о том, что видит хорошего у них, чтобы они ободрились после прежних увещаний и упрека (выраженного) в словах: *темже убо отметаяй не человека отметает, но Бога,* и чтобы таким образом не отпали. А это зависит от трудолюбия, чтобы не принимать (от других ничего) и не жить в праздности, но трудясь, давать другим: *блаженнее есть,* сказано, *паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35). *И делати,* говорит, *своими руками.* Итак, где пребывают ревнующие только о духовном подвиге? Видишь, как он отнял у них всякий предлог к извинению себя, сказавши: своими руками. Совершает ли кто руками пост? Всенощное бдение? Возлежание на голой земле? Конечно, никто не скажет этого; он говорит о труде духовном, потому что давать другим от своих трудов есть подвиг подлинно духовный, и ничего нет равного ему. *Да ходите,* говорит, *благообразно.* Видишь ли, каким образом он обращается с ними? Не сказал: не срамите себя, нищенствуя; но дал понять то же самое, хотя и употребил снисходительный способ выражения, чтобы и дать почувствовать им (как это неприлично) и не слишком огорчить их. В самом деле, если собратия наши соблазняются таковыми, то внешние, которые изыскивают тысячу обвинений и укоризн, тем более соблазняются, когда видят, что человек здоровый, могущий прокормить себя, просит милостыни и нуждается в пособии других. За то и называют нас христопродавцами: этим, говорит, *имя Божие хулится* (Рим. II, 24). Но он ничего такого не выставил на вид, а только то, что

особенно могло тронуть их, именно – неблагочиние. *Не хотим же вас, братие, неведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования* (ст. 13).

2. Их, как и всех людей, особенно сокрушали эти два бедствия – бедность и скорбь. Смотри же, как он врачует их. Бедность произошла у них от разграбления их имущества. Если же питаться трудами он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим. А что их имущество было разграблено, это видно из слов: *вы подобницы бысте, братие, церквам сущим во Иудеи* (1 Сол. II, 14). Чем? Тем, что, пиша к последним, (он то же) сказал: *и разграбление имений ваших с радостию приясте* (Евр. X, 34). Потом здесь говорит о воскресении, – и для чего? Разве он не говорил им об этом? Но здесь имеет в мысли некую другую тайну. Какую же именно? *Яко мы,* говорит, *живущии, оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити умерших.* Конечно, слово о воскресении может утешить скорбящих, а сказанное теперь может соделать воскресение достоверным. Но мы прежде должны сказать о том, о чем и сам (апостол) сказал: *не хощу же вас, братие, неведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочий не имущий упования.* Смотри, как и здесь говорит кротко! Не сказал им, как коринфянам: вы столь бессмысленны, столь безрассудны, что, зная о воскресении, скорбите, как неверующие; но сказал весьма кротко: *не хощу,* из уважения к другой их добродетели. И не сказал: *об умерших,* – тотчас, в самом начале подавая утешение.

Да не скорбите, говорит, *якоже прочии не имущии упования.* Следовательно, скорбеть об отшедших свойственно неимущим упования. И подлинно. Душа, совершенно не зная о воскресении и эту смерть почитая смертью, естественно скорбит (об умерших), как о погибших, сетует и безутешно плачет; а ты, чающий воскресения, для чего плачешь. Итак, плакать свойственно неимущим упования. Послушайте, жены, которые любите плакать и предаетесь безмерной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбеть об умерших свойственно язычникам, то, скажи мне, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачем плачешь

ты, если веруешь, что умерший воскреснет, что он не погиб, что смерть есть сон и покой? Затем, говоришь, что я лишилась в нем супруга, защитника, попечителя и помощника во всех делах и нуждах. Но когда ты лишилась сына в младенческом возрасте, который еще ничего не мог для тебя сделать, тогда о чем плачешь, о чем жалеешь? Он, говоришь, подавал добрые надежды, и я ожидала, что он будет иметь обо мне попечение. Вот почему я сожалею о муже, вот почему о сыне, вот почему терзаюсь и рыдаю, не потому, чтобы я не веровала в воскресение, но потому, что стала беспомощной и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всем, утешителя. Вот почему плачу я. Знаю, что он воскреснет, но не могу переносить и временной разлуки. Множество угрожает мне неприятностей: всякий, кто бы ни захотел, может обидеть меня; рабы, прежде боявшиеся, теперь презирают и наносят оскорбление: кто был облагодетельствован умершим, тот забыл его благодеяния, кто был им обижен, тот по злобе к нему изливает гнев на меня. Вот почему я не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько, вот почему терзаюсь, вот почему плачу. Итак, чем утешим их? Что скажем? Чем утолим печаль их? Во-первых, я постараюсь доказать им, что плач их происходит не от этих причин, а от безрассудной страсти. В самом деле, если ты по этим причинам скорбишь, то тебе надлежит по умершем скорбеть беспрестанно. Если же по прошествии одного года ты до того забываешь его, что как будто ничего не случилось с тобой, то очевидно оплакиваешь не умершего и не покровительство его. Но ты не можешь перенести разлуки и прекращения супружества? Что же скажут вступившие во второй брак? Конечно, они уже не жалеют о прежних мужьях. Впрочем, не к ним мы обратим слово, а к тем, которые питают искреннюю привязанность к умершим. Почему плачешь ты о сыне, почему о муже? О первом, говоришь, потому, что он не принес мне ожидаемой радости, а о втором потому, что я надеялась долее делить с ним радости. Но не дело ли крайнего неверия думать, что муж или сын защитят тебя, а не Бог? Как тебе не придет на мысль, что ты этим оскорбляешь Бога? Для того ведь он часто и от-

нимает их, чтобы ты не была привязана к ним до такой степени, чтобы на них единственно возлагать свои надежды. Бог ревнив и хочет, чтобы мы более всего любили Его, и это происходит из того, что Он весьма любит нас. Вы ведь знаете, что таково свойство пламенно любящих: они крайне ревнивы и скорее согласны потерять жизнь, нежели видеть торжество своих соперников. Поэтому Бог и отнял его, – именно по этим причинам.

3. В самом деле, почему, скажи мне, в древности не было преждевременного ни вдовства, ни сиротства? Почему Аврааму и Исааку (Бог) позволил жить долгое время? Конечно потому, что (Авраам), еще когда́ жил (Исаак), предпочел ему Бога. Бог сказал: заколи, и он заколол. Почему лета Сарры он продолжил до такой старости? Потому, что во все время ее жизни Авраам слушался более Бога, нежели ее. Поэтому-то Бог и сказал ему: (послушай Сарры жены твоей) (см.: Быт. XXI, 12). Тогда никто не навлекал на себя гнева Божия ни любовью к мужу, ни любовью к жене, ни заботливостью о сыне. Ныне же, так как мы пристрастны к земному и глубоко пали, и мужья больше любят жен, нежели Бога, а жены больше почитают мужей, нежели Бога, то Он против воли нашей хочет заставить нас любить Себя. Не люби мужа больше, чем Бога, и никогда не испытаешь вдовства, а хотя бы оно и постигло тебя, не почувствуешь его (тяжести). Почему? Потому что покровителем ты имеешь Бессмертного, более любящего тебя. Если ты Бога любишь больше, то не плачь: более Любимый бессмертен и не попустит сокрушаться о потере того, кого ты меньше любишь. Поясню тебе это примером. Если бы ты имела мужа, во всем поступающего по твоему желанию, почтенного, ради которого и тебя всюду уважали бы и почитали, уважаемого всеми, умного, рассудительного, любящего тебя, если бы ты была с ним счастлива и прижила с ним дитя, которое потом, не достигши зрелого возраста, умерло бы, – то, скажи мне, неужели бы ты стала сокрушаться от скорби? Нет, – потому что потерю его восполнил бы более тобой любимый (муж). Так и в настоящем случае, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Он, конечно, не скоро возьмет

его, а если бы и взял, то ты не стала бы горько скорбеть. Поэтому-то и блаженный Иов нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти детей, — потому что больше любил Бога, нежели их. Следовательно, эта потеря не могла опечалить его, потому что жив был Тот, Кого он любил. Что говоришь ты, жена? Муж или сын был бы тебе защитой? А Бог разве не печется о тебе? А его самого кто дал тебе? Не Он ли? А тебя кто сотворил? Не Он ли? Ужели Тот, Который привел тебя из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, вложил ум, благоволил даровать тебе познание о Себе, и Который Сына Своего единородного не пощадил для тебя, не жалеет тебя, а пожалеет тебя такой же, как и ты, раб? Какой великий гнев возбуждают слова эти! Что подобное получила ты от мужа? Ничего не можешь указать. Если он и оказал тебе какое-либо благодеяние, то сделал это, будучи наперед облагодетельствован тобой. Но о Боге никто ничего подобного сказать не может: Бог не потому благотворит нам, чтобы воздать за наши прежде оказанные Ему благодеяния, но, не имея ни в чем нужды, по одной Своей благости благотворит роду человеческому. Он обещал тебе царство, даровал жизнь вечную, славу, братство, усыновление, сделал сонаследницей Единородного; а ты после стольких благ воспоминаешь еще о муже? Что такое он даровал тебе? (Бог) повелел взойти солнцу Своему, послал дождь, питает плодами, ежегодно произрастающими. Горе нам, крайне неблагодарным! Для того Бог и отнимает мужа, чтобы ты не была (исключительно) привязана к нему, а ты, еще и по смерти его, желала бы иметь его, и оставляешь Бога, тогда как должна благодарить Его и всецело обратиться к Нему. Что получала ты от мужа? Болезни чадородия, труды, оскорбления, частые укоризны, выговоры и огорчения, — не это ли (терпят жены) от мужей? Но, с другой стороны, есть, говоришь, и выгоды. Какие же это? Он наряжал тебя в дорогие одежды? Возлагал на лицо твое золотые украшения? Заставлял всех уважать тебя? Но если ты захочешь, то (Бог) украсит тебя украшением гораздо лучшим, нежели умерший. Честность более украшает женщину, нежели золотые уборы. Есть и у этого Царя

одежды, но не такие, а гораздо лучшие. В эти-то одежды, если хочешь, нарядись. Какие же это? Это риза, с рясны златыми, которой, если хочешь, облеки душу. Но при нем я не была в презрении у людей? Что ж в этом важного? Зато вдовство воспрепятствует тому, чтобы ты подвергалась поруганию от демонов. Тогда ты управляла рабами своими, если подлинно управляла; а теперь, вместо прислуги домашней, ты имеешь власть над бесплотными силами, началами, властями, — над миродержителем. Кроме того ты не говоришь о неприятностях, которые ты с ним разделяла, каковы, например, опасение начальников, предпочтение ему сверстников? Теперь ты свободна от всего этого — от страха и боязни. Но ты заботишься, кто будет кормить оставшихся детей? Отец сирот! Кто дал их, скажи мне? Не слышишь ли, что Христос говорит в Евангелии: *не душа ли больши есть пищи и тело одежди* (Мф. VI, 25)?

4. Видишь ли, что причина плача не во вдовстве, а в неверии? Но после смерти отца дети становятся не столь знаменитыми? Почему же? Бога имеют отцом, — и становятся менее знаменитыми? Сколько укажу тебе воспитанных вдовами и приобретших известность! Сколько, напротив, таких, которые воспитались при отцах и между тем погибли! Если ты с юных лет будешь воспитывать их, как должно воспитывать, то это для них будет гораздо благодетельнее, нежели если бы они пользовались покровительством отца. А что действительно воспитывать детей обязаны вдовы, послушай, что говорит Павел: *аще чада воспитала есть* (1 Тим. V, 10), и еще: *спасется же чадородия ради* — не сказал: мужа ради, — *аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием* (1 Тим. II, 15). С юных лет внушайте им страх Божий, — и он сохранит их лучше всякого отца, он будет стеной нерушимой. Ведь когда этот страж обитает внутри нас, то нам не нужны никакие внешние ограждения; а когда нет его, тщетно все внешнее. Он будет для них и богатством, и славой, и украшением; он сделает их славными не на земле только, но и на небесах. Не смотри ни на опоясанных золотыми поясами, ни на тех, которые ездят на конях, которые за заслуги предков блистают в царских

чертогах и которые ходят с провожатыми и пестунами. Может быть, это заставляет вдов плакать над судьбой сирот, потому что каждая из них думает, что вот и мой сын, если бы у него жив был отец, наслаждался бы таким же счастьем, а теперь он в унижении и неизвестности, так что никто даже не хочет с ним говорить. Но не об этом, женщина, думай, а воспари мыслью за врата небесные, рассмотри там царские чертоги, воззри на сидящего там Царя, помысли, могут ли эти земные счастливцы быть там славнее твоего сына – и тогда скорби. А об этом не нужно и думать, что кто-либо знаменит на земле. Он может, если хочешь, соделаться воином на небесах, может в это записаться воинство. Записанные там не на конях ездят, а носятся на облаках, не по земле ходят, а восхищаются на небо, и провожатыми имеют не рабов, а самих ангелов. Они предстоят не царю смертному, а бессмертному, Царю царствующих и Господу господствующих; не кожаными поясами опоясаны по чреслам, но той неизреченной славой, ради которой они становятся знаменитее самих царей и вообще всех людей, когда-либо прославившихся. В тех царских чертогах требуется не богатство, не благородство и не другое что-либо, а только добродетель, и, если есть она, то ничего больше не нужно для того, чтобы стать в ряду первых. Если будем судить правильно, то ничего не найдем такого, что бы могло нас огорчать. Посмотри на небо и гляди, насколько оно блистательнее крова царских чертогов. Если же подножие горних царских чертогов до такой степени величественнее дольних, что последние в сравнении с первыми можно почесть грязью, то каким блаженным почел бы себя тот, кто удостоился бы подробно рассмотреть самые эти царские чертоги? *А сущая*, говорит, *истинная вдовица, и уединена, уповает на Бога* (1 Тим. V, 5). К кому это сказано? К тем, которые имеют детей, потому что они более достойны почтения и больше имеют средств угождать Богу, так как у них расторгнуты все узы. Некому удерживать их, некому принуждать их, чтобы они влачили эти цепи. Ты разлучена с мужем, но соединена с Богом; не имеешь собеседником равного тебе раба, но имеешь Господа. Когда молишься, то не с Богом

ли беседуешь, скажи мне? Когда читаешь, то внимай, как Он с тобой беседует. Но что Он говорит тебе? Слова, несравненно сладостнейшие, чем говорит муж. Если муж и говорит ласково, то невеликая бывает честь, – потому что он такой же раб (как и ты); но когда Господь говорит ласково к рабе, то это признак высочайшего благоволения. Как же Он утешает нас? Послушай, в каких словах Он выражает это. *Приидите*, говорит, *ко мне вси труждающиися и обремененнии, и аз упокою вы* (Мф. XI, 28). И еще через пророка взывает, говоря: *еда забудет жена, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет жена, но аз не забуду, глаголет Господь* (Ис. XLIX, 15). Какая нежная любовь в этих словах! И еще: *обратитеся ко мне;* и в другом месте: *обратися ко мне, и спасешися* (Ис. XLV, 22 и XLIV, 22). Если же кому угодно заимствовать (изречение) из книги Песнь Песней, то, читая эти таинственнейшие песни, он услышит, как Господь говорит преданной Ему душе: *добрая моя, голубице моя* (Песн. II, 10)! Что сладостнее этих слов? Видишь, как Бог говорит с людьми? Что же, скажи мне? Разве не знаешь, сколько у этих блаженных жен умерло детей и покоятся в гробах, – как многие из них потерпели еще большие несчастья, лишившись вместе с мужьями и детей? На это будем обращать внимание, об этом будем помнить, – и ничего скорбного не будет для нас, но будем проводить все время в духовной радости, и насладимся вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Не хощу же вас, братие, не ведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования (1 Сол. IV, 13)

1. Многие предметы повергают нас в скорбь потому только, что мы не знаем их, когда же хорошо узнаем их – отлагаем скорбь. Указывая на это, Павел и сказал: *не хощу же вас не ведети, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упо-*

вания. Чего не хочешь ты, чтобы они не знали? Учения, говорит, о воскресении. Но почему не говоришь о наказании, которое ожидает людей за незнание учения о воскресении? Потому, что это (само собой) открывается из этого учения и всеми признается. Между тем и от этого будет немаловажная польза. Он говорит с ними так, не потому что они не верили в воскресение, но потому что, несмотря на эту веру, они оплакивали (умерших). Именно, иначе он говорит с неверующими, иначе – с ними; а они, как видно из того, что исследовали времена и лета, знали (о воскресении). *Аще бо,* говорит, *веруем, яко Иисус умре и воекресе и оживе, тако Бог и усопшия во Иисусе приведет с Ним* (ст. 14). Где отвергающие плоть? Если он не принял плоти, то и не умер; если же не умер, то и не воскрес. Каким же образом он приводит этим нас к вере? Не подумают ли они о нем, что он обманщик и льстец? Если смерть есть следствие греха, а Христос не согрешил, то каким образом это может служить для нас назиданием? Притом, почему сказал он: *якоже прочии не имущии упования!* Он рассуждал как бы так: кого вы, люди, оплакиваете, о ком скорбите – о грешниках ли или просто об умирающих? Те (неимущие упования) оплакивают (умерших), потому что все умершие – для них ничто. *Перворожден,* говорит, *из мертвых* (Кол. I, 18), то есть начаток. Следовательно, должны быть и другие. Заметь притом, что здесь не приводит ни одного доказательства от разума, – потому что они были люди простые. Между тем, когда писал к коринфянам, он сперва много привел доказательств и от разума, и потом уже присовокупил: *безумне, ты еже сееши не оживет* (1 Кор. XV, 36). (Сказанное здесь) более имеет силы тогда, когда беседа ведется с верным; но какую это может иметь силу для неверующего? *Тако Бог,* говорит, *и усопшия во Иисусе приведет с ним.* Опять *усопшия,* нигде не говорит: умершие. Но о Христе сказал: *умре,* потому что присовокупил: *и воскресе,* а здесь: *усопшия во Иисусе,* разумея или усопших в вере Иисусовой, или то, что через Иисуса (Бог) приведет усопших, то есть верных. Еретики говорят, будто здесь он разумеет крещеных. Но отчего употребил выражение – *тако?* Ведь Иисус не уснул через крещение.

Почему же говорит: *усопшия?* Потому что рассуждает не о всеобщем, а о частном воскресении. *Усопшия во Иисусе приведет,* говорит он, и во многих местах говорит таким образом. *Сие бо вам глаголем словом Господним, яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити усопших* (ст. 15). Говоря о верных, сказал: *и усопшия во Христе,* и еще: *мертвии востанут.* Потом говорит не о воскресении только, но о воскресении и о чести, какой будут они окружены, находясь в состоянии прославления. В воскресении, говорит, все будут участвовать; но в славе не все, а только усопшие во Христе. И так как он хочет утешить их, то утешает не только говоря им о воскресении, – они уже знали о нем, – но и о великой чести и быстроте (с какой последует воскресение). Желая утешить их ожидающей их честью, далее говорит: *и всегда с Господем будем,* и еще: *восхищены будем на облацех.* Как же верные умирают во Иисусе? Очевидно, имея Христа в себе. А слова *приведет с ним* дают разуметь, что будут собраны из многих мест. *Сие бо вам,* говорит, *глаголем словом Господним.* Намеревался сказать нечто необыкновенное и потому присовокупил удостоверение. *Словом Господним,* говорит, то есть мы говорим не сами от себя, но узнавши от Христа, *яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити усопших.* То же говорит и в послании к коринфянам: *вскоре во мгновении ока* (1 Кор. XV, 52); но здесь в удостоверение воскресения представил способ (каким должно оно совершиться).

2. И так как дело представляется трудноисполнимым, то он показывает, что столь же удобно могут быть восхищены умершие, как и живые. Употребив выражение – *мы,* он имеет в виду не себя, так как не располагал оставаться (в живых) до воскресения, но разумеет верных. Поэтому присовокупил: *оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших.* Он как будто говорил так: когда слышишь, что живущие тогда не предварят истлевших, в прах обратившихся, умерших за несколько тысяч лет, то не представляй себе в этом какой-нибудь трудности, – Бог творит это, а для Него столь же легко привести оставшихся целыми, как и истлевших. Есть, правда, такие, которые не верят этому, потому что не

знают Бога. Но скажи мне, что легче, из небытия ли привести в бытие, или снова восставить истлевшее?

Что, однако же, они говорят? Такой-то потерпел кораблекрушение и утонул; утонувшего схватили многие рыбы, и каждая из рыб съела по части. Потом из этих самых рыб одна поймана в одном, другая – в другом заливе и съедена одна одним (человеком), а другая – другим. И опять, эти люди, съевшие рыб, пожравших человека, умерли в различных странах, и сами, может быть, съедены зверями. Как же после такого смешения и рассеяния опять оживет человек? Кто соберет этот прах? Но для чего это говоришь, человек? Для чего сплетаешь цепи пустых вымыслов и полагаешь, что этого нельзя разрешить? Если бы даже человек и не упал в море, если бы не был поглощен рыбой, и эта рыба опять не была съедена тысячами людей, но при погребении он был бы положен во гроб, и ни черви, ни иное что-либо не коснулось бы его, то как, скажи мне, воскреснет разрушившееся? Как свяжется прах и пепел? Откуда потом возьмется цвет тела? Разве это объяснимо? Если будут сомневаться в этом эллины, то мы можем сказать им весьма многое. Что же именно? Есть у них такие, которые (учат) переселению душ и в растения, и в деревья, и в собак. Скажи мне, что легче, свое ли восприять тело или чужое? Другие еще говорят, что (тела) в огне истлевают и что потом последует восстановление одежд и обуви, – и не смеются над ними! Иные вводят атомы. Но мы не к ним обращаем нашу речь, а к верным, если только должно называть верными вопрошающих; впрочем, укажем на то апостольское (учение), что всякая жизнь возникает из тления, все растения, все семена. Не видишь ли, какой большой ствол имеет смоковница, какие большие побеги, и сколько листьев, сучьев и ветвей, сколько корней, так расширившихся и углубившихся в землю? И до такой степени высокой и широкой она становится из зерна, брошенного в землю и притом согнившего. Если бы оно не сгнило и не разрушилось, то ничего бы и не выросло. Скажи мне, как это бывает? Так и виноград, столько приятный для взора и вкуса, родится из этого же безобразного зародыша. Кроме

того, скажи мне, не одинаковая ли вода падает сверху? Каким же образом она изменяется во столько видов? Это удивительнее воскресения. Там какое семя обращает на себя (твое внимание), такое же (возникает), – и видишь растение и совершенное сходство (зерна с растением); а здесь, скажи мне, каким образом то, что имеет одинаковые качества и одинаковую природу, превращается во столько видов? В виноградной лозе (вода) делается вином, и не вином только, но и листьями и соком, потому что ею не только кисть питается, но и прочие части виноградной лозы; в маслине делается маслом, – и многим другим, чего нельзя и пересказать. И – чудное дело! Здесь делается влажным, там сухим, здесь сладким, там кислым, – то вяжущим, то горьким. Каким же образом она превращается во столько видов? Укажи причину. Но ты не в силах. Да и в тебе самом, – это ближе, – скажи мне, как извергаемое семя устрояется и преобразуется в глаза, как в уши, как в руки, как в сердце, как в столь многие члены? Не бесконечное ли в теле разнообразие видов, величины, свойств, положения, сил, составов? Сколько нервов, жил, мышц, костей, перепонок, артерий, членов, желез; сколько еще кроме них такого, что входит в состав нашей природы, о чем подробно говорят врачи, – и все это от одного семени! Разве не покажется для тебя гораздо непонятнее то, каким образом влажное и нежное превращается в твердую и холодную кость, – как оно делается теплой и влажной кровью, – как холодным и нежным нервом, – как холодной и влажной артерией? Как это, скажи мне? Не понимаешь этого? Не усматриваешь ли каждый день воскресения и смерти в возрастах? Куда девалась юность? Откуда взялась старость? Каким образом состаревшийся, который самого себя не может сделать юным, рождает другого – дитя, самое юное, и чего не может дать себе самому, то дает другому?

3. То же самое можно видеть и в деревьях и в животных, несмотря на то, что, по-видимому, кто дает другому что-либо, прежде сам должен иметь то, что дает. Но этого требует только человеческий разум. Когда же созидает Бог, тогда ничего не нужно. Если же это в такой степени

неудобоизъяснимо и даже больше, нежели неудобоизъяснимо, то как безумствуют те — они теперь пришли мне на мысль, — которые силятся постигнуть бестелесное рождение Сына! Того, что совершается ежедневно, что находится под руками и уже тысячу раз было исследовано, никто и никогда не мог еще уразуметь: как же, скажи мне, можно надеяться постигнуть неизреченное и непостижимое рождение? Разве не приходит в изнеможение ум их от тщетных этих усилий? Разве не запутывал он самого себя в бесчисленных недоумениях? Разве не безмолвствовал (от изумления)? И однако они не вразумляются этим. Будучи не в силах сказать что-либо определенное о винограде и смоковнице, рассуждают о Боге. В самом деле, скажи мне, каким образом из этого зерна виноградной ягоды развиваются листья и ветви? Ведь в нем прежде этого не было и не замечалось? Но они говорят, что это происходит не от зерна, а от земли. А отчего же без него земля сама собой ничего не может произвести? Перестанем безумствовать! Это происходит не от земли и не от зерна; а от Того, Кто есть Господь и земли и семян. Поэтому Он и устроил так, чтобы это происходило и при посредстве их и без них (семян), чтобы таким образом, с одной стороны, проявить Свое могущество, ради чего и сказал: *да прорастит земля былие травное* (Быт. I, 11), с другой — чтобы, вместе с проявлением Своего могущества, научить нас трудолюбию и деятельности. Для чего же все это сказано нами? Не без цели, но для того, чтобы мы и в воскресение веровали, и чтобы мы не огорчались и не досадовали, если опять, несмотря на наше желание постигнуть что-либо умом, не будем иметь возможности достичь этого, но — благоразумно обуздывая и смиряя ум свой, находили успокоение в том, что Бог может все сделать и ни в чем не находит препятствия. Итак, узнавши это, обуздаем наши мысли и не будем переступать пределов и границ познания, которые положены для нас. *Аще кто мнится*, говорит, *ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети* (1 Кор. VIII, 2). Я говорю не о Боге только, но и о всякой вещи. Что, например, желаешь узнать о земле? Что знаешь, — скажи мне? Как велико ее протяжение? Какая вели-

чина? Какое положение? Какая природа? Какое место? Где она утверждена и на чем? Но ты ничего не можешь ответить на это; а можешь только сказать, что она холодна, суха и черна, — больше ничего. А о море? И тут встретишь недоумение, которого не можешь разрешить, — не знаешь ведь, где оно начинается, где оканчивается, на чем носится, на чем держится дно его, какое оно занимает место, твердая ли земля за ним, или оно оканчивается водой и воздухом? Знаешь ли что-либо о том, что находится в нем? Спрошу ли еще о воздухе, о стихиях? Ничего не скажешь. Но оставим лучше это. Если хочешь, выберем самое малое растение. Скажи мне, как рождается этот злак, не приносящий плодов, который мы все видим? Не составляют ли его сущности вода, земля и навоз? Отчего же он является так прекрасным на вид и отчего имеет такой удивительный цвет? Отчего эта красота вянет? Конечно, это не есть действие воды или земли. Видишь ли, как везде необходима вера? Как рождает земля? Каковы болезни ее рождения, скажи мне? Но ты ничего не можешь на это сказать. Изучай же, человек, то, что находится долу — здесь, и не трудись попустому, не любопытствуй много о небе, — и если бы только о небе, а то и о Владыке неба! Скажи, ты не знаешь земли, от которой родился, на которой воспитан, на которой живешь, по которой ходишь, без которой и дохнуть не можешь, а любопытствуешь знать о таких отдаленных предметах? Поистине человек — суета! Если бы кто велел спуститься в глубину и узнать, что находится на дне моря, — ты отверг бы приказание; а сам, без всякого принуждения, хочешь исследовать неисследимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будем плавать по поверхности, не будем следовать влечению мудрований; иначе скоро утомимся и утонем. Но пользуясь Божественным Писанием, как бы некоторым кораблем, распустим паруса веры. Если мы будем плавать на нем, то и кормчим у нас будет слово Божие; если же станем плавать на мудрованиях человеческих, то не будет (кормчего). Кому в самом деле из плавающих таким образом помогает кормчий? Следовательно, нам будет угрожать двойная опасность: с одной стороны, та, что не

будет корабля, с другой – та, что не будет кормчего. Если же судно без кормчего подвержено опасности, то какая надежда на спасение, когда нет ни того, ни другого? Итак, не будем подвергаться явной опасности, но будем плавать в безопасном месте, утверждаясь на священном якоре. Таким образом, несмотря на тяжелый груз, с совершенной безопасностью достигнем тихой пристани и получим блага, уготованные любящим Его во Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Сие бо вам глаголем словом Господним, яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити усопших: яко Сам Господь в повелении, во гласе архангелове, и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее. Потом мы живущии оставшии купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем (1 Сол. IV, 15–17)

1. Пророки, желая показать достоверность того, о чем намеревались говорить, прежде всего другого, говорят: *видение, еже виде Исаия* (Ис. I, 1); или: *слово Господне, еже бысть ко Иеремии* (Иер. I, 1); и еще: *тако глаголет Господь* (Ис. VIII, 11), – и тому подобное. Многие видели и Самого Бога сидящего (см.: Ис. VI, 1), насколько им возможно было видеть. Но Павел, который не сидящего видел, а имел в себе самом Христа говорящего, вместо того, чтобы сказать: *тако глаголет Господь*, говорил: или *искушения ищете глаголющаго* в нас *Христа* (2 Кор. XIII, 3), и еще: *Павел, посланник Иисус Христов* (2 Кор. I, 1), – показывая, что он ничего не говорит от себя, потому что посланник передает только слова пославшего. И еще: *мнюся же и аз Духа Божия имети* (1 Кор. VII, 40). Впрочем, все это он изрекал по внушению Духа; между тем то, что говорит теперь, он слышал от Бога словесно, подобно тому как он слышал тайно то, что сказал в беседе с ефесскими старейшинами: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35). Посмотрим же, что здесь гово-

рит он: *сие бо вам глаголем словом Господним, яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити усопших: яко сам Господь в повелении, во гласе архангелов и в* последней *трубе снидет с небесе.* То же и Христос в Свое время говорил: *силы небесныя подвигнутся* (Мф. XXIV, 29). Почему же в трубе? Потому что и на Синае мы видим это, и ангелов тоже. Но какое значение имеет глас архангела? Такое же, как и то, что было сказано о девах: восстаните, прииде жених (Мф. XXV, 6). Или об этом он здесь говорит, или о том, что тогда, когда ангелы будут служить при воскресении, совершится нечто подобное тому, что бывает при царе. Именно, (Бог) скажет: да воскреснут мертвые! – и это будет приведено в исполнение не силой ангелов, а – Его слова, – подобно тому, как если бы царь повелел и сказал: пусть выйдут заключенные и пусть слуги изведут их, то они исполнили бы это не своей властью, а вследствие повеления царского. Об этом и в другом месте говорит Христос: *послет ангелы своя с трубным гласом велиим и соберут избранныя его от четырех ветр, от конец небес до конец их* (Мф. XXIV, 31), – и повсюду видишь ангелов, поспешающих исполнить повеление Божие. Следовательно, архангел, как полагаю, есть начальник посланных, который будет взывать (к ним): готовьте всех, Судья предстоит. Что значит: в последней *трубе?* Значит то, что труб будет много и что Судья сойдет при (звуке) последней трубы. *И мертвии о Христе,* говорит, *воскреснут первее, потом же мы живущии оставшии купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем. Темже утешайте друг друга в словесех сих* (ст. 18). Если (Господь) намерен сойти, то для чего мы будем восхищены? Чести ради. Ведь и тогда, когда царь въезжает в город, почетные граждане выходят к нему навстречу, а преступники внутри ожидают судью; и тогда, когда возвращается нежный отец, дети и те, которые заслуживают название детей, выезжают на колеснице (к нему навстречу), чтобы видеть и приветствовать его, а те из домочадцев, которые оскорбили его, остаются дома. Мы понесемся на колеснице Отца. Как Он подъял Самого (Господа) на облаках (см.: Деян. I, 9), так и мы восхищены будем на

облаках. Видишь, какая честь? Мы и встретим сходящего, и, что всего радостнее, *тако* с Ним *будем. Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы* его (Пс. CV, 2)? Каких великих благ удостоил Он род человеческий! Прежде восстанут умершие, и таким образом все вместе встретят его. Авель, умерший прежде всех, выйдет тогда навстречу вместе с оставшимися в живых, так что они при этом не будут иметь никакого преимущества, и истлевший, столько лет лежавший в земле встретит его вместе с живыми, равно как и все прочие. Если они ждали нас, чтоб и мы увенчались, как говорит (апостол) в другом месте: *Господу лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство приимут* (Евр. XI, 40), то тем более должны мы подождать их. Или лучше: они нас ждали, а мы их не будем, потому что воскресение произойдет вдруг, *во мгновении ока* (1 Кор. XV, 52). Слово же «соберутся» показывает, что воскреснут повсюду, собраны же будут ангелами. Следовательно, воскресить есть дело всемогущего Бога, повелевающего земле возвратить вверенное, без всякого содействия слуг, подобно тому, как было и тогда, когда Господь воззвал к Лазарю: *Лазаре, гряди вон* (Ин. XI, 43); а привести (воскресших) будет дело слуг. Но если ангелы повсюду будут обтекать (землю) и собирать (воскресших), то как же говорится здесь, что (воскресшие) восхищены будут? Они восхищены будут после того, как (Господь) сойдет, после того, как (все народы) собраны будут. Все это произойдет вдруг, и притом так, что никто наперед не будет знать. Только когда увидят, что земля колеблется, что прах опять соединяется в один состав, в то же время повсюду восстают тела, без всякого с чьей-либо стороны содействия, а только по велению (Господню), которого одного довольно, чтобы землю, преисполненную (мертвых тел), освободить от этого бремени, — представь в самом деле, что все умершие, сколько ни будет их, от Адама и до пришествия (Господня), восстанут тогда с женами и детьми, когда, говорю, увидят такое на земле смятение, тогда только узнают (что наступил конец мира). Поэтому как они ничего наперед не могли предвидеть касательно рождения по плоти (Господа), так и тогда (ничего наперед не узнают).

2. Итак, когда это произойдет, тогда будет и глас архангела, повелевающего ангелам и взывающего, и будут трубы, или, лучше, звук труб. Какой страх, какой ужас обнимет тогда оставшихся на земле! *Едина поемлется, и едина оставляется* (Мф. XXIV, 41); и *един поемлется, а другий оставляется* (Лк. XVII, 36). Каково будет состояние душ их, когда увидят, что другие будут восхищены, а они будут оставлены! Не больше ли всякой геенны приведет это их в ужас? Представим себе в мысли, что это уже теперь совершается. Если внезапная смерть, разрушение городов от землетрясения и другие ужас наводящие события столько поражают наши души, то каково будет состояние нашей души тогда, когда увидим, что земля разверзается и ее поверхность покрывается всеми умершими, – когда услышим звук труб и глас архангела, который громче всякой трубы, – (когда увидим) что небеса свиваются и грядет Царь всяческих – Бог? Вострепещем, умоляю вас, и убоимся так, как будто это уже ныне свершается; не станем успокаивать себя «тем, что это еще не скоро будет; ведь если это неминуемо должно быть, то замедление нисколько нам не поможет. Какой тогда будет страх, какой ужас! Видали ли вы когда-нибудь ведомых на смертную казнь? Каково бывает, полагаете вы, состояние их душ, когда они проходят путь до места казни? Не мучительнее ли оно всякой смерти? Чего бы ни решились они и сделать, и претерпеть, чтобы только избавиться от этой мрачной участи? Я слышал от многих, которые, по милосердию царскому, возвращены были назад с места казни, что они в то время и людей не узнавали: в таком смятении, ужасе и трепете находилась их душа. Если же телесная смерть так ужасает нас, то что будем ощущать, когда наступит смерть вечная? Но что я говорю о ведомых на казнь? Их окружает в то время толпа народа, из которого многие даже не знают их. Но если бы кто проник в души их, то, конечно, он не остался бы ни столько жестоким, ни столько безжалостным, ни столько неустрашимым, чтоб не возмутиться самому и не почувствовать страха и скорби. Поэтому, если в такой степени приходят в смущение совершенно посторонние люди тогда, когда другие умирают

смертью, ничем не отличающеюся от сна, то каково будет наше состояние, когда мы сами подвергнемся гораздо большим (мучениям)? Невозможно, поверьте, невозможно словами изобразить (этого) страдания. Правда, говорят; но Бог человеколюбив и ничего подобного не случится. Следовательно, напрасно об этом и написано? Нет, говорят, но это только угроза, чтобы мы вразумились. Если же мы не вразумимся, а будем коснеть во зле, то, скажи мне, ужели (Бог) не пошлет наказания? Следовательно, Он и добродетельным не воздаст награды? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно благотворить и сверх заслуг. Таким образом это на самом деле и непременно последует; а наказаний вовсе не будет, и говорится о них только ради угрозы и внушения страха. Не знаю, чем мне уверить вас. Если скажу, что червь их не умрет и огонь не угаснет (см.: Мк. IX, 44); если скажу, что пойдут в огонь вечный; если укажу на богача, уже претерпевающего наказание, вы скажете, что все это только угроза. Чем же мне уверить вас? Поистине, это – сатанинская мысль, тщетно ласкающая милосердием и повергающая в беспечность! Как же нам истребить ее? Если приведем что-нибудь из Писаний, вы скажете, что это сказано в виде угрозы. Но так можно рассуждать о будущем, а о том, что уже сбылось и вполне совершилось, вовсе нельзя. Все вы слышали о потопе. Неужели и об этом сказано в виде угрозы? Неужели его на самом деле не было? И допотопные люди много подобного говорили, и в продолжение ста лет, когда строился ковчег, сплачивались деревья и проповедовал праведник, никто не нашелся, кто бы поверил. Но так как они не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. То же будет и с нами, если не станем верить. Потому-то Господь и сравнивает Свое пришествие со днями Ноя: подобно тому, как некоторые не верили тому потопу, так и ныне не верят многие потопу геенскому. Ужели это только угроза? Ужели на самом деле этого не было? Ужели Тот, Кто послал тогда такое неожиданное наказание, тем более не пошлет его ныне? Ведь то, что делается теперь, нисколько не извинительнее того, что было тогда. Почему? Потому, что тогда вошли, сказано, сыны Божии к доче-

рям человеческим (см.: Быт. VI, 2), и это смешение было тяжким (преступлением), а ныне нет ни одного вида зла, на который бы (люди) не решились. Итак, верите ли вы, что потоп был, или вам кажется это басней? Но и горы, на которых остановился ковчег, я разумею горы Армении, свидетельствуют о нем.

3. Впрочем, из великого множества (свидетельств) я приведу и другое, которое будет яснее указанного. Путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Я уже не буду больше доказывать посредством слов, а посредством событий, хотя первые и достовернее последних, так как то, что говорит Писание, достовернее того, что мы видим. Итак, путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Думаю, что путешествовал. Что же? Пусть те из вас, которые видели те места, будут мне свидетелями перед теми, которые там не были. Выше Аскалона и Газы, при самом устье реки Иордана, есть некоторая обширная и плодоносная страна, или лучше сказать — была, потому что теперь она не такова. Эта страна действительно была похожа на рай. *Виде,* сказано, *Лот всю окрестную страну Иорданскую, и наполнена бяше водою, яко рай Божий* (Быт. XIII, 10). Эта-то страна, цветущая, не уступающая никаким странам, равняющаяся плодородием раю Божию, теперь пустыннее всех пустынь. Правда, растут там деревья и приносят плод; но этот плод — памятник гнева Божия. Там растут гранатовые яблоки — разумею и дерево и плод, которые имеют прекрасную наружность и незнающему подают многие надежды; но когда возьмет кто-либо их в руки, то разломив не найдет никакого плода, а прах и пепел, обильно в них накопившийся. Такова там и вся земля; даже если возьмешь камни, то и те, найдешь, превращены в пепел. Но что я говорю о камне, о деревьях и земле? Там и самый воздух, и вода подверглись такой же бедственной участи. Подобно тому как тело, которое подверглось действию огня и сгорело, хотя и сохраняет среди огня прежний вид, и образ, и величину, и соразмерность частей, но жизни вовсе не имеет, — так точно и там видишь землю, но в ней нет ничего свойственного земле, а все — прах; видишь деревья и плоды, но они

ничего не имеют свойственного деревьям и плодам; видишь воздух и воду, но они не имеют ничего свойственного ни воздуху, ни воде, потому что и они превратились в пепел. Как же мог сгореть воздух? Как могла сгореть вода, оставаясь водой? Сожигать можно только деревья и камни, а воздуха и воды никак невозможно. Невозможно для нас, а для Сотворившего их возможно. Итак, воздух там не что иное, как огонь, и вода – огонь: все бесплодно, все пусто, все служит образом гнева прежде бывшего, знамением грядущего. Неужели и это угрозы только на словах? Неужели и это пустой звук слов? Для меня не невероятно и прежде сказанное, и не виденное мной столь же достоверно, как и виденное; а неверующего может убедить только это последнее. Кто не верит в геенну, тот пусть подумает о Содоме, пусть вспомнит о Гоморре, об этом прежде бывшем и еще до сих пор продолжающемся наказании. Это служит предзнаменованием тому, что мучения будут вечны. Тяжела эта речь? А разве это не тяжело, когда ты говоришь, что нет геенны, но Бог только угрожает ею, когда ты развязываешь руки у народа? Ты сам своим неверием принуждаешь меня сказать это. Если бы ты верил словам Христовым, то я не был бы вынужден приводить тебя к вере, ссылаясь на события. Но так как ты уклоняешься от первых, то волей или неволей должен будешь поверить последним. В самом деле, что ты можешь сказать о Содоме? Хочешь ли знать и причину, ради которой случилось это? Был один грех, конечно, тяжкий и проклятия достойный, – однако же один: жившие тогда пылали неистовой страстью к отрокам и за это потерпели такое наказание. А ныне совершается множество грехов и равных этому, и тяжелее его. Ужели же Тот, Который за одно прегрешение излил такой гнев и не обратил внимания ни на мольбы Авраама, ни на живущего в том городе Лота, Который для сохранения чести рабов (Его) отдавал на поругание собственных дочерей, пощадит нас, когда мы совершаем столько грехов? Подлинно (такая мысль) есть насмешка и пустословие, заблуждение и диавольское обольщение. Хочешь ли, я приведу тебе и другой пример? Конечно, ты слышал о фараоне, египетском царе,

следовательно, знаешь и о казни, какая постигла его, равно как и о том, как он потонул в Чермном море со своими колесницами, конями и со всем своим воинством. Хочешь ли знать еще другие примеры? Он, может быть, был нечестив, и даже не только может быть, а действительно был нечестив. Хочешь ли знать, что наказание постигает и тех, которые хотя и веруют в Бога и внимают (Его учению), однако живут неправедно? Послушай, что говорит Павел: *ниже соблудим, якоже нецыи от них соблудиша и падоша во един день двадесять три тысящи: не будем роптать, якоже нецыи от них ропташа, и погибоша от всегубителя: ниже да искушаем Христа, якоже нецыи от них искусиша, и от змий погибоша* (1 Кор. X, 8–10). Если блуд и ропот были столь гибельны, то чего не произведут наши (грехи)? Если же Бог не посылает теперь наказания, – не удивляйся, – потому что те не знали о геенне, и потому немедленно подвергались наказанию; а ты, когда согрешишь, хотя бы здесь и не подвергся никакому наказанию, будешь там наказан. Затем, ужели Тот, Кто подверг столь строгому наказанию тех, которые менее были опытны и не так много согрешали, простит нас? Это было бы несогласно с разумом. Мы заслуживаем большего наказания, хотя бы совершили такие же грехи, как и они. Почему? Потому что мы сподобились большей благодати. А когда мы согрешаем и больше и тяжелее их, то какому наказанию мы должны подвергнуться? Те (впрочем, пусть никто не думает, что я, говоря так, удивляюсь им или извиняю их, – нисколько: когда Бог наказывает, то тот, кто держится противоположного мнения, делает это по наущению от диавола; следовательно, я говорю это не с той целью, чтобы хвалить или извинять их, но чтобы показать собственное наше развращение), те, говорю, если и роптали, то (делали это), когда странствовали по пустыне; а мы ропщем, живя в отечестве и пребывая в собственных домах. Те, если и блудодействовали, то (делали это), когда едва удалились от египетских мерзостей и почти еще не слыхали этого закона: а мы блудодействуем, приняв от предков спасительные заповеди; следовательно, достойны большего наказания. Хочешь ли знать и другие казни, какие они

претерпели в Палестине, – голод, мор, войну, плен как у вавилонян, так и у ассириян, бедствия от македонян, при Адриане и Веспасиане. Хотелось бы мне, возлюбленный, рассказать тебе еще нечто; но боюсь, чтоб ты не удалился от меня, и потому прежде того расскажу другое. Был некогда голод, говорит (Писание), и царь обходил городские стены; тогда жена некая, приступив к нему, сказала следующие слова: царь, *сия жена ко мне рече: спечем сына твоего днесь и съядим, а утро моего. И испекохом и снедохом;* но своего еще до сих пор не дала (4 Цар. VI, 28– 29). Что ужаснее этого несчастья? Еще в другом месте говорит пророк: *руце жен милосердых свариша дети своя* (Иер. IV, 10). Итак, ежели иудеи понесли такое наказание, то не подвергнемся ли мы гораздо большему?

4. Хочешь ли знать и о других бедствиях (которые постигли) их? Прочти Иосифа (Флавия) и узнаешь всю их плачевную историю. По крайней мере этим, может быть, уверим тебя, что геенна существует. Посуди сам: если иудеи подвергались наказанию, то почему мы должны остаться ненаказанными? Или: как это возможно, чтобы мы не были наказаны, хотя больше их согрешили? Не потому ли (так думаем), что наказание только ожидает нас впереди? Но, если угодно, я покажу и то, как наказываемы были разные лица порознь. Каин убил брата. Подлинно ужасное преступление: кто станет отрицать это? За то он понес наказание и тяжкое, и равняющееся бесчисленным смертям, такое, которому он тысячу раз предпочел бы смерть. Послушай, что он сам говорит: *аще изгониши мя от земли, и от лица твоего скрыюся, и будет всяк, обретаяй мя, убиет мя* (Быт. IV, 14). Но, скажи мне, не делают ли многие и теперь того же, что он? Не то ли самое делаешь, когда убиваешь брата – не плотского, а духовного? Не убиваешь ли ты его, хотя не оружием, а иным образом, когда, будучи в состоянии утолить его голод, ты пренебрег этим? Итак, что же? Разве ныне никто не завидует брату? Разве никто не подвергает опасности его жизнь? Правда, они здесь не несут за это наказания; но будут наказаны. Затем, один, который не знал ни письменного закона, ни пророков, не видел великих знамений, подвергает-

ся такому тяжкому наказанию; а другой, который совершил такое же преступление и даже не вразумился такими примерами, неужели останется ненаказанным? Где же правда Божия? Где Его благость? Еще: некто, собиравший дрова в субботу, был побит за то камнями, несмотря на то, что заповедь (о субботе) не столь важна и ниже обрезания. Итак, собиравший дрова в субботу был побит камнями; между тем другие, которые часто совершали бесчисленные противозаконные поступки, отойдут без наказания. Поэтому, если нет геенны, то где правосудие, где беспристрастие? Притом (Господь) подверг подобному наказанию многих других, которые не хранили суббот. Еще: другой, некий сын Хармиев (Ахар), за то, что украл вещ, принесенную в дар Богу, был побит камнями со всем родом. Что же? Ужели после того не было ни одного святотатца? Еще: Саул, пощадивший (врага) вопреки Божию повелению, понес тяжкое наказание: ужели же после того никто не щадил (врагов)? О, если бы мы только это совершали и не пожирали – став лютее зверей – друг друга вопреки Божию повелению! Однако никто не пал за это на брани. Еще: сыновья Илия потерпели самое тяжкое наказание вместе со своим отцом за то, что вкушали (мяса) прежде каждения. Но ужели (после того) не было ни одного отца, не радеющего о детях, или не было детей развратных? Однако никто не понес наказания. Когда же они понесут, если нет геенны? Можно привести еще бесчисленное множество других примеров. Что же? Разве Анания и Сапфира не тотчас были наказаны за то, что утаили часть из того, что посвятили Богу? Но ужели после того никто не сделал ничего подобного? Отчего же они не понесли равного наказания? Итак, убеждаешься ли ты, что есть геенна, или нужно тебе больше примеров? Обратимся же к тому, что не предано письмени, а свершается теперь в жизни: нам ведь нужно отовсюду обозреть этот предмет, чтобы вследствие неблагоразумного снисхождения не нанести себе самим вреда. Не видишь ли многих в несчастье, изувеченных, претерпевающих многоразличные бедствия, между тем как другие наслаждаются благополучием? Почему одни наказываются за убийства, а другие – нет? Послушай, что говорит

Павел: *некихъ грехи предъявлени суть, некимъ же и последствуютъ* (1 Тим. VIII, 24). Сколько смертоубийц избежало наказания! Сколько расхитителей гробниц! Но оставим это. Сколько неизвестно тебе таких людей, которые претерпевают жестокие наказания! Одни подвержены долговременной болезни, другие беспрестанным мукам, иные иным бесчисленным бедствиям. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-либо человек дерзнул совершить подобное тому, что они (сделали), или еще большее, и не понес наказания, то не согласишься ли даже против воли, что геенна существует. Представь себе тех, которые здесь до тебя тяжко были наказаны; помысли, что Бог нелицеприятен, и что ты, совершив бесчисленные преступления, не потерпел никакого наказания – и в твоем уме родится мысль о геенне. Бог так глубоко всеял ее в нас, что никогда не было ни одного человека, который бы не имел понятия о ней. И поэты, и философы, и баснописцы, и все вообще люди рассуждали о воздаянии за гробом и говорили о наказании многих в аде. Если же сказанное ими баснословно, то не баснословно то, что мы сказали. Это я говорил вам не потому, чтобы только навести на вас страх и привести в уныние ваши души, но чтобы соделать их и более воздержными, и кроткими. Я сам, даже больше других, желал бы, чтобы не было наказания. Почему же? Потому что каждый из вас страшится только за свою душу; а я буду подлежать ответственности и за это предстоятельство, так что мне более всех невозможно избежать геенны. Но быть не может, чтобы не было наказания и геенны. Что мне делать? Опять рождается сомнение, опять говорят: где же Божие человеколюбие? Везде! Но об этом я более поговорю в другое время, чтобы не затемнить слова о геенне. Теперь же пусть не пропадает польза, какую ныне мы получили из сказанного о геенне, – так как немаловажная польза убедиться в существовании геенны. Памятование сказанного о ней, постоянно пребывая в наших мыслях, как некое едкое лекарство, будет истреблять всякую злобу. Воспользуемся же этим лекарством, чтобы, очищая им свое сердце, мы сподобились увидеть, чего ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку

не входило (см.: 1 Кор. II, 9), чего и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

А о летех и о временех, братие, не требе есть вам писати. Сами бо вы известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет (1 Сол. V, 1—2)

1. Ни в чьей, кажется, природе нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум еще несовершен и необразован. Так, неопытные дети неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых нет ничего, кроме как: когда бывает то-то и когда то-то. Это же случается и (с возрастными) от неги, или оттого, что им нечего делать. Итак, ум наш сильно желает узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (мира). И что удивительного, если это занимает нас, когда и самих святых апостолов это всего более занимало. Так прежде страдания (Христова) они приступили к Христу с словами: *рцы нам, когда сия будут, и что есть знамение твоего пришествия и кончины века* (Мф. XXIV, 3)? И после страдания и воскресения Его из мертвых также говорили Ему: скажи нам, *аще в лето сие устрояеши царствие Исраилево* (Деян. I, 6). И ни о чем ином прежде этого не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Духа Святого, то не только сами не спрашивают и не скорбят о таком неведении, но удерживают от этого и других, страдающих таким неуместным любопытством. Послушай, что говорит теперь блаженный Павел: *а о летех и о временех, братие, не требе есть вам писати.* Почему не сказал он, что никто того не знает? Почему не сказал, что это не открыто, но — *не требе есть вам писати?* Потому, что теми словами он более опечалил бы их; напротив, этими успокоил. Словами *не требе* он воспретил им спрашивать об этом, как о чем-то излишнем и бес-

полезном. В самом деле, какая была бы польза (знать это), скажи мне? Положим, что кончина последует через двадцать лет, через тридцать, через сто лет: какое это имеет к нам отношение. Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончине и отчего причиняешь себе этим печаль? Но что бывает с нами в других (случаях), то же и в настоящем. Как в других (случаях) мы, не обращая внимания на собственные дела, беспокоимся о чужих, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, напротив, больше печемся о поступках всех других людей, нежели о своих собственных, – так и здесь каждый из нас, оставив заботу о своем конце, желает узнать об общей кончине. Что ты имеешь общего с ней? Если ты хорошо приготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко, – это нисколько к нам (не относится). Потому-то и не сказал о ней Христос, то есть потому, что это было бесполезно. Почему же, скажут, бесполезно? Тот, кто сокрыл это, сам знает, почему бесполезно. Послушай, что говорит Он апостолам: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положил во своей власти* (Деян. I, 7). Для чего же любопытствовать вам? Вот что услышали находившиеся с Петром, верховным (апостолом), пожелав узнать более, нежели сколько нужно было им знать. Да, скажут, но тогда можно было бы заграждать уста эллинам. Как, скажи мне? Так как они, скажете, учат, что этот мир есть Бог, то, зная время разрушения его, мы этим заградили бы им уста. Конечно; но чтобы заградить уста эллинам, нужно ли доказать то, что мир разрушится когда-нибудь, или то, когда именно он разрушится. Если желаете заградить им уста, то скажите, что мир будет иметь конец. Если они этим не убедятся, то не убедятся и тем. Послушай, что говорит Павел: *сами бо вы известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет,* не только день всеобщий, но и каждого собственный. Этот последний уподобляется первому, потому что имеет сходство и сродство с ним. Какое значение имеет первый для всех в совокупности, такое же последний

для каждого в частности. Время всеобщей кончины началось с Адама, а конец жизни каждого из нас есть образ этой кончины, — даже не погрешил бы тот, кто назвал бы его всеобщей кончиной. В самом деле, если каждый день люди умирают тысячами, если все умершие ожидают того дня и прежде его никто не воскресает, то не следует ли отнести этого к кончине всеобщей? Если же хотите знать, для чего сокрыт этот день и почему он придет как *тать в нощи*, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о добродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить. Если и теперь, когда страх неизвестности потрясает души всех, все, которые порочно вели прежнюю свою жизнь, позволяют себя крестить только при последнем издыхании, то если бы люди определенно знали последний день свой, кто тогда позаботился бы когда-нибудь о добродетели? Если при этом постоянном страхе многие отошли без крещения, — если даже и такой страх не научил их позаботиться в течение своей жизни об угождении Богу, то когда бы страх этот был отнят, кто был бы тогда целомудрен, кто кроток? Никто. С другой стороны теперь иного удерживает от зла не только великий страх смерти, но и любовь к жизни. А если бы каждый знал, что он завтра непременно умрет, то перед этим днем он ни от чего не стал бы удерживаться, напротив — стал бы убивать, кого бы только захотел, и наделал бы тысячи злодейств, мстя врагам.

2. Человек развратный, потеряв надежду на продолжение здешней жизни, ни во что ставит даже облеченного в порфиру. Тот, кто был бы уверен, что ему непременно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши наперед свою душу, восприял бы смерть. Скажу, в-третьих, и еще нечто иное: люди, привязанные к жизни и слишком пристрастные к здешним благам, истаивали бы от уныния и печали. Например, если бы кто-нибудь из юношей знал, что скончается прежде (нежели достигнет) старости, то мучился бы так, как мучатся ожиданием смерти

самые робкие животные, когда их поймают. Кроме того, и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. В самом деле, если бы они знали, что именно после трех лет должны умереть, а прежде не могут, то какое право имели бы они на награду за то, что решались на опасные подвиги? Тогда им мог бы всякий сказать: вы надеетесь жить три года, поэтому и подвергаетесь опасностям, зная, что вам невозможно прежде умереть. Тот только совершенно ясно обнаруживает мужество и презрение к здешней жизни, кто в каждой опасности видит для себя смерть и знает, что он останется жив, если не решится на опасность, но потеряет жизнь, если отважится на нее. Объясню вам это примером. Скажи мне, имел ли бы патриарх Авраам какое-нибудь право на награду, если бы возложил сына на (жертвенник), зная наперед, что не заколет его? Что еще? Возбуждал ли бы Павел в нас удивление, если бы он презирал опасности, заранее зная, что не умрет? Ведь и самый робкий пошел бы в огонь, если бы нашел в ком-либо достоверного поручителя в том, что избегнет опасности. Но не таковы были три отрока. Что же именно? Послушай, что говорят они: царь, *есть Бог на небесех, который изъмет нас от руку твоею и от сей пещи: аще ли ни, ведомо да будет тебе, яко богом твоим не служим, и* образу *златому, егоже поставил еси, не покланяемся* (Дан. III, 17–18). Видите ли, какую великую пользу приносит нам незнание времени смерти? Есть еще и другая, больше этой, но пока довольно знать и это. Для того, *якоже тать в нощи, тако приидет,* чтобы мы не предавались порокам, чтобы не были нерадивы, и через то не лишились награды. *Сами бо вы,* говорит, *известно весте.* Зачем же вам и исследовать это, когда сами достоверно знаете? А что будущее неизвестно, познай из того, что сказал Христос. А что Он действительно для того сказал это, послушай, что Он говорит: *бдите убо, яко не весте, в кий час* тать *приидет* (Мф. XXIV, 42). Для того и Павел говорил: *егда бо рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство, якоже болезнь во чреве имущей, и не имут избежати* (1 Сол. V, 3). Здесь (апостол) указал на то, о чем сказал и во втором послании. Так как (фессалоникийцы) находились

в скорби, а враги их – в покое и удовольствии, то он утешал их в настоящих злостраданиях словом о воскресении, а враги оскорбляли их, распространяли мнения своих предков и говорили: когда это будет? Поэтому, подобно тому, как пророки говорили: горе *глаголющим: скоро да приближатся, яже сотворит Бог, да видим, и да приидет совет святаго Исраилева, да рузумеем* (Ис. V, 19), или еще: *увы люте желающим дне Господня,* – имея в виду не просто желающих, но желающих по неверию, – а также: день Господень, говорит (пророк), *тма, а не свет* (Ам. V, 18), – так (и апостол) сказал здесь это. И смотри, как он утешает их. Он как бы так говорит: из того, что они находятся в счастии, пусть не заключают, что не будет суда: он так и застигнет их. Стоит, однако, обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, *когда скажут: мир и утверждение,* внезапно нападет на них всегубительство? Эти события, как признаки пришествия (Христова), не позволят не знать об этом дне. Но (апостол) и этого времени, то есть антихристова, не указывает и не говорит, что день его пришествия будет знамением пришествия Христова; но (утверждает), что (Христос) не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно. Так и беременной, говорит, не нечаянно приходит время (родить), – она знает, что через девять месяцев будут роды. Между тем (время это) ей очень неизвестно, потому что иные рождали через семь месяцев, иные же через девять, а день и час родов во всяком случае неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. И верное сравнение! Действительно, немного бывает признаков времени рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но (апостол) хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность (времени), а вместе и на жестокость страдания. Как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно (будут поражены) души по наступлении того дня. *И не имут избежати.* Показывая далее, что он говорит это не о них (фессалоникийских христианах), при-

бавил: *вы же, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет* (ст. 4).

3. Здесь он говорит о темной и нечистой жизни, так как развратные и злые люди все делают ночью, скрываясь от всех и окружая себя тьмой. Скажи мне в самом деле, не вечера ли поджидает прелюбодей, и не ночи ли – вор? И тот, кто грабит могилы, не ночью ли приводит в исполнение свое предприятие? Итак, что же? Ужели последний день не постигнет их, как тать? Ужели не настанет он для них неожиданно? Ужели они вперед узнают о нем? Каким же образом (апостол) говорит: *не требе вам есть писати?* Здесь он намекает не на неизвестность времени, а на соединенное с ним злополучие, то есть – последний день придет не к их злополучию: и для них он наступит внезапно, однако не принесет им никакой скорби. *Да день вас,* говорит, *якоже тать постигнет.* Как вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и пребывающим во свете, хотя бы и успел войти к ним, так точно и тот день – достодолжно живущим: напротив, он уходит, вполне лишив всего тех, которые спят и уповают на здешние блага. Потом (апостол) применяет к ним и другое выражение, – именно, продолжает: *вси бо вы сынове света есте и сынове дне* (ст. 5). Но как можно, скажете, сделаться сынами дня? Так же, как сынами погибели, как сынами геенны. Поэтому Христос говорил фарисеям: *горе вам, яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца: и егда будет, творите его сына геенны* (Мф. XXIII, 15), – а равно и Павел: *ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления* (Кол. III, 6), то есть на творящих достойное геенны, на творящих дела противления. Подобно тому, как сыны Божии – те, которые делают угодное Богу, так и сыны дня, и сыны света – те, которые делают дела света. *Несмы нощи, ниже тмы. Темже, убо да не спим якоже и прочии, но да бодрствуим и трезвимся. Спящии бо, в нощи спят: и упивающиися, в нощи упиваются: мы же сынове суще дне, да трезвимся* (ст. 6–8). Здесь (апостол) показывает, что от нас зависит пребывание среди дневного света. И здесь – я говорю об обыкновенном дне и ночи – это не зависит от нас, но и ночь приходит против нашей воли, и сон являет-

ся против нашего желания; напротив, с той ночью и тем сном бывает не так, но можно непрестанно бодрствовать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовные и предаваться греховному усыплению есть дело не природы, а произволения. *Но да бодрствуим,* говорит, *и трезвимся.* И тот, кто бодрствует, если не будет творить добра, может спать; поэтому и присовокупил: *и трезвимся.* Подлинно, и днем, если кто бодрствует, но не трезвится, тот может подвергнуться бесчисленным опасностям. Итак, трезвость есть усиление бодрствования. *Спящии,* говорит, *в нощи спят: и упивающиися, в нощи упиваются.* (Апостол) говорит об опьянении не только от вина, но и от всякого греха; опьянение души составляют и любостяжание, и пристрастие к деньгам, и плотская любовь, – и все, о чем бы ты ни упомянул в этом роде, есть опьянение души. Но почему он сном назвал грех? Потому, во-первых, что (грешник) не имеет силы на добродетель, далее потому, что он беспрестанно увлекается воображением и ничего не видит в истинном свете, напротив, исполнен грез и часто безрассудных мечтаний, а если бы, наконец, и видел что хорошее, то не извлекает отсюда ничего твердого и неизменного. Такова настоящая жизнь! Она исполнена только грез и мечтаний. Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтание. Спящий не видит того, что есть и действительно существует, а о том, чего вовсе нет, грезит как о существующем. Таков грех и такова греховная жизнь! Она не видит существенного, то есть духовного, небесного, неизменного, а только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет. Впрочем, не довольно бодрствовать и трезвиться; надобно и быть вооруженным. Если кто не имеет оружия, то хотя бы он был бодр и трезв, его могут тотчас умертвить разбойники. Итак, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооруженным, а мы будем оставаться без оружия, будем наги и еще – спать, то кто помешает вонзить в нас меч? Поэтому, показывая, что для нас нужно оружие, (апостол) прибавил: *мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся в броню веры и любве, и шлем упование спасения* (ст. 8). *Веры и любве,* говорит, указывая здесь на жизнь и правые догматы. Смотри, как он объяс-

нил, что значит бодрствовать и трезвиться, именно (это значит) иметь броню веры и любви. Не какую-нибудь веру, но пламенную, искреннюю, соделывающую непобедимыми тех, которые ограждены ею. Подобно тому как ничто не может скоро рассечь броню, и она составляет оплот для груди, так и ты огради душу верой и любовью; и ни одна из разжженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в нее. Подлинно, где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих. Ни злость, ни вражда, ни зависть, ни лесть, ни лицемерие и ничто другое не в состоянии будет коснуться такой души. Не сказал просто: в любовь; но сказал, что надобно облечься в нее, как в крепкую броню. Сказавши это, далее прибавляет: *и шлем, упование спасения.* Как шлем охраняет самое важное в нас, то есть голову, окружая и покрывая ее со всех сторон, так и упование не дает упасть нашему уму, но держит его прямо, как голову, не попуская ничему постороннему упасть на него. А до тех пор, пока на нее ничто не падает, и мы не наклоняемся вниз. В самом деле, тому, кто огражден этим оружием, невозможно никогда упасть: *пребывают,* сказано, *вера, надежда, любы, три сия* (1 Кор. XIII, 13). Потом, сказавши: облекитесь и вооружитесь, (апостол) приготовляет оружие и показывает, откуда рождаются вера, надежда и любовь и как они соделываются самым крепким оружием, когда присовокупляет: *яко не положи нас Бог в гнев, но в получение спасения, Господем нашим Иисус Христом, умершим за нас* (ст. 9—10).

4. Итак, Бог призвал нас не для того, чтобы погубить, но — чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? *Сына своего,* сказано, *дал есть* за нас (Ин. III, 16). Он столько желает нашего спасения, что дал Сына Своего, и не просто дал, но на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаивайся же, человек, приходя к Богу, Который не пощадил даже Своего Сына ради тебя. Не страшись настоящих бедствий. Тот, кто предал Единородного, чтобы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего-нибудь еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго. Ведь мы не устрашились

бы, если бы нам надлежало предстать перед судьей, имеющим судить нас, который показал бы такую любовь к нам, что заклал бы за нас своего сына. Итак, будем ждать всего доброго и великого, потому что главное мы получили, если веруем. Но мы видим пример; будем поэтому и мы любить (Его). Ведь было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас. *Да аще*, говорит, *бдим, аще ли спим, купно с ним живем. Сего ради утешайте друг друга, и созидайте кийждо ближняго, якоже и творите* (ст. 10–11). То же говорит и в другом месте: бодрствуем ли, спим ли* (ст. 6). Но под сном он разумеет иное там, и иное здесь. Здесь он разумеет телесную смерть, а там – нерадение о жизни. Сказанное здесь имеет такой смысл: не бойтесь опасностей; если мы и умрем, то будем живы. Не приходи в отчаяние оттого, что бедствуешь: ты имеешь верный залог. Он не предал бы Своего Сына, если бы не имел к нам чрезвычайной любви. Следовательно, хотя и умрешь, будешь жив, потому что и Сам Он умер. Итак, умрем ли мы, или будем жить, вместе с Ним жить будем. Я не нахожу в этом ни малейшего различия; мне все равно, жив ли я или умру, потому что с Ним мы будем жить. Будем поэтому делать все для той жизни; будем все исполнять, устремляя взор к ней. Возлюбленный! Порок есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вследствие его) мы не видим того, что нужно, не делаем того, что должно. Как мертвые безобразны и зловонны, так и души погрязших во зле исполнены великой нечистоты. Глаза их закрылись, уста сжаты; они лежат неподвижно на одре порока и достойны гораздо большего сожаления, нежели те, с которыми приключилась (смерть). Эти последние мертвы для всего; а они для добродетели бесчувственны, но живы для зла. Мертвого хотя бы кто и ударял, он не чувствует, не мстит, но (лежит) как засохшее дерево; столько же воистину бесчувственна душа, которая лишилась жизни. Каждый день она получает бесчисленные раны и ни одной не ощущает, остается бесчувственной ко

---

* Вероятно, Златоуст имел в виду именно слова стиха 6: *не спим, но да бодрствуем.*

всему. Не погрешил бы тот, кто сравнил бы таких людей с бешеными, с опьяневшими, или сумасшедшими. Между тем порок имеет в себе все это и есть хуже всего этого. Бешеный встречает великое снисхождение у зрителя, потому что его болезнь не есть следствие произволения, а одной только природы; но в ком найдет снисхождение пребывающий во зле? Итак, откуда зло? Отчего так много злых? Ты спрашиваешь откуда? Скажи мне сам, откуда происходят злые болезни? Откуда сумасшествие? Откуда тяжелый сон? Не от беспечности ли? Если естественные болезни берут свое начало от произволения, то тем более преднамеренные. Откуда пьянство? Не от душевного ли невоздержания? Сумасшествие не от излишества ли жара? А этот жар не от преумножения ли в нас жизненных начал? Преумножение же этих начал не от невнимания ли? В самом деле, когда мы или через оскудение, или через преумножение чего-либо в нас приводим в несоразмерность (части нашего состава), тогда возжигаем этот огонь. Опять, если остаемся невнимательны после того, как уже возгорится этот пламень, то производим тогда в самих себе пожар, которого погасить уже не можем. Так бывает и со злом. Когда вначале мы не поставляем ему препятствий и не отсекаем его, то впоследствии уже не можем приостановить его, — напротив, оно становится выше сил наших. Поэтому, умоляю вас, будем всегда поступать так, чтобы никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояние на страже оставалось бесполезным потому, что стерегущие на малое время предавались сну? Через этот короткий (сон) они губили все, дав покушающемуся на воровство большую смелость. Подобно тому, как мы не столько обращаем внимания на воров, сколько они подсматривают за нами, так и диавол более всего следит за нами, подстерегает и скрежещет зубами. Итак, не будем засыпать; не будем говорить: ни с этой стороны ничто (нам не угрожает), ни с этой. Часто мы бываем ограблены, откуда и не думали. Так и по отношению ко злу: можем погибнуть, откуда и не ожидали. Будем все тщательно осматривать, не станем упиваться — и не заснем; не будем пресы-

щаться – и не задремлем; не станем безумно бросаться на внешние блага – и пребудем трезвенны. Оградим самих себя со всех сторон. Как ходящим по натянутому канату нельзя быть даже и мало беспечными, потому что от этого малого происходит великое зло, – оступившись, они тотчас упадают вниз и погибают, так и нам не должно оставаться беспечными. Мы идем путем узким, с обеих сторон окруженным стремнинами, на котором не могут стоять обе ноги вместе. Видишь, сколько нужно нам осмотрительности? Ужели не видишь, что те, которые идут путем, окруженным стремнинами, не только осторожно ступают ногами, но и внимательно смотрят глазами? Хотя бы идущий ступал в известном месте по-видимому и осторожно и хотя бы нога его твердо стояла, но глаз, помутившись оттого, что посмотрел в пропасть, может низвергнуть его: ему надобно думать и о себе и о том, как ступать, – почему и сказано: *ни на десно, ни на шуе* (Притч. IV, 27). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густ мрак внизу, узок путь. Будем внимать себе со страхом, будем идти с трепетом. Идя по такому пути, никто не предается смеху и не обременяет себя пьянством, – идет по такому пути трезвенно и со вниманием. Идя таким путем, никто не несет ничего лишнего. И счастлив тот, кто, будучи хорошо препоясан, может благополучно пройти, и никто в таком случае не связывает себе ног, но оставляет их свободными.

5. Мы же, связывая самих себя бесчисленными заботами и возлагая на себя бесчисленные житейские бремена, будучи невнимательны и рассеянны̂, как можем надеяться, что пройдем по столь узкому пути? Не просто сказал: узок (путь), но выражая изумление: *что* узок путь! то есть весьма узок, – как делаем и мы, говоря о предметах весьма изумительных. И еще: *тесный*, говорит, *путь, вводяй в живот* (Мф. VII, 14). И справедливо сказал: *узок*. Когда мы должны отдать отчет и в словах, и в мыслях, и в делах, и во всем, то поистине (такой путь) узок. А мы делаем его еще уже, утучняя и расширяя самих себя и ступая небрежной ногой. Узкий путь труден для всякого, но особенно для тучного; между тем, напротив, истощающий себя даже не бу-

дет чувствовать тесноты, — кто научился стеснять себя, тот не будет жаловаться на стеснение.

Итак, пусть никто не ожидает при неге увидеть небо, — этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем, — это невозможно! Пусть никто из идущих по широкому пути не надеется (достигнуть) жизни. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь услаждает себя ваннами, дорогим столом или (многочисленной) прислугой, то не почитай себя несчастным ради того, что не имеешь этого, а пожалей о нем, потому что он идет путем погибели. В самом деле, какая польза от этого пути, когда он оканчивается скорбью? Напротив, какой вред от той тесноты, когда она вводит в покой? Скажи мне, если бы кто-нибудь, будучи позван в царские чертоги, шел узкими, скользкими проходами, а другой кто-либо, обреченный на смерть, влечен был серединой площади, то кого почли бы мы счастливым и о ком пожалели бы? Не о том ли, кто шел бы по пути широкому? Так и в настоящем случае, будем почитать счастливцами не тех, которые живут в роскоши, но тех, которые не живут в роскоши. Эти последние спешат на небо, а те — в геенну. Может быть, многие из них будут и смеяться над нашими словами; но потому-то особенно я и плачу, потому-то и рыдаю, что они не знают, над чем нужно смеяться и о чем всего более надобно плакать, но спутывают, извращают и искажают все. Потому-то я и плачу о них. Что говоришь ты, человек? Имея воскреснуть, отдать отчет в своих делах и понести строжайшее наказание, ты на это не обращаешь ни малейшего внимания, а заботишься о пресыщении и пьянстве, и сверх того еще смеешься? Но я плачу о тебе, зная, какие ожидают тебя несчастия и какое должно постигнуть тебя наказание, — потому-то особенно и плачу, что ты смеешься. Плачь же со мной, рыдай со мной о своих бедствиях. Скажи мне, если бы погиб кто-нибудь из твоих домашних, то не отворотился ли бы ты от смеющихся над его кончиной и не почел ли бы их врагами; напротив, не полюбил ли бы тех, которые вместе с тобой плакали бы и сетовали? Итак, когда бы жена твоя лежала мертвой, ты отворотился бы от того, кто стал бы смеяться; а когда умерла в тебе душа,

ты отворачиваешься от плачущего о ней, а сам смеешься? Видишь ли, как диавол расположил нас к тому, чтобы мы самим себе были врагами и неприятелями? Воспрянем же когда-нибудь, откроем глаза, пробудимся, займемся вечной жизнью, прервем долговременный сон! Есть суд, есть наказание, есть воскресение и испытание дел. Господь грядет на облаках, *огнь пред ним возгорится, и окрест его буря зельна,* говорит (псалмопевец) (Пс. XLIX, 3). Река огненная течет перед Ним, червь не умирающий, огнь не угасающий, тьма кромешная, скрежет зубов. Хотя бы вы тысячекратно досадовали на это, я не перестану об этом говорить. Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тем более нам должно переносить неудовольствия и не говорить бесед в угоду вам, чтобы за обольщение вас самим не быть рассеченными. Тем мука вечная, безотрадная, – защитника не будет. *Кто помилует,* говорится, *обаянника, змием усекнена* (Сир. XII, 13)? Когда мы сами себя не помилуем, кто помилует нас, скажи мне? Если бы ты увидел кого-либо, пронзающего себя мечом, то мог ли бы ты пощадить его когда-нибудь? Нет! Тем более, когда мы имеем возможность исправиться, и не исправляемся, кто пожалеет нас? Никто! Помилуем же самих себя. Когда мы молимся Богу, говоря: помилуй мя, Господи, – будем говорить это и самим себе и самих себя помилуем. В нашей власти то, чтобы Бог нас помиловал. Он Сам даровал нам это. Если будем делать достойное помилования, достойное Его человеколюбия, то Бог нас помилует. Если же мы самих себя не помилуем, то кто пожалеет нас? Помилуй ближнего и будешь помилован от Самого Бога. Как много людей ежедневно подходят к тебе, говоря: помилуй меня, а ты и не оборачиваешься! Сколько нагих, сколько увечных, а мы и не преклоняемся к их мольбам, но отвращаемся! Как же ты хочешь быть помилован, не делая сам ничего достойного помилования? Будем сострадательны, будем милостивы, чтобы таким образом угодить Богу и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Молим же вы, братие, знайте труждающихся у вас, и настоятелей ваших о Господе, и наказующих вы, и имейте их по преизлиха в любви за дело их: мирствуйте в них (1 Сол. V, 12–13)

1. Начальник по необходимости имеет много причин к тому, чтобы огорчать (других). Подобно тому, как врачи часто бывают принуждены во многом огорчать больных, приготовляя им и пищу, и лекарства, которые не имеют приятности, хотя приносят великую пользу, или подобно тому, как отцы бывают часто суровы к своим сыновьям, так и учители, и даже гораздо больше. Врач, хотя на него и негодует больной, встречает, однако, ласковый прием у его родных и друзей, а часто и у самого больного. Равным образом отец, основываясь на естественных и внешних законах, весьма легко может пользоваться властью над сыном. Хотя бы этот последний и неохотно выслушивал от него уроки и обличения, никто не помешает ему (давать их), и даже он сам (сын) не посмеет выразить неудовольствие во взоре своем. Напротив, у священника множество затруднений. И во-первых, он должен управлять так, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управление. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбой. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищим, то скажу нечто неприятное и тягостное. Если скажу: укроти гнев, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умерь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостным и неприятным. Если накажу беспечного, выведу его из церкви, или возбраню (участвовать) в общественной молитве, то он будет скорбеть, не потому, что удален от этого, а потому, что всенародно посрамлен. Между тем это есть усиление болезни, когда мы, будучи удаляемы от духовных благ, скорбим не о том, что лишаемся их, а о том, что посрамлены перед глазами людей, — не боимся, не ужасаемся самого дела. Потому-то в разных местах

Павел много говорит об этом. И Сам Христос до того признавал необходимой зависимость их (поучаемых), что сказал: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее. Вся убо елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте: по делом же их не творите* (Мф. XXIII, 2, 3). И еще, когда исцелил прокаженного, сказал: *шед покажися иереови, и принеси дар* твой, *егоже повеле Моисей, во свидетельство им* (Мф. VIII, 4). Но Ты же (Господи) говоришь: *творите его сына геенны сугубейша вас* (Мф. XXIII, 15)? Потому-то, говорит, и прибавил Я: что они творят, *не творите.* Таким образом Христос отнял у подчиненного всякий предлог (к непослушанию). А (Павел) говорит и в послании к Тимофею: *прилежащии же добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются* (1 Тим. V, 17); и в послании к Евреям говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17); и здесь опять: *молим же вы, братие, знайте труждающихся у вас, и настоятелей ваших о Господе.* Так как он сказал: *созидайте кийждо ближняго* (ст. 11), то чтобы они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, он присовокупил эти слова, как бы так говоря: я и вам поручаю назидать друг друга, так как учителю сказать всего невозможно. *Труждающихся,* говорит он, *у вас, и настоятелей ваших о Господе, и наказующих вы.* Но уместно ли это, скажешь? Что ты говоришь? Если кто-нибудь предстательствует за тебя перед человеком, то ты делаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А этот (священник) предстательствует за тебя перед Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности? Но как он предстательствует, спрашиваешь? Так, что он молится за тебя, что подает тебе духовный дар, сообщаемый через крещение, надзирает за тобой, поучает, вразумляет тебя, – в полночь, если позовешь, идет. Он ничего за это (не получает), разве только то, что подвергается твоему злословию и должен сносить твои укоризны. Какая ему нужда? Хорошо он сделал или худо? Ты имеешь жену, наслаждаешься удовольствиями, занят житейскими выгодами; а священник на то только посвятил себя, – для него нет другого занятия в жизни, кроме (служения) Церкви. *Имейте их,* говорит, *по преизлиха в любви за дело их: мирствуйте* в них. Видишь ли, как он знал встречающиеся

(в жизни) огорчения? Не просто говорит: *любите,* но: *по преизлиха,* как дети родителей, потому что через них вы родились рождением вечным, через них получили царство, их руками совершается все, через них отверзаются вам врата небесные. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что через него сподобился страшных таин. Скажи мне, если бы ты, пожелав видеть царские чертоги, повсюду блистающие золотом и сияющие драгоценными камнями, нашел человека, у которого от них ключи, и он, по твоей просьбе, тотчас отворил бы их и пустил тебя внутрь, то не предпочел ли бы ты его всем? Не полюбил ли бы его, как свои очи? Не целовал ли бы его? А этот (священник) отверз тебе небо, и ты его не любишь и не обнимаешь? Если ты имеешь жену, то не любишь ли более всех того, кто доставил тебе ее? Так, если любишь Христа, если любишь царство небесное, то уважай тех, через кого ты получил его! Вот почему (апостол) говорит: *за дело их: мирствуйте* в них. *Молим же вы, братие, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем* (ст. 14).

2. Здесь он обращает речь к начальникам. *Вразумляйте,* говорит, *безчинныя,* то есть не со строгостью и надменностью делайте им выговоры, но с снисхождением, с кротостью. *Утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем.* Ведь тот, кому делают строгие выговоры, ожесточившись, становится более дерзким и пренебрегает ими: поэтому через увещание надлежит сделать лекарство приятным. Но кто эти бесчинные? Конечно, те, которые поступают против воли Божией. Церковный чин стройнее чина воинского; вследствие того и ругатель бесчинен, и пьяница бесчинен, и любостяжатель, и все согрешающие: они идут в строе не чинно, а в беспорядке, почему и нарушают строй. Но есть и другого рода зло, которое хотя не так велико, однако не перестает быть злом. Какое это? Малодушие. И оно бывает причиной погибели, подобно беспечности. Малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящий искушений: он именно и есть посеянный на камне. Есть

и еще иного рода зло – немощь. *Заступайте,* говорит, *немощныя,* разумея немощных по вере, потому что и по отношению к ней бывает немощь. Но смотри, как он не допускает того, чтобы их презирали. Так и в другом послании он сказал: *изнемогающих в вере приемлите* (Рим. XIV, 1). Ведь и в наших телах мы не даем погибнуть немощному члену. *Долготерпите,* говорит, *ко всем.* Что же это? И к бесчинным? Именно так, потому что нет лекарства более приличного учителю и столько полезного подчиненным, как это. Им (священник) может вполне обратить, вполне пристыдить самого грубого и самого бесстыдного. *Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздает* (ст. 15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более – злом за добро, тем более воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. Ты хочешь мстить ему? Не мсти. Оставь его без наказания. Довольно ли будет этого? Нет! *Но всегда доброе гоните и друг ко другу и ко всем* (ст. 15). В том состоит высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но (платить) добром. Поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому и пользу тебе, вернее же сказать – великую пользу и ему, если он захочет. И чтобы ты не подумал, что это сказано по отношению к одним только верным, для этого (апостол) сказал: и *друг ко другу и ко всем. Всегда радуйтеся* (ст. 16). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого постигло несчастие: вот чем порождается радость! Именно, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злостраданиии, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? Возможно, если захотим. (Апостол) показал далее и путь к этому: *непрестанно молитеся, о всем благодарите: сия бо есть воля Божия* (ст. 17, 18). Всегда благодарить есть свойство любомудрствующей души. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: *буди имя*

Господне благословено во веки (Иов. I, 21). В самом деле, скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, потому что тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести, и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клевещут враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. *Душа же,* сказано, *согрешающая, та и умрет* (Иез. XVIII, 20). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, должно не мстить умершему, а молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужаливши, умирает? Через это насекомое Бог научает нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергнемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы. Хотя Писание и похваляет пчелу, когда говорит: *коль делательница есть: еяже трудов царие и простии в здравие употребляют* (Притч. VI, 8), однако ничто не может избавить ее от смерти, и она непременно должна погибнуть. Если же и ее не спасает превосходство в других отношениях, когда она делает зло, то тем более — нас.

3. Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал тебя; или, лучше, это даже и зверям несвойственно. В самом деле, они, если ты оставишь их обитать в пустыне и нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но пойдут своей дорогой. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такой властью, честью и славой, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: *почто не паче обидими есте, почто не паче лишени бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братию* (1 Кор. VI, 7, 8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие — в перенесении зла? В самом деле, скажи мне, если кто злословит начальников, если кто оскорбляет властителей, то кого он обижает —

себя или их? Очевидно, себя. Если же оскорбляющий начальника не его оскорбляет, а себя, то оскорбляющий человека не оскорбляет ли через него Христа? Нисколько, говоришь. Что ты говоришь? Кто бросает камни в изображения царя, тот в кого бросает? Не в самого ли себя? Итак, если бросающий камни в изображение царя земного побивает самого себя, то оскорбляющий образ Христов, – а человек есть образ Божий, – не обижает ли самого себя? До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиять против них, потому что они – причина всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытную страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого. Подлинно, это (есть следствие) какого-то обаяния, что золото и серебро ценятся у нас так высоко. О душах наших у нас нет попечения, между тем о бездушных идолах великая забота. Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые, по-видимому, благочестивы. Устыдимся евангельских заповедей: слова содержатся только в Писании, а в делах наших совсем не проявляются. Но какое благовидное объяснение приводят многие? У меня, говорят, дети, и я боюсь, чтобы и мне не встретилась необходимость (переносить) голод и бедность, чтобы я сам когда-нибудь не имел нужды в помощи других: мне стыдно просить милостыни. Так поэтому-то ты заставляешь других просить милостыни? Не могу, говоришь, голодать. Так поэтому ты других подвергаешь голоду? Ты знаешь, как страшно просить милостыни, как мучительно томиться голодом. Пощади поэтому своих братьев. Скажи мне, терпеть голод тебе стыдно, а грабить не стыдно? Ты боишься умереть с голоду, а заставлять других, чтобы они умирали с голоду, не боишься? Напротив, в этом нет ни стыда, ни преступления, чтобы самому быть голодным; между тем как подвергать других голоду – дело, влекущее за собой не только стыд, но и тягчайшее наказание. Но все это выдумка, обман и пустословие. Что действительно вы делаете это не для детей, тому свидетели те из вас, которые хотя детей не име-

ют и иметь не будут, однако же столько трудятся, изнуряют себя и собирают такое богатство, как будто бы надобно оставить его бесчисленному множеству детей. Не забота о детях делает тебя жадным до денег, а душевный недуг. Вследствие такого недуга многие, и не имея детей, до безумия пристрастны к деньгам; тогда как другие и при многосемейности презирают даже и то, что у них есть. Они обвинят тебя в тот день. В самом деле, если бы нужды детей заставляли тебя копить деньги, то и им надлежало бы иметь то же желание, ту же страсть. Если же они ее не имеют, то мы до безумия пристрастны к деньгам не от многосемейности, а по сребролюбию. Но кто, скажете, имея детей, презирает деньги? Многие, и повсюду; если хочешь, укажу даже на древних. Не двенадцать ли сынов имел Иаков? Не в наемниках ли проводил он жизнь? Не терпел ли он обид от тестя? Нечасто ли тесть обманывал его? А разве многосемейность заставляла его желать того, чего не должно? Или Авраам? Не имел ли, кроме Исаака, многих других детей? Но что же? Не для странников ли приобретал он имущество? Видишь ли, что он не только не обижал, но еще уступал из своего имущества, не только оказывая благодеяние, но и добровольно перенося обиды от племянника? А переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить. Почему? Потому, что это последнее есть плод (расположения) души и доброй воли, — оттого оно и легко, а то — наглость и насилие. Иной легче добровольно отдал бы тысячи талантов и не почел бы этого какой-нибудь потерею для себя, нежели кротко перенес бы, чтобы у него против его воли отняли три обола. В этом-то особенно и состоит любомудрие души. И это-то на самом деле видим мы в Аврааме: *виде,* сказано, *окрестную страну* Лот, и *напаяема бяше, яко рай Божий, и избра* ее (Быт. XIII, 10, 11). И (Авраам) нимало не прекословил ему. Видишь ли, что он не только не обижал, но еще сам был обижаем? Отчего же ты, человек, ссылаешься на своих детей? Не для того Бог даровал нам детей, чтобы мы похищали чужое. Смотри, не прогневи Бога, говоря это. Если, как ты говоришь, они виновники твоего хищения и корыстолюбия, то я боюсь, чтобы тебе не

лишиться их, как вредных и злоумышляющих. Бог даровал тебе детей для того, чтобы они имели попечение о тебе в старости, чтобы научались от тебя добродетели.

4. Он для того восхотел так устроить род человеческий, чтобы предуготовить через это две важнейшие вещи: во-первых, поставить отцов учителями (детей), во-вторых, породить большую любовь. В самом деле, если бы люди просто появлялись на свет, то никто не имел бы расположения ни к кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дети и внуки, многие не имеют попечения о многих, то тем более тогда. Вот для чего Бог даровал тебе детей. Итак, не слагай вину на детей. Если же те, у кого есть дети, не имеют никакого извинения, то что скажут в свое оправдание те, которые, не имея детей, изнуряют себя трудами для приобретения богатства? Впрочем, и у них есть некоторое оправдание, которое, конечно нисколько их не оправдывает. Какое же именно? Мы хотим, говорят, вместо детей оставить по себе памятником богатство. Поистине, весьма смешно! Вместо детей, говоришь, дом будет вечным памятником моей славы. Не славы твоей, человек, он будет памятником, а твоего любостяжания. Или ты не видишь, как многие теперь, проходя мимо великолепных домов, говорят между собой: сколько такой-то лихоимствовал, сколько он награбил, чтобы выстроить этот дом! Теперь сам он стал пеплом и прахом, а этот дом его достался в наследство другим! Итак, ты оставляешь по себе памятник не славы своей, а любостяжания. Тело твое уже сокрыто в земле, но памяти о твоем любостяжании, которая могла бы истребиться в течение времени, ты не даешь погибнуть, и своим домом невольно возобновляешь и поддерживаешь ее, так что до тех пор, пока он будет стоять, нося твое имя и называясь домом такого-то, уста всех непременно будут отверсты против тебя. Видишь ли, что лучше ничего не иметь, чем подпасть такому осуждению? И это только здесь; а там что будем делать, скажи мне, обладая здесь таким богатством и никому из него ничего не уделяя, или уделяя весьма мало? Как мы оправдаемся в любостяжании? Ведь тот, кто хочет искупить любостяжание, не малое дает из многого, но го-

раздо более того, что награблено, и вместе с тем еще перестает грабить.

Послушай, что говорит Закхей: *возвращу четверицею* против того, что я похитил (Лк. XIX, 8). А ты, отнимая десятки тысяч талантов, если и отдаешь несколько драхм, да и то с трудом, – думаешь, что возвратил все, и успокаиваешься, как будто отдал более, чем должно, между тем как надлежало бы отдать не только то, что награблено, но и прибавить из своего имущества. Как вор не оправдывается тем только, что отдает украденное, но часто отдает еще сверх того свою жизнь, или освобождается тем, что отдает в несколько раз более украденного, так и любостяжатель. Ведь и любостяжатель – вор и разбойник, даже хуже, потому что бесчеловечнее. (Вор) не настолько, по крайней мере, дерзок, он таится и налагает руку ночью, как бы стыдясь и боясь греха; напротив, любостяжатель, поправ всякий стыд, с открытым лицом среди площади грабит всех, будучи в одно и то же время и вором, и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что? Он поступает более дерзко, нежели те: на глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество. Это верх насилия! Он тем гнуснее (воров и разбойников), чем бесстыднее и бесчеловечнее. Потерявший что-нибудь вследствие обмана хотя и скорбит, но немало утешается тем, что обидевший его, по крайней мере, боится его самого; а тот не только претерпел зло, но еще подвергся презрению, не имея возможности противиться наглости, так как (возбудил бы) только больший смех. Скажи мне, если бы один скрытно соблудил с женой, а другой сделал это на глазах мужа, то который из них более оскорбил бы его и более в состоянии был бы его уязвить? Не последний ли? Он не только сделал зло, но и выказал презрение; а тот, если не другое что-либо показал, то по крайней мере – то, что боится обиженного. То же должно сказать в рассуждении денег: похитивший их тайно показал некоторого рода уважение тем самым, что тайно взял; а тот, кто взял явно и всена-

родно, вместе с убытком нанес и бесчестие. Перестанем поэтому похищать чужое, и бедные и богатые, – не к богатым только я обращаю свое слово, но и к бедным. Действительно, и они грабят у тех, кто беднее их, – и ремесленники, более достаточные и зажиточные, обманывают менее достаточных и беднейших, и лавочники – лавочников, и все торгующие. Поэтому я отовсюду хочу изгнать неправду. Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении ворующего. А что те, которые и малым не пренебрегают, в большей степени воры и любостяжатели, об этом, – знаю и помню, – я говорил вам, если только и вы помните. Впрочем, не будем распространяться об этом: пусть и они живут так же, как (должны жить) богатые. Приучим наконец сердца свои не желать большего, не домогаться многого. Пусть желание приобретать больше на небесах не находит себе предела, и там пусть каждый постоянно стремится дальше; но на земле всякий пусть довольствуется тем, что необходимо и что удовлетворяет наши нужды, и больше пусть никто ничего не ищет, чтобы таким образом мы могли достигнуть истинных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Духа не угашайте: пророчествия не уничижайте. Вся же искушайте: добрая держите. От всяния вещи злые отгребайтеся (1 Сол. V, 19–21)

1. Какая-то густая мгла, мрак и туман разлиты над всей землей. Указывая на это, апостол говорил: *бехом бо иногда тма,* и еще: *вы, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет* (Еф. V, 8 и 1 Сол. V, 4). Итак, вследствие того, что теперь ночь, так сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходим, Бог дал нам ясную лампаду, возжегши в душах наших благодать Святого Духа. Но, приняв этот свет, одни соделали его более ярким и ясным, как, например, Павел, как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев,

как те, которые претерпели кораблекрушение в вере, как коринфский блудник, как отпадшие галаты. Поэтому Павел говорит теперь: *духа не угашайте,* то есть дара, – потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Подобно тому, как тот, кто нальет воды, или бросит земли на этот свет в светильнике, или, даже ничего такого (не делая), только выльет из него масло, тушит свет, так бывает и с даром благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух, или, хотя бы ты не сделал ничего подобного, но если откуда-нибудь со стороны пришедшее искушение сильно устремилось на тебя, подобно некоторого рода ветру, и если пламень в тебе несильно горел или много было для него масла, или ты не закрыл отверстие (в светильнике), или не притворил дверей, то все погибло.

Что же составляет это отверстие? Подобно тому, как в светильнике, так и в нас (есть отверстие); это – глаз и ухо. Не попускай вторгаться в эти отверстия сильному духу лукавства, – иначе он погасит светильник, – но огради их страхом Божиим. Двери – это наши уста; затвори, загради их, чтобы и свет через них проходил и они отражали нападение отвне. Например, если кто-либо обидел тебя или оскорбил словами, ты затвори уста, потому что, если откроешь их, то воздвигнешь бурю. Разве не видишь в домах, когда две противоположные двери стоят одна прямо против другой, и когда поднимется сильный ветер, то как скоро затворишь одну из дверей и сквозного ветра не будет, ветер ничего не сделает, напротив, потеряет много силы? Так и здесь две двери: твои уста и уста оскорбляющего тебя и злословящего. Если закроешь уста свои и не откроешь воздуху свободного течения с противоположной стороны – уничтожишь всю (силу) ветра; если же откроешь их, то он сделается неукротимым. Итак, не будем угашать его (духа). Но случается часто, что этот пламень погасает и без всякой посторонней причины. Когда недостает елея, когда не творим милостыни, дух угасает. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то когда не находит в тебе этого плода, отлетает от тебя, потому что он не пребывает в душе немилостивой.

А что бывает после того, когда дух угасает, об этом знают из вас те, которые ходили в безлунную ночь. И если трудно идти ночью путем, ведущим с земли на землю, то как можно идти безопасно путем, ведущим от земли на небо. Ужели не знаете, сколько демонов на этом расстоянии, сколько зверей, сколько духов лукавства? Но если мы имеем в себе тот свет, то они не будут в силах повредить нам; а если погасим его, немедленно они уловят нас, немедленно отнимут у нас все. Так и разбойники сперва гасят светильник, и тогда уже грабят: они видят в этой тьме, потому что делают дела тьмы; а мы непривычны к такому свету. Итак, не будем угашать его. Всякое злое дело погашает этот свет: и злоречие, и обида, и всякий грех, какой бы ты ни указал. Как бывает с огнем – что все чуждое ему уничтожает его, а все сродное с ним его усиливает, так и с этим светом: что сухо, что жарко, что пламенно, то усиливает пламень духовный. Итак, не будем привносить к нему ничего холодного, ничего влажного; это истребляет его. Впрочем, есть другое изъяснение (приведенного из послания места). В те времена многие пророчествовали, одни истинно, другие ложно. Об этом (апостол) упоминает и в послании к Коринфянам, (говоря), что по этой причине Бог дал *различение духов* (1 Кор. XII, 10). Именно диавол, будучи лукав, хотел через этот дар пророчества низвратить все в Церкви. Вследствие того и тот и другой предсказывали будущее – и демон и дух, хотя первый ложно, а второй истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного от другого, так как и те и другие (пророки) учили, не давая отчета, подобно Иеремии или Иезекиилю. Но с течением времени (лживые пророки) были обличены и дарована была (способность) различать духов. Поэтому, так как в то время у фессалоникийцев многие пророчествовали, на что и в другом месте намекает (апостол), говоря: не ужасайтеся *ниже словом, ни посланием, аки от нас (посланнъм), яко уже настоит день Христов* (2 Сол. II, 2), то, сказавши: *духа не угашайте,* он благовременно присовокупил и следующие слова: *пророчествия не уничижайте.* Итак, он хочет здесь выразить следующую мысль: по той причине, что у вас есть несколько лжепроро-

ков, вы ради них не противодействуйте пророкам истинным и не отвращайтесь от них, — *не угашайте* их, то есть *пророчествия не уничижайте.*

2. Видишь, что значат слова его: *вся искушайте.* Так как он сказал: *пророчествия не уничижайте,* то чтобы не подумали, что он всем дает право пророчествовать, он говорит: *вся искушайте, добрая же держите,* то есть истинные пророчества. *От всякия вещи злыя отгребайтеся,* — не только от той или другой, но от всякой. Испытывайте и ложное и истинное, чтобы с знанием дела отличать вам одно от другого, и от первого удаляться, а держаться последнего. В самом деле, мы только тогда будем особенно ненавидеть первое и любить последнее, когда станем делать все не просто и без испытания, но после точного исследования. *Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных, и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится* (ст. 22– 23). Заметь любовь учителя. К увещанию он присоединяет и молитву, и притом еще в послании, так как нужны и наставление, и молитва. Потому-то и мы, преподав сначала наставление, потом молимся за вас, — и это знают посвященные в тайны. Правда, Павел по праву делал это, имея великое дерзновение перед Богом, а мы — находясь в уничижении и не имея дерзновения; но так как мы поставлены на это, то и делаем то же самое, несмотря на то, что мы недостойны и ходатайствовать и даже занимать место последних учеников. Именно, вследствие того, что благодать действует и через недостойных, не ради них, но ради ищущих пользы, — и мы присоединяем наши (молитвы). *Да освятит вас,* говорит, *всесовершенных, и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится.* Что обозначает он здесь словом «дух»? Дар (Святого Духа). Если мы выйдем с горящими светильниками, то войдем в брачный чертог; а если с погасшими, то — нет. Поэтому-то говорит: *всесовершен ваш дух;* когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим. *И душа,* говорит, *и тело,* — никакое зло не коснется ни души, ни тела. *Верен призвавый вас, иже и сотворит* (ст. 24). Смотри, какое смиренномудрие! После того, как он

произнес молитву, он сказал: не подумайте, что это исполнится вследствие моих молитв, но вследствие того намерения, по которому Бог призвал вас. Если Он призвал вас ко спасению, а Он истинен, то несомненно спасет, потому что желает этого. *Братие, молитеся* и *о нас* (ст. 25). О, какое смиренномудрие! Но если он сказал это по смиренномудрию, то мы не по смиренномудрию, а ради великой пользы и вследствие желания приобрести через вас нечто великое, говорим: молитеся и о нас. Если вы и не получили от нас значительной пользы, ничего такого, что было бы достойно удивления, то по крайней мере (молитесь за нас) ради самого нашего сана, ради самого имени. Некто имел детей, и хотя они не получили от него никакой пользы, но так как он был отцом их, то он обратил в укоризну им то, (что и они также не принесли ему пользы), сказав: даже в продолжение одного дня вы меня не называли отцом. Поэтому и мы говорим: молитесь и о нас, и говорим это не ради того только, чтобы говорить, но искренно желая ваших молитв. Если я принял на себя обязанность ходатайствовать о всех вас и должен буду дать отчет в этом, то тем необходимее становится для меня ваша молитва. Ради вас я принял на себя большую ответственность; следовательно, и вы должны подавать мне большую помощь. *Целуйте братию всю лобзанием святым* (ст. 26). О, какая теплота! О, какие мысли! Так как он, будучи в отсутствии, не мог сам приветствовать их лобзанием, то приветствует через других. Так и мы делаем, когда говорим: поцелуй его за меня. Так и вы сохраняйте в себе огонь любви, – расстояние не составляет для нее препятствия, напротив, она наполняет собой разделяющее пространство и везде находится. *Заклинаю вы, Господем, пронести послание пред всею святою братиею* (ст. 27). И здесь не столько наставление, сколько любовь: чтобы таким образом, говорит, мне и с ними беседовать. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, аминь* (ст. 28). И не просто повелевает он (прочитать послание всем), но с заклинанием, делая и это по влечению пламенного своего сердца, – чтобы они, если бы и не захотели обратить внимание на его просьбу, ради заклятия исполнили то, что было им заповедано. Тогда весь-

ма боялись этого; а ныне и это попрано. И часто бывает, что наказываемый раб, заклиная и Богом и Христом Его, говорит: дай Бог тебе умереть христианином, – и никто не слушает, никто не обращает на это внимания; если же будет заклинать (наказывающего) собственным его сыном, то всякий тотчас, хотя против воли, хотя с скрежетом зубов, уменьшает, однако, свою ярость. Опять иной, которого влекут и ведут на середину площади, в присутствии эллинов и иудеев, заклинает влекущего самыми страшными клятвами, – и никто не слушает его. Чего не скажут эллины, когда верный заклинает верного и христианина, и это не приносит ему никакой пользы, напротив, мы еще больше обнаруживаем к нему презрение?

3. Хотите ли, я расскажу вам одно происшествие, о котором сам слышал? Говорю не выдуманное мной, а слышанное от лица, заслуживающего доверия. Одна рабыня выдана была замуж за человека злого, преступного, бродягу. Муж ее наделал много зла, и госпожа решилась продать его, потому что проступки его были непростительны, между тем госпожа была вдова, не в состоянии была сама наказывать человека, разоряющего дом ее, вот и решилась его продать. Но считая делом нечестивым – разлучать мужа с женой, она вместо того, чтобы развести их, надумала продать вместе и жену, несмотря на то, что эта рабыня была ей полезна. Тогда рабыня, видя себя в затруднительном положении, пришла к одной почтенной, коротко знакомой с ее госпожой, особе, которая и рассказывала мне об этом, и, припавши к коленам ее, со многими слезами, умоляла заступиться за нее перед ее госпожой. Истощивши множество слов, она наконец присоединила одно страшное заклятие, надеясь при посредстве его более всего убедить ее. Заклятие было такого рода: не презри моего прошения, чтобы и Христос не презрел тебя в день судный. Сказав это, она удалилась. Но женщина, которую рабыня просила, будучи озабочена какими-то не терпящими отлагательства делами, обыкновенно встречающимися в домашней жизни, забыла (о ее просьбе). Потом в самый полдень вдруг пришло ей на память то страшное заклятие. Она весьма

встревожилась, отправилась немедленно, с полным усердием ходатайствовала и дело устроила. В ту же ночь она вдруг увидела отверстые небеса и Самого Христа; впрочем, видела настолько, насколько возможно женщине видеть. И именно потому она удостоилась такого видения, что всецело обратила внимание на это заклятие, – потому, что убоялась его. Я рассказал об этом для того, чтобы мы не пренебрегали заклятиями, особенно когда кто-либо умоляет нас о делах добрых, о милостыне, о человеколюбии. Но вот сидят нищие, лишенные ног, и смотрят, когда ты проходишь мимо них. Так как они не в состоянии идти за тобой, то надеются удержать тебя страхом заклятия, как бы некоторого рода удочкой, и, простирая к тебе руки, заклинают подать один или два обола; а ты, несмотря на то что тебя заклинают твоим Господом, проходишь мимо. Когда тебя заклинают твоими очами, отсутствующим мужем, сыном или дочерью, – ты тотчас уступаешь, твое сердце приходит в сильное движение, согревается; а когда заклинают тебя Господом, – проходишь мимо. Я знал многих (женщин), которые, услышав имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались, таяли от удовольствия и протягивали руку. Таким образом они сами заставляли несчастных нищих решаться на это смеха достойное дело. Так как они, употребляя сильные и скорбные выражения, не трогали их души, то должны были прибегнуть к такому средству, через которое могли доставить им особенное удовольствие. Таким образом великое наше нечестие принудило и убогого, и томимого голодом говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте.

И, о, если бы только это! Но, что еще несноснее, это заставило бедных сделаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищий, потрясая и повертывая в руках чашечки, стаканчики или ковшички, звенит ими, или, имея свирель, играет на ней срамные и сладострастные песни и припевает голосом, между тем его обступает толпа, и подают ему, кто – кусок хлеба, кто – обол, кто – что-нибудь другое, держат его долго и забавляются им, как мужчины, так женщины, – то что может быть несноснее этого? Не

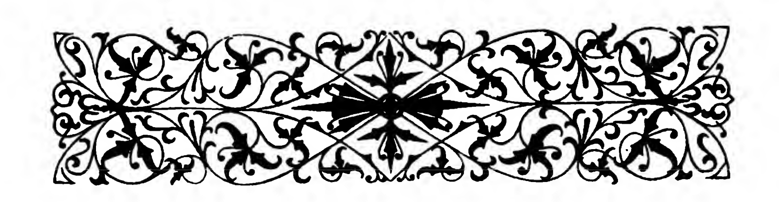
достойно ли это горьких слез? Конечно, это мелочи, – они и считаются за мелочи; но они порождают в наших нравах великие пороки. Ведь всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает саму душу. Нищего, который призывает Бога и испрашивает вам бесчисленных благ, вы не удостаиваете и слова; а кто вместо этого представляет какие-нибудь ребячества, на того вы глядите с удивлением. Но я скажу вам то, что мне пришло теперь на мысль сказать вам. Что же это такое? Когда ты подвергнешься бедности, или болезни, тогда не от иного кого, а именно от нищих, скитающихся по переулкам, научишься благодарить Владыку. Всю жизнь свою проводя в нищенстве, они не богохульствуют, не досадуют, не ропщут, но всегда говорят о своей бедности с благодарением, называя Бога великим и человеколюбивым. Истаивающий от голода называет Бога человеколюбивым; а ты, живя в достатке, если не присвоишь себе того, что принадлежит всем, называешь Его жестоким! Насколько же (нищий) превосходнее тебя! Как он осудит нас тогда! Бог определил, чтобы нищие были во всем мире общими для нас учителями и утешением в несчастье. Может быть, ты претерпел что-нибудь такое, чего бы не хотел? Но этого нельзя сравнить с тем, что терпит он. Ты лишился глаза? А он обоих. Ты страдаешь от продолжительной болезни? А он одержим болезнью неисцелимой. Ты лишился детей? А он – и собственного телесного здоровья. Ты потерпел великий убыток? Но ты не дошел еще до того, чтобы нуждаться в других. Поэтому благодари Бога. Ты видишь, что они, находясь в самой крайней бедности, просят у всех, но получают от немногих. Когда ты молишься до изнеможения и не получаешь просимого, то подумай, сколько раз ты слышал, как просил у тебя нищий, и ты не внимал ему, между тем он не досадовал, не оскорбил тебя. Ты поступал так по жестокосердию; но Бог по человеколюбию делает и то, что не внемлет тебе. Итак, если ты не считаешь себя заслуживающим порицания за то, что по жестокосердию не внимаешь подобному тебе рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда Он не внимает рабу Своему по человеколюбию? Видишь ли, какое неравенство, какая несправедливость?

4. Будем постоянно размышлять об этом, – о низших, о тех, которых постигло большее, нежели нас, несчастье, – и в этом будем находить побуждение благодарить Бога. В жизни весьма много таких поучительных примеров. Бдительный и внимательный человек многому может научиться, взирая тоже на молитвенные дома. В самом деле, в церквях и при гробницах мученических для того сидят в преддверии нищие, чтобы мы, глядя на них, получали великую пользу. Именно, подумай, что мы, когда входим в земные царские чертоги, не можем видеть ничего подобного, – отовсюду выходят тебе навстречу мужи важные, знаменитые, богатые и разумные; а в чертогах поистине царских, то есть в церкви и молитвенных домах, устроенных над гробами мучеников, – бесноватые, убогие, нищие, старые, слепые и увечные. Для чего же это? Для того, чтобы ты, глядя на них, научался, во-первых, тому, что, если входишь (во храм) с некоторой надменностью, ты должен, при виде их, оставить надменность, привести в сокрушение свое сердце и тогда уже входить и слушать то, что читают, – потому что молящийся с гордостью не может быть услышан, – далее тому, что ты, увидев старца, не должен гордиться молодостью, – потому что и эти старики были молоды, – еще тому, что ты, когда слишком тщеславишься воинским званием и властью, предоставленной тебе от царя, должен подумать, что и в числе их есть люди, которые некогда были знатными при дворах царей, наконец, тому, что ты, когда надеешься на телесное здоровье, должен, обратив на них внимание, смирить свою гордость. Таким образом, постоянно приходя сюда, здоровый не будет много мечтать о своем здоровье, а больной получит немалое утешение. Впрочем, не для того только они садятся здесь, но и для того, чтобы ты становился милосерднее и преклонялся на милость, еще для того, чтобы ты благоговел перед человеколюбием Божиим, – потому что если Бог не гнушается ими, но поставил их в преддверии дома Своего, то тем более ты (не должен гнушаться ими), – наконец для того, чтобы ты не слишком гордился великолепными чертогами земными. Итак, не стыдись, когда нищий зовет тебя по имени, и не отталкивай

его, когда он подойдет к тебе и обнимет твои колени. Ведь они в некотором смысле достойные удивления собаки царских чертогов. Я назвал их собаками не потому, чтобы хотел унизить их, – нет, – наоборот, чтобы воздать им великую похвалу. Они стерегут дворец Царя небесного; поэтому питай их; этим можешь воздать честь Самому Царю. Там, то есть в земных чертогах царских, все – гордость; здесь все – смиренномудрие. От самых уже преддверий ты вполне узнаешь, что все человеческое ничтожно; от сидящих там ты научаешься, что богатством нельзя благоугодить Богу. Их сидение и собрание служит некоторого рода назиданием для всего человеческого рода, громогласно вещая, что дела человеческие – ничто, что они – тень и дым. Если бы богатство было добро, то Бог не посадил бы нищих в преддверии Своего дома. А если Он богатых допускает сюда, то не удивляйся, потому что не для того допускает их, чтобы они оставались богатыми, но чтобы отложили гордость. Послушай, что говорит им Христос: *не можете Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24); и еще: *не удобь богатый внидет в царствие небесное;* или опять: *удобее есть велбуду сквозе иглины уши проити, неже богату в царствие Божие внити* (Мф. XIX, 23–24). Он для того принимает здесь богатых, чтобы они слышали слова эти, чтобы возлюбили богатство вечное, чтобы возжелали благ небесных. И что удивительного в том, что Бог не почитает нищих недостойными сидеть в своих преддвериях? Он не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к его духовной трапезе и соделались причастниками вечери его; напротив, хромой и увечный, одетый в рубище, грязный и неопрятный старик, вместе с красивым юношей, даже с облеченным в багряницу и имеющим на главе своей диадему, приступает приобщиться к трапезе и удостаивается духовной вечери, – те и другие сподобляются одного и того же, и нет никакого различия.

5. Таким образом Христос не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к его трапезе вместе с царем, – и они и он призываются вместе, – а ты, может быть, считаешь унизительным для себя, если другие увидят, что ты подаешь нищим или говоришь с ними? О, какое

высокомерие, какая надменность! Смотри, чтобы нам не претерпеть того же, что некогда претерпел богач. Он тоже не хотел и взглянуть на Лазаря и не давал ему ни пристанища, ни крова, и Лазарь лежал вне его дома, за воротами, и не удостаивался от него ни одного слова. Но смотри, как он, когда имел крайнюю нужду в его помощи, тоже не получил ее. Если мы стыдимся тех, кого не стыдится Христос, то стыдимся Христа, стыдясь друзей Его. Пусть наполнится трапеза твоя хромыми, увечными; Христос приходит в лице их, а не в лице богатых. Ты, может быть, смеешься, слыша это. Поэтому, чтобы ты не подумал, что это мои слова, послушай, что говорит Сам Христос, и не смейся, а трепещи. *Егда сотвориши обед или вечерю,* говорит Он, *не зови другов твоих, ни братии твоея, ни сродник твоих, ни сосед богатых, еда когда и тии тя такожде воззовут, и будет ти воздаяние: но егда твориши пир, зови нищия, маломощныя, слепыя, и блажен будеши, яко не имут ти что воздати: воздаст же ти ся в воскрешение праведных* (Лк. XIV, 12–14). Здесь и славы больше, если ты любишь ее. В самом деле, от первых и зависть, и ненависть, и пересуды, и злословие, и большое опасение, как бы не случилось чего-нибудь неприличного; притом, если званые будут важнее тебя, ты стоишь перед ними, как раб перед господином, опасаясь с их стороны укоризн и злословия. А со стороны последних ничего такого не бывает; но что бы ты ни подал им, они все принимают с удовольствием, и за все – великая благодарность, громкая слава и глубокое уважение. Все, которые узнают об этом, не столько хвалят тех (кто угощает знатных), сколько этих (кто угощает бедных). Если не веришь этому ты, богач, созывающий вождей и правителей, то сделай опыт, созови бедных, наполни ими трапезу, – и увидишь, не все ли будут хвалить тебя, не все ли будут тебя любить, не все ли будут считать тебя за отца. От тех угощений нет никакой пользы, а за эти уготовано небо и небесные блага, – коих и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ *

ВВЕДЕНИЕ. БЕСЕДА I

1. Сказав в первом послании, что день и ночь молимся о том, чтобы видеть вас, и что, не терпя более, мы остались в Афинах одни, и я послал Тимофея (см.: 1 Сол. III, 10, 1–2), (апостол) во всех этих (местах) выражает (перед фессалоникийцами) свое желание, которое он имел, – прийти к ним. Но так как, вероятно, он еще не имел возможности отправиться к ним и восполнить недостатки их веры, то по этой причине присовокупил это второе послание, желая посланиями заменить для них недостаток своего личного присутствия. А что он не ходил к ним, об этом можно догадываться из того, что он в (этом) послании к ним говорит: *молим же вы о пришествии Господа нашего Иисуса Христа* (2 Сол. II, 1). Между тем в первом послании он им говорил, что *о летех и временех не требе есть вам писати* (1 Сол. V, 1). Итак, если бы он был у них, то не имел бы надобности писать. Но так как исследование (этого вопроса) обращало на себя особенное внимание, то он и прибавил (к первому) это послание, подобно тому, как он говорит и послании к Тимофею, что иные *возмущают некоторых веру, глаголюще, яко воскресение уже бысть* (2 Тим. II, 18).

Это они делали с той целью, чтобы верующие, не ожидая в будущем ничего великого или светлого, отказались от

---

* Беседы эти произнесены святителем в Константинополе в 400 году.

своих подвигов. Так как эта надежда укрепляла их и не позволяла изнемогать им (в борьбе) с настоящим, то диавол, желая исхитить у них этот якорь, – здесь он, не будучи в состоянии уверить их в том, что будущее ложно, пошел к цели другим путем, – и воздвигнув некоторых злонамеренных людей, покушался обольстить легковерных тем, что будто все эти великие и светлые (надежды) уже исполнились. Итак, прежде эти люди говорили, что было уже воскресение мертвых, а теперь они утверждали, что уже приближается суд и пришествие Христово, чтобы таким образом и на Самого Христа возвести обвинение во лжи и, доказав, что в будущем нет ни воздаяния, ни суда, ни наказания, ни мучений для тех, которые творили зло, одних соделать еще более дерзкими, а других повергнуть в уныние. Но, что хуже всего, одни из них покушались только возвещать слова, будто бы сказанные Павлом, а другие даже выдумывали подложные послания, будто бы им написанные. Потому, преграждая им всякий путь, (апостол) говорит: *не ужасайтеся ниже духом, ниже словом, ни посланием аки от нас* (2 Сол. II, 2). *Ниже духом,* говорит, указывая этим на лжепророков. Но откуда узнаем это, спросит кто-либо? Из того, что прибавлено ниже; для того (апостол) и присовокупил: *целование* моею *рукою Павлею, еже есть знамение во всяком послании, сице пишу: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами* (2 Сол. III, 17, 18). Он не то говорит, что слова эти служат признаком, – вероятно, и другие могли подражать ему в этом, – но то, что я пишу приветствие моей собственной рукой, как это и теперь у нас бывает: по подписи можно узнать того, кто посылает письмо. (В этом послании апостол) утешает (фессалоникийцев), которые были очень угнетаемы бедствиями, с одной стороны, похваляя их за настоящие (подвиги), с другой – обращая (их внимание) на будущее, на наказание и награды праведных, уготованные им. По этому поводу он довольно ясно и подробно рассматривает этот вопрос, не открывая, впрочем, самого времени, хотя и указывает на признак этого времени – на антихриста. Душа немощная преимущественно тогда убеждается, когда не только услышит о чем-либо, но еще узнает нечто

более. Так и Христос имел об этом великое попечение, когда, сев на горе, с точностью изложил ученикам Своим все, что касалось кончины (мира). Для чего? Для того, чтобы не нашли для себя места те, которые вводят антихристов и лжехристов. И Он тоже указал на много признаков, и в числе их на важнейший, сказав: когда проповедано будет между всеми народами евангелие (см.: Мф. XXIV, 14), и на другой – чтобы не обольщались относительно Его пришествия: *якоже молния*, сказал Он, приидет (см.: Мф. XXIV, 27), которая не скрывается в каком-либо углу, но сияет повсюду. Не будет нужды в вестнике (Его пришествия), – так оно будет блистательно, – подобно тому как и молния не имеет нужды, чтобы кто-либо возвестил о ее появлении. Он сказал также в другом месте и об антихристе, когда говорил: *аз приидох во имя Отца моего, и не приясте мене: аще ин приидет во имя свое, того примете* (Ин. V, 43).

Он сказал также, что признаком этого времени будут служить непрерывные и невыразимые бедствия и что должен прийти Илия. Итак, фессалоникийцы недоумевали тогда относительно этого предмета, между тем их недоумение доставило нам пользу. Не только им, но и нам это полезно, чтобы отстать от детских сказок и болтовни старух. Разве вы не слыхали часто, еще в детстве, как некоторые много рассказывали об имени антихриста и о том, что он преклонит свои колени? Диавол старался посеять эти вымыслы в наши еще незрелые умы для того, чтобы это лжеучение росло вместе с нами и чтобы потом ему легче было обольстить нас. Не забыл бы сказать об этом Павел, говоря об антихристе, если бы это было полезно. Поэтому не будем заниматься исследованием этого. Он (антихрист) приидет не так, не преклоняя колени, но *превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией аки Богу, показующу себе, яко Бог есть* (2 Сол. II, 4). Подобно тому как диавол пал от гордости, так и тот, кто будет орудием его, будет напитан гордостью.

2. Поэтому, умоляю вас, постараемся все удаляться от этой страсти, чтобы нам не подпасть одинаковому с ним осуждению, чтобы не подвергнуться одинаковому с ним

наказанию, чтобы не соделаться причастниками его мучений. *Не новокрещену*, говорит, *да не разгордевся в суд впадет диавол* (Тим. III, 6). Следовательно, возгордившийся несет равное с диаволом наказание. Начало гордости, сказано, незнание Господа (см.: Сир. X, 14); начало греха – гордость, первое побуждение и движение ко злу; впрочем, может быть, и корень, и основание. Начало может означать или первое побуждение ко злу, или – основание его. Так, например, воздержание от непристойных зрелищ может быть названо началом целомудрия, то есть первоначальным побуждением. Но если мы назовем началом целомудрия пост, то здесь начало будет означать основание или опору. В таком смысле и гордость есть начало греха. С нее и начинается всякий грех и в ней находит свою опору. Сколько бы мы ни совершили добрых дел, этот порок не позволяет им укрепиться в нас и неразлучно с нами пребывать, но, подобно какому-либо корню, препятствует им оставаться в нас непоколебимыми. Это видно из следующего. Смотри, сколько (добрых дел) творил фарисей; между тем это не принесло ему ни малейшей пользы, потому что он не отсек корня, который и разрушил все. От гордости происходит презрение к бедным, страсть к деньгам, властолюбие и славолюбие. Гордый человек расположен мстить за обиды. Гордый не может равнодушно переносить обиды ни от высших, ни от низших; а кто не переносит спокойно обиды, тот не в состоянии переносить и несчастье. Вот каким образом гордость есть начало греха. Но как началом гордости может быть незнание Бога? Очень просто. Кто знает Бога так, как нужно знать, кто знает, до какой степени Сын Божий смирил Себя, тот не превозносится, а кто не знает этого, тот превозносится. Гордость ведет к надменности. Скажи мне: отчего враждующие на Церковь Божию говорят, что они знают Бога? Не от гордости ли? Видишь ли, в какую пропасть ввергло их незнание Бога? Если Бог любит дух сокрушенный, то, напротив, Он противится гордым, а смиренным дарует благодать. Итак, нет зла, равного гордости. Она превращает человека в демона, наглого, богохульствующего, клятвопреступника; она возбуждает в нем жажду

убийства. Человек надменный постоянно сокрушается скорбью, постоянно досадует, постоянно сетует. Ничто не может утолить его страсти. Если бы даже он видел, что царь униженно преклоняется и благоговеет перед ним, то и тогда не удовлетворился бы этим, но еще более воспламенился бы. Подобно тому, как сребролюбцы, чем больше приобретают, тем большего желают, так и гордые: чем большей пользуются честью, тем больше домогаются ее. Страсть их постепенно возрастает, – а это действительно (есть страсть), – страсть же не знает предела, но прекращается только тогда, когда убьет того, кто одержим ею. Разве не видишь, что преданные пьянству постоянно сгорают от жажды? Страсть не есть естественная потребность, но в некотором роде все извращающая болезнь. Разве не видишь, что люди, одержимые так называемым волчьим голодом, постоянно голодают? Это страсть, как утверждают врачи, преступившая естественные пределы. Подобным образом и люди, неумеренно любознательные и любопытные, сколько бы они ни узнавали, не останавливаются ни на чем; это у них страсть, не имеющая границ. Опять те, которые находят наслаждение в любодеянии, не умеют положить конца своим пожеланиям: *человеку блудну*, говорится, *всяк хлеб сладок, не престанет, дондеже умрет* (Сир. XXIII, 23). Это тоже страсть. Впрочем, хотя страсти и составляют некоторого рода недуг, однако они не неизлечимы; напротив, они способны к уврачеванию и даже больше, нежели телесные недуги. Если только мы захотим, то можем потушить их. Как же можно потушить гордость? Нужно для этого познать Бога. Если она происходит от незнания Бога, то когда познаем Его, от нас удалится всякая гордость. Подумай о геенне, подумай о тех, которые гораздо лучше тебя, подумай о том, насколько ты виновен перед Богом. Если подумаешь об этом, то скоро укротишь свой разум, скоро смиришь его.

Но ты не можешь этого сделать? Ты очень слаб? Подумай о настоящем, о природе самого человека, о том, как ничтожен человек. Когда увидишь человека мертвого, которого несут через площадь, его осиротевших детей, про-

вожающих его, плачущую вдову, рыдающих слуг и скорбных друзей, то размысли при этом о ничтожестве всего настоящего, о том, что оно ничем не отличается от тени и сновидения. Но ты не хочешь этого (сделать)? Подумай о людях, владевших великими богатствами, которые совершенно разорились во время войны. Посмотри на дома великих и знаменитых людей, теперь обращенные в развалины. Подумай, как сильны были эти люди, а теперь исчезла и память о них. Каждый день, если захочешь, ты можешь находить подобные примеры: смену правителей, отобрание в казну имущества богатых. *Мнози мучители седоша на земли, нечаемый же увязеся венцем* (Сир. XI, 5). Не каждый ли день случается подобное? Не походит ли судьба наша на колесо? Прочти об этом, если хочешь, и наши сочинения, и то, что написано у языческих писателей, – ведь и их сочинения полны такого рода примеров, – если по гордости презираешь наши. Если ты уважаешь одни только произведения философов, то приступи к ним, – и они тебя научат, рассказывая о несчастьях, которые постигли древних, – и поэты, и ораторы, и софисты, и вообще все писатели. Везде, если хочешь, найдешь такого рода примеры. Если же не хочешь заняться всем этим, то размысли о собственной природе нашей, о ее происхождении и конце, ее ожидающем. Подумай, что значишь ты в то время, когда спишь? Не может ли в это время умертвить тебя самое малое животное? Со многими часто даже случалось, что небольшое животное, упав с кровли, лишало их зрения или было причиной другого несчастья. Что же? Разве ты не ниже всех животных? Что скажешь против этого? То, что ты наделен разумом? Но вот у тебя и разума нет, потому что гордость – признак неразумия. Отчего же ты после этого превозносишься, скажи мне? Может быть – здоровым состоянием своего тела? Но в этом отношении преимущество остается на стороне бессловесных. Это свойство находим и у воров, и у убийц, и у грабящих могилы. Благоразумием ли своим? Но гордость несвойственна благоразумию, напротив, через нее ты лишаешь себя права носить название благоразумного. Поэтому обуздаем наши помыслы, будем скромны, смиренномудры,

кротки. Таких особенно ублажает Христос, говоря: *блажени нищии духом* (Мф. V, 3); и опять, взывая, говорит: *научитеся от мене, яко кроток есмъ и смирен сердцем* (XI, 29). Для того и умыл Он ноги Своим ученикам, чтобы показать нам пример смиренномудрия. Постараемся из всего этого извлечь для себя пользу, чтобы мы могли получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА II

Павел и Силуан и Тимофей церкви Солунстей о Бозе Отце нашем и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (2 Сол. I, 1—2)

1. Большая часть людей все делает и предпринимает с той целью, чтобы заслужить себе расположение и начальников, и тех, которые знатнее их, – и они высоко ценят это (расположение) и считают себя счастливыми, когда достигают того, чего желают. Но если так важно заслужить расположение подобных себе людей, то что же значит снискать благодать у Бога? Поэтому-то (апостол) всегда в начале своих посланий полагает (такого рода благожелания) и молится об этом, зная, что где есть благодать Божия, там не может иметь места никакое несчастье, но как бы ни были велики наши бедствия, все они прекратятся. И чтобы научить вас этому (приведу следующее): Иосиф находился в рабстве, был молод, неопытен и простосердечен, – и вдруг вручено ему было управление домом, и он давал отчет в этом египетскому вельможе. А вы знаете, какой это вспыльчивый и несговорчивый народ; притом, так как к этому еще присоединялась власть и могущество, то и гнев его, возбуждаемый сознанием своего могущества, становился еще сильнее. Это видно даже из того, как он поступил впоследствии. (Иосиф) пострадал вследствие обвинения госпожи, – хотя вероятнее было то предположение, что подвергся насилию не тот, кто имел в руках одежду, но тот, у кого она отнята. Поэтому следовало сказать к

ней: если бы ты возвысила голос, то он убежал бы и, сознавая свою виновность, не дожидался бы прихода господина. Но он (египтянин) ничего этого не взял во внимание, напротив, безрассудно увлекшись гневом, бросил (Иосифа) в темницу. Так безрассуден был этот человек. Хотя он имел возможность из других обстоятельств выводить заключение о благонамеренности и рассудительности этого человека, однако по своему крайнему неблагоразумию он ничего этого не принял в соображение. Итак, тот, кто находился во власти столь злого господина, кому вверено было управление целым домом, кто был пришельцем, одиноким и неопытным, после того, как Бог обильно излил на него Свою благодать, – перенес все искушения так, как будто они ничего не значили: и клевету госпожи, и опасность смерти, и темничное заключение, и, наконец, приблизился к царскому престолу. Итак, видел этот блаженный (Павел), какое значение имеет благодать Божия, и потому молит о ниспослании ее на них. Впрочем, он имеет здесь в виду еще и нечто другое. Именно, желая расположить их в пользу того, о чем намеревался писать в послании, – чтобы они, если бы даже он обличал и укорял их, не отступили от него, – с этой целью прежде всего приводит им на память благодать Божию и таким образом смягчает их сердце, чтобы они, если бы даже испытали какое-либо огорчение, вспомнив о благодати Божией, которой спасены от больших зол, не пришли в уныние, подвергаясь меньшим, но в ней находили для себя утешение. Подобно тому и в другом послании он пишет: *аще враги бывше примирихомся Богу смертию Сына его, множае паче примирившеся спасемся в животе его* (Рим. V, 10). *Благодатъ вам,* говорит, *и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благодарити должни есмы Бога всегда о вас, братие, якоже достойно есть* (ст. 3). Заметь избыток смирения! Сказав: *благодарити должни есмы,* дает им заметить и понять, что если другие, взирая на их подвиги, удивляются прежде всего не им, а Богу, то тем более мы (должны так поступать). С другой стороны, он ободряет их сердца тем, что по поводу переносимых ими страданий надлежит не плакать и рыдать, а благодарить Бога. И если Павел благода-

рит (Бога) за чужие блага, то что должно постигнуть тех, которые не только не благодарят, но еще терзаются завистью? *Яко превозрастает вера ваша и множится любовь единаго коегождо всех вас друг ко другу* (ст. 3). Как же, ты спросишь, может возрастать вера? Как? Когда мы терпим ради ее какие-нибудь бедствия. Поэтому много значит оставаться непреклонным (в вере) и не колебаться помыслами; когда усиливаются порывы ветров, когда идут проливные дожди, когда со всех сторон поднимается жестокая буря, когда сгущаются волны, и мы, несмотря на это, остаемся непоколебимыми, то это служит признаком не чего-либо другого, как только того, что возросла и превозросла и более возвышенной соделалась (наша вера). Подобно тому как при наводнении все ровные и низменные места скоро покрываются водой, а возвышенные остаются недостижимыми для нее, так и вера, которая достигла известной высоты, уже не ниспадает. Вот почему (апостол) не сказал: возрастает, но: *превозрастает вера ваша и множится любовь единаго коегождо всех вас друг ко другу*. Видишь ли, что в скорбях помогает нам и то, когда мы взаимно ограждаем и поддерживаем друг друга? Это доставляет также великое утешение. Итак, слабую любовь и веру скорби колеблют, а твердую соделывают более крепкой. Действительно, душа немощная, находясь в скорби, ничего не может перенести; напротив, душа крепкая тогда особенно и обнаруживает силу. Обрати внимание на любовь (фессалоникийцев). Они не так поступали, чтобы одного любить, а другого нет; напротив, их любовь была равна ко всем, – на это именно указал (апостол), когда говорит: *единаго коегождо всех вас друг ко другу*, – потому что их любовь в равной мере простиралась на всех, как на членов одного тела. Правда, и в наше время мы находим любовь между многими, но такую любовь, которая бывает причиной раздора. В самом деле, когда мы будем по два или по три соединяться между собой, и эти два, или три, или четыре будут находиться между собой в большем согласии, а от всех прочих будут отделяться, так что между теми и другими уже не будет взаимного содействия и во всем доверия, – то это будет расторжение любви, а не любовь. Ска-

жи мне: если глаз то попечение, какое он имеет о всем теле, перенесет на одну руку и, оставив без внимания все прочие члены, только о ней одной будет заботиться, то не повредит ли он этим всему телу? Без сомнения. Так и мы, если любовь, которая должна распространяться на всю Церковь Божию, сосредоточим на одном или двух только, то повредим этим и самим себе, и им, и вообще всем. Это свойственно не любви, а разобщению, разъединению и раздору. Так, если бы я взял от целого человека оторванную какую-либо часть, то хотя эта оторванная часть сама по себе составляла бы нечто единое, связное и стройное, однако она оставалась бы оторванной частью, потому что не находилась бы в связи с целым телом.

2. Какая польза от того, что такого-то ты любишь весьма сильно? Это любовь человеческая. А если не человеческая, и ты любишь его для Бога, то люби всех, потому что Бог заповедал столько же любить и врагов. Если же Он заповедал любить врагов, то насколько более тех, которые нас ничем не огорчили? Но я люблю (и врагов), скажешь, хотя и не так сильно. Скажи лучше, что ты вовсе не любишь их. Когда ты осуждаешь (врага), когда завидуешь ему, когда злоумышляешь против него, то как (можешь сказать, что) ты его любишь? Я ничего такого не делаю, говоришь ты. Но когда ты слышишь про него что-нибудь дурное и не заграждаешь уста говорящему, не отказываешься верить тому, что говорят, не прекращаешь (таких речей), то ужели это признак любви? *И множится*, говорит, *любовь единаго коегождо всех вас друг ко другу, яко самем нам хвалитися о вас в церквах Божиих* (ст. 4). В первом послании он говорил, что все Церкви Македонии и Ахаии распространили о них молву, узнав о их вере: *яко не требовати*, говорит, *нам глаголати что: тии бо о вас возвещают, каков вход имехом к вам* (1 Сол. I, 8, 9); а здесь говорит: *яко самем нам хвалитися*. Что же значат эти слова? Там (апостол) говорит, что (иные) не нуждаются в том, чтобы мы им рассказывали (о ваших подвигах); а здесь он не говорит, что мы рассказываем о них, но хвалимся и превозносимся ими. Поэтому, если мы и благодарим Бога за вас и хвалимся вами перед людьми, то тем более вы долж-

ны поступать так относительно того, что доставляет нам утешение. Если ваши добрые дела удостаиваются того, чтобы другие хвалились ими, то возможно ли сказать (что они составляют) для нас причину скорби? *Яко самем нам,* говорит, *хвалитися о вас в церквах Божиих, о терпении вашем и вере.* Здесь он указывает на то, что уже много прошло времени (от начала их страданий), потому что терпение обнаруживается в течение долгого времени, а не в два или три дня. И не просто говорит только о терпении. Конечно, терпение выражается уже и в том, когда человек не наслаждается обещанными ему благами; но в настоящем случае он говорит о большем терпении. О каком же это? О таком, которое рождается вследствие гонений. Что он именно на это намекает, видно из того, что он дальше присовокупляет и говорит: *во всех гонениих ваших и скорбех, яже приемлете.* Они постоянно жили среди врагов, которые старались со всех сторон наносить им вред, и несмотря на то они обнаруживали непреклонное и непоколебимое терпение. Пусть устыдятся поэтому те, которые ради покровительства человеческого переменяют свои убеждения. Еще в самом начале (евангельской) проповеди, люди бедные и жившие дневным трудом вступили во вражду с людьми, которые управляли государством и занимали в нем первые места, – когда еще ни один царь и ни один правитель не находился в числе верующих, – выдержали они непримиримую брань, и несмотря на то не отказались (от своих убеждений). *Показание праведнаго суда Божия* (ст. 5). Смотри, как он одно утешение прилагает к другому. Он сказал, что благодарим Бога, сказал, что хвалимся перед людьми, – и это уже утешительно; но то, чего всего больше ищет страждущий, состоит в освобождении от бедствий и в наказании тех, которые причиняли ему зло. Действительно, душа, когда бывает немощна, больше всего желает этого; напротив, душа любомудрая и того даже (не желает). Что же значат слова: *показание праведнаго суда Божия?* Этим (апостол) указал на двоякое воздаяние: одно – для тех, которые делают зло, а другое – для тех, которые переносят его. Он как будто так говорил: чтобы открылась в этом правда Божия, что Он вас увенчает, а тех накажет.

Вместе с этим он утешает их, показывая, что они будут увенчаны за свои труды и заботы, согласно с требованием справедливости. Но прежде он говорит то, что касается их самих. Действительно, хотя бы кто и сильно желал отомстить за себя, однако прежде всего ищет он награды себе. Поэтому-то (апостол) и присовокупил: *во еже сподобитися вам царствия Божия, егоже ради и страждете.* Итак, причина их страданий заключается не в том, что их гонители сильнее их, но в том, что этим именно путем они должны войти в царство. *Яко многими,* говорит, *скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. XIV, 22). *Аще убо праведно у Бога, воздати скорбь оскорбляющим вас,* и *вам оскорбляемым отраду с нами, во откровении Господа Иисуса с небесе, со ангелы силы своея* (ст. 6, 7). *Аще* поставлено здесь вместо яко, – подобно тому как и мы употребляем (это выражение), говоря о предметах, которые считаем несомненными и неоспоримыми. Вместо того, чтобы сказать: весьма справедливо, он говорит: если справедливо перед Богом то, чтобы они подверглись мщению, то Он несомненно отомстит, – подобно тому как если бы кто сказал: если Бог заботится о предметах (мира), если Бог имеет попечение. Так и (апостол) употребил выражение «если», говоря о том, на что все были согласны, подобно тому, как если бы кто сказал: если Бог ненавидит злых людей, – употребляя это выражение с той целью, чтобы заставить других сказать, что ненавидит, – а такого рода суждения не подлежат ни малейшему сомнению, потому что они сами знали, что это справедливо. И если это справедливо перед людьми, то тем более перед Богом. *Воздати,* говорит, *скорбь оскорбляющим вас,* и *вам оскорбляемым отраду с нами.*

3. Что же? Ужели воздаяние будет равняться (поступкам)? Нет. Напротив, смотри, как из того, что он говорит после, открывается, что и наказание будет гораздо суровее, и награда гораздо значительнее. Вот и другое утешение (апостол говорит), что участвовавшие в страдании будут иметь одинаковый удел и в воздаянии, – это именно значит выражение: *с нами,* – уравнивая их таким образом в венцах с теми, которые совершили бесчисленные и гораздо большие подвиги. Далее он прибавляет к этому указание

на время воздаяния, и посредством описания (самого события) возводит их мысли, как бы отверзая своим словом небеса и представляя их взору, и окружает Его (Господа) ангельским воинством, начертывая таким образом блестящее изображение как самого места, так и того, что на нем находится, чтобы через это дать им (фессалоникийцам) возможность несколько прийти в себя. И *вам оскорбляемым отраду с нами, во откровении Господа Иисуса с небесе, со ангелы силы своея, во огни пламенне, дающаго отмщение не ведущим Бога и не послушающим благовествования Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 8). Если те, которые не слушаются Евангелия, подвергнутся наказанию, то чего не испытают те, которые при этом непослушании еще оскорбляют вас? Но заметь, прошу, мудрость (апостола). Он не сказал здесь: оскорбляющим вас, но: *не послушающим.* Следовательно, если не в отмщение за вас, говорит, то в отмщение за Самого Себя (Господь) необходимо должен подвергнуть их наказанию. Таким образом это сказано для большего удостоверения в том, что, во всяком случае, (гонители) должны быть наказаны, а предыдущее – для удостоверения в том, что (гонимые) удостоятся чести. Итак, удостоверение в неизбежности наказания приводит их к вере, а утешение – в том, что (гонители) подвергнутся этому страданию в отмщение за причиняемые верующим обиды. Хотя это было сказано к ним (фессалоникийцам), однако может иметь отношение и к нам. Поэтому когда будем находиться в несчастье, будем размышлять об этом. Не будем радоваться наказанию других потому, что мы отомщены, но будем радоваться тому, что мы сами избежали такого наказания и взыскания. В самом деле, какая нам польза от того, что другие подвергнутся наказанию? Не будем поэтому, умоляю вас, питать в себе такого душевного расположения; пусть мысль о царстве побуждает нас вести добродетельную жизнь. Правда, тот, кто вполне добродетелен, руководствуется не страхом и не желанием приобрести царство, но Самим Христом, подобно тому, как делал Павел. Но мы будем помышлять о благах в царстве и о мучениях в геенне, и по крайней мере таким образом будем правильно образовывать и воспитывать себя, будем таким обра-

зом побуждать себя к исполнению того, что должны исполнить. Когда в настоящей жизни увидишь что-либо хорошее и великое, тогда подумай о небесном царстве, – и убедишься, что виденное тобой ничтожно. Когда (увидишь) что-либо страшное, то подумай о геенне, – и ты посмеешься над тем. Когда овладеет тобой плотская похоть, подумай об огне, размысли о самом удовольствии от этого греха, что оно ничтожно и что даже не приносит собой удовольствия. Если опасение преступить законы, которые здесь изданы, имеет такую силу, что удерживает нас от злодеяний, то тем более памятование о будущем, непрестанное мучение, наказание вечное. Если страх перед земным царем удерживает нас от стольких преступлений, то тем более страх перед Царем вечным. Каким же образом мы можем постоянно возбуждать в себе этот страх? Если будем всегда внимательны к словам Писания. В самом деле, если один вид мертвеца до такой степени смиряет наш ум, то насколько более геенна и огонь неугасающий, насколько более червь неумирающий? Если бы мы постоянно помышляли о геенне, то не скоро низринулись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышление о геенне не приносило нам великой пользы, то Бог и не угрожал бы ею; но так как память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он как бы некоторое спасительное лекарство посеял в наших душах грозную мысль о ней. Поэтому не будем пренебрегать великой пользой, которая отсюда рождается, но сделаем ее постоянным предметом разговора во время утреннего и вечернего стола. Разговор о приятных предметах не приносит ни малейшей пользы для нашей души, напротив, соделывает ее более немощной, между тем беседа о предметах печальных и скорбных отсекает от нее всякую рассеянность и изнеженность, обращает ее на истинный путь и воздерживает даже тогда, когда она покорилась немощи.

Кто рассказывает о театрах и актерах, тот не доставляет этим нашей душе ни малейшей пользы, напротив, еще более разжигает ее и соделывает более легкомысленной. Кто занимается чужими делами и любопытствует узнавать их, тот часто через такое любопытство подвергает ее

опасности. А тот, кто говорит о геенне, не подвергается никакой опасности и в то же время соделывает душу свою более целомудренной. Может быть, ты боишься таких страшных речей? Не думаешь ли ты, что погасишь геенну, если не будешь говорить о ней? Или – что воспламенишь ее, если будешь говорить? Будешь ли ты говорить, или нет, – огонь (геенский) все же будет гореть. Постоянно говори о ней для того, чтобы никогда не впасть в нее. Невозможно, чтобы душа, постоянно занятая мыслью о геенне, скоро согрешила. Выслушай поэтому превосходное наставление: *поминай,* говорится, *последняя твоя и во веки не согрешиши* (Сир. VII, 39). Быть не может, чтобы душа, которая боится быть призванной к отчету в своих поступках, не была ленивой к преступлениям. Страх, укрепившись в нашем уме, не оставляет в нем места ничему мирскому. Если речь о геенне, только по временам занимающая нас, так смиряет и укрощает, то мысль о ней, постоянно пребывающая в душах, не лучше ли всякого огня очищает душу? Не столько будем помнить о царстве, сколько о геенне, потому что страх имеет больше силы над нами, чем обетования, – и я знаю, что многие пренебрегли бы тысячью благ, если бы только остались свободными от наказаний; так и для меня теперь довольно только того, чтобы я не подвергся взысканию, чтобы я не был наказан. Никогда не впадет в геенну тот, кто всегда имеет ее перед глазами. Никогда не избежит геенны тот, кто презирает ее. Подобно тому как у нас тех людей, которые боятся судилищ, не влекут на судилища, напротив, те, которые ими пренебрегают, чаще всего подвергаются им, – так и там. Если бы ниневитяне не убоялись погибели, то они погибли бы; но так как они убоялись, то и не погибли. Если бы жившие при Ное устрашились потопа, то и не погибли бы в потопе. И содомляне, если бы убоялись, не были бы потреблены огнем. Великое зло – пренебрегать угрозами. Кто пренебрегает угрозами, тот вскоре на опыте узнает их следствия. Ничего не может быть полезнее беседы о геенне; она соделывает наши души чище всякого серебра. Послушай, что говорит пророк: суды твои *предо мною* всегда (Пс. XVII, 23). И Христос по-

стоянно беседовал о геенне, потому что хотя это печалит слушателя, однако и приносит ему величайшую пользу.

4. Такие (свойства) имеет все то, что полезно, – и не удивляйся этому. Ведь и лекарства, и яства бывают сначала неприятны для больного, но потом приносят ему пользу. Если же мы не можем перенести неприятных для нас речей, то очевидно, что не будем в состоянии перенести тяжких испытаний на деле. Если никто из нас не в состоянии переносить слова о геенне, то очевидно, что если бы нас постигло гонение, никто из нас не был бы в состоянии устоять против огня, против меча. Будем упражнять наш слух, чтобы не сделаться нам изнеженными: от слов можем перейти и к делам. Если привыкнем слушать страшное, то привыкнем и переносить страшное. А если до того будем изнеженны, что не будем в состоянии даже переносить слов, то как устоим против событий? Видишь ли, как блаженный Павел презирал все случающееся в здешнем мире, даже беспрестанные опасности? Отчего это? Оттого, что он научился презирать даже геенну для тех, которых возлюбил Бог. Из любви ко Христу он ни во что вменял перенесение мучений в геенне; а мы для своей собственной пользы не можем переносить даже речи о ней. Теперь, немного послушав, вы отойдете (отсюда); но я умоляю вас, если только есть в вас сколько-нибудь любви, постоянно заниматься разговорами о подобных предметах. По крайней мере это нисколько вам не повредит, если уже не доставит пользы; но, без сомнения, доставит и пользу. Смотря по тому, какова наша беседа, такова становится и душа. *Тлят,* сказано, *обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). Следовательно, благие беседы приносят пользу, – следовательно, беседы, внушающие страх, делают целомудренными. Душа наша подобна воску. Если будешь вести холодные речи, то сделаешь ее твердой и жесткой; а если пламенные, то смягчишь ее. А смягчив, можешь дать ей такой вид, какой будет тебе угодно, и начертать на ней царский образ. Заградим поэтому слух наш от праздных разговоров: они немалое составляют зло, от них происходит всякое зло. Если бы наш ум научился внимать божественным словам, то он не

обращал бы ни на что другое внимания; а не обращая внимания на что-либо другое, он никогда не решился бы на худые поступки. Слово есть путь к делам, – сначала мы думаем, потом говорим, потом действуем. Часто многие, даже целомудренные люди, от постыдных слов переходили к постыдным делам. Наша душа по природе ни добра, ни зла; но то и другое в ней зависит от свободной воли. Подобно тому как парус, куда подует ветер, туда подвигает корабль, или лучше – как руль направляет корабль, если дует попутный ветер, так и наш ум, если благоприятный ветер доносит до него добрые речи, плывет безопасно, а если дуют противные ветры, то нередко утопает. Что для кораблей ветры, то для души слова. Куда хочешь, туда и можешь подвинуть и направить ее. Поэтому некто, поучая нас, сказал: *вся повесть твоя* да будет *в законе Вышняго* (Сир. IX, 20). Поэтому, умоляю вас, отнимая детей от материей груди, не будем научать их басням старух; но пусть (дитя) с младенческого возраста узнает, что есть суд; пусть укоренится в уме его мысль, что есть наказание; этот страх, когда укоренится в нем, принесет великую пользу. В самом деле, душа, привыкшая с раннего возраста трепетать от ожидания такой участи, нелегко может освободиться от этого страха, но подобно удобоуправляемому коню, имея водителем мысль о геенне, будет шествовать правильно, будет говорить и принимать участие в беседе только о предметах полезных. Ни юность, ни богатство, ни сиротство, ни иное что не будет в состоянии причинить ей вреда, – так тверд будет ее ум и так она будет способна устоять против всего. Такими речами будем назидать и самих себя, и своих жен, и рабов, и детей, и друзей, и даже, если можно, врагов. Помощью таких речей мы будем в состоянии и пресечь множество грехов, и (предпочтем) лучше жить в скорбных, чем в благоприятных обстоятельствах. Это можно видеть из следующего. Скажи мне: если бы ты вошел в дом, где празднуется брачное торжество, то на один час ты почувствовал бы удовольствие от этого зрелища; но потом, выйдя оттуда, не стал ли бы ты сокрушаться скорбью о том, что у тебя нет того же? Но если бы ты вошел в дом плачущих, хотя и

весьма богатых людей, то выйдя оттуда, ты скорее почувствовал бы успокоение. Ты вынес бы оттуда не зависть, а утешение и ободрение для своей бедности.

Ты на опыте видишь, что и богатство не есть добро, и бедность не есть зло, но что и то и другое сами по себе безразличны. Так и в настоящем случае: если будешь заниматься разговором об удовольствиях, то еще более опечалишь свою душу, которая не наслаждается этими удовольствиями; но если среди удовольствий ты заведешь речь о геенне, то это послужит для тебя источником радости и великого утешения. В самом деле, когда ты размыслишь, что эти удовольствия нисколько не могут помочь нам против этого огня, то не будешь искать их; а когда подумаешь, что обыкновенно они еще сильнее разжигают этот огонь, то не только не будешь искать их, но почувствуешь к ним отвращение и отвергнешь их. Не будем поэтому избегать речей о геенне, чтобы избежать геенны. Не будем избегать напоминания о наказании, чтобы не подвергнуться этому наказанию. Если бы тот богач помышлял о том огне, то не согрешил бы; но так как он никогда не приводил себе его на память, то и впал в него. Скажи мне, человек, когда настанет для тебя время явиться перед судилище Христово, ужели и тогда ты будешь говорить о всем, только не об этом (не о геенне)? Когда у тебя есть дело в суде, часто даже не стоящее того, чтобы о нем говорить, то ты и ночью и днем, во всякое время и всегда ни о чем больше не будешь говорить, как только об этом деле; между тем, имея дать перед Богом отчет в целой жизни и подвергнуться ответственности, ты не можешь перенести даже того, чтобы другие напоминали тебе о суде? Оттого-то все и стремится к погибели и растлению, что мы, когда приготовляемся предстать перед судилище человеческое, по поводу житейских дел, – все приводим в движение, ко всем обращаемся с просьбой, постоянно беспокоимся об этом, все делаем, что только нужно для этого; между тем, имея в скором времени предстать на суд Христов, мы ничего не делаем ни сами лично, ни через других, не умоляем Судью. Несмотря на то, Он дает нам много времени (для приготовления) и не призывает нас внезапно – среди грехов; напротив, дает нам возможность освободиться

от них, и Его благость и человеколюбие не оставляют без внимания ничего такого, что с Его стороны можно было бы сделать. Мы же с нашей стороны ничего больше не делаем, и потому подвергнемся большому наказанию. Но да не будет этого! Поэтому, умоляю, образумимся по крайней мере теперь. Будем иметь перед глазами геенну, будем помышлять о неизбежном будущем наказании, чтобы, размышляя об этом, мы и зла избежали, и стяжали добродетель, и сподобились получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА III

Иже муку приимут, погибель вечную от лица Господня, и от славы крепости его, егда приидет прославитися во святых своих, и дивен быти во всех веровавших (2 Сол. I, 9, 10)

1. Есть много людей, которые возлагают добрые надежды не на то, что они воздерживаются от грехов, а на то, что полагают, будто геенна не так страшна, как говорят о ней, но слабее той, какой угрожают нам, и притом временна, а не вечна, и много умствуют по этому поводу. Между тем я могу представить много доказательств и даже вывести из самих слов (Писания) о геенне, что она не только не слабее того, как ее представляют в угрозах, а еще гораздо ужаснее. Впрочем, теперь я не буду заводить об этом речи. Довольно и того опасения, какое возбуждают в нас одни слова (о геенне), если мы даже не будем раскрывать их смысла. А что она не временна, послушай, что говорит здесь Павел о людях, не ведущих Бога и не верующих в Евангелие, именно, что они подвергнутся наказанию, вечной погибели. Итак, каким образом вечное может соделаться временным? *От лица,* говорит, *Господня.* Что это значит? (Апостол) хочет этим выразить то, что это легко может совершиться. Так как люди богатые тогда очень превозносились, то он и говорит, что для этого не нужно великих усилий, а довольно будет только прийти и явиться

Богу, и всех (виновных) постигнет наказание и мука. Пришествие Его для одних принесет радость, а для других — мучение. *И от славы,* говорит, *крепости* его, *егда приидет прославитися во святых своих, и дивен быти во всех веровавших.* Что говоришь ты? Ужели Бог прославится? Да, — *во всех,* говорит, *святых своих.* Каким образом? Когда те, которые ныне превозносятся, увидят, что те самые, кого они мучили, презирали и подвергали осмеянию, соделались близкими к Нему, тогда откроется слава Его, или, правильнее говоря, в этом будет состоять и Его слава, и слава этих последних, — Его слава, потому что Он не оставил их, но окружил большим блеском, их слава, потому что они удостоились такой чести. Подобно тому, как Его богатство состоит в том, что находятся верные, так и слава Его состоит в том, что есть такие люди, которые соделаются причастниками Его благ. Слава доброго заключается в том, что он имеет, на кого изливать свои благодеяния. *И дивен быти,* говорит, *во всех веровавших.* То есть через верующих. Вот опять *в* значит то же, что *чрез.* Через них (Бог) проявит свое дивное (величие). Действительно, когда злосчастных, и уничиженных, и перенесших тысячи страданий, и сохранивших веру Он сподобит такой славы, тогда обнаружится сила Его, — потому что хотя здесь верующие были, по-видимому, Им оставлены, однако там удостоятся великой славы. В этом-то особенно открывается вся слава и сила Божия. А как именно, послушай, что (апостол) говорит далее: *яко уверися свидетельство наше в вас, в день он. За сие и молимся всегда о вас* (ст. 11). То есть, когда предстанут посреди (судилища) те, которые перенесли бесчисленные бедствия, будучи понуждаемы отступить от веры, и не отступили, но пребыли верными, тогда прославится Бог; в это же время откроется их слава. Поэтому, так как многие притворяются верующими, то прежде смерти никого не ублажай: в этот день обнаружится, кто (истинно) уверовал. *За сие и молимся,* говорит, *всегда о вас, да вы сподобит званию Бог наш, и исполнит всяко благоволение благости и дело веры в силе* (ст. 11). *Да вы сподобит званию,* говорит, показывая этим, что многие будут отринуты. Поэтому и прибавил: *и исполнит всяко благоволение благости.*

Зван был и в скверные ризы одетый, но не остался среди званых, напротив, более всего по этой причине он был извержен из числа званых в брачный чертог. Званы были тоже и пять дев: восстаньте, сказано им было, *жених грядет* (Мф. XXV, 6), и они приготовились, но не вошли. Поэтому, объясняя, о каком звании он говорит, (апостол) прибавил: *и исполнит всяко благоволение благости и дело веры в силе.* Такого-то призыва, говорит, будем домогаться. Смотри, как незаметно он смиряет их. Чтобы они, как люди, совершившие великие подвиги, не возгордились от избытка похвал и не предались лености, он говорит, что до тех пор, пока они находятся в этой жизни, им недостает чего-то. Подобно тому и в послании к Евреям он говорит: *не у до крове стасте противу греха подвизающеся* (Евр. XII, 4). *Во всяко,* говорит, *благоволение,* то есть благоугождение, удостоверение, удовлетворение. Как бы так сказал: чтобы вполне удостоверился Бог, что вам уже ничего более недостает для того, чтобы вы соделались такими, как Он желает. *И дело,* говорит, *веры в силе.* Что это значит? Это он говорит о перенесении гонений, чтобы мы не изнемогали. *Яко да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа* (ст. 12).

2. Смотри: прежде (апостол) восхвалял их, и теперь то же говорит о прославлении их. Прежде сказал, что их так прославляют, что и он сам хвалится ими; сказал еще больше – что они прославляют (своими делами) Бога; сказал, что они соделаются причастниками этой славы, – но и здесь высказывает (то же самое). Ведь когда прославляют владыку, тогда прославляют и его рабов. Поэтому (рабы), которые прославляют владыку, гораздо больше сами бывают прославляемы, как вследствие того (что прославляют владыку), так и независимо от того. Слава состоит в страдании за Христа, и (апостол) везде называет славой подобного рода подвиг. И чем большее мы терпим бесчестье, тем большей сподобляемся славы. Потом, опять желая показать, что и это также зависит от Бога, говорит: *по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа.* То есть Сам Бог даровал нам эту благодать, чтобы прославиться в

нас и чтобы мы прославились в Нем. Каким образом Он прославляется в нас? Таким, что мы ничего не предпочитаем Ему. Каким образом мы прославляемся в Нем? Таким, что мы получаем от Него силу не ослабевать среди постигающих нас несчастий. Когда случается с нами какое-либо искушение, тогда одновременно прославляется и Бог и мы. Именно Его прославляют за то, что Он нас соделал такими крепкими, а нам удивляются за то, что мы соделали себя достойными этого. Но все это зависит от благодати Божией. *Молим же вы, братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и нашем собрании о нем, не скоро подвигатися вам от ума* (II, 1). Не сказал, когда будет воскресение, но сказал, что оно не теперь последует. *И нашем,* говорит, *собрании о нем.* И это тоже немаловажно. Видишь ли, как опять наставление (соединяется) с похвалой и ободрением (проистекающим из того), что непременно вместе с нами явится и Господь, и все святые? Здесь он говорит о пришествии Христовом и о нашем собрании; то и другое последуют одновременно. (Апостол) возбуждает их внимание, говоря, чтобы они не спешили колебаться. *Ни ужасатися, ниже духом, ниже словом, ни посланием аки от нас посланным, яко уже настоит день Христов* (ст. 2). Мне кажется, что здесь он указывает на то, что среди них встречались люди, которые составили подложное послание будто от Павла и, показывая его, утверждали, что уже настал день Господень, чтобы таким образом обольстить многих. Поэтому, чтобы они не впали в заблуждение, Павел предостерегает их, когда говорит и пишет: *не ужасайтеся ниже духом, ниже словом.* Смысл этих слов такой: хотя бы кто-нибудь, имея дух пророчества, сказал вам это, не верьте. Когда я был у вас, я объяснил вам все (относящееся к этому предмету); поэтому вам не следует переменять своего убеждения касательно того, чему вы были научены. Или *духом.* Он так называет лжепророков, говоривших по внушению нечистого духа то, что они говорили. Они, желая внушить к себе больше доверия, старались вводить других в заблуждение не только путем убеждения, — на это именно указывает (апостол), говоря: *ниже словом,* — но показывали еще подложное послание, будто бы от Павла,

где говорилось о том же. Потому-то, указывая на это, (апостол) и прибавил: *ниже посланием аки от нас.*

Предохраняя их таким образом со всех сторон, он так излагает свою собственную мысль и говорит: *да никтоже вас прельстит ни по единому же образу, яко аще не приидет отступление прежде, и открыется человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией аки богу, показующу себе, яко бог есть* (ст. 3, 4). Здесь он говорит об антихристе и открывает великие тайны. Что такое — *отступление?* Отступлением он называет самого антихриста, так как он имеет погубить многих и привести к отступлению: *якоже прельстити,* сказано, *аще возможно и избранныя* (Мф. XXIV, 24). Называет его и человеком беззакония, потому что он совершит тысячи беззаконий и побудит других к совершению их. А сыном погибели называет его потому, что и он сам погибнет. Кто же он будет? Ужели сатана? Нет, — но человек некий, который восприимет всю его силу. *И открыется,* говорит, *человек, превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища.* Он не будет приводить к идолослужению, а будет богопротивником, отвергнет всех богов и велит поклоняться себе, вместо Бога, и будет восседать в храме Божием, — не в Иерусалимском только, но и повсюду в церквах. *Показующу,* говорит, *себе, яко бог есть.* Не сказал, что он будет называть себя Богом, но — что он будет стараться показать себя Богом. Он совершит великие дела и покажет чудесные знамения. *Не помните ли, яко еще живый у вас сия глаголах вам* (ст. 5)?

3. Видишь ли, что необходимо постоянно говорить об одном и том же предмете и возобновлять в памяти одни и те же слова? Вот они слышали, как он говорил об этом, когда был у них, и опять имели нужду в напоминании. Подобно тому как они, несмотря на то, что слышали о скорбях, — *у вас,* говорит, *егда бехом, предрекохом вам, яко имамы скорбети* (1 Сол. III, 4), — забыли об этом, и он опять ободрял их посредством послания, так и теперь, несмотря на то, что они слышали о пришествии Христовом, опять имели нужду в послании, которое вразумило бы их. Поэтому он приводит им на память и показывает, что он теперь

ничего необыкновенного не говорит им, но то же, что и всегда говорил. Подобно тому, как бывает у земледельцев: они однажды бросают в землю семена, но последние не всегда остаются там, напротив, имеют нужду в великом попечении, и если кто не покроет посеянного распаханной землей, то, значит, он сеял для птиц, подбирающих семена, – так и мы, если не будем постоянным воспоминанием согревать посеянного в нас, то все (наши слова) будут как бы брошены на ветер: их и диавол похищает, и наша леность погубляет, и солнце иссушает, и дождь потопляет, и терние заглушает. Поэтому недостаточно только того, чтобы однажды посеять и потом оставить семена без внимания: напротив, тот, кто хочет собрать плоды, должен иметь великое попечение и заботливость, отгоняя птиц, истребляя терние, утучняя множеством земли каменистую почву, останавливая, преграждая и уничтожая все то, что может вредить. Впрочем, на (обыкновенной) ниве все зависит от земледельца, потому что сама она бездушна и приготовлена только к тому, чтобы на нее обращена была деятельность других; между тем на этой духовной ниве – не так. Здесь не все зависит от учителей, но если не больше, то, по крайней мере, вполовину – и от учеников. Наша обязанность состоит в том, чтобы сеять семя, а ваша – в том, чтобы исполнять сказанное нами, чтобы, помня об этом, посредством дел являть в себе плоды, с корнем исторгать из себя терние. Подлинно, богатство есть терние, которое вовсе не приносит плода, видом безобразно, неприятно в употреблении, уязвляет того, кто дотрагивается до него, и не только само не приносит плодов, но препятствует и развивающимся (растениям) приносить их. Таково-то богатство: оно не только само не приносит плода вечного, но и для желающих стяжать его составляет препятствие. Терние служит пищей для неразумных верблюдов, – оно снедь для огня и совершенно бесполезное произведение (природы). Равным образом и богатство ни на что не бывает полезно, но служит только к тому, чтобы разжигать печь (гееннскую), воспламенять тот день, который будет гореть подобно раскаленной печи, – чтобы питать в вас безумные страсти:

злопамятство и гнев. Таков именно и верблюд, питающийся тернием. Люди сведущие рассказывают, что нет ни одного животного до такой степени злобного, яростного и мстительного, как верблюд. Такие же (свойства) имеет и богатство: оно питает бессмысленные пожелания души, а разумные убодает и уязвляет точно тернием. Растение это жестко и колюче и произрастает само собой. Посмотрим же, где оно и растет, чтобы вырвать его. (Оно растет) на местах стремнистых, каменистых и сухих, где нет влаги. Итак, если кто бывает жестким и крутым, то есть несострадательным, – в том растет терние. Но когда земледельцы хотят истребить терние, то делают это не с помощью железа, – но как? Разводят огонь и таким образом извлекают из земли все дурное. Так как недостаточно того, чтобы сверху срезать терние, тогда как внизу корень остается (невредим), ни даже того, чтобы вырвать корень, – потому что нечто вредное будет еще оставаться в земле, подобно тому, как от всякой язвы, которая поражает тело, остаются в нем вредные следствия, – то огонь, сверху втягивая в себя всю влагу, которой пропитано терние, как бы какой яд, при содействии теплоты извлекает из недр земли. Подобно тому, как банка, употребляемая для пускания крови, будучи приставлена, притягивает к себе из тела все вредное, так и огонь высасывает (из земли) все вредное, содержащееся в тернии, и соделывает ее чистой. Но к чему я говорил все это? К тому, что надобно повсюду истребить страсть к богатству. И у нас есть огонь, который исторгает из души это зло – разумею огонь духовный. Если разведем этот огонь, то будем в состоянии не только иссушить терние, но и влагу, от него рождающуюся, так что если бы даже оно укоренилось (в нас), то и тогда обратилось бы в ничто. Смотри, в самом деле, как входит сюда богатый мужчина или богатая женщина? Не заботится о том, чтобы слушать слово Божие, а о том, как бы показать себя, как бы с величавостью и великой гордостью занять здесь место, как бы превзойти всех прочих великолепием одежды и своей наружностью, взглядом и поступью возбудить в других большее к себе уважение. И вся забота ее и попече-

ние состоит в том: видела ли ее такая-то? Удивлялась ли ей она? Хорошо ли я оделась? Но не об этом только она имеет попечение, а еще и о том, как бы не измялось, как бы не разорвалось ее платье. И в этом только состоит вся ее забота. Подобным образом входит и богатый мужчина, имея намерение показать себя бедняку, привести его в страх богатством своих одежд и тем, что он имеет множество слуг, которые стоят около него, отгоняя толпу. Сам он, по чрезмерной гордости, не благоволит сделать и этого, но до такой степени считает это дело недостойным свободного человека, что, несмотря на чрезмерную свою гордость, не дерзает сам делать этого, а поручает рабам, сопровождающим его, – впрочем, поступать так действительно свойственно только людям рабского, бесстыдного нрава. Потом, когда он сядет, тотчас им овладевают заботы о доме, развлекая его внимание во все стороны, его охватывает гордость, поработившая себе его душу. Он думает, что оказал милость и нам, и народу, и, может быть, Самому Богу – тем, что вошел в храм Божий. Может ли когда-либо исцелиться столь горделивый человек?

4. Скажи мне, если бы кто вошел в лечебницу и не у врача стал бы искать милости, но подумал бы, что он сам делает ему милость, и вместо того, чтобы просить себе лекарства от раны, стал бы заниматься своим платьем, то получил ли бы он, по выходе оттуда, какую-либо пользу? Я не думаю. Если хотите, я скажу вам и причину всего этого. Приходя сюда, они думают, что приходят к нам, думают, что от нас они слышат то, что слышат. Не обращают внимания на то, не думают о том, что они приходят к Богу, что Он Сам говорит здесь с ними. В самом деле, когда чтец, восстав, говорит: *сия глаголет Господь,* и когда диакон, стоя, побуждает всех к молчанию, тогда он это говорит не для того, чтобы оказать этим честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь Тому, Кто через него обращает ко всем речь. Если бы они знали, что Бог говорит это через пророка, то отложили бы всякую гордость. Если они, когда с ними говорят властители, воздерживаются от всякой невнимательности, то тем более (должны так поступать), когда говорит с ними

Бог. Возлюбленные! Мы только служители, мы говорим не свои слова, но слова Божии. Здесь читаются послания, ежедневно ниспосылаемые с неба. Скажи мне, прошу тебя: если бы теперь, когда мы все собраны, вошел человек, украшенный золотым поясом, и грозно и горделиво объявил, что он прислан царем земным и принес на имя всего города послание по самому необходимому делу, то разве не все вы обратились бы к нему? Разве не воцарилось бы здесь совершенное молчание, даже без приглашения со стороны диакона? Я думаю, что так, — я слышал, как читаются здесь царские послания. Итак, когда кто-либо приходит сюда от царя, вы все слушаете его с вниманием; между тем от Бога приходит, и с неба вещает пророк, и никто его не слушает? Разве вы не верите, что все говорится от Бога? Эти послания посланы от Бога. Будем, поэтому, приходить в церкви с должным почтением и будем со страхом слушать то, что говорится в них. Зачем, говоришь, мне приходить, если я не слышу никакого проповедника? Вот это именно губит и растлевает все. Откуда явилась нужда в проповеднике? Нужда эта явилась вследствие нашего нерадения. Какая надобность в проповеди? Все ясно и просто, что говорится в Божественных Писаниях; все необходимое понятно. Но так как вы любите слушать для своего только развлечения, то и ищете этого. В самом деле, скажи мне: говорил ли когда Павел велеречиво? И однако он обратил вселенную. Или Петр, который был неученый?

Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится в Священном Писании. Почему же ты не знаешь этого? Разве на еврейском, или на римском, или на каком-нибудь иностранном языке они написаны? Разве не греческим языком говорится там? Но неясно, говоришь ты. Что же там неясно, скажи мне? Разве это не повествования? Ты ведь знаешь то, что ясно сказано там, для того, чтобы спросить о том, что неясно. В Писании содержится множество историй: расскажи мне одну из них. Но ты не расскажешь. Все это только предлог и пустые слова. Каждый день, говоришь ты, приходится слушать одно и то же. Что же? — ска-

жи мне. Разве в театрах не одно и то же ты слышишь? На конских ристалищах разве не одно и то же видишь? И не все ли вещи всегда одни и те же? Не одно ли и то же всегда восходит солнце? Не одну ли и ту же всегда мы употребляем пищу? Желал бы я испытать тебя, так как ты говоришь, что каждый день слышишь одно и то же; скажи мне, из какого пророка заимствовано прочитанное место, из какого апостола, из какого послания? Но ты не можешь сказать мне этого; тебе кажется, что ты слышал нечто неизвестное тебе. Итак, когда хочешь оправдать свою леность, ты говоришь, что слышишь все одно и то же; а когда тебя спросят, то ты приходишь в такое смущение, как будто ты никогда не слыхал этого. Если одно и то же (читается всякий раз), то следовало бы знать, а ты не знаешь. Все это достойно слез, — слез и стенаний, потому что вотще трудится сребровач. Потому-то и следовало бы быть внимательным, что одно и то же (ты всегда здесь слышишь), что мы не причиняем вам ни малейшего труда, не говорим ничего нового и отличного от прежнего. Итак что же? Так как ты говоришь, что (в книгах Писания читается всегда) одно и то же, то по крайней мере проповедуемое нами не есть всегда одно и то же, напротив, всякий раз мы говорим нечто новое. Ужели вы внимаете этому последнему? Нисколько. А если мы спросим: отчего вы не помните и сказанного нами? — вы ответите: мы слышим всего один только раз, как же возможно нам запомнить? Если же мы спросим: почему вы не внимаете тому (что читается в книгах Писания)? — вы ответите: всякий раз повторяют одно и то же. И все это внушает вам леность и есть одна отговорка. Однако же не всегда это будет продолжаться, но настанет время, когда мы тщетно и без всякой пользы будем плакать об этом. Да не попустит этого Господь, но лучше потщимся здесь перемениться, будем с должным усердием и благоговением внимать тому, что здесь говорится, с полной заботливостью посвятим себя добрым делам и исправлению нашей жизни, чтобы мы могли получить блага, обетованные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И ныне удержавающее весте, во еже явитися ему в свое ему время. Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне дондеже от среды будет: и тогда явится беззаконник, егоже Господь Иисус убиет духом уст своих, и упразднит явлением пришествия своего: егоже есть пришествие по действу сатанину (2 Сол. II, 6—9)

1. Справедливо всякий может, во-первых, спросить, что такое *удерживающее*, и потом обнаружить желание узнать, почему так неясно говорит об этом Павел? Что же такое *удерживающее явитися ему*, то есть препятствующее? Одни говорят, что это благодать Святого Духа, а другие – римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что, если бы (апостол) хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но (сказал бы) определенно, что теперь препятствует ему явиться благодать Святого Духа, то есть (чрезвычайные) дарования. Кроме того, надлежало бы уже ему прийти, если тогда он должен прийти, когда оскудеют (чрезвычайные) дарования, потому что они давно оскудели. Но так как (апостол) говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности. В самом деле, если бы он сказал, что в непродолжительном времени разрушится римское государство, то тогда немедленно его, как возмутителя, стерли бы с лица земли, и (вместе с ним) всех верующих, как живущих и подвизающихся для этого.

Вот почему он не употребил такого выражения; не сказал также и того, что это скоро последует, хотя (прикровенно) он и говорит это всегда. Но что? *Во еже*, говорит, *явитися ему в свое ему время. Тайна бо уже деется беззакония.* Здесь он указывает на Нерона, как на прообраз антихриста, потому что и он хотел, чтобы его считали богом. Хорошо сказал он – *тайна*, потому что (Нерон) не так явно и бесстыдно (выдавал себя за бога), как антихрист. Итак, если еще прежде того времени, говорит, нашелся человек,

который немного во злобе уступал антихристу, то что удивительного в том, если со временем явится (настоящий антихрист)? Говорил таким образом прикровенно и не хотел прямо указать на него (Нерона), не из страха, но чтобы научить нас тому, что мы не должны навлекать на себя чрезмерной вражды, когда ничто нас к этому не принуждает. Так же точно говорит он и здесь: *точию держай ныне дондеже от среды будет.* То есть: когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божескую – власть. Подобно тому как прежде того разрушены были царства, именно: индийское – вавилонянами, вавилонское – персами, персидское – македонянами, македонское – римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом, а он сам будет побежден Христом и более уже не будет владычествовать. И все это с большей ясностью передает нам Даниил. *И тогда,* говорит, *явится беззаконник.* Что же потом? Тотчас за этим следует утешение: (апостол) прибавляет: *егоже Господь Иисус убиет духом уст своих, и упразднит явлением пришествия своего: егоже есть пришествие по действу сатанину.* Подобно тому, как огонь, когда только приближается, еще прежде пришествия своего приводит в оцепенение и уничтожает малых животных, которые даже вдали находятся, так точно и Христос одним Своим повелением и пришествием убьет антихриста. Достаточно явиться ему, и все это погибнет. Едва только явится (Господь), и уже положит конец обольщению. Объясняя затем, кто таков тот, *егоже пришествие по действу сатанину,* говорит: *во всякой силе и знамениих и чудесех ложных* (ст. 9). То есть он обнаружит великую силу; но в этом ничего не будет истинного, напротив, цель всего будет составлять обольщение. (Апостол) предрек это, чтобы не прельстились живущие тогда. *И в чудесех,* говорит, *ложных:* или обманчивых, или вводящих в обман. *И во всякой лъсти неправды в погибающих* (ст. 10). Для чего, ты скажешь, Бог попустит быть все-

му этому? И какое Его намерение? Какая польза от пришествия антихристова, если оно будет к нашей погибели? Не бойся, возлюбленный, но послушай, что говорит апостол: (антихрист) возобладает только над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, не уверовали бы. Какая же отсюда будет польза, ты скажешь? Та, что будут заграждены уста тех, которые осуждены на погибель. Каким образом? Они не уверовали бы во Христа, хотя бы антихрист и не пришел; но он придет с той целью, чтобы изобличить их. Для того, чтобы они тогда не сказали: так как Христос называл Себя Богом, – хотя Он Сам нигде не сказал этого ясно, а только проповедали те, которые после Него были, – то мы по этой причине и не уверовали в Него, потому что мы слышали, что Бог един, от Которого все, и вследствие того мы не поверили, – этот их предлог (к оправданию) отнимет у них антихрист. Когда он придет и, несмотря на то, что он не заповедует ничего праведного, а только одно беззаконие, они уверуют в него, единственно ради ложных его чудес, тогда заградятся их уста. В самом деле, если ты не веруешь Христу, то тем более не должен верить антихристу. Первый говорил, что Он послан Отцом, а этот последний (будет говорить) совсем другое. Потому-то Христос и говорил: *Аз приидох во имя Отца, и не приясте мене: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Ин. V, 43). Но мы, скажут, видели знамения? И от Христа совершено было много великих (чудес); поэтому гораздо более следовало уверовать в Него. Кроме того, об антихристе много было предсказано, – что он беззаконник, что он сын погибели, что пришествие его по действу сатанину; тогда как, напротив, о Христе – что Он Спаситель и принесет бесчисленные блага. *Зане любви истины не прияша, во еже спастися им, сего ради послет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи: да суд приимут вси не веровавшии истине, но благоволившии в неправде* (ст. 10–12).

2. *Да суд приимут.* Не сказал: да получат наказание, так как и без того их ожидало наказание, но: *да суд приимут,* то есть подвергнутся осуждению на том страшном судилище, чтобы им быть безответными. Кто же это будет? (Апостол) сам изъяснил это, говоря: *неверовавшии истине, но благоволив-*

шии в неправде. А любовью истины он называет Христа: *зане,* говорит, *любви истины не прияша.* Христос был и то и другое, и приходил ради того и другого: по любви к людям и чтобы открыть истинное значение всего. *Но благоволившии,* говорит, *в неправде.* Антихрист придет на погибель человеческую, чтобы наносить людям обиды. В самом деле, чего он не сделает в то время? Все приведет в смятение и в замешательство, как посредством своих повелений, так и посредством страха. Он будет страшен во всех отношениях – и своей властью, и жестокостью, и беззаконными повелениями. Но не бойся: он будет иметь силу, говорит (апостол), только над погибающими. И Илия тогда придет, чтобы поддержать верующих. Об этом говорит Христос: *Илия приидет и устроит вся* (Мф. XVII, 11). Потому об Иоанне сказано, что он (предыдет перед Господом) *духом и силою Илииною* (Лк. I, 17), так как он не творил ни знамений, как Илия, ни чудес. *Иоанн убо,* сказано, *знамения не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Иоанн о сем, истинна бяху* (Ин. X, 41). Что же значат слова: *духом и силою Илииною?* То, что (Иоанн) будет проходить то же самое служение. Как Иоанн был предтечей первого пришествия (Христа), так Илия будет предтечей второго и славного Его пришествия, и блюдется для этого. Не будем поэтому бояться ничего: (апостол) встревожил умы слушателей, но не сделал того, чтобы они считали настоящее свое положение несчастным, напротив, показал, что за это надлежит благодарить (Бога). Потому и присовокупил: *мы же должни есмы благодарити Бога всегда о вас, братие возлюбленная от Господа, яко избрал есть вас Бог от начала во спасение во святыни духа и вере истины* (ст. 13). Как избрал во спасение? Это объяснил (апостол), когда сказал: *во святыни духа,* то есть освятил вас духом и истинной верой, от чего и зависит наше спасение, а не от дел, ни от подвигов, но от истинной веры. Вот опять *в* употреблено вместо *чрез. Во святыни,* говорит, *духа, в неже призва вас благовествованием нашим, в получение славы Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 14). И того нельзя считать маловажным, если Христос наше спасение признает Своей славой. Слава человеколюбца – в том, чтобы как можно больше было спа-

сающихся. Велик, поэтому, Господь наш, если Он в такой мере желает нашего спасения. Велик и Дух Святой, совершающий наше освящение. Почему (апостол) сказал наперед не о вере, но об освящении? Потому, что и после освящения мы имеем в ней великую нужду, чтобы нам не совратиться. Видишь ли, как (апостол) дает им заметить, что ничто не зависит от них, но все от Бога?

Темже убо, братие, стойте, и держите предания, имже научистеся или словом, или посланием нашим (ст. 15). Отсюда очевидно, что (апостолы) не все предали через послания, но многое сообщали и без письмен; между тем и то и другое равно достоверно. Поэтому мы должны признавать достоверным и церковное предание. Есть предание, больше не ищи ничего. Здесь (апостол) показывает, что многие колеблются (в вере). *Сам же Господь наш Иисус Христос, и Бог и Отец наш, возлюбивый нас и давый утешение вечно и упование благо в благодати, да утешит сердца ваша и да утвердит во всяком деле и слове блазе* (ст. 16–17). Опять за увещанием следует молитва: в этом воистину состоит помощь. *Возлюбивый,* говорит, *нас и давый утешение вечно и упование благо в благодати.* Где ныне те, которые уничижают Сына потому, что Он именуется после Отца (при сообщении) благодати крещения? Вот здесь, напротив, (апостол) прежде говорит: *Господь наш Иисус Христос,* а потом уже: *Бог и Отец Господа нашего. Возлюбивый нас и давый утешение вечно.* Какое это утешение? Надежду будущих (благ). Видишь ли, как он путем молитвы старается ободрить их сердца, представляя ручательства и знамения неизреченного промышления Божия о них? *Да утешит,* говорит, *сердца ваша во всяком деле и слове блазе,* то есть посредством всякого доброго дела и слова. Утешение христиан состоит в том, что они не только желают делать что-нибудь доброе, но еще сверх того угодное Богу. Смотри, как он смиряет их высокомерие. *Давый утешение,* говорит, *и упование благо в благодати.* И вместе подает добрые надежды относительно будущего. Если Бог даровал им так много по благодати, то тем более (дарует им) будущие блага. Конечно, говорит, сказал это я, а все зависит от Бога. *Да утвердит,* да укрепит вас, чтобы вы не колебались, не укло-

нялись. Это зависит сколько от нас, столько же и от Него. Следовательно, (сказанное им) относится и к догматам веры и к правилам деятельности. Утешение в том состоит, чтобы, мы оставались непоколебимыми. Тот, кто не колеблется, — все, что ни пришлось бы ему перенести, переносит с великим долготерпением; напротив, тот, чей ум колеблется, — не в состоянии совершить ни одного доброго или доблестного поступка; подобно какому-нибудь расслабленному, колеблется и душа, когда в ней нет убеждения, что она достигнет доброй цели. *Прочее молитеся о нас, братие, да слово Господне течет и славится, якоже и в вас* (III, 1).

3. Итак, прежде он молился о них, чтобы им утвердиться (в вере). Теперь обращается к ним с просьбой, побуждая их помолиться о нем, — не о том, чтобы он не подвергался опасностям (он на это обрек себя), но о том, *да слово Господне течет и славится, якоже и в вас.* Просьба соединена с похвалой: *якоже,* говорит, *и в вас. И да издавимся злых и лукавых человек: не всех бо есть вера* (ст. 2). Этим он указывает и на свои собственные опасности, что особенно и утешало их. *От злых,* говорит, *и лукавых человек: не всех бо есть вера.* Может быть, это он говорит о тех, которые опровергали его проповедь, восставали и враждовали против догматов веры: на это намекает он, говоря: *не всех бо есть вера.* Мне кажется, что он говорит здесь не об опасностях, а о людях, которые противоречили и противодействовали его проповеди, как Именей, как Александр ковач. *Зело бо,* говорит, *противится словесем нашим* (2 Тим. IV, 15). Подобно тому, как если б кто говорил об отцовском наследстве, что не все удостоятся служить в царском воинстве, так и он говорит о лукавых людях, от которых он желает избавиться, что это такие люди, которым дано не веровать. Говоря это, он в то же время ободряет их (фессалоникийцев). Следовательно, между ними были великие люди, если они имели такое дерзновение, что могли даже освободить от опасности своего учителя и облегчить для него проповедь. Поэтому и мы то же самое к вам говорим. Пусть никто не упрекает нас в гордости; пусть никто из вас, по чрезмерному смирению, не лишает нас столь великой помощи. Мы не с таким наме-

рением говорим это, с каким говорил Павел. Он говорил это, желая утешить своих учеников; а мы – чтобы собрать от этого некоторый великий и добрый плод. И мы сильно веруем, что, если бы все вы пожелали единодушно простереть к Богу руки (с молитвой) о нашей смиренности, – мы имели бы успех во всем. Поэтому вооружимся молитвой и молениями против врагов. Если древние таким образом боролись с теми, которые были вооружены, то тем более нам должно бороться так с невооруженными врагами. Так, Езекия обратил в бегство ассириян, так, Моисей – Амалика, так Самуил – жителей Аскалона, так, Израиль – тридцать двух царей. Если там, где нужно было употребить оружие, боевой строй, где нужно было сражаться, они, оставив оружие, прибегли к молитве, то не тем ли более должно молиться здесь, где молитвами нужно содействовать исполнению (начатого) дела? Но там, скажете вы, молились вожди за народ, а ты хочешь, чтобы народ молился за своего вождя? Знаю это и я. Но там подчиненные были люди злосчастные и презренные; потому они и спасались только дерзновением и добродетелью вождя. А ныне, когда благодать Божия приумножилась, и между подчиненными находим много, или, лучше, большую часть таких, которые во многих отношениях превосходят того, кто ими управляет, – вы не должны лишать нас своего содействия. Поддержите наши руки, чтобы они не ослабели; отверзите нам уста, чтобы они не были заграждены; молите Бога, молите Его об этом. Притом только некоторая часть из того, что совершается, служит нам на пользу, между тем все совершается ради вас: мы поставлены для вашей пользы, заботимся о ваших выгодах. Молитесь каждый и наедине, и во время общественной молитвы. Смотри, что говорит Павел: *да еже в нас дарование, многими благодарится о нас* (2 Кор. I, 11), то есть чтобы многим Он дал благодать. Если у людей, когда народ, собравшись, станет просить за осужденных и ведомых на смерть преступников, царь, будучи тронут мольбой множества народа, отменяет приговор, то тем более Бог тронется вашими молитвами, не ради вашей многочисленности, но ради ваших добродетелей. А мы имеем сильного врага.

В самом деле, из вас каждый печется и заботится только о самом себе, мы же – о всех вместе. Мы поставлены в таком месте на поле битвы, которое более других подвержено опасности. Диавол нападает на нас сильнее. Так и на войне неприятель старается, прежде всех других, поразить военачальника. Поэтому туда, где он находится, устремляются дружно все воины. От этого там большое происходит смятение, так как каждый (из врагов) старается его погубить, между тем как (свои) со всех сторон окружают его щитами, желая спасти его голову. Послушайте, что говорит Давиду весь народ (говорю это не с той целью, чтобы сравнивать себя с Давидом, – я не столько безумен, – а хочу только показать любовь народа к своему вождю): *не изыдеши*, говорят, *ктому с нами на бранъ, да не угасиши светильника Израилева* (2 Цар. XXI, 17). Смотри, как они щадили старца? Я имею великую нужду в ваших молитвах. Пусть никто из вас, как я сказал, по излишнему смирению, не лишает меня этого содействия и помощи. Если мы будем преуспевать, то и ваше положение сделается блистательнее. Если будет приумножаться наше учительство, то богатство перейдет к вам. Послушай, что говорит пророк: *еда пасут пастыри самих себе* (Иез. XXXIV, 3)? Видишь ли, как Павел усиленно требует этих молитв? Слышал ли ты, что Петр изведен был из темницы вследствие того, что о нем приносима была непрестанная молитва? Я вполне уверен, что и ваша молитва, приносимая с таким единодушием, будет иметь великую силу. Насколько, вы думаете, превосходит нашу смиренность дело предстательства перед Богом и молитвы за стольких людей? Если я не имею дерзновения молиться за самого себя, то тем более за других. Ведь только тому, кто сам заслуживает одобрение и кто снискал Божие к себе благоволение, приличествует молить Бога о милосердии к другим. Напротив, как может ходатайствовать перед Ним за другого тот, кто сам оскорбил Его? Но так как я объемлю вас отеческой любовью, так как любовь дерзает на все, то я не только в церкви, но и у себя дома, прежде всего творю молитву о вашем душевном и телесном здоровье. Подлинно, никакая другая молитва столько не преличеству-

ет священнику, как та, в которой он больше молится и ходатайствует перед Богом о благе народа, нежели о своем. Если Иов, вставая от сна, тотчас творил столь обильные (молитвы) о своих плотских детях, то не тем ли больше мы должны делать то же ради наших духовных чад?

4. Но к чему я говорю это? К тому, что, если мы творим молитвы и прошения за всех вас, несмотря на то, что мы так мало соответствуем важности этого призвания, то тем более справедливо, чтобы и вы делали то же для нас. В том, что один молится за всех, обнаруживается великая дерзость и чрезмерная самоуверенность, но когда многие вместе собираются для молитвы об одном, тогда в этом нельзя найти ничего предосудительного. Каждый делает это, полагаясь не на свою добродетель, а на многочисленность и единодушие (молящихся), которое всегда более всего умилостивляет Бога. *Идеже бо,* говорится, *еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их* (Мф. XVIII, 20). Если там, где только двое или трое соберутся вместе, (Христос) бывает посреди их, то тем более (Он будет находиться) посреди вас. Чего не может получить тот, кто один молится сам за себя, то он получит, молясь в собрании многих. Почему? Потому что, если не его собственная добродетель, то общее единодушие будет иметь великую силу. *Идеже,* говорит, *еста два или трие собрани.* Для чего сказал Он — *два?* Отчего там, где будет один во имя Твое, Ты не будешь пребывать вместе с ним? Потому что хочу, чтобы все были вместе соединены и не отделялись друг от друга. Соединимся поэтому друг с другом, свяжем себя взаимно узами любви, — пусть ничто не разлучает нас. Если кто обвиняет другого или опечален кем-либо, пусть не таит этого в душе своей, ни перед ближним, ни перед нами. Я прошу у вас этой милости, — приходите к нам, обличайте, и получите от нас оправдания. *Обличи,* сказано, *негли не рече: обличи, егда еще не сотворил: и аще сотворил, да не приложит ктому* (Сир. XIX, 14, 13). Мы или оправдаемся, или, будучи осуждены, попросим прощения и постараемся впредь уже не делать того же. Это будет полезно и вам, и нам. Вы, обвиняя нас, может быть, и несправедливо, когда

узнаете истинное положение дела, исправитесь; а мы, согрешая по неведению, можем тоже исправиться. Невнимание к этому вам не принесет пользы, – потому что предстоит наказание тем, кто скажет какое-либо праздное слово; между тем мы могли бы избавить себя от обвинений, как ложных, так и истинных: от ложных тем, что докажем их ложность, от истинных тем, что впредь не будем того же делать. В самом деле, тот, кто должен иметь попечение о столь многих, по необходимости многого не знает и по незнанию погрешает. Если у вас каждый, кто имеет свой дом, жену, детей, рабов, которыми он управляет, – много ли их будет у него или мало, – все равно много погрешает против этих людей, несмотря на то, что их так легко можно перечесть, не потому, чтобы сам хотел того, но потому, что бывает принужден к этому или неведением, или желанием исправить что-нибудь, – то тем более можем погрешать мы, предстоятельствуя над столь многочисленным народом. Пусть и еще умножит вас Господь, и благословит вас, малых и великих. Хотя и большое потребно попечение о множестве людей, тем не менее мы непрестанно молимся о том, чтобы увеличилась для нас эта забота и чтобы еще больше размножился этот народ и соделался многочисленным и несметным. Так и отцы, несмотря на то, что множество детей и причиняет им часто заботы, не желают, однако, лишиться ни одного из них. Во всем у нас с вами равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же. Я не в большем количестве, и вы не в меньшем приобщаемся священной трапезы, но одинаково приступаем к ней – как я, так и вы. И если я приступаю первый, то этого нисколько не должно считать чем-нибудь важным, потому что и между детьми старший первый простирает руку к яствам, между тем ничего больше от этого не происходит: все (преимущества) у нас для всех равны. Спасительная и укрепляющая наши души жизнь подается всем с равной честью. Не от одного агнца я, а от другого – вы, но от одного и того же приобщаемся все. Все имеем одно и то же крещение; все сподобились одного и того же Духа; в одно и то же мы с вами стремимся царство; все мы равно братья

Христовы; все у нас общее. В чем же состоит мое преимущество перед вами? В заботах, трудах, беспокойствах, в скорби о вас. Но нет для нас ничего приятнее этой скорби. Так и мать, печалясь о своих детях, радуется своей печали; заботится о своих детях, и радуется этим заботам. Хотя забота сама по себе неприятна, но когда она бывает о детях, то доставляет великое удовольствие. Я многих из вас родил, но и после этого страдаю муками рождения. Плотские матери прежде испытывают муки рождения, а потом уже рождают; здесь же даже до последнего издыхания нашего — муки рождения и (опасение), как бы и после рождения не оказался кто-либо неблаговременно родившимся. И несмотря на то, я сильно желаю (переносить такие страдания). Хотя бы и другой, как это часто бывает, родил кого-нибудь (в жизнь духовную), тем не менее я беспокоюсь (о рожденном), потому что мы рождаем не сами от себя, но все принадлежит благодати Божией. Если же и я, и другой — рождаем от одного и того же Духа, то не погрешит тот, кто рожденных мной назовет его детьми, и рожденных им — моими. О всем этом помышляйте и простирайте руки, чтобы и вы послужили к прославлению нашему, и мы — к вашему, в день Господа нашего Иисуса Христа, который да сподобимся все мы с дерзновением встретить во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА V

Верен же есть Господь, иже утвердит вас, и сохранит от лукаваго. Уповаем же на Господа о вас, яко яже повелеваем вам, и творите и сотворите. Господь же да исправит сердца ваша в любовь Божию, и в терпение Христово (2 Сол. III, 3—5)

1. Мы не должны, с одной стороны, все предоставляя молитвам святых, сами коснеть в праздности и стремиться к пороку и не исполнять ничего такого, что приводит к добродетели, а с другой стороны, делая добро, не должны пренебрегать и этой помощью. Великую, поистине великую силу имеет молитва, которую о нас (приносят Богу), но только тогда, когда и мы сами подвизаемся. Потому и

Павел, молясь о них, опять удостоверяет (в успехе) тем, что даны были обетования, и говорит: *верен же есть Господь, иже утвердит вас, и сохранит от лукаваго.* Если Он избрал вас ко спасению, то не солжет и не позволит вам совершенно погибнуть. Но чтобы этим не привести их к беспечности и чтобы они сами, полагая, что все зависит от Бога, не предались сну, – смотри, как (апостол) и с их стороны требует содействия, когда говорит: *уповаем же на Господа о вас, яко яже повелеваем вам, и творите и сотворите.* Итак, говорит, верен Бог и, дав обетование спасти вас, несомненно спасет; но – как обещал. А как Он обещал? Если мы сами захотим, если будем повиноваться Ему, а не просто, не тогда, когда будем пребывать в бездействии, подобно деревьям и камням. Правильно употребил (апостол) и это выражение: *уповаем на Господа,* таким образом уповаем на Его человеколюбие. Опять низлагает их (гордость), показывая, что все зависит (от Бога). Если бы он сказал, что мы верим вам, то хотя в этом заключалась бы великая для них похвала, но зато он не показал бы того, что они поставляют все в зависимости от Бога; напротив, если бы он сказал: мы уповаем на Господа, что Он сохранит вас, и не прибавил того выражения – *о вас,* и (другого) – *яко яже повелеваем вам, и творите и сотворите,* то, возложив всю (надежду) на силу Божию, он соделал бы их более преданными лености. Хотя мы должны все относить к Богу, однако же и сами должны быть деятельными, должны брать на себя труды и подвиги. Здесь (апостол) показывает также, что хотя добродетель и одна достаточна, чтобы спасти нас, однако необходимо, чтобы она достигла надлежащей степени совершенства и пребывала вместе с нами до последнего нашего издыхания. *Господь же да исправит сердца ваша в любовь Божию, и в терпение Христово.* Опять хвалит их и молится о них, обнаруживая в этом свое попечение о них. Так как он намерен потом приступить к обличению, то предварительно смягчает их сердце и тем, что говорит: я уверен в вашем послушании, – и тем, что просит у них молитв о себе, – и тем, что опять молится сам (о ниспослании им) бесчисленных благ. *Господь же,* говорит, *да исправит сердца ваша в любовь Божию.*

Много есть таких предметов, которые отвращают нас от любви, и много есть путей, которые насильно влекут нас оттуда. И во-первых, порок любостяжания, как бы охватывая нашу душу своими, так сказать, бесстыдными руками, и крепко держа ее, даже против нашей воли влечет и удаляет ее оттуда. Потом отвлекают тщеславие, и скорби, и часто также искушения. Поэтому мы нуждаемся в помощи Божией, как бы в некотором ветре, чтобы наш парус, точно каким сильным дуновением, подвигаем был к любви Божией. Не говори мне поэтому, что ты любишь Бога даже больше, нежели самого себя. Это одни слова: докажи мне посредством дел, что ты подлинно любишь Его больше себя самого. Возлюби Его больше, нежели деньги, – и тогда я поверю, что ты любишь Его больше самого себя. В самом деле, как может презирать самого себя тот, кто не презирает денег ради Бога? Но что я говорю – денег? Если ты не презираешь любостяжания, чтó надлежало бы исполнять и без повеления Божия, то как станешь ты презирать самого себя? *И в терпение*, говорит, *Христово*. Что значит: *в терпение?* То, что мы должны терпеть так, как терпел Христос, или что мы должны поступать так (как Он), или что мы должны с терпением ожидать Его, то есть быть готовы (к принятию Его). Так как Он дал нам много обетований и сам придет судить живых и мертвых, то мы должны ожидать Его и быть терпеливы. Впрочем, везде, где (апостол) говорит о терпении, всегда намекает на скорби. В том и состоит любовь к Богу, чтобы терпеть и не приходить (от этого) в смущение. *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (ст. 6). То есть: не мы говорим это, но Христос: такое именно значение имеют слова: *о имени Господа нашего Иисуса Христа*. Говоря таким образом, он показывает, с каким страхом (должно взирать) на это повеление. Повелеваем, говорит, о имени Христа. Следовательно, Христос нигде не заповедал нам предаваться недеятельности. *Отлучатися*, говорит, *вам от всякаго брата*. Не говори мне, что он богат, или что беден, или что он свят, это – бесчиние. *Ходяща*, говорит, то есть живущего. *А не по пре-*

данию, еже прияша от нас. Говорит о предании, преподанном через дела, и в собственном смысле он всегда называет это преданием. *Сами бо весте, како лепо есть вам подобитися нам, яко не безчинствовахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого* (ст. 7, 8). Если бы я и ел у кого, то это было бы не даром: *достоин бо есть,* сказано, *делатель мзды своея* (Мф. X, 10). *Но в труде и подвиге, нощь и день делающе, да не отягчим никогоже от вас. Не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам. Ибо егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хощет делати, ниже да яст* (ст. 8–10).

2. Заметь, как в первом послании он рассуждает об этом несколько снисходительнее, — например, когда говорит: *молим же вы, братие, избыточествовати паче и любезно прилежати* (1 Сол. IV, 10–11), и нигде (не говорит им): *повелеваем,* не говорит также и того — *о имени Господа нашего Иисуса Христа* — чтó внушало страх и указывало на опасность, но: *избыточествовати,* говорит, *и любезно прилежати,* что прилично было говорить тому, кто увещевал их вести жизнь добродетельную: *да благообразно,* говорит, *ходите* (1 Сол. IV, 12). А здесь ничего подобного (он не говорит), но: *аще кто не хощет делати, ниже да яст.* В самом деле, если Павел, который не имел необходимости, а имел возможность не трудиться, взяв на себя такое великое дело, несмотря на то трудился, и не просто трудился, но ночь и день, так что мог и другим давать пособие, то тем более другие должны были так поступать. *Слышим бо некия безчинно ходящая у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия* (ст. 11). Так (говорит он) здесь, а там, в первом послании: *да ходите,* говорит, *благообразно ко внешним.* Почему? Может быть, потому, что до сих пор ничего подобного не было; и действительно, в другом месте, увещевая, он сказал: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35). А слова *да ходите благообразно* сказаны не по поводу какого-либо бесчиния. Поэтому он и прибавил: *да ничесоже требуете* (1 Сол. IV, 12). Между тем здесь он указывает и на другую потребность (ради которой нужно трудиться), именно на ту, что следует делать доброе и полезное для всех, почему далее говорит: *не стужайте доброе творяще* (ст. 13), так как вообще человек, который мо-

жет трудиться и между тем остается праздным, по необходимости становится суетливым. А милостыня предназначена только для тех, которые не имеют силы трудами рук своих удовлетворять своих нужд, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения. *Да не обротиши,* сказано, *вола молотяща* (Втор. XXV, 4), и: *достоин делатель мзды своея* (Мф. X, 10). Следовательно, он нисколько не остается праздным, но получает мзду за труд, и притом за великий труд. А поститься и молиться, оставаясь праздным, не составляет труда рук. Трудом (апостол) называет здесь то, когда кто трудится руками. И чтобы ты не предполагал ничего такого, он прибавил: *ничтоже делающия, но лукавно обходящия. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе* (ст. 12). Так как он сильно уязвил их, то, желая сделать речь свою более кроткой, прибавил: *о Господе,* опять показывая этим, что (слово его) заслуживает доверия и должно внушать им страх. *Да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят.* Почему не сказал: если они не бесчинствуют, то пусть питаются от вас; но требует от них и того и другого, – чтобы они и оставались в безмолвии, и трудились? Потому что он хочет, чтобы они, трудясь, сами себя пропитывали. Это именно значат слова: *да свой хлеб ядят,* то есть от своих трудов, а не чужой, добываемый выпрашиванием подаяния. *Вы же, братие, не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Смотри, как скоро смягчилось отеческое сердце, – он не мог дальше продолжать обличение, но опять сжалился над ними. И заметь, с какой мудростью (он поступает). Не сказал: впрочем, оказывайте им снисхождение до тех пор, пока они исправятся, – но что? *Вы же не стужайте доброе творяще.* Отделяйтесь, говорит, от них и обличайте их, однако не презирайте умирающих от голода. А что, скажет кто-нибудь, если получающий от нас все в изобилии останется праздным? Против этого, говорит, я указал вам хорошее лекарство, именно: отделяйтесь от такого человека, то есть не придавайте ему дерзновения, показывайте вид, что вы гневаетесь на него. Это (наставление) немаловажно. Так именно мы должны наказывать брата, если действительно желаем того, чтобы он исправился. Мы должны знать, каким образом можем наказывать. Скажи

мне, если бы ты имел брата по плоти, то неужели бы ты оставил его без помощи тогда, когда он умирал бы с голоду? Я не думаю, – вероятно, ты позаботился бы об исправлении его. *Аще же кто не послушает словесе нашего, посланием* (ст. 14). Заметь смиренномудрие Павла. Он не сказал: кто не повинуется, тот мне не повинуется; но слегка намекает на это. *Сего назнаменуйте.* Следовательно, заповедует творить это, чтобы не были скрываемы (такого рода поступки). *Не примешайтеся ему.* И это немалое наказание. И опять потом (прибавляет): *да посрамится* (ст. 14). Таким образом он не позволяет, чтобы (наказание) простиралось сверх меры. Как выше, сказав: *аще кто не хощет делати, ниже да яст,* из опасения, чтобы те не погибли с голоду, прибавил: *вы же не стужайте доброе творяще,* – так и (теперь), сказав: *отлучайтеся* и *не примешайтеся ему,* потом из опасения, чтобы это самое совсем не отделило его от общества братий (а действительно, усомнившись тогда в самом себе, он мог бы вскоре погибнуть, если бы ему было отказано в ободрении), прибавил: *и не аки врага имейте его, но наказуйте якоже брата* (ст. 15). Этим показывает, что он назначил (виновному) великое наказание, так что оно могло лишить его всякого дерзновения.

3. В самом деле, если надлежит стыдиться тому, кто получает (милостыню) в присутствии многих (других), то какую обиду наносят ему тогда, когда подают ее еще с упреком и отворачиваясь от него? Как могут уязвить этим его душу? Если те, которые только не так охотно подают милостыню, или подают ее с ропотом, приводят в ярость получающих ее (не говори мне о бесстыдных просителях, но о верующих), то что пробуждают в них тогда, когда решаются упрекать, подавая им милостыню? Какое они должны за это понести наказание? Но мы не так (поступаем); напротив, так сильно оскорбляем просящих и с таким отвращением смотрим на них, как будто они причинили нам величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досадуешь? Вразумляйте их, как братьев, сказал (апостол), а не оскорбляйте, как врагов. Кто вразумляет своего брата, тот делает это не всенародно, не выставляет его торжественно на позор, но втайне и с большой осторож-

ностью, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и с плачем. Будем поэтому давать (милостыню) с братским усердием, будем вразумлять с братской любовью, не о том скорбя, что даем милостыню, но скорбя о том, что он преступает заповедь. Какая будет тебе из этого польза? Если ты, дав ему милостыню, нанесешь оскорбление, то лишишься удовольствия (доставляемого тебе твоей) щедростью. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному (человеку)? Он пришел к тебе, надеясь получить от тебя милостыню, — и ушел, получив от тебя смертельную рану, и еще больше слез прольет после этого. Так как бедность заставляет его просить милостыни, между тем ему наносят оскорбление за то, что он просит, то смотри, какое наказание постигнет оскорбляющих его. *Оклеветаяй убогаго,* сказано, *раздражает сотворшаго и* (Притч. XIV, 31). Скажи мне: Он попустил, чтобы тот нищенствовал ради тебя, чтобы ты мог уврачевать себя, и ты оскорбляешь того, кто переносит ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность в этом поступке! *Наказуйте,* говорит (апостол), *якоже* братьев. И после подаяния он заповедует нам вразумлять его. Если же мы, ничего не дав ему, станем наносить ему обиды, то что после этого скажем в наше оправдание? *Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всяком* месте (ст. 16). Смотри, как он, когда заповедует им то, что надлежит исполнять, запечатлевает свои увещания молитвой, налагая молитвы и моления, как бы некоторую печать, на то, что было отложено для хранения. *Да даст вам,* говорит, *мир во всяком* месте. Так как, вероятно, из этого могли произойти распри, потому что одни стали бы более настойчивы, а другие уже не стали бы давать таким столько, сколько прежде, то не без основания (апостол) молится теперь, говоря: *да дастся вам мир всегда.* Об этом именно они должны были заботиться, чтобы всегда сохранять мир. Что значит: *во всяком* месте? Он хочет, чтобы везде был мир, чтобы нигде нельзя было найти причины раздора. Мир везде хорош, даже и в отношении к внешним (язычникам). Послушай, что говорит он в другом месте: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. XII, 18). Ничто столько не способствует

надлежащему исполнению всего того, чего мы желаем, как пребывание в мире и тишине, как то, когда мы удаляемся от всякой вражды и не имеем у себя ни одного врага. *Господь со всеми вами. Целование моею рукою Павлею, еже есть знамение во всяком послании, сице пишу: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь* (ст. 16–18). Он говорит, что пишет это во всяком послании, чтобы никто не имел возможности составлять подложные послания, когда (в каждом из них) будет находиться его подпись, как достоверный признак. А целованием называет он молитву, показывая, что тогда исполнялись все духовные (обязанности) и что, когда надобно было сделать приветствие, то это соединяемо было с пользой, и что молитва была тогда не одним только знаком любви. Молитвой начал (апостол), молитвой и заключил (свое послание), с обеих сторон ограждая великими стенами сказанное, – положив твердое основание, присовокупил и твердый конец. *Благодать*, говорит, *вам и мир*. И опять: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь*. Это завещал и Господь, когда сказал ученикам: *се аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20). Но это бывает только тогда, когда мы желаем того. Он вовсе не будет с нами, если мы сами станем удаляться от Него. С вами, говорит, пребуду вовек. Не будем поэтому отгонять от себя этой благодати. (Апостол) хочет, чтобы мы удалялись от всякого брата, бесчинно ходящего. Быть отлученным от целого общества братий тогда считалось великим бедствием. Поэтому (апостол) подвергает всех этому наказанию. Так в другом месте, именно в послании к Коринфянам, он сказал: *с таковым ниже ясти* (1 Кор. V, 11). А теперь большая часть людей считает это неважным, и все теперь смешалось и пришло в расстройство: мы без разбора, как случится, вступаем в общение с прелюбодеями, с блудниками, с лихоимцами. Если надлежало удаляться от того, кто только питался не своим трудом, то насколько больше от прочих? И, чтобы ты узнал, какой страх внушало отлучение от общения с братией и какую пользу оно приносило тем, кто благомысленно принимал такое наказание, послушай, как тот, который гордился своим грехом, который дошел до последней степени порока, который совершил блуд, не имену-

емый даже у язычников, который оставался нечувствительным к своей ране (а в этом состоит крайняя степень развращения), – как этот самый человек, который был столь порочным, до того смирился и укротился, что Павел сказал потом о нем: *довольно таковому запрещение сие, еже от многих,* так что утвердите к нему любовь (2 Кор. II, 6, 8). (Такой человек) тогда был то же, что член, оторванный от остального тела.

4. Причина же, почему тогда это внушало такой страх, была та, что тогда считалось великим благом быть в обществе верующих. Тогда (верующие) так жили в каждой Церкви, как (живут между собой) люди, обитающие в одном доме, которые подвластны одному отцу и участвуют в одной трапезе. Поэтому, какое несчастье составляло для каждого удаление от такой великой любви? А теперь это не кажется чем-либо важным, потому что мы не считаем чем-либо важным и того, когда мы находимся во взаимном общении. Что прежде считалось в ряду наказаний, то ныне, вследствие охлаждения любви, случается и помимо наказания, и мы отделяемся друг от друга без причины, из равнодушия. Подлинно причину всех зол составляет отсутствие любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное в Церкви, все то, ради чего должно радоваться. Великое дерзновение (внушает) учителю (та мысль), что он может, (ссылаясь на) свои праведные дела, делать увещания своим ученикам. Поэтому Павел и сказал: *сами весте, како есть лепо вам подобитися нам.* Учитель должен больше научать жизнью, чем словом. Пусть никто не думает, что (апостол сказал) это, желая неумеренно похвалить себя: необходимость заставила его сказать это, и притом ради общей пользы. *Яко,* говорит, *не безчинствовахом у вас.* Разве не усматриваешь в этом смиренномудрия, что он (будто) не по заслугам называет это благочинием? *Не безчинствовахом,* говорит, *у вас, ниже туне хлеб ядохом.* Здесь он указывает и на то, что, вероятно, они были бедны. И не говори мне (против этого); но не все были они бедны, – потому что он говорит о бедных и о тех, которые не иначе могли снискивать себе необходимое пропитание, как трудами рук. Он не сказал: пусть получают (пропитание) от своих отцов, но: *да,* говорит, *делающе свой хлеб ядят.* Если

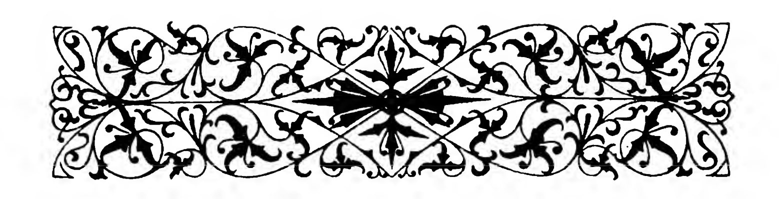
я, говорит он, проповедник словес учения, побоялся отяготить вас, то тем более (должен бояться) тот, кто вам не приносит никакой пользы. Это в самом деле – отягощение. Отягощением будет также и то, когда кто дает другому что-либо не с великим усердием. Но (апостол) не на это намекает, а на тех, которые как бы по собственному желанию (принадлежали к числу) неимущих. В самом деле, отчего ты не трудишься? Бог дал тебе руки не для того, чтобы ты принимал от других, но чтобы ты сам давал другим. *Господь же,* говорит, *с вами.* Об этом и мы можем просить для себя, если только будем исполнять то, что заповедал Господь. Послушай, что говорит Христос Своим ученикам: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам: и се аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 19, 20). Это сказано не только к ним, но и к нам. Что не им только обещано это, но и всем тем, кто будет идти по их следам, видно из слов: *до скончания века.* Но для чего сказал он это и не к учителям? Каждый из вас, если захочет, может сделаться учителем, – если не для другого, то для самого себя. Научи прежде самого себя. Когда научишься всему тому, что Господь заповедал тебе соблюдать, тогда ты приобретешь себе через это многих подражателей. Подобно тому как светильник, когда горит, может возжечь от себя множество (других), а когда будет погашен, и для самого себя не будет источать света и не будет в состоянии возжечь других светильников, так и жизнь праведная: когда в нас пребывающий свет будет светел, тогда мы, представляя в себе другим пример, можем образовать (из них) множество учеников и учителей. Не столько могут слушателям доставить пользы мои слова, сколько – наша жизнь. В самом деле, если будет, положим, какой-нибудь человек, угодный Богу и добродетелью сияющий и имеющий жену, – ведь может быть угоден Богу и тот, кто имеет и жену, и детей, и слуг, и друзей, – то скажи мне, не больше ли пользы может принести всем такой человек, чем я? Меня слушают раз или два в месяц, или даже ни разу, и то, что услышат, сохраняют в (памяти), быть может, только до церковного порога, и потом немедленно забывают; между тем, постоянно взирая на жизнь его, великую от этого полу-

чают пользу. В самом деле, если он, получив оскорбление, не воздает за это оскорблением, то своей кротостью не возбуждает ли и не напечатлевает ли он стыда в душе нанесшего ему оскорбление? Хотя этот последний вследствие озлобления, или чувства стыда и душевного расстройства, и не тотчас сознает эту пользу, однако же он может скоро образумиться; и невозможно, чтобы самый дерзкий человек, хотя бы он был зверь, вступая в столкновение с человеком незлобивым, отошел от него, не получив великой пользы. Мы, хотя и не делаем добра, однако все хвалим добро и удивляемся ему. Равным образом и жена, видя кротость своего мужа и постоянно с ним пребывая вместе, получает от того великую пользу; тоже и дитя. Таким образом всякий может быть учителем. *Созидайте,* говорит, *друг друга, кийждо ближняго, якоже и творите* (1 Сол. V, 11). Смотри в самом деле. В доме твоем случилась потеря? Жена, как более немощная и пристрастная к роскоши, приходит от этого в смущение? Но если муж любомудр и смеется над этой потерей, то он утешит ее и убедит великодушно перенести (потерю). Итак, скажи мне, не гораздо ли больше он принесет ей пользы, чем наши слова? Говорить ведь всякому нетрудно, но действовать, когда нужно, весьма трудно. Оттого-то обыкновенно человеческая природа больше может быть исправляема примером. Превосходство добродетели настолько велико, что часто даже раб наравне с господином приносит пользу целому дому.

5. В самом деле, не напрасно и не без основания Павел постоянно повелевает им (рабам) совершенствоваться в добродетели и быть послушными своим господам, заботясь не столько о том, чтобы они служили господам, сколько о том, чтобы не было хулимо слово Божие и (евангельское) учение. А когда его не будут хулить, тогда вскоре станут удивляться ему. И я знаю многие дома, которые получили великую пользу от добродетели рабов. Если же раб, находящийся под властью, может вразумлять своего господина, то тем больше господин – своих рабов. Разделите со мной, прошу вас, это служение. Я говорю ко всем вообще, а вы (говорите) каждому в частности. И пусть каждый содействует спасению ближнего. Чтобы убедиться в том, что отцы семейств

должны руководить в этом (своих домашних), послушай, куда отсылает Павел жен: *аще ли,* говорит, *чесому научитися хотят, в дому своих мужей да вопрошают* (1 Кор. XIV, 35), – а не отправляет их к учителю. Подобно тому как в училищах есть и между учениками учители, так и в Церкви. (Апостол) хочет, чтобы не все утруждали учителя. Почему? Потому что от этого проистекут великие блага: вследствие того не только труд учителя становится легким, но и каждый из учеников, будучи прилежным, если будет иметь попечение, в скором времени может сделаться учителем. В самом деле, смотри, какую услугу приносит тебе жена. Она смотрит за домом, печется обо всем в доме, распоряжается служанками, одевает своими руками, бывает причиной того, что ты нарицаешься отцом семейства, удерживает тебя от зазорных домов, помогает тебе вести жизнь целомудренную, утоляет чрезмерную силу естественных пожеланий. Но и ты окажи ей благодеяние. Каким образом? Протяни ей руку (помощи) в делах духовных. Когда ты услышишь что-нибудь полезное, тогда, подобно ласточкам, сберегая это в устах своих, принеси и вложи в уста и матери, и птенцов. Не неразумно ли, в самом деле, что ты, во всем другом присвояя себе первенство и занимая место главы, в деле учения оставляешь свойственное тебе место? Начальствующий должен превосходить подчиненных не честью, а добродетелями. Последнее есть долг начальника, а первое – подчиненных. В этом заключается достоинство самого начальника. Если ты пользуешься великой честью, то это вовсе не от тебя зависит: это ты получил от других. Но если ты блистаешь добродетелью, то это всецело принадлежит тебе. Ты глава жены. Пусть же глава управляет остальным телом. Не видишь ли, что голова не столько местом возвышается над остальным телом, сколько своим попечением о нем, подобно кормчему управляя им? В голове находятся и телесные, и душевные очи. Оттуда сообщается им сила зрения и способность водительства. Все остальное (в теле) назначено для служения, а голова служит для того, чтобы управлять. Все чувства в ней имеют свое начало и свой источник. Оттуда возникают органы речи, зрения, обоняния, всякое ощущение, там находится корень нервов

и костей. Видишь ли, что голова возвышается (над телом) больше своим попечением о нем, чем честью? Так постараемся и мы владычествовать над женами: препобедим их не тем, что будем требовать себе от них большей чести, но тем, что будем со своей стороны больше делать им добра. Я показал, что они немало благодеяний оказывают нам; но если мы захотим воздать им за то духовными благами, то мы превзойдем их. Между телесными благами нельзя найти такого, которое равнялось бы этим последним. На что в самом деле (укажешь ты)? На то, что ты приобретаешь много денег? Но она хранит их. Ее попечение имеет здесь равную цену и столь же необходимо. Почему? Потому, что многие, хотя приобрели множество денег, однако, не имея у себя жены, которая хранила бы их, все потеряли. Что же касается до детей, то тут вы все делаете общими силами, и от обоих равная бывает услуга. Даже в этом случае ее служение сопряжено с большими трудами, так как она постоянно носит в себе плод и подвергается мукам рождения. Таким образом только в духовных (предметах) ты можешь иметь над ней перевес. Не будем поэтому заботиться о том, чтобы у нас были деньги, а о том, чтобы мы с дерзновением могли представить перед Богом души, которые были вверены нашему попечению, – потому что, наставляя их, мы и себе приносим величайшую пользу. Кто учит другого, тот, если ничего больше (не приобретет), то по крайней мере сам на то время, когда говорит, приходит в умиление, особенно когда видит, что он сам виновен в том, в чем обличает других. Поэтому, так как через это мы доставляем пользу и самим себе, и им (женам), а через них и всему дому, и так как это прежде всего благоугодно перед Богом, то не будем уклоняться от попечения не только о своей душе, но и о душе служащих нам, чтобы за всех получить нам воздаяние и с великим богатством войти во святой град, матерь нашу – горний Иерусалим. О, если бы никто из нас не был извержен из него! Но все мы, воссияв светом благочестивой жизни, да сподобимся со многим дерзновением узреть Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ *

ВВЕДЕНИЕ

Тимофей был одним из учеников апостола (Павла). Лука свидетельствует (см.: Деян. XVI, 2), что он был юноша, достойный удивления, заслуживший одобрение от братии в Листрах и Иконии. Он был в одно и то же время учеником и учителем, и притом был до такой степени рассудителен, что, хотя слышал, что Павел, проповедуя, не обязывал принимать обрезание, хотя и знал, что по этому поводу он противостал Петру, однако согласился не только не проповедовать против (обрезания), но даже – принять таковое: обрезал его (апостол), говорит (Лука) (см.: Деян. XVI, 23), когда он был уже в таком возрасте, а потом уже вверил ему управление (Церковью). Таким образом уже одно расположение к нему Павла в надлежащей степени показывает, какой он был муж. Он свидетельствует также о нем и в другом месте, когда пишет: *искусство же его знаете, зане якоже отцу чадо со мною поработал во благовествовании* (Флп. II, 22); и опять в послании к Коринфянам говорит: *послах к вам Тимофея, иже ми есть чадо возлюбленно и верно о Господе* (1 Кор. IV, 17); и еще: *блюдите, да никтоже его уничижит: дело бо Господне делает, якоже и аз* (1 Кор. XVI, 11, 10); и в послании к Евреям говорит: *знайте брата нашего отпущена Тимофея* (Евр. XIII, 23). И из весьма многих других мест всякий может видеть великую к нему любовь (апостола). Равным образом и ныне еще со-

---

* Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.

вершающиеся чудеса показывают его дерзновение (перед Богом)*.

Может быть, кто-нибудь спросит: почему (апостол) пишет только к Титу и Тимофею, между тем как и Сила принадлежал к числу достоуважаемых людей, равно как и Лука, о котором говорит он в своем послании: и *Лука един есть со мною* (2 Тим. IV, 10); также и Климент был одним из числа его сотрудников, потому что (апостол) и о нем говорит: *с Климентом и прочими споспешники моими* (Флп. IV, 3)? Итак, почему же он пишет только Титу и Тимофею? Потому, что этим последним он уже препоручил Церкви; между тем первые сопутствовали еще ему в его путешествиях; последних он поставил на видные места. (Тимофей) был наделен такими возвышенными свойствами, что даже молодость его не составляла для него ни малейшего к этому препятствия. Поэтому (апостол) и писал: *никтоже о юности твоей да нерадит* (1 Тим. IV, 12), и опять: *юныя,* говорит, *якоже сестры* (V, 2). Когда есть добродетель, то все имеется в изобилии и ни в чем не встречается препятствия. Потому-то и рассуждая о епископах и говоря много о них, (апостол) никогда не входит в подробное исследование касательно их возраста. Если же и говорит в своем послании, что (епископу надлежит быть) *чада имущу в послушании* и *единыя жены мужу* (1 Тим. III, 4, 2), то высказывает это не потому, что будто ему необходимо иметь жену и детей, а потому, что если бы случилось когда-либо возвести на это место кого-нибудь из мирян, то они должны быть таковы, чтобы умели управлять и домом, и детьми, и всем прочим. Ведь если бы кто, кроме того, что был бы мирянином, оставался бы еще бесполезным человеком даже в такого рода делах, то как можно было бы поручить ему попечение о Церкви? Но зачем, скажешь ты, (апостол) пишет послание к ученику, когда он уже поставлен был на учительскую должность? Не надлежало ли прежде наставить его и потом уже послать (на эту должность)? Но (Тимофей) имел

* Вероятно, здесь святитель указывает на чудеса, которые источали мощи святого Тимофея.

нужду не в таком наставлении, какое нужно для учеников, а в таком, какое необходимо для учителя. Поэтому заметь, что во всем послании он преподает ему наставления, нужные для учителя. Так, даже с самого начала, в предисловии, он не сказал: не слушай тех, кто учит иначе, а как? — *да завещаеши* им *не инако учити* (1 Тим. I, 3).

БЕСЕДА I

Павел посланник Иисус Христов, по повелению Бога Спаса нашего и Господа Иисуса Христа, упования нашего, Тимофею присному чаду в вере: благодать, милость, мир от Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего (1 Тим. I, 1—2)

1. Звание апостола было великим, высоким и досточтимым; и мы видим, что Павел везде предварительно указывает на основания этого своего звания, (желая показать), что он не восхищает себе чести, но получил ее и обладает ею по необходимости. Когда он называет себя *званным* (Рим. I, 1), и когда говорит: *волею Божиею* (1 Кор. I, 1), и опять в другом месте: *нужда бо ми належит* (1 Кор. IX, 16), и когда говорит: *в неже поставлен бых* (1 Тим. II, 7), — всем этим устраняет (всякую мысль) о любочестии и гордости. Ведь как тот, кто домогается чести, которая не дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, подлежит другого рода обвинениям — в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале послания к Тимофею, говорит о том же в таких словах: *Павел посланник Иисус Христов по повелению Бога.* Он не сказал здесь: *Павел* призванный, но: *по повелению.* Чтобы Тимофей по человеческой немощи не подумал, что (апостол) говорит с ним так же, как и с прочими учениками, он таким образом и начал (свое послание). Где же Бог дал ему это повеление? В Деяниях Апостольских находим, что Дух (Божий) говорил: *отделите ми Павла и Варнаву* (Деян. XIII, 2). И везде в своих посланиях Павел прибавляет к (своему имени) имя апостола, научая слушателя не думать, что сказанное им есть слово челове-

ческое, – потому что посланник ничего не говорит от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Вот почему он во всех посланиях ставит это имя впереди, делая через это достоверным свое слово, – и (здесь) говорит так: *Павел, посланник Иисус Христов по повелению Бога Спаса нашего.* Между тем нигде не видно, чтобы давал ему повеление Отец, а повсюду с ним говорит Христос. Что именно говорит? *Иди, яко аз во языки далече послю тя* (Деян. XXII, 21), и еще: *кесарю ти подобает предстати* (XXVII, 24). Но то, что заповедует ему Сын, он называет вместе и повелением Отца, подобно как и повеление Духа именует повелением Сына. Так, например, – он послан был от Духа и избран был Духом, между тем говорит, что это было повеление Бога. Итак что же? Не унижается ли власть Сына тем, что Его апостол был послан по повелению Отца? Нисколько: смотри, как он представляет эту власть в равной степени принадлежащей Им. Сказав: *по повелению Бога Спаса нашего,* он прибавил: *и Господа Иисуса Христа, упования нашего.* Смотри, как правильно он дает Им эти наименования. Так и псалмопевец употребляет такое выражение, говоря об Отце: *упование всех концев земли* (Пс. LXIV, 6), и опять блаженный Павел, в другом месте пиша, говорит: *на сие бо труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахом на Бога жива и истинна* (1 Тим. IV, 10). Необходимо, чтобы учитель подвергался опасностям, и притом гораздо больше, нежели ученики. *Поражу пастыря,* сказано, *и расточатся овцы* (Зах. XIII, 7; Мф. XXVI, 31). Поэтому при таком порядке вещей диавол с большей яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо; а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Достигая таким образом с меньшим трудом большего и в одной душе все погубляя, он более всего и нападает на них (учителей). Вот почему (апостол) тотчас в начале послания ободряет его дух, говоря: мы имеем Спасителя – Бога и надежду – Христа. Мы много терпим, зато имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем избавителя, – не человека, а

Бога. Следовательно, ни избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас, ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда – Христос. Мы переносим несчастья, (утешая себя) двумя (мыслями), – или тем, что скоро избавимся от бедствий, или тем, что питаем себя благими надеждами. Следовательно, что бы мы ни переносили, говорит он, все настоящее ничего не значит. Но почему он нигде не называет себя апостолом Отца, а только Христа? Он все представляет общим (у Них), и само Евангелие называет Божиим. *Тимофею присному чаду в вере.* И это (сказано) для утешения. В самом деле, если он показал такую веру, что сделался чадом Павла, и притом не просто, а присным чадом, то он сохранит веру и относительно будущих (обетований). Вере не свойственно упадать и приходить в смущение даже тогда, когда случится что-нибудь и несогласное с обетованием. Но вот он был сыном (Павла), и сыном присным, однако вовсе не был одного и того же существа. Так что же? Ужели он был иного рода? Но он не от Павла произошел, скажешь ты, – следовательно, это не указывает на то, от кого он произошел. Так что же? Ужели он был иной сущности? Не указывается и это. Сказав – *чадо,* (апостол) нарочно прибавил слово: *в вере,* чтобы показать, что он был его истинным сыном и от него произошел. Он ничем не отличался от (Павла). В вере между ними не было никакого различия. И у людей по (законам) естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (тогда, когда это сходство имеет свое основание) в Боге, – потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по существу одно и то же, однако различаются между собой во многих других отношениях – цветом, видом, разумом, возрастом, характером, свойствами душевными и телесными, наружными и многими другими, или отличаются друг от друга или бывают между собой сходны; а там (в Боге) ни одно из этих различий не имеет места. (Выражение): *по повелению* сильнее, нежели – *званный,* как это можно узнать и из других мест. Сходное с выражением: *Тимофею присному чаду,* упо-

требил (апостол) в послании коринфянам, когда сказал: *во Христе Иисусе аз вы родих* (1 Кор. IV, 15), то есть (родил) по вере. А слово *присному* он прибавил, желая выразить этим то, что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; кроме того, (хотел выразить) и свою любовь и великое к нему расположение. Вот опять *в* употребляется при слове «вера»: он говорит: *присному чаду в вере.* Заметь также, какая в этом похвала (для Тимофея), если (апостол) называет его не только сыном своим, но и присным чадом. *Благодать, милость, мир от Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего.*

2. Отчего в начале других посланий он нигде не ставит (слова) милость, а только здесь? И это от великой любви его (к Тимофею): о большем он молится для своего сына, опасаясь и трепеща за него. Он до того беспокоился о нем, что, – чего никогда не делал, – писал к нему о предметах, относящихся к телесным нуждам, когда, например, говорил: *мало вина приемли стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (V, 23), – потому что наставники нуждаются в большем снисхождении. *От Бога,* говорит, *Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего.* Здесь опять утешение. В самом деле, если Бог есть Отец, то Он печется (о людях), как о детях. Послушай, что говорит Христос: *кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему* (Мф. VII, 9)? *Якоже умолих тя пребыти во Ефесе, идый в Македонию* (ст. 3). Послушай, как кротко он говорит к нему, не голосом учителя, а слуги. Не сказал: я приказал или – повелел, или даже – убедил; но что? *Умолих тя.* Впрочем, не со всеми учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими, испорченными и не вполне преданными – иначе, как и сам он, в другом месте пиша, говорит: *обличай* их *со всяким повелением* (Тит. II, 15), или смотри, что он и здесь говорит: *да завещаеши неким;* не (говорит): умоли их, но – *да завещаеши не инако учити.* Что это значит? Разве послание Павла, которое он написал к ним (ефесянам), было недостаточно? Достаточно было, но люди скорее готовы оказывать неуважение к посланиям. Поэтому или таким образом нужно объяснять это, или,

может быть, (нужно полагать), что случилось это прежде, чем написано было послание (к ефесянам). Между тем и он сам долгое время подвизался в этом городе; здесь был храм Артемиды, здесь он испытал те бедствия. И после того, как прекратилось это зрелище, он, призвав и утешив учеников своих, вслед за тем отплыл и опять прибыл к ним. Прилично, впрочем, спросить: не теперь ли он поставил там Тимофея (епископом)? Ведь он говорит: *да завещаеши неким не инако учити.* Он не перечисляет их по именам, чтобы гласностью обличения не сделать их еще более бесстыдными. Здесь находились некоторые лжеапостолы из иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву), — в чем повсюду в своих посланиях обвиняет их (апостол). Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию и из желания иметь учеников, потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть. Такой смысл имеют (слова): *инако учити. Ниже внимати,* говорит, *баснем и родословием безконечным* (ст. 4). Баснями он называет не закон, — нет, — а ложное предание, извращенные и неправильные верования. Вероятно, эти (выходцы) из иудеев вообще заводили речь о бесполезных предметах, перечисляя дедов и прадедов, чтобы пользоваться славой великой опытности и знания. *Да завещаеши,* говорит, *неким не инако учити, ниже внимати баснем и родословием безконечным.* Что значит (выражение) *безконечным?* Или то, что они не назначаются ни для какой цели, или то, что (не приносят) ни малейшей пользы и неудобопонятны для нас.

Видишь ли, как он порицает исследование. Действительно, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-нибудь, тот еще не нашел; кто исследует, тот не может верить. Потому-то он и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что, если мы исследуем, то это уже не вера; вера же действует успокоительно на уме. Как же Христос сказал: *ищите и обрящете, толцыте и отверзется вам* (Мф. VII, 7), и: *испытайте писаний, яко вы мните имети в них*

живот вечный (Ин. V, 39)? В первом месте – *ищите* значит прошение, сильное желание; а в другом – *испытайте писаний* не только не налагает никакой обязанности исследования, но даже устраняет ее, потому что Он сказал: *испытайте писаний,* то есть изучайте и узнавайте их подлинный смысл не для того, чтобы вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. И хорошо сказал: завещай некоторым *не инако учити, ниже внимати баснем и родословием безконечным, яже стязания творят паче, нежели строение Божие, еже в вере* (ст. 4). Хорошо сказал: *строение Божие,* – потому что Бог хотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величия Его домостроительства. Итак, то, что составляет величайшее лекарство для душ наших, должно совершаться при помощи веры. Наши исследования поэтому несообразны с домостроительством Божиим. А что устрояется при помощи веры? То, что мы приемлем благодеяния Божии, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни о чем не недоумеваем и совершенно успокаиваемся. Между тем то, что совершает и устрояет вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. *Ниже внимати,* говорит, *баснем и родословием безконечным.* И какой вред, скажешь ты, приносят эти родословия? Христос сказал, что через веру должно спастись; а они занимались исследованием и говорили, что это невозможно. Так как проповедование (учения) совершалось в настоящем времени, а исполнение того, что проповедовалось, принадлежало будущему, то и нужна была вера; но они, будучи заняты точным соблюдением обрядового закона, противодействовали вере. Я думаю также, что Он, когда говорит: *баснем и родословием,* намекает здесь и на эллинов, потому что они тоже перечисляли своих богов.

3. Итак, не будем заниматься изысканиями. Ведь для того мы и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, чтобы мы ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием его; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть перед этим и верить. Если же не будем верить этому, то не будем

убеждены и в том, что существует Бог. В самом деле, как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его (слова)? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы ты верил сказанному Им, не требуя ни объяснений, не доказательств. Об этом знали даже эллины: они верили, говорят, богам, хотя эти последние говорили, не приводя никаких доказательств. Почему? Потому что они были потомками богов. Видишь ли, что и эллины знали об этом? Но зачем я говорю о богах? Они точно так поступали с человеком, чародеем и волхвом, именно с Пифагором. И у них вверху храмов изображено было молчание, которое, перстом сдерживая уста и прижимая им губы, указывало всем проходящим, что они должны молчать. Неужели их верования до такой степени достойны уважения, а наши не столько, или даже заслуживают того, чтобы над ними смеялись? Но разве (такая мысль) не была бы признаком крайнего сумасшествия? Учение эллинов справедливо даже было бы подвергать исследованию, потому что в нем – противоречия, и недоумения, и спорные вопросы; а наше учение непричастно ничему этому. Их учение изобретено человеческой мудростью, а наше открыла нам благодать Святого Духа; первое – безумие и сумасбродство, а последнее – в собственном смысле учение мудрости. Там нет ни ученика, ни учителя, а все наравне занимаются исследованием; здесь, будет ли это учитель или ученик, всякий должен учиться у того, у кого нужно учиться, убеждаться, а не сомневаться, верить, а не умствовать. Верой прославились и древние, и без нее все развратилось.

Но зачем я говорю о предметах небесных? Если мы обратим внимание и на то, что находится на земле, то найдем, что и здесь все основано на вере, потому что ни торговля, ни ремесла, ни что-либо иное в этом роде не может без нее существовать. Если же здесь, где все исполнено лжи и обмана, она необходима, то тем более по отношению к предметам небесным. Поэтому будем держаться ее, постараемся приобрести ее; через это мы освободим нашу душу от всех гибельных мнений, каково, например, учение

о случае и о судьбе. Если ты будешь верить, что есть воскресение и суд, то будешь иметь возможность предохранить свою душу от всех этих (заблуждений). Веруй, что Бог правосуден, – и ты не будешь верить в судьбу, которая не руководствуется справедливостью; веруй, что есть Бог, Который промышляет обо всем, – и ты не будешь верить в судьбу, которая будто бы над всем господствует; веруй, что есть наказание и царство, – и не будешь верить в судьбу, которая отнимает у нас все, что принадлежит нам, и подчиняет нас необходимости и насилию. Тебе не нужно ни сеять, ни садить, ни сражаться, ни вообще делать что-либо: волей или неволей, исполнится, чтó определено тебе судьбой. Какая наконец нужда нам и в молитве? Для чего ты хочешь быть христианином, если существует судьба? Ведь ты не будешь подлежать обвинению. Откуда искусства? Неужели тоже от судьбы? Да, говорят; и такому-то человеку судьбой определено, трудясь, сделаться мудрым. Однако укажи мне такого человека, который бы достиг знания без трудов. Но ты не можешь указать. Следовательно, знание зависит не от судьбы, а от трудов. Но отчего, говорят, такой-то человек, будучи преступным и злым, богат, хотя от отца и не получил наследства, а другой, до бесконечности трудясь, остается бедным? Впрочем, такими вопросами занимаются те, которые все основывают только на богатстве и бедности, а не на пороке и добродетели. Но здесь ты не то говори, а скажи: сделался ли кто-нибудь злым, несмотря на то, что ревностно старался (быть добрым), или добрым – живя в совершенной беспечности? Если судьба имеет такую силу, то пусть она покажет эту власть над тем, что важнее всего, – над добродетелью и пороком, а не над богатством и нищетой. Опять – почему, говорят, один страдает от болезни, а другой наслаждается здоровьем, один находится в славе, а другой – в презрении? Почему у одного все идет согласно с его желанием, а у другого бесчисленные всюду препятствия? Откажись от веры в судьбу, и ты узнаешь – почему. Твердо веруй, что есть Бог промыслитель, и ты будешь понимать это ясно. Но не могу, говоришь, потому что неустройство в положении дел (на зем-

ле) не дает возможности предполагать существование промысла. Если все это зависит от Бога, то как я могу верить, что Бог, будучи благ, дает богатство развратнику, преступнику и корыстолюбцу, а человеку доброму – нет? Как мне верить? Верить нужно, сообразуясь с тем, что бывает на деле. Хорошо; итак, это зависит от судьбы. Руководствуется ли она справедливостью или нет? Ты скажешь: она несправедлива. Кто же создал ее? Ужели Бог? Нет, скажешь, она ни от кого не произошла. Но как же она, не происходя ни от кого, делает все это? Ведь это противоречит одно другому. Следовательно, вообще это – не Божие дело. Займемся поэтому исследованием вопроса: кто сотворил небо? Ты скажешь – судьба. Кто землю, кто море, кто времена года? Следовательно, если она в вещах бездушных учредила такой прекрасный порядок, такую стройность, то каким образом в нас, для которых и существует все это, допустила такое нестроение? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь заботился о доме, желая сделать его удивительно хорошим, а о домочадцах своих не имел бы ни малейшего попечения. Кто сохраняет преемство времен года? Кто определил столь стройные законы природы? Кто дал порядок течению дня и ночи? Это выше той судьбы. Нет, говорят, это само собой произошло. Но каким образом такой порядок мог явиться сам собой? Откуда же, скажешь, эти богачи, наслаждающиеся здоровьем и пользующиеся славой, (которые получили богатство) – одни с помощью корыстолюбия, другие – путем наследства, третьи – посредством насилия? Почему же Бог попускает злым благоденствовать? Потому, что воздаяние по заслугам не здесь, а в будущем веке. Поэтому ты мне там укажи что-нибудь подобное этому. Прежде дай мне, пока я еще здесь, говоришь ты; а там я ничего не стану искать. Но ты и не получаешь потому, что ищешь. Если ты, не испытав еще удовольствий, так сильно домогаешься их, что предпочитаешь их будущим благам, то тем более (ты стал бы искать этих последних), если бы ты вкусил чистейших удовольствий. Потому-то (Бог) показывает тебе, что (земные блага) ничтожны, что они составляют нечто безразлич-

ное; если бы они не были чем-то безразличным, то он не дал бы их и тем. Скажи мне: разве не все равно – быть черным, или высоким, или небольшого роста? Так и богатство. Скажи мне: разве не в равной мере дано всем то, что нам необходимо, именно способность к добродетели, разделение духовных дарований? Если бы ты знал, каковы Божии благодеяния, то, пользуясь ими наравне с другими, ты не огорчался бы неравномерным распределением земных благ и, зная равномерное разделение первых, не домогался бы изобилия последних. Подобно тому как слуга, который, получая от господина пищу, одежду и кров и пользуясь всем прочим наравне с другими, потому только, что имел бы волосы на голове длиннее и ногти больше, стал бы думать, будто он имеет более, нежели другие, – таким же образом и тот (кто наделен земными благами) напрасно стал бы много думать о том, чем пользуется только до времени. Для того (Бог) и лишает нас (благ земных), чтобы охладить в нас страсть к ним и все наши желания отвратить от них, направить к благам небесным. А мы и этим не вразумляемся. Как отец, когда его дитя имеет какую-нибудь игрушку, которую ставит выше предметов необходимых, отнимает у ребенка игрушку, чтобы заставить его хотя бы поневоле обратиться к предмету важнейшему, так и Бог употребляет все меры, чтобы привести нас на небо. Но ты скажешь: почему Он позволяет богатеть злым? Потому что Он не очень заботится о них. А почему добрым? Этого Он не делает, а только попускает. Впрочем, теперь говорю об этом только слегка, имея в виду таких людей, которые не знают Писаний. Если бы вы хотели верить и внимать слову Божию, то мне не нужно бы было говорить того, что сказал я теперь, потому что из слова Божия мы все бы узнали. Но чтобы ты вполне убедился, что ничего не значат ни богатство, ни здоровье, ни слава, – укажу тебе на тех многочисленных людей, которые и могли бы разбогатеть, но не приобретают ничего, и могли бы наслаждаться здоровьем, но изнуряют свое тело, и могли бы пользоваться славой, но употребляют все меры, чтобы быть в презрении. Между тем кто добр, тот никогда не стремится сделаться злым.

Поэтому перестанем искать здешних благ и будем стремиться к небесным. Таким образом мы можем и получить их и будем в состоянии насладиться вечной пищей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Конец же завещания есть любы от чиста сердца и совести благие и веры нелицемерныя, в нихже нецыи погрешивше, уклонишася в суесловия, хотяще, быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают (1 Тим. I, 5—7)

1. Ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; равно и наоборот – ничто не может дать такого хорошего направления, как старание поддерживать их всеми силами. На это самое указывая, Христос говорит: *аще два совещаета* вместе, все, что попросят, получат (Мф. XVIII, 19); и еще: когда умножится беззаконие, *изсякнет любы* (XXIV, 12).

Это послужило источником всех ересей. В самом деле, вследствие того, что люди не любят братьев своих, они завидуют тем, которые пользуются уважением, от зависти же происходит властолюбие, а от властолюбия проистекают ереси. Потому-то и Павел, сказав: *да завещаеши неким не инако учити,* показывает путь, каким можно достигнуть этого. Что же составляет этот путь? Любовь. Подобно тому, как, когда он говорит: *кончина закона Христос* (Рим. X, 4), то есть исполнение, – первое соединяется с последним, так и эта заповедь имеет опорой любовь. Цель врачебного искусства – здоровье; поэтому когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы; и когда есть любовь, немного нужно заповедей. Но о какой любви говорит он? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения и благомыслия и сострадания. *От чиста,* говорит, *сердца,* то есть из прямодушного

обращения, или искренней дружбы. Ведь и нечистая жизнь производит расколы: *всяк бо делаяй злая, ненавидит света* (Ин. III, 20). Дружба бывает и между людьми злыми, например разбойники любят разбойников и человекоубийцы – человекоубийц; но это происходит не от доброй совести, а от злой, не от чистого сердца, а от нечистого, не от непритворной веры, а от притворной и лицемерной. Вера открывает нам то, что истинно, и от искренней веры рождается любовь, потому что тот, кто истинно верит в Бога, никогда не согласится удалиться от любви. *В нихже нецыи*, говорит, *погрешивше, уклонишася в суесловия*. Хорошо сказал: *погрешивше*, – потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо ее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; много есть причин, которые совращают с прямого пути, – между тем только одну цель нужно иметь в виду. *Хотяще*, говорит, *быти законоучители*. Видишь ли, есть и другая причина тому – властолюбие. Потому и Христос говорит: *вы же* никого не называйте учителем (Мф. XXIII, 8), и опять апостол: *ни бо сами закон хранят, но да в вашей плоти похвалятся* (Гал. VI, 13). Они, говорит он, домогаются почестей и потому на истину не обращают внимания. *Не разумеюще*, говорит, *ни яже глаголют, ни о нихже утверждают*. Здесь он обвиняет их в том, что они не знают ни цели закона, ни того, до какого времени должно было продолжаться его господство. Но отчего ты, если это происходило от неведения, называешь это грехом? Оттого, что они делали это не потому только, что хотели быть законоучителями, но и потому, что не имели любви; кроме того, и неведение отсюда получило свое начало. Действительно, когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее проницательность; а когда она уклонится от любви, тогда овладевает ею желание спорить и помрачается ее умственный взор. Тот, в ком укореняется привязанность к этим скоропреходящим (предметам), будучи упоен страстью, не может уже быть нелицеприятным судьей истины. *Не разумеют*, говорит, о *нихже утверждают*. Вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других

внешних обрядах. Вслед за тем, оставив опровержение (их учения), – потому что оно не имело никакого значения, разве только служило сенью и образом предметов духовных, – он обращается к тому, что было гораздо более приятным. К чему именно? Он восхваляет закон, называя законом десятисловие. Между тем он исключает первые (обрядовые постановления) из последнего (закона), потому что если сами эти (предписания закона) наказывают преступников и остаются для нас бесполезными, то тем более первые (обрядовые постановления). *Вемы же,* говорит, *яко добр закон, аще кто его законне творит, ведый сие, яко праведнику закон не лежит* (ст. 8, 9). Он говорит, что (закон) хорош и нехорош. Как же это, скажешь ты, ужели он становится нехорошим оттого, что кто-либо не исполняет его, как следует? И тогда он остается хорошим; но сказанное им имеет такое значение: если кто исполняет его на деле, – выражение *аще кто его законне творит* здесь должно быть так понимаемо. Когда же изъясняют его на словах, а на деле преступают, это значит исполнять его не как следует. Исполняет его и этот, но не на собственную пользу.

Впрочем, и другое нечто можно сказать об этом. Что же именно? То, что если надлежащим образом будешь исполнять закон, то он приведет тебя ко Христу. В самом деле, так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать), то он приводит к Тому, Кто может (исполнить это). Впрочем, можно и иным образом исполнять закон, как следует, – именно, когда ты будешь соблюдать его от избытка (доброго расположения). Что же значит выражение – от избытка? Подобно тому, как говорят, что конь надлежащим образом употребляет удила, когда он не прыгает и не кусает, а просто носит их как украшение, так и закон исполняет надлежащим образом тот, кто целомудренно живет не вследствие необходимости от буквы (закона). Итак, кто же будет надлежащим образом исполнять его? Тот, кто знает, что он не имеет в нем нужды. Кто достиг до такого нравственного совершенства, что исполняет закон не ради страха перед ним, а ради одной добродетели, тот правильно и непреткновенно исполняет его, то есть

когда кто-либо исполняет его как человек, который не боится его, а скорее с неодобрением обращает взор свой на положенные в нем наказания. С другой стороны, праведником он называет здесь того, кто уже усовершился в добродетели. Следовательно, тот хорошо исполняет закон, кто не нуждается в его руководстве.

2. Подобно тому, как первые начала грамоты преподаются детям, между тем тот, кто восполняет их не от них, а из других (источников), приобретает большую опытность в учении и гораздо лучше пользуется знанием, так и тот, кто выше закона, уже не руководится законом, потому что кто исполняет его не из страха, а по любви к добродетели, тот гораздо совершеннее исполняет его. Следовательно, неодинаково исполняет закон тот, кто боится наказания, и тот, кто ищет чести; неодинаково также – тот, кто находится под законом, и тот, кто выше закона. Надлежащим образом исполнять (закон) – значит жить лучше, нежели предписывает закон, потому что тот хорошо исполняет и соблюдает закон, кто делает больше, чем то, что велит закон, – кто не нуждается в руководстве его. Закон по большей части запрещает зло; между тем не через это, но через добрые дела человек становится праведным. Поэтому те, которые воздерживаются от злых дел как рабы, еще не выполняют цели закона; следовательно, он назначен для того, чтобы наказывать преступление. Таким образом и те тоже исполняют закон, но потому только, что боятся наказания. *Хощеши же ли,* говорит, *не боятися власти, благое твори* (Рим. XIII, 3). Поэтому можно сказать, что (закон) одним только преступным предвозвещает наказания; между тем какую пользу может принести закон тому, кто творит (дела), заслуживающие венцов? Таким же образом и врач полезен тому, кто имеет язвы, а не здоровому, не тому, кто находится в хорошем положении. *Но беззаконным,* говорит, *и непокоривым, нечестивым же и грешником* (ст. 9). Беззаконными он называет иудеев, равно как и непокорными. *Закон,* говорит, *соделовает гнев* (Рим. IV, 15): это относится к тем, которые делают зло. Что же (должно относить) к тому, кто достоин чести? Законом, говорит, *позна-*

ние греха (Рим. III, 20). Каким образом это должно относить к праведнику? *Праведнику,* говорит, *закон не лежит* (ст. 9). Почему? Потому что он не подлежит наказанию, – потому что он не дожидается того, чтобы (закон) научил его тому, что нужно делать, – имея внутри себя наставляющую его благодать Святого Духа. Закон дан для того, чтобы страх и угрозы удерживали (от преступления). Между тем не нужна узда для смирной лошади, и не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике. *Но беззаконным,* говорит, *и непокоривым, нечестивым же и грешником, неправедным и скверным, отца и матере досадителем* (ст. 9). И не остановился на этом, не удовольствовался одним общим указанием грехов, а перечислил грехи в частности, чтобы заставить стыдиться исключительного последования закону. Затем, исчислив частные виды грехов, он сказал о них и вообще, хотя и сказанного довольно было для того, чтобы удалить (от греха). О ком же он это говорит? Об иудеях, потому что они были отцеубийцами и матереубийцами, они были неправедны и скверны; на них намекает он, когда говорит: *нечестивым и грешником.* Если же они были таковы, то по необходимости дан был закон. В самом деле, скажи мне, разве они не часто поклонялись идолам? Разве не покушались побить камнями Моисея? Разве руки их не были исполнены убийства самых близких сродников? Разве не обличают их в этом постоянно пророки? Между тем кто мудрствует о небесном, для того излишними становятся все эти (обличения). *Отца и матере,* говорит, *досадителем, мужеубийцам, блудником, мужеложником, разбойником, клеветником, клятвопреступником, и аще что ино здравому учению противится* (ст. 10). Хорошо сказал: *здравому учению,* – потому что (все эти преступления) составляют болезнь души развращенной. *По благовестию,* говорит, *славы блаженнаго Бога, еже мне уверено бысть* (ст. 11). Поэтому и ныне нужен закон для утверждения Евангелия; между тем для тех, кто верует в него, он не нужен. А благовестием славы он называет его не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. Впрочем, отчасти и по другим причинам, отчасти и ради этого он называет (Евангелие) бла-

говестием славы, показывая, что страдание Христа составляет (Его) славу, или даже (может быть) он намекает на будущие (обетования). Хотя настоящее (наше состояние) исполнено стыда и поношения, зато будущее будет вовсе не таково: между тем благовестие относится к будущему, а не к настоящему времени. Почему же ангел говорил: *се благовествую вам, яко родися вам Спас* (Лк. II, 10)? Потому что Родившийся имел в будущем соделаться Спасителем, потому что не вдруг после того, как родился, Он начал творить чудеса. *По благовестию,* говорит, *славы блаженнаго Бога. Славы:* он говорит здесь или о богопочтении, или (выражает ту мысль), что если и в настоящем все исполнено славы Его, то тем более в будущем, когда, говорит, положены будут враги Его под ноги Его, когда ничто уже не будет сопротивляться Ему, когда праведники узрят все эти блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не восходило. *Хощу,* говорит (Христос), *да идеже есмь аз, и тии будут, да видят славу мою, юже дал еси мне* (Ин. XVII, 24).

Научимся поэтому узнавать, каковы эти люди, — и ублажим их, помышляя о том, какими благами они будут наслаждаться, какой славы, какого света они соделаются причастниками. Здешняя слава ничтожна и непостоянна, и если даже остается при нас, то остается только до смерти, а потом совершенно исчезает, потому что не *снидет с ним,* говорится, *слава его* вслед его (Пс. XLVIII, 18); а для многих она не продолжалась даже до смерти. Между тем о той славе нельзя думать ничего подобного, а совершенно напротив, она остается навсегда и никогда не будет иметь конца. Таково свойство вещей божественных, — они постоянны, не подвергаются ни переменам, ни разрушению. Слава тогда (будет зависеть) не от внешних, а от внутренних (предметов); именно эта слава будет состоять не в ризах многоценных, не в множестве прислуги и не в колесницах, но без всего этого, сам человек будет облечен славой. Теперь, если нет этого, то нет и славы, а там не так. В банях мы видим нагими и знатных, и незнатных, и даже преступных; и на торжищах многие нередко подвергались опасности, когда слуги их по какой-нибудь надобности оставляли их.

А там славу свою (человек) будет иметь всегда при себе. И подобно тому, как ангелы, куда бы ни явились, имеют славу сами в себе, так и святые. Или еще лучше, как солнце не нуждается в одежде, не имеет надобности ни в чем другом, но как только является, вместе с ним открывается и блеск его славы, — так будет и тогда.

3. Будем поэтому стремиться к этой славе, досточтимее которой нет ничего; оставим ту, презреннее которой нет ничего. *Во одеянии риз,* говорится, *не похвалися* (Сир. XI, 4), — это издревле внушаемо было детям. Действительно, и плясун, и блудница, и актер одеваются в более светлые и многоценные ризы, нежели ты. И кроме того, ты тщеславишься такой вещью, на которую если нападет моль, то лишит тебя доставляемого ею тебе удовольствия. Видишь ли, как непостоянна слава в настоящей жизни? Ты хвалишься такой вещью, которую черви производят и истребляют, — потому что, говорят, в Индии находятся какие-то насекомые, которыми приготовляются эти ткани. Приобрети, если хочешь, одежду, которая соткана из предметов горних, — чудное и светлое одеяние, ризу воистину золотую. Только это золото не принадлежит к числу металлов, которые выкопаны руками преступников, но рождается от добродетели. Облечемся в эту одежду, которую устрояют не бедные люди и рабы, а Сам Господь. Но ты скажешь, что одежда эта испещрена золотом. А какое это имеет к тебе отношение? Ведь все удивляются устроившему ее, а не тому, кто в нее облекается, — потому что, в самом деле, первый достоин удивления. Так, ведь, и относительно обыкновенной одежды мы удивляемся не дереву, на котором одежда развешивается в валяльне, но тому, кто трудится около нее, несмотря на то, что дерево носит ее и она развешивается на дереве. Подобно тому как та развешивается не ради нужды, а для пользы самой же одежды, чтобы, как говорят, вытрясти из нее пыль и чтобы не ела ее моль, так и эта. Итак, не крайнее ли будет это безумие так много заботиться о том, что не имеет никакого значения, — придумывать для этого всевозможные средства, губить собственное спасение, пренебрегать геенну, Богу досаждать, презирать

Христа алчущего? Что еще кто скажет о драгоценных ароматах – индийских, аравийских, персидских, сухих и влажных, о мазях и благовониях, (приобретение) которых соединено с большими и бесполезными издержками? Зачем ты, жена, умащаешь тело свое, внутри исполненное нечистоты? Зачем разоряешь себя для вещи зловонной и поступаешь так, как если бы кто благовонную мазь бросал в грязь или бальзамом стал обливать кирпичи? Есть, если хочешь, ароматы, есть благовонная мазь, которой ты можешь умастить душу и которая приносится не из Аравии, не из Эфиопии и не из Персии, а с самого неба, – которая покупается не за золото, а добрым расположением воли и непритворной верой. Купи себе этого благовония, запах которого может наполнить собой всю вселенную. Он распространялся от апостолов: воня *есмы* благоухания, говорит, *овем убо в смерть, овем же в живот* (2 Кор. II, 15, 16). Что же значит это? Сказывают, будто свинья задыхается от благовония. И не только тела апостолов, но и сами их одежды источали воню духовного благоухания; такое истекало благовоние от одежд Павловых, что они прогоняли демонов. Ужели это благовоние не было приятнее и полезнее всяких цветов, всяких пряных корений, всякой благовонной мази? Если оно прогоняло демонов, то чего еще другого оно не могло сделать? Будем поэтому приготовлять эту благовонную мазь; а приготовляет ее благодать Святого Духа посредством милостыни. Воню этого благоухания будем источать, когда отойдем туда, и привлекать ею к себе святых; и подобно тому, как здесь намащенные благовониями привлекают к себе всех и, когда войдет кто-либо источающий благоухание в баню или в церковь, или в какое-нибудь другое многолюдное место, то все приближаются к нему, всех привлекает он к себе, – так точно и в том мире, когда войдут туда души, от которых будет истекать воня благоухания духовного, то все будут объяты удивлением, все посторонятся. Даже здесь (к этой душе) ни демоны, ни какой бы то ни было порок не смеют подойти и пребывать с ней, потому что задыхаются. Будем поэтому окружать себя этим благоуханием. Одно благоухание распространяет о нас

такое мнение, что мы изнежены; а другое – что мы мужественны и воистину достойны удивления, и дает нам великое дерзновение. Это благовоние не на земле произрастает, а рождается от добродетели; оно никогда не увядает, а всегда цветет; оно соделывает достойными уважения тех, кто обладает им. Им помазуемся мы, когда принимаем крещение; тогда от нас истекает приятное благоухание; а чтобы и потом мы источали его, это зависит уже от нашего старания. Вот почему в древности священники и были помазуемы миром, чтобы показать в этом знамение добродетели, потому что священник должен источать приятное благоухание. Между тем нет ничего зловоннее греха. Посмотри, как описывает его природу пророк: *возсмердеша и согниша раны моя* (Пс. XXXVII, 6). И действительно, грех хуже и зловоннее всякой гниющей язвы. В самом деле скажи, что может быть зловоннее блудодеяния? Если ты не чувствуешь этого в то время, когда грех совершается, то подумай о том по совершении его, и ты увидишь тогда его зловоние, отвратительную нечистоту, скверну и мерзость его.

Таков вообще грех. Прежде чем он будет сделан, он еще доставляет некоторую приятность, а после того, как уже совершится, приятность проходит и исчезает, и на место ее являются горесть и печаль. Совершенно наоборот праведность: вначале она приносит труды, а под конец – удовольствие и успокоение. Там и удовольствие не бывает удовольствием оттого, что впереди ожидает стыд и наказание; а здесь опять и труд не в труд оттого, что есть надежда на награду. Скажи мне, что такое пьянство? Не доставляет ли оно удовольствия только в то время, когда пьешь? Вернее же, даже и во время самого питья (оно не приносит удовольствия). Когда (человек) впадает в бесчувствие и не видит никого из присутствующих, но становится хуже беснующегося, то какое уж тут удовольствие? Кроме того, и в самом блудодеянии нет никакого удовольствия. Когда душа, одержимая страстью, теряет сознание, то какое это удовольствие? Если это удовольствие, то и чесотка будет составлять удовольствие. Я называю истинным удовольствием то, когда душа не находится в страстном состоя-

нии, в котором тело порабощает ее себе и развлекает ее. Что за удовольствие скрежетать зубами, ворочать глазами, ощущать щекотание и воспламеняться больше, нежели прилично? Это состояние до такой степени далеко от того, чтобы быть удовольствием, что мы спешим поскорее избавиться от него, а потом, избавившись, скорбим. Если это — удовольствие, то не удаляйся от него, а продолжай наслаждаться удовольствием. Видишь ли, что здесь одно только название удовольствия? Между тем предлагаемые нами удовольствия не таковы, — напротив, они воистину бывают приятны, они доставляют не исполненное жара наслаждение, но оставляют душу свободной и расточают радость и веселье. Таким удовольствием наслаждался Павел, который говорит: *о сем радуюся, но и возрадуюся* (Флп. I, 18), — и еще: *радуйтеся всегда о Господе* (IV, 4). То (первое) удовольствие соединяется со стыдом и осуждением, оно совершается скрытно и исполнено бесчисленных неприятностей, а последнее от всего этого свободно. Будем поэтому стремиться к нему, чтобы получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Благодарю укрепившего мя Христа Иисуса Господа нашего, яко верна мя непщева, положив в службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии: преумножися же благодать Господа нашего Иисуса Христа с верою и любовию, яже о Христе Иисусе (1 Тим. I, 12—14)

1. Мы видим, что смиренномудрие приносит великую пользу, но нигде его скоро не обретаем; правда, (мы встречаем) величайшую униженность на словах, даже больше, нежели следует, но истинного смиренномудрия нигде не находим. Блаженный же Павел до того желал стяжать его, что повсюду измышлял много причин к тому, чтобы соделывать смиренной свою душу. И так как более всего долж-

ны трудиться те, — когда они желают стяжать смиренномудрие, — которые сознают, что совершили важные подвиги, то, вероятно, и он терпел великое (в этом отношении) насилие от сознания сделанного им добра, которое, подобно сильному течению воды, влекло его к надменности. Поэтому смотри, что он и здесь делает. Он сказал, что мне вверено благовествование славы Божией, — благовествование, коего причастниками не могут быть те, которые еще придерживаются закона. Он противопоставляет одно другому и полагает между ними такое расстояние, что кто придерживается последнего, тот еще недостоин соделаться причастником первого, — подобно тому, как если бы кто сказал, что тех, которые нуждаются в узах и наказании, нельзя еще причислить к сонму любомудрых. И так как он (прежде) превознес себя и сказал о себе много великого, то (теперь) в одно время и себя смиряет, и других увещевает то же самое сделать. Написав: *еже мне уверено бысть* (ст. 11), он немедленно смиряет самого себя, чтобы ты не подумал, что он говорил это вследствие гордости. Итак, смотри, какой он употребляет (оборот речи), чтобы поправить (прежде сказанное), когда присовокупляет и говорит: *благодарю* укрепившего *мя Христа Иисуса Господа нашего, яко верна мя непщева, положив в службу.* Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги и все приписывает Богу, — впрочем, так, что через это не уничтожает свободы воли? Неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя ничего не привносим, но (Бог), подобно деревьям и камням, обращает нас от порока к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому, смотри, с каким благоразумием выражается, предотвращая такое возражение. *Уверено,* говорит, *бысть мне.* Это составляет его заслугу и честь, но не все принадлежит ему; смотри, что он (дальше) говорит: *благодарю* укрепившего *мя Христа Иисуса,* — это относится к Богу; затем опять указывает на то, что принадлежит ему: *яко верна мя непщева,* — конечно, потому, чтó он желал сам от себя содействовать этому. *Положив,* говорит, *в службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилован бых, яко неведый*

сотворих в неверствии. Смотри, как он говорит и о том, что принадлежит ему, и о том, что принадлежит Богу; но промыслу Божию приписывает больше, а то, что ему принадлежит, уничижает, впрочем, так, чтобы, как я прежде сказал, через это не уничтожить свободы воли? Что же значит: укрепившего *мя?* Послушай. Он подъял на себя великое бремя, и ему нужно было большое содействие свыше. Посуди в самом деле, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоризн, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей и не прийти в уныние, не пасть духом, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом! Это было выше человеческих сил, хотя и не зависело от одного содействия Божия, но и от свободной его воли. Что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, – послушай, что говорит (Сам Бог) еще прежде, нежели (апостол) приступил к проповеди: *сосуд избран ми есть сей, пронести имя мое пред языки и цармн* (Деян. IX, 15). Подобно тому, как те, которые носят на войне царское знамя, обыкновенно называемое лавурон*, должны обладать великой силой и опытностью, чтобы не предать его врагам, так и те, которые носят имя Христово не только во время войны, но и во время мира, должны иметь много твердости, чтобы не предать его хульным устам, но мужественно держать и нести крест. Воистину великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тот, кто говорит, или делает, или в мысли имеет что-нибудь недостойное, не носит Его имени и не имеет в себе Христа. Между тем тот, кто носит (это имя), торжественно шествует не через торжище, а через небеса; (при виде его) всех объемлет трепет, ангелы сопутствуют и удивляются ему. *Благодарю,* говорит, укрепившего *мя Христа Иисуса Господа нашего.* Смотри – он благодарит Бога даже и за то, что принадлежит ему самому. За то, что он – избранный сосуд, он приносит Ему благодарность. Это же тебе принадлежит, блаженный Па-

* Вероятно, ошибка, вместо λάβαρον – lavarum, знамя с крестом.

вел, потому что Бог нелицеприятен. Но я благодарю, говорит, за то, что Он удостоил меня этого служения, потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставляет последнее признаком того, что (господин) считает его более достойным доверия, нежели других, так точно и здесь. Затем смотри, как он, описывая прежнюю свою жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие. *Бывша* прежде, говорит, *хульника и гонителя и досадителя.* Он гораздо снисходительнее выражается даже тогда, когда говорит об иудеях, несмотря на то, что они и в это время оставались в неверии: *свидетельствую бо им,* говорит, *яко ревность Божию имут, но не по разуму* (Рим. X, 2); а о себе говорит, что он был хулителем, и гонителем, и досадителем. Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа?. Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а (показывает еще), что он делал это с особенным ожесточением. Я не только, говорит, в себе укреплял зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестиво. (Я довел) богохульство до величайшего неистовства. *Но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии.*

2. Почему же и другие иудеи не были помилованы? Потому что они не по незнанию, а зная и очень хорошо понимая, делали то, что делали. Чтобы вполне убедиться в этом, послушай, что говорит евангелист: *мнози* из фарисеев и иудеев *вероваша, но не исповедаху: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию* (Ин. XII, 42, 43). И опять Христос говорит: *како можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. V, 44)? – и еще говорит (евангелист): *сия рекоша родители* слепого ради иудеев, чтобы не быть отлученными от сонмища (Ин. IX, 22). Кроме того, и сами иудеи говорили: *видите, яко никоя же польза есть* нам, зане *мир весь по нем идет* (Ин. XII, 19). Ими всегда руководила страсть любоначалия. И когда они сказали, что никто не *может оставляти грехи, токмо един Бог* (Лк. V, 21), тогда (Христос) немедленно совершил то, в чем они поставляли признак (силы) Бо-

жией. Итак, все это происходило не от неведения. Где же был тогда Павел? Вероятно, скажет кто-либо, (он находился) у ног Гамалиила, который не имел ничего общего с этой мятежной толпой, так как Гамалиил был такой человек, который ничего не делал по честолюбию. Каким же образом Павел впоследствии является среди этой толпы? Он видел, что учение это распространялось и становилось господствующим, и что все последуют ему. При жизни Христа (народ) иногда приходил к Нему, а иногда к учителям (иудейским). Когда же они совершенно отделились (от последних), тогда уже он, не как другие – из властолюбия, стал действовать так, как действовал, а из ревности. Зачем же он отправлялся в Дамаск? Он считал дело (христиан) пагубным и боялся, чтобы проповедь не распространилась повсюду. А иудеи (поступали) не так. Они все делали не из заботливости о многих, а из властолюбия. Посмотри, что они говорят: *возмут язык наш* и город (Ин. XI, 48). Какой объял их страх? Человеческий. Нужно рассмотреть и то, каким образом (Павел), будучи столь сведущ в законе, ничего не знал, – потому что он сам говорит: *еже прежде обеща пророки своими* (Рим. I, 2). Каким же образом ты не знал этого, будучи ревнителем отеческого закона, воспитавшимся у ног Гамалиила? Проводившие жизнь на реках и озерах и мытари притекли (ко Христу) и приняли его; а ты, опытный в законе, Его преследуешь? Потому-то он и осуждает себя, говоря: *несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. XV, 9). Потому-то он и сознается в неведении, которое происходило от неверия. Потому-то и говорит, что он был помилован. Что значит: *верна мя непщева?* То, что он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвоял себе славы Божией, – послушай в самом деле, что говорит он в другом месте: *мужие*, что вы на нас взираете? *мы подобострастны есмы вам человецы* (Деян. XIV, 15), – вот что значит: *верна мя непщева.* И опять в другом месте: *паче всех их потрудихся*, говорит, *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. XV, 10), и еще: *действуяй в нас и еже хотети, и еже деяти* (Флп. II, 13). Сам он, по его словам, достоин был

наказания, — потому что помилование дается именно таким (людям). И опять в другом месте говорит: *ослепление от части Исраилеви бысть* (Рим. XI, 25). Но *благодать* Божия, говорит, *преумножися с верою и любовию, яже о Христе Иисусе.* Что это значит? Чтобы ты, услышав слова: *помилован бых,* не остановился мыслью только на этом, он говорит: я был хульником, и гонителем, и досадителем, и потому достоин наказания; но не наказан, потому что помилован. Но разве это только (ты получил), разве милосердие простиралось только до того, что ты не понес наказания? Нет, — но (ты получил) и другие многие и великие (благодеяния). Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал нас праведными, и сынами, и братиями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому-то он и говорит: *преумножися благодать,* выражая ту мысль, что дары эти превзошли (пределы) милосердия, потому что (так поступать) свойственно не милующему только, но и благоволящему и сильно любящему. Итак, сказав много великого о человеколюбии Божием, что (Бог) помиловал его, хотя он и был хулителем и гонителем и притеснителем, и не только не ограничился этим, но удостоил его еще других великих (благодеяний), (апостол) опять подтверждает то, (что сказано против) неверных, то есть что (не следует) говорить, что свобода воли не существует, — прибавляя (следующие слова): *с верою и любовию, яже о Христе Иисусе.* Со своей стороны мы, говорит он, только одно принесли, именно — поверили тому, что Он может спасти нас.

3. Поэтому возлюбим Его (Бога) через Христа. Что значит через Христа? То, что Он нам приуготовил это, а не закон. Видишь ли, каких благ для нас виновником был Христос, а каких закон? И (апостол) не просто сказал: умножися благодать, но: *преумножися,* — потому что действительно *преумножися,* когда тех, которые заслужили тысячу казней, она внезапно приводит к усыновлению. Вот опять (здесь предлог) *о* значит то же, что *чрез.* Нам нужна не одна только вера, но и любовь, — потому что ныне есть много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однако же не любят Его и не поступают так, как следует любя-

щим Его. В самом деле, как (они любят Его), когда все предпочитают Ему – деньги, рок, судьбу, предзнаменования, гадания, волхвование? Если же мы живем так, что оскорбляем Его, то, скажи мне, какая у нас к Нему любовь? Если кто имеет друга, к которому питает горячую, пламенную любовь, то пусть по крайней мере столько же любит Христа, пусть по крайней мере столько же любит Того, Кто предал Сына Своего за врагов Своих, без всякой с нашей стороны заслуги. Что я говорю – заслуги? За тех, которые совершили величайшие преступления, которые дерзнули без всякой причины на то, на что никогда не следовало решаться. Он после бесчисленных благодеяний и попечения о нас все-таки не отверг нас; напротив, предал за нас Своего Сына, именно в такое время, когда более всего мы совершили беззаконий. Между тем мы, получив столь великие (благодеяния), соделавшись друзьями Его и сподобившись через Него всех этих благ, не возлюбили Его даже так, как любим друзей своих. Какая же после этого остается для нас надежда? Может быть, вы трепещете от этих слов. О, если бы (привели вас в трепет) подобные поступки! Но как это возможно, скажешь ты, ужели мы в самом деле не любим Бога даже и так, как друзей своих? Как это возможно? Я попытаюсь объяснить это тебе; правда, я молю о том, чтобы сказанное мной оказалось не имеющим никакого основания, пустословием; но боюсь, чтобы мои слова не были согласны с действительностью. Смотри же. Для друзей, которые действительно наши друзья, многие из нас часто терпят убыток; а для Христа никто не решается не только пожертвовать чем-нибудь, но и быть довольным тем, что кто имеет. За друга часто мы подвергаемся обидам и неприязни; а за Христа никто не согласится переносить неприязни, напротив, (всякий) говорит: люби даром, но не даром ненавидь. Друга, томимого голодом, мы никогда не презираем; а Христа, Который приходит к нам каждый день – не за многим, а только за одним хлебом, мы даже не допускаем к себе, и это тогда, когда с нами случается зловонная отрыжка, когда мы пресыщены больше, чем следует, когда объедаемся, когда от нас пахнет вчерашним вином,

когда предаемся излишним наслаждениям, причем одни из нас дают подарки блудницам, другие — тунеядцам, иные — льстецам, иные — уродам, полоумным и карликам: да, (люди) обращают себе в увеселение даже эти природные недостатки. Друзьям, которые суть истинные наши друзья, мы не завидуем и не сокрушаемся при виде их благополучия; а по отношению ко Христу мы и от этой страсти несвободны. Наконец, всякий может заметить, что (у людей) дружба имеет больше силы, нежели страх Божий, так как даже лукавый и завистливый больше стыдится людей, чем Бога. Откуда это видно? Я скажу — откуда: человек, несмотря на то, что Бог видит все, что происходит у него в сердце, не перестает строить козни; между тем человек если увидит человека, то считает себя погибшим и краснеет. Что еще сказать? К другу, который находится в несчастье, мы приходим и, если несколько замедлим, боимся, чтобы за это не подвергнуться нам осуждению; а на Христа, часто умирающего в узах, даже и не посмотрим. Да и к друзьям, которые веруют (во Христа), мы приходим не потому, что они веруют в Него, а потому, что они нам друзья.

4. Итак, видишь ли, что ничто не делается из страха Божия или из любви к Богу, а все или по дружбе, или по привычке? Мы плачем и вздыхаем, когда видим друга, отправляющегося в чужую сторону; мы рыдаем, когда видим его умершим, хотя знаем, что он не навсегда разлучился с нами и что снова будет нам возвращен при воскресении; а когда Христос каждый день удаляется от нас, или, лучше, когда Христа мы каждый день отгоняем от себя, — мы не скорбим, напротив, оскорбляя Его, досаждая Ему, огорчая Его, делая неугодное Ему, мы даже и не думаем, что совершаем какое-нибудь преступление. Но это еще не было бы столь ужасным, если бы мы только поступали с Ним, не как с другом. А я докажу, что мы поступаем с Ним, как с врагом. Каким образом? *Мудрование плотское,* говорит Павел, *вражда на Бога* (Рим. VIII, 7). Между тем это мудрование постоянно присуще нам. Христа, Который желает прийти к нам, как только Он приблизится к нашим дверям, мы прогоняем, — это именно делают злые дела, — мы оскорбляем

Его каждый день своим любостяжанием и хищничеством. Хвалят человека, который пользуется доброй славой за то, что проповедует Христа и приносит пользу Церкви? И мы завидуем ему, потому что он совершает дело Божие; мы думаем, что завидуем ему, а между тем зависть наша обращается на Христа. Нет, — скажешь ты, — мы хотим, чтобы польза была от нас, а не от других, (следовательно, мы желаем этого) не для Христа, а для нас, потому что если — для Христа, то нам должно быть все равно, от нас ли это происходит или от других. Скажи мне, если какой-нибудь врач, который имел бы сына, находящегося в опасности лишиться зрения, сам не будучи в состоянии помочь ему, найдет другого (врача), который может это сделать, то ужели он отвергнет его? Ни в каком случае; напротив, он сказал бы так: все равно — от тебя или от меня, только пусть будет ему польза. Почему так? Потому что он имеет в виду пользу не свою, а своего сына. Так и мы, если бы обращали внимание на то, что относится к Христу, то говорили бы так: через нас ли или через кого иного, — только пусть совершается то, что может быть полезным: *аще истиною, аще виною*, говорит (апостол), *Христос проповедаемъ есть* (Флп. I, 18). Послушай, что говорит Моисей тем, которые хотели возбудить в нем гнев, когда пророчествовали Елдад и Модад: *еда ревнуеши ты мне? И кто даст всем людем Господним быти пророки* (Чис. XI, 29)? Все это происходит от жажды славы. Итак, не врагам ли и неприятелям свойственно так поступать?

Сказал тебе кто-нибудь дурное слово? Ты возлюби его. Но как это возможно? Возможно, и очень возможно, если захочешь. Если ты любишь того, кто говорит о тебе хорошо, то это еще не составляет заслуги, — потому что ты делаешь это не для Господа, а для своей славы. Причинит тебе кто-либо вред? Ты сделай ему добро. Если же ты станешь делать добро тому, кто тебе сделал добро, то ты не совершишь еще ничего важного. Тебя обидели и причинили тебе великий убыток? Постарайся заплатить за это противоположными действиями. Да, умоляю вас, так расположим наши поступки. Перестанем делать зло врагам и ненавидеть их. Он (Христос) повелевает нам любить врагов, а мы враж-

дуем и на Него Самого, хотя Он любит нас. Да не попустит этого (Господь), говоришь ты. На словах все мы так говорим, а на деле не все так поступаем. До того ослепляет нас грех, что даже то, что не может быть терпимо в словах, бывает терпимо в поступках. Поэтому удалимся, хотя и поздно, от тех, которые препятствуют и вредят нашему спасению, – чтобы получить нам то, что следует получить друзьям (Христовым). *Хощу,* говорит Он, *да идеже есмь аз, будут* и ученики мои, *да видят славу мою* (Ин. XVII, 24), которую да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Верно слово и всякого приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз. Но сего ради помилован бых, да во мне первом покажет Иисус Христос все долготерпение, за образ хотящих веровати ему в жизнь вечную (1 Тим. I, 15, 16)

1. Благодеяния Божии так велики и до того превосходят всякое человеческое ожидание и надежду, что часто даже им не верят. Действительно, (Бог) нам даровал то, о чем не помышлял, чего не ожидал ум человеческий. Поэтому апостолы много и говорят об этом, чтобы возбудить в нас веру в те дары, которые поданы нам от Бога. Подобно тому как при (получении) великих благ мы приходим в такое состояние, что, не доверяя себе, говорим: не сон ли это? – так и при (получении) даров Божиих. Что же было в них такого, чему едва можно было верить? То, что враги, грешники, те, которые не нашли оправдания ни в законе, ни посредством дел, вдруг при помощи одной веры должны были получить такие преимущества. Вот почему (апостол) много рассуждает об этом предмете и в послании к Римлянам, – много также и здесь. *Верно,* говорит, *слово и всякаго приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз.* Так как иудеи этим

особенно увлекались, то он убеждает их не привязываться к закону, потому что без веры невозможно через него спастись. За это именно ратует (апостол), потому что казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествующую жизнь провел попусту и напрасно и истратил ее на злые дела, мог потом спастись через одну веру. Поэтому он и говорит: *верно слово.* Впрочем некоторые не только не верили, но и укоряли его, подобно тому, как и ныне делают язычники, говоря: *сотворим злая, да приидут благая* (Рим. III, 8). Так как они слышали, что он говорил: *идеже умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20), то, извращая наше (учение), проповедовали таким образом. Точно так же, когда мы беседуем с ними о геенне, они возражают: как же это может быть достойно Бога? Если человек, схватив своего раба, во многом согрешившего перед ним, оставляет ему (его вину) и дает прощение, то ужели Бог будет наказывать навеки? И опять, когда говорим им о купели (крещения) и об оставлении грехов через нее, они возражают: достойно ли Бога, что Он оставляет грехи тому, кто совершил бесчисленные преступления? Видишь ли развращение их ума, как он во всем обнаруживает свойственную себе страсть к спорам? Именно: если отпущение грехов – зло, то наказание – добро, и наоборот, если наказание – не добро, то добро – отпущение грехов; говорю так, сообразуясь с их мнением, а по-нашему – хорошо то и другое. А почему, это покажу в другое время, так как теперь этого невозможно сделать. (Предмет этот), будучи глубоким и требующим подробного исследования, в свое время должен быть предложен вашей любви; пока же обратимся к предлежащему (вопросу). *Верно,* говорит, *слово.* Каким образом оно верно? (Это видно) как из предыдущего, так и последующего. Смотри, как он предварительно приготовляет (своих слушателей) и потом, приготовив их, приступает к исследованию. Сказав, что его, богохульника и гонителя, помиловал (Бог), он имел в виду приготовить их. И не только, говорит, помиловал, но и соделал верующим: до такой степени, говорит он, невозможно сомневаться в том, что Он помиловал меня. Ведь никто, видя узника, который

живет в царских чертогах, не станет сомневаться в том, что он помилован; то же самое можно было видеть и на Павле. Поэтому он самого себя приводит в доказательство и не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется, так как через это он лучше всего мог показать великое чудо попечения Божия и то, что он сподобился столь великой милости. Почему же он, сказав в другом месте о себе: *по правде законней быв непорочен* (Флп. III, 6), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Потому что в сравнении с той праведностью, которой (причастниками) соделал нас Бог и которой поистине нужно искать, грешны даже те, которые были (праведны) в законе: *вси бо согрешиша, и лишени суть славы Божия* (Рим. III, 23). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: по правде *законней*. Подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако по сравнению с сокровищами царскими оказывается весьма бедным, и первым бедняком, так и здесь, сравнительно с ангелами, люди – грешники, даже и праведные. Если же Павел, который по закону творил правду, есть первый грешник, то кто другой может быть назван праведным? Потому-то он говорит так не с той целью, чтобы порицать свою жизнь, (признавая ее) бесчинной, – нет, – но, сравнивая одну (законную) праведность с другой (благодатной), показывает ничтожество (первой). И мало того, – но еще признает грешниками тех, которые стяжали законную праведность. *Но сего ради,* говорит, *помилован бых, да во мне первом покажет Иисус Христос все долготерпение, за образ хотящих веровати ему в жизнь вечную.*

2. Видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя, приводя иную, более унизительную причину? Сказав, что он помилован ради своего неведения, он указывает на то, что помилованный не очень (великий) грешник и не должен быть строго осуждаем; а сказав, что он помилован для того, чтобы никто из согрешивших не отчаивался более, но был уверен, что и он то же самое получит, он представляет весьма великое и очень сильное (обвинение). Таким образом, когда (апостол) говорил: я первый из грешников,

и хулитель, и гонитель, и досадитель, и *несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. XV, 9) и тому подобное, то и тогда ничего не сказал в такой степени унизительного (для себя). Поясним это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые – одни меньше, другие больше, однако все достойны осуждения; но в числе этих многих один кто-нибудь более всех заслуживал бы осуждение и наказание, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то они не так легко поверили бы этому известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех их получил прощение: тогда уже не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, – что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усомнится относительно других. Это – то же, что обыкновенно всякий говорит: если Бог этого простил, то Он уже не накажет никого другого. Через это (апостол) показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Поэтому пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен.

И заметь смиренномудрие этого блаженного. Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но – *все долготерпение,* как бы говоря так: ни над кем другим (Бог) не явил больше Своего долготерпения, как надо мной, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем Его долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые только отчасти согрешили. За *образ,* говорит, *хотящих веровати ему в жизнь вечную,* то есть для ободрения, для поощрения их. Но так как (апостол) сказал нечто великое о Сыне, и что Он показал такую любовь, то, чтобы не подумал кто-нибудь, что Отец лишен ее, он потом воссылает и Ему славу и говорит: *царю же веков нетленному, невидимому единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь* (ст. 17). За это, говорит, не только Сына, но и Отца прославляем. Итак, спросим еретиков: вот (апостол), говоря об Отце, сказал: *единому Богу:* ужели Сын – не

Бог? И единому *нетленному:* ужели Сын не нетленен? И ужели (Сын) Сам не имеет того, что в будущей жизни нам дарует? Да, говорят они, Сын – и Бог, и нетленен, но не таков, каков Отец. Что ты говоришь? Ужели не таков, ужели по существу Он менее совершен? Следовательно, и нетление в Нем менее совершенно? Что же значат (выражения) – более и менее совершенное нетление? Нетление ведь есть не что иное, как только освобождение от тления. Правда, слава может быть больше и меньше, но нетление не бывает ни больше ни меньше, подобно тому, как и здоровье не может быть ни меньше ни больше, потому что всякая вещь должна или истлевать, или вовсе не подлежать тлению. Так что же, скажешь, ужели и мы в такой же мере будем нетленны? Нет, нисколько. Почему? Потому что Он (Отец) имеет это по природе, а нам это дано отвне. Так, может быть, таково же (нетление) и Сына? Нисколько; напротив, и Он (имеет нетление) по природе. В чем же различие? В том, что Отец, говорят, не произошел таким ни от кого другого, а Сын – от Отца. И мы то же исповедуем. И мы не отвергаем, что Сын нетленно рожден от Отца. За это, говорят, мы прославляем Отца, что Он родил таким Сына. Не видишь ли, что отец особенно тогда прославляется, когда сын совершает великие дела? То, что принадлежит сыну, относят к отцу. Поэтому, так как Он родил сильного, и такого же, каков Сам, то слава Сына не больше, чем слава Отца, потому что (Он родил) самобытного, самодовольного и не лишенного могущества. А слова *царю веков* сказаны и о Сыне: *имже и веки сотвори* (Евр. I, 2); то же самое и здесь. У нас отделяют одно от другого, именно устроение и творение, и один устрояет, работает и трудится, а другой повелевает. Почему так? Потому что (у нас) устрояющий занимает низшее место. Но там вовсе не так. Там не принадлежит одному господство, а другому – устроение. Поэтому, когда я слышу: *имже и веки сотвори,* то не отнимаю у Отца творческой силы. Равным образом, когда слышу, что Отец есть царь веков, то не отнимаю у Сына господства. Это столько же относится к одному, сколько и к другому, потому что обоим принадлежит и то, и другое. Отец сотворил (все) тем, что

родил зиждителя – Сына; царствует Сын потому, что Он – Господь всех тварей. Не за награду Он делает, как бывает у нас, и не из повиновения другому, как делают другие, но по свойственной Ему благости и человеколюбию. Что же? Казался ли когда-либо (таким) Сын? Никто не может того сказать. Итак, что же значит: *нетленному, невидимому, единому премудрому Богу?* А это что значит, когда (апостол) говорит: *несть иного имене, о немже подобает спастися нам* (Деян. IV, 12), и опять: *несть ни о едином же ином спасения* (Деян. IV, 11)? *Честь и слава,* говорит, *во веки. Аминь.* Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самим делом, то и мы воздадим Ему честь самим делом. При этом честь (которой Бог почтил нас) имеет для нас значение; а та (которую воздаем Ему) для Него ничего не значит, потому что Он не нуждается (в чести) от нас, между тем мы нуждаемся (в чести) от Него.

3. Таким образом, если мы будем воздавать Ему честь, то через это себе самим доставим честь. Подобно тому, как человек, который открывает глаза для того, чтобы видеть солнечный свет, себе самому доставляет через это пользу, удивляясь красоте этого светила, а не ему что-нибудь дает, потому что не делает его через это более светлым, напротив, оно остается тем же самым, – так точно, и даже гораздо больше (бывает, когда обращаемся) к Богу: кто с удивлением взирает на Бога и воздает Ему честь, тот снискивает самому себе спасение и получает величайшую пользу. Каким образом? Таким, что, усвояя себе добродетель, сподобляется от Него славы: *прославляющия мя,* говорит Он, *прославлю* (1 Цар. II, 30). Но каким же образом, спросят, Он прославляется, если Он ничего не приемлет от славы, нами воздаваемой? Таким же, как говорится о Нем, что Он терпит голод и жажду: все наше Он присвояет Себе, чтобы по крайней мере этим привлечь нас, – и почести, и обиды, чтобы хотя этим внушить нам страх; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся к Нему.

Прославим же Бога, превознесем Бога и в теле, и в духе нашем. Как же, скажешь, можно прославлять в теле? И как в духе? Духом называется здесь душа, противопоставля-

емая телу. Как же прославляет кто-либо (Бога) в теле? И как в душе? В теле прославляет тот, кто не предается блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внешнем украшении, «кто настолько показывает заботливости о себе, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодействует, равно как и та, которая не намащает себя благовониями, не расписывает красками своего лица, которая довольна тем видом, каким наделил ее Бог, и ничего не прибавляет к тому искусственного. В самом деле, отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворил (Бог)? Следовательно, ты, (считая себя) искуснейшей художницей, принимаешься исправить дело Божие? Этого ты не имеешь в виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбление Творцу для того, чтобы привлечь к себе бесчисленных любовников? Что же мне делать, скажешь ты? Ведь и я не желаю того, но принуждена поступать так ради моего мужа. Обыкновенно не бывает любимой та, которая того не желает. Тебя создал Бог благообразной для того, чтобы и через это возбудить в нас удивление к Себе, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбление. Не такими воздавай Ему за это дарами, но целомудрием и скромностью. Бог создал тебя благообразной для того, чтобы через это умножить для тебя подвиги скромности. Не в одинаковой ведь степени (трудно) сохранять целомудрие той, которая во всех возбуждает любовь к себе, и той, к которой никто не чувствует расположения. Слышишь ли, что говорит Писание об Иосифе? Что он был *добр образом и красен взором* (Быт. XXXIX, 7). Какую пользу приносит нам то, когда мы слышим, что Иосиф был красив? Ту, что мы еще больше удивляемся его красоте и скромности. Бог создал тебя благообразной? Зачем же ты безобразишь себя? Подобно тому, как если бы кто стал намазывать грязной тиной золотую статую, так поступают те, которые употребляют притирания. Ты испещряешь себя землей, то красной, то белой. Но ты скажешь, что безобразные справедливо так поступают? Для чего, скажи мне? Для того ли, чтобы скрыть свое безобразие? Но они напрасно трудятся. Когда, скажи

мне, искусство и изысканность превзошли природу? И зачем вообще печалиться по причине безобразия, когда оно не заключает в себе ничего зазорного? Послушай, что говорит один мудрец: не гнушайся мужа в видении его и не похвали мужа в доброте его (см.: Сир. XI, 2). Поэтому больше удивляйся Богу, искуснейшему художнику, а тому (кто имеет красивую наружность, не удивляйся) нисколько, потому что случившееся не им устроено. Скажи мне, какая польза от красоты? Никакой, напротив, (от нее) большие споры, величайшие огорчения, опасности и подозрения. В самом деле, не столь красивую никто и не подозревает, а красивая, если только не отличается особенной, необыкновенной скромностью, сейчас же делается предметом дурной славы, и даже муж обращается с ней недоверчиво; а что может быть тягостнее этого? И не столько испытывает он наслаждения при виде (ее красоты), сколько терпит огорчений от своей подозрительности. Да и наслаждение вследствие привычки теряет свою силу, когда сама душа приобретает славу нерадивой, рассеянной, своевольной, когда она соделывается завистливой, когда исполняется великой гордости, — потому что ко всему этому особенно приводит нас красота. Между тем мы не находим, чтобы та, которая не столь красива, имела в себе столько препятствий (вести жизнь добродетельную). И псы на нее не нападают, но подобно агнице, при которой постоянно находится пастырь, она пасется в совершенном спокойствии; ни один волк ее не тревожит и не производит на нее нападения. Не то вредно, что одна красива, а другая — нет. Вредно то, что одна блудодействует, несмотря на то, что она некрасива, а другая зла. Скажи мне, в чем состоит достоинство глаз? В том ли, что они влажны, подвижны, круглы и голубые, или в том, что они остры и проницательны? Я утверждаю последнее, и это очевидно из следующего. В чем заключается достоинство светильника? В том ли, что он ярко светит и освещает весь дом, или в том, что он красиво сделан и имеет круглый вид? Конечно, в первом, сказали бы мы, потому что последнее свойство не имеет для нас никакого значения и мы ищем первого. Поэтому

мы и говорим всегда служанке, которой поручено это: ты худо приготовила светильник. Таким образом назначение светильника состоит в том, чтобы светить. Так и глаз, будет ли он такой или иной, ничего не значит, только бы он вполне удовлетворительно выполнял свое назначение; равным образом он называется дурным, когда слабо видит и не имеет надлежащего устройства, потому что и о людях, которые открытыми глазами ничего не видят, мы говорим, что у них дурные глаза. Мы называем дурным все то, что не выполняет того, что ему нужно выполнять. И вот в чем заключается недостаток глаз. В чем же состоит достоинство носа, скажи мне? В том ли, чтобы он был прямой, заострен с обеих сторон, и имел соответственную соразмерность, или же в том, чтобы он был способен к обонянию, мог скоро воспринимать (впечатления) и передавать их мозгу? Последнее для каждого очевидно. Будем продолжать изыскание и на примерах объясним дело. Скажи мне, какие клещи, какие сосуды мы назовем хорошо устроенными, те ли, которые хорошо могут захватывать вещь и хорошо держать ее, или те, которые красиво выделаны? Очевидно, что первые. А зубы — какие мы назовем хорошими? Острые и легко раздробляющие пищу или те, которые красиво расположены? Очевидно, что первые. И вообще, если по всему телу нашему станем мысленно проводить это исследование, то найдем, что все в нем здорово и хорошо, как скоро всякий член в нем правильно исполняет свойственное ему отправление. Так и всякий сосуд, всякое животное, всякое растение мы называем хорошим не за его вид или цвет, но за его служение. Так и из слуг мы называем хорошим того, который приучен к службе, а не того, который красив и изнежен. Видишь ли, каким образом можешь сделаться красивой? Итак, когда мы в одинаковой степени пользуемся величайшими и достойными удивления (благами), то ни в чем мы не терпим обиды. А именно: благообразны ли мы или нет, мы все одинаково видим этот мир, солнце, луну, звезды, одинаково вдыхаем в себя воздух, одинаково пользуемся водой, пищей. И если нужно сказать что-либо достойное удивления, так именно то, что

неблагообразные бывают здоровее благообразных. В самом деле, эти последние, чтобы сохранить свою красоту, не посвящают себя трудам, но проводят время в праздности и неге, отчего особенно ослабевает деятельность их членов; а первые ведут себя просто и смело и, так как они не имеют о своей наружности никакой заботы, то употребляют все время на труды. Итак, прославим Бога; превознесем Его в теле нашем, не станем украшать себя, – потому что это лишняя и бесполезная забота; не будем приучать своих мужей к тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь так украшать себя, то он, привыкнув к этому, (взирая) на твое лицо, легко может быть прельщен распутством. Напротив, если ты научишь его любить благонравие и скромность, то он не скоро впадет в прелюбодеяние, потому что у блудницы он не найдет этого, но найдет противное тому. Итак, не приучай его прельщаться смехом, ни свободными телодвижениями, чтобы ты через это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствие в скромности; а это ты можешь сделать тогда, когда ты скромно будешь держать себя. В самом деле, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то как можешь завести с ним благопристойную речь? Кому не покажешься ты странной и смешной? Каким поэтому образом мы можем превозносить Бога в теле своем? Когда будем упражняться в добродетели, украшать душу свою, по отношению к которой это не запрещается. Тогда прославляем Бога, когда мы во всех отношениях бываем праведны; за то и сами будем прославлены в тот день, и притом не в такой мере, но гораздо больше. *Непщую бо,* говорит (апостол), *яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII, 18), – которую да сподобимся мы все получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Сие же завещание предаю ти, чадо Тимофее, по бывших на тя прежде пророчествиих, да воинствуеши в них доброе воинство, имея веру и благую совесть, юже нецыи отринувше, от веры отпадоша (1 Тим. I, 18, 19)

1. Звание наставника и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для этого был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы, без человеческого пристрастия, совершаем избрание, когда не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Хотя мы и не в такой степени причастны Духу, но довольно доброго намерения для того, чтобы привлечь на себя рукоположение Божие. Так и апостолы не были причастны Духу, когда избрали Матфия, но, предоставив дело молитве, причислили его к лику апостолов, – они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться это и теперь у нас. Но мы, достигнув до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы не усматриваем очевидного, то как Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, говорит Он, вы не были верны, то кто поручит вам великое и истинное? Между тем в то время, так как ничто не совершалось по человеческому (пристрастию), то и священники поставляемы были через пророчество. Что значит – через пророчество? По (внушению) Святого Духа. Пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и (в том, чтобы узнавать) настоящее; так и Саул открыт был через пророчество, когда скрывался между сосудами, потому что Бог открывает праведным (Свою волю). Пророчеством тоже были слова: *отделите ми Павла и Варнаву* (Деян. XIII, 2). Так был избран и Тимофей. Но здесь (апостол) говорит о многих пророчествах, (разумея), быть может, то (пророчество), по которому он принял его, когда обрезал и когда рукоположил, как и сам, пиша к нему, говорит: *не неради о своем даровании* (1 Тим. IV, 14). Итак, чтобы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему

об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе (Церковь); не по человеческому избранию ты сделался (служителем веры): не скорби же, не посрами божественного избрания. Потом, так как он дал ему здесь заповедь, и она была очень трудна, то что говорит? *Сие завещание предаю ти, чадо Тимофее.* Дает ему заповедь, как сыну, как родному. (Он говорит ему) не повелительно, не деспотически, не со властью, но отечески: *чадо Тимофее.* А выражение *предаю* показывает, что нужно точно хранить (преданное), и что оно не от нас произошло: не мы стяжали его, но Бог нам даровал, и не только — это, но и веру, и благую совесть. Следовательно, что Он даровал нам, то мы должны хранить. Если бы Он (Господь) не пришел, то не было бы ни самой веры, ни чистой жизни, которую мы из детства приобретаем. Апостол как будто так говорит: не я заповедаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя. Слова: *по бывших на тя прежде пророчествиих* такой именно имеют смысл. Внимай им, будь им послушен. Что же ты заповедуешь, скажи? *Да воинствуеши в них доброе воинство.* Они избрали тебя на то, на что избрали; проходи добрую службу воина. Сказал: добрую, потому что есть и злая служба воина, о которой он говорит: *якоже бо представисте уды ваша* оружия греху *и нечистоте* (Рим. VI, 19). Они проходят службу воина под (властью) мучителя, а ты под (властью) царя. Но почему он называет службой воина это дело? Чтобы показать, что воздвигнута сильная брань вообще против всех, и особенно против учителя, что нам нужно крепкое оружие, именно трезвенность, бодрствование, неусыпная бдительность, что мы должны быть готовы на кровавые битвы, что (мы должны) ополчиться и не иметь ни малейшей изнеженности. *Да воинствуеши,* говорит, *в них.* Подобно тому, как в войсках не все одинаковым образом исполняют службу, но в различных чинах, так и в Церкви один занимает место учителя, другой — ученика, третий — ничего несведущего, между тем ты занимаешь первое место. Потом, чтобы кто не подумал, что этого достаточно, что говорит он? *Имея веру и благую совесть.* Учитель должен сначала научить самого себя. Подобно тому, как военачаль-

ник, если бы он прежде не был отличным воином, не был бы никогда и военачальником, так и учащий. Об этом (апостол) говорит и в другом месте: *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27). *Имея,* говорит, *веру и благую совесть* – для того, чтобы ты мог таким образом управлять другими. Слыша это, не будем пренебрегать наставлениями тех, которые больше нас, несмотря на то, что мы учители. Если Тимофей, с которым мы все не должны сравнивать себя, принимает наставления и учится, и притом тогда, когда он сам был уже в звании учителя, то тем более мы (должны так поступать). *Юже,* говорит, *нецыи отринувше, от веры отпадоша.* И справедливо, – потому что, когда жизнь становится достойной осуждения, тогда возникает и такое же учение. И можно видеть многих, которые ниспали от этого в бездну грехов и совратились в язычество. Чтобы не терзаться страхом будущего, они стараются убедить себя в душе, что все наши (угрозы) ложны. И от веры некоторые уклоняются потому, что, умствуя, все подвергают исследованию, а умствование производит кораблекрушение, вера же есть в некотором смысле надежный корабль.

2. Итак, уклоняющиеся от этого неизбежно должны потерпеть кораблекрушение, и это (апостол) указывает нам на примере: *от нихже,* говорит, *есть Именей и Александр* (ст. 20). И примером их он вразумляет нас. Видите ли, что и в те времена были люди, которые превратно учили, многого доискивались, уклонялись от веры, все подвергали исследованию посредством своих умствований? Человек, претерпевший кораблекрушение, остается нагим и лишенным всего; равным образом и тот, кто отпал от веры, ничего более уже не имеет, негде ему стать, не на чем утвердиться. Он не ведет такой жизни, из которой мог бы извлечь какую-нибудь пользу, потому что к чему служит остальное тело, когда повреждена голова? Если вера без жизни ничто, то тем более – наоборот (жизнь без веры). Если Бог для нас оставляет без внимания Свое, то тем более мы должны забывать для Него о своем. Вот что происходит, когда кто-либо отпадает от веры: он нигде не останавливается, но плавает туда и сюда, пока опять не погрузится в

пучину. *Ихже*, говорит, *предах сатане, да накажутся не хулити.* Видишь ли, что исследование вещей божественных посредством умствований есть хула? И справедливо, — что имеет общего с ними человеческое умствование? Но как же сатана научает их не хулить? Ведь если он учит других не хулить, то тем больше следовало бы ему (научить этому) самого себя. Если же он доныне не может научить этому себя, то (не может) и других. (Апостол) не сказал: да научит их не хулить, но: *да научатся не хулити.* Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте (апостол) говорит о соблудившем: *предати таковаго сатане во измождение плоти,* не с той целью, чтобы спасти тело, но *да дух спасется* (1 Кор. V, 5). То есть это (сказано) безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому, как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. Но для чего ты сам не наказал их, как Вариисуса, как Кифа — Ананию, но предал их сатане? Не для того, чтобы подвергнуть их наказанию, но чтобы научить их. Впрочем, он и сам имел власть (наказывать), например, когда говорит: *что хощете? с палицею ли прииду к вам* (1 Кор. IV, 21)? и опять: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите* (2 Кор. XIII, 7); и еще: *в создание, а не на разорение* (2 Кор. XIII, 10). Итак, отчего он призывает сатану для наказания? Чтобы со строгостью наказания соединить более сильный упрек; или, лучше, неверующих (апостолы) сами научали, а отступников предавали сатане. Но почему Петр сам (наказал) Ананию? Потому что и Анания был неверующим, и еще испытующим. Итак, чтобы неверующие знали, что они не могут утаиться, для этого их наказывали сами (апостолы); между тем тех, которые уже знали об этом и потом отступали (от веры), они предавали сатане, показывая, что они (отступившие) не своей силой, но их попечением были охраняемы, и что они предаваемы были (сатане), как скоро впадали в гордость. Подобно тому, как поступают цари, когда поражают врагов собственными руками, а (преступников из) своих подданных предают палачам, так и здесь. Отсюда открывается,

что это совершалось вследствие попечения со стороны апостолов; притом немаловажным было иметь возможность повелевать диаволу: через это становилось очевидным, что диавол покоряется и, даже против воли, подчиняется апостолам. Таким образом это также немало содействовало проявлению благодатных дарований. А как он предавал (виновного сатане), послушай. *Собравшимся*, говорит, *вам и моему духу, с силою Господа нашего Иисуса Христа, предайте таковаго сатане* (1 Кор. V, 4). Следовательно, (виновного) тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Подобно тому, как облако показывало еврейский стан, так Дух – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал (в огне): а извергаем был из нее (виновный) по суду апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане, – тотчас по хлебе вошел в него сатана (см.: Ин. XIII, 27). Можно, впрочем, сказать и то, что тех, кого они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимых сами подвергали наказанию; или, если не так, то чтобы быть более страшными, они предавали (виновных) другим (для наказания). Так и Иов был предан сатане, но не за грехи, а для большего прославления своего.

3. Много подобного бывает и теперь. Именно, так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся святым тайнам, то Бог часто делает это, и предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастья, когда постигают тому подобные (бедствия), – то это происходит от этой причины. И это открывает нам Павел, говоря так: *сего ради в вас мнози немощни и недужливи и спят довольни* (1 Кор. XI, 30). Как же это, скажешь, когда мы приступаем (к тайнам) однажды в год? В том и состоит все зло, что не чистотой помыслов, а расстоянием времени ты измеряешь свое достоинство, приступая (к тайнам), и это считаешь признаком благочестия, что не часто приступаешь к ним, не зная того, что приступать недостойно, – хотя бы это случилось однажды, – значит оскорблять (святыню), а приступать достойно, хотя бы и часто, спасительно. Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступа-

ют) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это. А мы до того бываем бессмысленны и жалки, что, в течение всего года совершая тысячу беззаконий, нисколько не заботимся о том, чтобы освободиться от них, а думаем, что довольно и того, если мы не часто дерзаем приступать к Телу Христову с оскорблением для Него, не помышляя о том, что и распинатели Христовы распяли Его только один раз. Ужели грех становится меньше от того, что случился только однажды? И Иуда предал (Христа) однажды. Что же? Разве это спасло его? И отчего мы измеряем это дело расстоянием времени? Пусть чистая совесть составляет для нас то время, в которое мы должны приступать (к тайнам). Ничего большего не содержит в себе таинство, совершаемое в Пасху, перед тем, которое совершается теперь. Оно одно и то же; та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знают это те из вас, которые посвящены в тайны. И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мучеников – совершается одна и та же жертва. *Елижды бо*, говорит, *аще ясте хлеб сей, или чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. XI, 26). Он не ограничил жертвы пределом времени. Итак, отчего же, скажешь, тогда называется пасхой? Оттого, что тогда пострадал за нас Христос. Поэтому никто не должен приступать иначе к первой и иначе к последней (жертве). Одна в них сила, одно достоинство, одна благодать, одно и то же тело; не более свято одно, чем другое, и последнее не ниже первого. И вы тоже знаете это, потому что не видите тогда ничего необыкновенного, кроме этих мирских завес, и блистательного, многолюдного собрания. Впрочем, эти дни имеют некоторое преимущество в том отношении, что от них ведет начало спасительный для нас день, так как в этот день заклан был Христос, кроме же того, по отношению к таинствам, они не имеют никакого преимущества. Когда ты приступаешь даже к чувственной пище, ты моешь свои руки, полощешь рот; а намереваясь приступить к духовной пище, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи исполнен нечистоты? Как, скажешь ты? Разве сорокадневные посты недостаточны для того, чтобы очистить нас от тяжкого

бремени грехов? Какая же от этого бывает польза, скажи мне? Если бы кто, намереваясь положить куда-либо благовонную мазь, очистил для этого место, и потом, вскоре после того, как поместил ее туда, прибавил бы к ней навозу, то ужели не уничтожилось бы благоухание? Так бывает и с нами. В то время, когда мы приступали (к таинству), мы были, насколько позволяли нам наши силы, достойны его, а потом опять оскверняем себя. Какая же нам от того польза? Это мы говорим даже о тех, которые могут очистить себя в течение сорока дней. Не будем же, умоляю вас, пренебрегать нашим спасением, чтобы не был напрасен труд наш. Человек, отвратившийся от своего греха, и опять возвращающийся к нему и поступающий по-прежнему, есть *яко же пес, егда возвратится на своя блевотины* (Притч. XXVI, 11). Если так мы будем поступать, если так будем внимательны к себе, то мы сможем сподобиться будущих наград, которые да получим все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царей и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Сие бо добро и приятно перед Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хощет спастися и в разум истины приити (1 Тим. II, 1—4)

1. Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться о всех, подобно тому, как заботится Бог, Которому он посвятил себя. Поэтому говорит апостол: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления*. Отсюда проистекают два блага: с одной стороны, через это разрушается ненависть, которую мы питаем к внешним (не принадлежащим к Церкви), — потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком творит моление, с другой — и они становятся лучше, отча-

сти потому, что за них возносят молитвы, отчасти и потому, что они отлагают ожесточение против нас. Подлинно ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), — услыхать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)!

Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием (апостола), христианин должен быть выше всех? Подобно тому, как к малым детям нисколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви к внешним, хотя бы мы и переносили от них удары. Что же значит: *прежде всех?* Значит — при ежедневном богослужении. И это знают посвященные в таинства, — как бывает у нас каждый день, и вечером, и утром, как мы творим молитву за весь мир, за царей и за всех, которым вверена власть. Но, может быть, скажет кто-либо, что он заповедал (молиться) не за всех, а за верных. Какое же значение будут иметь тогда его слова: *за царей?* Тогда еще не было царей благочестивых, напротив, долгое время преемственно следовали нечестивые за нечестивыми. Кроме того, чтобы это не показалось лестью, он сказал сначала: *за всех,* а потом: *за царей.* Если бы он сказал: только за одних царей, тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. Притом, так как было естественно, что душа христианина, слыша это, могла прийти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, — что при совершении таинств должно приносить молитвы за язычника, — то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, чтобы хотя таким образом склонить ее к принятию его внушения. *Да тихое,* говорит, *и безмолвное житие поживем,* — то есть их спасение доставляет нам безмятежность, — подобно тому, как и в послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: если не по необходимости, *то за совесть* (Рим. XIII, 5). Ведь Бог учредил власти для общей пользы. И разве не было бы ни с чем несообразно, если бы

в то время, как другие выступают в поход и облекаются в оружие с той целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной службы, не творили даже молитв? Таким образом, это вовсе не составляет лести, а делается по требованию справедливости. В самом деле, если бы они не избежали опасности и не имели успеха на войнах, то по необходимости и наши дела тогда пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, – после того как они потерпели бы поражение, – и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они составляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри. *Молитвы,* говорит, *моления, прошения, благодарения,* – потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он солнце сияет на злых и благих и дождит на праведных и неправедных. Видишь ли, что он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Ведь кто обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и быть к нему дружески расположенным. А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тем более – за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, – и за то, что кажется нам даже неприятным, потому что Бог все устрояет к нашему благу.

2. Итак, пусть каждая наша молитва содержит в себе благодарение. Если же нам заповедуется приносить молитвы за ближних, не только за верных, но и за неверных, то подумай, какое великое зло проклинать братьев. Что говоришь ты? Он заповедует тебе молиться за врагов, а ты ужели станешь проклинать брата? Не его проклинаешь ты, а самого себя, потому что ты навлекаешь на себя гнев Божий, произнося эти нечестивые слова: «так покажи ему, так сотвори ему, порази его, воздай ему». Этих (слов) должны избегать ученики Христовы – кроткие и смиренные. Пусть из уст, сподобившихся такого таинства, не исходит ничего горького; пусть язык, приобщившийся Тела Господ-

ня, не произносит ничего неприятного. Будем хранить его в чистоте, не будем произносить им проклятий. Если не наследуют царства оскорбители, то тем больше те, которые проклинают, потому что кто проклинает, тот непременно наносит и оскорбление. А оскорбление и молитва удалены друг от друга, – следовательно, молитва находится тоже в великом расстоянии (от проклятия), потому что осуждение и молитва тоже находятся в великом (друг от друга) расстоянии. Ты молишь Бога о том, чтобы Он был милостив к тебе, – и (в то же время) проклинаешь другого! Если ты не прощаешь, то и тебе не будет прощено; а ты не только сам не прощаешь, но еще просишь Бога, чтобы и Он не прощал? Видишь ли, до какого ты дошел озлобления? Если не прощается тому, кто сам не прощает, то как может быть прощено тому, кто еще просит Господа, чтобы и Он не прощал? Не ему (ближнему своему) вредишь ты, а себе самому. Каким образом? Таким, что если молитва, которую ты приносишь сам за себя, и могла бы быть услышана, то теперь она никогда не будет услышана, потому что ты приносишь ее скверными устами. Воистину такие уста скверны и нечисты, исполнены всякого зловония и всякой нечистоты. Тебе следовало бы трепетать ради своих грехов и употреблять все усилия (чтобы получить прощение) в них, а ты приходишь к Богу с той целью, чтобы возбудить Его против брата? Разве ты не боишься, не заботишься сам о себе? Разве не видишь, что ты делаешь? Подражай по крайней мере детям, которые ходят в училище. Они, когда видят, что от товарищей их требуют отчета в том, чему они выучились, и за леность всех подвергают взысканию, что каждого из них порознь испытывают со всей строгостью и наказывают розгами, тогда они умирают от страха, и, если даже кто-нибудь из соучащихся с ними наносил им бесчисленные удары, они не думают гневаться, – потому что душой их овладевает страх, – и не дерзают жаловаться учителю, на одно только обращают внимание, как бы прийти и удалиться оттуда без наказания, с нетерпением ожидают, как бы настало это время, и, когда выйдут, – подвергшись ли наказанию или не подвергшись, – от радости им уже и в ум не приходит

гневаться. А ты, стоя (на молитве) и сокрушаясь о своих грехах, ужели не содрогаешься, припоминая (грехи) других людей? И как ты (дерзаешь) просить об этом Бога? Ведь когда ты призываешь правосудие Божие на своего ближнего, тогда этим самым увеличиваешь тяжесть своих грехов и не позволяешь Ему дать прощение и тебе в твоих (грехах). Если ты хочешь, скажет Он, чтобы Я был строгим исследователем проступков, сделанных против тебя, то как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня? Научимся поэтому быть когда-нибудь христианами! Если мы не умеем молиться, – что удобно и весьма легко, – то остальное как мы узнаем? Научимся молиться, как христиане. Язычникам свойственны такие молитвы, иудеям приличествуют такого рода моления. А молитвы христианина имеют противоположные свойства: (в них надлежит) просить о прощении, забвении того, в чем (другие) против нас согрешили. *Укоряемы*, говорит (апостол), *благословляем, гоними терпим, хулими утешаемся* (1 Кор. IV, 12). Послушай, что говорит Стефан: *Господи, не постави им греха сего* (Деян. VII, 60). Не только не проклинал, но еще молился; а ты не только не молишься, но еще проклинаешь. Поэтому насколько он достоин удивления, настолько ты преступен. Кому удивляемся мы, – скажи мне, – тем ли, за кого он молился, или тому, кто молился? Конечно – последнему. А если мы (судим таким образом), то тем более Бог. Хочешь ли поразить врага? Молись за него, но молись не с этой мыслью, – не для того, чтобы он понес наказание: оно придет само собой, но ты не с этой целью делай. Кроме того, этот блаженный (Стефан) переносил все без вины, и между тем молился (за своих врагов); а мы многое и по заслугам терпим от своих врагов. Если же тот, кто страдал невинно, не дерзал не молиться (за своих врагов), то какого наказания заслуживаем мы, когда, по заслугам подвергаясь страданию, не только не молимся, но и проклинаем? Ты думаешь, что наносишь раны (своему врагу), а на самом деле обращаешь меч сам на себя, потому что не позволяешь Судье быть снисходительным и к твоим грехам, стараясь возбудить в Нем гнев к другим. *В нюже меру*

мерите, говорит Он, *возмерится вам, и имже судом судите, судят вам* (Мф. VII, 2). Итак, будем снисходительны, чтобы и мы таким же обрели Бога.

3. Я желаю, чтобы вы не только слушали это, но и соблюдали. Между тем ныне только одни слова сохраняются в памяти, а может быть, даже и того нет, так что, когда разойдемся, если кто-нибудь из не бывших здесь спросит, о чем мы говорили, то одни вовсе ничего не скажут, другие — знающие скажут только содержание того, о чем мы беседовали, — что не нужно быть злопамятным, нужно даже молиться (за врагов), — и потом прекратят речь о всем том, что было говорено (потому что не в состоянии припомнить), третьи припомнят немного, лишь кое-что. Поэтому умоляю вас, если вы не получаете никакой пользы от того, что говорится, то не будьте прилежны к слушанию. Какая в самом деле от этого польза? Получается только большее осуждение и более тяжкое наказание, за то, что, несмотря на бесчисленные увещания, пребываем в одном и том же положении. С этой именно целью Бог дал нам определенную молитву, чтобы мы не просили ни о чем житейском, ни о чем человеческом. Вы, верные, знаете, о чем надобно молиться, — каким образом всякая молитва становится общей для всех. Но там не говорится, скажут, что нужно молиться и за неверных. (Вы так говорите) потому, что не знаете силы молитвы, ни ее глубины, ни тех сокровищ, которые в ней сокрыты. А если кто внимательно разберет ее, то найдет, что в ней содержится и это. Когда молящийся говорит: *да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Мф. VI, 10), — не о чем другом он молится, а именно об этом. Каким образом? Таким, что на небе нет ни одного неверного, нет ни одного согрешающего. Если бы здесь (речь) была только об одних верных, то эти слова не имели бы смысла, потому что если бы одни верные должны были исполнять Его волю, а неверные нет, то воля Его уже не исполнилась бы (на земле) так, как на небе. Но что (мы говорим здесь)? Как на небе, говорим мы, нет ни одного грешника, так и на земле пусть не будет ни одного; но во всех, говорим мы, укорени страх твой и всех людей сделай ангелами, хотя

они и наши враги и супостаты. Разве не видишь, сколько раз каждый день произносится хула против Бога? Сколько раз Ему наносят оскорбление не только неверные, но и верные, не только словами, но и делами? Что же Он? Погасил ли за это солнце? Остановил ли течение луны? Разрушил ли небо? Поколебал ли землю? Иссушил ли море? Уничтожил ли источники вод? Смешал ли воздух? Нисколько, а совершенно напротив. Он воссиявает солнце, ниспосылает дождь, подает плоды, ежегодно посылает пищу богохульникам, несмысленным, презренным, гонителям, и это не день, не два, не три, а в течение всей их жизни.

Подражай Ему и ты; поревнуй Ему по мере человеческих сил. Ты не можешь воссиять солнце? По крайней мере не злословь. Не можешь послать дождь? По крайней мере не укоряй. Не можешь дать пищи? По крайней мере не досаждай. Довольно будет с твоей стороны и этих даров. Бог оказывает благодеяния Своим врагам делом, а ты совершай их по крайней мере словом, – молись за врага; таким образом ты уподобишься Отцу твоему, который на небесах. Тысячу раз уже я беседовал с вами об этом, – и не перестану беседовать; только бы вышла какая-нибудь польза. Мы от своих слов не приходим в оцепенение, не утомляемся и не тяготимся; только бы вы не давали повода думать, что тяготитесь, слушая нас. А подает повод думать, что тяготится, тот, кто не исполняет того, что ему говорят. Кто исполняет, тот всегда готов слушать, как человек, которого не укоряют, а хвалят. Таким образом, это происходит не от чего-либо другого, как от того, что не исполняют того, что им говорят; от этого тягостным становится и тот, кто об этом говорит. Если, например, кто-нибудь исполняет дела милосердия, а другой заводит речь о милостыне, то он не только не оскорбляется, слушая его, но даже радуется, потому что слышит, как провозглашают и превозносят его заслуги. Таким же образом и мы. Так как у нас нет ничего общего с забвением обид и это не исполняется нами, то по этой причине нам кажется неприятным, когда зайдет об этом речь; а когда были бы у нас дела, тогда и слова не огорчали бы нас. Итак, если вы не хотите, чтобы мы были

для вас тягостны и несносны, — поступайте следующим образом: исполняйте на деле то (что мы вам заповедуем). Мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока не станете исполнять этого. Мы поступаем так преимущественно из участия и любви к вам; а кроме того, еще и потому, что нам самим угрожает опасность. Ведь трубач должен трубить, хотя бы и никто не выходил на сражение, — для того только, чтобы исполнить свой долг. Поэтому и мы действуем так не с той целью, чтобы на вас навлечь большее наказание, а для того, чтобы самим избавиться от него. Кроме того, нас побуждает к этому и любовь к вам, — разрывается наша утроба, и нас снедает печаль, когда случается что-либо подобное. Но да не попустит этого (Бог). Для того, о чем мы говорили ныне, не требуется издержек, не требуется траты денег, не требуется дальнего путешествия, — нужно только захотеть, нужно слово, нужно намерение. Будем поэтому хранить уста наши, оградим их дверью и запором, чтобы не говорить ничего неугодного Богу. Это для нас самих (будет полезно), а не для тех, за кого мы будем молиться. Мы всегда так думаем, что тот, кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него. Когда мы будем поступать таким образом, тогда будем иметь возможность в самом деле достигнуть этого совершенства и получить обещанные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хощет спастися и в разум истины приити (1 Тим. II, 2—4).

1. Если (апостол) желает, чтобы прекратились общественные брани и распри и смятения, и с этой целью заповедует священнослужителю творить молитвы за царей и за

правителей, то тем более частные лица должны исполнять это. Три есть самых страшных вида войны. Один вид составляет обыкновенная война, когда на наших воинов нападают иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуем друг против друга; третий, когда каждый ратует с самим собой. Последний вид войны опаснее всех, потому что первый вид, то есть война с иноплеменниками, никогда не может принести нам большого вреда. В самом деле, что (она может сделать), скажи мне? Она может заколоть, убить, но душе нимало не причиняет вреда. Но и второй (вид), если мы не пожелаем того, не может повредить нам, потому что, хотя бы другие и враждовали против нас, мы можем оставаться спокойными, послушай, что говорит пророк: *вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся* (Пс. CVIII, 4); и еще: *с ненавидящими мира бех мирен* (CXIX, 6); и еще: когда я говорил с ними, они *брашася со мною туне* (CVIII, 3). Но третьего (вида войны) мы избегаем не без труда. Когда наше тело восстает против души и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно, не положив конца этой брани, получить обетованные блага, и тот, кто не утишит этого смятения, неизбежно должен пасть и получить раны, которые рождают смерть в геенне. Поэтому каждый день требуются с нашей стороны особенная заботливость и старание, чтобы не возгоралась в нас эта война и чтобы возгоревшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена. В самом деле, какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться глубоким миром, если ты будешь вести брань сам с собой? Надобно иметь этот мир. Если будем иметь его, то ничто внешнее не может нам причинить вреда. Впрочем, немало содействует этому и общественный мир. Поэтому и говорит он: *да тихое и безмолвное житие поживем.* Если же кто, когда царствует мир, находится в смятении, то он очень несчастный человек. Видишь ли, что он говорит о том мире, который я поставил на третьем месте? Поэтому, сказав: *да тихое и безмолвное житие поживем,* он на этом не остановился, но присовокупил: *во всяком благочестии и чистоте.* Но невозможно пребывать в благочестии и чис-

тоте, если не будет водворен этот мир. В самом деле, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда (тревожит нас) дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие? Итак, чтобы ты не подумал, что он просто говорит об этой жизни, которую ведут вообще все люди, он, сказав: *да тихое и безмолвное житие поживем,* присовокупил: *во всяком благочестии и чистоте.* Тихое и безмолвное житие могут вести и язычники, и ты можешь встретить людей необузданных, невоздержных и пресыщающихся наслаждениями, которые ведут такую жизнь. Поэтому, чтобы ты знал, что он не об этой жизни говорит, он и присовокупляет: *во всяком благочестии и чистоте,* — потому что жизнь эта исполнена и наветов, и распри, когда душа ежедневно бывает уязвляема от смятения, которое происходит в помышлениях. А что он хочет говорить об этой жизни, — это видно как из того, что он присовокупил слова *(во всяком благочестии и чистоте),* так и из того, что он сказал не просто: в благочестии, но присовокупил еще: *во всяком.* Говоря таким образом, он, как кажется, требует таких правил благочестия, которые не только содержались бы в учении веры, но и находили бы себе подтверждение в самом образе жизни, — потому что благочестия надобно искать как в том, так и в другом. Иначе какая будет польза, если кто, будучи благочестив по вере, станет вести нечестивую жизнь? А что можно самой жизнью соделаться нечестивым, послушай этого блаженного, как он опять в другом месте говорит: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся его* (Тит. I, 16), и еще: *веры отвергся есть и невернаго горший есть* (1 Тим. V, 8), и еще: *аще некий брат именуемь будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель,* таковой не почитает Бога (1 Кор. V, 11), и еще: *ненавидяй брата своего* (1 Ин. II, 11) *не знает Бога* (1 Ин. IV, 8). Видишь ли, сколько видов нечестия? Поэтому он и говорит: *во всяком благочестии и чистоте.* Не один только прелюбодей бесчестен, но можно назвать бесчестным и корыстолюбца, и невоздержного, — потому что и эта страсть не слабее плотского вожделения. Поэтому кто не обуздывает ее, называется человеком невоздержным, — за то именно и называют их невоздержными, что они не обуздывают страстей. Поэтому

я назову невоздержным и гневливого, и завистника, и сребролюбца, и пронырливого, и всякий, кто пребывает в грехе, невоздержен, бесчестен и нечестив. *Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом*, говорит (апостол). Что это значит? То есть Богу приятно, и Он желает того, чтобы молились за всех, так как Он *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити.*

2. Подражай Богу. Если он хочет, чтобы все люди спаслись, то очевидно, что обо всех нужно и молиться; если Он пожелал, чтобы все спаслись, то и ты пожелай того же; а если желаешь этого, то молись, так как таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как он всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и об язычниках? И указывая на пользу, которая из этого проистекает, он говорит: *да тихое и безмолвное житие поживем*, и – что гораздо важнее этого – это и Богу угодно, мы через это делаемся подобными Ему, когда желаем того же, чего и Он. Этого достаточно для того, чтобы склонить даже зверя. Итак, не бойся молиться за язычников: и Он (Бог) этого хочет. Бойся только проклинать других, потому что этого Он не хочет. А если надобно молиться об язычниках, то очевидно и о еретиках, потому что обо всех людях надобно молиться, а не преследовать их. Это и по другой причине достойно одобрения, – по той, что мы с ними одной природы. Кроме того, Бог одобряет и благосклонно приемлет нашу взаимную любовь и благодушие друг к другу. Впрочем, если Сам Господь хочет дать им спасение, то какая, скажешь, нужда в молитве с моей стороны? Это много пользы приносит и им, и тебе; их располагает к любви, и тебя не допускает до ожесточения; и это имеет силу привлечь их к вере, так как много таких людей, которые вследствие раздоров между собой отступали от Бога. Это он называет теперь спасением от Бога, сказав: *иже всем человеком хощет спастися*, – потому что это и есть воистину спасение, а без него другое (спасение) ничего великого не составляет, носит только имя и название спасения. *И в разум истины*, говорит, *приити*. Какой истины? Именно – веры в Него. Так как еще прежде Он сказал: *завещай не инако учити*, то, что-

бы на них (иноверцев) не стал кто-либо взирать, как на врагов, и не заводил по этому поводу с ними ссоры, он говорит: *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити.* Потом, сказав это, он присовокупил: *един бо есть Бог и един ходатай Бога и человеков* (ст. 5). Он сказал: *в разум истины приити,* выражая этим то, что вселенная еще не достигла истины. Потом сказал еще: *един бо есть Бог,* выражая ту мысль, что не много (богов), как некоторые думают. Сказал, что (Бог) послал и Ходатая, Сына, показывая, что Он хочет, чтобы все получили спасение. Что же? Ужели Сын не Бог? Напротив, Он есть совершенный Бог. Как же он говорит: *един?* По противопоставлению с идолами, а не с Сыном, потому что он рассуждал об истине и заблуждении. Ходатай должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай; ходатаю свойственно, обладая тем, что принадлежит обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай, приводить их ко (взаимному) общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другой разобщен, то он уже не ходатай. Следовательно, если Он не причастен природе Отца, то Он не ходатай, но разобщен (с Ним). И подобно тому, как он соделался причастником природы человеческой, потому что пришел к людям, так точно Он причастник и природы божественной, потому что пришел от Бога. Так как через Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Подобно тому, как какое-либо место, занимающее середину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них, так и соединяющий между собой два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, подобно тому, как Он соделался человеком, так и был Бог. Будучи (только) человеком, Он не соделался бы ходатаем, потому что Ему надлежало беседовать и с Богом. Равным образом, будучи (только) Богом, Он не был бы ходатаем, потому что Его не приняли бы те, для которых Он служил ходатаем. И подобно тому, как в ином месте говорит он: *един Бог Отец и един Господь Иисус Христос* (1 Кор. VIII, 6), так и здесь: *един* и *един.* Не полагает двоих, потому что он беседовал о многобожии, и для этого, чтобы кто-нибудь чис-

ла два не привел в доказательство многобожия, он употребил (выражение): *един* и *един*. Видишь ли, с какой великой осмотрительностью употребляет слова Писание? Один и один составляют – два; но мы не скажем этого, несмотря на то, что размышление внушает это. Здесь ты не говоришь: один и один составляют два; а между тем говоришь то, к чему не приводит размышление (именно): если родил, то и пострадал. *Един бо есть Бог,* говорит, *един и ходатай Бога и человеков, Иисус Христос, давый себе избавление за всех, свидетельство времены своими* (ст. 5, 6). Что же? Ужели и за язычников, скажи мне? Да, – и несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться (за них)? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Потому что не захотели, а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит (апостол). Он пришел, говорит он, чтобы свидетельствовать об истине Отца, и заклан был; поэтому не только Отец свидетельствует о Нем, но и Он об Отце. *Аз приидох,* говорит Он, *во имя Отца моего* (Ин. V, 43), и еще: *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. I, 18), и еще: *да знают тебе единаго истиннаго Бога* (Ин. XVII, 3), и еще: *дух (есть) Бог* (Ин. IV, 24). Следовательно, Он свидетельствовал даже до смерти. А слова *времени своими* означают: в надлежащее время. *В неже поставлен бых аз проповедник и апостол (истину глаголю, не лгу), учитель языков в вере и истине* (ст. 7).

3. Поэтому, если Христос пострадал за язычников и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Хорошо (он поступает) в настоящем случае, что, после того как показал, что заслуживает доверие, говорит: *в неже поставлен бых аз проповедник,* то есть избран, – потому что (прочие) апостолы весьма мало положили на это труда. Потом присовокупил: *учитель языков в вере и истине.* Опять: в вере; но ты не думай, услышав (выражение): *в вере,* что в этом скрывался обман, потому что он говорит: *и истине.* А если это истина, то не ложь. Видишь ли обильно излитую благодать? У иудеев не были приносимы за них (за язычников) молитвы, а ныне благодать распростерлась (и над ними). Поэтому он сказал о себе, что он избран и учителем языков, – намекая на то, что благодать разлилась

повсюду во вселенной. *Давый себе,* говорит, *избавление.* Каким же образом это, когда Он был предан Отцом? Следовательно, это было делом Его благости. Что значит: *избавление?* Он намеревался наказать их и между тем не сделал этого; они должны были погибнуть, но за них Он предал Сына Своего и послал нас – проповедников, чтобы мы проповедовали о кресте. Этого достаточно было для того, чтобы привлечь всех и чтобы показать любовь Христову. Воистину велики и неизреченны (благодеяния), которые Бог оказал нам! Он принес Себя в жертву за врагов, за ненавидящих Его и отвращающихся от Него. Чего кто-нибудь другой не сделал бы ни для своих друзей, ни для своих детей, ни для братьев, то Господь сделал для рабов, притом Господь, Который (по природе) не был таков, каковы рабы, но Бог, – для людей, и таких людей, которые не заслуживали одобрения. Если бы они заслужили одобрение, если бы они были благоугодны Ему, то не так было бы это достойно удивления. Между тем ныне это особенно поражает всякий ум, что Он умер за таких неблагодарных и несмысленных. Чего люди не делают для своих единоплеменников, то Бог сделал для нас; и мы, пользуясь плодами такой любви, еще притворяемся и не любим Христа.

Он принес Себя в жертву за нас; а мы презираем Его, когда Он нуждается даже в необходимой пище, – и не посещаем Его, когда Он болен или наг. Какого гнева, какого наказания, какой геенны это достойно? Ведь если не что-нибудь другое, то ужели одно то, что Он благоволил присвоить себе человеческие страдания и говорить: алчу, жажду, – не было в силах обратить всех (к Нему)? Но, увы, как сильна власть денег, или, лучше сказать, как велико развращение тех, которые добровольно поработились им! Не они имеют великую силу, но мы слишком слабы и порабощены им, – мы презренны и земляны, мы плотские, мы бессмысленны; подлинно не в них содержится великая сила. Что они могут сделать, скажи мне, будучи глухими и бесчувственными? Если даже диавол, скверный демон, который так зол и во всем производит расстройство, ничего не значит, то какую силу имеют деньги? Если увидишь се-

ребро, то представляй себе, что это – олово. Но ты не можешь? В таком случае подумай то, что есть истина, именно, что это – земля, потому что и в самом деле земля. Но ты не убеждаешься и этим доказательством? Помысли о том, что и мы погибаем, что многие из тех, которые стяжали его, не получили от него почти никакой пользы, что бесчисленное множество людей, которые тщеславились им, соделалось прахом и пеплом, что и теперь они подвергаются ужаснейшему наказанию, становясь гораздо беднее тех, которые проводили жизнь среди скудели и стекла, и часто те, которые покоятся на ложах из слоновой кости, бывают более достойны сожаления, нежели те, которые лежат на навозе. Оно услаждает взор? Но много есть других вещей, которые еще больше могут услаждать взор. Так, и цветы, и чистый воздух, и небо, и солнце гораздо больше приносят наслаждения. Кроме того, оно имеет на себе много ржавчины, вследствие чего многие даже утверждали, что оно черно; и это можно видеть на (серебряных) изображениях, которые почернели; между тем в солнце нет ничего черного, ни в небе, ни в звездах. И в этих цветках гораздо больше приятности, чем в цвете (серебра). Следовательно, не цвет услаждает нас, а любостяжание и несправедливость; это услаждает душу, а не серебро. Отвергни любостяжание от души, и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоценным, будет презреннее грязи. Отвергни страсть эту. Так и томимые горячкой, хотя бы увидели грязную лужу, стремятся к ней как к чистому источнику; между тем вполне здоровые часто не чувствуют жажды и к чистой воде. Отвергни болезнь, и увидишь вещи в таком виде, в каком они существуют. И чтобы ты знал, что я не лгу, я могу указать тебе многих, которые таким образом поступили. Потуши огонь, и увидишь, что эти вещи менее ценны, чем цветы. Золото хорошо; но оно хорошо (когда издерживается) на милостыню для вспоможения бедным, а не для бесполезного употребления, не для того, чтобы ему лежать внутри (кладовой), или быть зарытым в земле, или чтобы им обвешивать руки, ноги и голову. Не для того оно найдено, чтобы при посредстве его мы связывали узами

(существа созданные) по образу Божию, но чтобы разрешали связанных. На это и употребляй золото: разрешай связанного, чтобы ты не связал той, которая разрешена от уз. Для чего, скажи мне, ничтожную вещь ты предпочитаешь всему на свете? Разве оттого, что оно золото, оно не составляет оков? Разве вещество делает оковы? Будет ли это золото или железо – все равно, кроме того, что первое тяжелее последнего. Но что делает для нас эту вещь легкой? Тщеславие, и то, что все смотрят на связанную (золотыми) оковами, хотя этого и следовало бы больше стыдиться. А (чтобы убедиться), что это истина, свяжи и оставь ее в пустыне, где никого нет, кто бы смотрел: тогда почувствует она тяжесть этих уз, – и со скорбью станет смотреть на них. Побоимся, возлюбленные, чтобы не услыхать нам этих страшных слов: *свяжите ему руце и нозе* (Мф. XXII, 13). Зачем же ты, жена, причиняешь себе это (зло)? Ни один узник не связывается по рукам и ногам; а ты зачем обвязываешь даже голову? Разве не довольно связать руки и ноги? Зачем опутываешь шею бесчисленным множеством цепей? Я оставляю без внимания заботы по этому поводу, страх, беспокойство и споры с мужем, когда случится недостаток в этих вещах, – и смерть, которой подвергаются, если что-нибудь из этих вещей пропадет. Разве это удовольствие, скажи мне? Чтобы другой услаждал свои взоры, ты подвергаешься и узам, и заботам, и опасностям, и огорчениям, и ежедневным спорам. Разве это не заслуживает всякого обличения и осуждения? Поэтому не будем, умоляю вас, не будем больше так поступать. Разрешим всякий союз неправды, раздробим алчущему хлеб, будем исполнять и все прочее, что может даровать нам дерзновение перед Богом, чтобы мы сподобились получить обещанные блага о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления: такожде и жены во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием да украшают себе не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными, но еже подобает женам, обещавающимся благочестию, делы благими (1 Тим. II, 8—10)

1. *Егда* молитеся, говорит Христос, не будьте, *якоже лицемери, яко любят в сонмищах и в стогнах путий стояще молитися, яко да явятся человеком. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою. Ти же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери, помолися Отцу твоему, иже в тайне,* и Он *воздаст тебе яве* (Мф. VI, 5, 6). Как же Павел говорит: *хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления?* Но эти слова не противоречат вышеприведенным, — нет, — а напротив, совершенно согласны с ними. Как и каким образом? Сначала надобно сказать о том, что значат слова: *вниди в клеть твою,* и почему Он заповедует это, когда нужно молиться на всяком месте; и неужели нельзя молиться ни в церкви, ни в другой какой-нибудь части дома, а только в одной клети? Итак, какой смысл имеют эти слова? Внушая здесь, что надобно избегать тщеславия, Христос говорит: совершай молитвы не просто только тайно, но и сокровенно. Подобно тому, как в изречении: *да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. VI, 3) Он говорит не просто о руках, а представляет с особенной силой необходимость избегать тщеславия, так точно и здесь Он намекает на то же самое.

Итак, не местом ограничил Он молитву, а заповедал только одно, — что ненужно быть тщеславным. А Павел говорит так, (чтобы показать) отличие от иудейских молитв. Посмотри в самом деле, что он говорит: *на всяком месте воздеюще преподобныя руки.* А этого у иудеев нельзя было делать, потому что им не было позволено ни прибегать к Богу в каком-нибудь другом месте, ни приносить жертвы, ни совершать богослужение; а нужно было отовсюду по все-

ленной собираться в одно место и в храме совершать все очищения. Апостол дает противоположное этому увещание и, освобождая от этой необходимости, говорит, что наши (обычаи) не таковы, каковы у иудеев. Подобно тому, как обо всех он повелевает приносить молитвы (потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую), так равным образом (научает), что молиться везде хорошо; следовательно, замечание это относится не к месту, а к тому, каким образом нужно молиться. Молись, говорит, везде; на всяком месте воздевай преподобные руки, — это одно только требуется. Но что значит: *преподобныя?* Чистые. А что значит: чистые? Конечно, не водой вымытые, а чистые от любостяжания, убийств, хищения, язв. *Без гнева и размышления.* А это что значит? Разве кто-либо гневается во время молитвы? Значит — без злопамятства. Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждой, пусть никто не приступает с негодованием и размышлением. Что значит — *без размышления?* Послушаем. Значит, что не нужно нисколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. *Елика аще воспросите верующе,* говорит (Христос), *приимете* (Мф. XXI, 22); и еще: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Мк. XI, 25). Вот что значит — *без гнева и размышления.* Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Он готов тебе дать, если (не просишь) ни о чем таком, что недостойно царя, если ни о чем житейском, если (просишь) одних только духовных (благ), если приступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки; а преподобные руки — те, которые творят милостыню. Если таким образом приступаешь, то, во всяком случае, получишь просимое. *Аще вы,* говорит, *лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, колыми паче Отец ваш небесный* (Мф. VII, 11). Размышлением Он здесь называет сомнение. Равным образом, говорит он, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева, без размышления, чтобы имели преподобные руки, чтобы не следовали своим вожделениям, не грабили и не были корыстолюбивы. Какая в самом

деле будет польза, если она сама не грабит, а делает это через мужа? Впрочем, от женщин Павел требует нечто большее. Что же именно? *Со стыдением и целомудрием во украшении лепотном да украшают себе, не в плетениих, ни златом, ни бисерми,* говорит он, *но еже подобает женам, обещавающимся благочестию, делы благими.* Что он называет украшением? То есть — платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, было бы прилично, но не изысканно; первое прилично, а последнее неблагопристойно. Что же скажешь ты на это? Ты приходишь молиться Богу и между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами? Разве ты пришла плясать? Или принять участие в брачном пире? Разве ты явилась на торжественное шествие? Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих преступлениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд неприличен для той, которая молится. Как можешь ты воздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усильно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их, — потому что плачущей не следует носить золота. Это лицемерие и притворство. И в самом деле, как же не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилось и это великолепие и тщеславие, та же самая (душа) и слезы проливает? Удали от себя все это притворство. Над Богом нельзя смеяться. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. *Со стыдением,* говорит, *и целомудрием.*

2. Итак, не подражай блудницам. Они посредством такого наряда привлекают к себе многих любовников, и через это многие часто навлекали на себя дурное мнение и не получали никакой пользы от этого украшения, потому что многим через такое мнение нанесли вред. Подобно тому, как распутная женщина, хотя бы и пользовалась славой целомудренной, не будет иметь никакой пользы от этой славы, когда Тот, Кто судит тайное, в свое время при-

ведет все в известность, так и целомудренная женщина, если она своим нарядом успеет приобрести славу (женщины) дурного поведения, не получит никакой пользы от своего целомудрия, потому что многие через эту славу были приведены к погибели. Но отчего же я буду страдать, скажет иная, если другой станет подозревать меня? Ты подаешь повод к тому своим нарядом, взглядом, движениями. Поэтому Павел так много говорит об одежде и о стыде. А если он отвергает то, что служит только признаком богатства, именно золото, жемчуг и многоценные ризы, то не гораздо ли больше (отвергает) то, что (служит признаком) излишней суетности, — притирания, подкрашивание глаз, жеманную походку, изнеженный голос, влажный взгляд исполненный всякого блуда, изысканность, с какой накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь? На все это он указывает, говоря: во *украшении лепотном*, равно как и словами: *со стыдением*, — потому что все это свойственно бесстыдству и неблагопристойности. Будьте, умоляю вас, снисходительны ко мне, потому что слово мое не с той целью содержит в себе вполне явное обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада все чуждое ему.

Если он запрещает это замужним женщинам, живущим в роскоши и богатстве, то тем более тем, которые посвятили себя девству. Но какая, скажут, девственница возлагает на себя золотые украшения? Какая головные уборы? И обыкновенное платье может быть до такой степени изысканно, что даже эти (украшения) становятся ничтожны в сравнении с ним. Ведь и недорогое платье может быть наряднее того, которое обшито золотом. В самом деле, когда платье имеет слишком яркий цвет и когда оно с особенной заботливостью прикреплено поясом около груди, как это бывает у тех, которые пляшут на сцене, так что оно ни раздается в ширину, как бы поднимаясь вверх, ни стягивается до того, чтобы казаться слишком узким, но занимает середину между тем и другим, и около груди образует множество складок, — то ужели оно не гораздо больше может прельстить, чем всевозможные шелковые платья?

Что, когда (при этом) обувь, будучи черного цвета, издает необыкновенный блеск и оканчивается острием, и изящным своим видом уподобляется картине, так что не слишком поднимает вверх подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираниями, однако вымываешь его с необыкновенным старанием и вниманием и полагаешь кругом чела повязку, которая гораздо белее твоего лица, а потом сверху набрасываешь (черное) покрывало, так чтобы черный цвет при белом был заметнее? Что скажешь об этом беспрестанном поворачивании глаз? Что – о поясе и о повязке на груди, которую при опоясывании то скрывают, то показывают наружу, потому что и (грудь) оставляют часто открытой для того, чтобы видна была искусная отделка пояса, между тем как кругом всей головы полагают покрывало? А руки, подобно трагическим актерам, так старательно закрывают, что подумаешь, будто платье приросло к ним. Что сказать о походке и о прочих движениях, которые больше всякого золота могут пленять смотрящих на это? Убоимся, возлюбленные, чтобы и нам не услышать того же, что пророк говорил еврейским женщинам, которые заботились о наружном украшении: *вместо пояса ужем препояшешися, и вместо украшения* главы твоей *плешь имети будеши* (Ис. III, 23). Таким образом это сильнее может привлекать, нежели золотые украшения, равно как и многие другие вещи, которые искусно устрояются для того, чтобы на них смотрели и чтобы взирающие пленялись ими. Не малый это грех, напротив, очень большой и может прогневать Бога, может погубить весь подвиг девства.

3. Христос – твой Жених: зачем привлекаешь к себе любовников – людей? Он осудит тогда тебя за прелюбодеяние. Отчего не украшаешь себя украшением, которое Ему нравится, которое Ему приятно, – стыдливостью, целомудрием, честностью, благопристойной одеждой? А это платье свойственно распутным женщинам и позорно. Мы уже не можем различать распутных женщин и девственниц. Смотри, до какого посрамления они довели себя! Девственница должна быть чужда изысканности, одеваться просто

и как случится. А она рачительно занимается бесчисленными (предметами) внешнего украшения. Положи конец этому безумию, женщина; обрати эту заботливость на душу, на внутреннее благообразие. Это внешнее благолепие препятствует внутреннему соделаться хорошим. Кто заботится о нем, тот пренебрегает внутренним; равно как и тот, кто презирает его, переносит всю свою заботливость на внутреннее. Не говори мне: увы! я надеваю изношенную одежду, дешевую обувь, покрывало, которое ничего не стоит; какое тут щегольство? Но обольщай самое себя. Можно, как я сказал, больше принаряжать себя в этой одежде, нежели в иной, — больше в изношенном платье, нежели в приноровленном к телу и красиво устроенном по образу, который приличествует бесстыдству, и светло блестящем. Ты мне это говоришь; но что скажешь Богу, Который знает мысль, с какой ты это делаешь? Но ты поступаешь так не ради распутства. Так ради чего? Чтобы возбуждать удивление? И ты не стыдишься, не краснеешь, когда хочешь возбуждать удивление таким образом? Но, скажешь, я надеваю это платье так себе, и вовсе не по этой причине. Знает Бог, что́ ты говоришь к нам. Разве мне будешь ты давать отчет? Тому, Кто присутствует при всем, что ни происходит у нас, и Кто тогда будет оценивать, Тому, перед Кем все явно и открыто. Для того и мы ныне говорим это, чтобы не заставить вас подвергнуться такой ответственности. Убоимся, чтобы и вас не упрекал (Господь) в том, в чем упрекал через пророка еврейских женщин: пришли явиться предо Мной сластолюбивые *и ногама купно играющия* (Ис. III, 16). Вы взяли на себя великий подвиг, для которого нужна борьба, а не щегольство, — где нужно сражаться, а не вести жизнь, исполненную неги. Разве не видишь кулачных бойцов и борцов? Разве они заботятся о походке и наружном украшении? Нисколько. Но все это оставив без внимания и надев на себя платье, пропитанное маслом, они имеют в виду только наносить и отражать удары. Диавол стоит, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя; а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами. Я не хочу

говорить ничего о голосе, о том, как многие стараются дать ему известное выражение, – о благовониях и о прочих предметах роскоши. Потому-то и смеются над нами светские женщины. Погибла честь девства. Никто не уважает девственницу так, как следует уважать ее, потому что они сами довели себя до того, что их стали пренебрегать. Разве не следовало бы, чтобы они так были почитаемы в Церкви Божией, как будто с неба пришедшие? Между тем ныне их презирают, – ради их самих, а не ради тех, которые умнее их, – потому что когда увидит та, которая имеет мужа и детей и управляет домом, что ты, будучи обязана пригвоздиться ко кресту, больше, нежели она, занимаешься этими нарядами, то ужели она не посмеется над тобой? Ужели она не станет презирать тебя? Разве не видишь, сколько здесь старания, сколько забот? Скудостью одежды ты препобеждаешь ту, которая наряжается в дорогие платья, потому что больше заботишься о нарядах, нежели та, которая возлагает на себя золотые украшения. Что прилично тебе, того ты не ищешь, а к тому, что тебе не прилично, стремишься, между тем как тебе надлежало бы творить дела благие. Оттого девственницы стали пользоваться меньшим уважением, нежели женщины, живущие в мире, что не являют дел, достойных девства. Это говорим мы не ко всем, или лучше сказать – и ко всем, именно – к виновным, чтобы они образумились, и к невинным, чтобы они вразумляли первых. Но смотрите, чтобы это порицание не перешло в дело. Мы сказали это не с тем, чтобы огорчить, а чтобы исправить вас и чтобы могли похвалиться вами. О, если бы мы все творили угодное Богу и жили во славу Его, и через это сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Жена в безмолвии да учится со всяким покорением. Жене же учити не повелеваю, ниже владети мужем, но быти в безмолвии. Адам бо прежде создан бысть, потом же Ева: и Адам не прелстися, жена же прелстивши-ся, в преступлении бысть: спасется же чадородия ради, аще пребудут в вере и любви и во святыни с целомудрием (1 Тим. II, 11–15)

1. Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает (внимание) не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит? *Жена в безмолвии да учится.* Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в послании к Коринфянам: *срамно бо есть женам в церкви глаголати* (1 Кор. XIV, 35). Почему же? Потому что закон, говорит он, подчинил их (власти мужа). И опять в другом месте: *аще ли чесому научитися хотят, в дому своих мужей да вопрошают* (1 Кор. XIV, 35). Но тогда женщины вследствие такого наставления хранили молчание; между тем ныне (замечается) между ними великий шум, великий крик, громкий разговор, и притом нигде в другом месте столько, как здесь. Всякий может увидеть их всех разговаривающими больше здесь, нежели на площади, нежели в банях. Как будто придя сюда для того, чтобы провести досужее время, они ведут разговор о предметах бесполезных. От этого все приходит в расстройство, и они не хотят даже понять того, что не иначе могут они научиться чему-нибудь полезному, как только храня молчание. В самом деле, когда мы приготовляем к произнесению слова, и между тем никто не внимает тому, что говорится, то какая отсюда может быть польза? Поэтому он говорит, что женщине надлежит до того быть молчаливой, что она не должна говорить в церкви не только о житейских, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы с великой

благопристойностью. *Жене же не повелеваю учити. Не повелеваю,* говорит он. Какую связь имеют здесь между собой (эти слова)? Очень тесную. (Апостол) беседовал о безмолвии, о степенности, о стыдливости; сказал: не хочу, чтоб они говорили. Итак, желая отнять у них всякий повод к разговорам, говорит: пусть они и не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся, потому что таким образом, через молчание, они покажут и покорность. Вообще многоречив род их, поэтому (апостол) всеми мерами старается обуздать их: *Адам бо,* говорит, *прежде создан бысть, потом же Ева: и Адам не прелстися, жена же прелстившися, в преступлении бысть.* Какое, однако, это имеет отношение к нынешним женщинам? Очень большое, говорит: мужской пол наделен большим преимуществом, он создан прежде. А в другом месте еще выше ставит его, когда говорит: *не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. XI, 9). Для чего он говорит это? Для того, чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Мужчина, говорит он, должен иметь первенство, во-первых, потому (что он прежде создан), во-вторых, на основании того, что случилось впоследствии времени. Учила некогда жена мужа, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. Бог за то и подчинил ее, что она во зло употребила власть, или, лучше сказать, равночестие: *к мужу твоему,* говорится, *обращение твое* (Быт. III, 16); прежде же этого (события) не было сказано этих слов. Каким же образом Адам не был прельщен? Следовательно, он не преступил заповеди, если не был прельщен? Внимательно слушай. Жена говорит: *змий прельсти мя* (Быт. III, 13); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: *та ми даде и ядох* (Быт. III, 12). Не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе, и – от зверя, раба, подчиненного; поэтому последнее собственно и есть обольщение. Итак, только в сравнении с женой (апостол) говорит о нем, что он не прельстился, потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он – от свободной. Опять не об Адаме сказано: *виде древо, яко добро в снедь* (Быт. III, 6), но о жене, и что она ела и дала мужу своему.

Таким образом он преступил (заповедь) не потому, что был увлечен страстью, а только повинуясь жене. Учила однажды жена и все ниспровергла. Поэтому (апостол) говорит: да не учит. Но как это относится к другим женщинам, если одна сделала это? И очень (относится), потому что пол этот немощен и легкомыслен. С другой стороны, здесь говорится вообще о всем (женском) поле: он не сказал, что Ева прельстилась, но: *жена,* – а это имя скорее относится ко всему вообще полу, нежели к ней одной. Итак, что же? Ужели ради нее весь женский пол сделался преступным? Подобно тому как об Адаме сказал (апостол): *по подобию преступления Адамова, иже есть образ будущаго* (Рим. V, 14), так и здесь говорит: преступил (заповедь) женский пол, а не мужской. Итак, что же? Ужели он не наследует спасения? Напротив, наследует, говорит. Какое же именно? Спасение через детей. Он не об одной Еве говорил: *аще пребудут в вере и любви и святыни с целомудрием.* В какой вере? В какой любви? В какой святыне с целомудрием? Он как бы так говорил: вы, женщины, не сокрушайтесь о том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам другое средство спасения, именно – воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами через себя, но и через других. Смотри, сколько возникает вопросов по поводу одного и того же предмета. *Жена прельстившися,* говорит, *в преступлении бысть.* Какая жена? Ева. Следовательно, она спасется через рождение детей? Нет, не это говорит (апостол), а то, что спасется весь женский пол. Разве она не была виновной? Конечно, была; но хотя виновной была Ева, однако спасется весь женский пол через рождение детей. Отчего не ради собственной добродетели? Разве это (рождение детей) лишает (силы прочие добродетели)? Притом, какое отношение имеет это к девам? Какое к неплодным? Какое к вдовам, которые прежде, нежели начали рождать, лишились мужей? Разве они погибли, разве им не остается ни малейшей надежды? Между тем больше всех восхваляются девы. Итак, что же он хочет сказать?

2. Некоторые говорят, что подобно тому, как от создания (мира) весь женский пол находился в состоянии зави-

симости вследствие того, что случилось с первой женщиной, — Ева была создана второй и находилась в состоянии зависимости, потому, говорят, и весь женский пол должен находиться в состоянии зависимости, — так и здесь по тому самому, что (Ева) совершила преступление и весь женский пол сделался преступным. Но это не имеет никакого основания. Там все совершалось по воле Божией, а здесь было следствием греха жены. Поэтому сказанное им имеет такой смысл: подобно тому, как все люди умирают ради одного, потому что один согрешил, так и весь женский пол сделался преступным потому, что женщина совершила преступление. Впрочем, пусть она не скорбит. Бог дал ей немалое утешение, именно — рождение детей. Но это есть (дело) природы, — скажешь ты. И то (произошло от влияния) природы; ей даровано не только то (что зависит от природы), но и то, что относится к воспитанию детей. *Аще пребудут*, говорит, *в вере и любви и святыни с целомудрием*, то есть если после рождения сохранят себя в любви и чистоте. В том не малая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Святыней он называет праведную жизнь, а целомудрием — пристойность. *Верно слово* (III, 1) — относится к тому (о чем говорим), а не к — *аще кто епископства хощет*. Так как по этому поводу возникало сомнение, то он и говорит: *верно слово*, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. Но что, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Ужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли более вероятным, что она воспитает их подобными себе? Он это говорит о добродетельной, а не о всякой, что она получит за то великую награду и воздаяние.

Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. И далее он говорит то же самое: *в делех добрых свидетельствуема, аще чада воспитала есть* (1 Тим. V, 10). Между прочим и это поставляет на вид. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они положат под здание твердые опоры и основания, то будут иметь великую награду; тогда как, на-

оборот, за нерадение подвергнутся наказанию. Так и Илий погиб через своих детей, потому что ему надлежало вразумлять их; он, правда, и вразумлял, но не так, как следовало бы. Ему не хотелось огорчать их, и он и их, и себя погубил. Слушайте это, отцы. Воспитывайте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если в начале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что приятно и вместе вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, – тут более всего возможен вред юности. Об этом мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скорее будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. Мужу, говорится, *блудну всяк хлеб сладок* (Сир. XXIII, 23). Для того и возлагаются на головы венцы, – в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, – что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на главе, когда он побежден? Это будем им внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то одно, то другое. Нам вверен важный залог – дети. Будем же заботиться о них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем теперь у нас все происходит наоборот. Мы употребляем всевозможные усилия для того, чтобы поле было хорошим и чтобы вверить его благонадежному человеку, и погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы

отыскиваем самого искусного; а на то, что для нас всего дороже, именно — чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то, что это сокровище ценнее всех прочих и ради него приходят остальные. Об имуществе для них мы заботимся, а о них самих — нет. Видишь ли, какое безумие? Прежде образуй душу сына твоего, а имущество он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег; и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добрым. Таким образом, он может и состояние умножить; если же и не умножит его, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, если он будет злой, то хотя бы ему были оставлены тобой бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя (этих сокровищ), а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Действительно, для детей, не получивших правильного воспитания, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал того, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает, ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас нетрудно. Наблюдайте за тем, чтоб они сидели дома: а прежде всего учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Так и в замужество отдавайте их. Если так образуем их, то вы спасете не только их, но и мужа, который возьмет ее, и не только мужа, но и детей, и не одних детей, но и внуков. Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, — и за все это вы получите награду. Поэтому все будем так делать, как (прилично) заботящимся о благе не одной души, но многих через одну. Дочь, при вступлении в брак, должна так выходить из отеческого дома, как борец из места состязаний, то есть она должна знать в точности всю науку, помощью которой могла бы, подобно закваске, все смешение возве-

сти к собственной красоте. И сыновья опять в такой степени должны быть скромны, чтобы скорее всего можно было узнавать их по их благонравию и целомудрию и чтобы они заслужили великую похвалу и от людей, и от Бога. Пусть они научатся обуздывать чрево, воздерживаться от лишних издержек, быть расчетливыми, нежно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Таким образом они могут доставить родителям великую награду. Тогда все будет ко славе Божией и нашему спасению, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Аще кто епископства хощет, добра дела желает. Подобает убо епископу быти непорочну, единые жены мужу, трезвену, целомудру, благоговейну, страннолюбиву, учительну, не пиянице, не бийце, не мшелоимцу, но кротку, независтливу, несребролюбцу, свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякой чистотой (1 Тим. III, 1—4)

1. Намереваясь перейти к речи о епископстве, (апостол) показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и через него наставляя всех. Что же он говорит? *Аще кто епископства хощет,* я не порицаю такого, говорит, так как это – дело управления. Если кто имеет такое желание, и притом домогается не одного начальства и власти, но (и исполнения обязанностей свойственных) управлению, то я не порицаю его: *добра дела желает,* говорит. Так и Моисей желал этого, но не одной только власти, – и притом желал в такой степени, что слышал (следующие слова): *кто тя постави князя и судию над нами* (Исх. II, 19)? Кто таким образом желает, пусть желает. Епископство называется так потому, что представляет собой надзор над всеми. *Подобает убо,* говорит, *епископу непорочну быти, единыя жены мужу.* Говорит это, не поставляя в качестве закона, как будто без этого ему нельзя было сделаться епископом, а только

полагая предел неумеренности, потому что у иудеев позволено было вступать во второй брак и в одно время иметь по две жены. *Честна женитьба* (Евр. XIII, 4). А некоторые полагают, что сказанное здесь значит, что он должен быть мужем одной жены. *Непорочну.* Сказавши: *непорочну,* он назвал всякую добродетель. Таким образом, если кто сознает себя виновным в каком-нибудь преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого он удалил себя своими поступками, потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устрояли свою собственную жизнь. И не без причины (апостол) поступает так, преподавая такое наставление. Но так как и он сам намеревался поставлять епископов, касательно чего он делает увещания и в послании к Титу, и так как, по всей вероятности, многие могли желать этого сана, то он по этому поводу и заповедует это. *Трезвену,* говорит, то есть он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, — должен быть проницательным и не помрачать умственного своего взора. Действительно, много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как совершаются дела, потому что и скорби, и заботы, и бесконечные занятия, и многое другое накапливается со всех сторон.

Итак, (епископ) должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том, что касается других, — он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, в большей мере нести труды и обязанности, нежели полководец, который день и ночь обходит воинство, — обо всем иметь заботу и попечение. *Целомудру, благоговейну, страннолюбиву.* Так как и многие из подчиненных имеют такие качества (в этом отношении и они должны быть равны начальникам), то (апостол), показывая преимущества епископов, прибавил: *учительну.* От подчиненного уже этого не требуется; но требуется более всего от того, кому вверена эта должность. *Не пиянице.* Не о том говорит здесь, кто упивается вином, но о человеке дерзком и заносчивом. *Не бийце.* Здесь идет речь не о тех,

которые бьют руками. Что же значит: *не бийце?* Так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братии, то, мне кажется, он здесь намекает на них. *Не мшелоимцу, но крошку, независтливу, несребролюбцу, дом свой добре правящу, чада имущу в послушании со всякою чистотою.* Если, таким образом, человек, связанный узами брака, заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирских делах, то как он говорит: *единыя жены мужу?* Некоторые полагают, что здесь он указывает на такого епископа, который был бы свободен от брачных уз. А если не это (должно здесь разуметь), то – что он, имея жену, может жить, как будто не имея ее. Он справедливо в этом случае делает уступку, как бы покоряясь господствующему обычаю того времени. Всякий, кто захочет, имеет возможность из этого сделать надлежащее употребление. Подобно тому, как богатство с трудом открывает вход в царство небесное, и между тем часто люди богатые входили в него, – так точно и брак. Впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он должен быть не пьяницей, но гостеприимным, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти, [не указал тех великих требований, о которых говорил Христос и которые обязаны исполнять даже подчиненные, – что нужно распять себя и постоянно в руках держать свою душу, о чем и Христос говорил: *пастырь добрый полагает душу свою за овцы* (Ин. X, 11), и опять: *иже не приимет креста своего и в след мене грядет, несть мене достоин* (Мф. X, 38)], но сказал: *не пиянице?* Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа. Отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли? Но даже того ты не заповедал епископу, что заповедал мирянам. Что же он говорит к последним? *Умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. III, 5), и опять: *умерый свободися от греха* (Рим. VI, 7), и еще: *иже Христовы суть, плоть распята* (Гал. V, 24). И Христос говорит то же: *иже не отречется всего своего имения, несть мене достоин* (Лк. XIV, 33). Итак, почему он не сказал этого? Потому что таких немного можно было

найти, между тем много требовалось епископов, которые бы предстоятельствовали в отдаленных городах.

2. Поэтому, так как впоследствии могли возникать наветы против Церкви, то (апостол) по этой причине говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выспренней, потому что многим свойственно – быть трезвенным, честным, целомудрым. *Чада имущу,* говорит, *в послушании со всякою чистотою,* – потому что следует на самом себе показать пример. В самом деле, кто поверит, что покорит себе чужого тот, кто сына своего не умел держать в зависимости? *Дом свой добре правящу.* Так говорят и внешние, что хороший домоправитель, в скором времени может сделаться хорошим правителем дел общественных. И Церковь есть то же самое, что малый дом, и подобно тому, как в доме находятся дети, жена, слуги, и над всеми возвышается своей властью муж, так и в Церкви не иное что, а то же самое: есть дети, жены, слуги. Если же предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницей жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственниц? И там тоже муж имеет на своем попечении рабов, дочерей. Впрочем, вообще домом управлять легче. Поэтому как может управлять делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устроил? После этого, сказав: *аще же кто своего дому не умеет правити, како о церкви Божией прилежати возможет* (ст. 5), присовокупляет: *не новокрещену,* по буквальному значению – новонасажденного (ст. 6), разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного: *аз,* говорит, *насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (1 Кор. III, 6). Следовательно, он сказал это, желая указать на этого последнего (новооглашенного). Иначе что препятствовало сказать: не юному? Но почему же он сам, скажешь, поставил (епископом) Тимофея, несмотря на то что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: *никтоже о юности твоей да нерадит* (1 Тим. IV, 12)? Потому что знал, что он (Тимофей) обладал многими добродетелями, что он достиг великого совершенства в жизни; и, зная об этом, говорит к нему в послании: *из млада священная писания умееши* (2 Тим. III, 15).

А что он соблюдал строжайший пост, это видно из следующих слов: *мало вина приемли ради частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23), – кроме многого другого и об этом писал к нему. Поэтому, если бы он не знал о столь великих его добродетелях, то и не писал бы и не поручил бы (столь высокого служения) ученику. Итак, ввиду того, что в то время многие из язычников обращались и крестились, (апостол) и говорит: новокрещенного, то есть новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Если он прежде, нежели сделается учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Потому и прибавил: *да не возгордевся в суд впадет диавол*, то есть чтобы не подпал тому же осуждению, какому тот подвергся за свою гордость. *Подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних, да не в поношение впадет и в сеть неприязненну* (ст. 7). Справедливо: он мог подвергаться поношению с их стороны, – и, вероятно, по тому самому он и сказал: *единыя жены мужу*, хотя в другом месте говорит: *хощу, да вси человецы будут, яко же и аз* (1 Кор. VII, 7), то есть в воздержании. Итак, чтобы не увеличить затруднений этому делу, если бы потребовал более совершенной жизни, он отыскал не столь возвышенную добродетель. Нужно, ведь, было в каждом городе поставить предстоятеля. Послушай, что он пишет к Титу: *да устроиши по всем градом пресвитеры, якоже тебе аз повелел* (Тит. I, 5). Но что, если имеющий хорошее свидетельство и пользующийся добрым мнением на самом деле не будет таким? Конечно, (здесь можно предвидеть) великие затруднения, потому что едва ли могут люди праведные заслужить себе у врагов хорошее мнение. Впрочем, в настоящем случае он не одно это выставляет на вид. Он не сказал: надлежит ему иметь свидетельство, но: *подобает ему и свидетельств имети*, то есть – между прочим и это, а не одно только это. Но что, если без всякого основания станут о нем говорить худо, из ненависти, особенно потому, что они язычники? Нет, того не бывает, потому что человека безукоризненной жизни и они уважат. Каким же образом, скажешь ты? Послушай, что́ он говорит о са-

мом себе: *гаждением* и *благохвалением* (2 Кор. VI, 7). Не жизнь его порицали, а проповедь; поэтому и сказал: *гаждением*. На них (апостолов) клеветали, что они льстецы и обманщики, — ради их проповеди, — и это делали потому, что не могли ни в чем укорить их жизни. В самом деле, почему никто не сказал об апостолах, что они любодеи, нечестивцы и корыстолюбцы, но — льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Очевидно, потому. Поэтому и мы так должны жить; и тогда и о нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Кто ведет праведную жизнь, тот и у них становится достойным уважения: истина и врагам заграждает уста. Каким же образом он может впасть в сеть? Когда часто и в те же самые будет впадать грехи, в какие и они. Если он будет таким, то диавол скоро поставить ему и другую сеть, и они скоро умертвят его. Если же должно иметь свидетельство от врагов, то тем более от друзей. А что действительно тому, кто ведет жизнь непорочную, нельзя услышать о себе худых отзывов, послушай, что говорит Христос: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрыя дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). А если, скажешь ты, он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться. Но в таком случае не должно его избирать из среды других, потому что это внушает большие опасения. *Подобает ему, говорит, и свидетельство добро имети.* Пусть, поэтому, поступки ваши будут светлы. Подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже сам слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив, вместе с другими удивлялись и приходили в изумление.

3. Будем поэтому жить так, чтобы не хулилось имя Божие. Не будем ни гоняться за человеческой славой, (ни вести себя так) чтобы о нас составилось дурное мнение, но будем соблюдать надлежащую меру и в том и в другом. *В них*

же, сказано, *являетеся, якоже светила в мире* (Флп. II, 15). На то, ведь, и поставил Он нас, чтобы мы были подобны светилам, чтобы мы соделались учителями других, чтобы мы стали закваской, чтобы мы обращались как ангелы с людьми, как мужи с малыми детьми, как духовные с людьми душевными, чтобы и те получили пользу, чтобы мы соделались семенами, чтобы приносили обильный плод. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сияла в такой степени: не были бы нужны учители, если бы мы творили дела благие. Никто не остался бы язычником, если бы мы были христианами, как следует. Если бы мы соблюдали заповеди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилия, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбления, воздавали добром, то никто не был бы столь диким, чтобы не обратиться к истинной вере, если бы так все вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу пример): один был Павел, и столько людей привлек к себе. Если бы мы все были такими, то сколько вселенных мы обратили бы? Теперь христиане многочисленнее язычников. Между тем когда другим искусствам один может научить сто отроков, здесь, несмотря на то, что есть много учителей и что их гораздо больше, нежели учеников, никто не присоединяется. Учащиеся взирают на добродетели наставников и, если видят, что и мы того же желаем, того же ищем, (чего и они), то есть почестей и власти, то как они могут почувствовать уважение к христианству? Они видят жизнь порочную, души земные, (видят) что мы столько же пристрастны к деньгам, как и они, и даже еще больше, перед смертью так же, как и они, трепещем, боимся бедности наравне с ними, в болезнях, как и они, ропщем, одинаково любим власть и силу и, мучась сребролюбием, стараемся уловить благоприятный случай. Итак, ради чего они станут веровать? Ради знамений? Но их уже больше нет. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ее и следа нигде не видно. Вот почему мы дадим отчет не только в своих грехах, но и в погибели других людей. Итак, по крайней мере, теперь воспрянем, станем бодрствовать, покажем на земле житие небесное, будем гово-

рить: *наше житие на небесех есть* (Флп. III, 20), и на земле станем совершать подвиги. Но и у нас, скажет иной, были великие мужи. Каким образом я стану веровать этому, — может возразить язычник? Я не вижу, чтобы вы делали то же самое, что они делали. Если нужно об этом рассуждать, то и мы, скажут они, имеем великих философов, по своей жизни достойных удивления. Но ты покажи мне другого Павла или Иоанна; а ты не в состоянии сделать этого. Как после этого не станет (язычник) смеяться над такими нашими речами? Как ему не остаться в своем неведении, когда он видит, что мы любомудрствуем только на словах, а не на деле? Ведь теперь за один обол каждый готов и убить, и быть убитым. За клочок земли ты заводишь бесконечные тяжбы, а за смерть сына все приводишь в смятение. Я уже оставляю без внимания все другое, над чем следует проливать слезы, именно — гадание, прорицание, наблюдение примет, судьбу, изображения, повязки, ворожбу, припевания, чародейство. Воистину велики эти (преступления) и достаточны, чтобы возбудить гнев Божий, потому что даже после того, как Он послал Сына Своего, мы дерзаем совершать это. Что же остается нам делать? Ничего больше, как только плакать. Ведь едва меньшая часть мира спасается. Но погибающие радуются, слыша, что не они одни будут терпеть это, но вместе со многими другими. И чему тут радоваться, когда за самую радость они будут наказаны? Не думай, что там так бывает, как здесь, — что если имеешь соучастников в несчастии, то получаешь утешение. Откуда это видно? Я объясню тебе. В самом деле, скажи мне: если бы кто, будучи приговорен к сожжению, увидел, что вместе с ним сожигают и его сына, и обонял смрад, от его тела истекающий, — то ужели бы он не умер? Конечно, и почему так — я скажу тебе. Если те, которые не подвергаются мучениям, взирая на то, что совершается, приходят в оцепенение и теряют присутствие духа, то тем более испытывают это те, которые переносят те же страдания. И не удивляйся, — послушай, что говорит один мудрец: *и ты пленен еси, якоже и мы: и в нас вменен еси* (Ис. XIV, 10). Человеческой природе свойственно сострадание, и мы сокруша-

емся о несчастье других. Скажи мне: ужели отец, видя, что и сын его наравне с ним терпит наказание, находит в этом утешение, или же напротив – увеличение своих страданий? Или муж, видя жену? Или человек – человека? Разве не больше мы тогда сокрушаемся? Да, – скажешь ты; но там нет таких страданий. Знаю это и я. Но будут другие, более жестокие. Тогда будет плач безутешный, когда все станут смотреть друг на друга, когда все будут терзаться. Скажи мне, разве те, которых изнуряет голод, получают утешение оттого, что их горе разделяют с ними другие? Или (какое утешение в том), если сын, или отец, или жена, или внуки подвергнутся одинаковому наказанию? Или, если видим друзей в несчастье, то ужели находим в этом утешение? Нет, нет: напротив, еще более усиливается наша скорбь. Кроме того, есть бедствия, которые, по самой жестокости своей, не приносят утешения, хотя и бывают общи всем. Например, положим, лежит кто-нибудь в огне, и другой – также. Каким образом они будут утешать друг друга? Скажи мне, прошу тебя: если когда мы страдали сильной горячкой, то ужели не исчезала тогда для нас всякая тень утешения? Без сомнения, – так. Когда несчастье одолевает нас, тогда душа не находит уже больше средства утешать себя. Или не видишь, сколько те, которые лишились мужей своих, могут насчитать других жен, которые претерпели то же самое? И между тем скорбь их от этого нисколько не уменьшается. Не будем же питать себя такой надеждой, но будем искать единственного утешения в том, чтобы принести покаяние в грехах и держаться доброго пути, ведущего на небо, чтобы мы могли получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Диаконом такожде чистым, не двоязычным, не вину многу внимающим, не скверностяжательным, имущим таинство веры в чистей совести. И сии убо да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще (1 Тим. III, 8–10)

1. Сказав о епископах и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, (апостол) опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так? Потому, что невелико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви, – поэтому то же самое, что он сказал о епископах, применимо и к пресвитерам. Первые одним только (правом совершать) рукоположение выше последних, и в этом одном заключается их видимое преимущество перед пресвитерами. *Диаконом такожде.* То есть и им должно иметь то же самое. Что же это именно? Быть непорочными, целомудренными, гостеприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами. А что он сказал: *такожде,* желая видеть их такими, на это он указывает, когда говорит дальше: *честным, не двоязычным,* то есть не пронырливым и не хитрым. Действительно, ничто столько не делает человека бесчестным, как пронырство, и ничто столько не приносит вреда в Церкви, как хитрость. *Не вину многу внимающим, не скверностяжательным, имущим таинство веры в чистей совести.* Этим вот он показывает, что такое значит – быть непорочным. Смотри, впрочем, что и здесь он говорит: *не новокрещену.* Выражение *и сии да искушаются прежде* то же значит, что сказанное им о епископе; таким образом он показывает (внутреннюю) связь, потому что тут нет ничего среднего. Поэтому употребил он и там выражение: *не новокрещену.* Не безрассудно ли, в самом деле, в частном доме вновь купленному рабу не прежде поручать какую-либо домашнюю работу, чем он, вследствие долговременного испытания, представит доказательства своего расположения, а в Церкви Божией извне вошедшего тотчас поставлять в числе знатнейших? *Женам,*

то есть диакониссам, *такожде чистым, не двуязычным, трезвенным, верным во всем* (ст. 11). Некоторые полагают, что это сказано просто о женщинах; но это несправедливо. Что в самом деле он мог иметь в виду, вставляя в середину своей речи несколько слов о женщинах? Говорит он здесь о таких женщинах, которые облечены званием диаконисс. *Диакони да бывают единыя жены мужи* (ст. 12). Это прилично было сказать и о женщинах диакониссах, так как это (звание) весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви. *Диакони*, говорит он, *да бывают единыя жены мужи.* Видишь ли, что и от диаконов он требует той же самой добродетели? Хотя они по сану и не равны епископу, однако должны быть так же непорочны, так же чисты. *Чада добре правяще и своя домы. Ибо служившии добре, степень себе добр снискают, и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе* (ст. 12 – 13). Везде он говорит об управлении детьми, чтобы прочие не имели повода к соблазну. *Ибо служившии добре,* говорит, *степень себе добр снискают,* то есть совершенство и великое дерзновение в вере во Иисуса Христа. Он как бы так говорит: те, которые показали себя трезвенными в низших (степенях), скоро достигнут и остальных. *Сия пишу тебе, уповая приити к тебе скоро. Аще же замедлю, да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть церковь Бога жива, столп и утверждение истины* (ст. 14–15). Чтобы, делая наставление касательно таких предметов, не повергнуть через это ученика в скорбь, (апостол) говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду; если же случится, что я замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом он пишет это к Тимофею с той целью, чтобы облегчить скорбь его, а к прочим – чтобы воздвигнуть их (от недеятельности) и сделать более ревностными, так как его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много. Впрочем, не удивляйся тому, что (апостол), все предвидя духом, обнаруживает незнание, когда говорит: *уповаю приити, аже же замедлю,* – потому что это свойственно незнающему. Так как он водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то, вероятно, и этого он не знал. *Да увеси,* говорит, *како подобает в дому Бо-*

жии жити, яже есть церковь Бога жива, столп и утверждение истины. (Следовательно, храм этот) не таков, каким был прежний, иудейский. Этим объемлются вера и проповедь, потому что истина есть столп и утверждение Церкви. *И исповедуемо,* говорит, *велия есть благочестия тайна: Бог явися во плоти, оправдася в дусе* (ст. 16). То есть домостроительство нашего спасения. Не говори мне о звонцах, ни о святом святых, ни о первосвященнике: Церковь есть столп вселенной. Помысли о тайне, – и овладеет тобой трепет: это и тайна, и великая, и благочестия тайна, и непререкаемая, и не подлежит изысканию, так как она выше всякого сомнения. Так как (апостол), беседуя о священниках, ничего не сказал такого, что говорится в книге Левит, то он возводит к другому предмету и говорит: *Бог явися во плоти,* то есть говорит, Творец был видим во плоти. *Оправдася в дусе.* Этим он говорит, что премудрость была оправдана от сынов своих, или – что (Иисус Христос) не поступал льстиво, как сказано и пророком: иже греха *не сотвори, ниже обретеся лесть во устех его* (Ис. LIII, 9). *Показася ангелом* (ст. 16). Следовательно, и ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде Его не видели. Поистине, великая тайна. *Проповедан бысть во языцех, веровася во мире.* По всей вселенной услышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает и пророк, когда говорит: *во всю землю изыде вещание их* (Пс. XVIII, 4). Не подумай, что это просто слова, не имеющие никакого значения. Нет, они не таковы, напротив – исполнены сокровенного смысла. *Вознесеся во славе,* то есть на облаках. *Сей Иисус,* сказано, *вознесыйся от вас, такожде приидет, имже образом видесте* (Деян. I, 11). Обрати внимание на благоразумие блаженного Павла. Желая наставить тех, которые сподобились диаконского сана, чтобы они не предавались слишком вину, он не сказал: не (должно) упиваться, но: *ниже многу вину внимающим.* И справедливо, – потому что если входившие в святилище вовсе не прикасались к вину, то тем более им не следовало этого делать. Вино, говорит он, производит помешательство и, если даже не причиняет опьянения, ослабляет крепость сил души и приводит ее к рассеянности. Заметь, что он везде домострои-

тельство нашего спасения называет тайной. И справедливо, — потому что она не всем людям известна; вернее же сказать даже ангелам не была открыта; иначе как она бы открылась через Церковь? Поэтому говорит: *исповедуемо велия есть.* И подлинно она велика, — потому что Бог соделался человеком и человек Богом, явился человек безгрешный, человек вознесся, был проповедан в мире; с нами увидели Его ангелы. Следовательно, это тайна. Не будем поэтому открывать тайны, не будем повсюду разглашать о ней, будем жить сообразно с достоинством этой тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле — великие люди. Если бы царь вверил нам какую-нибудь тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам свою тайну, — и мы, как будто не великое сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем (сознавая), что мы остаемся нечувствительны к этому благодеянию. Это тайна, которую все узнали, или, лучше сказать, которую прежде не все знали, а ныне всем она сделалась известной.

2. Соделаемся поэтому заслуживающими доверия хранителями тайны. Он вверил нам столь великую тайну, а мы Ему не вверяем даже стяжаний наших. Между тем как Он сам говорит: положите их у Меня, никто не будет в состоянии похитить их, ни моль, ни разбойник не нанесет им вреда, и обещает воздать во сто крат больше, — мы не слушаем. Если бы мы у кого-нибудь положили на хранение наше имущество, то назад не получили бы ничего больше. Напротив, мы должны были бы чувствовать благодарность, если бы обратно получили все, что положили. Между тем здесь, — если бы даже вор похитил, — говорит: мне это вмени в вину; не скажу тебе: унес вор, или моль поела. Здесь Он воздает сторицей, и там еще кроме того дарует жизнь вечную, — и несмотря на то никто не полагает на хранение (своих стяжаний). Но Он слишком медленно, скажешь, воздает мне. Это именно и служит величайшим признаком Его щедрости, что не здесь, в этой тленной жизни, Он воздает нам; лучше же сказать, и здесь воздает сторицей. В самом деле, скажи мне: разве не здесь оставил

Павел свой резец? Или трость и уду Петр? Или мытницу Матфей? Разве не вся вселенная была открыта перед ними больше, нежели перед царями? Разве не к их ногам полагали все свои стяжания? Разве не их делали распорядителями и властелинами всего? Разве не им поручали даже свои души? Разве не всецело поставляли себя в зависимость от их воли? Разве не все записывались в число их рабов? Да и ныне, разве мы не видим, что происходит много подобного? В самом деле, часто многие, (происходя) из низкого и малоуважаемого звания, только с мотыгой в руках, и не будучи даже обильно наделены необходимой пищей, имея одно имя монаха, более всех прославились и пользовались почетом у царей. Разве это маловажно? Но помысли, что это составляет прибавку; а главное уготовано в будущем веке. Презирай стяжания, если хочешь приобресть стяжания. Если желаешь обогатиться, сделайся бедным. Таковы-то чудные дела Божии. Не хочет Он, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости. Мне это предоставь, говорит Он, а ты заботься о духовном, чтобы ты узнал и мое могущество; убегай рабства и ига стяжаний. Ты беден до тех пор, пока ты привязан к ним; когда станешь пренебрегать ими, сделаешься вдвойне богатым – и потому, что они со всех сторон будут стекаться к тебе, и потому, что не будешь нуждаться в том, в чем (нуждаются) многие. Ведь быть богатым не значит приобрести много, но не нуждаться во многом, так что если предстоит нужда, то и царь ничем не отличается от нищего. В том и состоит бедность, что мы нуждаемся в других. Таким образом и царь по этой причине может быть назван нищим, поскольку он нуждается в подданных. Но не таков тот, кто пригвоздился ко кресту: он ни в чем не имеет нужды; для пропитания ему достаточно рук. *Мне бо,* говорит (апостол), *и сущим со мною послужисте руце сии* (Деян. XX, 34). Это говорил тот, кто в другом месте сказал: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. VI, 10), – тот, кто в Листрах был сочтен за Бога. Если хочешь приобрести мирские блага, – ищи неба. Если желаешь насладиться настоящим, – презирай его. *Ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам*

(Мф. VI, 33). Зачем ты удивляешься тому, что маловажно? Зачем жаждешь того, о чем даже говорить не стоит? До каких пор ты будешь оставаться бедным? До каких пор нищим? Воззри на небо, помысли о том богатстве, которое там обретается, посмейся над золотом, научись, какое из него нужно делать употребление. Мы пользуемся им только в настоящем, только в настоящей жизни, которая расплывчата, как песок, или, лучше, что капля в сравнении с беспредельной пучиной, то настоящая жизнь в сравнении с будущим. Это не составляет приобретения, а одно только пользование; это не составляет истинного обладания: иначе отчего, когда ты находишься при смерти, другие берут все, что у тебя находится, (невзирая на то), хочешь ли ты этого или не хочешь, и сами опять передают другим, а эти опять третьим? Все мы пришельцы. Владельцем дома, может быть, больше бывает тот, кто нанимает дом. Часто, когда первый умрет, последний остается и более продолжительное время пользуется домом. Если же последний (пользуется им) за известную плату, то и первый за плату, так как он созидал, трудился, устроял. Владение существует только по имени, а на самом деле мы все владетели чужого. То только нам принадлежит, что туда предпосылаем. А то, что здесь находится, не наше, но тех, которые живут, или, лучше, даже тогда, когда живем, оно уходит от нас. То только нам принадлежит, что составляет душевные наши подвиги, именно — милостыня и человеколюбие. А прочее и у внешних называется внешним, так как существует вне нас. Постараемся поэтому сделать это внутренним достоянием. Мы не имеем возможности, взяв с собой деньги, отойти, но можем отойти, взяв милостыню. Ее и будем больше всего предпосылать туда, чтобы уготовать себе жилище в вечных обителях.

3. Название денег происходит от употребления, а не от обладания; и самое имущество состоит в пользовании, а не в господстве. В самом деле, скажи мне: скольким владельцам принадлежало каждое поле и скольким еще будет принадлежать? Есть одна весьма мудрая поговорка, — не надобно ведь пренебрегать и народными поговорками, когда они заключают в себе какую-нибудь мудрую мысль. О поле,

говорят, скольких ты имело (господ) и скольких еще будешь иметь! То же самое должно сказать и о домах, и о деньгах. Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь. Поэтому освободим себя и погасим в себе пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить в себе желание небесного. Ведь не могут эти два стремления совмещаться в одной душе. *Либо единаго,* говорится, *возлюбит, а другаго возненавидит, или единаго держится, о друзем же нерадети начнет* (Мф. VI, 24). Видишь ли ты, скажи мне, мужа, который имеет многочисленную свиту, гордо идущего по площади, одетого в шелковые одежды, разъезжающего на коне, вытягивающего шею? Не изумляйся, но смейся над ним. Подобно тому как ты смеешься, когда видишь детей, изображающих в играх начальников, так смейся и здесь. Ничем не отличается одно от другого; первое даже бывает приятнее, потому что есть следствие детского возраста и сопряжено с величайшим простодушием. Здесь смех и удовольствие. А там человек становится смешным и исполненным бесстыдства. Прославь Бога за то, что Он избавил тебя от такого зрелища и такой надменности. Если захочешь, то ты, который ходишь по земле, будешь выше того, который восседает на колеснице. Каким образом? Таким, что тот телом немного поднялся от земли, душой же прильнул (к земле): *прильпе,* сказано, крепость *моя плоти моей* (Пс. CI, 6); а ты умом носишься на небе. Но он имеет многочисленную прислугу, которая очищает ему дорогу? Так чем же больше ему почета, нежели коню? Что может быть неразумнее того, чтобы разгонять людей, чтобы прошло свободнее животное? Но разъезжать на коне почетно? Однако и слуги принимают в этом участие. Между тем есть и такие, которые до того бывают ослеплены, что, без всякой надобности, заставляют прислужников, чтобы они шли позади их. Что бессмысленнее этого? Хотят приобрести известность через коней, драгоценные одежды и спутников. Что ничтожнее такой славы, которая состоит в конях и прислуге? Если ты добродетелен, — не ищи ничего такого: носи свой собственный наряд и не украшай себя присутствием других. Это могут

иметь и люди бесчестные, порочные, и невежды, и все, обильно наделенные богатством. На лошадях ездят и шуты, и плясуны; и перед ними тоже идет слуга. И несмотря на то они остаются шутами и плясунами, и не становятся более достойными уважения через лошадей и слуг. Когда у таких людей нет в душе никакой добродетели, тогда напрасно и без пользы мы стали бы прилагать что-нибудь извне. И подобно тому как полуразрушенная стена или истлевшее тело, что бы ты ни приставил к ним, они остались бы безобразными и истлевшими, так и здесь, душа не получает никакой пользы от внешних благ, но остается такой же, как прежде, хотя бы ты окружил ее бесчисленными золотыми украшениями. Не будем же удивляться всему этому, оставим временное и прилепимся к лучшему, духовному, к тому, что действительно соделывает нас достойными уважения, чтобы мы сподобились получить будущие блага о Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестию, возбраняющих женитися, удалятися от брашен, яже Бог сотвори в снедение со благодарением верным и познавшим истину. Зане всякое создание Божие добро, и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо: освящается бо словом Божиим и молитвою (1 Тим. IV, 1—5)

1. Как держащиеся веры утверждаются, как бы на некотором безопасном якоре, так, напротив, те, которые отпали от веры, не могут ни на чем остановиться, но, постоянно блуждая туда и сюда, наконец впадают в бездну погибели. И это (апостол) уже показал, сказав, что некоторые уже претерпели кораблекрушение в вере. И теперь говорит то же самое: *Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим.* О манихеях, энкратитах, маркионитах и обо всех сбори-

щах говорит он это, — что в последние времена некоторые отступят от веры. Видишь ли, что вина всех последующих зол есть отступничество от веры? Но что значит: *явственне?* Очевидно, ясно, беспрекословно, так что вовсе не остается места сомнению. Не удивляйся, говорит он, если теперь отступившие от веры придерживаются иудейских заблуждений. Будет время, когда даже те, которые соделались причастниками веры, будут творить (дела) более достойные осуждения, подавая гибельные советы не только касательно пищи, но и касательно браков, и всех тому подобных (предметов). Не об иудеях он говорит, — какое отношение к ним могут иметь выражения: *в последняя времена,* и: *отступят нецыи от веры?* — но о манихеях и их главных вождях. Он назвал их духами льстивыми, — и справедливо, потому что, побуждаемые этими последними, они проповедовали (такое учение). Что значит: *в лицемерии лжесловесник?* То, что они лживо проповедуют не по неведению и не потому, что не знают, напротив, они знают истину, а притворяются лжецами, будучи *сожжет совестию,* то есть будучи порочной жизни. Почему же именно об этих только еретиках говорит он? Христос предсказал и о других, когда говорил: *нужда есть приити соблазном* (Мф. XVIII, 7). В другой раз Он предвозвестил о них в притче о сеянии пшеницы и произрастании плевел. Но подивись и Павлову пророчеству. Он прежде времени, в которое имело совершиться это, указал и само время. Не удивляйся поэтому, если теперь, когда полагается начало веры, некоторые покушаются вводить такие гибельные верования, — потому что некоторые отступят от веры и спустя долгое время после того, как она утвердится. *Возбраняющих,* говорит, *женитися, удалятися от брашен.* Отчего же он не сказал и о других ересях? Он и на них указывает, когда говорит: *духовом лестчим и учением бесовским.* Он не хотел преждевременно посеять эти (заблуждения) в душах людей, но указывает на то, что уже получило начало, именно (на заблуждения) касательно пищи. *Яже Бог сотвори,* говорит, *в снедение со благодарением верным и познавшим истину.* Отчего он не сказал: и неверным? Каким же образом (мог он сказать): и неверным, когда они, повину-

ясь своим законам, воздерживаются от этого? Итак что же? Ужели сластолюбие не воспрещено? И очень. Почему же так, если что-либо и создано для того, чтобы служить пищей? Потому что и хлеб создан, между тем воспрещена неумеренность; и вино создано, между тем воспрещена неумеренность. В настоящем случае он заповедует отказываться от наслаждения не потому, что оно нечисто, а потому, что оно при неумеренности расслабляет душу. *Зане всяко создание Божие добро,* говорит, *и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо.* Если создание Божие, то и добро: *вся добра зело* (Быт. I, 31). Выражением *создание Божие* он обозначает вообще все, что может быть употреблено в пищу, и таким образом уже ниспровергает заблуждение тех, которые вводят несотворенную материю и говорят, что из нее произошло все прочее. Итак, если (все) добро, то что значат слова: *освящается словом и молитвою?* Ведь очевидно, что, будучи нечистым, освящается. Не так нужно понимать эти слова. Здесь он говорит против тех, которые считали некоторые роды пищи чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно; и во-вторых, что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачевство: осени знамением (креста), возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнет.

Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? Да, когда ты не знаешь, что это идоложертвенное; а если знаешь и несмотря на то вкусишь, то соделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому, что, получив заповедь не приобщаться к демонам, ты через это вошел с ними в общение. Следовательно, оно не по природе своей нечисто, но становится таким вследствие твоего произволения и преслушания. Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его с благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога. *Сия сказуя братии, добр будеши служитель Иисуса Христа, питаем словесы веры и добрым учением, емуже последовал еси*

(ст. 6). *Сия:* что же именно? То, о чем (прежде) говорил, – что тайна великая, что удаляться от яств – дело бесовское, что пища очищается словом Божиим и молитвой. *Питаемь,* говорит он, *словесы веры и учения, емуже последовал еси. Скверных же и бабиих басней отрицайся: обучай же себе ко благочестию* (ст. 7). *Сия сказуя,* говорит. Видишь ли, что здесь нисколько он не обнаруживает власти, а только снисхождение? *Сказуя,* говорит он. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: *сказуя,* то есть как бы советуя, предлагай это и заводи речь о вере. *Питаемь,* говорит, – указывая на постоянное внимание к такого рода предметам.

2. Подобно тому, как мы каждый день употребляем эту пищу, так, говорит, будем всегда принимать и слово о вере, всегда им питаться. Что значит – *питаемь?* Пережевывая, постоянно повторяя одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же: ведь предлагается не обыкновенная пища. *Скверных же и бабиих басней, отрицайся.* О каких (баснях) он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? И их называет баснями? Да, или потому, что они измышленны, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно; что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. В самом деле, представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то до какой степени он был бы смешон из-за несвоевременности (поступка)? Видишь ли, как он называет их и нечистыми, и бабьими? (И называет так) частью потому, что они уже устарели, частью потому, что оба составляют препятствие для веры. Действительно, подчинять страху душу, которая соделалась выше всего этого, свойственно нечистым правилам. *Обучай же себе ко благочестию,* то есть в вере чистой и жизни праведной, – потому что в этом состоит благочестие. Следовательно, нам нужно упражняться в нем. *Телесное бо,* говорит, *обучение вмале полезно есть* (ст. 8). Некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: (пост) составляет не телесное, а духовное упражнение. Если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то, значит, не составляет телесного (упражнения). Следова-

тельно, не о телесном упражнении говорит он. Итак, нам нужно духовное упражнение. Первого рода упражнение не приносит выгоды и только несколько пользы доставляет телу, а упражнение в благочестии приносит плод и в будущей жизни: и здесь и там доставляет утешение. *Верно слово.* То есть истинно, что как здесь, так и там. Смотри, что он везде вводит это (выражение): не имеет нужды в особенном приготовлении, а выражается прямо, — потому что он обращает речь свою к Тимофею. Следовательно, и здесь мы пребываем в добром уповании. Действительно, тот, кто не знает за собой никакого преступления и творит бесчисленные добрые дела, радуется и в настоящей жизни. Напротив, человек порочный не только там, но и здесь несет наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодеи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостью взирая на само солнце? Неужели это жизнь? Нет, это скорее тяжкая смерть. *На сие бо,* говорит, *труждаемся* и *поношаеми, есмъ, яко уповахом на Бога жива, иже естъ Спаситель всем человеком, паче же вернъм* (ст. 10). Как бы так говорит: ради чего мы изнуряем себя, если не ожидаем будущих благ? Ради чего все поносят нас? Разве не такие бедствия, говорит, мы перенесли? Разве не оскорбления, не клевету и не другие бесчисленные несчастья? Неужели все это мы напрасно переносили? Если бы мы не уповали на живого Бога, то зачем бы нам и подвергаться этому? Если здесь Он спасает неверных, то тем более там спасет верных. О каком спасении говорит он? О небесном. *Иже естъ,* говорит, *Спаситель всем, паче же вернъм.* То есть обнаруживает великую заботливость о верных. До сих пор он говорит о земном. Но каким образом, спросишь ты, Он есть Спаситель верных? Если бы Он не был Спаситель, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют. Здесь (апостол) возбуждает Тимофея к перенесению опасности, чтобы он не падал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охот-

но все переносил с мужеством. Так и алчущие житейских благ, надеясь получить прибыль, решаются на многое. Итак, наступают уже последние времена. В *последняя времена*, говорит, *отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестию, возбраняющих женитися*. Итак, что же, спросишь ты? Разве мы не возбраняем вступать в брак? Нисколько, мы не возбраняем тем, которые желают этого, но нежелающих вступать в брак уговариваем хранить девство. Иное дело – возбранять, и иное – оставлять каждого господином своей воли. Тот, кто возбраняет, делает это без всякого ограничения; а тот, кто советует хранить девство, как нечто более возвышенное, не воспрещает вступать в брак, но уговаривает пребывать в девстве. *Возбраняющих женитися, удалятися от брашен, яже Бог сотвори в снедение со благодарением верным и познавшим истину*. Прекрасно сказал: *познавшим истину*. Следовательно, прежние (запрещения) имели другое значение, так как нет ничего нечистого по природе, но становится таким вследствие убеждения приемлющего. И в самом деле, для чего многие яства были им запрещены? Для искоренения в них излишнего пресыщения. Но если бы он сказал: не ешьте во избежание пресыщения, то они не приняли бы этого; между тем ныне обращает им это в закон необходимости, чтобы вследствие большого опасения они скорее воздерживались. Всякому известно, что рыба более нечиста, нежели свиное мясо, – и несмотря на то им не было запрещено употребление ее. А насколько гибельно было для них пресыщение, послушай, что говорит Моисей: *яде*, и *уты*, и *утолсте, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Есть, впрочем, и другая причина. Именно, чтобы они, будучи приведены в стеснительное положение, наконец обратились к волам и стали закалывать овец, он не без основания, ради Аписа и тельца, возбранил употребление всего прочего: этот последний нечист, неприятен, отвратителен и скверен.

3. Это проповедуй, этому поучайся: выражение *питаешь словесы веры* такое именно имеет значение. Не только других наставляй, говорит, но и сам упражняйся в этом:

питаемь, говорит, *словесы веры и добрым учением, емуже последовал еси. Скверных же и бабиих басней отрицайся.* Почему он не сказал: воздерживайся от таковых, но: *отрицайся?* Через это он показывает, что окончательно нужно избегать их. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними, но только своим заповедуй это. Действительно невозможно, чтобы состязающийся с развращенными имел когда-либо успех, кроме того случая, когда предвидим какой-либо вред оттого, что мы, будто по (сознанию) нашей немощи, отказываемся от собеседования с ними. *Обучай же себе ко благочестию,* то есть к жизни чистой, самому лучшему поведению. Тот, кто занимается телесными упражнениями, даже и не во время состязаний, как ратоборец все делает, от всего воздерживается, вступает в борьбу, переносит тяжелый труд. *Обучай себе ко благочестию,* говорит. *Телесное бо обучение вмале полезно есть, благочестие же на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго.* И для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном упражнении? Для того, чтобы через сравнение показать превосходство духовных подвигов, — потому что первое (телесное упражнение), будучи соединено с большими трудами, не приносит ни пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить, а последние (духовные подвиги) приносят неизменную и обильную (пользу): подобным образом и (женщинам) заповедует он: *да украшают себе, не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными, но еже подобает женам обещавающимся благочестию, делы благими* (1 Тим. II, 9–10). *Верно слово и всякаго приятия достойно. На сие и труждаемся и поношаеми есмы.* Павел переносил оскорбления, а ты негодуешь, принимая обиды? Павел трудился, а ты желаешь пресыщаться? Но и он, если бы пресыщался, не получил бы столь великих благ. Если мирских стяжаний — и временных, и тленных — никогда не приобретают люди без трудов и пота, то тем более духовных. Без сомнения, скажешь ты; но часто многие получали их по наследству. Но если и получают их таким образом, то сбережение и сохранение их не обходится без трудов, напротив, (и при этом) нужно трудиться и

изнуряться не менее тех, которые приобретают их посредством труда. Между тем я не говорю уже о том, что многие, после трудов и различных неудач, были обмануты в своих ожиданиях, при самом входе в пристань, потому что налетал откуда-то ветер и производил крушение, когда близко было осуществление надежды (на получение) благ. А у нас ничего такого не бывает, — Сам Бог дает обетования и *упование не посрамит* (Рим. V, 5). Разве вы сами, которые занимаетесь житейскими делами, не знаете того, сколь многие после бесчисленных трудов не пользовались их плодами или потому, что часто смерть преждевременно похищала их, или вследствие перемены обстоятельств, или по причине случившейся с ними болезни, или по наущению клеветников, или по другой какой-либо причине (многое ведь случается в делах человеческих), которая оставляла их с пустыми руками?

Как, спросит кто-либо? Разве не видишь тех, которые имели успех и без больших трудов стяжали великие блага? Какие блага? Деньги, дома, столько-то десятин земли, толпу рабов и кучи серебра и золота? Это ли называешь благами? И не совестишься, не стыдишься ты — человек, которому дана заповедь любомудрствовать о небе, а между тем ты алчешь земных стяжаний и называешь благами то, о чем не стоит даже говорить ни одного слова? Если это — блага, то, конечно, и тех, которые стяжали их, следует называть благими. Да и каким образом не благ тот, кто имеет нечто благое? Итак, что же, скажи мне? Если стяжавшие их бывают жадны к приобретению, похищают, то ужели назовем их благими? Если богатство есть благо и между тем оно накопляется вследствие корыстолюбия, то чем более оно будет возрастать, тем более послужит причиной того, что владеющего им будут считать благим. Ужели после этого и корыстолюбец благ? Если же богатство есть благо и умножается вследствие корыстолюбия, то тот будет лучше, кто больше таким образом приобретет. Замечаешь ли противоречие? Но если он не будет корыстолюбив, скажешь ты? А каким же образом это может случиться? Страсть эта пагубна, и невозможно разбогатеть тому, кто не делает не-

справедливости. На это и Христос указывает, говоря: *сотворите себе други от мамоны неправды* (Лк. XVI, 9). Но что, скажешь ты, если кто-нибудь от отца получил наследство? Он получил собранное неправдой. Ведь, без сомнения, не от Адама предок его был богат, но, конечно, многие другие прежде него являлись на свет и между многими мог найтись такой, который незаконно похитил и воспользовался тем, что принадлежало другим. Итак, что же? Неужели Авраам, скажешь ты, имел неправедно приобретенное богатство? И что (сказать) об Иове, который был непорочен, праведен, истинен, богобоязлив, который удалялся от всякой злой вещи? Богатство их состояло не в золоте, не в серебре, не в зданиях, а в скоте; иначе говоря – богатство это было от Бога. А что богатство его состояло из скота, это видно из того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось с тем блаженным, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказал, что (враги), придя, расхитили у него золотые сокровища. Кроме того, и Авраам тоже был богат, но рабами. Что же? Неужели он не купил их? Нет; поэтому и замечает Писание, что у него было триста восемнадцать домочадцев. Сверх того, ему принадлежали и овцы, и волы. Откуда же он взял золото, посланное к Ревекке? Получил дары из Египта, – не вследствие насилия или какой-либо несправедливости.

4. Поэтому, скажи мне, откуда ты приобрел богатство? От кого ты получил его? А другой откуда взял? От деда, скажешь ты, от отца. Но можешь ли ты, восходя через длинный ряд поколений, доказать таким образом, что имущество это законно приобретено? Никак не можешь этого сделать. Напротив, начало и корень его непременно должны скрываться в какой-нибудь несправедливости. Почему так? Потому что сначала Бог не сделал одного богатым, а другого – бедным, и, приведя (людей), не показал одному многих золотых сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же поэтому образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли? Скажешь:

мне отец передал. А он от кого получил? Тоже от предков. Но постоянно восходя выше, непременно нужно найти начало. Иаков стал богат, но получая награду за труды. Впрочем, не стану заниматься подробными исследованиями этого. Положим, что богатство законно приобретено без малейшей примеси грабительства. Ты не виноват в том, что отец твой награбил: правда, ты владеешь тем, что приобретено посредством грабительства, однако сам ты не грабил. Согласимся, впрочем, даже и на то, что и он не грабил, но владел золотом откуда-либо из земли добытым. Что же из этого? Ужели богатство есть благо? Нисколько. Но оно и не зло, скажешь ты. Если оно не есть плод любостяжания, то не зло, и притом, если раздают его нуждающимся; если же не раздают его, то становится злом и коварством. Но скажешь: до тех пор, пока человек не сделал зла, он не зол, хотя бы и не делал добра. Прекрасно. Но разве это не зло, что один владеет тем, что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием? Не Божия ли земля и исполнение ее? Поэтому, если наши блага принадлежат общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно, всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежат всем; мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы хотя таким образом пристыдить человеческий род, как то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды, — разделил между всеми поровну, как будто между братьями. Для всех Он создал одинаковые глаза, одинаковое тело, одинаковую душу; всем дал одинаковое устройство, все из земли (произвел), всех от одного мужа, всех поставил в одном и том же доме. Но все это нисколько не послужило к нашему обращению. И другое соделал Он общим, как то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем,

не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходит распря, как будто вследствие того, что сама природа негодует на то, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся разъединиться между собой, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: «это твое, а это мое». Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение (вещами), и оно более согласно с самой природой. Отчего никто никогда не заводит тяжбы о владении площадью? Не потому ли, что она принадлежит всем? Между тем видим, что о домах, об имениях все заводят тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится в общем владении всех, мы не наблюдаем общения во владении даже ничтожнейшими предметами. Между тем для того-то Бог и дал нам первое в общее употребление, чтобы мы научились из этого, что и последние должны быть у нас общими со всеми. Но мы и таким образом не вразумляемся. Впрочем, (возвращаюсь к тому) о чем я уже прежде говорил: каким образом владеющий богатством бывает благ? Конечно, он не благ, но он становится благим, когда раздает другим (свое богатство). Когда не имеет его, тогда он благ; и когда раздает другим, тогда тоже благ; а до тех пор, пока удерживает его при себе, он не бывает благим. Итак, добро ли то, с приобретением чего люди становятся злыми, а с лишением — благими? Поэтому не в том состоит добро, чтобы иметь деньги: напротив, неимение денег служит признаком доброго человека. Следовательно, не в богатстве состоит добро. Если, имея случай получить его, не возьмешь, то опять ты сделаешься добрым. Поэтому, если, имея богатство, раздаем его другим, или предложенного нам не берем, мы бываем добры, напротив, если берем или приобретаем его, становимся недобрыми, — то каким образом богатство может быть признано благом? Итак, не называй богатства благом. Ты потому не имеешь богатства, что считаешь его благом, что слишком удивля-

ешься ему. Очисти твой помысл, приобрети здравое суждение о вещах, – и тогда будешь благ. Узнай, что составляет истинные блага. Какие же это блага? Добродетель, человеколюбие. Благо вот это, а не богатство. Если, следуя этому правилу, будешь милостив, то чем будешь милостивее, тем лучше будешь и сам по себе, и во мнении других. Между тем, будучи богат, не приобретешь этого. Поэтому соделаемся в такой мере благими, чтобы мы на самом деле были благими и сподобились получить будущие блага о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Завещавай сия и учи. Никтоже о юности твоей да нерадит, но образ буди верным словом, житием, любовию, верой, чистотою. Дондеже прииду, внемли чтению, утешению, учению. Не неради о своем даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества (1 Тим. IV, 11—14)

1. При устроении человеческих дел иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобой то же самое. Например: что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особенной силой; равно как и то следует приказывать, что не нужно придерживаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет Павел оба эти выражения: *завещавай и учи.* Например, если кто носит привески или что-нибудь подобное и делает это, зная, что это – зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; а когда не зная того, – наставление. *Никто о юности твоей да нерадит,* говорит. Видишь ли, что священник должен и приказывать и

говорить с властью, а не все учить? Так как юность вследствие общего предрассудка некоторым образом сделалась чем-то легко презираемым, то (апостол) и говорит: *никтоже о юности твоей да нерадит.* Учитель не должен находиться в пренебрежении. Где же (обнаружит он) скромность, скажешь ты, где кротость, если никогда не испытает пренебрежения? В тех вещах, которые лично его касаются, пусть он подвергается пренебрежению и пусть переносит его, — таким образом долготерпение содействует успеху учения; а в том, что касается других, — нет, потому что это уже будет не кротость, но равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или за наветы, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полной властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть, чтобы не произошло вреда для общества. Или это хочет сказать (апостол), или следующее: пусть никто не презирает тебя из-за твоей юности, то есть до тех пор, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет пренебрегать тебя за возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе.

Поэтому и прибавляет он следующие слова: *но образ буди вернъм словом, житием, любовъю, верою, чистотою;* во всем подавай собой пример добрых дел. То есть сам будь первообразом в жизни, являясь перед другими как образ, как одушевленный закон, как правило и устав доброй жизни. Таков должен быть учитель. *Словом,* — чтобы без затруднения вступать в собеседование. *Житием, любовию, верою, чистотою* истинной, — целомудрием. *Дондеже прииду, внемли чтению, утешению, учению.* Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем этого все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Вот опять говорит: *дондеже прииду.* Видишь ли, как он утешает его? Вероятно, и он сам (Тимофей), как осиротелый, искал этого. *Дондеже прииду,* говорит, *внемли чтению* Божественных Писаний, *утешению* взаимному, *учению* (обращенному) ко всем. *Не неради о даровании твоем, еже дано тебе быстъ пророчеством.* Пророчеством называет здесь звание учителя. С *возложением рук священничества.* Не о пресвитерах говорит он здесь, а о епископах,

потому что не пресвитеры рукополагали епископов. *В сих поучайся, в сих пребывай* (ст. 15). Смотри, как часто он наставляет его в одном и том же, желая показать, что учителю больше всего должно стараться об этом. *Внимай себе,* говорит, *и учению, пребывай в них* (ст. 16). То есть будь внимателен к самому себе и других учи. *Сия бо творя и сам спасешися и послушающии тебе.* Хорошо сказал: *и сам.* Тот, кто питает себя словом учения, прежде сам извлекает отсюда пользу, потому что, уча других, и себя приводит в умиление. Впрочем, не к одному Тимофею это сказано, но ко всем. А если (апостол) дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то что скажем мы? Но и Христос на учителей указывает, когда говорит, что царствие небесное подобно *человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. XIII, 52). И опять блаженный Павел, то же самое заповедуя, говорил: *да терпением и утешением Писаний упование имамы* (Рим. XV, 4). И более всех он сам исполнял это, будучи наставляем в отеческом законе, при ногах Гамалиила, так что весьма вероятно и после того он занимался чтением, и тот, кто другим давал такое наставление, прежде самого себя побуждал к этому. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – а немаловажная польза проистекает от Писаний, – то ужели мы будем лениться и рассеянно слушать его? И какого наказания мы не будем достойны? *Да преспеяние твое,* говорит, *явлено будет о во всех* (ст. 15).

2. Видишь ли, что (апостол) желал, чтобы он (Тимофей) я в этом был велик и достоин удивления? Поэтому говорит таким образом, показывая, что он еще имел в нем нужду. Что значит: *да преспеяние твое явлено будет во всех?* Не в жизни только, говорит он, но и в слове назидания. *Старцу не твори пакости* (V, 1). Не говорит ли он здесь о сане (пресвитерском)? Не думаю, но о всяком престарелом человеке. Отчего же (не поступать с ним так), если он будет иметь нужду в исправлении? *Не твори пакости,* говорит, но так с ним беседуй, как бы ты относился к отцу согрешающему. *Старицы якоже матери, юноши якоже братию, юныя яко-*

же сестры, со всякою чистотою (ст. 2). По самому существу дела это, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности, когда это случается с престарелым человеком; а если (замечания делаются) к тому же юношей, то это становится втройне безрассудным. Поэтому и нужно смягчать (обличение) кротостью и дружелюбием. Можно ведь обличать без жестокости, если кто захочет упражняться в этом: только для этого требуется большое благоразумие, – однако это возможно. *Юноши*, говорит, *якоже братию*. Зачем и здесь заповедует это? Опять с той целью, чтобы припомнить свойственную этому возрасту дерзость. Итак, и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости. *Юныя*, говорит, *якоже сестры*, и прибавляет: *со всякою чистотою*. Не только, говорит, ты должен признавать грехом соитие, но даже, говорит, ты должен не давать повода к подозрению. Так как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то он прибавляет: *со всякою чистотою*, показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякой чистотой. Что ты говоришь, скажи мне? Неужели Тимофею заповедуешь это? Да, отвечает он, потому что через него я говорю всему миру. Если же Тимофею заповедует это, то пусть подумают все другие, каков должен быть (епископ), чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать. *Вдовицы чти, сущия истинныя вдовицы* (ст. 3). Отчего не говорит ничего о девстве, отчего не говорит: почитай дев? Оттого, мне кажется, что тогда их и не было, или были такие, которые пали. *Се бо некия*, говорит, *развратишася в след сатаны* (1 Тим. V, 15). *Вдовицы, чти, сущия истинныя вдовицы*, говорит. Следовательно, можно не иметь мужа, и еще не быть вдовой. Подобно тому, как дева не через то становится девой, что она не сочеталась браком, но требуется и многое другое – непорочность, прилежание, так и вдовой делает не одна только кончина мужа, но терпение с целомудрием и совершенное уединение. Таких вдовиц он заповедует почитать, – и справедливо, потому что они достойны великого уважения, живя одинокими и не имея мужей, которые бы заступались за них. Состо-

яние это многим кажется зазорным и достойным порицания. Поэтому он желает, чтобы она у священника пользовалась великим уважением, и не только по этой причине, но и потому, что она достойна (уважения). *Аще же кая вдовица чада или внучата имать, да учатся прежде свой дом благочестиво устроити и взаем воздаяти родителем* (ст. 4). Примечай благоразумие Павла, как часто он увещает, обращаясь к человеческим соображениям. Здесь он не упомянул о чем-либо великом и возвышенном, но о том, что для всех удобопонятно. *И взаем,* говорит, *воздаяти родителем.* За что? За воспитание, за возращение. Например, – ты пользовалась великим попечением; они скончались, и ты не могла заплатить им долг, – ведь в самом деле не ты их родила, не ты воспитала. Итак, заплати им во внуках, воздай долг через сынов. *Да учатся,* говорит, *первее свой дом благочестиво устроити.* Проще сказать, он здесь говорит о добрых делах. Потом, чтобы более побудить к этому, прибавляет: *сие бо есть благоугодно пред Богом.* Так как (апостол) сказал: *сущия истинныя вдовицы,* то теперь он показывает, кто истинная вдовица. *А сущая истинная вдовица и уединена уповает на Бога и пребывает в молитвах и молениих день и нощъ: питающаяся же пространно жива умерла* (ст. 5–6). Если которая-нибудь, говорит он, будучи вдовой, не обратилась к мирской жизни, то она истинная вдовица, которая уповает на Бога, как следует, упражняется в молитве, проводит в ней день и ночь, та вдовица. Не говорит, что та, которая имеет детей не вдова, – он и ее хвалит, если она воспитает детей, как следует, – но (говорит): если которая не имеет детей, то есть пребывает в одиночестве. Далее он утешает ее в том, что она не имеет детей, говоря, что в том особенно и заключается преимущество вдовицы, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастья, какое приносят дети: взамен всего она имеет Бога. Та, которая не имеет детей, не хуже других; но этим утешением восполняет то, чего ей недостает вследствие того, что у нее нет детей. Поэтому сказанное имеет такой смысл: не скорби, когда услышишь, что должно воспитывать детей, и между тем у тебя их нет, и не думай, будто этим унижается твое досто-

инство. Ты истинная вдова. Вдова же, *питающаяся пространно, жива умерла.*

3. Так как многие женщины, имеющие детей, избирают вдовство не для того, чтобы лишить себя удовольствий жизни, а для того, чтобы более привязаться к ним, чтобы с большей независимостью делать все и больше отдаваться мирским похотям, то он поэтому говорит: *питающаяся же пространно жива умерла.* Что ты говоришь? Разве женщина-вдова не должна искать наслаждений? Нет, говорит он. Итак, если та, которая и по природе, и по возрасту более немощна, не только не имеет нужды в наслаждении, но даже соделывается причастной смерти, и притом смерти вечной, то что скажут на это мужчины, которые предаются наслаждениям? Справедливо говорит: *питающаяся же пространно жива умерла.* Но чтобы тебе знать, внимательно посмотрим, какие поступки свойственны живым и какие мертвым, и куда мы должны отнести ее. Живые делают то, что имеет отношение к жизни, жизни будущей, истинной. А что имеет отношение к будущей жизни, о которой мы должны постоянно заботиться, послушай Христа, Который говорит: *приидите, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя* (Мф. XXV, 34, 35). Живые отличаются от мертвых не тем только, что смотрят на солнце и дышат воздухом, — не этим, говорим мы, а тем, что совершают что-нибудь доброе. Если же этого не исполняют, то становятся ничем не лучше мертвых. И чтобы ты узнал это, послушай, как и мертвый может жить. *Несть,* говорится, *Бог мертвых, но Бог живых* (Мф. XXII, 32). Но это, скажешь, опять загадка. Поэтому разрешим и то, и другое. Всякий, будучи жив, становится мертвым, когда проводит жизнь в наслаждении. Отчего? Оттого, что он живет для одного чрева, а для прочих чувств — нисколько; например, — не видит того, что должно видеть, не слышит того, что должно слышать, не говорит того, что должно говорить, вообще не делает того, что делают живые; но подобно тому, как распростертый на одре, смежив глаза и закрыв веки, вовсе не ощущает того, что кругом его находится, так и этот, или скорее — не так,

а гораздо хуже, потому что первый и к добру и ко злу равно нечувствителен, а последний ощущает только одно, именно — зло, а для добра, подобно лежащему (мертвецу), неподвижен. Следовательно, таким образом он и становится мертвым. Его не трогают никакие блага будущей жизни: между тем пьянство, заключив его в свои недра, как бы в какое темное и мрачное убежище и пещеру, полную всякой нечистоты, постоянно заставляет его вращаться во тьме, как мертвых. В самом деле, когда он проводит все время или в обедах, или в пьянстве, то ужели он не во тьме пребывает? Ужели он не мертв? И даже в утреннее время, когда он, по-видимому, трезв, он не бывает вполне трезвым, отчасти потому, что вечернее вино еще не истощилось и не испарилось в нем, отчасти и потому, что им овладевает сильное желание будущих (наслаждений) и что он всегда проводит утро и полдень на пиршестве, и всю ночь и даже большую часть утра в глубоком сне. Скажи мне: ужели такого мы причислим к живым? Кто в состоянии описать ту жестокую бурю, которая поднимается вследствие пресыщения и устремляется равно на душу, как и на тело? Подобно тому, как сплошная густая туча не дает воссиять лучам солнца, так и пары, которые источают вино и пресыщение, подобно некоему утесу, ударяя в мозг и образуя там густой туман, не позволяют рассудку получить больше простора и погружают пьяного в великий мрак. Подумай, какая же воздвигается буря в душе того, кто испытывает это! Какое смятение! Как во время наводнения, когда вода начинает подниматься выше преддверий мастерских, мы видим, что живущие внутри дома приходят в смятение, и (пускают в дело) и почерпала, и амфоры, и губки, и многие другие средства придумывают для того, чтобы вычерпать (воду), чтобы она не разрушила основания (дома) и всех сосудов не сделала бесполезными, — так и в душе, когда она преисполняется излишних наслаждений, приходят в смятение помыслы, и когда не в силах удалить накопившегося, вследствие того, что опять нечто новое привходит, воздвигается жестокая буря. Не взирай, умоляю тебя, на светлое, радостное лицо, но исследуй то, что происходит

внутри души, – и ты увидишь, какой великой скорби она преисполнена. Если бы можно было, выдвинув душу наружу, взглянуть на нее телесными очами, тогда ты увидел бы душу сластолюбца уничиженной, скорбной, опечаленной и изнемогающей. В самом деле, чем больше тело питается и тучнеет, тем больше душа истощается и становится немощной. Чем больше изнеживается первое, тем глубже зарывается в землю последняя. И подобно тому, как в зенице ока, когда с наружной стороны окружающие ее покровы бывают толсты, не может отразиться предмет, подлежащий зрению, и его нельзя увидеть, потому что луч отражается от толщины покрова и вследствие этого часто происходит тьма, – так и тело, когда оно постоянно питается, очевидно покрывается излишней тучностью. Ты, быть может, скажешь, что мертвые гниют, истлевают и из них обильно истекает гной. Но то же самое можно видеть и в сластолюбцах: скопление дурных мокрот, флегму, насморк, одышку, рвоту, отрыжку, – остальное, о чем стыдно даже говорить, я уже оставляю без внимания. Так-то велика власть сластолюбия, – оно заставляет нас делать даже то, о чем не смеем и говорить.

4. Неужели еще станешь спрашивать, каким образом тело расплывается во все стороны? Разве (не от того), что оно ест и пьет? Но это еще не составляет признака человеческой жизни, потому что и бессловесные едят и пьют. Когда душа лежит, как мертвая, то какую пользу приносит ей пища и питье? Подобно тому, как телу, когда оно лежит мертвым, не приносят нисколько пользы цветные одежды, покрывающие его, так и мертвая душа не получает ни малейшей пользы от того, что ее окружает цветущее тело. В самом деле, когда она постоянно ведет речь о поварах, о прислуживающих за столом, о хлебопеках, и никогда не беседует о благочестии, то ужели она не мертва? Посмотрим, впрочем, что такое человек. Внешние говорят: человек есть животное разумное, смертное, одаренное умом и знанием. Но мы не от них позаимствуем определение, – а откуда? Из Божественного Писания. Итак, где Писание приводит определение человека? Послушай, что оно говорит. *Бе человек праведен, истинен, богочестив, удаляяйся от вся-*

кия лукавыя вещи (Иов. I, 2). Вот это человек. И опять другой говорит: *велика вещь человек и драгая муж милостивый* (Притч. XX, 6). Между тем тех, которые не таковы, хотя они наделены разумом и обладают беспредельным знанием, Писание не называет людьми, но псами, конями, ехиднами, змеями, лисами, волками, и всем, что только есть самого презренного между зверями. Если поэтому таков должен быть человек, то, очевидно, сластолюбец не человек. В самом деле, как может быть человеком тот, кто не заботится ни о чем подобном? Нельзя ведь соединить вместе сластолюбие и трезвость, – одно из этих свойств уничтожается другим. И внешние говорят то же, – что толстое брюхо не рождает тонкого ума. Кроме того, Писание иногда называет (таких) людей бездушными: *не имать пребывати Дух мой в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Конечно, они имеют душу; но так как она у них мертва, то и названы плотью. Как о добродетельных мы говорим: весь – душа, весь – дух, хотя они имеют тело, так и о порочных должно сказать противное. Поэтому и Павел говорит: *вы несте во плоти* (Рим. VIII, 9), так как они не творили дел плоти. Следовательно, сластолюбцы не имеют ни души, ни духа. *Питающаяся же пространно жива умерла,* говорит. Послушайте – вы, которые все время проводите на пиршествах и в пьянстве и которые презираете бедных, томящихся и умирающих от голода в то время, когда вы постоянно умираете от наслаждений. Вы становитесь причиной двух смертей, – одной, которая постигает этих несчастных, и другой, которая убивает вас самих, и притом и та и другая есть следствие неумеренности. Напротив, если бы вы своим избытком восполнили их скудость, то вы спасли бы две жизни. Зачем ты расширяешь свое чрево пресыщением? Зачем изнуряешь бедного скудостью? Одно сверх меры утучняешь, а другое сверх меры истощаешь? Помысли, что выходит из яств, во что они обращаются и чем становятся. Но ты, даже слыша об этом, приходишь в негодование? Так зачем же ты заботишься о том, чтобы больше накопилось этого? Ведь избыток пресыщения не что иное, как умножение помета. Природа знает меру, и то, что превос-

ходит ее, уже не пища, а скорее нечистота и помет. Питай тело, не умерщвляй его. Потому она и называется пищей, чтобы мы питали тело, а не губили его. Для того, я думаю, пища и испытывает такое превращение, чтобы мы не возлюбили пресыщения. А если бы этого не было, если бы это не приводило к чему-то, не приносящему никакой пользы, и не становилось бы пагубным для тела, то мы не переставали бы пожирать друг друга. Если бы чрево, принимая в себя столько, сколько бы мы ни захотели, все переваривало и передавало телу, то ты увидел бы бесчисленные войны и споры. В самом деле, если даже теперь, когда из пищи одна часть обращается в помет, а другая – в бесполезную и зловредную кровь и влагу, мы предаемся сластолюбию и нередко тратим все свое состояние на один только стол, то чего бы ни делали, если бы не к этому приводило нас сластолюбие? Чем больше мы предаемся сластолюбию, тем больше исполняемся зловония, когда тело, подобно меху, со всех сторон раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, расстраивает мозг близ стоящих, когда из тела со всех сторон истекают смрадные пары, как бы из печи, вследствие сильного накаливания, исполненной внутри зловония. Если же внешние члены в такое приходят расстройство, то что, по твоему мнению, должен испытывать внутри мозг, будучи беспрестанно помрачаем испарениями? В каком положении находятся ручьи кипящей крови, когда ей преграждают свободное обращение? Чему подвергаются другие внутренности – печень и селезенка? Что испытывают сами вместилища помета? И хуже всего то, что о (настоящих) вместилищах помета мы заботимся, чтобы они не засорялись и не извергали помета вверх, для того употребляем всевозможные меры, и шестами подталкиваем, и лопатами раскапываем; между тем вместилищ нашего чрева мы не только не очищаем, но даже засоряем и загромождаем, и никакого не обращаем внимания на то, что помет поднимается кверху, туда, где сам царь, то есть мозг, имеет свое пребывание. Мы делаем все это потому, что взираем на него не как на досточтимого царя, а как на какого-нибудь нечистого пса. Бог для того и поместил вда-

ли эти члены, чтобы от них ничто не терпело вреда. Но мы противодействуем этому и все растлеваем неумеренностью. И кто может исчислить другие, проистекающие отсюда бедствия? Затвори стоки вместилищ (нечистот), – и ты увидишь, что тотчас появится зараза. Следовательно, если отвне встретившееся зловоние рождает заразу, то ужели то, которое находится внутри и со всех сторон окружено тесными пределами тела и нигде не имеет стока, не причиняет бесчисленных болезней как душе, так и телу? И ужаснее всего то, что многие негодуют на Бога, говоря: что это такое? Он Сам определил, чтоб мы носили в себе помет. А между тем сами умножают помет. Но Бог для того так устроил, чтобы по крайней мере таким образом отвратить нас от сластолюбия, чтобы по крайней мере через это убедить нас в том, что мы не должны прилепляться к мирским благам. А ты, невзирая и на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбию, но даже до самого горла, даже до следующего обеденного времени, даже долее, нежели продолжается самое наслаждение, продолжаешь пресыщаться. Разве не прекращается удовольствие сейчас, как скоро (пища) пройдет через язык и гортань? Ощущение состоит во вкушении, а после этого оно прекращается, и наступает состояние великого неудовольствия, вследствие того, что желудок или вовсе не переваривает принятую пищу, или делает это с великим трудом. Справедливо поэтому сказал (апостол): *питающаяся пространно жива умерла.* Действительно, душа, преданная сластолюбию, не может ничего ни слышать, ни говорить. Она становится изнеженной, вялой, робкой, несвободной, боязливой, исполненной лютости, неведения, лести, ярости, лености, – полной всех пороков и чуждой противоположных им добродетелей. Вследствие этого и говорит (апостол): *и сия завещавай, да непорочни будут* (ст. 7). Видишь ли, что предписание это принимает вид закона? Он не представляет этого свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтобы не пресыщались, потому что это явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. *И сия завещавай,* говорит, *да непорочни будут.* Ви-

дишь ли, что это отнесено к числу грехов? Между тем то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому, повинуясь Павлу, и мы будем заповедовать, что вдовицы, которые преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа вдовиц. В самом деле, если воин, который занимается банями, театрами и торговлей, подвергается осуждению наравне с беглецом, то тем более это должно сказать о вдовицах. Не будем же здесь искать покоя, чтобы там обрести его. Не будем здесь предаваться наслаждению, чтобы там вкусить истинного наслаждения, истинного удовольствия, которое не причиняет никакого зла и заключает в себе бесчисленные блага, коих да сподобимся мы все получить о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Аще же кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отверглся есть, и неверного горший есть (1 Тим. V, 8)

1. Многие полагают, что для спасения им довольно собственной добродетели и что если они хорошо будут располагать своей жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно. И это доказал тот, который закопал один талант, принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил. То же доказывает и здесь блаженный Павел, когда говорит: *аще же кто о своих не промышляет.* Попечение разумеет всякое – и о душе, и о теле, так как и последнее тоже есть попечение. Тот, кто не печется *о своих, паче же о присных,* то есть принадлежащих к его роду, *невернаго горший есть.* Это говорит и Исаия, глава пророков: *свойственных племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7). Действительно, как может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собой рода и свойственников своих? Не назовут ли все тщеславием то, когда кто, благодетельствуя

чужим, презирает и не щадит своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? *И невернаго,* говорит, *горший есть.* Почему? Потому что последний, если и презирает чужих, то по крайней мере не презирает близких себе. Сказанное (апостолом) имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отрекся от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отрекся от веры? *Бога,* говорит, *исповедуют ведети, а делы отмещутся его* (Тит. I, 16). Между тем что заповедует Бог, в Которого веруем? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем об этом все, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу. Поэтому, если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры? Итак, не в том состоит вера, чтобы веровать только исповеданием, но нужно еще являть праведные дела. Можно и во всяком деле веровать, и не веровать. Сказав о пресыщении и сластолюбии, (апостол) говорит, что она не оттого только погибает, что пресыщается, но и оттого, что принуждена бывает презирать ближних. И говорит это справедливо, потому что та, которая жила для чрева, оттого и погибла, что отверглась веры. Но почему становится хуже неверного? Потому что не все равно — презирать ближнего и дальнего. Отчего же? Оттого, что гораздо зазорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, — друга, нежели недруга.

Вдовица да причитается не меньши лет шестидесятих, бывши единому мужу жена, в делех добрых свидетельствуема (ст. 9–10). (Апостол) говорил: да *учатся прежде свой дом благочестиво устроити и взаем воздати родителем,* — говорил, что *питающаяся пространно жива умерла,* — говорил: *аще кто о присных не*

промышляет, невернаго горший есть, — говорил, что которая этого не имеет, та недостойна занимать место в числе вдовиц. А теперь он говорит, что должна она иметь. Что же? Разве будем судить о ней по летам? Какая же в этом заслуга? Ведь не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если бы она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам). Почему он с такой точностью определяет возраст, причину этого указывает после, основываясь не на своем только соображении, но на положении самих вдовиц. Пока же выслушаем дальнейшие слова. *В делех,* говорит, *добрых свидетельствуема.* В каких делах? *Аще чада воспитала есть* (ст. 10). Поистине, немаловажное это дело — воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, чтобы просто только кормить детей, а воспитать, как должно, подобно тому как и выше сказал (апостол): *аще пребудут в вере и любви и во святыни* (1 Тим. II, 15). Видишь ли, как везде он ставит благодеяния, оказанные близким, выше оказываемых чужим? Прежде говорит: *аще чада воспитала есть,* а потом: *аще странныя прият, аще святых нозе умы, аще скорбным утешение бысть, аще всякому делу благу последовала есть* (ст. 10). Но что, если она бедна? И тогда она не лишается возможности ни воспитывать детей, ни принимать странников, ни утешать скорбных. Она не беднее той, которая положила два обола. Допустим, что она бедна, однако она имеет дом, живет не на открытом воздухе. *Аще святых,* говорит, *нозе умы.* Это не требует издержек. *Аще всякому делу благу последовала есть.* Какую заповедь здесь он дает? Он заповедует оказывать вещественное пособие, так как женщины особенно способны прислужить, постлать постель, успокоить.

2. О, какого великого совершенства требует он от вдовицы! Почти такого же, как и от лица, облеченного епископским саном, — потому что выражение *аще всякому делу благу последовала есть* имеет такой смысл, что если она сама не могла этого сделать, то по крайней мере принимала участие, служила. Отсекая роскошь, (апостол) хочет, чтобы она была заботлива, распорядительна, постоянно пребыва-

ла на молитве. Такова была Анна. Смотри, он требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от этих последних требовал великого совершенства и высокой добродетели, — именно, сказав: *благообразию и благоприступанию Господеви безмолвну* (1 Кор. VII, 35), он как бы в общих чертах обозначает всякую добродетель. Видишь ли, что для того, чтобы сделаться вдовицей, не довольно не вступать во второй брак, но нужно и многое другое? В самом деле, отчего, скажи мне, убеждает ее не вступать во второй брак? Разве он осуждал это? Нет; это свойственно только еретикам. Но он хотел, чтобы она после того упражнялась в подвигах духовных и обратилась к добродетели: а брак, хотя и не нечист, однако соединен с заботами. Поэтому сказал: да упражняются (см.: 1 Кор. VII, 5), не говорит: да очистятся. Действительно, брак причиняет много забот. Следовательно, если ты не вступаешь в брак потому, что хочешь упражняться в страхе Божием, и между тем не упражняешься, то не принесет тебе никакой пользы и то, что ты всячески служишь пришельцам и святым. Итак, когда ты не делаешь этого, то (очевидно) воздерживаешься от брака больше потому, что осуждаешь это дело. Так и девственница — если она не всецело сраспялась Христу — отвергает брак, потому что осуждает его, как скверный и нечистый. Видишь ли, что (апостол) гостеприимством называет не просто одно благорасположение, но соединенное со старанием, с добрым намерением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы (готовясь) принимать Самого Христа? Он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но делали это сами лично. *Аще убо аз,* говорит (Господь), *умых ваши нозе учитель,* тем паче *вы должни есте* делать это *друг другу* (Ин. XIII, 14). Хотя бы которая-нибудь из них была даже до бесконечности богата, хотя бы она достигла величайшей известности и превозносилась знатностью рода своих предков, но и тогда не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если ты принимаешь странника, как Христа, то нечего тебе стыдиться, напротив, даже хвались этим делом: если же принимаешь

его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. *Иже вас приемлет, мене приемлет,* сказал (Господь) (Мф. X, 40). Если ты не так принимаешь, не получишь и воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил, и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста восемнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женой получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг гостеприимства, делая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаешь нищему, не погнушайся дать сам: ведь даешь не нищему, а Христу. Между тем кто может быть столь жалок, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вот в чем состоит гостеприимство, вот что значит действительно делать ради Бога. А если ты с гордостью станешь распоряжаться, то хотя бы приказал (страннику) занять первое место, это не будет гостеприимством и не будет совершаться ради Бога. Странник имеет нужду и во многих услугах и в великом ободрении, так как трудно ему и после этого не краснеть. Так как дело по самой природе таково, что человек, приемлющий благодеяние, стыдится, то избытком услуг надлежит рассеивать его стыд и показывать и словом, и делом, что благотворящий не благотворит, а сам находит благо, и скорее получает благодеяние, нежели оказывает. Таким образом заслуга увеличивается вследствие свободного намерения. Подобно тому, как тот, кто думает, что несет убыток, все теряет, равно как и тот, кто думает, что благотворит, все теряет, так и тот, кто думает, что принимает благодеяние, еще больше приобретает. *Доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. IX, 7). Поэтому ты должен еще благодарить нищего за то, что он берет. Если бы не было нищих, то ты не освободился бы от множества грехов: они – врачи твоих язв, их руки предлагают тебе лекарство. Не в такой мере врач приносит тебе исцеление, когда протягивает руки и прикладывает лекарство, в какой мере снимает с тебя бремя твоих грехов нищий, когда про-

тягивает руку и принимает от тебя милостыню. Ты дал ему серебро, — и вместе с ним удалились твои грехи. Таковы и священники: *грехи людей моих*, говорится, *снедят* (Ос. IV, 8). Таким образом ты больше получаешь, нежели даешь, скорее принимаешь благодеяние, нежели благодетельствуешь; даешь взаймы Богу, а не людям, увеличиваешь богатство, а не уменьшаешь; уменьшаешь же, если не убавляешь его, если не даешь. *Аще странныя прият*, говорит, *аще святых нозе умы*. Каких именно святых? Тех, которые переносят скорби, а не вообще святых, потому что могут быть святые, пользующиеся от всех великими услугами. Не за теми ходи, которые живут в изобилии, а за теми, которых жизнь проходит в скорбях, в неизвестности, которых знают немногие. Кто сотворил, говорит Господь, *единому сих меньших, мне* сотворил (Мф. XXV, 40).

3. Не предоставляй предстоятелю Церкви разделять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служение; давай собственными руками, сама засей ниву. Здесь не нужно ни водружать плуг, ни запрягать волов, ни выжидать время, ни рассекать землю, ни бороться со стужей; этот посев избавлен от всех таких забот. Ты сеешь на небе, где нет ни стужи, ни зимы, ни чего-либо другого; ты сеешь в душах, откуда никто не похитит того, что посеяно, но где оно сохранится постоянно, и с великой заботливостью, и с великим тщанием. Сам сей. Для чего ты сам себя лишаешь награды? Великая бывает награда и за то, когда кто может распределять и достояние других. Награда бывает не только за то, когда кто дает, но и за то, когда хорошо распределяет данное другим. Почему ты именно не получаешь награды? А что и за это бывает награда, послушай, что говорит (Писание); поставили апостолы Стефана с прочими на служение вдовицам (см.: Деян. VI). Будь поэтому и ты распределителем твоих благ; на это поставляют тебя человеколюбие, страх Божий. Это избавляет от тщеславия, это утешает душу, это освящает руки, это усмиряет помысл, это учит любомудрию, это соделывает тебя более усердным, это дает тебе возможность снискивать благословение; ты отходишь, приемля на главу свою обиль-

ные благословения вдовиц. Соделайся более ревностным в молитвах, отыскивай святых мужей, – истинно святых, которые сидят в пустынях, которые не могут просить, прилепившись к Богу; соверши дальний путь, подай лично сам; сам и получишь много пользы, если подашь. Видишь ли кущу и временное пристанище? Видишь ли пустыню? Видишь ли уединенное место? Часто, отправившись в путь для раздачи денег, ты всецело предал душу, и был задержан, и стал пленником, и явился пришельцем в мире. Посещение нищих составляет тоже великое дело. *Благо,* говорится, *ходити в дом плача, нежели ходити в дом* смеха (Еккл. VII, 3). В последнем душа воспламеняется страстью, потому что если и ты можешь таким же образом пресыщаться, то получаешь побуждение к роскоши, а если не можешь – чувствуешь печаль. Напротив, в доме плача не бывает ничего такого: там, не имея возможности пресыщаться, не огорчаешься, а когда имеешь ее – воздерживаешься.

Воистину монастыри дома плача: там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни роя житейских забот, там пост, там возлежание на земле, там все удалено от запаха крови, от шума, смятения и людской суеты. Монастыри – тихая пристань. Они подобны светочам, которые, будучи помещены в пристани, с высоты светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине, не допуская тех, которые обращают взор свой на них, подвергнуться кораблекрушению, и тем, кто взирает на них, не позволяя пребывать во мраке. Иди к ним, дружески приветствуй, приступи, прикоснись к ногам святых: гораздо ведь почетнее прикасаться к их ногам, нежели к голове других людей. Скажи мне: если некоторые обнимают ноги статуй, потому что они вполне представляют царский образ, то ужели ты не обнимешь ног того, кто носит в себе образ Христа, чтобы получить спасение? Святы эти ноги, хотя и исхудалые; между тем у нечестивых даже голова не заслуживает уважения. Ноги святых имеют великую силу. Потому-то и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек, мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное этому. А святые – все те, кото-

рые имеют правую веру и живут благочестиво; они — святые, хотя бы не творили знамений и не изгоняли демонов. Иди к кущам святых. Искать убежища в монастыре святого мужа значит то же самое, что удаляться от земли на небо. Там ты не видишь того, что видишь дома: место это чисто во всех отношениях, там царствует молчание и глубокая тишина, там нет твоего и моего. Если же проведешь там день или два, то почувствуешь тогда еще больше удовольствия. Наступает день, или, лучше, перед наступлением дня пропел петух, — и там нет того, что бывает дома: слуги храпят, двери заперты, все спят, как мертвые, погонщик мулов звенит колокольчиками. Там нет ничего такого; но все, когда настоятель разбудит их, тотчас, с благоговением отложив сон, встают и, составив священный лик, становятся в ряд, и вдруг простирают руки горé и воспевают священные гимны. Они не нуждаются подобно нам во многих часах для того, чтобы разогнать сон и облегчить тяжесть в голове. Мы, когда встаем, сидим, долгое время вытягиваясь, и идем за нуждой; потом умываем лицо, руки; затем надеваем обувь и платье, — и времени у нас проходит много.

4. А там нет ничего такого: там никто не призывает слуги, потому что всякий сам себе может помочь, не требует многих одежд, не нуждается и в том, чтобы разогнать сон, но лишь только открыл глаза, вследствие трезвенной своей жизни, походит уже на того, кто долгое время бодрствовал. Действительно, когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается в земное, то оно не имеет нужды в долгом времени, чтобы воспрянуть, но тотчас является трезвенным. Руки их всегда чисты, потому что и сон их бывает благопристойным: там не услышишь ни храпящих, ни зевающих, не увидишь ни раскинувшегося во сне, ни обнаженного, но все спят, лежа благоприличнее, нежели бодрствующие. Все же это происходит от доброго настроения души. Они поистине святые — ангелы между людьми. И не удивляйся, слыша это, — великий страх перед Богом не позволяет впадать им в глубокий сон и погружать в него душу, но он (сон) как бы снаружи прикасается, только для успокоения их. А если таков их сон, то по необходимости

таковы должны быть и их сновидения, – они не бывают исполнены мечтаний и страшных видений. Но вот, как я сказал, пропоет петух, – и тотчас приходит настоятель и, ногой просто толкнув лежащего, поднимает всех, потому что там не позволяется спать нагим. Встав, они тотчас становятся в ряд и с великим согласием и мелодической стройностью поют пророческие гимны. Ни гусли, ни свирель, ни иное какое-либо музыкальное орудие не издает такого звука, какой можно слышать в глубокой тишине и в пустыне, когда поют эти святые люди. И сами эти песни плодотворны и исполнены любви к Богу. *В нощех,* говорится, *воздежите руки ваша* к Богу (Пс. CXXXIII, 2), и опять: *от нощи утренюет дух мой к тебе, Боже, зане свет повеления твоя на земли* (Пс. XXVI, 9). (Поют они) и песни Давидовы, исторгающие обильные потоки слез. Ведь когда воспевал он их, говоря: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. VI, 7); и опять: *зане пепел яко хлеб ядях* (Пс. CI, 10); и опять: *что есть человек, яко помниши его* (Пс. VIII, 5)? *человек суете уподобися,* и *дние* наши *яко сень преходят* (Пс. CXLIII, 4); также: *не убойся, егда разбогатеет человек,* и *егда умножится слава дому его* (Пс. XLVIII, 17); и опять: *(Бог)* вселяющий *единомысленныя в дом* (Пс. LXVII, 7); также: *седмерицею днем хвалих тя о судьбах правды твоея* (Пс. CXVIII, 164); и опять: *полунощи востах исповедатися тебе о судьбах правды твоея* (Пс. CXVIII, 62); также: *Бог избавит душу мою из руки адовы* (Пс. XLVIII, 16); и еще: *аще пойду посреди сени смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Пс. XXII, 4); и опять: *не убоюся от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго* (Пс. XC, 5, 6); и опять: *вменихомся яко овцы затления* (Пс. XLIII, 23), – тогда выражал пламенную свою любовь к Богу. А когда опять они поют вместе с ангелами (потому что и ангелы тогда поют), говоря: *хвалите Господа* с *небес* (Пс. CXLVIII, 1), между тем как мы в это время зеваем, чешемся, храпим или просто лежим навзничь и придумываем тысячи обманов, то какое благо приносит им то, что они в этом проводят всю ночь? Когда же начинает рассветать, тогда они наконец отдыхают, и в то время, как мы на-

чинаем свои дела, они имеют час отдыха. С наступлением дня, каждый из нас, позвав другого, ведет с ним речь о дневных расходах; затем один выходит на общественную площадь, является к начальнику, дрожит, боится наказаний; другой идет на зрелище; иной – к своим занятиям. Между тем они, окончив утренние молитвы и песнопения, обращаются к чтению Писаний. Есть между ними и такие, которые научились списывать книги. Каждый из них, заняв одно отдельное жилище, постоянно упражняется в молчании, никто не суесловит, никто ничего не говорит. Потом совершают они третий, шестой, девятый час и вечернее молитвословие, и, разделив день на четыре части, по окончании каждой из них прославляют Бога псалмопениями и гимнами. Тогда как все прочие обедают, смеются, забавляются, преисполняют себя излишними яствами, они занимаются пением гимнов, не имея времени ни для трапезы, ни для чувственных удовольствий. И после обеда опять принимаются они за те же упражнения, подкрепив себя сперва сном. Миряне и днем спят, а те и ночью бодрствуют. Воистину они – сыны света. Первые, проведя большую часть дня во сне, становятся тяжелыми; а последние, до позднего времени оставаясь без пищи и занимаясь гимнами, все еще трезвятся. Когда же наступает вечер, первые спешат в бани и на увеселения, а последние, освободившись от трудов, наконец садятся за трапезу и не поднимают толпы слуг, не бегают по дому, не производят шума; не предлагают множества блюд, распространяющих запах мяса, но подают – одни только хлеб и соль, а другие прибавляют еще елея; у иных, более немощных, подаются еще травы и овощи. Потом, посидев немного времени, или скорее, завершив день пением гимнов, каждый из них опочивает на постели, приспособленной к тому, чтобы найти на ней не негу, а только успокоение. Нет там ни страха перед правителями, ни надменности, свойственной вельможам, ни рабской боязни, ни женского шума, ни детского крика; нет там множества сундуков, ни излишнего скопления риз, ни золота, ни серебра; нет у них ни внутренней, ни внешней стражи; нет ни сокровищницы и ничего такого; но все исполнено

молитвы, все гимнов, духовного благоухания; там нет ничего плотского. Не боятся они нападения разбойников, потому что не имеют ничего такого, чего могли бы лишиться; денег нет, есть только тело да душа. Если бы ее отняли у них, то принесли бы им не вред, а пользу. *Мне бо,* говорит (апостол), *еже жити Христос, и еже умрети приобретение* (Флп. I, 21). Они отрешились от всех уз. Поистине *глас радости в селениих праведных* (Пс. CXVII, 15).

5. Не слышно там ни воплей, ни рыданий: под этим кровом нет таких огорчений, нет таких возгласов. Умирают, конечно, и у них, – потому что по телу они не бессмертны, – но смерти не почитают смертью. И отшедших провожают с гимнами, называя это сопутствованием, а не выносом. Как скоро становится известным, что кто-нибудь скончался, сейчас настает великая радость, великое удовольствие. Вернее же – никто даже и сказать не смеет, то такой что скончался, но говорят: такой-то достиг совершенства. Потом бывает благодарение, великое славословие и веселье, причем каждый молится, чтобы и ему иметь такую же кончину, таким же образом выйти из этой борьбы, опочить от трудов и подвигов и узреть Христа. Если же кто заболеет, то не слезы, не стенания, а опять молитвы; и часто не руки врачей, а одна вера восстановляет болящего. Но если понадобится и врач, то и тут является великое любомудрие, великое терпение. Не предстоит жена с распущенными волосами, не присутствуют дети, оплакивающие свое, еще не наступившее, сиротство, не упрашивают умирающего господина рабы, чтобы он как-нибудь обеспечил их: душа его свободна от всего этого и смотрит только на одно – на последний вздох, как бы отойти возлюбленной Богом. Если и приключается болезнь, то приключается не от обжорства и не от пьянства, но и сами причины болезней бывают достойны похвал, а не осуждения, равно как и сами (болезни): болезни происходят или от бдения, или от усиленного поста, или от других таких же причин, почему и легко излечиваются, – для излечения всех этих недугов им довольно только не в такой степени трудиться.

6. Иной спросит: а скажи мне, умывал ли кто-нибудь ноги святых в церкви; можно ли и здесь найти таких? Можно, и очень можно; на том основании только, что мы описывали жизнь этих людей, не станем пренебрегать теми, которые пребывают в церквях. Много таких часто бывает и среди церквей; но они скрываются. Следовательно, мы не должны презирать их за то, что они ходят по домам, отправляются на торжища и занимают начальнические должности. И Бог заповедал это. *Судите*, говорит Он, *сиру, и оправдите вдовицу* (Ис. I, 17). Много путей добродетели, подобно тому, как многоразличны бывают и жемчужины; хотя все они называются жемчужинами, но одна светла и со всех сторон кругла, а другая этой красоты не имеет, а имеет иную. Какую же именно? Подобно кораллу, искусно обделанному, они имеют продолговатый вид, выточенные углы и другой цвет гораздо приятнее белого, именно – одни имеют зеленый цвет, который гораздо красивее всякой зелени, другие свежестью краски уподобляются цвету крови, третьи бывают синее моря, иные блистательнее пурпура; можно находить бесчисленное множество и других, которые столь же разнообразны, как цветки, и уподобляются цвету солнечных лучей. Таковы и святые, именно – одни стараются усовершенствовать самих себя, другие содействуют устроению церквей. Хорошо поэтому сказал (апостол): *аще святых нозе умы, аще скорбным утешение бысть*. Он сказал это с той целью, чтобы всех побудить к подражанию. Поэтому и мы поспешим исполнить это, чтобы и мы могли похвалиться тем, что умывали ноги святых. Если же надобно умывать им ноги, то тем более следует подавать им из рук деньги и заботиться о том, чтобы это оставалось тайным. *Да не увесть*, говорит (Господь), *шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. VI, 3). Зачем берешь с собой тысячи свидетелей? Пусть не знает об этом ни слуга, ни – если можно – жена. Много бывает соблазнов со стороны лукавого. Часто случается, что прежде она никогда не препятствовала, а тут станет препятствовать, или вследствие тщеславия, или вследствие чего-либо другого. Потому-то и Авраам, несмотря на то,

что у него была достойная удивления жена, намереваясь принести в жертву сына, скрыл это от нее, — хотя и не знал, что должно было произойти, так как он был уверен, что действительно принесет его в жертву. Но что сказал бы на это человек из толпы народа? Не сказал ли бы он: кто тот, который решается сделать это? Не обвинил ли бы его в бесчувственности и жестокости? Жена не сподобилась даже посмотреть на свое дитя, слышать последний его вопль, взглянуть на него, когда он будет испускать дух; он взял и повел его будто пленника. Но ни о чем таком не помышлял этот праведник, воодушевившись любовью. Он не видел ничего другого, кроме того, как бы исполнить то, что было ему заповедано, и не было там ни раба, ни жены; он даже и сам не знал, что произойдет, но старался принести вполне чистую жертву, не оскверненную ни слезами, ни противоречием. Смотри же, с какой кротостью спрашивает его Исаак и что говорит ему: *се огнъ и дрова, где овча?* Что же отвечает отец? *Бог узрит себе овча во всесожжение, чадо* (Быт. XXII, 7, 8). Это сказано было и как бы пророчески, то есть — что Бог узрит Себе Сына во всесожжение; и так тогда случилось. Но для чего, скажи, скрываешь ты это от имевшего быть закланным? Конечно, скажешь, я боялся, чтобы он не был поражен ужасом, — боялся, чтобы он не явился недостойным. Видишь ли, с какой точностью все он делал? Следовательно, хорошо сказало Писание: *да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. VI, 3), то есть — хотя бы мы смотрели на кого, как на собственный член, однако не должны, без крайней необходимости, спешить открывать ему свои намерения, потому что от этого происходит много бед, и кто увлекается тщеславием, тот часто встречает в этом препятствие. Потому мы должны, если можно, скрываться и от самих себя, чтобы могли стяжать обетованные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Юных же вдовиц отрицайся: егда бо разсвирепеют противу Христа, посягати хотят, имущия грех, яко первые веры отвергошася. Купно же и праздны учатся обходити домы: не точию же праздны, но и блядивы и оплазивы, глаголющия, яже не подобает. Хощу убо юным вдовицам посягати, дом строити, ни едины вины даяти противному хулы ради. Се бо некия развратишася вслед сатаны (1 Тим. V, 11—15)

1. Павел, сказав многое о вдовицах, определив их возраст следующими словами: *вдовица да причитается не меньши лет шестидесятих,* и показав качества вдовицы, говоря: *аще чада воспитала есть, аще странныя прият, аще святых нозе умы,* (1 Тим. V, 9, 10), здесь опять говорит: *юных же вдовиц отрицайся.* Между тем касательно дев, несмотря на то, что вопрос этот был гораздо важнее, он ничего такого не заповедует. И справедливо. Почему? Потому что девы обязывались к более высокому (служению), и ради более возвышенных целей учреждалось это звание. Поэтому (такие заповеди как) *аще странных прият, аще святых нозе умы* и все тому подобные он опустил ввиду усердия (дев), а также сказанного: *непосягшая печется о Господних* (1 Кор. VII, 34). Если же он не определяет с точностью времени, то этому не удивляйся: из вышесказанного весьма ясно открывается и это. Впрочем, я уже сказал, что последние избирали девство ради более возвышенных целей. Кроме того, здесь, у первых, уже случались падения, и они сами дали повод к установлению такого закона, между тем как там ничего такого не было. Что некоторые уже пали, это явствует из следующих слов: *егда бо разсвирепеют противу Христа, посягати хотят:* и опять: *се бо некия развратишася вслед сатаны. Юных же вдовиц отрицайся.* Почему? *Егда бо рассвирепеют противу Христа, посягати хотят.* Что это значит: *егда рассвирепеют?* Когда становятся распутными, изнеженными; подобно тому, как если бы кто-либо сказал честному мужу: отпусти ее, потому что она принадлежала другому. Таким образом (апостол) показывает, что они избрали вдовство легкомыслен-

но, не подумав хорошо. Следовательно, и вдовица своим вдовством обручается Христу: я, говорит, покровитель вдов и отец сирот. (Апостол) показывает, что они неправильно избирают вдовство, а развращаются, и однако терпит их, хотя в другом месте говорит: *обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Несмотря на то, говорит, что они посвятили себя Ему (Христу), *посягати хотят, имущия грех, яко первыя веры отвергошася.* Верой называет обет, истину: как бы так говорит: обманули Его, нарушили обет. *Купно же и праздны учатся.*

Следовательно, не только мужчинам заповедует трудиться, но и женщинам, потому что праздность научает всякому злу. Не этой только вине, говорит он, подлежат они, но и другим грехам. Если же женщине неприлично ходить по домам, то тем более деве. *Не точию же,* говорит, *праздны учатся, но и блядивы, и оплазивы, глаголющия яже не подобает. Хощу убо юным вдовицам посягати чада раждати, дом строити.* Итак, что выйдет из того, когда они откажутся и от попечения о мужах, и не приложат старания о Боге? Тогда они без сомнения сделаются праздными, болтливыми, без нужды пытливыми. Действительно, кто не заботится о своем, тот непременно будет заботиться о чужом, равно как заботящийся о своем и говорить не станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. *Глаголющия, яже не подобает.* Нет ничего в такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела; впрочем, не только женщине, но и мужчине, потому что это величайший признак бесстыдства и наглости. *Хощу убо.* Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома, потому что делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое. Правда, следовало им иметь попечение о службе Божией, следовало хранить веру; но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое, потому что в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся этому. От того вдовства не будет никакой пользы; а от этого брака (может быть) много благ: вследствие его беспечный и леностный их ум может обратиться (к добру). Но отчего,

спросишь ты, (апостол) не сказал, что так как вдовицы пали, то они должны употребить особенное старание, чтобы не испытать того, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что (вступать в брак) не запрещено, оттого, что он поставляет в безопасное положение; поэтому и прибавляет: *ни едины вины даяти противному хулы ради*, и никакого повода. *Се бо некия развратишася вслед сатаны.* Итак, он отвергает таких вдовиц, желая не того, чтобы они не были молоды, но не желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были праздны, без нужды пытливы, чтобы говорили, чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению); так что, если бы этого не было, то он и не отвергал бы их. *Аще кто верен или верна имать вдовицы, да довлит их, и да не тяготится церковь, да сущих истинных вдовиц удоволит* (ст. 16). Видишь, как опять он истинными вдовицами называет совершенно одиноких, не имеющих ниоткуда утешения? Так, действительно, было лучше. Отсюда проистекали два величайшие (блага): одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась. Кстати, он прибавил: *аще кто верен,* — потому что верные не должны были получать пропитание от неверных, чтобы не казалось, будто имеют в них нужду. И смотри, как утешительна (его речь). Не сказал: да будет доставляемо им роскошное содержание, но: *да довлит их*, Церковь *да сущих истинных вдовиц удоволит.* Следовательно, и за такую помощь она получает награду; помогая Церкви, она не ей только помогает, но и тем (вдовицам), когда доставляет им обильное содержание. *Хощу юным* — что? Пресыщаться? Или предаваться неге? Ничего такого, но *посягати, чада раждати, дом строити.* А чтобы ты не подумал, будто он увещевает их проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: *ни едины вины даяти противному хулы ради.* Им надлежало быть выше житейских нужд, но так как они стали ниже их, то по крайней мере на той степени должны были стоять. *Добре* предстоящие *пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении. Глаголет бо Писание: вола молотяща не обротиши, и: достоин делатель мзды своея* (ст. 17–18).

2. Честью здесь называет попечение, доставление всего необходимого. Это видно из слов: *вола молотяща не обротиши, и: достоин делатель мзды своея.* Следовательно, и в том случае, когда говорит: *вдовицы чти* (1 Тим. V, 3), говорит это о необходимой для них пище; *да сущих истинных вдовиц удоволит,* говорит он; и опять: *чти сущия истинныя вдовицы,* то есть бедных, потому что чем беднее которая из них, тем она больше вдовица. Здесь приводит и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собой. Закон именно говорит: *вола молотяща не обротиши.* Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? Нет, воистину нет другого труда, равного его труду. Но это – постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? *Достоин,* говорит, *делатель мзды своея.* Поэтому не на одну только награду мы должны обращать внимание, но и на то, как поведено; а он говорит: *достоин делатель* пищи *своея.* Следовательно, тот, кто предается удовольствиям и успокоение, недостоин ее. Кто не вол молотящий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот не достоин ее. Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в изобилии, чтобы они не трудились (для этого сами), не изнемогали и, занимаясь маловажным, не лишались великого, чтобы они упражнялись в духовных подвигах, нисколько не заботясь о житейских делах. Таковы были левиты: у них не было никакой заботы о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как то: десятины, известное количество златниц, начатки, молитвы и многое другое. Но им естественно назначалось это по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели не должны иметь ничего больше, кроме пищи и одежды, чтобы они не развлекались этим. Что же значит: *сугубыя чести?* Сугубой по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто – сугубой чести, то есть великой. Поэтому мы должны обращать внимание не только на то, что (апостол) удостаивает их сугубой чести, но и на то, что он говорит дальше: *предстоящии добре.* Что же

значит: *предстоящии добре?* Послушаем, что говорит Христос: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. X, 11). Следовательно, в том состоит хорошее предстоятельство, чтобы ради попечения о них не щадить ничего. *Паче же,* говорит, *труждающиися в слове и учении.* Где теперь те, которые утверждают, что не нужны слова и учения? Между тем и Тимофею он дает столько увещаний, говоря: *в сих поучайся, в сих пребывай* (1 Тим. IV, 15); и опять: *внемли чтению, утешению: сия бо творя и сам спасешися, и послушающии тебе* (1 Тим. IV, 13, 16). Равным образом он хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других. И приводит причину: они, говорит, подъемлют великий труд. И справедливо. Тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но остается без заботы и печали, тот трудится, печется и поучается, – особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Как же не должен он пользоваться большей честью, нежели все прочие, когда он предается столь великим трудам? Притом он служит предметом бесчисленных разговоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается, тот оскорбляет его память и намерения, – и нужна ему большая крепость духа, чтобы переносить это. Это важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее люди ученые. А когда этого нет, то в Церквях многое погибает. Вот почему к прочим (свойствам предстоятеля), к страннолюбию, к кротости, к непорочности (апостол) причисляет и это, говоря: *учительну.* Притом почему он называется учителем? Конечно, потому, скажешь, что он своей жизнью должен научать других любомудрию. Следовательно, это становится излишним, и для преуспеяния не нужно словесного наставления. Но как же Павел говорит: *паче же труждающиися в слове и учении?* Ведь когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом, не о том, какое отличается внешней утонченностью, но о том, которое проникнуто великой силой духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужны не искусство и изящные выражения, а мысли – не изложение, а смысл. *На пресвитера хулы не приемли, разве при двою или три-*

ех свидетелех (ст. 19). Следовательно, ужели нужно принимать обвинение (возводимое) на молодого без свидетелей? Или вообще на всякого? И ужели вообще должно без исследования произносить приговоры? Что же значит сказанное им? Он говорит – ни на других, но особенно на пресвитера, потому что под именем пресвитера он разумеет здесь не сан, а возраст, так как юноши легче погрешают, нежели старцы. Отсюда явным становится то, что Тимофею уже вверена была Церковь, или и весь народ Азии. Поэтому (апостол) и беседует с ним о пресвитерах. *Согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут* (ст. 20). То есть не тотчас отсекай, но все исследуй с великой точностью. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другие вразумлялись. Как вредно бывает необдуманно осуждать, так и не наказывать явно согрешивших – значит давать дорогу другим к тому, чтобы и они то же самое делали и на то же покушались. *Обличай,* говорит, показывая (что нужно действовать) не кое-как, но с строгостью, потому что таким образом и другие будут бояться. Как же Христос говорит: *иди, обличи его между тобою и тем единем* (Мф. XVIII, 15), если он согрешил против тебя? Однако (Христос) позволяет обличать его и в церкви.

3. Что же? Разве не больше будет соблазна, когда перед всеми станешь обличать? Каким образом? Когда грех узнают, а наказания видеть не будут, то больше станут соблазняться. Как оттого, что согрешившие остаются ненаказанными, многие согрешают, так и оттого, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так поступал и Бог. Он привел фараона на середину (моря) и наказал; видим также, что получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. Следовательно, он хочет, чтобы все имели страх перед епископом, и поставляет его над всеми. Но так как многие подвергались осуждению по подозрению, то он говорит, что надобно, чтобы были свидетели, которые обличили бы его, согласно предписанию древнего закона: *при* двух или трех свидетелях *да станет всяк глагол* (Втор. XIX, 15). *На пресвитера,* говорит, *хулы не приемли.* Не сказал: не осуждай, но: даже не принимай обвинения и

вовсе не призывай его на суд. Но что, если и двое свидетелей солгут? Это редко случается, притом же по расследовании на суде и это может обнаружиться. Для (обличения) грехов довольно и двух свидетелей, ввиду того, что они совершаются тайно и скрытно, – так что это служит признаком строгого исследования. Но что, если грехи будут явны, а свидетелей не будет, но только подозрение в дурном? Выше я сказал, говорит он: *подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних* (1 Тим. III, 7). Будем же любить Бога со страхом, потому что хотя *праведнику закон не лежит* (1 Тим. I, 9), однако многие, упражняясь в добродетели по необходимости, а не вследствие свободного расположения воли, от страха получают много пользы, часто отсекая свои пожелания. Для того послушаем о геенне, чтобы эта угроза и этот страх доставили нам нечто важное. Если бы Тот, Кто намеревается ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. В самом деле, если даже теперь, когда страх потрясает наши души, есть люди, которые так легко согрешают, как будто она и не существует, то какого зла мы не сделали бы, если бы ничего такого не говорили нам и ничем таким не угрожали? Следовательно, как всегда я говорю, геенна не менее царства показывает попечение Божие о нас. Геенна содействует царству (Божию), страхом подвигая людей к нему. Итак, не будем считать этого признаком излишней строгости и жестокости, но милосердия, великого человеколюбия, попечения и любви к нам. Если бы во времена Ионы не угрожала погибель, то не была бы предотвращена погибель. Если бы Бог не сказал, что *Ниневия, превратится* (Ин. III, 4), то не устояла бы Ниневия. Если бы Он не угрожал нам геенной, все мы попали бы в геенну. Если бы не грозил нам огонь, никто не избежал бы огня. Он говорит, что сделает то, что несогласно с Его желанием, чтобы сделать то, чего желает. Он не хочет смерти грешника, но говорит о смерти грешника, чтобы не предать его смерти. Не только словом выражает это, но показывает и на деле, чтобы мы избежали ее. А чтобы кто-нибудь не подумал, что это только одна угроза, а не что-либо действительное, Он сделал это

ясным через события, которые прежде здесь совершались. Не кажется ли тебе, что потоп есть образ геенны, истребление посредством дождя есть образ такого же истребления посредством огня? *Якоже бо,* говорит, *во дни Ноевы, беху женящеся и посягающе* (Мф. XXIV, 37, 38), так и теперь. Задолго предсказывал Он тогда, предсказывает и ныне лет за четыреста, или и более, но никто не внимает. Все полагают, что это басни, все смеются, никто не чувствует страха, никто не плачет, никто не бьет себя в грудь. Река огня кипит, пламя разгорается, а мы смеемся, предаемся удовольствиям и грешим безбоязненно. Никто никогда не приводит себе на память этого дня; никто не помышляет, что настоящее проходит, что все это временно, несмотря на то, что события ежедневно вопиют и громко говорят о том. Преждевременная смерть, перемены обстоятельств, совершающиеся, когда мы еще и живем, не вразумляют нас, равно как и недуги, и прочие немощи. И не в наших только телах, но и в самих стихиях можно видеть эти перемены; и (перемены), замечаемые в возрастах, ежедневно приводят нас к размышлению о смерти; и везде во всем отпечатлевается непостоянство вещей. Никогда не продолжается неизменно ни зима, ни лето, ни весна, ни осень, но все бежит, летит и течет. Но о чем бы ты желал, чтобы я говорил тебе: о цветах ли, о достоинствах ли, о царях ли, которые ныне живут, а завтра перестанут существовать? Или о богатых? Или о блестящих зданиях? Или о ночи и дне? Или о солнце и о луне? Разве не уменьшается и эта последняя? Разве само солнце часто не затмевается и не покрывается мраком? Разве не закрывает его облако? Разве что-либо видимое пребывает неизменным? Ничто из всего того, что в нас находится, кроме души; и между тем о ней мы нерадим. Мы много печемся о том, что изменчиво, считая его постоянно пребывающим; а на то, что постоянно пребывает, на душу, как будто на нечто скоропреходящее, мы не обращаем никакого внимания. Положим, что иной имеет великую силу. Но только до завтра, а после этого она погибает; это видно из того, что бывали люди, одаренные великим могуществом, и теперь их нигде не

видно. Жизнь походит на сцену и сновидение. Подобно тому, как на сцене, по снятии покровов, исчезает разнообразие изображений, и как, с появлением солнечного луча, все сновидения улетают, — так и теперь, после того как последует кончина и общая, и каждого порознь, все разрушается и исчезает. И дерево, которое ты посадил, остается: и дом, который ты построил, тоже остается; между тем художник и земледелец удаляются и погибают. И когда все это происходит, мы, несмотря даже на это, не вразумляемся, и как будто бессмертные все это устрояем, предаваясь удовольствиям и наслаждению.

4. Послушай, что говорит Соломон, который на деле испытал значение настоящих вещей. *Создах ми домы,* говорит он, *насадих вертограды и сады, винограды и купели водныя, сребро и злато были у меня, сотворих ми поющих и поющия,* стада овец и волов (Еккл. II, 4–8). Никто не был столько предан наслаждению, никто не был так славен, никто так мудр, никто так могуществен, никто не видел, чтобы все так шло по его желанию. Что же? Ничто из этого не принесло ему пользы: но что говорит он после всего этого? *Суета суетствий,* говорит, *всяческая суета* (Еккл. I, 2). Не просто суета, но суета по преимуществу. Последуем ему, умоляю вас, ему, изведавшему все на опыте: последуем ему и обратимся к тому, в чем нет суеты, где истина, где все постоянно и неизменно, где все создано на камне, где нет ни старости, ни изменяемости, где все цветет, где все исполнено силы, где ничто не ветшает и не стареет и не приближается к разрушению. Возлюбим, умоляю вас, преискренне Бога — не из страха геенны, а из желания приобрести царство. В самом деле, скажи мне, что может равняться с созерцанием Христа? Нет ничего такого. Что может равняться с наслаждением теми благами? Тоже нет ничего такого. И справедливо, потому что *око не виде,* говорится, *и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9).

Постараемся же получить эти блага и презрим земные. Разве не до бесконечности мы уничижаем эти последние, (говоря): человеческая жизнь ничто? Зачем же заботишься ни о чем? Зачем подъемлешь труды для ничего? Но ты

взираешь на блестящие здания, и созерцание их прельщает тебя? Тогда взгляни тотчас на небо, обрати свой взор от камней и столпов к этой красоте, — и увидишь, что все это — дела муравьев и комаров. Почерпай мудрость из этого зрелища, восходи к небесному. Оттуда рассмотри блестящие здания, — и увидишь, что они не иное что, как игрушки малых детей. Разве не видишь, насколько тоньше, насколько легче, насколько чище, насколько светлее становится воздух, по мере того, как восходишь на высоту? Творящие милостыню там имеют дома и местопребывание. А эти (земные дома) при воскресении разрушатся, или, правильнее говоря, прежде воскресения само время разрушит, уничтожит и истребит их; даже прежде времени, часто в полной силе и красоте, или ниспровергает их землетрясение, или всецело истребляет пожар. Не только ведь в отношении человеческого возраста, но и в отношении к зданиям бывает преждевременная смерть. Часто те здания, которые от времени соделались ветхими, при колебании земли оставались невредимыми; между тем блестящие, прочные и недавно построенные одним ударом грома были потрясаемы и разрушаемы. И это происходит, думаю, по устроению Божию, чтобы мы не гордились нашими зданиями. Хочешь ли другим образом сохранить бодрость духа? Ступай к общественным зданиям, которыми наравне с другими и ты владеешь. Ведь нет, поистине нет дома, который, как бы блистателен ни был, превосходил бы блеском общественные здания. Пребывай там, сколько хочешь времени. Эти здания — твои, они твои столько же, как и всех прочих; они общие, а не частные. Но ты скажешь, что они не нравятся тебе. Не нравятся, во-первых, вследствие привычки, во-вторых, вследствие любостяжания. Следовательно, то, что нравится, есть любостяжание, а не красота. Следовательно, наслаждение состоит в любостяжании и в желании присвоить себе все. До каких же пор будем прилепляться к этому? До каких пор будем прикованы к земле и, как черви, будем пресмыкаться в грязи? Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы через него и душу низвели в землю. Оно —

земное; но если я захочу, будет небесным. Смотри, какой честью Он нас почтил, предоставив нам такое дело. Я сотворил, говорит Он, землю и небо; даю и тебе творческую власть — сотвори землю небом, ты можешь сделать это. О Боге сказано: *творяй вся и претворяяй* его (Ам. V, 8). Но такую же власть Он дал и людям, подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам (упражняется в этом), но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее — соделай прекрасной душу. Я сказал: *да произрастит земля былие травное и* всякое *древо плодовитое* (Быт. I, 11). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, чтобы ругаться над ним, то есть диавола. Не позавидовал Я тебе и этой власти. Ругайся над ним и ты, если хочешь; можешь связать его, как птичку. Я воссияваю солнце на злых и благих; подражай и ты, — раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю и благотворю оскорбляющим Меня; подражай и ты, — ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния; подражай и ты, и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе; зажги и ты светила блистательнее этих, ты можешь сделать это, — просвети заблудших. Дать познать Меня — большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо; ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, и что Я дал тебе силу даже в более важных делах. Видите, возлюбленные, как мы почтены, и между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: для чего мы одарены свободной волей? Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. Я управляю, говорит Он, ангелами; и ты — через Начаток. Я восседаю на царском престоле; и ты совосседаешь Мне — через Начаток. *С ним воскреси*, говорит (апостол), *и спосади*

нас одесную Отца (Еф. II, 6). Тебе поклоняются херувимы и серафимы и все ангельские силы, начала, власти, престолы, господства – через Начаток. Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, перед которыми трепещут даже бесплотные силы. Но что скажу еще? Не этим только изъявляю Я свою любовь, но и страданиями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истощил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвращающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобой и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собой; яждь Меня; сказал Я, и пий Меня. И горé держу тебя, и долу соединяюсь с тобой. Разве не довольно для тебя того, что начаток твой я держу горé? Разве это не удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю, – не просто смешиваюсь с тобой, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение и смешение и соединение, – потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобой. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно. Итак, зная это и великое Его о нас попечение, будем все делать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великих Его даров, которые да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Засвидетельствую пред Богом и Господем Иисус Христом и избранными ангелы, да сия сохраниши без лицемерия, ничесоже творя по уклонению. Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом. Себе чиста соблюдай. Ктому не пий воды, но мало вина приемли стомаха ради твоего и частых твоих недугов (1 Тим. V, 21–23)

1. Сказав о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, о пресвитерах и о всех прочих и показав, над кем простирается власть епископа, (апостол) когда стал гово-

рить о суде, присовокупил: *засвидетельствую пред Богом и Господем нашим Иисус Христом и избранными ангелы, да сия сохраниши без лицемерия, ничтоже творя по уклонению.* Вот наконец (он изрекает) страшное увещание, потому что не посовестился (сказать это) даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо. Тот, кто не постыдился сказать о себе: боюся, *да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27), тем более не устыдился и не посовестился (сказать так) и Тимофею. Впрочем, он хорошо (поступает), призывая в свидетели Отца и Сына; но для чего еще – избранных ангелов? Вследствие великого снисхождения, потому что и Моисей говорит таким же образом: *засвидетельствую вам небесем и землею* (Втор. IV, 26), – вследствие великого снисхождения Господня. И опять: *слышите дебри, основания земли* (Мих. VI, 2). А призывает он Отца и Сына в свидетели сказанного им для того, чтобы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым перед ними, то есть как бы снимая с себя всякую (ответственность). *Да сия сохранивши*, говорит он, *без лицемерия, ничтоже творя по уклонению.* То есть ты должен быть дружелюбным и справедливым к судящимся и ожидающим от тебя приговора и никто не должен предрасполагать тебя в свою пользу и склонять на свою сторону. Но кто это избранные ангелы? Некоторые, следовательно, как будто не были таковы. Потому-то и Иаков берет себе в свидетели Бога и холм. Равным образом и мы часто берем в свидетели и важных, и незначительных лиц. Столь великое значение имеет свидетельство. Он как будто так сказал: призываю в свидетели Бога, и Сына Его, и слуг Его, что я заповедал тебе; вот перед ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея. Потом, сказав это, он присовокупил то, что было всего более благовременно, что преимущественно содействует устроению Церкви, – именно о рукоположениях. *Руки*, говорит, *скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом.* Что значит: *скоро?* Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав, так как это дело небезопасное. За соделанные им грехи, как прежние, так и бу-

дущие, подвергнешься наказанию и ты, доставивший ему власть, потому что неблаговременно отпустив ему прежние грехи, ты станешь виновным и в тех, которые он совершит впоследствии времени; именно — будешь причиной этих последних потому, что вверил ему начальство, а прежних потому, что не дал ему оплакать их и прийти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастником как добрых его дел, так и грехов. *Себе чиста соблюдай.* Здесь говорит о воздержании. *Ктому не пий воды, но мало вина приемли стомаха ради твоего и частых твоих недугов.* Если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал даже подвергаться болезням и частым недугам, (апостол) заповедует воздержание, и тот не огорчается, то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления. Почему же он не исцелил его желудка? Не потому, что не мог, а потому, что хотел и отсюда извлечь какое-либо важное наставление; а тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. Итак, зачем же не сделал он этого? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим людей великих и добродетельных подверженными недугам, не соблазнялись этим. Таким образом и это служило на пользу. Если ему самому дан был ангел сатанин, чтобы он не возгордился, то тем более Тимофею, — потому что знамения легко могли привести его к гордости. Поэтому (апостол) предоставил ему пользоваться правилами врачебной науки, чтобы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнялись, и уразумели, что и те святые мужи, будучи одинаковой с нами природы, совершали то, что совершали. Кроме того, мне кажется, что он подвержен был недугам и от других причин; на это указывает (апостол), говоря: *ряди частых твоих недугов,* и от желудка и от других частей тела. Впрочем, он не позволил ему неумеренно напиваться вином, но сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия. *Некиих же человех греси предъявлени суть, предваряюще на суд, неким же и последствуют* (ст. 24). Так как он говорил о рукоположениях, то и сказал: *не приобщайся чужим грехом.* Но что, если я не знаю, скажешь ты? *Некиих человек греси предъявлени суть, предваря-*

юще на суд, неким же и последствуют. У некоторых, говорит, они явны потому, что предшествуют; а у других нет, и те следуют за ними. *Такожде и добрая дела предъявлена суть, и сущая инако, утаитися не могут* (ст. 25). *Елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение* (VI, 1). *Всякия чести,* говорит, *да сподобляют.* Не думай, что если ты верный, то и свободен: свобода эта состоит в том, чтобы еще больше быть рабом. Неверный, если увидит, что через веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее, как учение, располагающее к возмущению, а если заметит, что они покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится. Таким образом, если верные не будут покорны, то и Бог и проповедь подвергнутся поношению. Но что, спросишь ты, если господа будут неверные? И в таком случае надобно подчиниться ради имени Божия. *Имущии же верных господий,* говорит, *да не нерадят о них, понеже братия суть, но паче да работают, зане верни суть и возлюблени, иже благодать восприемлюще* (ст. 2).

2. Он как будто так говорил: если вы удостоились такой чести, что имеете братий господами, то должны поэтому особенно повиноваться им. *Предваряюще,* говорит, *на суд,* — то есть из худых дел здесь одни скрываются, другие — нет; а там не могут скрыться ни худые, ни хорошие. Что значит: *предваряюще на суде?* То, что когда кто грешит, — грехи уже осуждают его, если он не исправляется, или если и надеется исправиться, но не делает этого. Но для чего и почему это сказано было? Для того, что хотя здесь некоторые и скрываются, но там не скроются: там все открыто. Между тем для праведных это служит величайшим утешением. Потом, так как он сказал: *ничесоже по уклонению,* то для необходимого объяснения прибавил: *елицы суть под игом раби.* Но какое это имеет отношение к епископу, спросишь ты? Очень (близкое), — чтобы он увещевал, чтобы учил их. Касательно них (рабов) он и здесь делает правильные наставления. Мы видим, что он везде больше заповедует рабам, нежели господам, и показывая им, как должно повиноваться, и много о них рассуждая. Именно — он увещевает первых

покоряться с великой кротостью, а последним внушает уменьшать страх, говоря: *послабляюще прещения* (Еф. VI, 9). Но для чего заповедует он это? По отношению к неверным справедливо, потому что нет причины беседовать с такими, которые не внимают. А по отношению к верным для чего? Для того, что господа больше доставляют рабам, чем рабы – господам; первые и золото тратят на них, и заботятся о снабжении их необходимыми вещами, одеждой и всем прочим. Таким образом господа оказывают им больше услуг, на что и здесь указывает (апостол), говоря: *зане верни суть и возлюблени, иже благодать восприемлюще.* Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия, – и ужели не должны пользоваться великой честью от своих слуг? Если же рабам заповедал он пребывать в таком послушании, то подумайте, в какой степени мы должны быть расположены к Владыке, который привел нас из небытия в бытие, который и питает нас, и одевает. Поэтому потщимся послужить Ему – если не как-нибудь иначе, то по крайней мере столько, сколько служат нам наши рабы. Разве не на то они посвятили всю жизнь, чтобы доставлять спокойствие своим господам? Разве не в том состоит их занятие, разве не в том их жизнь, чтобы заботиться о делах своих господ? Не заботятся ли они целый день о делах господина, между тем как для исправления своих дел у них нередко остается малая часть вечера? А мы напротив: своими делами занимаемся постоянно, а для того, что относится к Владыке, нет у нас и малой части времени, и притом мы поступаем так тогда, когда Он не только не нуждается в наших услугах, подобно тому, как господа (нуждаются в услуге) рабов, но и сами эти услуги обращает к нашей же пользе. Там служение раба приносит пользу господину: а здесь служение раба ничего не значит для Владыки, но полезно самому же рабу. *Яко,* говорится, *благих моих не требуеши* (Пс. XV, 2). В самом деле, скажи мне, какая будет польза Богу, если я буду праведен, и какой вред, если я буду неправеден? Разве природа Его не есть без примеси? Разве она не свободна от повреждения? Разве она не выше всякого страдания? Рабы не имеют ничего собственного, все у них господское, хотя бы они до

бесконечности были богаты. Напротив, мы имеем много собственного, и не без причины мы получили такую честь от Царя всяческих. Какой господин отдал за раба своего сына? Никакой. Напротив, все предпочли бы скорее отдать рабов за сыновей. А здесь напротив: Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас – за врагов, ненавидящих Его. Рабы, хотя бы им приказано было нечто тягостное, не досадуют, – особенно если они благонравны; а мы тысячекратно унываем. Рабам ничего такого не обещает господин, что обещал нам Бог. Но что? Освобождение от рабства в здешнем мире, что часто бывает тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда эта свобода становится хуже рабства; между тем она составляет величайший дар. А у Бога нет ничего временного, ничего тленного, – но что? Хочешь знать? Послушай. *Не ктому вас,* говорит (Господь), *глаголю рабы, вы друзи мои есте* (Ин. XV, 15, 14).

Устыдимся, возлюбленные, убоимся; ужели не послужим Владыке по крайней мере столько, сколько служат нам рабы, или, правильнее говоря, ужели мы даже в самой малой части не обнаружим нашего служения? Они любомудрствуют вследствие необходимости, – имея только кров и пищу; а мы, отчасти уже получив, отчасти ожидая бесчисленных благ, чрезмерной роскошью оскорбляем Благодетеля. Если не из какого-либо другого источника, то по крайней мере от них примем правила любомудрия. Писание обыкновенно отсылает людей не к рабам, но даже к бессловесным животным, например – когда повелевает подражать то пчеле, то муравьям. А я убеждаю вас подражать по крайней мере рабам. Что они делают из страха к нам, то и мы будем делать по крайней мере из страха к Богу; а мы не находим, чтобы вы делали это. Они из страха к нам тысячекратно подвергаются оскорблениям и невозмутимее всякого философа стоят в молчании; они получают оскорбления справедливо и несправедливо и не противоречат, но просят прощения, нередко даже не сделав ничего худого. Не получая ничего, кроме необходимого, а часто и менее того, они довольствуются этим. Засыпая на соломенной постели, питаясь только хлебом и проводя жизнь во всех

отношениях скудную, они не жалуются и не огорчаются по причине страха, который мы им внушаем. Когда вверяются им деньги, они их полностью возвращают (не указывай мне на лукавых рабов, а на тех, которые не очень злы); когда мы погрозим им, они тотчас смиряются. Разве не в этом состоит любомудрие? Не говори мне, что это бывает вследствие необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость впасть в геенну, и несмотря на то ты не вразумляешься, и не воздаешь Богу такой чести, какой пользуешься от рабов. Каждый слуга имеет свое определенное жилище и не нападает на жилище ближнего, не бывает снедаем желанием приобрести больше. И всякий видит, что рабы соблюдают это из-за страха перед господами; и редко увидишь, чтобы один раб что-нибудь унес или испортил у другого. А у людей свободных происходит противное этому. Мы грызем, пожираем друг друга, не боимся Владыки; и в Его глазах грабим, окрадываем, бьем сорабов своих. Между тем раб не сделал бы этого, а если бы даже он и ударил кого-либо, то не в глазах господина; если бы и побранил кого-либо, то так, чтобы господин не слышал. А мы дерзаем делать это перед Богом, Который все видит и слышит. У них всегда перед глазами страх к господину; а у нас его никогда не бывает. Оттого-то у нас все расстроилось, все слилось и развратилось; и самим нам даже в ум не приходят наши преступления, а когда согрешают наши рабы, мы с точностью исследуем все, до малейшей подробности. Это говорю я не с той целью, чтобы хотел сделать рабов ленивыми, но чтобы истребить нашу леность и пробудить нас самих от беспечности, чтобы мы служили Богу хотя бы так, как служат нам рабы, (служили) Сотворившему нас так, как служат нам единосущные нам и не получившие от нас ничего такого. По природе свободны и они: *да обладают рыбами* (Быт. I, 26), сказано было и к ним. Это рабство не от природы, но произошло от случая и обстоятельств; и несмотря на то, они оказывают нам великую честь. Между тем мы, требуя себе от них услуги, устремляемся на них со всей строгостью и в то же время Богу не уделяем ни малейшей части служения, несмотря на то что польза от это-

го обращается опять к нам же. Ведь чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим себе пользы, тем больше будет выгоды для нас самих. Не будем же лишать самих себя столь великого приобретения. Бог самодоволен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращается опять к нам. Итак, умоляю вас, постараемся приобрести такое расположение, как будто мы служим не Богу, а себе самим, и поработаем Ему со страхом и трепетом, чтобы сподобиться обетованных благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Сия учи и моли. Аще ли кто инако учит, и не приступает к здравым словесем Господа нашего Иисуса Христа, и учению, еже по благоверию, разгордевся, ничтоже ведый, но недугуяй о состязаниях и словопрениях, от нихже бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава, беседы злыя растленных человеков умом, и лишенных истины, непщующих приобретение быти благочестие. Отступай от таковых. Есть же снискание велие благочестие с довольством. Ничто же бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем (1 Тим. VI, 3—7)

1. Учителю нужно употреблять не только власть, но и великую кротость, и, с другой стороны, не только кротость, но и власть. И всему этому научает блаженный Павел, иногда говоря: *завещавай сия и учи* (1 Тим. IV, 11), а иногда: *сия учи и моли.* Если врачи делают увещания больным не с той целью, чтобы им самим сделаться здоровыми, но чтобы этих последних избавить от недуга и лежащих поднять, то тем более мы, при увещании учеников, должны следовать такому обычаю. Блаженный Павел не отрицает даже того, что он их раб, говоря: *не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса, себе же самех рабов вам Иисуса ради* (2 Кор. IV, 5); и опять: *аще Павел, аще Аполлос, вся ваша суть* (1 Кор. III, 28). И он с готовностью принимает на себя это рабство, потому что это не рабство, а лучше свободы. Тот *есть,* говорит (Гос-

подь), *раб, кто творит грех* (Ин. VIII, 34). *Аще ли кто инако учит, и не приступает к здравым словесем Господа нашего Иисуса Христа, и учению, еже по благоверию, разгордевся, ничтоже ведый.* Следовательно, нам случается воспаляться гордостью не от знания, а от незнания. Тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здравом учении, не бывает одержим болезнью. Действительно, гордость в душах есть то же самое, что воспаление в телах. Как там место, подверженное воспалению, мы не называем здоровым, так и здесь – гордых. Следовательно, можно знающему что-нибудь не знать ничего, потому что незнающий того, что должно знать, ничего не знает. А что от незнания рождается чрезмерная гордость, видно из следующего: Христос истощил Себя: поэтому тот, кто знает это, никогда не будет много думать о себе; человек не имеет ничего, чего не получил бы от Бога, и вследствие того не будет много о себе думать. *Что имаши, егоже неси приял* (1 Кор. IV, 7)? Он умыл ноги ученикам. Кто знает это, как станет превозноситься? С этой целью (Господь) сказал: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. XVII, 10). Мытарь одним смиренномудрием стяжал благоволение; фарисей от гордости погиб. Следовательно, кто гордится, тот ничего этого не знает. Опять Сам Христос говорит: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеши* (Ин. XVIII, 23)? *Но недугуяй,* говорит, *о состязаниих.* Следовательно, состязание есть недуг. *И словопрениих.* И справедливо. Когда душа разжигается помыслами, когда они обуревают ее, тогда она занимается исследованием, а когда она находится в здоровом состоянии, тогда не исследует, но принимает на веру. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одной верой, тогда оно и не открывает этого и не дает его уразуметь, потому что, если бы кто-нибудь, смежив глаза, хотел найти что-нибудь такое, чего бы он искал, то не мог бы (успеть в этом); равно как если бы он, открыв глаза, но закопав себя в землю и отвратившись от солнечных лучей, стал искать на том месте, то опять не мог бы ничего найти. Так

без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры. *От нихже бывают хулы, непщеваша лукава,* — то есть от исследований рождаются вредные мнения и учения. Мы начинаем о Боге думать то, чего не следует, когда приступаем к исследованию. *Беседы злыя* — то есть праздные занятия или пустые рассуждения. Или следующим образом он понимает *беседы злыя:* подобно тому, как овцы, будучи заражены чесоткой, когда приходят в соприкосновение со здоровыми и им сообщают свой недуг, так и эти злые люди. *И лишенных,* говорит, *истины, непщующих приобретение быти благочестие.* Видишь ли, что, по его словам, рождают споры? Постыдную корысть, невежество, гордость; да, и гордость рождается от невежества. *Отступай,* говорит, *от таковых.* Не сказал: приходи туда, но: *отступай,* то есть отвращайся. *Еретика человека,* говорит, *по первом и втором наказании отрицайся* (Тит. III, 10). Показывает, что они таковы не столько от невежества, сколько от лености, которая приводит их к невежеству. В самом деле, каким образом можешь ты убедить людей, спорящих из-за денег? Иначе таковых ты не убедишь, как если не дашь опять; но и этим не насытишь их жажды приобретения. *Око лихоимца,* говорится, *не насыщается части* (Сир. XIV, 9). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отвращаться. Если же он тому, кому предстояла крайняя необходимость вступать в борьбу, заповедует не приходить туда и не связываться с ними, то тем более (он заповедует это) нам, которые учимся и находимся в ряду учеников. Впрочем, сказав, что они полагают, что благочестие есть приобретение, он прибавил: *есть же снискание велие благочестие с довольством,* — не тогда, когда имеет деньги, а когда не имеет их. Чтобы (Тимофей) вследствие бедности не впал в уныние, он ободряет и утешает его. Думают, говорит он, что благочестие есть приобретение; конечно — есть, но не в такой степени (как думают), а в гораздо большей. То есть, отвергнув сначала первую мысль, вслед за тем превозносит последнюю. А что первого рода приобретение ничего не значит, видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам.

Откуда это видно? Из того, что мы пришли в этот мир, не имея ничего; следовательно, и оставим его, тоже ничего не имея; нагим рождается творение, нагим и отходит. Итак, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собой и отойдем, ничего не имея. *Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем* (ст. 8). Надобно питаться тем и в такой мере, сколько нужно для насыщения; надобно надевать на себя то, что в состоянии только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу, лишнего ничего не должно быть. Это может выполнить и простая одежда. Затем он побуждает указанием на то, что бывает здесь — на земле: *хотящий,* говорит, *богатитися* (ст. 9).

2. Не сказал просто: богатые, а: *хотящие,* потому что и имея деньги можно хорошо распоряжаться ими, если человек будет презирать их и раздавать бедным. Следовательно, не таковых обличает он, а жаждущих приобретения. А *хотящии богатитися,* говорит, *впадают в напасти и сеть* диавола, *и в похоти многи и несмысленны и вреждающия, иже погружают человеки* (ст. 9). Хорошо сказал: *погружают,* так что и подняться наверх становится невозможным. *Во всегубительство и погибель. Корень бо всем злым сребролюбие есть, его же нецыи желающе заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим* (ст. 9 – 10). Вот он упоминает о двух вредных следствиях, но то, которое казалось для них более тяжким, он ставит здесь на последнем месте; то есть — *болезнем многим.* И этого нельзя узнать иначе, как только живя близ богатых, сколько они плачут, сколько рыдают, *Ты же, о человече Божий* (ст. 11). Великое достоинство! Правда, все люди Божии, но преимущественно праведные, — не по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу. Если ты — человек Божий, говорит он, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив — *сих бегай, гони же правду.* Притом и то, и другое (исполняй) с усердием. Не сказал: отступи и приступи, но: *бегай* и *гони правду,* чтобы не сделаться корыстолюбивым. *Благочестие* — касательно догматов; *веру,* которая противопоставляется исследованию; *любовь, терпение, кротость. Подвизайся добрым подвигом веры, емлися за вечную жизнь* — вот и награда — *в нюже*

и зван был еси и исповедал еси доброе исповедание, в уповании жизни вечной, *пред многими свидетели* (11–12). То есть не посрамляй того дерзновения: отчего без успеха трудишься? В какое же искушение и сеть, говорит он, впадают те, которые желают обогатиться? Это, удаляя их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает дерзновения. *И в похоти*, говорит, *несмысленны*. Действительно, как (не назвать) бессмысленной страстью, когда люди держат у себя дурачков и карликов не из человеколюбия, а для удовольствия, когда в своих дворцах запирают рыб, когда выкармливают диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. *В похоти*, говорит, *несмысленны и вреждающия*. Какие (страсти) бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутной любовью, когда ищут имущества своих ближних, когда стремятся к роскоши, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и погибели других. Многие также вследствие привязанности к подобным вещам домогались и незаконной власти и погибали. Воистину таковой вообще трудится или даже ко вреду. И хорошо он сказал: *заблудиша от веры*, – потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть (истинного) пути. Как человек, который идет прямой дорогой, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая этого, проходит мимо того города, в который спешил, потому что незаметно и бессознательно его увлекают ноги, – так нечто подобное этому представляет и сребролюбие. *И себе пригвоздиша болезнем многим*. Видишь ли, на что он намекает (говоря): *пригвоздиша?* То, что хочет он выразить этим оборотом речи, имеет такой смысл. Страсти – это терние, и подобно тому, как о терние, с какой бы стороны ни прикоснуться, всякий кровянит себе руки и причиняет на них раны, так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, и душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены? Того даже сказать

нельзя. Поэтому говорит: *сих бегай, гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость,* — потому что кротость происходит от любви. *Подвизайся добрым подвигом.* Здесь он хвалит его дерзновение и мужество: ты, говорит он, с дерзновением на все изъявил согласие. Приводит ему на память и наставление в вере: *емлися,* говорит, *за вечную жизнь.* Следовательно, требуется не только исповедание, но и терпение, чтобы таким образом постоянно пребывать в исповедании, равно как по всей справедливости великие подвиги и бесконечные труды, чтобы таким образом избежать совращения, потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вот почему тесен и прискорбен этот путь. Поэтому надобно отовсюду оградить себя, надобно со всех сторон надлежащим образом вооружать себя. Отовсюду появляются бесчисленные наслаждения, которые привлекают к себе душевные очи, именно — наслаждения, которые доставляют нам наши тела, деньги, пресыщение, леность, слава, гордость, власть, любоначалие, — и они являются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, так как она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему именно? Потому, что она все удовольствия обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, успокоение, конечно, не истинное, но имеющее только его наружный вид. Поэтому всякий сластолюбивый и изнеженный и слабодушный станет к ним прилепляться, освободив себя от трудов, сопряженных с добродетелью. Так и на языческих играх тот, кто не очень желает приобрести венцы, позволяет себе с начала предаваться пиршествам и пьянству; так именно и поступают робкие и слабодушные борцы; напротив, те, которые имеют в виду стяжать венец, принимают бесчисленные удары, потому что питают и воодушевляют себя надеждой на будущие (награды).

3. Итак, будем избегать корня зол, — и избегнем всего этого. Сказано: *корень есть сребролюбие;* Павел изрек это, или лучше — Христос через Павла. Посмотрим, впрочем, как это происходит. Сам опыт подтверждает это. В самом

деле, какое зло не происходит от денег, или, правильнее говоря, не от денег, а от злого намерения тех, которые не умеют пользоваться ими? Ведь деньгами можно было бы пользоваться, как следует, можно было бы при их содействии наследовать царство. Между тем ныне то, что дано нам для вспомоществования нищим, для заглаждения грехов наших, для прославления Бога и благоугождения Ему, — мы обращаем против несчастных нищих, или вернее — против нашей души, и через это оскорбляем Бога. Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предает смерти; другого в этом мире изнуряет нищетой, а себе приготовляет вечное наказание. Неужели одно может быть сравниваемо с другим? Итак, какое зло не происходит от них? Не отсюда ли любостяжание, хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые этой страстью разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Не ради ли них учреждены судилища? Итак, истреби в себе любовь к деньгам, — и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Подобно ведь тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, потрясают его до основания, так что находящийся в глубине песок смешивается с верхними волнами, — так и люди, жадные к деньгам, все приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю — друга? Он не знает даже Самого Бога, так как, будучи одержим этой страстью, он приходит в неистовство. Не видите ли вы проходящих вооруженных титанов? Они представляют собой измышленный образ неистовства. Между тем сребролюбцы не таковы, — они в самом деле неистовствуют и выходят из себя. И если раскроешь их душу, то найдешь ее таким образом устроенной: она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не признает, но бесится на всех, на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души, и громко изрыгает хулы

на само небо. Ими ниспровергнуто все, от неистовой любви к деньгам все погибло. Кого, кого мне винить, — не знаю: до такой степени это зло овладело всеми, — правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако — всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети, — все в равной мере поработились этому злу. Как будто какой-то мрак объял вселенную, — никто не выходит из опьянения. Правда, против любостяжания слышатся бесчисленные обвинения, и в частном разговоре и среди народа; но исправления нигде не видим. Как же быть? Как погасим пламя? Можно (погасить его), хотя бы даже оно поднялось до самого неба. Нам стоит только захотеть, — и мы, без сомнения, одолем это пламя. Как усилился он вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что хотя оно пребывает здесь, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там уготованные богатства, и что если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям, что оно доставляет временное удовольствие, и притом удовольствие, смешанное с огорчением; если хорошо рассмотрим иное богатство, то есть то, которое уготовано в вечной жизни, — будем тогда иметь возможность презреть богатство земное; если вникнем в то, что последнее нисколько не приумножает нам ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а напротив, погружает нас в бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то, что ты здесь богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здоровье, и мы

избавимся от этого тяжкого наказания. Жемчужина – нечто прекрасное? Но подумай, что это – морская вода, первоначально попавшая в недро раковины. Золото и серебро – нечто прекрасное? Но подумай, что оно и было, и есть земля и пепел. Прекрасны шелковые платья? Но это ткань, приготовленная червями. Прекрасными их делают человеческое предположение и предзанятое мнение, а от природы красоты в себе не имеют. Что от природы прекрасно, то не имеет нужды в учителях. Если бы ты увидел медную монету, вполне окрашенную золотом, то сначала ты дивился бы ей, считая ее золотой, а потом, когда бы люди, в этом сведущие, открыли тебе обман, удивление исчезло бы вместе с обманом. Видишь ли, что золото не от природы имеет в себе красоту? Но и серебро тоже ее не имеет, потому что если бы ты увидел олово, то ты стал бы дивиться ему, думая, что это серебро, подобно тому, как ты дивился меди, считая ее золотом, и нужны учители, которые бы показали, чему надобно дивиться. Таким образом глаза не служат для нас вполне надежным руководством при распознании вещей. Между тем цветы не таковы, но гораздо лучше золота и серебра. Если видишь розу, то не имеешь нужды в учителях, но умеешь сам собой отличить ее от анемона и от фиалки, точно так же и лилию, и всякий цветок. Следовательно, это не иное что, как предзанятое мнение. А чтобы ты убедился, что эта гибельная страсть есть следствие предзанятого мнения, то вот скажи мне: если бы царю угодно было определить законом, чтобы серебро ценилось выше золота, то разве не переменилось бы наше удивление и любовь? Так-то мы всегда водимся любостяжанием и предзанятым мнением. А что это так и что вещи ценятся по своей редкости, а не по природе (видно из следующего): есть плоды, которые у нас дешевы, а в стране каппадокийской дороги: из тех же, которые дороги у нас, иные гораздо дешевле в Китае, откуда привозятся эти одежды. И в богатой ароматами Аравии и Индии, где находятся драгоценные камни, можно найти много таких вещей. Так-то все это есть предубеждение и предзанятое человеческое мнение, и мы ничего не делаем по рассужде-

нию, но без внимания и как случится. Итак, воспрянем от этого опьянения; будем взирать на истинно прекрасное, на то, что прекрасно от природы, — на благочестие и справедливость, — чтобы мы сподобились получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Завещаваю ти перед Богом оживляющим всяческая, и Господом Иисусом Христом свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате доброе исповедание, соблюсти тебе заповедь нескверну, незазорну, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа: еже во своя времена явит блаженный и един сильный Царь царствующих и Господь господствующих, един имеяй бессмертие, во свете живый неприступнем, егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может: емуже честь и держава вечная. Аминь (1 Тим. VI, 13—16)

1. Опять призывает в свидетели Бога, как и незадолго перед тем он делал это, — в одно время и умножая страх, и соделывая ученика более непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, — чтобы (Тимофей), принимая заповедь эту как бы от Самого Владыки и всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в возбуждение свою душу. *Завещаваю ти*, говорит, *пред Богом оживляющим всяческая.* Здесь содержится и ободрение среди опасностей, и воспоминание о воскресении. *И Христом Иисусом*, говорит, *свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате.* Опять (заимствует) наставление (из примера) Учителя. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Он для того и свидетельствовал, чтобы мы по следам Его шли в добром исповедании. То же самое (апостол) делает и в послании к Евреям, говоря: *взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, иже вместо предлежащия ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе;* и опять: *по-*

мыслите убо таковое пострадавшаго от грешник на себе прекословие, да не стужаете, душами своими ослабляеми (Евр. XII, 2, 3). Это говорит он и теперь ученику, как будто выражаясь следующим образом: не бойся смерти, ведь ты раб Бога, Который может все оживотворить. Но что называет он добрым исповеданием? То, что, будучи спрошен Пилатом: *убо царь ли еси ты?* – отвечал: *аз на сие родихся,* и опять: *аз приидох, да свидетельствую истину* (Ин. XVIII, 37). Вот эти слушали Меня. Итак, или поэтому так говорит, или потому, что, будучи спрошен, сын ли Он Божий? – сказал: ты глаголешь, *яко* Сын Божий *есмь аз* (Лк. XXII, 70). И многое другое засвидетельствовал Он и исповедал. *Соблюсти тебе, заповедь нескверну и незазорну, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа,* то есть до твоей кончины, до исхода. Впрочем, не сказал так, но сказал: *даже до явления,* чтобы больше ободрить его. Что значит: *соблюсти тебе заповедь нескверну?* Не навлечь на себя ни малейшего укора ни за верования, ни за жизнь. *Еже во своя времена явит,* говорит, *блаженный и един сильный. Царь царствующих и Господь господствующих, един имеяй безсмертие, во свете живый неприступнем.* О ком это сказано? Об Отце ли или о Сыне? Без сомнения, о Сыне. *Еже во своя времена явит блаженный и един сильный.* И это опять (говорит) в утешение, чтобы (Тимофей) не приходил ни в удивление, ни в страх перед царями земными. *Во своя времена,* то есть в подобающее, в должное время, чтобы не печалиться о том, что оно еще не наступило. А из чего видно, что Он явит? Из того, что Он могуществен; а Он один могуществен. Следовательно, явит блаженный, – (который есть) само блаженство. Говорит же это, давая понять, что там нет ни скорби, ни огорчения. А слово *един* употребил, или противопоставляя Его людям, или для означения Его нерожденности, как и мы часто говорим о людях, которых хотим отличить. *Един,* говорит, *имеяй бессмертие.* Итак, что же? Разве Сын не имеет его? Разве Он не само бессмертие? Как же это (возможно), когда Он – того же существа с Отцом? *Во свете,* говорит, *живый неприступнем.* Иной ли свет Он Сам, и иной ли тот, в котором Он живет? Неужели и местом Он определяется? Нет. Не с той целью, чтобы

мы так думали, но чтобы показать нам непостижимость божеской природы, (апостол) сказал, что Бог живет во свете неприступном, — настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможным. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда хочет провещать что-нибудь великое? *Егоже никтоже видел есть от человек,* говорит, *ниже видети может,* как и Сына никто не видел и видеть не может. *Емуже честь и держава вечная. Аминь.* Благовременно и даже по необходимости здесь (апостол) изъяснил учение о Боге. Так как он призвал Бога в свидетели, то говорит много об этом Свидетеле, чтобы больше тронуть ученика. То есть: слава Ему; мы можем это только говорить, это только делать, не испытуя, кто Он. Если же держава Его вечная, то ничего не бойся, и хотя бы в настоящее время этого не было, честь Его всегда, держава Его всегда пребывает. *Богатым в нынешнем веце запрещай не высокомудрствовати* (ст. 17). Хорошо сказал: *в нынешнем веце,* потому что есть и иные богатые — в будущем веке. Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги. Потом тотчас смиряет их, говоря: *ниже уповати на богатство погибающее* (ст. 17), потому что от него рождается гордость, между тем как надеющийся на Бога не превозносится. Что ты надеешься на вещь, которая внезапно проходит, — а таково и есть богатство? И как ты надеешься на то, на что нельзя полагаться? Каким же образом, скажешь ты, они могут быть невысокомерными? Если увидят, что оно непостоянно и нетвердо: если увидят, что надежда на Бога больше всякого богатства; если увидят, что и его самого виновник есть Бог. *Но на Бога жива,* говорит, *дающаго нам вся обильно в наслаждение* (ст. 17). Хорошо сказал: *вся обильно,* указывая на перемены времен года, на воздух, свет, воду и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какой щедростью доставляет Он нам все это? Если ты ищешь богатства, то ищи богатства пребывающего, твердого, которое происходит от совершения добрых дел. На это и (апостол) указывает, говоря: *благое делати, богатитися в делех добрых, благоподатливым быти, общительным* (ст. 18); первое относится к деньгам, а последнее —

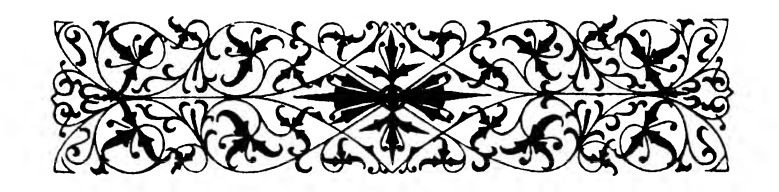
к любви. Общительным, говорит, разговорчивым, приветливым. *Сокровищующе себе основание добро в будущее* (ст. 19). Там нет ничего ненадежного, там непоколебимое основание, там нет ничего непостоянного, но все непоколебимо, неизменно, прочно, постоянно пребывающее. *Да приимут,* говорит, *вечную жизнь* (ст. 19), – потому что совершение добрых дел может доставить нам наслаждение ею. *О Тимофее, предание сохрани* (ст. 20). Не уменьшай его; оно – не твое; тебе вверено чужое; не убавляй его. *Уклоняяся,* говорит, *скверных суесловий и прекословий лжеименнаго разума.*

2. Хорошо он сказал таким образом! Действительно, где нет веры, там нет знания. Когда что-либо рождается от собственных наших помыслов, то это не знание. Он говорит это, может быть, потому, что некоторые тогда называли себя гностиками, как бы знавшие больше других. *О нем же нецыи хвалящеся,* говорит, *о вере погрешиша* (ст. 21). Видишь ли, как опять он повелевает даже не сходиться в одно место с таковыми? *Уклоняяся,* говорит, *прекословий.* Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно. Почему? Потому что они удаляют от веры, потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться этого, а веры, которая есть незыблемый камень. Тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо стали на камне. Таким образом, и в этой жизни, – если изберем это истинное основание, – будем стоять, не испытывая опять никакого бедствия. Кто избрал это богатство, тот не потерпит никакого бедствия, – кто (избрал) этот почет, эту славу, эту честь, это удовольствие. Все это незыблемо, не испытывает никакой перемены; между тем здесь все переменяется и подвержено превращениям, все непостоянно. Чего ты хочешь? Славы? Не *снидет,* говорится, *слава его* во след его (Пс. XLVIII, 18), а часто даже оставляет его еще при жизни. Не таковы совершенства добродетели: они все постоянно пребывают. Здесь тот, кто стал знаменитым, достигнув власти, как скоро власть переходит к другому, становится человеком малозначительным и одним из подна-

чальных. Богатый, – когда напали на него разбойники, клеветники, злоумышленники, – внезапно становится бедным. Но у нас не так. Если воздержный внимателен к себе, то никто не в состоянии отнять у него воздержания. Того, кто владеет и управляет самим собой, никто не сделает человеком, не имеющим власти, подначальным. А что последняя власть значительнее первой, это узнаешь из сравнения. В самом деле, скажи мне, какая польза управлять всеми народами и быть рабом страстей? Какой вред – не управлять ни одним человеком и быть выше господства страстей? Вот свобода, вот власть, вот царство и могущество! Другого рода власть есть рабство, хотя бы кто окружил себя тысячей диадем. Когда внутри его властвует множество господ, именно – сребролюбие, сластолюбие, гнев и другие страсти, то какая польза от диадемы? Велико могущество страстей, когда и самый венец не в силах избавить человека от этого рабства. Подобно тому, как когда бы кто-нибудь, будучи царем, попал в рабство к варварам, и они, желая в большей степени показать свою власть над ним, не сняли бы с него ни порфиры, ни диадемы, но заставляли бы его в таком виде и носить воду, и готовить кушанье, и исполнять все другие работы, чтобы таким образом доставить себе больше чести, а его подвергнуть большему поруганию, – так и в настоящем случае эти страсти обращаются с нами жесточе всякого варвара. Кто презирает их, тот будет смеяться и над варварами; а кто преклоняется перед ними, тот будет терпеть от них гораздо больше зла, чем от варваров. Варвар, когда приобретает великую силу, истязает тело; а страсти мучат и отовсюду терзают душу. Варвар, когда приобретает великую силу, предает смерти временной; а страсти предают смерти вечной. Поэтому свободен только тот, кто стяжал свободу внутреннюю; равно и раб только тот, кто покорствует бессмысленным страстям. Ни один господин, как бы жесток он ни был, не дает таких строгих и жестоких повелений (как страсти). Посрами твою душу, говорят они, без нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай самой природы; будет ли это отец или мать, – отложи всякий стыд, восстань против них. Та-

ковы повеления сребролюбия. Приноси мне в жертву, говорит оно, не тельцов, а людей. Правда, и пророк говорит: *пожрите человеков, оскудеша бо тельцы* (Ос. XIII, 2); а сребролюбие не это заповедует, но: пожри человеков, хотя и есть тельцы; приноси в жертву людей; приноси в жертву не сделавших никакой неправды; убей и того, кто оказал тебе благодеяние. И опять: будь враждебен ко всем, будь общим врагом всех – и самой природы, и Бога; собирай золото – не для наслаждения, а для того, чтобы беречь его и испытывать через него большее мучение. Ведь невозможно сребролюбцу быть вместе и преданным наслаждению, потому что он боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудели сокровищницы. Бодрствуй, говорит оно, всех подозревай – и рабов, и друзей; будь стражем чужого. Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними с него даже саму кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клевещи и, хотя бы надлежало идти в огонь, подвергнуться тысяче смертей, умереть от голода, бороться с болезнью, – не отказывайся. Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и бесстыдным, наглым и грубым, преступным и бесчестным, неблагодарным, бесчувственным, недружелюбным, непримиримым, безжалостным, отцеубийцей, больше зверем, нежели человеком. Превзойди всякого змия суровостью, всякого волка хищностью; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебе сделаться настолько злобным, как демон, не отказывайся; не знай благодеяния. Разве не это вещает оно? И мы слушаемся его! Но Бог дает противоположные заповеди. Будь дружен со всеми, будь кроток, всеми любим, никого напрасно и без причины не оскорбляй, чти отца, чти мать, пользуйся добрым мнением, будь не человеком, а ангелом; ничего не говори ни бесстыдного, ни ложного, даже и не помышляй о подобном; помогай нуждающимся, не навлекай на себя хлопот грабительством, не будь дерзким, ни наглым. И нет никого, кто бы слушался этого! Поэтому разве несправедливо угрожает геенна? Разве не по заслугам – огонь? Червь неумирающий? До каких пор будем блуждать по стремни-

нам? До каких пор будем ходить по терниям? До каких пор будем прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестоким мучителям и отвращаемся от милосердого Владыки, Который ничего не говорит ни оскорбительного, ни грубого, ни жестокого, ни неразумного, но заповедует все нужное, прибыльное и доставляющее нам великую пользу. Воспрянем наконец, обратимся, приуготовимся, возлюбим Бога, как должно, чтобы удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ*

БЕСЕДА I

Павел апостол Иисус Христов волею Божиею, по обетованию жизни, яже о Христе Иисусе, Тимофею возлюбленному чаду, благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса Господа нашего (2 Тим. I, 1, 2)

1. Почему (апостол) пишет и второе послание к Тимофею? Прежде он говорил: *уповаю приити к тебе скоро* (1 Тим. III, 14), но это не исполнилось; поэтому он, вместо своего прибытия, через послание утешает его, может быть, скорбевшего как по этой причине, так и по случаю принятия им в то время (епископской) власти. Ведь как бы ни были велики мужи, принимающие бразды правления Церковью, но они затрудняются, будучи со всех сторон затопляемы большими волнами дел; особенно можно сказать это о тогдашнем времени, когда было начало проповеди, когда все было невозделано, все враждебно, все противодействовало. Притом были ереси, порожденные иудейскими учителями, о чем (Павел) упоминал и в первом послании. Впрочем, не посланием только он утешает Тимофея, но и приглашает его к себе: *потщися*, говорит, *скоро приити ко мне*, и: *грядый принеси книги, паче же кожаныя* (2 Тим. IV, 9, 13). Мне кажется, что это послание написал

---

* Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.

он при конце своей жизни, потому что говорит: *аз бо уже жрен бываю,* и еще: *в первый мой ответ никтоже бысть со мною* (2 Тим. IV, 6, 16). Устроив все это, он утешает Тимофея собственными искушениями и говорит: *Павел апостол Иисус Христов волею Божиею по обетованию жизни, яже о Христе Иисусе.* Тотчас, в самом начале, ободряет душу его. Не указывай мне, говорит, на здешние бедствия; они доставляют нам вечную жизнь, где нет ничего такого, где нет болезни, печали и воздыхания. Не для того, говорит, Бог сделал нас апостолами, чтобы мы только подвергались опасностям, но чтобы и умирали, чтобы претерпели и это. Но так как указание на свои бедствия не только не было утешением, но еще увеличивало скорбь, то он в самом же начале предлагает следующее утешение: *по обетованию жизни, яже о Христе Иисусе.* Если же она – обетование, то не ищи ее здесь, потому что *упование видимое несть упование* (Рим. VIII, 24). *Тимофею возлюбленному чаду;* не просто: *чаду,* но: *возлюбленному.* Могут быть дети и нелюбимые; но ты не таков, говорит, и потому не просто *чадом я* называю тебя, но чадом *возлюбленным.* И галатийцев он называет чадами, однако скорбит о них: *чадца моя,* говорит, *имиже паки болезную* (Гал. IV, 19). Называя его возлюбленным, он свидетельствует о великой его добродетели. Каким образом? Когда любовь не от природы, то она – от добродетели. Родившиеся от нас бывают любезны нам не по своей добродетели только, но и по требованию природы; а возлюбленные по вере бывают такими не по чему иному, как по добродетели. И как может быть иначе, особенно у Павла, который ничего не делал по пристрастию? Кроме того, выражением *возлюбленному чаду* он показывает, что сам не пришел к нему не потому, чтобы гневался на него, или презирал, или не одобрял его. *Благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса Господа нашего.* Чего желал прежде, того же и теперь желает ему. Заметь, как он в самом начале оправдывается перед ним, что сам не пришел для свидания с ним; ведь слова: *дондеже прииду,* и еще: спешу *приити к тебе скоро* (1 Тим. IV, 13; III, 14) заставляли ожидать скорого его прибытия. В этом он тотчас же и оправдывается. Впрочем, не

говорит вдруг о причине, почему не пришел, чтобы не слишком опечалить его, – причиной было то, что он задержан был кесарем, – но уже в конце, когда приглашал его к себе, открыл ее. В начале же не опечаливает его, а высказывает надежду видеться с ним: *желаю видети тя* и: *потщися скоро приити ко мне* (2 Тим. I, 4; IV, 9). Итак, в самом начале он ободряет Тимофея и в похвалу его продолжает: *благодарю Бога, ему же служу от прародителей чистою совестию, яко непрестанную имам о тебе память в молитвах моих день и нощь, желая видети тя, поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (ст. 3, 4). *Благодарю Бога,* говорит, за то, что я помню о тебе, – так я люблю тебя. Это – знак чрезвычайной любви, когда кто любит так, что сам восхищается любовью. *Благодарю Бога,* говорит, *ему же служу.* Как? *Чистою совестию от прародителей;* совесть его не была запятнана. Впрочем, он здесь говорит о жизни и везде называет совестью жизнь. Иначе сказать: я не изменил тем благам, которых и прежде желал, по каким-либо человеческим побуждениям, даже и тогда, когда был гонителем. Потому он и сказал: *но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии* (1 Тим. I, 13), и как бы так говорит: не подозревай здесь неправого дела. Кстати, он изображает свой нрав, чтобы достоверны были и слова его о любви. А смысл слов его следующий: я не лгу, не иное думаю, а иное говорю. Так он вынужден был хвалить себя и прежде, как видно из книги Деяний. Когда стали порицать его, как возмутителя и нововводителя, то он говорит: Анания *рече ми: Бог отец наших* предызбрал *тя разумети хотение его, и видети Праведника, и слышати глас от уст его, яко будеши ему свидетель у всех человеков о сих, яже видел еси и слышал* (Деян. XXII, 14, 15). Так и здесь, чтобы не составилось о нем мнение, как о человеке, чуждом дружбы и совести и забывающем ближних, он справедливо, в похвалу себе, говорит: *непрестанную имам о тебе память,* и не просто, но: *в молитвах моих,* то есть это входит в мою молитву, во всякое время непрестанно я исполняю это, – именно это выражают слова: день и ночь молю Бога, *желая видети тя.* Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбыток любви? Видишь ли его смиренномудрие, по кото-

рому он оправдывается перед учеником? Потом показывает, что делает это не просто и не без причины; показал и выше, показывает и здесь: *поминая*, говорит, *слезы твоя*. Разлучаясь (с Павлом), он, вероятно, плакал и рыдал больше дитяти, отнимаемого от сосцов кормилицы и молока. *Да радости исполнюся*, говорит, *желаю видети тя*. Если бы я был даже крайне бесчувствен, жесток и бесчеловечен, и тогда не отказал бы себе в этом удовольствии, — потому что припоминаемые мной слезы твои могли бы смягчить меня. Но я не из числа таких; я чисто служу Богу. Многие причины влекли меня к тебе. Итак, Тимофей плакал. Далее Павел приводит и другую утешительную причину: *воспоминание*, говорит, *приемля о сущей в тебе нелицемерней вере* (ст. 5)

2. Далее следует другая похвала в том, что (Тимофей) был не из язычников и не из неверных, но из такого дома, который издавна служил Христу. *Яже вселися прежде*, говорит, *в бабу твою Лоиду и в матерь твою Эвникию*. Он был *сын жены Иудеяныни верны* (Деян. XVI, 1). Как иудеянки? Как верной? Она была не из язычников. Но ради отца его, который был эллин и ради иудеев, бывших в тех местах, (Павел) взял и обрезал его (см.: Деян. XVI, 3). Видишь ли, как начал разрушаться закон, когда были такие смешения? Смотри, сколько он предложил доказательств для убеждения, что не презирал (Тимофея). Я служу, говорит, Богу; имею чистую совесть; ты плачешь. И не за слезы только (желаю видеть тебя), но и за веру, так как ты служитель истины, и нет в тебе лицемерия. Если же и ты достоин быть любимым, как сильно любящий меня истинный ученик Христов, и я не из числа людей, чуждых любви, но ревнующих об истине, то что могло воспрепятствовать мне прийти к тебе? *Известен же есмь, яко и в тебе*. Издавна, говорит, ты имеешь это благо; от прародителей ты принял нелицемерную веру. Доблести предков, если мы подражаем им, принадлежат и нам; а если не подражаем, не имеют никакой силы, но еще служат к нашему осуждению. Поэтому он и прибавил: *известен же есмь, яко и в тебе;* не догадываюсь, говорит, но убежден и совершенно уверен. Если же не для чего-нибудь человеческого ты принял ее, то ничто не может поколебать тебя. *Еяже*

ради вины воспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею (ст. 6). Видишь ли, как он выражает, что (Тимофей) был в великой скорби, в унынии? Он как бы так говорит: не подумай, что я презираю тебя; знай, что я не презираю и не забыл тебя; если не кого другого, то вспомни свою бабку и мать. Я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, и потому напоминаю: тебе нужно иметь ревность, чтобы воспламенять дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать – нашего усердия, чтобы она воспламенялась. *Воспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею,* то есть благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для знамений и всякого служения, потому что от нас зависит и погашать и воспламенять ее. Поэтому и в другом месте он говорит: *духа не угашайте* (1 Сол. V, 19). От беспечности и лености он угасает, от внимания и усердия воспламеняется; он есть в тебе; но ты доставляй ему больше силы, то есть исполняй его крепости, радости, веселья: стой мужественно. *Не бо даде нам Бог духа страха, но силы и любве и целомудрия* (ст. 7), то есть не для того мы получили дух, чтобы сокрушаться, но чтобы иметь дерзновение. Многим Бог дает и дух страха, например, на войне, как читается в книгах Царств. *И нападе,* говорит (Писание), *на ня* дух *страха* (Исх. XV, 16), то есть Бог вложил в них страх. Напротив, тебе Он даровал дух силы и любви к Нему. Следовательно, и это от благодати, впрочем, не просто от благодати, но если и мы наперед исполним зависящее от нас, так как что побуждает нас взывать: *Авва Отче* (Рим. VIII, 15), то же самое внушает нам и любовь к Нему и ближним, чтобы мы любили друг друга. Любовь происходит от силы и безбоязненности; и обыкновенно, ничто столько не разрушает любви, как страх и подозрение предательства. *Не бо даде нам Бог,* говорит, *духа страха, но силы и любве и целомудрия.* Целомудрием он называет или здоровье ума и души, или то, чтобы мы жили целомудренно, и старается вразумить нас и отклонить от невоздержания, хотя бы случилось какое-нибудь бедствие. Итак, не будем скорбеть, подвергаясь бедствиям; в этом состоит целомудрие. *Не скор буди,* гово-

рит (Премудрый), *во время наведения* (Сир. II, 2). многие имеют много домашних скорбей; скорби общи всем нам, только причины их различны: один терпит скорбь от жены, другой от сына, иной от слуги, тот от друга, этот от врага, тот от соседа, этот от убытков; бывает много разных причин скорбей. Вообще невозможно найти человека, который был бы свободен от горестей и скорбей; всякий испытывает скорби больше или меньше. Итак, не будем унывать и думать, будто мы только одни терпим скорбь.

3. Нет человека, который, проводя эту изменчивую жизнь, был бы без горестей; если не сегодня, то завтра, если не завтра, то после, горести приходят. Как плавающему невозможно быть без тревог, разумею плавающего по великому морю, так и живущему в этой жизни невозможно быть без скорбей, хотя бы он был и богатым. По тому самому, что он богат, у него много поводов к неприятностям. Представь даже самого царя; и он зависит от многого и не все делает по своему желанию, но часто делает угодное другим против своей воли, и вообще он чаще всех поступает не так, как хочет. Почему? Потому что есть много людей, которые хотят получить что-нибудь из принадлежащего ему. Представь же, какую великую чувствует он скорбь, когда хочет сделать что-нибудь и не может или из опасения, или из подозрения, или из-за врагов, или из-за друзей? Часто, когда он и решится исполнить какое-нибудь из своих желаний, все удовольствие от совершения дела теряется вследствие сопротивления многих недовольных им.

Что же? Ты думаешь, что люди, проводящие жизнь без трудов, свободны от скорбей? Нет. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и — прожить без скорбей. Сколько приходится им терпеть таких неприятностей, которых невозможно выразить словом, но которые могут испытывать только они одни! Как часто просили себе смерти жившие среди богатства и роскоши! Жить роскошно отнюдь не значит жить без горестей; напротив, сама роскошь рождает бесчисленные горести, болезни, неудовольствия; а если и нет этого, (то живущий в роскоши часто грустит) без всякой причины. Действительно, когда

душа находится в таком состоянии, то может грустить и без причины. Врачи говорят, что и от слабости желудка происходят немалые скорби. Не случается ли этого и с нами, когда мы скорбим и не знаем причины грусти? Вообще, невозможно найти человека без скорби. Если же у других не столь важна причина скорби, как у нас, то каждый из них, однако, так же думает, – свое горе более чувствительно, нежели чужое. Как те, у кого болит какая-нибудь часть тела, думают, что их страдание сильнее страданий ближнего, – у кого, например, болит глаз, тот полагает, что нет другой такой боли, какая у него, или у кого болит желудок, тот считает свою боль сильнее всех болей, и всякий, чем страдает, то и считает самым мучительным страданием, – так и в скорбях душевных: каждый то горе, которое постигло его, называет самым тяжелым, потому что судит о нем по собственному опыту. Например, не имеющий детей думает, что нет ничего хуже бездетности; а имеющий много детей, при бедности, ни на что так не жалуется, как на многосемейность; имеющий одного сына полагает, что нет ничего хуже, как иметь одного: от этого, говорит, он и ленив, и огорчает своего отца, и не принимает никаких внушений, оставаясь, впрочем, постоянно любимым сыном; имеющий красивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену красивую, потому что в этом случае бывает много подозрения и козней; а имеющий некрасивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену некрасивую, потому что это весьма неприятно. Частный человек говорит, что нет ничего негоднее и ниже такой жизни, а военный утверждает, что нет ничего труднее и опаснее военного звания, что лучше питаться одним хлебом и водой, нежели переносить такие тяготы. Начальствующий говорит, что нет ничего тяжелее, как удовлетворять нуждам других, а подчиненный утверждает, что нет ничего унизительнее, как подчиняться власти других. Женившийся говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену и соединенные с ней заботы, а не женившийся утверждает, что нет ничего хуже, как быть неженатым, – не имеешь ни дома, ни покоя. Купец называет счастливым земледельца за его спокойствие,

а земледелец – купца за его богатство. Вообще род человеческий ничем недоволен, всегда жалуется и огорчается. Осуждая всех людей, говорят, что человек есть ничто, и что весь род человеческий есть вьючное и жалкое животное. Сколько таких, которые прославляют старость! Сколько таких, которые считают блаженством юность! Таким образом много бывает горестей и от возрастов жизни. Когда мы видим, что нас осуждают за молодость, то говорим: зачем мы не старцы? А когда голова покрывается сединой, то говорим: где наша молодость? Вообще, у нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только есть путь, избавляющий от этой несообразности, – путь добродетели. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу. Иной согрешил и, сокрушаясь скорбно, омывает грехи свои; другой оказывает сострадание падшему брату, и в этом также находит себе немалую награду, потому что сострадание к людям, находящимся в несчастии, доставляет нам великое дерзновение перед Богом.

4. Послушай, как мудро Священное Писание говорит об Иове; послушай, что говорит Павел: *плакати с плачущими;* и еще: *смиренными ведущеся* (Рим. XII, 15, 16). Участие в горестях других весьма сильно облегчает скорби: как содействие тому, кто один несет тяжесть, облегчает его бремя, так и во всем прочем. Между тем ныне, когда кто из наших ближних умирает, – многие окружают его, многие утешают близких к нему; и осла упавшего мы часто поднимаем; а когда падают души наших братий – мы не обращаем внимания и думаем о них меньше, нежели об осле. Видя, что кто-нибудь бесстыдно входит в харчевню, мы не удерживаем его; напивается ли он или совершает какое-нибудь другое бесчинство, мы не только не препятствуем, но еще сами принимаем в том участие. Поэтому Павел и говорил: *не точию сами творят, но и соизволяют творящим* (Рим. I, 32); и многие составляют товарищества для гулянья и пьянства. Составляй, человек, товарищества для того, чтобы истреблять страсть к пьянству; такие товарищества благодетельны для узников, для находящихся в скорбях. Нечто подоб-

ное и Павел предписывал коринфянам, когда говорил: *да не, егда прииду, тогда собрания бывают* (1 Кор. XVI, 2). Для пьянства, пированья и гулянья мы теперь делаем все – и общую постель, и общий стол, и общее вино, и общие издержки; а устроить общественную милостыню не думает никто. Во времена апостолов были такие товарищества, – тогда сносили в одно место все имущество; я же требую не всего, а какой-нибудь части. *По единей от суббот,* говорит (Павел), *кийждо вас да полагает, еже аще что благопоспешится* (1 Кор. XVI, 2), как бы принося дань за семь дней и слагая ее вместе, и таким образом подавая большую или меньшую милостыню. *Да не явишися,* говорит (Писание), *пред Господем тощ* (Втор. XVI, 16). Если это было заповедано иудеям, то не тем ли более нам? Для того бедные и стоят у дверей, чтобы никто не входил *тощим,* но вступал с милостыней. Ты входишь, чтобы получить себе милость: окажи же сам наперед милость. Кто приходит после, тот должен подать больше, потому что когда уже мы сделаем начало, то следующий должен положить больше. Сделай должником своим Бога, и потом проси Его; дай ему взаем, и потом требуй, чтобы получить с прибытком. Бог хочет этого и не отвергает. Если ты просишь Его с милостыней, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостыней, то даешь Ему взаем и получишь прибыток. Так, внушаю вам, не за воздеяние рук можно быть услышанным; простирай руки свои не к небу, а к рукам бедных. Если ты будешь простирать руки к рукам бедных, то достигнешь самой высоты неба, потому что там восседит Тот, Кто принимает милостыню; а если станешь воздевать руки без плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мне: если бы пришел к тебе царь в порфире и стал просить тебя, то не отдал ли бы ты ему охотно всего своего имущества? Ныне же просит тебя устами бедных царь не земной, а небесный, и ты стоишь, не обращая на Него внимания, и откладываешь подаяние. Какого ты достоин за это наказания? Подлинно, не за воздеяние рук и не за множество слов, но за дела можно быть услышанным. Послушай, что говорит пророк: *егда простреете руки ваша, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моление, не услышу вас* (Ис. I, 15).

У кого недостаток в милости, тому следовало бы молчать и не возводить очей к небу; а он еще осмеливается многоглагольствовать! Между тем, что говорит (пророк)? *Судите сиру и смирену*, и *оправдите вдовицу*, и *научитеся добро творити* (Ис. I, 17; Пс. IX, 39). Таким образом мы можем быть услышаны, хотя бы и не воздевали рук наших, хотя бы ничего не говорили и ни о чем не просили. Будем же стараться об этом, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ.

БЕСЕДА II

Не постыдися убо свидетельством Господа нашего, ни мною юзником его: но спостражди благовествованию, по силе Бога, спасшаго нас и призвавшаго званием святым, не по делом нашим, но по своему предложению и благодати данней нам о Христе Иисусе прежде лет вечных, явльшейся же ныне просвещением Спасителя нашего Иисуса Христа (2 Тим. I, 8—10)

1. Нет ничего хуже, как судить и измерять дела божественные соображениями человеческими: таким образом можно далеко отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще отдалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий протекать своими умствованиями в свет неприступный потерпит вред, оскорбляя дар Божий. Посмотри на Маркиона, Манеса, Валентина и на всех, вносивших другие еретические и пагубные учения в Церковь Божию, как они, измеряя дела Божии умствованиями человеческими, стыдились домостроительства нашего спасения. Между тем оно, – разумею крест Христов, – заслуживает не стыда, а великой хвалы. В самом деле, ничто не служит столь великим доказательством человеколюбия Божия, ни небо, ни море, ни земля, ни сотворение всего сущего из ничего, ни все прочее, как крест. Потому и Павел хвалится им: *мне же*, говорит, *да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. VI, 14). Но люди душевные, приписывающие Богу не более, как людям, отпадают от веры и сты-

дятся ее. Потому (апостол), убеждая своего ученика, а через него и всех, говорит: *не постыдися убо свидетельством Господа нашего,* то есть не стыдись того, что ты проповедуешь Распятого, но и хвались. Хотя все эти предметы – смерть, темницы, узы – сами по себе достойны стыда и порицания, но здесь, если вникнуть в причину их и внимательно рассмотреть таинство, они достойны великой хвалы и великого почитания. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землей; эта смерть разрушила власть диавола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на престол царский; эти узы обратили многих. *Не постыдися убо,* говорит, *свидетельством Господа нашего, ни мною юзником его, но спострažди благовествованию,* – то есть хотя бы ты сам потерпел это, не стыдись. Что он выражает именно это, видно как из вышесказанных слов: *даде нам Бог духа силы и любве и целомудрия* (2 Тим. I, 7), так и из последующих. *Но спостражди,* говорит, – то есть не просто: не стыдись, но: не стыдись и сам испытать. Не сказал: не бойся, не страшись, но сильнее ободряет его словом: *не постыдися,* выражая, что опасность как бы не существует, если преодолеть стыд. Стыд тогда только и тягостен, когда он преодолевает нас. Итак, не стыдись, если я, воскрешающий мертвых, совершающий бесчисленные знамения, обтекший всю вселенную, теперь связан. Я связан не как злодей, но ради Распятого; если Владыка мой не постыдился креста, то и я не стыжусь уз. Хорошо он, желая убедить ученика своего не стыдиться, наперед напомнил ему о кресте. Если, говорит, ты не стыдишься креста, то не стыдись и уз; если Владыка наш и Учитель претерпел крест, тем более мы (можем претерпеть) узы; а кто стыдится того, что́ сам потерпел, тот стыдится и Распятого. Я, говорит, не за себя несу эти узы. Итак, не потерпи чего-нибудь человеческого, но будь общником в тех же страданиях. *Но спостражди,* говорит, *благовествованию,* не в том смысле, будто благовествование страдает, но он побуждает ученика страдать за Евангелие. *По силе Бога, спасшаго нас и призвавшаго званием святым, не по делом нашим, но по своему предложению и благодати данней нам о Христе Иису-*

се прежде лет вечных. Так как, с другой стороны, сказать: пострадай – значило повергнуть ученика в тяжкую скорбь, то (апостол) опять утешает его, говоря: *не по делом нашим,* то есть не думай, что ты перенесешь это собственной силой, но – силой Божией; твое дело – избрать и показать усердие, а облегчить и успокоить – дело Божие. Потом он представляет и доказательства силы Божией. Вспомни, говорит, как ты спасен, как ты призван; подобно как он говорит и в другом месте: *по силе его действуемей в нас* (Еф. III, 20). Подлинно, для того, чтобы убедить вселенную, нужно более силы, нежели сотворить небо. Как же он призван? *Званием,* говорит, *святым,* то есть Бог сделал святыми бывших грешников и врагов Его; и это не от нас, – Божий дар (см.: Еф. II, 8). Если же Он и столь силен в призвании и столь благ, что делает это по благодати, а не по долгу, то не должно страшиться. Если и тогда, когда нужно было спасти нас, бывших врагами Его, Он спас благодатью, то не тем ли более Он будет содействовать нам, когда увидит и нашу деятельность? *Не по делом нашим,* говорит, *но по своему предложению,* то есть не по чьему-нибудь принуждению или совету, но по собственному изволению, побуждаемый собственной своей благостью, Он спас нас: таков смысл слов: *по своему предложению. И благодати данней нам о Христе Иисусе прежде лет вечных,* то есть безначально было предопределено – быть этому *о Христе Иисусе.* Немаловажно и это, то есть что Бог хотел этого искони, и следовательно – не по раскаянию. Как же можно говорить, что Сын не вечен? Он и сам хотел этого от начала. *Явльшейся же ныне просвещением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившаго убо смерть и возсиявшаго жизнь и нетление благовествованием* (ст. 10).

2. Видишь ли, какая сила, видишь ли, какой дар ниспослан нам не за дела наши, но через Евангелие? Это – предмет нашей надежды. В Теле Христовом то и другое (жизнь и нетление) уже было, а в нашем еще будет. Каким образом? *Благовествованием. В неже поставлен бых аз проповедник и апостол и учитель языков* (ст. 11). Для чего Павел так часто называет себя учителем языков? Чтобы внушить, – как я уже говорил, – что это должно быть близко и к язычникам.

Итак, не огорчайся при мысли о моих страданиях; силы смерти сокрушены; я страдаю не как злодей, но для научения язычников. Вместе с тем и учение его делается достоверным. *Еяже ради вины и сия,* говорит, *стражду, но не стыждуся: вем бо, емуже веровах, и известихся, яко силен есть предание мое сохранити в день он* (ст. 12). *Но не стыждуся,* говорит. В самом деле, скажи мне, разве постыдны эти узы, разве постыдны эти страдания? Не стыдись же и ты. Видишь ли, как он преподает учение самим делом? Я страдаю, говорит, ввержен в темницу, терплю гонение. *Вем бо, емуже веровах и известихся, яко силен есть предание мое сохранити в день он.* Что значит: *предание?* Вера, проповедь. Сам предавший ее, говорит, сохранит ее неизменной. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось в целости. Или *преданием* он называет верующих, которых Бог вверил ему, или он предал Богу. Вот ныне, говорит, предаю вас Господу, то есть это не будет для меня бесполезно; и сам Тимофей представляет мне плод этого *предания.* Видишь ли, как он даже не чувствует своих страданий в надежде на учеников? Таким и должно быть учителю; так должно заботиться об учениках, — должно считать их всем для себя. *Мы ныне,* говорит он, *живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8); и еще: *кто бо нам упование или радость или венец похваления? не и вы ли пред Господем нашим Иисус Христом* (1 Сол. II, 19)? Видишь ли, как он заботится о благе учеников не менее своего собственного? Учители должны превосходить плотских отцов, должны быть усерднее их. Но и дети должны питать любовь к ним. *Повинуйтеся,* говорит он, *наставником вашим и покаряйтеся,* зная, что *тии бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Скажи же мне: почему, тогда как наставник твой подлежит такой опасной ответственности, ты не хочешь даже слушаться его, и притом — для твоей же пользы? Хотя бы все, касающееся его самого, было исправно, он беспокоится, пока все, касающееся и тебя, не будет исправно, и отдает двойной отчет. Представь, сколько ему надобно трудиться и заботиться о каждом из подчиненных. Какую же ты можешь воздать ему

честь, какую услугу, которая была бы равносильна таким опасностям? Не можешь предложить ничего равного; ты еще не положил за него души своей, а он полагает за тебя душу свою. Если же он не положит ее здесь по требованию обстоятельств, то погубит ее там, — а ты не хочешь повиноваться ему даже в словах! Вот причина всех зол: исчезло должное повиновение начальствующим, нет ни стыда, ни страха. *Повинуйтеся,* говорит, *наставником вашим и покаряйтеся;* а ныне все извращено и ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующих, — какую пользу получат они от нашего почитания, если даже мы будем им в высшей степени послушны? — но для вашей собственной пользы. Уважают ли их, они не получат от того никакой пользы для себя в будущей жизни, но еще могут подвергнуться большему осуждению; оскорбляют ли их, они не потерпят от того никакого вреда в будущей жизни, но еще могут иметь более оправдания. Нет, для вас же самих я желаю, чтобы так было. Когда начальствующие уважаются подчиненными, то и это обращается против них, как, например, Илию Бог говорил: *избрах тя из дому отца твоего* (1 Цар. II, 28); а когда оскорбляют их, как, например, случилось с Самуилом, то Бог говорит: *не тебе уничижиша, но мене* (1 Цар. VIII, 7). Так оскорбление служит им в пользу, а уважение — в тягость. Итак, я говорю это не ради них, но ради вас самих. Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот постепенно дойдет когда-нибудь и до оскорбления Бога. *Иже вас приемлет,* сказал Господь, *мене приемлет* (Мф. X, 40); священников Его, сказано в другом месте, имей в чести (см.: Чис. XVIII, 8). Иудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали в него камни. Кто благоговеет перед священником, тот тем более будет благоговеть перед Богом. Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, сам воздаст тебе награду. Если *приемляй пророка во имя пророче,* как говорит Господь, *мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41), то, конечно, получит награду и тот, кто уважает священника, слушается его и повинуется ему. Если в деле странноприимства, когда ты

не знаешь, кого принимаешь к себе, ты получаешь такую награду, то тем более получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелевает Господь. *На Моисеове седалищи,* сказал Он, *седоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекут вам* творит, *творите: по делом же их не творите* (Мф. XXIII, 2, 3). Разве ты не знаешь, что такое – священник? Он – ангел Господа. Разве свое говорит он? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога. А откуда, скажешь, известно, что Бог рукоположил его? Но, если ты не имеешь убеждения в этом, то суетна твоя надежда; если Бог ничего не совершает через него, то ты ни крещения не имеешь, ни тайн не причащаешься, ни благословений не получаешь, и следовательно, ты – не христианин.

3. Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но через всех Сам Он действует, – хотя бы они были и недостойными, – для спасения народа. Если для народа Он говорил через ослицу и Валаама, человека нечестивого (см.: Чис. XXII), то тем более – через священника. Чего не делает Бог для нашего спасения? Чего не изрекает? Через кого не действует? Если Он действовал через Иуду и через тех пророков, которым говорит: *не вем вас, отъидите от мене делающии беззаконие* (Лк. XIII, 27; Мф. VII, 23), и которые изгоняли злых духов, то тем более будет действовать через священников. Когда мы начинаем исследовать жизнь начальствующих, то хотим сами быть рукополагателями учителей, и таким образом извращается все, ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говорит: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне* (1 Кор. IV, 3); и еще: *ты почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Если же не должно осуждать брата, то тем более учителя. Если бы Бог повелел тебе это, то ты поступал бы хорошо, и грешил бы, не поступая так; но если напротив, то не будь дерзким и не выходи из своих пределов. На Аарона, когда сделан был телец, восстали Корей, Дафан и Авирон (Чис. XVI). Что же? Не погибли ли они? Каждый заботься о своих делах. Кто преподает неправое учение, того не слушай, хотя бы

он был ангел; а если кто преподает правое учение, то смотри не на жизнь его, а на слова. Ты имеешь Павла, который научает тебя должному и делами и словами. Но, скажешь, священник не подает бедным и не хорошо управляет делами. Откуда тебе это известно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся ответственности. Многое осуждают по подозрению. Подражай твоему Владыке; послушай, что Он говорит: *сошед узрю, аще по воплю их совершаются: аще же ни, да разумею* (Быт. XVIII, 21). Если даже ты узнал, исследовал и видел, и тогда ожидай Судью, не предвосхищай себе права Христова; Ему принадлежит право — судить, а не тебе; ты — последний раб, а не господин; ты — овца; не суди же пастыря, чтобы тебе не быть наказанным и за то, в чем обвиняешь его. Но как же, скажешь, мне он говорит, а сам не делает? Не сам он говорит тебе, — если ты повинуешься только ему, то не получишь награды, — тебе заповедует Христос. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы он говорил что-нибудь от себя, что-нибудь человеческое, но должно слушаться его, как апостола, имеющего в себе Христа, Который говорил через него. Не будем же судить чужие дела, а каждый свои; исследуй собственную жизнь. Но, скажешь, священник должен быть лучше меня. Почему? Потому что он священник. Чего же он не имеет более, нежели ты? Трудов ли, опасностей, забот или скорбей? Чем же он не лучше тебя, имея все это? Но если он и не лучше тебя, то для чего тебе, скажи мне, нужно губить себя самого? Слова твои происходят от гордости. Откуда ты знаешь, что он не лучше тебя? Он, скажешь, ворует и святотатствует. Откуда, человек, ты знаешь это? Зачем сам ты стремишься в пропасть? Когда кто-нибудь скажет тебе, что такой-то скрывает у себя царскую порфиру, то ты, хотя бы и знал это, затыкаешь уши, хотя бы и мог обличить его, тотчас отступаешь и показываешь вид, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здесь ты не только не отступаешь, но сам навлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобные слова твои не безответственны; послушай, что говорит Христос: *глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, возда-*

дят о нем слово в день судный (Мф. XII, 36). Во всяком случае, если ты считаешь себя лучше другого, и не воздыхаешь, не ударяешь себя в перси, не склоняешь головы, не подражаешь мытарю, то ты погубил себя, хотя бы ты был действительно лучше. Ты лучше другого? Молчи же, чтобы тебе остаться лучшим; а как скоро будешь говорить, то потеряешь все. Если будешь так думать о себе, то ты уже не таков; а если не будешь так думать, то приобретешь еще больше. Если такой грешник, исповедав грехи свои, вышел оправданным, то чего не приобретет тот, кто, не будучи столь грешным, сознает себя таким? Рассмотри собственную жизнь. Ты не воруешь? Но ты грабишь, делаешь насилия, совершаешь бесчисленное множество других подобных дел. Говорю это не с тем, чтобы похвалить воровство; нет, я готов горько плакать, если действительно найдется такой человек, чему, впрочем, не верю. Насколько великий грех – святотатство, о том и сказать нельзя; но я жалею вас, не хочу, чтобы ваши добродетели упразднились через осуждение других. Что, скажи мне, хуже мытаря? Верно было, что он был и мытарь и виновен во множестве преступлений, – и однако фарисею достаточно было сказать только: *несмъ якоже сей мытарь* (Лк. XVIII, 11), чтобы потерять все. А ты говоришь о священнике: я не таков, как этот святотатец, – и не теряешь ли всего? Я вынужден говорить это и опровергать подобные речи не потому, чтобы я так заботился о священниках, но потому, что боюсь за вас, как бы вы не упразднили своих добродетелей подобным самохвальством и осуждением других. Послушай увещания, которое преподает Павел: *дело же свое,* говорит он, *да искушает кийждо, и тогда в себе точию хваление* будет иметь, *а не в ином* (Гал. VI, 4).

4. Скажи мне: если ты, получив рану, придешь в лечебницу, то неужели, вместо того, чтобы прикладывать лекарство и лечить раны, ты станешь узнавать о враче, имеет ли он рану или не имеет? И если он имеет, то заботишься ли ты об этом? И потому, что он имеет ее, оставляешь ли ты свою рану без врачевания и говоришь ли: ему, как врачу, следовало быть здоровым, но так как он, будучи врачом, сам нездоров, то и я оставляю свою рану без врачевания?

Так и здесь: если священник нехорош, будет ли это утешением для подчиненного? Нисколько. Он получит определенное наказание; получишь и ты должное и заслуженное. Учитель исполняет только службу. *Будут бо,* говорится, *вси научени Богом* (Ин. VI, 45), *и не рекут: познай Господа, яко вси познают мя от мала даже и до великаго их* (Иер. XXXI, 34). Зачем же, скажешь, он председательствует? Для чего занимает такое место? Не будем, увещеваю вас, говорить худо об учителях, не будем рассуждать о них, чтобы не повредить самим себе; будем исследовать свои дела и ни о ком не отзываться худо. Устыдимся того дня, в который он просветил нас крещением. В отце, хотя бы он имел бесчисленное множество слабостей, сын прикрывает все. *Не славися,* говорит (Премудрый), *в безчестии отца твоего, несть* бо *ти слава, как безчестие. Аще и разумом оскудевает, прощение имей* (Сир. III, 10, 13). Если так говорится о плотских отцах, то тем более надобно сказать об отцах духовных. Устыдись: он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует, за тебя молится, за тебя предстоит и ходатайствует перед Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но, скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет; все совершается по твоей вере. И праведный не принесет тебе никакой пользы, если ты — неверующий: и нечестивый нисколько не повредит тебе, если ты — верующий. Бог действовал и через волов при кивоте, когда хотел спасти народ свой (см.: 1 Цар. VI). Разве жизнь священника или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божии не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника — только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом; послушай, что говорит сам Иоанн: *аз требую тобою креститися* (Мф. III, 14), и еще: *несмь достоин, да отрешу ременъ сапогу* (Ин. I, 27), —

и однако, несмотря на такое расстояние (при крещении от него на Иисуса), сошел Дух, которого не имел Иоанн. *От исполнения его,* говорит Писание, *мы вси прияхом* (Ин. I, 16). И однако Дух не сошел прежде, нежели совершено было крещение; впрочем, и не Иоанн сделал то, что Он сошел. Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия. Нет ни одного человека, который отстоял бы от другого так далеко, как Иоанн от Иисуса, – и однако Дух сошел на Него (при крещении от Иоанна), чтобы ты знал, что все устрояет Бог, что все совершает Бог.

Я хочу сказать нечто дивное, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же такое? Приношение (в евхаристии) одно и то же, кто бы ни совершал его – Павел или Петр; оно то же самое, которое Христос преподал ученикам; то же самое и ныне совершают священники; последнее нисколько не ниже первого, так как и это не люди освящают, а Сам Тот, Кто освятил его и тогда. Как слова, произносимые ныне священником, те же самые, которые изрек Господь, так и приношение то же самое; равно и крещение то же самое, которое Он преподал. Так все зависит от веры. Дух Святый тотчас сошел на Корнилия, когда он предварительно явил тó, чтó требовалось с его стороны, и обнаружил веру. Итак, и это приношение есть тело (Христово) так же, как и то; а кто думает, что оно ниже того, тот не знает, что Христос и ныне присутствует и ныне действует. Итак, зная это, – не напрасно же мы говорили все это, но с тем, чтобы исправить ваши мысли и сделать вас более осторожными на будущее время, – постарайтесь исполнить сказанное на деле. Если мы будем всегда слушать, а никогда не делать, то от сказанного не будет нам никакой пользы. Будем же усердно слушать, будем тщательно внимать сказанному, начертим это в уме нашем, изобразим навсегда в совести нашей, и непрестанно будем воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА III

Образ имей здравых словес, ихже от мене слышал еси, в вере и любви, яже о Христе Иисусе: доброе завещание соблюди Духом Святым, живущим в нас. Веси ли сие, яко отвратишася от мене вси, иже в Асии, от нихже есть Фигел и Ермоген. Да даст милость Господь Онисифорову дому, яко многажды мя упокой, и вериг моих не постыдеся, но пришед в Рим, тощнее взыска мя и обрете. Да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он. И елико во Ефесе послужи, добре ты веси (2 Тим. I, 13—18)

1. Не посланиями только (апостол) внушал ученику, что ему должно делать, но и на словах. Это он выражает и во многих других местах, когда, например, говорит: *или словом, или посланием, аки от нас* (2 Сол. II, 2, 15); но гораздо яснее здесь. Итак, не будем думать, будто учение преподано им недостаточно; многое он преподал ученику и без письма, о чем и напоминает ему, говоря: *образ имей здравых словес, ихже от мене слышал еси.* Что же означают эти слова? Как делают живописцы, говорит, так и я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу, и как бы некоторое правило, первообраз и начертание я вложил в твою душу. Это и имей; нужно ли будет тебе посоветоваться о вере, или о любви, или о целомудрии, оттуда заимствуй образцы; не будет тебе надобности искать образца у других, потому что там все содержится. *Доброе завещание соблюди.* Как? *Духом Святым живущим в нас.* Человеческая душа и человеческая сила не в состоянии сами по себе сохранить таких благ, вверенных им. Почему? Потому, что вокруг нас много разбойников, глубокая тьма, диавол стоит и коварствует, и мы не знаем, в какой час, в какое время он нападет на нас. Как же можем сохранить их? *Духом Святым,* то есть если будем иметь в себе Духа; а он будет присущ нам, если мы не отвергнем благодати Его, потому что *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе* бодрствовали стерегущие его (Пс. CXXXI, 1). Он — наша стена, Он — наша ограда, Он — наше убежище. Если же Он

живет в нас и сам хранит нас, то для чего наставления? Для того, чтобы мы удерживали Его, хранили Его, и не отгоняли от себя злыми делами. Далее повествует об искушениях, не с тем, чтобы поразить ученика, но чтобы возбудить его, чтобы он, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться таким же искушениям, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о всем, случившемся с ним. Что же он говорит? Он тогда, вероятно, был взят под стражу и оставлен всеми, не видел ни от кого ни человеколюбия, ни милости, ни помощи, но был оставлен самими верующими и друзьями, и потому, послушай, что говорит: *веси ли сие, яко отвратишася от мене еси, иже* в *Асии*. В Риме, вероятно, было тогда много людей из азийских областей; но никто, говорит, не явился ко мне, никто не признал меня, все отшатнулись. И смотри, как любомудра душа его. Он сказал только, что было, но нисколько не укорял их; сделавшего ему добро он похвалил и пожелал ему бесчисленных благ, а им не пожелал никакого зла, – но что? *От нихже,* говорит, *есть Фигел и Ермоген. Да даст милость Господь Онисифорову дому, яко многажды мя упокой, и вериг моих не постыдился, но пришед в Рим, тощнее взыска мя и обрете.* Смотри, как он везде указывает на стыд, а не на опасность, чтобы не устрашить Тимофея, хотя обстоятельства были исполнены опасностей, потому что он тогда подвергся гневу Нерона, обратив кого-то из близких к нему. Прибыв в Рим, говорит, Онисифор не только не избегал встречи со мной, но искал меня и нашел. *Да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он. И елико во Ефесе послужи ми, добрее ты веси.* Таковы должны быть верующие – не удерживаться ни страхом, ни угрозами, ни стыдом, но содействовать друг другу, и как бы на войне защищать и помогать. И не столько находящимся в опасности, сколько самим себе они приносят пользу, делая себя через оказываемые им услуги причастниками уготованных им венцов. Например, кто-нибудь из людей, посвятивших себя Богу, подвергся скорби, терпит множество бедствий и подвизается с великим терпением; а на тебя еще не возложен этот подвиг; но можешь и ты, если захочешь, не вступая на поприще, сделаться причастником уготован-

ных ему венцов, присутствуя при нем, укрепляя, утешая и ободряя его. А что это действительно так, послушай, что́ говорит (апостол) в другом послании: *обаче добре сотвористе, сприобщившеся печали моей;* и еще: *яко и в Солунь и единою и дващи в требование мое посласте* (Флп. IV, 14, 16). Но как отсутствующие приняли участие в скорби того, кого не было с ними? Как? *Яко посласте ми,* говорит, *в требование мое и единою и дващи.* Также об Епафродите он говорит: *зане даже до смерти приближися, презрев душу, да исполнит ваше лишение службы яже ко мне* (Флп. II, 30). Как у царей не только сражающиеся, но и хранящие оружие удостаиваются чести, и не какой-нибудь, но нередко получают даже равные с теми дары, хотя они не обагряли рук кровью, не брали оружия и даже вовсе не видали неприятельского войска, – так и еще гораздо более в этих (духовных) скорбях. Кто помогает ратоборцу, изнемогающему от голода, присутствуя при нем, ободряя его словами и оказывая ему всякие другие услуги, тот получает одинаковую с ратоборцем награду.

2. Разумей здесь не Павла, ратоборца непобедимого и несокрушимого, но всякого другого, который, может быть, и не устоял бы и не подвизался бы, если бы не получил великого ободрения и великого утешения. Так и находящиеся вне борьбы делаются виновниками победы для вступившего в борьбу, а потому будут причастниками и уготованных за победу венцов. И что удивительного, если кто-нибудь, принимая участие в подвигах еще живых ратоборцев, удостаивается одинаковых с ними наград, когда можно принимать участие в людях, уже умерших, уже лежащих, уже увенчанных и ни в чем не нуждающихся после смерти? Послушай, в самом деле, что говорит Павел: памятям *святых приобщающеся* (Рим. XII, 13). Но как, скажешь, можно сделаться их причастником? Если будешь удивляться святому мужу, если сделаешь что-нибудь такое, за что он увенчан, если примешь участие в его подвигах, а потому и в венцах. *Да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он.* Он оказал, говорит, мне милость, и за это получит воздаяние в тот страшный и ужасный день, когда нам нужна будет великая милость. *Да даст ему Господь обрести милость от Господа.* Итак,

два Господа? Отнюдь нет, но *нам един Господь Христос Иисус и един Бог* (1 Кор. VIII, 6). Зараженные Маркионовой ересью ссылаются на это выражение; но пусть они знают, что оно весьма обыкновенно в Писании, и в других местах часто можно встречать это выражение, когда, например говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. CIX, 1); и еще: *рех Господеви, Господь мой еси ты* (Пс. XV, 2); и еще: *одожди Господь от Господа* (Быт. XIX, 24). Этим показывается единосущие божеских лиц, а не различие существа; и (апостол) говорит так не для того, чтобы мы представляли себе два существа, различные между собой, но два лица, имеющие одно и то же существо. И заметь, как он выражается: *да даст ему Господь*. Что? Не что иное, как *милость*. Как сам (апостол) получил милость от Онисифора, так и ему желает получить то же самое от Бога. Если же Онисифор, подвергавший себя опасностям, спасается за дела милосердия, то тем более мы. Страшный, поистине страшный предстоит нам отчет, и много мы должны оказывать человеколюбия, чтобы не услышать страшных слов: *отыдите*, не знаю вас, *делающии беззаконие* (Мф. VII, 23), – чтобы не услышать опять ужасных слов: *идите проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. XXV, 41), – чтобы не услышать: *пропасть* есть *между нами и вами* (Лк. XVI, 26), – чтобы с трепетом не услышать: *возмите его и ввերзите во тму кромешную* (Мф. XXII, 13), – чтобы с великим страхом не услышать: *лукавый рабе и ленивый* (Мф. XXV, 26). Страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Бог и благ, хотя Он и милостив. Он называется Богом щедрот и Богом утешения (см.: 2 Кор. I, 3); Он благ так, как никто другой, снисходителен, щедр и многомилостив; Он не хочет смерти грешника, но чтобы он обратился и жил (см.: Иез. XXXIII, 11). Почему же, почему этот день будет исполнен такого ужаса? Огненная река потечет перед лицом Его, книги деяний наших отверзутся, самый день будет подобен горящей печи, ангелы будут носиться вокруг и разложено будет множество костров. Как же, скажешь, Бог человеколюбив, как милостив, как благ? Так, при всем этом Он человеколюбив, и здесь-то особенно открывается величие Его человеколю-

бия. Для того ведь Он и внушает нам такой страх, чтобы хотя таким образом мы пробудились и стали стремиться к царству небесному. Но смотри, как (апостол) не просто упоминает об Онисифоре, но говорит: *многажды мя упокои.* Он, говорит, успокаивал и укреплял меня в страданиях, как бы ратоборца, изнемогающего от зноя. *И елико во Ефесе послужи ми, добрее ты веси;* не только в Эфесе, говорит, но и здесь. Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, – должен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел. Мы имеем нужду в великой милости, и человеколюбивый Бог за грехи наши делает все, не нуждаясь Сам ни в чем, но все совершая для нас. Для того Он все сказал и изъяснил нам, и не только изъяснил, но показал и посредством дел. Хотя и одни слова Его достоверны, но, чтобы кто не стал подозревать в словах Его преувеличения или одной угрозы, он присовокупляет удостоверение и посредством дел. Каким образом? Ниспосылая наказания на людей – и частные, и общие. И чтобы ты убедился самими делами, для того Он то наказывал фараона, то наводил водный потоп и всеобщее погубление, то посылал истребительный огонь. И ныне мы видим, как многие порочные наказываются и предаются мучениям. Все это – подобия геенны.

3. Так, чтобы мы не предавались сну и беспечности и не забывали слов (Господа), Он напоминает о них и возбуждает нас делами, устрояя и здесь допросы, судилища, наказания. Если люди столько заботятся о справедливости, то неужели у Бога, Который есть Сам законодатель, не обращается на нее никакого внимания? Можно ли поверить этому? Подлинно, везде можно видеть судилища – и в доме, и на площади. Так в доме господин ежедневно судит рабов, требует отчета в их поступках, и за одни наказывает, а за другие прощает; в селах земледелец и жена его ежедневно судятся взаимно; на кораблях судит кормчий; в войсках военачальник судит воинов; в искусствах учитель – ученика;

и много можно найти судилищ. Таким образом и в частности и вообще все судят друг друга, и нигде не увидишь, чтобы справедливость была пренебрегаема, но все и везде отдают отчет. Если же здесь так распространена забота о справедливости – и в городах, и в домах, и у каждого человека порознь, то неужели нет никакой справедливости там, где правды исполнена десница Божия (см.: Пс. XLVII, 11), и где правда его как горы Божии (см.: Пс. XXXV, 7)? Но почему же, скажешь, Бог, судия праведный, всемогущий и долготерпеливый, попускает грехи и не тотчас же наказывает? Здесь уже заключается и причина: Он, говоришь ты, долготерпелив, а долго терпит Он, ведя тебя на покаяние; если же ты упорствуешь, то *по жестокости твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев* (Рим. II, 4, 5). Итак, если Он праведен, то воздаст по достоинству и не оставит без наказания делающих зло, потому что это свойственно праведному. Если Он всемогущ, то воздаст и по смерти, и при воскресении, потому что это свойственно всемогущему. Если же Он по долготерпению своему медлит, то не будем смущаться и говорить: почему Он не наказывает здесь? Ведь если бы так было, если бы Он ежедневно подвергал нас наказанию за наши преступления, то род человеческий уже не существовал бы. Нет, поистине нет дня, свободного от грехов, но ежедневно мы грешим больше или меньше, так что никто из нас не мог бы достигнуть и двадцатилетнего возраста, если бы не было великого Его долготерпения и благости, дающей нам достаточный срок для покаяния для того, чтобы мы очистились от грехов. Пусть, поэтому, каждый, вникнув в дела свои правой совестью и исследовав всю свою жизнь, посмотрит, не заслуживает ли он бесчисленных мучений и казней. И когда он будет негодовать, почему такой-то, совершающий множество злых дел, не подвергается наказанию, то пусть представит собственные свои дела, и негодование его прекратится. Грехи другого кажутся великими потому, что касаются предметов важных и явных; но если он исследует собственные дела, то, может быть, найдет их еще более великими. Так, похищать и быть любостяжательным равно грех, будет ли это касаться золота или серебра;

то и другое рождается от одного и того же помысла, и похитивший малое не откажется похитить и большее; если же он не сделал этого, то так случилось не от него самого, а по стечению обстоятельств. Бедный, обижающий беднейшего, не оставил бы в покое, если бы мог, и богатого, но не делает этого по бессилию, а не по своей воле. Такой-то начальник, скажешь, похищает собственность подчиненных. А ты, скажи мне, разве не похищаешь? Не говори мне, что он похищает таланты золота, а ты – десятки оболов. И в сокровищницу другие клали золото, а вдовица положила две лепты, и однако внесла нисколько не меньше их. Почему? Потому, что у Бога ценится произволение, а не подаяние. Если же ты допускаешь, чтобы Бог судил так о милостыне, чтобы твое пожертвование, состоящее из двух лепт, по бедности твоей, было нисколько не меньше тех, которые пожертвовали тысячи талантов золота, то почему не допускаешь того же в любостяжании? Основательно ли это? Как вдовица, положив две лепты, по произволению своему пожертвовала нисколько не меньше других, так и ты, похитив две лепты, нисколько не лучше других похитителей, но даже, – если можно сказать нечто удивительное, – обнаруживаешь любостяжательность гораздо больше их. Как в прелюбодеянии одинаково виновен, совершит ли его кто-нибудь с женой царя, или с женой бедного, или с женой раба, потому что грех судится не по различию лиц, но по злому расположению решившегося на это, – так точно и здесь. И даже я назвал бы скорее прелюбодеем того, кто совершает прелюбодеяние с какой-нибудь незначительной женщиной, нежели – с самой царицей, потому что здесь богатство, красота и многое другое могли служить обольщением, – а там нет ничего такого, и следовательно, там прелюбодеяние бывает гораздо более. Равным образом и пьяницей я назову более того, кто упивается худым вином; равно и любостяжательным – того, кто не пренебрегает даже малым. В самом деле, похищающий большое, может быть, и пренебрежет малым; но похищающий малое никогда не откажется от большого, и потому последний есть вор по преимуществу. Кто не пренебрегает серебра, тот прене-

брежет ли золотом? Итак, когда мы осуждаем начальников, то представим собственные наши дела, и увидим, что мы сами больше их виновны и в воровстве, и в любостяжании, если будем судить об этом не по делам, но по душевному расположению, как и следует судить. В самом деле, скажи мне, если будет приведен в суд кто-нибудь, похитивший у бедного, и другой, похитивший у богатого, то не одинаковое ли оба они получат наказание? Также убийца не одинаково ли есть убийца, убьет ли он человека бедного и убогого, или богатого и властного? Итак, когда мы скажем, что такой-то у такого-то отнял имение, то подумаем о своих делах, и тогда мы не станем осуждать других, подивимся долготерпению Божию, не будем негодовать, что суд Его не приходит на грешников, и сами будем менее скорыми на совершение злых дел. Когда увидим, что и мы сами виновны в том же, то уже не будем по-прежнему негодовать на других, но отстанем от грехов и сподобимся будущих благ во Христе Иисусе Господе нашем, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе, и яже слышал еси от мене многими свидетели, сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити. Ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов. Никто же бо воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися. Труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити. Разумей, яже глаголю: да даст убо тебе Господь разум о всем (2 Тим. II, 1—7)

1. Ученику в море придает много бодрости то, когда учитель его потерпел кораблекрушение и спасся, потому что он уже не думает, что бури нападают на него от его неискусства, но — от естественного порядка вещей; а это немало способствует к поддержанию бодрости. Равным

образом и начальнику отряда на войне служит ободрением то, когда он видит, что полководец его, будучи ранен, остается мужественным. Так и для верующих служит утешением то, что апостол потерпел много бедствий и ни от одного из них не упал духом. Иначе, если бы это было не так, (Павел) и не говорил бы о своих страданиях. Тимофей, слыша, что учитель, сделавший так много и победивший всю вселенную, находится в узах, в скорбях, оставлен своими, и однако не жалуется и не негодует, и сам, подвергшись таким же бедствиям, не стал бы приписывать случившегося человеческой слабости, или тому, что он ученик и менее Павла, – ведь и учитель терпел то же, – по естественному порядку вещей. Поэтому (апостол) так и поступил, поэтому он и распространяется обо всем этом, чтобы ободрить и укрепить (Тимофея). С такой целью, рассказав о своих скорбях и искушениях, он продолжает: *ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе.* Что ты говоришь? Ты поразил нас страхом, ты сказал, что ты связан, что ты в скорбях, что все оставили тебя, и потом, как будто сказав, что ты не потерпел никакого бедствия и никем не оставлен, присовокупляешь: *ты убо, чадо мое, возмогай?* И справедливо, – потому что первое гораздо более может ободрить тебя, нежели последнее. В самом деле, если я – Павел терплю такие бедствия, то гораздо более должен терпеть их ты; если терпит учитель, то тем более – ученик. Это увещание он предлагает (Тимофею) с великой любовью, называя его *чадом,* и не просто, но: *чадо мое.* Если, говорит, ты – сын, то подражай отцу; если ты – сын, то укрепляйся тем, что я сказал; впрочем, не словами моими только, но и благодатью Божией: *возмогай убо во благодати, яже во Христе Иисусе,* то есть благодатью Христовой; стой мужественно; ты знаешь боевой порядок. Так и в другом месте, объясняя, что *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12), он говорит это не для поражения слушателей, но для их ободрения. Итак, трезвись, говорит, бодрствуй; благодать Господа сподвизается и содействует тебе; но и ты с полной готовностью и охотой исполняй свое дело. *И яже слышал еси от мене многими свидетели, сия предаждь верным человеком,* – верным, а

не таким, которые любят исследовать и рассуждать. *Верным*, то есть каким? Таким, которые не предадут проповеданного им. *Яже слышал еси*, а не то, что выдумал, так как *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. X, 17). А что значит: *многими свидетели?* Он как бы так говорит: ты слышал от меня не скрытно и тайно, а в присутствии многих, открыто. Не сказал: скажи, но: *предаждь*, как бы о сокровище, которое передается и сохраняется в безопасном месте. Так он опять внушает ученику страх и предыдущими словами и последующими. Притом *предаждь*, говорит, не только верным, так как что за польза, если принявший, хотя и верен, но другим передать учения не может, если он, хотя сам и не изменит вере, но не сделает такими же других? Учителю нужно иметь два качества: быть верным и учительным. Поэтому он и говорит: *иже довольни будут и иных научити. Ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов.* О, какая честь – быть воином Христовым! Вспомни, насколько важным считается у воинов находиться под начальством земных царей. Если же царскому воину свойственно переносить страдания, то не переносить страданий недостойно воина. Итак, не должно скорбеть, если терпишь страдания, – это ведь свойственно воину, – но следует скорбеть, если не терпишь их. *Никто же бо воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися.* Это сказано Тимофею, но через него говорится и всякому учителю и ученику. Пусть же никто из имеющих епископство не огорчается, слыша это, но – огорчается, не делая этого. *Аще подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися.* Что значит: *аще не законно?* Для него не довольно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником; но если он не соблюдет всех законов борьбы касательно пищи, воздержания и чистоты, самого места борьбы, и вообще если не исполнит всего, приличного ратоборцам, то не получит венца. И посмотри на мудрость Павла: он напоминает (Тимофею) о борьбе и о воинах, как для того, чтобы он был готовым на смерть, убиение и кровопролитие, так и для того, чтобы внушить ему твердость,

чтобы он переносил все мужественно и постоянно был в подвиге. *Труждающемуся делателю,* говорит, *прежде подобает от плода вкусити.* Указав на свой пример и сказав об учителе, (апостол) говорит далее о том, что случается с обыкновенными людьми, о ратоборцах, о воинах, и указывает при этом на их награды, во-первых — *да воеводе угоден будет,* а во-вторых — *да венчается;* приводит еще и третий пример, который особенно близок (Тимофею). Пример воина и ратоборца относится и к подчиненным, а пример земледельца к учителю, который должен быть не только воином и ратоборцем, но и земледельцем. Земледелец заботится не только о себе самом, но и о плодах земли, то есть земледелец получает в плодах немалое воздаяние за труды свои.

2. Здесь (апостол), указав на общеизвестный пример, выражает и то, что Бог ни в чем не имеет нужды, и говорит о воздаянии за учительство. Как земледелец, говорит, трудится не без пользы, но сам прежде других наслаждается плодами трудов своих, так следует и учителю. Или об этом он говорит, — или о чести, воздаваемой учителям. Впрочем, последнее предположение не имеет основания; иначе почему он говорит не просто о земледельце, но трудящемся, и не просто трудящемся, но уже потрудившемся? А чтобы никто не жаловался на замедление (воздаяния), то говорит: ты уже получаешь воздаяние, или: в самом труде есть воздаяние. После того, как он привел примеры воинов, ратоборцев и земледельцев, и все изложил кратко, он говорит: *никто не венчается, аще не законно будет подвизатися;* а сказав: *труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити,* присовокупляет: *разумей, яже глаголю: да даст убо тебе Господь разум о всем.* Для того все это и было сказано в примерах и притчах. Затем опять, по любви своей, начинает увещевать его, как бы боясь за него, точно за родного сына, и говорит: *поминай Христа Иисуса, воставшаго от мертвых, от Семене Давидова, по благовествованию моему, в немже злостражду даже до уз, яко злодей* (ст. 8–9). Для чего здесь он упоминает об этом? Главным образом для того, чтобы отразить еретиков, а вместе и для того, чтобы ободрить ученика и показать пользу страданий, так как и Сам учитель наш Хри-

стос страданиями победил смерть. Помни это, говорит, и будешь иметь достаточное утешение. *Поминай,* говорит, *Христа Иисуса, воставшаго от мертвых от семене Давидова.* В то время некоторые уже начали извращать домостроительство нашего спасения, стыдясь величия человеколюбия Божия. Действительно, благодеяния Божии к нам так велики, что люди стыдятся приписать их Богу и не верят, чтобы Он оказал такое снисхождение. *По благовествованию,* говорит, *моему.* Он часто повторяет в своих посланиях: *по благовествованию моему,* или потому, что следовало верить ему, или потому, что другие благовествовали иное. *В немже,* говорит, *злостражду даже до уз, яко злодей.* Опять в собственном примере предлагает утешение, и опять – увещание, ободряя слушателя двумя способами: указанием и на свои страдания, и на то, что он подвергается им не без пользы. Таким образом для слушателя это будет благотворно; а иначе даже вредно, потому что какая польза, если ты покажешь, что учитель страдает, но без всякой выгоды? А то достойно удивления, если он страдает с выгодой, ко благу поучаемых. *Во слово Божие не вяжется* (ст. 9). Если бы, говорит, мы были мирскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающие руки, имели бы силу; ныне же Бог сделал нас такими, что нас ничто не побеждает. Нам связываются руки, но не язык; язык связать ничто не может, разве только страх и неверие; если в нас нет их, то хотя бы ты наложил на нас оковы, проповедь не связывается. Кто связывает земледельца, тот препятствует сеянию, потому что земледелец сеет рукой; но если свяжешь учителя, то этим не воспрепятствуешь его слову, потому что он сеет языком, а не рукой. Итак, наше слово не подчиняется узам, и когда мы связаны, оно развязано и простирается вперед. Каким, скажешь, образом? А вот – мы проповедуем, хотя и связанные. Это говорит он для поощрения тех, которые не связаны: если мы, связанные, проповедуем, то тем более надлежит делать это вам, несвязанным. Ты слышал, что я *злостражду, яко злодей?* Не унывай же: подлинно великое чудо – связанному делать то же, что делают несвязанные, связанному превзойти всех, связанному победить связавших

его. Проповедуемое нами есть слово Божие, а не наше; человеческие же узы не могут связать слова Божия. Я терплю это, говорит, за избранных: *сего ради вся терплю избранных ради, да и тии спасение улучат, еже о Христе Иисусе, со славою вечною* (ст. 10). Вот и другое увещание. Я терплю это, говорит, не за себя, но для спасения других. Если бы я искал только своего, то мог бы жить безбедно, мог бы не терпеть ничего такого. Для чего же я терплю это? Для блага других, чтобы другие получили жизнь вечную. И что еще прибавляет? Не просто сказал: за некоторых, но: *избранных ради*. Если Бог избрал их, то нам должно терпеть все для них, *да и тии спасение улучат*. Выражением *да и тии* он изъясняет и показывает, что (они получат так же), как и мы, потому что и нас избрал Бог. Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для них; и таким образом это будет воздаянием, а не даром. Со стороны Бога это было даром, потому что Он оказал нам благодеяния, еще не испытав от нас ничего доброго; а с нашей стороны это – воздаяние, потому что мы, наперед сами получив благодеяния от Бога, страдаем за тех, за кого страдаем, чтобы они получили спасение. Что ты говоришь? Какое спасение? Кто не бывает виновником собственного спасения, но губит себя, тот может ли быть виновником спасения других? Потому-то (апостол) и прибавил: не такого спасения, но *еже о Христе Иисусе*, спасения истинного, со *славою вечною*. Настоящие обстоятельства прискорбны, но они – только на земле; настоящие обстоятельства тягостны, но они временны; они исполнены неприятностей и огорчений, но только на сегодняшний и завтрашний день.

3. Истинные же блага не таковы, но они вечны, на небе. Тамошняя слава есть истинная, а здешняя – бесчестье. Послушай, возлюбленный: на земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестье; кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби; кто хочет радоваться и блаженствовать вечно, тот пусть презирает временное. А что здесь бесчестье есть слава, а слава – бесчестье, постараемся по возможности доказать это, чтобы узнать

истинную славу. Невозможно достигнуть славы на земле; если же хочешь прославиться, то – через бесчестье, объясним это примером двух лиц, Нерона и Павла. Первый пользовался мирской славой, второй терпел бесчестье. Каким образом? Нерон был государь, совершил много важных дел, ставил трофеи, имел неистощимое богатство и бесчисленное войско повсюду, большая часть вселенной была ему подвластна, столица повиновалась ему, весь сенат преклонялся перед ним, сами дворцы его имели блестящий вид. Нужно ли было вооружиться, – он выходил, облеченный в оружие, украшенное золотом и драгоценными камнями; нужно ли было оставаться в мире, – он сидел, одетый в порфиру. Он имел множество копьеносцев и щитоносцев; его называли владыкой земли и моря, самодержцем, августом, кесарем, царем и многими другими подобными именами, которые изобретают лесть и угодничество. Вообще не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы; даже мудрецы, повелители и цари боялись его и трепетали перед ним. Впрочем, он и слыл за человека жестокого и бесстыдного; он хотел быть даже богом, презирал всех идолов и Самого (Владыку) всех Бога, и принимал божеское почитание. Что выше такой славы, или, лучше сказать, что хуже такого бесчестья? Не знаю, как уста мои, увлекаемые истиной, зашли вперед и еще прежде суда произнесли приговор. Но сначала исследуем это дело по общему суждению, по суждению неверных, по суждению лести. Что может быть выше той славы, чтобы называться даже богом? Поистине великое бесчестье – человеку дойти до такого безумия; впрочем, будем исследовать дело по общему суждению. Таким образом не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы человеческой, и все служили ему, как богу. Теперь, если угодно, в противоположность ему представим Павла. Он был киликиянин; а какая разница между Киликией и Римом, все знают; был кожевник, бедный, неопытный в мирской мудрости, умевший говорить только по-еврейски, на языке, презираемом всеми, и в особенности италийцами, которые не столько презирают людей, говорящих на языке варварском, или греческом, или каком-нибудь дру-

гом, как – на сирском; а еврейский язык имеет с ним большое сходство. И неудивительно, что они презирали этот язык; если они презирают чудный и прекрасный язык греческий, то тем более еврейский. (Павел) был человек, часто терпевший голод, ложившийся спать без подкрепления пищей, не имевший одежды, чем бы прикрыться, живший, как он сам говорит, *в зиме и наготе* (2 Кор. XI, 29), притом бывший в узах, в которые он заключен был, по приказанию того же (Нерона), вместе с разбойниками, волшебниками, расхитителями гробниц, убийцами, и был наказываем, как злодей, о чем он сам говорит (см.: 2 Тим. II, 9). Кто же из них славнее? Того многие не знают даже по имени, а этого не прославляют ли ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и живущие у самих пределов вселенной? Впрочем, не будем говорить о том, что есть теперь, и исследуем то, что было тогда. Кто из них был знаменитее? Кто славнее? Тот ли, кто в цепях и оковах был влеком из темницы, или тот, кто в порфире выступал из царских чертогов? Конечно, узник. Почему? Потому, что тот, и имея войско и сидя в блестящей одежде, не мог сделать всего того, чего хотел; а этот узник, заключенный как злодей и одетый в бедную одежду, самовластно делал все. Как и каким образом? Тот говорил: не сей слова благочестия; а этот отвечал: не перестану сеять, потому что *слово Божие не вяжется* (2 Тим. II, 9); и киликиянин, узник, скинотворец, бедняк, терпевший голод, противился римлянину, богатому, царствовавшему, повелевавшему всеми, раздававшему тысячи тысячам, – и последний, при всем множестве своего войска, не мог ничего сделать. Кто же из них был славнее? Кто достойнее уважения? Побеждающий ли в узах или побеждаемый в порфире? Стоявший ли внизу и низвергающий или сидевший вверху и низвергаемый? Повелевавший ли и встречающий презрение или получавший повеления и не обращающий на них никакого внимания? Бывший ли одиноким и побуждающий или окруженный бесчисленным войском и побеждаемый? Царь отступил, а узник воздвиг над ним трофей победы. Скажи же мне: в котором из этих двух положений всякий желал бы находиться? Не

говори мне о последствиях, но рассмотри пока сами положения: в котором из них всякий желал бы находиться — Павловом или Нероновом? Не говорю по отношению к вере, — это очевидно, — но по отношению к славе, знаменитости, знатности. Всякий здравомыслящий сказал бы: в Павловом. Если побеждать славнее, нежели быть побежденным, то он славен; и не то еще важно, что он победил, но то, что, будучи в таком состоянии (как Павел), он победил находившегося в таком состоянии (как Нерон). Так, опять скажу и не перестану говорить, заключенный в оковы победил облеченного в диадему!

4. Такова сила Христова: узы победили царский венец, и первые оказались славнее последнего. (Павел) был одет в нечистое рубище, как живший в темнице, но узы, которыми он был связан, привлекали всех более порфиры; он сидел на земле, в заключении и с поникшей головой, но все стекались слушать его, оставив того, кто сидел на золотой колеснице. И справедливо. Дело обыкновенное — видеть царя, сидящего на белом коне; но необыкновенно и поразительно — видеть узника, отвечающего царю с таким дерзновением, с каким царь — бедному и жалкому рабу. Множество народа стояло вокруг, и все были слуги царя, но удивлялись не владыке своему, а тому, кто победил их владыку; один он попирал ногами того, кого все боялись и трепетали. Вот какова слава его в самых узах! А что сказать о последующем? Неизвестна и гробница одного (Нерона), а другой (Павел) лежит славнее всех царей в той самой столице, где он одержал победу, где воздвиг трофей. О том, если и вспомнит кто-нибудь даже из близких к нему, то с отвращением, — он, говорят, был и развратник, — а об этом вспоминают с похвалами везде, не только между нами, но и между самими врагами. Когда истина воссияла, то и враги не могут упорствовать, но удивляются, если не вере (Павла), то его дерзновению, его мужеству. Этого уста всех и везде провозглашают, превознося похвалами, а того осыпают хулами и порицаниями. Кто же из них славен? Впрочем, я незаметным образом стал хвалить льва по ногтям его, вместо того чтобы говорить о том, что действитель-

но достойно хвалы. Что же это такое? То, что будет на небесах, – как (Павел) явится с Царем небесным, в светлом виде, и как Нерон будет стоять тогда печальный, с поникшей головой. Если слова мои тебе кажутся невероятными и смешными, то смешон ты сам, смеющийся над тем, что достойно не смеха. Если ты не веришь будущему, то поверь тому, что уже совершилось: еще не пришло время венцов, и, однако, этот подвижник уже удостоился такой чести; какой же он сподобится славы, когда придет Подвигоположник? Он был странником среди чужих, странником и пришельцем, и заслужил такое удивление: какого же блага не получит он, когда будет между своими? *Ныне живот наш сокровен со Христом в Бозе* (Кол. III, 3), и однако умерший действует и почитается более живых: чего же не получит он, чего не достигнет, когда придет сама жизнь наша? Для того-то Бог и удостоил его здесь такой чести, а не потому, чтобы он имел в ней нужду, – ведь если он еще в телесной жизни презирал славу от людей, то гораздо более по разлучении с телом. И не потому только Бог удостоил его такой чести, но и для того, чтобы неверующие будущему удостоверялись в том по крайней мере из настоящего. Я говорю, что Павел придет с Царем небесным, когда будет воскресение, что он сподобится наслаждения бесчисленными благами; но неверующий не верит; пусть же он поверит этому из событий настоящих. Скинотворец славнее царя, в большей чести, нежели царь; никакой римский царь не удостаивался такой чести; царь лежит где-то за городом, а он (Павел) занимает середину города, как бы царь, и притом живой. Поэтому поверь и будущему. Если здесь, где он был гоним и преследуем, он удостоился такой чести, то что будет тогда, когда он явится опять? Если там, где он был скинотворцем, он сделался столь славным, то что будет тогда, когда он придет в блеске солнечных лучей? Если после такого уничижения он достиг такого величия, то чего он не достигнет, когда придет опять? Невозможно отвергать совершившегося на деле. Кого не убедит то, что скинотворец сделался славнее того, которому удивлялись больше всех царей? Если здесь совершилось событие

сверхъестественное, то тем более совершится в будущем. Поверь же, человек, настоящему, если не хочешь верить будущему; поверь видимому, если не хочешь верить невидимому; или лучше сказать: поверь видимому, и ты поверишь невидимому. Если же не хочешь, то благовременно нам сказать слова апостола: чисты мы от крови вашей; мы преподали вам все, и не опустили сказать ничего, что следовало (см.: Деян. XX, 26); сами вы виноваты, если сделаете себя достойными наказания в геенне. Будем же, возлюбленные дети, подражать Павлу не по вере только, но и по жизни; будем презирать здешнюю славу, чтобы получить славу небесную. Пусть ничто настоящее не увлекает нас; будем презирать блага видимые, чтобы получить блага небесные, или, лучше, чтобы через последние получить и первые, имея, впрочем, в виду преимущественно – достигнуть благ небесных, которых да сподобимся все мы.

БЕСЕДА V

Верно слово: аще бо с ним умрохом, то с ним и оживем: аще терпим, с ним и воцаримся: аще отвержемся, и той отвержется нас: аще не веруем, он верен пребывает: отрещися бо себе не может. Сия воспоминай, засвидетельствуя перед Господем, не словопретися, ни на кую же потребу, на разорение слышащих (2 Тим. II, 11–14)

1. Многие из людей слабых отказываются от подвига веры и не переносят нескорого исполнения надежды, но стремятся к благам настоящим и по ним судят о будущих. Когда здесь предстояли смерть, мучения, узы, а (Павел) говорил своим слушателям, что они пойдут в жизнь вечную, то иной мог не верить и сказать: что ты проповедуешь, – каким образом, когда я живу, тогда умираю, и когда умру, тогда буду жить? На земле ты не обещаешь мне ничего и предоставляешь на небе? Не даешь малого и обещаешь великое? Поэтому, чтобы никто не думал так, (апостол) представляет несомненное тому доказательство. Он уже и прежде утверждал это и приводил свидетельства, – именно слова: *поминай Христа Иисуса воставшаго от мертвых*

(2 Тим. II, 8) означают то, что Он воскрес после смерти, — и теперь опять объясняет то же и говорит: *верно слово,* что имеющий жизнь небесную получит и вечную. Почему *верно? Аще бо с ним умрохом,* говорит, *то с ним и оживем.* В самом деле скажи мне, если мы участвуем со Христом в скорбях и страданиях, то ужели не будем участвовать с Ним в благах? Этого не сделал бы и человек, — чтобы, достигнув покоя, не принять в общение с собой того, кто решился вместе с ним страдать и умереть. Когда же мы умерли вместе (с Христом)? (Апостол) говорит о смерти как посредством купели крещения, так и посредством страданий. Так он говорит: *мертвость Господа в теле носяще* (2 Кор. IV, 10); еще: *спогребохомся ему крещением* (Рим. VI, 4): и еще: *ветхий наш человек с ним распятся* (Рим. VI, 6); и еще: *снасаждени быхом подобию смерти его* (Рим. VI, 5). Здесь же он говорит и о смерти посредством искушений, и преимущественно о ней, так как он находился в искушениях, когда писал это. Смысл слов его следующий: если ради Него мы умерли, то ужели не оживем ради Него? В этом нет сомнения. *Аще терпим с ним,* говорит, *с ним и воцаримся.* Не сказал просто: воцаримся, но: *аще терпим,* показывая, что недостаточно умереть однажды, — сам этот блаженный умирал ежедневно, — а нужно иметь много терпения, которое особенно необходимо было Тимофею. Не ссылайся, говорит, на прежние страдания, а скажи, терпишь ли ты постоянно. Затем предлагает ему увещание с другой стороны, не со стороны добрых людей, но и злых. Если бы и злые могли сделаться участниками того же (что ожидает добрых), то это не было бы утешением; и если бы терпевшие должны были воцариться со Христом, а не терпевшие получили бы только то наказание, что не воцарились бы с Ним, то, хотя и это страшно, но для многих не было бы достаточной угрозой. Поэтому он и говорит нечто более страшное: *аще отвержемся, и той отвержется нас.* Следовательно, воздаяние постигнет не только добрых, но и злых. Представьте же, что будет терпеть тот, кто отвержен будет в царстве Его. *Иже аще отвержется мене,* говорит Он, *отвергуся его и аз* (Мф. X, 33). Воздаяние не равно делу преступления, хотя, по словам Его, и кажется так. Мы, отрека-

ющиеся от Него, – люди, а Он – Бог; нужно ли говорить, какое расстояние между Богом и людьми?

2. С другой стороны, таким отречением мы вредим себе, а отнюдь не Богу, и не можем (вредить Ему). Потому-то (апостол), объясняя это, и продолжает: *аще не веруем, он верен пребывает: отрещися бо себе не может,* – то есть если мы не верим, что Он воскрес, то Он не терпит от этого никакого вреда; Он истинен, Он неизменен, будем ли мы исповедовать Его или не будем. Если же Он не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от него, то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего иного, как для нашей же пользы. Он пребывает одним и тем же, отрекаемся ли мы от Него или не отрекаемся: *отрещися бо себе не может,* то есть отречься от того, что Он есть. Мы можем говорить, что Его нет, хотя на деле и не так. Он, по существу своему, не может не быть; это невозможно, то есть Ему невозможно обратиться в небытие; Он всегда пребывает, всегда существует по естеству своему. Итак, не будем думать, будто мы можем сделать Ему одолжение или повредить Ему. Далее, чтобы кто не подумал, что Тимофей имел нужду в таких (внушениях), (апостол) присовокупляет: *сия воспоминай, засвидетельствуя пред Господем, не словопретися, ни на кую же потребу, на разорение слышащих.* Страшно – говорит, приводя во свидетели Бога, потому что, если никто не решится изменить, призвав во свидетели человека, то тем более – Бога. Например, если кто составит договор или завещание, призвав достоверных свидетелей, то кто осмелится приписать их кому-нибудь другому, постороннему? Никто; а если бы и захотел, то остережется, опасаясь достоверности свидетелей. Что значит: *засвидетельствуя?* Значит – призывая Бога во свидетели своих слов и действий. *Не словопретися, ни на кую же потребу;* и не поэтому только, но и *на разорение,* говорит, *слышащих.* Отсюда не бывает не только никакой пользы, но и великий вред. Итак, *сия воспоминай;* если же слушатели будут пренебрегать, то Бог им судья. А для чего Он увещевает *не словопретися?* Он знал, что это дело обыкновенное и что человеческая душа всегда склонна к состязанию и словопрению. Чтобы этого не было, он не просто

говорит: *не словопретися,* но употребляет более страшное выражение, присовокупляя: *на разорение слышащих. Потщися себе искусна поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины* (ст. 15). Везде он увещевает избегать стыда. Почему же он так часто упоминает о стыде? Потому, что многие могли стыдиться и самого Павла, как скинотворца, и учения христианского, которого учители терпели мучения: Христос был распят, его (Павла) ожидало отсечение головы, Петр был пригвожден ко кресту вниз головой, и притом терпели это от людей ничтожных и презренных. Так как подобные люди господствовали, то (апостол) и говорит: не постыдись, то есть нисколько не стыдись делать все, что относится к благочестию, хотя бы тебе за это надлежало подвергнуться рабству или потерпеть что-нибудь другое. А как сделаться *искусным?* Будучи *делателем непостыдным.* Как (всякий) делатель трудится, не стыдясь ничего, так должен поступать и делатель Евангелия: он должен быть готовым на все. *Право правяща слово истины.* Хорошо (апостол) сказал это, потому что многие злоупотребляют и искажают слово истины, прибавляя к нему много неправого. Не сказал: управляющего, но: *право правяща,* – то есть отделяй неправое, и все тому подобное отражай и отсекай с великой силой: как бы по натянутой нити отсекай мечом духовным все излишнее и чуждое проповеди. *Скверных же тщеславий отметайся* (ст. 16), потому что этим дело не ограничится; но когда привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно порождает новые разделения; без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани, и нигде не остановится. *Наипаче бо,* говорит, *преспеют в нечестие, и слово их, яко гангрена, жир обрящет* (ст. 17). Это – неудержимое зло, которое не может быть остановлено врачеванием, но заражает все. (Апостол) внушает, что пустословие есть болезнь, и даже хуже болезни; выражает также неисправимость подобных людей; они заблуждаются не случайно, а добровольно, и потому совершенно неисправимы. *От нихже,* говорит, *есть Именей и Филит, иже о истине погрешиста, глаголюще, яко воскресение уже бысть, и возмущают некоторых веру* (ст. 18). Хорошо он сказал: *наипаче преспеют.* По-видимо-

му, — это зло только само по себе; но посмотри, какие отсюда происходят последствия. Если воскресение уже было, то отсюда для нас не только тот вред, что мы лишились великой славы, но уничтожаются и суд, и воздаяние; если воскресение уже было, то было и воздаяние; добрые, следовательно, не получили вознаграждения за скорби и страдания, а злые не наказаны, и хорошо, что они жили в удовольствиях. Лучше было сказать, что нет воскресения, нежели — что оно уже было. *И возмущают,* говорит, *некоторых веру.* Не всех, а *некоторых.* Если воскресения нет, то и *вера* разрушена: *аще воскресения несть, тще проповедание наше,* и Христос не воскрес (1 Кор. XV, 13, 14); а если Он не воскрес, то и не рождался, и не восходил на небеса. Видишь ли, как противление, по-видимому, одному только учению о воскресении влечет за собой много дурных последствий? Что же, скажешь, ужели не нужно делать ничего с колеблющимися (в вере)? *Твердое убо,* говорит (апостол), *основание Божие стоит, имущее печать сию: позна Господь сущия своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне* (ст. 19).

3. Здесь показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы от первого же нападения, — подобно как Адам не был тверд прежде искушения. Твердые не только ничего не терпят от обольстителей, но еще заслуживают удивления. *Твердое,* говорит, *основание.* Так нужно быть предану вере. *Имущее печать сию: позна Господь сущия своя.* Что это значит? Апостол заимствовал это из Второзакония (см.: Чис. XVI, 5). Оно значит: твердые души стоят твердо и неподвижно. А из чего это видно? Из того, что такие слова начертаны на делах их, что Бог знает их и не попускает погибнуть, что они удаляются от неправды. *И да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне.* Вот признаки основания! Такой человек является как бы твердым основанием. Подобно тому, как на камне делается надпись, чтобы она была признаком его, эта надпись у него выражается в делах. *Имущее,* говорит, начертанной *печать сию: всяк именуяй имя Господне да отступит от неправды.* Следовательно, кто делает неправду, тот не имеет этого основания; и признак этой печати — не делать неправ-

ды. Итак, не будем лишать себя этой царской печати и знака, чтобы нам не остаться не запечатленными и непрочными, но стоять на основаниях, и на твердых основаниях, и не увлекаться. Вот признак людей, принадлежащих Богу, — удаляться от неправды! Как Богу, Который праведен, может принадлежать тот, кто делает неправду, противится Ему своими делами и оскорбляет Его своими поступками? Но опять мы осуждаем неправду и опять возбуждаем против себя множество недовольных. Страсть, как бы какой тиран, овладела душами всех, и — вот что страшно — овладела не принуждением или насилием, но убеждением и увлечением, так что они же бывают благодарны за такое рабство. Это поистине страшно, потому что если бы они были удерживаемы насилием, а непривязанностью, то скоро отстали бы. И отчего представляется приятным то, что само по себе весьма неприятно? Напротив, отчего правда представляется неприятной, тогда как она весьма приятна? Зависит это от наших чувствований. Так некоторые и мед находили горьким, а другое что-нибудь вредное принимали с удовольствием; причина — не в существе вещей, а в испорченности самих людей дурных. Подумай о судилище в нашей душе. Как весы неверно показывают тяжесть взвешиваемых вещей, когда отвес не утвержден надлежащим образом, так и душа не может хорошо судить о вещах, но колеблется и увлекается, когда отвес ее помыслов не утвержден и не прикреплен прочно к закону Божию. Если посмотреть внимательно, то можно видеть, что неправда очень горька, не только для тех, которые терпят от нее, но и для тех, которые делают ее, и гораздо более для последних, нежели для первых. Не станем говорить уже о будущем, а скажем только о настоящем. Не сопровождают ли ее тяжбы, суды, осуждение, зависть, злословие? Что может быть неприятнее этого? Не сопровождают ли ее ненависть, вражда, укоризны, непрестанные терзания и угрызения совести? Я желал бы, если бы можно было, извлечь из тела душу человека несправедливого, — и ты увидел бы, как она бледнеет, дрожит, стыдится, тревожится и осуждает сама себя. В какую бы глубину зла мы ни впали, судья души нашей не истребляется, но

остается неподкупным, и никто прямо не скажет, что неправда есть добро, но выдумывает предлоги и употребляет все меры, чтобы по крайней мере словами оправдать себя; но оправдания от совести получить он не может. Между нами и красноречие, и подкупность правителей, и множество льстецов могут помрачить истину; но внутри — в совести — нет ничего такого, нет льстецов, нет денег для подкупа судьи. Этот судья внедрен в нас Богом от природы; а то, что от Бога, не может терпеть ничего такого.

4. Напротив, и неприятные сны, и призраки, и постоянное воспоминание о сделанном зле возмущают тогда покой наш. Например, присвоил ли кто-нибудь неправедно дом другого? Тогда страдает не только лишившийся, но и присвоивший, если он уверен в (будущем) суде; если он уверен в этом, то сильно скорбит и плачет: если же не верит в будущее, то и тогда стыдится и краснеет. Впрочем, нет человека, который не боялся бы суда, будет ли он язычник, или иудей, или еретик. Если он не думает о будущем, то боится и трепещет за здешнее, чтобы не испытать несчастья в деньгах, или в детях, или в домашних, или в душе, потому что много подобного посылает Бог. Так как учение о воскресении не может образумить всех, то Бог еще здесь дает и являет нам много знаков Своего правосудия. Такой-то корыстолюбец не имел детей, такой-то пал на войне, иной был изувечен, другой потерял сына. Все это он знает и представляет себе и потому находится в постоянном страхе. Или вы не знаете, как страдают люди несправедливые, и как это неприятно? Если бы даже они и не испытывали ничего такого, то не все ли презирают их? Не все ли ненавидят? Не все ли отворачиваются? Не все ли называют их безумнейшими диких зверей, даже и сами (подобные им) нечестивцы? Если они осуждают самих себя, то еще более другого, называя его хищником, корыстолюбцем, злодеем. Что же приятного в корыстолюбии? Ничего, кроме того, что увеличивается беспокойство о сохранении богатства, умножаются заботы и печали; чем больше кто накопляет богатства, тем сильнейшую наживает себе бессонницу. А что сказать о проклятиях и жалобах обиженных? Что́, если случится бо-

лезнь? Нет, подлинно нет человека, который бы, находясь в болезни и не имея возможности сделать что-нибудь, не беспокоился и не мучился, хотя бы он был безбожнейшим из всех. Пока мы живем здесь, сладострастная душа чуждается всего прискорбного; а когда наступает ей время разлучиться с телом, тогда великий страх овладевает ею, как бы вступающей в самое преддверие судилища. И разбойники, пока остаются в темнице, живут без страха, а когда приведут их к самой завесе (на место суда), тогда они теряются от страха. Действительно, когда наступит страх смерти, то он, как огонь, пожигает все другое и заставляет душу образумиться и позаботиться о будущем; ею уже не владеет тогда ни желание богатства, ни страсть корыстолюбия, ни сладострастие; все это проходит как облако, внутренний судья делается чистым, и объявшая душу скорбь смягчает ее ожесточение. Ничто так не препятствует любомудрию, как жизнь в удовольствиях; напротив, скорбь способствует любомудрию. Представь, что будет тогда с корыстолюбцем. Время озлобления, говорит (Премудрый), *забытие творит* великой *сладости* (Сир. XI, 27). Каково ему будет вспомнить об ограбленных им, обиженных, пострадавших от его любостяжания? Каково будет видеть, как другие наслаждаются корыстью, а он сам готовится к принятию казни? Невозможно, поистине невозможно, чтобы впавший в болезнь не подумал об этом; часто в таких случаях душа, потерявшись и мучась, содрогается. Какова же, скажи мне, эта мука? Она необходимо бывает при всякой болезни. А чего не вытерпит он, увидев, как наказываются другие, как они умирают? И это здесь; а что будет там, невозможно и выразить словами, какое там будет воздаяние, какие наказания, какие мучения, какие терзания. Потому мы говорим: *имеяй уши слышати, да слышит* (Лк. VIII, 8). Мы часто говорим об этом, не желая говорить об этом часто, но будучи к тому вынуждены. Мы хотели бы, чтобы нам не было необходимости и начинать речь об этом; если же невозможно не начинать ее, то по крайней мере хотели мы малым лечением избавить вас от болезни и возвратить к здоровью; но когда вы упорствуете в болезни, то было бы низко и жалко оставить лечение,

даже было бы жестоко и бесчеловечно. Если врачей, отчаивающихся в исцелении тела, мы просим и говорим им: не оставляйте нас, не переставайте употреблять свои меры до самого последнего вздоха, – то не тем ли более мы должны побуждать самих себя? Может быть, иной, уже дойдя до самих врат ада и до преддверия самой глубины зол, будет в состоянии опомниться, восстать, укрепиться и получить жизнь вечную. Сколько людей, выслушав увещания десять раз, не приходили в чувство раскаяния, а потом обращались от одного увещания? Или, лучше сказать, не от одного, потому что хотя они оставались нечувствительными при прежних десяти, однако получали от них пользу и потом за раз показали весь плод. Дерево, получив десять ударов и не упав от десяти, вдруг все падает от одного, потом нанесенного, удара; но собственно не от одного, а от десяти происходит следствие последнего удара; кто смотрит на корень, тот видит это, а кто смотрит сверху на ствол, тот ничего такого видеть не может. Так и здесь. И врачи часто дают множество лекарств, не принося пользы, а потом кто-нибудь, дав свое лекарство, исправляет все; но это не есть дело его одного, а также и прежних, уже подействовавших на болезнь. Так и мы, если не покажем плодов слушания ныне, то покажем после; а что мы покажем их, в этом я совершенно уверен. Невозможно, поистине невозможно, чтобы осталась бесплодной такая любовь, такая ревность ваша к слушанию, – да не будет этого, но все мы, удостоившиеся слышать заповеди Христовы, да сподобимся вечных благ.

БЕСЕДА VI

В велицем же дому не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо в честь, ови же не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь освящен, благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован (2 Тим. 11, 20, 21)

1. Многих и теперь еще смущает вопрос: почему остаются, а не погибают злые люди? Есть на это много и других причин, например – чтобы они покаялись, чтобы для дру-

гих были примером наказания; но здесь Павел представляет причину, близкую к предмету его речи; *в велицем дому**, говорит, *не точию сосуди злати и сребряни, но и древяни и глиняни*. Этим он выражает, что как в большом доме обыкновенно бывают весьма различные сосуды, так и здесь, во всей вселенной; не о Церкви он говорит, но о всем мире. Не разумей здесь Церкви; он не желает, чтобы в ней был какой-нибудь сосуд деревянный или глиняный, но чтобы все были золотые и серебряные там, где тело Христово, где чистая дева, не имеющая скверны или порока. Смысл слов его следующий: не смущайся, что есть люди злые и нечестивые; и в большом доме бывают разные сосуды. Что же? Они, говорит, пользуются не одинаковой честью, но одни в почетном употреблении, а другие – в низком. Но, скажешь, в доме и последние сосуды служат для какого-нибудь употребления, а (злые люди) в мире не так? Нет, и им Бог дает, если не такое, то другое употребление, – например, тщеславный многое строит, человек любостяжательный, купец, торговец, начальник – у всех их есть в мире дела, им свойственные. Золотой же сосуд не служит ни к чему подобному, но употребляется за царским столом. Итак, не то (апостол) говорит, что зло необходимо, – нет, – но что и злые имеют свое дело. Если бы все были золотыми и серебряными, то в тех не было бы нужды: например, если бы все были выносливы, то не было бы нужды в зданиях; если бы все чуждались сластолюбия, то не было бы нужды в изысканных кушаньях; если бы все заботились только о необходимом, то не было бы нужды в великолепных жилищах. *Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь освящен*. Видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит

---

* Вместо слов: «здесь Павел... речи», в одном рукописном кодексе читается: «Действительно, вследствие милосердия Божия, Его долготерпения к беспечным, и предоставления им времени для покаяния и отрезвления, если бы они захотели, многие получили пользу и обратились, а равно и других привели ко спасению своим примером. Павел же предложил здесь и нечто новое, говоря так: *в велицем дому*» и так далее.

не от природы или вещественной необходимости, а от нашей воли? В природе глиняный сосуд не может сделаться золотым, и золотой не может сделаться столь низким, как глиняный; а здесь (в душах людей) бывает великая перемена и превращение. Павел был глиняным сосудом, но стал золотым; Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Таким образом нечистота делает людей глиняными; прелюбодей, корыстолюбец – глиняные. Как же (апостол) говорит в другом месте: *имамы сокровище сие в скуделнъх сосудех* (2 Кор. IV, 7), и следовательно, не унижает глиняного сосуда, но воздает ему честь, признавая его способным вмещать в себе сокровище? В этом месте он указывает на самую природу, а не на вид вещества. Смысл слов его следующий: тело наше – глиняный сосуд; как глиняный сосуд не что иное, как обожженная глина, так и тело наше не что иное, как земля, скрепляемая теплотой души. А что оно глиняный сосуд, это очевидно: как глиняный сосуд, упав, разбивается и рассыпается, так и тело, подвергшись смерти, разрушается. Чем отличаются от черепков наши кости, которые также тверды и сухи? Чем отличается плоть от глины? Разве и она не из воды? Почему же там, как я сказал, (апостол) не унижает скудельного сосуда? Там он говорит о природе (нашего тела), а здесь о свободной воле. Аще убо, говорит, *кто очистит себе;* не сказал: будет очищать, но: *очистит,* то есть очистит совершенно. *Будет сосуд в честь освящен, благопотребен Владыце.* Следовательно, те сосуды негодны, хотя и служат к некоторому употреблению. *На всякое дело благое уготован:* хотя он еще и не делает, но он пригоден, способен. Итак, должно быть готовым на все, даже на смерть, даже на мученичество; должно приготовиться и к девству, и ко всему подобному. *Похотей юных бегай* (ст. 22). Юные – это похоти не только соединенные с блудом, но всякое неуместное пожелание есть *похоть юная.* Пусть выслушают это старцы: им не должно делать того, что свойственно юношам. Гневлив ли кто-нибудь, или властолюбив, или корыстолюбив, или сластолюбив, или предан чему-либо другому подобному, – все это юношеская, безрассудная похоть, свойственная нетвердому сердцу и не

глубокому, но легко увлекающемуся разуму. Итак, чтобы никто не предавался этому, что внушает (апостол)? Юношеских мечтаний убегай; *держися же правды, веры, любве, мира, со всеми призывающими Господа от чистаго сердца. Правдою* он называет вообще добродетель, благочестие в жизни, веру, любовь, кротость. Что значит: *с призывающими Господа от чистаго сердца?* Он как бы так говорит: доверяй не всем призывающим (Господа), но только таким, которые призывают Его непритворно, нелицемерно, не имеют никакого коварства, приступают с миром, не склонны к распрям; с ними сообщайся; с другими же не следует быть кротким, но – только соблюдать мир, сколько зависит от тебя самого. *Буих же и ненаказанных стязаний отрицайся, ведый, яко раждают свары* (ст. 23).

2. Видишь ли, как (апостол) везде отклоняет (Тимофея) от состязаний? Это не потому, чтобы он не был способен опровергать их; он был способен; а если бы не был, то сказал бы ему: старайся сделаться способным к опровержению их, – подобно тому, как он сказал: *внимай учению: сие бо творя и сам спасешися и послушающии тебе* (1 Тим. IV, 16). Но (апостол) знал, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания, и что они оканчиваются не чем иным, как ссорой, враждой, оскорблением и злословием. Таких состязаний отрицайся. Следовательно, есть и другие состязания, например касательно Писаний и тому подобных предметов. *Рабу же Господню не подобает сваритися* (ст. 24). Не должно ссориться и при состязании: рабу Божию должно быть далеким от ссор. Если Бог есть Бог мира, то раб Бога мира как может ссориться? *Но тиху быти ко всем. Рабу же Господню,* говорит, *не подобает сваритися, но тиху быти ко всем.* Почему же он говорит: *обличай* их *со всяким повелением* (Тит. II, 15); и здесь опять: *никтоже о юности твоей да нерадит* (1 Тим. IV, 12); и еще: *обличай их нещадно* (Тит. I, 13)? Потому, что и это – дело кротости. Сильное обличение, когда оно делается с кротостью, особенно может трогать. Гораздо скорее можно тронуть кротостью, нежели пристыдить строгостью. *Учительну,* то есть для всех, желающих учиться, так как он же говорит: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся* (Тит. III, 10). *Незлобиву.* Хорошо

прибавил он это: учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно. Если рыболовы, часто целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходят в отчаяние, то тем более (не должно отчаиваться) нам. Смотри, в самом деле, что бывает. Часто случается, что плуг слова, действуя непрестанным внушением, входит во глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человек, слушая непрестанно, нисколько не почувствовал. Таким образом может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения, и произойдет то же, как если бы кто-нибудь, неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий, в надежде получить плоды, но не получив их и потеряв надежду по прошествии трех лет, оставил бы его в четвертый год, именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои. Сказав: *незлобиву*, (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет: *с кротостию наказующу противныя* (ст. 25). Здесь особенно нужно учителю поступать с кротостью; душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостью и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего должен быть расположен к учителю; если же это предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего или полезного; никто не может быть расположен к человеку, который сердится и бранится. А как же (апостол) говорит: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся?* Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. *Еда како даст им Бог покаяние в разум истины и возникнут от диавольския сети* (ст. 26). Смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое-либо исправление. Выражение: может быть – употребляется о предметах, неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых мы можем точно сказать и о которых мы убеждены, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы. *С кротостию,* говорит. Видишь

ли, как должно приступать к желающим научиться, и ненужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения? *Живи уловлени от него в свою его волю.* Хорошо сказал: *живи уловлени,* потому что они пока еще плавают в заблуждении. Заметь, как он научает смиренномудрию. Не сказал: может быть, ты будешь в состоянии, но: *еда како даст им Бог возникнути;* если и произойдет что-нибудь, все принадлежит Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Он сеет и устрояет плодоприношение. Поэтому не будем думать, будто мы сами убедили кого-нибудь, хотя бы и убедили. *Живи уловлени,* говорит, *от него в свою его волю.* Это нужно разуметь не об учении только, но и о жизни, так как воля Божия та, чтобы мы жили праведно. Некоторые по жизни своей находятся в сети диавола: и о таких людях не должно отчаиваться. *Еда како возникнут,* говорит, *живи уловлени в его волю.* Слова *еда како* выражают великое долготерпение; а не исполнять волю Божию – значит быть в сети диавольской.

3. Как воробей, хотя бы он не всем телом попал в сеть, но только одной частью, например ногой, находится во власти поставившего сеть, так и мы находимся во власти диавола, хотя бы уловлены были им не всецело – и по вере, и по жизни, но только по жизни. *Не глаголяй ми,* говорит Христос, *Господи, Господи, внидет в царствие небесное;* и еще: не знаю *вас, отыдите от мене делающии беззаконие* (Мф. VII, 21, 23). Видишь ли, что вера не доставляет нам никакой пользы, если нас не знает Владыка? И девам то же сказано: *не вем вас* (Мф. XXV, 12). Какая же им польза от девства и многих подвигов, если их не знает Владыка? И во многих местах мы находим, что люди, нисколько не осуждаемые за веру, наказываются только за порочную жизнь; и напротив, иногда люди, нисколько не осуждаемые за жизнь, погибают за неправое учение, потому что то и другое держится взаимно. Видишь ли, что мы находимся в сети диавольской, когда не исполняем воли Божией? И не только за всю жизнь, но и за один порок люди часто ввергаются в геенну, если у них нет других равносильных добрых дел. Так и девы были осуждены не за блуд, или прелюбодеяние, или зависть, или вражду, или пьянство, или неправоверие, но за недостаток елея, то есть за то, что не творили мило-

стыни: это именно значит елей. И те осужденные, которым сказано: *отыдите проклятии в огнь вечный,* также были обвиняемы не в чем-нибудь подобном, но в том, что не напитали Христа. Видишь ли, что и один недостаток милосердия может ввергнуть в огонь гееннский? К чему, скажи мне, будет годен тот, кто не творит милостыни? Ты постишься каждый день? Но и те девы постились, однако не получили отсюда никакой пользы. Молишься? Но что в этом? Без милостыни и молитва бесплодна. Без нее все нечисто, все бесполезно; без нее теряется большая часть добродетели. *Не любяй брата своего,* говорит (апостол), *не позна Бога* (1 Ин. III, 10; IV, 8); как же ты любишь его, если не хочешь поделиться с ним чем-нибудь из этих малых и ничтожных благ? Ты соблюдаешь, скажи мне, целомудрие? Почему? Потому ли, что боишься мучений? Нет, но потому, что таков ты от природы; если бы ты соблюдал целомудрие по страху мучений, преодолевая такое побуждение и такое насилие (природы), то ты гораздо более мог бы творить милостыню. Ведь не все равно – обуздывать страсть к богатству или к телесным удовольствиям; последнее гораздо труднее. Почему? Потому, что последнее – удовольствие естественное, посеянное и насажденное в нашем теле; а страсть к богатству не такова. Милосердие и сострадание – вот чем мы можем уподобиться Богу; а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал (Господь): если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказал: если станете соблюдать девство, или: если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? *Будите милосерды,* говорит, *якоже Отец ваш, иже на небесех* (Лк. VI, 36). Это – дело Божие. Если же ты не имеешь этого, то что же и имеешь? *Милости хощу,* говорит Он, а не *жертвы* (Ос. VI, 6). Бог сотворил небо, сотворил землю, море, – велики эти дела и достойны Его премудрости. Но ничем Он так не расположил к себе человеческий род, как милосердием и человеколюбием; и это – есть дело Его премудрости, силы и благости, но гораздо более то, что Он сделался рабом. Не поэтому ли мы более удивляемся Ему? Не поэтому ли более благоговеем перед Ним? И Бога ничто столько не распола-

гает к нам, как милосердие. Об этом много говорят непрестанно все пророки. Говоря о милосердии, я разумею не то, которое соединено с любостяжанием; это не милосердие. Корень терновника никогда не производил елея, но производит его корень масличного дерева; точно так и милосердия не рождает ни корень любостяжания, ни неправды, ни хищения. Не унижай милостыни, не подавай повода всем порицать ее. Если ты похищаешь для того, чтобы благотворить, то ничего не может быть хуже такой милостыни. Когда она происходит от хищения, то она не милостыня; это – какая-то жестокость и свирепость; это – оскорбление Бога. Если Каин так оскорбил Бога, принеся в жертву маловажнейшее из своей собственности, то как оскорбит Его приносящий чужое? Приношение есть не что иное, как жертва, – очищение, а не осквернение. Ты не смеешь молиться с грязными руками; неужели же не считаешь страшным – приносить Богу грязь и нечистоту хищения? Рукам ты не позволяешь оставаться в грязи и нечистоте, но сначала очистишь их, а потом уже приносишь; между тем эта грязь не составляет никакого преступления, а та достойна осуждения и порицания.

4. Итак, будем заботиться не о том, чтобы молиться и приносить чистыми руками, но и о том, чтобы приносимое было чисто. Иначе будет смешно так же, как если бы кто, вымыв поднос, наполнил его нечистыми дарами: разве это не забавно и не смешно? Пусть будут чисты руки; а они будут чисты, когда мы омоем их не только водой, но наперед и правдой: вот что очищает руки. Если же мы исполнены неправды, то, хотя бы ты омывал руки тысячу раз, не будет никакой пользы. *Измыйтеся,* говорит (пророк), *чисти будете* (Ис. I, 16). И что? Прибавил ли он: идите на источники, ступайте в бани, на пруды и на реки? Нет, – но что? *Отъимите лукавства ваша от душ ваших;* это и значит: *чисти будете.* Вот что́ избавляет от нечистоты, вот истинная чистота! Чистота телесная не приносит большой пользы, а чистота душевная доставляет нам дерзновение перед Богом. Ту могут иметь и прелюбодеи, и воры, и убийцы, и сластолюбцы, и развратники, и блудники, и блудницы, последние по преимуществу: они больше всех заботятся о чистоте

тела, постоянно намащая себя миром и *повапляя гроб* свой (Мф. XXIII, 27); ведь их тело – гроб, внутри которого – мертвая душа. Такую чистоту и они могут иметь; внутренней же – не могут. Неважное дело, если ты вымоешь тело: это – очищение иудейское, пустое и бесполезное, если нет очищения внутреннего. Положим, что кто-нибудь страдает гниением или ранами внутри, и пусть он омывает свое тело; какая будет польза, какие последствия? Если же имеющий гнилую рану в теле не может получить пользы от омовения и очищения поверхности, то какую пользу мы можем получить от чистоты телесной, когда гниение находится в душе? Никакой. Наши молитвы должны быть чисты; но молитвы не могут быть чистыми тогда, когда они истекают из души нечистой. Ничто не делает души столь нечистой, как любостяжание и хищение. Между тем есть люди, которые, совершив днем тысячи злых дел, вечером, вымывшись, входят в церковь и с великим дерзновением простирают руки, как бы освободившись от всех нечистот в воде для омовения. Если бы действительно было так, то мыться каждый день было бы весьма полезно; если бы действительно было так, если бы баня делала человека чистым и избавляла от грехов, то и я посещал бы ее непрестанно. Это забавно и смешно; это – шутки и детские игрушки. Бог отвращается не от нечистоты тела, а от нечистоты души: послушай, что Он говорит: *блажени чистии сердцем,* – телом ли? – нет, но – *сердцем чистии, яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8). А что говорит пророк? *Сердце чисто созижди во мне Боже* (Пс. L, 12); и еще: *омый от лукавства сердце твое* (Иер. IV, 14). Видишь ли, как все это маловажно и бесполезно? Великое благо – иметь навык в добрых делах. Когда душа приобрела навык, то не оставляет его и не решается приступить к молитве, прежде нежели исполнит свое обычное дело. Например: мы привыкли мыться и потом уже молиться, так что, не вымывшись, не делаем этого, и скорее не станем молиться, нежели сделаем это с немытыми руками, как бы боясь оскорбить Бога и испытать угрызения совести. Если же такая маловажная привычка имеет такую силу, что непременно исполняется каждый день, то, приучив себя к милостыне и поставив

себе постоянным правилом – никогда не входить с пустыми руками в дом молитвы, мы сделали бы доброе дело. Велика сила привычки и в добрых и в злых делах; она сама влечет нас, без всякого труда с нашей стороны. Многие имеют привычку – непрестанно полагать на себе крестное знамение, и им уже ненужно, чтобы кто-нибудь напоминал об этом, и часто бывает, что тогда как ум блуждает где-нибудь, рука, побуждаемая привычкой, как бы живым учителем, сама поднимается сделать это знамение. Некоторые приучили себя не клясться, так что не сделают этого ни волей, ни неволей. Приобретем же и мы себе привычку – творить милостыню. Какие не стоило бы предпринять труды, чтобы приобрести это врачевство? В самом деле, скажи мне, если бы не было утешения в милостыне, то как горько плакали бы мы, совершив множество грехов и сделав себя достойными наказания? Не говорили ли бы мы: все мы отдали бы, если бы деньгами можно было очистить грехи; не пощадили бы имущества, если бы деньгами можно было отвратить гнев Божий? Если мы поступаем так во время болезни и при смерти говорим: если бы можно было откупиться от смерти, мы отдали бы все свое имущество, – то тем более нужно – здесь. Но посмотри, каково человеколюбие Божие: Он дал тебе возможность – откупиться от смерти не временной, а от смерти вечной. Покупай, говорит Он, не эту краткую жизнь, но ту жизнь – вечную; ту Я продаю тебе, а не эту, и не обманываю тебя. Если ты возьмешь эту, то ничего не возьмешь; я знаю, что важна та жизнь. Не так поступают торговцы и продавцы жизненных припасов; они позволяют себе обманывать, кого хотят, и дают малое за большое. Но Бог поступает не так; Он за малое дает гораздо большее. Скажи мне: если бы ты пришел к торговцу, у которого лежат два камня – один дешевый, а другой драгоценный и составляющий значительное богатство, и отдав цену за малый, получил бы большой, то стал ли бы ты осуждать торговца? Конечно, нет, а напротив, стал бы удивляться ему. Так и здесь предстоят две жизни – временная и вечная; продает их Бог; продает нам последнюю, а не первую; неужели же мы будем жалеть, подобно неразумным детям, что получаем драгоценнейшее? Но

разве можно, скажешь, купить жизнь вечную деньгами? Да, когда мы отдаем свое, а не чужое, когда не похищаем у других. Но оно, скажешь, уже мое. Нет, похищенное не твое, а принадлежит тому, у кого похищено; оно чужое, хотя бы тысячу раз ты назывался его владельцем. Когда ты получаешь что-нибудь в залог, то, пока вверивший тебе находится в отсутствии, оно не твое, хотя и лежит у тебя. Если же то, что дается нам в залог вверяющими добровольно и с благодарностью, не есть наше, даже и тогда, когда находится у нас, то тем более не наше то, что мы похищаем у других насильно и против их воли. Он, другой — владелец этого имущества, хотя бы оно тысячу раз находилось у тебя. Истинно наше есть добродетель, а богатство не только чужое, но и наше — не наше; сегодня оно наше, а завтра — не наше. Добродетель же — наша: она не отнимается, как имущество, но у всех, у кого есть, остается всецело. Будем же приобретать ее, а богатство презирать, чтобы получить нам истинные блага, которых да сподобимся все мы.

БЕСЕДА VII

Сие же веждь, яко в последния дни настанут времена люта: будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульниды, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительны, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиися. И сих отвращайся. От сих бо суть поныряющии в домы и пленяющии женищца отягощенныя грехами, водимыя пожеланиями и похотми различными, всегда учащяся и николиже в разум истины приити могущия (2 Тим. III, 1—7)

1. В первом послании (апостол) говорил: *дух явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры* (1 Тим. IV, 1), и в другом месте того же послания предсказывал нечто подобное, имеющее быть впоследствии. Здесь он опять повторяет то же самое: *сие же веждь,* говорит, *яко*

в последния дни настанут времена люта, и доказывает это не только будущими событиями, но и прошедшими: *якоже,* говорит, *Ианний и Иамврий противистася Моисею* (ст. 8); равно как и собственными суждениями: *в велицем же дому не точию сосуды злати и сребряни суть* (2 Тим. II, 20). Для чего же он делает это? Для того, чтобы Тимофей или кто-нибудь из нас, не смущался, когда будут злые люди. Если, говорит, они были при Моисее и будут после, то нисколько неудивительно, что они бывают и при нас. *В последния дни настанут времена люта.* Не дни или времена осуждает он, но людей, которые тогда будут. Так и мы имеем обыкновение называть времена худыми и не худыми, по свойству дел, совершаемых в течение их людьми. Тотчас же он указывает и причину. Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, – чрезмерное самолюбие. Преданный этой страсти не наблюдает даже и за своими делами. Кто не думает о ближнем, не заботится о его делах, тот будет ли заботиться о своих? Как заботящийся о ближнем хорошо устрояет вместе с его делами и свои собственные, так презирающий дела ближнего будет презирать и свои собственные. В самом деле, если мы – члены друг друга, то спасение ближнего касается не его только, но всего тела, и бедствие ближнего не ограничивается им одним, но причиняет боль и всему телу. Если мы – здание, то, когда страдает одна часть, повреждается и все здание, а когда она тверда, то может держаться и все прочее. Так и в Церкви. Ты оказал презрение брату? Этим ты причинил вред самому себе. Почему? Потому, что твой член потерпел немалый вред. Если неуделяющий ближнему из своего имущества ввергается в геенну, то видящий ближнего в существеннейшей опасности и не подающий ему помощи тем более подвергнется наказанию, чем важнее испытанный вред. *Будут бо,* говорит, *человецы самолюбцы.* Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любит себя гораздо более. Отсюда происходит сребролюбие. Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех. *Сребролюбцы.* Отсюда происходит гордость, от гордости – над-

менность, от надменности – злоречие, от злоречия – непокорность и неверие. Действительно, надмевающийся перед людьми легко будет надмеваться и перед Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почтителен к людям, тот будет тем более благоговеть перед Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения Самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога; и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, Который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню это иначе, – примером. Каин презрел брата, и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как оскорбительно отвечает он Богу: *еда страж есмь брату моему* (Быт. IV, 9)? Также Исав презрел брата и оказал презрение и к Богу. Поэтому и сказал Бог: *Иакова возлюбих, Исава же возненавидех* (Рим. IX, 13). Потому и Павел говорит: *да не кто блудодей, или сквернитель, якоже Исав* (Евр. XII, 16). Презирали Иосифа братья, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали народ, оказали презрение и к Богу. Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, чтобы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, чтобы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда сребролюбие, самолюбие и непокорность соединяются вместе, то чего еще недостает для совершенной погибели? Тогда все развращается и образуется огромное болото грехов. *Неблагодарни*, говорит. Действительно, как может быть благодарным сребролюбец? Кому будет он воздавать благодарность? Никому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал

ему все свое имущество, он не изъявит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большого богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкой вселенной, он не изъявит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасытимо, потому что это – болезненное желание, а болезненные желания всегда таковы.

2. Как страдающий горячкой никогда не может напиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не утоляет желания пить, так и одержимый страстью к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он будет благодарен только тому, кто даст ему столько, сколько он желает; но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно; следовательно, он и не может быть никому благодарным. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец; нет столь бесчувственного, как корыстолюбец; он враг всей вселенной; он досадует, что существуют (другие) люди; он желает, чтобы везде была пустыня и чтобы он один обладал всем; и многое подобное он думает. О, если бы, говорит он, случилось в городе землетрясение, и все были бы поглощены землей, а я один остался бы и взял бы, если возможно, имущество всех; о, если бы наступила зараза и погубила всех, не коснувшись золота; о, если бы случилось наводнение или разлив моря! И множество подобных мыслей держит он в уме, а доброй – ни одной, и желает только землетрясений, пожаров, войн, моровых язв и тому подобного. Но скажи мне, жалкий, несчастный и презреннейший всякого раба, если бы все сделалось золотом, то не лишился ли бы ты золота, погибнув от голода? Если бы случилось землетрясение, то при разрушении вселенной погиб бы и ты со своею пагубной страстью; если бы на земле не стало людей, то некому было бы приготовлять нужное и для твоей жизни. Представим, – хотя это нелепо и невозможно, – представим, что все люди во вселенной вдруг исчезли, и их золото и серебро само собой перешло к тебе, и все их богатство – золото, серебро, шелковые одежды, золотые вещи

сами собой перешли в твои руки: какая будет тебе польза? Тогда скоро постигла бы тебя смерть, потому что не стало бы ни хлебников, ни земледельцев, умножились бы дикие звери, и бесы овладели бы твоей душой. И теперь обладают ею многие бесы; а тогда они свели бы тебя с ума и скоро погубили бы. Нет, скажешь, я не хотел бы этого; пусть будут и земледельцы, и хлебники. Но и они должны будут издерживать на себя что-нибудь? Нет, говоришь, я не хочу, чтобы они издерживали. Так ненасытима эта страсть! Что может быть ее смешнее? Видишь ли нелепость? Он хочет иметь у себя множество слуг и скорбит, что они употребляют пищу и тем уменьшают его имущество. Неужели, скажи мне, ты желаешь, чтобы люди были каменные? Все это смешно; это – волны, буря, вихрь, треволнение и великое смятение в душе, которая постоянно алчет и постоянно жаждет. Недостоин ли такой человек, скажи мне, сожаления и слез? Есть телесная болезнь, подобная этому и весьма мучительная, называемая у врачей волчьим голодом, когда человек, принимая множество пищи, не перестает чувствовать голод: недостойна ли слез такая же болезнь в душе? Подлинно, сребролюбие есть волчий голод души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучится желанием. Если бы нужно было принимать чемерицу или испытать что-нибудь в тысячу раз неприятнейшее, чтобы избавиться от этой страсти, то не следует ли охотно решиться на все? Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево. Не стыдно ли после этого нам, когда иные так неистово пристрастны к богатству, а мы не показываем даже малейшей части такой любви в отношении к Богу, так что Бог для нас малоценнее денег? Для денег люди переносят и бессонные ночи, и путешествия, и непрестанные опасности, и ненависть, и обиды, и все; а для Бога мы не хотим даже сказать слово или навлечь на себя чей-нибудь гнев; если нужно защитить кого-нибудь из притесняемых, то, боясь гнева властителей и неприятностей, мы предаем обижаемого; получив от Бога силу – подавать помощь, мы теряем ее, не желая подвергнуться чьей-нибудь вражде или

ненависти. Многие при этом ссылаются на пословицу, которая говорит: пусть любят тебя напрасно, а не ненавидят напрасно. Но здесь разве напрасной ты подвергаешься ненависти? Что может быть лучше такой ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он Сам делается должником, за которым остается наша награда. Сребролюбцы, сколько бы ни любили богатства, не знают меры в любви; а мы, сделав что-нибудь малое для Бога, думаем, что уже сделали все. Мы не любим Бога так, как они любят золото, и даже на малейшую часть того. Великого осуждения достойны они, что столь неистово пристрастны к золоту; великого осуждения достойны и мы, что не так же пристрастны к Богу, что не воздаем Владыке всех такой же чести, какую они воздают земле, – ведь золотой металл – та же земля.

3. Посмотрим на их безумие, и сами устыдимся. Что из того, что мы не горим страстью к золоту, если мы и Богу не молимся усердно? Для золота люди забывают о жене, о детях, о жизни и самом своем спасении, притом не зная, умножат ли они свое богатство, потому что многие, после напрасных трудов, среди самих надежд, испускали дух и умирали; а мы знаем, что получим желаемое, если будем любить Бога, как следует любить, и однако не любим, но оскудели во всем – и в любви к ближнему, и в любви к Богу, – в любви к Богу потому, что (оскудели) в любви к ближнему. Действительно, человек, незнающий любви, не может, поистине не может иметь благородных и великодушных чувствований. Основание всего доброго есть не что иное, как любовь. На ней, говорит Господь, *закон и пророцы висят* (Мф. XXII, 40). Как огонь, попав в лес, обыкновенно очищает все, так и жар любви, если разгорится в ком-нибудь, то очищает и истребляет все, вредное для божественного семени, и делает землю чистой для принятия этого семени. Где любовь, там истребляется все злое, там нет ни сребролюбия – корня зол, ни корыстолюбия, ни гордости, потому что может ли кто гордиться перед человеком любимым? Ничто не делает столь смиренным, как любовь. Существам

любимым мы служим, как рабы, и не стыдимся, но еще благодарим их за такое рабство; для них мы не щадим своих денег, а иногда и телесных сил, — случалось, что за любимого подвергались опасностям. Где любовь, там нет ни зависти, ни злословия; мы не только сами не злословим любимых, но заграждаем уста и другим, злословящим их; там все тихо, все спокойно, нет и следа разногласий и ссор, все исполнено мира: *исполнение закона,* говорит (апостол), *любы* (Рим. XIII, 10): при ней нет ничего, производящего неприятности. Почему? Потому, что сами грехи — любостяжание, хищение, зависть, злословие, надменность, клятвопреступление, ложь, все это исчезает там, где есть любовь. Клятвопреступники нарушают клятву, желая отнять что-нибудь у другого; но у любимого никто не станет отнимать, а отдаст ему и свое, и еще будет благодарен ему более, нежели получая от него. Это знаете вы, которые имели друзей, друзей не по имени только и по одному названию, но таких, которых любили, как должно, к которым были привязаны. А кто не знает этого, тот пусть спросит у знающих.

Я расскажу вам теперь пример дивной дружбы из Священного Писания. Ионафан, сын Саула, полюбил Давида, *и спряжеся с ним душа* (1 Цар. XVIII, 1), так что Давид, оплакивая его, говорит: напала на меня любовь *твоя,* как любовь женская: до *смерти язвен* ми (2 Цар. I, 25, 26). Что же? Завидовал ли он Давиду? Нет, хотя и имел причину завидовать. Какую? Он видел из обстоятельств, что царство перейдет к Давиду, и однако не чувствовал ничего подобного, не говорил: он лишает меня отцовского царства; но еще содействовал ему к получению власти и не щадил отца для друга. Не сочтите его отцеубийцей; нет, — он не оскорблял отца, но удерживал его от козней и несправедливостей; он более делал ему добра, нежели зла, не допуская его совершить неправедное убийство. Он неоднократно решался даже умереть за друга; не только не злословил его, но удерживал и отца от злословия; не только не завидовал, но и содействовал Давиду; не только давал ему деньги, но и спас ему жизнь. Что я говорю о деньгах? Он полагал за него душу свою. Он не боялся отца своего для друга, потому что тот

решался на дела неправедные, а он не сознавал за собой ничего подобного. Такова была дружба его с праведником, таков был Ионафан! Посмотрим теперь и на Давида. Он не имел времени вознаградить Ионафана, который был похищен смертью прежде, нежели Давид получил власть; благодетель погиб прежде, нежели получивший благодеяния вступил на царство. Что же? Посмотрим, как праведник оказывал ему дружбу, насколько и чем было можно. *Красный ми*, говорил он, *Ионафане: до смерти язвен* ми (2 Цар. I, 25, 26). Но только ли? Немаловажно и это; но кроме того, помня любовь отца, он часто избавлял от опасностей его сына и внука; и постоянно защищал и сохранял потомков его, как бы своего сына. Такую любовь желаю я, чтобы имели все и к живым, и к умершим.

4. Пусть выслушают те жены, – для них особенно я и прибавил: и к умершим, – которые вступают во второй брак и оскверняют ложе умершего мужа, любимого прежде. Я не осуждаю второго брака и не считаю его распутством, когда говорю так; это запрещает мне и налагает узду на уста мои Павел, который говорит женам: *аще и посягнет, не согрешила есть* (1 Кор. VII, 28). Но посмотрим, что говорит он далее. *Блаженнейша же есть, аще тако пребудет* (ст. 40). Последнее гораздо лучше первого. Почему? По многим причинам. Если же совершенно не вступать в брак лучше, нежели вступать, то тем более вдовство лучше второго брака. Но, скажешь, некоторые не могли перенести вдовства и подверглись опасностям? Они не знали, что такое вдовство. Вдовство состоит не в том, чтобы не вступать во второй брак, подобно как и девство не в том, чтобы оставаться непричастным браку. Но в чем? Как там нужна благопристойность и постоянная скромность, так и здесь – уединение, постоянство в молитвах, удаление от роскоши и сластолюбия: *питающаяся пространно*, говорит (апостол), *жива умерла* (1 Тим. V, 6). Если ты, оставшись вдовой, хочешь иметь ту же роскошь, то же великолепие, то же одеяние, какие имела при муже, то лучше тебе выйти замуж, потому что не супружество – зло, а невоздержание. Ты же, не делая того, что само по себе не зло, делаешь то, что не

безразлично, но достойно осуждения. Потому и уклонились некоторые вслед сатаны, что не умели хорошо соблюдать вдовство. Хочешь ли узнать, что такое вдова и в чем состоит достоинство вдовы? Послушай Павла, который говорит: *аще чада воспитала есть, аще странныя прият, аще святым нозе умы, аще скорбных снабде, аще всякому делу благу последовала есть* (1 Тим. V, 10). Если ты, по смерти мужа, окружаешь себя роскошью богатства, то поистине ты не соблюдаешь вдовства. Переведи же это богатство на небо, и бремя вдовства сделается для тебя легким. Но что, скажешь, если у меня есть дети, наследники отцовского имения? Научи и их презирать богатство; переведи свое, выделив им столько, сколько нужно; учи и их быть выше имущества. Но, скажешь, меня окружают толпы рабов, множество дел, золота и серебра: как я могу сберечь все это без помощи мужа? Все это предлог и отговорка, как видно из многих обстоятельств. Если ты не привязана к богатству и не хочешь умножать своего имущества, то твое бремя легко; сохранять богатство гораздо легче, нежели приобретать. Если ты уничтожишь одно зло – желание приобретения, и из имения своего будешь помогать нуждающимся, то Бог оградит тебя своей десницей; и если ты говоришь это, действительно заботясь о наследстве сирот, а не предаваясь под этим предлогом сребролюбию, то Испытующий сердца знает, как сохранить в безопасности богатство их, когда Он Сам повелел воспитывать детей. Не может быть, поистине не может быть, чтобы дом, утвержденный на милостыни, потерпел какое-нибудь бедствие; а если и потерпит на время, то это послужит к его благу; это будет лучше оружия и щита для всякого такого дома. Послушай, что говорит диавол об Иове: *не ты ли оградил еси внешняя его и внутренняя* (Иов. I, 10)? За что? О том, послушай, как говорит сам Иов: *око бех слепым*, говорит он, *нога же хромым, отец немощным* (Иов. XXIX, 15, 16). Как тот, кто не отвращается от чужих несчастий, никогда не испытает страданий на самом себе, научившись сострадать другим, так и тот, кто не хочет переносить скорби сострадания, испытает все это на себе. Как в теле, если рука не будет сострадать загноившейся

ноге, очищать ее рану, прилагать лекарство и омывать гной, то сама испытает то же бедствие; если не хочет послужить другому члену, будучи свободна от страдания, то сама на себе испытает это страдание, — потому что зло, распространившись, достигнет и до нее, и ей должно будет заботиться уже не о служении другому члену, но о собственном исцелении и спасении, — так точно и здесь, кто не хочет сострадать другим, тот пострадает сам. *Оградил еси,* говорит диавол, *внутренняя и внешняя,* и я не смею приступить к нему. Однако, скажешь, Иов потерпел бедствия. Но эти бедствия сделались для него причиной многих благ: сугубого имущества, большого воздаяния, высшего правосудия, светлых венцов, блистательных наград; духовные и житейские блага его умножились. Он лишился детей? Но опять получил не тех же самых, а других вместо тех, да и тех получит при воскресении. Если бы он опять получил тех же самых, то число детей его было бы меньше; а теперь, получив других вместо прежних, он представит и тех при воскресении. Все это произошло с ним потому, что он был усерден в раздаянии милостыни. Будем же так поступать и мы, чтобы нам сподобиться тех же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Сие же веждь, яко в последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирителни, клеветницы, невоздержнины, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы (2 Тим. III, 1—4)

1. Кто скорбит о том, что ныне есть еретики, тот пусть знает, что так было и издревле, что диавол всегда примешивал ложь к истине. В начале Бог обещал блага, и диавол пришел с обещаниями; Бог насадил рай, а диавол прельстил людей, сказав: *будете яко бози* (Быт. III, 5); не показывая ничего на деле, он много обещал на словах. Тако-

вы все обманщики! После того были Каин и Авель, потом сыны Сифовы и дочери человеческие, далее Хам и Иафет, Авраам и фараон, Иаков и Исав, и так до конца – Моисей и волхвы, пророки и лжепророки, апостолы и лжеапостолы, Христос и антихрист. Таким образом и прежде было то же; и при апостолах были Февда, и Симон, и последователи Гермогена и Филита. Итак, нет времени, когда бы ложь не примешивалась к истине. Не будем же скорбеть; об этом предсказано издревле. Поэтому (апостол) и сказал: *веждь, яко в последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни.*

Итак, неблагодарный вместе и нечестив; и справедливо. Каков в самом деле должен быть в отношении к другим тот, кто неблагодарен к благодетелю? Неблагодарный вероломен; неблагодарный недружелюбен. *Клеветници,* то есть склонные к злословию. Люди, не сознающие за собой ничего доброго и находящие как бы утешение в порицании мнений других, много ошибаются и грешат. *Невоздержницы,* и в языке, и в чреве, и во всем другом. *Некротцы:* эта жестокость и грубость бывает у того, кто сребролюбив, кто самолюбив, неблагодарен, сластолюбив. *Неблаголюбцы, предателе, нагли. Предателе* – дружбы; *нагли,* то есть неимеющие в себе ничего основательного. *Напыщени,* то есть исполненные надменности. *Сластолюбцы, паче, нежели боголюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися.* Так и в послании к Римлянам (апостол) говорит: *имуща образ разума и истины в законе* (Рим. II, 20). Но там он говорит в похвалу, а здесь представляет это из всех недостатков самым тяжким грехом. Почему же? Потому что употребляет одно и то же слово не в одном и том же смысле. Словом *образ* он выражает иногда подобие, а иногда нечто бездушное и ничтожное. Например, сам он говорит в послании к Коринфянам: *муж убо не должен есть покрывати главу, образ и слава Божия сый* (1 Кор. XI, 7); а пророк говорит: *убо образом ходит человек* (Пс. XXXVIII, 7). Также словом *лев* Писание выражает иногда царское достоинство: *уснул яко лев, и яко скимен: кто возбудит его* (Быт. XLIX, 9)? – а иногда хищность:

яко лев восхищаяй и рыкаяй (Пс. XXI, 13). То же и мы делаем. Так как предметы сложны и разнообразны, то они справедливо изображаются многоразличными примерами и подобиями; например, когда мы хотим похвалить красивую женщину, то сравниваем ее с картиной; а когда хотим похвалить картину, то утверждаем, что она говорит, изъясняется. Но в этих случаях мы делаем не одно и то же: в первом выражаем, что женщина близка к изображению, а в последнем – что изображение близко к красоте. Так и словом *образ* (апостол) выражает там – образец, изображение, учение, первообраз благочестия, а здесь – нечто бездушное и мертвое, одну наружность, вид, лицемерие. Итак, вера без дел есть только наружный вид бессилы; и справедливо. Как тело красивое и цветущее, но не имеющее силы, подобно нарисованному изображению, так и правая вера без дел. Представим, что какой-нибудь сребролюбец, предатель или наглый человек содержит правую веру: что в этом пользы, если он не имеет ничего приличного христианину, если он не делает ничего свойственного благочестию, но превосходит язычников своим нечестием, если он служит заразой для близких к нему и поводом к хуле на Бога, если он позорит учение своими делами? *И сих*, говорит (апостол), *отвращайся*. Но если такие люди будут в последние времена, то как он говорит: *и сих отвращайся?* Вероятно, и тогда было несколько таких, хотя и не в такой степени нечестивых, но было. Несомненно же то, что через Тимофея он увещевает всех – удаляться от таких людей. *От сих бо суть*, говорит он, *поныряющии в домы, и пленяющии женишца, отягощенныe грехами, водимыя похотми различными, всегда учащася, и николиже в разум истины прийти могущия* (ст. 6, 7).

2. Видишь ли, как эти люди подражают древнему обольстителю, употребляют то оружие, которое диавол употребил против Адама? *Понырающии в домы*. Видишь ли, как словом *понырающии* (апостол) выражает их бесстыдство, бесчестность, обман, обольщение? *И пленяющии женишца*. Итак, кто легко предается обольщению, тот – женщина, а не мужчина; предаваться обольщению свойственно женщинам, или, лучше, не женщинам, а *женишцам*. *Отягощен-*

ныя грехами. Вот, отчего и они предаются обольщениям, — от грехов, оттого, что не знают за собой ничего доброго! И весьма точно сказал он: *отягощенныя,* выражая этим множество грехов их, беспорядочность и непристойность. *Водимыя похотми различными.* Не природу он осуждает, — не просто сказал: женщин, но именно таких женщин. Что значит: *различными?* Здесь он разумеет многое: роскошь, бесстыдство, разврат. *Различными,* говорит, *похотми,* то есть корыстолюбием, славолюбием, сластолюбием, тщеславием, честолюбием; а может быть, указывает и на другие постыдные пожелания. *Всегда учащася, и николиже в разум истины приити могущия.* Для чего он говорит это? Не для того, чтобы оправдать их, но чтобы сильнее обличить. Они погрязли в этих похотях и грехах, и потому отупел их разум. *Якоже и Ианний и Иамврий противистася Моисею, такожде и сии противляются истине* (ст. 8). Кто были эти волхвы при Моисее и почему имена их не упоминаются нигде в другом месте? Вероятно, они сохранились в неписанном предании или открыты Павлу (Святым) Духом. *Такожде и сии,* говорит, *противляются истине, человецы растленни умом и неискусни о вере: но не преуспеют более. Безумие бо их явлено будет всем, якоже и онех бысть* (ст. 9). *Но не преуспеют,* говорит. Как же в другом месте он говорит: *наипаче преспеют в нечестие* (2 Тим. II, 16); а здесь: *не преуспеют?* Там он утверждает, что еретики, начав вводить новизну и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения и неправые учения, потому что заблуждение никогда не останавливается. А здесь он утверждает, что они не обольстят, не увлекут (верующих), хотя сначала, по-видимому, и совращают некоторых, но сами будут обличены скоро. Это выражает он дальнейшими словами: *безумие бо их явлено будет всем.* Каким образом? Всецело. *Якоже и онех бысть.* Заблуждения, хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим; оно на время успевает, а потом обнаруживается и погибает. Но не таково наше учение; и свидетель этому — ты (говорит апостол Тимофею); наше учение не ложь; кто ведь решится умереть за ложь? *Ты же последовал*

еси моему учению (ст. 10). Потому будь тверд; ты не просто принял его, но *последовал*. Здесь (апостол) выражает, что уже много прошло лет со времени обращения (Тимофея). *Последовал учению* – это сказано о слове. *Житию* – это о жизни. *Привету* – это об усердии и расположении душевном. И я сам, говорит, не учил только, не на словах только любомудрствовал, но исполнял и на деле. *Вере, долготерпению:* ничто подобное, говорит, не смущало меня. *Любви*, которой те люди не имеют. *Терпению*, которого они также не имеют. *Долготерпению*, которое я, говорит, много оказывал еретикам. *Терпению* – в гонениях. *Изгнанием, страданием.* Учителя смущают два обстоятельства: то, что есть множество еретиков, и то, что трудно терпеть мучения. Но о еретиках он уже говорил много, именно, что они и прежде были и будут, что нет времени, когда бы их не было, что они не могут нисколько вредить нам, что в мире есть сосуды золотые и серебряные. Теперь же, как видишь, он беседует о страданиях. *Якова ми быша во Антиохии, во Иконии, в Листрех.* Почему из многих мест он упоминает только об этих? Потому, что прочие были известны этому мужу (Тимофею); а может быть, потому, что он говорит о событиях новых, а не древних; и не исчисляет их всех порознь, – потому что он не был тщеславен и честолюбив; говорит не для прославления себя, а для утешения ученика. Он говорит здесь об Антиохии писидийской и Листре, откуда происходил Тимофей. *Якова изгнания приях.* Двоякое утешение: и в том, что я оказал мужественную ревность, и в том, что я не был оставлен: нельзя сказать, что Бог оставил меня, но Он уготовал мне светлейший венец. *Якова*, говорит, *изгнания приях, и от всех мя избавил есть Господь. И вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (ст. 11, 12).

3. Но что, продолжает (апостол), я говорю о себе? Каждый, желающий жить благочестиво, будет гоним. Под гонениями он разумеет здесь скорби, печали. Подлинно, невозможно человеку, идущему путем добродетели, быть без печали, сетования, скорби, искушений. В самом деле, как это возможно тому, кто идет путем тесным и скорбным, тому, кто слышал: *в мире* скорбь иметь *будете* (Ин. XVI, 33)? Если

Иов в свое время говорит: *искушение житие человеку на земли* (Иов. VII, 1), то не гораздо ли больше теперь? *Лукавии же человецы и чародеи преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаеми* (ст. 13). Пусть тебя нисколько не смущает, говорит, если они благоденствуют, а ты подвергаешься искушениям; таков порядок вещей; из моего примера ты можешь видеть, что человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться неге, воину в сражении невозможно пиршествовать. Поэтому никто из находящихся в борьбе пусть не ищет покоя, не предается наслаждениям. Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, воздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после; а теперь – время усилий и трудов. Никто, раздевшись и помазавшись для борьбы, не думает о покое. Если же ты ищешь покоя, то для чего и разделся, для чего устремляешь руки против врага? А разве мне, скажешь, не устремлять их теперь? Для чего же, если ты не воздерживаешь пожеланий, если не обуздываешь насилия природы? *Ты же пребывай,* говорит, *в нихже научен еси и яже вверена суть тебе, ведый, от кого научился еси, и яко из млада священная писания умееши, могущая тя умудрити во спасение, верою, яже о Христе Иисусе* (ст. 14–15). Что это значит? Как пророк Давид увещевал: *не ревнуй лукавнующим* (Пс. XXXVI, 1), так и он увещевает: *ты же пребывай, в нихже научен еси и яже вверена суть тебе.* Не просто: *научен еси,* но: *вверена суть тебе,* то есть чему ты твердо уверовал. Чему же я уверовал? Тому, что такова – жизнь. Не смущайся же, если ты увидишь противное тому, чему веруешь; и Авраам видел противное (своей вере), однако нисколько не смущался; он слышал, что *во Исааце наречется тебе семя* (Быт. XXI, 12), между тем получил повеление заклать Исаака, и однако не смутился и не усомнился. Итак, никто пусть не соблазняется злом; о нем Писание предсказало издревле. Но что, если бы добрые веселились, а злые наказывались? Одно может быть, но другое нет; злые могут терпеть наказание, но добрым постоянно радоваться невозможно. С Павлом никто сравниться не может; но и он проводил всю жизнь в скорби, в слезах, в рыданиях, днем и ночью. *Три лета,* говорит он, *нощь и день*

не престаях, уча со слезами (Деян. XX, 31); и еще: *нападение* на меня *еже по вся дни* (2 Кор. XI, 26). Не так он жил, чтобы сегодня радоваться, а завтра скорбеть, но не переставал скорбеть ежедневно. Как же он говорит, что *лукавии преуспеют на горшее?* Он не сказал, что они наслаждаются покоем, но *преуспеют на горшее;* это – преуспение во зле; не сказал, что они будут благоденствовать. А когда они подвергаются наказанию, то наказываются для того, чтобы ты не думал, будто грехи остаются ненаказанными. Так как геенна не может удержать нас от зла, то (Бог), из сожаления к нам, Сам удерживает и пробуждает нас.

Если бы никто из порочных не подвергался наказанию, то никто не думал бы, что над делами человеческими бодрствует Бог; а если бы все получали наказание, то никто не ожидал бы будущего воскресения, потому что все здесь получили бы воздаяние. Вот почему (Бог) и наказывает, и не наказывает. Праведники здесь испытывают скорби потому, что они странники и пришельцы и находятся в стране чуждой. Таким образом праведники терпят бедствия для их испытания; послушай в самом деле, что говорит Бог Иову: *мниши ли мя инако тебе сотворша, разве да явишися праведив* (Иов. XL, 3)? А грешники, когда терпят что-нибудь подобное, то в наказание за грехи свои. Итак, будем благодарить Бога за все, так ли Он делает или иначе: то и другое полезно. Он ничего не делает с нами по ненависти или по отвращению к нам, но посылает то и другое по вниманию и попечению о нас. *Ведый,* говорит (апостол), *яко из млада священная писания умееши,* то есть ты с раннего возраста изучил Священное Писание, – а Священным Писанием он называет Божественные Писания, – на нем ты воспитан; и потому вера твоя должна быть твердой, и ничто не должно вредить ей; корень ее лежит глубоко и укрепился в течение долгого времени; потому ничто не может исторгнуть его. Сказав: *священная писания,* он прибавляет: *могущая тя умудрити,* то есть недозволяющие тебе делать что-нибудь неразумное, как делают многие.

4. Тот, кто знает Писания, как должно знать, не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно,

иное принимает верой и приписывает непостижимому домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. Не исследовать всего и не домогаться познания всего, это – ясный признак знания. Если хотите, я докажу это примером. Представим себе реку, или, лучше, несколько рек, – говорю это не по предположению, а таковы действительно реки*; не все реки равны по глубине, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет. Поэтому хорошо поступает тот, кто не желает испытывать все реки без исключения, и нежелание его исследовать все глубины есть немалый признак знания. А кто хочет испытать каждую часть реки, те преимущественно и не знают свойства рек, и часто погибают, отваживаясь пускаться в глубину с той же смелостью, с какой они проходили неглубокие реки. Так и относительно Бога, кто хочет знать все и дерзает исследовать все, тот особенно и не знает, что такое – Бог. Кроме того, реки по большей части безопасны, а водоворотов и омутов в них бывает немного; в Боге же большая часть сокровенна, и исследовать дела Его невозможно. Что же заставляет тебя топить самого себя? Знай только то, что Бог устрояет все, что Он промышляет обо всем, что мы свободны, что Бог иное совершает, а иное попускает, что Он не желает ничего злого, что не все бывает по Его воле, но иное и по нашей, именно все злое только от нас, а все доброе как от нас, так и от Его помощи, что от Него не укрывается ничто: так Он действует во всем! Зная это, смотри, что – доброе, что – злое, и что – безразличное, как то: добродетель – добро, по-

* Дальнейшие слова читаются в одной рукописи следующим образом: «Подобно тому как реки не все равны, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет, – так и вопросы относительно Бога – одни таковы, что разрешение их само собой представляется ищущим, а другие так таинственны и непостижимы, что могут даже погубить старающихся узнать что-нибудь с излишним любопытством. Поэтому хорошо поступает тот» и так далее.

рок – зло, богатство, бедность, жизнь, смерть – безразличны. Познав это, ты вместе с тем уразумеешь, что праведные страдают, чтобы получить венцы, а грешники – чтобы получить наказание за грехи; впрочем, не все грешники получают наказание здесь, чтобы иные не стали не верить воскресению; равным образом и праведные не все страдают, чтобы ты знал, что не порок достоин похвалы, а добродетель. Вот правила и законы; прилагай к ним что угодно, и ты не будешь оставаться в недоумении. Как у грамматиков есть шеститысячное число, под которое все подводится и все можно определять и разлагать по этому правилу шести тысяч и около этого числа обращается все, – это знают те, которые учились грамматике, – так и здесь, кто знает эти правила, которые я опять кратко повторю, тот никогда не соблазнится. Какие же это правила? Следующие: добродетель – добро, порок – зло, а безразличны – болезни, бедность, козни против нас, клеветы и тому подобное; праведные здесь страдают, а если некоторые из них и благоденствуют, то для того, чтобы добродетель не казалась страшной; злые (здесь) веселятся, чтобы получить наказание там, а если некоторые и (здесь) наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добром и дела их безнаказанными; если же они наказываются не все, то для того, чтобы не утратилась вера в день воскресения; и между добрыми есть люди, совершающие злые дела, за которые они здесь и отдают отчет, равно как и между злыми есть люди, совершающие добрые дела, за которые они здесь и получают воздаяние, чтобы потерпеть наказание там; дела Божии по большей части непостижимы; великое различие между нами и Богом, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будем рассуждать таким образом, то ничто не смутит нас; если будем постоянно слушать Писания, то найдем много тому примеров. *Могущая*, говорит, *тя умудрити во спасение*. В Писаниях излагается, что должно делать и чего не должно; послушай именно, что́ говорит блаженный апостол в другом месте: *уповая себе вожда быти слепым, света сущим во тьме, показателя безумным, учителя младенцем* (Рим. II, 19, 29). Видишь ли, что закон есть свет для находящихся во тьме?

Если же свет – тот закон, который представляет букву, убивающую букву, то каков тот, в котором – дух животворящий? Если Ветхий Завет есть свет, то каков Новый, в котором открыто столь многое, который так отличен от Ветхого, как если бы кто людям, не видевшим ничего выше земли, открыл небо и все в нем показал им. Из него мы узнали о геенне, о царстве (небесном), о суде. Не будем же верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников. Но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник овладевает тобой, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет. Скажи мне: если какой-нибудь предводитель разбойников возьмет в свои руки и под свою власть царского сына, прибежавшего к нему и полюбившего пустыню и тамошнюю жизнь, то может ли этот начальник сказать ему, умрет ли он, или будет жив? Весьма может. Почему? Не потому, чтобы он предвидел будущее, но потому, что в его власти то и другое – погубить и спасти сына, который сделал его своим господином. Он может и погубить, если захочет, может также и отпустить, если захочет, потому что пленник находится в его власти. Если он скажет: ты будешь богат или беден, – то и другое находится в его власти. Так и в мире большая часть людей предали себя в руки диавола.

5. С другой стороны, этим обманщикам много помогает то, когда человек привыкнет верить им, потому что никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные. Если они имеют какую-нибудь силу предвидения, то приведи их ко мне, верующему. Говорю это не с тем, чтобы превозносить себя: не стоит превозноситься тем, что я не верю им. Я многогрешен; но перед ними не стану смиряться и, по благодати Божией, смеюсь над всеми ими. Приведи ко мне волшебника; если он имеет какую-нибудь силу предвидения, то пусть скажет, что случится со мной, что будет со мной завтра. Но он не скажет, потому что я нахожусь под властью царя, а волшебник не имеет надо мной никакой власти и силы; я далек от его сетей и оврагов; я служу царю. Но, скажешь, такой-то украл, а один

волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Они ничего не знают; а если бы что-нибудь знали, то лучше им следовало бы говорить о своем, каким образом многие идольские приношения были украдены, каким образом множество золота было утрачено. Почему они не предсказали этого жрецам своим? Следовательно, они не знают ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали их идольские храмы, и многие из них вместе с тем сами погибали. Почему же они не заботятся о собственном спасении? Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только делом случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорят одно справедливо, а другое ложно, но все справедливо; это и есть предведение. Перестаньте же, увещеваю вас, безумствовать, если вы веруете во Христа; если же не веруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? *Доколе, вы храмлете на обе плесне ваши* (3 Цар. XVIII, 21)? И для чего ты ходишь к волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Как скоро ты пришел, как скоро стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. Нет, скажешь, я спрашиваю не веруя, что он говорит правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли он говорит, свойственно не уверенному в том, что он лжет, а еще сомневающемуся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если бы они говорили: вот что случится, делай то-то и избегай того-то, — тогда, хотя бы также не следовало допускать такого идолослужения, но было бы не столь безумно. Если же они берутся предсказывать будущее, то слушающий не приобретает ничего, кроме лишней скорби; предсказание не сбывается, а он уже испытал скорбь, уже измучил себя. Если бы полезно было знать будущее, то Бог не скрыл бы этого от нас, как бы по зависти; Тот не завидует, Кто сказал нам, что есть на небесах. *Вся,* говорит Он, *яже слышах от Отца, сказах вам;* и еще: *не глаголю вас рабы, но други: вы друзи мои есте* (Ин. XV, 14, 15). Почему же Он не открыл нам будущего? Потому, что Он хочет, чтобы мы нисколько не заботились об этом. Он не по зависти поступил так; древним Он делал предвещания, например, об осле и

некоторых других предметах (см.: 1 Цар. IX), потому что они были подобны детям; а нас Он избавил от заботы – предузнавать неизвестное, желая, чтобы мы нисколько о том не заботились. Вместо того нам что открыто? То, чего древние не знали. Все, открытое им, маловажно; а мы знаем, что мы воскреснем, будем бессмертны и нетленны, что жизнь наша не будет иметь конца, что все (настоящее) пройдет, что мы будем восхищены на облаках (см.: 1 Сол. IV, 17), что злые получат наказание, и, кроме того, многое другое, – и все это не ложно. Знать такие истины не гораздо ли лучше, нежели то, что осел потерявшийся найдется? Положим, что ты нашел и взял осла: какая же от того польза? Не можешь ли ты потерять его опять каким-нибудь другим образом? Если он не уйдет от тебя, то ты сам при смерти оставишь его. А то, что сказал я, мы можем иметь всегда, если захотим иметь. Будем же стремиться к этому; будем искать благ постоянных и неизменных; не станем слушать волшебников, прорицателей и гадателей, но Бога, Который ясно знает все, имеет ведение обо всем; тогда и мы будем знать все, что нужно знать, и сподобимся всех благ.

БЕСЕДА IX

Всяко писание богодухновенно и полезно ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован (2 Тим. III, 16, 17)

1. Предложив (Тимофею) много увещаний и утешений всякого рода, (Павел) присовокупляет еще совершеннейшее утешение – от Писаний; и не без причины предлагает он так много утешений, но потому, что намеревался сказать нечто важное и прискорбное. Если Елисей, находившийся при своем учителе до последней минуты его жизни, увидев, что он особенным образом оканчивает свою земную жизнь, разодрал свои одежды, то что должен был чувствовать (Тимофей), столько любимый и столько любивший, услышав, что учитель его готовится умереть, и видя себя лишенным его лицезрения во время, ближайшее к его

смерти, что обыкновенно бывает прискорбно больше всего? Мы ведь не так бываем благодарны за прошедшее время, если были в разлуке с умершими во время, ближайшее к их смерти. Вот почему (Павел) сначала предлагает (Тимофею) множество утешений, а потом уже и говорит ему о своей предстоящей кончине, и говорит не просто, но употребляет такие выражения, которые способны утешить и исполнить радости, – представляя это событие более жертвоприношением, нежели смертью, более переселением, чем оно действительно и было, и переходом к лучшему. *Аз бо,* говорит, *уже жрен бываю* (2 Тим. IV, 6). Потому и здесь он пишет: *всяко писание богодухновенно и полезно ко учению, ко обличению, ко исправлению. Всяко* – какое? То, о котором, говорит, я сказал, – всякое Священное Писание. Здесь разумеется то Писание, о котором было говорено выше, о котором он сказал: *яко из млада священная писания умееши.* Итак, всякое Священное Писание богодухновенно. Поэтому нисколько, говорит, не сомневайся в нем. *И полезно ко учению, ко обличению, ко исправлению, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован. Ко учению:* если нужно узнать что-нибудь, если случится недоумевать в чем-нибудь, о том можем узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можем почерпнуть отсюда; оно способствует и к увещанию, и к утешению. *Ко исправлению* – то есть если недостает чего-нибудь и нужно дополнить что-нибудь. *Да совершен будет Божий человек:* для того, говорит, дано наставление Писаний, чтобы совершен был человек Божий; следовательно, без них невозможно быть совершенным. Вместо меня, говорит, ты имеешь Писания; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда. Если же так сказано Тимофею, который был исполнен Духа (Святого), то не тем ли более нам? *На всякое дело благое уготован:* не просто принимающийся за дело, но и тщательно приготовленный. *Засвидетельствую убо аз пред Богом и Господем Иисус Христом, хотящим судити живым и мертвым* (IV, 1). Здесь он разумеет или грешников и праведников, или умерших и еще живущих, так как многие останутся в живых (до последнего суда). И в пер-

вом послании он внушал Тимофею страх словами: *завещаваю пред Богом, оживляющим всяческая* (1 Тим. VI, 13); здесь же говорит нечто более страшное: *хотящим судити живым и мертвым*, то есть имеющим потребовать отчет. *В явлении его и царствии его. Судити* – когда? Во время пришествия Его со славой, с царским величием. Таким образом он говорит или то, что Господь не так придет, как ныне, или следующее: я свидетельствую тебе явление Его и царство. Он призывает Его в свидетели, показывая, что и это преподано ему. Далее учит, как должно проповедовать учение. *Проповедуй слово*, продолжает он, *настой благовременне, безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (ст. 2). Что значит: *благовременне, безвременне?* То есть не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, – и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех, когда представится дело (достойное обличения). *Умоли*, говорит; подобно врачам, указав рану, сделав разрез, он прилагает потом и лекарство. Если что-нибудь из всего этого опущено, то прочее бывает бесполезно. Если ты будешь угрожать без обличения, то покажешься дерзким, и никто не станет слушать; если же наперед обличишь, тогда слушатель примет угрозу, а без того он останется бесстыдным. С другой стороны, если ты станешь обличать и угрожать, хотя и с силой, но не предложишь утешения, то опять испортишь все дело. Действительно, обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущий не выносит болей сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль, так и здесь. *Со всяким*, говорит, *долготерпением и учением*. Обличающий должен иметь долготерпение, чтобы слушающий не верил без основания, и угроза должна быть соединена с утешением, чтобы она была принята. А что значит прибавленное к долготерпению слово: *и учением?* Обличай не с гневом, не с ненави-

стью, не со злобой, не с враждой, как бы против врага, – все это должно быть оставлено, – а как? С любовью, с состраданием, скорбя больше самого обличаемого, душевно сожалея об его положении. *Со всяким*, говорит, *долготерпением и учением*, а не как-нибудь. *Будет бо время, егда здраваго учения не послушают* (ст. 3). Прежде, нежели они сделаются непокорными, предупреди всех их. Потому он и сказал: и *благовременне*, и *безвременне;* во всем поступай так, чтобы слушающие тебя поучались добровольно. *Но по своих*, говорит, *похотех изберут себе учители.*

2. Не может быть ничего выразительнее этого слова: *изберут;* оно означает беспорядочную толпу учителей, которые притом будут рукополагаемы учениками. *Изберут*, говорит, *себе учители, чешеми слухом*, отыскивая себе людей, которые говорили бы для их удовольствия и льстили их слуху. *И от истины слух отвратят, к баснем* же *уклонятся* (ст. 4). Предсказывает это не с тем, чтобы ученик его предался унынию, но чтобы он мужественно переносил, когда это случится. Подобным образом и Христос говорил: *предадят вы, и биют вас, и* в синогоги поведут ради имени моего (Мф. X, 17). Так и в другом месте блаженный (апостол) говорит: *аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада* (Деян. XX, 29). Он говорил это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащим образом пользовались настоящим временем. *Ты же*, говорит, *трезвися о всем, злопостражди* (ст. 5). Видишь ли, что он именно с такой целью предсказывал это? Как Христос при конце (Своей земной жизни) говорил: *востанут лжехристи и лжепророцы* (Мф. XXIV, 21), так и он говорил то же, когда готовился окончить жизнь. *Ты же трезвися о всем, злопостражди,* то есть трудись, предупреждай, приведи овец в безопасное состояние, прежде нежели наступила зараза, непрестанно страдай, пока существуют волки. *Дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори.* Следовательно, дело благовестника – страдать и от себя, и от посторонних. *Служение твое известно сотвори,* то есть исполняй. А вот и другой повод к страданию: *аз бо*, говорит, *уже жрен бываю, и время моего отшествия наста* (ст. 6). Не сказал: моего жертвоприношения,

но нечто более, потому что от жертвы не все приносится Богу, а от возливаемого — все. *Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (ст. 7). Часто я, взяв в руки послание апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: *подвигом добрым подвизахся.* Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. Для чего же он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как совершивший все, как достигший благого конца: радоваться, говорит, должно, а не скорбеть. Почему? *Подвигом добрым подвизахся;* говорит подобно отцу, который, утешая сидящего подле него и сетующего о своем сиротстве сына, говорил бы ему: не плачь, сын мой, я жил хорошо, оставляю тебя, достигнув старости, жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славой, и ты будешь славиться моими делами; царь оказывает мне великое благоволение. И как бы так говорит: я воздвиг трофеи, победил врагов, — говорит не из тщеславия, нет, но для ободрения сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему — легко переносить все случающееся, иметь благую надежду и не считать предстоящей разлуки тяжкой. А тяжела, поистине тяжела бывает разлука. Послушай, как он сам говорит в другом месте: *мы же, осиротевше от вас ко времени, лицем, а не сердцем* (1 Сол. II, 17). Если же он сам скорбел, разлучившись с учениками, то как должен был скорбеть Тимофей? Если он плакал, разлучаясь с живым (учителем), как видно из слов: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4), то не гораздо ли более — при его смерти? Таким образом (Павел) писал это для утешения (Тимофея), и все послание исполнено утешения, и есть как бы некоторое завещание. *Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Подвигом,* говорит, *добрым.* Прими же его на себя и ты. Оковы, темницы, смерть, — это ли добрый подвиг? Да, говорит, — потому что он совершается за Христа, доставляет великие венцы. *Подвигом добрым;* нет ничего лучше этого подвига, не имеет конца этот венец; он не из лавровых листьев; здесь не человек распорядитель подвигов, не люди — зрители, ангелы наполняют это зрелище. Там

(на обыкновенных зрелищах) в течение многих дней трудятся и утомляются, но в одну минуту получают венец, и тотчас удовольствие проходит; а здесь не так, но остаются навсегда в блеске, славе и чести. Потому должно радоваться; я иду на покой, оставляю место подвигов; ты слышал от меня, что *лучше разрешитися и со Христом быти* (Флп. I, 23).

Течение скончах. Надобно и подвизаться и идти вперед: подвизаться, перенося скорби, и идти вперед не просто, но к чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвиг тот, который не увеселяет только зрителя, но доставляет пользу; и *течение* истинное не то, которое ни к чему не стремится или только обнаруживает силу и честолюбие, но то, которое влечет всех на небо. Такое течение светлее солнца; его совершал Павел на земле, или им он стремился к небу. Ка́ким же образом он окончил это течение? Он обошел всю вселенную, начав от Галилеи и Аравии, и дошел до пределов земли: *якоже,* говорит он, *ми от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнити благовествование Христово* (Рим. XV, 19). Он протек всю вселенную, как птица, или, лучше, сильнее птицы; птица пролетела бы просто, а он — не просто, но имея крылья Духа и рассекая тысячи препятствий, смертей, козней, бедствий. Таким образом он был быстрее птицы. Если бы он был просто птицей, то утомился бы и был бы пойман; но, будучи окрыляем Духом, он перелетал через все сети, как бы имея огненные крылья. *Веру,* говорит, *соблюдох.* Многое старалось отнять ее у него, не только близкие отношения с людьми, но и угрозы, и смертные опасности, и многое другое; но он устоял против всего. Каким образом? Трезвясь и бодрствуя. Всего этого довольно было для утешения учеников, но он прибавляет еще и о наградах. Каких? *Прочее убо,* говорит, *соблюдается мне венец правды,* (ст. 8). *Правдою* он опять называет здесь вообще добродетель. Итак, не должно, говорит, скорбеть, потому что я отхожу получить от Христа венец, который Он возложит на мою голову; напротив, если бы я оставался здесь, тогда более следовало бы скорбеть и опасаться, чтобы я не пал и не погиб. *Егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия, не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление его.*

3. Здесь он также ободряет ученика. Если Господь воздаст *всем,* то тем более Тимофею. Но он не сказал: и тебе, а: *всем,* выражая, что если – *всем,* то тем более – ему. А каким образом, скажешь, можно возлюбить явление Христово? Если будешь радоваться пришествию Его. А кто радуется пришествию Его, тот делает достойное этой радости; он отдаст, если нужно, и имение свое и душу, чтобы получить будущие блага, чтобы сподобиться узреть второе пришествие Его, в приличном виде, с дерзновением, во славе и свете. Вот что значит – возлюбить явление Его. Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы прежде всемирного было к нему частное пришествие (Христово). Как, скажешь, это возможно? Послушай Самого Христа, Который говорит: любящий Меня, заповеди Мои *соблюдет, и приидем к нему* Я и Отец, *и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). Подумай, как это важно, когда имеющий явиться всем вообще обещает явиться каждому из нас, в частности: *приидем,* говорит, *и обитель у него сотворим.* Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы призвать Его к себе и удержать у себя, чтобы в Нем воссиял свет. Пусть не будет в нас ничего, недостойного пришествия Его, и Он скоро поселится в нас. Явление называется так потому, что оно является горé и воссиявает свыше. Потому будем стремиться к горнему, и мы скоро привлечем к себе горние лучи. Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из людей, оскверняющих себя житейскими делами, не может видеть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя несколько, восстань из этой пучины, из пропасти житейской, если хочешь увидеть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествия. Если ты сподобишься пришествия Его ныне, то будешь с великим дерзновением взирать на Него тогда. Будь же любомудрым ныне; пусть не будет у тебя духа гордости, чтобы он не поразил тебя и не низринул; пусть не будет у тебя тьмы и сердца каменного, чтобы не разбился о него корабль твой; пусть не будет в тебе никакого лукавства; подводные камни производят самые страшные кораблекрушения. Не питай в

себе диких зверей, – разумею страсти, потому что они лютее диких зверей; не полагайся на вещи скоропреходящие, подобно текучей воде, чтобы тебе стоять твердо. Никто не может стоять на воде, а на камне все могут стоять безопасно. Житейские дела – это вода: *внидоша,* говорится, *воды до души моея,* подобно вышедшему из берегов своих потоку (Пс. LXVIII, 2). А дела духовные – это камень: *постави,* говорится, *на камени нозе мои* (Пс. XXXIX, 3). Житейские дела – грязь и нечистота. Отрешим себя от них, и таким образом мы можем удостоиться явления Христова. Все, что ни постигнет нас, будем переносить. Достаточное утешение во всем – страдать за Христа; будем повторять это божественное изречение, и прекратится боль всякой раны. А как, скажешь, можно страдать за Христа? Положим, что кто-нибудь оклеветал тебя просто, не за Христа. Если ты мужественно перенесешь это, если будешь благодарить, если станешь молиться за него, то все это сделаешь ты для Христа. Если же будешь проклинать, досадовать, стараться мстить, то, хотя это тебе и не удастся, ты будешь терпеть не для Христа, но еще получишь вред и лишишься плодов по своей воле. От нас зависит – получать от бедствий пользу или вред; это зависит не от свойства самых бедствий, а от нашего произволения. Представлю пример. Иов, испытав столько бедствий, перенес их с благодарностью, и был оправдан, – не потому, что страдал, но потому, что, страдая, переносил все с благодарностью. Другой, испытывая такие же страдания, – или, лучше, даже и не такие, потому что никто не страдает так, как Иов, а гораздо меньше, – гневается, досадует, проклинает весь мир, ропщет на Бога; такой человек осуждается и наказывается не потому, что страдал, но потому, что роптал на Бога; а роптал он на Бога не по необходимому требованию обстоятельств; иначе, если бы он поступал так по необходимому требованию обстоятельств, роптал бы и Иов; если же последний, испытав тягчайшие бедствия, не сделал ничего такого, то, значит, все подобное случается не по необходимости, а от слабости воли. Итак, нужно нам иметь душу твердую, и тогда ничто не будет для нас трудным; напротив, для слабой души

нет ничего нетрудного. От расположения нашей воли все бывает и переносимо и непереносимо для нас; укрепим ее, и тогда мы легко будем переносить все. Так и дерево, если глубоко пустит свои корни, то его не может поколебать и сильная буря; если же оно будет распростирать их неглубоко, на поверхности, то и слабый порыв ветра вырвет его с корнем. Так и с нами: если мы пригвоздим плоть свою страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас; если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение может поразить и погубить нас. Потому, увещеваю вас, переносите все с полным благодушием и подражайте пророку, который говорит: *прильпе душа моя по тебе* (Пс. LXII, 8). Вот что говорит он: *прильпе душа моя.* Не сказал просто: предалась, но: *прильпе.* И еще: *возжада тебе душа моя* (Пс. LXII, 2); не сказал просто: пожелала, но: *возжада,* выражая этим словом особенную силу желания. И еще: *пригвозди страху твоему плоти моя* (Пс. CXVIII, 120). Он хочет, чтобы мы постоянно так прилеплялись к Богу и соединялись с Ним, чтобы никогда не отступать от Него. Если мы будем так преданы Богу, если пригвоздим к Нему сердца наши, если будем жаждать Его сильным желанием, то получим все, чего желаем, и сподобимся будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Потщися скоро приити ко мне. Димас бо мене остави, возлюбив нынешний век, и иде в Солунь, Крискент в Галатию, Тит в Далматию, Лука един есть со мною. Марка поемь приведи с собою: есть бо ми благопотребен в службу. Тихика же послах во Ефес. Фелон, егоже оставих в Троаде у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя (IV, 9—13)

1. Можно спросить: как (Павел) призывает к себе Тимофея, когда ему была вверена Церковь и целый народ? Не по гордости (апостол) делает это; он сам готов был идти к нему, — послушай, что говорит он: *аще же замедлю, да увеси,*

како подобает в дому Божии жити (1 Тим. III, 15). Но почему? Потому, что он находился в крайности, уже не мог ходить по собственной воле, жил в темнице, будучи заключен туда Нероном, и готовился в скором времени умереть. Потому, чтобы этого не случилось прежде свидания с учеником, он и призывает его к себе, желая видеть его перед своей кончиной и, может быть, многое передать ему. *Потщися,* говорит, *прежде зимы приити ко мне* (ст. 9, 21). *Димас бо мене остави, возлюбив нынешний век.* Не говорит: чтобы видеть тебя прежде отшествия из здешней жизни, что весьма опечалило бы (Тимофея); но: потому что я остаюсь одиноким, не имею никого, кто бы помогал мне. *Димас бо мене остави, возлюбив нынешний век, и иде в Солунь,* то есть возлюбив покой, жизнь безопасную и спокойную, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мной и разделять мои настояния опасности. Одного только Димаса он укоряет, впрочем желая не его укорить, а нас утвердить, чтобы мы не ослабевали духом в опасностях и трудах; это и означают слова: *возлюбив нынешний век;* вместе с тем он хотел еще более привязать к себе ученика. *Крискент в Галатию, Тит в Далматию.* Их он не укоряет, потому что Тит был один из весьма дивных мужей, так что Павел поручил ему (церковные) дела на острове, притом не малом, но весьма большом – разумею Крит. *Лука един есть со мною* – он неотлучно находился при Павле; он написал Евангелие и соборные Деяния, был трудолюбив, любознателен и терпелив. О нем (апостол) говорит в другом послании: *егоже похвала во Евангелии по всем церквам* (2 Кор. VIII, 18). *Марка поемь приведи с собою.* Для чего? *Есть бо ми благопотребен в службу.* Не для собственного успокоения требует этого, но для служения Евангелию, потому что и в узах он не переставал проповедовать. И Тимофея он призывает к себе не для собственных нужд, но для благовествования, чтобы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти, чтобы многочисленные ученики его, присутствуя при этом, успокоивали смятения и утешали сетующих об его кончине, а между уверовавшими в Риме, вероятно, были мужи достопочтенные. *Тихика же послах во Ефес. Фелон,*

егоже оставих в Троаде у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя. Фелоном он называет здесь одежду; а некоторые разумеют влагалище, в котором хранились книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? И очень были нужны, чтобы передать их верующим, чтобы они имели их вместо его учения. Все верующие, вероятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно те, которые присутствовали при его кончине и наслаждались тогда его лицезрением. А фелон требует он для того, чтобы не иметь надобности брать его у другого. Видишь, как много он заботился об этом; и в другом месте он выразил это, когда говорил ефесским (пресвитерам); *весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце сии;* и еще: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 34, 35). *Александр ковачь многа ми зла сотвори. Да воздает ему Господь по делом его* (ст. 14). Здесь он опять вспоминает об искушении, не с тем, чтобы только укорить или осудить упоминаемого человека, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить к мужественному перенесению (искушений). Хотя бы люди, причиняющие искушения, были неважны, хотя бы даже ничтожны и презренны, нужно, говорит, все переносить мужественно. Кто потерпел зло от человека важного, тот находит немало утешения в высоком положении этого человека; а кто терпит от человека низкого и презренного, тот получает большее огорчение. *Многа ми зла сотвори,* то есть различным образом оскорблял меня. Но это, говорит, не пройдет ему безнаказанно: *воздаст ему Господь по делом его.* Как выше он говорил: *якова изгнания приях, и от всех мя избавил есть Господь* (2 Тим. III, 11), так и здесь утешает ученика двояким образом — тем, что сам он испытывал оскорбления, и тем, что оскорбившему его будет воздаяние; говорит так не потому, чтобы святые радовались наказаниям (злых людей), но потому, что дело проповеди и слабейшие из верующих имели нужду в таком утешении. *От негоже,* говорит, *и ты себе блюди: зело бо противится словесем нашим* (ст. 15), то есть восстает и противоречит. Не сказал: отомсти, накажи, прогони его, хотя по благодати Божией мог сделать это; ничего такого не говорит,

и не вооружает против него ученика своего, а заповедует только удаляться от него, предоставляя наказание Богу. Также и для утешения слабейших он говорит эти слова: *воздаст ему,* которые представляют более пророчество, нежели проклятие. А что он желал ободрить ученика приведенными словами, это видно и из последующего. Далее, смотри, как он повествует еще о других своих искушениях. *В первый мой ответ,* говорит, *никтоже бысть со мною, вси мя оставиша: да не вменится им* (ст. 16).

2. Видишь, как кротко говорит он о близких к нему, хотя они сделали тяжкий проступок; ведь не одно и то же — быть оставленным посторонними людьми, или своими. Видишь ли, как сильна была скорбь его? Ты, говорит, не можешь сказать, что я, подвергаясь гонению от посторонних, находил утешение, облегчение и помощь в своих, — и они изменили мне: *вси мя оставиша.* Подлинно, это — немалый грех. Если на войне тот, кто оставляет товарища, находящегося в опасности, и избавляет от рук врагов только себя самого, справедливо наказывается своими, как человек, испортивший все дело и изменник, то тем более — в проповеди. Но о каком говорит он первом ответе? Он еще прежде был представляем Нерону, и избежал (казни); но когда обратил его виночерпия, тогда и отсечена ему голова. Далее опять предлагается утешение ученику: но *Господь мне предста, и укрепи мя* (ст. 17). Кто оставляется людьми, тому Бог не попускает потерпеть что-нибудь бедственное. *И укрепи мя,* то есть даровал дерзновение, не попустил пасть. *Да мною проповедание известно будет,* то есть чтобы подтвердилось. Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, что я был достоин такого дара, но *да известно будет проповедание,* которое вверено мне. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадему и из-за них спасся. *И услышат вси языцы.* Что это значит? Чтобы всем, говорит, сделались известными и слава проповеди, и попечение о мне промысла. *И* избавил меня *от уст* льва: *и избавит мя Господь от всякого дела лукава* (ст. 18). Видишь, как он близок был к смерти; он был в самых челюстях льва; львом же называет Нерона, по причине его звер-

ства, могущества царства его и непреклонности. И избавил, говорит, Господь меня, и избавит. Если же опять избавит, то как он говорит: *уже жрен бываю?* Но вникни в слова его. Избавил меня, говорит, *от уст* льва; и далее: *избавит,* уже не от уст Львовых, – но от чего? – *от всякаго дела лукава.* Тогда Он избавил меня от опасностей; а теперь, когда для благовестия уже сделано достаточно, Он опять избавит меня – от всякого греха, то есть не попустит мне отойти (из здешней жизни) осужденным. Подлинно, бороться со грехом до крови и не пасть – значит избавиться от другого льва – диавола. Последнее избавление его важнее первого, когда ему предстояло быть преданным на смерть. *И спасет во царствие свое небесное: емуже слава во веки веков. Аминъ* (ст. 18). Вот истинное спасение – когда мы просияем там. Что́ значит: *спасет во царствие свое?* Избавит, говорит, меня от всякой вины и сохранит там. Спастись для царства небесного – значит умереть ради него здесь. *Ненавидяй,* говорит Господь, *души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю* (Ин. XII, 25). *Ему же слава.* Вот славословие Сыну. *Целуй Прискиллу и Акилу, и Онисифоров дом* (ст. 19). Онисифор был у него в Риме, как сам он говорит: *да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он* (2 Тим. I, 18). Таким приветствием он делает и домашних его более усердными к подобным подвигам. *Целуй,* говорит, *Прискиллу и Акилу.* Это – те лица, о которых он часто упоминает, у которых он и жил, которые принимали Аполлоса (см.: Деян. XVIII). Жену он поставляет прежде, кажется мне, потому, что она была усерднее и более предана вере, – она-то и приняла тогда Аполлоса, – или он делает это безразлично. Такое приветствие было для них немалым утешением, служило доказательством почтения и любви его и доставляло им великую благодать, потому что и одно приветствие такого святого и блаженного мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостоивался этого приветствия. *Ераст оста в Коринфе, Трофима же оставих в Милите, боляща* (ст. 20). О нем и Тихике мы знаем из книги Деяний, что он взял их с собой из Иудеи и что они всегда находились при нем, может быть, потому, что были усерднее прочих.

Трофима же, говорит, *оставих в Милите боляща*. Почему же ты не исцелил его, а так оставил? Апостолы не все могли делать или благодатно не все устрояли, чтобы кто не подумал о них больше, нежели что видел. То же, как мы видим, случалось и с бывшими прежде них блаженными и праведными мужами, например с Моисеем. Он был косноязычен, — почему же Бог не исцелил его косноязычности? — часто впадал в скорбь и уныние и не вошел в землю обетованную.

3. Многое попускал Бог для того, чтобы показать немощь человеческой природы. В самом деле, если и при этом бесчувственные Иудеи говорили: где Моисей, *иже изведе нас от земли Египетский* (Исх. XXXII, 1)? — то чего они не сделали бы, если бы он еще ввел их в землю обетованную? Если бы Бог не попустил ему чувствовать страх перед фараоном, то не признали ли бы они его богом? То же самое сделали, как известно, с Павлом и Варнавой жители Листры, которые приняли их за богов; а они, *растерзавше ризы своя, вскочиста в народ, зовуще и глаголюще: мужие, что сия творите? и мы подобострастны есмы вам человецы* (Деян. XIV, 14, 15). Также и Петр, когда исцелил хромого от рождения и когда все изумлялись случившемуся, отвечал: *мужие Израильтяне, что чудитеся о сем, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Послушай еще, что говорит блаженный Павел: *дадеся ми пакостник плоти, да не превозношуся* (2 Кор. XII, 7). Но, заметишь, он сказал это по смиренномудрию. Нет, это не так; не для того дан был ему *пакостник*, чтобы он был смиренномудр, и не по смиренномудрию только он сказал это, но и по другим причинам. Смотри, Бог в ответ ему не говорит: *довлеет ти благодать моя*, чтобы ты не превозносился, — но что? — сила бо моя, говорит, *в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Таким образом достигались две цели: и раскрывались события, и все было приписываемо Богу. Поэтому и в другом месте (апостол) говорит: *имамы сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. IV, 7), то есть в телах немощных и подверженных страданиям. Для чего? *Да премножество силы будет Божия, а не от нас*. Если бы тела их не были подвержены страданиям, то все было бы приписано им. И в другом месте, мы ви-

дим, как он скорбит о болезни, когда говорит об Епафродите: *ибо боле близ смерти, но Бог помилова его* (Флп. II, 27); и многого другого он не знал, с пользой как для него самого, так и для учеников. *Трофима же,* говорит, *оставих в Милите боляща.* Милит находится близ Эфеса; следовательно, (это было) или тогда, когда он отплывал в Иудею, или в другое время; а после того, как он был в Риме, он отправился в Испанию; а возвращался ли оттуда опять в эти страны, мы не знаем. Итак, он был, как мы видим, оставлен всеми. *Димас бо,* говорит он, *мене остави: Крискент в Галатию, Тит в Далматию: Ераст оста в Коринфе: Трофима же оставих в Милите боляща. Потщися прежде зимы приити. Целуют тя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдиа* (ст. 21). Об этом Лине некоторые говорят, что он был вторым после Петра епископом римской Церкви. *И Лин,* говорит, *и Клавдиа.* Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере? Такова Прискилла, такова и эта Клавдия, которые уже распяли себя (для мира), уже были готовы на подвиги. Но почему из такого множества верующих (апостол) упоминает только об этих женах? Очевидно потому, что они душой уже отрешились от житейских дел и особенно славились. Ведь женский пол не препятствует (быть добродетельным). Подлинно — дело благодати Божией, что лица этого пола устраняются только от участия в делах житейских, или, лучше сказать, не устраняются и там. В самом деле, и жене досталась немаловажная часть всего вообще управления делами, именно — домашняя; а без нее и гражданские дела никогда не могли бы состояться. Если бы домашние дела находились в расстройстве и беспорядке, то каждый из граждан должен был бы сидеть дома, и дела гражданские находились бы в худом положении. Таким образом и в этих делах она участвует не менее (мужа), и в духовных. И она может тысячекратно умирать (за Христа), если захочет, — многие из них и действительно сделались мученицами, — может преуспевать в целомудрии, и даже более мужей, потому что в ней не так сильно действует пламень (страстей), — может иметь и скромность, и честность, и святость, без которой *никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14), и презрение к богатству, если

только захочет, и вообще все прочее. *Потщися,* говорит, *прежде зимы приити.* Как понуждает его! И нигде не высказывает ничего прискорбного; не говорит: приди прежде моей смерти, – чтобы не опечалить его, – но: *прежде зимы,* чтобы тебе не встретить затруднений. *Целуют тя,* говорит, *Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдиа, и братия вся.* Последних не называет по имени. Видишь ли, что те были пламеннее (в вере)? *Господь Иисус Христос со духом твоим* (ст. 22). Нет ничего лучше такого благожелания. Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя: Господь с тобой. И не сказал: с тобой, но: *со духом твоим.* Сугубая помощь: от благодати Духа и от Бога, споспешествующего ей. Иначе Бог и не может быть с нами, если нет в нас благодати духовной; если она оставит нас, то как Он будет с нами? *Благодать с нами. Аминь.* Наконец испрашивает и себе (благодати), – то есть чтобы всегда быть благоугодными Богу, чтобы иметь благодать с дарами ее, потому что если она будет присуща нам, то не будет ничего прискорбного. Как видящий царя и пользующийся его благоволением, не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас.

4. Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуясь Ему. И в больших домах не видим ли мы, что те слуги пользуются благоволением господ, которые от всей души и со всем усердием пекутся о нуждах не своих, а господских, которые не по принуждению только господ, но по собственному усердию и ревности исполняют все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся перед глазами господ, когда занимаются дома, когда не беспокоятся о своих делах и не пекутся о своих выгодах, но считают господское своим? Так, кто сделал свое господским, тот не свое сделал господским, но господское своим; он подобно господину распоряжается его собственностью, подобно ему пользуется властью; многие из других слуг боятся его больше господина; что скажет он, то и господин; и все враги страшатся его. Если же в

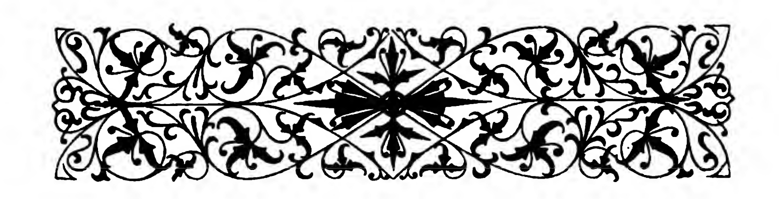
житейских делах, кто презирает свое и заботится о господском, не лишается своего, а напротив, получает большее, то тем более в духовных. Презирай свое, и получишь Божие; сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь царство небесное; там пребывай, а не здесь; оттуда внушай страх, а не здесь. Если ты будешь внушать страх оттуда, то будешь страшен не людям только, но и бесам, и самому диаволу; если же будешь внушать страх здесь своим богатством, то будешь презираем не только ими, но часто и людьми. Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в доме царском. Таковы были апостолы, презревшие жилище рабов и здешнее богатство; и смотри, как они распоряжались (сокровищами) Владычними. Такой-то, говорили они, пусть исцелится от болезни, другой — от злых духов, тот пусть будет связан, этот — разрешен. На земле происходило это, но совершалось как бы на небе. *Елика*, сказал (им Господь), *аще свяжете на земли, будут связана на небеси* (Мф. XVIII, 18); и еще большую власть даровал им. А что я говорю правду, о том, послушай, что Он Сам сказал: *веруяй в мя, больша сих сотворит, яже аз творю* (Ин. XIV, 12). Почему? Потому, что в этом случае честь относится к Владыке. Так и в наших делах, когда слуга может совершать великие дела, то еще более удивляются его господину, потому что, если слуга может сделать так много, то во сколько раз больше тот, кто имеет его в своей власти? Если же кто, оставив служение господину, будет заботиться только о своей жене, о сыне, о слуге, и захочет обогащаться и собирать для них, воруя из сокровищ господина или причиняя им вред, тот скоро погубит и себя вместе с богатством. Потому, увещеваю вас, видя такие примеры, не будем пещись о своих благах, чтобы пещись о себе; будем презирать их, чтобы получить их. Если мы станем презирать их, то Сам Бог будет пещись о них; если же мы станем пещись о них, то Бог презрит их. Будем заботиться о Божием, а не о нашем, или лучше — и нашем, так как, что — Его, то — и наше. Говорю не о небе, не о земле, не о мирских вещах; это недостойно Его, это

не нам только принадлежит, но и неверным. Что же я называю Его собственностью? Славу, царство; это и Его, и вместе наше через Него. Каким образом? *Аще,* говорит (апостол), *с ним умрохом, то с ним и оживем: аще терпим, с ним и воцаримся* (2 Тим. II, 11, 12). Мы стали сонаследниками и называемся братьями Его: для чего же мы преклоняем сами себя долу, тогда как Он влечет нас к Себе горé? Доколе мы будем так унижать себя, доколе будем так жалки? Перед нами небо, а мы пресмыкаемся по земле; перед нами небесное царство, а мы избираем себе здешнее убожество; перед нами вечная жизнь, а мы истощаем себя на деревья, камни и поля! Обогащайся, — и я того желаю, — но только в этом; собирай, приобретай, — здесь это не укоризненно; напротив, здесь укоризненно — не собирать, здесь неодобрительно — не приобретать. Как так? *Царствие небесное,* говорит (Господь), *нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. XI, 12). Будь здесь усильным искателем, будь здесь хищником; расхищаемое здесь не уменьшается. Добродетель не разделяется, благочестие не уменьшается, равно как и царство небесное. Напротив, добродетель умножается, когда ты расхищаешь ее; блага же вещественные уменьшаются, когда расхищаешь их. Это видно из следующего: пусть будет в городе бесчисленное множество людей; если все они будут расхищать добродетель и праведность, то умножат ее, потому что она будет в тысячах праведников; а если не будут расхищать, то уменьшат ее, потому что нигде ее не будет видно.

5. Видишь ли, как блага духовные еще более умножаются, когда расхищают их, а земные уменьшаются, когда расхищают их? Не будем же привязаны к этой бедности, но изберем это богатство. Богатство Божие состоит в том, когда многие наслаждаются царством Его. *Богатяй,* говорит (апостол), *во всех* и на всех *призывающих его* (Рим. X, 12). Умножай же богатство Его; а умножишь его тогда, когда будешь расхищать, приобретать и усиленно искать. Поистине, здесь нужно усиленное искание. Почему? Потому, что здесь встречается много препятствий: жены, дети, заботы, мирские дела, кроме того, бесы, и сам начальник бесов — диавол. Потому нужно усилие, нужно терпение. Кто усили-

вается, тот трудится. Как? Он терпит все, он борется с необходимостью. Как? Он решается почти на невозможное. Если же так поступают усиленные искатели, а мы не принимаемся даже за возможное, то когда мы достигнем, когда получим желаемое? *Нуждницы*, сказал (Господь), *восхищают* царство небесное. Нужно усиливаться и восхищать его; оно не просто дается и не вдруг. Кто хочет похитить что-нибудь, тот постоянно бодрствует, трезвится, заботится и беспокоится, чтобы благовременно приступить к похищению. Не видите ли, как на войне, кто хочет похитить, тот целую ночь не спит, во всю ночь не снимает с себя оружия? Если же те, которые хотят похитить житейские вещи, не спят во всю ночь и остаются вооруженными, то как же мы, желая приобрести блага, достойные гораздо большего попечения, блага духовные, беспечно спим даже днем и остаемся всегда обнаженными и безоружными? Подлинно, кто живет во грехах, тот безоружен и наг; напротив, кто живет по правде, тот вооружен. А мы не ограждаем себя милостыней, не приготовляем себе горящих светильников, не облекаемся в духовное оружие, не изучаем пути, ведущего на небо, не трезвимся, не бодрствуем; потому и похитить ничего не можем. Кто хочет взять царство, тот не предполагает ли себе наперед бесчисленное множество смертных опасностей? Не вооружает ли себя, не изучает ли военное искусство, не принимает ли к тому все меры и не стремится ли таким образом к цели? А мы поступаем не так, но хотим похитить (царство небесное), предаваясь сну; потому и отходим с пустыми руками. Не видишь ли, как похищающие что-нибудь бегут, как спешат, как ниспровергают все препятствия? Нужно скоро бежать. Иначе тебя настигнет диавол и находящимся впереди прикажет задержать тебя. Но если ты будешь силен, если будешь бодр, то одного оттолкнешь ногой, другого отстранишь рукой и уйдешь от всех, как птица. Когда же отойдешь отсюда, когда перейдешь торжище, исполненное великого шума, какова настоящая жизнь, то достигнешь того, что выше всего этого, какова будущая жизнь. Там, как в пустыне, нет шума, нет никого, кто бы тревожил, кто бы задерживал. Ты приобрел что-

нибудь доброе? После приобретения тебе нужно небольшое усилие, чтобы не лишиться приобретенного. Если мы будем бежать, если не будем взирать ни на что, находящееся перед нашими глазами, если не станем заботиться ни о чем другом, а только как бы избегнуть задерживающего нас, то будем в состоянии безопасно удержать у себя приобретенное. Ты приобрел целомудрие? Не стой же, беги, удаляйся от диавола; если он увидит, что не может настигнуть тебя, то не будет и гнаться. Так и мы, когда похитивших теряем из виду, то, не надеясь ничего более, и сами не преследуем их, и других не просим задержать их, но оставляем их бежать от нас. Подобным образом и ты беги скорее с самого начала. Когда ты будешь далеко от диавола, то он уже не станет преследовать тебя, и ты будешь в безопасности, безбоязненно наслаждаясь неизреченными благами, которых да сподобимся все мы, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ *

БЕСЕДА I

Павел раб Божий, апостол же Иисус Христов, по вере избранных Божиих и разуму истины, яже по благочестию, о уповании жизни вечныя, юже обетова неложный Бог прежде лет вечных, яви же во времена своя слово свое проповеданием, еже мне поручено бысть по повелению Спасителя нашего Бога, Титу присному чаду по общей вере, благодать, милость, мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа Спаса нашего (Тит. 1, 1—4)

1. Из спутников Павла Тит был (человеком) опытным. Если бы он не был опытным, то Павел не вверил бы ему целого острова, не велел бы ему восполнить недостающее: *да недоконченная исправиши* (Тит. I, 5), говорит он ему; апостол не облек бы этого мужа правом суда над столькими епископами, если бы не так решительно полагался на него. Говорят, что он был молод, так как (апостол) называет его своим *чадом* (Тит. I, 4); но, впрочем, отсюда это еще не явствует. Думаю, что о нем упоминается и в Деяниях (см.: Деян. XVIII, 7), и тогда, пожалуй, он был родом из Коринфа, если только не было кого-либо другого, одноименного с ним. (Апостол) приглашает к себе Зину и повелевает прислать Аполлоса, а его — нет (см.: Тит. III, 13); этим он засвидетельствовал, что перед императором они могли оказать более мужества и силы. Мне кажется, что Павел писал

* Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.

это послание во время между первым и вторым своим заключением, когда был свободен, потому что он не говорит здесь ничего об искушениях, но постоянно, и в начале и в конце, обращается с благодарностью к Богу, что было для верующих достаточным поощрением к добродетели. Понять, чего они заслуживали прежде, в какое потом приведены состояние и именно благодатью, и чего теперь удостоились, — это для них немалое ободрение. Он нападает также на иудеев. Не удивляйся, что он укоряет целый народ; то же самое он делает и с галатами, когда говорит: о *несмысленнии Галате* (Гал. III, 1). Это сказано им не от раздражительности, а из любви. Если бы он делал это для своих выгод, то справедливо можно было бы осуждать его; если же он делал это по своей пламенной ревности к проповеди, тогда это — не оскорбление. И Христос многократно укорял книжников и фарисеев, но не за Себя, а потому, что они губили всех других. (Апостол) пишет краткое послание, и не без основания. Это также служит доказательством добродетели Тита, что он не нуждался в длинных речах, а только в некотором напоминании.

Это послание, кажется мне, предшествует посланию к Тимофею. То писал он при конце жизни, находясь в узах, а это в такое время, когда был отпущен и свободен от уз. Слова: *судих озимети в Никополе* (Тит. III, 12) доказывают, что он еще не был в узах, а там он постоянно называет себя узником. Чтó же говорит он? *Павел раб Божий, апостол же Иисус Христов, по вере избранных Божиих.* Видишь ли, как безразлично он употребляет эти выражения, называя себя иногда рабом Божиим и апостолом Христовым, а иногда рабом Христовым: *Павел раб Иисус Христов* (Рим. I, 1)? Таким образом он не полагал никакого различия между Отцом и Сыном. *По вере избранных Божиих и разуму истины, яже по благочестию, о уповании жизни вечныя. До вере избранных Божиих:* то есть потому ли, что ты уверовал, или потому, что тебе вверено? По моему мнению, он говорит о том, что ему вверены избранные Божии. То есть не за свои совершенства, не за труды и подвиги я получил такое достоинство, но все сделано по благодеянию Вверившего мне. Потом, чтобы

не сочли действий благодати неразумными, — ведь не все от одного Бога, иначе почему Он не вверил того же другим? — то (апостол) прибавил: *и разуму истины, яже по благочестию.* Благодаря этому, говорит он, и вверено мне, или, вернее, и это самое дано мне по благодати Его; Он — Виновник и этого моего качества (то есть разумения истины по благочестию). Потому и Сам Христос говорит: *не вы мене избрасте, но аз избрах вас* (Ин. XV, 16). И в другом месте тот же блаженный (апостол) говорит: *познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. XIII, 12); и еще: *аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. III, 12). Сначала мы были достигнуты, а потом познали; сначала — познаны, а потом достигли; сначала — призваны, а потом послушались.

Выражением *по вере избранных* (апостол) приписывает все им; через них я стал апостолом, не как достойный того, а ради избранных, как и в другом месте он говорит: *вся бо ваша суть, аще Павел, или Аполлос* (1 Кор. III, 21, 22). *И разуму истины,* говорит, *яже по благочестию,* — потому что есть истина практическая, а не по благочестию, например: знание земледелия, знание искусств, — это тоже истинное знание но та истина есть истина по благочестию. Или выражение *по вере* означает то, что они уверовали, подобно прочим избранных, и познали истину. Следовательно, знание — от веры, а не от разума. *О уповании жизни вечныя.* Сказав о настоящей жизни, устроенной по благодати Божией, говорит и о будущей, представляя награды за то, чем (Господь же) нас облагодетельствовал. За то именно, что мы уверовали и избавлены от заблуждения, (Бог) желает увенчать нас. Видишь, как самое вступление наполнено указаниями на благодеяния Божии; и все вообще это послание оказывается преимущественно таковым, поощряя к большим трудам как самого святого (Тита), так и учеников его. Ведь ничто так не полезно нам, как постоянное воспоминание о благодеяниях Божиих, общих и частных. Если мы, получив благодеяние от друга, услышав от него приятное слово или приняв добрую услугу, горячее привязываемся к нему, то тем более мы будем ревностны в послушании Богу, когда увидим, в каких опасностях мы находились, и от всех Он

избавил нас. *И разуму истины.* Об истине он говорит здесь в противоположность преобразованию. И оно было знанием и благочестием, но не истины, хотя во всяком случае и не лжи, однако только – образов (истины) и подобия ее. Хорошо сказал (апостол): *о уповании жизни вечныя,* потому что то благочестие было в надежде жизни настоящей: *сотворивый та,* говорит (Писание), *жив будет в них* (Рим. X, 5). Видишь ли, как с самого вступления он показывает отличие благодати (от закона)? Не те – избранные, но мы. Если же и они прежде назывались избранными, то теперь уже – нет. *Юже обетова,* говорит, *неложный Бог прежде лет вечных,* то есть не теперь за покаяние наше, но предопределено это изначала. То же он утверждает во многих других местах, например: *избран в благовестие Божие* (Рим. I, 1), и еще: *ихже предуведе, тех и предустави* (Рим. VIII, 29), означая наше благородство, – то, что не ныне, но изначала Бог возлюбил нас; а быть возлюбленным издревле и от начала – немаловажно.

2. *Юже обетова неложный Бог.* Если (Бог) неложен, то непременно исполнится то, что Он обещал; если неложен, то не должно сомневаться, хотя это и исполнится лишь после смерти. *Юже обетова неложный Бог прежде лет вечных.* Словами *прежде лет вечных* (апостол) также показывает достоверность обетования. Не потому, говорит, так совершилось, что иудеи не обратились ныне, но так предначертано издревле. Итак, послушай, что он говорит: *яви же во времена своя.* Для чего же это промедление? Из попечения о нас и для того, чтобы совершить благовременно. *Время,* говорит пророк, *сотворити Господеви* (Пс. CXVIII, 126). *В своя,* то есть в приличные, надлежащие, сообразные. *Яви,* говорит, *во времена своя слово свое проповеданием, еже мне поручено бысть,* то есть проповедание. Оно, это благовестие, заключало в себе все – и настоящее, и будущее, жизнь, благочестие, веру, все вместе. *Проповеданием,* то есть явно, с дерзновением, потому что таково значение слова: *проповеданием.* Как глашатай на зрелище провозглашает в присутствии всех, так и мы провозглашаем, и не прибавляем ничего, но говорим то, что сами слышали. Достоинство провозвестника

состоит в том, чтобы сказать всем действительно бывшее, не прибавляя ничего и не убавляя.

Итак, если нужно проповедовать, то нужно проповедовать с дерзновением; иначе это и не будет проповеданием. Поэтому и Христос не сказал: *рцыте на кровех*, но: *проповедите на кровех* (Мф. X, 27), указывая на характер проповеди и местом, и способом действия. *Еже мне поручено бысть по повелению Спасителя нашего Бога*. Выражениями *поручено бысть* и *по повелению* он отмечает свою достоверность, чтобы никто не обижался, не уклонялся, не упрямствовал. Итак, если это – повеление (Божие), то я сам не властен: я исполняю приказание. Из того, что нам должно делать, иное зависит от нас, а другое – не от нас. То, что Он повелевает нам, не зависит от нас; а то, что Он дозволяет нам, зависит от нас. Например: *иже аще речет брату своему, уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22); это – повеление; и еще: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. V, 23, 24); и это – повеление, так что не исполняющий этого неизбежно подлежит наказанию. Когда же говорит (Господь): *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое*, и еще: *могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 21, 12), то это – не повеление. Здесь Он предоставляет сказанное на волю слушателя и позволяет ему свободный выбор действия. Здесь делать или не делать – в нашей власти; а повеления – не в нашей власти, но необходимо или исполнять их, или за неисполнение подвергнуться наказанию. То же выражает (апостол), когда говорит: *нужда бо ми належит: горе же мне есть, аще не благовествую* (1 Кор. IX, 16). Представлю это еще яснее, чтобы для всех было очевидно. Например: кому вверено начальство в Церкви, кто почтен достоинством епископства, тот не будет невиновным, если он не объясняет народу, что должно делать; между тем мирянин нисколько к тому не обязан. Поэтому Павел и говорит: *по повелению Спасителя нашего* я это делаю. И заметь, как сами выражения соответствуют тому, о чем я сказал. Выше он говорит: *неложный Бог*, а здесь: *по повелению Спаси-*

теля нашего Бога. Если же Он – Спаситель и Сам повелел это из желания нам спасения, то, значит, это не дело властолюбия; здесь – вера и повеление Бога Спасителя. *Титу присному чаду:* могут быть и неистинные сыны, как, например, тот, о котором он говорит: *аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, с таковым ниже ясти* (1 Кор. V, 11). Вот тоже сын, но неистинный; он – сын, потому что некогда принял благодать и возрожден, но неистинный, потому что недостоин своего Отца, так как добровольно предал себя другому властителю. У плотских детей истинность и неистинность зависит от рождающей и рождающего; а здесь не так, но от доброй воли. Здесь можно и тому, кто был истинным сыном, не остаться истинным, и неистинному сделаться истинным, потому что это заключается не в природной необходимости, но в свободном произволении, от чего и происходят частые изменения. Онисим был истинным сыном, но стал неистинным, потому что сделался негодным; а потом опять сделался истинным, так что (апостол) назвал его своей *утробою* (Флм. 10–12). *Титу присному чаду по общей вере.* Что значит: *по общей вере?* Назвав его *чадом* и приняв на себя звание отца его, (апостол) здесь ограничивает и смягчает это почетное название и вот каким образом. Он прибавляет: *по общей вере,* то есть по вере я не имею ничего большего в сравнении с тобой, потому что она – общая и ею возродились как я, так и ты. Почему же он называет его своим чадом? Или только для того, чтобы показать свою любовь к нему, или потому, что сам он прежде него начал проповедовать, или потому, что (Тит) был просвещен им. Поэтому он называет верующих и чадами, и братьями; как возрожденные одной и той же верой, они – братья; а как возрожденные через него, они – чада. Таким образом, словами: *по общей вере,* он указывает на братство. *Благодать и мир от Бога Отца, и Господа Иисуса Христа Спаса нашего.* Сказав: *чадо,* (апостол) прибавляет: *от Бога Отца,* чтобы возвышеннее настроить мысли (Тита) и научить, чье он чадо, а говоря не только: *по общей вере,* но и прибавляя: *Отца нашего,* он показывает равночестность (Тита) с ним.

3. Посмотри же, как он желает и учителю того самого, чего желает ученикам и народу, потому что и сам учитель, подобно им, имеет нужду в таких благах, и еще гораздо больше их, поскольку больше имеет он врагов и больше у него случаев прогневать Бога. Насколько велико достоинство имеющего священство, настолько больше у него и опасностей, потому что одно исправное прохождение епископства может возвести на небо, и одна неисправность в этом деле может ввергнуть в геенну. Оставляя все другое, случающееся ежедневно, скажу вот что: если он по дружбе или по какой-нибудь другой причине предоставит епископскую власть лицу недостойному и вверит ему начальство над великим городом, то смотри, какому огню он становится повинным. Он даст отчет не только за погибающие души, — потому что неблагочестивый губит их, — но и за все, совершаемое под его начальством. Кто, будучи мирянином, неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, когда получит власть. Трудно и благочестивому человеку остаться таким по получении власти. Тогда сильнее заявляют о себе и тщеславие, и корыстолюбие, и самонадеянность, — так как начальство дает к тому возможность, — равно и столкновения, оскорбления, злословия и многое другое. Поэтому кто неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, сделавшись начальником. А кто поставит такого начальником, тот будет виновен во всех грехах, совершаемых им и всем народом. Если соблазняющему одну душу *уне есть, да обесится жернов оселский на выи его и потонет в пучине морстей* (Мф. XVIII, 6), то соблазняющий столько душ, целые города, народы, тысячи семейств, мужей, жен, детей, граждан, земледельцев, живущих в том же городе и в других, подвластных ему, какому подвергнется наказанию? Если назовешь другое, втройне большее (наказание), то не выразишь ровно ничего: такого он достоин наказания и мучения! Таким образом учитель особенно имеет нужду в благодати Божией и мире. Если он без них будет управлять народом, то все распадется и погибнет, за отсутствием у него кормила. Хотя бы он и был опытным в управлении, но, если не будет иметь этого кормила — благодати и мира

от Бога, то потопит корабль и плывущих. Поэтому мне приходится удивляться тем, которые домогаются такого бремени. Жалкий и несчастный человек, ужели ты не видишь, чего домогаешься? Если ты живешь сам по себе, безвестным и незнатным, то, хотя бы ты совершил множество грехов, ты отдашь отчет за одну душу, и за нее только подвергнешься наказанию; если же ты достиг такой власти, то подумай, за сколько человек ты будешь повинен мучению. Послушай, что говорит Павел: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). А ты домогаешься чести и власти? И что за удовольствие от этой чести? Совсем его не вижу. Да и невозможно в подлинном смысле быть властителем. Почему? Потому, что повиновение зависит от воли самих подчиненных. Кто захочет тщательно исследовать дело, найдет, что такой человек достигает не начальства, а порабощения бесчисленному множеству господ, которые желают и требуют противного друг другу. Что хвалит один, то порицает другой; что осуждает один, тому удивляется другой. Кого же слушать, кому повиноваться? Невозможно (определить). Наемник, слыша от господина своего противоречащие приказания, может по крайней мере выражать свое неудовольствие; а ты, если будешь огорчаться противоречащими приказаниями этих господ, дашь ответ и за это, и уста всех откроются против тебя. Это ли честь, скажи мне, это ли начальство, это ли власть?

4. Епископ предлагает сделать денежные приношения. Кто не хочет, тот не только не приносит, но еще, чтобы показать, что он делает это не по нерадению, порицает предложившего, говоря: он крадет, расхищает, поедает достояние бедных, проживает имущество нищих. Перестань злословить; докуда ты будешь говорить это? Не хочешь делать взноса — никто и не принуждает тебя, никто не требует насильно; зачем же ты злословишь того, кто обращается к тебе с простой просьбой и советом? Но вот кто-нибудь впал в нужду и епископ не простер ему руки помощи, или потому, что не мог, или потому, что был занят другим делом: опять нет ему никакого прощения, но

снова начинаются порицания, худшие прежних! Это ли начальство? И учинить расправы (епископ) не может, потому что (порицающий) есть собственная его утроба. Как утробе своей, хотя бы она распухла и причиняла боль и голове и всему телу, мы не решаемся мстить, не берем меча и не рассекаем ее, так и подчиненному, если он таков, причиняет нам страдания и беспокойства подобными порицаниями, мы не решаемся мстить; это чуждо отеческой душе, которая по необходимости переносит огорчение, пока (огорчающий) не исцелится от своей болезни. Наемный раб имеет у себя какое-нибудь определенное дело, и после того, как исполнит его, свободно располагает сам собой; а епископа буквально тащат повсюду, и требуют от него много такого, что превышает его силы. Если он неспособен говорить красноречиво, бывает сильный ропот; если способен, опять начинаются порицания, — говорят: он — тщеславен. Если он не воскрешает мертвых, то говорят: он не заслуживает никакого внимания; такой-то благочестив, а он — нет. Если он умеренно употребляет пищу, опять порицания: ему следовало, говорят, истощать себя. Если кто увидит его моющимся, снова множество порицаний: он, говорят, отнюдь не должен даже смотреть на солнце. Если он, говорят, делает то же самое, что и я, и моется, и ест, и пьет, и одевается, и заботится о доме и слугах своих, то за что он сделан моим предстоятелем? Он и рабов имеет, которые служат ему, и на осле ездит, — за что же он сделан моим предстоятелем? Но, скажи мне, ужели он не должен иметь служителя, а сам обязан и зажигать огонь, и носить воду, и рубить дрова, и ходить на рынок? Не стыдно ли это? Святые мужи, апостолы, не хотели утруждать занимающегося учительством даже служением вдовицам, но считали это дело недостойным его (см.: Деян. VI, 2); а ты возлагаешь на него службу рабов твоих? Почему ты, предписывающий ему это, сам-то не изменяешь обычного порядка жизни и не исполняешь всего этого? Признайся, не гораздо ли большее он исполняет служение тебе, чем ты, озабоченный интересами житейскими? Почему же не пошлешь своего раба для служения ему? Христос умыл ноги учени-

кам; ты же, если окажешь услугу учителю, великое ли дело сделаешь? Но ты не хочешь предоставить ему услугу, и даже обременяешь его. Что же? Ужели с неба он должен ожидать помощи в жизни? Но это неугодно Богу. Итак, что же? Апостолам, говоришь ты, служили свободные люди. Хочешь ли выслушать, как жили апостолы? Они совершали путешествия, а для их спокойствия свободные мужи и благородные жены полагали души и головы свои. Послушай блаженного (Павла), который, увещевая (слушателей), говорит: *таковыя честны имейте;* и еще: *за дело Христово даже до смерти приближися, презрев душу свою, да исполнит ваше лишение службы, яже ко мне* (Флп. II, 29, 30). Видишь ли, что говорит он? А ты не хочешь даже сказать слова за отца своего, не только что подвергнуться такой опасности. Но мыться, говоришь ты, ему не следует. Почему, скажи мне, где запрещается это? Ведь и нечистым оставаться – нехорошо. Нигде мы не видим, чтобы это осуждалось или похвалялось.

Есть же нечто другое, что (апостол) заповедал иметь епископу: *быти непорочну, целомудру, честну, страннолюбиву, учителну* (1 Тим. III, 2; Тит. I, 8). Вот чего требует апостол; этого следует требовать от начальствующего, а больше – ничего. Ты не правее Павла, а тем более не правее Духа (Святого). Если он убийца, или пьяница, или жесток и немилостив, порицай его: это недостойно епископа; если он роскошествует, это заслуживает порицания. Но если он бережет свое тело, чтобы служить тебе, если заботится, чтоб быть полезным тебе, то ужели должно порицать его за это? Разве ты не знаешь, что немощь телесная, не менее немощи душевной, вредит как нам, так и Церкви? Почему и Павел врачует ее, когда пишет Тимофею: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23)? Если бы мы совершали добродетель одной душой, то нам не нужно было бы заботиться о теле. Для чего же и вообще мы так созданы? А если и тело много участвует в этом, то не крайнее ли безумие – пренебрегать им? Представим, что какой-нибудь муж, почтенный достоинством епископства и получивший предстоятельство в церковном обществе, – человек и в других отношениях добродетельный и

имеет все, что прилично иметь лицу священному, но от великой немощи постоянно лежит в постели: какую он может принести пользу, какое предпринять путешествие, какие сделать посещения, кого обличить, кого уговорить? Сказал я это для того, чтобы вы научились не порицать епископов без разбора и принимать их с большей благосклонностью, а если кто домогается власти, то, имея в виду такое множество порицаний, заглушал бы в себе это желание. Поистине, велика здесь опасность и весьма нужны здесь благодать и мир, которых в обилии вы испрашивайте у Бога нам, а мы (будем испрашивать) вам, чтобы и мы и вы, преуспевая в добродетели, достигли обещанных благ, во Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Сего ради оставих тя в Крите, да недокончанная исправиши, и устроиши по всем градом пресвитеры, якоже тебе аз повелех: аще кто есть непорочен, единыя жены муж, чада имый верна, не во укорении блуда, или непокорива (Тит. I, 5, 6)

1. У древних мужей вся жизнь была деятельна и полна подвигов; а у нас — не так, но полна лености. Те знали, что они для того и пришли в мир, чтобы трудиться согласно с волей Давшего им бытие; а мы, как будто родившиеся для того, чтобы есть, пить и веселиться, не думаем ни о чем духовном. Говорю это не об апостолах только, но и о тех, которые были после них. Они, как видишь, ходили везде, преданные этому как своему единственному делу, и всю жизнь проводили в чужих странах, как бы не имея на земле (родного) города. Послушай, что говорит блаженный (Павел): *сего ради оставих тя в Крите.* Разделив между собой вселенную, как бы один дом, они управляли всем и заботились обо всем, приняв на себя один одну часть, а другой — другую. *Сего ради,* говорит, *оставих тя в Крите, да недоконченная исправиши.* Не повелительным образом требует от него этого. *Да исправиши,* говорит. Видишь, как душа его была

чиста от всякой зависти, как он всегда искал пользы поучаемых, не разбирая, будет ли она достигнута им самим или кем-нибудь другим? Там, где была опасность и великое затруднение, он исправлял все сам личным присутствием; а что доставляло более чести или славы, то поручает ученику, именно: рукоположение епископов и все другое, что имело нужду в некотором исправлении, или, так сказать, в большем упорядочении. Скажи мне, что же это говоришь ты: чтобы он исправлял твои действия? И ты не считаешь этого унизительным и постыдным для себя? Нисколько, говорит, так как я имею в виду только общую пользу; мной ли будет сделано или другим, для меня все равно. Таким должен быть предстоятель (Церкви), — искать не своей чести, но общей пользы. *И устроиши*, говорит, *по всем градом пресвитеры*. Здесь он разумеет епископов, как мы сказали в другом месте. *Якоже тебе аз повелех: аще кто есть непорочен. По всем*, говорит, *градом*. Он не хотел, чтобы весь остров поручен был одному лицу, но чтобы каждый имел свою часть в своем попечении и наблюдении; таким образом и для него самого облегчается труд, и над подчиненными будет больше наблюдения, если учитель не будет отвлекаться для предстоятельства над множеством Церквей, но будет заниматься только одной и ее благоустроять. *Аще кто есть непорочен*, говорит, *единыя жены муж, чада имый верна, не во укорении блуда, или непокорива*. Для чего он представляет такого человека? Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело не дурное, но настолько честное, что при нем можно восходить даже на священный престол; вместе с тем он укоряет людей невоздержных, не позволяя после второго брака принимать эту власть. В самом деле, кто не сохранил никакого расположения к умершей (жене), как может тот быть хорошим предстоятелем? Какому только не подвергнется он порицанию? Ведь все вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй брак, однако это дело подвергается многим нареканиям. (Апостол) желает, чтобы начальствующий не подавал подчиненным никакого повода к нареканиям, потому и говорит: *аще кто есть непорочен*, то есть если

жизнь его свободна от нарекания, если никто не мог упрекнуть его в (дурной) жизни. Послушай, что говорит Христос: *аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма колъми* (Мф. VI, 23)? *Чада имый верна, не во укорении блуда, или непокорива.* Заметьте, какую великую предусмотрительность обнаруживает он и в отношении к детям, потому что кто не мог научить своих детей, тот как может быть учителем других? Если он не мог устроить тех, которых с самого начала имел при себе и воспитывал и над которыми имел власть и по законам, и по природе, то как он может быть полезным для чужих? Если бы не была велика беспечность отца, то он не допустил бы сделаться злыми тем, над которыми имел власть с самого начала (их жизни). Невозможно, поистине невозможно, чтобы тот, кто с самого начала был воспитан с великим тщанием и окружен попечениями, сделался злым, потому что грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения. Если же он считал воспитание детей делом второстепенным, заботясь только об имуществе и не имея о них такого же старания, то и поэтому он недостоин (священного сана). Если там, где побуждала его природа, он имел так мало любви или был так безрассуден, что больше заботился об имуществе, нежели о детях, то как он может быть возведен на престол (епископский) и на такую степень власти? Если он не мог (воспитать своих детей), то достоин великого осуждения за леность; а если не старался, то достоин великого осуждения за недостаток любви. Поэтому кто нерадит о своих детях, тот как будет заботиться о чужих? И далее (апостол) сказал не просто: чтобы он не был распутным, но — чтобы не подлежал и *укоренит блуда,* чтобы не было о нем и молвы худой. *Подобает бо,* говорит, *епископу без порока быти, якоже Божию строителю, не себе угождающу, не гневливу, не пияни-це, не бийце* (ст. 7).

2. Кто имеет внешнюю (гражданскую) власть, тот, как управляющий силой закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается с желаниями подчиненных; но кто должен начальствовать над людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за

его управление, тот, если будет поступать во всем только по своему произволу и никому не давать отчета, сделает свое правление насильственным, а не народным. *Подобает бо,* говорит (апостол), *епископу без порока быти, яко Божию строителю, не себе угождающу, не гневливу.* Как может учить других обуздывать эту страсть тот, кто не научил этому самого себя? Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу. Потому, если он наперед не позаботился об укрощении этой страсти, то будет (для подчиненных) крайне тяжелым, повредит и погубит многое в делах своего управления. *Не пиянице, не бийце.* Здесь он разумеет оскорбителя. Епископу следует делать все увещанием, а не порицатем и оскорблением; да и какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенной, усиливать угрозы, поражать. Оскорбляемый же делается более дерзким и презирает оскорбляющего. Ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестья самому оскорбляющему, лишая его должного уважения. Слово епископа должно быть исполнено великого благочестия, при обличении грехов напоминать о будущем суде и быть чистым от всякого оскорбления; если же кто-нибудь препятствует ему в исполнении должного, то нужно действовать со всей властью. *Не бийце,* говорит (апостол). Учитель есть врач душ; а врач не наносит ударов, но наносящего удары исправляет и лечит. *Не скверностяжателну, но страннолюбиву, благолюбцу, целомудренну, праведну, преподобну, воздержателну, держащемуся вернаго словесе по учению* (ст. 8, 9). Видишь ли, какой высокой он требует добродетели? *Не скверностяжателну,* говорит, то есть показывающему великое презрение к деньгам. *Страннолюбиву, благолюбцу, целомудренну, праведну, преподобну,* то есть раздающему все свое имущество нуждающимся; *воздержателну,* – разумеет здесь не постника, но воздержного от страсти и языка, и руки и бесстыдного взора; ведь в том и состоит воздержание, чтобы не поддаваться никакой страсти. *Держащемуся вернаго словесе по учению.* Под *верным* здесь он разумеет истинное, или преподаваемое посредством веры, не имеющее нужды в умствовани-

ях или исследованиях. *Держащемуся,* то есть тщательно содержащему, поставляющему это своим долгом. Поэтому что из того, если он будет неискусен во внешнем красноречии? С этой целью сказано: *вернаго словесе по учению, да силен будет и утешати во здравем учении, и противящияся обличати.* Таким образом нужны не красноречивые, но здравые слова, знание Писаний и сила мыслей.

Разве не видишь, как Павел обратил всю вселенную и сделал больше, чем Платон и все другие? Но, скажешь, он сделал это посредством знамений. Не посредством знамений только; если прочитаешь Деяния Апостольские, то увидишь, что он часто побеждал учением и прежде знамений. *Да силен будет и утешати во здравем учении,* то есть для ограждения своих и отражения врагов. *И противящияся обличати,* потому что, если этого не будет, то все расстроится. Кто не умеет бороться со врагами, *пленять всяк разум в послушание Христово* и низлагать мудрования (1 Кор. X, 5), кто не знает, как нужно учить здравому учению, тот пусть будет далек от учительского престола. Прочие качества можно находить и в подчиненных, как то: непорочность, держание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие; но что особенно отличает учителя, это то, чтобы он мог оглашать (народ) учением, о чем нисколько не заботятся ныне. *Суть бо мнози непокориви, суесловцы и умом прельщени, наипаче же сущий от обрезания, ихже подобает уста заграждати* (ст. 10). Видишь ли, как (апостол) объясняет, от чего бывают такие люди? От желания не повиноваться, а господствовать; на это именно он намекает. Следовательно, если ты не можешь убедить их, то не предоставляй им власти, но загради им уста для пользы других. Какая от них польза, если они не убеждаются или *непокориви суть?* Для чего нужно заграждать им уста? Для того, чтобы другие получили от того пользу. *Иже вся домы развращают, учаще, яже не подобает, сквернаго ради прибытка* (ст. 11). Если тот, кто принял на себя обязанность учения, будет неспособен бороться с этими людьми и заграждать им, столь бесстыдным, уста, он будет виновен в погибели каждого из погибающих. Поэтому, если (Премудрый) запо-

ведует: *не ищи, да будеши судия, егда не возможеши отъяти неправды* (Сир. VII, 6), то тем более здесь можно сказать: не домогайся сделаться учителем, если ты не имеешь способности к этому делу, но уклоняйся, если бы тебя даже привлекали. Видишь, как всегда сребролюбие, или скверностяжательность, бывает этому причиной? *Учаще,* говорит, *яже* не *подобает, сквернаго ради прибытка.*

3. Нет ничего, чему бы не вредили эти страсти. Как бурные ветры, падая на тихое море, возмущают его все с самого дна, так что песок смешивается с волнами, — так и страсти, вторгаясь в душу, превращают в ней все вверх дном и ослепляют ее мыслительную способность, особенно страсть к славе. Презирать богатство не трудно для того, кто захочет; но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной, потому что нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и всюду господствующей, в большей или в меньшей мере, но во всяком случае — везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хотя в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получил ее, продумай до самого конца, и ты не найдешь там ничего; представь, какой она причиняет вред, каких и скольких лишает благ, — потому что для нее ты подвергнешься трудам и опасностям, а плодов и наград от нее не получишь. Вспомни, что между людьми, (достигшими славы), есть очень много злых, и презирай их славу; поразмысли о каждом из них, кто он, и увидишь, что эта слава достойна смеха, что она скорее позор, чем слава; и после этого возводи ум свой к горнему зрелищу. Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его и людям, ищешь каких-нибудь зрителей этого дела и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, — и истребишь в себе всякое такое пожелание; отрешись от земли и устреми взор к зрелищу небесному. Люди, если и похвалят, после будут хулить, будут завидо-

вать, будут вредить; если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но не так у Бога; напротив, Он радуется, восхваляя наши добрые дела. Ты хорошо сказал и удостоился рукоплесканий? Но что пользы отсюда? Если рукоплескавшие получили пользу, изменились, сделались лучшими, отстали от прежних пороков, то поистине нужно радоваться, — не похвалам, а доброй и чудной перемене слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шуметь и рукоплескать, сами не получают никакого плода от этих рукоплесканий, то скорее следует скорбеть, потому что это послужит к их осуждению. Но ты получаешь прославление за благочестие? Если ты истинно благочестив и не сознаешь за собой ничего худого, то нужно радоваться, не потому, что ты кажешься таким, но, потому что ты действительно таков; если же ты, не будучи таким, желаешь славы от людей, то вспомни, что не они будут судить нас в последний день, а Тот, Кто в точности знает наше сокровенное. Если ты, сознавая за собой грехи, всеми почитаешься чистым от грехов, то не только не следует радоваться этому, но скорбеть и горько плакать, представляя непрестанно тот день, в который откроется все, в который Бог *приведет во свете тайная тмы* (1 Кор. IV, 5). Тебе воздают честь? Отвергни ее, зная, что она делает тебя должником. Никто не воздает тебе чести? Нужно радоваться этому, потому что Бог поставит тебе на вид между прочим и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодеяниями Бог ставит в укор и это, когда говорит через пророка: *поях от сынов ваших во пророки, и от юнот ваших во освящение* (Ам. II, 11)? Таким образом ты получишь ту пользу, что не будешь предан большему наказанию. Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот, если не приобретает ничего другого, то по крайней мере освободится от ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между прочим он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, если бу-

дет более внимателен к самому себе, никогда не станет превозноситься, хотя бы и захотел. Напротив, человек, пользующийся великой честью, кроме того, что делается тяжким должником, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей; затем, по мере умножения людской власти над ним, бывает принужден делать многое, чего не хочет.

4. Итак, зная, что́ для нас лучше, не будем искать почестей, и даже предлагаемые будем отвергать, а эту страсть отторгнем от себя и истребим. Говорю это и начальствующим, и подчиненным. Душа, жаждущая чести и прославлений, не увидит царства небесного. Это – не мои слова, не от себя я говорю их, но – божественного Духа. Не увидит, хотя бы и подвизалась в добродетели: *яко восприемлют,* говорит (Господь), *мзду свою* (Мф. VI, 5). А кто не получит мзды, тот как может увидеть царство небесное? Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая от Бога: *емуже,* говорит (апостол), *похвала не от человек, но от Бога* (Рим. II, 29). Будем благочестивыми втайне, не прикрывая себя спесью, притворством и лицемерием; снимем с себя овчую кожу, или, лучше, будем овцами. Нет ничего ничтожнее славы человеческой. Скажи мне: если бы ты увидел множество малолетних детей, точнее – грудных младенцев, то захотел ли бы себе славы от них? Так смотри и на всех людей в отношении к славе. Вот почему это и называется тщеславием. Видишь, какие маски надеваются играющими на сцене, – как они хороши, как блестящи, как сделаны по самым строгим требованиям внешней красоты? Можешь ли ты указать мне такие лица в действительности? Нет. Что же? Возбуждалась ли в тебе когда-нибудь любовь к ним? Нет. Почему? Потому, что это – пустая маска; она подражает красоте, а на самом деле не красота. Так и слава (человеческая) пуста; она только подражает славе, а на самом деле не слава. Постоянна только одна слава – естественная, внутренняя; а эта, внешняя, часто прикрывает безобразие; впрочем, прикрывает от людей, и только до вечера, а, по окончании зрелища и снятии маски, каждый является тем, что он есть. Поэтому не будем обращаться с

истиной так, как на сцене, и с лицемерием. Скажи мне: что хорошего в том, чтобы быть на виду у толпы? Это — тщеславие, и ничто иное; войди в дом, останься один, — и тотчас исчезает все. Ты пришел на площадь и обратил на себя внимание присутствующих? Что же далее? Ничего. Все исчезло и прошло, как рассеявшийся дым. И мы так пристрастны к вещам ничтожным? Какое безрассудство! Какое безумие! Будем же взирать только на то, как бы похвалил нас Бог; если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но, если даже это случится, станем презирать, осмеивать, гнушаться, настроим себя так, как бы мы, протягиваясь к золоту, хватились за грязь. Пусть не хвалит тебя такой-то; этим он не принесет тебе никакой пользы; а если он будет порицать, то не причинит никакого вреда. От Бога же то и другое доставляет нам пользу или вред; а от людей — все это тщетно. Таким образом мы уподобимся Богу, Который не нуждается в славе человеческой: *славы,* говорит Он, *от человек не приемлю* (Ин. V, 41). А это, скажи мне, разве маловажно? Когда ты не расположен презирать славу, то скажи самому себе: презрев ее, я сделаюсь подобным Богу, — и тотчас станешь презирать ее. Раб славы не может не быть рабом всех, и даже раболепнее самих рабов. Мы не приказываем того своим рабам, что она — преданным ей; она заставляет нас и говорить и переносить постыдное и бесчестное; и особенно когда видит нас послушными, тем более увеличивает свои требования. Итак, бежим, увещеваю вас, бежим этого рабства. А как, спросишь, мы можем сделать это? Если мы будем философски рассуждать о здешних благах, если будем сознавать, что все настоящее есть сновидение и тень, а ничто иное, то легко преодолеем эту страсть, и не будем предаваться ей ни в мелочах, ни в главном; если же будем допускать ее в мелких случаях, то легко подпадем под ее власть и в самых важных. Удалим от себя и источники ее, то есть безумие и низменность душевную. Если таким образом мы будем иметь возвышенные помыслы, то будем в состоянии и презирать честь от людей, и устремить ум свой к небу и достичь небесных благ, которых да сподобимся все мы полу-

чить благодатью и человеколюбием Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Рече некто от них свой им пророк: Критяне присно лживи, злие зверие, утробы праздныя. Свидетельство сие истинно есть. Еяже ради вины обличай их нещадно, да здрави будут в вере, не внимающе Иудейским баснем, ни заповедем человек отвращающихся от истины (Тим. I, 12–14)

1. Здесь представляется много вопросов: во-первых, кто сказал это (о критянах); во-вторых, для чего Павел воспользовался этими словами; в-третьих, почему он приводит такое свидетельство, которое заключает в себе неправильную мысль? Итак, прибавив сюда и еще кое-что другое, сделаем надлежащее разрешение этих вопросов. Когда (Павел) беседовал с афинянами, он в речь свою вставил выражение: *неведомому Богу*, и еще: *сего бо и род есмы, якоже и нецыи от ваших книжник рекоша* (Деян. XVII, 23, 28). Слова эти сказал Эпименид, который сам был критянин; но по какому поводу, это нужно объяснить вам; именно — по следующему: критяне имеют у себя гробницу Зевса с такой надписью: *здесь лежит Зан, котораго называют Зевсом.* За такую надпись поэт в насмешку и называет критян лжецами, а далее, еще более усиливая насмешку, говорит: *критяне устроили тебе, царь, гробницу; но ты не умер, потому что существуешь всегда**. Итак, если это свидетельство истинно, то, смотри, какая здесь опасность. Если поэт, как говорит апостол, прав, сказав, что (критяне) лгут, называя Зевса умершим, то здесь большая опасность. Слушайте, возлюбленные, с полным вниманием. Поэт сказал, что критяне лгут, называя Зевса умершим; апостол подтвердил его свидетельство.

---

* См. Феогонию *Епименида.* Те же выражения о критянах встречаются у поэтов *Каллимаха* в гимне Зевсу (стих 8) и у *Гезиода* в Феогонии (стих 26).

Следовательно, по апостолу, Зевс бессмертен, потому что *свидетельство сие,* говорит он, *истинно есть.* Что же сказать на это? Или, лучше, как разрешить это недоумение? Не то сказал апостол, но он просто взял это свидетельство только в отношении к лживому нраву критян; иначе почему он не прибавил и следующих слов: *критяне устроили тебе, царь, гробницу?* Таким образом апостол говорил не об этом, а о том, что хорошо сказал такой-то, что критяне лжецы. Мы не отсюда только заимствуем доказательство, что Зевс не есть Бог; это подтверждается и многими другими доказательствами, а не одним свидетельством критян доказывается ясно. Не в этом отношении (апостол) называет их лживыми; или, лучше, они были лживы и в этом отношении, так как признавали и других богов. За это апостол и назвал их лживыми.

Но спрашивается: почему он приводит свидетельства языческих писателей? Потому, что язычников мы изобличаем особенно тогда, когда приводим близкие к ним свидетельства и обвинения, когда уважаемых ими авторов представляем их обличителями. Поэтому и в другом месте он воспользовался словами: *неведомому Богу.* Афиняне, принявшие не всех богов своих с самого начала, но впоследствии признавшие и несколько других, как, например, гиперборейских, также Пана и великие и малые мистерии, заключая отсюда, что, вероятно, есть еще иной бог, непознанный ими, и желая также в отношении к нему быть благоговейными, поставили ему жертвенник с надписью: *неведомому Богу,* как бы выразив следующее: если есть еще какой-либо неведомый Бог. Поэтому (апостол) и сказал им: *егоже убо не ведуще чтение, сего аз проповедую вам* (Деян. XVII, 23). А слова *сего бо и род есмы* сказаны о Зевсе Аратом, который, сказав сначала: *Зевсом полны пути, наполнено море,* потом прибавил: *мы его и род,* выражая этим, как думаю, то, что мы произошли от Бога. Для чего же Павел сказанное о Зевсе прилагает к Богу всего? Не о Зевсе сказанное он прилагает к Богу, а приличествующее Богу, но несправедливо и неточно приписанное Зевсу он воздает Богу; и самое имя Бог принадлежит только Ему одному, но беззаконно прилагается к идо-

лам. Да и откуда ему следовало бы заимствовать доказательства в беседе с такими слушателями? Из пророков? Но они не поверили бы. Потому и иудеям он не говорит ничего из Евангелий, но из пророков: бых, говорит он, *Иудеем яко Иудей, беззаконным яко беззаконен, подзаконным яко подзаконен* (1 Кор. IX, 20, 21).

2. Так поступает и Бог; например, волхвов Он ведет не через ангела, не через пророка, не через апостола, не через евангелиста, — но как? Посредством звезды. В каком искусстве упражнялись они, тем Он и привел их. Также о коровах, которые везли кивот, говорится: *аще путем пределов своих пойдут,* то это поистине гнев Божий, как полагали жрецы (1 Цар. VI, 9). Итак, (языческие) гадатели говорили истину? Нет, но собственными их устами Бог обличал и укорял их. То же было и с волшебницей (аендорской); так как Саул верил ей, то Бог через нее и открыл ему, что с ним случится в будущем (см.: 1 Цар. XXVIII). Почему же Павел заградил уста бесу, который говорил: *сии человецы раби Бога вышнего суть, иже возвещают нам путь спасения* (Деян. XVI, 17)? Почему и Христос запрещал бесам говорить (см.: Мк. I, 25)? Там (при апостоле) это справедливо сделано, потому что бесу удавалось являть и знамения; и здесь (при Христе) не звезда была, но Сам Он проповедовал о Себе; да и бесы не поклонялись (Ему). Когда говорящим был не идол, то ему не было возбраняемо; так и Валааму Бог попустил изречь благословения, а не воспретил (см.: Чис. XXIII). Так Он везде оказывает снисхождение. Впрочем, чему ты удивляешься? Бог Сам прежде попускал иметь о Нем неточные и недостойные Его понятия, например будто Он телесен, будто Он видим, — а потом против этого говорит: *Дух есть Бог* (Ин. IV, 24); также: будто он радуется жертвоприношениями — что несвойственно Ему; изрекал Он и слова, несоответствующие истинному о Нем понятию; и многое тому подобное, так как Он никогда не взирает на Свое достоинство, но всегда на нашу пользу. Если отец не взирает на свое достоинство, когда лепечет вместе с детьми, называя пищу, яства и напитки не настоящими именами, но какимто детским и варварским наречием, то тем более Бог. Так,

Он через пророка снисходительно укоряет (иудеев), когда говорит: *аще пременища языцы боги своя* (Иер. II, 11); и везде в Писаниях видно снисхождение Его и в словах, и в действиях. *Еяже ради вины,* говорит (апостол), *обличай их нещадно, да здрави будут в вере.* Потому, говорит, обличай их, что они имеют нрав дерзкий, коварный и необузданный; они преданы бесчисленным порокам. Если они склонны ко лжи, коварны, чревоугодливы и беспечны, то для них нужно сильное и обличительное слово: кротостью такой человек не может быть тронут. Итак, *обличай их.* Здесь он говорит не о чужих, но о своих. *Нещадно.* Глубоко, говорит, поражай их. Ведь нужно не со всеми обращаться одинаковым образом, но различно и разнообразно, смотря по обстоятельствам. В настоящем случае он нигде не прибегает к увещаниям, потому что как, укоряя человека послушного и благородного, можно убить его и погубить, так и лаская человека, имеющего нужду в сильном обличении, можно испортить его и не довести до исправления. *Да здрави,* говорит, *будут в вере.* Итак, здоровье состоит в том, чтобы не вводить ничего ложного, ничего чуждого. Если те, которые соблюдают правила касательно пищи, не здоровы, но больны и немощны, – так как *изнемогающего в вере,* говорит (апостол), *приемлите, не в сомнении помышлений* (Рим. XIV, 1), – то что сказать о тех, которые постятся и соблюдают субботу вместе с иудеями, или ходят на места, почитаемые священными у язычников, – разумею место в Дафне, так называемую пещеру Матроны, место в Киликии, называемое Кроновым? Могут ли они быть здоровыми? Поэтому для них нужно сильнейшее обличение. Но почему (апостол) не делает того же в отношении к римлянам? Потому, что их нравы были не такие, но благороднее. *Не внимающе,* говорит, *Иудейским баснем.* Иудейские обычаи – вдвойне басни и потому, что они искажены, и потому, что безвременны. Вообще они *басни.* Раз они не должны выполняться, а при исполнении наносят вред, то они – басни, вещь бесполезная. Таким образом не следует слушаться ни язычников, ни иудеев, потому что это значило бы не быть здоровым. Если ты содержишь веру, то для чего вводишь еще

нечто другое, как будто вера не достаточна для оправдания? Для чего порабощаешь себя и подчиняешь закону? Или ты не осмеливаешься на деле (руководиться одной верой)? Это свойственно слабому и неверующему, — такой человек сомневается, — а душе верующей несвойственно сомневаться. *Вся убо,* говорит (апостол), *чиста чистым.* Видишь ли, к чему сказано было предыдущее? *Оскверненным же,* говорит, *и неверным ничтоже чисто* (ст. 15).

3. Итак, не по природе своей чисты или нечисты (яства), но по произволению принимающего их. Но *осквернися,* говорит, *их и ум и совесть. Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся его, мерзцы суще и непокорней, и на всяко дело благое неискусни* (ст. 16). Следовательно, и свинья — чистое (животное). Почему же было запрещено употреблять ее в пищу, как нечистую (см.: Лев. XI, 7)? Не по природе она была нечиста, потому что (по природе) все чисто; иначе нет ничего не чище рыбы, которая питается и человеческим телом, а между тем была дозволена для употребления в пищу и считалась чистой. Также не было бы ничего не чище курицы, которая ест червей, равно как и оленя, который, говорят, потому и называется оленем, что ест змей; но все это употреблялось в пищу. Почему же свинья и некоторые другие подобные животные были запрещены? Не потому, чтобы они были нечисты, но чтобы более ограничить плотоугодие. Если бы Бог так (прямо) сказал это, иудеи не послушались бы; а теперь страхом нечистоты Он удержал их. Что, скажи мне, не чище вина, если исследовать его? Что не чище воды, которой они преимущественно очищались? Они не прикасались к мертвым, между тем очищали себя (в жертвах) мертвым, так как заколотое — мертво, а они им очищались. Подлинно, детское было их учение. Посмотри еще: вино не от навоза ли получает состав свой? Ведь виноградник всасывает в себя влагу как из земли, так и из лежащего на ней навоза. И вообще, если мы захотим подробно разбирать, все нечисто. Но если решим не разбираться, нет ничего нечистого, а все чисто. Бог не сотворил ничего нечистого; и нет ничего нечистого, кроме одного греха, потому что он касается души и ее оскверняет;

остальное — человеческий предрассудок. *Оскверненным же,* говорит (апостол), *и неверным ничтоже чисто, но осквернися их и ум и совесть.* В чистых может ли быть что-нибудь нечистое? А кто имеет нездоровую душу, тот оскверняет все. Если им овладеет такое настроение, постоянно разбирающее, что чисто и что нечисто, то он, пожалуй, не прикоснется ни к чему. По понятию таких людей, не будет ничего чистого, ни рыба, ни все прочее, — *осквернися,* говорит, *их и ум и совесть,* — но все нечисто. Впрочем, (апостол) не сказал так, — но как? Он приписал все самим людям. Нет ничего, говорит он, нечистого, но нечисты сами они, — их ум и совесть, нечище которых нет ничего. *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся, мерзцы, суще и непокориви, и на всяко дело благое неискусны. Ты же глаголи яже подобает здравому учению* (II, 1). Вот где — нечистота; сами: они — нечисты. Но ты из-за этого не умолкай; хота бы они и не принимали (наставлений), ты исполняй свое дело; хотя бы они и не убеждались, ты увещевай и советуй. Здесь он сильнее всего обличает таких людей. Так ведь и помешанные думают, что ничто на своем месте не стоит; но это происходит не в предметах видимых, а в воспринимающих их глазах. Они сами стоят нетвердо и страдают головокружением, потому и думают, что земля вертится вокруг них, между тем как она не вертится, а стоит твердо; такая безумная мысль происходит от их собственной порчи, а не от порчи внешнего мира. Так и здесь: когда душа нечиста, она все считает нечистым. Следовательно, свойство чистоты — не воздержание от всего, но смелое принятие всего; чистый по природе дерзает на все, а оскверненный — ни на что. Это можно сказать и против Маркиона. Видишь ли, как показателем чистоты является то, чтобы быть выше всякого осквернения, а не касаться ничего служит знаком нечистоты? Так и у Бога. Если Он принял плоть — это показатель Его чистоты; а если бы Он, боясь оскверниться, не принял ее, — это было бы знаком Его нечистоты. Кто не вкушает того, что кажется нечистым, тот нечист и немощен; а кто вкушает, тот не таков. Поэтому не будем называть таких людей чистыми: они нечисты; а кто дерзает на все, тот чист. Эту

благочестивую разборчивость нужно выказывать в отношении к тому, что оскверняет душу, – это подлинно нечистота, это скверна, а все прочее – нет. Те, у кого испорчен вкус, думают, что предлагаемое им нечисто; но это происходит от их болезни. Итак, следует основательно знать, что по природе своей чисто и что нечисто.

4. Что же нечисто? Грех, злоба, корыстолюбие, лукавство. *Измыйтеся,* говорит (пророк), *чисти будете, отъимите лукавства от душ ваших* (Ис. I, 16). *Сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс. L, 12). *Изыдите от среды его, отлучитеся, и нечистоте не прикасайтеся* (Ис. LII, 11). Те (ветхозаветные) очищения были образами (истинного) очищения. *Мертвечине,* говорит (Писание), *да не прикасаетеся* (Лев. XI, 8). И грех есть такая же мертвечина смердящая. *Прокаженный,* говорит, *нечист есть* (Лев. XIII, 15). И грех есть также нечто пестрое и разнообразное. А что на это именно указывается здесь, видно из дальнейшего: если проказа будет постоянно и на всем теле, то человек чист; а если на одной части, то нет. Видишь ли, что нечистым бывает то, что разнообразно и переменно? И еще: *изливаяй семя нечист* в душе (Лев. XV, 4); под изливающим семя разумеется извергающий семя. Также *необрезанный* – нечист (Быт. XVII, 14). Видишь, что это не иносказания, но образы? Здесь разумеется не истребляющий зла в душе своей. Работающий в субботу побивается камнями, – то есть тот, кто не постоянно предан Богу, погибает. Видите, сколько родов нечистоты? *Жена, яже родит,* сказано, *нечиста* (Лев. XII, 2). Почему, скажи мне? Не Сам ли Бог создал семя и рождение? Почему же такая жена нечиста? Не имелось ли здесь в виду что-нибудь другое? Что же такое? Через это Бог внедрял в душу целомудрие, отвлекал ее подальше от прелюбодеяния, потому что, если рождающая нечиста, то тем более – прелюбодействующая. Если прикасаться к своей жене не совсем чисто, то тем более – смешиваться с чужой. Участвующий в *погребении,* сказано, *нечист* (Лев. XXI, 1); тем более – участвующий в убийстве и войне. И много можно найти родов нечистоты, если перечислять все. Теперь же требуется от нас не это, но все перенесено в душу. Телесное ближе к

нам; поэтому при помощи его Бог прежде и наставлял (людей). А теперь не то, потому что не следовало всегда оставаться при образах и тенях, но принять истину и ее держаться.

Грех есть нечистота; его будем избегать, от него будем воздерживаться. *Аще*, говорит (Премудрый), *приступиши к нему, угрызнет тя* (Сир. XXI, 2). Нет ничего нечище корыстолюбия. Откуда это видно? Из самих его действий, потому что чего не оскверняет оно? Оскверняет руки, душу, самый дом, в котором хранится похищенное. У иудеев же это считается ни за что. Между тем у них Моисей нес кости Иосифа, и Сампсон пил из ослиной челюсти и ел мед из челюстей льва, и Илия питался от воронов и вдовицы. Да что, скажи мне, если бы было нужно разбирать в этом подробно, то кожи самих книг Писания не всего ли они не чище? Ведь и они от мертвых животных. Таким образом не один только блудник нечист, но и другие еще более; и прелюбодей нечист. Но тот и другой нечист не от самого смешения, — так как иначе, по той же причине, и прикасающийся к собственной жене нечист, — но от нарушения права и от любостяжания, по которому он присвоил у брата самое необходимое. Видишь, что нечист порок? Имевший двух жен не был нечист; и имевший многих жен — Давид не был нечист: но когда он взял одну жену незаконно, тогда стал нечистым. Почему? Потому, что сделал несправедливость, потому что похитил чужое. И блудник нечист не по самому смешению, но по характеру (своего поступка), потому что он оскорбляет женственность; равно как наносят оскорбление друг другу те, которые делают женщину общей, извращая законы природы, так как ей должно быть женой одного. *Мужа и жену*, говорит (Писание), *сотвори их* (Быт. I, 27), и еще: *будета два в плоть едину* (Быт. II, 24); не многие, но два в *плоть едину*. Таким образом здесь происходит несправедливость; и потому это — порочное дело. Также и гнев, когда превзойдет меру, делает человека нечистым, не от самого волнения, но от свойства его; потому и прибавлено: *гневаяйся* — не просто, но — *всуе* (Мф. V, 22). Итак, стремление

везде к излишеству – нечисто; от жадности и ненасытности рождается нечистота. Будем же бодрствовать, увещеваю вас, будем чисты истинной чистотой, чтобы нам сподобиться узреть Бога, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Старцем трезвенным быти, честным, целомудренным, здравствующим верою, любовью, терпением: старицам такожде во украшении святолепным, не клеветивым, не вину многу порабощенным, доброучителным, да уцеломудрят юныя, мужелюбицам быти, чадолюбицам, целомудренным, чистым, домы добре правящим, благим, покаряющимся своим мужем, да не слово Божие хулится (Тит. II, 2–5)

1. И старость имеет недостатки, которых не имеет юность; она имеет некоторые и из недостатков юности, но, кроме того, ей свойственны леность, медлительность, забывчивость, тупость, раздражительность. Поэтому (апостол) и заповедует: *старцем трезвенным быти*. Человека в этом возрасте многое располагает быть нетрезвенным, и во-первых, то самое, о чем сказал я, то есть притупление всех чувств, слабая возбудимость и неудобоподвижность. Ради этого и прибавляет (апостол): *честным, целомудренным*. Под целомудренными он разумеет здесь рассудительных, потому что целомудрием называется здравое состояние ума. Есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые и нерассудительные, иные от вина, другие от скорби: старость ведь делает (людей) малодушными. *Здравствующим верою, любовию, терпением*. Хорошо сказал он: *терпением;* это особенно прилично старцам. *Старицам такожде во украшении святолепным*, то есть самой внешностью и одеждой показывающим скромность. *Не клеветивым, не вину многу порабощенным*. Этот недостаток особенно свойствен женам и старости, так как с летами человек охлаждается, и отсюда происходит сильное расположение к вину. Вот почему

(апостол) особенно предостерегает их от этого, повсюду изводя пьянство и желая, чтобы они были свободны от этой болезни и избегали происходящего от ней посрамления. С течением времени легче поднимаются испарения снизу вверх и мозговые перепонки повреждаются от старости; отсюда главным образом и происходит опьянение. Правда, этот возраст имеет особенную нужду в вине, — потому что он слаб, — но не в большом количестве вина, равно как и молодые (девы), правда не по этой причине, но потому, что у них сильно воспламеняется огонь пожелания. *Доброучителныь.* Ведь учить ты запрещаешь женам? Как же ты здесь дозволяешь, сказав в другом месте: *жене же учити не повелеваю* (1 Тим. II, 12)? Но послушай, что он прибавил к этому: *ниже владети мужем.* Мужам исстари предоставлено учить как мужей, так и жен; а женам он позволяет предлагать увещания дома, а отнюдь не позволяет председательствовать (в церкви), или вести продолжительную речь. Потому и присовокупляет: ниже *владети мужем. Да уцеломудрят,* говорит, *юныя.*

2. Видишь, как он связывает и сопоставляет людей, как подчиняет младших женщин старшим? Не о дочерях он говорит здесь, но вообще о младших по возрасту. Каждая старшая, говорит, пусть вразумляет младшую. *Мужелюбицам быти.* Это — важнейшее из домашних благ. *Жена,* говорит (Премудрый), с мужем *согласна* (Сир. XXV, 2). Когда есть это, тогда не будет ничего неприятного. Когда голова в союзе с телом и нет между ними никакого разделения, то не будет ли и все остальное умиротворенным? Когда главные члены в мире, то кто может нарушить и возмутить этот мир? Напротив, если они находятся в худых между собой отношениях, то в доме не будет ничего порядочного. Нет ничего лучше взаимного их согласия; оно полезнее богатства, благородства, власти и всего другого. Не просто сказал (апостол): должны быть в мире, но: любить мужей, потому что, когда будет между ними любовь, то не проникнет к ним никакое разногласие; от нее рождаются и прочие блага. *Чадолюбицам.* Хорошо сказал он. Если кто любит корень, то плоды — тем более. *Целомудренным, чистым, домы,*

добре правящим, благим. Все происходит от любви; и добрыми и попечительными о доме жены бывают от любви и привязанности к мужу. *Покоряющимся своим мужем, да не слово Божие хулится.* Напротив, жена, презирающая мужа, нерадит и о доме. От любви происходит постоянное целомудрие, от любви уничтожается всякий раздор; если муж будет язычник, то он скоро уверует; если – христианин, то будет лучше. Видишь ли снисхождение Павла? Тот, кто всячески старался отклонить нас от забот житейских, теперь выказывает великое попечение о делах домашних, потому что, когда эти дела будут хорошо устроены, тогда и духовные найдут себе место, а иначе и они расстроятся. Жена, попечительная о доме, будет и целомудренной, будет и бережливой; она не станет допускать ни роскоши, ни несвоевременных расходов, ни чего-нибудь другого подобного. *Да не слово Божие,* говорит, *хулится.* Видишь ли, что он преимущественно заботится о проповеди, а не о мирских делах? Так и в послании к Тимофею он говорит: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. II, 2); и здесь: *да не слово Божие хулится.* Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то обыкновенно происходит хула на Бога; если же она украшена добродетелью, то проповедь приобретает славу от нее и добрых дел ее. Пусть выслушают это жены, живущие с злыми, или неверными мужьями, пусть выслушают и научатся собственным примером привлекать их к благочестию. Если ты и не приобретешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, то по крайней мере заградишь ему уста и не допустишь хулить христианство. А это не маловажное, но весьма большое дело – чтобы наше учение уважалось за наше поведение. *Юноши такожде моли целомудрствовати* (ст. 6). Видишь, как он везде внушает соблюдать должное. Наставление женщин он предоставил преимущественно женщинам, поручив старшим младших; а все дело наставления мужей поручает и предоставляет самому (Титу). Ничто, поистине ничто не бывает так трудно и тяжело для молодого возраста, как преодолевать постыдные

удовольствия. Не столько любовь к деньгам, или желание славы, или что-нибудь другое смущает этот возраст, сколько сладострастие. Поэтому (апостол), оставив все другое, и направляет свое увещание против этого недостатка возраста. Впрочем, он не оставляет без внимания и других нужд, — но что́ говорит? О *всем же сам себе подавая образ добрых дел* (ст. 7). Пусть, говорит, старшие женщины научают младших, а сам ты поучай молодых людей целомудрию; для всех же пусть будет общим училищем и образцом добродетели твоя светлая жизнь, открытая всем, как бы некоторый первоначальный образ, заключающий в себе все достоинства и без труда дающий примеры добра для желающих в чем-нибудь сообразоваться с ним. *Во учении, целость, честность, нетление, слово здравое, незазорное, да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно* (ст. 8).

3. *Противным* (апостол) называет диавола и всякого, кто служит ему. Когда и жизнь (учителя) светла, и слово соответствует ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно, и не подает противникам никакого повода для придирок, то бывает великая и несказанная польза. Следовательно, весьма нужно служение слова, слова не какого-нибудь, но, искусного и безукоризненного, которое не подавало бы ни в чем никакого повода к нареканию желающим этого. *Рабы своим господем повиноватися, во всем благоугодным быти* (ст. 9). А выше что́ он сказал? *Да противнии посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно.* Поэтому достоин осуждения тот, кто отлучает жен от мужей под предлогом воздержания или кто отделяет слуг от господ под тем же предлогом. Такое слово не безукоризненно; оно подает неверующим большое основание к нареканию и открывает уста всех против нас. *Рабы своим господем повиноватися, во всем благоугодным быти, не прекословным, не крадущим, но веру всяку являющим благу, да учение Спасителя нашего Бога украшают во всем* (ст. 10). Справедливо говорит он и в другом месте: *служаще якоже Господу, а не яко человеком* (Еф. VI, 7), потому что, хотя ты и с охотой служишь господину, но твое служение имеет свое начало в страхе. Отсюда тот, кто служит (господину) с таким страхом, получит величайшие награды.

Если раб не воздерживает своей руки и не обуздывает языка, то с какой стати язычники будут удивляться нашему учению? Если же они увидят раба любомудрствующим во Христе, показывающим большее воздержание, чем их философы, и служащим с великой готовностью и усердием, то несомненно будут удивляться силе проповеди. Ведь язычники судят о догматах не по учению, а по делам и жизни. Пусть же будут для них учителями и жены, и рабы — своим поведением. И у них, и везде признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень невосприимчивы к наставлениям в добродетели, — не от природы, нет, но от обращения и нерадения о них господ их, так как везде владеющие ими не заботятся ни о чем другом, как только об их службе, а если иногда заботятся и об их нравах, то делают это также для своего собственного спокойствия, чтобы не вверять дел своих людям распутным, ворам или пьяницам. Естественно, что они, будучи оставлены без всякого попечения и не имея никого, кто бы заботился о них, погружаются в самую бездну зла. Ведь, если даже там, где наблюдают и отец, и мать, и приставник, и воспитатель, и учитель, и сверстники, где (возвышает человека) сознание о своем благородном происхождении и многое другое, если и там редко кто избегает сообщества с людьми порочными, — то что думать о тех, которые лишены всего этого, которые соприкасаются с людьми развратными, без всякой осторожности обращаются с кем захотят и не имеют никого, кто бы заботился об их знакомствах? Подумай, что будет с такими? Вот отчего трудно рабу быть добродетельным. А с другой стороны, они не получают и наставлений ни от посторонних, ни от нас, не обращаются с людьми свободными, хорошими и заботящимися о своей чести. По всем этим причинам трудное и даже удивительное дело, чтобы раб когда-нибудь стал честным. Когда же язычники увидят, что сила проповеди, обуздав этот грубый род людей, сделала их честнейшими и скромнейшими из всех, то, хотя бы господа были самые безрассудные из людей, они получат высокое понятие о наших догматах. Очевидно, что, приняв в свою душу страх вос-

кресения, суда и всего другого, чему мы полагаем быть после смерти, только таким образом они и имели возможность отстать от зла, (то есть) внедрив в свою душу страх, отвлекающий от наслаждения пороками. Следовательно, не напрасно и неспроста (апостол) так часто говорит об этом, потому что, чем более злы такие люди, тем более будут удивляться силе проповеди. И врачу мы удивляемся тогда, когда человека отчаянного, не принимающего никакой помощи, не имеющего сил удержать себя от непристойных пожеланий и непрестанно предающегося им, он исцелит и исправит. И смотри, чего требует (апостол) от рабов: того, что всего более успокаивает господина. *Не прекословным, не крадущим,* то есть чтобы они оказывали великое усердие к тому, что им поручается, чтобы в отношении к господам своим были особенно добры и послушны их приказаниям.

4. Не думайте, что я напрасно распространился теперь об этом; я хочу далее обратить речь к слугам. Итак, возлюбленный, не на то смотри, что ты служишь человеку, но на то, что служишь Богу и украшаешь собой учение (Христово), – и ты сможешь исполнить все, повинуясь господину и перенося от него напрасные обиды и неприятности. Помни, что не ему ты угождаешь, но исполняешь повеление Божие, – и ты легко перенесешь все. Как я говорю всегда, так скажу и теперь: если мы будем преуспевать в делах духовных, то и блага настоящей жизни приложатся нам. Такого слугу, столь благонравного и столь послушного, не только примет Бог и удостоит светлых венцов, но и сам господин, удовлетворенный его услугами, хотя бы он был зверем, хотя бы он был каменным, бесчеловечным и жестоким, будет хвалить и уважать, окажет ему предпочтение перед всеми другими и вверит ему власть над остальными, хотя бы этот господин был даже язычником. А что слуге нужно быть таким, хотя бы господа его были язычниками, на это, если хотите, я приведу вам и пример. Иосиф был продан начальнику фараоновой кухни и был иной веры, не египетской. Что же тот? Видя добродетель юноши, господин не думал о различии веры, но полюбил его, оказывал

ему дружбу и уважение, вверил ему полное начальство над другими, и сам при нем не смотрел ни за чем в доме; слуга сделался вторым господином, или, лучше, важнее самого господина, так как тот не знал своего дела, а этот знал свои обязанности лучше самого господина. И впоследствии, когда он поверил жене своей, произнесшей на Иосифа преступную клевету, мне кажется, он из уважения к прежнему почету и достоинству честного слуги ограничил гнев свой только заключением его в темницу. Если бы он не знал хорошо этого человека и не уважал его за прежние заслуги, то немедленно умертвил бы его и пронзил бы тело его мечом. *Исполнена бо,* говорит (Премудрый), *ревности ярость мужа: не изменит ни единою ценою вражды, ниже разрешится многими дарми* (Притч. VI, 34, 35). Если же такова ревность всякого мужа, то тем более этого, египтянина и варвара, оскорбленного, как он думал, человеком, которого он удостоил чести. Все вы, конечно, знаете, что не все оскорбления одинаково язвят нас, но сильнее других и мучительнее те, которые бывают от людей, благорасположенных к нам; зло, причиняемое нам людьми, которым мы верили и которые нам верили и получили от нас множество благодеяний, особенно мучит и огорчает нас. Египтянин не подумал сам в себе и не сказал: ужели этот человек, которого я взял в слуги, вверил ему все в доме, сделал его свободным и чуть не больше себя, отплатил мне таким воздаянием? Ничего такого он не сказал: так связало душу его прежнее уважение к слуге! И что удивительного, если Иосиф пользовался в доме его такой честью, когда и в темнице, посмотри, каким он пользовался уважением? Вы знаете, как привыкают к жестокостям те, которым поручены темницы: они извлекают для себя пользу из чужих несчастий, и кого другие питают в страданиях, тех они грабят, получая выгоды, достойные многих слез, поступая жесточе диких зверей, так как чем можно было бы облегчить страдания заключенных, то они присваивают себе. И не одно это примем во внимание, но и то, как неодинаково они обращаются со всеми заключенными. Тех, которые подверглись клевете, осуждены и заключены по неважной причине,

они, может быть, и милуют; но тем, которые заключены за постыдные, тяжкие и наглые преступления, они наносят тысячи ударов. Таким образом темничный страж должен был обращаться жестоко не только по своему нраву, но и по той причине, по которой Иосиф был заключен в темницу. Кого не вооружил бы против себя юноша, пользовавшийся такой честью, заподозренный в покушении на честь госпожи и отплативший таким воздаянием своему благодетелю? Так, представляя все это, и (прежнюю) честь заключенного, и дело, за которое он заключен, темничный страж не стал ли бы обходиться с ним свирепее всякого зверя? Но выше всего этого была надежда Иосифа на Бога; так добродетель душевная умеет укрощать и диких зверей. Той же покорностью, которой он расположил к себе господина, он расположил к себе и темничного стража; и опять он сделался начальником, в темнице так же приобрел власть, как и в доме. Готовясь властвовать, он сначала научился как следует сам повиноваться и повинуясь был начальником и правителем дома.

5. Если тому, кто приглашается к власти церковной, Павел говорит: *аще кто своего дому не умеет правити, како о церкви Божией прилежати возможет* (Тим. III, 5), то и всякому, достигающему начальства, нужно прежде хорошо управлять собственным домом. Иосиф начальствовал и в темнице не как в темнице, но как в доме. Всем он облегчал несчастья и управлял заключенными, как бы своими членами, не только оказывая им участие и помощь в их страданиях, но, если даже видел кого-нибудь задумчивым, подходил к нему и осведомлялся о причине, и не мог видеть никого печальным без того, чтобы не утешить его в скорби, хотя иной не оказал бы такой любви даже к детям. Отсюда и получили начало все благие последствия, так как наперед должно быть то, что зависит от нас, а потом будет и то, что зависит от Бога. А что Иосиф действительно оказывал сострадание н участие, об этом говорит Писание. Видя евнухов, заключенных фараоном, главного виночерпия и главного хлебодара, он спрашивал их: *что, яко лица ваша унъла днесь* (Быт. XL, 7)? И не из этого только, но и

из того, как поступили они, можно видеть добродетель этого мужа. Они, будучи царскими слугами, не презрели его и не оттолкнули его, как раздраженные скорбью, но открыли ему все свои обстоятельства, как родному брату, умеющему соболезновать им. Это все я говорю в доказательство того, что добродетельного человека, хотя бы он находился в рабстве, хотя бы в плену, хотя бы в темнице, хотя бы под самой землей, ничто сокрушить не может. Говорю это для убеждения рабов, что, хотя бы господа их были такие же звери, как этот египтянин, хотя бы были столь жестоки, как этот темничный страж, хотя бы были язычники, как эти люди, и вообще каковы бы ни были, они смогут расположить их к себе и вскоре смягчить. Нет ничего привлекательнее добрых нравов; нет ничего приятнее и любезнее покорности, кротости и послушания. Такой человек угоден всем. Такой человек не стыдится рабства и не убегает ни от бедного, ни от больного и страждущего, потому что эта добродетель торжествует над всем и преодолевает все. Если же она имеет такую силу в рабах, то насколько более в свободных? Поэтому будем упражняться в этом все мы – и рабы, и свободные, и жены, и мужья; таким образом мы будем угодны и людям, и Богу, и людям не только добрым, но и злым, и особенно последним, потому что они особенно стыдятся и уважают таких людей. Как подчиненные более боятся кротких начальников, так и люди порочные – добродетельных, видя, чего недостает им самим. Таков плод добродетели; поэтому будем стремиться к ней, будем приобретать ее. Если мы будем иметь ее, то не будет для нас ничего тяжелого, но все легко, все удобно. Хотя бы нам предстояло пройти сквозь огонь или воду, все уступить и преклониться перед добродетелью, даже сама смерть. Итак, будем ревновать по ней, чтобы нам сподобиться и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА V

Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце: ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: иже дал есть себе за ны, да избавит ны от всякаго беззакония, и очистит себе люди избранны, ревнители добрым делом (Тит. II, 11–14)

1. Заповедав рабам иметь великую добродетель, – потому что подлинно великая добродетель – украшать во всем учении Бога и Спасителя нашего и не подавать господам никакого повода к неудовольствию, даже в мелочах, – (апостол) приводит и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же именно? *Явися* бо, говорит он, *благодать Божия спасительная.* Те, которые имеют своим учителем Бога и получили отпущение бесчисленных грехов, как могут не быть такими, какими я только что изобразил их? Вы знаете, что немало пристыжает и вразумляет душу между прочим и то, что она, будучи виновна в бесчисленных грехах, не подверглась наказанию, но получила прощение и множество благ. Если бы кто-нибудь, имея раба, провинившегося множество раз, не наказал его ремнями, но даровал бы ему прощение, потребовал бы от него исправления на будущее время, приказал бы ему остерегаться от тех же проступков и почтил бы его великими дарами, – то, скажи мне, ужели не исправился бы получивший такую милость? Впрочем, не подумай, будто благодать состоит не только в прощении прежних грехов, но ограждает нас и на будущее время, хотя и это зависит от благодати. Если бы она избавляла делающих зло от наказания навсегда, то она была бы не благодатью, а некоторым поводом к развращению и погибели. *Явися* бо, говорит (апостол), *благодать Божия, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце: ждуще блаженнаго упования и явления славы, великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.* Видишь,

как наряду с наградами он ставит и добродетель? И это дело благодати, чтобы отклонять от забот житейских и возводить к небу. Здесь он указывает на два явления (Христовы); и подлинно их два — первое благодатное, а второе для воздаяния и правосудия. *Да отвергшеся*, говорит, *нечестия и мирских похотей*. Вот основание всякой добродетели! Не сказал: чтобы мы избегали, но: *да отвергшеся;* отвержение означает большее удаление, большую ненависть, большее отвращение. С каким расположением, с какой ревностью мы отвергли идолов, с такой же, говорит, отвергнем и нечестие, и мирские похоти. Ведь и это — идолы, то есть мирская похоть и любостяжание; и это он называет идолослужением. А мирские похоти — все то, что приносит нам пользу только для настоящей жизни; все, что исчезает вместе с настоящей жизнью, есть мирская похоть. Поэтому мы не должны иметь к этому никакого отношения. Христос пришел для того, чтобы мы отверглись *нечестия*. Нечестием он называет (нечестивое) учение, а мирскими похотями — порочную жизнь. *Целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце.*

2. Видишь, что целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы быть свободными и от прочих страстей? Следовательно, и любостяжательный — нецеломудрен; как тот (прелюбодей) пристрастен к телесному наслаждению, так этот (любостяжательный) — к богатству; даже последний невоздержнее первого тем более, чем менее сильное влечение управляет им. Так и всадник, не тот считается особенно бессильным, который не в состоянии сдержать коня быстрого и неукротимого, а тот, который не может совладать с конем смирным и послушным. Ужели так? Ужели страсть к богатству слабее, нежели страсть к телесному наслаждению? Это всем известно и открывается из многого. Во-первых, страсть к телесному наслаждению происходит в нас необходимо; как происходящая необходимо, она и обуздывается с великим трудом, потому что она внедрена в нас от природы. Во-вторых, древние мало рассуждали о страсти к богатству, а о страсти к женщинам много, ради

сохранения целомудрия. Живущего законным образом с женой даже до старости никто не станет осуждать; а корыстолюбивого (осуждают) все; и даже из внешних (языческих) философов многие презирали богатство, а женщин — никогда. Так эта страсть сильнее той. Но, так как слово наше обращено к Церкви, то будем приводить доказательства не отвне, а от Писаний. О любостяжании блаженный (Павел) почти в виде заповеди говорит так: *имеюще пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8); а о женах так: *не лишайте себе друг друга, точию по согласию, и паки вкупе собирайтеся* (1 Кор. VII, 5).

И часто он преподает правила касательно законного сожития. Он позволяет удовлетворять это пожелание и вступать во второй брак, с великим попечением говорит об этом предмете и нигде не подвергает за это наказанию; а преданных корыстолюбию везде осуждает. Также и Христос касательно богатства многократно заповедал, чтобы мы убегали проистекающего от него вреда; а о воздержании от жены (говорил) не так. О богатстве, послушай, что говорит Он: *иже не отречется всего своего имения* (Лк. XIV, 33); но нигде не сказал: иже не отречется жены, потому что знал, какое Он этим установил бы насилие. И блаженный Павел говорит: *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4); между тем попечения о богатстве он нигде не называет честным, а напротив. И Тимофею пишет он: *хотящии богатитися впадают в напасти и сети и в похоти многи несмысленны и вреждающия* (1 Тим. VI, 9). Не сказал: хотящий приобретать, но: *богатитися.* Но чтобы вы убедились в этом и на основании общих суждений, необходимо привести и такие доказательства. Так, кто однажды лишился богатства, тот не будет волноваться страстью к нему, потому что ничто так не возбуждает страсти к богатству, как обладание им. А страсть к телесному наслаждению не такова, но многие, и оскопив себя, не уничтожали мучащего их внутреннего огня, потому что эта страсть, внедренная в нас от природы, остается в прочих членах. К чему же мы сказали все это? К тому, что любостяжательные тем невоздержнее прелюбодеев, чем менее сильной они возмущаются страстью; а скорее

всего это происходит у них не от страсти, а от нерадения (о благах духовных). Там пожелание так естественно, что, хотя бы иной и не приближался к жене, природа действует и производит свое; а здесь так не бывает. *И благочестно поживем в нынешнем веце.* А какая надежда? Какая награда за труды? *Ждуще,* говорит, *блаженнаго упования и явления.* Поистине, нет ничего блаженнее, нет ничего желаннее такой награды; ее невозможно даже выразить словом, так как будущие блага превышают ум. *Ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего.* Где те, которые говорят, будто Сын меньше Отца? *Великаго,* говорит (апостол), Бога и *Спаса нашего.* Если Он спас врагов, то чего не сделает, приняв благоугождающих Ему? *Великаго Бога.* Когда он называет Бога великим, то называет великим не по отношению к чему-нибудь, но безусловно великим, таким, после которого уже никто не велик, потому что всякий другой велик только относительно; если же — относительно, то велик по сравнению, а не по природе; Он же велик без сравнения. *Иже дал есть себе за ны, да, избавит ны от всякаго беззакония, и очистит себе люди избранны,* то есть отдельных, не имеющих ничего общего с остальными. *Ревнители добрым делом.* Видишь ли, что и мы должны исполнять должное со своей стороны? Он не просто требует дел, но быть *ревнителями,* то есть стремящимися к добродетели с великим рвением и с надлежащим усердием. Избавить обремененных множеством зол и исцелить неизлечимо больных — было делом Его человеколюбия; а дальнейшее есть дело и наше и Его. *Сия глаголи, и моли, и обличай со всяким повелением* (ст. 15).

3. *Сия глаголи, и моли.* Посмотри, как в послании к Тимофею он заповедует: *проповедуй, обличи, запрети* (2 Тим. IV, 2), а здесь говорит: *сия глаголи, и моли, и обличай со всяким повелением.* Нравы этих людей были грубее: потому он и повелевает (Титу) обличать их строго и со всякой властью. Есть грехи, от которых нужно отклонять повелениями, как то: презирать богатство нужно склонять убеждениями, то же — быть послушными и т. п.; а исправлять прелюбодея, блудника и корыстолюбца нужно с *повелением;* чародея же, волшеб-

ника и тому подобных людей (нужно обличать) не просто с повелением, но *со всяким повелением.* Видишь, с какой силой и великой властью советует он действовать Титу? *Да никтоже тя презирает. Воспоминай тем началствующим и владеющим повиноватися и покарятися, и ко всякому делу благу готовым быти, ни единаго хулити, не сварливым быти* (1, 2).

Как? Неужели не укорять и тех, которые делают зло? *Ко всякому делу благу готовым быти, ни единаго хулити.* Послушаемся его внушения; *ни единаго,* говорит он, *хулити.* Уста наши должны быть чисты от укоризн, так как, хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дело высказывать их; исследовать – дело судьи; *ты же,* говорит (апостол), *почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Если же твои укоризны несправедливы, то смотри, какой огонь ожидает тебя; послушай разбойника, который говорит другому разбойнику: *ни ли ты боишися Бога, яко в томже осужден еси,* и то же испытание мы проходим (Лк. XXIII, 40)? Если ты поносишь других, то скоро и сам подвергнешься тому же. Поэтому блаженный (Павел) и предлагает такое увещание: *темже мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12). *Не сварливым быти, но тихим, всяку являющим кротость ко всем человеком,* к эллинам и иудеям, порочным и злым. Там (апостол) устрашает будущим: *мняйся стояти,* говорит, *да блюдется, да не падет;* здесь же вразумляет не будущим, а прошедшим, продолжая так: *бехом бо иногда и мы несмысленни* (ст. 3). То же самое говорит он и в послании к Галатам: *такожде и мы, егда бехом млади, под стихиями бехом мира порабощени* (Гал. IV, 3). Итак, никого не порицай, потому что и ты был таким же. *Бехом бо иногда,* говорит, *и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотем и сластем различным, в злобе и зависти живуще, мерзцы, суще, и ненавидяще друг друга.* Таким образом со всеми такого рода людьми мы должны вести себя кротко. Бывший прежде таким и изменившийся не должен укорять подобных людей, но молиться и благодарить Дарующего ему и им освобождение от прежних зол. Никто не должен хвалиться, поскольку все согрешили. Итак, когда ты, будучи сам исправен, хочешь порицать кого-нибудь, то вспомни о своей прежней жизни и неизве-

стности будущего, и удержи свое негодование. Если бы ты с самого детства жил добродетельно, однако и тогда ты имел бы много грехов; а если не имеешь их, как ты думаешь, то знай, что это зависит не от твоей добродетели, но от благодати Божией; если бы Он не призвал (к вере) твоих предков, то и ты был бы неверным. Смотри, как (апостол) исчислил все пороки. Не тысячекратно ли Бог и через пророков и всеми мерами делал нам внушения? Слушались ли мы? *Бехом бо иногда и мы прельщени. Егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога* (ст. 4). Каким образом? *Не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго* (ст. 5). Увы, так глубоко были мы погружены во зле, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении; ведь это — подлинно новое бытие. Как под сгнивший дом никто не подставляет подпор и не приколачивает ничего к старому зданию, но, разрушив его до основания, снова воздвигает и возобновляет, так поступил и Он: не подправил нас, но переустроил заново. Это означают слова: и *обновления Духа Святаго*. Он сполна сделал нас новыми. Каким образом? Через Духа (Святого). И далее, выражая то же самое иначе, (апостол) говорит: *егоже излия на нас обильно Иисус Христом Спасителем нашим* (ст. 6). Столь великую мы имеем нужду в благодати! *Да оправдившеся благодатию его,* — опять благодатью, а не заслугами, — *наследницы будем по упованию жизни веяния* (ст. 7). Это вместе и побуждение к смиренномудрию, и надежда на будущее. Если Бог спас нас, бывших в таком отчаянном состоянии, что мы не имели ничего доброго, и потому нам нужно было родиться снова и спасаться благодатью, то тем более Он сделает это в будущем.

4. До пришествия Христова было всего хуже человеческое зверство; все были как будто врагами и противниками друг другу; отцы закалали своих детей, матери бесновались страстью к сыновьям; не было ничего твердого, — ни закона естественного, ни закона писаного, — но все извращено. Постоянные прелюбодейства, убийства, и что, пожалуй, хуже убийств — кражи. Некто из внешних (языч-

ников) говорит, что все это считалось даже делом добродетельным; и неудивительно, когда они почитали и бога таким; зачастую исходили от оракула повеления убить того или другого.

Сказать ли о чем-нибудь из тогдашнего времени? Некто Андрогей, сын Миноя, придя в Афины и одержав победу в борьбе, был наказан и убит. Аполлон, врачуя зло злом, приказал принести в жертву за него дважды семь отроков. Что может быть жесточе такого насилия? И однако это было, и человек, приступивший к исполнению безумного повеления беса, заколол бы детей, — у язычников это заблуждение было сильно, — но так как другие восстали и отомстили за себя, то дело не исполнилось. Если бы это было дело справедливое, то не следовало бы мешать его исполнению; а если — несправедливое, как это и было в действительности, то не нужно было и сначала давать такого повеления. Они поклонялись кулачным бойцам и борцам. У них были постоянные междоусобные войны в городах, в деревнях, в семействах. Они блудодействовали с мальчиками; один философ даже узаконил не позволять рабу блудодействовать с мальчиками и натираться мазью, как будто бы это было делом благородным и заслуживающим особенного уважения. Поэтому в домах они открыто совершали такие дела; и если бы рассказать все, что делалось у них, то всякий ясно увидел бы, что они оскорбляли саму природу, — и никто у них не запрещал этого. Все их драмы полны тем же прелюбодейством, невоздержанием, распутством. Ночные собрания их были развратны, и женщины приглашались для зрелища. О, бесстыдство! На зрелищах проводили всю ночь, и девицы сидели между страстными юношами и пьяной толпой. Их торжества были тьмой, и все совершаемое ими — мерзостью. Поэтому и говорит (апостол): *бехом бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прелщени, работающе похотем и сластем различным.* Один из них, говорят, имел преступную связь с мачехой, а она — с пасынком, и удавилась. О страсти же к мальчикам, которая обыкновенно называлась любовной забавой, и говорит не нужно. Но это что! Хочешь ли видеть браки сыновей с матерями? У них и это

бывало и, что особенно ужасно, делалось бессознательно, и боги их не запрещали этого, а, напротив, снисходительно смотрели на искажение природы, совершаемое притом людьми знатными. А когда те, которым нужно было держаться добродетели, если не для чего иного, то по крайней мере для приобретения славы от народа, были так склонны к нечестию, тогда что должно было совершаться в народе, между людьми, живущими в неизвестности? Что может быть гнуснее такого сладострастия? Одна влюбилась в постороннего мужчину и в угоду прелюбодею убила пришедшего к ней мужа. Может быть, многие из вас знают это происшествие. Сын убитого убил прелюбодея, заколол и изменницу; потом пришел в бешенство, как бы преследуемый фуриями; а впоследствии сам, воспламенившись страстью, убил другого и взял себе жену его. Что может быть хуже таких зол? Привожу эти примеры из внешних (языческих писателей) для того, чтобы показать язычникам, какое зло господствовало тогда во вселенной. Но, если угодно, приведем примеры и из наших (Писаний). *И пожроша*, говорит (псалмопевец), *сыны своя и дщери своя бесовом* (Пс. CV, 37). Также и жители Содома погибли не за что иное, как за блудодеяние с мальчиками. И в начале земной жизни Христовой дочь царя, проплясав на пиршестве среди упившихся, не потребовала ли убийства, не потребовала ли в награду за пляску главы пророка? *Кто возглаголет силы Господни* (Пс. CV, 2)? *Мерзцы суще*, говорит (апостол), *и ненавидяще друг друга*, так как неизбежно должна произойти великая ненависть, когда мы допустим к душе все наслаждения. Почему? Потому, что только там никто не обижает другого, где любовь соединена с добродетелью. Смотри, что говорит Павел: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы, царствия Божия не наследят. И сими убо нецыи бесте* (1 Кор. VI, 9, 11). Видишь, как господствовали тогда все виды зла, как велик был мрак, как нарушалась справедливость? Если имевшие у себя пророчества и видевшие столько зол как у себя, так и у врагов своих не воздерживались однако, но совершали множество новых

злодеяний, то что сказать о других? У них некто повелел бороться нагим девицам перед глазами мужчин. Да подаст вам Бог великие блага за то, что вы не хотите даже слышать об этом; а у них этого дела не стыдились даже философы. Другой философ, главный между ними (Платон), повелевает женщинам ходить на войну и быть общими, словно какой сводник и развратитель. В *злобе и зависти живуще*, говорит (апостол). Если философы их узаконивали подобные дела, то что сказать о тех, которые не были философами? Если носившие длинные бороды и одевавшиеся в плащи говорили так, то что сказать о других? Нет, человек, не для того сотворена жена, чтобы она была общей для всех. О, вы, извращающие все, блудодействующие с мужчинами, как с женщинами, а женщин выводящие на войну, как мужчин! Поистине это диавольское дело – все перемешивать и извращать, колебать положенные изначала законы и нарушать то, что установил Бог в природе. Жене Бог назначил заботиться только о делах домашних, а мужу – исполнять дела общественные. Ты же ставишь голову на место ног, а ноги на место головы, вооружаешь женщин, и не стыдишься? Но что я говорю об этом? Они вводят к себе какую-нибудь женщину, даже убившую своих детей, и не краснеют и не стыдятся, передавая вслух такие мерзкие рассказы. *Егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, егоже излия на нас обильно Иисус Христом Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию его, наследницы будем по упованию жизни вечныя.* Что значит: *по упованию?* То есть как надеялись, так и получим, или: вы уже – наследники этого. *Верно слово* (ст. 8). Так как он говорит о будущем, а не о настоящем, то прибавляет и это для удостоверения. Это истинно, говорит, и ясно из предшествующего. Тот, кто избавил нас от такого беззакония и таких зол, без сомнения, подаст нам и будущие блага, если мы пребудем в благодати, потому что все совершается одним и тем же промыслом.

5. Итак, будем благодарить Бога и не будем порицать и обвинять других, а лучше – убеждать их, молиться за них,

советовать, увещевать, хотя бы они оскорбляли нас, хотя бы отвергали нас, — потому что таковы бывают больные. Пекущиеся о здоровье больных переносят все, принимают все меры, хотя бы не видели никакого успеха, чтобы после не упрекать самих себя в нерадении. Разве не знаете, как часто, когда врач отчаивается в больном, кто-нибудь из родственников говорит ему: продолжи еще лечение и не упускай ничего, чтобы после мне не жаловаться на себя, не бранить себя, не обвинять. Не видите ли, какое имеют попечение родные о своих близких? Сколько делают для них, и призывая врачей, и постоянно сидя около них? Будем подражать по крайней мере им, хотя здесь неодинаковы предметы попечения. Между тем ныне, если дитя заболит телом, то никто не откажется предпринять далекое путешествие, чтобы избавить его от болезни; а когда болит душа, то никто ничего не делает, но все остаемся равнодушными, все — беспечными, все — невнимательными, не заботясь ни о детях, ни о женах, ни о нас самих, одержимых этой тяжкой болезнью; лишь позднее приходим в чувство. Представьте же, как стыдно и крайне смешно говорить после: мы не полагали, мы не ожидали этого; и не только стыдно, но и опасно. Если в настоящей жизни только неразумным свойственно — не предусматривать будущего, то тем более в отношении к жизни будущей, когда многие советуют нам и говорят, что должно делать и чего не должно. Будем же держаться этой надежды, станем заботиться о нашем спасении и во всем обращаться с молитвой к Богу, чтобы Он подал нам руку помощи. Докуда же мы будем беспечны? Докуда нерадивы? Докуда будем оставлять без внимания и самих себя, и своих ближних? Он обильно излил на нас благодать Духа. Будем же помнить, какую великую благодать Он явил нам, и постараемся с своей стороны оказать такое же усердие; или, если такое невозможно, то хотя меньшее. Коль скоро и после такой благодати мы останемся бесчувственными, то нас постигнет величайшее наказание. *Аще не бых пришел и глаголал им,* говорит (Господь), *греха не быша имели: ныне же извинения не имут* (Ин. XV, 22). Пусть не будет, чтобы это сказано было

о нас, но пусть будет, чтобы все мы удостоились благ, обещанных любящим Его, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

И о сих хощу тя утвердити, да пекутся добрым делом прилежати веровавшии Богу. Сия суть полезна человеком и добра. Буих же стязаний и родословий и рвений и сваров законных отступай: суть бо неполезны и суетны. Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый, и согрешает, и есть самоосужден (Тит. III, 8—11)

1. Сказав о человеколюбии Божием, о неизреченном Его попечении о нас и о том, каковы мы были и какими Он сделал нас, (апостол) продолжает: *и о сих хощу тя утвердити, да пекутся добрым делом прилежати веровавшии Богу*, то есть об этом беседовать и таким образом располагать к милосердию, потому что вышесказанное может расположить нас не только к смиренномудрию и к тому, чтобы мы не гордились и не порицали других, но и ко всякой другой добродетели. Так он говорит и в послании к Коринфянам: *весте яко Господь обнища, богат сый, да вы, нищетою его обогатитеся* (2 Кор. VIII, 9). Напомнив о попечении Божием и необычайном Его человеколюбии, он убеждает их быть милосердыми, и притом не просто и не случайно, — но как? *Да пекутся*, говорит, *добрым делом прилежати*, то есть и обижаемым помогать, не деньгами только, но и своим заступлением, и вдов и сирот защищать, и всем вообще бедствующим доставлять спокойствие: это и значит *добрым делом прилежати. Сия суть*, говорит, *полезна человеком и добра. Буих же стязаний и родословий и рвений и сваров законных отступай, суть бо неполезны и суетны.*

Что значит: *родословий?* В послании к Тимофею он также упоминает о них, когда говорит: *баснем и родословием бесконечным* (1 Тим. I, 4). И там и здесь он, вероятно, намекает на иудеев, которые, превозносясь праотцом своим

Авраамом, о самих себе нерадели. Поэтому он и называет такие родословия бесполезными и суетными. Действительно, безумно надеяться на вещи бесполезные. *Рвений,* то есть споров с еретиками, он велит избегать, чтобы не трудиться напрасно, когда нет никакой пользы, потому что конец их ничтожен. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что ни за что не решается переменить своего мнения, то для чего тебе трудиться напрасно, рассыпая семя на камни, тогда как можно употреблять этот прекрасный труд для своих, беседуя с ними о милосердии и других добродетелях? Далее, почему (апостол) в другом месте говорит: *еда како даст им Бог покаяние* (2 Тим. II, 25), а здесь: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый, и согрешает, и есть самоосужден?* Там он говорит о людях, подающих надежду на исправление и только оказывающих сопротивление; а когда кто-нибудь (держится ереси) явно и открыто перед всеми, то для чего напрасно состязаться с ним, для чего бить воздух? Чтó значит: *и есть самоосужден?* Он не может сказать, что никто не говорил ему, никто не вразумлял его; и когда после увещания останется таким же, то он — *самоосужден. Егда послю Артему к тебе или Тихика, потщися приити ко мне в Никополь* (ст. 12). Что говоришь ты? Поставив его (Тита) в Крите, ты опять вызываешь к себе? Не с тем, чтобы отвлечь его от должности, но чтобы еще более наставить. А что, действительно, призывал его к себе не с тем, чтобы водить его с собой и иметь его всегдашним своим спутником, о том послушай, как он говорит: *тамо бо судих озимети.* А Никополь находится во Фракии. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, и да ничто же им скудно будет* (ст. 13). Им еще не были вверены (области), но они были в числе спутников (Павла). Особенно силен был Аполлос, муж, сведущий в Писаниях и красноречивый (см.: Деян. XVIII, 24). Но, скажешь, если Зина был законник, те не следовало ему содержаться на счет других. Здесь он называет его законником, как опытного в законах иудейских, и как бы так говорит: доставь им всякое довольство, чтобы ни в чем они не имели недостатка. *Да учатся же и наши добрым делом при-*

лежати в нужная требования, да не будут безплодни. Целуют тя со мною сущии вси: целуй любящия ны в вере, — говорит или о любящих его, или вообще о Верующих, — *благодатъ со всеми вами. Аминъ* (ст. 14, 15).

2. Для чего же (апостол) велит ему заграждать уста противоречащим (см.: Тит. I, 11), если нужно отступиться от них, когда они сами делают все на свою погибель? Он велит не стараться особенно делать это именно ради их пользы, так как они не могут получить себе никакой пользы, однажды навсегда развратившись в мыслях. Но если они станут губить других, то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством. Когда ты будешь поставлен в необходимость и увидишь, как развращаются другие, то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тех, которые готовы погибнуть. А вообще человек, трудолюбивый и ведущий правильную жизнь, не может предаваться спорам. Следовательно, поступай так, как я сказал, потому что от праздности и излишнего мудрования происходит то, что спорят об одних словах. Подлинно, говорить лишнее — очень вредно, когда нужно или учить, или молиться, или благодарить. Мы не должны беречь больше деньги, чем слова; напротив, (должны беречь) больше слова, чем деньги, и не доверяться всем без разбора.

Что значит: *да пекутся добрым делом прилежати?* Пусть не ждут, чтобы нуждающиеся приходили к ним, а пусть сами заботливо отыскивают нуждающихся в их помощи. Так печется тот, кто истинно печется; он особенно и с великим усердием исполняет это дело. Подлинно благодеяния приносят выгоду и пользу не столько принимающим, сколько подающим, так как доставляют им дерзновение перед Богом. А там, в спорах, дело оканчивается ничем. Таким образом (апостол) разумеет здесь неисправимого еретика. Как не заботиться о тех, которые подают надежду на исправление, свойственно беспечности, так и ухаживать за неизлечимо больными свойственно недогадливости и крайнему безумию, потому что этим мы сделаем их только более дерзкими. *Да учатся же и наши добрым делом прилежати в нужная требования, да не будут безплодни.* Видишь, как он

заботится больше о них, чем о принимающих (благодеяния)? Можно было бы снарядить их и через многих других, но я, говорит, забочусь о наших, так как что пользы, скажи мне, если бы другие, собирающие сокровища, питали учителей? Нашим тогда не было бы никакой пользы; они остались бы бесплодными. Вот что скажи мне: Христос, напитавший пятью хлебами пять тысяч и семью – четыре тысячи, разве не мог пропитать Себя и бывших с Ним? Для чего же Он принимал пищу от жен? *Хождаху по нем* жены, говорит (Писание), *и служаху ему* (Мк. XV, 41). Он показывает нам этим, что Он заботится о делающих благодеяния. А Павел, помогавший своими руками другим, разве не мог не принимать (пропитания) ни от кого? Но, смотри, как он и принимал, и просил, и вот для чего: *не яко ищу даяния,* говорил он, *но ищу плода множащегося в слово ваше* (Флп. IV, 17). И вначале, когда верующие, продавая свои имения, полагали деньги к ногам апостолов, не видишь ли, как апостолы заботились больше о них, чем о принимающих (подаяние)? Если бы они заботились только о бедных, то не обратили бы никакого внимания на поступок Анании и Сапфиры, когда они утаили деньги (см.: Деян. V, 2); и Павел не дал бы такой заповеди: *не от скорби, ни от нужды* (2 Кор. IX, 8). Что говоришь ты, Павел? Ты препятствуешь благодетельствовать бедным? Нет, говорит он; я имею в виду благо не только их, но и подающих. Обратите внимание и на пророка: когда он давал Навуходоносору свой прекрасный совет, он не о бедных только заботился, потому что не сказал просто: подавай бедным, – но что? *Грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих* (Дан. IV, 24). Истощай, говорит, имение не для того только, чтобы другие имели пропитание, но чтобы и сам ты избавлен был от наказания. И Христос сказал: *продаждь имение твое и даждь нищим, и гряди в след мене* (Мф. XIX, 21). Видишь ли, что и здесь это заповедано для последования (Христу)? Так как богатство служит к тому препятствием, то Он и велел раздавать его нищим, научая душу быть милосердой и сострадательной, научая презирать богатство, научая устраняться от любостяжания. Тот, кто научился подавать неимеюще-

му, тот научится со временем и не принимать от имеющих. А это уподобляет нас Богу. Хотя труднее этого соблюдать девство, также поститься и повергаться на землю, но ничто не может с такой силой погашать пламень наших грехов, как милостыня. Она выше всех добродетелей; она поставляет любящих ее перед лицом Самого Царя; и весьма справедливо. Ведь девство, пост и простертие по земле ограничиваются только подвизающимися в этом, а из других не спасают никого; между тем милостыня распространяется на всех и объединяет все члены Христовы; а добрые дела, распространяющиеся на многих, гораздо больше тех, которые ограничиваются только одним.

3. Милостыня есть мать любви – любви, отличающей христианство, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых; она – врачевство против наших грехов, очищение нечистот нашей души, лестница, ведущая на небо; она служит связью тела Христова. Хотите знать, какое она благо? При апостолах все продавали свои имения и приносили к ним вырученные деньги, которые и раздавались: *даяшеся*, говорится, *коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Деян. IV, 35). Скажи мне без отношения к жизни будущей, – мы не станем говорить теперь о будущем царстве, но взглянем на настоящую жизнь, – кто приобретает больше, принимающие или дающие? Другие роптали и ссорились между собой, а они имели одну душу: у всех их, сказано, *бе сердце и душа едина, благодать бе велия на всех их* и жили они с великой для себя пользой (Деян. IV, 32, 33). Видишь, сколько они приобретали через это? Скажи же, где желал бы ты находиться – в числе ли покидавших свое имение и ничего не имевших или в числе принимавших чужое? Таков плод милостыни: через нее упразднялись перегородки и препятствия, и души их тотчас соединялись; у всех их *бе сердце и душа едина*. Впрочем, и без милостыни отвержение богатства приносит великую пользу. Все это сказано мной для того, чтобы не получившие наследства от предков не скорбели и не унывали, как имеющие меньше богатых; они будут иметь больше их, если захотят. Подлинно и к милостыне они приступят с большей легкостью,

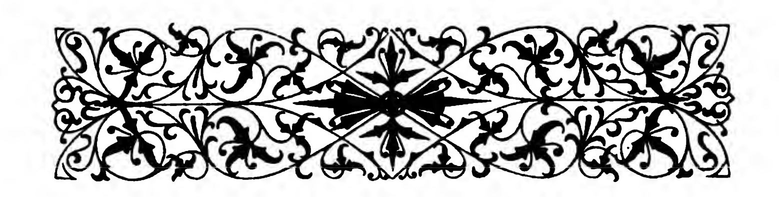
как (упоминаемая в Евангелии) вдовица, и не будут иметь никакого повода к вражде с ближними, и будут свободнее всех. Такому человеку никто не может угрожать отнятием имущества, – он выше всех зол. Как людей нагих, когда они бегут, не скоро может поймать кто-нибудь, а слишком одетых и влекущих за собой множество тяжестей легко может схватить всякий, – так бывает и с богатым и бедным. Последний, хотя и будут его настигать, легко может убежать; а первый, хотя бы и не был настигнут, задерживается своими собственными путами, тысячами забот, скорбей, волнений, раздражений. Все это обрушивается на душу, и не только это, но и многое другое, что богатство навлекает на нас. И соблюдать умеренность гораздо труднее для богатого, чем для бедного; равным образом жить в простоте и быть свободным от гнева гораздо труднее для первого, чем для второго. Следовательно, скажешь, они получат и большую награду? Нисколько. Почему же, если они исполняют труднейшее? Потому, что эти трудности человек создает сам для себя; ему не заповедано собирать богатство, а напротив: он же сам себе приготовляет множество соблазнов и затруднений. Иные не только отказываются от богатства, но еще изнуряют свое тело, как идущие тесным путем; а ты не только не делаешь этого, но еще воспламеняешь очаг страстей и обременяешь себя многим другим.

Ступай же ты на путь широкий – он принимает подобных тебе людей; а путь тесный принимает скорбящих, сетующих и не несущих с собой ничего, кроме того бремени, которое можно нести по нему, то есть милостыни, человеколюбия, честности, кротости. Если ты будешь нести это бремя, то можешь и ты вступить на него; а так как ты несешь с собой безумие, воспаленность душевную, бремя из терний – богатство, то тебе нужен путь широкий. Тебе невозможно замешаться в толпу без того, чтобы не ушибить других заранее взятой на себя ношей, но тебе нужен широкий простор. А кто несет золото и серебро, то есть подвиги добродетели, от того ближние не только не убегают, но и делаются близкими и соединяются с ним. Далее если самое богатство есть терние, то что же любостяжа-

ние? Для чего ты несешь его туда? Для того, чтобы зажечь сильнейшее пламя, подложив ношу под огонь? Ужели мало тебе огня гееннского? Вспомни, как три отрока победили пламя печи; представь, что это геенна. Связанные и скованные, они в скорби были ввержены туда; но внутри нашли совершенный простор, в противоположность тем, которые стояли вне.

4. Подобное тому будет и ныне, если мы захотим твердо и мужественно стоять против постигающих нас искушений. Если мы возложим надежду на Бога, то мы будем в безопасности и на свободе, а нападающие на нас погибнут, потому что *ископовавяй ров*, говорит (Премудрый), *впадется в онь* (Сир. XXVII, 29). Хотя они свяжут нам руки или ноги, скорбь в состоянии будет разрешить нас. Посмотри на это чудо: кого люди связали, тех огонь разрешил. Это то же, как если бы кто-нибудь отдал рабам кого-либо из своих друзей; рабы, уважая дружбу его с господином, не только не станут оскорблять его, но и воздадут ему великую честь; так и огонь, узнав, что эти отроки – друзья Самого Господа, расторг оковы их, разрешил и избавил их, сделался для них подстилкой и был попираем ими; и справедливо, потому что они были ввергнуты ради славы Божией. Будем помнить такие примеры все мы, находящиеся в скорбях. Но вот, скажешь, они избавились от скорби, а мы – нет. Так и следует. Они шли в печь не с тем, чтобы избавиться, но твердо решившись умереть; послушай, что говорят они: *есть Бог на небесех, силен изъяти нас: аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и* образу *златому, егоже поставил еси, не кланяемся* (Дан. III, 17, 18). А мы, как бы подчиняя своим соображениям наказания Божии, назначаем для них и время и говорим: «если до таких-то пор не помилует нас Бог». Потому мы и не избавляемся. Вот и Авраам шел не с тем, чтобы получить сына живым, но чтобы заколоть его; и сверх чаяния получил его живым. Так и ты, когда подвергнешься скорби, не будь нетерпелив и не спеши освободиться от нее, но расположи душу свою ко всякому терпению, и тогда скоро освободишься от скорби: для того Бог и посылает ее, чтобы вразумить. Таким образом, если мы с са-

мого начала умеем переносить скорби и не ропщем, то Он скоро освобождает нас от них, потому что все уже (с нашей стороны) исполнено. Я хочу рассказать вам один весьма полезный и назидательный пример. Какой же? Когда воздвигнуто было гонение и возгорелась жестокая война против Церкви, были схвачены два человека; один из них был готов переносить все, что угодно, а другой также мужественно готов был перенести отсечение головы, но других мучений боялся и трепетал. Смотри же устроение Божие: когда судья стал судить, то готовому на все велел отсечь голову, а того повесить и терзать, и не раз или два, но проводя по всем городам. Для чего же это было попущено? Для того, чтобы слабая душа его укрепилась в страданиях, чтобы он отвергнул всякий страх, чтобы он не боялся, не колебался и не трепетал перед мучениями. И Иосиф, когда особенно усиливался выйти из темницы, тогда и оставался в ней: послушай, что говорит он: *татьбою украден бых из земли Еврейския;* и: *да помянеши о мне* царю (Быт. XL, 15, 14). Для того он и оставался там, чтобы научиться, что не должно полагаться и надеяться на людей, но все возлагать на Бога. Итак, зная это, будем благодарить Бога и делать все, ведущее к нашему благу, чтобы нам достичь будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде всего нужно сказать о поводе к написанию этого послания, а потом и о других вопросах. Какой же был повод? Некто Филимон, один из почтенных и благородных мужей, – а что он был муж почтенный, это видно из того, что весь дом его был верным и настолько верным, что называется даже церковью, как говорит (Павел), когда пишет: *и домашней твоей церкви* (Флм., ст. 2), также свидетельствует о великом его послушании и о том, что им *утробы святых почиша* (ст. 7), и заповедует в том же послании приготовить для себя гостиницу (ст. 22), так как дом его, кажется мне, был пристанищем для всех святых, – этот почтенный муж имел раба Онисима. Онисим, украв что-то у господина своего, убежал; а что он действительно украл, о том, послушай, как говорит (Павел): *аще же в чесом обиде тебе, или должен есть, аз воздам* (ст. 18, 19). Потом, придя к Павлу в Рим, найдя его в темнице и будучи оглашен от него учением, он принял там крещение; а что он принял там дар крещения, видно из слов: *егоже родих во узах моих* (ст. 10). Поэтому Павел пишет послание, в котором препоручает его господину, чтобы тот во всем простил его и принял, как уже возрожденного. Некоторые говорят, что не нужно

* Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.

присоединять это послание (к канону священных книг), так как оно касается маловажного дела, только одного человека; но пусть узнают высказывающие такое неодобрение, что сами они достойны многих укоризн. Не только такие малые послания и написанные о таких обыкновенных предметах следовало принять (в канон); но желательно, чтобы кто-нибудь в состоянии был рассказать нам полную историю апостолов, чтобы не только о том, что они писали и говорили, но и о прочем их образе жизни, что они ели и когда ели, когда сидели и куда ходили, что делали каждый день, в каких странах бывали, в такой дом входили и где плавали, обо всем этом рассказал бы подробно, – такой великой пользы исполнено все, что они делали! Но многие не знают происходящей отсюда пользы и потому высказывают неодобрение. Если мы, взирая только на места, где они сидели, или были связаны, на места бездушные, часто обращаемся к ним мыслью, представляем их добродетели, пробуждаемся от своей беспечности и становимся более ревностными, то тем более было бы так, если бы мы слышали их слова и другие их деяния. Если о друге всякий спрашивает, где он живет, что делает, куда идет, то неужели, скажи мне, нам не следует знать все это о всеобщих учителях вселенной? Кто живет духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слушающим, и никакого не встречается к тому препятствия и затруднения. Впрочем, вам полезно узнать, что это послание касается предметов необходимых. Смотри же, сколько доброго в нем заключается. Во-первых, (мы научаемся), что нужно быть внимательным ко всему, потому что если Павел показывает столько заботливости о беглеце, разбойнике и воре, не отказывается и не стыдится отсылать его с такими похвалами, то тем более нам не следует быть небрежными в подобных случаях. Во-вторых, что не нужно считать сословие рабов отверженным, хотя бы дошли они до крайней степени зла, потому что если вор и беглец сделался настолько добродетельным, что Павел желал иметь с ним общение и писал: *да вместо тебе послужит ми* (ст. 13), то тем более не следует отчаиваться в людях свободных. В-третьих, что не нужно

рабов отнимать от господ, потому что если Павел, будучи так уверен в благорасположении к нему Филимона, не хотел без воли господина удержать при себе Онисима, который был так нужен и полезен ему, то тем более не должны делать этого мы. Если раб – человек добродетельный, то он тем более должен оставаться в услужении и почитать власть господина, чтобы приносить пользу всем находящимся в доме. Для чего же снимать свечу со светильника и ставить ее под сосудом (см.: Мф. V, 15)? О, если бы и тех, которые находятся вне, можно было ввести внутрь города! Но что, скажешь, если он и тогда окажется негодным? Почему же, скажи мне? Потому ли, что он войдет в город? Но подумай, что, находясь вне, он будет еще хуже; если он, находясь внутри, окажется негодным, то тем более (будет таким), находясь вне; здесь, при попечительном господине, он будет свободен от неизбежных забот, а там эти заботы, может быть, отвлекут его от предметов более необходимых и духовных. Потому блаженный Павел и дает (рабам) такой прекрасный совет: *раб ли*, говорит, *призван был еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе* (1 Кор. VII, 21), то есть оставайся в рабстве. А необходимее всего то, чтобы не было хулимо слово Божие, как и сам он говорит в послании: *елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение* (1 Тим. VI, 1). Даже и язычники скажут, что и раб может угодить Богу; иначе многие были бы поставлены в необходимость хулить и говорить, что христианство ниспровергает весь порядок жизни, отнимая рабов у господ и делая насилие. Сказать ли и еще нечто? (Это послание) научает нас не стыдиться рабов, если они добродетельны; если Павел, превосходнейший из всех людей, так отзывается о нем (Онисиме), то тем более мы должны (так поступать) с своими (рабами). После таких достоинств, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станет думать, что это послание напрасно включено (в канон)? Не будет ли это крайним безумием? Итак, прошу вас, выслушаем с вниманием послание, написанное апостолом; уже получив от него столько пользы, мы получим еще больше при последовательном чтении.

БЕСЕДА I

Павел юзник Иисус Христов, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и споспешнику нашему, и Апфии возлюбленней, и Архиппу совоинственнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вам и мир от Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа (Флм., ст. 1—3)

1. Это написано о рабе к господину. С самого начала (апостол) научает его не надмеваться и не стыдиться, укрощает его гнев; называя себя самого узником, смиряет и успокаивает его, внушая, что все настоящее ничтожно. И действительно, если узы за Христа — не стыд, а слава, то тем более не постыдно рабство. Он говорит это не с тем, чтобы превознести себя, но чтобы сделать полезное и внушить доверие к словам своим, — не для себя, но для того, чтобы скорее испросить милость (другому). Он как бы так говорит; для вас я обложен этими узами, подобно как говорит он и в других местах (см.: Еф. III, 1; 2 Тим. II, 9), впрочем, там выражая свое попечение, а здесь — достоверность. Для него нет выше похвалы, как называться страдальцем Христовым: *аз бо,* говорит, *язвы Христовы ношу* (Гал. VI, 17). *Юзник Христов,* потому что он связан был за Него. Слыша об узах Христовых, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдал бы самой души своей, а не только одного раба? *И Тимофей брат:* присоединяет к себе и другого, чтобы (Филимон), слыша просьбу от многих, скорее склонился и оказал милость. *Филимону возлюбленному и споспешнику нашему.* Если он возлюбленный, то надежда на него не есть дерзость или безрассудство, но знак великой дружбы; если он споспешник, то не только должен принимать такие просьбы, но и благодарить за них, так как через это он делает добро и себе самому, устрояя одно и то же дело. Таким образом и без просьбы ты имеешь, говорит, еще другое побуждение оказать милость: если он полезен для Евангелия, а ты обнаруживаешь усердие к Евангелию, то тебе нужно не ожидать просьбы, а самому просить. *И Апфии возлюбленней.* Она, кажется мне, была супругой Филимона. Посмотри на смирение Павла: он и Тимофея в своей

просьбе присоединяет к себе, и просит не одного мужа, но и жену, и еще иного, вероятно, друга: *и Архиппу,* говорит, *совоинственнику нашему.* Он не приказанием хочет достигнуть этого и не обнаруживает негодования, если Филимон не тотчас послушается его повеления, но поступает как бы человек неизвестный, располагая и их сделать то же и подкрепить его просьбу, – потому что не только просьба от многих, но и просьба, обращенная ко многим, способствует к получению просимого. *И Архиппу совоинственнику нашему.* Если ты совоинственник, то должен принять участие и здесь. Это тот самый Архипп, о котором в послании к Колоссянам говорит: *рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе, да совершиши е* (Кол. IV, 17). Мне кажется, что он был в числе клира; потому (апостол) и к нему обращает просьбу и называет его совоинственником, чтобы всячески содействовать (достижению цели). *И домашней своей церкви.* Здесь он не опустил из виду и рабов, потому что знал, что часто и речи рабов могут убедить господина, особенно когда просьба касается раба; притом, может быть, они особенно и возбудили гнев господина. Поэтому, не желая, чтобы они впали в зависть, он и их почтил приветствием вместе с господами. Впрочем, не подал и господину повода оскорбляться. Если бы он назвал (рабов) по имени, то, может быть, тот оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянул о них, то остался бы недоволен; потому, смотри, как мудро, упомянув (о рабах), и их почтил своим воспоминанием, и его не раздражил. А название *Церкви* не допускает господам оскорбляться, когда они поставляются вместе с рабами. Подлинно, Церковь не знает различия между господином и рабом; она различает того и другого по добродетелям и порокам. Итак, если (дом твой) есть Церковь, то не оскорбляйся, что раб поставляется вместе с тобой: *о Христе бо Иисусе несть раб, ни свободъ* (Гал. III, 28). *Благодать вам и мир.* Напомнив о благодати, (апостол) приводит ему на память собственные его грехи. Подумай, говорит, как много грехов простил тебе Бог, как ты спасен благодатью, и подражай Владыке. Испрашивает ему мира; и справедливо, потому что мир бывает тогда, когда мы подражаем Ему, когда

благодать пребывает с нами. Так и тот раб, который оказался немилосердым к подобному себе рабу, пока не требовал от него ста динариев, дотоле пользовался милостью господина; а когда стал требовать, тогда был лишен ее и предан мучителям (см.: Мф. XVIII, 34).

2. Представляя это, будем и мы милосерды и сострадательны к согрешающим против нас. Сто динариев означают здесь грехи (других) в отношении к нам, а наши грехи в отношении к Богу – тысячи талантов. Вы знаете, что грехи против кого-нибудь судятся и по достоинству лиц. Например: оскорбивший частного человека согрешил, но не так, как оскорбивший начальника; более согрешил оскорбивший высшего начальника, а менее – оскорбивший низшего, но гораздо более оскорбивший царя. Хотя оскорбление одно и то же, но от превосходства лица оно становится больше. Если же оскорбляющий царя получает тяжкое наказание, по достоинству лица оскорбляемого, то сколькими талантами будет должен оскорбляющий Бога? Хотя бы грехи наши против Бога были те же самые, какие и против людей, но они неодинаковы; а сколько различия между Богом и человеком, столько же между теми и другими грехами. Впрочем, я нахожу много и таких грехов, которые бывают великими не только от превосходства лица, но и сами по себе. Страшны слова, которые я намереваюсь сказать, поистине страшны, но сказать их необходимо, чтобы хотя таким образом тронуть и пробудить нашу душу, показав, что мы гораздо больше боимся людей, нежели Бога, и больше почитаем людей, нежели Бога. Вот смотри: прелюбодей знает, что Бог видит его, – и презирает Бога; а когда смотрит на него человек, то он удерживает свою похоть. Он не только предпочитает людей Богу, не только оскорбляет Бога, но, – что гораздо тяжелее, – боясь людей, презирает Бога, так как, если он видит людей, то удерживает пламя похоти. Впрочем, какое пламя? Это – не пламя, а бесчестье; если бы не было позволено иметь жену, то действительно это было бы пламя, а теперь это – бесчестье и разврат. Таким образом, если он видит людей, то укрощает свое бешенство, а о Божием долготерпении

думает меньше всего. Другой, украв, сознает, что он похищает чужое, и старается обмануть людей, оправдывается против обвиняющих его и придает вид (правды) своему оправданию; а о Боге, Которого обмануть невозможно, не беспокоится, не стыдится и не почитает. Когда царь прикажет не брать чужого имущества или даже отдать свое собственное, то мы все с готовностью приносим; а когда Бог повелевает не похищать и не брать чужого, то мы не повинуемся. Видишь, как мы предпочитаем людей Богу? Тяжелы и горьки эти слова; но докажите, что они тяжелы, воздержитесь от самого дела. Если же вы не боитесь самого дела, то как я могу поверить вам, когда вы говорите, что страшитесь наших слов и чувствуете их тяжесть? Вы сами себя обременяете своими делами и нисколько не заботитесь; а когда я говорю о тех делах, которые вы делаете, то негодуете. Не безумно ли это? О, если бы ложно было сказанное мной! Я желал бы лучше сам быть обвиненным во лжи в тот (страшный) день, как укорявший вас несправедливо и напрасно, нежели видеть вас осужденными за это. Но вы не только сами предпочитаете людей Богу, а принуждаете к тому и других. Многие делали принуждение многим рабам и детям: одни заставляли их вступать в брак против воли, другие — служить своим постыдным желаниям, нечистой любви, хищничеству, любостяжанию, насилию, так что вдвойне виновны и не могут оправдываться какой-нибудь необходимостью. В самом деле, если ты не можешь представить достаточного оправдания и тогда, когда делаешь зло невольно, по приказанию начальника, то грех бывает гораздо тяжелее, когда ты принуждаешь к тому и других. Какое может быть оправдание для такого человека? Говорю это не для того, чтобы осуждать вас, но чтобы показать, какие мы должники перед Богом. Если, почитая человека наравне с Богом, мы оскорбляем Бога, то гораздо более оскорбляем Его, когда людей предпочитаем Ему. Таким образом, если те же самые грехи, которые делаем мы против людей, бывают гораздо тяжелее, когда они относятся к Богу, то не гораздо ли хуже, когда грех и по свойству своему больше и тяжелее? Пусть испытает каж-

дый самого себя, — и увидит, что для людей он делает все. Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога делали столько же, сколько делаем для людей из тщеславия, страха или уважения. Итак, если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всей готовностью прощать оскорбляющих и обманывающих нас и не помнить зла. Для того, чтобы простить грехи, не нужно ни трудов, ни издержек и ничего другого, а нужно одно только желание; не нужно ни предпринимать путешествия, ни отправляться в чужие страны, ни подвергаться опасностям и трудам, а нужно только захотеть.

3. Какое, скажи мне, мы получим прощение за неисполнение дел, кажущихся трудными, когда не исполняем и дела легкого, столь полезного и плодотворного и не требующего никакого труда? Ты не можешь пренебречь богатства? Не можешь раздать имения нуждающимся? Но разве ты не можешь пожелать ничего доброго? Разве не можешь простить оскорбившему? Если бы ты сам и не был виновен в столь многих (грехах) и только получил бы от Бога повеление — прощать других, то не должен ли ты был бы (исполнять это)? Как же теперь, будучи сам виновен в столь многих (грехах), ты не прощаешь другим, притом зная, что Он требует от тебя того же, что ты получаешь от Него? Когда мы приходим к своему должнику, он, помня свой долг, услужливо и с честью принимает нас и всячески оказывает нам свое радушие, еще не получая от нас прощения долга, а только желая сделать нас снисходительными в требовании: как же ты, будучи столь великим должником перед Богом и получив от Него повеление — прощать, с тем чтобы и самому получить прощение, не прощаешь? Почему так, спрашиваю тебя? Увы, какое человеколюбие оказывается нам и какую оказываем мы злобу, какую сонливость, какую беспечность! Как легка и многополезна добродетель и как тяжело зло! Но мы, оставляя легкое, избираем то, что тяжелее олова. Здесь не нужно ни силы телесной, ни богатства, ни денег, ни власти, ни дружбы и ничего другого, а довольно одного желания, — и все будет сделано. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что

и сам ты делаешь много подобного в отношении к другим, даже в отношении к Самому Владыке, — и прости и извини его. Вспомни, что ты сам говоришь: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. VI, 12); подумай, что, если ты не прощаешь (другим), то не можешь с дерзновением говорить это; а если прощаешь, то как бы требуешь должного, хотя не по существу самого дела, а по человеколюбию Дарующего (нам прощение). Да и как можно равнять прощаемое нами подобным нам рабам с грехами против Владыки, в которых мы получаем от Него прощение? Мы удостаиваемся такого человеколюбия Его потому, что Он богат милостью и щедротами. Впрочем, я докажу тебе, что и без этого, и без прощения грехов твоих, от одного прощения (другим) ты получаешь пользу. Представь, сколько такой человек имеет друзей, как везде и все превозносят его и говорят: он человек добрый, примирительный, незлопамятный; как скоро получает обиду, тотчас же и забывает ее. Если такой человек подвергнется какому-нибудь несчастью, то кто не пожалеет его? Кто не извинит его, если он погрешит в чем-нибудь? Кто не сделает ему одолжения, если он станет просить о чем-нибудь за других? Кто не захочет быть другом и даже рабом такой доброй души? Так, увещеваю, будем для этого делать все, не только в отношении к друзьям и родным, но и к слугам: *послабляюще,* говорит (апостол), *прещения, ведуще, яко и вам самем Господь есть на небесех* (Еф. VI, 9). Если мы будем отпускать ближним согрешения, то отпустится и нам; также — если будем творить милостыню, если будем смиренны, потому что и это служит к отпущению грехов. Мытарь сказал только: *милостив буди мне грешнику,* и вышел оправданным (Лк. XVIII, 13); тем более мы можем сподобиться великого человеколюбия (Божия), если будем смиренны и сокрушенны сердцем; и если мы будем исповедовать грехи свои и осуждать самих себя, то очистим множество нечистот, потому что много путей к очищению. Итак, будем всеми средствами бороться с диаволом. Я не сказал ничего трудного, ничего неприятного; прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу, — и, хотя бы ты

был величайшим грешником, ты можешь достигнуть царства (небесного), очищая таким образом грехи и омывая нечистоты. Да сподобимся же все мы, очистившись здесь от всякой нечистоты греховной исповеданием, получить там обещанные блага, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Благодарю Бога моего всегда, память о тебе творя в молитвах моих, слышав любовь твою и веру, юже имаши ко Господу Иисусу и ко всем святым, яко да общение твоея веры действенно будет в разуме всякаго блага, еже в вас о Христе Иисусе (Флм. 4—6)

1. Не вдруг и не в самом начале послания просит (Филимона) о милости, но сначала, выразив удивление к этому мужу и похвалив его за добродетели, представив немаловажное доказательство и своей любви к нему в том, что всегда вспоминает о нем в молитвах своих, и сказав, что многие находят у него покой и ко всем он оказывает кротость и веру, потом наконец (апостол) и начинает речь, и таким образом с особенной силой убеждает его. Действительно, если другие получают от него то, чего просят, то тем более (должен получить) Павел; если, придя прежде других, он достоин был бы получить, то тем более после других, и притом прося не для себя, а для другого. Далее, чтобы не показалось, что он пишет только поэтому, и чтобы кто-нибудь не сказал: если бы не было Онисима, то ты и не написал бы этого послания, — смотри, как он приводит и другие причины к написанию послания: во-первых, указывает на его любовь, а во-вторых, повелевает приготовить для себя гостиницу. *Слышав*, говорит, *любовь твою*. Это достойно удивления и значит больше, нежели если бы он лично видел (эту любовь). Видно, она была чрезвычайно велика, если сделалась известной и достигла до его слуха, хотя расстояние между Римом и Фригией было немалое, — а (Филимон) там находился, как я заключаю по имени Архип-

па (упоминаемого здесь и в послании к Колоссянам). Колоссяне жили во Фригии, и в послании к ним (Павел) говорил: *егда причтется послание сие у вас, сотворите, да и в Лаодикийстей церкви прочтено будет, и написанное от Лаодикии да и вы прочтете* (Кол. IV, 16, 17). Лаодикия же – фригийский город. Молюсь, говорит, да *общение веры твоея действенно будет.* Видишь, как он сам дает раньше, чем получает, и прежде, нежели испрашивает милость, предлагает ему от себя гораздо большее? *Да общение веры твоея,* говорит, *действенно будет в разуме всякого блага, еже в вас о Христе Иисусе,* то есть чтобы ты достиг всякой добродетели, чтобы у тебя не было никакого недостатка. Вера бывает действенной тогда, когда сопровождается делами, потому что *вера без дел мертва есть* (Иак. II, 26). Не сказал: вера твоя, но: *общение веры твоея,* соединяя его с собой и внушая, что они – одно тело, и тем с особенной силой убеждая его. Если ты, говорит, сообщник мой в вере, то должен быть сообщником и в другом. *Радость бо имамы и многое утешение о любви, твоей, яко утробы святых почиша тобою, брате* (ст. 7). Ничто так не убеждает, как указание на благодеяния, сделанные другим, особенно если (просящий) почтеннее их. Впрочем, он не сказал: если ты делаешь для других, то тем более – для меня; но, выразив то же самое, употребил другой оборот речи, более кроткий. *Радость имамы,* то есть ты дал мне дерзновение теми (благодеяниями), какие оказываешь другим. *И утешение,* то есть мы не только радуемся, но и утешаемся, потому что они – наши члены. Если же должно быть такое согласие, что находящиеся в скорбях, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоение других, так как облагодетельствовано одно тело, то тем более (мы будем радоваться), если ты успокоишь и нас. Не сказал: ты кроток, ты уступчив; но говорит сильнее и выразительнее: *яко утробы святых,* как бы обращаясь к сыну, дорогому и возлюбленному для родителей. Такая любовь и привязанность доказывает, что (Филимон) был весьма любим ими. *Сего ради многое дерзновение имея во Христе повелевати тебе, еже потребно есть* (ст. 8). Смотри, как он остерегается, чтобы и сказанное от сильной любви не поразило слуша-

ля и не оскорбило его. Потому прежде, нежели сказал: *повелевати тебе,* – а такое выражение было резко, хотя, сказанное от любви, весьма легко могло достигнуть цели, – он из осторожности делает оговорку: *дерзновение имея,* и этим показывает, что Филимон был муж великий, то есть (как бы говорит): ты сам дал нам дерзновение; притом прибавляет: *во Христе,* и этим показывает, что он говорит так не за его знатность или силу в мире, но за веру во Христа; а потом уже присовокупляет: *повелевати тебе,* и не только это, но еще: *еже потребно есть,* то есть справедливое дело. Смотри, сколькими доводами он убеждает: ты оказываешь, говорит, благодеяния другим, окажи и мне, притом ради Христа, и потому, что это дело справедливо, и потому, что этого требует любовь. Поэтому и продолжает: *любве ради паче молю* (ст. 9). Он как бы так говорит: из бывших примеров я знаю, что, и повелевая с великой властью, я получу успех; но так как я особенно забочусь об этом деле, то *молю.* Здесь он вместе выражает и то и другое: и то, что надеется на него, – почему и *повелевает,* – и то, что особенно заботится об этом деле, – почему и *молит. Таков сый,* говорит, *якоже Павел старец.*

2. О, сколько убедительных доказательств! *Павел* – это доказательство от достоинства лица; *старец* – от возраста; *узник Иисуса Христа* – от того, что он праведнее всех. Кто не принял бы с распростертыми объятиями ратоборца, увенчанного за подвиги? Кто, видя связанного за Христа, не оказал бы ему тысячи услуг? Смягчив таким образом душу (Филимона, апостол) не вдруг объявляет имя раба, но после такой просьбы еще медлит. Вы знаете, как велик бывает гнев господ на убежавших рабов, особенно если это сделано с покражей, как сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Потому старается смягчить его всеми доводами; и когда наперед возбудил в нем готовность сделать все, что бы ни было, и приготовил душу его ко всякому послушанию, тогда уже и высказывает свою просьбу: *молю тя,* – говорит, и притом с похвалами, – *о моем чаде, егоже родих во узах моих* (ст. 10). Опять для убеждения – узы: и наконец называет самое имя (Онисима). Таким

образом не только укрощает гнев, но и возбуждает чувство благорасположения: я, говорит, не назвал бы его сыном, если бы он не был весьма благонадежным. Как я назвал Тимофея, так (называю) и его. И часто, для выражения своей любви, он указывает на время рождения: *егоже родих,* говорит, *будучи узником.* Он, значит, достоин великой чести и потому, что рожден среди самых подвигов, среди искушений за Христа. *Онисима, иногда тебе непотребнаго* (ст. 10). Смотри, с каким благоразумием он объявляет грех его, и тем укрощает гнев (господина). Знаю, говорит, что он был непотребен; *ныне же тебе и мне благопотребен будет.* Не сказал: ныне же будет благопотребен тебе, чтобы он не стал противоречить; но присоединил и свое лицо, чтобы надежды (на слугу) были достовернее. *Ныне же тебе,* говорит, *и мне благопотребна.* Если он полезен Павлу, требующему такой великой ревности, то тем более — господину. *Егоже воспослах тебе.* И тем еще укрощает гнев, что отдает его. Господа особенно гневаются тогда, когда ходатайство бывает за (рабов) отсутствующих, так что этим самым он еще более успокоил (Филимона). *Ты, же его, сиренъ, мою утробу приими* (ст. 12). Опять не просто употребляет его имя, но с прибавлением убедительного выражения, которое нежнее слова «сын». Таким образом назвал его сыном, сказав: *егоже родих,* и внушил, что его надобно любить особенно, потому что он рожден среди искушений. Известно, что мы питаем особенную любовь к детям, рожденным среди опасностей, которых мы избежали, как свидетельствует Писание, когда говорит: *Уевархавоф* (1 Цар. IV, 21), и когда Рахиль называет Вениамина — *сын болезни моея* (Быт. XXXV, 18). *Ты же его, сиречь, мою утробу приими.* Этим он выражает великую любовь свою к нему. Не сказал: возьми, не сказал: не гневайся, но: *приими,* то есть он достоин не только прощения, но и чести. Почему? Потому, что он сделался сыном Павла. *Егоже аз хотех* вместо тебе *держати, да послужит ми во узах благовествования* (ст. 13). Видишь, сколько он наперед употребляет доводов, чтобы потом внушить к нему уважение господина? Смотри, с какой мудростью он делает и это; смотри, как он обязывает одного и воздает честь дру-

гому. Ты видишь, говорит, что через него ты сам оказываешь мне услугу. Потом внушает, что он больше имел в виду его, нежели раба, — потому что оказывает ему великое уважение. *Без твоея же воли,* говорит, *ничтоже восхотех сотворити, да не аки по нужди благое твое будет, но по воли* (ст. 14). Человек особенно тогда склоняется на просьбу, когда и само дело полезно, и устрояется оно согласно с его волей; тогда именно бывают два блага: и дающий получает пользу, и принимающий находится в большей безопасности. Не сказал: да не по нужде, но: *да не аки по нужди;* хотя я знал, говорит, что ты, если бы и не был уведомлен об этом деле, а получил о нем известие нечаянно, не стал бы сердиться, но (поступил так) по особенной предосторожности, *да не аки по нужди будет. Негли бо ради сего разлучися на час, да вечна того приимеши, не ктому аки раба* (ст. 15, 16). Хорошо сказал: *негли,* чтобы господин оказал снисхождение; а с другой стороны, сказал: *негли,* потому, что бегство было совершено по самоуправству и извращенному рассуждению, а не с добрым намерением. Не сказал: ради сего убежал, но: *ради сего разлучися,* чтобы более приличным выражением скорее склонить (господина) к милости. Также не сказал: сам отлучился, но: *разлучися,* был разлучен, то есть не своим умыслом отлучился по той или другой причине. Так и Иосиф, оправдывая братьев, сказал: *Бог посла мя семо* (Быт. XLV, 5), то есть злой умысел их обратил в хорошую сторону. *Ради сего,* говорит, *разлучися на час.* Он и время сокращает, и грех исповедует, и все приписывает устроению (Божию). *Да вечна того,* говорит, *приимеши,* — не только в настоящее время, но и будущее, чтобы тебе иметь его всегда, уже не как раба, но выше раба; оставаясь рабом, он будет предан тебе более брата, и таким образом ты сделаешь приобретение и по времени и по свойству (отношений его к тебе); он более уже не убежит. *Да вечна того приимеши,* то есть удержишь. *Не ктому аки раба, но выше раба, брата возлюбленна, паче же мне.* Ты на короткое время лишился раба, и навсегда приобретаешь брата, не твоего только брата, но и моего. Здесь (указывает Павел) на великие добродетели (Онисима). Если же он мой брат, то не стыдись его и ты. Назва-

нием *чада* (апостол) выразил любовь к нему, а названием *брата* – великое благожелание и равенство.

3. Это написано не напрасно, но для того, чтобы мы – господа – не презирали своих слуг и не были слишком взыскательными к ним, чтобы научились прощать проступки слугам своим и не были всегда жестокими к ним, чтобы мы не стыдились рабов и имели общение с ними во всем, если они хороши. Если Павел не постыдился назвать раба чадом, утробой своей, братом и возлюбленным, то как будем стыдиться мы? Но что я говорю: Павел? Владыка Павла не стыдится называть рабов наших братьями своими, – как же будем стыдиться мы? Смотри, какую он оказывает нам честь: наших рабов Он называет своими братьями, друзьями и сонаследниками. Вот как Он уничижил Себя! Что же делать нам, чтобы вполне достигнуть этого? Никогда мы не можем (достигнуть этого) вполне, но до какой бы степени смирения мы ни дошли, большей части его будет еще недоставать нам. Смотри: что бы ты ни делал, ты делаешь для подобного тебе раба, а Владыка твой сделал это для твоих рабов. Слушай и страшись! Никогда не превозносись своим смирением! Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бывает неискренним. Как и каким образом? Когда оно бывает для того, чтобы показаться перед людьми, а не перед Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие; и тогда оно – дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе какой-нибудь брат или слуга; ты принял его, омыл ему ноги и тотчас же гордишься этим: я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения. Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, Который говорит: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. XVII, 10); также слова учителя вселенной, который говорит: *аз себе не у помышляю достигши* (Флп. III, 13). Кто убежден, что́ он не сделал ничего великого, что бы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот толь-

ко может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, — да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись, иначе погубишь все. Таков был фарисей: он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павел: *ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. IV, 4). Видишь ли, как он не превозносился, но всячески уничижал и смирял себя, и притом тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, будучи в огне, среди пламени, что говорили? *Согрешихом, беззаконновахом со отцы нашими* (Дан. III, 29). Это и значит иметь сердце сокрушенное. Поэтому они и могли сказать: *душею сокрушенною, и духом смиренным да приятны будем* (Дан. III, 39). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже более, нежели до ввержения. Когда они увидели совершившееся чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение, — потому что мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкой; с идолослужителями мы терпим мучение от идолослужителя; отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю варвару! Ничего такого они не говорили, — но что? *Согрешихом, беззаконновахом* (говорили они) и возносили молитву не за себя, а за других: *предал еси нас,* говорили они, *царю неправедну и лукавнейшу* (Дан. III, 32). Также Даниил, будучи в другой раз брошен в ров, говорил: *помянул мя еси, Боже* (Дан. XIV, 38). Почему же (Бог) не помянул тебя, Даниил, когда ты прославил Его перед царем и говорил: *и мне не премудростию сущею во мне* (Дан. II, 30)? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты вվвержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой

причине. Не за Него ли ты ввержен и теперь? Так, говорит он; это потому, что великий я должник перед Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы? Послушай еще, что говорит Давид: и *аще речет* ми, *не благоволих в тебе, се аз есмь, да сотворит ми, по благому перед очима своима* (2 Цар. XV, 26), – хотя он мог указать на бесчисленные свои добродетели. Также Илий говорит: *Господь сам, еже благо перед ним, да сотворит* (1 Цар. III, 18).

4. Признательным рабам надлежит не только в благодеяниях, но и в наказаниях и в искушениях все предоставлять Ему. И не безрассудно ли думать, что Бог не пощадит рабов Своих в наказаниях, тогда как мы дозволяем господам наказывать рабов своих, зная, что они пощадят их, потому что они – их собственные? Это выражает и Павел, когда говорит: *аще живем, аще умираем, господни есмы* (Рим. XIV, 8). Он не захочет, чтобы уменьшалось богатство Его; Он знает, как наказывать; Он наказывает собственных рабов. Никто не щадит нас более, чем Он, приведший нас из небытия в бытие, повелевающий восходить солнцу, подающий дожди, вдохнувший душу и предавший за нас Сына Своего. Будем же, – о чем я сказал и для чего все это сказал, – будем смиренномудрствовать, как должно, будем уничижать себя, как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносись же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе похвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия; а если через это ты впадаешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Послушай, что́ говорит Павел: *благое бысть мне смерть, да будет по премногу грешен грех заповедию* (Рим. VII, 13). Когда придет тебе на мысль удивляться своему смирению, то представь себе Владыку своего, как Он уничижил Себя, – и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собой, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, что бы ты ни сделал, приводи себе на память ту притчу: *который от вас,* иже *раба имеет, пришедшу ему речет: возлязи?*

Ни, глаголю вам, но: стань *и служи ми* (Лк. XVII, 7, 8). Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздает благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать так из-за того, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое (доброе) дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга. Если и мы, купив рабов за деньги, хотим, чтобы они жили всецело для нас, чтобы мы обладали всем, что имеют они, — то не гораздо ли более это следует Тому, Кто привел нас из небытия в бытие и потом искупил нас честной кровью? Он дал за нас цену, которой никто не дал бы за собственного ребенка, — пролил кровь Свою. Потому, если бы мы имели каждый по тысяче душ и пожертвовали бы всеми ими, то воздали ли бы Ему равное воздаяние? Нет. Почему? Потому, что Он сделал это для нас, не будучи обязан, но совершенно по милости Своей; а мы обязаны к тому. Он, будучи Богом, сделался рабом, будучи непричастным смерти, сделался причастным ей по плоти; а мы, если и не положим за Него душ своих, то по закону природы непременно должны будем положить, — спустя немного времени поневоле расстанемся с жизнью. Так и с деньгами: если мы не отдадим их для Него; то по необходимости отдадим при смерти. Так и со смирением: если мы не будем смиренными для Него, то смирят нас скорби, несчастье, притеснения. Видишь ли, как велика благодарность Его? Он не сказал: что важного сделали мученики? если бы они не умерли за Меня, то и без этого непременно умерли бы; но воздает им великой благодарностью, так как они добровольно отдали то, что впоследствии должны были бы отдать невольно, по закону природы. Он не сказал: что важного делают раздающие свое имение? они непременно отдадут и поневоле; но воздает и им великой благодарностью и не стыдится исповедовать перед всеми, что Владыка питаем был рабами. Подлинно, и это — слава Владыки, чтобы иметь признательных рабов, и это — слава Владыки, чтобы так любить рабов Своих, и это — слава Владыки, чтобы при-

надлежащее им усвоять Самому Себе, и это – слава Владыки, чтобы не стыдиться исповедовать это перед всеми. Устыдимся же такой любви Христовой, и сами воспламенимся любовью. Когда мы слышим, что кто-нибудь любит нас, то, хотя бы он был незнатен и беден, мы воспламеняемся особенной любовью к нему и оказываем ему великое почтение, любим его сами; а Владыка наш любит нас так много, – и мы остаемся нечувствительными? Нет, увещеваю вас, не будем настолько беспечны к спасению наших душ, но возлюбим Его по мере сил своих, отдадим все из любви к Нему – и душу, и имущество, и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая этого полезным для Него, но для нас самих. Таков, действительно, закон любви: любящие считают счастьем для себя, когда страдают за любимых. Будем и мы так же преданы Владыке нашему, чтобы нам достигнуть и будущих благ, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Аще убо имаши мене общника, приими сего, якоже мене. Аще же в чесом обиде тебе, или должен есть, мне сие вмени. Аз Павел написах рукою моею, аз воздам, да не реку тебе, яко и сам себе ми еси должен (Флм. 17–19)

1. Ничто так не убеждает (к исполнению просьбы), как то, чтобы не просить всего вдруг. Потому, смотри, после каких похвал, после какого приготовления, (апостол) высказал эту великую просьбу. Назвав (Онисима) сыном своим, участником благовествования, утробой, сказав: ты приобретаешь в нем брата, прими его, как брата, – он потом прибавляет: *якоже мене.* Павел не постыдился сказать это. Если он не стыдился называться рабом верных, но даже сам признавал себя таким, то тем более он не мог чуждаться этого. А смысл слов его следующий: если ты мыслишь одинаково со мной, если ты стремишься к одинаковой цели, если считаешь (меня) другом, то *приими сего, якоже*

мене. Аще же в чесом обиде тебе. Смотри, как и когда упомянул он о проступке: на конце, после того как многое сказал о нем. Так как потеря имущества обыкновенно раздражает людей больше всего, то, чтобы (Филимон) не стал жаловаться на это, – а оно, вероятно, было у него похищено, – (апостол) упоминает теперь об этом и говорит: *аще же в чесом обиде тебе.* Не сказал: если украл что-нибудь, – а как? *Аще в чесом обиде.* Здесь он и признал проступок, и вместе представил его проступком не раба, но как бы друга в отношении к другу, выразив его названием, означающим более несправедливость, нежели воровство. *Мне сие,* говорит, *вмени,* то есть считай этот долг за мной; я заплачу. Далее, с душевным радушием (говорит): *аз Павел написах рукою моею,* – и радушно, и вместе обличительно, если бы тот отказался принять его, тогда как Павел не отказался даже написать о нем письмо. Этим весьма сильно и его тронул, и вместе избавил Онисима от опасения. *Моею рукою,* говорит, *аз написах.* Нет ничего пламеннее, ничего ревностнее, ничего деятельнее этой души. Об одном человеке, смотри, как он заботится. *Да не реку тебе, яко и сам себе ми еси должен.* Чтобы не показалось обидным для того, у кого просят, если бы (Павел) не решился просить за вора и не надеялся получить просимое, – он предусматривает и это: *да не реку тебе,* говорит, *яко и сам себе ми еси должен,* то есть должен не только своей собственностью, но и самим собой. И это (сказал он) по любви, по дружбе и великому дерзновению. Смотри, как он везде заботится о том и другом, – и о том, чтобы просить с полной уверенностью, и о том, чтобы не показаться слишком дерзновенным. *Ей, брате* (ст. 20). Что значит: *ей, брате?* То есть прими его. Это нужно подразумевать здесь. Оставив задушевность, он опять обращается к прежнему, к делу, хотя и предыдущее также относилось к делу, – у святых бывает деловитым и то, чем они выражают свои душевные чувствования. *Ей, брате, аз да пользуйся тобою о Господе. Упокой мою утробу о* Христе, то есть окажи милость Господу, а не мне. *Утробу,* то есть (любовь мою) к тебе. *Надеявся на послушание твое написах тебе* (ст. 21). Какой камень не смягчился бы от этих (слов)? Какой зверь не

укротился бы от них и не оказал бы готовности к точному принятию (прошения)? Приписав ему такие добродетели, (апостол) не перестает еще оправдывать себя; и оправдывается не просто, не повелевая и не требуя со властью, но: *надеявся,* говорит, *на послушание твое написах тебе.* Как в начале послания он сказал: *дерзновение имея* (ст. 8), так и здесь говорит то же, запечатлевая послание. *Ведый, яко и паче, еже глаголю, сотвориши.* Этими словами он сильно побуждает (Филимона), потому что хотя бы он и не сделал ничего другого, но по крайней мере устыдился бы не сделать просимого, заслужив (перед Павлом) такое о себе мнение, что он может сделать и более, нежели сказано. *Купно же уготови ми обитель: уповаю бо, яко молитвами вашими дарован буду вам* (ст. 22). И это сказано с великой надеждой, или, лучше, и это в пользу Онисима, чтобы те не были беспечными, но зная, что (Павел) придет и узнает все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорее оказали ему милость. Великое ведь было благоговение и почтение к Павлу присутствующему, Павлу старцу, Павлу, претерпевшему узы. С другой стороны, эти слова свидетельствуют о любви их к нему, если он говорит, что они молятся за него, и сам предоставляет им такую честь, чтобы молиться за него: хотя, говорит, я теперь и в опасности, но вы увидите меня, если станете молиться. *Целует тя Епафрас, спленник мой о Христе Иисусе* (ст. 23). Он был прислан колоссянами (Кол. I, 7; IV, 12), так что отсюда видно, что Филимон жил в Колоссах. Павел называет его *спленником,* выражая, что и он был в великой скорби. Таким образом, если не для самого (апостола), то для этого мужа (просьба) должна быть услышала, — тот, кто находится в скорби и, оставив свои дела, заботится о других, должен быть услышан. С другой стороны, (апостол) здесь укоряет (Филимона) на случай, если бы он не оказал милости собственному своему рабу, тогда как согражданин его сделался спленником (Павла) и вместе с ним терпит страдания. И еще прибавляет: *спленник мой о Христе Иисусе,* то есть за Христа. *Марко, Аристарх, Димас, Лука, споспешницы мои* (ст. 24). Почему Луку он ставит последним, между тем как в другом месте гово-

рит: *Лука един есть со мною,* а Димас, говорит, был один из тех, которые оставили его и возлюбили нынешний век (2 Тим. IV, 10)? Об этом, правда, уже сказано было в другом месте, но и здесь не следует ни оставлять без исследования, ни слушать просто и без разбора. Почему же он говорит, что приветствует их оставивший его? *Ераст же,* как говорит он, *оста в Коринфе* (2 Тим. IV, 20). Епафраса приводит он, как известного им и происходившего оттуда, — Марка, как дивного мужа; а почему он причисляет к ним Димаса? Может быть, этот пал духом уже впоследствии, когда увидел многие опасности. А Лука, бывший последним, сделался первым. (Апостол) приветствует (Филимона) и от лица их, чтобы скорее склонить его к послушанию, и называет их споспешниками своими, чтобы таким образом сильнее убедить его к исполнению просьбы. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим. Аминь* (ст. 25).

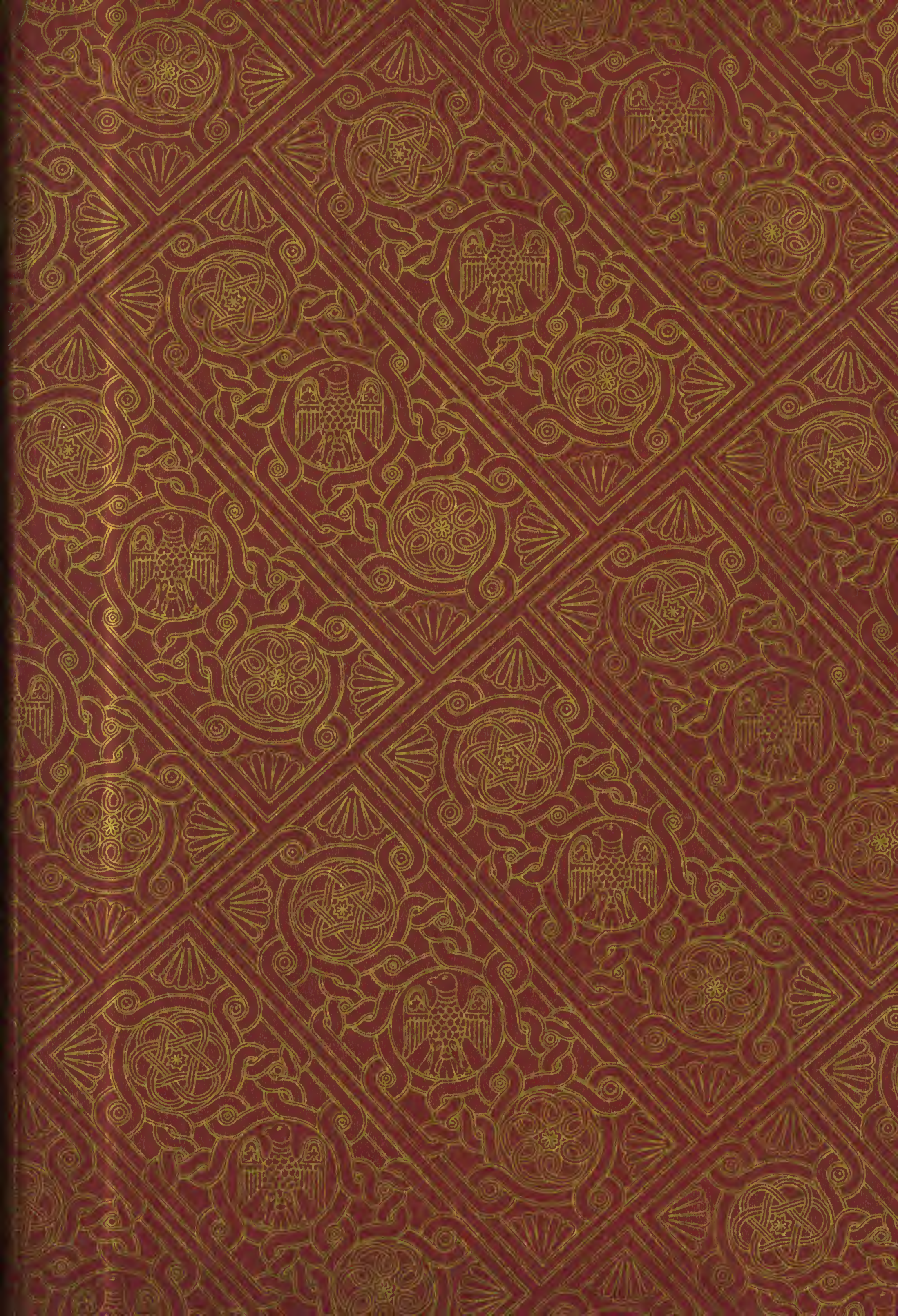
2. Он заключил послание молитвой. Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших; но она бывает великим благом тогда, когда мы совершаем достойное ее и когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, — ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай то, что достойно милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь поступать достойно благословения, благословит, если ты будешь милостив к ближнему, — потому что чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближним; а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить то же от Бога? *Блажени,* говорит Он, *милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. V, 7). Ведь если и люди милуют таких, то тем более — Бог, а немилосердых не помилует: *суд бо без милости не сотворшему милости* (Иак. II, 13). Милосердие есть доброе дело: почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение в грехах: почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая царства небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости, что сами не милуем. Как же, скажешь, и это разве не дело милосердия, чтобы мило-

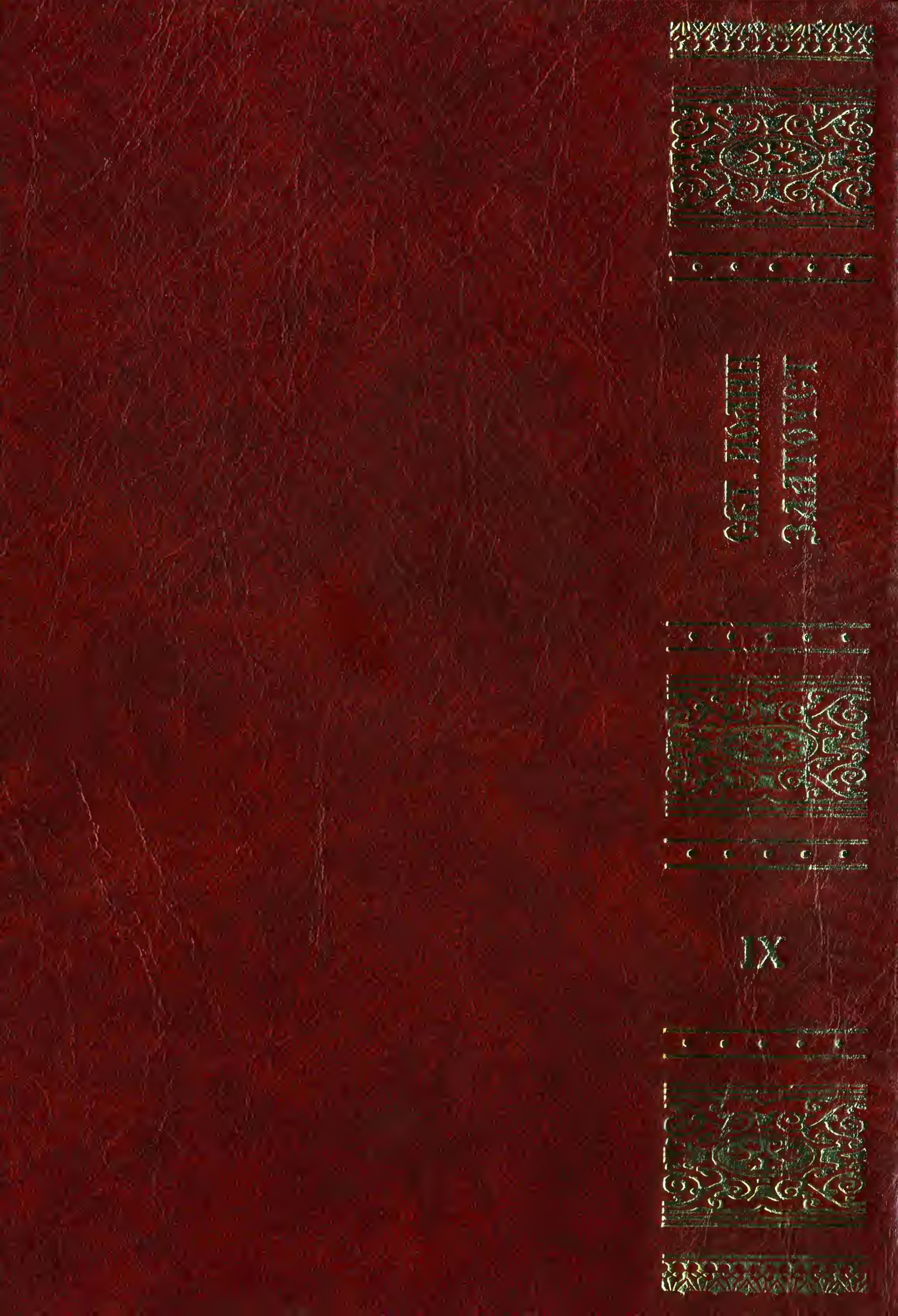
вать немилующих? Но будет ли милосердым тот, кто стал бы миловать человека жестокого, свирепого и причиняющего бесчисленное множество зол ближнему? Как же, скажешь, купель (крещения) разве не спасла нас, соделавших бесчисленное множество зол? Но она избавила нас от них не для того, чтобы мы снова делали их, а для того, чтобы не делали. *Иже бо умрохом греху*, говорит (апостол), *како еще жити будем в нем? Что убо, согрешим ли, зане несмы под законом? Да не будет* (Рим. VI, 2, 15). Для того она и избавила тебя от них, чтобы ты уже не возвращался к такому бесчестью. Так и врачи больных горячкой исцеляют от болезни не для того, чтобы они, злоупотребляя здоровьем, вновь заболевали и получали расстройство, – лучше ведь оставаться больным, нежели искать исцеление для того, чтобы опять повергнуть себя на одр болезни, – но для того, чтобы они, узнав страдания болезни, не впадали в то же самое, тщательнее берегли свое здоровье и делали все, служащее к его сохранению. Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что (Бог) человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно. Я вспомнил одно обещание (данное вам некогда), – займемся теперь этим предметом. Прежде я беседовал с вами о геенне и отложил речь о человеколюбии Божием; сегодня хорошо – исполнить это обещание. То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних (грешников). Если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления. Итак, предложен был вопрос: как же (Бог) благ, как человеколюбив, если Он наказывает? Мы отложили речь об этом, чтобы не обременить вашего внимания множеством (предметов). Вот, теперь отдадим этот долг и покажем, как Бог и наказывая остается благим. Эти слова могут быть у нас направлены и против еретиков, – потому слушайте внимательно. Бог создал нас, не имея в нас никакой нужды. А что Он не

имел в нас никакой нужды, видно из того, что Он создал нас впоследствии (не от вечности). Если бы Он имел в нас нужду, то создал бы прежде. Если же Он существовал и без нас, а мы произошли в последующее время, то Он сотворил нас, не имея в нас нужды. Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благости? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он *сияет солнце на злыя и благия, дождит на праведный и неправедный* (Мф. V, 45). Ужели это не дело благости? Нет, скажешь. Так некогда спросил я одного маркионита: ужели это не дело благости? Он отвечал мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благости; а так как Он требует отчета, то – не дело благости. Его уже нет теперь, но мы повторим сказанное тогда, и даже скажем больше того. Я решительно доказываю, что, если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ; а так как Он требует отчета, то – благ. В самом деле, скажи мне, если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеет над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, взяли перевес над львами и волками, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и неурядиц? Кто стал бы наконец уважать отца? Кто не оскорблял бы матери? Кто не был бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам? А что это так, я постараюсь убедить тебя, представив в пример один только дом. Каким образом? Вот каким: если бы у кого-нибудь из вас, спрашивающих об этом, были рабы и я объявил бы им, что, сколько бы они ни противились власти господ, хотя бы наносили им оскорбления действием, хотя бы расхитили все их имущество, хотя бы все поставили вверх дном, и обращались с ними, как враги, (господа) не будут угрожать им, не будут наказы-

вать, не будут мучить и даже не огорчат их неприятным словом, — то как вы думаете, было ли бы это делом благости? Я, напротив, полагаю, что было бы делом крайней жестокости — предавать на поругание не только жену и детей таким неуместным снисхождением, но еще прежде того допускать до погибели самих виновных. Они ведь сделаются и пьяницами, и развратниками, и бесстыдными, и наглыми, и бессмысленнейшими всех зверей. Это ли, скажи мне, дело благости, чтобы попирать благородство души и губить их и друг друга? Видишь ли, что само требование отчета есть дело великой благости? Но что я говорю о слугах, которые слишком склонны к этим порокам? Если бы кто, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то, скажи мне, кого они не сделались бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благости, а безнаказанность — жестокости, то ужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он — благ. Хотите ли, я покажу вам благость Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, (страх наказания) не позволяет и добрым сделаться злыми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделались бы злыми; а теперь добрые и в этом находят немалое утешение. Послушай, что говорит пророк: *возвеселится праведник, егда увидит отмщение* нечестивого, *руце свои умыет в крови грешника* (Пс. LVII, 11); не радуясь этому, нет, но страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о большей чистоте своей жизни. Таким образом это (требование отчета) есть дело великого попечения. Так, скажешь; но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было только угрозой? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одной угрозой, то не раскаялись бы; но так как они раскаялись, то угроза и осталась только на словах. Хочешь ли и ты, чтобы (назначенные грешникам наказания) были только угрозой? Это зависит от тебя самого; исправься, и они останутся только

угрозой. Если же ты станешь презирать угрозу, – чего да не будет! – то испытаешь ее на деле. Жившие перед потопом, если бы побоялись угрозы, то не испытали бы ее на самом деле. Так и мы, если станем бояться угрозы, то не испытаем ее на деле. Да не будет этого с нами, но да подаст человеколюбивый Бог всем нам вразумиться этим и достигнуть неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.




СВТ. ЈОВАН
ЗЛАТОУСТ
IX